

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ
ПОЛЬШИ

В ТРЕХ
ТОМАХ

ТОМ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИСТОРИЯ
ПОЛЬШИ

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

В ТРЕХ
ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1954

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

Т О М

І

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. Д. КОРОЛЮКА
И. С. МИЛЛЕРА
П. Н. ТРЕТЬЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1954

9
N 90

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР

48706

ОТ РЕДАКЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру пролетарских революций, эру социализма. Новым сокрушительным ударом по мировой капиталистической системе, охваченной общим кризисом, явилась всемирно-историческая победа Советского Союза над германскими и японскими империалистами во второй мировой войне, в результате чего народы Европы и Азии были избавлены от угрозы фашистского порабощения. Прямым следствием этой победы явилось отпадение от капиталистической системы Китая и народно-демократических стран Европы, образовавших вместе с Советским Союзом мощный лагерь мира, демократии и социализма, противостоящий лагерю войны, реакции, лагерю империализма. Неотъемлемой частью социалистического лагеря является Польская Народная Республика.

Польский народ за свою многовековую историю прошел путь тяжелых испытаний, путь упорной борьбы против гнета иноземных поработителей, против гнета польских эксплуататорских классов — шляхты и буржуазии. Эта борьба ознаменовалась выдающимися примерами революционного мужества и пламенного патриотизма, в ходе ее формировались лучшие прогрессивные демократические традиции, которыми по праву гордится польский народ. На пути польского народа к национальному и социальному освобождению стоял царизм, стояли силы международного империализма, стояла и польская буржуазия, выбросившая за борт знамя борьбы за национальную независимость и суверенитет, доведшая страну до катастрофы своей антинародной и антинациональной политикой, отдавшая Польшу во власть гитлеровского фашизма и создавшая смертельную угрозу самому существованию польской нации.

Победа Советского Союза над фашистской Германией спасла польский народ от уничтожения, обеспечила ему возможность навсегда освободиться от национального и социального гнета, стать свободным строителем своей счастливой жизни.

Всего десять лет прошло со времени освобождения Польши Советской Армией, с того времени, когда в стране, покрытой руинами и пепелищами, началась созидательная работа свободного польского народа, руководимого рабочим классом и его славной партией. За эти немногие годы в результате осуществления революционных социально-экономических преобразований неузнаваемо изменился облик страны: нет больше и никогда не будет в Польше социального и национального гнета,

экономического упадка, голода и безработицы. Никогда больше не будет Польша игрушкой в руках империалистов.

Подводя итоги великим социально-экономическим преобразованиям и достижениям польского народа, Болеслав Берут говорил с трибуны XIX съезда КПСС: «Благодаря победе Советской Армии-освободительницы к Польше вернулись ее исконные земли на Ниссе, Одере и Балтийском побережье. Отрешившись от позорящего угнетения братских народов — украинского, белорусского, литовского, Народная Польша стала однородным национальным государством. Народная власть ликвидировала помещичью и капиталистическую собственность путем земельной реформы и национализации промышленности. В течение восьми лет Польша из экономически слабой и безжалостно эксплуатируемой иностранными капиталистами страны превратилась в страну бурной индустриализации и быстро растущей экономической мощи. Национализированная промышленность Польши дает сегодня продукции в три раза больше, чем до войны. На базе экономических и технических преобразований в стране происходит глубокая культурная революция. Польский народ быстрыми темпами превращается в новую, социалистическую нацию. Решающую роль в этих исторических преобразованиях, которые пробуждают сегодня к жизни мощные силы и творческие таланты польских народных масс, играют братская помощь, дружба и пример советских народов»¹. Выдающиеся достижения польского народа в его развитии на пути строительства социализма нашли законодательное закрепление в принятой 22 июля 1952 г. после всенародного обсуждения Конституции Польской Народной Республики. Собравшийся в марте 1954 г. II съезд Польской объединенной рабочей партии подытожил напряженную работу польского народа в области экономического и культурного строительства за последние годы и наметил перспективы дальнейшего движения Народной Польши на пути к социализму.

Все более крепнет и ширится дружба советского и польского народов. Приветствуя II съезд Польской объединенной рабочей партии от имени Коммунистической партии Советского Союза, от имени всего советского народа, Н. С. Хрущев выразил то чувство искренней радости, с которым встречают народы Советского Союза каждый успех свободного народа дружественной нам Польши на славном пути строительства новой, социалистической жизни.

Дружба советского и польского народов имеет глубокие исторические корни. Сотни лет народы нашей страны живут бок о бок с польским народом, поддерживая с ним многообразные экономические и культурные связи. Русский, украинский и белорусский народы тесно связаны с польским народом общностью славянского происхождения, близостью языка и культуры. Эти связи играли большую роль в истории народов СССР и в истории польского народа.

История связей народов нашей Родины с польским народом — это прежде всего история совместной антифеодальной борьбы, история последовательной защиты передовыми демократическими силами народов нашей страны интересов угнетенного польского народа, история русско-польского революционно-демократического союза в середине XIX столетия, история совместной революционной борьбы пролетариата России и Польши против царизма и капитализма, история освобождения великим Советским государством польского народа от национального и

¹ «Правда», 8 октября 1952 г.

социального гнета. Знакомство с историей Польши внушает нам чувство патриотической гордости, оно служит делу укрепления союза и дружбы между нашей великой Родиной и ее западным соседом — Польской Народной Республикой.

* * *

Стремясь удовлетворить настоятельные запросы широких кругов советской общественности, Институт славяноведения Академии Наук СССР подготовил научно-популярное издание «История Польши».

До сих пор у нас еще не было ни одного удовлетворительного обзора истории Польши. Работы советских историков в этой области в подавляющем большинстве посвящены отдельным проблемам и по характеру исследования доступны лишь читателям-специалистам.

Что касается старых работ, посвященных истории Польши в целом или отдельным ее периодам, то они страдают серьезными недостатками. Дворянско-буржуазная историография замалчивала и искажала историю народа, историю трудящихся масс, историю производителей материальных благ, извращала всю историю общественного развития. Изложение истории Польши дворянско-буржуазной историографией, как польской, так и русской, украинской и т. п., а также немецкими и англо-американскими прислужниками империализма насквозь пронизано националистическими искажениями, грубейшими фальсификациями, особенно в области истории русско-польских отношений.

Долг историков народно-демократической Польши и советских историков — противопоставить всем этим фальсификациям правдивую историю польского народа. Эта задача успешно разрешается и советскими и польскими историками. Из года в год возрастает число трудов, посвященных различным проблемам истории Польши. На их базе имеется возможность дать широким кругам наших читателей общий обзор истории Польши, основанный на принципах марксистско-ленинской методологии и учитывающий последние результаты исследовательской работы в области истории польского народа. Эту задачу и поставил перед собой авторский коллектив «Истории Польши».

В трудах классиков марксизма-ленинизма, уделявших большое внимание вопросам истории Польши и подвергавших их глубокому анализу, содержатся, наряду с общими методологическими положениями и характеристиками этапов всемирно-исторического процесса, ценные указания, непосредственно относящиеся к истории Польши. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина дают нам ответ на многие важнейшие вопросы истории Польши, указывают путь исследования и трактовки обширного фактического исторического материала.

Важные высказывания по вопросам истории Польши мы находим в произведениях великих русских революционных демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Большую ценность, особенно для истории своего времени, представляют труды представителей польской прогрессивной общественной мысли и среди них произведения историка И. Лелевеля, получившие высокую оценку Маркса и Энгельса.

При подготовке «Истории Польши» авторский коллектив использовал, с учетом критических указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина, работы выдающихся представителей начального этапа польской марксистской мысли (Л. Варыньского, Р. Люксембург, Ю. Мархлевского и др.).

Много ценного для понимания всего польского исторического процесса, не говоря уже о новейшей истории Польши, дают нам документы и материалы Польской объединенной рабочей партии и ее исторических

предшественниц — Коммунистической партии Польши и Польской рабочей партии, труды испытанных руководителей польского рабочего класса — Ф. Дзержинского и Б. Берута.

В своей работе советские историки опираются прежде всего на достижения марксистско-ленинской мысли и революционно-демократических предшественников марксизма. Вместе с тем нашей науке чуждо нигилистическое отношение к буржуазному научному наследству. Мы считаем возможным и необходимым использовать, при надлежащем критическом анализе, фактический материал, накопленный буржуазной наукой и собранный, в частности, в трудах таких буржуазных польских историков, как Вл. Смоленский, Т. Корзон, В. Кентшинский и др., которые, оставаясь на позициях буржуазной методологии, отрицательно относились к практике буржуазно-националистических фальсификаций и стремились по своему честно служить науке.

«История Польши» является результатом трудов значительного круга историков. В работе над книгой, в обсуждении ее важнейших проблем, рецензировании и т. п. авторскому коллективу оказал помощь ряд научных учреждений (Институт истории Академии Наук СССР, институты истории Академий наук Украинской и Литовской ССР и др.) и большое число историков, специалистов как по вопросам истории Польши, так и по затрагиваемым в книге смежным вопросам истории народов СССР и всемирной истории. Эта помощь оказывалась авторскому коллективу при разработке проспекта книги и при обсуждении глав и частей книги на различных стадиях авторской работы и редактирования. Институт славяноведения выражает благодарность всем учреждениям и лицам, содействовавшим работе авторского коллектива «Истории Польши».

Особо мы считаем нужным отметить ценную помощь, оказанную коллективу со стороны польских историков, принявших активное участие в организованном Институтом совещании, посвященном основным проблемам истории Польши, а также обсудивших в Институте общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии проспект «Истории Польши». Институт славяноведения высоко ценит деловые дружеские научные связи, установившиеся с польскими историками, и выражает польским товарищам искреннюю благодарность за содействие в работе.

Работая над «Историей Польши», авторский коллектив руководствовался тем, что «историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, ... должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹. Воссоздать историю польского трудового народа, историю крепостного крестьянства, пролетариата, историю их борьбы против помещиков и капиталистов представляло собой цель работы авторского коллектива. Авторский коллектив стремился широко осветить развитие прогрессивных общественных идей в польском обществе, отразить прогрессивные традиции революционной борьбы польского народа.

Большое значение придавал авторский коллектив исследованию вопросов русско-польских отношений, стремясь восстановить историческую истину и показать замалчивавшиеся и искажавшиеся буржуазными националистами длительные и прочные традиции дружбы между нашими народами, показать факты совместной революционной борьбы русского и польского народов. Вместе с тем авторский коллектив учитывал, что отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчужденности, недру-

¹ И. Ст а л и н. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. Госполитиздат, 1952, стр. 591.

желюбия и нередко открытых военных конфликтов»¹. «История Польши» не затушевывает этих явлений. В книге показывается, с л е д с т в и е м как их причин были эти явления, какие общественные классы были виновны в возникновении подобных отношений и к чему вело для наших братских народов появление взаимной отчужденности, недружелюбия и военных конфликтов. Анализ этих явлений вскрывает антинародный и антинациональный характер политики господствовавших эксплуататорских классов и в то же время глубокую общность интересов трудового народа России и Польши.

Недостаток материала и отсутствие предварительных исследований по многим важным вопросам несомненно сказались на настоящем издании, в чем редакционная коллегия в полной мере отдает себе отчет. Из числа наиболее важных вопросов, освещение которых страдает неполнотой, следует отметить (говоря о I томе этого издания) историю польского крепостного крестьянства и его борьбы против феодального гнета, историю польских западных земель. Эти вопросы, особенно затемнявшиеся и искажавшиеся дворянско-буржуазной историографией, пока еще, несмотря на интенсивную работу в этой области польской и советской исторической науки, не получили достаточно полного и всеобъемлющего освещения. Трудности, связанные с задачей широкого показа в книге истории польской культуры, являются результатом недостаточной разработанности этого вопроса. Поэтому редакция оказалась вынужденной ограничиться в настоящем издании изложением лишь минимума сведений по истории польской культуры.

* * *

Структура настоящего издания определяется в первую очередь периодизацией истории польского народа. Принятая авторским коллективом схема периодизации истории Польши, как по своим принципам, так и в решении важнейших конкретно-исторических вопросов, нашла поддержку в дискуссии на состоявшейся в декабре 1951—январе 1952 г. первой методологической конференции польских историков.

Польский народ в своем историческом развитии прошел через три общественно-экономические формации: первобытно-общинный строй, феодализм и капитализм. С установлением в Польше строя народной демократии началась новая историческая эпоха в истории Польши, эпоха строительства социализма.

В рамках эпохи феодализма в истории Польши следует выделить несколько крупных исторических периодов. Первый из них — период складывания феодальных отношений, возникновения раннефеодального польского государства и формирования древнепольской народности — начинается на рубеже VI и VII вв. и завершается к 40-м годам XI в.

На смену ему приходит период развитого феодализма. В течение этого периода идет дальнейшее развитие производительных сил и феодальной экономики. Период этот характеризуется сначала феодальной раздробленностью, затем протекающим в своеобразных условиях и незавершенным процессом политической централизации и, наконец, началом превращения Польши в многонациональное государство.

Во второй половине XV в. (в качестве важнейшей исторической вехи между периодами принят 1466 год) феодальные отношения в Польше

¹ И. С т а л и н. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1951, стр. 182.

приобретают типичные для большинства стран Восточной Европы барщинно-крепостнические формы, в течение трех последующих веков полностью определявшие социально-экономический строй Польши. Особенностью польского исторического процесса является сочетание застоя барщинного хозяйства с замедленным развитием и временным упадком городского производства. Это находит отражение в развитии политической, идеологической, культурной надстройки и наряду с глубокими противоречиями, раздиравшими польское многонациональное государство, определило внутренние причины политического падения польского феодального государства.

В середине XVIII в. в Польше начинается процесс разложения феодально-крепостнических отношений и формирования капиталистического уклада, определивший начало нового периода в ее истории. Происходит зарождение прогрессивной для того времени буржуазной идеологии, быстрыми темпами идет формирование польской буржуазной нации. Эти процессы, начавшиеся еще в условиях существования самостоятельного польского государства, продолжались в измененных и усложненных условиях и после разделов Польши, происшедших в конце XVIII в.

Разделы Польши, существеннейшим образом изменившие условия жизни и развития польского народа, составляют в его истории важный рубеж периодизации, открывают исторический период, определяющей чертой которого, наряду с продолжающимся кризисом феодального способа производства и вызреванием в недрах феодализма капиталистических отношений, является национально-освободительное движение польского народа.

В 40—60-х годах XIX в. антифеодальная борьба польского крепостного крестьянства и национально-освободительное движение достигают наивысшего подъема. Польша переживает период буржуазной революции. Но эта революция оказалась незавершенной, она не осуществила ни полной ломки феодальных институтов, ни восстановления национальной независимости. Капитализм развивался в сельском хозяйстве Польши по «прусскому пути», т. е. с сохранением многочисленных феодальных пережитков. В условиях политического расчленения вступление различных польских земель в эпоху капитализма происходило в 40—60-е годы XIX в. неравномерно; определяющим рубежом периодизации является 1864 год — время смены феодального способа производства капиталистическим во входившей в состав Российской империи центральной части Польши, в силу того ведущего значения, которое приобрела эта часть Польши среди всех польских земель.

В пределах периода домонополистического капитализма в Польше есть основание выделить два этапа. Первый из них характеризуется завершением промышленного переворота и процесса формирования класса промышленного пролетариата, окончательным формированием польской буржуазной нации и первыми шагами рабочего движения в Польше. Второй этап — процесс перерастания «свободного» капитализма в империализм, быстрого развития рабочего движения в Польше и соединения его с революционной марксистской идеологией. Рубеж между этими этапами относится к 80-м годам XIX в., крупнейшей вехой при этом является создание первой польской революционной рабочей партии — «Пролетариат» (1882). Для всего этого периода исторического развития Польши первостепенное значение имеет факт перемещения центра международного революционного движения в Россию и установление боевых связей между русским и польским пролетариатом.

Период истории Польши от перехода капитализма в его империалистическую стадию развития (900-е годы) до Великой Октябрьской социалистической революции ознаменован мощным подъемом классовой борьбы пролетариата. Революция 1905—1907 гг., в которой польский рабочий класс боролся плечом к плечу с рабочим классом России против царизма и буржуазно-помещичьего гнета, составляет важнейший внутренний рубеж этого исторического периода.

Коренным историческим поворотом в судьбах польского народа явилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Она ликвидировала вековое национальное угнетение польского народа.

Польская буржуазия, опираясь на открытую и всестороннюю поддержку международного империализма, используя свою агентуру в рядах рабочего класса, сумела захватить власть в стране. Установился двадцатилетний период кровавого господства польской буржуазии и иностранного империализма. Польская независимость была ограниченной. Буржуазно-помещичья Польша являлась тюрьмой народов. Она выполняла роль орудия международной империалистической реакции. Буржуазно-помещичья Польша, отсталая и нищая, была превращена ее бывшими правителями в антисоветский плацдарм.

Антинациональная политика бывших правителей Польши встречала решительный отпор со стороны польских рабочих и крестьян. Ни зверства «санации», ни предательская политика буржуазных агентур не смогли помешать революционной борьбе польских рабочих и крестьян, их стремлениям к союзу и дружбе с советским народом. Период между двумя мировыми войнами в Польше заполнен крупнейшими революционными битвами.

В 1939 г. Польша, истерзанная и преданная своими правителями, при прямом поощрении английских, французских и американских империалистов была поработана германскими фашистами. В мрачные годы немецко-фашистской оккупации польский народ, руководимый рабочим классом и его боевым авангардом — Польской рабочей партией, поднялся на героическую борьбу за свое национальное и социальное освобождение. В этой священной борьбе он опирался на помощь великого Советского Союза.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, построение социализма в нашей стране и всемирно-историческая победа Советского Союза во второй мировой войне коренным образом изменили соотношение сил на международной арене, создали новые условия, облегчавшие новые прорывы в цепи империализма. Советская Армия плечом к плечу с Польским Войском освободила польский народ и обеспечила ему победу над немецким фашизмом в народно-демократической революции.

Народно-демократическая революция в Польше положила начало новой общественной формации — социализму. Польский народ, опираясь на бескорыстную братскую помощь Советского Союза, прочно встал на путь мощного развития своих производительных сил, своей, национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

Братская дружба польского народа с народами великого Советского Союза стала краеугольным камнем свободы, независимости и процветания Польской Народной Республики.

Первый том «Истории Польши» освещает историю первобытно-общинного строя и историю феодализма за исключением его последнего, заключительного периода (1846—1864), открывающего второй том. Такое построение подчеркивает историческую значимость этого периода

и способствует выявлению в нем черт нового, этапов смены феодального способа производства капиталистическим. Это, однако, ни в коей мере не колеблет значения завершающей даты этого периода — 1864 г., как основного рубежа, отделяющего в истории Польши эпоху феодализма от эпохи капитализма.

Изложение материала во втором томе доходит до кануна Великой Октябрьской социалистической революции.

Характеристикой исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции для польского народа открывается третий том «Истории Польши», доводящий изложение событий польской истории до наших дней.

В написании I тома «Истории Польши» принимали участие: Ю. В. Бромлей, И. Ф. Бэлза, Г. Ю. Гербильский, И. Б. Греков, О. Е. Иванова, В. Д. Королук, И. С. Миллер, Н. П. Митина, И. С. Нарский, Д. Л. Похилевич, Л. В. Разумовская, С. С. Советов, Л. И. Тананаева, П. Н. Третьяков, Е. З. Цыбенко, У. А. Шустер.

Научно-вспомогательная работа по тому и подбор иллюстраций осуществлялись Н. П. Митиной и О. П. Морозовой.

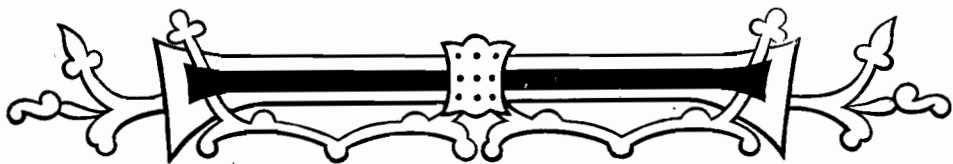
ЧАСТЬ

I

ПЕРВОБЫТНО-
ОБЩИННЫЙ СТРОЙ
НА ТЕРРИТОРИИ
ПОЛЬШИ

Глава первая

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ

1

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

В начале четвертичного периода Европейский континент пережил эпоху великого оледенения. Из области современной Финляндии и Скандинавского полуострова на Европу надвинулись огромные массы льда.

В течение ледниковой эпохи, длившейся многие сотни тысячелетий, климатические условия не были постоянными. Временами наступало потепление, тогда ледники таяли и отступали на север. Новое похолодание снова приводило к росту и наступанию льдов. Для территории Польши установлено четыре периода наступания льдов и соответственно три более теплых периода. Самым крупным было второе, так называемое Краковское оледенение, когда подо льдом оказалась почти вся страна. Самым слабым было четвертое, Балтийское оледенение, когда льды едва затрагивали наиболее северные области Польши.

В зависимости от наступания и отступления ледников изменялся облик страны. С наступанием льда гибли и отходили к югу фауна и флора, не приспособленные к суровым климатическим условиям. При отступании ледника тундра передвигалась на север, и на ее месте появились степи и леса. Мамонт и шерстистый носорог, полярная лисица, россомаха и другие животные холодной тундры уступали место представителям степной (дикая лошадь, антилопа и многочисленные виды грызунов) или лесной фауны (олень, лось, тур, кабан и др.). На границе между лесом и степью паслись стада гигантских оленей и зубров.

Первыми людьми, появившимися на территории Польши в ледниковый период, были так называемые неандертальцы, по своим физическим признакам еще значительно отличавшиеся от современного человека. Следы их жизни обнаружены в южной Польше в отложениях третьего ледникового периода. Главным занятием неандертальцев, вооруженных примитивными каменными орудиями и знакомых с огнем, было собирательство и охота. Неандертальцы жили в условиях самой примитивной общественной организации, которую иногда называют первобытным стадом. Они развивались чрезвычайно медленно. Самые, казалось бы, незначительные нововведения в обработке каменных орудий, в способах охоты и т. д. требовали усилий сотен поколений. Тем не менее к концу ледниковой эпохи в жизни людей древнего каменного века (палеолита) произошли значительные изменения, обусловленные в первую очередь развитием первобытного производства. К этому времени значительного развития достигла обработка камня. Люди изготавливали из камня разнообразные орудия — ножи, наконечники копий, скребки и др. Широкое

распространение получила обработка кости и, несомненно, дерева. Все это повысило эффективность охоты. На местах стойбищ этого времени археологи находят огромные скопления костей животных — мамонтов, оленей, зубров. Видимо, уже в то время люди проводили облавные охоты. Пользуясь огнем, они загоняли стада животных в овраги и ямы, в болота или на крутые отроги речных берегов. Развитие охотничьего промысла привело к появлению оседлости — люди вели уже не бродячий образ жизни, как это было раньше, а подолгу жили на одном месте, меняя свои стойбища лишь в соответствии с сезонными потребностями охотничьего промысла. В западных районах территории СССР, недалеко от границ Польши, и на территории Чехословакии археологами открыты остатки палеолитических жилищ — огромных землянок с несколькими очагами. По всей вероятности, такого рода жилища существовали и в пределах Польши.

В конце ледниковой эпохи значительные изменения происходили и в формах общественного уклада. Несомненно, что люди, охотившиеся сообща и жившие в обширных жилищах, имели прочную первобытно-общинную организацию. Такой организацией стал родовой строй, сменивший первичное общественное устройство — человеческое стадо. Прямым свидетельством возникновения родового строя, когда первобытные общины объединяли родственников по женской линии (матриархат), являются вырезанные из кости или бивней мамонта женские статуэтки — изображения матери-родоначальницы, в большом числе найденные при раскопках позднеледниковых стойбищ на территории СССР и Западной Европы.

В конце ледникового периода изменился также и физический облик человека. На смену неандертальцу появился так называемый кроманьонский человек, мало отличавшийся в основных чертах от современных людей. Кроманьонцы были прямыми потомками неандертальского человека, поднявшегося на более высокую ступень физического развития в результате изменений в области производства и общественного устройства.

Около 15 тысяч лет тому назад ледниковый период закончился. Климат, растительный и животный мир Европы приобрели характер, близкий к современному. Мамонты и другие животные ледникового периода вымерли. Главным предметом охоты первобытных обитателей территории Польши стали зубры, олени, лоси, а также другие, более мелкие животные. В условиях значительно более благоприятной, чем раньше, природной среды большое значение приобрело собирательство всякого рода растительной пищи — ягод, орехов, корней. Вслед за отступившим ледником люди расселились на север и вышли на берега древнего Балтийского моря, очертания которого в период таяния ледника лишь отдаленно напоминали современные.

В области производства основным достижением этой эпохи было изобретение лука и стрел — орудий, значительно повысивших возможности охотничьего промысла. Изобретение лука являлось одной из важнейших предпосылок перехода от охотничьего образа жизни к первобытному скотоводству. Наряду с луком и стрелами в послеледниковое время появились и другие орудия. Широкое распространение приобрели костяные орудия с искусно вставленными лезвиями из тонких кремневых пластин. Несколько позднее, в результате жизни в лесах, появились крупные деревообделочные орудия — каменные топоры и тесла. Важную роль в хозяйстве стала играть рыбная ловля; был изобретен челн.

Описываемый период первобытной истории носит в археологии наименование среднего каменного века (мезолита). Он продолжался примерно с XV—XII до VI—V тысячелетия до н. э.

Показателем значительного прогресса в области материальной культуры в эпоху мезолита могут служить не только новые формы каменных

орудий, но и новые способы добычи камня. В отличие от своего предшественника, мезолитический человек уже не ограничивался собиранием на поверхности земли каменного материала. Кремень начали добывать в специальных штольнях, обнаруженных, например, в окрестностях Ороньска (близ Радома). Изолированные одна от другой штольни глубиной до 3,2 м тянулись здесь широкой полосой на протяжении 3 км. Кремень обрабатывался тут же, в специальных мастерских, откуда он поступал в соседние районы страны в виде полуфабрикатов или законченных изделий. Это свидетельствует о возникновении примитивных форм обмена. Об этом же говорит и появление на территории Польши предметов из обсидиана — вулканического стекла, доставлявшегося из Словакии.

Археологические исследования показали, что уже в период мезолита в хозяйстве некоторых племен появляется скотоводство, а в быту — глиняная посуда — черты, получившие окончательное оформление в последующую эпоху каменного века, в неолите.

Расцвет неолита (нового каменного века) в Польше относится к III и частично II тысячелетию до н. э. Для экономической жизни человеческого общества в это время наиболее характерны значительные успехи в развитии скотоводства и появление примитивного земледелия.

Появление примитивных форм земледелия и скотоводства связывается с распространением на территории Польши племен с так называемой культурой ленточной керамики. Земледельческо-скотоводческое население культуры ленточной керамики, по мнению польских археологов, появилось в Польше около 2,5 тыс. лет до н. э., проникнув сюда через Моравские ворота со Среднего Дуная. В Польше оно быстро заняло наиболее плодородные области страны, преимущественно районы с лёссовыми почвами в Силезии, Малой Польше, Западном Поморье, Куявии и Хелминской земле. Небольшие группы пришлого населения, как полагают, быстро смешались с местным ранненеолитическим населением, которое усвоило их более высокие хозяйственные навыки. О том, что местное население не исчезло, не было физически устранено в ходе расселения пришельцев, говорят такие факты, как наличие в каменном инвентаре племен ленточной керамики орудий труда, типичных для предшествовавшего периода. Если предположение о дунайском происхождении племен ленточной керамики в дальнейшем не подтвердится и они окажутся прямыми потомками местного древнего населения, то все же южное происхождение их земледельческой культуры остается несомненным. Дело в том, что культура злаков не могла возникнуть в Средней Европе, где для нее не было исходных диких форм. Она была занесена сюда из Средиземноморья.

Население культуры ленточной керамики обрабатывало почву с помощью грубых костяных и каменных мотыг и разводило ячмень и пшеницу. При отсутствии удобрений почва должна была быстро истощаться. Но население не бродило уже с места на место. Истощенные участки оставлялись лишь на некоторое время, а затем вновь использовались под посев. Важно отметить, что районы страны, занятые первыми земледельцами, и в дальнейшем всегда оставались центрами развития на территории Польши сельскохозяйственной культуры.

Примитивным земледелием занимались преимущественно женщины, скотоводством — мужчины. Из домашних животных в это время были известны крупный рогатый скот, козы, овцы и свиньи. Значительную роль в хозяйстве продолжали играть охота и рыбная ловля.

Не менее существенными были достижения в области изготовления орудий труда. Неолит — время шлифованного и полированного камня. Научившись полировать и сверлить камень, человек мог изготавливать

48706

хорошие каменные орудия, прочно насаженные на деревянные черенки: топоры, тесла, мотыги и т. д.

Изготовление таких орудий требовало большого мастерства и производственного опыта. Оно стало сосредоточиваться в местах, богатых соответствующим сырьем, например в Силезии, в районах месторождений нефрита и серпентина, являющихся прекрасным материалом для обработки. Археологами обнаружены там значительные скопления полуфабрикатов и готовых каменных изделий, а также орудий горного промысла, служивших для добывания самого сырья. Важно отметить, что продукция силезских неолитических мастерских расходилась не только по Силезии. Она проникала и на территории Чехии, Моравии, Любушской земли, в Малую и Великую Польшу. Аналогичные наблюдения сделаны польскими археологами в южной Польше, при раскопках в окрестностях Сецехова под Завихостом. Добываемый здесь кремль расходился путем обмена среди населения, жившего вдоль Вислы и ее притоков. Мы встречаем его в Силезии и даже в Моравии. Появление таких мастерских, обслуживавших своим производством обширные районы страны, указывает на развитие в ту отдаленную эпоху примитивных форм обмена.

При исследовании поселений, относящихся к рассматриваемому времени, обнаруживаются остатки прочных жилищ нередко в виде обширных длинных полуземлянок с несколькими очагами. Как показывают раскопки в Бресте Куявском, такие жилища имели в длину от 15 до 39 м при ширине от 2,5 до 10 м. Они свидетельствуют о целостности древних форм родового устройства. Об этом же говорят культовые женские статуэтки, изготовлявшиеся, в отличие от палеолитических, преимущественно из глины. Характерной чертой культуры нового каменного века, связанной с прочной оседлостью, была глиняная посуда.

2

РАНЕСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

В эпоху неолита в связи с общим прогрессом производства, несравненно более быстрым, чем в предшествующее время, в среде населения Центральной и Восточной Европы произошло первое крупное общественное разделение труда — выделение пастушеских племен. Оно способствовало росту экономических связей между населением различных областей. Случайный обмен, который имел место в предыдущий период, постепенно приобретал характер регулярного обмена между земледельческими и пастушескими племенами.

Эти перемены в области экономики, особенно рост хозяйственного значения скотоводства, предопределили серьезные изменения в социальном устройстве общества. При пастушеском быте решающая роль в хозяйстве переходит к мужчине, в результате чего матриархальное родовое устройство уступает место отцовскому, или патриархальному, роду. О первенствующей роли мужчины в семье свидетельствует, в частности, новый погребальный ритуал, исчезновение древних культов матери-прародительницы.

Пастушеские племена, жившие на территории Средней и Восточной Европы в конце III и начале II тысячелетия до н. э., в археологической литературе получили наименование племен «шнуровой керамики», так как их глиняная посуда обычно украшалась несложными узорами из оттисков шнура. Они жили на огромной территории от Рейна на западе до поречья Волги на востоке. По мнению ряда советских и польских

археологов, в среде пастушеских племен шнуровой керамики следует искать отдаленных предков ряда европейских народов с языками индоевропейской группы: германцев, славян, балтийцев, иллирийцев. Из этих племен, в частности, развились так называемые лужицкие племена, которым, без сомнения, принадлежала решающая роль в этногенезе западной ветви славянских племен.

Лужицкие племена, занимавшие обширные пространства в бассейне Одры и Вислы, доходившие на севере до Балтийского моря, а на юге — до предгорий Карпат, сложились в течение второй половины II тысячелетия до н. э. Их непосредственными предшественниками являлись, как полагают польские ученые, так называемые предлужицкие племена на Одре и тшцинецкие племена в бассейне Вислы, потомки пастушеских племен шнуровой керамики. Культура лужицких племен представляла собой развитую культуру бронзового века.

Первым металлом, с которым познакомились древние обитатели территории Польши, была медь. Медные изделия и слитки металла проникали в Польшу путем обмена или вместе с какими-либо переселявшимися на ее территорию новыми племенами. При крайней редкости и дороговизне меди ее появление не могло привести к сколько-нибудь серьезным переменам в области производства. Да и по своим техническим качествам медные изделия еще не могли конкурировать с орудиями труда, искусно изготовленными из камня. Поэтому медь использовалась первоначально главным образом для изготовления украшений.

Положение изменилось лишь с появлением бронзы. Первыми начали применять бронзу в хозяйственных целях племена, населявшие Силезию, Великую Польшу и Поморье. Медленнее прививалось бронзовое производство в Малой Польше и совсем медленно — в Мазовии и других северо-восточных областях страны. Здесь культура еще долго сохраняла неолитический облик, хотя отдельные бронзовые изделия и проникали в местную среду. Применение в хозяйстве бронзовых орудий, например топора или серпа, должно было резко поднять производительность труда прежде всего в земледелии. Бронзовый век, на территории Польши охватывавший период примерно от 1700 до 700 года до н. э., был временем укрепления и развития земледельческого хозяйства и быта, сменившего пастушеский быт поздненеолитического времени.

Добыча металла и изготовление бронзовых орудий требовали значительно большего мастерства и сноровки, чем изготовление каменных неолитических орудий или добыча кремня. На основании археологических данных можно утверждать, что литьем бронзовых изделий занимались лишь некоторые племена, выделявшие из своей среды мастеров-профессионалов. Известны погребения таких мастеров, сопровождаемые орудиями бронзолитейного дела. Многочисленные клады однотипных бронзовых предметов, найденные на территории Польши и в соседних странах, например в землях лужицких сербов, свидетельствуют о появлении уже в этот период бродячих купцов, занимавшихся торговлей бронзой и бронзовыми изделиями. Благодаря их посредничеству население Польши поддерживало (через Моравские ворота) оживленные экономические связи с чешскими землями, бывшими в то время важным центром бронзового производства во всей Средней Европе, и с другими странами Дунайского бассейна. Усилился обмен и между отдельными польскими землями. В результате развития экономических связей культура лужицких племен на всем обширном пространстве их расселения отличалась значительным единообразием.

Лужицкие племена являлись по преимуществу земледельческими, имевшими устойчивые традиции сельскохозяйственной культуры. О высоком

уровне лужицкого земледелия свидетельствуют не только находимые археологами орудия труда, прежде всего топоры, бронзовые серпы или зернотерки, но и ассортимент растений, выращиваемых лужицкими земледельцами. Помимо ячменя и проса, им были хорошо известны пшеница, бобы, горох и чечевица. Среди костных остатков в лужицких поселениях подавляющее число находок составляют кости домашних животных, крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей.

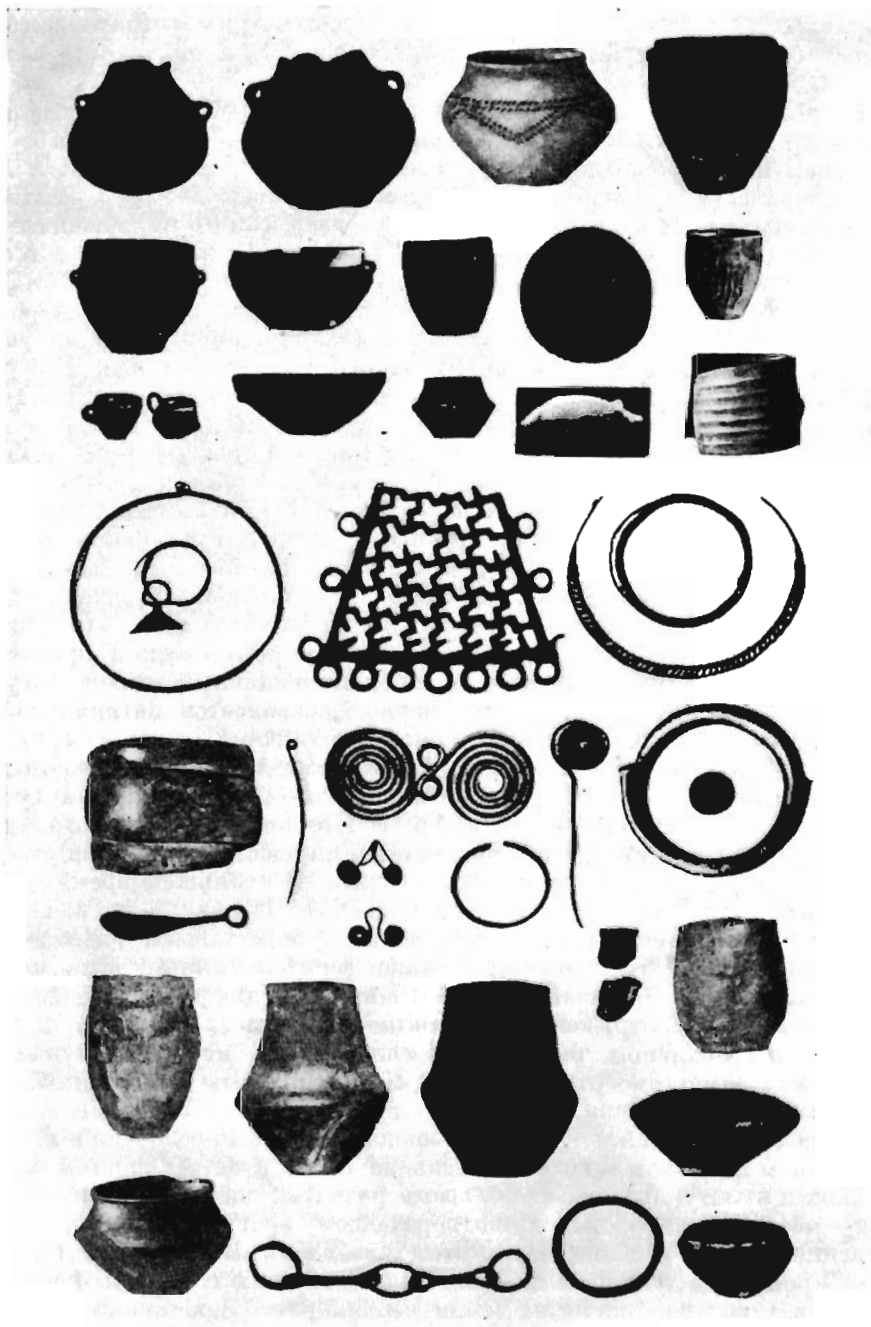
Значительных успехов достигла в лужицкое время и техника обработки почвы. Земля уже больше не разрыхлялась каменными, роговыми или деревянными мотыгами. Для этого употреблялось примитивное деревянное рало, влекомое быками. О земледельческом характере лужицкой культуры говорит, наконец, и то, что поселения лужицких племен всегда располагались в долинах с плодородными лёссовыми или черноземными почвами. При этом население подолгу оставалось на одном месте, а не бродило в поисках неистощенных земель, о чем свидетельствуют обширные лужицкие кладбища, которые содержат захоронения, принадлежащие многим поколениям.

Жилища лужицких племен представляли собой прямоугольные избы с двускатной крышей, сложенные из горизонтально расположенных бревен, укрепленных между вертикальными столбами. В середине избы находился очаг. В пол обычно вкапывался большой глиняный сосуд, предназначенный для хранения запасов. В лужицких жилищах находят разнообразную утварь: глиняную посуду, зернотерки, остатки примитивных ткацких станков, прясла от веретен, глиняные детские игрушки и др. В позднелужицком поселении на Бискупинском озере, где остатки древней жизни лежат в слое торфа, сохранились многочисленные изделия из кости и дерева: наконечники стрел, гарпуны, разнообразные острия, деревянные корытца, мутовки, весла, луки от охотничьих самострелов и т. д. В одном из жилищ найдено большое деревянное колесо от повозки. Перед нами, следовательно, весьма развитый сельскохозяйственный быт, в котором уже заметны некоторые черты, характерные впоследствии для раннесредневековой славянской культуры.

Около лужицких поселений располагались обширные могильники. Умерших сжигали на костре, а урну с прахом погребали в яме на погребальном поле. Обряд трупосожжения, распространенный среди лужицких племен, в течение многих последующих столетий также являлся одной из наиболее характерных этнографических особенностей древней славянской культуры.

В настоящее время еще трудно полностью восстановить отчетливую картину социального устройства лужицких племен, но все же на основании изучения уже открытых поселений и погребений можно прийти к выводу, что хозяйство велось силами патриархальной общины или большой семьи, составлявшей, несомненно, часть родовй группы, которая в свою очередь входила в состав племени. Колоритную картину патриархально-общинного строя представляет датированное 550—400 гг. до н. э. лужицкое поселение на Бискупинском озере, состоявшее из многих больших домов, разделенных на однотипные секции.

Неизбежным следствием роста земледельческого и скотоводческого хозяйства, развития металлургии и обмена и связанного со всем этим накопления ценностей в виде стад, запасов хлеба, металла и пр. были постоянные военные столкновения между племенами, вызванные возможностью обогатиться за счет грабежа. Именно поэтому в конце бронзового века (900—700 годы до н. э.) у лужицких племен появляются первые укрепленные поселения — «гроды». Такие «гроды» хорошо известны археологам,

*Бытовая утварь и украшения раннего железного века
(луэцикская культура)*

например, в Силезии. Они устраивались обычно на отрогах высоких речных берегов, окруженных крутыми склонами, и обносились валами и рвами.

«Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собой рабство, — писал Ф. Энгельс. — Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»¹. Отмеченный выше факт интенсивной постройки лужицкими племенами укрепленных «городов» был связан с началом разложения первобытно-общинного строя — выделением знати и появлением патриархального рабства.

Период железа начался на территории Польши в VII в. до н. э. Тогда же особого расцвета достигла культура лужицких племен.

Железо, в отличие от меди (а следовательно, и бронзы) — повсеместно распространенный металл. Его залежи в виде болотных руд имеются повсюду. Благодаря этому, а также вследствие того, что по техническим качествам железные орудия были намного выше орудий из бронзы, железо произвело полный переворот в производстве. Применение железных орудий всюду значительно повысило производительность труда. Именно поэтому классики марксизма-ленинизма не раз указывали, что появление железа представляло важнейшую веху в историческом процессе².

С распространением железа первобытно-общинный строй вступил на путь своего крушения. В этот период развивается патриархальное рабство. Очень большое значение приобретают войны с целью грабежа. О росте военных столкновений между племенами в раннем железном веке говорит большое количество оружия, находимого в погребениях, и густая сеть хорошо укрепленных «городов» на всей территории распространения лужицких племен. Накоплению ценностей и имущественной дифференциации способствуют и растущие торговые связи. В настоящее время детали исторического процесса, протекавшего в VII—IV вв. до н. э. в среде лужицких племен, еще недостаточно ясны. О нарастающем распаде первобытно-общинного строя говорят, однако, многочисленные факты, свидетельствующие, что имущественная и социальная дифференциация общества уже получила отражение в области религиозных взглядов, в частности, в погребальном ритуале. Могилы знати на позднелужицких кладбищах уже заметно отличаются от могил рядовых общинников. Меч, оружие знатного человека, и конь, спутник его военных подвигов, дорогая посуда, украшения и т. д. сопровождают знатного человека в могилу.

В раннем железном веке (с VII века до н. э.) вместе с ростом экономических и культурных связей большого развития достигли политические связи — объединение племен для отпора общему врагу или для совместного нападения, или же бывшие результатом завоевания. В этот период на западе и северо-западе лужицкие племена были несколько потеснены предками германцев. С юго-востока на их земли неоднократно проникали племена, входившие в состав различных восточноевропейских племенных объединений. В свою очередь лужицкие племена совершали походы на юго-восток, в Подолию и на Волынь, а также на юг, к Дунаю, и на северо-восток — в литовские земли.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 166.

² См. там же, стр. 25.

Остатки жилищ и мостовых лужицкого поселения у Бискупинского озера

Значительные передвижения совершались и в самой лужицкой среде. Во второй половине I тысячелетия до н. э. на территорию Великой Польши из Поморья вторглись племена так называемой поморской культуры, сложившейся на основе местной ветви лужицких племен. Они продвинулись и в Куявию, Хелминскую землю и частично в Мазовию, покоряя или оттесняя на восток местные лужицкие племена.

Важным явлением в жизни лужицких племен было проникновение в Силезию и в верховья Вислы кельтов, населявших в это время территорию, примыкавшую к верхнему течению Дуная. Малочисленные группы кельтского населения, осевшего среди местных племен, вскоре были ассимилированы последними. Однако они оказали известное влияние на местную жизнь. Кельты, например, принесли с собой на территорию Польши гончарный круг и ряд усовершенствованных методов в области добычи и обработки металлов.

Все эти новые явления в экономической, социальной и политической жизни лужицких племен оказали, несомненно, большое влияние на их культурное развитие. В дальнейшем, около рубежа нашей эры на основе позднелужицких племен, смешавшихся с поморским населением, на территории Польши возникли племена так называемых ямных погребений, или иначе — пшеворские племена. Это были раннеславянские племена, впоследствии известные древним авторам под именем венедов в бассейне Вислы и лугиев в бассейне Одры — непосредственные предки польских славян.

Первые века нашей эры представляли собой важную веху в истории Европы. Римская империя распространила в этот период свою власть по всему Средиземноморью, Причерноморью и далеко на восток. Рабовладельческий Рим делал настоячивые попытки подчинить себе европейские племена, издавна являвшиеся для рабовладельческих государств юга источником подневольной рабочей силы — рабов, а также поставщиками хлеба, скота, янтаря и других ценностей.

Значительные экономические связи с Римом и его провинциями существовали и у западных славян, в том числе и у племен, населявших территорию Польши. В обмен на украшения, посуду, вероятно, ткани и некоторые другие недорогие товары Рим и его провинции получали от северных племен прежде всего рабов, а также высоко ценившиеся в Риме товары (меха, янтарь и др.). Это была хищническая торговля, которая в конечном счете вела лишь к опустошению страны. При этом следует отметить, что римскими товарами пользовалась лишь племенная знать. Об этом свидетельствуют так называемые «княжеские» могилы III—IV вв. с богатым инвентарем, состоящим нередко из изделий римского ремесла.

В начале нашей эры политическая обстановка в западнославянских землях была осложнена вторжением с запада германских племен, теснимых римскими легионами. На Варте появились бургунды, вандалы вторглись в Силезию. На нижней Висле в это же время утвердились готы и гепиды, которые, как полагают, явились сюда со Скандинавского полуострова.

Длительные войны, лишь к середине III в. н. э. закончившиеся отсечением германцев с польских земель, несомненно, способствовали дальнейшему росту имущественной и социальной дифференциации у раннеславянских племен, населявших территорию Польши. Окрепшая знать, окружившая себя вооруженной дружиной, эксплуатировавшая рабов, захватившая в свои руки торговлю с югом и т. д., — это картина нарождавшегося классового общества.

Возникновение классового общества происходило у славян, так же как и у германцев, в условиях напряженной борьбы этих племен и народов с рабовладельческой Римской империей, переживавшей тогда глубокий внутренний кризис. Рабовладельческий способ производства изжил себя и превратился в оковы дальнейшего развития производительных сил. Именно поэтому борьба германцев, кельтов и славян против Рима имела всемирно-историческое значение. Сочетаясь с революционными восстаниями рабов и колоннов в самой Римской империи, эта борьба способствовала ликвидации рабовладельческого строя в Европе и расчистила путь для развития более высокого и в то время прогрессивного феодального способа производства.

Приняв активное участие в борьбе с рабовладельческой Римской империей, славянские племена не развили в своей среде рабовладельческих отношений до степени основного способа производства. Классовое общество формировалось у них в такой период, когда повсеместно в Европе, в том числе и в славянских землях, для возникновения феодального строя имелись прочные материальные предпосылки в виде развитого пашенного земледелия, металлургии, ремесла и т. д. С середины I тысячелетия н. э. развитие славянских племен пошло по пути феодализма.

ЧАСТЬ

II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ

И РАЗВИТИЕ

ФЕОДАЛИЗМА

В ПОЛЬШЕ

(ДО СЕРЕДИНЫ XV в.)

Глава вторая

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА (VI—XI вв.)

1

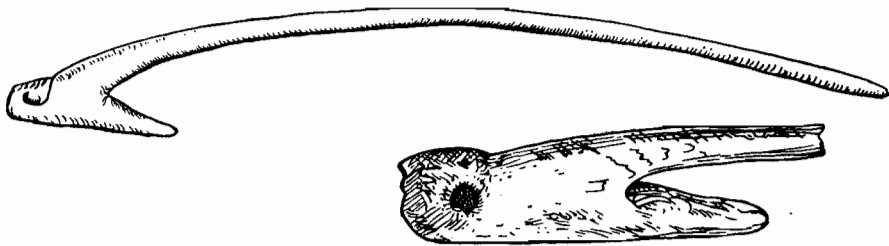
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

На основании археологических данных, сопоставляемых с показаниями более поздних письменных источников, мы можем говорить о сравнительно высоком уровне развития производительных сил у польских славян в период VI—X вв. Несомненно, что это были племена с многовековой традицией земледельческой культуры. Об исконном земледельческом характере культуры польских племен свидетельствуют древнепольский календарь и языческий культ, обрядовая сторона которого была тесно связана с сельскохозяйственной практикой. Накануне возникновения феодального строя Польша была страной со значительными площадями издавна обрабатываемой земли, которые непрерывно расширялись. Человек энергично наступал на лес, выкорчевывая и выжигая его. Шел интенсивный процесс освоения страны. Многочисленные реки указывали пути переселенцам.

Земледельческая культура в Польше, как и в других славянских странах, достигла высокого для своего времени уровня развития. Во многих районах страны уже давно господствовало пашенное земледелие.

Районы с наиболее древней земледельческой традицией уже знали, по свидетельству арабского путешественника Ибрагима ибн Якуба, посетившего Восточную Европу в 966 г., трехпольную систему обработки земли. В качестве тягловой силы употреблялись волы и лошади. Из сельскохозяйственных орудий при раскопках особенно часто попадаются железные серпы. Значительно реже встречаются косы. Снопы обмолачивали цепами. Зерно размалывалось в муку на круглых каменных жерновах, часто встречающихся при раскопках.

Основной сельскохозяйственной культурой, как и повсеместно в тот период в Европе, было просо. Пшеница, ячмень и овес сеялись в более ограниченных количествах. Позже остальных злаков стала возделываться рожь, но в описываемый период и она была уже широко распространенной культурой. Из технических культур следует отметить лен и коноплю. Развито было также садоводство и огородничество. В огороде древнего польского земледельца сеялись и сажались бобы, горох,

Древнейшая соха
Из раскопок на Поморье

чечевица, мак, репа, морковь, чеснок, огурцы. Выращивались почти все современные виды плодовых деревьев и кустарников, а со второй половины X в. становится известной и культура винограда.

Видную роль в хозяйстве польского земледельца играли животноводство и птицеводство. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что при раскопках поселений того времени 90% обнаруживаемых костных остатков составляют обычно кости домашних животных.

Кроме крупного рогатого скота и лошадей, разводили также коз, овец, свиней, а из птиц — кур и гусей.

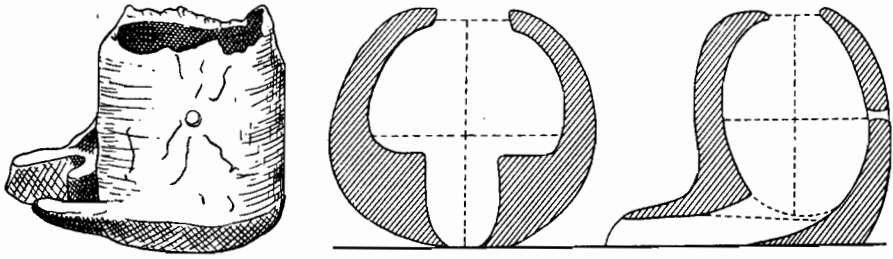
В Польше VI—X вв. было распространено также бортничество, а затем и пчеловодство. Из меда готовился хмельной напиток.

Охота и рыболовство имели лишь подсобное значение. Только у населения, жившего у больших рек и моря, рыболовство являлось важным хозяйственным занятием.

Области с плодородными почвами, берега рек и морское побережье были наиболее густо заселенными районами. Для устройства поселений обычно избирались холмы, значительно реже низины. Встречались и свайные постройки. Поселения были двух основных типов: неукрепленные поселки, в которых жила главная масса занимавшегося сельским хозяйством населения, и хорошо укрепленные «гроды». Часть «гродов» являлась чисто оборонительными сооружениями. Особенно много таких «гродов» было воздвигнуто в период возникновения древнепольской государственности, когда из них составлялись целые оборонительные линии, защищавшие страну от вторжения извне. Однако основная масса «гродов» была расположена внутри страны. За их валами во время вторжения неприятеля искало защиты окрестное сельское население. Помимо того, «гроды» являлись центрами религиозного культа, а затем и административными центрами, укрепленными пунктами знати.

Типичным для польских славян VI—XI вв. жилищем являлась курная бревенчатая изба. Полы были глинобитные или дощатые, которые покоились обычно на балках, положенных на землю. Печь чаще всего помещалась в одном из углов избы. Вдоль стен шли скамьи. Наряду с полатами в употреблении были и переносные кровати. На стенах висели полки для посуды. В избе стояли стол и сундуки, в которых хранились одежда и украшения. Стены хозяйственных строений обычно делались из плетня, который укреплялся на вертикальных столбах, поддерживавших крышу.

Сельское население древней Польши своим трудом удовлетворяло почти все свои потребности. Такие отрасли ремесла, как прядение, ткачество или плотничество, носили характер домашних ремесел. Зато

Плавильная печь
Из раскопок в Силезии

гончары, кузнецы, ювелиры, токари по дереву, каменщики и кожевники были по преимуществу ремесленниками-профессионалами.

Вызванный ростом производительных сил процесс отделения ремесла от земледелия нашел выражение и в том, что значительная часть «городов» становилась постепенно центрами ремесла и торговли — экономическими центрами своей сельскохозяйственной округи. В таких «городах» жило постоянное население, занимавшееся ремеслами и торговлей. Можно провести полную параллель между этими древними польскими «городами» и древнерусскими городищами-торжищами, обследованными советскими археологами. Вокруг таких «городов» постепенно возникали посады, где сосредоточивался торговый и ремесленный люд. Иногда посады также окружались валами. На основе таких «городов» с посадами в X—XI вв. в Великой и Малой Польше, Поморье, Силезии выросли Познань, Краков, Вроцлав, Щецин, Волин, Гданьск и другие города. Некоторые из них, например Волин и Краков, уже в середине X в., судя по свидетельству Ибрагима ибн Якуба, были большими экономическими центрами городского типа.

Появление торгово-ремесленных «городов» в свою очередь стимулировало дальнейшее развитие ремесла.

Особенно большой прогресс был достигнут в гончарном производстве. В половине X в., наряду с ручным гончарным кругом, который давно был известен польским племенам, вошел в употребление ножной гончарный круг, что вызвало быстрый рост производства гончарных изделий. Возникают многочисленные мастерские гончаров, расположенные в посадах или ближайших к городам деревнях. На гончарных изделиях появляются клейма. Одновременно наблюдается процесс упрощения и стандартизации орнамента. Это свидетельствует о том, что производство гончарных изделий приобретало массовый характер.

Развивалось также и ювелирное дело. Для изготовления разнообразных украшений употреблялось главным образом серебро, привозимое в Польшу с Востока и с территории Чехословакии. При его обработке применялись филигрань и зернь (орнамент составлялся из мелких серебряных шариков — зерни). Впервые эта тонкая техника появляется на территории Польши еще на рубеже II и III вв. и достигает расцвета в X в.

Большой прогресс наблюдался в производстве и обработке железа. При раскопках археологи встречают разнообразные железные изделия: топоры, ножи, замки, гвозди, различные слесарные, кузнечные и дерево-обделочные инструменты, а также вооружение.

В этот период добыча каменной соли, очевидно, не была еще известна польским племенам. Распространенным способом получения соли было

вываривание ее из воды соляных источников. Часть соли ввозилась из соседних стран.

Рост производительных сил, вызванный развитием и обособлением ремесла, привел к росту внутренней и внешней торговли. К сожалению, археологические данные дают слишком мало материала для характеристики внутренней торговли. Однако факт существования вокруг «городов» ремесленных посадок дает основание считать, что произведения ремесленного производства находили сбыт на местных рынках. Разумеется, внутренняя торговля была главным образом меновой. Как и на Руси, единицей измерения стоимости служила, вероятно, пушнина — шкурки белки, бобра и т. д. В IX—X вв. получила распространение арабская серебряная монета. При Мешко I (960—992) и Болеславе I (992—1025) появилась и собственная польская монета. Торговые связи с заграницей поддерживались при помощи купцов-посредников из соседних славянских стран, скандинавов и евреев. Последние хорошо известны в Польше уже в X в.

О значительной роли торговли в экономической жизни польских славян говорят такие факты, как постройка «городов» при переправах через реки, устройство мостов, гатей и т. д. и появление в международном торговом обороте предметов массового потребления.

Тесные торговые отношения издавна существовали между польскими землями и древней Русью. В этой связи можно указать на факт заметного влияния древнерусского гончарного искусства на польское, особенно в технике цветной поливы. Из древней Руси, наряду с украшениями и шлемами, с начала XI в. ввозили в очень большом количестве пряслица из розового шифера. Торговые связи существовали также между польскими славянами и Германией. В Германию вывозились каменные жернова польского производства. Из Германии в Польшу ввозились мечи и монета. В Скандинавию вывозились мед, гончарные и ювелирные изделия, а оттуда поступало оружие, серебряные изделия и монеты. Уже в VII в. велась торговля с аварами, а позже — с венграми.

Через Балтийское море и Русь польские земли были связаны со странами Ближнего и Среднего Востока, закупавшими много рабов и пушнины, шедших из европейских стран, в том числе и из Польши.

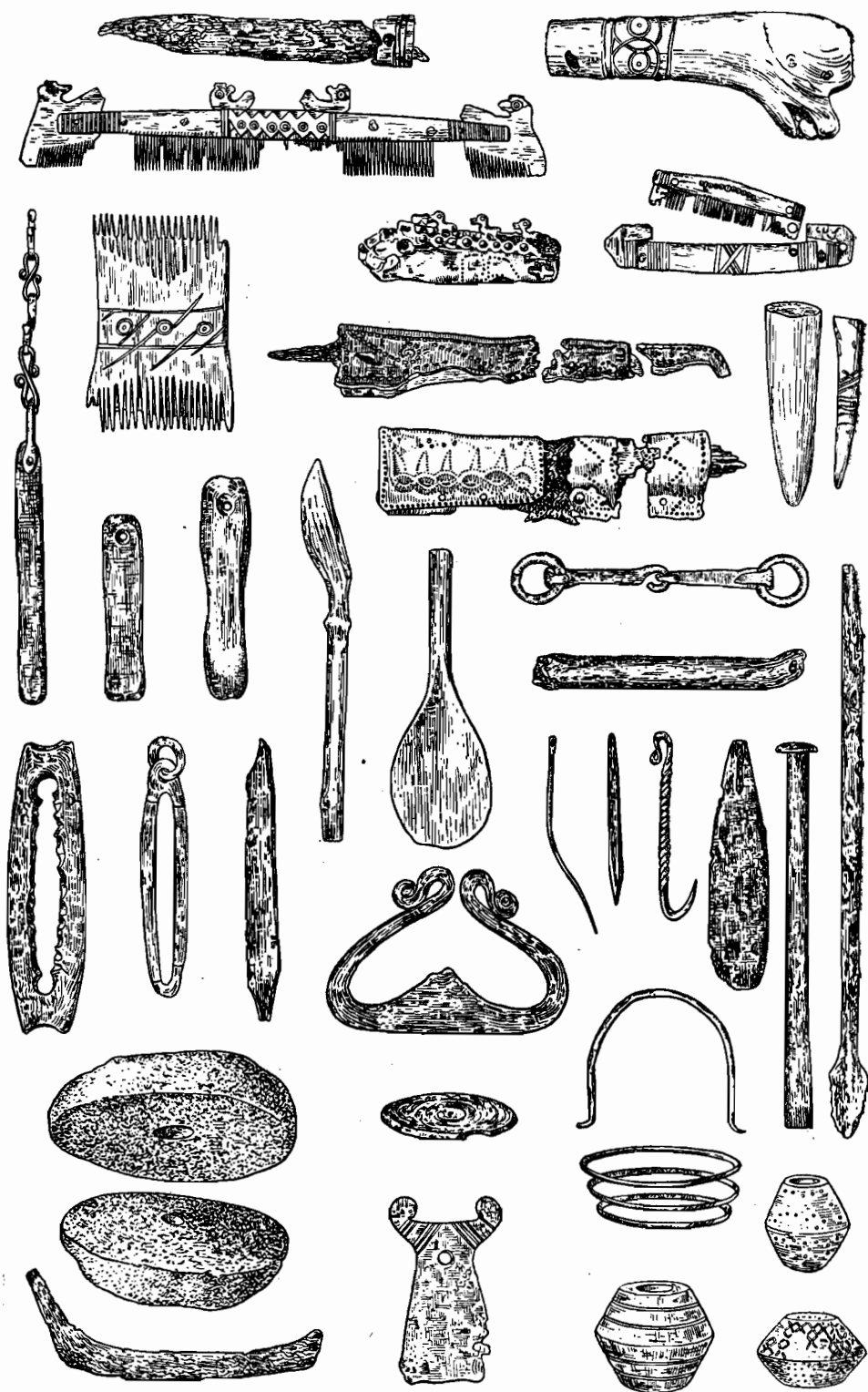
Торговые связи способствовали быстрому подъему и расцвету поморских городов — Волина, Колобжега, Гданьска. Источники сохранили много указаний на высокое развитие мореплавания у прибалтийских славян и поморян в описываемое время.

Для юго-восточной части польских земель (Малая Польша) особенно большое значение имели торговые связи с древней Русью, а также Византией, Сирией и другими странами Юго-Востока. В качестве крупного центра транзитной торговли к середине X в. вырос г. Краков, откуда шли торговые дороги на Прагу и через Червенские города (Червень, Белз, Перемышль и др.) на Киев.

Многочисленные клады иностранных монет, часто находимые в Польше, свидетельствуют о значительных богатствах, которые скапливались в руках отдельных лиц, связанных с торговлей.

Таков в самых основных чертах уровень производства и обмена, достигнутый польскими славянами к середине X в.

Прогресс в развитии производительных сил вызывал соответствующие изменения в области производственных отношений, что приводило к окончательной ликвидации первобытно-общинного строя и оформлению классового общества. Разумеется, этот процесс был очень длительным. Многие сотни лет понадобились для того, чтобы в недрах общества, основанного на родовом строе, вырелась классовая дифференциация.

Орудия и бытовая утварь раннефеодального периода

Начало этого процесса следует искать в очень отдаленные времена; он развивался, как мы видели выше, уже в I тысячелетии до н. э.

Распад первобытно-общинного строя и образование классов тесно связаны с процессом возникновения частной собственности. Находки железных замков говорят о существовании института частной собственности на территории Польши еще в первые века нашей эры. Как и в других странах, право частной собственности первоначально охватывало только движимое имущество, лишь постепенно распространяясь на недвижимое и позже всего на землю.

Для последних этапов развития первобытно-общинного строя было характерно наличие патриархально-семейной общины. Постепенно, с развитием производительности труда, из патриархально-семейной общины развилась сельская территориальная, или соседская, община, владевшая пахотной землей и угодьями, распределявшимися между ее членами.

Соседские общины, сами будучи результатом роста производительных сил, несомненно, способствовали их дальнейшему развитию. Непосредственная заинтересованность земледельца в расширении своего хозяйства будила его инициативу. Но именно поэтому неизбежен был и рост имущественного неравенства среди общинников, а начиная с известного его уровня — и возникновение внутри общины тех или иных форм экономической зависимости. Процесс распада первобытно-общинных порядков был одновременно и процессом возникновения классов: из общины выделялись наиболее обеспеченные семьи, применявшие труд рабов и стремившиеся закабалить своих соседей.

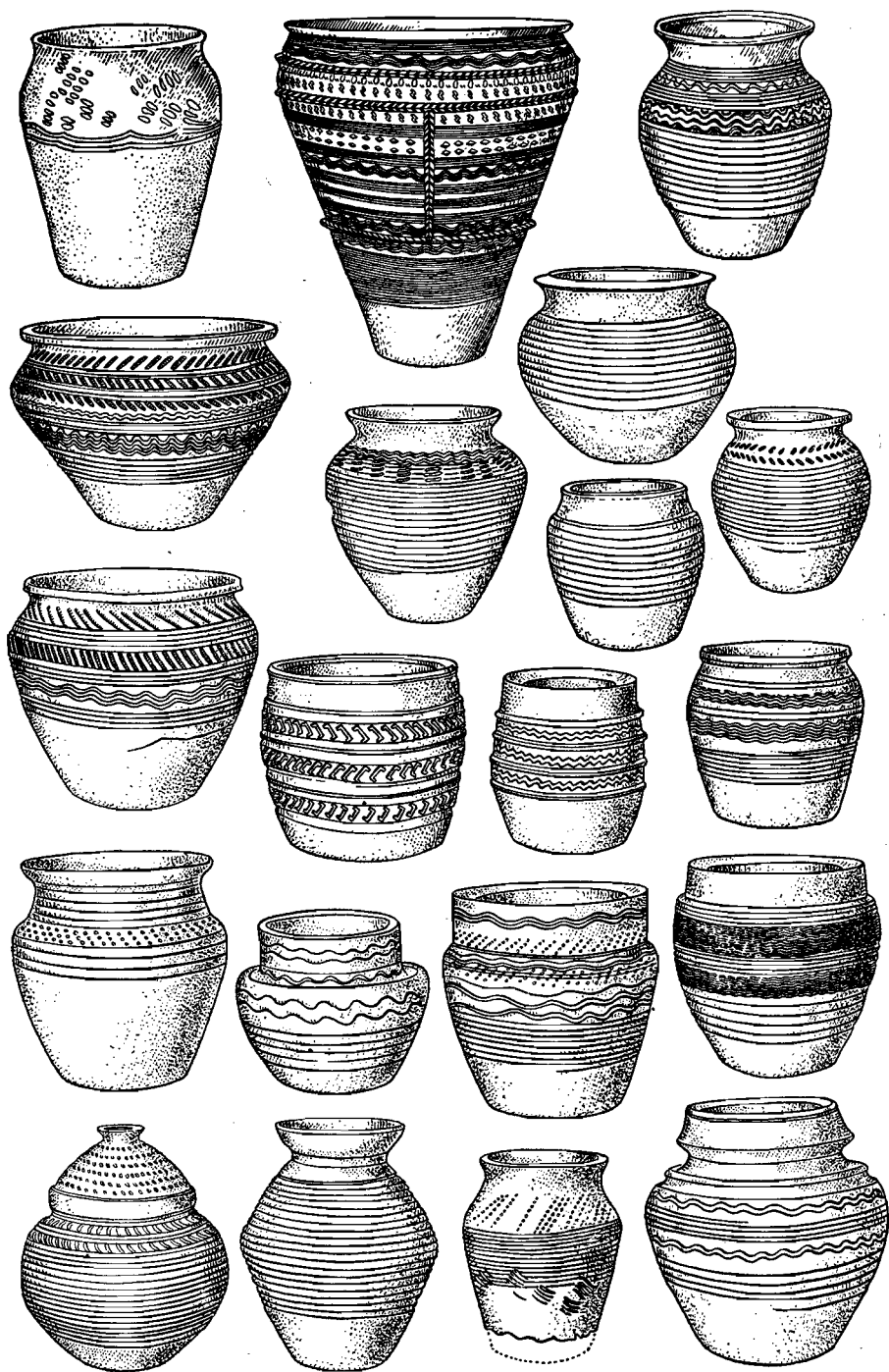
Выше уже отмечалось, что рабство в его примитивной, патриархальной форме появилось на территории Польши еще в период первобытно-общинного строя. Особенного развития достигло рабство в первой половине I тысячелетия н. э. Многочисленные военные столкновения, характерные для этого времени, и известное влияние рабовладельческой римской культуры благоприятствовали развитию института рабства. Необходимо, однако, подчеркнуть, что рабство никогда не превращалось у польских племен, как и у других славян, в господствующую форму общественных отношений. Оно не выходило за рамки патриархального рабства.

В описываемое время в результате присвоения знатью общинных земель складывается феодальная собственность на землю, являвшаяся подлинной основой феодализма. Появляется феодально зависимое население из числа свободных общинников. Иногда экономически и политически окрепшая знать подчиняла себе и целые общины.

Так постепенно формировались класс эксплуатируемых и класс эксплуататоров. В земледельческом обществе, каким было польское общество VI—X вв., формирование класса эксплуататоров могло идти только на основе развития крупного землевладения. Захватившая общинные земли знать превращалась в класс крупных землевладельцев-феодалов, эксплуатировавших труд зависимого сельского населения и рабов.

Наряду с возвышением отдельных лиц можно отметить факты экономического и политического возвышения целых патриархальных семей. Повидимому, именно такой случай отражает легенда, приведенная в древнейшей польской хронике Анонима Галла, о том, как «род» Попелей овладел у полян княжеской властью.

Появление классов эксплуататоров и эксплуатируемых неизбежно влекло за собой образование государства — аппарата насилия и угнетения в руках господствующего класса феодализировавшихся крупных землевладельцев.

Керамика раннефеодального периода

2

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящий момент состояние источников таково, что мы еще не можем полностью восстановить картину образования древнепольского государства. Несомненно, однако, что на польских землях было первоначально несколько очагов, где развивался процесс становления государственного строя, и что лишь с течением времени господство перешло к одному из них, вокруг которого во второй половине X в. и объединились все древнепольские земли. Такими очагами могли быть территориальные объединения польских славян V—IX вв., которые обычно неточно именуются племенами и которые по существу были уже «племенными княжествами».

По археологическим данным и показаниям Географа Баварского (источник второй половины IX в.), эти «племена» представляли собой территориальные объединения с социально разнородным составом. Они сложились на основе племенных союзов периода распада первобытно-общинного строя.

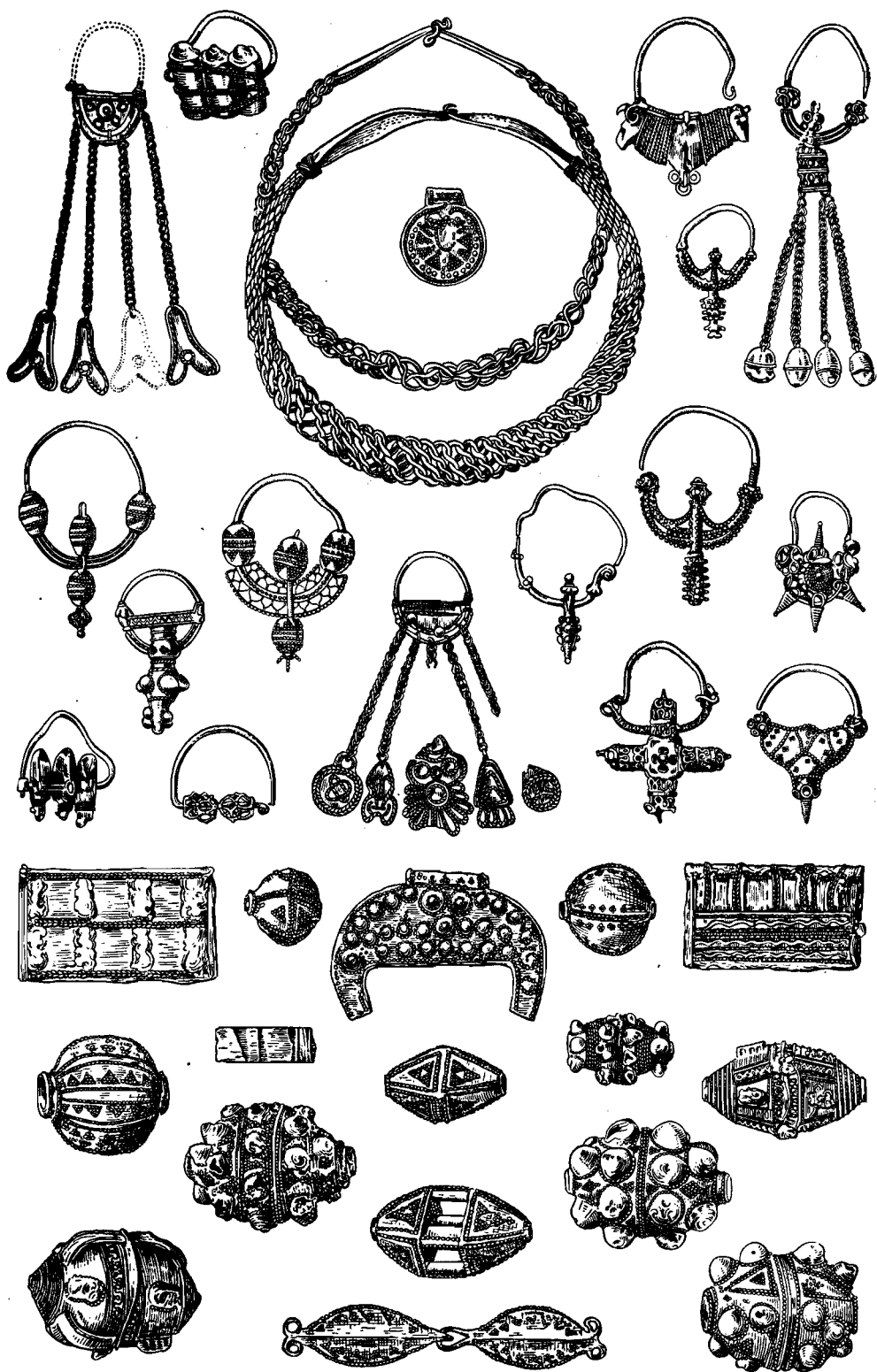
Во главе этих «племен» стояла выделившаяся знать — крупные землевладельцы, эксплуатировавшие труд зависимого населения и рабов. Из числа старейшин выделялся военачальник-князь, власть которого обычно была уже пожизненной. Став пожизненным предводителем, князь стремился превратить свою власть в наследственную. Народные собрания (вече), повидимому, еще сохранялись у польских славян, но руководящая роль в них принадлежала уже знати. Нет сомнения в том, что такие территориальные объединения являлись зародышевыми формами государства.

Путь к образованию единого древнепольского государства шел от таких многочисленных «племенных княжеств» (по мнению некоторых исследователей, число их достигало тридцати) через подчинение одних «племенных княжеств» другими к объединению их во второй половине X в. под верховенством одного, наиболее сильного князя.

Время распада первобытно-общинного строя и образования классового общества было вместе с тем временем формирования польской народности. Процесс ее образования протекал на базе разрушения родоплеменных связей, укрепления и роста экономических, культурных и политических связей между старыми племенными территориями. Одним из весьма важных элементов этого процесса являлось формирование — на основе старых племенных диалектов — единого древнепольского языка.

Не во всех частях Польши тенденция к объединению «племенных княжеств» в рамках единого государства развивалась равномерно.

Довольно рано этот процесс обнаруживается у поморян, поселения которых были расположены на побережье Балтийского моря между Одрой и Вислой. Археологическими исследованиями территории Западного Поморья установлен факт строительства «гродов», расположенных таким образом, чтобы они нарушали старые племенные границы и ликвидировали племенную обособленность, что свидетельствует об усилиях центральной власти подавить племенной сепаратизм. Однако сложившееся здесь в IX—X вв. объединение «племенных княжеств» было довольно непрочным. Процесс оформления сильной государственной организации на Поморье оказался незавершенным к моменту присоединения его к Великопольскому государству в конце X в. Весьма существенную роль в этом сыграли постоянные вторжения скандинавских норманнов и датчан. Эти вторжения

Серебряные украшения из кладов

ослабляли центральную власть и затрудняли ее борьбу с сепаратистскими тенденциями отдельных групп знати и мелких племенных династий.

Особенно характерной чертой западнопоморского объединения «племенных княжеств» была оживленная городская жизнь. Судя по археологическим данным и сообщениям хроник, Волин и Щецин уже в X— начале XI в. были большими городами, ведущими внушительную внешнюю торговлю. Сравнительно крупным поселением городского типа следует считать в конце X в. и древний Гданьск, расположенный в Восточном Поморье. Имущественное и социальное расслоение быстрыми темпами развивалось в поморских городах, где выделилась богатая и знатная верхушка, тесно связанная с морской торговлей. Другой характерной чертой поморского объединения «племенных княжеств» является наличие мощного жреческого сословия, придававшего возникшему государственному объединению теократический оттенок.

Значительно дальше зашел процесс объединения «племенных княжеств» в Малой Польше. Мы не имеем возможности точно установить, когда начался там этот процесс. Во всяком случае он вполне четко обозначился в IX в. Инициативу объединения взяло на себя «племенное княжество» вислян, живших в окрестностях Кракова. Вислянская знать распространила постепенно свою власть на соседних сандомирян и Люблинскую землю, этнически более близкую к Мазовии. Возникшее таким образом довольно большое государство объединило территорию в верхнем течении Вислы от Карпат до рек Пилицы, Радомки, Сана и Буга.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о внутренней организации Малопольского государства. Одно только, повидимому, вполне очевидно: княжеская власть у вислян достигла большого развития. «Житие Мефодия», составленное не позднее первой половины X в., говорит о том, что во главе этого государства в последней трети IX в. стоял сильный князь, сидевший «в Вислах». Князю удалось здесь не только объединить все малопольские земли, но, повидимому, и ликвидировать в отдельных «племенных княжествах» местные династии.

Рост Малопольского государства, которое в дальнейшем могло бы стать центром, объединяющим вокруг себя остальные польские земли, был прерван в результате завоевания его более сильным западнославянским государством — Моравией (между 874 и 885 гг.). Местная династия была уничтожена. Вслед за завоеванием последовало крещение вислян по славянскому обряду. В Кракове, повидимому, было учреждено даже епископство. Известны имена краковских епископов конца IX и начала X в., служивших, по всей вероятности, по славянскому обряду: Прохор и Прокул.

После падения Великой Моравии (906) земли вислян оказались в составе древнечешского государства. Об этом определенно говорит Ибрагим ибн Якуб.

Аналогичную тенденцию к объединению «племенных княжеств» в более крупные государственные образования мы можем отметить и для Силезии и Мазовии. В дальнейшем, однако, Силезия оказалась в составе усилившегося древнечешского государства, а темпы объединения «племенных княжеств» в Мазовии, где по обоим берегам Средней Вислы жили мазовшане, были крайне замедленными, поскольку Мазовия в своем социально-экономическом развитии резко отставала от других польских земель. Зато очень энергично процесс образования крупного государственного объединения путем поглощения мелких «племенных княжеств» развивался в Великой Польше, ставшей ядром объединения всех польских земель в единое древнепольское государство.

Польское раннефеодалное государство в начале XI в.

1 — границы Польского государства около 1000 г.; 2 — границы и годы временных завоеваний Болеслава Храброго

Согласно легенде, сохранившейся в хронике Анонима Галла (XII в.), первой княжеской династией, правившей у племени полян в Гнезно, была династия Попелидов. Легенда рассказывает нам о жестокости одного из Попелидов, расправившегося с представителями других знатных родов. Очевидно, стремление Попелидов укрепить свою власть наталкивалось на сопротивление другой части знати.

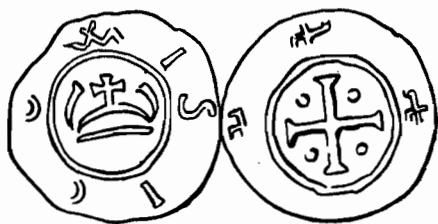
В итоге столкновения династия Попелидов была свергнута и власть перешла к династии Пястов, при которой и завершилось оформление великопольского государства. Есть основания полагать, что это произошло не позже конца IX в. По преданию, первым представителем династии Пястов был Земовит, за ним следуют Лешек и Земомысл, отец Мешко I — первого польского князя, отмеченного в современных ему источниках.

В нашем распоряжении нет данных, которые позволили бы сколь-нибудь конкретно проследить первые этапы процесса территориального роста Великопольского государства. Более или менее точные сведения о его размерах имеются только от времени Мешко I, т. е. от второй половины X в. К 60-м годам этого века в состав Великопольского государства входили уже и куявяне, жившие в окрестностях озера Гопла и цепи озер, связанных с болотистой р. Нотець, серадзяне, жившие по Верхней Варте, и ленчицане, поселения которых были расположены между поселениями полян и мазовшан. Повидимому, в Великопольское государство входила уже и Мазовия. На очереди был вопрос о включении богатого и важного в торговом отношении Западного Поморья. Характерно, что первое упоминание о Мешко I, сохраненное нам хроникой сакса Видукинда под 963 г., говорит как раз о его столкновении с западнопоморским племенем волинян.

Но в своем продвижении к устью Одры Мешко I столкнулся с сопротивлением не только самих волинян, но и соседнего им лютичского племени ратарей, датского короля Гаральда Синезубого и некоторых крупных германских феодалов. Во главе военных сил волинян и ратарей в 963 г. оказался противник императора Оттона I саксонский граф Вихман, которому удалось нанести поражение войску великопольского князя.

При таких условиях Мешко I стал стремиться к союзу с только что провозглашенной в 962 г. Германской (Священной Римской) империей. Империя, ведшая борьбу с полабо-прибалтийским славянством, тоже была заинтересована в этот момент в союзе с Мешко I. Одновременно произошло польско-чешское сближение, скрепленное браком Мешко I и дочери Болеслава I Чешского — Дубравки.

В тесной связи с польско-чешским сближением стоит факт принятия Мешко I в 966 г. христианства по латинскому обряду. Однако христианизацию Польши следует рассматривать не столько как дипломатический шаг, рассчитанный на укрепление международных связей молодого Польского государства, сколько как свидетельство серьезных социальных процессов, происходивших внутри страны, как свидетельство быстрого развития феодальных отношений. Феодализация польского общества была основной причиной утверждения в стране христианской религии. Крупную роль в деле христианизации Польши сыграла соседняя славянская страна — Чехия. Чешские священники появились в государстве Мешко I вместе с Дубравкой (965). Повидимому, вместе с ней прибыл ко двору польского князя и первый польский епископ Иордан, большей частью пребывавший в Познани. Епископство Иордана подчинялось непосредственно римскому престолу и, таким образом, принятие польским князем

Монета Мешко I
(надпись на монете -- *Misico*)

христианства не было связано с подчинением Польши империи в церковном отношении.

Сближение с империей и особенно с Чехией, оказавшей вооруженную поддержку Мешко I, помогло польскому князю присоединить к своим владениям Западное Поморье (967). Восточное Поморье было присоединено, повидимому, еще раньше мирным путем. Правивший в Гданьске князь признал свою зависимость от Мешко I.

Но все эти успехи польского князя повлекли за собой резкое обострение польско-германских отношений. В империи, стремившейся полностью покорить полабо-прибалтийское славянство, с недовольством наблюдали за быстрым ростом Польского государства. В 972 г. на территорию Польши вторгся маркграф Одон. Поражение маркграфа, действовавшего, видимо, в союзе с волинянами или ратарями, привело к вмешательству в польские дела императора Оттона I, который вызвал Мешко I на съезд в Кведлинбурге в 973 г. и принудил его отдать в качестве заложника своего семилетнего сына Болеслава. Мешко был вынужден уплачивать империи дань с Западного Поморья. В свою очередь Мешко I пытался использовать в своих интересах противоречия между империей и римским престолом. Он поддерживал недовольных усилением императорской власти крупных германских феодалов. После смерти Оттона I (973) Мешко еще теснее сблизился с Чехией и поддерживал претендента на императорский трон Генриха Баварского против Оттона II.

Напряжение в польско-германских отношениях ослабло только к 986 г., после восстания прибалтийско-полабского славянства против немецких феодалов, начавшегося в 983 г. и проходившего под лозунгом восстановления язычества. Это восстание напугало не только немецких феодалов, но и господствующую группу польских феодалов. Создалась реальная опасность, что восстание охватит и Западное Поморье. Беспокойла великопольского князя и перспективы антифеодального восстания в центральных областях государства, где вокруг лозунга реставрации язычества могли объединиться социальные низы феодализировавшегося польского общества, в первую очередь зависимые общинники, эксплуатируемые знатью и князем. Наконец, языческими лозунгами могла воспользоваться и часть знати, тяготившаяся усилением власти центрального князя. Таким образом, в основе польско-германского сближения в 80-х годах X в. лежали классовые интересы немецких и польских феодалов.

После того как в 986 г. датский король Гаральд Синезубый овладел Волином, Мешко I пошел на прямое сотрудничество с империей, принимая участие в немецких экспедициях против лютичей. В то же время он заключил союз со шведским королем Эриком Победителем и при его помощи вскоре освободил Волин.

В 990 г. после упорной борьбы с Чехией Мешко I овладел Силезией. В руках польского князя оказалась и значительная часть Малой Польши. Однако Краков, повидимому, все еще оставался в составе Чехии. Очевидно, в связи с польско-чешским конфликтом стоит наметившееся в конце жизни Мешко I польско-венгерское сближение.

Таким образом, к концу правления Мешко I (992) Великопольскому княжеству удалось объединить под своей властью все коренные поль-

ские области, за исключением Краковской земли. Польша стала активной участницей европейской политической жизни. Польская дипломатия успешно действовала при дворе германского императора, в Швеции, Венгрии и Чехии. Она завязывала связи с далеким Римом и вела интриги в империи среди непокорных вассалов императора.

Перед смертью Мешко I разделил государство между своими сыновьями, тотчас же вступившими в ожесточенную междоусобную борьбу. Около 995 г. борьба эта закончилась победой старшего сына Мешко I — Болеслава Храброго. Младшие братья вместе с мачехой Болеслава Одой были изгнаны из страны. Только в Поморье удержался, признав свою зависимость от центрального польского князя, Святополк, ставший родоначальником поморской линии Пястов.

Успехи объединительной политики Болеслава определялись расстановкой классовых сил внутри страны, заинтересованностью основной массы польской феодализировавшейся знати в сильной центральной власти, которая гарантировала бы ей «право» на эксплуатацию феодально зависимого крестьянства. В конце X в., при Болеславе завершился процесс объединения польских земель в рамках единого государства. В 999 г., как указывает чешский хронист Козьма Пращский, Болеслав присоединил к своим владениям Краков и всю Краковскую землю. Это было событием громадного значения для будущего исторического развития Польши.

В состав государства входила одна из богатейших польских земель со сравнительно развитой городской торгово-ремесленной жизнью. В руках польского князя оказывалась ключевая позиция на одном из наиболее оживленных торговых путей Европы: на пути из Киева в Прагу и далее на запад. Важное значение имело и то обстоятельство, что с присоединением территории бывшего княжества вислян Польша на большом протяжении пограничной линии оказывалась соседкой Руси.

Это привело к оживлению польско-русских торговых связей, которые быстро достигли довольно внушительных размеров. Кроме того, усилились польско-русские культурные связи. Древнерусское влияние можно отметить в быту и в искусстве древней Польши. Следует подчеркнуть, что при этом Польша испытывала сильное влияние не только со стороны, несомненно, более далеко продвинувшейся в культурном развитии древней Руси, но, благодаря посредничеству Киева, в Польшу проникало влияние и византийской культуры, в то время безусловно более высокой, чем культура Западной Европы.

Монета Болеслава Храброго
(надпись на монете—*Bolizaus,
Gnezdun civitas*).

3

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ПОЛЬШИ В КОНЦЕ X — НАЧАЛЕ XI в.

Конец X — начало XI в. — время быстрого развития в Польше феодальных отношений. Оно происходило на основе интенсивного роста феодальной собственности главным образом за счет экспроприации князем и знатью общинных земель и превращения свободных общинников в феодально зависимое население. Известную роль продолжало играть

и рабство. Но было бы большой ошибкой преувеличивать значение рабства для Польши X — начала XI в. Наоборот, следует подчеркнуть, что рабы в условиях становления феодального строя не имели крупного значения в производстве. Основная масса рабов, пополнявшаяся преимущественно из военнопленных, либо шла на продажу на внешние рынки, либо «осаживалась» на землю и постепенно сливалась с феодально зависимым крестьянством. Ведущим и все более и более расширявшимся укладом в хозяйственном строе Польши X — начала XI в. был феодальный уклад. Феодально зависимому крестьянину противостоял крупный землевладелец-феодал, который эксплуатировал в своем хозяйстве одновременно и труд бывшего свободного общинника и труд раба. Попадая в зависимость, общинники превращались в крепостных — аскриптициев (т. е. приписных, по латинской юридической терминологии того времени).

Существовала еще прослойка лично свободного населения, объединенного в общины. Оно платило многочисленные дани на содержание государственного аппарата и дружины и обязано было выполнять различные отработочные повинности: работать на постройке укреплений, мостить дороги и гати, строить мосты. В условиях формирования феодальных отношений в X — начале XI в. все эти дани и повинности превращались в конечном итоге в феодальную ренту.

Князья передавали на основе военно-феодального права населенные земли отдельным лицам, главным образом княжеским дружинникам и чиновникам. В этом случае возникало условное феодальное землевладение, так как пожалование князем земельного владения происходило на условии военной или придворной службы. Так, наряду с феодализировавшейся знатью появилась служилая прослойка класса феодалов.

Крупным феодальным земельным собственником, наряду с князем и знатью, становилась католическая церковь, получавшая щедрые земельные пожалования от первых Пястов.

Принятие христианства и появление крупного церковного землевладения были не только показателем сравнительно далеко продвинувшегося к половине X в. процесса феодализации польского общества, но и способствовали в дальнейшем ускорению этого прогрессивного для того времени процесса. Однако необходимо сразу же подчеркнуть и тот факт, что принятие христианства Мешко I имело и свои отрицательные стороны. Христианство было принято им по латинскому обряду, что весьма мешало развитию польского языка и литературы и способствовало усилению влияния германской феодальной культуры.

Процесс феодализации польского общества сопровождался ожесточенной классовой борьбой. Свободное население, объединенное в территориальные общины, оказывало упорное сопротивление крупным светским и духовным землевладельцам, стремившимся овладеть его землей и навязать ему личную зависимость. Территориальная община, связанная круговой порукой, была формой организации непосредственных производителей, облегчавшей им борьбу с наступлением феодалов. Стремление к реставрации язычества и уничтожению христианской церкви служило идеологическим оформлением антифеодальных выступлений народных масс. Антифеодальное движение зависимого крестьянства смыкалось с классовой борьбой рабов и той массы свободных крестьян-общинников, которые не попали еще в хозяйственную систему крупного землевладения, но положение которых значительно ухудшилось в результате роста даней и повинностей в пользу князя и установления десятины в пользу церкви.

Таким образом, основным антагонистическим противоречием в древнепольском обществе было противоречие между эксплуатируемыми масса-

ми феодально зависимых непосредственных производителей, с одной стороны, и господствующим классом феодалов — с другой. Древнепольское государство, призванное защищать классовые интересы крупных землевладельцев, было аппаратом насилия в руках феодальной знати, направленным на подавление антифеодальной борьбы все более и более закабаляемых непосредственных производителей.

Задачам подавления классового сопротивления непосредственных производителей служили все органы древнепольского раннефеодального государства, в том числе и органы местного управления, опиравшиеся на разветвленную систему «городов». Во главе их стояли назначенные князем начальники (графы, позднее называвшиеся каштелянами). Им были подчинены местные вооруженные силы. Они судили население прилежащей к «городу» округи, собирали с него дань, привлекали его к исполнению различного рода отработочных и натуральных повинностей. Однако не вся территория Польши была охвачена тогда в равной мере этой системой управления. Отдельные части страны все еще находились под властью местных князей, признававших свою зависимость от центрального князя, обязанных уплачивать ему дань и приводить с собой на службу в случае войны вооруженные отряды. Повидимому, именно о таких племенных династиях говорил Галл, упоминая о «князьях» в окружении Болеслава I Храброго. Определенно мы можем говорить о существовании самостоятельных княжеских династий в Восточном и Западном Поморье. Большую роль в управлении государством играли и церковные органы.

Во главе государства стоял князь. Во время войны он командовал войском. Очень важное значение имели судебные функции княжеской власти. Первоначально князь судил лично. С выходом Польши на широкую международную арену серьезное место в деятельности главы государства заняли вопросы внешней политики. Здесь главными сотрудниками князя, первыми польскими дипломатами, участвовавшими в переговорах с другими европейскими государствами, были обычно лица духовного звания, а также отдельные представители светской знати, члены правящего княжеского дома, например сын Болеслава I — Мешко II.

При польских князьях существовали, повидимому, советы, в состав которых входили представители феодализовавшейся знати и отдельные, наиболее близкие князю, дружинники. Вероятно, именно о таком совете, предшественнике оформленной феодальной курии, говорит Галл, сообщая о том, что Болеслав I «имел двенадцать друзей и советников, с которыми проводил тайные совещания о делах государства».

Тот факт, что государственный аппарат призван был подавлять классовое сопротивление феодально зависимого и свободного, но закрепощаемого крестьянства, обусловил и ту сильную военную организацию древнепольского государства, с которой мы сталкиваемся с первых шагов его деятельности на международной арене. Важной военной опорой княжеской власти была княжеская дружина, которая насчитывала при Мешко I до 3 тыс. человек, а при Болеславе Храбром достигала, вероятно, 4—5 тыс. Привлекая в состав дружины представителей знати, в частности потомков местных династий, княжеская власть ставила их в условия суровой военной дисциплины, воспитывала в сознании единства польского государства, приучала к беспрекословному подчинению князю.

Часть княжеской дружины была расквартирована по «городам», распределение которых на территории государства выдает явное стремление княжеской власти нарушить границы бывших «племенных княжеств», подавить центробежные стремления местной знати. Остальная часть дружины находилась непосредственно при особе князя.

Помимо дружины, существовало, повидимому, и феодальное ополчение. Согласно сведениям Галла, при Болеславе Храбром военные силы страны состояли из 3900 панцырных воинов и 13 тыс. щитников. В панцырных воинах следует усматривать тяжеловооруженную кавалерию, в состав которой входили не только дружинники, получившие от князя землю на военном праве, но и отряды феодализовавшейся знати, а также дружины сохранившихся еще кое-где местных династов. Это — прообраз главной военной силы феодальной Польши, феодального ополчения. «Щитники», очевидно, являлись самостоятельной частью вооруженных сил древнепольского государства. Это была пехота, вооруженная луками и щитами, которая формировалась за счет свободных общинников. Многочисленное народное ополчение было источником военной силы древнепольского государства, позволившей ему одерживать победы в трех войнах против могущественной Германской империи.

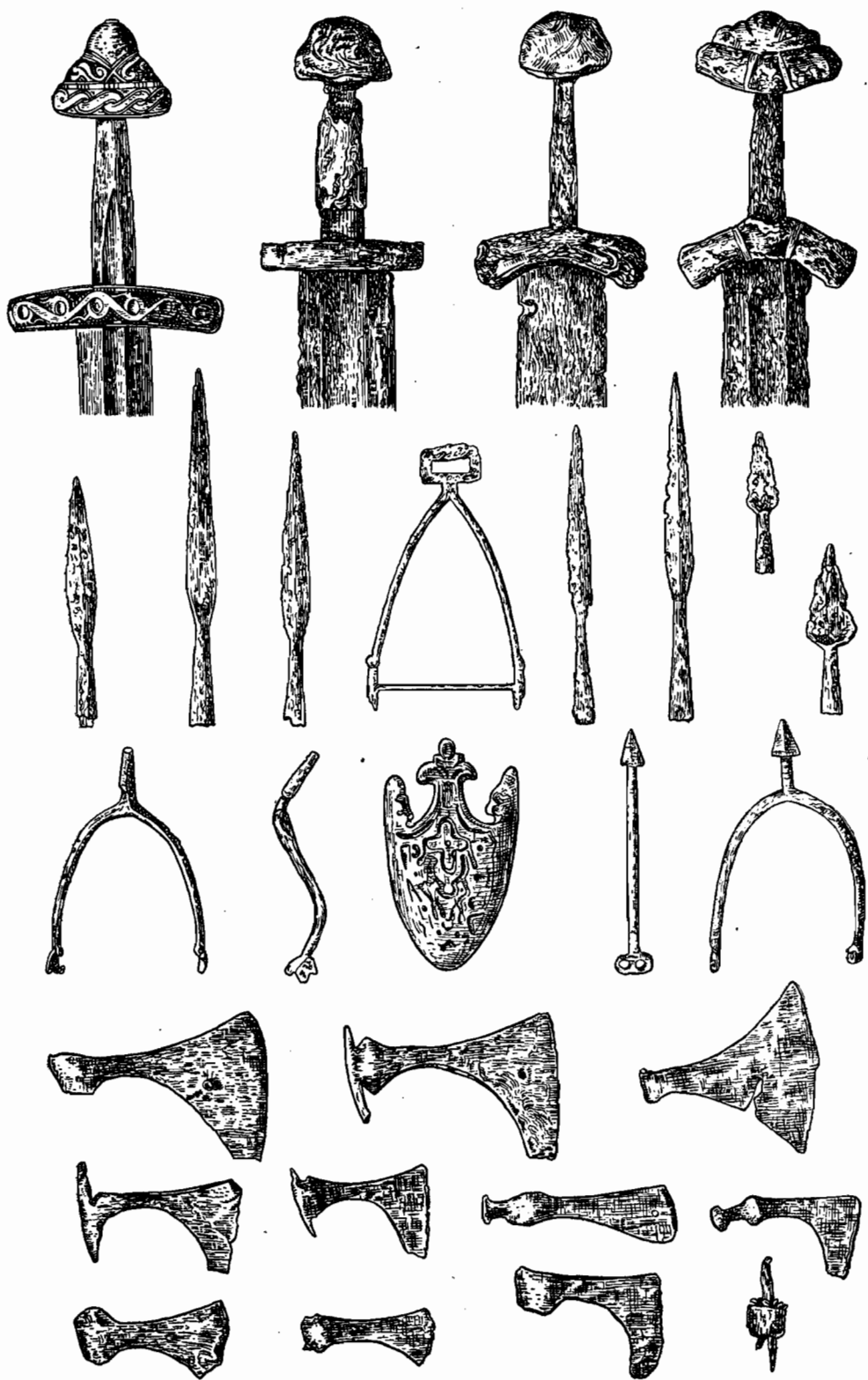
Но несмотря на столь внушительную военную организацию, древнепольское государство не было достаточно прочным. При слабых экономических связях между отдельными польскими землями те центробежные силы, которые имелись в раннефеодальном обществе, представляли постоянную угрозу целостности государства. Речь идет не только о стремлении сохранившихся еще в отдельных областях местных династов освободиться от власти центрального князя, но и о сепаратистских тенденциях местной знати, непрерывно возраставших по мере ее экономического усиления. Конфликт этой части класса феодалов и усилившейся католической иерархии с княжеской властью отчетливо наметился уже в конце правления Болеслава I.

Феодалы средней и мелкой руки, не располагавшие собственным достаточно мощным аппаратом для подавления сопротивления закабаленного крестьянства и поэтому заинтересованные в усилении центральной власти, составляли основную социальную опору первых Пястов. Особенно горячими сторонниками сильной княжеской власти были круги господствующего класса, тесно связанные с княжеской дружиной. Обогатившись за счет ограбления соседей, ведя выгодную торговлю рабами, они выступали, в частности, вдохновителями агрессивной восточной политики Болеслава Храброго. Из их же среды вышли, повидимому, планы переноса государственного центра в Прагу или Киев. Авантюристические тенденции этих слоев господствующего класса и стали причиной того необычайно сложного международного положения, в котором очутилась Польша к концу правления Болеслава Храброго.

4

БОРЬБА С ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ. ПОЛЬША И ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Главным вопросом внешней политики Польши при Болеславе Храбром являлись отношения с империей, опасавшейся упрочения самостоятельности молодого Польского государства, способного приостановить продвижение германских феодалов на восток, и поэтому всячески стремившейся к порабощению Польши. При императоре Оттоне III эти стремления выражались главным образом в попытках германских феодалов поставить польскую церковную организацию, игравшую в Польше, как и всюду при феодализме, весьма важную роль в общественной жизни,

Воинское снаряжение раннефеодального периода

Воины

Фрагмент скульптурных украшений
Гнезненского собора (XII в.)

в зависимость от магдебургского архиепископа.

Польское правительство искусно парировало эти замыслы германских феодалов. Болеслав Храбрый пригласил в Польшу бывшего пражского епископа Войцеха. По виду это был как бы дружественный жест по отношению к императору Оттону III, поддерживавшему Войцеха, но на самом деле это была подготовка к созданию самостоятельного польского архиепископства.

Соответствующие переговоры с папой были начаты Болеславом в 998 г. уже после того, как Войцех погиб при попытке насадить христианство у язычников-прусов. Переговоры Болеслава закончились полным успехом польской дипломатии. В 999 г. на синоде в Риме было принято решение об образовании Гнезненского архиепископства, которое было торжественно провозглашено на съезде Болеслава с императором Оттоном III в Гнезно в 1000 г. Первым гнезненским архиепископом стал Гаудентый (Радим), брат Войцеха.

В состав нового архиепископства вошли вновь основанные епископства в Колобжеге, Вроцлаве и Кракове. Два последних охватывали Силезию и Малую Польшу, которые до 1000 г. подчинялись Пражскому епископству, а через него — Магдебургскому архиепископству. Познанское епископство продолжало непосредственно подчиняться римскому престолу.

Помимо внешнеполитического значения, создание Гнезненского архиепископства и ряда новых епископств имело большое значение и для внутриполитического развития страны, способствуя консолидации отдельных входивших в ее состав земель, поскольку границы новых диоцезов нарушали границы старых «племенных княжеств».

На Гнезненском съезде дань, которую были обязаны уплачивать императору с Западного Поморья Болеслав и его отец, была отменена. Польша освободилась, таким образом, от всякой тени зависимости от Германской империи. Оттон III согласился даже на коронацию польского князя королевской короной. Однако в то время коронационные планы Болеслава не осуществились.

Германские феодалы были крайне раздражены итогами Гнезненского съезда и поснешили противопоставить Польше Венгрию. Вместе с тем была составлена и пущена в ход фальшивка, которая должна была «обосновать» претензии Магдебургского архиепископства на польские земли и на которую германские феодалы не раз ссылались в дальнейшем.

Смерть Оттона III и вступление на престол императора Генриха II (1002) сопровождалась изменениями в политике империи в сторону развя-

звания феодальной агрессии на востоке. Стремясь предупредить противника, Болеслав в 1002 г. овладел Лужицами, Мильском и Мишной. О том, что Болеслав рассматривал свои новые приобретения прежде всего как оборонительные рубежи, свидетельствует мощная система укреплений, образованных целым комплексом «городов», выстроенных им на западной границе государства. В некоторых местах ширина валов и рвов «городов» достигала 45 м. Эти приготовления не были излишними. Война разразилась уже в следующем 1003 г. Поводом для нее явились чешские события. Используя феодальную усобицу в Чехии, Болеслав Храбрый принял приглашение одной из соперничавших групп знати занять чешский престол и захватил Прагу. Вместе с Чехией была захвачена и Моравия. В то же время Болеслав заключил союз с одним из крупнейших германских феодалов — Генрихом Швейнфуртским, владевшим Баварской маркой. Можно предполагать, что Болеслав успел войти в сношения с другим взбунтовавшимся в империи феодалом — маркграфом Ардуином, распоряжавшимся фактически в Северной Италии и даже коронованным ломбардским королем.

Исход первого этапа войны был определен двумя обстоятельствами: разгромом Генриха Швейнфуртского и поражением Ардуина, и вспыхнувшим в Чехии восстанием против чинивших насилия войск Болеслава. В итоге союзники были потеряны, Чехия освободилась из-под власти польского князя и Польша в 1004 г. одна противостоит могущественной немецко-венгерско-чешско-лютичской коалиции. В конце 1005 г. немецкая армия углубилась на территорию Польши и подошла к Познани. Используя народное ополчение, Болеслав с успехом применил партизанскую тактику. Император вынужден был пойти на мирные переговоры с польским князем. Правда, условия мира 1005 г. были чрезвычайно тяжелы для Польши: она потеряла все свои приобретения 1002 и следующих годов. Сохранилась за ней только Моравия.

Вскоре международное положение Польши еще более ухудшилось. Обострение отношений с Данией крайне осложнило положение дел в Западном Поморье, где восстал Волин. Генрих II воспользовался этим для возобновления в 1007 г. военных действий против Польши. Наиболее активными союзниками немцев оказались языческие лютичи. Болеслав тоже пытался опереться на прибалтийско-полабское славянство. Известны его попытки в 1010 г. связаться с племенем гаволян, а также факты поддержки его сербо-лужичанами.

В 1013 г. после длительной, но безрезультатной войны Генрих II вынужден был вторично пойти на мир с Болеславом I. Согласно условиям мира, к Польше отходили Лужицы и Мильско в качестве имперского лена. В окончании войны в 1013 г. были заинтересованы обе стороны. Генриху II нужно было спешить в Италию. Болеслава прельщала перспектива совершить поход на Киев.

Польские феодалы и до того уже строили планы распространения своей власти на древнерусские земли и поэтому очень внимательно следили за событиями на восточной границе. Еще раньше при дворе князя Владимира побывал миссионер — епископ Бруно, отправившийся далее к печенегам. Вслед за Бруно на Русь был отправлен колобжегский епископ Рейнберн. На дочери Болеслава был женат старший сын Владимира, Святополк, тоже поддерживавший связь с печенегами, союзниками польского князя. Таким образом, перед нами целая сеть мероприятий, имевших целью укрепить влияние польских феодалов на Руси. Однако в 1013 г. Святополк с женой и епископом Рейнберном были арестованы князем Владимиром. Тогда Болеслав совместно с печенегами двинулся

походом на Русь. Поход 1013 г. не принес никаких результатов. Союзники перессорились между собой.

Эта восточная авантюра была крупной ошибкой польской дипломатии. В конечном итоге она оказалась выгодной только для немецкого императора. Недаром последний на съезде в Мерзебурге поощрял Болеслава к походу на Русь, отвлекая его, таким образом, от жизненно важных для Польши задач на западе.

Неудачи на востоке лишь отчасти компенсировались улучшением польско-датских отношений, что способствовало укреплению власти польского князя в Западном Поморье. О том, с какими трудностями приходилось встречаться Болеславу Храброму в Западном Поморье, свидетельствует тот факт, что в результате восстания волинян, проходившего под лозунгами восстановления язычества, было ликвидировано епископство в Колобжеге. Тем самым был прерван процесс христианизации Поморья, а процесс объединения его с остальными частями государства был серьезно ослаблен.

В 1015 г. возобновилась война Польши с империей. Но и на этот раз подготовленный Генрихом II поход в глубь Польши не имел успеха. Положение Болеслава временно ухудшилось в 1017 г., когда в войну вступила Русь, где княжеский престол занял Ярослав Мудрый, изгнавший из Киева своего старшего брата — зятя Болеслава, Святополка. Однако действия Ярослава не были особенно энергичными.

В 1018 г. в Будишине между Польшей и империей был заключен мирный договор, по которому Лужицы и Мильско были включены в состав Польского государства. Очевидно, одновременно с заключением мира с империей Польша заключила мир и с ее союзницей Венгрией. Источники сохранили весьма неполные сведения о развитии польско-венгерских отношений при Болеславе Храбром. Повидимому, в ходе войн с Венгрией к Польше была присоединена Словакия.

После этого взоры Болеслава снова обратились на восток. В его планы входило восстановить на киевском княжеском столе своего зятя Святополка и тем самым укрепить политическое влияние польских феодалов в столице Руси. Одной из целей киевского похода 1018 г. был захват Червенских городов, через которые проходил важнейший торговый путь в Восточной Европе, связывавший Киев с Краковом и Прагой. Не исключено даже, что одно время Болеслав I мечтал прямо присвоить себе киевский княжеский стол. Немецкая дипломатия удачно использовала эти настроения своего противника. Во время переговоров в Будишине Болеславу была обещана даже вооруженная помощь, и действительно, в киевском походе, помимо войск польского князя и печенегов, участвовали 300 немецких рыцарей и 500 венгров короля Стефана, союзника Генриха II.

Разбив Ярослава в битве на р. Буг, польский князь быстро продвинулся к Киеву и 14 августа 1018 г. занял его. На киевском столе был восстановлен Святополк. Древнерусская столица, судя по восторженным отзывам Титмара Мерзебургского, писавшего свой рассказ о походе 1018 г. на основе показаний очевидцев, произвела ошеломляющее впечатление на польских и немецких участников войны. Это был один из величайших городов Европы с огромным по тому времени количеством населения, город не только невиданных в соседних западнославянских странах роскоши и богатства, но и крупнейший центр ремесла и торговли. На обратном пути в Польшу Болеславу удалось овладеть Червенскими городами, которые были присоединены к Польше.

Захватом Червенских городов закончились военные успехи Болеслава Храброго. Последние годы его княжения отмечены рядом внешнеполити-

Часовня замка в Цешине (XI в.)

ческих и внутривосточных неудач — провозвестников того социального и политического кризиса, который вскоре потряс самые основы польской государственности.

Конечно, тот факт, что Болеславу Храброму удалось завершить объединение польских земель в рамках относительно единого государства, а затем отстаивать его независимость в ходе трех тяжелых войн с империей, был крупнейшим успехом его правления. Создание отдельной польской архиепископии в 1000 г. и коронация Болеслава королевской короной в 1025 г. должны были окончательно укрепить политическую самостоятельность Польши в глазах соседних государств.

Однако за блеском и величием Польши времен Болеслава Храброго, за ее многочисленными успехами скрывалась другая картина: необычайно сложное и противоречивое международное положение и нараставший внутренний социальный конфликт в стране.

Опыт трех войн с империей свидетельствовал о том, что последняя не захочет примириться с существованием на своей восточной границе сильной и независимой Польши. Правда, с 1018 г. до самого конца правления Болеслава Храброго (1025) польско-германские отношения оставались мирными. Но Болеслав должен был все время считаться с возможностью возобновления борьбы на западе.

При таком напряженном положении на западной границе важное значение приобретали отношения Польши с другими соседями. Внешнеполитическое положение Польши к концу правления Болеслава Храброго было отчаянным. За исключением Дании, с которой в период 1014—1025 гг. установились дружественные отношения, все остальные соседи Польши были ее

противниками. Захват Болеславом Червенских городов явился источником вооруженных конфликтов на востоке. Установление власти польского князя над Моравией и Словакией создало источник постоянной враждебности к Польше со стороны Чехии и Венгрии. Польское государство оказывалось окруженным врагами, что было естественным результатом захватнической политики Болеслава Храброго, расширившей Польское государство далеко за этнографические пределы польских земель.

Было совершенно очевидно, что малейшее обострение положения внутри страны явится сигналом для вторжения в ее пределы извне. С этим фактом пришлось столкнуться еще самому Болеславу. Его конфликт с польской католической иерархией и стоявшей за ней группой феодальной знати, ознаменовавший последние годы правления Болеслава, сразу же был использован соседями Польши для возвращения захваченных ею пограничных областей. В течение 1019—1022 гг. происходила польско-русская война, и хотя Болеславу удалось удержать под своей властью Червенские города, общий ход военных действий, повидимому, не был благоприятен для Польши. Более того, можно думать, что и после 1022 г. между Русью и Польшей не было установлено прочных мирных отношений. В связи с событиями на восточной границе вновь обострились польско-чешские отношения. В 1021 г. Чехии удалось вернуть Моравию. Непрерывная война на востоке, поражение в борьбе с Чехией были первыми признаками внешнеполитического кризиса древнепольского государства. Одновременно обнаружались и признаки кризиса внутри страны.

5

АНТИФЕОДАЛЬНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1037—1038 гг.

Первая треть XI в. была ознаменована в Польше резким обострением классовой борьбы. Закрепощенное и закрепощаемое крестьянство оказывало ожесточенное сопротивление классу феодалов, переросшее в 1037 г. в массовое антифеодальное крестьянское восстание. Выступление крестьян было поддержано рабами. На масштабы движения и его продолжительность серьезно повлиял тот факт, что в 20—30-х годах XI в. древнепольское государство переживало глубокий внутривнутриполитический и внешнеполитический кризис, начавшийся, как мы видели, еще при Болеславе Храбром и достигший наибольшего напряжения при его преемниках — Мешко II и Болеславе Забытом.

После смерти Болеслава Храброго германские феодалы стали готовить новое наступление на Польшу. Поводом к ухудшению польско-германских отношений послужила коронация Мешко II королевской короной. Впрочем, до 1028 г. император Конрад II не был в состоянии начать военные действия. Его внимание и силы поглощала феодальная усобица в империи. Мешко II имел возможность подготовиться к борьбе. Он отказался от Словакии и вступил в союз с Венгрией. Одновременно он принял энергичные меры к укреплению внутреннего положения Польского государства. Для этой цели Мешко пытался, в частности, использовать католическую церковь, щедро наделив ее новыми привилегиями. Взамен ликвидированного при Болеславе I Колобжегского епископства было учреждено епископство в Крушвице. Поморский князь Дитрих, отказавшийся признать верховную власть Мешко II и платить ему дань, был изгнан из страны и бежал в империю.

Предупреждая грозившую Польше опасность с запада, Мешко II в 1028 г. вторгся в пределы империи, опустошил саксонские земли и увел множество пленных. В 1030 г. он вторично опустошил соседние области империи. Но это были временные успехи. Вскоре Конраду II удалось заключить союз с Чехией и Данией. Осенью 1031 г. он сумел разорвать польско-венгерский союз. Положение Польши еще более осложнилось в связи с тем, что в том же 1031 г. в пределы Польши вступили русские князья Ярослав и Мстислав. Вместе с ними был польский князь Бесприм, старший брат Мешко II, отстраненный им от престола.

Овладев Червенскими городами, русские князья продолжали продвигаться в глубь Польши, рассчитывая посадить на польский престол тесно связанного с ними Бесприма. При таких условиях Мешко пошел на заключение невыгодного для Польши мира с империей, уступив ей часть Лужиц. Однако вслед за тем он оказался вынужденным бежать из Польши с укрылся в Чехии. Возведенный на трон при вооруженной поддержке соседей, Бесприм мог удержаться на нем только благодаря внешней поддержке и вскоре превратился в игрушку в руках германских феодалов.

В 1032 г. Бесприм был убит, и Мешко II с помощью чешского князя Ольдржиха возвратился в Польшу. Осенью того же года Конрад II попытался изгнать Мешко, но без успеха. Тем не менее в 1033 г. на съезде в Мерзебурге Мешко был вынужден отказаться от королевского титула и уступить империи земли лужичан и мильчан. Одновременно, используя ослабление своего противника, германские феодалы сумели добиться возвращения Западного Поморья князю Дитриху. Впрочем, Дитрих вскоре был еще раз изгнан из страны, и польские земли вновь были объединены под властью Мешко II.

После смерти Мешко II в 1034 г. польский престол перешел к его старшему сыну Болеславу Забытому. Короткий период его правления ознаменован ожесточенным конфликтом с той частью польской феодальной знати, которая тяготилась сильной княжеской властью и являлась представительницей тенденций феодальной раздробленности. В Великой и Малой Польше она пользовалась, очевидно, поддержкой католической иерархии. В Поморье местная знать прибегла к лозунгу реставрации язычества. Лозунг этот должен был обеспечить ее выступлению широкую социальную базу, привлекая на ее сторону массу лично свободных общинников, придерживавшихся языческих верований и готовых в любую минуту выступить против католической церкви как представительницы феодального гнета. Повидимому, в несколько иной форме попытка использовать народные массы для борьбы с центральной властью была предпринята и мазовецкой знатью. Опираясь на народное ополчение, поморская и мазовецкая знать сумела добиться полного отделения Поморья и Мазовии от остальной Польши. В Поморье вновь пришла к власти местная княжеская династия, в Мазовии правил Маслав, происходивший, возможно, из мазовецкого княжеского рода.

Борьба внутри различных групп господствующего класса, общее истощение страны в результате продолжительных войн и упадок центральной власти явились весьма благоприятными условиями для перерастания классовой борьбы крестьянства в массовое антифеодальное восстание в Великой и Малой Польше.

Сигналом к восстанию послужила, повидимому, смерть Болеслава Забытого (1037 или начало 1038 г.). О ходе восстания нам, к сожалению, известно очень мало. Русская летопись говорит кратко: «и бысть мятежь в земли Лядьске: вставше людие избива епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь». Бесспорно, что восстание достигло очень

значительных масштабов и потрясло древнепольское государство. Только в крупных городах — Кракове, Познани и Гнезно — кое-как сумели удержаться остатки государственного аппарата. Наследник Болеслава Забытого, его младший брат Казимир I, вынужден был бежать из страны.

Положением в Польше воспользовался чешский князь Бржетислав I, предпринявший в 1038 г. поход на Гнезно. Единого Польского государства фактически тогда не существовало. Возможно, что, организуя поход 1038 г., Бржетислав думал о подчинении своей власти всей Польши. Но добиться этого он не смог и вынужден был ограничиться захватом многочисленных пленных и богатой добычи и присоединением к Чешскому государству части Силезии с Вроцлавом.

Перед мощным антифеодальным движением, охватившим Малую и Великую Польшу, отошли на второй план все противоречия, которые разделяли лагерь малопольской и великопольской феодальной знати. В борьбе против восстания светские и духовные землевладельцы объединили свои силы. Политическое подавление свободного и зависимого непосредственного производителя — общинника было необходимым условием для дальнейшего развития феодальных отношений и завершения процесса формирования феодальной монархии. Однако собственных сил польского господствующего класса для достижения победы над восставшими было недостаточно. На помощь польским феодалам пришли германские феодалы, опасавшиеся, что антифеодальное движение в Польше вызовет обострение борьбы против германских феодалов со стороны покоренного ими полабо-прибалтийского крестьянства. С другой стороны, помогая Казимиру I и польским феодалам подавить антифеодальное восстание в Великой и Малой Польше, империя исходила также из расчета, что восстановленная монархия Пястов явится противовесом усилившейся Чехии.

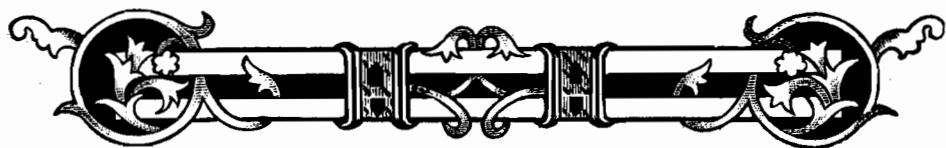
Конечно, план восстановления монархии Пястов имел в империи своих противников. Они объединялись вокруг магдебургского архиепископа, прилагавшего все усилия к тому, чтобы ликвидировать отдельную польскую церковную провинцию и подчинить своей власти польские земли.

Однако протесты Магдебурга, задержавшие восстановление отдельной польской церковной провинции, не изменили политики империи. Известие о походе чешского князя Бржетислава в Польшу побудило ее поторопиться с помощью Казимиру, который благодаря этому смог возвратиться в страну уже в конце 1038 или начале 1039 г.

Подобно всем другим крестьянским движениям средневековья, антифеодальное восстание 1037—1038 гг. носило стихийный характер и состояло из ряда локальных выступлений более или менее крупного масштаба.

Но, несмотря на поражение, это восстание сыграло выдающуюся прогрессивную роль в истории польского народа. Оно было важным фактором в создании традиций антифеодальной борьбы польского крестьянства. Вместе с тем оно нанесло сокрушительный удар реакционному, отживающему рабовладельческому укладу.

Глава третья

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1

ПОЛЬША В 40—70-х ГОДАХ XI в. НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

В первое время после восстания, когда память о нем была еще жива, страх перед повторением событий 1037—1038 гг. заставил феодалов Великой и Малой Польши объединить все свои силы вокруг династии Пястов. Именно в этом следует искать причину некоторого усиления центральной власти в 40—70-х годах XI в.

Но восстановленное в 1039 г. древнепольское государство уже не было самостоятельным. Казимир I был ленником германского императора. Кроме того, за пределами монархии Пястов находились теперь такие коренные польские земли, как Поморье и Мазовия, где правили самостоятельные княжеские династии, и большая часть Силезии, захваченная Чехией.

Главной внешнеполитической задачей Польши в правление Казимира I было возвращение этих земель в лоно единого Польского государства. Поморская и мазовецкая знать оказывала отчаянное сопротивление объединительному политическому курсу Казимира I. Бржетислав I и пруссы были ее союзниками. Поскольку собственных сил у малопольских и великопольских феодалов было недостаточно для завершения борьбы за объединение польских земель, Казимир I поспешил обратиться к помощи Руси. Установление русско-польского союза было крупнейшим успехом его внешней политики. Лишь благодаря вооруженной помощи со стороны Руси Казимиру удалось в 1047 г. включить Мазовию в состав монархии Пястов. Поддерживая Казимира, киевский князь Ярослав Мудрый стремился не только к тому, чтобы упрочить в Польше свое влияние и гарантировать себя от возобновления борьбы за Червенские города. Антифеодальное движение в Великой и Малой Польше, развивавшееся под лозунгами реставрации язычества, должно было серьезно обеспокоить русских феодалов, вынужденных считаться с возможностью аналогичного движения и на Руси. Очень опасным должно было представляться киевскому правительству и развитие событий в непосредственно граничившей с Русью Мазовии, так как успешное выступление мазовецкой знати против центральной власти могло возбудить сепаратистские тенденции среди части древнерусской знати, тяготевшей политическим подчинением Киеву. Такова была, очевидно, классовая и политическая подоплека русско-польского союза при Казимире I.

Менее удачно развивалась борьба с поморской знатью, ориентированной на Чехию. Эту борьбу крайне осложняло то, что империя стремилась сохранить между Польшей и Чехией такое равновесие сил, при котором польско-чешский конфликт стал бы явлением перманентным, открывающим возможность для интервенции империи. Всякий успех Польши неизбежно вызывал поэтому обострение польско-немецких отношений. В 1050 г. возникла даже угроза похода Генриха III в Польшу, против «бунтующего Казимира». В тесной связи с обострением польско-немецких отношений развивалась венгерская политика Казимира, который поддерживал антиимперскую группировку венгерских феодалов.

Враждебная политика империи явилась одной из причин, задержавших объединение всех польских земель в рамках восстановленной монархии Пястов. Непосредственно в состав Польского государства вошло только Восточное Поморье. В Западном Поморье продолжала править отдельная династия, которая признала вассальную зависимость от Польши, сохранив полную свободу во внутреннем управлении княжеством. О какой-либо попытке возобновить христианизацию Западного Поморья не могло быть и речи.

В 1054 г. Казимиру удалось добиться от Чехии возвращения Силезии с условием уплаты чешскому князю ежегодной дани.

Все эти внешнеполитические успехи создали условия для возбуждения вопроса о восстановлении суверенности Польши. В связи с этим в 50-х годах XI в. началась подготовка к коронации польского князя королевской короной. Провозглашение королевской власти должно было явиться не только символом суверенности Польского государства. Оно должно было укрепить центральную власть, поднимая ее в глазах подданных на недостижимую высоту. Однако Казимиру, умершему в 1058 г., не удалось восстановить королевскую власть в Польше. Эта задача осталась в наследство его сыну — Болеславу II Смелому.

На пути к достижению Польшей полной независимости попрежнему стояла империя. Международное положение Польши осложнялось наличием польско-чешского конфликта. Главной задачей было найти союзников для предстоящей схватки с германскими феодалами. Такими союзниками могли быть Венгрия и Русь. Союзные отношения с ними были установлены еще Казимиром I. Болеслав II попытался вмешаться в чешские дела, используя феодальную усобицу в Чехии, связанную с вступлением на престол князя Вратислава (1061), но поход его окончился неудачей.

Польско-чешским конфликтом воспользовалась западнопоморская знать и отказалась признавать свою зависимость от Болеслава II. Впрочем, польский князь не делал серьезных попыток вновь подчинить ее своей власти. Вскоре Западное Поморье вошло в состав государства бодричей. Отказ Болеслава II от борьбы за Западное Поморье наносил существенный ущерб интересам Польского государства.

В 1068 г. в Киеве вспыхнуло восстание против князя Изяслава, союзника Болеслава II. Не имея сил для расправы с народным движением, Изяслав бежал в Польшу, рассчитывая найти поддержку при польском дворе. Болеслав II использовал изгнание Изяслава для нападения на Русь. В 1069 г. он овладел Киевом. На головы горожан — участников восстания — обрушились жестокие репрессии. Но насилие и грабежи польских войск, расквартированных среди русского населения, вызвали возмущение киевских горожан и окрестных крестьян. «И распуца ляхы на покорм, — говорится в русской летописи, — [и] избываху ляхы отай; [и] възвратися в Ляхы Болеслав, в землю свою».

В 1073 г. Изяслав был снова изгнан из Киева, но на этот раз своими братьями Святославом и Всеволодом. Киевский стол перешел к Святославу. Изяслав вновь попытался получить помощь при дворе польского князя. Но Болеслав, видимо, памятуя уроки 1069 г., предпочел пойти на переговоры со Святославом и Всеволодом, окончившиеся в 1074 г. заключением союза между Русью и Польшей.

Одновременно этим Болеслав пытался использовать в интересах укрепления международных позиций Польши конфликт императора Генриха IV с римским престолом, известный под именем борьбы за инвеституру. Папа Григорий VII выступал против светской инвеституры для епископов и аббатов, стремясь поставить их в исключительную зависимость от римского престола, что должно было подрвать силы германского императора. Папа выступил с широкой внешнеполитической программой, провозглашавшей европейские государства «леном св. Петра», т. е. вассалами римской курии.

Еще в 1072 г. Болеслав II отказался признать себя зависимым от империи, прекратив уплату императору дани. В 1074 г. польский князь начал переговоры с папским престолом, стремясь заручиться его поддержкой в борьбе против германской агрессии. В этих целях он объявил Польшу леном римского престола, что означало уплату папе дани (так называемого «гроша св. Петра»), и обязанность военной службы в его пользу.

В мае 1075 г. в Польшу прибыли папские легаты, в задачи которых входили проведение реформы польской церкви в духе взглядов Григория VII, восстановление Гнезненского архиепископства и, главное, подготовка вооруженного выступления Польши против империи.

Уже в 1075 г. Болеслав II активно участвовал в вооруженной борьбе саксонских феодалов против Генриха IV. В 1076 г., поддержанный киевским князем Святославом, он вновь участвовал в военных действиях, направленных против Генриха IV и чешского князя Вратислава, вставшего в то время на сторону империи.

Вступив в решительный конфликт с императорской властью, Григорий VII вместе с тем лелеял агрессивные планы против Руси. Пребывание за границей князя Изяслава, изгнанного из пределов Руси, было удобным предлогом для вмешательства в русские дела, тем более что в 1075 г. Изяслав сам обратился к Риму с просьбой о помощи. По мысли Григория VII, Польша должна была способствовать выполнению авантюристических планов папства на востоке. В переговорах между Болеславом и Изяславом принимали участие папские легаты. Обещание Болеслава Смелого помочь Изяславу захватить великокняжеский стол в Киеве было, очевидно, одним из условий согласия Рима на коронацию Болеслава королевской короной. Окончательно соглашение между князьями было достигнуто осенью 1076 г., накануне коронации Болеслава II. Коронация польского князя королевской короной означала, что Польша является государством, независимым от Германской империи.

После соглашения с Изяславом, заключенного под влиянием римской курии, Болеслав два раза, в 1077 и 1078 гг., оказывал помощь этому неудачливому претенденту на киевский великокняжеский стол.

Участие Болеслава II в восточных авантюрах папства было большой политической ошибкой, так как отвлекало его внимание от самой Польши, где в это время зрел заговор знати, поддержанный империей и Чехией. К этому времени центробежные тенденции в среде польских феодалов значительно возросли, предвещая грядущее расчленение государства. Развитие тенденций феодальной раздробленности было обусловлено бурным

развитием феодальных отношений и ростом крупного феодального землевладения в период после подавления антифеодального движения 30-х годов. Сторону недовольных центральной властью феодалов, стремившихся к политической самостоятельности, принял младший брат Болеслава — Владислав Герман.

В рядах заговорщиков находились представители не только светских, но и духовных феодалов. Главой заговора был краковский епископ Станислав. Стремясь разгромить заговорщиков, Болеслав казнил епископа, но это лишь ускорило восстание феодальной знати. С помощью чешского князя Вратислава Владислав Герман занял Краков. Болеслав был вынужден бежать в Венгрию, где и умер несколько лет спустя.

Князь Владислав Герман, в отличие от своего предшественника, подчинился диктату крупных феодалов. В области внешней политики он стремился к союзу с империей, не останавливаясь перед тем, чтобы признать себя вассалом германского императора. Затяжные войны с русскими князьями не принесли польскому князю никаких реальных успехов. Поморье находилось за пределами Польского государства, и все попытки подчинить его власти польского князя были неудачны. Внешнеполитические неудачи не компенсировались какими-либо успехами в области внутренней политики. Время правления Владислава Германа отмечено прогрессирующим ростом политического влияния крупных светских и духовных феодалов, дальнейшим усилением тенденций феодальной раздробленности. Последнее сказалось, между прочим, и на организации вооруженных сил страны. Польский князь не располагал теперь всеми вооруженными силами государства. Обычно в поход отправлялись только войска из тех областей страны, вблизи которых развивались военные действия. Новая военная система, бывшая следствием феодального обособления отдельных польских земель, в свою очередь способствовала усилению политических позиций крупных феодалов.

Неудачи походов против поморян облегчили новое выступление сепаратистски настроенных феодалов. Во главе движения стояли крупные силезские феодалы, объединившиеся вокруг сына Владислава Германа — Збигнева, которого поддерживал чешский князь. Збигневу удалось утвердиться во Вроцлаве. Вскоре, однако, воевода Владислава Германа — Сецех добился соглашения с Бржегиславом II Чешским и перешел в наступление против Збигнева, потерявшего к тому времени поддержку и со стороны силезских феодалов. Вроцлав вновь подчинился Владиславу Герману, а Збигнев бежал в Крушвицу, где нашел поддержку у куявских феодалов. На помощь ему пришли и поморяне. Но и здесь военное счастье не благоприятствовало Збигневу. В решительном сражении он был разбит и попал в плен к Сецеку (1096).

Тем не менее польский князь вынужден был пойти на раздел государства со своими сыновьями. Збигневу досталась часть Великой Польши; младший сын князя Болеслав Кривоустый получил Силезию. Владислав Герман оставался верховным князем. За ним сохранилось командование армией, руководство внешней политикой, назначение каштелянов (правителей гродов) и епископов. Соглашение 1097 г. не удовлетворяло, однако, ни одну из сторон. Уже в 1098 г. война возобновилась. Збигнев и Болеслав действовали совместно и в 1099 г. принудили отца произвести новый раздел государства. При этом Болеслав получил, кроме Силезии, Малую Польшу, а Збигнев — восточную часть Великой Польши. Вскоре братьям удалось добиться изгнания из страны воеводы Сецека, строившего планы восстановления государственного единства. Тенденции феодальной раздробленности решительно брали верх.

2

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI—XII вв.

Основной предпосылкой, обусловившей переход к периоду феодальной раздробленности, служили быстрый рост крупного землевладения и усиление политической власти землевладельцев. Оба эти процесса, тесно связанные, пошли особенно интенсивно после подавления антифеодального восстания 30-х годов XI в. К концу века феодалы располагали уже достаточной политической мощью на местах, чтобы подавлять классовое сопротивление крестьянства. При таких условиях они уже не были заинтересованы, как прежде, в усилении княжеской или королевской власти. При слабости экономических связей между отдельными польскими землями это неизбежно должно было привести к феодальной раздробленности.

Развитие феодальных отношений происходило на базе дальнейшего роста производительных сил, выражавшегося в XI—XII вв. прежде всего в успехах внутренней колонизации страны, т. е. освоении новых земельных площадей.

Прогресс феодального способа производства происходил ценой дальнейшего закрепощения непосредственного производителя и усиления его феодальной эксплуатации. Показателем роста производительных сил было также значительное увеличение на протяжении XI—XII вв. числа городов как экономических центров. Экономический упадок отдельных городских поселений, обусловленный опустошительными войнами или упадком прежде оживленных торговых путей (например, упадок Гнезно после разграбления его Бржетиславом I в 1038 г.), более чем компенсировался появлением новых городских центров. К сожалению, состояние источников таково, что восстановить полностью картину городской жизни XI в., за исключением поморских городов, пока невозможно. Для нас, однако, сейчас важно отметить, что, подобно тому как это было и на Руси в известный период ее истории, политическое и экономическое усиление городов, становившихся экономическими и политическими центрами отдельных польских земель, способствовало усилению тенденций феодальной раздробленности. В конкретных исторических условиях XI—XII вв. город в Польше еще не мог явиться опорой объединительной политики.

Период феодальной раздробленности был временем общего упадка политического значения польских земель в системе европейских международных отношений, периодом весьма серьезных успехов германской феодальной агрессии в польских землях. Политически раздробленная Польша оказалась не в состоянии сохранить свои позиции на западе и отразить нашествие татаро-монголов с востока, страшно опустошивших страну.

Но период феодальной раздробленности был вместе с тем и временем дальнейшего роста производительных сил страны и развития обмена. Переход к феодальной раздробленности не ликвидировал возникавшие прежде экономические связи между отдельными польскими землями. В период феодальной раздробленности связи эти значительно окрепли и расширились. Все это обеспечило вызревание условий для нового объединения польских земель в единое государство, но уже на более прочной, чем в X — начале XI в., экономической и социальной основе. При этом необходимо подчеркнуть, что в народных массах Польши на протяжении всего периода феодальной раздробленности никогда не исчезало сознание единства польской земли, польской народности.

В конце XI — начале XII в. в распределении земельной собственности происходили существенные изменения. Значительно сократился в результате педрых княжеских пожалований и прямого расхищения государственный земельный фонд. Выросли земельные владения крупных духовных и светских феодалов.

Следствием перераспределения земельной собственности и сокращения государственного земельного фонда было падение значения княжеской власти.

Рост крупного землевладения вел к сильному сокращению земельной собственности, принадлежавшей лично свободным крестьянам, еще не попавшим в зависимость от феодалов. Свободное крестьянское землевладение еще существовало в XII в., но размеры его были ничтожны и продолжали катастрофически сокращаться. Наступление крупных землевладельцев на общинные крестьянские земли осуществлялось самыми различными способами экономического и внеэкономического давления. Иногда, передавая земли тому или другому феодалу, князья выселяли жившее на них свободное крестьянское население. Но чаще земли передавались вместе с людьми, которые при этом теряли право на свои участки и попадали в феодальную зависимость от нового господина. Бывали, наконец, и такие случаи, когда свободные еще крестьяне, не имея возможности оградить свое хозяйство от бесчинств феодальной вольницы, были вынуждены сами отказываться от своего права на землю и «искать покровительства», иными словами — идти в кабалу к феодалам.

Уже в XII — XIII вв. основная масса непосредственных производителей находилась в зависимом положении от крупных землевладельцев, была прикреплена к земле и несла в их пользу феодальные повинности. Сохранялись еще и рабы, составлявшие челядь, дворовую прислугу. Это были конюхи, повара, рыбаки, плотники, колесники, которые «должны работать тогда, когда им прикажут». Феодалы продавали и покупали их, давали в приданое дочерям.

С расширением феодального землевладения лично свободные крестьяне тоже по существу оказывались включенными в систему феодальной эксплуатации и отличались от аскриптициев тем, что сохраняли еще право на выход и на свои участки земли. Свободные общинники-крестьяне в XII—XIII вв. уже не представляли собой единой массы. Среди них выделялась состоятельная, экономически более сильная верхушка, сумевшая удержать землю и сохранить самостоятельное положение. Наряду с ними возникла и непрерывно росла категория малоземельного крестьянства, интенсивно пополнявшая ряды аскриптициев. Некоторые крестьяне, чтобы не идти в кабалу, предпочитали искать прибежища в других местах. Это часто упоминаемые источниками госпиты — «гости», пришельцы, которые в конце концов и на новых местах попадали в феодальную зависимость.

Основной формой феодальной земельной ренты была в этот период натуральная рента, р е н т а п р о д у к т а м и. Существовали, как показывают источники, следующие виды ренты: порадльное, поволовое, поддворовое, подымное, нарез, сеп. Названия первых четырех видов ренты указывают на то, что служило единицей обложения: рало — сельскохозяйственное орудие крестьянина, вола — тягловая сила, которой пользовался крестьянин при обработке земли, двор крестьянина, дым — очаг. Порадльное и поволовое вносились, повидимому, зерном. В источниках оба эти побора иногда отождествляются. О конкретном содержании подымного источники не дают никаких указаний. Предметом поддворового, видимо, был домашний скот крестьянина. Скотом —

мелким и крупным — вносился и н а р е з. С е п встречается главным образом в малопольских документах. Самое название его, связанное с процессом ссыпания, показывает, что этот побор взимался зерном.

Кроме этих видов феодальной ренты, которыми облагалось индивидуальное хозяйство каждого зависимого крестьянина, существовали и такие, которые взимались со всей сельской общины в целом, например о п о л ь е. Этот побор взимался скотом, видимо, только крупным. Община-деревня в целом отбывала также повинность, носившую название с т а н. Эта повинность заключалась в том, что население деревни, где останавливался князь во время своих ежегодных объездов страны для отправления суда, обязано было снабжать его всем необходимым и предоставлять помещение. Князь путешествовал с большой свитой придворных и целым штатом прислуги — поварами, пекарями, псарями, сокольничими и т. д. Всем надо было дать ночлег, всех накормить, не забывая о корме и для лошадей и собак. Такой стан требовали для себя, по примеру князя, и его сановники. Вскоре эта тяжелая натуральная повинность превратилась в один из постоянных видов феодальной ренты, взимавшейся с сельского населения независимо от того, останавливался ли князь в той или другой деревне или не останавливался. В документах начала XIII в. мы находим указание на взимание под видом стана то известного количества меда, то меда и сена, то, наконец, домашнего скота.

Наряду с натуральной рентой продолжала существовать и рента отработочная. В 1105 г. кардинал Идзий, подтверждая владения Тынецкого монастыря (Малая Польша), в перечне повинностей крестьян, населявших эти владения, указал: «Ежегодно каждый из них обязан сжать пять полос хлеба и свезти в монастырский амбар, каждый должен скосить по возу сена и доставить туда же, кроме того, обязан четыре дня в год пахать». О существовании барщины говорит и грамота князя Мешко, данная им в 1145 г. Лендскому монастырю, в которой указано, что, кроме всяких других повинностей, каждый крестьянин, живший во владениях монастыря, должен в пользу монастыря «ежегодно... пять полос хлеба жать, ... в течение трех дней обрабатывать поле, один день в год молотить».

Польский крестьянин был обязан нести ряд отработочных повинностей в пользу государства. Например, при объездах князем страны обязанность обеспечить его транспортом всех видов и охраной ложилась на окрестное сельское население. Повинности, связанные с этим, носили название п р о в о д, п о в о з и п о д в о д а. Подвода и повоз заключались в предоставлении лошадей, телег и лодок, нужных для перевозки князя, его свиты, их вещей и продуктов, провод же — в обязанности доставлять проводников. Провод обязаны были нести крестьяне и в тех случаях, когда в районах их поселений передвигались войска. Сельское население привлекалось еще к несению с т р о ж и, т. е. охраны «гродов», князя и его свиты во время переездов. В XII или в начале XIII в. эта повинность превратилась, повидимому, в один из постоянных видов феодальной ренты. На крестьянах, кроме того, лежала обязанность, связанная с постройкой новых «гродов» и мостов и ремонтом старых. Их привлекали к возведению «засек» — оборонительных линий на границах. Крестьяне обязаны были нести военную службу, принимать участие в походах. Последняя обязанность могла выражаться или в поставке определенного числа вооруженных людей или в доставке транспорта. Прибавим к этому, что крестьяне должны были участвовать в княжеских охотах, загоняя зверя, разыскивали заблудившихся собак или убитую птицу.

Наконец, существовал и побор в пользу церкви — д е с я т и н а, вносившийся в виде десятой части всего урожая в снопах.

Мы перечислили далеко не все повинности, лежавшие на зависимом крестьянстве XII в. Но и перечисленного достаточно, чтобы составить представление о чрезвычайно тяжелом положении феодально зависимого крестьянина. Все хозяйство крестьянина — дом, поле, скот, огород — было обложено разными видами феодальной ренты, все являлось единицей обложения, со всего под разными названиями, по разным поводам крестьянин должен был отдавать известную и все возрастающую часть в пользу господствующего класса — феодалов.

Наступление феодалов происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы. Одним из орудий этой борьбы в руках крестьянства являлась сельская община.

Территориальная соседская община (ополье) была формой общественной организации сельского населения как лично свободного, так и попавшего уже в зависимость от феодала-землевладельца. Такую сельскую общину, охватывавшую одну или несколько деревень, рисует нам древний памятник польского права — «Польская Правда» или так называемая Эльблонгская книга (XIII в.). Как видно из «Польской Правды», сельская община защищала своих членов, если на них падало подозрение в совершенном на территории общины убийстве или в другом преступлении. Она, несомненно, отстаивала их интересы при раскладке повинностей и поборов. Община стойко и упорно оберегала свои территориальные границы, общинные земли от посягательств крупного землевладельца. В 1186 г., например, князь Мешко Старый вынужден был лично разбирать конфликт, возникший между Лёндским монастырем и соседней сельской общиной, защищавшей свои границы. Подобный же конфликт разрешал Мешко и в 1193 г. Даже в период средневекового крепостного права, отмечает Энгельс, сельская община давала угнетенному крестьянству «локальную сплоченность и средство к сопротивлению»¹.

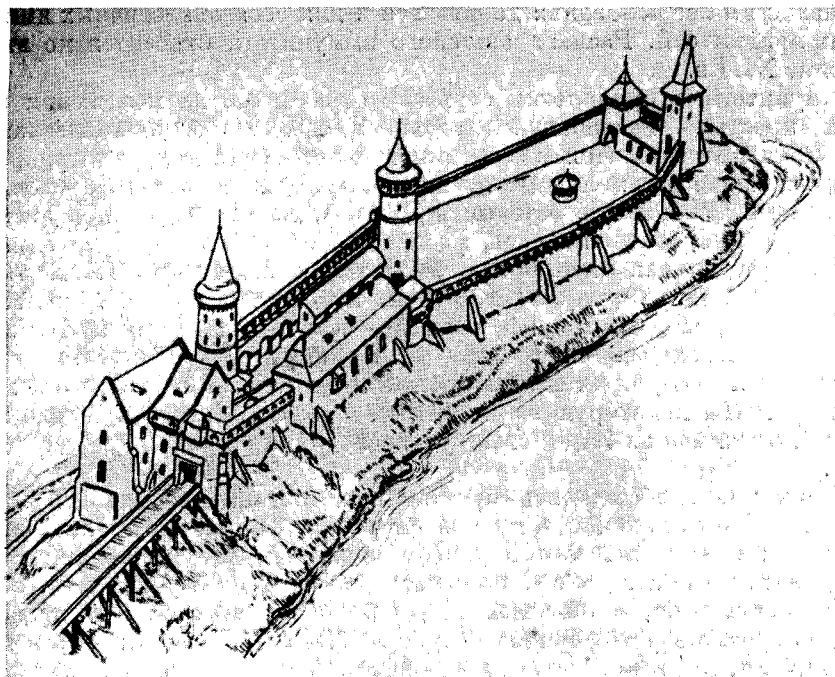
Среди членов общин существовала имущественная дифференциация, разъедавшая общину изнутри. Возникавшими на этой почве внутриобщинными противоречиями пытались воспользоваться польские феодалы для превращения общинной организации в орган управления крестьянской массой и возлагали на общины ответственность за отбывание феодальных повинностей.

Распространенной формой протеста крестьян против феодального гнета был побег зависимых крестьян от своих господ. Уже в этот период побегι приняιи столь массовый характер, что в «Польскую Правду» был включен специальный пункт о том, как следует возвращать беглых. «Если у какого-нибудь господина, — читаем мы в «Польской Правде», — его собственные люди убегут в какую-нибудь другую землю, он посылает своего посланца с письмом или без письма к господину этой земли, и тот отдает их обратно. Если же посланец захватит силой этих людей, где их застанет, на дороге, в земле [другого] господина без его согласия, то он должен платить 50 марок, если тот [господин] не простит насилия из расположения к его [посла] господину». Бежали и рабы, дворовая челядь, слуги и служанки, на что тоже указывает «Польская Правда».

Несомненно, что крестьяне применяли и более острые, чем побегι, формы сопротивления наступлению феодалов, но источники, к сожалению, не сохранили об этом сколько-нибудь конкретных данных.

Быстрый рост экономического могущества феодалов, выразившийся прежде всего в расширении феодального землевладения, неизбежно должен

¹ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 162.

Польский феодальный замок (Хенцины, XIV в.)

Реконструкция

был привести и к дальнейшему усилению их политической власти. В XII и XIII вв. наиболее характерной формой этого процесса было расширение и оформление феодального иммунитета. Выразилось это в том, что феодалы, как светские, так и духовные, добивались юридического оформления своей власти над феодально зависимым от них населением. Очень часто при этом происходило и дальнейшее расширение этой власти, являвшейся неотъемлемым атрибутом феодальной собственности.

Оформлявшие иммунитет привилегии, которых с середины XII в. начали добиваться крупные землевладельцы, передавали им «княжеское право» на получение всех (или части) видов феодальной ренты с зависимого крестьянства, шедших до сих пор в пользу князя, и значительно увеличивали судебную власть феодалов над крестьянами. Они оформляли, следовательно, политическую власть крупных земельных собственников и превращали их в самостоятельных независимых правителей.

Прежде всего этих привилегий добились крупные духовные феодалы. Монастыри, основывавшиеся князьями или при участии князей, получали ограниченный или полный налоговый иммунитет при самом своем основании. С половины XII в. за ними был закреплен и судебный иммунитет. Что касается епископств, то они добились закрепления налогового и судебного иммунитета, возможно, еще в конце XI в.

Документы, фиксировавшие право иммунитета за светскими феодалами, дошли до нас от первой половины XIII в. в незначительном количестве, но едва ли отсюда следует делать вывод, что светские феодалы в меньшей, чем церковь, степени боролись за свои политические права. В их руках, как и в руках церкви, были сосредоточены крупные поместья,

что давало им все основания добиваться и для себя аналогичных иммунитетных привилегий. Расцвет светского иммунитета относится ко второй половине XIII в.

Иммунитетные привилегии серьезно отразились на положении зависимых крестьян, населявших владения феодалов. Феодал-земледелец становился неограниченным господином своих крестьян, их государем — сеньором; никто не имел права вмешиваться в его отношения с зависимыми крестьянами. Совершенно естественно, что тяжесть феодальной эксплуатации при этом увеличивалась, феодал старался выжать из крестьянина все соки, феодальная рента росла. Феодал требовал от крестьян не только зерно и скот, но и крупу, овес, ячмень и коноплю, птицу, яйца, масло, сыр и молоко, шерсть от овец, овощи — все, что было ему нужно лично для себя и для содержания своего двора. К этому надо прибавить, что князь, предоставляя иммунитет феодалу-землевладельцу, зачастую оставлял за собой право на некоторую часть ренты. Это еще более ухудшало положение крестьянина. Надо было удовлетворять аппетиты и феодала и князя.

Совсем не освобождались крестьяне от обязанности давать провод войскам во время походов, а провод «мирный», формально отменявшийся, фактически сохранялся с той только разницей, что проводников надо было давать не князю, а собственному феодалу при его выездах. Сохранялась, разумеется, и обязанность доставлять транспорт и лошадей. Об этом достаточно красноречиво говорит «Польская Правда»: «Если посол едет от князя, тогда из деревни, в которой конь его остановится и в которой он [посол] коня этого оставит, он берет коня другого, и никто ему запретить не может. Также крестьяне обязаны ко всякому перевозу от деревни, в которой они сидят, до ближайшей [другой] господина своего деревни... и так от деревни до деревни, пока не придут к двору своего господина». Не всегда, наконец, иммунитет освобождал крестьян от несения военной службы.

Иммунитетные привилегии особенно тяжело отразились на положении лично свободных крестьян-общинников, живших в крупных поместьях или около них. Расширение иммунитета явилось в руках феодала новым орудием наступления на их права. Превращаясь в неограниченного господина — сеньора своих владений и всего их населения — свободного и несвободного, феодалы прикрепляли свободного до сих пор общинника к земле и требовали с него всех тех видов феодальной ренты и отработочных повинностей, которыми были обложены их зависимые крестьяне.

Иммунитетные привилегии имели своим результатом превращение сельского населения в феодальных имениях в аскриптициев, прикрепленных к земле, стягоченных многочисленными феодальными повинностями и находившихся в полной собственности феодала. Прослойка лично свободных общинников-крестьян все более сокращалась, сохраняясь только на еще не захваченных феодалами государственных землях.

Укрепляя могущество феодалов по отношению к непосредственному производителю, феодальный иммунитет все более уменьшал заинтересованность знати в сильной центральной власти. Располагая мощными средствами экономического и юридического давления на крестьянство и аппаратом насилия на местах, крупные феодалы не нуждались в защите князя. В то же время рост их экономического и политического могущества, нашедший юридическое отражение в развитии иммунитета, резко менял в их пользу соотношение сил между центральной властью — князем и феодальной знатью. Так, по мере развития феодальных отношений, усиливались тенденции феодального раздробления Польского государства.

3

ПОЛЬСКИЙ ГОРОД. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Арабский географ Идриси, посетивший Польшу в 1154 г., так описывает ее: «Это — плодородная страна, изрезанная многими реками, покрытая городами и деревнями. Главные ее города — Краков, Гнезно, Накло, Серадз, Негрода и Житов¹, все прекрасные, цветущие, знаменитые, потому что населены людьми, сведущими в науках и религии..., а также ремесленниками, столь же искусными, сколь и опытными в своем деле». Вдругом месте он говорит: «Одним из важнейших городов является Краков, известный большим количеством зданий, рынков, виноградников и садов».

Это свидетельство известного арабского ученого очень ценно. Идриси много путешествовал по Европе, долго жил в Италии. Очевидно, польские города, в которых ему пришлось побывать, мало в чем уступали виденным им другим городам Европы. И они были действительно городами в полном смысле этого слова — торговыми и ремесленными центрами.

Археологические данные для X—XI вв. и то немногое, что известно из письменных источников о городах XII в., позволяет полагать, что ремесло и торговля, достигшие к X—XI вв. сравнительно высокого уровня развития, продолжали развиваться и дальше, а с ними развивались и крепки польские города. Увеличивалось население городов, росло число ремесленников и торговцев. В города бежали зависимые крестьяне, спасаясь от жестокой эксплуатации феодалов. Стремилась в город и те свободные крестьяне, которые были согнаны с земли крупными землевладельцами или, попадая в зависимость от них, не могли примириться с феодальной неволей.

Развитие ремесла должно было вызывать соответствующий рост местных рынков, где ремесленники находили сбыт своей продукции. Потребителями ее были в первую очередь сами горожане, а также феодальная верхушка, знать, имевшая свои дворы в городе, княжеские чиновники, представители городской администрации, рыцарство, составлявшее гарнизон города. Но и сельскохозяйственная округа, примыкавшая к городу, представляла все больший спрос на предметы городского ремесленного производства. Правда, домашнее сельское ремесло удовлетворяло в значительной мере потребности крестьянства, а вотчинное ремесло — потребности феодалов. Но ряд металлических изделий, ювелирные изделия и многое другое можно было получить только на городском рынке.

Население сельскохозяйственной округи выступало на городском рынке в роли не только покупателя, но и продавца. Рента продуктами, собираемая феодалом-землевладельцем с его обширных владений, превышала насущные потребности его семьи и двора. Создавались известные излишки продуктов сельского хозяйства: зерна, скота, яиц, масла и пр. С другой стороны, рента продуктами, которую вносил зависимый крестьянин в пользу своего феодала, обычно не исчерпывала полностью дохода деревенской семьи. «...Производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому...»²

Излишки продуктов, копившиеся в хозяйстве феодала, и продукты избыточного труда крестьянина, оставшиеся после выплаты ренты,

¹ Какие города подразумевает Идриси под именем Негрода и Житов — не установлено.

² К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 808.

Монета Болеслава
Кривоустого (надпись
на монете — *Denarius
ducis Boleslai*).

вовлекались окрестные феодалы и крестьяне. В XII в. в Польше насчитывалось более 50 крупных городов, ведших оживленную торговлю, среди них такие, как Краков, Познань, Гнезно, Вроцлав, Плоцк, Глогов, Геч, Ленчица и др.

Можно думать, что в XII в. была развита и внешняя торговля. Несомненно, в больших размерах велась торговля с Русью. Такие города, как Краков, Вроцлав, лежавшие на перекрестке торговых путей, были крупными транзитными центрами. Иноземные купцы были частыми гостями на городском рынке, а многие из них и оседали в польских городах.

В связи с тем, что «возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена»¹, деньги как средство обращения начинают играть все большую роль в торговом обороте.

Города, как и деревни, находились в феодальной зависимости, обычно от князя. Население города, ремесленный и торговый люд, несло феодальную ренту в пользу князя со своих земельных участков и домов, было обязано и некоторыми отработочными повинностями, например подводой. Судебная юрисдикция над городским населением принадлежала князю. Ремесло и торговля были обложены пошлинами в пользу князя. Особенно важной статьёй дохода были торговые пошлыны — «торговое мыто».

В несколько ином положении находились поморские города. Они управлялись советами старейшин, но формально феодальная зависимость от князя сохранялась и для них: ему вносились феодальная рента, в его пользу шла торговая пошлина.

Такое положение тормозило дальнейший рост городов, препятствовало свободному развитию ремесла и торговли. Польские города, особенно те, которые на основе расцвета ремесла и торговли превратились к этому времени в крупные экономические центры и где выделилась более состоятельная ремесленная и купеческая верхушка, начали борьбу за освобождение от феодальной зависимости, за предоставление им таких же прав, какими уже пользовались в это время города Западной Европы. Несомненно, что и польские князья были заинтересованы в дальнейшем развитии ремесла и торговли. Деньги приобретали все большее значение, а князья испытывали все большую нужду в них. Дальнейшее развитие городов обеспечило бы приток денег в княжескую казну.

Рост городов и укрепление местных рынков создавали предпосылки для изменения отношений в феодальной деревне. Почти каждый продукт сельского хозяйства мог быть сейчас обращен в товар. Отсюда у феодалов-землевладельцев появилось стремление увеличить, насколько возможно, количество прибавочного продукта, чтобы получить за него на рынке деньги. Особенно выгодным на этом этапе представлялось

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 95.

получать феодальную ренту не в виде продуктов, излишки которых можно было обратить в товар, а в виде денег.

Таким образом, развивавшееся товарное производство не разрушало феодальных отношений, а обслуживало их.

Развитие городов, тесно связанных с их сельскохозяйственной округой, в XI—XII вв. не могло еще изменить общую картину экономических связей между отдельными польскими землями, которая сложилась в предшествующий период. Связи эти были еще очень слабыми. Процесс образования местных рынков не перешел еще в процесс образования единого польского рынка. При таких условиях польские города XI—XII вв. не могли стать силой, способной оказаться надежным союзником княжеской власти в борьбе с тенденциями феодальной раздробленности. Скорее даже на этом этапе развития рост польского города способствовал торжеству центробежных сил. Опираясь на силу растущих городов в своих уделах, удельные князья и крупные феодалы вели борьбу с центральной властью. Размеры сельскохозяйственной округи, тянувшейся к выросшему городу как торгово-ремесленному центру, зачастую определяли характер феодального дробления территории распадавшегося Польского государства.

4

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ПОЛЬШИ В XI—XIII вв.

Антагонистическими классами в польском обществе периода феодальной раздробленности были класс крупных земельных собственников — духовных и светских феодалов и класс феодально зависимого, угнетенного крестьянства.

В составе класса феодалов четко выделялись три прослойки: духовенство, можновладство (знать) и рыцарство. Духовенство было крупнейшим землевладельцем страны. Сосредоточив в своих руках обширные владения, населенные зависимым крестьянством, оно стремилось полностью освободиться из-под власти князей. Уже в 1180 г. Ленчицкий съезд признал за духовенством ряд привилегий: владения его были освобождены от несения стана и подвод, князья отказались от своего права на имущество умерших епископов. В начале XIII в. духовенство добилось полного освобождения от светского суда для себя и населения своих владений. Теперь все дела, по которым обвиняемым было лицо духовное, а также дела, касавшиеся вопросов веры, независимо от того, духовным или светским лицом был обвиняемый, перешли исключительно в руки церкви. Наконец, духовенство отвоевало себе еще одну очень существенную привилегию — право выбора епископов капитулами — советами священников (каноников) при епископской кафедре. В дальнейшем, однако, это право захватили римские папы: уже с конца XIII в. польские епископы стали назначаться Римом.

Большую роль в укреплении позиций католической церкви в Польше играла прочность церковной организации. Польские земли представляли собой единую церковную провинцию — митрополию, во главе которой стоял гнезненский архиепископ. В состав польской митрополии входил ряд епископств (диоцезов): Краковское, охватывавшее Малую Польшу, Вроцлавское — Силезию, Познанское — значительную часть Великой Польши, Влоцлавское — Куявию, Плоцкое — Мазовию (в диоцез одного

из двух последних епископств попеременно входило Восточное Поморье), Любушское— Любушскую землю. Существовавшее в Западном Поморье епископство, центром которого сначала был Волин, а затем Камень, в конце XII в., после того как Западное Поморье было захвачено Германской империей, перешло в подчинение магдебургскому архиепископу. Самостоятельность церковной организации в Польше составляла известное преимущество в борьбе с попытками Германской империи ликвидировать суверенитет Польши. Однако значительно большую роль сыграла церковь в развитии политической раздробленности в стране. Укрепившись в результате проведения в XII—XIII вв. церковных реформ (введение безбрачия духовенства и т. п.), опираясь на мощную организацию епископств и монастырей, действуя солидарно, духовенство последовательно подрывало авторитет центральной княжеской власти, вырывало у нее привилегию за привилегией, поддерживало покорных его воле князей против пытающихся укрепить княжескую власть, выступало застрельщиком, предводителем всего феодального класса в процессе углубления феодальной раздробленности государства. Нужно добавить к этому, что по существу независимые от польских князей епископы весьма реально зависели от папы и чувствовали себя слугами Рима и что многие епископы, каноники и монахи были немцами, нередко не знакомыми с польским языком.

Высокое положение в стране и обществе занимали можновладцы. Являясь высшими сановниками в княжествах, они добивались от князей новых значительных земельных пожалований, увеличивавших их и без того обширные владения, унаследованные от предков, иммунитетных привилегий на свои земли, чем укрепляли свое политическое и экономическое положение. Это вызывало в них стремление к еще большему возвышению путем закрепления высоких государственных постов за определенными фамилиями, превращения должностей по назначению в наследственные должности. Попытки эти, однако, не имели успеха. Князья, уступавшие можновладцам свое «княжеское право» на их землях, советовавшиеся с ними по всем вопросам государственного управления, не шли на эту уступку, понимая, что закрепление государственных должностей за определенными могущественными фамилиями поставит их в самую крайнюю зависимость от можновладства. Тенденция к превращению должностей в наследственную привилегию встречала сопротивление и в кругах рыцарства, совершенно не заинтересованного в дальнейшем усилении крупных феодалов.

Рыцарство — шляхта — было очень пестрой по происхождению группой. В ее составе были и представители знатных владетельных родов, оторвавшиеся в свое время от родных гнезд, и потомки дружинников времен первых Пястов, и, наконец, отдельные выходцы из свободного крестьянства, приближенные князем или крупным феодалом. За военную службу они получали земли на правах условного владения. Однако уже в течение XII в. рыцарство добилось превращения владений в наследственные, а с половины XIII в. вслед за крупными феодалами начало получать на них иммунитетные привилегии, которые закрепляли за ним полноту власти над крестьянами, населявшими рыцарские имения. К этому прибавлялись другие привилегии. Рыцарство освобождалось от суда княжеских чиновников и подлежало непосредственно суду князя. К концу XIII в. были установлены оплата рыцарской службы за пределами страны и компенсация за убытки, понесенные во время заграничных походов. На основе всех этих привилегий выработалось особое рыцарское право, способствовавшее консолидации рыцарства в отдельную группу в составе гос-

подствующего класса. Окончательное оформление шляхты как сословия относится к XIV в.

Низшую группу рыцарства составляли влодыки или так называемая негербовая шляхта. В дальнейшем некоторая часть влодык слилась со всем шляхетским сословием, другие же пополнили ряды низших сословий феодального общества, в том числе и крестьянства.

В период феодальной раздробленности оформилась еще одна группа населения в составе польского общества. Предоставление городам особого городского права заложило основы для формирования мещанского сословия, пользовавшегося привилегиями и правами, отличными от привилегий шляхты, можновладства и духовенства.

Единственным классом, который не пользовался никакими привилегиями, являлось крестьянство. Непосредственные производители, кормившие своим трудом князей и феодалов, были лишены всяких прав. Сохранившаяся еще в XII в. незначительная прослойка свободных крестьян под натиском крупного землевладения, использовавшего свои иммунитетные привилегии, в XIII в. почти исчезла. Основная масса крестьян, прикрепленных к земле, закабаленных многочисленными повинностями в пользу феодала, находилась в полном его распоряжении.

К половине XII в. единая монархия в Польше распалась на отдельные княжества.

Во главе каждого княжества стоял свой князь. Отношения между князьями не оставались одинаковыми на протяжении всего периода феодальной раздробленности. Первоначально они строились на основе принципа: один из князей пользовался верховной властью над другими, был сюзереном по отношению к ним, получал при этом особые сюзеренные земли — Краковскую, Ленчицкую и Серадзскую. В случае смерти князя-сюзерена верховная власть вместе с указанными землями должна была переходить к самому старшему по возрасту члену династии Пястов, независимо от степени его родства с его предшественником. Однако этот принцип был нарушен уже в XII в. С половины XIII в. всякие следы его окончательно исчезли. Краковский стол стал яблоком раздора между князьями, его добывали силой. В то же время он утратил свое великокняжеское значение. Взаимоотношения между князьями теперь оформлялись договорами, которые они как равные заключали в случае военной опасности, по вопросу о взимании торговых пошлин и т. д.

В пределах своего княжества каждый князь являлся суверенным феодальным государем. Он командовал феодальным ополчением и был верховным судьей. Он мог свободно распоряжаться государственной землей и имел право привлекать население ее к выполнению государственных повинностей. Все основные государственные вопросы князь разрешал совместно с феодальной курией, в состав которой входили крупные светские и духовные феодалы, высшие должностные лица, каштеляны. На этих совещаниях, созываемых князьями, разрешались вопросы о войне и мире, принимались новые законы, давались новые привилегии, определялись налоги. Период феодальной раздробленности был временем господства можновладства. Власть находилась фактически в руках высших сановников, крупных светских и духовных феодалов.

В управлении государством князь опирался на своих чиновников, занимавших определенные должности при дворе и в соответствии с этим несших определенные функции по государственному управлению. Высшим должностным лицом был палатин, заведующий дворцом и заместитель князя в судах и военных походах. За ним шел его помощник по

управлению дворцом — подкоморий, он же главный контролер над управлением княжеских земельных владений. Скарбник ведал казной князя и одновременно казной государственной, канцлер заведовал канцелярией князя и вел дипломатическую переписку и т. д.

Местное управление осуществлялось уполномоченными князя, с XIII в. получившими названия каштелянов. Каштелян возглавлял гарнизон «города», собирал подати с сельской округи, тянувшей к «городу», производил суд над населением «города» и прилегавших к нему деревень. Обычно эти чиновники выходили из среды знатнейших фамилий княжества. Власть и значение их усиливались, земельные владения, которыми они награждались за службу, становились наследственными, увеличивая их родовые вотчины.

С течением времени система высшего и местного управления переживала некоторые изменения.

Придворные должности, а следовательно, и соответствующие им органы государственного управления превращались в «земские»: связанные до сих пор исключительно с двором определенного князя, с XIII в. они начали закрепляться за отдельными землями (княжествами). Если княжество по тем или другим причинам теряло самостоятельность, сливаясь с другим, существовавшие в нем должности не ликвидировались. Таким образом, один князь мог иметь столько палатинов, канцлеров и т. д., сколько княжеств находилось под его властью. Если ранее эти должностные лица именовались по князьям (палатин такого-то князя), то сейчас их имена связывались с названием земли, удела: палатин краковский, подкоморий познанский и т. п.

Такое прикрепление должностей к территории отдельных земель связано с делением на области, которые позднее стали называться воеводствами по названию высшего из чиновников. Например, в Малой Польше в начале XIII в. было уже две таких области — Краковская и Сандомирская, в Великой Польше с половины XIII столетия — три: Познанская, Гнезненская и Калишская. С 1231 г. известно Куявское воеводство, с 1234 г. — Ленчицкое, с 1264 г. — Серадзское.

Известному изменению подверглось и местное управление. Функции каштеляна постепенно перешли к появившимся рядом с ним «влодарям» (приказчикам), каштелянским судьям и войским (начальникам гарнизона). Каштеляны тоже превратились в земских чиновников.

Отмеченные выше характерные черты государственного строя Польши эпохи феодальной раздробленности отражали сдвиги в базисе польского феодального общества, которые произошли в XII—XIII вв. Они определялись тем обстоятельством, что главная роль в подавлении феодально зависимого крестьянства, ранее принадлежавшая центральной власти или власти удельного князя, перешла к можновладческой сеньории.

5

БОРЬБА ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА С ГЕРМАНСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ АГРЕССИЕЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII в.

Младшему сыну Владислава Германа — Болеславу III Кривоустому в последний раз в условиях развивавшейся феодальной раздробленности удалось объединить польские земли. Но успех его политики не был прочным.

Главной опорой Болеслава III, стремившегося ликвидировать раздел государства, произведенный его отцом, являлись могущественные феодальные роды — великопольский род Авданьцев, роды Ястшембцев и Стшеменьчиков, сильный силезский род Лабенджев. Болеслава поддерживала и часть польской католической иерархии. Объединительной политике Болеслава сочувствовала рыцарская прослойка феодального класса — мелкие и средние землевладельцы, не игравшие тогда, правда, решающей политической роли и привыкшие идти на поводу у той или иной группы крупных феодалов — możновладцев. Очень существенную роль в успехе объединительной политики Болеслава сыграл внешний фактор — резкое усиление угрозы германской феодальной агрессии. Против Болеслава выступала группа крупных светских и духовных феодалов, объединившаяся вокруг его брата Збигнева.

Борьба за объединение страны началась сразу же после смерти Владислава Германа (1102). Болеслав Кривоустый вступил в тесный союз с киевским и волынским князьями и венгерским королем Коломаном. Отношения Болеслава с империей, которая поддерживала Збигнева, были враждебными. Кроме империи, Збигнев опирался на чешскую помощь и искал поддержки у поморян.

Сначала, до 1106 г., борьба между Болеславом и Збигневом проявлялась главным образом в усилиях организовать нападение соседей на владения противника. Болеславу пришлось в это время вести постоянную войну с поморянами и чехами. Позднее, когда Болеславу удалось привлечь на свою сторону значительную часть możновладцев, до того поддерживавших Збигнева, он успешно завершил борьбу с последним, вынудив его бежать на Поморье. В победе Кривоустого очень важное значение имела венгерская и русская помощь. В начале 1108 г. под его властью оказались почти все польские земли. Изгнание Збигнева послужило предлогом для прямого вмешательства в польские дела со стороны германских феодалов, не желавших примириться с перспективой нового усиления польского государства. Одновременно осложнились и польско-чешские отношения.

В 1108 г. главный удар империя была намерена направить против Венгрии. Здесь же должны были действовать и основные силы чешского князя Святополка. Небольшие силы были предназначены им для диверсии в сторону Польши, чтобы воспрепятствовать Болеславу III оказать помощь Коломану. Тогда же против Польши выступили поморяне. В этих условиях Болеслав действительно не смог помочь Коломану, и последний вынужден был пойти на мирное соглашение с Генрихом V. Польша осталась один на один с могущественной немецко-чешской коалицией.

В августе 1109 г. немецкое войско, в котором насчитывалось до 10 тыс. рыцарей, двинулось к границам Польши. Однако уже под нижнесилезским городом Бытомом императора постигла неудача. Еще более неудачной была осада Глогова. Здесь немцы потерпели решительное поражение. К тому же силезское крестьянство начало партизанскую войну против немцев. Тогда Генрих V двинулся под Вроцлав. Но изнуренное голодом и непрерывными нападениями силезских крестьян немецкое рыцарство потеряло охоту сражаться. После неудачного штурма Вроцлава и гибели чешского князя Святополка стало очевидным, что дальнейшее пребывание на польской земле грозит немецкой армии полным истреблением. Император вынужден был отдать приказ об отступлении.

Так самоотверженная борьба польского народа, мужество и воинское умение польского рыцарства и полководческое мастерство польского князя, использовавшего против врага все преимущества партизанской войны, обеспечили Польше эту блестящую победу.

Ход предшествующих событий убедил польского князя в том, что в международном положении его страны крупнейшую роль играет позиция Чехии. Поэтому главные усилия польской дипломатии были направлены на ликвидацию польско-чешского конфликта, долго ослаблявшего оба государства.

Урегулировав в 1115 г. отношения с Чехией, польский князь оказался в состоянии предпринять серьезные военные мероприятия для подчинения Поморья.

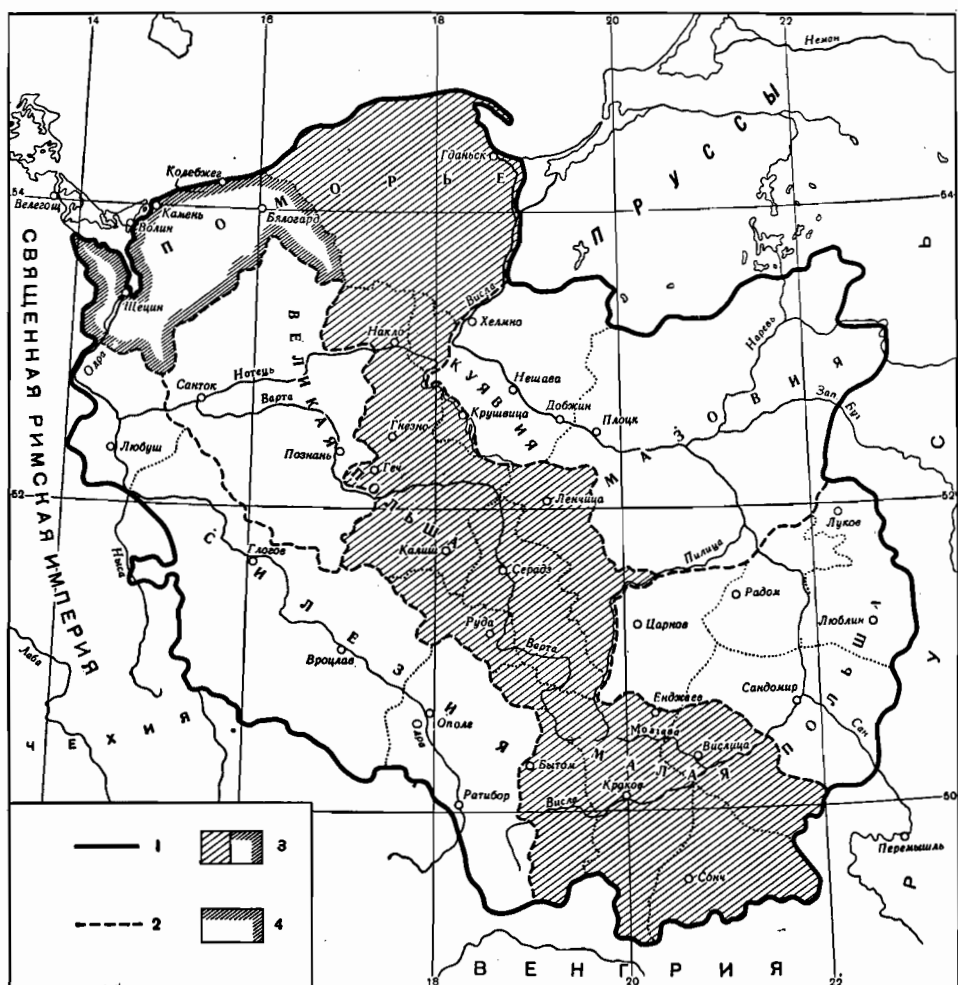
В описываемый момент Поморье распалось на две части, являвшиеся фактически самостоятельными государственными организациями: Восточное и Западное Поморье. Каждое из них имело своего верховного князя, которому были подчинены мелкие поморские князья.

Первые успехи — захват ключевой поморской крепости Накла и прорыв пограничной зоны по р. Нотець — были достигнуты Болеславом Кривоустым еще в 1113 г. Они получили дальнейшее развитие в 1116 и особенно в 1119 г., когда обоим поморским верховным князьям было нанесено решительное поражение. В 1121 г. Кривоустому удалось овладеть Щецином. Борьба в Западном Поморье была завершена в 1122 г., причем Болеславу III удалось подчинить своей власти и остров Руяну. Его успехам много способствовало то, что западнопоморскому князю приходилось одновременно вести войну против Кривоустого и против саксонского герцога Лотаря. Но все же Западное Поморье сумело сохранить свою отдельную государственность, подчинившись Польше на правах вассального княжества.

Западное Поморье являлось одной из наиболее развитых в социально-экономическом отношении польских земель. Отличительной особенностью Западного Поморья было высокое развитие городского строя. Источники упоминают большое число крупных по тому времени городских поселений, бывших центрами ремесленного производства и ведших оживленную внешнюю и внутреннюю торговлю. Наиболее значительные города были сосредоточены на Балтийском побережье. Обширную внешнюю торговлю вели жители Щецина, Волина, Клодна, Колобжега. В состав Западнопоморского княжества входили в это время частично и земли лютичей с богатыми торговыми городами Дыминьом, Узноимом, Велегощем, Гостьковом. В политическом отношении наиболее крупные города были фактически почти независимы от власти князя. Это были полусамостоятельные города-республики. Номинально верховная власть принадлежала в них городскому вечу, в котором принимали участие все свободные жители. На деле, однако, вся власть сосредоточивалась в руках совета городских старейшин, представлявшего интересы землевладельческой и торговой верхушки городского населения.

Верховная власть польского князя над Западным Поморьем не была прочной. Помимо таких общих причин, как рост крупного феодального землевладения, который усиливал центробежные силы во всех частях Польши, в Поморье действовали еще и свои особые силы, противившиеся более тесному объединению его с остальными польскими землями. Противником центральной власти здесь выступало сильное и богатое жречество. Вплоть до покорения Поморья Болеславом III в 1122 г. язычество полностью господствовало в Поморье, находя себе особенно влиятельную поддержку в лице богатых поморских городов.

При таких условиях Болеслав III должен был придавать особое значение делу христианизации Поморья, рассчитывая при помощи христианской церкви теснее связать его с Польским государством и правящей польской династией.

Польские земли около 1138 г.:

- 1 — общая граница польских земель; 2 — границы княжеств; 3 — удел великого князя по завещанию Болеслава Кривоустого (1138 г.); 4 — Западнопоморское княжество

Первоначально дело христианизации Западного Поморья было поручено миссии епископа Бернарда Испанца. После неудачи его миссии выбор Болеслава III пал на бамбергского епископа Оттона, хорошо знавшего Польшу. В миссии Оттона, отправившегося в Западное Поморье в конце 1124 г., принимало участие много польских духовных лиц и переводчиков. Миссия продолжалась до половины 1125 г. Миссионеры посетили крупнейшие города — Щецин, Волин, Колобжег, Бялогард, бывшие центрами языческого культа. За некоторыми исключениями дело христианизации обошлось без вооруженного сопротивления со стороны местного населения.

Стремясь к укреплению своей власти в Западном Поморье, Болеслав III первоначально не намеревался учреждать особые поморские епископские кафедры. Территория Поморья должна была войти в состав уже существовавших польских диоцезов, что подчеркивало бы ее принадлежность

к Польскому государству. Вскоре, однако, Болеслав III был вынужден отказаться от своего плана, уступая сопротивлению поморского князя Вартислава и поморских феодалов. В 1128 г. он дал согласие на учреждение особого Поморского епископства.

Позиции Польши в Поморье в это время резко осложнились ввиду возросшей германской агрессии, проводниками которой были саксонский герцог Лотарь, магдебургский архиепископ Норберт, добивавшийся ликвидации церковной самостоятельности Польши, и правители Лужицкой и Мишенской марок Альбрехт Медведь и Конрад Веттинский, которые позже стали кровавыми завоевателями прибалтийского славянства.

Около 1127 г. Лотарю удалось добиться того, что князь Вартислав признал себя ленником императора (ленная зависимость от империи распространялась на расположенные на левом берегу Одры земли Западнопоморского княжества) и открыто выступил против польского князя. В 1128 г. Вартислав совершил набег на Плоцк. На враждебные действия германского императора Болеслав III ответил заключением союза с Данией. В 1129 г. Вартиславу пришлось уже иметь дело с соединенными силами Польши и Дании, сумевших заставить его порвать с пронемецкой ориентацией. Датская помощь была куплена ценой отказа Польши от острова Руяны и задрских земель. Западнопоморский князь вынужден был признать верховную власть Дании над этими землями.

Но добиться больших успехов в борьбе с империей Болеславу III не удалось. Одним из важнейших обстоятельств, затруднявших радикальное разрешение в выгодном для Польши смысле поморского вопроса, было активное вмешательство Болеслава III в феодальную усобицу на Руси, а также его столкновение с Чехией и Венгрией. На съезде в Мерзбурге (1135) Болеслав III вынужден был признать сюзеренитет германского императора над Западным Поморьем, которое становилось имперским леном второй степени, так как за польским князем оставалась верховная власть над страной, которой управлял уже в качестве польского вассала поморский князь. Взамен за уступку в поморском вопросе император согласился на сохранение церковной самостоятельности Польши. Все это было, однако, лишь началом последующих агрессивных действий империи, широко использовавшей в своих целях феодальную раздробленность Польши.

6

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В XII—XIII вв. РОСТ ГЕРМАНСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Распад Польского государства после смерти Болеслава III Кривоустого привел к окончательной победе феодальной раздробленности в стране.

Свое юридическое оформление строй феодальной раздробленности получил в так называемом статуте Кривоустого (1138). По статуту, каждый из сыновей Болеслава III (кроме Казимира, родившегося после составления статута) получал особое княжество. Старший, Владислав, получил Силезию с Любушской землей, Болеславу Кудрявому досталась Мазовия, Мешко (впоследствии известному по прозвищу Старый) — часть Великой Польши, Генрику — земля Сандомирская и Люблинская. Остальная часть польской территории — земли Краковская, Серадзская и Лен-

чипкая, восточная часть Великой Польши с Калишем и Гнезно и западная часть Куявии с Крушвицей — составляла отдельный удел, который должен был принадлежать великому князю.

Статут Кривоустого был основан на принципе сеньората: верховная власть и связанный с ней центральный удел должны были принадлежать старшему в княжеском роде. Он получал титул великого князя и в сношениях с заграницей выступал в качестве суверенного государя. Только ему принадлежало право объявлять войну, заключать мирные договоры и союзы. Великий князь осуществлял верховную власть над Поморьем. Права удельных князей внутри их уделов были существенно ограничены в пользу великого князя, которому принадлежало право помещать свои гарнизоны в важнейших городах, инвестировать епископов, чеканить единую для всей Польши монету, командовать всеми вооруженными силами страны, забирать в свою казну все судебные штрафы. Великокняжеской столицей являлся Краков.

Статут Кривоустого содержал, таким образом, ряд условий, при помощи которых Болеслав III и поддерживавшая его группа możновладцев и рыцарства пытались воспрепятствовать полному расчленению государства.

Смерть Болеслава III Кривоустого в 1138 г. явилась сигналом к началу ожесточенной борьбы между его наследниками. Великий князь Владислав II сделал попытку заменить принцип сеньората принципом первородства, чтобы обеспечить верховную власть и краковский удел за своими наследниками. Выступившие против него младшие братья искали поддержки в империи и на Руси. В свою очередь Владислав сблизился с великим князем киевским Всеволодом. В конце 1142 г., заручившись русской помощью, он обрушился на уделы братьев. Благодаря русской помощи первая фаза междоусобной борьбы в Польше закончилась в пользу Владислава II.

В 1144 г. конфликт между братьями возобновился. Но Владиславу и на этот раз удалось разгромить войска братьев и принудить их скрыться за стенами Познани. Однако именно в этот момент в полной мере сказалось то обстоятельство, что крупные землевладельцы — решающая политическая сила в стране — были настроены против объединительных тенденций великого князя. После неудачной попытки добиться примирения между братьями крупные феодалы оказали помощь осажденным в Познани младшим князьям. Владислав вынужден был отступить от города, а затем и бежать из страны. Он укрылся при дворе императора Конрада III. Титул великого князя и краковский удел перешли к князю Болеславу Кудрявому. К нему же перешел и наследственный удел Владислава — Силезия и Любушская земля.

Под предлогом помощи Владиславу II в польские события вмешался германский император. Однако его осенний поход 1146 г. против польских князей был неудачным. Немецкое войско оказалось не в состоянии форсировать Одру. Но польские князья обещали выплатить императору дань, принесли вассальную присягу и согласились отдать на императорский суд свой спор с Владиславом.

Феодальную усобицу 1142—1146 гг. поспешили использовать князь Вартислав и западнопоморские феодалы, стремившиеся отделиться от Польского государства. Для восстановления своей власти в Западном Поморье польские князья приняли участие в крестовом походе 1147 г. против прибалтийско-полабского славянства, организованном германскими феодалами. В организации похода участвовали саксонский герцог Генрих Лев и лужицкий маркграф Альбрехт Медведь.

Крестоносцы двинулись против славян двумя армиями. Северная армия была направлена против бодричей, южная должна была покорить лютичей и далее двинуться на Поморье. Мы не имеем возможности точно установить численность ринувшихся на грабеж славянских земель крестоносцев. Данные источников (40 тыс. человек в северной, 60 тыс. — в южной и 100 тыс. — в датской армии), разумеется, преувеличены. Но несомненно, что за Лабу была брошена большая армия.

Тем не менее благодаря героическому сопротивлению полабо-прибалтийского славянства крестовый поход 1147 г. потерпел позорную неудачу. Возглавивший оборону бодричский князь Никлот сумел организовать отпор северной армии крестоносцев. Безуспешным оказался и поход южной армии на Западное Поморье. Крестоносцы обложили Щецин, но, убедившись, что им не удастся взять его, вынуждены были вступить в переговоры с посольством западнопоморского князя Ратибора, преемника Вартислава. Во время последовавшего затем отступления они понесли большие потери.

Очевидно, под Щецином к крестоносцам присоединилось польское войско. Используя угрозу германской агрессии, польским князьям удалось на этот раз восстановить свою верховную власть в Западном Поморье.

Героическое сопротивление полабо-прибалтийского славянства временно задержало развитие агрессии германских феодалов на восток. Вместе с тем крестовый поход 1147 г. был грозным сигналом, предупреждавшим о наступлении нового этапа в ходе германской феодальной агрессии. Но польские князья не сумели сразу оценить положение.

В 1157 г. Альбрехт Медведь после многочисленных неудачных попыток завладел славянским городом Бранибором и присоединил его к своей марке. В том же году польским князьям пришлось отражать натиск германских феодалов уже на своей земле. Успешно форсировав Одру, император Фридрих Барбаросса повел наступление на Познань. Болеслав Кудрявый вынужден был признать себя зависимым от империи и обязался уплатить большую дань. Польские князья вскоре вынуждены были уступить Силезию с Любушской землей сыновьям умершего в изгнании Владислава II.

Одновременно германские феодалы вели военные действия против полабо-прибалтийских славян. В 60—70-х годах XII в. их политическое подчинение германским феодалам было завершено. Лютичи, бодричи, руяне пытались в течение ряда лет оказывать сопротивление, но скинуть с себя немецкое и датское феодальное иго им не удалось. Так пал тот мощный славянский барьер, который на большом протяжении до сих пор защищал польские земли от германского феодального натиска. Германские феодалы подошли непосредственно к польским западным землям.

Оценивая значение германской феодальной опасности, следует подчеркнуть, что она усугублялась вследствие царивших в Польше феодальных усобиц. Более того, польские князья принимали активное участие в феодальных усобицах на Руси. В свою очередь русские князья являлись постоянными участниками феодальных войн в Польше. Ареной столкновений была обычно Галицкая Русь, привлекавшая малопольских феодалов своим богатством и важным в торговом отношении географическим положением. Борьба за Галицкую Русь оказалась тесно связанной с развитием феодальной войны в Польше. Малопольские князья обычно искали союза с князьями волынскими, в то время как союзниками галицких князей выступали Мазовия и Поморье. Феодальные усобицы не давали возможности польским князьям объединить свои силы в борьбе с германским феодальным натиском. Не случайно переход Силезии к сыновьям Владислава II совпал с польским походом под Червень в 1163 г.

Усобица внутри страны особого размаха достигла в правление Мешко Старого, занявшего в 1173 г. великокняжеский стол. Стремясь укрепить свои позиции, он завязал дружеские связи с маркграфами бранденбургскими и начал сближаться с императором Фридрихом I. Однако против Мешко выступила могущественная группа możnowładców, возглавляемая младшим сыном Болеслава Кривоустого Казимиром. Высшее духовенство тоже было настроено враждебно к Мешко. Против него выступали Болеслав Высокий в Силезии и сын Мешко — Одон в Великой Польше. Воспользовавшись тем, что Мешко Старый вмешался в борьбу между Западнопоморским княжеством и Данией, Казимир овладел с помощью местных możnowładców и краковского епископа Гедеопа Краковом. Одновременно князь Одон поднял бунт в Великой Польше и овладел Познанской землей. Мешко укрылся в Поморье. В 1181 г. Мешко удалось, используя отсутствие Казимира, отправившегося в русский поход, захватить с помощью поморян Гнезно.

Захват германскими феодалами земель полабо-прибалтийских славян чрезвычайно осложнил положение западнопоморских князей. Им приходилось испытывать натиск с трех сторон: со стороны саксонского герцога Генриха Льва, стремившегося овладеть землями по р. Пене, со стороны Дании, претендовавшей на верховную власть над всем Западным Поморьем, и со стороны бранденбургских маркграфов, пользовавшихся поддержкой императора. Особенно опасными в описываемое время для Поморья были притязания датских феодалов. При таких условиях для западнопоморского князя было вполне естественным искать помощи со стороны центральных польских земель. Однако феодальная война в Польше исключала такую возможность, и в 1181 г. западнопоморский князь Богуслав I стал ленником германского императора. В качестве имперского ленника он участвовал в 1184 г. в войне с рюанским князем Яромиром и Данией. Исход войны был неблагоприятен для Западнопоморского княжества. Датчанам удалось разгромить поморский флот. После падения Волина Богуслав I отказался от продолжения войны и признал верховную власть датского короля (1185). Попытка его преемника князя Вартислава освободиться от датской зависимости окончилась неудачей.

При Казимире II феодальная раздробленность Польши получила дальнейшее юридическое оформление на Ленчицком съезде 1180 г. Помимо князей, на съезде присутствовали собравшиеся со всей Польши епископы и светские феодалы. Стремясь превратить Краковскую землю в свой наследственный удел, Казимир, которого не случайно средневековые хронисты-клирики прозвали Справедливым, пошел на ряд серьезных уступок в пользу церкви и светских феодалов. Учитывая даже, что постановления Ленчицкого съезда в дальнейшем неоднократно нарушались преемниками Казимира, все же следует оценить привилеи 1180 г. как важнейший этап на пути оформления феодального иммунитета в средневековой Польше. В известной мере Ленчицкий съезд подводил итог борьбе между княжеской властью и польским крупным светским и духовным землевладением, которая началась еще в XI в. Расширение феодального иммунитета, сопровождавшееся ростом княжеских земельных пожалований в пользу феодалов, вело в конечном итоге к ослаблению княжеской власти и сокращению ее экономической основы — княжеского земельного фонда.

Решения Ленчицкого съезда оказали весьма существенное влияние на ход внешнеполитического развития Польши. Отныне великий князь попадал под почти безраздельное влияние малопольских феодалов. Его внешняя политика становилась выражением именно их интересов. Свидетельством этого является добровольный отказ Казимира от активной

политики на Западе при одновременном активном участии в борьбе малопольских феодалов за Галицкую Русь. Однако восточная политика Казимира не принесла ему никаких успехов, что было одной из причин появления среди малопольских феодалов оппозиционного движения.

После смерти Казимира II (1194) краковский престол пытался захватить Мешко III Старый, укрепившийся в Великой Польше. Кровавая сеча войск Мешко с малопольскими феодалами над речкой Мозгавой у Енджеёва в 1195 г. явилась важной вехой на пути дальнейшего дробления страны. Великокняжеская власть, которая до сих пор в какой-то мере ограничивала самостоятельность удельных князей, окончательно потеряла значение. Власть краковского князя фактически ограничивалась рамками краковского удела. Каждое удельное княжество представляло собой самостоятельную политическую единицу. Польша превратилась в комплекс самодовлеющих мелких государственных образований. Борьба за краковский стол между сыном Казимира Лешком Белым и Мешко Старым, а после его смерти в 1202 г. его сыном Владиславом Тонконогим превратилась в длительную феодальную усобицу различных групп малопольских феодалов, в ходе которой значение великокняжеской власти непрерывно падало.

Феодальные усобицы XIII в. еще более укрепили политические позиции крупных светских и духовных феодалов, особенно последних, опиравшихся на мощную организацию католической церкви. Заинтересованные в поддержке могущественных церковных магнатов, польские удельные князья вынуждены были покупать их союз ценой значительных уступок в вопросе иммунитета, а также соглашаться на рестройку польской церкви в духе реформ папы Григория VII, значительно сокращавших права княжеской власти в отношении церкви. В 1210 г. на съезде князей в Божикове архиепископу Кетличу удалось реализовать широкую политическую программу церковных магнатов. Согласно привилею 1210 г., церковь полностью освобождалась от повинностей в пользу государства, еще раз подтверждалась отмена права князя на имущество умершего епископа и др.

Перед Божиковским съездом стояли и чисто политические задачи. На нем была оформлена коалиция трех польских удельных князей: Лешка, его брата мазовецкого князя Конрада и Владислава Одонича, направленная против Владислава Тонкономого. Изгнание Лешка Белого из Кракова в 1211 г. временно ослабило силы этой коалиции и даже расстроило ее. Но в 1215 г. союз трех польских князей удалось восстановить, к нему был привлечен также опольский князь Казимир. Восстановление коалиции сопровождалось изданием нового привилея в пользу церкви. За ней теперь формально утверждалось право патримониальной юрисдикции в церковных имениях.

Привилегии, полученные церковными феодалами в 1210 и 1215 гг., не соответствовали интересам светских możновладцев. В последующие годы феодальная усобица в Польше развернулась с новой силой, причем активную роль в ней играло католическое духовенство. Не говоря уже о Западном Поморье, даже Восточное Поморье было предоставлено своей собственной участи и вскоре превратилось в самостоятельное княжество, ничем не связанное политически с остальными польскими землями. В 1227 г. правящий там Святополк, не принадлежавший к династии Пястов, именовал себя князем поморским.

Одно время, в 30-х годах XIII в., перевес в феодальной войне перешел к силезским Пястам. Краковский престол был захвачен силезским князем Генриком I Бородатым, который мог с полным правом считать себя

самым могущественным польским князем. Помимо богатой Силезии, в его руках находились значительная часть Малой Польши и Любушская земля. Вскоре, воспользовавшись выступлением против Владислава Одонича великопольских możnowładców и рыцарства, недовольных быстрым ростом иммунитетных прав церкви, Генрик Бородатый сумел присоединить к своим владениям и большую часть Великой Польши с Калишем и Познанью.

Генрик Бородатый вынашивал план восстановления в Польше королевской власти. Его сын Генрик II Благочестивый пытался продолжать политическую линию отца. Он тоже мечтал о восстановлении королевской власти, рассчитывая на помощь папства. Но объединительная политика силезских Пястов не имела прочного успеха. В борьбе между тенденцией к феодальной раздробленности и тенденцией к феодальной концентрации перевес был на стороне первой. Для ликвидации феодальной раздробленности в стране не созрели еще экономические условия. Ведущая политическая сила — крупные землевладельцы не хотели допустить объединения польских земель под властью одного монарха.

7

ОСНОВАНИЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА. ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Одним из наиболее тяжелых по своим последствиям событий в польской истории периода феодальной раздробленности было утверждение на польских землях германского рыцарского ордена. Это событие сыграло впоследствии роковую роль не только в истории Польши, но и в истории народов Прибалтики.

Рыцарский германский орден появился на территории Польши в связи со стремлениями польских князей овладеть землей пруссов.

В XIII в. пруссы находились на той стадии общественного развития, которая характеризуется процессом образования классов и становления раннефеодального государства. На попытки польских князей лишить их самостоятельности пруссы ответили военными вторжениями в Польшу, от которых особенно страдали мазовецкие земли. В 1222 г. против пруссов был организован крестовый поход, в котором приняли участие Лешек Белый, Генрик Бородатый и Конрад Мазовецкий, получившие помощь из Германии. В 1223 г. поход повторился. В нем участвовали и поморские князья Вратислав и Святополк. Оба похода, однако, окончились безрезультатно. При таких обстоятельствах возник план перемещения в Польшу Тевтонского ордена.

Польские феодалы полагали, что в задачи Ордена будут входить оборона границ Польши и подчинение пруссов польской государственности. Тевтонский орден, по их мнению, должен был сыграть роль авангарда в экспансии куявско-мазовецких феодалов на северо-восток. Но куявско-мазовецкие феодалы и их князья жестоко ошиблись. Они не понимали, что подчинение пруссов Польше не входило ни в планы империи, ни в планы папства. Они не сумели понять, что, пуская Тевтонский орден на свою территорию, они способствуют германской феодальной агрессии на восток, в частности, против самой Польши.

Переговоры с Орденом начались в 1225—1226 гг. Со стороны Ордена их вел опытный дипломат великий магистр Герман фон Зальца. Еще в 1211 г., по призыву венгерского короля, крестоносцы обосновались

Польские земли около 1250 г.:

1 — польские земли, попавшие под власть немецких феодалов до 1250 г.; 2 — общая граница польских княжеств около 1250 г.; 3 — границы княжеств; 4 — границы земель

в Семиградье. С усилением Ордена великий магистр стал строить планы основания в Семиградье самостоятельного немецкого феодального государства. Но как только эта тенденция определилась, венгерские феодалы поспешили избавиться от крестоносцев. Орден был изгнан из Венгрии и, используя политическую близорукость куявско-мазовецких феодалов, обосновался в Польше.

Первые крестоносцы прибыли в Польшу в 1226 г. с целью изучить положение дел на месте. Князь Конрад Мазовецкий обещал передать им Хелминскую землю на 20 лет с тем, чтобы они смогли за это время овладеть для себя территорией в землях пруссов. Условия польского князя мало устраивали Германа фон Зальца. В том же 1226 г. он заручился привилегией императора Фридриха II, который «передавал» в собствен-

Битва под Лигницей в 1241 г.

Миниатюра 1353 г.

ность Ордена все территориальные приобретения, которые удастся рыцарям сделать в землях пруссов. Позднее мазовецкий князь пошел на дальнейшие уступки. Хелминская земля была передана Ордену в вечное владение. Значительный кусок польской земли с г. Добжином был передан другому рыцарскому ордену — «Братьям добжинским», который был организован по инициативе куявского и плочкого епископов по образцу Ордена меченосцев в Прибалтике. Основание ордена «Братьев добжинских» заставило Тевтонский орден поторопиться с перемещением в Польшу. В 1230 г. сюда прибыл значительный отряд крестоносцев во главе с ландмагистром Германом фон Бальке. Тогда же Ордену была передана Нешава.

Соглашаясь на переход в руки Ордена завоеванных прусских земель, князь Конрад полагал, что за Польшей останутся верховные права на эти земли. Однако никакого договора на этот счет заключено не было, чем впоследствии и воспользовалась орденская дипломатия. В 1234 г. Орден получил папскую буллу, в силу которой все завоевания Ордена в Пруссии объявлялись «собственностью св. Петра» и передавались в вечное владение крестоносцам. Вслед за тем Орден предпринял инкорпорацию «Братьев добжинских», несмотря на сопротивление их магистра и части братьев. Это привело к конфликту Ордена с Конрадом Мазовецким, которому удалось вернуть себе Добжинскую землю ценой закрепления за крестоносцами Нешавы. Наконец, в 1237 г. при участии римского престола произошло слияние Тевтонского ордена с Орденом меченосцев в Прибалтике, еще более увеличившее военные и экономические ресурсы орденского государства. С этого времени орденское государство, получая постоянную поддержку из Германии, от папской курии и западноевропейских феодалов, начало быстро расти и крепнуть за счет ограбления и захвата прусских и польских земель.

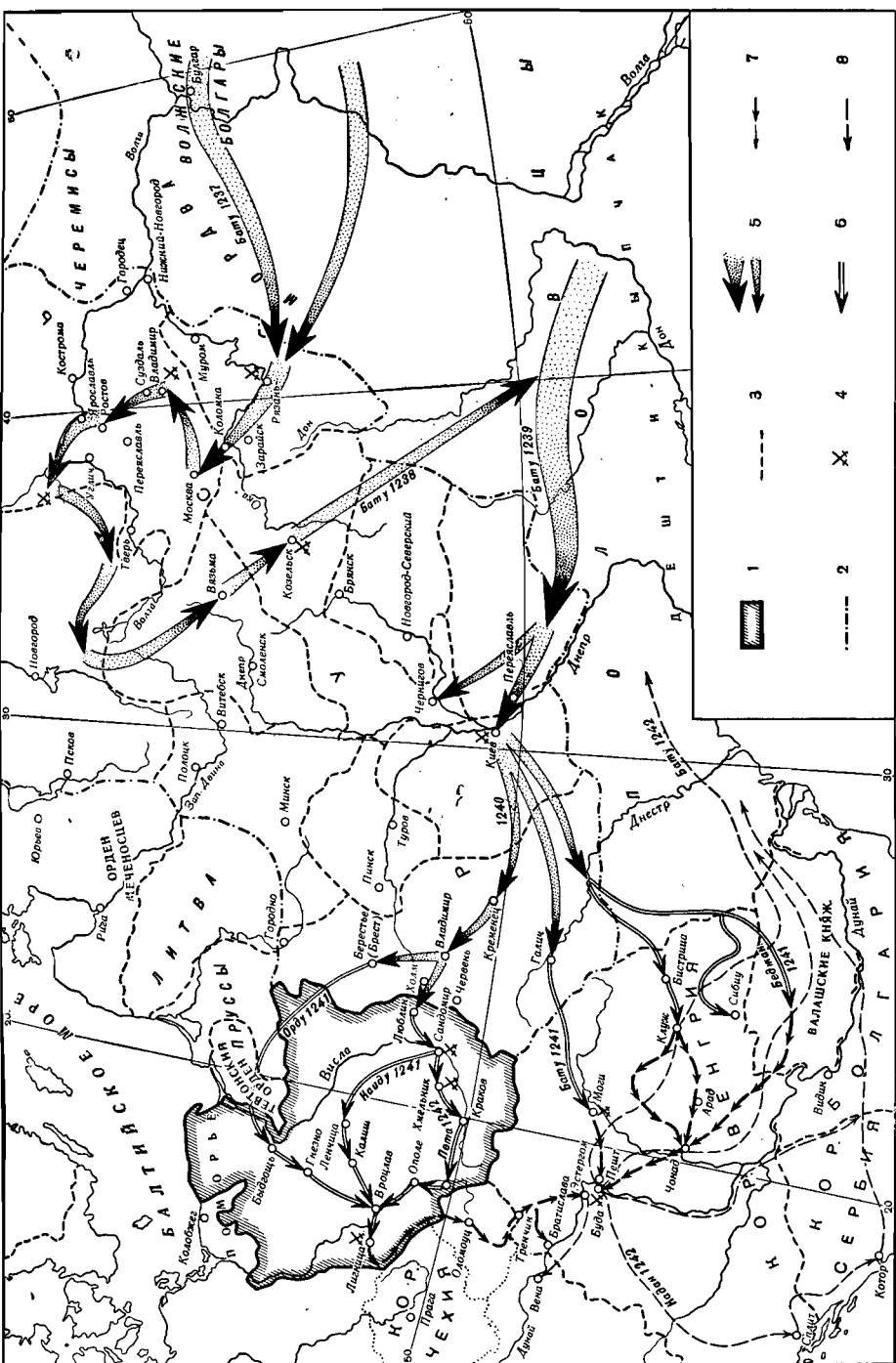
Осада Лигницы татарами

Миниатюра 1353 г.

Как раз в то же время Польша подверглась опустошительному татаро-монгольскому нашествию. Его результатом было не только страшное разорение польских земель, но и усиление процесса феодального дробления страны. Несмотря на то, что татаро-монгольский натиск был значительно ослаблен героическим сопротивлением русского народа, несмотря на то, что в нашествии на Польшу участвовали не главные силы орды, феодально раздробленная Польша оказалась не в состоянии остановить татаро-монголов. Они двинулись через Сандомир (Сандокеж), Вислицу и Краков на Силезию, легко подавив попытку малопольского рыцарства преградить им путь. Более решительное сопротивление татаро-монголам было оказано в Силезии, где во главе силезского рыцарства, получившего помощь из-за границы, стал самый могущественный из польских князей того времени Генрик Благочестивый. В битве под Лигницей, 9 апреля 1241 г., силезское рыцарство было разбито наголову, погиб и сам князь Генрик.

Татаро-монгольское нашествие не привело к установлению над Польшей татарского ига. Героическое сопротивление русского народа было решающим фактором, не допустившим распространения татаро-монгольского гнета на страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Но татаро-монголы страшно разорили Малую Польшу и Силезию. Крупнейшие города, в том числе Краков и Вроцлав, были сожжены и разграблены. Через 18 лет нашествие татаро-монголов повторилось. На этот раз пострадала только Малая Польша, однако, может быть, еще больше, чем в 1241 г. Татаро-монголам не удалось овладеть замком Кракова, но многие города и громадное число деревень подверглись полному опустошению. В 1259 г. малопольское рыцарство уже и не пыталось оказывать прямое сопротивление грозному противнику.

После поражения под Лигницей Болеславу Лысому Рогатке не удалось удержать все владения своего отца Генрика Благочестивого. Ему отказались повиноваться великопольские феодалы, а из Кракова его изгнал

Монгольское нашествие 1237—1242 гг.:

Границы (около 1240 г.): 1 — польских княжеств; 2 — русских земель и княжеств; 3 — прочих государств; 4 — важнейшие сращения. Направление монгольских отрядов в Польшу и Венгрию (до битвы при Моги и Лигнице); 5 — движение основных сил монголов от Волги к западным границам русских земель; 6 — вторжение монгольских отрядов в Польшу и Венгрию (до битвы при Моги и Лигнице); 7 — движение монгольских отрядов на соединение под Будой и Эстергом; 8 — возвращение монгольских отрядов в причерноморские степи

Конрад Мазовецкий. Вновь разгорелась борьба за краковский стол. Только после смерти Конрада Мазовецкого (1247) сын Лешка Белого Болеслав V Стыдливый соединил в своих руках оба малопольских удела, краковский и сандомирский. В отличие от уделов других князей, владения Болеслава Стыдливого (умер в 1279 г.) более не подвергались разделу. Но Малая Польша была исключением. Все остальные польские земли продолжали дробиться. Владения Конрада Мазовецкого были разделены между двумя его сыновьями, а к концу XIII в. уже распались на семь уделов. Распались на уделы и Великая Польша и Западное Поморье. Наибольшему дроблению подверглась Силезия.

Усиление феодальной раздробленности сопровождалось дальнейшим ростом феодальных усобиц, вся тяжесть которых падала на плечи феодально зависимого крестьянства. Эта непрерывная феодальная война, разоряя непосредственного производителя в городе и деревне, превращалась в тяжелое препятствие, тормозившее дальнейшее развитие производительных сил страны.

Столь же катастрофически отражалась она на внешнеполитическом положении польских земель. Период крайнего усиления феодальной раздробленности в Польше совпал с началом нового этапа в истории германской феодальной агрессии. Германский натиск на восток осуществляли теперь две силы — Бранденбург и Тевтонский орден, два государства, образовавшиеся на славянской и прусской земле и упорно стремившиеся ограбить и покорить остальные прусские, литовские и польские земли.

Экспансия Тевтонского ордена в Прибалтике находилась в прямой связи с планами римской курии, мечтавшей о подчинении своей власти всей Восточной Европы. Поддерживаемый империей и папами, Орден угрожал не только Польше, землям пруссов, литовцев, ливов и эстов, но и северо-западным русским землям. Натиск германских феодалов был, однако, отражен Русью. На льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. Александр Невский нанес им сокрушительный удар. Ледовое побоище было первым крупным поражением Тевтонского ордена, после которого он не был уже в силах, как это показали события 50-х годов XIII в., возобновить широкую экспансию против северорусских земель. Отныне главные удары рыцарей были направлены против народов Прибалтики. Поражение, нанесенное рыцарям в 1260 г. растущим Литовским государством, и всеобщее восстание пруссов, разразившееся в том же году, поставили Орденское государство перед перспективой полного разгрома. Восставшим пруссам энергично помогали литовцы. Только благодаря огромной людской и материальной помощи со стороны империи и папства рыцарям удалось в 1283 г. подавить восстание. Кровавая расправа с пруссами вновь укрепила положение Ордена, который теперь прочно обосновался в завоеванных землях и готовился к новой агрессии против соседей. Во второй половине XIII в. резко усилился и Бранденбург. В 1249 г. Бранденбург овладел Любушской землей и приступил к систематическому покорению земель между Вартой и Одрой. При этом основной стратегической задачей бранденбургских маркграфов было вбить клин между Поморьем и остальными польскими землями. Завоевание пограничных польских и прусских земель сопровождалось энергичной колонизационной политикой маркграфов и Ордена, стремившихся изменить этнический облик страны путем массового привлечения немцев-колонистов.

Смертельная опасность нависла над страной и в первую очередь над западными польскими землями — Силезией и Поморьем, где, наряду с немецкой сельской и городской колонизацией, шел, все более развиваясь,

процесс немецкой рыцарской колонизации, объективно бывшей скрытой формой германской феодальной агрессии. Приток немецкого рыцарства, получавшего щедрые пожалования от местных князей, нарушал этническую однородность господствующего феодального класса, ускорял его германизацию, способствовал формированию политических традиций, отделявших эти коренные польские земли от центральных областей страны.

Быстро усиливавшемуся немецкому феодальному натиску могла противостоять только объединенная Польша.

8

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XII—XIII вв. НЕМЕЦКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

В XII и особенно в XIII в. в социально-экономическом развитии Польши произошли весьма важные изменения. Самым основным новым явлением в экономическом развитии феодального польского общества был начавшийся переход к денежной ренте. Этот переход был подготовлен всем предыдущим ходом исторического процесса: общим подъемом производительных сил польского феодального общества, развитием товарно-денежных отношений и укреплением и расширением экономических связей между отдельными землями и между городом и деревней. С переходом к денежной ренте выросла заинтересованность феодалов в расширении и интенсификации феодального хозяйства, в увеличении размеров распаханной крестьянами земли и числа крестьянских рук в поместье. Одновременно происходили и важные изменения в юридическом положении части крестьянства.

С конца XII в. в Польше быстро распространялось трехполье. Сравнительно широкое применение получил тяжелый плуг. За счет расчистки больших лесных пространств намного выросли посевные площади. Инициатором этого хозяйственного освоения страны выступало польское крестьянство. Спасаясь от феодальной эксплуатации, многие крестьяне бежали от своих феодалов и вступали в тяжелую борьбу с лесом, отвоевывая у него пригодные для посева земли, или распахивали пустоши. Но и основная масса крестьян, которая оставалась на месте, стремясь улучшить свое экономическое положение, бралась за выкорчевку леса и распашку новых площадей во владениях своего феодала или во владениях соседних крупных землевладельцев и князей.

Феодалы быстро оценили экономические выгоды, которые сулила им осуществляемая силами крестьян внутренняя колонизация страны. Они не только спешили наложить свою руку на уже отвоеванные крестьянами у природы земли, но и попытались выступить в роли организаторов внутренней колонизации. Они предоставляли крестьянам-переселенцам временное полное или частичное освобождение от феодальных повинностей. В тех же целях польские князья, крупные феодалы и особенно монастыри, заинтересованные в увеличении числа своих крестьян, обратились к проектам приглашения иностранных колонистов-крестьян, главным образом немцев.

Но проекты колонизации за счет немецкого элемента далеко не всегда осуществлялись. Сравнительно активно, особенно во второй половине

XIII в., проходила немецкая колонизация в Силезии, территориально наиболее близкой к Германии. Особенно большой наплыв колонистов относится ко второй половине XIII столетия.

В других частях Польши результаты были значительно более скромными, и говорить о массовой эмиграции немцев-колонистов в Польшу в XIII в. вообще, а тем более вследствие колонизаторской политики князей в польской деревне отнюдь не приходится.

В связи с неудачей проектов привлечения немецких колонистов феодалы вынуждены были для расширения своих хозяйств использовать в основном внутреннюю колонизацию. Даже силезские князья, разрешая своим феодалам вызывать крестьян-немцев, позволяли одновременно привлекать и поляков. В Великой же и Малой Польше, в Мазовии сельская колонизация шла главным образом за счет польских крестьян. В орбиту ее вовлекалось как лично свободное, так и зависимое крестьянство. Недаром князь Лешек Черный, жалуя в 1288 г. Зверинскому монастырю (Малая Польша) новые владения, предписывал селить на них «людей любой национальности, кроме поляков из наших и наших рыцарей деревень», т. е. зависимых крестьян.

Заинтересованность феодалов в увеличении посевных площадей была самым тесным образом связана с ростом города и увеличением емкости городского рынка.

В XIII в. можно отметить быстрый рост польских городов. Росли старые города, возникали города новые. Особенно быстро росли города, расположенные на больших торговых путях, имевших крупное транзитное значение, — Краков, Вроцлав, Познань и др.

Рост городов и городского населения был следствием роста ремесленного производства. Усовершенствовались старые виды городского ремесла, появлялись новые, росла специализация ремесленников. Экономические связи между городом и его сельскохозяйственной округой становились все более прочными. Усиливались экономические связи между отдельными городами и областями страны. В города бежали, спасаясь от феодального гнета, крестьяне. Здесь они находили применение своему труду в растущем ремесленном производстве и торговле.

Князья, крупные светские и духовные феодалы были заинтересованы в экономическом росте городов, расположенных в пределах их владений. Город был для них источником крупных денежных поступлений. Однако не в их интересах было допускать отлив феодально зависимого крестьянского населения из деревень в города. Принимая меры к тому, чтобы прекратить бегство крестьян в города, крупные феодалы, в первую очередь князья, попытались организовать переселение в города иностранных колонистов, главным образом из Германии. Так, например, документ, выданный в 1257 г. Кракову, предписывая вызывать в него немцев, одновременно запрещал селить в городе крестьян-аскриптициев из церковных и светских владений, а также крестьян свободных.

Однако и в городе немецкая колонизация не получила того размаха, на который рассчитывали феодалы. Значительных размеров немецкая колонизация достигла только в городах западных польских земель. В остальных частях страны число немецких переселенцев было очень невелико.

Основная масса колонистов поселилась в городах, ведущих широкую транзитную торговлю. Сюда переселялись зажиточные купцы и ремесленники, привлекаемые перспективами обогащения. Во многих крупных городах они образовали влиятельный слой городского патрициата и ремесленных верхов.

Политика польских феодалов, способствовавшая переселению немецких колонистов в польские города и деревни, сыграла резко отрицательную роль в историческом развитии польского народа, содействуя укреплению в Польше политического влияния германских феодалов.

Новые явления в области базиса нашли свое отражение и в области надстройки. Их юридическим оформлением являлся переход к так называемому «немецкому» праву в городе и деревне.

Зачатками нового городского права были привилегии свободного рынка — торговое право, которое стали получать торговые пункты уже с половины XII в. Право это заключалось в том, что данному пункту, в котором в известное время в течение одного — восьми дней совершалась торговля, предоставлялся на время рынка судебный иммунитет. Все лица, съехавшиеся и съезжавшиеся на рынок, не только купцы, но и рыцари и духовенство, свободные и несвободные крестьяне подлежали судебной юрисдикции особого торгового, рыночного судьи, срок полномочий которого кончался вместе с закрытием рынка. Все они могли продавать и покупать все без ограничений, освобождались от обычных пошлин и оплат как на самом рынке, так и на пути следования к нему. Зависимость рынка от князя выражалась в определенных взносах от продаваемых товаров, которые шли в его пользу. Если торговый пункт находился на частной земле, этот доход частично или полностью поступал феодалу. В дальнейшем, по мере укрепления городов в Польше, привилегии свободного рынка постепенно расширялись в целую систему городского права, охватывавшего все стороны городской жизни. При этом в широкой степени было использовано наиболее разработанное в то время городское право Магдебурга.

В подавляющем большинстве случаев перевод какого-либо города на новое право или, как тогда говорили, «пожалование нового права» было результатом длительной борьбы горожан против феодального своеволия. Раньше всего этот перевод совершился в городах Силезии (Злотатура получила новое право в 1211 г., Костомлот — в 1214 г., Вроцлав — в 1242 г.). Позднее это право получили города Великой и Малой Польши и Мазовии (в Великой Польше: Гнезно — предположительно с 1235 г., Познань — в 1253 г., Калиш — в 1260 г.; в Малой Польше: Сандомир — в 1244 г., Краков — в 1257 г.; в Мазовии: Плоцк — в 1237 г., Лович — в 1298 г.). Одновременно на новое право переводились и поморские города (Стшалов — в 1234 г., Колобжег — в 1255 г., Волин — в 1277 г. и т. д.).

Пожалование городу нового права оформлялось особым привилеем и обычно сопровождалось предписанием произвести предварительно локацию города, т. е. заселение его. Документ выдавался на имя специального лица — локатора, осадчика. Известно, однако, что польские города, получившие городское право, в девятую часть случаев из ста уже существовали к этому времени. Поэтому в основном речь может идти лишь об увеличении городского населения.

Магдебургское городское право, принятое за основу в польских городах, подвергалось при перенесении на польскую почву более или менее существенным изменениям. В каждом городе городской строй устанавливался в зависимости от местных условий, и поэтому называть городское право Польши «немецким» можно только очень условно.

При переводе города на новое право он получал одновременно судебный и налоговый иммунитет, т. е. население города изымалось из ведения княжеского суда и освобождалось от поборов и повинностей, которые несло до сих пор в пользу князя. При локации обычно давался определенный льготный срок (от шести до двенадцати лет), в течение которого население города было свободно от всяких повинностей. По истечении этого

срока вводился чинш (оброк), которым облагались дома (дворы) горожан, участки земли, если они занимались и сельским хозяйством, лавки на рынке и, вероятно, ремесленные мастерские. Чинш вносился в основном в деньгах и только с участков земли взимался частично в зерне, в тех же размерах, как в деревне. Помимо чинша, горожане должны были платить десятину в пользу церкви в размере от 2 шкойцев (4 гроша) до фертона (12 грошей). Наконец, население города обязано было нести некоторые отработочные повинности, например «подводы», т. е. доставлять транспорт князю и его чиновникам. На населении города лежала обязанность и военной службы. Освобождалось оно только от участия в походах за пределами страны.

Во главе города стоял войт, назначавшийся князем (обычно лицо, на имя которого выдавался документ, оформлявший переход к новому праву, локатор — осадчик). В руки его переходила судебно-административная власть над населением. В награду за службу войт получал известное количество земли под городом, мельницы, дом и лавки на рынке. В его пользу шли треть всех судебных штрафов, треть или пятая часть чиншей, вносившихся населением. Войт не платил чинша, зачастую освобождался от десятины и обязан был только военной службой. Власть войта была наследственной. Судебные функции войт выполнял с помощью лавников-присяжных. Обычно бывало семь лавников (во Вроцлаве — 11). Население города образовывало общину — гмину. Она объединяла только торгово-ремесленное население. Рыцарство, чиновники, духовенство, жившее в городе, в состав общины не входили.

По существу войт был представителем князя в городе, его уполномоченным. Зависимость города от князя только ослаблялась, но не подрывалась. Князь оставался верховным господином города. Ему принадлежал суд по важнейшим преступлениям (убийство, грабеж, изнасилование); его же суду подлежал и сам войт. Две трети судебных штрафов, львиная доля чиншей, платившихся горожанами, шла в пользу князя, так же как и пошлины с товаров, привозившихся на городской рынок.

Естественно, что такое положение не могло удовлетворять горожан, начавших борьбу за широкое участие в управлении городом. Результаты ее сказались уже во второй половине XIII в., когда в ряде крупных городов появилось патрицианское представительство — городской совет. Во Вроцлаве, например, городской совет известен с 1261 г., в Кракове — с 1264 г., в Познани — с 1280 г. В руки его перешла административная власть. Совет поддерживал порядок в городе, раскладывал и утверждал налоги, разрешал вопросы, связанные с торговлей, мерами, весами и пр. Но совет пока еще был подчинен войту. Последний его возглавлял и сохранял судебную власть в своих руках.

Одновременно города добивались торговых и пошлинных привилегий. Так, во Вроцлаве уже в 1266 г. князь продал городу принадлежавшие ему и приносившие большой доход 48 лавок, в которых производилась торговля мелкими товарами. В 1271 г. князь разрешил горожанам построить 16 пекарен (через два года количество это удвоилось) и доход с них употреблять на благоустройство города. В Познани в 1280 г. князь Пшемислав II разрешил горожанам построить молочные, кожевенные, обувные, мясные и винные лавки, пекарни и бойни и весь чинш с них продал городу, одновременно уступая ему оплаты с лавок, открывавшихся приезжавшими на ежегодную ярмарку купцами.

Так постепенно город превращался в замкнутую хозяйственную единицу, где вся нужная продукция изготовлялась на месте, а торговля ею находилась в руках самих горожан, причем доходами с нее они распо-

ряжались сами. В этих условиях появление на местном рынке чужих, иногородних кушцов со своими товарами было опасно, оно могло вызвать снижение цен на местную продукцию и, следовательно, уменьшение доходов города. Поэтому принимались меры против заезжих торговцев-конкурентов. Им разрешалось торговать только на ярмарках. С них взимались большие пошлины и различные оплаты (с места, с весов и пр.). Основной мерой борьбы с конкурентами было право склада, которого ряд городов добился уже в XIII в. Это право могло быть полным или частичным. В первом случае приезжие купцы обязывались весь свой товар продавать в данном городе. Во втором — им разрешалось выставлять здесь на продажу только определенные сорта товара или же торговать всеми своими товарами, но обязательно в течение определенного времени, достаточного для того, чтобы все местные торговцы могли запастись этими товарами. Полное право склада получил в 1274 г. Вроцлав, частичное — в 1276 г. Сандомир (на соль и сельдь), в 1291 г. — Освенцим (на соль и свинец).

В населении польского города XIII в. можно выявить три прослойки. Первая, высшая — городская верхушка, патрициат, в состав которого входили богатые купцы и ремесленники. В ряде крупных польских городов, связанных с транзитной торговлей, это были главным образом немцы, в меньшей степени — поляки. Патрициат держал в своих руках бразды правления. Вторая, средняя прослойка — средней руки торговцы и ремесленники, главным образом поляки, частично немцы. Эта прослойка пользовалась всеми правами, но не принимала непосредственного участия в управлении городом. Наконец, третью, низшую прослойку составляли городские низы, беднота — мелкие торговцы, подмастерья и ученики в ремесленных мастерских, лица, находившиеся в услужении у богатых купцов и ремесленников, у рыцарства и духовенства, обитавших в городе. В нее входили почти исключительно поляки. Не имея недвижимой собственности в городе, они не пользовались городским правом, не считались горожанами. Они были просто жителями города. Их единственная привилегия состояла в том, что они наравне с собственно горожанами подлежали городскому суду.

Преобладание в составе городской верхушки ряда городов немецкого элемента придавало своеобразную физиономию польским городам и наложило существенный отпечаток на их последующую историю, осложнив, в частности, социальные противоречия в среде городского населения противоречиями национальными.

Уже во второй половине XIII в. в польских городах начали возникать объединения купцов и ремесленников — купеческие гильдии и ремесленные цехи. Например, Вроцлав уже в 1273 г. получил право иметь цеховые организации, под которыми подразумевались и организации купеческие (торговцы сукном и богатые лавочники) и собственно цехи — ремесленные организации сапожников, мясников, пекарей, кожевников, пивоваров, шорников, скорняков, а также мелких торговцев и торговцев старьем. К 1303 г. во Вроцлаве существовало уже 29 цехов.

Социально-экономическое развитие привело к изменениям и в правовом положении части феодально зависимого крестьянства. Под давлением классовой борьбы феодально зависимого крестьянства феодалы, переходя в связи с развитием денежной ренты к новым формам эксплуатации и привлекая на свои земли переселенцев, вынуждены были пойти на известное улучшение правового положения непосредственного производителя. Улучшение это распространялось на крестьян-новоселов, занятых выкорчевкой лесов, распашкой пустошей. Значительно реже новоселы привлекались к обработке ранее возделываемых, а потом заброшенных (может быть, в связи

с монголо-татарским нашествием) земель. В течение всего XIII в. мы не знаем ни одного случая, когда новые порядки утверждались в старых, давно уже существовавших деревнях.

Предоставление нового права оформлялось специальным документом. Если князь вводил его на своих землях, то этот документ представлял собой договор с определенным лицом — осадчиком и подробно излагал условия колонизации на «немецком» праве. Если право предоставлялось духовным или светским феодалам, им выдавался княжеский привилей, принципиально разрешавший колонизацию на новых условиях, а самые условия в деревнях определялись особыми договорами, которые эти землевладельцы в дальнейшем заключали с осадчиками. «Немецкое» право, введенное во вновь основываемых деревнях Польши, не соответствовало немецкому сельскому праву и может быть названо немецким еще более условно, чем польское городское право.

О новых порядках говорят договоры, заключавшиеся между феодалом и осадчиком. Крестьяне-новоселы на известный срок освобождались от всяких повинностей по отношению к феодалу и государству. Этот период («свобода»), в течение которого крестьяне занимались выкорчевкой леса и кустарников, определялся в каждом отдельном случае и зависел от характера осваиваемой площади.

Основные обязанности крестьян по истечении срока «свободы» выражались в оброке (чинше) в пользу феодала и десятины в пользу церкви. Пестрая система поборов натурой, которые составляли феодальную ренту на старом польском праве и взимались со всего, что могло подлежать обложению, в произвольных размерах и количествах и в любые сроки, уступала место единообразному, вносившемуся с земельного надела в определенный срок, постоянному в своих размерах, денежному или натуральному оброку. Десятина, до тех пор сноповая, т. е. взимавшаяся в виде десятой части снопов урожая, заменялась теперь опять-таки строго определенным в своих размерах натуральным или денежным, взимавшимся в определенный срок взносом.

Новая форма десятины встречала противодействие со стороны церкви. Церковь вела борьбу против зерновой и денежной десятины, добиваясь восстановления старой, сноповой, дававшей широкую почву для произвола. Поэтому в некоторых местах, особенно в духовных землевладениях, мы находим именно сноповую десятину рядом с денежным чиншем, иногда она взимается даже в период «свободы».

Срок взноса для чинша и десятины был общий, обычно день св. Мартина, к которому заканчивались все полевые работы. Рента продуктами и появившаяся денежная рента сосуществовали. В Силезии и Великой Польше крестьяне должны были вносить 1 фертон (12 грошей) денег и малдрат (12 мер) зерна с надела. В Малой Польше денежный взнос был обычно выше. В землях краковского капитула платили 8 шкойцев (16 грошей), в Тынецком монастыре — 9 шкойцев (18 грошей). Князь Болеслав Стыдливый в своих владениях требовал даже полмарки (24 гроша) в качестве чинша, устанавливая меньший по размеру натуральный оброк — 6 мер зерна. Общий размер натуральной ренты редко подвергался изменениям. Это почти всегда малдрат трех сортов зерна — ржи, пшеницы, овса, обычно по 4 меры от каждого сорта. Кроме чинша и десятины, крестьяне, переведенные на «немецкое» право, несли некоторые повинности и в пользу государства. Они привлекались к постройке городов и несению военной повинности, если речь шла о внутренней обороне страны. Последняя повинность выражалась в доставке подвод для войска с определенным количеством лошадей, большей частью одной подводы с двумя лошадьми.

Но феодалы нелегко расставались со старым польским правом и старались сохранить кое-что от него. Единообразный чинш деньгами или зерном раз в год не удовлетворял их аппетитов, и они требовали, сверх того, яиц, птицы и т. д. Попытку сохранить кое-какие элементы старого права, хотя бы и в новой форме, можно видеть в так называемых «завтраках» — обязанности крестьян оказывать прием князю или частному землевладельцу, приезжавшему в деревню на великие, или генеральные, суды. Нетрудно заметить, что эта повинность является видоизмененной формой стана. Уже в XIII в. она переживала дальнейшие изменения, превращаясь из натуральной в денежную. В одном из сохранившихся договоров крестьяне обязывались давать ежегодно на два приема генеральных судов по 4 шкойца (8 грошей), в другом — даже по фертону (12 грошей).

В руки феодалов шли, кроме того, две трети всех судебных штрафов с крестьян.

Все свои повинности крестьянин, сидевший на «немецком» праве, платил с лана земли. Определить размер крестьянского хозяйства трудно. В договорах изредка указывается только общий размер всех чиншевых, т. е. крестьянских, хозяйств, проектируемых на площади, которую земледелец рассчитывал получить в результате освоения лесного участка. Обычно — это 20 ланов на все хозяйства плюс один на пастбище. Сколько отсюда приходится на одно крестьянское хозяйство, — неизвестно. На основе показаний источников XIV в. можно считать, что надел крестьянина на «немецком» праве составлял один-два лана. Ланы были различны. Были малые, фламандские ланы, применявшиеся на более легких почвах, покрытых до расчистки кустарником или мелким лесом, и большие, франконские, для более тяжелых почв, покрытых дремучим лесом. Первый равнялся 30 моргам (около 17 га), второй — 43,5 морга (около 24,5 га). Можно, следовательно, предполагать, что размеры наделов крестьян колебались от 17 до 49 га.

Свой участок земли крестьянин получал в наследственное индивидуальное пользование. Формально он мог в любое время уйти с него, но при условии, что предварительно поставит на свое место другого.

Крестьяне, жившие на «немецком» праве, образовывали общину, гмину. Во главе ее стоял солтыс, назначавшийся феодалом, обычно осадчик деревни. В его руках сосредоточивались административные и судебные функции. Он собирал и вносил землевладельцу следуемый с колонистов чинш и производил суд. Солтысу обычно принадлежала только низшая судебная юрисдикция, а важнейшие уголовные преступления рассматривались князем или феодалом. Суд солтыс совершал вместе с лавниками, выборными от общины. Сам солтыс подлежал особому «ленному суду солтысов», в состав которого входили землевладелец и семь других солтысов в качестве лавников. Власть солтыса была наследственная. За свою службу он получал 2—5 ланов земли, свободных от чинша, но не от десятины, мельницу, корчму, рыбные ловли и прочие угодья. Ему шла шестая или седьмая часть всего чинша с крестьянских хозяйств, треть всех судебных штрафов¹. Солтысы несли военную службу, должны были сопровождать землевладельца во время походов в пределах страны, причем солтыс обязан был иметь коня, стоимость которого в договоре часто точно указывалась. Значительное материальное обеспечение, широкие

¹ В частновладельческих землях, если князь оставлял за собой суд по важнейшим уголовным делам, треть судебных штрафов по этим делам шла в пользу землевладельца.

служебные функции, наследственные права ставили солтыса в привилегированное положение.

Определенные размеры чинша и десятины, вносимых раз в год в установленные сроки, меньше связывали крестьянина, оставляли ему больше времени на ведение собственного хозяйства. Это новое экономическое положение в сочетании с правовым — личной свободой, наследственным землепользованием, самоуправлением, хотя и ограниченным — резко отличали крестьян-новоселов на «немецком» праве от крестьян, живших на праве польском, создавали новую прослойку крестьянства.

Подъем сельского хозяйства, развитие свободного ремесла в городах способствовали дальнейшему развитию внутренней торговли. Укреплялись местные рынки. Сельскохозяйственная продукция находила большой спрос у городского населения. Окрестные феодалы все больше втягивались в товарно-денежные отношения, выступая на городском рынке и в роли продавцов и в роли покупателей ремесленной продукции. Так или иначе должен был связываться с рынком и крестьянин, выплачивавший часть ренты деньгами. Он мог приобрести их только путем продажи своего прибавочного продукта. Старые рынки переставали удовлетворять. Возникали новые торговые центры на частновладельческих землях.

Развивалась и внешняя торговля. До сих пор в основном транзитная, она начала изменять свой характер. Польские города завязывали постоянные самостоятельные связи с заграницей.

Рост производительных сил страны был заметен и в горном деле. Добывались золото, серебро, свинец и медь. В 1251 г. была открыта каменная соль в районе Велички и Бохни.

Рост производительных сил, развитие внутренней и внешней торговли ослабляли существовавшую до сих пор экономическую раздробленность. Между отдельными частями страны возникали и укреплялись широкие и регулярные экономические связи. Начавшийся на этой социально-экономической основе процесс объединения польских земель в единое государство был существенно ускорен необходимостью организации отпора резко усилившейся германской феодальной агрессии.

9

КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ XI—XIII вв.

Принятие Польшей христианства по католическому обряду с богослужением на латинском языке имело весьма отрицательное значение для развития польской культуры.

Официальным языком в Польше стал латинский, доступный лишь привилегированной верхушке общества и непонятный народу. На нем совершалось богослужение, на нем писались все документы, ему учили и на нем обучали в школах, на нем же возникли первые произведения польской письменности. Господство латинского языка повлекло за собой засорение польской лексики всякого рода латинизмами.

Отодвинув на столетия создание письменности на родном языке, католичество затормозило развитие самобытной польской культуры. Оно, кроме того, отрицательно сказалось на развитии культурных связей с родственной Русью, стоявшей в описываемое время в культурном отношении на более высоком уровне, чем Польша.

Incipit epistola et quedam pambula tan
quodam Geronimo polonorum h. modo
Punio ad dei
gratia summo
pontifici. Bui
h. Symoni pa
lo. asauo. Sy
uillao. ad digni
ac nenandis
pontifici; polonie regionis
nationi et iam copatorum suo re
nabili cancellario Michaeli
episcopi laboris opifici sublequens
scriptor opulenti sup montem
sion dñi scilicet gregi commisso uigi
lanti studio spectulari ac diuinitate
i uirtute gdiendo deū deorū facie
ad facie templari. **¶** Si uestra
auctoritate sustulit patres p
tutidati utaq; opulencie firmit
fieri meis uirib; tuam amiti
pondis omnis subire et eū fragi
u lembo periculose tanta equori
i mensura i troueru. **¶** Sed
senur nauti potit in nauicula
residens pundas leuentis fere
nauigare qui nauiderim h; pi
tū qui sit eam certa uento
i hōz moderumine gubnare.
¶ Nec nauissem quoq; tante
caribdis naufragium euitare
in libull; uir karitati meam
nauiclam uir uenitū gubna
tis subleuauit. **¶** Nec de tanta
libitaz denitaz ignar; uise po
tissim exire in uir tenuitaz
ti placuit; reatas in metas in
terius apte. **¶** Tancor g rō
z amittit aulis i signus portū
Bulo tenur; uentoz turbulit;

expedit. **¶** Nec dubualo lignis
lunib; uiam i cognitam palu
tate cum cognouerim rectorē o
culos pcedenauim luce lucidius
chorulaz. **¶** Et cū tales p mite
rim amibidos de fery lores floi
pendam quicq; i ustanto mu
muerent i iudiosi detnatores.
¶ Et quī forma wa amipos vos
fauores obtulit nulle rei dignū
duri tantos uiros in cere quali
Lronica serie. **¶** Et uo namq; qe
utula; pab; paois illustauit
de; poloniam. **¶** Sole; lau; et;
getis memorabilib; et fauolis.
¶ Et cū multa et magnifica uob
gesta p mitta de genab; queda
cū suggerere liblequē uoloz
menouie nō dimittā. **¶** S; ad pñ
vos uno ore vna laude vnani
mit unanimes imanna; et qd
i uolubile caritatis uniuersū
amectat. **¶** rūs q; pcorū; ad uer
cauus. **¶** Dignū ē n. ut rerū
i getas istaurunt pnotari. qd
diuina grā facit. **¶** de hys carissima
tū uis pilapib; pncipari tū
quod; diligen;ione auditorum
q; apactatib; celatū; alimonis
ficles etozaz; arumitē pacti
ny nre pūllū; uenitatis opul
culi iustitragio tuat. **¶** Nam qd
de; ordinauit tanto pūlegio
dignitatis honitib; cetis p mite
apeter colte studio hys singlorū
uclimaz; et necessitatib; pte
uide. **¶** Ignar; ne nū; plone
uideamur uanitatū; fibrias
dulanre codicem nō nū; de
arulu; h; uis noib; tūlare

Особенно жестоким преследованиям католического духовенства подвергалось, понятно, народное творчество. Поэтому в памятниках древнепольской письменности народные произведения — предания, легенды, эпические и лирические песни — нашли лишь весьма слабое отражение. Недостаточно еще исследованы и материальные памятники, относящиеся к жизни и быту широких народных масс. Все это делает пока невозможным дать сколько-нибудь конкретную характеристику польской народной культуры первых веков развития феодализма.

В то же время произведения древнепольской письменности XII—XIII вв., хотя они и написаны духовными лицами и почти исключительно на латинском языке, сохранили немало материала, характеризующего развитие культуры господствующего класса.

Именно к этому времени относится возникновение или оформление многочисленных эпико-героических легенд и сказаний о польских князьях, скудные обрывки которых сохранили нам хроники XII и последующих веков. Отчасти вновь созданные дружинными певцами, отчасти переделанные ими из народных героических песен предшествующей поры, эти сказания о Попеле, Пясте, Кроеке, Ванде и др., как и вообще весь дружинно-феодальный эпос, были одним из элементов оформления классового сознания феодалов. Вместе с тем они были и одним из мощных средств идеологического воздействия на широкие массы закабаляемого населения.

От начала XII в. сохранился исторический труд, ярко характеризующий политическую борьбу, происходившую в то время между различными группировками польских феодалов. Это так называемая хроника Галла Анонима. Имя автора неизвестно, как неизвестна и его национальность. Из хроники видно, что автор — духовное лицо (священник или монах), тесно связанное с двором Болеслава Кривоустого. Хроника, очевидно, и была написана по заказу Болеслава. Она состоит из трех книг. Основная часть ее, занимающая две последние книги, описывает жизнь и боевые подвиги Болеслава Кривоустого и доведена до 1113 г., в первой книге сжато изложена вся предшествующая история Польши, причем особое внимание уделено Болеславу Храброму.

Характерной чертой хроники Галла Анонима является то, что автор ее стоит за сохранение государственного единства Польши, за сильную княжескую власть, понимая, что феодальное расчленение государства приведет к усилению внешней угрозы. Призыв к государственному единству — явление весьма знаменательное, особенно если учесть, что автор писал свою хронику в начале XII в., когда в социально-экономическом и политическом развитии страны все более определенно брала верх тенденция феодальной раздробленности.

Еще сильнее этот призыв звучит в некоторых литературных произведениях XII—XIII вв., когда страна была раздроблена на мелкие части, а между феодалами шла нескончаемая усобица, разорявшая страну и открывавшая дорогу немецкой феодальной агрессии. В это время в народе не могло не усилиться сознание единства польского народа и польской земли, а в связи с этим и стремление к объединению всех польских земель, к ликвидации феодальной раздробленности. Эти настроения проникали и в среду некоторых групп господствующего класса и получили отражение в таком, например, произведении, как хроника Винцента Кадлубка. Автор ее — один из первых поляков, получивших образование за границей, высокообразованный человек своего времени, лицо, близкое ко двору великого князя Казимира II, несомненно не просто свидетель, но и активный участник политической жизни. В 1208—1218 гг. Кадлубек был епи-

Дошедшие до нас польские памятники музыкальной письменности XII—XIII столетий относятся исключительно к культовой музыке. Авторство некоторых из этих произведений приписывается Винценту из Келец (середина XIII в.) — первому польскому композитору, имя которого нам известно.

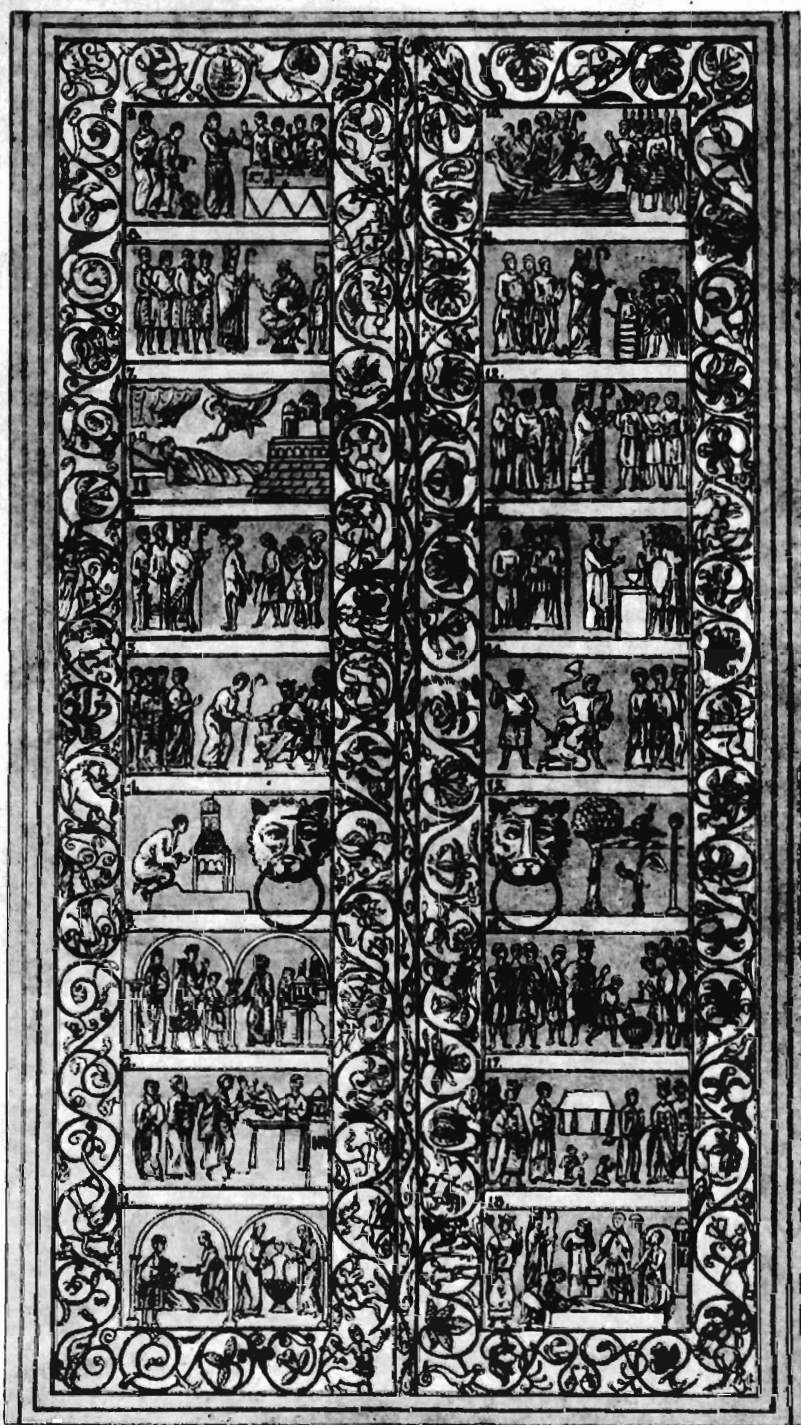
Для дальнейшего укрепления власти польских феодалов в XIII в. были проведены некоторые реформы в постановке школьного дела. Первые школы в Польше, открывшиеся во второй половине X в., служили исключительно целям подготовки кадров духовенства. С половины XIII в., кроме существовавших ранее школ кафедральных и монастырских, стали открываться приходские школы при костелах. Расширился контингент учащихся. Хотя школы попрежнему оставались в руках церкви, в них не только обучались лица, предназначавшие себя к духовному званию, но и готовились кадры, необходимые для расширявшегося феодального государственного аппарата.

Преподавание велось попрежнему преимущественно на латинском языке, польский язык не изучался. Но синод в Ленцице, состоявшийся в 1257 г. под председательством гнезненского архиепископа Пелки, вынося постановление об открытии приходских школ, запретил принимать в польские школы немцев-учителей, «поскольку они не владеют достаточно польским языком и не могут объяснить на польском языке латинских авторов», а синод 1285 г. постановил, что ректорами кафедральных и монастырских школ могут быть только те лица, которые хорошо знают польский язык и умеют излагать на нем латинских авторов. Эти решения синодов были вызваны борьбой польского клира против немецко-католического духовенства. С другой стороны, они свидетельствуют о том, что борьба польского языка с латинским вела к победе родного языка.

Целям укрепления господства феодалов служило и искусство, прежде всего церковная архитектура, скульптура и живопись. Монументальные храмы, строившиеся согласно господствовавшим в феодальном обществе вкусам, должны были укреплять авторитет католической церкви, являвшейся в то время высшей санкцией феодального строя. Они рассчитаны были на то, чтобы подавлять своим величием чувства верующих, создавать у них представление о неизбежности существующих социальных отношений.

В первые века после принятия Польшей христианства строились преимущественно круглые, увенчанные куполами сначала деревянные, потом и каменные храмы. Таковы костел св. Феликса и Адаукта на Вавеле в Кракове, двухэтажный костел под Гнезно на острове Ледницкого озера, выстроенный из белого камня, костел св. Михаила под Краковом и др. В постройках эпохи Казимира I чувствуется влияние древнерусской архитектуры, существенно преобразившей византийские каноны.

В начале XI в. начали появляться костелы в романском стиле. При Болеславе Храбром в этом стиле были выстроены деревянные кафедральные костелы в Кракове, Гнезно и каменный в Познани. Такого же типа воздвигнутый из гранита Болеславом Смелым костел монастыря в Могильно. Начиная с XII в. романский стиль делается господствующим и вытесняет стиль византийский. В 1097 г. было закончено строительство начатого еще при Болеславе Смелом нового романского костела в Гнезно, в 1096 г. начат и в 1142 г. закончен такой же костел в Кракове и одновременно с ним в Познани. К этим же временам относятся костел в Туме под Ленцицей, кафедральный костел в Плоцке, костел в Червиньске. Все это монументальные каменные, часто гранитные громады в два этажа, с четырехугольными башнями, с бойницами, не столько церкви, сколько оборонные сооружения. Они всегда составляют единый архитектурный ансамбль с прилегающим

Двери Гнезненского собора
С рисунка И. Лелевеля

к ним княжеским деревянным дворцом, который они должны были прикрывать во время вражеских нападений. В этом же стиле выстроен ряд меньших костелов в Кракове, Гече, Люблине, Бытоме и других местах.

Костелы отличались роскошью внутренней отделки. Стены, потолки, двери, колонны были покрыты прекрасно выполненной резьбой то в виде простого геометрического орнамента, то причудливых, не встречающихся в природе, цветов и листьев, как на стенах Тумского костела под Ленчицей, то фантастических животных, как в кафедральном костеле в Кракове. Выдающимся памятником изобразительного искусства этого времени являются двери кафедрального собора в Гнезно, целиком отлитые из бронзы, украшенные барельефом, изображающим сцены из жизни св. Войцеха.

В начале XIII в. в Польше распространился новый стиль — готический. Сначала элементы готики появились в зданиях романского стиля. Таковы костелы в Енджеёве, Копшивнице, Сулеёве. Особенно много таких элементов в костеле в Вонхоцке. Но постепенно готика стала вытеснять более старый стиль. Костел св. Троицы в Кракове выстроен в готическом стиле с некоторой только примесью элементов стиля романского. То же можно сказать о костеле св. Якуба в Сандомире, костелах в Сонче, Завихосте, Калише. В 1244 г. начал строиться готический кафедральный костел во Вроцлаве, в 1288 г. — костел св. Креста (там же), был заложен костел св. Марии в Кракове и т. д.

Новый стиль потребовал и нового строительного материала. Камень постепенно уступил место кирпичу.

Менялась и внутренняя отделка храмов. Великолепная резьба украшала еще костелы второй половины XII в. Например, на портале костела св. Винцента во Вроцлаве, выстроенного Петром Властом, прекрасно вырезаны фигуры князя Болеслава Кудрявого, самого Власта и епископа вроцлавского. В другом костеле; тоже связанном с именем Власта, резьба еще сложнее. С гнезненскими дверями, упоминавшимися выше, соперничают относящиеся ко второй половине XII в. бронзовые двери Плоцкого кафедрального костела. Барельеф, украшающий их, изображает Болеслава Кудрявого с женой, княгиней Анастасией, епископа плоцкого, трех мастеров, изготовлявших эти двери, и ряд сцен из Ветхого и Нового завета. Значительно проще резьба в цистерцианских костелах начала XIII в., архитектура которых носит уже черты готического стиля. Исчезли фантастические животные и растения и человеческие фигуры, орнамент стал скромнее. Характерно, что образцы своего искусства художники заимствовали из природы. Все больше стала практиковаться стенная живопись. Следы такой живописи сохранились в Сулеёвском монастыре.

Известна и станковая живопись. Костелы и монастырские кельи украшались образами. К сожалению, до наших дней сохранился только один подобный образ — в францисканском монастыре в Кракове, носящий, между прочим, явные следы древнерусского влияния. Гораздо больше сохранилось образцов древнепольской миниатюры этого времени. Древнейшим памятником этого рода искусства являются 29 миниатюр, украшающих библию плоцкого кафедрального костела. Они выполнены пером и раскрашены. Одна из них под видом Давида изображает князя Болеслава Кудрявого сидящим на троне, поющим и играющим на арфе, другая — под видом Эсфири княгиню Анастасию с диадемой на голове, в платье византийско-русского покроя, с факелом в руках. Миниатюрами украшены и другие книги религиозного содержания («Книга восьми пророков», Тшебницкая псалтырь и др.). Общей чертой их является реалистическая тенденция.

Лучшим образом этого нового течения служат миниатюры в «Книге бытия», изображающие яркие бытовые сцены на библейские мотивы.

Памятников светской феодальной архитектуры, относящихся к периоду до XIV в., не сохранилось, за исключением остатков крепостных сооружений некоторых городов. Княжеские дворцы и замки феодалов были, видимо, еще деревянными. Но и они, конечно, подобно церковным зданиям, и размерами и роскошью отделки должны были подчеркивать господствующее положение их владельцев и тем самым содействовать укреплению их власти.

По мере роста городов как торгово-ремесленных центров начала складываться своеобразная культура средневекового польского города. К сожалению, позднее развитие письменности на польском языке весьма затрудняет изучение городского фольклора, а следовательно, и вообще мировоззрения широких слоев населения польских городов XI—XIII вв. Гораздо отчетливее мы можем представить себе внешний облик польского города этого времени.

Центральное место в городе XIII в. отводилось рынку, от него на восток и запад, север и юг расходились под прямым углом четыре основные улицы, делившие город на четыре квартала. Параллельно этим улицам возникали новые, взаимно перекрещивавшиеся между собой. Города были укреплены. Познань, например, в 1277 г. имела уже каменные стены с четырьмя воротами в них. Стены в середине XIII в. выросли и вокруг Кракова. Укреплялись и меньшие города. Например, в том были укреплены Мендзыжеч, Кельце, Илжа, Славков, Тарчек. На стенах воздвигались башни, через рвы перекидывались подъемные мосты. В случае опасности эти мосты поднимались и превращались в мощную баррикаду, прикрывавшую ворота. Ночью все ворота запирались, и охранявшая их стража не имела права открывать их без разрешения городских властей никому, даже крупнейшим сановникам.

В центре города на рыночной площади строились торговые ряды, здесь же находились ратуша и приходский костел. На ратуше возвышалась башня с часами и колоколом. Вдоль улиц, немощеных и тонущих в грязи, в беспорядке теснились одноэтажные жилые дома с окнами, затянутыми пузырями. Эти здания обычно были деревянные, редко каменные.

Развитие городской культуры в средневековой Польше выразилось, в частности, в появлении философии. На 70-е годы XIII в. падает расцвет деятельности одного из первых польских философов — Вителло из Силезии. Вителло занимался много натурфилософией и обобщил свои исследования из области геометрической и физиологической оптики в многотомном труде на латинском языке «Perspectiva». Он опирался на результаты изысканий арабского ученого Альхазена (XI в.), но продолжил разработку этих проблем самостоятельно.

Обобщения Вителло были использованы позднее Леонардо да Винчи в художественной практике. Известны также дополнения Кеплера к труду Вителло.

Вителло придавал материалистическое толкование категории «эманации», выдвинутой неоплатониками, и интерпретировал ее как физическое явление истечения света из центрального светила. Он был одним из зачинателей материалистической теории познания в Польше.

В период феодальной раздробленности в Польше создались местные культурные центры (например, Плоцк в Мазовии, Вроцлав в Силезии и др.). Междоусобные войны, вражеские нашествия нередко влекли за собой

уничтожение культурных ценностей. В целом, однако, польская культура продолжала быстро развиваться и в этот период.

В XII—XIII вв. усилились польско-чешские культурные связи. Особенно они ощутительны в территориально ближайшей к Чехии Силезии, но их влияние сказывалось и в других польских землях. Развивались культурные связи и с Русью, укреплению которых, однако, активно мешала католическая церковь.

Немецкая колонизация создавала серьезную опасность для дальнейшего развития польской культуры. Немецкие монастыри, немецкое рыцарство, пополнявшее высшие, придворные круги, немцы—торговцы и ремесленники,—оседавшие в польских городах, несли с собой свою культуру — свои обычаи, порядки, манеру одеваться и т. д., наконец, свой язык. Проникновение немецкой феодальной культуры в привилегированные слои общества было весьма значительным.

Хранителями самобытной польской культуры, отстоявшими ее от латинско-католического и немецкого влияния, были народные массы, которые сумели не только спасти свою культуру, но и обеспечить ее дальнейшее развитие.

Глава четвертая

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА. РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПОД ГРЮНВАЛЬДОМ

1

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В период феодальной раздробленности, особенно с конца XII в., как мы уже видели, успешно развивались экономические связи между отдельными областями Польши. В XIII—XIV вв. этот процесс значительно усилился, создавая экономические предпосылки для политического объединения страны. Однако ни в XIII, ни в XIV в. всепольский рынок не сложился. В Польше, подобно тому как это было на Руси, процесс образования единого государства был ускорен наличием серьезной внешней опасности. Для польских земель главной внешней опасностью была германская феодальная агрессия на восток. Известную роль в ускорении политического объединения польских земель сыграло и обострение в стране классовой борьбы, вызванное новым наступлением феодалов на различные категории феодально зависимого крестьянства.

Не все слои польских феодалов одинаково относились к перспективе объединения польских земель. Можновладцы, располагавшие внушительными материальными ресурсами и военной силой для подавления непосредственного производителя, не нуждались в сильном и едином государственном аппарате. Они, как правило, и не поддерживали объединительной политики княжеской власти. В ином положении находились мелкие и средние феодалы, которые нуждались в создании единого феодального государства, способного обеспечить дальнейшее усиление феодальной эксплуатации. Обострение конфликта между можновладцами и рыцарством, развившегося на базе борьбы за землю, за феодальную ренту, за ее источник — крепостное крестьянство, также вело к тому, что рыцарство становилось заинтересованным в укреплении княжеской власти. Последняя имела возможность использовать и противоречия между можновладством и католическим клиром. Поддержка церковью тенденции к феодальной концентрации польских земель объяснялась отнюдь не только тем, что духовные магнаты страдали от нескончаемых феодальных усобиц в стране. До конца XIII в. это обстоятельство не мешало им идти во главе того лагеря феодалов, который боролся с каждым проявлением тенденции к усилению княжеской власти. Позиция духовных феодалов изменилась

в конце XIII в. в связи с успехами германизации польских западных земель и массовым проникновением немецкого духовенства в Великую и Малую Польшу. Польские духовные магнаты поняли, что это может повлечь за собой оттеснение польского клира, потерю им феодальной ренты, получаемой с польского крестьянина. Тогда польские духовные феодалы стали поддерживать планы объединения польских земель в рамках единого государства. Этим вызваны постановления ленчицких синодов 1285 и 1286 гг., направленные против проникновения немецкого духовенства в польские земли, против его попыток оторвать от Гнезненского архиепископства отдельные исконные польские земли. Этим же объясняются требования, чтобы священники учили население молиться по-польски, сами вели проповедь на польском языке, чтобы учителя кафедральных школ знали польский язык. Этим же, наконец, была обусловлена та поддержка, которую архиепископ гнезненский Якуб Свинка оказывал князю Пшемиславу II в деле укрепления центральной власти в стране.

Характерной особенностью процесса формирования единого Польского государства в конце XIII—XIV вв. было то, что польский город не сыграл в нем той важной роли, какую сыграли города России и ряда стран Западной Европы. Объясняется это прежде всего тем, что крупнейшие польские города были тесно связаны с транзитной торговлей между странами Востока и странами Центральной и Западной Европы. Городской патрициат — экономически и политически наиболее мощная часть населения этих городов — не имел достаточно серьезных интересов внутри страны. К тому же в значительной части он состоял из выходцев из Германии. Эти особенности в развитии польского города определили его место в борьбе за создание единого Польского государства. Крупные польские города, возглавляемые немецким патрициатом, подобно городам германским и итальянским, не были заинтересованы в централизации страны и не поддерживали княжескую власть в ее объединительной политике. Окрепшие экономически, сильные своими привилегиями крупные польские города пытались в конце XIII и в XIV вв. оказывать влияние на политическую жизнь страны, но отнюдь не старались направить ее в сторону объединения. Они принимали участие

Польский рыцарь XIII—XIV вв.

(с печати)

в борьбе князей, поддерживая одних, оказывая сопротивление другим. В 1285 г., например, краковские мещане помогали Лешку Черному, когда против него выступила часть рыцарства и призвала Конрада Черского на краковский стол. После смерти Лешка (1289) при поддержке краковских мещан и части рыцарства Краков занял вроцлавский князь Генрик IV Пробус. Когда против Пробуса выступили два других претендента — Болеслав Мазовецкий и Владислав Локетек, на помощь ему пришли вроцлавские мещане, обязанные князю рядом выгодных привилегий. С их помощью Пробус разбил отряды малопольских рыцарей, поддерживавших Болеслава Мазовецкого. Краковские мещане открыли ему ворота города; Владиславу Локетку едва удалось спастись бегством. Оказывая поддержку Пробусу, немецкий патрициат Вроцлава стремился исключительно к получению привилегий, которые дали бы ему возможность распространить свое влияние на Малую Польшу и лишили бы Краков его торговых монополий. Точно такие же соображения были, конечно, и у патрициата краковского. Вроцлавские патриции обманулись в своих ожиданиях. Пробус, заняв краковский стол и объединив, таким образом, Малую Польшу и Силезию, не выдал вроцлавянам ни одной привилегии, напротив, выказывал явное предпочтение Кракову. Поэтому, когда в 1290 г. Пробус неожиданно умер, отписав в завещании Краков великопольскому князю Пшемиславу, а Вроцлав — глоговскому князю Генрику с тем, чтобы он после смерти Пшемислава объединил в своих руках и Силезию, и Малую Польшу, и Великую Польшу, вроцлавские патриции всячески мешали осуществлению этого плана объединения страны. В городе образовались две партии. Меньшинство стояло за выполнение завещания, большинство — за приглашение во Вроцлав лигницкого князя Генрика.

В 1301 г., когда встал вопрос о регенте при малолетних сыновьях Генрика Лигницкого и вокруг вроцлавского стола опять завязалась борьба, вроцлавский патрициат вновь принял в ней деятельное участие. Была выдвинута кандидатура чешского короля Вацлава II, ставшего к тому времени и польским королем. Его поддерживала одна часть мещанства, другая стояла за глоговского князя Генрика.

Через два года прочешская партия восторжествовала, так как основная часть вроцлавского патрициата была заинтересована в дружбе с чешским королем, во владениях которого она вела крупную торговлю. Регентом малолетних князей стал Вацлав II. Когда в 1305 г. он умер и вроцлавский стол занял старший из лигницких князей, Болеслав, фактически у власти стал городской совет Вроцлава, вернее, немецкий патрициат города (1305—1311). Именно позицией, занятой вроцлавским патрициатом в дальнейшем, как и позицией сильно германизовавшегося в Силезии класса феодалов, определяется тот факт, что Силезия фактически не принимала участия в борьбе за объединение польских земель.

Интересами ведущейся им в больших масштабах транзитной торговли руководствовался в своих отношениях к князьям и немецкий патрициат Малой и Великой Польши. Лишь на средние и низшие слои городского населения, представленные главным образом польским элементом, но политически и экономически еще далеко не окрепшие, могла опереться княжеская власть в борьбе за ликвидацию феодальной раздробленности.

В ликвидации феодальной раздробленности было заинтересовано и крестьянство, которое больше всего страдало от феодальных усобиц и иноземных нашествий. В ходе непрерывной феодальной войны крестьянское хозяйство подвергалось беспощадному разорению и грабежу, угонялся крестьянский скот, вытаптывались крестьянские посевы.

Таким образом, и к Польше применима известная характеристика Энгельсом тех прогрессивных элементов общества, которые тяготели в феодальном обществе к королевской власти как к представительнице порядка в беспорядке. «...И в городах и в деревне повсюду, — писал Энгельс, — увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле»¹.

Как уже указано выше, объединение польских земель происходило в условиях серьезной внешней опасности для самого существования польского народа. Внешний фактор, не будучи решающим, сыграл очень серьезную роль, ускоряя процесс консолидации польских земель в рамках единого Польского государства. Во второй половине XIII в. резко усилилась германская феодальная агрессия, возглавляемая Орденским государством и Бранденбургом. Позиция последнего стала особенно угрожающей после того, как в руки бранденбургских маркграфов перешла Любушская земля. Дальнейшая экспансия Бранденбурга на восток преследовала цель отделения Великой Польши от Поморья. Смертельная угроза нависла над Западным Поморьем. Но и в Великой Польше достаточно хорошо чувствовалась надвигавшаяся опасность порабощения. Еще более страшным врагом оказался Тевтонский орден. После подавления пруссов Орден усилился в политическом и военном отношении, а главной целью немецких рыцарей стал захват и порабощение польских земель.

Не прекращались и татарские набеги. В 1287 г. польские земли в третий раз стали жертвой татарского погрома. Татарские орды дошли до Нового Сонча и сильно разорили Малую Польшу. И на этот раз польское рыцарство не решилось на открытое сражение с татарами. Сопротивление им оказывали только укрепленные города. Однако по своему общему значению угроза татарских погромов не могла идти ни в какое сравнение с угрозой феодальной немецкой агрессии, так как татаро-монголы были связаны героическим сопротивлением русского народа. «...Не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, — подчеркивал Н. Г. Чернышевский, — а спасителями — спасителями от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей...»²

2

БОРЬБА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Борьба между тенденцией феодальной раздробленности и тенденцией к объединению польских земель в единое государство, характерная и для предшествующего периода, в последней четверти XIII в. вступила в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443.

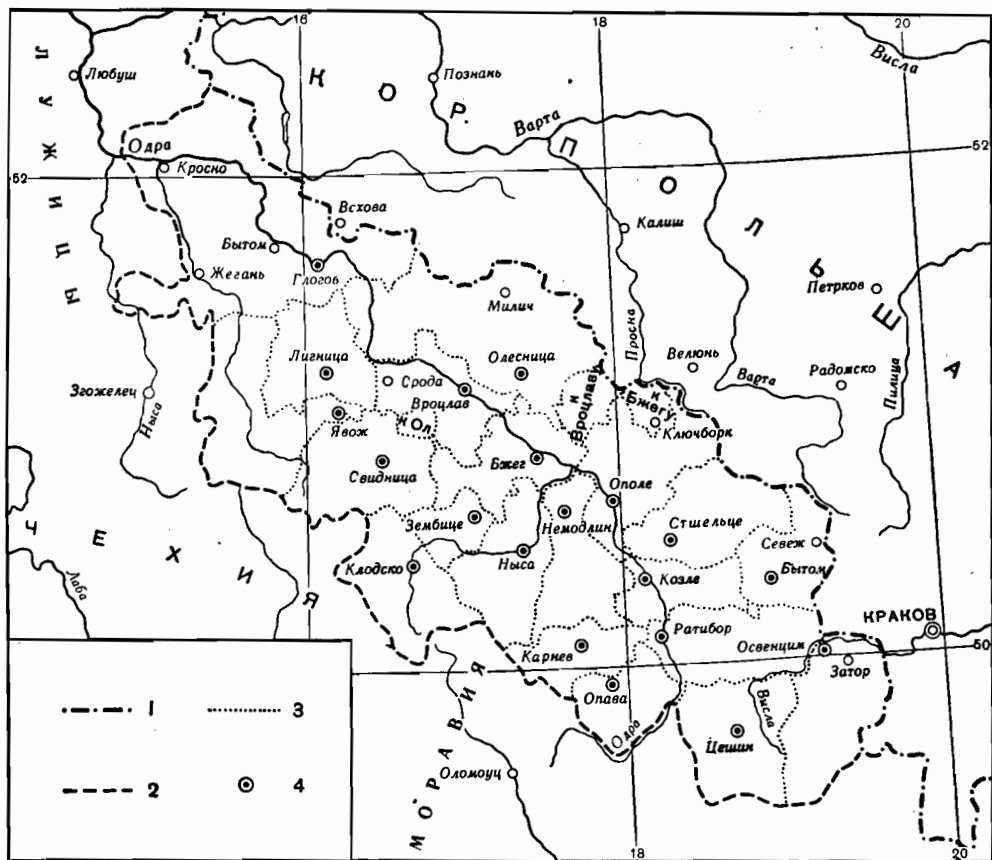
² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV, М., 1949, стр. 48.

новую фазу. Руководящую роль в объединении польских земель играли в это время Малая и Великая Польша. Вопрос о том, вокруг какой из этих земель пойдет процесс консолидации польских феодальных княжеств в единую феодальную монархию, станет ли центром единого возникающего государства Краков или Гнезно и Познань, решался в результате борьбы и соперничества между ними. Первым выступил на арену Краков. В 1278 г. после смерти Болеслава Стыдливого Краковом овладел серадзский князь Лешек Черный, избранный малопольским можновладством и поддержанный краковским мещанством. В руках его была почти вся Малая Польша. Но проводимая Лешком Черным политика консолидации малопольских земель встретила решительное сопротивление малопольских можновладцев, которые в своей борьбе с княжеской властью стремились использовать иностранную помощь. В 1282 г. во время набега ятвягов против Лешка Черного был составлен заговор. Во главе заговорщиков стояли Януш, воевода сандомирский, Павел, епископ краковский, и можновладческий род Старжей. На этот раз Лешку удалось легко подавить бунт можновладцев. Однако в 1285 г. дело опять дошло до вооруженного столкновения между краковским князем и малопольскими можновладцами. Во главе бунта вновь стояли Старжи, которые намеревались посадить на место Лешка чёрского князя Конрада. Лешек вынужден был искать венгерской помощи. В борьбе с можновладством он пытался опереться на малопольские города, которым были представлены новые привилегии, в том числе разрешение на строительство городских стен. Несмотря на подавление можновладства, объединительная политика Лешка Черного не имела прочного успеха. Татарское нашествие 1287 г. нанесло ей серьезный удар.

На некоторое время инициатива объединения польских земель перешла в руки Генрика Пробуса, овладевшего после смерти Лешка Черного краковским уделом. Силезского князя поддерживал малопольский немецкий патрициат в городах. Генрик Пробус думал даже о коронации королевской короной. В этих целях он начал переговоры с Римом, которые прервала его смерть (1290). Однако отмеченные выше особенности развития Силезии привели к тому, что попытка объединения польских земель силезским князем не могла иметь серьезного значения.

Действенная программа объединения польских земель была сформулирована в Великой Польше, испытывавшей все усиливавшийся нажим со стороны Бранденбурга. Великопольские феодалы воочию увидели, что феодальная агрессия и немецкая колонизация представляли большую угрозу их политическим и экономическим интересам. В связи с этим стоит весьма заметный во второй половине XIII в. рост антинемецких настроений среди великопольских духовных и светских феодалов. В последней четверти XIII в. движение против скрытой немецкой агрессии возглавил гнезненский архиепископ Якуб Свинка, добившийся того, что синод 1285 г. высказался за допуск поляков в монастыри (немецкое монашество всячески противилось появлению польских монахов в основанных немецким духовенством монастырях) и за назначение на места священников лиц, родившихся в Польше и знающих польский язык. Вместе с тем синод обратился в Рим с жалобой на притеснение поляков немецкими рыцарями и колонистами.

С этим движением был тесно связан князь Пшемислав II. Он и возглавил теперь борьбу за объединение польских земель. В 1278 г. Пшемислав II сосредоточил в своих руках власть над всей Великой Польшей. В 1290 г. со смертью Генрика Пробуса к нему перешел краковский удел. После смерти князя Мшуга II, верного союзника Пшемислава против Бран-

Силезия около середины XIV в.

1 — граница Польского королевства; 2 — общая граница Силезии; 3 — граница силезских княжеств; 4 — центры княжеств; к. Ол. — к. Олесницкому

денбурга, к Пшемиславу II перешло Восточное Поморье. Таким образом, Пшемислав II был, без сомнения, самым сильным польским князем. Однако и ему не удалось закрепить объединение Великой и Малой Польши. Против него выступал Владислав Локетек, брат Лешка Черного. Опасным противником великопольского князя оказался чешский король Вацлав II. Одновременная борьба с Чехией и Бранденбургом была не по силам великопольскому князю. Пшемислав II вынужден был уступить Вацлаву II краковский удел. Зато ему удалось осуществить план восстановления Польского королевства. В 1295 г. с согласия римской курии Пшемислав II был коронован как польский король. Благоприятное для Пшемислава II решение дела в Риме определялось расстановкой сил в Европе. Папа Бонифаций VIII стремился воскресить планы Григория VII и мечтал о всемирном могуществе. Разрешая Пшемиславу II короноваться, он стремился поставить Польшу в прямую зависимость от Рима и ослабить положение чешского короля Вацлава II, тесно связанного с империей.

В Бранденбурге, очевидно, прекрасно понимали, какое значение имела деятельность Пшемислава II, пытавшегося объединить в борьбе

с немецкими феодалами и Вацлавом II других польских князей, и готовы были пойти на все, чтобы сорвать его планы. В 1296 г. Пшемыслав пал жертвой подосланных из Бранденбурга убийц.

Со смертью Пшемыслава II претендентом на роль объединителя польских земель выступил энергичный Владислав Локетек. Ему пришлось столкнуться с сильным противником — чешским королем Вацлавом II, стремившимся соединить под своей властью и польские и чешские земли. В борьбе с Локетком Вацлав II мог рассчитывать на прямую поддержку со стороны немецкого патрициата в главных городских центрах Польши, так как политическая линия, которой держался Вацлав II в своих чешских владениях (борьба против чешских панов и опора на немецкий патрициат и рыцарство), делали его фигуру необычайно популярной среди немецкого мещанства в Польше.

После непродолжительной борьбы в 1297 г. Локетек вынужден был отказаться от Малой Польши в пользу чешского короля. В 1300 г. Локетек должен был совсем покинуть Польшу, поскольку и великопольское рыцарство предпочло видеть у себя государем Вацлава II. Вацлав II принял титул польского короля.

Успех Вацлава II определялся не только тем, что его поддерживал в польских землях немецкий патрициат, но прежде всего тем, что на его сторону перешла значительная часть польских феодалов, стремившихся к объединению страны перед лицом возросшей угрозы немецкой феодальной агрессии. Между тем, энергично проводя политику централизации страны, Вацлав II продолжал опираться главным образом на немецкий элемент. При нем введен был в Польше новый институт старост. Старосты были назначены в важнейшие города страны в качестве командующих отдельными отрядами королевского войска. В основном это были немцы по происхождению или германизированные силезцы. Так в политике объединения и централизации польских земель, проводимой Вацлавом II, вскрылось острое противоречие, которое не могло не привести к разрыву польско-чешской династической унии.

Изгнанный из страны, Владислав Локетек не думал отказываться от претензий на польский трон. В его планы входило воспользоваться международной обстановкой и заручиться для борьбы с чешским королем помощью сильной коалиции, составившейся в Европе против Вацлава II. В состав этой коалиции входили папа Бонифаций VIII, император Альбрехт и венгерский король Карл Роберт. Чтобы достичь соглашения с противниками Вацлава II, Локетек совершил пилигримство в Рим. Ему удалось договориться с противниками Вацлава II. В 1304 г. с помощью венгерских войск он возвратился в Польшу и овладел Вислицей. В 1305 г. Вацлав II умер, а в следующем году был убит его сын, Вацлав III.

После этого Локетку удалось овладеть краковским уделом, где на его сторону перешло не только рыцарство, но и богатый немецкий патрициат, возглавляемый епископом Мускатой и войтом Альбертом. Многочисленные привилегии, которыми Локетек привлек на свою сторону патрициат, были основой этого союза городского патрициата с центральной властью, союза временного и непрочного, поскольку краковские кушцы-немцы не были заинтересованы в создании единого Польского государства. Признало власть Локетка и Восточное Поморье. Но Великая Польша, тесно связанная с Силезией, оказалась под властью глоговского князя Генрика. Положение Локетка крайне осложнилось после того, как Швецы, крупный мелкоземельский род, подняли против него бунт в Восточном Поморье и перешли с г. Гданьском под власть бранденбургского маркграфа Вальдемара. Владислав Локетек пошел тогда на крайне рискованный шаг,

призвав на помощь Тевтонский орден. Бунт możnowładzców был подавлен. Но «союзник» Орден поспешил сам захватить Восточное Поморье (1309). Орденские власти на вновь захваченных польских землях учинили страшную резню, в которой погибла значительная часть местного польского господствующего класса.

Орденская агрессия способствовала открытому вооруженному выступлению против Локетка немецкого патрициата в Малой Польше. Борьба началась с конфликта между Локетком и епископом Мускатой. Весной 1311 г. в Кракове вспыхнуло восстание, во главе которого стоял войт Кракова Альберт. К восстанию присоединились и другие малопольские города, такие, как Сандомир и Величка. Восстание 1311 г. было связано с приходом в Чехии к власти Яна Люксембургского. Краковский патрициат с войтом Альбертом во главе призвал его в Польшу. Однако, отвлеченный событиями в Чехии, Ян не мог сразу прибыть в Краков. Между тем Владислав Локетек с большими силами (на его стороне было все малопольское рыцарство, а венгерский король Карл Роберт прислал ему подкрепление) подошел к Кракову и осадил его. Осада продолжалась целый год. Переговоры Владислава Локетка с восставшими и обещание им новых привилегий не дали результатов. В марте 1312 г. Ян Люксембургский прислал в Краков князя опольского Болеслава. Краковский патрициат воспрянул духом. Однако, не имея в своем распоряжении никаких военных сил и не рассчитывая на успех, Болеслав вступил в переговоры с Владиславом Локетком и сдал ему Краков, несмотря на противодействие восставших и войта Альберта. Локетек занял город и расправился с бунтовщиками. Все главные участники восстания — члены городского совета и другие знатные мещане — были приговорены к жестокой казни. Имущество бунтовщиков было конфисковано.

Между тем против Владислава Локетка выступили великопольские города во главе с Познанью (1312). Верным Владиславу остался только Калиш, остальные поддерживали претензии сыновей глогговского князя Генрика. При поддержке великопольского рыцарства Владиславу удалось к 1314 г. сломить сопротивление городов и полностью овладеть Великой Польшей.

Следствием восстаний немецкого патрициата в 1311 и 1312 гг. было падение политического значения некоторых крупнейших городов. Объединив в своих руках польские земли, Владислав Локетек сурово расправился с немецким мещанством. Должность наследственного войта в Кракове и Познани была ликвидирована. Войты превратились в судебных чиновников, назначаемых городским советом. Репрессии коснулись и городских советов. До сих пор в Кракове выбор членов совета был делом предшествующего состава совета, причем обычно переизбирался старый состав и, следовательно, участие в городском совете превращалось в привилегию одних и тех же знатных мещанских родов. Сейчас выбор городского совета был передан в руки королевских чиновников, а список нового совета утверждался краковским воеводой.

Таким образом, в борьбе за создание польского централизованного государства крупнейшие польские города, возглавляемые немецким патрициатом, сыграли отрицательную роль. Восстания немецкого патрициата лишний раз показывают, какие вредные последствия для истории Польши несла с собой немецкая колонизация. Именно позиция немецкого мещанства польских городов определила тот факт, что ни Кракову, ни Познани не принадлежала в польской истории роль, которую сыграла в истории нашей Родины Москва, явившаяся основой и инициатором создания Русского централизованного государства.

В борьбе с немецким патрициатом Владислав Локетек опирался на ту часть польских феодалов, которая стремилась к объединению страны и во главе которой стояли Якуб Свинка и епископ познанский Анджей. После подчинения Великой Польши в руках Локетка оказались все польские земли, за исключением Мазовии и части Куявии, Силезии и Поморья. Дело объединения польских земель было увенчано торжественным актом коронации Локетка королевской короной в 1320 г. За санкцию этого акта папской курией Локетек согласился ввести для ликвидации ересей в Польше инквизицию и увеличить «динарий св. Петра».

Международное положение Польши в эти годы было трудным. Объединение польских земель наталкивалось на решительное сопротивление чешских Люксембургов, владевших в качестве верховных сюзеренов Силезией и претендовавших на польский трон, и Ордена, который не только не думал отказываться от своих завоеваний, но строил планы дальнейшего захвата польских земель.

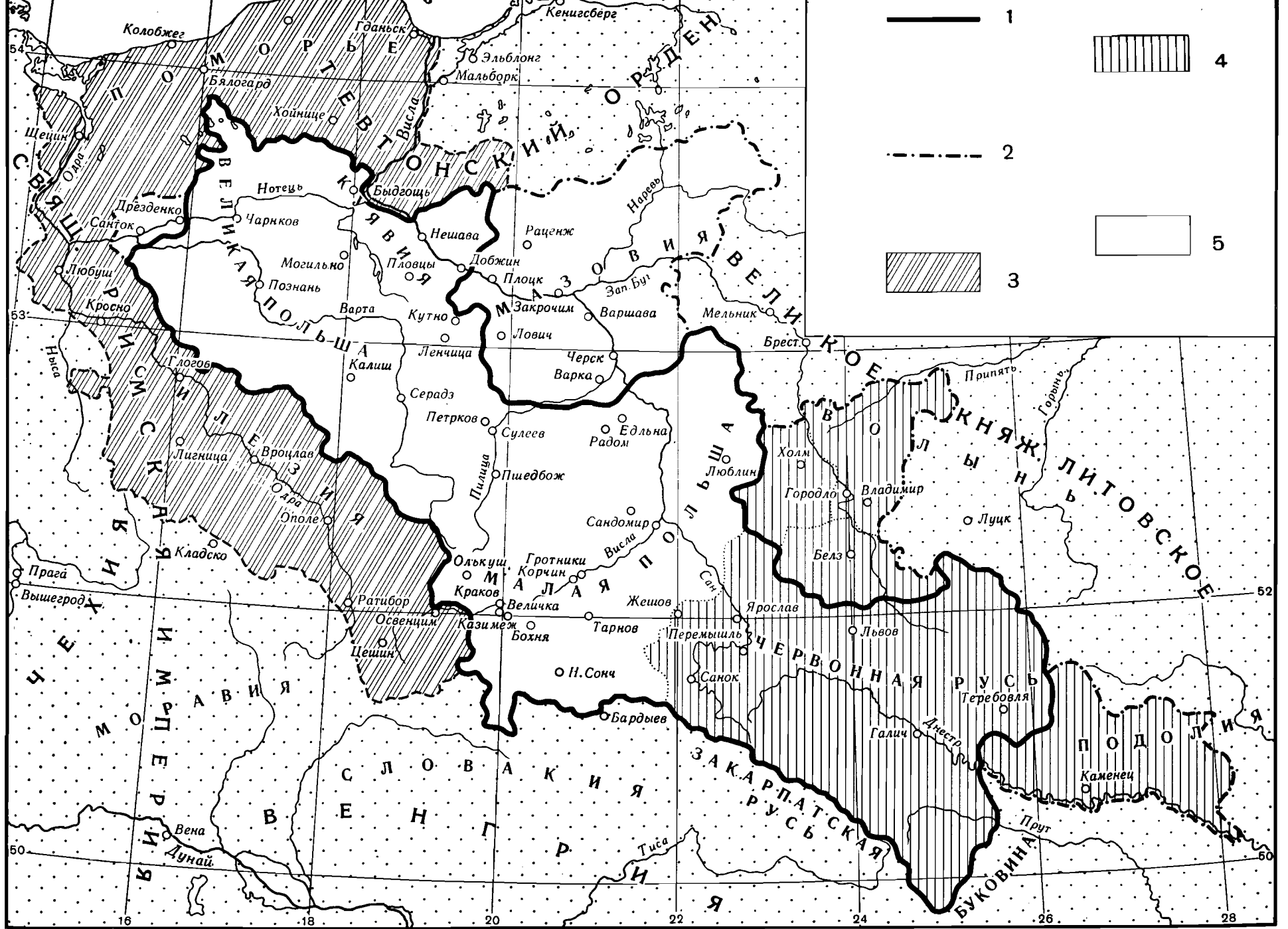
Готовясь к войне с Орденом, Локетек принимал все меры к тому, чтобы заручиться сильными союзниками. Ему удалось заключить соглашение с князьями Западного Поморья и с венгерским королем Карлом Робертом. В 1325 г. состоялось бракосочетание королевича Казимежа (Казимира) с дочерью литовского князя Гедиминаса Алдоной, оформившее польско-литовский союз против угрожавшего обеим странам Тевтонского ордена.

Перед началом большой войны с Орденом необходимо было обезопасить польский тыл со стороны Бранденбурга. В 1326 г. Локетек опустошил его земли и возвратил под свою власть ряд важных замков, захваченных маркграфами. В том же году началась и большая война с Орденом.

Сначала военные действия развивались благоприятно для Польши. Но вмешательство союзника Ордена Яна Люксембургского осложнило дело. Яну Люксембургскому удалось нанести сильное поражение Литве, затем захватить Плоцк и Добжинскую землю, которую он, действуя в качестве «польского короля», продал вместе с Восточным Поморьем Ордену. Особенно ожесточенный характер военные действия приобрели в 1331 г., когда рыцари дошли до Калиша, а Ян Люксембургский осадил Познань. В битве под Пловцами орденское войско потерпело жестокое поражение, которое, однако, не положило предел агрессии Ордена. В 1332 г. ему удалось захватить Куявскую землю. Владислав Локетек вынужден был пойти на перемирие и отдать польско-орденский спор на суд чешского и венгерского королей. Однако, если Локетку, умершему в 1333 г., и не удалось довести до конца борьбу с Орденом, все же главный результат был достигнут: Ян Люксембургский и Орден не смогли сорвать дело объединения польских земель в единое государство.

Преемник Локетка Казимир III (1333—1370) в своей внешней политике ориентировался прежде всего на союз с Венгрией. Благодаря посредничеству венгерского короля в 1335 г. в Вышгороде был заключен вечный мир с Люксембургами. Последние отrekliсь от своих претензий на польский престол, взамен чего за ними была признана верховная власть над Силезией. Часть польских земель осталась под властью Ордена, хотя последний и вынужден был пойти на некоторые уступки, согласившись в 1343 г. вернуть Польше Куявию и Добжинскую землю.

Уступчивость в отношениях с Люксембургами и Орденом была в значительной мере обусловлена тем, что как раз в это время малопольские феодалы всеми силами добивались осуществления своих давних планов экспансии на восток. Начавшиеся после смерти галицко-волынского князя Болеслава-Юрия II боярские смуты открыли перед ними перспективу захватов на Руси. Ради этого польские феодалы и отказывались от

Польское государство во второй половине XIV в.

1 — границы земель Польской короны около 1370 г.; 2 — границы вассальных княжеств и временно зависимых земель; 3 — польские земли, находившиеся к 1370 г. под властью Священной Римской империи и Тевтонского ордена; 4 — земли Галицко-Волынской Руси, захваченные Казимиром III в 1340—1349 гг.; 5 — собственно польские земли в составе Польского королевства

продолжения борьбы за освобождение коренных польских земель на западе и севере страны.

В 1349—1352 гг. Казимиру III удалось овладеть Галицкой Русью, Волинь была тогда же захвачена Литвой. Между Польшей и Литвой началась длительная борьба за галицко-волинские земли. Эта борьба велась Казимиром в тесном союзе с венгерскими феодалами. В 1350 г., чтобы укрепить польско-венгерский союз, Казимир III заключил с Людовиком Венгерским соглашение, по которому после смерти Казимира Венгрия могла выкупить у Польши Галицкую Русь за 100 тыс. флоринов. Борьба за Волинь закончилась только в 1366 г. Волинь осталась за литовцами, кроме Холма и Белза, которые отошли к Польше.

Захват Галицкой Руси Польшей был типичным примером феодального грабежа, он открывал перед польскими феодалами (в первую очередь Малой Польши) перспективы быстрого обогащения за счет порабощения и эксплуатации украинского народа. Эта политика экспансии на восток сыграла роковую роль в дальнейшей истории Польши. Она помешала борьбе за полное воссоединение всех польских земель. Вне Польского государства в XIV в. остались Мазовия и Восточное Поморье и польские западные земли — Западное Поморье и Силезия.

Незавершенность воссоединения польских земель явилась также следствием того, что в Силезии и Западном Поморье центральная власть не могла опереться ни на местный господствующий класс, подвергшийся сильной германизации, ни на города, которые возглавлял немецкий патрициат. В этом сказались, как уже говорилось выше, отрицательные стороны для Польши немецкой колонизации XIII—XIV вв., несшей в себе в скрытой форме элементы немецкой феодальной агрессии.

Опираясь преимущественно на рыцарство и не имея поддержки со стороны городов, центральная власть не смогла решительно подавить можновладство и подорвать его экономическую базу. Влиятельная часть можновладства сохраняла за собой достаточно сильные политические позиции. Поэтому объединение польских земель не привело к окончательной ликвидации автономии отдельных земель, а произошло скорее в форме их федерации. Каждая земля сохраняла свое устройство, свои органы управления, что открывало перед можновладцами самые широкие возможности, так как местное управление находилось в их руках.

Таковы причины того, что начавшийся в Польше процесс феодальной централизации чрезвычайно затянулся и по существу, как увидим ниже,

Миниатюра из рукописи
«Вислицкого статута»
Рукопись XV в.

никогда не был завершен. Незавершенность его сказалась и на законодательстве Казимира III, вынужденного пойти на создание двух судебных актов, одного для Великой и другого для Малой Польши (так называемых Вислицкого и Пётрковского статутов). Каждый из них представлял собой свод законов, появившийся как результат сведения воедино обычаев разных земель, входивших в состав Великой и Малой Польши. Оба статута в основном были записью обычного права, приспособленного к условиям XIV в. Но между ними имеется существенная разница. Если великопольский статут обнаруживал стремление сохранить старые обычаи, то малопольский, рядом с положениями старого обычного права, включал множество новых постановлений, заменивших собой устаревшие обычаи.

Статуты охватывали все важнейшие проблемы частной и общественной жизни, вопросы гражданского и уголовного права. Они разбирали вопросы, касавшиеся отдельных сословий, в первую очередь шляхты и духовенства. Статуты отражали и отстаивали классовые интересы польских феодалов, крупных землевладельцев — можновладцев, шляхты и духовенства, охраняли их выгоды и привилегии, укрепляя их власть над феодально зависимыми крестьянами.

3

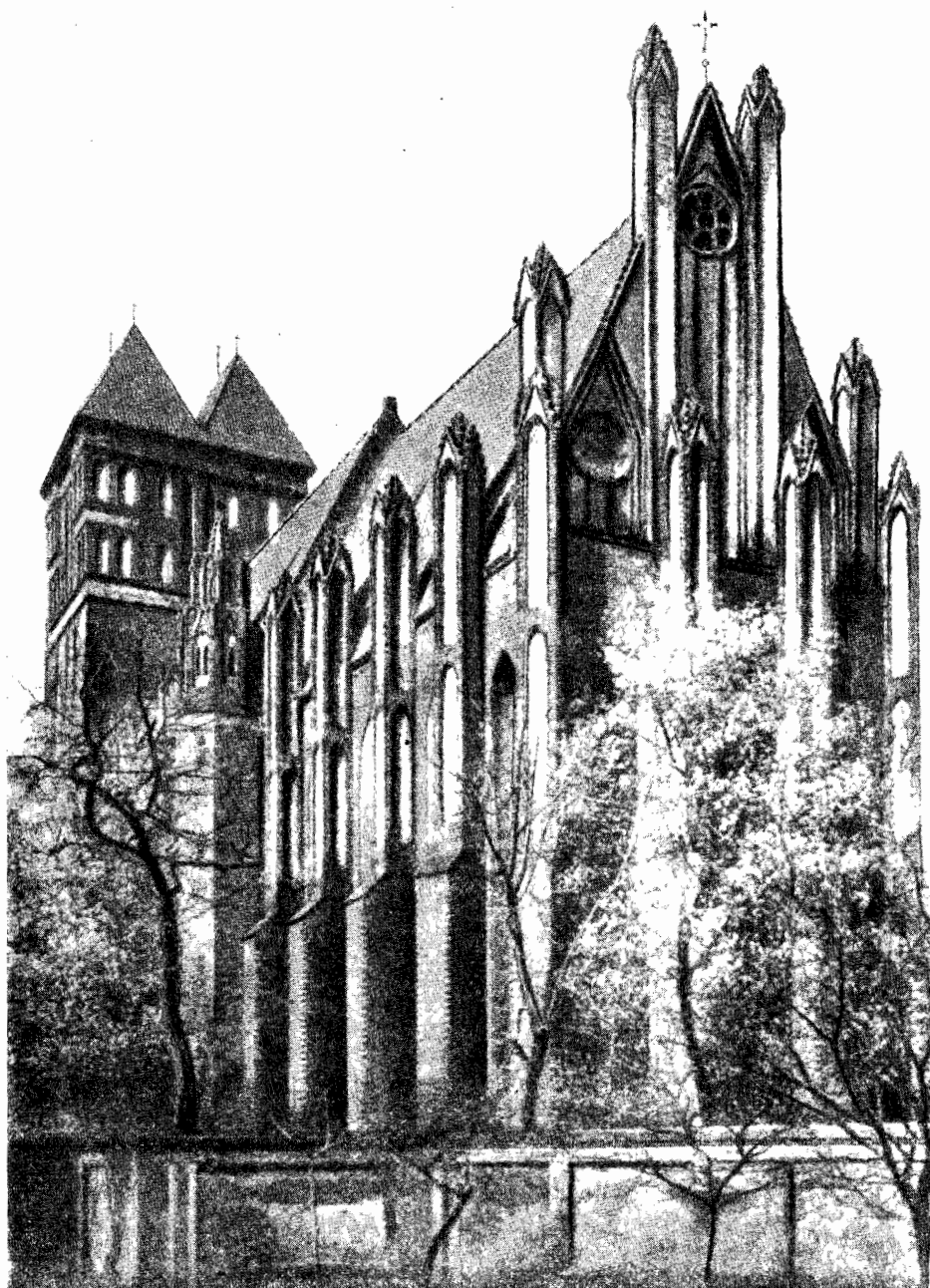
РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛЬШЕ В XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Процесс объединения польских земель был обусловлен прежде всего социально-экономическим развитием польского общества. В свою очередь политическая консолидация значительной части польских земель создавала благоприятные условия для экономического развития страны. В связи с этим в XIV в. в Польше наблюдались значительные изменения как в феодальной деревне, так и в городах.

Все новые и новые площади освобождались от леса и превращались в годные для сельского хозяйства земли. На них возникали новые поселения. Особенно широкие размеры приняла такая внутренняя колонизация при Казимире III. Больше всего ею были затронуты Малая Польша, земли Серадзская, Ленчицкая и Куявия, в меньшей степени — Великая Польша, еще меньше — Мазовия.

Как и в предыдущий период, в освоении лесных пространств основную роль играл польский крестьянин. На это указывают польские имена осадчиков — солтысов новых поселений. А за такими поляками-засельщиками, потом солтысами, несомненно, стоит и польское население деревень.

Из кого комплектовались эти польские колонисты? Ответ на это дает 69-я статья Вислицкого статута, которая устанавливала условия, допускавшие уход крестьянина от феодала. В ней говорится: «Так как из-за ухода крестьян имения господ часто пустеют без всякой законной причины к тому, нашим баронам угодно было решительно противодействовать этой опасности». Крестьяне, аскриптиции и те лично свободные, которые очутились под властью феодалов, задыхались под тяжестью поборов и повинностей. Они бежали от произвола своих владельцев туда, где, наряду с каторжным многолетним трудом, их ожидала «свобода» — кусок земли в наследственное пользование и казавшийся им значительным облегчением после пестрой системы поборов оброк — чинш, взимаемый в соответствии с «немецким» правом. Ряды колонистов пополнялись и за счет уцелевших еще немногих лично свободных крестьян-общинников, которым все труд-

Костел св. Якуба в Торуне (1309 г.)

Крестьяне платят чинш
Миниатюра из рукописи XIV в.

нее становилось бороться с наступавшим на них, окружавшим их крупным землевладением.

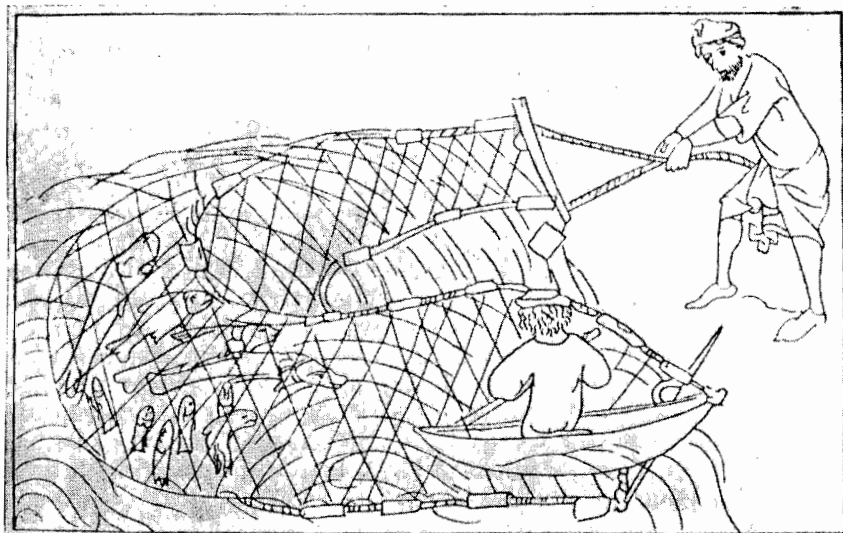
Так называемое «немецкое» право все глубже внедрялось в польскую деревню. Оно предоставлялось уже не только крестьянам-новоселам. Феодалы, убедившись, что новые условия дают значительные выгоды, интенсифицируют труд крестьян и повышают доходность владений, начинали добиваться у короля разрешения на перевод и других своих деревень, оставшихся еще на польском праве, на новые условия. Делали это прежде всего духовные феодалы.

Сосуществование рядом двух типов поселений, одних на «немецком» праве, других — на польском, вызывало с течением времени приспособление последних к первым. Выгодность новых условий заставляла феодалов переводить крестьян и в деревнях, оставшихся на

польском праве, на оброк, не изменяя их правового положения. Крестьяне не получали самоуправления, не имели солтыса и лавников, суд оставался попрежнему в руках феодала, если он пользовался иммунитетом, или в руках короля и королевских чиновников.

«Немецкое» право нашло широкое применение и в Галицкой Руси. Практиковавшееся здесь и ранее, оно теперь получило широкое распространение главным образом благодаря переводу местных украинских крестьян на новые условия. Единственная область, которой почти совершенно не коснулись новые условия, была Мазовия, в то время еще не входившая в состав Польского королевства.

Основными повинностями крестьян, переведенных на «немецкое» право, являлись попрежнему чинш в пользу феодала и десятина в пользу церкви, взимаемые как натурой, так и деньгами. Чинш в денежной форме преобладал в Малой Польше при натуральном характере десятины, в Великой Польше было наоборот. Размеры денежного чинша, как и в XIII в., не были одинаковыми. Например, в Малой Польше при обычной норме в 12 грошей он доходил иногда до 16, 18 и даже 20 грошей. Наряду с денежной десятиной и десятиной в мерах зерна продолжала существовать еще и сноповая десятина, преобладавшая в церковно-монастырском землевладении. Эта форма десятины была особенно тяжелой повинностью для крестьян. Она собиралась по окончании жатвы непосредственно на полях, и до приезда сборщика крестьяне не имели права убирать снопы. Часто хлеб переставал, высыпался, а при плохой погоде — и загнивал. Кроме того,

Рыболовы

Миниатюра из рукописи XIV в.

на крестьянах лежала доставка десятины к месту назначения, иногда находившемуся далеко от деревни.

Первоначально строго определенный в деньгах или в натуре оброк в этот период начал заметно усложняться. Выше упоминалось, что уже в XIII в. феодалы старались при переходе на новые условия сохранить кое-какие старые поборы и повинности, хотя бы в несколько измененной форме. В XIV в. такие поборы сверх оброка стали правилом. Это прежде всего так называемые «приношения» феодалу к большим праздникам (два-три раза в год) известного количества птицы, мелкого скота, продуктов сельского хозяйства. Иногда договор точно определял эти поставки (например, с каждого дома на рождество — по одной курице на пасху — по 12 яиц, на праздник очищения — по два сыра). Случай замены этого натурального побора денежным представляют редкое исключение. Получая оброк непосредственно в деньгах или зерне, которое можно было обратить на рынке в деньги, феодал испытывал потребность в продуктах сельского хозяйства, птице и пр. для своего стола и предпочитал брать их с крестьян. Во второй половине XIV в. взносы в натуре еще более усложнились. Феодал уже не удовлетворялся тем, что крестьяне несли ему яйца, сыр, кур и пр., он требовал еще корову или кабана со всей деревни. Нетрудно заметить, что эти «приношения» соответствовали нарезу и ополью старого «польского» права. Разница только в том, что последние взимались в неопределенные сроки и размеры их были произвольны, срок же взноса и размеры «приношений» были определены. Широкое распространение получили «завтраки», встречавшиеся уже в XIII в. В XIV в. натуральная форма этой обязательной повинности часто заменялась денежной.

Иногда крестьяне несли и барщину. Однако тогда феодалы не испытывали еще нужды в расширении собственной запашки. Оброк и дополнительные к нему «приношения» вполне удовлетворяли их. В тех случаях, когда барщина существовала, она определялась или количеством дней, которые крестьяне должны были отработать в хозяйстве феодала, или количеством земли, которое они должны обработать. В обоих случаях это сводилось

к двум—шести дням в году с каждого лана, в течение которых крестьянин был обязан пахать, боронить, жать, косить барские луга, иногда свозить урожай на барский двор.

Крестьяне сопротивлялись увеличению повинностей. Согласно некоторым договорам, крестьяне были обязаны выполнять барщину «не предъявляя никаких возражений». Одно это свидетельствовало о том, что сопротивление крестьянства было нередким. Особенно упорно крестьяне вели борьбу против сноповой десятины, требуя замены ее денежной. Так, крестьяне деревень Рыбны и Прегини, входивших во владения краковского епископа, в течение долгого времени отказывались вносить сноповую десятину и в конце концов добились согласия епископа на замену ее денежной. В некоторых местах эта борьба принимала широкий размах.

Правовое положение крестьян, которые переводились со старого права на новое, по сути дела не изменялось. По старому праву суд вершил феодал, по новому — солтыс, который являлся прежде всего слугой феодала. Свое право апелляции в высшие суды или суд ближайшего города крестьяне фактически не могли использовать, а если бы и могли, то и в высшем суде их ожидали чиновники феодалов.

Если раньше польское крестьянство было представлено рядом категорий, то к XIV в. крестьяне сливались в правовом отношении в однородную массу. Исчезли свободные крестьяне-общинники, сходили со сцены госпиты. В основном крестьяне представляли единую массу чиншевиков.

Открытая борьба крестьян против феодальной эксплуатации очень редко кончалась успешно. Обычно крестьяне прибегали к своему извечному способу избавления от гнета — побегу от феодала. В середине XIV в. эта форма крестьянского протеста получила столь широкое распространение, что феодальное государство попыталось законодательным путем (в 69 и 134 статьях Вислицкого статута) ограничить право выхода и перехода крестьян. Было установлено, «чтобы одновременно из одной деревни в другую могло переходить, помимо воли господина той деревни, где они живут, не более чем один или два кмета или поселянина». Однако закон устанавливал такие условия перехода, которые по сути дела сводили на нет даже и это крайне ограниченное право. Например, крестьянин, сидевший на «немецком» праве, мог уйти только в том случае, если уплатил чинш за столько лет, сколько пользовался «свободой», обработал и выкорчевал все свои поля, засеял их озимым и яровым и посадил вместо себя «равно богатого кмета». Для крестьянина на старом праве условия были еще более жесткими. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после принятия Вислицкого статута побеги крестьян не только не сократились, но, напротив, их количество непрерывно росло, несмотря на то, что закон устанавливал для беглых жестокую кару.

Антифеодальная борьба крестьянства часто проходила под религиозной оболочкой и проявлялась в виде распространения «ересей». В XIV в. в Польше существовало несколько «еретических» сект ярко антифеодального характера. К таким сектам принадлежали секты вальденсов, бичующихся «братьев свободного духа». Распространение «ереси» приводило иногда к открытым выступлениям крестьян, проходившим под религиозными лозунгами. Так, в 1309 г. на западных границах Польши происходили волнения крестьянства.

Католическая церковь стремилась задушить «ереси» в самом зародыше, не давшим распространиться. «Еретические» выступления крестьян крайне беспокоили не только духовных, но и светских феодалов. Феодалы жестоко расправились с распространившимся с середины XIII в. в Силезии и Малой Польше движением вальденсов, призывавших к установлению

имущественного равенства и критиковавших богатство и развращенность церковной иерархии. Для борьбы с «ересями» католическая церковь ввела в Польшу инквизицию. В 1315 г. несколько сот вальденсов было сожжено в Силезии на кострах. Однако движение не прекратилось. Вскоре в Польше опять начались преследования вальденсов и опять запылали костры. В середине XIV в. было жестоко подавлено и другое «еретическое» движение, нашедшее широкий отклик среди польского крестьянства и руководимое сектой бичующихся. Движение приобрело особенно большие масштабы в Малой Польше. В 1349 г. крестьяне стали собираться в лесах под руководством «апостола» Григория, готовясь к борьбе с духовными и светскими феодалами. В XV в. широкий отклик среди польского крестьянства и городских низов получило гуситское движение. Среди польских крестьян и городской бедноты быстро распространялись антифеодальные лозунги его левого, радикального крыла.

Существенные изменения произошли в XIV — первой половине XV в. и в жизни польских городов. В XIV в. все большее число городов переводилось на «немецкое» городское право. В Малой Польше его получили Люблин (1317), Тарнов (1330), Казимеж под Краковом (1335); в Великой Польше — Быдгощ (1346) и Могильно (1398). В Мазовии Варшава формально получила городское право только в 1413 г., но фактически пользовалась им уже в XIV в. Городское право распространялось и на города захваченных польскими феодалами украинских земель. Львов получил его в 1356 г.

В соперничестве патрицианских городских советов и войтов в Кракове, Вроцлаве, Познани и других городах взяли верх городские советы. Наследственная должность войта была ликвидирована. Войты превратились в городских чиновников, были поставлены в зависимость от городского совета, который их назначал. Переход войтовств из наследственного владения одной семьи в собственность города имел большое значение. Город захватил себе все доходы, шедшие до сих пор войту. Но победа городских советов не была полной. Подавление бунтов патрициата в 1311—1314 гг. отразилось и на положении городского совета, являвшегося органом городской верхушки. Городской совет, как указано выше, был поставлен в зависимость от воеводы.

Во главе совета стоял бургомистр (проконсул). В Кракове и ряде других городов обязанности его несли все члены совета (консулы) поочередно, сменяясь через каждые месяц-полтора.

Городской совет, помимо административных функций, взял на себя суд (пока только по уголовным делам). Совет утверждал уставы цеховых организаций. Таким образом, «немецкое» право городов все больше отходило от своего первоисточника — магдебургского права, все больше становилось местным, польским правом. Но Магдебург продолжал еще сохранять авторитет города-законодателя, и польские города попрежнему обращались к нему за советами в затруднительных судебных случаях и получали от него решения — «ортылы». Это делалось помимо короля. Казимир III решительно боролся с этой практикой. В 1336 г. специальным привилеем, выданным г. Сандомиру, он предписал все спорные дела разбирать в суде «немецкого» права, собиравшемся в Сандомирском замке и состоявшем из войтов и солтысов самого Сандомира и его окрестностей. Подобное распоряжение в том же году было дано и Кракову. В 1346 г. был учрежден такой же суд «немецкого» права в Быдгощи. Когда и после этих мероприятий обращения польских городов за границу не прекратились, Казимир в 1365 г. облек высокими полномочиями суд в Краковском замке и сделал его высшим судом «немецкого» права, запретив обращаться за

границу. Решения этого суда можно было обжаловать перед самой высокой судебной инстанцией — королевским судом шести городов, в состав которого входили представители Кракова, Нового Сонча, Велички, Бохни, Казимежа и Олькуша. Возможно, что Казимир пытался сделать высший суд «немецкого» права в Кракове единым для Малой и Великой Польши. Но этого ему не удалось осуществить, как не удалось создать и единого для всей Польши свода польского права.

Основным источником поступлений в казну города оставался чинш, который платили все жители, пользовавшиеся городским правом. В Кракове он попрежнему составлял 1 шкойц серебра (2 гроша). В старых размерах сохранился чинш и во Вроцлаве. Очевидно, так же обстояло дело и в других городах. В начале XIV в. был введен новый городской налог — коллекта, шос. Первоначально он взимался только в экстренных случаях как дополнение к обычному чиншу. Им облагалось недвижимое имущество — дома, лавки и т. д. С течением времени шос превратился в постоянный налог и изменил свой характер: помимо недвижимостей, им облагались и доходы от торговли, ремесла и пр.

Городская казна получала доходы и от городских весов, на которых взвешивались товары, и с развозки алкогольных напитков по городу (так называемый шрот), и с мест торговли на рынках. Взималась плата за пользование мостами и т. п. Известную статью дохода составляли штрафы, взимавшиеся за грязь на улицах, за оставленный в жилище огонь, за пьянство, за хождение по городу ночью. Наконец, в пользу городов шли пошлины с определенных товаров, например Краков в 1354 г. получил привилегию на пошлины с сукна.

Внешняя торговля в этот период в основном продолжала сохранять транзитный характер. Центром крупнейшего значения являлся Краков, лежавший на перекрестке торговых путей, соединявших восток Европы с западом и юг с севером. Через Краков проходила дорога из Венгрии и Словакии на Торунь и Гданьск, а оттуда морем во Фландрию. Через Краков же пролегал другой путь, соединявший Силезию и Поморье через Галицкую Русь с черноморскими городами.

Краковские купцы были активными участниками транзитной торговли. Венгерские купцы доставляли свою медь только до Кракова, дальше ее препровождали краковские купцы. Они шли в Торунь и Гданьск по суше, а оттуда на кораблях морем в порты Фландрии. Здесь, продав медь, они покупали сукно и везли его в Польшу и в Венгрию. Они же через Львов ходили в Кафу (Феодосию), вывозили оттуда шелка и пряности (перец, имбирь), квасцы, применявшиеся при выделке сукна, или скупали эти товары на львовском рынке непосредственно от приезжавших туда кафских и генуэзских купцов и везли их в Силезию и на Поморье. Во Фландрию шел свинец, добывавшийся близ Олькуша, дерево из Малой Польши и Мазовии (главным образом тис, очень ценившийся в Западной Европе и ставший к концу XIV в. основным предметом польского экспорта). В Венгрию и Словакию краковские купцы везли также свинец, а позже соль, добывавшуюся в Бохне и Величке. Из Венгрии и Словакии краковские купцы везли железо и медь, позднее вино, воск и меха, из Фландрии — вино, южные фрукты, попадавшие на ее рынки из Испании; преимущественно же сукно. Сукно вывозили они и из Англии, куда добывались через Фландрию. В течение последнего десятилетия XIV в. в Краков ежегодно поступало в среднем более 16 тыс. кусков сукна.

Широкую торговлю с Фландрией, Англией и Скандинавией вели поморские города Спшалов, Щецин, Колобжег и др. Они вывозили туда коноплю, воск, мед, а привозили сукно и полотно. Большое значение имели

торговые связи с Ригой, Ревелем и Новгородом. Оживленная торговля велась на пути Щецин—Познань—Львов, связывая Западное Поморье с русскими землями. Польские города играли важную роль в международной торговле. Краков, Вроцлав и все крупнейшие поморские города входили в состав Ганзейского союза.

Краковским купцам приходилось вести ожесточенную борьбу с конкурентами — чужими и своими, например, торунскими купцами. В защиту от торунских купцов Краков ценой признания Владислава Локетка добился для себя в 1306 г. права склада на медь. Торунские купцы были лишены возможности закупать медь непосредственно в Словакии и Венгрии. Но Кракову не удалось воспользоваться своей привилегией. Бунт войта Альберта изменил положение. Краков впал в немилость. За его счет выдвинулся сохранивший верность Локетку Новый Сонч (Санец). Санецские купцы начали ввозить медь по Дунайцу и Висле, минуя Краков. Только в 1329 г. Кракову удалось устранить этого конкурента.

Борьба с торунскими купцами опять возобновилась после Калишского мира 1343 г., когда восстановился торговый путь Краков—Поморье. Торунские купцы пытались захватить в свои руки не только путь Венгрия — Фландрия, но и дорогу на восток, в Причерноморье и Русь через Львов. Только в 1372 г. Кракову удалось получить опять право склада, которым закрыта была для Торуня возможность непосредственной торговли с Венгрией, Словакией и Востоком через Галицкую Русь. Торунские купцы пытались обойти Краков, воспользоваться новой дорогой на Венгрию через Сандомир. В 1387 г. Краков добился закрытия и этой дороги и, таким образом, оказался хозяином положения. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что в связи с улучшением отношений с Западным Поморьем открылся новый путь для краковских купцов через Серадз и Познань. Торуню трудно было бороться с Краковом. Он начинал терять свое значение, уступая постепенно место Гданьску.

Солидным конкурентом Кракова на торговом пути Силезия — Краков — Львов — черноморские колонии был Вроцлав. Вроцлавские купцы не удовлетворялись тем, что ездили в Краков и здесь покупали шелка и пряности, шедшие с Востока, караваны их заходили и дальше, во Владимир-на-Волыни и Львов, где все эти товары можно было приобрести непосредственно у кафских и генуэзских купцов. На этой почве возникла борьба между ними и краковскими купцами. Последние были заинтере-

Купец

Миниатюра из рукописи XV в.

сованы в том, чтобы вся торговля Силезии с Востоком и Галицкой Русью проходила через их руки. В 1348—1360 гг. между Вроцлавом и Краковом шла настоящая война из-за рынка в Галицкой Руси. После захвата Галицкой Руси Казимир III закрыл дорогу на Русь для чужих купцов. «Своими людьми, — говорил он, — добыл я Русь, и хочу, чтобы только для моих людей и купцов была она открыта». Закрытие этой дороги наносило огромный ущерб торунским и вроцлавским купцам. Только краковские и львовские купцы могли переправлять товары с Востока, только в Кракове могли приобретать их вроцлавские купцы. И свои собственные товары они могли продавать только в Кракове, потому что дальше пути им не было. Правда, был выход — продавать свои товары на краковском рынке венгерским или львовским купцам и, таким образом, минуя краковских посредников, включиться в транзитную торговлю. Но в 1354 г. Казимир отрезал и этот путь, выдав привилегию краковским купцам, согласно которой иностранные купцы не имели права торговать между собой на краковском рынке и обязывались все свои товары продавать только местным купцам. Таким образом, краковский купец становился полным хозяином своего рынка. Только в 1360 г. открылся для Вроцлава путь через Краков в Галицкую Русь. Но в 1372 г. Людовик Венгерский снова закрыл эту дорогу через Львов для силезских купцов.

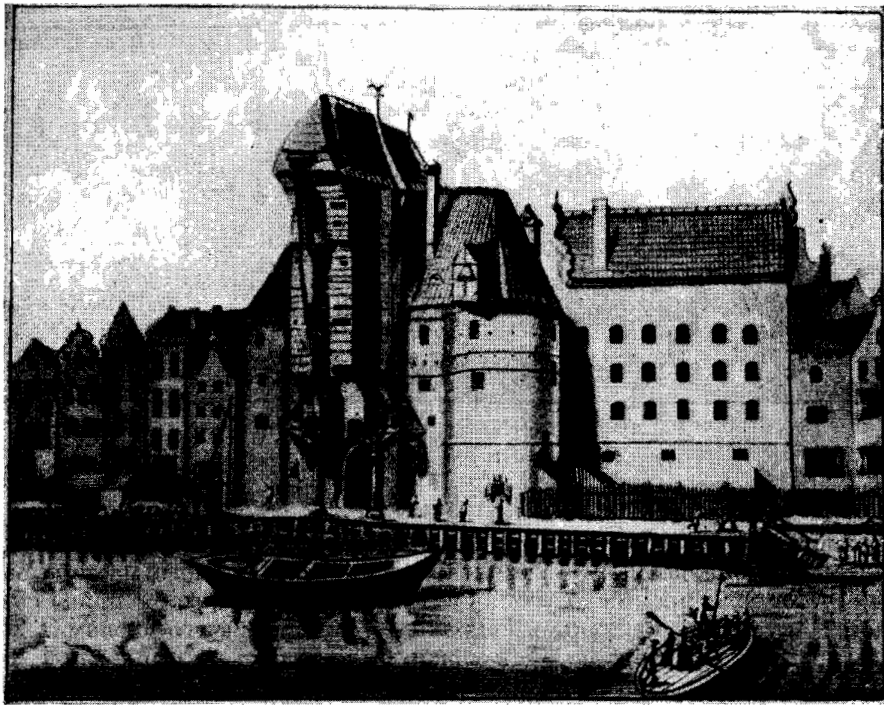
С половины XIV в. у Кракова появился новый соперник в транзитной торговле — Львов, столица Галицкой Руси. Львов занимал не менее выгодное положение, чем Краков, в отношении торговых путей. С востока в него вступала так называемая татарская дорога, соединявшая его через Каменец-Подольск с черноморскими колониями.

Значительное развитие внешней торговли свидетельствует о сравнительно высоком развитии товарного производства в стране. Во внутреннем товарообороте большую роль играла соль. Малая Польша получала ее из Бохни и Велички. Великая Польша и Мазовия получали соль через Пруссию из-за границы. На рынок выносили свои изделия ремесленники, везли продукты сельского хозяйства окрестные землевладельцы и крестьяне, которые только здесь могли получить деньги, столь необходимые им теперь.

Для укрепления внутренней торговли сравнительно большое значение имели ярмарки, которые с начала XIV в. существовали в ряде городов, например, в Малой Польше — в Новом Сонче, Бохне, Величке, Казимеже под Краковом. Они продолжались по семи—девяти дней. На ярмарки собирались и местные, и иногородние, и иностранные купцы, и окрестная шляхта, и крестьяне. Шла оживленная торговля местной и чужой продукцией, завязывались и укреплялись связи между купцами.

Богатые купцы объединялись в союзы — гильдии. Гильдии существовали в Кракове, Вроцлаве, Познани, Гданьске и Торуне. Они имели свои уставы, утверждавшиеся городским советом. Во главе гильдии стояли старшины. Но гильдии в Польше не играли существенной роли. Богатое купечество входило в состав городского совета, и последний по существу представлял собой своего рода объединение богатых купцов, отстаивая в первую очередь их интересы. В специальной купеческой корпорации не было нужды.

Менее состоятельные торговцы и ремесленники объединялись в цехи. Число цехов в городе не соответствовало точно количеству ремесленных специальностей. Если представителей какой-либо отрасли ремесла было немного, они объединялись с ремесленниками смежных отраслей. Так, в Кракове первоначально резчики, маляры, стекольщики, столяры и токари составляли один цех, и только в начале XV в. столяры образовали свою отдельную организацию.

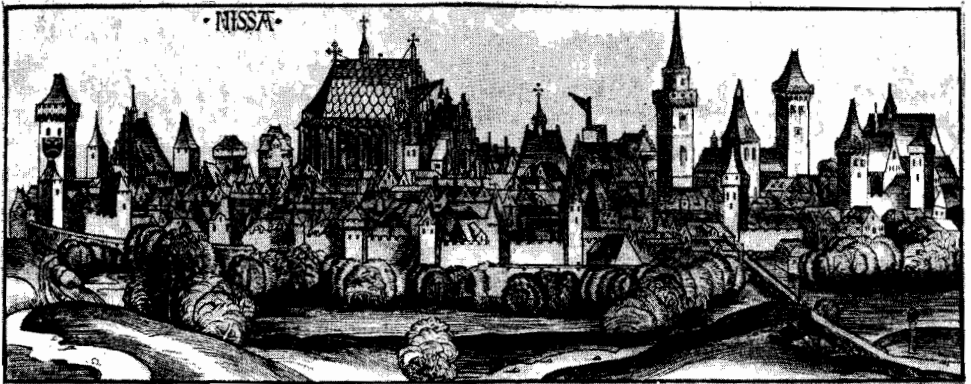

«Журавль» — подъемное приспособление в Гданьском порту (сооружено в XV в.)
Гравюра XVII в.

Ремесленники, входившие в состав цеха, делились на три разряда: мастеров, подмастерьев и учеников. Только первые обладали всеми правами в цехе и пользовались городским правом. Самую низшую ступень занимали ученики. Они обучались под руководством мастера, находились в полном подчинении у него и обязаны были выполнять любые его поручения. Срок обучения длился от года до шести лет в зависимости от специальности. Затем ученик переходил на следующую ступень — становился подмастерьем, «товарищем». Прием в подмастерья происходил в торжественной обстановке на общем собрании цеха и сопровождался особой церемонией. Проработав некоторое время под руководством своего мастера подмастерье совершал путешествие по стране и за границу, знакомился с постановкой своего производства в других местах, усваивал опыт других мастеров. Обычно такое путешествие длилось полтора года. Закончив его, подмастерье обязан был приготовить несколько изделий и представить их на просмотр. Если их качество оказывалось удовлетворительным, подмастерье принимался в мастера, получив предварительно городское право и сделав определенный взнос в кассу цеха.

Во главе цеха стояли старшины, выбиравшиеся из мастеров общим собранием цеха (собственно, собранием мастеров, потому что ни подмастерья, ни ученики права участвовать в собраниях не имели). Старшины утверждались городским советом. Они руководили цехом, ведали его имуществом и производили суд по делам цеха.

Цех отстаивал интересы своих членов и вел борьбу с конкурентами. Все занимавшиеся определенным ремеслом должны были принадлежать к цеху;

Силезский город Ныса в XV в.

работавшие тайно преследовались. Цех следил за тем, чтобы работа распределялась равномерно между его членами, чтобы у каждого мастера было только установленное число учеников и подмастерьев, чтобы право сбыта данной ремесленной продукции сохранялось только за его членами. Торговать предметами своего изделия можно было только на рынке, при этом на определенном рынке и в определенных лавках. Тайная продажа продукции строго каралась. Цех назначал и цены на свою продукцию, что нарушало интересы покупателей и к концу XIV в. вызвало вмешательство городского совета, а потом и королевской власти, поручившей особым комиссарам устанавливать цены на товары совместно с городским советом.

Цехи были и военными организациями. Каждый из них имел свой объект обороны (башню, ворота или участок стены), который обязан был защищать в случае военной опасности, и свое оружие, покушавшееся на счет цеха или жертвовавшееся его членами. Каждый цех имел свой устав, утверждавшийся городским советом, и являлся автономной единицей в городе.

Все управление городом сосредоточивалось в руках нескольких богатейших купеческих семейств. Ремесленники почти не допускались к власти, хотя формально обладали таким же правом, как и купцы. Это порождало жалобы ремесленников на патрициат, занявший все места в городском совете и присваивавший городские доходы. Борьба между ремесленниками и богатыми купцами в городе шла с переменным успехом. Так, во Вроцлаве при содействии князя в начале XIV в. в состав консулов вошли два ремесленника. Однако в 1320 г. уже ни одного ремесленника не было выбрано в городской совет, и до 1327 г. только один раз им удалось занять там место. Ремесленные цехи имели своих немногочисленных представителей лишь в лаве (суде), да и то не постоянно. В 1368 г. Казимир III вынужден был вмешаться в дела краковского городского совета и предписать ему производить впредь выборы на половинных началах: часть от патрициата (купцов), часть от ремесленников, но это предписание осталось лишь на бумаге.

В июле 1418 г. ремесленники и городская беднота Вроцлава подняли восстание против патрициата, казнили бургомистра и часть членов городского совета и перебили немало иных патрициев. Движение во Вроцлаве было связано с распространением идей гусизма. Император Сигизмунд Люксембург жестоко расправился с вроцлавскими ремеслен-

никами, а церковная инквизиция неустанно разыскивала в Силезии сторонников гуситской «ереси», предавая их казни на костре.

Борьба между ремесленниками и городским патрициатом сопровождалась борьбой национальной. Патрициат был по преимуществу немецкий, остальное население — в основном польское. В городских учреждениях — совете и лаве — употреблялся немецкий язык, на нем же читались проповеди в костелах. Польское население страдало от господства немцев. Поляки требовали на собраниях городской общины, чтобы лавники избирались не только из немцев, но и поляков, чтобы в городские писари назначались лица, знавшие польский язык.

Острая социальная борьба имела место внутри цехов. Это была борьба между обремененными всеми правами богатыми мастерами и бесправной, подчиненной и нуждающейся массой — подмастерьями и учениками. В 1392 г. городской совет в Кракове навсегда изгнал из города 15 подмастерьев, отказавшихся работать в знак протеста. Социальная борьба и здесь сопровождалась борьбой национальной, потому что мастера в ряде случаев были немцами, а подмастерья и ученики — чаще всего поляками.

4

ПОЛЬША В СИСТЕМЕ ОБРАЗУЮЩИХСЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ПОЛЬСКО-ВЕНГЕРСКАЯ УНИЯ

Как и в других странах Восточной и Юго-Восточной Европы, процесс ликвидации феодальной раздробленности в которых был ускорен наличием серьезной внешней опасности, в Польше объединение польских земель в единое государство происходило в условиях, когда капиталистического развития еще не было. Процесс образования единого Польского государства развернулся значительно ранее процесса складывания польской нации. Поэтому и Польша уже с самого начала образования единого государства превращалась в государство смешанное, многонациональное.

Процесс образования многонационального Польского государства был длительным. Начавшись в XIV в., он завершился лишь во второй половине XVI в. На протяжении этого времени менялись направленность и формы этого процесса, менялись исторические задачи, стоявшие перед объединенными в рамках многонационального государства народами, менялось объективное значение власти этого государства для входивших в его состав народов. Если первоначально это многонациональное государство решало задачи, связанные с защитой страны от немецкой феодальной агрессии, то позднее его роль изменилась и оно превратилось только в злейшего угнетателя и поработителя восточнославянских и литовского народов.

Основное направление внешней политики Польши в XIV в. определялось наличием сильной феодальной германской агрессии и задачами возвращения захваченных германскими феодалами польских земель. При этом надежды возлагались на помощь со стороны Венгрии и Литвы. Только в союзе с ними Польша могла рассчитывать на успех в этой борьбе.

В качестве главного союзника польскими феодалами первоначально рассматривалась Венгрия, с которой Казимиром III был заключен династический договор. По этому договору после смерти Казимира III польский престол перешел к венгерскому королю Людовику из дома Анжу.

Но Людовик был занят прежде всего венгерскими делами. Это было использовано крупными польскими феодалами в целях ограничения

королевской власти. За обещание, что престол будет наследован дочерьми Людовика, польские феодалы добились от Людовика издания Кошицкого привилея 1374 г., являвшегося важным этапом на пути юридического оформления сословных привилегий польских феодалов, с одной стороны, и ограничивавшего королевскую власть в стране — с другой. Кошицкий привилей распространялся только на светских феодалов. Король обязался не нарушать границ Польского королевства и возратить ему прежние территориальные потери. Магнаты и шляхта освобождались от всех налогов за исключением «порадльного» в размере 2 грошей с лана земли (налогом этим облагались только крестьянские земли феодального поместья; фольварк феодала, т. е. барская запашка, не облагался). Убытки, которые могли понести польские феодалы во время военных действий за пределами Польши, подлежали вознаграждению. Право занимать должность старосты предоставлялось только лицам польского происхождения, а право занимать земские должности — только жителям каждой данной земли. Объективно такой привилей являлся благоприятной почвой для усиления феодального сепаратизма.

К росту феодального сепаратизма вело и то, что Людовик опирался преимущественно на малопольских феодалов. Великопольские можновладцы и шляхта чувствовали себя резко ущемленными тем, что столицей объединенного государства стал Краков, а внешняя политика вдохновлялась малопольскими можновладцами. Быстрый рост политического влияния малопольских панов раздражал великополян еще при жизни Казимира III. При Людовике Венгерском политическое значение малопольских можновладцев еще более возросло. Поэтому противоречия между малопольскими и великопольскими феодалами занимали большое место во внутренней жизни Польского государства последней четверти XIV в.

Не поладил Людовик и с польскими духовными феодалами, которые настаивали на полной отмене налогов с церковных земель. Однако, удовлетворив Кошицким привилеем требования светских феодалов, король не сделал уступки католическому клиру. После же того, как ему удалось поставить на места нескольких умерших епископов своих кандидатов, он сумел добиться путем переговоров с каждым из польских епископов их согласия на уплату не только двухгрошового «порадльного», но и экстраординарного налога, которым время от времени могли облагаться церковные земли. Это вызвало недовольство польского духовенства, и польская католическая иерархия повела борьбу за решительное ограничение королевской власти, подобно тому как в XI—XII вв. духовные магнаты стояли во главе той части феодалов, которая тянула страну к феодальной раздробленности.

Такая политическая линия польских духовных феодалов вела к политическому и экономическому упадку, к феодальной анархии.

Правда, польские феодалы еще нуждались в относительно сильной центральной власти для подавления крепостного крестьянства и помнили об опасности немецкой агрессии. Но создание действительно централизованного государства не входило в планы ни духовных, ни светских магнатов.

Особенно обострились отношения между польскими феодалами и Людовиком, когда он, преследуя свои династические цели и выполняя волю венгерских феодалов, захватил Галицкую Русь. В 1372 г. она была передана его ставленнику Владиславу Опольскому в качестве венгерского лена. После того, как в 1377 г. силами польско-венгерских феодалов королю удалось отнять Галицкую Русь у завладевших ею в 1376 г. литовцев, она прямо перешла в его управление как короля венгерского. Захват Венг-

рией Галицкой Руси непосредственно задевал материальные интересы малопольских магнатов, до сих пор поддерживавших Людовика. В то же время польским феодалам становилось все более очевидным, что польско-венгерская династическая уния не может обеспечить выполнение задачи борьбы с германской феодальной агрессией в прибалтийских областях, далеких от интересов венгерского короля. А ведь именно здесь, в Прибалтике, нарастала грозная для Польши опасность со стороны Ордена. Непрерывно пополняемый рыцарями-авантюристами, стекавшимися сюда из различных западноевропейских стран в поисках наживы и грабежа, Орден превратился в громадную военную силу. Успешная борьба с ним зависела от союза не столько с Венгрией, сколько с Литвой, испытавшей на себе агрессивные поползновения Ордена. При таких условиях смерть в 1382 г. Людовика Венгерского повела к разрыву польско-венгерской династической унии.

Среди великопольских феодалов преобладали сторонники князя мазоведкого Земовита. Избрание его должно было повлечь за собой присоединение Мазовии к Польскому королевству и укрепить силы Польши накануне решительного столкновения с Орденом. Но верх взяли малопольские феодалы. Стремясь заключить тесный союз с Литвой, они не хотели, однако, полностью порывать и с Венгрией, опасаясь, что она может превратиться в их противника. В среде малопольской знати преобладали сторонники избрания на польский престол младшей дочери Людовика — Ядвиги. Одновременно малопольские феодалы вели переговоры с великим литовским князем Ягайлом относительно его брака с Ядвигагой. В 1384 г. Ядвига была коронована в Кракове «королем» Польши, а вскоре в Краков прибыло посольство Ягайла, который просил руки королевы Ядвиги и обещал, что он сам, великокняжеская фамилия и вся Литва примут католичество. Ягайло обещал присоединить Великое княжество Литовское к Польше и возратить все польские земли, потерянные Польшей ранее. Все эти условия были заранее согласованы в ходе начавшихся в 1383 г. тайных переговоров малопольских панов с Ягайлом (по-польски его имя произносилось Ягелло, отсюда название основанной им династии — Ягеллоны).

5

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНИЯ. ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

Польско-литовская уния могла послужить могущественным орудием борьбы с германской феодальной агрессией. К концу XIV в. Литва превратилась в одно из самых сильных государств Восточной Европы. Помимо собственно литовских земель, в состав Великого княжества Литовского входили белорусские, украинские и некоторые русские земли. По размерам и по уровню экономического и культурного развития белорусско-украинско-русские земли значительно превосходили собственно литовские земли Великого княжества. Именно они составляли основу его материальной силы, основу его культурного развития. В ходе завоевания Литвой белорусских, украинских и русских земель важную роль сыграло то, что Литва использовала существовавшую в самих этих землях тенденцию к объединению для совместной борьбы с татаро-монгольской опасностью. Однако для собственно литовских земель основной угрозой была не татаро-монгольская, а немецкая феодальная агрессия, проводимая Тевтонским орденом. Интересы борьбы с Орденом сближали Литву с Польшей. Эта борьба соответствовала интересам находившихся в составе

Литвы восточнославянских земель, население которых энергично подерживало героическое сопротивление литовского народа крестоносцам. Однако в то же время литовские князья, опасавшиеся роста быстро усилившегося Московского княжества, не вели последовательной политики, направленной на разгром Золотой орды.

Между тем в течение XIV в. Московское княжество очень выросло и окрепло. Это была сила, решительно противостоявшая Золотой орде, сила, несравненно более, чем Литва, близкая всем восточнославянским землям. Москва стала «собирающей русские земли, центром национальной жизни русского народа»¹. Общность происхождения, языковая, культурная и религиозная близость объединяли русский народ с народами белорусским и украинским. Поэтому уже во второй половине XIV в. перспектива решительного столкновения Русского государства с Литвой вырисовывалась достаточно отчетливо. Заключение польско-литовской унии таило в себе страшную для всего последующего развития польского народа опасность того, что в назревавшую борьбу Литвы с Русским государством включится и Польша. С другой стороны, совершенно несомненно, что, готовя польско-литовскую унию, малопольские паны рассчитывали воспользоваться литовскими завоеваниями на Украине для захвата украинских земель; их агрессивные устремления шли даже гораздо дальше. Добиваясь унии с Литвой, малопольские феодалы прямо рассчитывали подчинить своей власти все Великое княжество.

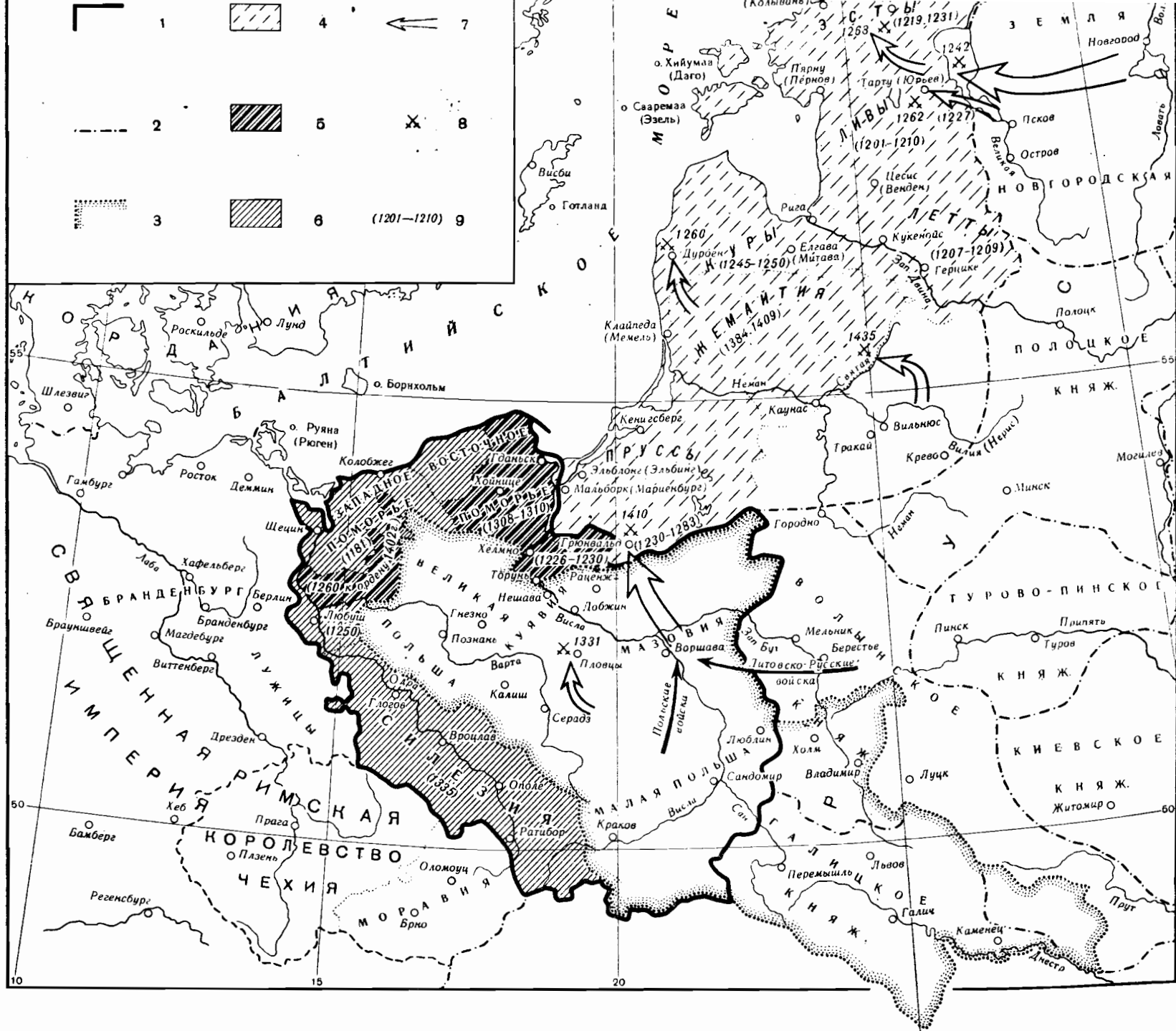
Эти агрессивные планы польских феодалов, эти отрицательные стороны польско-литовской унии необходимо учитывать уже в первый период ее истории — примерно до середины XV в., когда польско-литовская уния была направлена главным образом против Тевтонского ордена, создавая временные условия для объединения усилий польского, русского, украинского, белорусского и литовского народов в целях разгрома германской феодальной агрессии. Вместе с тем необходимо помнить, что это была уния между феодальными государствами, и поэтому на формы и методы ее осуществления неизбежно должны были оказывать существенное влияние классовые и даже групповые интересы тех слоев польских и литовских феодалов, которые в данный момент находились у власти.

Согласно условиям унии 1385 г., Литовское государство инкорпорировалось в состав Польши, превращалось в его провинцию. Насажение католицизма в Литве, насильственно проводимое Ягайлом, должно было, по мысли малопольских магнатов, идеологически обеспечить первое место в объединенном государстве за польскими феодалами. В области внутренней политики новый король, принявший имя Владислава II, держался линии своего предшественника. В 1386 г. был издан Корчинский, а в 1388 г. — Петрковский привилеи, расширявшие права польской шляхты.

Шляхта, в частности, добилась вознаграждения за участие в заграничных походах. Было специально оговорено, что не только в крупные, но и в мелкие «гроды» король не будет назначать иноземцев.

Политика Ягайла, отвечавшая интересам в первую очередь польских феодалов, вызывала в Литве энергичную оппозицию в среде литовско-русской знати. Во главе недовольных встал двоюродный брат короля Витаутас (Витовт). В 1388 г. дело дошло до вооруженного столкновения между ним и Ягайлом. Витовта сразу же поддержал Тевтонский орден, рассчитывавший разрушить польско-литовскую унию. Враждебную позицию к поль-

¹ Приветствие Москве Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). «Правда», 7 сентября 1947 г.

Польша в период немецкой феодальной агрессии XII-XV вв.

1 — общая граница польских земель и княжеств около 1180 г.; 2 — прочие государственные границы около 1180 г.; 3 — границы Польского королевства и зависимых от него земель в начале XV в.; 4 — земли народов Прибалтики, захваченные немецкими орденами в XIII — начале XV в.; 5 — польские земли, захваченные Тевтонским орденом в XIII — начале XV в.; 6 — западные польские земли, захваченные немецкими феодалами и исключенные в состав Священной Римской империи в XII — XIV вв.; 7 — важнейшие удары, нанесенные немецкими феодалами агрессорами народами Польши, Руси и Прибалтики; 8 — места и годы важнейших

ско-литовской унии занимала и Венгрия. Однако в 1392 г. между Ягайлом и Витовтом и поддерживавшим последнего литовским боярством состоялось соглашение, по которому Витовт стал наместником Ягайла на Литве. Но вскоре отношения Польши и Литвы снова обострились. Витовт вел энергичную борьбу с феодальной раздробленностью Великого княжества Литовского, устраняя удельных князей. Положение его в результате этого чрезвычайно укрепилось. Он начал употреблять титул великого князя литовского. Это вызвало возражения королевы Ядвиги, действовавшей в интересах влиятельной группы малопольских магнатов. И на этот раз обострением польско-литовских отношений немедленно воспользовалась орденская дипломатия. В 1398 г. на литовско-орденском съезде на острове Салине Витовт был провозглашен королем Литвы и Руси.

За поддержку Витовт уступил Ордену Жемайтию (Жмудь), разделявшую до сих пор орденские владения на две части. Одновременно было заключено соглашение о захвате и разделе северо-западных русских земель, по которому к Ордену должен был перейти Псков, а к Литве — Новгород. Взамен этого Орден согласился помочь Витовту в походе против татар.

В 1399 г. Витовт, поддержанный вспомогательными отрядами тевтонских рыцарей и польским рыцарством, действительно предпринял поход в днепровские степи. Но поход этот оказался плохо подготовленным. В битве на р. Ворскле войско Витовта понесло страшное поражение. Татарам удалось фактически уничтожить всю его армию. План сокрушения Орды и раздела северо-западных русских земель между Литвой и Орденом рухнул. От этой авантюры выиграл Орден, получивший Жемайтию. Литовским феодалам стало ясно, что продолжение союза с Орденом может привести Литву лишь к столкновению с освобождающейся от татарского ига Русью и развязать Ордену руки в Прибалтике. Последнее обстоятельство и было причиной восстановления в 1401 г. разрушенной тремя годами ранее польско-литовской унии.

На этот раз, однако, уния носила несколько иной характер. Проводившейся малошольским магнатством политике экспансии против Литовского княжества был нанесен серьезный удар. Согласно условиям унии

Оборона польского города
Миниатюра из рукописи XIV в.

1401 г., Витовт остался великим князем литовским. В случае смерти Ягайла безнаследников польские и литовские феодалы совместно должны были избрать нового короля. Но идя на уступки Витовту, польские феодалы не отказались от плана инкорпорации Литвы. Они согласились только на ее отсрочку. По договору 1401 г. инкорпорация должна была наступить после смерти Витовта.

Возобновление польско-литовской унии значительно укрепило позиции Польши в борьбе с агрессивной Ордена. Венгерский король Сигизмунд, внимание которого поглощала турецкая агрессия на Балканах, тоже был вынужден временно отказаться от своего антипольского курса. В течение 1401—1403 гг. развернулась борьба между Литвой и Орденом за Жемайтию, где вспыхнуло всеобщее восстание против рыцарей. Но к решительной схватке не были еще готовы ни Орден, ни его противники. В 1404 г. был заключен Рацёнжский мир Польши и Литвы с Орденом, по которому Польша отказалась от Поморья, Литва — от Жемайтии, а Добжинская земля была выкуплена у рыцарей. Орденские дипломаты пытались вовлечь Витовта в широкие авантюры на востоке. Они поддерживали литовскую агрессию против Пскова и Новгорода, помогли Витовту расправиться с восставшим Смоленском, толкали его на конфликт с Москвой.

Толкая Витовта на восток и всячески стремясь разорвать польско-литовскую унию, Орден усиленно готовился к решающей схватке с Польшей. Орден купил у венгерского короля Сигизмунда, бывшего маркграфом бранденбургским, Новую Марку, граничившую с Великой Польшей с запада, и создал, таким образом, в польском тылу важный для себя плацдарм.

В 1409 г. героические жемайты снова подняли всеобщее восстание против Ордена. В том же году началась «Великая война», и Ордену пришлось иметь дело не с одной Польшей, а с объединенными силами поляков, белорусов, украинцев, русских и литовцев.

Военные действия 1409 г. носили нерешительный характер и закончились перемирием, в котором нуждались обе стороны. Началась усиленная подготовка к решающей битве. Она произошла 15 июля 1410 г. под Грюнвальдом.

Численно польско-литовско-русская армия несколько превышала силы орденской армии. По наиболее вероятным подсчетам, в польско-литовско-русской армии насчитывалось около 100 тыс. человек. В составе польских войск три полка составляли чехи и поляки из Силезии. В их рядах, по некоторым известиям, сражался будущий вождь таборитов Ян Жижка.

Численность армии рыцарей составляла около 80 тыс. Зато на стороне Ордена было превосходство в вооружении и в военной подготовке. В рядах орденской армии были представители 22 феодальных государств Западной Европы.

Битва началась с обмена между противниками артиллерийскими залпами, которые не принесли ни одной из сторон сколько-нибудь заметного урона. Затем началась кавалерийская атака правого крыла союзной армии, которым командовал Витовт. Рыцарям, однако, удалось ее отбить. Перейдя в наступление, они внесли замешательство в польские и чешские полки, обрушившись на них с фланга. В этот критический момент боя положение спасли смоленские полки. Они стояли в центре, и именно на них обрушился главный удар рыцарской конницы. Несмотря на огромные потери, смоляне стойко выдержали эту атаку и сковали ударные силы зрестоносцев. Это дало возможность главным польским силам преодолеть замешательство и перейти в решительное наступление. К вечеру битва закончилась полным разгромом орденской армии. Орден потерял до

Грюнвальдская битва

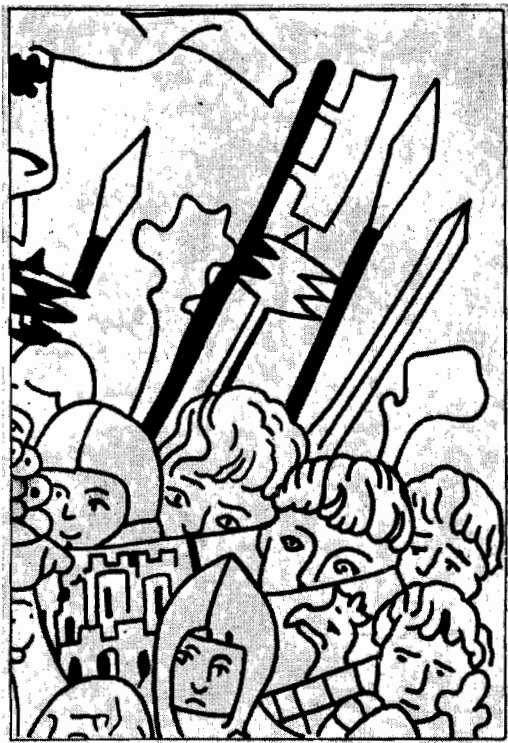
Из «Хроник» Марцина Бельского. Издание 1597 г.

18 тыс. убитыми, не считая раненых и пленных. Погиб почти весь «цвет» орденской армии во главе с великим магистром Ульрихом фон Юнтингеном.

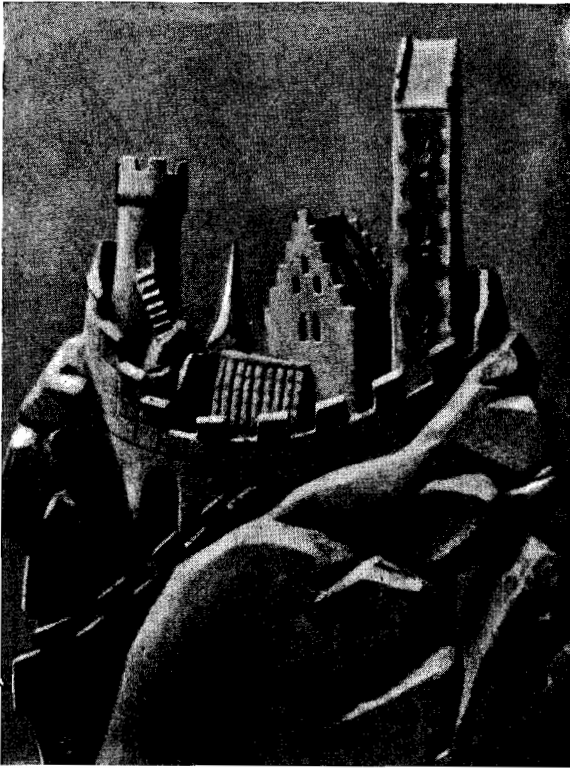
После Грюнвальда союзная армия фактически не встречала сопротивления. Многочисленные орденские города и замки сдавались без боя. Орденское государство оказалось на краю пропасти. Но от полной гибели его спасли сначала ошибки союзного командования, а затем разногласия между польскими и литовскими феодалами. Между тем вставший во главе Ордена Генрих фон Плауэн получил крупные подкрепления из Германии. Энергично интриговал против Польши союзник Ордена Сигизмунд Люксембургский, вскоре избранный германским императором. Остаткам орденской армии удалось удержаться в Мальборке. Первым из-под стен его увел свои войска Витовт. Затем сняли осаду и поляки. Это означало, что Орден сумел удержаться, что война не кончилась его полным уничтожением. Факт этот был зафиксирован Торунским миром 1411 г., по которому Орден вынужден был отказаться от своих претензий на Добжинскую землю и от Жемайтии. Он уплачивал 6 млн. пражских грошей контрибуции.

Несмотря на столь скромные условия Торунского мира, Грюнвальдский бой явился, без сомнения, весьма важной вехой в истории всей Восточной Европы. Военная мощь Ордена была сокрушена. «Со следующего дня уже начинается исчисление дней его нужды, гибели и упадка на вечные времена», — с сокрушением писал об Ордене после Грюнвальда орденский летописец. В орденском государстве начался внутренний кризис. Боровшиеся за расширение своих сословных прав по польскому образцу прусская шляхта и прусские и поморские города, подвергавшиеся жестокой экономической эксплуатации со стороны орденских властей, экономически тесно связанные с польским рынком, начали решительно выступать против Ордена, стремясь к соединению с Польшей. Тем самым на долгое время был положен предел германской феодальной агрессии на восток.

Одним из непосредственных результатов «Великой войны» было заключение в 1413 г. в Городле новой польско-литовской унии. В договоре 1413 г. отразилось возросшее после Грюнвальда международное значение Великого княжества Литовского, что повело за собой укрепление государственной суверенности Литовского государства. Но Городельская уния признала самостоятельность Великого княжества с условием, чтобы

Крестьяне в польском войске
Миниатюра из рукописи XIV в.

Замок на скале

Резьба по дереву Вита Ствоша (конец XV в.)

после смерти Витовта «великим князем и господином Литвы» при участии литовских бояр был избран польский король. Таким образом, король рассматривался как основное звено, связывающее Литву и Польшу.

Заклучение унии 1413 г. отвечало интересам литовских феодалов. В целях укрепления унитарных отношений в договор об унии был внесен пункт о принятии литовских панов в гербовые роды польской шляхты. Получив польские гербы, литовские паны получили и подтверждение привилегия 1387 г., уравнивавшего их в правах на землю с польскими феодалами. Однако на православных феодалов Литовского княжества эти права не распространялись. Польские магнаты делали ставку на раскол господствующего класса Литовского государства. Конфликт между литовскими

феодалами, с одной стороны, и украинскими и белорусскими — с другой, должен был, по мысли польских дипломатов, ослабить Литву, связать интересы литовских панов-католиков с Польшей, привести, наконец, к полному подчинению Великого княжества польским магнатам.

6

ПОЛЬША И ГУСИТСКАЯ ЧЕХИЯ. АНТИНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕРКОВНЫХ ФЕОДАЛОВ

В 1419 г. в Чехии начались гуситские войны. Будучи по своему социальному содержанию крестьянской войной против феодального ига, сочетавшейся с национально-освободительной войной против германского феодального засилия в Чехии, они имели большое общеевропейское значение. Это был первый крупный удар, нанесенный цитадели феодализма в Европе — папскому Риму.

Гуситское движение нашло большой отклик в Польше. В то время как среди среднепоместной и мелкой польской шляхты, недовольной засилием магнатов и католической иерархии, получили распространение идеи чашников, умеренного крыла чешских гуситов, радикальные, ан-

тифеодальные лозунги, провозглашаемые таборитами, левым крылом гуситского движения, с воодушевлением воспринимались польским крестьянством и городской беднотой. Гуситское движение имело многочисленных сторонников в городах и местечках Великой и Малой Польши, среди крестьянства в Куявии и Добжинской земле. Особенно значительных масштабов движение это достигло в Силезии, где крестьяне и городская беднота с оружием в руках поднимались против своих эксплуататоров. Здесь, как и в Чехии, восставший народ превращал в руины костелы и монастыри. Из народной среды выдвигались проповедники — руководители движения, «убогие ксендзы», которых ожесточенно преследовали феодалы.

Много польских крестьян и городской бедноты непосредственно участвовало в крестьянской войне в Чехии. Во главе отправлявшихся на помощь восставшему чешскому народу польских отрядов обычно стояли представители обедневшего рыцарства, но боевым ядром этих отрядов были крестьяне и городская беднота — «низшие», «незнатные», «пешие», «плебеи» и «кметы», как их называют источники. Стихийно создававшиеся и отправлявшиеся в Чехию крестьянские отряды в течение всего периода гуситских войн участвовали в борьбе. Поляки сражались в рядах таборитов и в битве под Липанами в 1434 г., окончившейся поражением крестьянско-плебейского лагеря движения в Чехии.

Феодалы жестоко подавляли выступления польского крестьянства и городских низов. Церковь вступила в кровавую борьбу с «чешской ересью». Особенно свирепствовала католическая реакция в Силезии, где движение приобрело массовый характер. Во Вроцлаве, Олаве, Клодске, Свиднице и других городах пылали костры инквизиции.

Гуситское движение в Чехии сыграло важную роль в историческом развитии Польши 20—40-х годов XV в. Пример героически боровшейся с натиском немецких феодалов Чехии способствовал подъему патриотических настроений в Польше, укреплял польский народ в борьбе с Орденом, усиливал и развивал в нем чувства славянской солидарности. В годы гуситских войн многие в Польше понимали, что в лице германских феодалов, во главе которых стоял император Сигизмунд, Польша и чешские гуситы имели общего врага. Симпатии к боровшейся с германской феодальной агрессией Чехии были очень сильны даже среди польских феодалов, особенно мелких и средних рыцарей, и горожан. При таких условиях было вполне естественно, что в гуситской Чехии возник план объединения польско-литовско-чешских сил для борьбы с германской феодальной агрессией. Разумеется, в отличие от правого крыла гуситского движения — чапников, для левого, антифеодального лагеря гуситского движения феодальная Польша могла быть только временным военным союзником. Из среды чапников вышел проект заключения польско-чешско-литовской династической унии путем приглашения на чешский престол Ягайла или Витовта, нашедший известное сочувствие и среди умеренного крыла таборитов.

В 1420—1421 гг. в Польше побывало четыре чешских посольства, имевших целью договориться об условиях династической унии.

Уния Польши с Чехией могла привести к быстрому воссоединению Силезии с Польшей, чего добивались массы польского населения Силезии, боровшиеся против проводимой Люксембургами германизации. Польско-чешская уния соответствовала таким образом интересам Польши. Поэтому предложения чехов нашли живой отклик в среде польских феодалов. Зато резко отрицательную позицию к ним занял католический лагерь, возглавляемый Збигневом Олесницким, с 1423 г. ставшим краковским епископом.

При таких условиях Ягайло не решился принять чешское предложение. Однако предложение чехов принял Витовт, обещавший послать в Чехию в качестве своего наместника Жигимантаса (Сигизмунда) Корибутовича, племянника Ягайла. В 1422 г. Сигизмунд Корибутович прибыл в Чехию. Польско-литовская дипломатия поставила перед ним задачу подготовить почву для примирения восставшей Чехии с папским престолом и превратить социальное по своему характеру гуситское движение в движение чисто национальное, направленное против германской феодальной агрессии. По мере того, как становилась очевидной невозможность такого поворота событий и, с другой стороны, выяснялось, что антифеодальное движение находит живой отклик в самой Польше, католический лагерь польских феодалов все более и более укреплялся. В то же время императору Сигизмунду удалось вновь столкнуть Орден с Польшей и Литвой и окончательно настроить против них силезских феодалов. В этих условиях прокатолическая партия победила. Сигизмунд Корибутович был отозван из Чехии, а с императором было заключено соглашение, направленное против гуситов. Правда, до совместных с императором военных действий против восставшей Чехии дело не дошло. Однако план польско-чешской унии потерпел поражение. Феодально-католическая Польша не могла находиться в одном лагере с революционным чешским крестьянством. В самой Польше начались жестокие преследования гуситов и сочувствовавших их программе. Велюнский эдикт 1424 г. предусматривал суровые кары за распространение гуситских идей. Сам факт его издания свидетельствует о том, что страх перед возможностью распространения гуситского движения на Польшу сыграл серьезную роль в отказе польских феодалов от плана установления унии и союза с Чехией.

Однако несколько лет спустя вопрос о польско-чешской унии вновь был поставлен в порядок дня. Вдохновляемая Збигневом Олесницким политика сотрудничества с императором Сигизмундом полностью провалилась вследствие попыток императора и орденской дипломатии разорвать польско-литовскую унию. Император хотел использовать для этого недовольство феодалов Великого княжества политической Ягайла, направленной на постепенное осуществление плана инкорпорации Литвы в состав Польши. В этих целях в 1429 г. на съезде в Луке император официально поставил вопрос о коронации Витовта королевской короной, твердо рассчитывая вызвать этим войну между Литвой и Польшей. Однако дальнейшее развитие событий было прервано смертью Витовта. Таковы были те внешнеполитические условия, которые позволяли в начале 1430-х годов влиятельной группе польских панов и шляхты вновь поставить вопрос о союзе с Чехией. Но и на этот раз перевес остался за католической иерархией и поддерживавшей ее частью польских феодалов.

Между тем серьезно обострились польско-литовские отношения. После смерти Витовта в 1430 г. Литва стала ареной ожесточенного конфликта между двумя группировками феодалов. Во главе одной из них, состоявшей главным образом из православных феодалов, стал брат Ягайла — Швитригайла (Свидригайло). Литовские бояре-католики группировались вокруг брата Витовта — Жигимантаса (Сигизмунда) Кейстутовича. Группировка Свидригайла вела курс на полную ликвидацию зависимости Литвы от Польши и вступила в переговоры с Молдавией, Орденом и Сигизмундом Люксембургским. Вторжение малопольских панов в Подолию привело к польско-литовской войне, в которую вмешался Орден. Орденские войска страшно опустошили польские земли. Ягайло вынужден был даже обратиться за помощью к чешским гуситам, отряды которых явились на Поморье.

Вмешательство Ордена крайне осложнило положение, показав, что столкновение Литвы и Польши при наличии сильного еще Орденского государства может повлечь за собой усиление германской феодальной агрессии. К тому же противная Свидригайлу группировка сумела — ценой отказа от части Подолии и Волыни — получить значительную помощь из Польши. Свидригайло был разбит, и в 1432 г. на великокняжеский стол был возведен Сигизмунд Кейстутович. В связи с этим был заключен новый акт унии, по которому официально был признан принцип инкорпорации Литвы в состав Польского государства. Сигизмунд Кейстутович являлся лишь пожизненным великим князем литовским, вассалом польского короля. После его смерти вся Литва должна была перейти к королю, его потомкам и к «Короне Польской», хотя избрание нового литовского князя не исключалось. Одновременно литовские паны и польские магнаты попытались привлечь на свою сторону и потерпевшую поражение группировку Свидригайла. Был составлен акт о распространении на православных феодалов тех же привилегий и прав, которые были признаны за феодалами-католиками. Правда, привилей этот не был утвержден королем, но через два года, в 1434 г., Сигизмунд Кейстутович издал другой привилей, по которому православные феодалы получили право личной неприкосновенности и неограниченное право распоряжаться своим имуществом. Их крестьяне были освобождены от ряда повинностей, которые они выполняли в пользу великого князя, а сами феодалы получили право на польско-литовские гербы, что юридически уравнивало их с феодалами-католиками. Привилей не предусматривал, однако, возможность замещения православными феодалами высших государственных должностей. Уступки эти диктовались стремлением литовских панов изолировать Свидригайла. Польские магнаты рассчитывали с помощью этих уступок примирить группировку, возглавляемую Свидригайлом, с перспективой сохранения польско-литовской унии. Однако этой цели они не достигли. Больше того, после победоносного завершения борьбы с Орденом феодалы Литовского княжества объединились для борьбы за ликвидацию принципа инкорпорации Литвы и утверждение ее государственной самостоятельности. После смерти Сигизмунда Кейстутовича литовские паны в 1440 г. избрали своим великим князем младшего сына Ягайла — Казимежа (Казимира) в качестве самостоятельного государя. Тем самым была разорвана личная польско-литовская уния (в Польше правил в это время старший сын Ягайла — Владислав III).

События, разыгравшиеся в Литве, были использованы польскими магнатами для достижения новых уступок со стороны королевской власти. Речь шла о тех спорных пунктах, вокруг которых с 1425 г. происходила борьба между королем и магнатами в связи с вопросом о престолонаследии. Польские магнаты, руководимые Збигневом Олесницким, согласны были признать наследниками польского трона детей Ягайла при том условии, если он согласится на распространение шляхетских привилеев на все земли Польской Короны, пойдет на издание аналогичных привилеев для духовных землевладельцев и, главное, признает тот принцип, что наследник только в том случае может стать королем, если подтвердит все прежние привилеи, выданные его предшественниками. В 1430 г. король вынужден был принять эти условия. Едлинский привилей 1430 г. означал еще один шаг по пути ослабления центральной власти в стране. Польский трон по существу становился избирательным. Решающим голосом при избрании короля, естественно, был голос духовных и светских магнатов, политическое влияние которых сильно возросло со времени установления польско-литовской унии. Таким образом, и при Ягайле католическая церковь

продолжала оставаться наиболее активным противником централизации страны, той ведущей силой, которая возглавляла борьбу за ограничение королевской власти в пользу духовных и светских możnowладцев.

Еще более ярко антинациональная сущность политики католической иерархии в Польше проявлялась в области внешней политики. В 1434 г. умер Владислав Ягайло. Польский престол перешел к его малолетнему сыну Владиславу III. В 1437 г. скончался старый враг Польши и Чехии германский император Сигизмунд Люксембургский, отдавший чешский престол своему зятю Альбрехту Габсбургу. В Чехии была, однако, довольно влиятельная партия, стоявшая за установление польско-чешской унии. На съезде в Кутной Горе она вынесла решение пригласить на чешский трон младшего сына Ягайла — Казимира Ягеллончика. Решительным противником польско-чешского сближения и на этот раз выступил Збигнев Олесницкий. Однако перевес оказался на стороне той группы польских феодалов, которая стояла за союз с Чехией. Ее успехом способствовал тот факт, что крестьянская война в Чехии после битвы при Липанах в 1434 г. была подавлена и в гуситском движении решительно возобладала умеренная группировка, возглавляемая пражским бюргерством и гуситской шляхтой. Теперь союз с Чехией не таил в себе никаких опасностей для польских феодалов.

Олесницкому, однако, удалось сорвать реализацию плана польско-чешской унии. Он и его сторонники затормозили отправку в Чехию польских войск. А когда все же польское войско двинулось в Чехию, время уже было упущено: Альбрехт Габсбург успел укрепиться на чешском престоле.

Сорвав план возведения Казимира Ягеллончика на чешский престол, Олесницкий и его сторонники постарались нанести поражение и так называемой гуситской партии в Польше. Во главе ее стоял магнат Спытек из Мельштына. Когда провал планов польско-чешской унии стал очевидным, эта группа польских феодалов подняла восстание против ненавистного ей краковского епископа. Однако основная масса польских магнатов находилась под сильным влиянием католической иерархии и не поддерживала восставших. Раскол произошел и в самой гуситской партии. Основная масса сочувствовавшей Спытку из Мельштына шляхты покинула его лагерь, как только убедилась в том, что в движении начинает принимать активное участие крестьянство. Шляхте было не по пути с восставшими крестьянами. Она смертельно боялась крестьянской войны. В битве под Гротниками (1439) королевским войскам удалось нанести восставшим решительное поражение. Спытек из Мельштына погиб в битве. Збигнев Олесницкий и поддерживавшая его группа możnowладцев осталась единственной распорядительницей судеб Польши. Теперь ей уже не представляло никакого труда бороться с планами польско-чешского сотрудничества. Главной своей задачей Збигнев Олесницкий поставил возобновление польско-венгерской унии, которая отвечала интересам венгерских феодалов, испытывавших сильный нажим со стороны турок, а главное, соответствовала интересам римской курии, которая стремилась отвлечь внимание Польши от ее западных границ и рассчитывала с помощью Венгрии и Польши распространить свое влияние на Балканском полуострове. В 1440 г. Владислав III совершил поход в Венгрию и, несмотря на сопротивление части венгерских феодалов — сторонников Габсбургов, короновался венгерской короной. Однако междоусобная борьба в Венгрии не закончилась. Стремясь укрепить свое положение, король вынужден был торопиться с открытием военных действий против турок. Первоначально они развивались весьма успешно для польско-

венгерских войск, находившихся под командой Владислава и прославленного венгерского полководца Яноша Гуниади. Ряд крупных поражений, нанесенных туркам, вынудил их начать мирные переговоры. В июле 1444 г. на выгодных для Венгрии условиях был подписан 10-летний мир с Турцией. Однако вмешательство папского легата Джулиано Цезарини, добивавшегося продолжения войны, изменило положение. Король уступил его нажиму и, нарушив мир, вновь открыл военные действия. Это была военная авантюра. Против огромной армии султана выступила разнородная армия, насчитывавшая едва ли более 20 тыс. человек. В битве под Варной 10 ноября 1444 г. турки нанесли ей страшное поражение. Среди погибших был и двадцатилетний король Польши и Венгрии Владислав. Польско-венгерская уния вновь распалась.

«Для Польши и Греческой империи битва при Варне — результат венецианских и папских интриг — была гибельной», — так характеризовал это событие Маркс¹.

Турки теперь не имели перед собой сколько-нибудь равного им по силам противника. Они могли сравнительно быстро завершить завоевание Балканского полуострова, а через девять лет овладели Константинополем.

Итак, расторжение польско-литовской унии, срыв польско-чешской унии, провал польско-венгерской унии, закончившийся поражением у Варны, — таков был итог руководства польской политикой епископа Збигнева Олесницкого и его союзников из антинационального лагеря духовных и светских магнатов.

7

ТРИНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГДАНЬСКОГО ПОМОРЬЯ

После гибели Владислава III польские магнаты попытались восстановить польско-литовскую унию на старых условиях. К этому времени, однако, положение серьезно изменилось. Теперь литовские феодалы и слышать не хотели о принципе инкорпорации. Их настроение разделял великий князь Литвы Казимир Ягеллончик, бывший кандидатом на польский престол. Попытка малопольских магнатов выставить другую кандидатуру — Болеслава Мазовецкого — натолкнулась на сильное сопротивление в самой Польше. За Казимира стояла малопольская шляхта и подавляющая часть великопольских феодалов, прекрасно сознававших угрозу возобновления орденовой агрессии. Поэтому верх взяла кандидатура Казимира. Перед отъездом из Литвы в 1447 г. он издал земский привилей, по которому сословные права и привилегии литовских феодалов были полностью уравнены с польскими. Помимо того, привилей гарантировал целостность Литвы в границах, установившихся при Витовте, и обеспечивал занятие всех правительственных должностей жителями Великого княжества. Таким образом, польско-литовская уния 1447 г. была лишь союзом двух равноправных государств, скрепленным личной унией. Государственная самостоятельность Литвы полностью сохранялась.

Используя противоречия между магнатами и шляхтой, между духовными и светскими феодалами и играя на польско-литовских противоречиях, Казимир сумел ослабить силу крупных, прежде всего духовных

¹ К Маркс. Хронологические выписки, т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI), стр. 200.

Казимир IV Ягеллончик

феодалов, достаточно скомпрометировавших себя своей антинациональной политикой. Первым шагом короля в направлении укрепления своей власти было утверждение за собой права назначения епископов. Тем самым духовенство оказалось в зависимости от королевской воли. Времена почти неограниченного господства в Польше духовных магнатов, как это было при епископе Олесницком, миновали.

Но, как это не раз бывало и прежде, поддержку одной группы феодалов против другой король вынужден был покупать ценой новых привилегий, которые клонились к ограничению королевской власти. В 1454 г. в лагере под Церквицей взбунтовавшаяся великопольская шляхта добилась от короля привилегия, условия которого были направлены против до-

минирующего положения магнатства и предполагали неизбежное ограничение королевской власти. Против магнатов были направлены те пункты привилегия, которые регулировали судопроизводство и местное управление, находившееся в руках крупных феодалов. Требование не вводить никаких новых порядков и не созывать посполитого рушения (шляхетского ополчения) без разрешения сеймиков было направлено не только против магнатов, но и против короля. Вскоре аналогичный привилегия получила и малопольская шляхта. Оба эти документа легли в основу Нешавских статутів 1454 г.

Нешавские статуты явились важнейшей вехой в образовании польской дворянской республики с выборным королем во главе и сеймом в качестве высшего законодательного органа власти. Нешавские статуты ставили вместе с тем предел процессу консолидации страны. Они ослабляли политическую роль магнатства за счет роста политического влияния средних и мелких феодалов и наносили серьезный удар политическим правам городов. Особенно большое значение имел тот пункт малопольской редакции статутів, который распространял юрисдикцию шляхетского суда на горожан. Шляхта вырвала все эти уступки у королевской власти в разгар войны с Орденом за Поморье.

Война эта вспыхнула в 1454 г. в связи с восстанием «Прусского союза», выступившего с оружием в руках против орденской власти. Инициатором «Прусского союза» было рядовое прусское рыцарство, постоянно политически принижаемое орденскими властями. Оно было заинтересовано в ликвидации орденского строя и стремилось добиться для себя тех же прав, которыми пользовалась польская шляхта. В «Союз» входили и прусские города, недовольные тем, что орденские власти стремились

Мальборкский замок

Гравюра XIX в.

сосредоточить в своих руках торговлю с Польшей. Конфликт между властями Ордена и прусской шляхтой и городами начался давно. В 1454 г. он привел к кризису Орденского государства. Подняв восстание, «Прусский союз» признал над собой власть польского короля. В течение февраля 1454 г. «Прусский союз» овладел 56 орденскими замками. Под власть польского короля перешли Гданьск, Торунь, Эльблонг, Кёнигсберг (Крулевец). По сравнению с успехами «Прусского союза» военные успехи польских войск были более скромными. В большом сражении под Хойницами в 1454 г. Ордену удалось даже нанести полякам серьезное поражение.

Поражение под Хойницами повлияло на весь дальнейший ход войны. С переменным успехом война тянулась целых 13 лет. В течение этого времени Восточное Поморье с Гданьском оставалось в польских руках главным образом благодаря необычайному напряжению сил самого Гданьска, не желавшего ни в коем случае возвращаться под власть Ордена.

Тринадцатилетняя война была закончена Торунским миром 1466 г. Польша приобрела Восточное Поморье с Хелминской землей и часть Пруссии с Мальборком и Вармией. Таким образом, Польша вновь получила выход к Балтийскому морю. Тевтонский орден, под властью которого осталась Восточная Пруссия, признал себя польским вассалом. Однако достичь решительного разгрома и полной ликвидации Ордена и на этот раз не удалось. Причины этого следует искать в слабости королевской власти в Польше и в настойчиво проводимой в это время польскими магнатами восточной экспансии. Обострившийся как раз в годы Тринадцатилетней войны конфликт с Литвой из-за Волыни и Подолии не только привел к тому, что Литва не принимала участия в военных действиях против Ордена, но и отвлек на юго-восток часть польского войска.

Тринадцатилетняя война 1454—1466 гг. показала, что польская шляхта неспособна к достаточно последовательной и активной национальной внешней политике. В 1466 г. вековой враг славянских народов — Тевтонский орден — был унижен, но не уничтожен. Вместе с тем Тринадцатилетняя война показала, что польско-литовская уния уже не может больше играть роль орудия борьбы с германской феодальной агрессией на восток. Ни польские, ни литовские феодалы не ставили своей целью полную ликвидацию Ордена.

8

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

Политическое объединение польских земель и укрепление между ними экономических связей создали базу для дальнейшего развития польской культуры. Продолжался процесс формирования и развития языка польской народности. В частности, серьезные изменения происходили в фонетике польского языка. Сохранявшееся еще до начала XIV в. различие между долгими и краткими гласными постепенно исчезало. Все более совершенствовался грамматический строй польского языка. Вырабатывалась и все более уточнялась система склонения существительных, разрушались и исчезали древние формы простых прошедших времен — аориста и имперфекта, большие изменения пережили и достигли современного вида формы сложного прошедшего (перфект) и т. д. Существенно обогатился словарный состав польского языка. Жизнь бок о бок с немцами-колонистами вызывала постоянный прилив немецких заимствований. Заимствовались не только целые слова, но и отдельные суффиксы. Однако и те и другие подвергались такой основательной переработке на основе законов польской фонетики, что зачастую теряли всякое сходство со своим немецким оригиналом. Этот приток германизмов ослабел и прекратился, очевидно, к половине XV в., когда усилился процесс полонизации немецкого элемента в городах. Много слов воспринял в это время польский язык из чешского языка благодаря оживленным культурным сношениям и главным образом через письменность, так как многие произведения польской письменности XIV—XV вв. представляют собой перевод с чешских оригиналов. Конечно, пополнение словарного состава происходило отнюдь не только за счет заимствований. Развитие ремесла и торговли, социальные сдвиги, развитие производительных сил вызвали к жизни новые термины, переосмысление или отмирание старых слов.

В 1440 г. был написан первый труд, посвященный польскому языку: трактат «О польской орфографии» Якуба Паркоша, профессора и ректора университета.

Успехи экономического развития и политического объединения страны обусловили довольно значительное увеличение количества школ, особенно в городах. Каждый город имел теперь школу, иногда даже не одну. Появлялись они и в местечках. Открываемые с разрешения епископов, но по инициативе мещан при приходских костелах, содержавшиеся на счет мещан, эти школы приобретали все большие права. Учителя в них в XIV в. назначались уже не настоятелем костела, а городским советом, программы их расширялись и в таких городах, как Краков, Познань, Хелмно, Лигница, совпадали с программой школ кафедральных. В 1364 г. Польша получила свою первую высшую школу: в Кракове был открыт университет. Ближайшим поводом к его открытию была назревшая нужда

в юридических кадрах в связи с широкой законодательной деятельностью Казимира III. Краковский университет открылся в составе трех факультетов: юридического, медицинского и факультета свободных наук, причем наибольшее внимание уделено было юридическому факультету. Университет получил внутреннюю автономию. Этот первый польский университет просуществовал недолго, но в 1400 г. он был восстановлен. На этот раз к прежним факультетам добавился еще богословский.

Очень скоро Краковский университет стал центром просвещения и национальной науки, приобрел широкую славу за пределами Польши. Кроме поляков, в нем в течение всего XV в. всегда обучалось много

венгров, немцев, чехов, литовцев и т. д. Показателен тот факт, что еще в 1396 г. видный польский ученый и философ Мацей из Кракова получил пост ректора Гейдельбергского университета.

Университет принимал активное участие в политической жизни страны. Ни один из частых в XV в. конфликтов, ни один из соборов, по существу международных церковно-политических конгрессов, не обходился без участия профессоров Краковского университета, выступавших на них в качестве дипломатических представителей Польского государства, отстаивавших интересы Польши.

Краковский университет в XV в. стал центром развития польской философии. В нем были представлены все основные течения поздней схоластики. Значительного развития достигла польская разновидность номинализма. Гжегож из Санока (1403—1477) и находившийся под его влиянием Каллимах выдвинули ряд антисхоластических идей. Задолго до Ф. Бэкона Гжегож из Санока обратил внимание на разработку индуктивной логики. Он призывал к изучению естественных наук и выступал против бесплодного вербализма средневековой «учености». Гжегож из Санока высоко оценивал философию древнегреческого материалиста Эпикура. Другим видным номиналистом был Михал Тварог (около 1450—1520). Против обскурантизма и мистики выступали Мацей из Кракова (умер в 1410 г.), Бенедикт Гессе и другие польские философы этого времени.

Таким образом, хотя в основном польская философия XIV—XV вв. и сохраняла религиозно-схоластический характер, однако в ней уже в это время крепнет и развивается струя материализма, поскольку по своей основной тенденции польский номинализм в натурфилософии и этике имел материалистический характер.

Гжегож из Санока

Крупных успехов достигла в XV в. польская наука в области математики и астрономии. Марцин Круль из Журавицы, его ученик Марцин Былица из Олькуша и ряд других ученых своими трудами стяжали славу молодому Краковскому университету на родине и за границей. Во второй половине XV в. особенно выдвинулся своими работами в области астрономии Войцех из Брудзева, учитель гениального Миколая Коперника.

К этому времени, наконец, относятся первые труды по естественным наукам: пространный каталог польской флоры и фауны и словарь польских терминов для обозначения растений, составленные Яном Станкой, одним из выдающихся ботаников средневековой Европы.

В начале XV в. в Польшу проникло учение Яна Гуса. Труды Гуса стали известны в Польше еще при его жизни и жадно читались. На территории Польши с проповедью гусизма выступал ближайший сподвижник и друг Гуса Иероним Пражский. Среди профессоров Краковского университета были чехи, убежденные гуситы — Маврыций Рвачка и Генрик Чех. Одним из активных последователей Гуса был поляк профессор Краковского университета Анджей Галка из Добчина. В песнях, написанных на польском языке и являвшихся одними из лучших литературных произведений этого времени, он восхвалял Виклефа, английского реформатора, учение которого было использовано Гусом, нападал на католическое духовенство с папой во главе, служащее антихристу, обманывающее народ и скрывающее от него истину, которая заключена в учении Виклефа.

Католическая церковь, во главе которой стоял краковский епископ Збигнев Олесницкий, вела ожесточенную борьбу со всеми проявлениями гусизма. Ей удалось добиться осуждения ряда его сторонников. Но она уже не могла полностью восстановить безграничный авторитет, которым пользовалась некогда католическая иерархия и, в частности, ее глава — римский папа.

Прогрессивные идеи борьбы против злоупотреблений папской курии находили сторонников и среди не примкнувших открыто к гусизму деятелей польской культуры. Одним из виднейших их представителей был ректор Краковского университета Павел Влодковиц, произведения которого сыграли большую роль в возникновении польского гуманизма. Патристические и антиклерикальные взгляды Влодковица были развиты во второй половине XV в. выдающимся публицистом Яном Остророгом, который сочувствовал гуситским идеям. Остророг отстаивал программу объединения польских земель и был выразителем раннего этапа формирования польского национального самосознания.

Среди деятелей польской культуры середины XV в. выделяется также профессор Краковского университета Ян из Людзиска. Крестьянин по происхождению, он решительно выступал в защиту угнетенного и эксплуатируемого крестьянства. Эти чувства Ян из Людзиска выразил и в приветственной речи, которую он произнес от имени университета при встрече в его стенах молодого короля Казимира Ягеллончика. Направленная против реакционных крупных феодалов, проникнутая патристическим подъемом, речь Яна из Людзиска представляет собой один из ярчайших памятников передовой польской общественной мысли того времени.

Все эти успехи в развитии языка, образования и науки находили отражение и в развитии польской литературы. Правда, литература XIV в. еще мало отличается от литературы предшествующего периода. Здесь такая же бедность жанров, то же преобладание произведений религиозного характера.

Среди произведений светского содержания, написанных на латинском языке, большое место занимают хроники. Это — хроника Великопольская

неизвестного автора, составленная во второй половине XIV в., так называемая «хроника Дзежвы», хроника князей польских, доведенная до 1386 г. и излагающая историю Силезии. Автор последней хроники, предположительно Петр из Бычины, рассматривает Силезию как неотъемлемую часть Польши.

Особого внимания заслуживает хроника, написанная Янком из Чарнкова. Ее автор, духовное лицо, по происхождению мещанин, занимал влиятельное положение при дворе Казимира III, а после его смерти стоял в оппозиции к Людовику Венгерскому. Хроника охватывает период правления Людовика. Острый полемический тон автора по отношению к политическим противникам отличает хронику Янка из Чарнкова от мнимого беспристрастия других современных ему хронистов.

Среди произведений политического характера выделяется также посвященная известным событиям 1311—1312 гг. песня о воеводе Альберте, авторство которой приписывается епископу познанскому Яну из Кемпы, автору нескольких песен религиозного содержания.

Литература на польском языке представлена в XIV в. исключительно произведениями религиозного содержания. Это — так называемая Флоранская псалтырь, являющаяся переводом с чешского оригинала, и отрывки жития св. Блажея. Вот и все, что дошло до нас из литературы XIV в. на польском языке, если не считать многочисленных вписанных в латинские судебные книги текстов свидетельских показаний и присяг по разным делам — драгоценнейшего для языковеда-полониста памятника живого разговорного языка XIV в.

Крупнейшие памятники юридической мысли эпохи Казимира III — Вислицкий и Петровский статуты, речь о которых уже шла выше, были написаны по-латыни.

В XV в. литература религиозного содержания начинает уступать место письменности светской, появляются первые публицистические труды, развивается поэзия. Латинский язык попрежнему преобладает в литературе, но и польский язык завоевывает себе постепенно все большие права. Это — результат быстрого роста польского городского населения, результат приобщения к культуре широких слоев шляхты, окрепшей экономически и завоевывающей политические позиции.

Выдающимся научным трудом этого времени была «История Польши» Яна Длугоша. Ян Длугош (1415—1480) — краковский каноник, воспитанник Краковского университета и секретарь епископа Олесницкого, не разделявший, однако, антинациональных взглядов последнего. Выдающийся политический деятель своей эпохи, он принимал активное участие в жизни государства, участвовал в дипломатических переговорах Польши с Орденом и т. д. По роду обязанностей Длугошу пришлось много путешествовать, что расширило его кругозор и обогатило его библиотеку большим количеством рукописей, вывезенных главным образом из Италии. Длугош воспринял у гуманистов любовь к классическим авторам и классической латыни, которой он владел в совершенстве, но мировоззрение его осталось типично средневековым, в частности, авторитет церкви, превосходство духовной власти над светской для него всегда были непререкаемы. Это полностью отразилось и на его «Истории Польши», которая потому не удовлетворяла его младших современников — польских гуманистов.

«История Польши» Длугоша — капитальный труд в 3 томах (12 книгах), охватывающий события с древнейших времен до 1480 г. Основанная на тщательном изучении источников местных и иностранных, в том числе русских летописей, для чего под конец жизни Длугош специально изучил русский язык, «История» Длугоша является вершиной средневековой поль-

ской историографии. Книги Длугоша проникнуты горячей любовью к родине и верой в великое будущее Польши. Длугош никогда не терял надежды на то, что придет час, когда западные земли вновь соединятся с Польшей. Отмечая в своей истории под 1322 г. утрату Силезии, он выражает тут же твердую уверенность в том, что «Вроцлав по милости божьей когда-нибудь соединится с королевством».

В XV в. широко развивается поэзия на латинском языке, как духовная, так и светская. Писались религиозные песни и гимны в честь святых, а рядом с ними — панегирики в честь сильных мира сего и надгробные эпитафии. Сохранилась эпитафия Владиславу Ягайле, написанная Гжегожем из Санока, диалог, посвященный памяти епископа Збигнева Олесницкого, поэма на смерть знаменитого польского рыцаря Завиши Черного и др. Создавались и эпические произведения, посвященные крупнейшим историческим событиям. Одно из них воспеваает Грюнвальдский бой, другое описывает роковую битву под Варной. Появились первые опыты в области лирики, сначала в виде писем к возлюбленным (или, скорее, рецептов, как писать эти письма), выходившие из среды учащейся, студенческой молодежи, а со второй половины XV в. — уже и настоящие любовные стихи, авторами которых были Гжегож из Санока, Каллимах и др.

Видным поэтом того времени был Станислав Цёлэк (1382—1437). Кроме религиозных песен, он написал сатирические стихи на брак Владислава Ягайла с Елизаветой и поэму о Кракове, воспевающую красоту его природы и его достопримечательности.

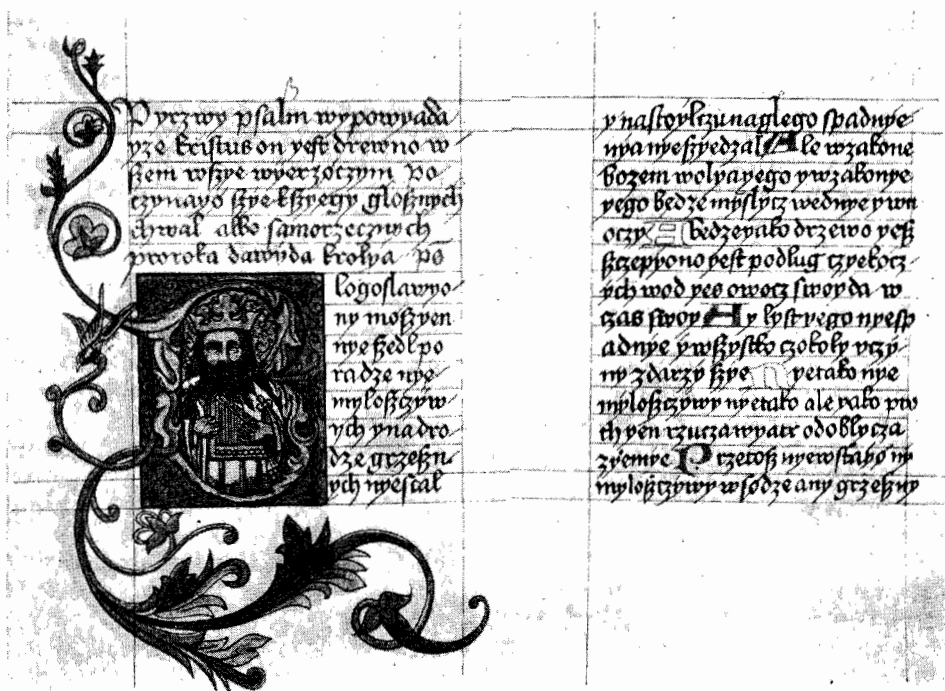
Письменность на польском языке и в XV в. представлена попрежнему произведениями главным образом религиозного содержания. Сохранился ряд молитв, сборник проповедей (так называемые Гнезненские проповеди), молитвенник Навойки. Из больших рукописей на польском языке укажем на Пулавскую псалтырь (перевод с чешского оригинала) и на Библию королевы Зофьи (Сарошпатацкий кодекс), написанную по заказу последней жены Ягайла (тоже перевод с чешского).

К этому времени относится ряд переводов на польский язык памятников польского права. По поручению мазовецкого князя Болеслава IV, Свентослав из Войцешина перевел около 1423 г. Варгский статут Ягайла, а около 1449 г. — Вислицкий статут Казимира III. Был переведен на польский язык и Кодекс мазовецкого права. В половине XV в. сделан перевод с немецкого магдебургских ортылей, важнейшего памятника городского судопроизводства.

Существовали и поэтические произведения на польском языке — религиозные песни, рифмованные легенды о святых, коляды. Последние представляют особенный интерес как произведения, вышедшие из народной среды. Среди оригинальных произведений заслуживают внимания так называемые «Марийные песни», связанные с культом девы Марии. Ко второй половине XV в. относится большое поэтическое произведение «Псалтырь, или пятнадцать размышлений о страстях господних», написанное Владиславом из Гельнёва и весьма популярное в свое время.

В XV в. на польском языке писали уже и светские поэтические произведения. Например, существовала польская песня, воспевавшая Грюнвальдский бой. Песня эта не дошла до нас, но ее помнили еще в XVI в. Сложены были исторические песни и о битве под Варной, о татарских нашествиях и др. Любопытна поэма «О хлебном столе», приписываемая некоему Слоте (около 1400 г.). Здесь в стихах изложены правила поведения за столом и поучение, как следует ухаживать за своей дамой.

Особое место в этой светской поэзии занимают два произведения, написанные на злободневные темы и вышедшие, очевидно, из шляхетской

Первая и вторая страницы Пулавской псалтыри

Рукопись XV в.

среды. Одно из них — «Сатира на ленивых хлопов» — небольшое стихотворение, повествующее об уловках и хитростях, к которым прибегают крепостные крестьяне, работая на барщине, и тем самым отражающее классовые противоречия в деревне. Второе — «Стих об убийстве Анджея Тенчиньского» — изображает борьбу в городе между шляхтой и мещанами. В нем подробно описывается действительно имевшее место в 1461 г. событие — убийство краковскими мещанами хорунжего-шляхтича, оскорбившего одного из ремесленников, и жестокую расправу за это убийство с мещанами. Все стихотворение от начала до конца пронизано ненавистью и презрением к мещанам.

Наконец, сохранились и лирические опыты на польском языке, отрывки стихотворений на тему об обманутой любви, а чаще любовные письма, вышедшие, очевидно, как и подобные им опыты на латинском языке, из среды студенческой молодежи.

Таким образом, художественная литература первой половины XV в., вполне сохраняя свой феодальный характер, отличается и некоторыми новыми моментами. Острота наблюдения, актуальная тематика, реалистические обрисовки придают ей прогрессивные черты, не свойственные феодальной литературе предыдущих столетий.

Наиболее выдающимся представителем польской музыкальной культуры первой половины XV в. был Миколай Радомский. До нас дошли его многоголосные религиозные произведения, а также относящееся к 1426 г. и написанное на латинский текст светское сочинение для пения с инструментальным сопровождением (*Historigraphi aciem*), в котором прославляются Владислав Ягайло, его жена Зофья и их новорожденный сын.

Сохранились и другие музыкальные светские произведения того времени. Так, например, неизвестным композитором был положен на музыку уже упоминавшийся гимн Кракову (*Cracovia civitas*) Станислава Цёлка. Творчество Миколая Радомского и многих его современников, имен которых мы не знаем, отмечено художественной законченностью, мелодической выразительностью и своеобразием, явившимся результатом обращения этих мастеров к народным истокам польской музыкальной культуры. Так, в основу песни, созданной неизвестным автором на польский текст из «Пятнадцати размышлений о страстях господних», была положена народная танцевальная мелодия. Связь с народным песенным творчеством в той или иной мере ощущается и во многих других произведениях польских композиторов XIV—XV вв.

Первым польским музыкально-теоретическим произведением был трактат краковского магистра Шидловиты, относящийся, вероятнее всего, ко второму десятилетию XV в. и содержащий изложение принятых в культовом обиходе католической церкви средневековых норм грегорианского пения. Однако наряду с этим в Ягеллонском университете, судя по статуту 1406 г., уже в начале XV в. изучались трактаты французских теоретиков «нового искусства» (*ars nova*), отразившего веяния гуманизма.

В области архитектуры XIV—XV века были временем расцвета готики. Одним из крупнейших готических храмов Польши был кафедральный костел на Вавеле в Кракове, построенный в 1322—1346 гг. В его архитектуре обнаруживаются некоторые черты, ставшие характерными для польской готики и позволяющие говорить о краковской школе зодчества. Основная из этих черт — это система возведения свода главного нефа. По образцу кафедрального костела в Кракове же был воздвигнут знаменитый костел св. Марии, строившийся в течение всего XIV столетия.

Краковский вариант готики был применен при перестройке в половине XIV в. кафедрального костела в Гнезно. По образцу краковских построены готические костелы в Познани, Вроцлаве, Казимеже, Новом Сонче, Радоме, Бохне и других городах.

Все указанные храмы возводились из кирпича. Камень применялся только в декоративных целях. По форме они представляют собой трехнефные базилики. Особую группу составляют храмы в Поморье — кирпичные целиком, зальные по форме, тоже большей частью трехнефные, увенчанные одной башней. Среди них выделяются строившийся в течение полутора столетий и законченный в 1502 г. костел св. Марии в Гданьске, ряд костелов в Торуне. Из Поморья этот стиль распространился и на северную Польшу, особенно Мазовию. Таков, например, костел св. Яна в Варшаве, выстроенный в начале XV в. и впоследствии переделанный. Стиль этот встречается и в Малой Польше — в костелах в Олькуше и Сандомире. Кроме трехнефных, сохранились и двухнефные готические костелы. Из них самый большой и красивый находится в Вислице.

Деревянная светская архитектура в XIV—XV вв. постепенно сменялась каменной. На месте сгоревшего в 1308 г. деревянного королевского замка на Вавеле строится каменный готический замок. Таких замков — королевских резиденций — при Казимире III было выстроено много в разных городах: в Плоцке, Ленчице, Сандомире, Олькуше, Саноке и др. Короллю подражали духовные и светские магнаты. Они тоже воздвигали для себя из камня и кирпича замки, укрепленные рвами, башнями и подъемными мостами, как, например, резиденция архиепископа под Кутно или дворец краковского каштеляна и коронного канцлера Якуба Дембиньского в Дембне.

Заметно изменялся облик городов. Усиливалась система городских укреплений. Двойными стенами опоясался Краков. Над стенами поднималось до сорока разной величины и формы башен. Следы мощных укреплений XIV—XV вв. сохранились в Сандомире, Сулеёве, Познани, Торуне и Хелмно. На ночь запирались не только все городские ворота и калитки в стенах, но и самые улицы, ведущие к воротам, для чего применялись тяжелые цепи. Остатки таких цепей сохранились на некоторых улицах Кракова.

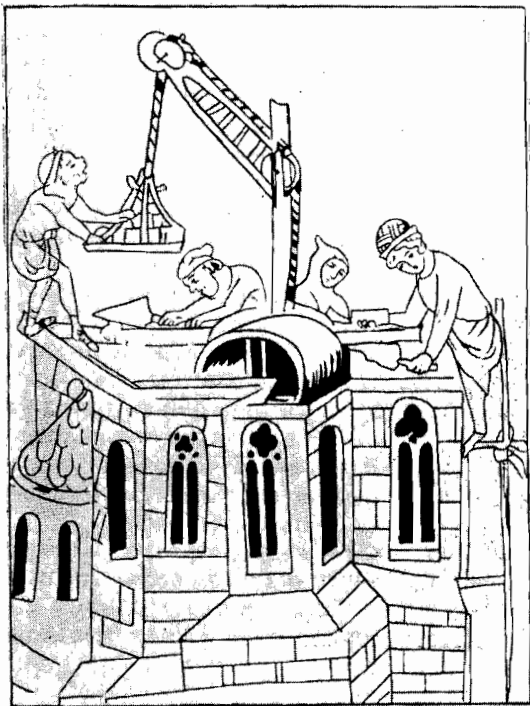
На месте старых деревянных ратуш в больших городах строились каменные двухэтажные здания в готическом стиле. Такие готические ратуши сохранились в Торуне и Гданьске.

В XIV в. при Казимире III вместо старых деревянных торговых рядов в Кракове выросла каменная громада — Сукеницы. Подобные каменные здания торговых рядов возникали и в других городах.

Жилые дома строились главным образом деревянные. Были, правда, исключения. До наших дней сохранились частные каменные здания в Кракове, Познани и Торуне. Деревянные одноэтажные дома с гонтовыми крышами попрежнему без всякого плана теснились по улицам, создавая угрозу в пожарном отношении. И, действительно, польские города часто выгорали. В 1494 г., например, от пожара сильно пострадал Краков.

В конце XIV в. появились мостовые, тротуары, сначала деревянные, потом каменные. Относящиеся к тому времени водопроводы вначале были примитивные. Трубы прокладывались по земле, и по ним отводилась вода из ближайшей реки или из более отдаленных источников, как, например, во Вроцлаве. Такой же, очевидно, водопровод был и в Кракове. Вода здесь зачерпывалась особым приспособлением из р. Рудава и распределялась по всему городу. Подземные водопроводы появятся в течение XV в.

Широко применялась резьба по дереву и камню. Постамент гробницы Владислава Локетка в Кракове, сделанной из песчаника, украшен барельефом, изображающим плакальщиц и представителей разных сословий. Саркофаг покрыт плитой, на ней — статуя Локетка. Выдающимся памятником этого типа является гробница Казимира III. При Казимире III были воздвигнуты в Гнезно гробницы Мешко I и Болеслава Храброго. Большую художественную ценность представляют и многочисленные гробницы силезских Пястов. К XV в. относится гробница Владислава Ягайлы из красного мрамора, барельеф саркофага изображает приближенных короля и гербы польских земель.

Строительство здания
Миниатюра из рукописи XIV в.

Наряду с резьбой в XIV—XV вв. развивалась живопись. Великолепны миниатюры евангелия в Краковском кафедральном костеле и библии Краковского капитула. Особенно выделяются полные глубокого реализма миниатюры в житии св. Ядвиги, выполненные в Силезии Миколаем Прузней из Любиня.

Очень распространена в этот период стенная живопись. Длугош упоминает о фресках часовни Вознесения, воздвигнутой при Краковском кафедральном костеле в 1323—1340 гг. Фрески XIV в. сохранились на стенах костелов в Неполомицах и Вислице, в Чхове, в костеле св. Яна в Гнезно, в Торуне, в Лендском монастыре. Фрески в монастыре бригидок в Люблине изображают светский сюжет — триумфальный въезд Ягайла в Люблин после Грюнвальдского боя. Известную роль в развитии фресковой живописи этого периода сыграли русские мастера, которых привез с собой в Польшу Владислав Ягайло после своего избрания на польский престол. По его поручению они покрыли фресками стены монастыря св. Креста на Лысой горе, костела в Вислице и др. Из этих работ сохранились фрески в кафедральном костеле в Сандомире и в часовне св. Троицы в люблинском королевском замке. Русская стенная живопись встречается и в часовне св. Троицы на Бавеле.

Большого развития достигает в это время и станковая живопись. Древнейшими памятниками ее являются относящаяся к началу XIV в. знаменитая икона Ченстоховской божьей матери и другие иконы.

В этот период развивается еще один вид искусства, столь характерный для готики, — живопись на стекле, витраж. Из сохранившихся самым древним является витраж в костеле св. Марии в Кракове, изображающий сцены из Ветхого и Нового завета, и витраж в кафедральном костеле во Вроцлаве.

ЧАСТЬ

III

БАРЩИНО-
КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Глава пятая

РАЗВИТИЕ БАРЩИННО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФЕОДАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1

ПОЛЬСКИЙ ГОРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—НАЧАЛЕ XVI в. РОСТ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

В течение XV в. заметно усилился рост польских городов. Увеличилось их количество, выросло население. Например, в Кракове за сто лет число жителей возросло вдвое. Примерно так же развивались и Познань, Савдомир, Новый Сонч, Люблин, Гнезно, Калиш и многие другие города. Высокого уровня развития достигло в этот период городское ремесло. Одной из важнейших его отраслей было производство тканей. Сукно и полотно выделывались по всей Польше. Особенно славились великопольские сукна, в то время как лучшего качества полотно производила Малая Польша. Значительное место занимало оружейное дело. Пушкари изготавливали ружья и пистолеты, мечники — сабли, мечи, а также панцири, шлемы, кольчуги, щиты и пр. Процветал гончарный промысел. Гончарные изделия отличались законченностью формы, красотой внешней отделки и прочностью и нередко служили предметом вывоза в Швецию. О высоком искусстве зодчих, резчиков по дереву и художников-свидетельствуют сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры XV—XVI вв. С художниками соперничали вышивальщики, расшивавшие золотыми и серебряными нитками, с нанизанными на них драгоценными камнями, сукно и бархат, знамена, чепраки, обивку для мебели и т. д. Изделия, вышедшие из рук краковских золотых дел мастеров, славились по всей стране. В конце XV—начале XVI в. появилось печатное дело. Первая типография была заложена в Кракове в 1475 г.

Почти в каждом городе имелись портные, сапожники, мясники, пекари, пивовары, маляры, слесари и столяры, плотники и стекольщики, токари, шорники, бочары, мыловары, свечники, скорняки, шапочники, колесники, красильщики и др.

Широкое распространение получило использование энергии воды. Водяные колеса применялись не только в мельницах, но и в городском производстве.

На базе высокого развития ремесла в рассматриваемый период зарождаются качественно новые явления, бывшие предвестниками капиталистических отношений. Возникают отдельные стоящие вне рамок цехового ремесла мануфактуры, на которых применяется наемный труд. Одна из таких мануфактур для выработки проволоки была основана в Кракове.

Цех кожевников

Миниатюра из кодекса Бехэма (начало XVI в.)

В самих цехах, в нарушение средневековых цеховых правил, наметилась тенденция к концентрации производства. Обходя уставы, действуя через подставных лиц, отдельные мастера подчиняли себе своих сотоварищей по цеху, превращали их в ремесленных рабочих, а сами становились предпринимателями-скупщиками. Возникали, следовательно, зачаточные формы капиталистической рассеянной мануфактуры.

Значительное развитие получила в Польше горнорудная промышленность. В коях Велички и Бохни добывалась соль, соляные варницы были и в украинских землях. Олькушские и Хенцинские копи давали свинец (в Олькуше в начале XVI в. добывалось 3 тыс. центнеров свинца в год). Медные рудники были в Хенцинах и Кельцах. Железная руда разрабатывалась в разных районах страны. Золото добывалось в окрестностях Нового Сонча, сера — в Свошовицах под Краковом, селитра — в украинских землях. Кроме того, добывались алебастр, гипс, графит, мел, а также яшма и янтарь. И в горнодобывающей промышленности, сосредоточивавшей большое количество работников, также появлялись зачатки капиталистических отношений. Из братств горняков, аналогичных ремесленным цехам, выделялись богатые купцы — предприниматели, организаторы производства по типу мануфактуры. В соляных коях Велички и Бохни работали наемные рабочие, получавшие сдельную оплату.

С возникновением новых и развитием старых городов и расцветом польского ремесла неразрывно было связано и энергичное расширение внутренней торговли. Именно на внутреннем рынке реализовалась почти вся

CRACOVIA
MINORIS POLONIAE METROPOLIS.

A	Aula Regia.
B	T. S. S. S. S. S. S.
C	T. S. S. S. S. S.
D	T. S. S. S. S. S.
E	T. S. S. S. S. S.
F	T. S. S. S. S. S.
G	T. S. S. S. S. S.
H	T. S. S. S. S. S.
I	T. S. S. S. S. S.
K	T. S. S. S. S. S.
L	T. S. S. S. S. S.
M	T. S. S. S. S. S.
N	T. S. S. S. S. S.
O	T. S. S. S. S. S.

Dignitatem ab Episcopo
...
...
...

Кракоев
Гравюра XVI в.

Цех портных

Миниатюра из кодекса Бехэма (начало XVI в.)

продукция польского ремесла. Внужительных размеров достигла и торговля сельскохозяйственными продуктами. Даже зерном торговля велась уже не только в узких пределах того или иного района, но иногда между отдельными областями. В источниках, например, сохранились сведения о систематическом подвозе хлеба в Куявию и города Великой Польши из Малой Польши. Недаром во второй половине XVI в. цены на пшеницу и рожь выше всего стояли в Великой Польше, средний уровень был в Куявии и самые низкие цены были в Малой Польше.

Далеко за пределы местного рынка выходила торговля таким дефицитным продуктом, каким была соль. В начале XV в. вся Малая Польша и Червоная Русь снабжались так называемой краковской солью, добывавшейся в копах Велички и Бохни. В дальнейшем с нею начала конкурировать соль из соляных варниц Червоной Руси, вытесняя краковскую соль не только на местном, но частично и на малопольском рынке. Делались попытки снабжать отечественной солью и северные части Польши—Великую Польшу, Куявию и Добжинскую землю, пользовавшиеся солью привозной. Оживленно торговали и различного рода изделиями из переработки, а также «лесными» товарами — дегтем, смолой и пр. Помимо отечественной продукции, на внутреннем рынке широкий сбыт имели и иноземные товары, поступавшие в Польшу. Торговля ими оставалась за большими городами (Краков, Познань, Торунь, в украинских землях — Львов), откуда они расходились по периферии. Главным предметом этой торговли было сукно.

Кроме городских базаров, все более и более важную роль приобретали ярмарки. Ярмарки устраивались в городах раз-два в году, длились по

Закладка здания

Миниатюра из кодекса Бухема (начало XVI в.)

несколько дней, а иногда и недель. В больших городах, например в Кракове, ярмарки превращались в съезды купцов. Торговля велась здесь в большом размере, оптом. Такие ярмарки посещали и иноземные купцы.

До середины XV в. попрежнему большое значение имела транзитная торговля, центрами которой оставались в Польше Краков, а в украинских землях Львов. Но польские купцы в это время уже вели самостоятельную торговлю с границей. Известно, например, что купец Морштын вел на собственных кораблях торговлю с Антверпеном и Испанией. Львовские купцы торговали с Молдавией, вывозя отсюда шелк, рогатый скот, лошадей, меха, рыбу, вино и перец и ввозя туда сукно, мечи, шапочные изделия и одежду.

Но захват турками Константинополя и северочерноморских портов, в том числе Килии и Белгорода, через которые шла восточная торговля Польши, а затем и общее перемещение мировых торговых путей, вызванное географическими открытиями конца XV — начала XVI в., привели к упадку восточной торговли, на которой разбогатели Краков и Львов. Главное направление польской внешней торговли переместилось на север, на Балтийское море. В связи с этим присоединение Поморья с Гданьском в 1466 г. явилось для Польши фактом громадной важности. Страна получила непосредственный доступ к Балтийскому морю и благодаря этому широкие возможности для ведения экспортной и импортной торговли со странами Западной и Северной Европы. Висла на всем своем протяжении вновь стала польской рекой. По ней и ее притокам сплавлялась продукция

Цех литейщиков

Миниатюра из кодекса Бехэма (начало XVI в.)

со всех концов Польши в Гданьск, откуда морем она шла в порты Западной Европы. По Висле же развозились из Гданьска по всей стране иноземные товары. Число кораблей, отправлявшихся из гданьской гавани и прибывавших в нее, все увеличивалось. Если в середине XV в. из Гданьска ежегодно уходило несколько десятков кораблей, то в 1474 г. ушло 403 корабля, в 1475 г. — 525, в 1476 г. — 634, а в 1490 г. — 720 кораблей. Наибольшее количество кораблей принадлежало германским городам, за ними шли Швеция, Франция, Дания, Шотландия, Англия и Норвегия.

Главным предметом ввоза в Польшу была соль, шедшая из Франции. Второе место в импорте занимало сукно, поступавшее из Фландрии, Англии и Шотландии. Из Швеции ввозились лошади и железо.

Из Гданьска ежегодно вывозилось около 10 тыс. лаштов¹ разных сельскохозяйственных продуктов. Главной статьёй экспорта уже с начала XVI в. стало зерно, особенно рожь. Шло оно в Нидерланды, Шотландию, Францию, Данию, Швецию и Норвегию. Однако вывоз хлеба в это время был все же еще сравнительно невелик. Он начал заметно расти только в середине XVI в.

Кроме хлеба, из Польши вывозились лес, смола, деготь, воск и мед, а также лен, конопля, шерсть, пряжа. Лес направлялся в Нидерланды, Англию и Шотландию. Вывозились также тонкие сукна из Великой Польши, полотно из Сандомира и Кракова. Например, в 1537 г. по Висле

¹ Лашт — хлебная мера, около 2 т.

Бондари

Миниатюра из кодекса Бехэма (начало XVI в.)

через Влоцлавок, где находилась основная таможня, было отправлено на Гданьск 5700 кусков полотна.

Внешняя торговля Польши не ограничивалась одним Гданьском. По Варте и Одре она шла на Щецин. Велась торговля и через сухопутные границы Польши. Оживленными были в описываемое время торговые связи Польши с Русским государством. Важным предметом экспорта из Польши на Русь была медь, в свою очередь закупаемая краковскими купцами в Венгрии и Словакии. Из русских земель в Польшу и Литву поступали дорогие изделия русских серебрянников и меха. В Москве существовало даже специальное подворье для польских и литовских купцов. Нормальному развитию экономических связей Польши с Русским государством мешали частые военные столкновения между ними, вызванные агрессивной восточной политикой польских феодалов.

В условиях резкого возрастания роли балтийской торговли старым крупным торговым центрам, расцвет и богатство которых были связаны с транзитной торговлей, угрожала серьезная опасность. Тем большее значение приобретала для них внутренняя торговля, тем большее участие в ней старались они себе обеспечить, вытесняя других поставщиков местной продукции — непосредственных ее производителей, ведя ожесточенную борьбу за внутренний рынок друг с другом и с иноземными купцами.

Рост городского ремесла и торговли нашел выражение в росте старых и организации новых цехов и гильдий. Количество цехов в связи с возраставшим разделением труда и разукрупнением старых больших цехов

Пекари

Миниатюра из кодекса Бехема (начало XVI в.)

увеличивалось. В Познани, например, в середине XV в. имелось 12 цехов ремесленников и один, объединявший мелочных торговцев. К концу XV в. прибавилось еще семь, причем один из них объединял пока еще, очевидно, малочисленных в Познани представителей четырех специальностей: в него входили золотых дел мастера, художники, вышивальщики и аптекари.

В Познани существовали две купеческие гильдии. Одна объединяла купцов, торговавших сукном и шерстяными товарами, другая, именовавшаяся «купеческой конференцией» — купцов, которые торговали всеми остальными товарами. Подобные купеческие организации были в Варшаве, в то время еще молодом, растущем центре Мазовии.

По внутренней организации купеческие объединения мало отличались от ремесленных цехов. Гильдия имела устав, выработанный ею и утверждавшийся городским советом. Основной задачей гильдии было отстаивать интересы своих членов, оберегать их от всякой конкуренции, как со стороны отечественных купцов и ремесленников, так и купцов чужеземных. В обстановке, описанной выше, эти задачи приобретали особое значение.

Усиленный приток польского элемента и ассимиляция иностранцев в XV—XVI вв. сделали население польских городов в национальном отношении более однородным.

Внутреннее устройство городов оставалось в основных чертах прежним. Городской совет и лава находились в руках крупного купечества — небольшой кучки богачей — и не представляли массы населения города.

Водяное колесо
Гравюра XVI в.

Это вело к острой борьбе против совета, в которой участвовали ремесленники и менее состоятельное купечество. И те и другие были преимущественно поляки, в то время как члены городских советов были еще зачастую представителями старых немецких патрицианских родов.

В Кракове эта борьба привела к тому, что в 1418 г. при городском совете создано представительство купцов и ремесленников в составе 16 человек. Представительство это, однако, не оправдало возлагавшихся на него надежд: оно нашло общий язык со старым составом совета и в конце концов слилось с ним. Борьба возобновилась и длилась до 1521 г., когда при вмешательстве короля было создано новое представительство купцов и ремесленников при совете — «коллегия 32 мужей»; позднее коллегия увеличилась до 40 человек (так называемый квадрагинтавират).

В других городах шла такая же борьба. С усилением польского элемента в городах, где имелось немецкое население, поляки требовали замены немецкого языка, как языка официального, польским. Выдающийся польский гуманист Ян Остророг, живший во второй половине XV в., выражая общественное мнение, требовал от краковских немцев: «Пусть учатся говорить по-польски, если хотят жить в Польше».

Острая социальная и национальная борьба происходила и в недрах городского ремесла. В Кракове в 1501 г. городскому совету пришлось расселить по отдельным домам поляков и немцев — подмастерьев шапочного цеха, чтобы предотвратить драки и побоища, происходившие между ними. В украинском Львове подмастерья и ученики цеха портных оставили своих мастеров и пытались уйти из города, но были задержаны стражей.

2

ПЕРЕХОД К БАРЩИННО-ФОЛЬВАРОЧНОЙ СИСТЕМЕ. ОБЕЗЗЕМЕЛИВАНИЕ ПОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

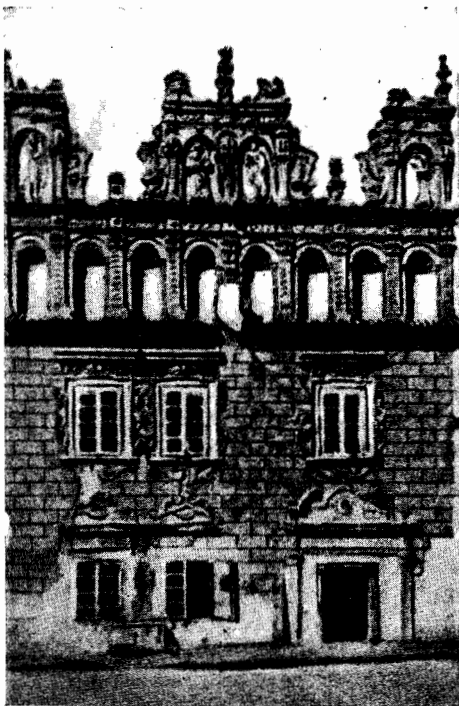
Конец XV — начало XVI в. были ознаменованы в Польше серьезными изменениями в организации производства в основной отрасли экономики — сельском хозяйстве. Эти изменения не затрагивали самой основы

способа производства. Он продолжал оставаться феодальным, но на смену преобладавшим до этого времени ренте продуктами и денежной ренте пришла в качестве господствующей формы ренты отработочная рента — барщина.

Место крестьянина в системе феодальных производственных отношений не изменилось, но была ликвидирована та относительная свобода хозяйственной деятельности, которой пользовался крестьянин в условиях господства натуральной и денежной ренты. Феодалы начали решительно вторгаться в сферу производства и деспотически ломать порядок организации труда крестьян, что влекло за собой серьезное ухудшение хозяйственного положения крестьян. Существенно изменилось юридическое положение крестьянина, степень его зависимости от феодала. Если ранее он сохранял в той или иной мере элементы личной свободы, то теперь он стал полностью бесправным. Развитие крепостного права в Польше достигло наиболее жестких его форм. Феодал мог купить и продать крепостного и даже казнить его по своему произволу. Барщина и крепостное право были взаимно обусловлены. Без полного юридического закрепощения крестьянства феодалы не могли бы упрочить барщину, подавить сопротивление крестьянства росту феодальной эксплуатации. Крепостное право было следствием барщины. «Там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, — указывает Маркс, — наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»¹. Такой обычный путь развития имел место и в Польше.

Эти изменения не были кратковременными и поверхностными, они нашли полное отражение в развитии форм феодальной надстройки польского общества, они наложили отпечаток на ход истории Польши в течение ряда веков, при этом не только феодальной, но и капиталистической эпохи.

Развитие барщины и крепостничества не было специфической особенностью Польши. Оно имело место и на Руси, в Прибалтике, в Чехии, Венгрии, Северной и Восточной Германии, т. е. в большинстве стран, расположенных на территории, лежащей к востоку от Эльбы (Лабы). Явление это определялось прежде всего особенностями внутреннего развития восточноевропейских стран, а также и общим для всех них влиянием мирового экономического развития XVI—XVIII вв.: появлением в ряде стран Западной Европы капиталистического уклада, складыванием с XVI в.

Мейсненский дом (постройка XVI в.)

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 242.

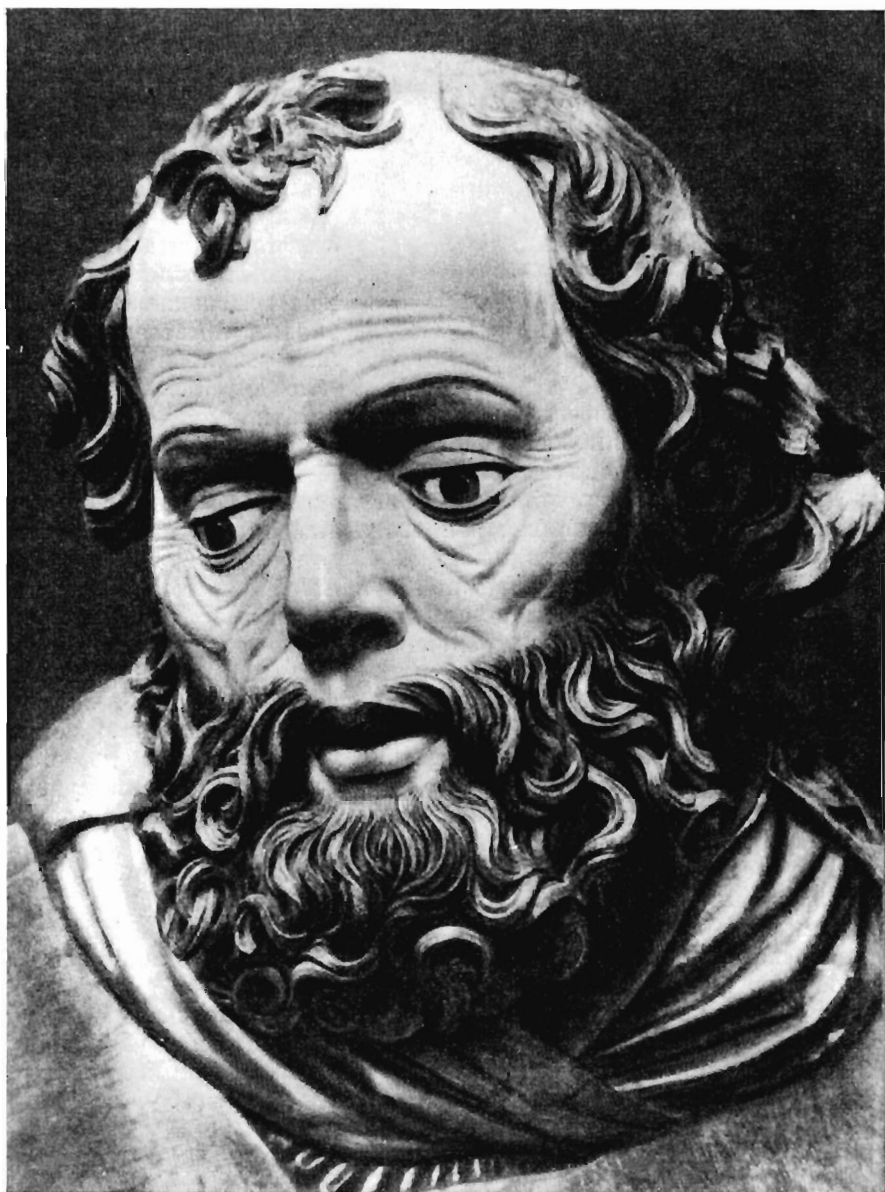
мирового рынка, развернувшейся «революцией цен», которая постепенно охватила все страны Европы. В зависимости от конкретных исторических обстоятельств, в которых развивался в разных странах этот сходный в общих чертах процесс, различались социально-экономические и политические его последствия. История Польши являет собой пример наиболее катастрофических последствий развития барщинно-крепостнической системы и сопутствовавших ей политических учреждений.

В отличие от существовавшей в условиях раннего феодализма первоначальной примитивной отработочной ренты, целью которой было непосредственное удовлетворение потребностей феодала и его челяди, вторичная отработочная рента в странах Восточной Европы была с самого начала связана с развивавшимся в условиях феодализма товарным производством. Феодал заводил свое хозяйство, заставлял крестьян обрабатывать барщину в целях производства продукта на продажу. Понятно, что это было возможно лишь при наличии рынка, способного поглотить этот продукт. Естественно, что феодальная деревня не являлась таким рынком. Этим рынком могли быть или города в своей стране или зарубежные города.

Оба эти рынка — и внутренний и внешний — играли свою роль и в Польше, но соотношение между ними с течением времени изменялось. Внешний рынок приобрел значение основного потребителя сбываемых польскими помещиками сельскохозяйственных продуктов только с конца XVI в. До этого его роль была более скромной, а в тот момент, когда в Польше зарождалось барщинное производство, вообще ничтожной. Барщинная система феодального производства в Польше, одной из первых среди восточноевропейских стран вступившей на путь перестройки феодального сельского хозяйства, в момент своего появления опиралась почти исключительно на рыночные возможности, созданные развитием польского города.

До конца XV в. основным источником получения денег для феодалов была денежная рента, которую им выплачивали крестьяне. В связи с объединением польских земель в единое государство этот источник стал единственным, так как добывать деньги путем прямого грабежа в ходе феодальных войн или разбойничьими нападениями на города феодалам уже не удавалось. Но денег, получаемых от крестьян, феодалам не хватало, получить же их больше путем увеличения денежной ренты было чрезвычайно трудно. Крестьяне решительно сопротивлялись увеличению денежной ренты. Чтобы уплатить феодалу больше денег, крестьянин должен был больше продать, а следовательно, не только лишиться себя части необходимого продукта, но и изыскивать способы его сбыта, надолго отрываться от своего хозяйства и т. д. Поэтому увеличение денежной ренты, естественно, вызывало со стороны крестьянства резкий протест.

В борьбе против увеличения денежной ренты на стороне крестьян оказывалась традиция, игравшая весьма важную роль в условиях феодального строя. «...При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства,— говорит Маркс о феодализме,— традиция должна играть преобладающую роль... Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства... Он достигает этой формы при застойном состоянии, как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого повторного их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и

Голова крестянина («апостол Петр»)
Резьба по дереву Вита Стюша (конец XV в.)

Барщина
Гравюра XVI в.

феодалы все более решительно стали следовать примеру духовных феодалов, уже во второй половине XV в. переходивших к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства. Инициаторами этого перехода были монастыри, которые ранее других феодальных землевладельцев нашли, что развитие внутреннего рынка открыло перед феодалами новые возможности добывания денег.

Вместе с переходом к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства менялся характер рыночных связей феодалов. Раньше связь феодала с рынком была в основном связью покупателя. Продажа феодалом излишков натуральной ренты была явлением сравнительно незначительным, собственного хозяйства феодал почти не вел. Только монастыри и капитулы обычно имели небольшую собственную запашку, которую обрабатывали зависимые крестьяне. В XV в. феодалы начали уже более широко выступать на рынке не только в качестве покупателей городских товаров, но и как продавцы сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерновых. В дальнейшем это и стало для них источником получения все возрастающих сумм денег. Затруднительно или даже просто невозможно было изъять у крестьянина больше денег или продуктов, которые можно было бы реализовать на рынке, но значительно легче оказывалось получить сверх денежных и натуральных повинностей определенное количество дарового барщинного труда.

На пути к увеличению эксплуатации крестьянства посредством отработки, барщины традиция оказывалась гораздо меньшей помехой, чем при попытках увеличения денежной ренты. Зависимый крестьянин свой труд, свое время привык ценить значительно меньше, чем редкие и трудно достававшиеся ему деньги.

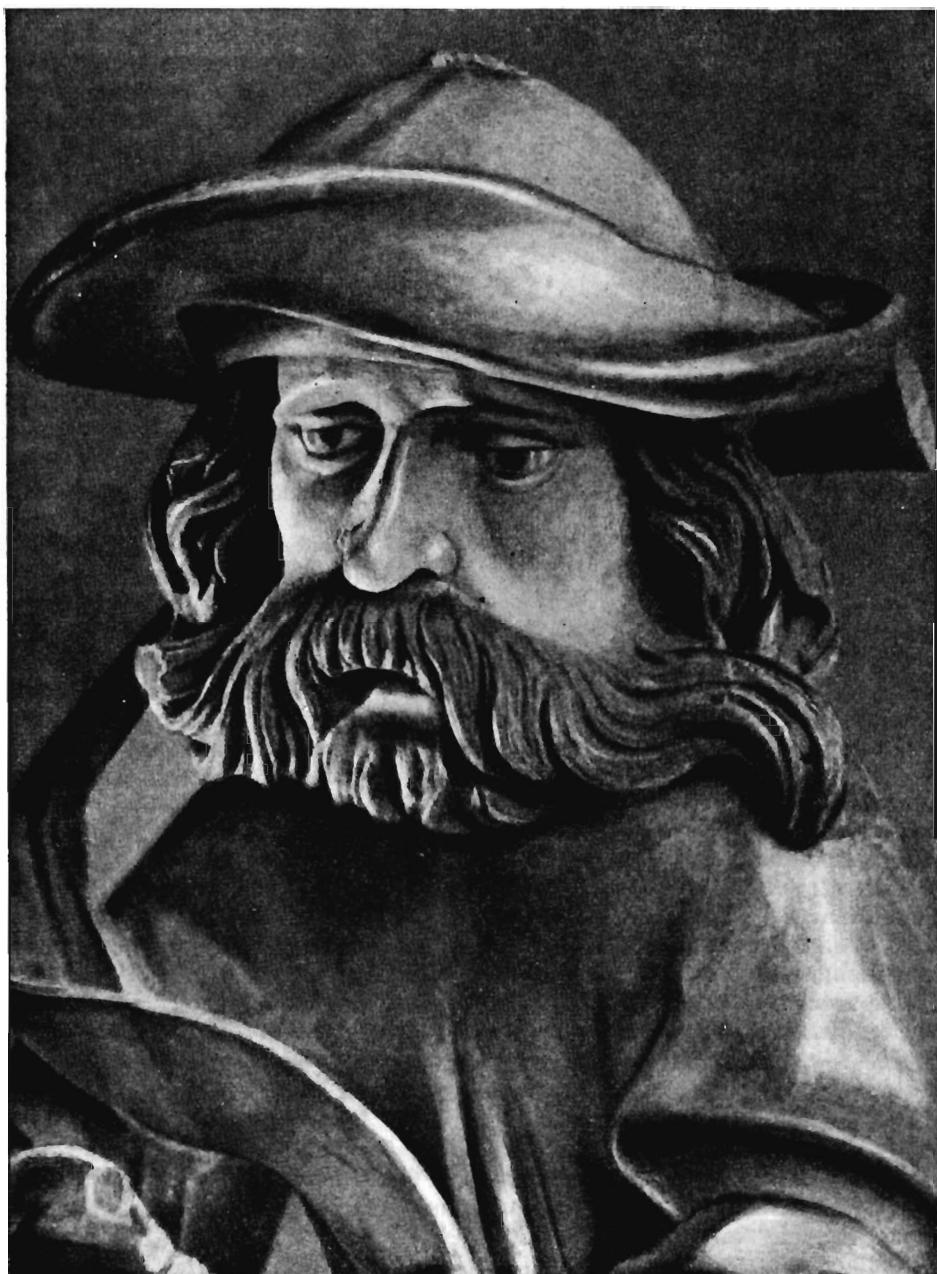
При сравнительно быстром росте емкости городского рынка феодалы имели возможность маневрировать своими запасами продуктов и продавать их даже на относительно отдаленных рынках. Это создавало для феодалов первый источник добывания денег, при этом в количестве, несравненно большем, чем могла их дать собираемая с крестьян денежная рента.

Дополнительным стимулом для феодалов к переходу на барщинную систему эксплуатации крестьянства было падение реального содержания

традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»¹.

В силу указанных обстоятельств увеличение нормы денежной ренты не могло стать и не стало для польских феодалов существенным средством увеличения их денежных ресурсов. Правда, во второй половине XV в. в имениях светских феодалов можно отметить отчетливую тенденцию к росту денежной ренты. Картина существенно изменилась только в конце XV—начале XVI в., когда светские

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 806.

Голова крестянина

Резьба по дереву Вита Ствоша (конец XV в.)

Сенокос

Гравюра середины XVI в.

денежной ренты в связи с типичным для средневековья прогрессирующим падением стоимости денег из-за порчи монеты. Когда же в XVI в. и на Польшу распространился начавшийся на западе Европы процесс «революции цен», т. е. падения стоимости денег в связи с приливом драгоценного металла из Америки и Индии, чиншевые платежи подверглись еще более значительному обесценению. Не будучи отмененной или сниженной, денежная рента потеряла свое прежнее существенное значение. Но тем большее значение приобрела для феодалов в системе крестьянских повинностей барщина, создававшая продукты, при продаже которых феодалы могли не бояться последствий «революции цен», скорее наоборот, еще дополнительно выигрывать, используя различие в стоимости денег и сельскохозяйственных продуктов в глухих

уголках Польши и в крупных городах, а тем более на западноевропейском рынке.

Таковы были исходные предпосылки развития феодального барщинного хозяйства.

В связи с расширением этого процесса феодалы столкнулись с рядом важнейших проблем. Прежде всего встал вопрос о земле.

В рассматриваемое время распределение земельной площади в Польше представлялось в следующем виде.

Огромные владения принадлежали королевскому дому. Хотя короли и продолжали щедро раздавать земли в пожизненное и временное владение, хотя они и закладывали деревни целиком или частями и отдавали их в аренду, они все же продолжали оставаться крупнейшими землевладельцами.

Крупнейшим землевладельцем была и католическая церковь. Краковскому епископству в середине XV в. принадлежало 225 деревень. Гнезненское архиепископство (XVI в.) имело 200 деревень. Обширные земельные владения были сосредоточены и в руках монастырей. Например, в Малой Польше Тынецкий монастырь имел 44 деревни, Меховский — 42, Копшивницкий — 29, Енджеевский — 21, Щижидский — 15 и т. д. В Великой Польше также по несколько десятков деревень имели монастыри в Тшемшшно, Могильно, Лекно, Лёнде и др.

Светское землевладение по размеру владения в руках одного лица значительно уступало церковному. Латифундии по несколько десятков

деревень в этот период были еще редки. Они только начали возникать в XVI в. на украинских землях. В коренной Польше крупное магнатское землевладение было представлено только в Малой Польше. Но и то самый богатый из магнатских родов имел лишь 80 деревень, т. е. почти в три раза меньше, чем Краковское епископство. В Великой Польше самый богатый землевладелец имел 20 деревень. В Малой Польше, а тем более в Великой преобладало среднее землевладение. В Краковском и Сандомирском воеводствах, насчитывавших вместе 4792 деревни, 40% приходилось на церковные, королевские и магнатские владения и 60% — на шляхетские. Подавляющее большинство средней шляхты имело по одной деревне в 20—30 ланов.

Но, будучи феодальными собственниками всех земель, феодалы ранее, как правило, не имели земли в своем личном распоряжении. Создать же собственное хозяйство, в рамках которого можно было бы эксплуатировать барщинный труд крестьянина, значило выделить какой-то специальный комплекс земель, учредить барскую запашку — фольварк.

Только частично барская запашка создавалась за счет земель солтысов, присвоенных феодалами. Тенденция к устранению солтысов начинает проявляться уже в начале XV в. Вартский статут 1420 г., а затем статут 1423 г. признавали за землевладельцами право устранить «неполезного и оказывающего сопротивление» солтыса-«бунтовщика», выкупив его солтыство. Перестройка хозяйства, когда вместо чиншей, известный процент с которых шел в пользу солтыса, вводилась барщина на шляхетском фольварке, была не в интересах солтысов. Они оказывались «неполезными» и часто, очевидно, оказывали сопротивление введению новых порядков. Но просто экспроприровать земли солтысов, среди которых было немало шляхты, феодалы не могли. Вартский статут был скорее предупреждением, угрозой солтысам, чем реальной привилегией землевладельцам. Выкуп солтыства требовал большой суммы в несколько десятков или даже сотен гривен, что для феодала средней руки было делом непосильным и невыгодным.

После 1423 г. на всем протяжении XV в. и первой половины XVI в. вопрос об устранении солтысов и выкупе их владений в законодательном порядке более не поднимался. Неограниченное право на скинку солтыств было оформлено только в 1563 г., что позволяет предполагать, что введение его в практику в шляхетских владениях произошло лишь в XVI в.

Жамва

Гравюра XVI в.

В отношении церковных и королевских владений это предположение вполне подтверждается сохранившимися источниками.

Ликвидация солтыств, следовательно, не была основной базой развития фольварочного хозяйства. Такой основной базой была экспроприация крестьянских земель. У крестьян отнимались участки, присоединенные ими к своему наделу в результате выкорчевывания леса, распахивания лугов и пастбищ. Занимались опустевшие наделы, брошенные крестьянами, ушедшими в другие места или в город. Но самым простым и наиболее часто применявшимся способом (и чем дальше, тем чаще) был насильственный захват общинных земель — выпасов, пустошей, и крестьянских наделов или их уменьшение.

Уменьшение крестьянских наделов было выгодно феодалам также потому, что у крестьянина с меньшим наделом оставалось больше времени для работы на все расширявшемся барском фольварке. В результате сокращалось количество кметов, имевших нормальный надел в 1—2 лана, и росло число малоземельных — заградников, имевших только дом и небольшой приусадебный участок, а также крестьян, имевших только 0,25—0,5 лана пахотной земли. В XV в. лановые крестьянские хозяйства еще преобладали, но позднее нередко встречались деревни, состоявшие исключительно из хозяйств в половину, четверть или даже в еще меньшую часть лана. Одновременно возник и рос слой безземельных крестьян халупников, обладавших только домом и огородом, и коморников, не имевших и этого и занимавших угол в доме кмета за услуги по хозяйству.

Развитие фольварочного хозяйства было возможно лишь в условиях, когда землевладелец совершенно свободно мог распоряжаться крестьянской личностью и землей. Это могло быть достигнуто только в результате борьбы с крестьянами и ликвидации священных обычаев или локационными грамотами отношений и норм.

Наступление на крестьян ранее всего развернулось на церковных землях. Уже в середине XV в., по свидетельству Длугоша, во владениях Краковского епископства крестьяне несли один-два или даже три-четыре дня барщины в неделю. В Тынецком монастыре барщина составляла два дня в неделю. Процесс наступления на крестьянство развивался медленнее всего в государственных имениях — королевщинах. Однако в начале XVI в. и здесь встречаются уже деревни, где крестьяне были обязаны работать два дня в неделю (Сандомирское староство), а во время жатвы — даже пять дней (Освенцимское староство).

Для узаконения своего насилия над крестьянами шляхта широко использовала государственную власть. Уже в 1421 г. мазовецкий князь Януш узаконил однодневную барщину в своих владениях. Столетием позже, в 1520 г., Торунский статут установил однодневную барщину с одного лана в неделю как общеобязательную и минимальную норму для всех землевладений — духовных, шляхетских и королевских, если крестьяне не несли в них уже более высокой барщины. Торунский статут важен тем, что он официально признал барщину (отработочную ренту) основной формой феодальной ренты.

Помимо работы в поле, на крестьян возлагались еще всякие дополнительные повинности. Вот, например, что в одном шляхетском фольварке требовалось от крестьян, кроме основных полевых работ (от каждого крестьянского хозяйства): осенью и весной вывезти по 30 телег удобрений на барские поля, доставлять дерево, нужное на постройки, привезти 12 возов дров на топливо, обеспечивать своими упряжками лю-

бой выезд помещика, чесать коноплю, терebить лен, собирать хмель; сажать капусту, сбивать масло, стричь овец, копать рвы и пруды, поправлять мосты и дороги и т. д. Увеличение барщины не избавляло крестьян от чинша. Сохранялись и даже увеличивались приношения к барскому столу в виде грибов, ягод, орехов, меда, яиц, дышлат, каплунов и пр.

Кроме того, крестьяне несли подать в пользу государства. Развивался, следовательно, не процесс замены одной формы ренты другой ее формой, а происходил рост барщины при сохранении в основном других повинностей.

Развитие фольварочно-барщинной системы и усиление крепостничества вызывали обострение классово-крестьянского движения. Даже шляхетские источники не могут скрыть того, что в XV—XVI вв. росло число антифеодальных выступлений. Они отмечались в шляхетских и духовных владениях в Куявии, Сонче, Саноке и других местах. Крестьяне поджигали усадьбы, убивали панов. Вот один из характерных эпизодов. В 1543 г. один из краковских монастырей, в деревнях которого до того времени барщины не было, решил, используя постановление Турунского статута, ввести ее. Крестьяне дер. Кроводум запротестовали и подали жалобу краковскому епископу. Жалоба не имела последствий. Монастырь обратился к помощи одного шляхтича, взявшегося за 10 флоринов принудить крестьян к однодневной барщине. Крестьяне, сговорившись, убили этого шляхтича, а сами, забрав все свое имущество, пытались скрыться. Король велел схватить крестьян и бросить в тюрьму. В наказание в этой деревне монастырь ввел двухдневную барщину. Кроме того, крестьянам пришлось заплатить 200 гривен родственникам убитого шляхтича.

Особенно широкие размеры приняло крестьянское движение в 1490—1492 гг. на Покутье. Оно распространилось на всю Червонную Русь. Руководителем этого движения был Муха. Восстание было подавлено войсками, сам же Муха спасся бегством, и вскоре крестьянское восстание под его руководством развернулось в Малой Польше — в Мыслицком и Освенцимском краях. В 1496—1498 гг. крестьянский протест против введения барщины охватил предгорные районы Краковского воеводства — Новотаргское староство.

О распространенности побегов крестьян от помещиков говорит то, что с XV в. законы против беглых следовали один за другим. Одновременно устанавливался штраф для лиц, укрывавших беглых крестьян. В 1451 г. борьба с побегими крестьян была возложена на городские суды. Согласно Нешавским статутам (1454), все лица, укрывавшие беглых крестьян — духовные и светские землевладельцы, арендаторы королевских имений, обязывались возвращать их по требованию городского суда. В противном случае с них взыскивался высокий штраф (3 гривны) в пользу владельца крестьянина и такой же в пользу суда. Но все эти постановления не помогали. Катастрофическое ухудшение положения крестьян все чаще побуждало их покидать своего пана и искать лучшей жизни там, где еще сохранились старые условия, или уходить в город. Тогда шляхта прибегла к радикальному средству. Петрковский сейм 1496 г., повторив старое постановление Вислицкого статута о том, что в течение года только два крестьянина могут с разрешения пана покинуть деревню, добавил к нему весьма существенное новое: если у крестьянина несколько сыновей, то из них только одного крестьянин может отдать в ученье или ремесло в город, да и то с согласия пана; если же у него один сын, то последний должен оставаться в деревне. Одновременно Петрковский сейм налагал

штраф на города, принимавшие крестьян, не имевших разрешения пана на уход. Постановление 1496 г. повторялось в сеймовых решениях (конституциях) начала XVI в., ограничивая еще более возможность ухода для крестьянских сыновей, разрешая крестьянину отдавать в ученье в город только детей не старше 12 лет и угрожая сыновьям крестьянина, уходившим против воли пана, лишением права на наследование части отцовского надела.

Формально крестьянин еще сохранял свободу передвижения, фактически она у него отнималась, поскольку уход обуславливался обязательным согласием землевладельца-шляхтича. Таким образом, постановления Петрковского и последующих сеймов было оформлено прикрепление крестьянина к земле, т. е. крепостное право.

С начала XVI в. у крестьянина было отнято право обжаловать действия помещика перед королевским судом. Это было осуществлено без всяких специальных узаконений, путем судебной практики. Только в церковных и королевских владениях крестьяне еще сохраняли право жалобы, первые — в епископские суды, вторые — в ассессорские, позднее — референдарские суды при королевском дворе. Основная же масса крестьянства, населявшая шляхетские деревни, находилась в полном распоряжении феодала, превратилась в прямом смысле слова в его «подданных», как именовала крепостных крестьян польская шляхта. Феодал мог заложить крестьянина, продать его, причем не только с землей, но и без земли, мог убить его.

Аналогичные процессы развивались и в западных польских землях: — Западном Поморье и Силезии. Здесь закрепощение крестьянства и рост барщины получили особенное развитие после подавления крестьянской войны 1525 г. в Германии, ставшего сигналом для всех немецких феодалов к решительному наступлению на крестьянство.

Вначале введение барщинной системы в феодальной деревне еще не задевало города и не нарушало его развития, но вскоре шляхта перешла в наступление и против городов. Стремясь захватить в свои руки торговлю хлебом, она вступила в борьбу с горожанами, ограждавшими свою торговлю рядом привилегий. В этой борьбе шляхта использовала свою политическую власть. Петрковский сейм 1496 г. освободил шляхту, духовенство и их крестьян от пошлины на продукты и скот, покупаемые и продаваемые ими на рынке. Вместе с тем для горожан пошлина была сохранена. Постановление 1504 г. предписывало не брать пошлины на речных и сухопутных путях, если лица, везущие товары, присягнут, что товары их куплены не ради барыша и являются продуктами собственного производства. Постановление это было явно направлено в пользу шляхты и против городских купцов. Таким образом, шляхта вывозила свои продукты уже в отдаленные пункты, пользуясь как сухопутными, так и водными путями.

В 1523 г. Сигизмунд I отменил «торговое» с шляхты и ее крестьян, продававших или покупавших сельскохозяйственные продукты, оставляя его пока на продукцию деревенского ремесла, изготавливаемую крестьянами и продаваемую ими на рынке в городе. В 1533 г. «торговое» было отменено и для этих товаров.

В течение XV в. шляхта вела борьбу с цехами, стремясь ликвидировать их монопольное право на установление цен на городские товары. Петрковский сейм 1496 г. принял даже решение закрыть цехи. Но постановление это не было претворено в жизнь. На защиту цехов по фискальным, а в известной степени и военным соображениям выступила королевская власть. Однако, учитывая интересы шляхты, Сигизмунд I пошел

на ослабление роли цехов в установлении цен и дал право повоидам регулировать цены на товары на городском рынке.

Внутренний рынок, как мы отмечали, был первой основной предпосылкой перехода феодалов к барщинной системе хозяйства. Однако в укреплении и развитии этой системы в Польше крупную роль сыграл и внешний рынок.

Чем дальше, тем все более и более увеличивался вывоз хлеба. Он стимулировался быстрым ростом на мировом рынке цен на зерно. Цена ржи, например, с 1497 по 1564 г. выросла в Гданьске в пять раз. Между ценами в порту и на захолустьном базаре создавался огромный разрыв. Шляхта быстро оценила прибыльность участия в экспортной торговле и поспешила включиться в нее, обеспечивая себе при этом выгодные условия. Постановлениями 1505 и 1520 гг. за шляхтой было закреплено право свободного сплава по Висле до Гданьска. Феодалы стремились взять в свои руки внешнюю торговлю хлебом, а в конечном итоге и вообще оттеснить польские города от внешней торговли.

Таким образом, уже в первое столетие развития фольварочно-барщинной системы начало сказываться ее отрицательное влияние на социально-экономическое развитие Польши. Положение крестьянства серьезно ухудшилось. Успехи сельскохозяйственного производства были иллюзорны и кратковременны. Увеличение товарности сельского хозяйства определялось тем, что феодалы забирали в форме барщинного труда значительно большую долю производимого крестьянином продукта, чем это было раньше, во времена господства ренты продуктами и денежной ренты. Феодалы направляли на городские рынки или на перевалочный пункт внешней торговли — Гданьск — громадные массы хлеба, но это не значило, что Польша стала богаче, что производство существенно поднялось. Это означало лишь, что голоднее стала жизнь крепостного крестьянина, лишасмого всего производимого им прибавочного продукта, а нередко и части необходимого продукта — своего скудного жизненного минимума.

Но особенно страшны были перспективы одержанной феодалами победы. Подавление феодалами крестьянства и утверждение крепостничества в условиях развития товарно-денежных отношений влекли за собой дальнейшее безудержное расширение фольварков за счет крестьянских земель и непрерывное повышение нормы барщины, а следовательно, и дальнейший подрыв крестьянского хозяйства и его деградацию, падение производительности труда и упадок техники производства.

Фольварочно-барщинная система вела к разрушению сельскохозяйственного производства, к нищете и пауперизации крепостного крестьянства, а это в свою очередь неизбежно должно было привести к подрыву экономики города. Сокращался спрос на городские товары со стороны нищавшего крестьянства; почти полностью прекратился приток в город крестьян, прикованных крепостной неволей к шляхетскому фольварку.

Утверждение фольварочно-барщинной системы и доведение ее до такой степени, при которой она превратилась в страшную угрозу для всего экономического развития Польши, было бы невозможно, если бы этим изменениям базиса феодального польского общества не сопутствовали связанные с ними и способствовавшие им изменения надстройки. Лишь учитывая эти явления, можно понять, почему в Польше, в отличие от других восточноевропейских стран, также знавших в эту эпоху барщину и крепостничество, все социально-экономическое развитие было необычайно заторможено.

3

ОФОРМЛЕНИЕ СОСЛОВНОЙ МОНАРХИИ

Во второй половине XV — первой половине XVI в. в Польше шел процесс оформления сословной монархии, т. е. такой формы феодального государства, при которой власть короля ограничена сословно-территориальным представительством. Как известно, эта форма государства была типична для определенной стадии развития феодализма, характеризуемой ростом городов и развитием товарно-денежных отношений, и, как правило, являлась средством дальнейшей политической централизации страны. Но в Польше сословная монархия имела существенные особенности, оказавшие весьма важное влияние на все последующее развитие страны.

Основной ее особенностью было прежде всего то, что в силу сложившейся расстановки классовых сил в стране от участия в сословном представительстве были устранены торгово-ремесленные круги города. Другой особенностью сословной монархии в Польше был тот факт, что она не подготовила перехода к абсолютной монархии. Обе эти особенности объяснялись экономической и политической слабостью польского города, развитие которого к тому же, в условиях торжества фольварочно-барщинной системы, было заторможено.

Оформление в Польше сословной монархии было связано с экономическим и политическим подъемом среднепоместной шляхты. Оно проходило в условиях резко обострившейся борьбы внутри класса феодалов, между магнатством, духовенством и шляхтой. Но по отношению к горожанам и особенно крестьянству весь класс польских феодалов выступал единым фронтом.

Оформление сословной монархии было юридически подготовлено шляхетскими привилегиями при короле Казимире IV Ягеллончике.

Используя противоречия между магнатством и шляхтой, между духовными и светскими феодалами, Казимир IV сумел несколько упрочить свои позиции в стране. Но его успехи были преходящи, так как шляхетские привилегии, увенчанные Нешавскими статутами 1454 г., означали серьезное ограничение королевской власти. В этом плане особый интерес представляют те пункты статуты 1454 г., которые освободили шляхту от суда королевских чиновников (шляхтич подлежал суду старосты только в том случае, если он был обвинен в совершении убийства, поджога, изнасилования или был схвачен во время «наезда» — вооруженного нападения) и ставили всю законодательную деятельность в стране под контроль шляхетских сеймиков.

Необходимость добиваться согласия сеймиков при решении всех законодательных вопросов привела сначала к тому, что на заседаниях сеймиков появились королевские уполномоченные. Затем депутаты сеймиков стали собираться на генеральные съезды для обсуждения всех вопросов непосредственно с королем. Этим было положено начало новому центральному органу законодательной власти — вальному (общему) сейму. В состав его вошли король, сенат, выросший из королевского совета, и посольская изба, составленная из депутатов сеймиков — представителей шляхетского сословия. Города и крестьянство были устранены от представительства в сейме. Феодалы не допускали их участия в политической жизни страны.

Таким образом, создание вального сейма было следствием роста шляхетских привилегий и политического укрепления шляхты, что в свою очередь было связано с процессом экономического усиления шляхты

Польский сейм
Гравюра начала XVI в.

в результате экспроприации крестьянства и перехода к отработочной ренте.

С оформлением вального сейма фактически завершился процесс относительной политической централизации страны, который начался в Польше еще в конце XIII — начале XIV в. Польский вариант перехода к фольварочно-барщинной системе исключал экономическую, а следовательно, и подлинную политическую централизацию страны. В Польше не сложился необходимый для этого союз королевской власти и буржуазии.

Создание центрального законодательного органа — сейма — отвечало интересам подавляющего большинства польских феодалов — среднепоместной и мелкой шляхты. Против него были только верхи феодального класса — духовные и светские магнаты, не желавшие допустить политического усиления шляхты. Для шляхты создание такого органа было необходимо, во-первых, потому, что только он давал ей в руки достаточно надежное орудие для подавления резко обострившейся в связи с экспроприацией крестьянских земель и переходом к отработочной ренте классовой борьбы крестьянства против феодального гнета. Во-вторых, создание своего органа законодательной власти было нужно шляхте для окончательного подавления города, в котором она видела не только возможного союзника королевской власти, серьезного усиления которой она не хотела допустить, не только торгового конкурента в сбыте сельскохозяйственной

продукции и невыгодного посредника в приобретении товаров иностранного происхождения, но и возможного союзника крепостного крестьянства. При этом речь шла как о политическом, так и об экономическом подавлении польского города.

Обе эти задачи были разрешены Петровским статутом 1496 г. Подтвердив все прежние привилегии шляхты, статут 1496 г. оформил прикрепление польского крестьянства к земле. Не менее серьезный удар был нанесен и городу. Мещанам было запрещено владеть землей и покупать ее. Шляхта освобождалась от платежа всех пошлин за ввозимые товары иностранного происхождения и имела право свободной навигации по Висле к Балтийскому морю. Наконец, очень болезненным для городов было закрепление за шляхтой права производства и продажи спиртных напитков и пива — права пропинации. До этого времени винокурение и пивоварение занимали в городском производстве весьма значительное место.

Но успех шляхты в городском и крестьянском вопросе не мог ликвидировать противоречия, существовавшие внутри класса феодалов, — между магнатами и шляхтой, духовными и светскими феодалами.

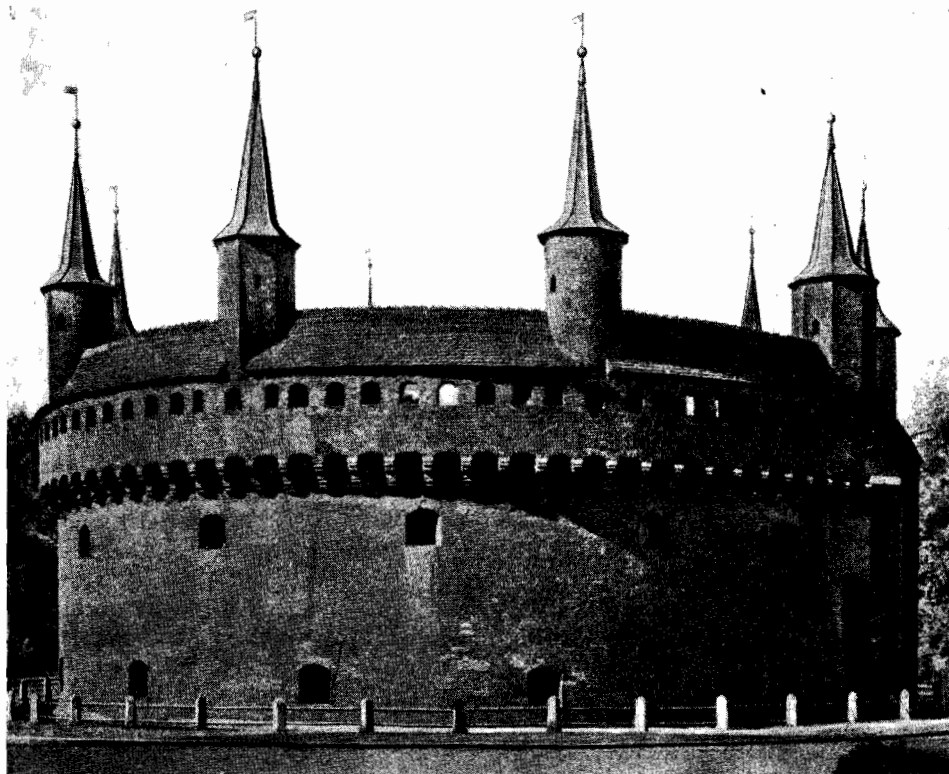
На короткий срок магнатам удалось полностью подчинить себе королевскую власть. Мельницкий привилей, изданный королем Александром в 1501 г., ставил короля в полную зависимость от рады-сената. Шляхта решительно выступила против магнатской диктатуры. Но добивалась шляхта не усиления ограниченной магнатами королевской власти, а подчинения ее себе. Решительная победа была одержана шляхтой над магнатством на Радомском сейме 1505 г. По Радомской конституции, получившей по своим первым словам название «*Nihil novi*» («ничего нового»), король не имел права издавать какой-либо новый закон без общего согласия не только сената, но и шляхетских послов. Конституция «*Nihil novi*» завершила процесс оформления польского сейма как высшего законодательного органа власти, в котором решающий голос принадлежал посольской избе, состоявшей из депутатов шляхетских сеймиков.

Помимо конституции, Радомский сейм 1505 г. принял законодательный статут, составленный канцлером Яном Ласким. Статут являлся кодификацией законодательства Казимира III, Людовика Венгерского и королей из династии Ягеллонов. Политическая победа шляхты сказалась и на этом документе. Радомским сеймом был принят также еще ряд решений, направленных против городов и крестьянства, а также задевавших и духовных феодалов. Победа политической программы шляхты над магнатской произошла за счет решительного ограничения прав королевской власти.

При всей остроте политической борьбы между шляхтой и магнатами конфликт между этими группами феодального класса отнюдь не был антагонистическим, не исключал возможности компромисса, ибо классовые интересы у них были одни и те же.

Принятие конституции «*Nihil novi*» не означало еще, что с этого момента борьба между магнатством и шляхтой прекратилась и что королевская власть совершенно отказалась от всяких попыток укрепить свои позиции. Напротив, в первой половине XVI в. противоречия в лагере феодалов приобрели особую остроту.

Попытка укрепления королевской власти была предпринята уже при Сигизмунде I Старом (1506—1548). Опираясь на поддержку высших сановников и на отдельных представителей светского и духовного магнатства, король рассчитывал произвести ряд реформ, направленных к ограничению некоторых сословных привилегий шляхты. Речь шла тогда о проектах военной и финансовой реформ, о создании постоянного казначейства и

Остатки крепостных укреплений Кракова (сооружено в 1498 г., современный вид)

введении постоянных налогов. Военная реформа предусматривала разделение Польши на пять военных округов. Шляхта каждого из них должна была по очереди нести службу на границах. В случае отказа от личного выполнения военной повинности шляхтич должен был внести известную сумму денег. Всеобщее ополчение шляхты (посполитое ружение) должно было созываться в случае опасности, но подготовка к нему шляхты должна была особо проверяться путем смотров — люстраций. Условия военной службы регулировались размерами земельных владений.

Реформа эта не была, однако, проведена в жизнь. На сейме 1514 г. духовенство сумело добиться освобождения своих земельных владений от каких бы то ни было военных повинностей. Вслед за ним выступили магнаты и шляхта. Их особенно раздражала перспектива создания постоянной армии, послушной воле короля. Посполитое ружение в том виде, в каком оно существовало до сих пор, было как нельзя более по душе шляхте. Вооруженная шляхта оказывалась решающей военной силой в стране, способной заставить своих противников исполнять все ее требования.

Еще более решительное столкновение короля с шляхтой, поддержанной значительной группой магнатов, тоже опасавшихся усиления королевской власти, произошло в 30-х годах XVI столетия.

Воспользовавшись решением сейма 1531—1532 гг. о кодификации и «исправлении» прав (шляхта при этом добивалась окончательного уравнивания в правах с магнатством), король предложил сейму 1534 г. такой проект «поправки прав», который весьма существенно ограничивал сословные

привилегии шляхты. Сейм единогласно отклонил его. Зато сейм 1535 г. принял решение произвести «экзакуцию прав», т. е. проверку и исполнение прежде принятых законов. Лозунг «экзакуции прав» был направлен против светских магнатов и духовных феодалов, поскольку речь шла прежде всего о возвращении коронных земель, незаконно, без решения сейма переданных отдельным лицам. Одновременно он был направлен и против городов, поскольку предусматривал отмену «незаконно» выданных им привилегий.

Попытка короля использовать сеймовое решение об «экзакуции прав» в интересах усиления своей власти вызвала возмущение среди шляхты и магнатов. Король производил редукцию (изъятие из частного владения) коронных имений на основе данных коронной метрики (архива), в то время как шляхта настаивала на судебном разбирательстве. Сейм 1536—1537 гг. прошел в весьма бурной обстановке. Помимо требования судебного разбирательства при проверке прав на розданные коронные земли, шляхта требовала отмены самовольно введенных королем пошлин, обрушилась на коррупцию, царившую в государственном аппарате, резко выступала против духовенства. В июле 1537 г. разразилось восстание десятков тысяч шляхтичей, созданных подо Львов на посполитое рушение. Это восстание вошло в историю Польши под названием «Куриной войны».

Все эти события показали, что для усиления королевской власти, лишенной прочной социальной поддержки, в Польше не было благоприятных условий, что расчеты короля на использование конфликта между магнатством и шляхтой при опоре на высшее чиновничество оказались ошибочными. На сеймах 1538 и 1538—1539 гг. король вынужден был пойти на уступки шляхте, приняв в основном все ее требования. Он гарантировал сохранение всех шляхетских привилегий и принципа «вольной элекции» (свободных выборов нового короля). В том случае, если бы король намеревался твердо продолжать курс на укрепление своей власти, ему оставалось только пойти на государственный переворот. Сигизмунд I не встал на такой путь. Он понимал, очевидно, безнадежность подобной затеи. Попытки его в 40-х годах XVI в. вернуться к проектам военной реформы тоже полностью провалились. По мере ослабления королевской власти росло самоволие магнатства и шляхты. Появились первые признаки феодальной анархии.

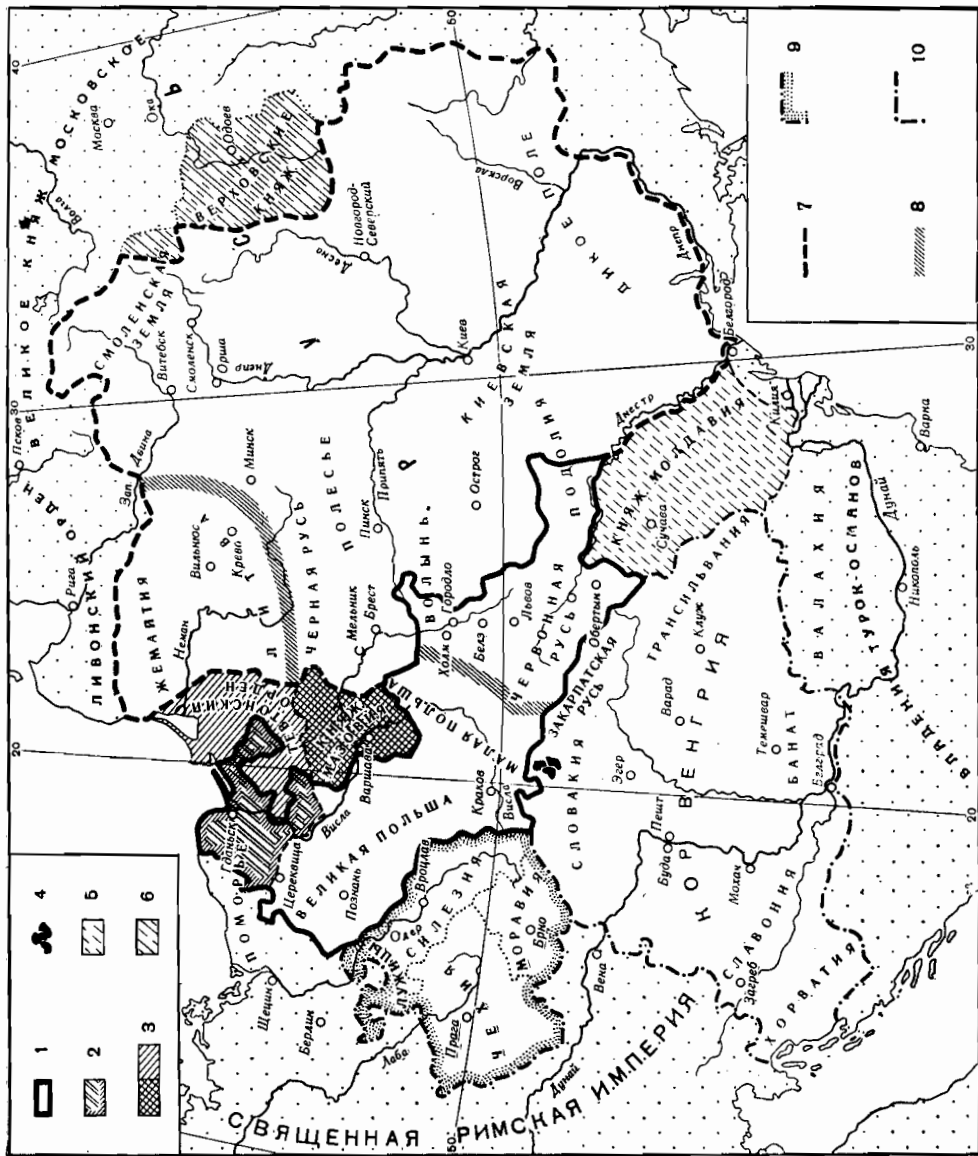
4

ПОЛЬША И ОБРАЗОВАНИЕ АВСТРИЙСКОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ДУНАЙСКОМ БАССЕЙНЕ. ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНИЯ — ОРУДИЕ ВОСТОЧНОЙ ЭКСПАНСИИ ПОЛЬСКИХ ФЕОДАЛОВ

Победа в Тринадцатилетней войне над Тевтонском орденом, коренным образом изменила международное положение Польши. Самый опасный враг был повержен. На продолжительное время угроза национального порабощения Литвы и Польши германскими феодалами была устранена. Национальные интересы Польши настойчиво диктовали воспользоваться сложившимися благоприятными условиями для окончательной ликвидации Тевтонского ордена, для обеспечения Польше безопасного и широкого выхода к Балтийскому морю. С другой стороны, в национальных интересах Польши было воспользоваться временным

Место Польши в процессе складывания многонациональных государств в Восточной Европе (государства подвластно династии Ягеллонов в конце XV в.)

1 — Королевство Польское около 1482 г.; 2 — земли, возвращенные Польше Тетонским орденом в 1466 г.; 3 — вассалы Польши; 4 — Спирская область, присоединенная к Польше в 1412 г.; 5 — княжество Моглавиц, бывшее в непосредственной зависимости от Польши; 6 — «верховные княжества», бывшие в непосредственном подчинении у Великого княжества Литовского; 7 — граница Великого княжества Литовского (в устье Польши с 1385 г.); 8 — западная граница русских, украинских и белорусских земель в составе Польши и Великого княжества Литовского; 9 — земли Чешской когоны (под властью династии Ягеллонов с 1471 г.); 10 — королевство Венгрия и зависимые от него земли (под властью династии Ягеллонов с 1480 г.)

ослаблением германской феодальной агрессии на восток, чтобы завершить борьбу за воссоединение в рамках Польского государства всех оставшихся за его пределами польских земель.

Характеризуя международное положение Польши 60—70-х годов XV в. и стоявшие перед ней внешнеполитические задачи, надо также учитывать чрезвычайно серьезные события, происходившие в это время на Балканском полуострове. На Центральную и Восточную Европу надвигался оттуда страшный враг — турки. Опасность турецкой агрессии особенно возросла после того, как в 1453 г. туркам удалось овладеть Константинополем. Турецкая агрессия, особенно принимая во внимание все возрасставшее военное значение Крымского ханства, ставшего в 1475 г. вассалом Турции, представляла собой непосредственную угрозу и для Польши.

При таких условиях вновь приобретала актуальность проблема польско-венгерско-чешского союза. Перед Польшей открывалась реальная возможность возглавить борьбу стран Юго-Восточной и Центральной Европы против турецкой агрессии. Если бы Польше удалось сыграть эту роль, австрийские Габсбурги никогда не смогли бы встать во главе многонационального государства в Дунайском бассейне. Опираясь на помощь Польши, Чехия и Венгрия самостоятельно отстаивали бы свою независимость. Им не пришлось бы нести тяжесть национального угнетения со стороны германских феодалов.

С этой перспективой была связана и возможность наиболее легкого разрешения вопроса о Силезии.

Но такой путь был возможен для Польши только в том случае, если бы польские феодалы отказались от политики восточной экспансии, т. е. от феодальной колонизации и феодального грабежа украинских земель и от плана инкорпорации Великого княжества Литовского.

Феодальная Польша не пошла по этому пути. И после Торунского мира 1466 г. польско-литовская уния была сохранена. Острие ее было обращено на восток, против Русского государства.

Польские магнаты и шляхта попрежнему стремились осуществить инкорпорацию Литвы в состав Польши, рассчитывая воспользоваться при этом неудачами литовских панов в борьбе с Русским государством. Польско-литовская уния была для них средством польской феодальной экспансии на восток, проводимой в известной мере и за счет литовских феодалов. Литовские магнаты стремились сохранить унию в форме военного союза, направленного против Русского государства. При этом они рассчитывали полностью сохранить государственную самостоятельность Великого княжества. В их глазах уния была могущественным средством социального и национального угнетения русского, украинского и белорусского народов. Таким образом, несмотря на некоторые различия программ польских и литовских феодалов, их объединяло одно стремление: использовать унию для борьбы с растущим Русским государством, для феодального угнетения украинских, белорусских и русских земель.

В значительной мере именно поэтому окончились неудачей все попытки оформления польско-чешско-венгерского союза, предпринятые во второй половине XV в. Даже тогда, когда на престолах Чехии (с 1471 г.) и Венгрии (с 1490 г.) оказался представитель династии Ягеллонов — старший сын Казимира IV, Владислав, и создалась реальная возможность заключения прочной польско-венгерско-чешской унии, польские феодалы не поддержали этой перспективы. Напротив, как раз в это время все усилия польской дипломатии были направлены на укрепление польско-литовских связей, ослабленных тем, что после смерти в 1492 г. Казимира

Ягеллончика польско-литовская личная уния была разорвана: в то время как польский престол занял Ян Ольбрахт, литовские паны-католики возвели на великокняжеский стол его брата Александра.

Между тем литовские феодалы, ослабленные тяжелой войной с Русским государством, тоже стали искать тесного союза с Польшей. В 1499 г. в Вильнюсе был заключен новый договор об унии между Литвой и Польшей. Правда, и на этот раз государственный суверенитет Великого княжества не был поколеблен. Важен, однако, сам факт, что польские феодалы готовы были пойти на союз с литовскими феодалами для участия в войне с Русским государством. Он показывает, что программа восточной экспансии решительно брала верх во внешней политике польских феодалов. Польша непосредственно втягивалась в бесперспективную борьбу с подымавшимся Русским централизованным государством.

Страшное поражение на р. Ведроше в 1500 г., во время которого князь Константин Острожский, командовавший литовской армией, был взят в плен русскими, заставило литовских феодалов искать еще более тесного сближения с Польшей. В 1501 г., когда после смерти Яна Ольбрахта польским королем был избран великий князь литовский Александр, была восстановлена польско-литовская личная уния. Одновременно в Мельнике был составлен новый акт польско-литовской унии. Польша и Литва должны были слиться в единое государство. Польские и литовские феодалы должны были совместно избирать королей. Обе стороны обязывались оказывать друг другу вооруженную помощь. Договор об унии 1501 г. фактически означал ликвидацию государственной самостоятельности Великого княжества и торжество политической программы польских магнатов в литовском вопросе. Однако Мельницкий договор не был проведен в жизнь. Идя на такие колоссальные уступки польским феодалам, литовские паны рассчитывали на немедленную вооруженную помощь в войне с Русским государством со стороны Польши. Но помощи этой не последовало. В 1503 г. Литва вынуждена была пойти на заключение шестилетнего перемирия с Русским государством, признав переход в его состав ряда западных польских земель. После смерти Александра в 1506 г. литовские феодалы, не считаясь с Мельницким договором и не запрашивая даже мнения польских феодалов, возвели на великокняжеский престол младшего из сыновей Казимира IV—Зыгмунта (Сигизмунда). Но польские феодалы ни в коем случае не хотели допустить разрыва польско-литовской унии: они в свою очередь избрали Сигизмунда польским королем.

Вскоре после этого, в 1507 г., произошло первое прямое вооруженное столкновение Польши и Русского государства. Краковский сейм 1507 г. утвердил налоги на войну. Польские вооруженные силы вторглись на русскую территорию. Но международное положение Польши было крайне сложным. Император Максимилиан Габсбург стремился использовать польско-русский конфликт, чтобы овладеть Венгрией и Чехией и закрепить за своей династией решающую роль в Дунайском бассейне. Тевтонский орден, опираясь на поддержку императора, фактически игнорировал условия Торунского мира и усиленно готовился к борьбе с Польшей. С юга Польша угрожали Крым и Молдавия. При таких условиях Сигизмунд оказался вынужденным возобновить перемирие с Россией. Но оно уже не могло серьезно исправить положение.

В 1512 г. война возобновилась. В 1514 г. русскими войсками был взят Смоленск. Несмотря на успех польско-литовских войск под Оршей, война была ими проиграна. Сигизмунд опять пошел на заключение перемирия с Русским государством (на пять лет), тем более что империя и Орден

серьезно угрожали ему с запада. Так создавались условия перманентного конфликта между Польшей и Русским государством.

Этот конфликт, являвшийся следствием экспансионистской восточной политики польских феодалов, обусловил окончательное падение руководящей роли Польши в делах Дунайского бассейна и переход этой роли и Габсбургам. Уже на Венском конгрессе 1515 г., где встретились ягеллонские короли Владислав и Сигизмунд с императором Максимилианом, Габсбургам удалось подготовить переход венгерской и чешской короны в их руки. Через десять лет, в 1526 г., Людовик Ягеллон, король Венгрии и Чехии, не получив поддержки от Польши, был разгромлен в битве с турками под Могачем и сам погиб на поле боя.

Так в результате близорукой и антинациональной политики феодального господствующего класса Польша способствовала росту могущества Габсбургов, представлявшего значительную угрозу для нее самой.

Еще более катастрофические последствия конфликт Польши с Русским государством имел для западных польских земель. Новый великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн, из династии бранденбургских курфюрстов, продолжая политику своих предшественников, открыто готовился к войне с Польшей. Война разразилась в 1519 г. Несмотря на значительную помощь из империи, Орден проиграл ее. Решающую роль при этом сыграло выступление вооруженного косами, серпами и топорами кашубского крестьянства, беспощадно расправлявшегося с немецкими рыцарями. Тем не менее Польша не сумела и на этот раз воспользоваться слабостью противника и нанести ему окончательное поражение. Занятые планами восточной экспансии, польские феодалы поспешили подписать мир с Альбрехтом и тем самым дали ему возможность, воспользовавшись реформационным движением, секуляризировать Орден и объявить его территорию своим наследственным светским владением. Возникшее таким образом Прусское княжество, связанное тесными династическими узами с Бранденбургом, было серьезной угрозой для польского Гданьского Поморья. Единственный выход к Балтийскому морю был прочно зажат в клещи немецкими феодалами.

Переход Венгрии и Чехии под власть Габсбургов, распространение власти Гогенцоллернов на Прусское княжество исключали возможность легкого воссоединения с Польшей польских западных земель. Впрочем, польские феодалы все меньше и меньше думали об этом. Все их помыслы занимала борьба с Русским государством с целью захвата и эксплуатации русских, украинских и белорусских земель.

Единственным успехом Польши в эти годы было воссоединение Мазовии, последовавшее после прекращения мазовецкой линии Пястов в 1526 г.

Таким образом, политика польского господствующего класса создавала обстановку отчужденности, недружелюбия и открытых военных конфликтов между Польшей и Россией, нарушала давние дружеские связи между братскими славянскими народами, нанося им прямой и непосредственный вред. Эта политика сковывала силы обоих государств, облегчала крымским татарам варварские опустошительные набеги и на Россию, и на украинские земли, входившие в состав Польши и Литвы, и даже прямо на польские земли. Избрав курс на укрепление польско-литовской унии в целях порабощения русского, украинского и белорусского народов, польские феодалы косвенно содействовали турецко-татарской и немецкой агрессии против славянских и других народов Восточной Европы, нанесли серьезный ущерб интересам чешского и венгерского, хорватского и молдавского народов. Но особенно вредили польские феодалы интересам

польского народа. Такое развитие событий в области внешней политики стояло в прямой связи с коренными пороками общественного строя Польши.

5

РЕФОРМАЦИЯ В ПОЛЬШЕ

В тесной связи с социально-экономическим и политическим развитием Польши во второй половине XV — первой половине XVI в. стояло распространение в стране гуманистических и реформационных идей. Развивавшийся на рубеже XV и XVI вв. процесс роста товарно-денежных отношений, экономический подъем городов, появление в городском производстве и горнорудном деле некоторых спорадически возникавших элементов капитализма — все это благоприятствовало общему развитию культуры. В том же направлении действовало большое оживление политической жизни в стране, вызванное ожесточенной борьбой феодалов и городского сословия и серьезными и длительными конфликтами в рамках самого господствующего класса между духовными феодалами, магнатами и шляхтой.

Распространение в Польше гуманистических и реформационных идей имело большое прогрессивное значение. Польский гуманизм и реформация подрывали позиции в стране такой важнейшей опоры феодального строя, какой была католическая церковь, являвшаяся одновременно и крупнейшим феодальным собственником земли. Антиклерикальный характер гуманистического движения ярко сказался уже в «Мемориале о напаве Речи Посполитой» выдающегося польского публициста второй половины XV в. Яна Остророга, который требовал подчинения католической церкви королевской власти, возмущался вмешательством римской курии в дела польского государства, восставал против уплаты церковной десятины и ежегодной дани папе, добивался распространения на духовенство государственных налогов и повинностей. Одним из предшественников собственно польского реформационного движения был секретарь люблинского старосты мещанин Бернат из Люблина, который в своих произведениях (часть из них была написана еще до выступления Лютера) высказывал идеи, развитые в дальнейшем радикальным течением реформации — «польскими братьями».

Польский гуманизм и реформация сыграли важную роль в росте патриотических настроений в Польше XV — XVI вв., способствовали подъему польского национального самосознания.

Подчеркивая это, необходимо, однако, отметить и те особенности, которые имели гуманизм и реформация в Польше и которые отличали это движение от движения в странах Западной Европы. При общей политической и экономической слабости польского города в сравнении с передовыми странами Западной Европы главной силой гуманистического и реформационного движения в Польше оказались светские феодалы. Во второй половине XV в. центрами гуманизма в Польше были королевский двор и дворы магнатов. Но уже во второй четверти XVI в. наиболее активной силой гуманистического и реформационного движения стала средняя шляхта, политический подъем которой был тесно связан с торжеством фольварочно-барщинной системы. Прогрессивные лозунги возрождения и реформации были использованы среднепоместной шляхтой для борьбы против духовных феодалов, для борьбы против магнатов и королевской власти.

Эти основные особенности польского реформационного движения, бывшие одновременно главной причиной его слабости, сказались в самом начале распространения в стране реформационных идей.

Вслед за началом реформационного движения в Германии лютеранство проникло и в среду немецкого населения польских городов. Немецкие мещане усматривали в нем удобное оружие для борьбы за дешевую церковь. Поэтому, несмотря на ряд королевских указов, запрещающих лютеранство под угрозой конфискации имущества и сожжения на костре, учение Лютера уже к середине 20-х годов XVI в. нашло немало сторонников в городах Поморья и Пруссии и среди немецкого городского населения Великой и даже Малой Польши и Литвы. Но горожане-поляки редко принимали активное участие в реформационном движении. Этому мешали классовые и национальные противоречия в городе, где в ряде случаев немецкий элемент все еще занимал привилегированное положение. Поэтому в городах реформационное движение не приобрело массового характера и не привело за единичными исключениями к сколько-нибудь значительным выступлениям.

Наиболее крупных размеров реформационное движение достигло в Гданьске. Среди гданьских горожан уже в начале 20-х годов XVI в. подавляющее большинство составляли приверженцы церковной реформы. Лишь городской совет, находившийся в руках патрициата, оставался верным католичеству. Когда в январе 1525 г. он арестовал нескольких сторонников реформации, в городе вспыхнуло восстание. Вооруженные бюргеры и плебейские массы потребовали роспуска городского совета. Новый состав городского совета (из крупных бюргеров) полностью упразднил католическое богослужение, закрыл монастыри и отправил к королю посольство с просьбой утвердить новые порядки в городе. В ответ король Сигизмунд I издал указ, лишивший город до восстановления прежних порядков всех привилегий, и выступил во главе вооруженных отрядов против Гданьска. В городе поднялась паника. Бюргерский совет, не решаясь вооружить народ, не предпринял никаких мер для организации сопротивления. Овладев Гданьском, Сигизмунд I восстановил католическое богослужение и отдал приказ об аресте вождей реформационного движения. Пятнадцать из них были казнены, остальные изгнаны из страны. Жестоко было подавлено реформационное движение и в Эльблонге.

Великая крестьянская война в Германии нашла широкий отклик в княжестве Прусском, где в 1525 г. в Самбии вспыхнуло крестьянское восстание, в котором приняла участие и городская беднота. Восстание это поддерживали и польские крестьяне. Зато польские феодалы помогли Альбрехту Бранденбургскому подавить движение. Повидимому, в связи с крестьянской войной в Германии стояли и движения польских крестьян в 1525—1530 гг. на территории Поморья и Куявии. Движения эти, однако, не переросли в крупное восстание массы польского крестьянства и были задавлены феодалами.

В широкой степени лозунги реформации были использованы представителями польских феодалов. В руках магнатов и шляхты они явились средством идеологической борьбы против католического духовенства за феодальную ренту.

С завистью взирая на огромные земельные богатства церкви, шляхта вместе с тем испытывала немало стеснений и от привилегий духовенства. Особенно ненавистными для шляхты были десятина и духовная юрисдикция. Раздражали шляхту и ежегодные платежи, поступающие с польских земель в распоряжение папской курии, а также постоянные вмешательства в польские дела Рима, выступавшего союзником Габсбургов. В религиоз-

ной реформации шляхта видела удобное средство ограничить привилегии духовенства, освободиться от его опеки, сократить церковные поборы и поживиться за счет богатств католической церкви.

К реформационному движению примкнула и значительная часть польских и литовских магнатов. Магнаты рассматривали реформацию главным образом как способ переложить на духовенство часть расходов по содержанию государственного аппарата. Они хотели, кроме того, ослабить могущество епископов, сократить имущественные и политические притязания папской курии и не отказывались, конечно, от того, чтобы расширить свои владения путем конфискации церковных земель. Часть магнатов рассчитывала посредством организации на подвластной им территории новой, реформированной церкви добиться еще большей независимости от королевской власти. Сторонники проведения некоторых реформ в католической церкви имелись также и среди части высшего духовенства, связанной своим происхождением с польскими магнатами и шляхтой и стремившейся освободиться из-под контроля папской курии. Довольно многочисленных приверженцев реформационному движению дало низшее духовенство, состоявшее из сельских и городских ксендзов. Находясь по существу вне феодальной иерархии церкви и не имея доли в ее богатствах, низшее духовенство стремилось путем реформации церкви улучшить свое положение и, в частности, избавиться от ненавистного ему celibата (безбрачия).

Польское крестьянство, условия жизни которого по мере роста шляхетского фольварочного хозяйства становились все более тяжелыми, оставалось в своей массе в стороне от реформационного движения, во главе которого с самого начала стали светские феодалы и которое поэтому не внушало ему доверия.

На Торунском синоде 1595 г. один из его участников рассказывал, как крестьянин на заданный ему вопрос, почему он не бросает римско-католической веры с ее явными заблуждениями и не поддерживает протестантов, отвечал: «Разве мы можем хотеть чего-либо, находясь в этом рабстве? Мы не имеем времени даже и подумать о боге. Паны найдут, чем забавить нас и в воскресенье. Из этой тяжелой неволи нас не освободит ни бог, ни дьявол. Мы находимся у государства в худшем положении, чем скот. Нас называют «собачьей кровью» и уважают своих собак больше, чем нас. Так нам и придется страдать и на этом и на том свете».

Таким образом, в отличие от реформации в Чехии и Германии, отражавшей рост буржуазных тенденций и классовую борьбу крестьянства, реформационное движение в Польше, развернувшись главным образом на основе конфликта светских феодалов и церкви, носило ограниченный характер.

В 30-е годы XVI в. шляхта в своей борьбе с духовенством еще оставляла в стороне религиозные догматы. Борьба шла по экономическим вопросам. Духовенство не выплачивало военного налога, шляхта отказывалась платить десятину. Светские феодалы настойчиво выдвигали программу секуляризации церковных земель. В Польше «нет недостатка в светских людях, которые помогают церковным имуществам», — писал в 1534 г. Сигизмунд I папе Павлу III. В конце 30-х годов среди светских феодалов имел даже хождение план не допускать по смерти короля его наследника на трон, пока он не даст обязательства отобрать третью часть церковных земель на государственные нужды.

В 40-х годах конфликт между церковью и светскими феодалами еще более обострился. Особенно большое недовольство шляхты вызвало синодальное постановление 1542 г., расширявшее компетенцию церковного суда. Возмущали шляхту и многочисленные эдикты, запрещавшие чтение

«еретических» книг, обучение в заграничных университетах и т. п. В этих запретах она усматривала ущемление своих политических прав. На сеймах 40-х годов земские послы настаивали на ограничении духовной юрисдикции и участия духовенства в общественных повинностях. Все чаще происходили выступления против злоупотреблений духовенства с требованием реформ католической церкви. На Петрковском сейме 1550 г. земские послы требовали лишения духовенства десятины, секуляризации церковных имений, отмены церковной юрисдикции и передачи в руки светских лиц некоторых монастырей.

Вместе с тем стали учащаться и случаи отпадения светских феодалов от католицизма и принятия ими различных реформационных учений. Среди великопольских магнатов и шляхты широко распространилось учение так называемых «чешских братьев». В Малой Польше сторонники реформации восприняли в этот период самые разнообразные учения: кальвинизм, цвинглианство, лютеранство и т. п. Особенно большое распространение среди польской шляхты получил кальвинизм. Отказ магнатства и шляхты от католицизма открывал перед ними возможность «профанирования» костелов, находящихся в их имениях. Провода «профанирования», шляхта прежде всего забирала земли и утварь, принадлежавшие костелам, а вместе с ними присваивала и десятину. Что же касается организации новых церквей, то об этом шляхтичи мало заботились. Всего за время реформации было «профановано» 230 костелов в Малой Польше и 97 в Великой Польше.

Распространение реформационных учений среди светских феодалов не замедлило сказаться на сеймовой борьбе. Земские послы 50-х годов все с большей настойчивостью выступали против церковной юрисдикции над светскими лицами. Уже на сейме 1552 г. земские послы, возглавляемые Рафалом Лещиньским, Иеронимом Оссолинским и Якубом Остроогом, опираясь на поддержку светских сенаторов, принудили епископов приостановить действие церковной юрисдикции на год. Еще больших успехов сторонники реформации добились на Петрковском сейме 1555 г. Сейм узаконил свободное существование реформированных церквей, возникших до 1555 г., и приостановил до созыва национального собора рассмотрение в церковных судах дел относительно отпадения от католицизма. Окончательное решение религиозных вопросов сейм отложил до созыва национального собора.

Однако католическая церковь сумела сорвать созыв собора. Тогда сторонники реформации из числа светских феодалов во главе с великим коронным гетманом Яном Тарновским решили добиваться на предстоящем сейме создания национальной церкви с богослужением на польском языке и отменой целибата. Однако и этот план потерпел крах.

Реформационное движение в Польше вызвало большое беспокойство в Риме. В конце 1555 г. папа Павел IV направил в Польшу своего нунция Липпомана с целью организовать среди польских духовных феодалов сопротивление реформационному движению. Под его влиянием король Сигизмунд II Август решительно отклонил на Варшавском сейме 1556 г. программу национальной церкви и издал эдикт, воспрепятствовавший реформировать те церкви, в которых до Варшавского сейма совершалось католическое богослужение.

На Петрковском сейме 1562—1563 гг. шляхта вновь повела наступление на католическую церковь. Шляхетские послы поставили вопрос о нарушении церковью государственных законов. Они требовали полного изъятия из компетенции церковного суда дел о светских лицах. Шляхта требовала, чтобы церковь участвовала в расходах на армию. Встретив на сейме

сильную оппозицию со стороны сената, шляхта сумела все же добиться отмены постановления об исполнении светскими властями приговоров церковных судов, что фактически освобождало ее от выполнения этих приговоров. Это было значительным поражением католической церкви. Одновременно на сейме 1562—1563 гг. шляхте удалось нанести чувствительный удар магнатству. Сейм принял решение о редукации королевских имений, розданных после 1504 г. Основная масса этих земель находилась в руках магнатов.

В середине 60-х годов польский католический клир с помощью Рима развил энергичную деятельность, направленную против реформации. Епископы, возглавленные новым папским нунцием Коммендоне и кардиналом Гозием, прибывшим с Тридентского собора, уже весной 1564 г. добились от короля декрета, который хотя формально и не отменял постановления Петрковского сейма, но фактически лишал их всякого значения. В декрете указывалось, что Петрковское постановление «не должно... понимать так, будто оно нарушает в каком-нибудь отношении права духовенства и его юрисдикцию». В борьбе с реформационным движением кардинал Гозий призвал на помощь орден иезуитов. Первые иезуиты прибыли в 1564 г. в Варминское и Плоцкое епископства. Затем они появились в Познани. В 1575 г. иезуиты создали уже особую польскую «провинцию» своего ордена. В августе 1564 г. появились указы против сторонников религиозной реформации, изданные под влиянием папского нунция Коммендоне. Первый указ под угрозой заключения в тюрьму предписывал «всем иностранцам, отпавшим от католической религии и распространявшим новые учения в Польше», покинуть страну до 1 октября, второй был направлен против протестантов-поляков и угрожал им, что, в случае если они не откажутся от «новых» учений, будут изданы более суровые декреты. Наиболее крупным успехом католической церкви был королевский декрет 1569 г. Декрет этот предписывал всем светским властям оказывать полное содействие папскому нунцию и епископам в преследовании «еретиков». Иными словами, им было полностью ликвидировано постановление Петрковского сейма 1562—1563 гг.

Успеху католической реакции в Польше способствовало то обстоятельство, что отношение к реформации в среде польских феодалов начало в это время резко меняться. Боязнь распространения реформационных взглядов среди горожан и крестьян, страх перед народной реформацией заставили польских феодалов вернуться в лоно католической церкви — лучшей защитницы и охранительницы их классовых интересов.

О том, что этот страх польских феодалов был довольно обоснован, свидетельствовало распространение арианства, отражавшего настроения левого крыла польской реформации. Идеологами этого движения, арианскими священниками, часто были выходцы из мелких ремесленников и крестьян. В арианских общинах принимали участие городская беднота и даже крестьяне. В своей борьбе против католической догматики ариане, эти самые последовательные в то время рационалисты, доходили до атеизма. Особенно опасными представлялись феодалам социальные высказывания ариан, требовавших равенства людей и ликвидации эксплуатации человека человеком. Идеологи польского арианства доходили до требования «чтобы не было короля и народа, князей и подданных, шляхты и простолоудина». Они считали, что «верному [богу] не годится иметь крепостных... , ибо только язычники могут угнетать своего брата, пользоваться его потом или, скорее даже, его кровью». Деятельность ариан, или, как они сами называли себя, «польских братьев», естественно, должна была пугать господствующий класс. Она показывала, что в Польше существуют

силы, пусть еще очень слабые и неорганизованные, но прямо выступающие против феодального строя, против барщины и крепостного права.

Была и серьезная причина внешнеполитического характера, обусловившая отход польских феодалов от реформационного движения, — усилившаяся во второй половине XVI в. восточная экспансия. Польские феодалы видели в силах воинствующего католицизма надежных союзников в своей агрессии против украинского, белорусского и русского народов.

Контрреформация в Польше была связана с общим наступлением католической реакции в ряде стран Западной и Центральной Европы.

В своей борьбе с реформационным движением польское католическое духовенство пользовалось поддержкой королей Стефана Батория и Сигизмунда III. Первые значительные успехи контрреформация одержала на Петровском синоде 1577 г. На нем были приняты постановления Тридентского собора, направленные против распространения реформационных учений, и был осужден акт Варшавской конфедерации 1573 г., предоставивший шляхте свободу вероисповедания. Благодаря щедрой материальной помощи короля иезуиты смогли приступить к воспитанию польской шляхетской молодежи в фанатическом католическом духе. Важнейшим рассадником контрреформации стала иезуитская академия в Вильнюсе.

6

НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ 1569 г.

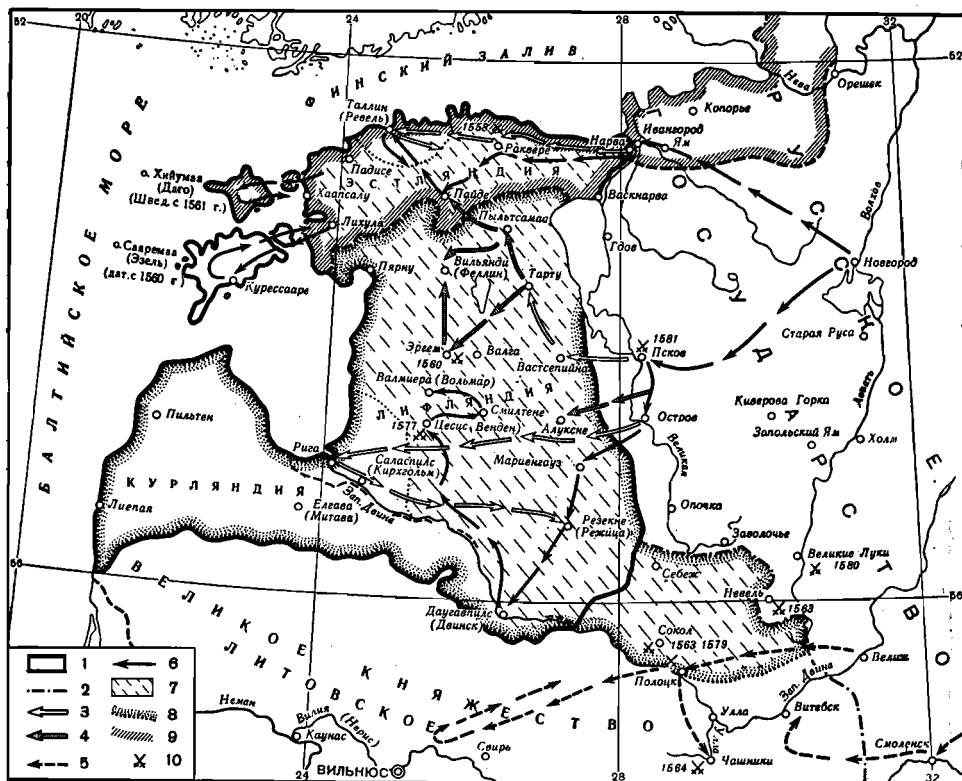
Середина XVI в. была временем укрепления Русского централизованного многонационального государства, во главе которого стоял талантливый государственный деятель, дальновидный политик и искусный дипломат царь Иван IV, прозванный Грозным. После присоединения Казани (1552) и Астрахани (1556) главным вопросом русской внешней политики стал вопрос о Прибалтике. Широкий выход к Балтийскому морю был необходим для нормального экономического развития Русского государства. Этот выход закрывал Ливонский орден.

В Москве внимательно следили за положением в Ливонии и стремились предотвратить всякую возможность сближения между Литвой и Ливонским орденом. По миру 1554 г., заключенному между Русским государством и Орденом на 20 лет, Орден обязался не вступать ни в какие политические союзы с Литвой или Польшей. В Польше и Литве прекрасно понимали значение для Русского государства ливонского вопроса. Ни польские, ни литовские феодалы не хотели допустить усиления Русского государства. Его попытка стать твердой ногой на Балтийском побережье встречала решительное сопротивление феодалов Литвы и Польши.

В ливонском вопросе были заинтересованы не только Русское государство, Литва и Польша, но также Швеция и Дания. Проекты присоединить Орден вынашивало и Прусское княжество.

Стремясь опередить Россию, Сигизмунд II Август сосредоточил в 1557 г. на границе Ордена стотысячную польско-литовскую армию. Под таким давлением великий магистр Фюрстенберг нарушил обязательства, взятые перед Русским государством, и заключил с Литвой и Польшей направленный против России оборонительно-наступательный союз.

Подчинение Ливонского ордена польскому королю резко изменило положение в Прибалтике. Русское государство не могло примириться с утверждением в Ливонии Литвы и Польши и вынуждено было начать тяжелую Ливонскую войну.

Ливонская война

1 — территория Ливонского ордена накануне войны; 2 — прочие государственные границы около середины XVI в. Походы русских войск: 3 — в 1558 и 1559 гг.; 4 — в 1560 г.; 5 — в 1563 и 1564 гг.; 6 — в 1572 и 1577 гг.; 7 — территории, занятые русскими войсками к зиме 1577 г.; 8 — граница территории, захваченной Речью Посполитой в результате Ливонской войны; 9 — границы эстонских и русских земель, захваченных Швецией; 10 — важнейшие сражения

Военные действия, начавшиеся в 1558 г., первоначально развивались весьма успешно для русской стороны. Русским удалось овладеть Дерптом (Тарту) и Нарвой — важным портом на Балтийском море. Попытка Ордена найти поддержку в империи не дала результатов. Швеция и Дания также не выступили на стороне Ордена. При таких условиях верх взяла та партия рыцарства, которая в борьбе с Русским государством стремилась опереться на союз с Литвой и Польшей. Противник литовской ориентации Фюрстенберг вынужден был отказаться от титула великого магистра. Великим магистром стал Готард Кеттлер, рассчитывавший на польско-литовскую помощь. В результате переговоров, закончившихся 31 августа 1559 г. подписанием договора, польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август взял под свою «клиентелу и протекцию» Орден и рижского архиепископа, обещая защищать их от наступления русских. Взамен Кеттлер соглашался отдать «в залог» Литве северо-восточную часть Ливонии.

Однако военные действия 1560 г. привели к фактическому распаду Ливонского ордена. Русские нанесли рыцарям страшное поражение под Эрмесом и заняли самую мощную крепость Ордена — Феллин (Вильянди). С претензиями на территорию Ордена выступили и Швеция и Дания.

Вскоре после договора Кеттлера с Сигизмундом II Августом озилийско-куронский епископ продал свои владения (часть Куронии с островом Эзелем) датскому королевичу Магнусу. В 1561 г. шведский король Эрик XIV занял Эстляндию.

При таких условиях договор 1559 г. терял всякое значение. Было очевидно, что если Литва действительно намеревается овладеть Ливонией, ей придется принять более энергичное участие в событиях. При этом литовские феодалы стремились обойтись без помощи Польши, полагая, что новая добыча должна достаться только им. Эта позиция не встречала сколько-нибудь серьезных возражений со стороны польских магнатов и шляхты. Последние не торопились с вмешательством в ливонские события, рассчитывая на то, что война истощит Литву и заставит литовских магнатов быть более уступчивыми в главном вопросе польско-литовских отношений — в вопросе об унии.

Переговоры с Кеттлером, рижским архиепископом и г. Ригой закончились подписанием в Вильнюсе 28 ноября 1561 г. нового договора. Согласно его условиям, Ливонский орден секуляризировался. Кеттлер становился светским князем в Курляндии. Остальная часть территории Ордена была подчинена ему только как губернатору и являлась провинцией, принадлежавшей совместно Литве и Польше (план подчинения ее только одной Литве не устраивал ливонскую сторону). Как курляндский герцог, Кеттлер являлся вассалом польского короля и великого князя литовского.

Фактический раздел владений Ливонского ордена до крайности обострил отношения между борющимися в Ливонии государствами. Главными соперниками в разыгравшейся велед за тем войне явились Русское государство и Литва.

Расчеты Сигизмунда II Августа на союз с Швецией не оправдались. Эрик XIV пошел на сближение с Русским государством. В ответ на это последовало соглашение между Литвой и Данией. Положение изменилось только в 1568 г., когда Эрик XIV был свергнут с престола, а его место занял Иоанн III, женатый на Екатерине Ягеллонке. В борьбе с Русским государством король Сигизмунд II Август рассчитывал также и на помощь князей империи. Однако, несмотря на нескрываемую вражду германских феодалов к Русскому государству, он не получил с их стороны фактически никакой материальной помощи.

Ливонская война самым катастрофическим образом отразилась на польских позициях на западе. Встревоженный военными неудачами литовцев, Сигизмунд II Август в 1563 г. согласился признать за бранденбургским курфюрстом наследственные права на Прусское княжество в случае прекращения линии князя Альбрехта. Таким образом, создавались предпосылки для усиления в тылу Польши хищного Бранденбурга, выросшего на покоренных славянских землях.

Польские феодалы, напряженно следившие за ходом Ливонской войны, стремились использовать тяжелое военное положение литовцев для осуществления плана инкорпорации Великого княжества. Когда русские войска взяли Полоцк (1563), а шведам удалось овладеть Перновом (Пярну) и положение Литвы стало отчаянным, король созвал сейм в Варшаве для обсуждения условий польско-литовской унии.

В существовании польско-литовской унии были заинтересованы все слои литовских феодалов. Без активной вооруженной помощи со стороны Польши они не могли рассчитывать на успех своей агрессивной политики против русских, белорусских и украинских земель. Однако условия унии отдельные слои господствующего класса Великого княжества Литовского

рассматривали по-разному. Во внутриполитическом развитии Великого княжества намечались процессы, аналогичные процессам, происходившим в соседней Польше. Решающее влияние магнатов на внутреннее управление и внешнюю политику тяготило литовскую шляхту. Она стремилась занять столь же высокое положение, как польские шляхтичи. Отсюда следовали две программы в вопросе о польско-литовской унии. Магнатство считало невыгодным для себя превращение польско-литовской династической или личной унии в унию реальную, предполагающую превращение Литвы и Польши в союзное государство. Оно опасалось, что реальная уния, усилив позиции литовской шляхты, лишит магнатов возможности бесконтрольно распоряжаться государственным аппаратом. Вместе с тем литовское магнатство боялось, что реальная уния откроет двери для проникновения польских феодалов на украинские и белорусские земли, находившиеся под властью Великого княжества Литовского. Борьба за феодальную ренту с украинских и белорусских земель являлась, таким образом, существенным пунктом расхождения между литовскими магнатами и польскими феодалами.

Иные позиции занимала литовская шляхта. Она рассчитывала на то, что тесное соединение Литвы и Польши усилит ее позиции в борьбе с магнатством. Поэтому идея реальной унии с Польшей находила себе приверженцев именно в лагере литовской шляхты.

Что касается польских феодалов, то картина здесь была значительно менее сложной. Польские магнаты были упорными сторонниками полного поглощения Литвы — инкорпорации ее в состав Польши. Они готовы были оказать военную помощь литовским феодалам только при том условии, если новая польско-литовская уния обеспечит им право на широкую феодальную эксплуатацию украинских и белорусских земель. Программу польских магнатов разделяла и польская шляхта.

На Варшавском сейме 1563—1564 гг. с полной очевидностью вскрылись острые противоречия между польской и литовской программы унии. Литовские магнаты, руководившие деятельностью литовского посольства, соглашались только на личную унию. Польский сейм требовал инкорпорации Литвы в состав Польши. Известия о победе литовских войск на реке Улле укрепили позицию литовского посольства. Новый договор об унии не был заключен.

Однако переговоры продолжались. В 1566 г. проектировалось соединение польского сейма, заседавшего в Люблине, и литовского, заседавшего в Бресте, для обсуждения условий унии. И на этот раз дело ограничилось только обменом посольствами.

В 1569 г. в Люблине действительно начались переговоры между польским и прибывшим в Люблин литовским сеймом. Но и теперь литовским магнатам, которых возглавлял Николай Радзивилл Рыжий, удалось фактически руководить деятельностью литовского сейма. Когда в ходе совещаний выяснилось, что прежние расхождения по вопросу о характере унии остаются в силе, литовские послы и паны-рада покинули Люблин.

Несмотря на отсутствие литовских представителей, польский сейм самолично провозгласил новый акт польско-литовской унии. Одновременно была произведена инкорпорация в состав Польши Подляшья, Волыни, Брацлавщины и Киевщины. ■■

Захват Польшей Подляшья и украинских земель принудил литовских феодалов пойти на уступки. Литовские представители вернулись на сейм и возобновили переговоры, которые закончились принятием 1 июля 1569 г. нового акта польско-литовской унии. Согласно его условиям, Литва и

Польша сливались в одно государство — Речь Посполитую¹. Король должен был избираться сообща польскими и литовскими феодалами. Общим был и высший орган законодательной власти — сейм. Однако заключенная в Люблине польско-литовская реальная уния не ликвидировала полностью государственной обособленности Великого княжества Литва сохранила самостоятельные органы управления, войско и финансы. Судопроизводство должно было вестись на основе Литовского статута. Официальным языком управления и администрации оставался русский (белорусский) язык. На Литву не были распространены законы, касавшиеся «экзекуции прав». Ливония была объявлена общим владением Литвы и Польши.

Одновременно Люблинский сейм завершил дело инкорпорации в состав Польши Королевской Пруссии (Восточного Поморья). Прусские сенаторы и послы должны были занять свои места в сейме. Прусский сейм превратился в провинциальный сеймик. Люблинская уния, завершившая процесс образования Польско-Литовского государства, была заключена в ходе и под влиянием Ливонской войны. В глазах господствующих классов Литвы и Польши она являлась гарантией успешного продолжения борьбы с Русским государством. Эта уния была орудием польско-литовской феодальной агрессии, социального и национального угнетения украинского и белорусского народов. Оформившееся в конце 60-х годов XVI в. многонациональное Польско-Литовское государство — шляхетская Речь Посполитая — было агрессивным, захватническим государством.

В тесной связи с планами восточной экспансии развивались в это время и отношения Польши и Литвы с Крымом и Турцией. Подобно Сигизмунду I Старому, король Сигизмунд II Август стремился избегать столкновений с Крымом и стоявшей за ним Турцией. В планы короля входил союз Польши и Литовского государства с Крымом против Русского государства. Но полное истощение Литвы в результате Ливонской войны побудило короля воздержаться от участия в турецких походах против Русского государства в 1569 г. По тем же причинам спустя два года он не поддержал крымского хана во время его набега на Москву. В 1570 г. между Речью Посполитой и русским государством было заключено перемирие.

При Сигизмунде I и особенно при Сигизмунде II Августе были предприняты попытки образовать из украинского казачества нечто вроде пограничной стражи, послушной воле правительства, и для этой цели составить реестр (переписать) казаков. Стремление подчинить казачество соответствовало общему курсу на соглашение с Крымом и Портой. Оно диктовалось, с другой стороны, классовыми интересами польских и литовских феодалов, которые видели в вольном казачестве опасный социальный элемент, способный поднять на вооруженную борьбу с феодальным игом украинское и белорусское крепостное крестьянство. Однако казаки не намеревались подчиняться власти пограничных старост и бежали за днепровские пороги. К описываемому времени относятся первые упоминания о казацкой крепости — Сечи — на острове Хортица на Днестре. Ее выстроил казацкий предводитель князь Дмитрий Вишневецкий. Попытки Крыма овладеть ею в 1556 г. окончились полной неудачей. Вишневецкий был горячим сторонником польско-литовско-русского союза против Крыма и Турции. Когда выяснилось, что король не разделяет его планов и настроен против борьбы с Крымом, Вишневецкий перешел на службу к царю Ивану Грозному. Позднее он вернулся в Сечь и вскоре погиб в борьбе с татарами.

¹ Rzeczpospolita (Жечпосполита) — буквальный перевод на польский язык латинского слова «respublica» (республика). Мы употребляем этот термин в привычной, закрепленной в русском языке еще с XVI в. форме — Речь Посполитая.

Речь Посполитая во второй половине XVI в.

1 — границы Речи Посполитой и зависимых от нее земель; 2 — граница между Польшей и Великим княжеством Литовским до Люблинской унии 1569 г.; 3 — граница между Польшей и Великим княжеством Литовским после Люблинской унии 1569 г.; 4 — граница западных польских земель, отторгнутых от Польши в ходе немецкой феодальной агрессии XII—XIV вв.; 5 — восточная граница собственно польских земель в составе Речи Посполитой; 6 — территории вассалов Польши; 7 — ливонские и эстонские земли, захваченные Польшей и Литвой в результате Ливонской войны; 8 — белорусские земли, вновь захваченные Польшей и Литвой в ходе Ливонской войны; 9 — Спизская область (принадлежала Польше с 1412 по 1770 г.)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Польско-литовская Речь Посполитая была феодально-крепостническим государством. Высший слой господствующего класса — крупные магнаты-землевладельцы составляли сенаторское сословие. В состав сенаторского сословия входили высшие духовные и светские сановники: архиепископы и епископы, воеводы, каштеляны. Они заседали в сенате. Из их числа сейм назначал на каждые два года 16 сенаторов-резидентов, с которыми должен был согласовывать свои действия король.

Рыцарское сословие включало в себя среднепоместную и мелкопоместную шляхту. Шляхетство было наследственным. С половины XVI в. только сейм имел право даровать шляхетство. Потеря шляхетства была сопряжена с наказанием *инфамией* — лишением чести. Переселение в город и занятие ремеслом и торговлей тоже влекло за собой потерю шляхетства.

Формально все шляхтичи — как магнаты, так и рыцари — были равны между собой. Чтобы подчеркнуть это, в XVII в. были запрещены княжеские, графские и иные титулы; княжеские титулы сохранили только те, кто пользовался ими к моменту заключения Люблинской унии. Однако равенство между крупными, средними и мелкими феодалами было, разумеется, лишь юридической фикцией. Магнатство являлось решающей политической силой в государстве. Все нити управления государством попрежнему оставались в руках магнатства. Оно широко пользовалось этим для укрепления своих позиций в стране, в частности для укрепления своего экономического положения. Для этого использовался государственный земельный фонд — королевские земли, староства, находившиеся обычно в руках крупных сановников.

Магнатство и шляхта были господствующим сословием. Только они обладали правом владеть земельной собственностью. Шляхетское имущество не могло быть конфисковано без решения суда, сам шляхтич не мог быть арестован без предварительного решения суда, исключая случаи уголовных преступлений. Только лица шляхетского происхождения могли занимать высшие светские и духовные должности, получать в пожизненное владение земли из государственного фонда — королевщины. Шляхта была свободна от податей. Единственной повинностью ее была обязанность отбывать рыцарскую службу. Лица шляхетского происхождения были подсудны только шляхетскому суду.

В состав господствующего класса феодалов входило и духовенство. Как белое, так и черное духовенство обладало огромными земельными владениями. При этом духовенство не было обязано нести никаких повинностей. Только в исключительных случаях духовные сенаторы соглашались на единовременный налог в пользу государства, носивший название «добротное давание» (*subsidium charitativum*). Вместе с тем духовенство взимало десятину с королевских и шляхетских имений. В целях прекращения дальнейшего роста духовного землевладения сейм 1635 г. под давлением шляхты запретил переход в руки духовных организаций шляхетских имений. По его же решению споры из-за десятины должны были решаться шляхетскими судами.

Представители высшего клира входили в состав сенаторского сословия. Но в шляхетских сеймиках и в заседаниях посольской избы духовенство обычно не принимало участия. Епископы и каноники назначались королем.

Ими могли быть только лица шляхетского происхождения. Из них же назначались королем аббаты и пробсты монастырей.

Все остальные сословия Речи Посполитой были отстранены от политической жизни. Они не принимали участия в органах центрального или провинциального управления. Известное исключение представляли только столичные города — Краков и Вильнюс, за которыми было признано право посылать своих послов на сеймы и сеймики. Краков и прусские города имели право приобретать земли и владеть ими и, следовательно, выступать в роли феодалов. Таким путем шляхта стремилась предотвратить организацию общегородского фронта борьбы с шляхетскими привилегиями. Но и Краков и Вильнюс, начиная с конца XVI в., перестали участвовать в заседаниях сеймов и сеймиков. Несколько отличалось положение Гданьска, имевшего право сношений с иностранными государствами, содержавшего на Балтийском море собственный флот и взимавшего портовую пошлину (половина пошлины шла королю).

Политическое подавление города сопровождалось его экономическим подавлением. На это было направлено шляхетское законодательство. Города делились на королевские и частновладельческие, находившиеся на землях духовных и светских феодалов. Королевские города пользовались самоуправлением на основе магдебургского права (в Мазовии и Пруссии действовало хелминское право). Однако из-под действия городского права изымались «юрисдики», т. е. части городской территории, которые принадлежали духовным или светским феодалам или феодальным корпорациям. Магдебургским правом пользовалась и значительная часть частновладельческих городов. В тех случаях, когда они не пользовались им, жители их сохраняли личную свободу, но подчинялись полностью власти феодала и не имели самоуправления.

Особое положение в жизни польских городов занимали евреи. Им было запрещено проживать в городах, принадлежавших духовенству, а также в некоторых королевских городах. В остальных городах они могли заниматься только некоторыми видами ремесла и торговли, что специально оговаривалось в договорах с ними. Основным видом государственных податей с еврейского населения была поголовная подать. Еврейское население не участвовало в городском самоуправлении. В городах оно образовывало отдельные общины, избиравшие собрание еврейских старейшин — кагал. Кагал раскладывал налоги между членами общины, разбирал споры между ними, улаживал конфликты (вне его компетенции находились только уголовные дела и тяжбы евреев с христианским населением). Обычно в кагал входили представители богатых слоев еврейского населения. Кагальная организация являлась орудием классового угнетения еврейской бедноты богатой верхушкой, занимавшейся крупной торговлей и ростовщичеством.

Полностью было лишено всех политических прав в Речи Посполитой крестьянство. Шляхетское законодательство Речи Посполитой завершило процесс оформления крепостного права. Помещик имел право не только разыскивать беглого крестьянина, но и продать, заложить, подарить крестьянина без земли, отрывая от семьи. Самоуправление, которым пользовались прежде крестьяне, к этому времени потеряло всякое значение. Ликвидация солтыств в XVI в. нанесла ему окончательный удар. Крепостное крестьянство подлежало патримониальной юрисдикции своих помещиков. Фактически помещичий суд был для крестьян судом высшей инстанции. Помещик имел право подвергать крестьянина телесным наказаниям, связанным с членовредительством, и даже приговаривать к смертной казни.

Крестьяне в королевщинах тоже были крепостными, но размеры их повинностей нормировались специальными инвентарями. Королевские крестьяне обязаны были, помимо того, давать постой солдатам. Королевщины были двух видов: староства, т. е. имения, отданные в пожизненное владение тому или иному феодалу, называвшемуся старостой, и так называемые столовые имения. В первом случае крестьяне несли повинности в пользу старосты. Доходы со столовых (дворцовых) имений шли в пользу короля, который управлял ими через своих администраторов. Королевские крестьяне были подсудны старостам или администраторам. Они имели право жаловаться на злоупотребления старост в референдарский королевский суд. Право это, однако, немногим улучшало положение крестьянина. Референдарский суд всегда стоял на страже классовых интересов феодала.

Государственный аппарат Речи Посполитой был орудием классового угнетения крепостного крестьянства и горожан со стороны феодалов. Высший законодательный орган—вальный сейм—находился в руках феодалов. В его работах могли участвовать только лица, принадлежавшие к шляхетскому сословию.

Государственный строй Речи Посполитой оформился в основном в первые же годы ее существования. Очень большое значение в этом процессе имели так называемые «Генриковы артикулы», принятые в связи с избранием королем французского принца Генрика Валуа (1573—1574).

Согласно «Генриковым артикулам», польско-литовская Речь Посполитая являлась дворянской республикой с избираемым королем во главе. Король был обязан созывать сеймы каждые два года. Законодательная власть принадлежала только сейму. Король не мог противопоставлять свое мнение решению сейма. Право объявлять войну и заключать мир принадлежало королю совместно с сенатом. Для созыва посполитого рушения требовалось согласие сейма. Король был обязан сохранять территориальную целостность Речи Посполитой и добиваться возвращения утраченных им и его предшественниками провинций. В перерывах между сеймами король должен был действовать в согласии с избранной последним сеймом радой сенаторов-резидентов. Отказ короля от выполнения шляхетских прав и привилегий влек за собой право шляхты отказаться от повиновения королю. Магнаты и шляхта получали, таким образом, право на легальное восстание.

Но и такое ограничение королевской власти все еще казалось недостаточным шляхте. При короле Стефане Баторий (1576—1586) она постаралась освободиться от королевской юрисдикции. Вместо королевского суда сейм 1578 г. установил в качестве высшей судебной инстанции для шляхты шляхетские трибуналы. Они составлялись из избранных шляхтой депутатов.

Сейм состоял из трех «станов»: короля, сената и посольской избы. Последняя была решающей частью сейма. С 1673 г. два сейма подряд обычно созывались в Варшаве, третий — в Гродно. В период бескорольевья созывались, помимо того, конвокационный сейм, на котором принимались все необходимые решения для выборов нового короля, элекционный (избираемый) и коронационный сеймы. О составе сената говорилось выше. В состав посольской избы входили депутаты от шляхетских сеймиков. Последние собирались королевскими универсалами обычно за несколько недель до созыва сейма. В универсалах излагались вопросы, подлежащие рассмотрению сеймиков и сейма. На сеймиках происходили выборы делегатов (послов) на сейм и составление для них письменных инструкций, определявших требования шляхты и ограничивавших полномочия депутатов.

Послы, таким образом, являлись уполномоченными шляхты определенного воеводства, земли, интересы которой они обязаны были отстаивать в соответствии с инструкцией. По окончании сейма послы отчитывались на так называемых реляционных сеймиках. Сеймики созывались не только в связи с сеймами, но и для обсуждения местных вопросов.

Перед сеймом устраивались и генеральные сеймики (для Великой Польши — в Коле, для Мазовии — в Варшаве, для Малой Польши — в Корчине, для Литвы — в Волковыске, затем в Слониме, для Пруссии — в Мальборке или Грудзёндзе). На них съезжались послы и сенаторы, чтобы заранее подготовить решения сейма. В XVII в. генеральные сеймики пришли в упадок.

При таком положении Речь Посполитая оказывалась федерацией отдельных воеводств, а единогласие стало неперемennым условием успеха работы сейма. Группа депутатов или даже один депутат, возражавший против принятия того или иного решения, противоречащего его инструкции, мог на законном основании сорвать заседание сейма. Это право, которое начали рассматривать как одну из важнейших «золотых шляхетских вольностей», называлось *liberum veto* — «свободное вето».

Кроме обычных сеймов с их *liberum veto*, в Речи Посполитой собирались съезды, на которых принцип единогласия не применялся. Это были так называемые конфедерации — союзы вооруженной шляхты, которые собирались для проведения определенных реформ или принятия некоторых законов. Конфедерации составлялись сначала по воеводствам, а затем объединялись в генеральные конфедерации Великого княжества (т. е. Литвы) и Короны (т. е. Польши). После объединения последних образовывалась «генеральная конфедерация обоих народов». Сейм, созываемый при наличии генеральной конфедерации, назывался конфедерационным. Решения принимались на нем большинством голосов.

Liberum veto и конфедерации являлись орудием борьбы различных группировок господствующего класса, легальной формой феодальной анархии. В тех случаях, когда конфедераций приобретали характер прямого восстания против короля, они назывались рокошами.

Как было упомянуто выше, власть короля была сильно ограничена. В момент заседаний сеймов король был только председателем сената. В промежутки между сеймами он являлся главой исполнительной власти, но был обязан во всех своих решениях соотносываться с мнением сенатской рады. Король осуществлял сношения с иностранными державами, однако должен был сообщать о них сейму. Помимо того, король раздавал королевщины и во время войны был начальником вооруженных сил страны. Доходы короля определялись размером феодальной ренты, взимаемой с крестьян так называемых столовых имений. Он получал также некоторые суммы из таможенных сборов, с монетного двора и соляных копей. Без разрешения сейма король не мог покидать пределы Речи Посполитой.

Центральное управление страной осуществлялось королем, министрами и высшими сановниками, причем Литва и Польша (Княжество и Корона) имели раздельных министров. Королевским двором ведал великий маршалок, его заместителем был надворный маршалок. Канцлер и подканцлер ведали делами королевской канцелярии. Канцлеры попеременно назначались из числа светских и духовных феодалов. Во главе коронного войска стоял великий коронный гетман, во главе литовского — великий литовский гетман. Польские гетманы командовали пограничными войсками и являлись заместителями великих гетманов. Коронный подскарбий заведовал казной Короны, литовский подскарбий — казной Княжества.

Местное управление находилось в руках воевод, во время войны возглавлявших воеводское посполитое рушение, каштелянов и других гродских и земских чиновников (гродский староста ведал судом над шляхтой по уголовным делам, земский подкоморий разрешал межевые тяжбы, судья, подсудок и земский писарь составляли земский суд, земский маршалок председательствовал на сеймике и т. д.).

В административном отношении Речь Посполитая делилась на три провинции: Великую Польшу (вместе с Мазовией и Королевской Пруссией), Малую Польшу (в ее состав входили и захваченные польскими феодалами украинские земли) и Литву. Провинции делились на воеводства и поветы. В Великой и Малой Польше в некоторых воеводствах наряду с поветами сохранялись старые территориальные единицы — земли. Свои сеймики имели только воеводства и земли в Короне и поветы в Литве.

Судоустройство находилось в прямом соответствии с классовым и сословным строем общества. Органами шляхетского суда были земские суды в каждом воеводстве, земле и повете (состав суда избирался на сеймиках), подкоморские суды, гродские (старостинские) суды. Высшей судебной инстанцией являлись коронный и литовский трибуналы. В отдельных случаях можно было апеллировать к сеймовому суду.

Органами духовного суда были епископский суд, суд примаса и пунциатура, являвшаяся высшей инстанцией. Города на немецком праве имели свое отдельное судопроизводство: суд рады и суд войта. Апелляция от городских судов направлялась в надворный ассессорский суд, председателем которого был канцлер. При более сложных делах, когда мещане возбуждали тяжбу против магистрата или старост, дело разбиралось в надворном реляционном суде, в котором участвовали король, министры и сенаторы.

Главной вооруженной силой страны являлось посполитое рушение шляхты. Кроме того, имелось небольшое наемное войско, в основном конница. Войско это называлось кварцяным, оно содержалось за счет «кварти» — четверти (практически пятой части) доходов с королевских (государственных и столовых) имений. Располагалось оно обычно на границах. При короле Стефане Батории появилась так называемая «выбранецкая» пехота. В нее набирали королевских крестьян, по одному рекруту от 20 ланов. Рекруты («выбранцы») были освобождены от всех повинностей и регулярно являлись на учения. Свои особые войска имели крупные магнаты. Часто их военные силы были весьма значительны.

Крайне печальную картину являли собой государственные финансы. После отделения королевского скарба от государственного доходы последнего состояли из утверждаемых сеймом податей и некоторых чрезвычайных налогов. Размер их утверждался каждый раз сеймом. С крестьянских земель собирался лановый «побор», с горожан — городской побор (пос), собирался налог с городских строений, постоянные доходы шли от питейного сбора и еврейской поголовной подати. Чрезвычайным налогом с духовенства, а в XVIII в. и с шляхты являлось *subsidium charitativum*. Обычно поступления в казну были очень незначительны. В основном они шли на содержание вооруженных сил.

Вальный сейм, как центральный орган законодательной власти, был вершиной относительной централизации страны, на которую были согласны пойти польско-литовские феодалы. Больше централизации страны и усиления королевской власти они не хотели допустить. Поэтому Речь Посполитая осталась дворянской республикой, федерацией отдельных воеводств, земель и поветов, возглавляемых своими сеймиками, разделявшими законодательную власть с вальным сеймом. Она являлась

по существу федерацией мелких республик, пользовавшихся большими автономными правами. Такой государственный строй вполне устраивал польскую и литовскую шляхту, он являлся достаточной гарантией ее классовых интересов. С помощью его шляхта смогла экономически и политически подавить польские города и предотвратить возникновение в собственно польских и литовских землях крестьянских войн. Мощная сословная организация господствующего класса была основной причиной того, что крестьянские выступления на собственно польских и собственно литовских землях, как правило, не перерастали в широкие восстания. Они подавлялись в зародыше.

Справляясь с основной функцией феодального государства — подавлением эксплуатируемого большинства населения, Речь Посполитая в ходе дальнейшего развития становилась все более неспособной к какому бы то ни было общенациональному действию. Иными и не могли быть перспективы развития дворянской республики с выборным королем во главе, без сильного войска и правильных финансов.

Дворянская демократия неминуемо должна была вылиться в феодальную анархию, которая в свою очередь влекла страну к упадку. Предпосылки грядущего падения Польши в конце XVIII в. создавались еще в XV—XVI вв., в период быстрого политического подъема шляхты и политического упадка городов.

Своеобразный польский вариант сословной монархии в форме «дворянской демократии с монархом во главе»¹ не являлся прогрессивной формой государственного строя феодальной эпохи. Ее мнимый парламентаризм был лишь формой сохранения пережитков феодальной раздробленности. «Покояющаяся на крепостничестве дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше..., является одной из самых грубых общественных форм...»²

Такой характер феодальной надстройки в Речи Посполитой явился результатом уродливого развития базиса польского феодального общества с его грубейшей формой барщинно-крепостнической эксплуатации крестьянства и подавлением городов. В свою очередь эта форма феодальной надстройки, сложившаяся в XVI в., не только охраняла и утверждала существующий базис общества, но и способствовала усилению и развитию в нем присущих ему наиболее реакционных, уродливых явлений.

8

КУЛЬТУРА В КОНЦЕ XV И В XVI в.

Существенные изменения произошли в конце XV — XVI в. и в развитии польской феодальной культуры.

Кризис феодально-теократического мировоззрения, одним из первых показателей которого в Польше явилась популярность учения Яна Гуса среди некоторой части городской шляхетской интеллигенции, был обусловлен ростом и обострением всех основных противоречий польского феодального общества. Он сказывался и в произведениях польских публицистов XV в., далеких от гусизма. Наиболее талантливым его выразителем был выдающийся публицист этого времени — познанский каштелян Ян Остророг (около 1436—1501 гг.), первый в Польше светский доктор прав. Его перу

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 67.

² Там же.

Ojcze nasz gemz gi nanzebtsach ohrypē
 ce gmye tve budziva muola . pako na
 nebi tako nazemy . Chleb nasz rŕsedny
 day nam dilla od pultz nā nasse wpymp
 pako my odpustime nassim wytwac
 zom . Ce netrōdyz nas narokulshenya a
 le zbat nas od zleho Amen .

Szdratwa Maria milostczy pyna Bog Œ
 abu bogu slawenias timpezi nempeticz
 ami bgi slawe py owocz plod brzuchac tu
 ego swnitego ihuz cristus Amen .

Древнейший польский печатный текст (1475 г.)

(«Отче наш» и «Богородица, дева, радуйся»)

принадлежит «Мемориал об устройстве Речи Посполитой», написанный в 1474—1477 гг. Автор его — сторонник сильной королевской власти. Он выступает против привилегий церкви, отстаивает мнение о независимости власти короля от папы. Эти новые идеи, нашедшие выражение в политике короля Казимира Ягеллончика, распространялись в передовых слоях польского феодального общества середины и второй половины XV в.

Со второй половины XV в. в Польше, как и по всей Европе, начинает распространяться новое идейное течение — гуманизм, также свидетельствующее, что нераздельное господство феодально-католической идеологии приходило в упадок. Первыми гуманистами и пропагандистами гуманизма в Польше были выдающийся политик и дипломат Миколай Лясоцкий, упоминавшийся выше Ян Остророг, архиепископ львовский Гжегож из Санока и епископ перемышльский Петр из Бнина. Они были связаны с итальянскими гуманистами, были поклонниками науки и литературы, владели в совершенстве классической латынью, некоторые из них, как Гжегож из Санока, пробовали свои силы и в поэзии. В дальнейшем большую роль в развитии гуманизма сыграл политический эмигрант итальянец Филипп Кааллимах. В последние десятилетия XV в. гуманизм прививается и в Краковском университете, находя себе приверженцев и пропагандистов среди части преподавателей.

Политическая и социальная программа немногочисленных идеологов блока среднепоместной шляхты и торгового бюргерства в первой половине XVI в. была компромиссной. Даже наиболее видные его представители не порывали с феодальным мирозерцанием. Использование шляхтой идей гуманизма и реформации в своих, шляхетских интересах определило своеобразие и противоречивость культуры польского Возрождения. Однако значительные достижения польской культуры этой эпохи, связанные со славными именами Остророга и Ствоша, Рея и Кохановского, Моджевского и Коперника, с деятельностью целой плеяды выдающихся польских гуманистов, выходят по своему содержанию за пределы

Миколай Рей
Гравюра XVI в.

ограниченной политической идеологии сторонников шляхетско-бюргерского блока. Лучшие достижения культуры польского Возрождения уходят своими корнями в народ и его культуру. Движение народных низов в городах, левое крестьянское течение в арианстве формировали ту социально-политическую обстановку, которая обусловила появление наиболее прогрессивных идей в произведениях польских гуманистов.

В период конца XV и в XVI в. антинациональный католический клир перестал быть монополистом в области культуры. Этому много способствовало развитие в Польше книгопечатания, сделавшего доступными достижения передовой польской научной и общественно-политической мысли значительно более широким, чем прежде, слоям польского общества. Развитие книгопечатания способствовало оживлению политической борьбы в стране, распространению в польском обществе гуманистических и ре-

формационных идей, направленных на подрыв идеологии католической церкви. Оно стало мощным фактором в распространении грамотности, бывшей до того в основном привилегией духовенства, при этом грамотности на родном польском языке. В польской литературе и искусстве выступили многочисленные представители усилившейся политической шляхты и отдельные выходцы из мещанского сословия. Они были ближе к истокам народной культуры. Творчество народных масс оказывало на них большое влияние. Серьезную роль в развитии польской литературы и искусства сыграло реформационное движение. Благодаря своей антикатолической направленности оно способствовало развитию литературы на польском языке и укреплению в искусстве светских мотивов.

Во втором и третьем десятилетиях XVI в. развернулась поэтическая деятельность Берната из Люблина. Выходец из мещанства, он был первым поэтом, широко пользовавшимся в своем творчестве родным польским языком. Развиваемая им радикальная общественно-политическая программа была прямой предшественницей идеологии революционно настроенного левого крыла польской реформации — ариан, выступавших против крепостного права и крепостнических порядков.

Одним из главных представителей польской литературы XVI в., связанной с лагерем протестантской шляхты, был Миколай Рей (1505—1569). Он был тонким и наблюдательным сатирическим писателем.

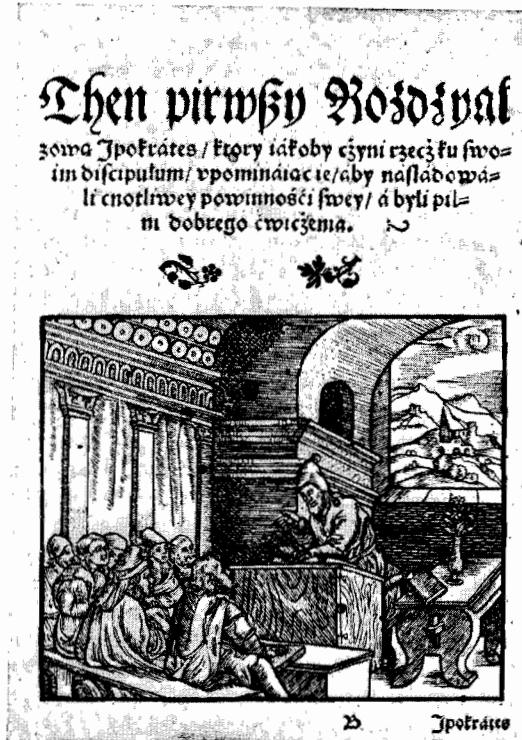
Будучи идеологом среднеломестной шляхты, Рей вместе с тем выступал горячим польским патриотом.

Рей протестовал против роскоши и излишеств жизни шляхты, показывал прощаль, лежавшую между нищим крестьянством и богатой, разнузданной и распутной шляхтой. «Господа паны помирятея, а крестьянину от этой ссоры всегда попадет, — говорил Рей. — Ибо ты, крестьянин, дай кур, дай овес, иди сторожить, утром беги за дровами, беги за пивом, молоти овес, а крестьянину все-таки скорей попадет, чем кому-либо другому...» Рей предостерегал польскую шляхту от грозящей катастрофы государства, призывал во имя спасения родины к внутреннему миру и согласию, видя в этом гарантию от всяких покушений на национальную независимость страны. В одном из лучших своих произведений, «Жизнь достойного человека», написанном в 1567—1568 годах, Рей создал идеальный образ шляхтича, сидящего на земле и занимающегося сельским хо-

зяйством, который импонировал широким массам средней шляхты, переходившим на фольварочную систему хозяйства. Рей отрицал схоластическую науку средних веков и подчеркивал пользу житейско-практической мудрости и знания природы и быта.

Римско-католическую церковь Рей уподоблял яду, который отравил страну, паутине, которая опутывала ее тончайшими сетями с тем, чтобы подчинить окончательно Польшу власти Рима. «Мы дрожим, — восклицает Рей, — перед этим злым римским соседом, хотя и до настоящего дня не понимаем, по какому праву он так глубоко проник к нам».

Рей писал исключительно на польском языке. Если он и вводил в свой текст какое-либо латинское выражение, то, как правило, тут же переводил его на польский язык. При этом в большинстве случаев Рей не переводил латинские цитаты дословно, а объяснял их своими словами, иногда в стиле польской народной поговорки. Иногда Рей употреблял для выражения определенной мысли сжатую формулу, моральную сентенцию в стиле басни. Часто он использовал прием игры слов. В языке Рея ощутимо влияние украинского языка. На раннее творчество Рея, несомненно, оказала воздействие украинская среда, в которой он воспитывался. Ему известны были украинские песни. Он знал былины о Чуриле Пленковиче и других старокиевских богатырях. Рей — первый подлинно национальный поэт и писатель Польши. Его творчество уходило корнями в культурную жизнь народа. Отсюда такое богатство языка, чисто народных выражений, бытовых картин, сравнений, образов из жизни средне-

Титульный лист первого раздела книги Рея
«Жизнь достойного человека»

поместной шляхты и крестьянства, здесь истоки сильных реалистических тенденций его творчества.

Крупнейшим поэтом второй половины XVI в. был Ян Кохановский. Он родился в 1530 г. Четырнадцатилетним мальчиком он был записан на отделение искусств Краковской академии (университета). В 1547 г. Кохановский отправился для дальнейшего обучения за границу и пробыл значительное время в Италии, потом во Франции. По возвращении на родину он примкнул к гуманистическому литературному направлению, ранними представителями которого были польские поэты, писавшие на латинском языке: Анджей Кшицкий (1482—1537), Ян Дантышек (1485—1548) и Клементс Яницкий (1516—1543). Из них особенно выделялся своим талантом Яницкий, крестьянин по происхождению, увенчанный лавровым венком в Риме как лучший латинский поэт. Известное влияние на творчество Кохановского оказала и реформация, хотя он и не примкнул к протестантам. Пребывание при дворе Сигизмунда II Августа, где Кохановский встречался с поэтами, художниками, учеными, имело известное воздействие на развитие его мировоззрения и на его поэтическое творчество. Умер Кохановский в Люблине в 1584 г.

Творчество Кохановского чрезвычайно многогранно. Он выступал как эпический поэт. В этом жанре им создано несколько поэм: «Знамя», «Музы», «Сатир», «Согласие», «Шахматы», «Сусанна», «Борода», «Макароническая песня» и ряд посланий и приветствий одического характера. Он блестяще проявил свои творческие силы и в лирике, создав четыре книги «Элегий», две книги «Песен», «Фрагменты», «Свентоянскую песнь о Собутке», три книги «Фрашек» (т. е. «безделушек», легких по характеру, стилю и содержанию стихов), 19 «Трэнов» (плачей), написанных по поводу смерти его маленькой дочери Уршулы. В области драматического творчества Кохановский явился создателем светской национальной драмы. Такой драмой, написанной в классическом стиле, был «Отказ греческим послан». Кроме того, им было написано несколько прозаических произведений: политический трактат «Предзнаменования», «Изложение добродетели», трактат «Польская орфография», посвященный польскому языку, и др. Большой интерес вызывает произведение Кохановского «Крестьянские прибаутки», где поэт описывает тяжелую долю крестьянина.

Из всего богатейшего наследия Кохановского в идейном и художественном отношении особенно выделяются его лирические произведения. Лирика «Фрашек» тесно связана с окружающей средой. Отсюда реалистичность «Фрашек», сила их жизненности и остроты. Глубоко реалистической, в несколько ином плане, была и лирика «Трэнов». Трэны — это элегии о реальных, земных страданиях человека.

Для лирики Кохановского характерно обращение к народной национальной тематике, отражение в ней сельских мотивов. Мотивы сельской жизни (правда, идеализированной) нашли отражение в «Свентоянской песне о Собутке». Народная поэзия оказала существенное влияние на создание этой первой польской идиллии. Древнее предание о священной горе Собутке, народные поверья и песни легли в ее основу. Именно эта основа и дала всему произведению творческое, одухотворяющее начало, глубокое по силе и эмоциональному выражению поэтическое чувство.

Многие произведения Кохановского, например элегии, написаны по-латыни. Но все лучшее, что создано им, написано на языке польском, и он доведен Кохановским до небывалой поэтической выразительности.

Тесная связь литературного творчества Кохановского с народом придавала реалистическую силу его поэзии. Отсюда и тот интерес, какой представляли широкие читательские массы, в особенности к лирическому творчеству Кохановского. Его «Фрашки» и «Песни» за короткое время выдержали девять изданий. Творчество Кохановского обогатило польскую литературу не только новым содержанием, но и новыми формами. Переживания и чувства поэта выражены в «Песнях» и особенно в «Транах» в высоко художественной реалистической форме. Эти произведения Кохановского и в наши дни любимы широчайшими кругами польского народа.

Поэзия Кохановского оказала огромное влияние не только на его младших современников (Клёнович, Шимонович и др.), но и на все последующие поколения поэтов вплоть до настоящего времени. Юльиш Словацкий, посетив Грецию, принес Парнасу привет «от благоуханной лиры классического Яна» («Путешествие на Восток»), а в «Беневском» восторженно писал о языке Кохановского. Простоту и вместе с тем высшую поэтичность «Транов» Кохановского отмечал Адам Мицкевич в своем «Курсе славянских литератур».

Выдающимся прозаическим произведением XVI в. явилась книга Лукаша Гурницкого (1527—1603) «Польский придворный». Она написана по образцу сочинения итальянца Кастилионе «Книга о придворном», но является самостоятельным произведением, имеющим отчетливый польский национальный облик. Гурницкий рисует идеал светского всесторонне образованного человека—шляхтича-гуманиста. В беседах, происходящих между героями книги, автор затрагивает ряд острых жизненных вопросов, в том числе вопрос о воспитании женщины и участии ее в общественной жизни. Речь собеседников пересытана блестками юмора, переплетена пословицами и поговорками. Особое место занимает в «Польском придворном» раздел о польском языке.

В XVI в. большое развитие получила польская публицистика. Среди публицистов особенно выделялся Анджей Фрыч Моджевский (1503—1572), сын войта в местечке Вольбож, недалеко от Петркова. Выступив как крупнейший идеолог гуманистического движения в Польше, он был одним из первых польских социологов.

Из многих его трактатов по политическим и церковным вопросам особенно интересна книга «Об исправлении Речи Посполитой». В этой работе Моджевский выдвигает ту идею, что польскую «нацию» должен составить весь народ, а не только шляхта. «Жители городов и сел составляют граждан общества, которое и называемы Речью Посполитой». Подвергая острой критике светских и духовных магнатов, Моджевский страстно выступал за укрепление суверенного польского государства. Тем самым он продолжал традицию Яна Остророга. Моджевский критикует концепцию «божественного происхождения» права и теократического государственного устройства, настаивает на ответственности правительства перед гражданами.

В своем главном произведении Моджевский ставил вопрос о равноправии сословий перед законом и подвергал критике существующие законы по уголовным делам. Он требовал отнятия у панов права суда над крепостными, установления законов и судов, одинаковых для всего населения, и учреждения трибунала, выбираемого всеми сословиями.

Ссылаясь на отсутствие феодальных отношений в прошлом, когда земля принадлежала «всем», Моджевский доказывал, что помещик не имеет права согнать крестьянина с земли и распоряжаться ею по произволу.

Надгробие Яна Кохановского

Моджевский различал войны достойные — в защиту родины и веры — и войны дурные, недостойные, когда дело касается захвата чужой территории. Исходя из этих положений, мыслитель приходит к выводу о справедливости борьбы за воссоединение с Польшей западных земель, отторгнутых ранее германскими феодалами. Он советовал обезопасить окраинные земли от нашествия турок путем организации военных (рыцарских) колоний, а в войсках поддерживать строгую дисциплину. Он считал необходимым упорядочить финансовый вопрос. Для этой цели Моджевский рекомендовал ввести временный налог и, кроме того, налог всеобщий (20 гривен со 100 дохода), предлагая освободить от него только крестьян. В одном из своих ранних произведений он

выступил и в защиту мещанства, у которого сеймы отбирали право на владение землей. Знаменательны принадлежащие Моджевскому суждения философского характера. Не раз он выступал против книжных церковных авторитетов и апеллировал к требованиям разума и природы. Закоснелой догматике он противопоставлял чувственную очевидность.

Отмеченные идеи Моджевского позволяют поставить его в ряд наиболее выдающихся мыслителей-гуманистов эпохи Возрождения.

Публицисты — сторонники реформации — страстно осуждали и разоблачали католическую церковь. Один из них, Марцин Кровицкий, например, писал: «Папа не имеет никакого права распоряжаться поляками, одно только имеет он право — злодейское, разбойничье и дьявольское, которым он обольстил королей и панов, обманул и заставил их поклониться этой римской мерзости... Он есть дикий вепрь, толстый бык, бесплодное дерево, волк, медведь и дракон, немой пес, злодей и хитрый разбойник, гроб повапленный, дьявольский сын, вероломный мужеубийца, фальшивый пророк, для которого богом является брюхо».

Подобная литература выходила на польском языке и имела широкое распространение в шляхетском обществе. Эта публицистическая литература выработала в Польше совершенно особый стиль ораторской речи, обогащенной языком мещанской литературы.

В рассматриваемое время получает значительное развитие народная литература, по преимуществу мещанская. Создаются развлекательные повести такого типа, как «Троянская история» (до 1522 г.) или «Беседы,

ANDREAE FRICII
Modreuj de Republica emen-
danda Libri quinque, recogniti
& aucti: Quorum

PRIMVS, DE MORIBVS.
SECVNDVS, DE LEGIBVS.
TERTIVS, DE BELLO.
QVARTVS, DE ECCLESIA.
QVINTVS, DE SCHOLA.

AD REGVM, SENATVM, PONTIFICES,
Presbyteros, Equites, populumq; Poloniae,
ac reliquae Sarmatiae.

*Quibus hac editione secunda accesserunt,
praeter alia:*

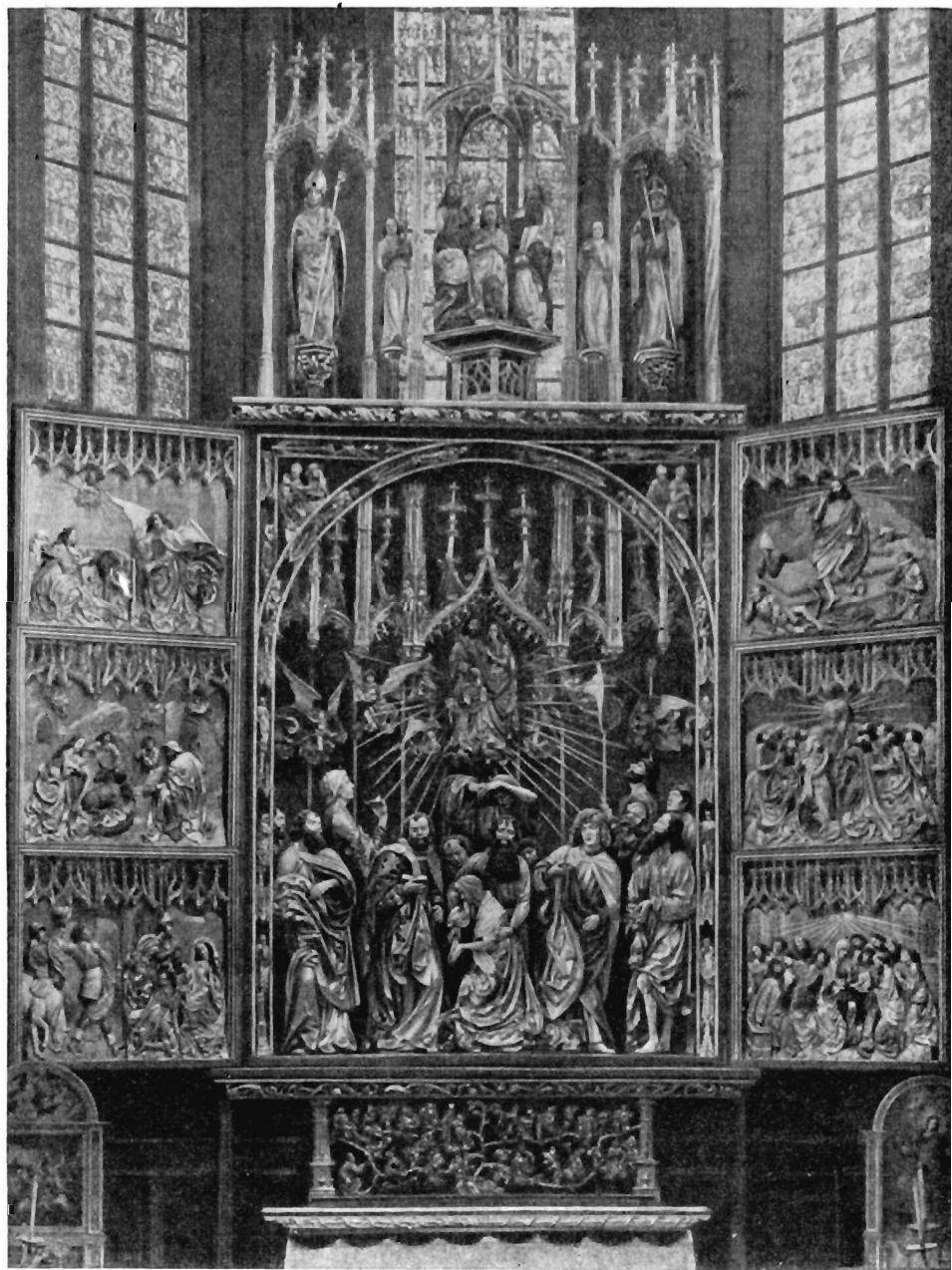
DE ECCLESIA LIBER SECVNDVS,
lectu dignissimus. Orationes item,
& Epistolae.

Cum locuplete rerum & uerborum memorabilium
I N D I C E.

BASILEAE, PER IOAN-
nem Oporinum. 1559.

Титульный лист книги А. Фрыча Моджевского «Об исправлении Речи Посполитой»

Алтарь работы Вита Ствоша (общий вид)

Три Марии

Резьба по дереву Вита Ствоша (конец XV в.)

какие вел мудрый король Соломон с Мархолтом, грубым и беспутным» (1521) и «Утешительная и прекрасная история о Понциане» (1528), которые перевел на польский язык Ян из Кошичек. Весьма популярными были диалоги, осмеивающие школьную нищету, хищничество в войсках и т. д.

Музыка, живопись и архитектура в конце XV—начале XVI в. также вступают в новую стадию развития.

Одним из выдающихся памятников архитектуры начала XVI в. является королевский дворец в краковском замке — Вавеле, отстроенный после пожара под руководством архитектора Бендикта из Сандомира. К числу подобных же архитектурных шедевров относится и так называемая «Зыгмунтовская (Сигизмундовская) капелла». В подражание Зыгмунтовской часовне в XVII в. возникли часовни Мышковских и Любомирских. В стиле Возрождения стали строиться и магнатские замки и дома. Прекрасный памятник этого стиля представляет ратуша в Хелмно (1567—1597). Дома мещан этого времени имеют обширные внутренние дворы и галереи на аркадах. Наиболее выдающимся польским зодчим был краковский архитектор Габриэль Слоньский (1520—1598). В самом конце XVI в. началось строительство варшавского замка по проекту зодчего Анджея Абрахамовича.

Период Возрождения в Польше получил своеобразное и яркое отражение в изобразительном искусстве.

Уже в конце XV в. можно проследить черты нового отношения к жизни. Они сказывались в желании внести в изображения библейских сцен

бытовой оттенок, приблизить их к жизни. Сохраняя свою религиозную условность, живопись приобретала оттенок демократизма, отличалась большой народностью, глубоким человеческим чувством и искренностью, как это видно, например, в «Молении о чаше» (около 1470 г.) из цикла икон августинского костела в Кракове, или в «Рождестве Марии» и «Благовещении» из алтаря скорбящей богородицы в Краковском соборе. Художник показал евангельских героев, как живых людей, с их радостями и страданиями.

На задних планах этих произведений мы часто находим реалистически переданные жанровые сценки, как, например, «Пастух со стадом».

Расцвет скульптуры связан с именем замечательного мастера Вита Ствоша (около 1445—1533 гг.). Его произведения явились ценным вкладом не только в польское, но и в общеевропейское искусство.

Основной период его творчества связан с Краковом — крупнейшим скульптурным и художественным центром тех лет, где Ствош в 1477—1489 гг. создал главное свое произведение — деревянный резной алтарь в соборе св. Марии. Центральная сцена этого алтаря представляет усение, а рельефы боковых створок — сцены из Нового завета.

Величественные фигуры центральной композиции, более двух метров высоты, исполнены из дерева с виртуозным мастерством. Они отличаются внутренней силой, драматизмом, динамикой форм и той человечностью и благородством, которые вообще типичны для творчества Ствоша.

Гуманизм творчества Ствоша — свидетельство не только его личного дарования, но и нового отношения к человеку, которое все сильнее утверждалось в польском искусстве.

Это сказывалось и в своеобразной и смелой трактовке Ствошем сцен священного писания, имеющих много общего со станковой живописью тех лет. Поэтичны и лирически взволнованны такие сцены, как «Явление Христа Марии Магдалине», где большую роль играет пейзаж, изображающий сад, полный цветов и трав.

Другим замечательным произведением Вита Ствоша является гробница Казимира Ягеллончика на Вавеле. Великолепно выполнена статуя короля, мастерски отделано лицо. На стенах постамента — барельеф; изображающий горющие сословия. Этому же мастеру принадлежат еще гробницы Петра из Бнина во Вроцлаве, епископа Збигнева Олесницкого в Гнезненском кафедральном костеле и др.

Усиление реалистического, бытового начала вело за собой и ломку старых готических форм, в живописи появился реальный объем, происходили поиски линейной перспективы, правильного освещения.

В этом отношении интересен триптих св. Яна Краковской школы начала XVI в., где художник помещал святого то на скалистый морской берег, то под церковные своды, то ставил его среди оборванной толпы калеки и нищих, просящих подаяния, изображенных на редкость правдиво.

С именем Марцина Черного и его круга связывают ряд очень высоких по исполнению и богатых по внутреннему содержанию вещей, как «Усупение» из Бодзентина. Здесь реалистический портрет епископа Конарского введен художником в религиозную композицию.

В XVI в. особое значение приобрели портрет, как живописный, так и скульптурный, и миниатюра.

Известны миниатюры в градуале (молитвеннике) короля Яна Ольбрахта в библиотеке краковского собора. Изысканность и богатство красок говорят о новом стиле в орнаменте. Миниатюры в краковском кодексе Бальтазара Бэхема (начало XVI в.) реалистически изображают различных ремесленников за работой, гербы цехов и жанровые картинки

Ученый

Резьба по дереву Вита Ствопа (конец XV в.)

из городской жизни. С распространением книгопечатания в большом числе появились гравюры на дереве. В качестве образчиков для них брались миниатюры. Гравюры, часто раскрашивались. Вскоре появились гравюры на меди.

Расцвет портрета связан с новым подходом к человеческой личности, который несло с собой Возрождение. Высшие достижения в этом жанре связаны с именем Миколая Марцина Кобера из Вроцлава, придворного художника королей Стефана Батория и Сигизмунда III. Коберу и его кругу принадлежат исключительные по своей выразительности портреты Батория, Анны Ягеллонки, погрудный портрет Сигизмунда III (1591 г.). В последнем обращает внимание острая портретная характеристика, лишённая застылости и идеализации.

Своеобразным характером отличаются надгробия работы польских мастеров. Всегда сдержанные и торжественные, эти надгробия точно воспроизводят черты усопшего. В них нет ужаса смерти, мертвящего натурализма, они всегда величаво спокойны. Такова надгробная статуя Сигизмунда I работы Падовано, помещённая в «Зыгмунтовской капелле». Очень выразительно лицо короля — властное, надменное и утомлённое.

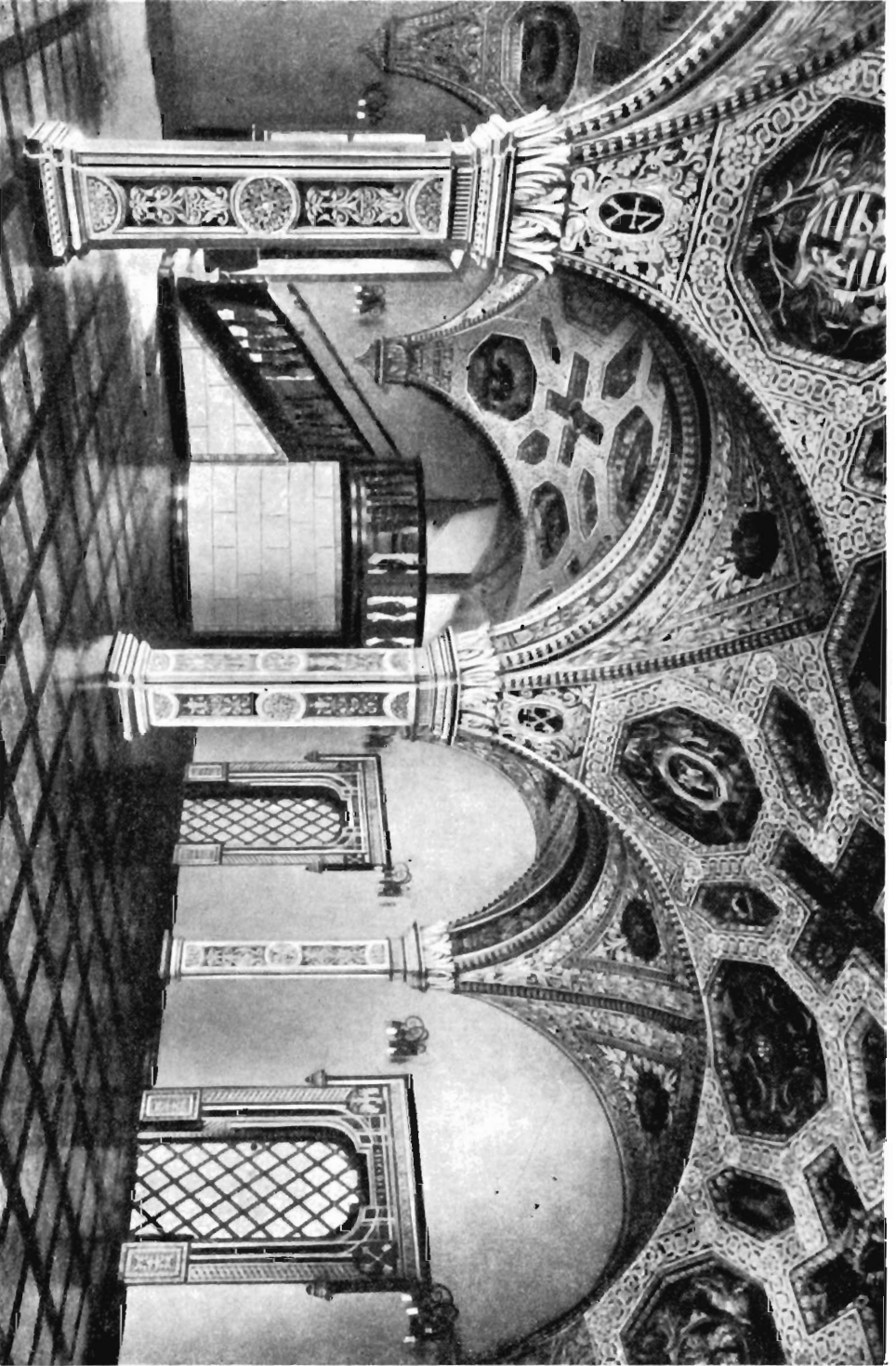
Среди надгробий выделяется группа памятников, оставленных Яном Михаловичем, который работал в 60—80-х годах XVI в. Его надгробиям присуща, наряду с прекрасным исполнением, особая торжественная тишина и отпечаток успокоенности. Эти статуи заключены в ясные и пластичные по своим формам архитектурные обрамления, богато украшенные сочным резным или литым орнаментом.

Говоря о скульптуре, необходимо упомянуть и о знаменитых «Вавельских головах» (первая половина XVI в.), украшающих кассетированный потолок Посольской залы в Вавеле. Эти резные из дерева головы отличаются экспрессией и выразительностью. Такие головы, как голова «Женщины с фантастической причёской», «Поэта», «Дворцового стража» являются ценной частью художественного наследия польского Возрождения.

Крупнейшими польскими композиторами XVI в. были Миколай Краковский (первая половина XVI в.), Вацлав из Шамотул (1533—1567), Миколай Гомулка (вторая половина XVI в.) и Марцин Леополита, иначе Львовчик (предположительно 1540—1589 гг.). Своеобразие творческого облика каждого из этих композиторов сочетается с высоким мастерством, проявившимся в самых разнообразных жанрах. Так, наряду с многочисленными религиозными произведениями Миколай Краковский сочинял инструментальные пьесы, развивая характерные черты польского народного творчества. Многие из этих пьес дошли до нас в громадном рукописном сборнике произведений польских композиторов, составленном органистом Яном Люблинским около 1540 г.

Вацлав из Шамотул, мелодии которого отличались красотой и чисто славянской напевностью, оставил после себя многоголосные произведения, написанные на латинские и польские тексты, в частности на тексты псалмов, переведённых на польский язык Миколаем Реем и Анджеем Тшепеским.

Миколай Гомулка написал 150 произведений для смешанного хора без сопровождения на тексты псалмов в стихотворных переводах Яна Кохановского. Демократическая направленность этого большого цикла проявилась и в близости музыки Гомулки к народным истокам польской музыкальной культуры, отчасти также к гуситским песням, и в тексте посвящения, где композитор подчеркивал, что сочинения его предназначаются «для поляков», «для простых наших соотечественников».

Зна́ освещенный в новгородской ратуше
Люстрами. 1550—1580 гг.

Таковыми же прогрессивными чертами отмечено творчество и Марцина Леополиты, в произведениях своих неоднократно обращавшегося к мелодиям польских народных песен и мастерски развивавшего эти темы.

Вопреки тенденциям духовной и светской знати, пренебрежительно относившейся к польской музыкальной культуре и стремившейся насадить в Польше чуждое ей по духу иноземное музыкальное искусство, передовые польские мастера отстаивали самобытную национальную музыку, опираясь в этой борьбе на связи с культурами братских славянских народов. Русские, украинские, чешские и словацкие музыканты славились в Польше своим искусством и содействовали взаимному обмену творческими достижениями исполнительского искусства в славянских странах.

О плодотворности подобного обмена опытом свидетельствует не только успешное развитие самобытных народно-музыкальных традиций этих стран (такова традиция гуситской боевой песни, воспринятая в Польше), но, в частности, и один из замечательнейших памятников польского музыкального творчества второй половины XVI в. — четырехголосная инструментальная «Дума» неизвестного автора, обратившегося к народно-эпическому жанру, возникшему на Украине.

Близость музыкальных культур восточнославянских и западнославянских народов запечатлелась и в дошедших до нас отрывках музыки, сопровождавшей театральные представления в Польше.

В области музыкальной теории выдвинулся Себастьян из Фельштына (родился около 1490 г., умер около 1544 г.), автор нескольких многократно переиздававшихся трактатов и учебников теории музыки. Специальные курсы теории музыки читали в конце XV и начале XVI в. Станислав и Марцин из Олькуша, Марцин Бельш, Ян Стобнич и другие профессора Краковского университета. Во второй половине XVI в. наряду с гуситскими канционалами и знаменитым канционалом «Чешского братства», изданным в Шамотулах в 1561 г., в Польше получил распространение и музыкально-теоретический трактат одного из руководителей братства, Яна Благослава (1528—1571).

К XVI в. относится деятельность многих выдающихся польских музыкантов-исполнителей, искусство которых было отмечено чертами яркого своеобразия.

Искусные польские мастера изготовляли органы, виолы и другие музыкальные инструменты, по своим достоинствам не уступавшие лучшим образцам западноевропейских мастеров, а порой и превосходившие эти образцы. В одном из немецких трактатов первой половины XVI в. сказано, например, что польские скрипки звучат «тоньше, искуснее и грациознее, чем итальянские».

Первая половина XVI в. была ознаменована расцветом польской науки. Выдающееся явление этого периода представляет творческая деятельность великого астронома Миколая Коперника (1473—1543), блестящего представителя краковской математической и астрономической школы.

Миколай Коперник родился в Торуне в семье купца. Он был энциклопедически образованным ученым. В Краковском и Венском университетах он изучил медицину и астрономию, затем несколько лет провел в Италии, где продолжал свои занятия астрономией, медициной и правом. Коперник создал новую астрономическую теорию, которая опрокинула санкционированную церковью геоцентрическую систему Птолемея.

Согласно учению Птолемея, центром вселенной является неподвижная Земля. В своем произведении «Об обращении небесных тел» (издано в 1543 г.) Коперник показал, что Земля — это одна из планет, вращающаяся вокруг своей оси и вместе с другими планетами обращающаяся вокруг

Солнца. Таким образом, был нанесен сильнейший удар авторитету церкви. Учение Коперника, как отметил Энгельс, «дает отставку теологии». «Отсюда, — указывает он, — начинается свое летосчисление освобождение естествознания от теологии»¹.

Коперник был одним из крупнейших представителей естественно-научного материализма эпохи Возрождения. Он ниспроверг идущее от Аристотеля и подхваченное средневековым богословием идеалистическое противопоставление неба и небесных движений Земле и земным движениям, развеял в прах сказку о «привилегированном» положении во вселенной Земли и человека на ней. Коперник отстаивал идею всеобщности естественных причинных связей. Он исходил из материалистического критерия истинности: теория должна соответствовать данным опыта, природе вещей. При этом он избежал ограниченности узкого эмпиризма и стал на путь верного понимания объективного характера общих законов природы, выражая их в рациональной форме.

Открытия Коперника создали естественно-научную основу для материалистических традиций прогрессивной польской философии.

Наравне со своей любимой наукой, астрономией, Коперник занимался математикой, в особенности тригонометрией, гидравликой и межеванием, строил водопроводы, приобрел славу искусного врача. Интересы Коперника не ограничивались естественными науками. Он работал в области исторической хронологии и над составлением географических карт Польши. Он углублялся в финансовые проблемы, о чем свидетельствует его трактат «Об исправлении монеты». В работах экономического характера Коперник проводил идею объективного характера законов монетного обращения. Выступая против нередкой в то время порчи монеты, он апеллирует не к чисто моральным доводам, что было обычным в сочинениях других мыслителей, писавших на эту тему, а к соображениям собственно экономического характера, и показывает, к какой дезорганизации хозяйственной жизни ведет фальсификация монеты.

Среди всех этих занятий он находил время для чтения классических писателей, прозаиков и поэтов, для переводов греческих текстов на латинский язык. Коперник и сам сочинял поэмы и эпиграммы на латинском и греческом языках.

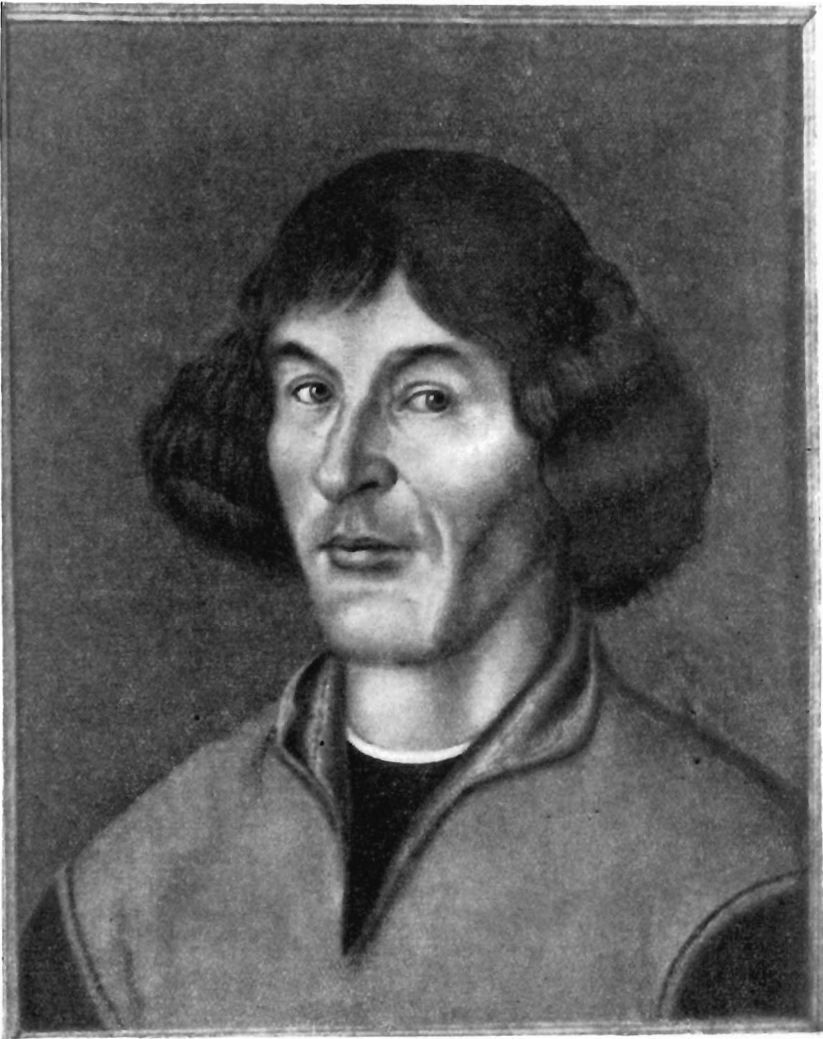
Миколай Коперник мыслил и действовал, как верный сын Польши. Он смело и мужественно выступал на прусских сеймиках в Мальборке и Грудзендзе против агрессивного немецкого Ордена, принимал и непосредственное участие в организации обороны польских земель от нашествия сил Ордена, не раз подвергая свою жизнь опасности.

Значительное развитие получают материалистические традиции и в польской логике XVI в. В этой связи необходимо прежде всего отметить деятельность выдающегося логика Адама Бурского (около 1560—1611 гг.), автора глубоких трудов в области разработки индуктивных методов исследования. На заслуги Адама Бурского и Гжегожа из Санока в этом отношении обратили в свое время внимание Адам Мицкевич и революционный демократ Эдвард Дембовский. Прогрессивные идеи в логике высказывали также Якуб Гурский (около 1525—1583 гг.) и Себастьян Петриций (1554—1627).

Заметные успехи сделала в этот период и историография.

Мацей из Мехова (1457—1523), первый историк, занявшийся вопросом происхождения польского народа в труде «О двух Сарматиях» (1517), был автором первого печатного труда по истории Польши, явившегося одно-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1952, стр. 5, 7.

Миколай Коперник

Гравюра XVI в.

временно и первым учебником. «Хроника» Мадея из Мехова была проникнута гуманистическими тенденциями. Автор выступал сторонником сильной королевской власти, восхвалял Казимира Ягеллончика и подвергал критике «слабых» королей Яна Ольбрахта и Александра, резко отзывался об антипатриотической деятельности епископа Збигнева Олесницкого. Политическая направленность «Хроники» и ее антиклерикальные мотивы встревожили крупных феодалов, прежде всего князей церкви. «Хроника» подверглась запрету, а второе ее издание вышло с большими купюрами и изменениями.

В противовес Мадею из Мехова католические круги усиленно популяризировали компилятивное латинское сочинение Марцина Кромера (1512—1589) «О начале и истории польского народа» (1555). Кромер, по происхождению краковский мещанин, благодаря своей активной контрреформационной деятельности достиг епископского сана. Его «История» не выдерживает сравнения с трудом Мадея из Мехова, но именно она надолго стала основным пособием для знакомства с историей Польши. Кромер составил также статистическо-политическое описание Польши (1577).

К протестантскому лагерю принадлежал Марцин Бельский (род. около 1495 г., ум. в 1575 г.) — первый в Польше исследователь всеобщей истории, автор труда «Хроника всего мира» (Краков, 1551), написанного на польском языке. Перу Бельского принадлежало, кроме того, несколько сатир: «Майский сон у зеленого леса», «Женский сейм» и «Беседа новых пророков — двух баранов, имевших одну общую голову». Эти сатиры показывают в нем острую наблюдательность, тонкую иронию и написаны выразительным языком.

В течение XVI в. создается ряд школьных языковых пособий и словарей: первая полная грамматика польского языка Петра Статориуса (1568), «Польская орфография» (1551) Яна Секлюцияна (псевдоним Станислава Мужинковского), «Латино-польский словарь» выдающегося польского лексикографа XVI в. протестанта Яна Мончиньского и т. д.

Расцвет польской науки и культуры в конце XV в. и в XVI в. наступил в результате значительного подъема производительных сил в течение всего предшествующего периода истории страны и был связан с обострением классовых противоречий в польском феодальном обществе и оживленной политической борьбой. Однобокое развитие экономики страны во второй половине XVI и в XVII в., гипертрофированное развитие фольварочно-барщинной системы, превращение Польши в сырьевой сельскохозяйственный придаток стран Западной Европы привели к победе в Польше феодально-католической реакции, резко затормозившей развитие польской культуры и науки. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что достижения передовой польской науки и культуры в конце XV и в XVI в. сыграли громадную роль во всем развитии польской национальной культуры, в укреплении национального самосознания польского народа, в формировании у него прогрессивных традиций. Эти передовые традиции эпохи польского Возрождения продолжали жить в народе и были развиты в период нового национально-культурного подъема, наступившего в середине XVIII в.

Глава шестая

ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В КОНЦЕ XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ.

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1

УСИЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН

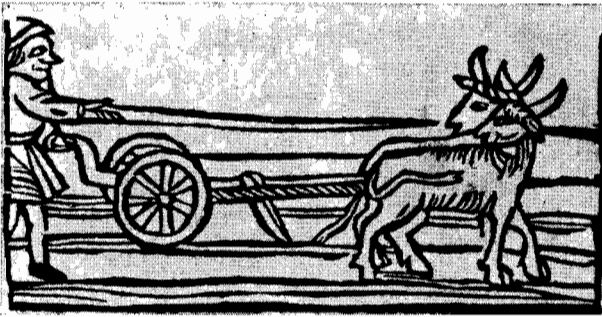
Во второй половине XVI в. помещичий фольварк, основанный на барщинном труде, стал главной формой организации сельскохозяйственного производства в Польше. Источники XVI—XVII вв. дают много сведений о возникновении новых фольварков и расширении существовавших ранее. В начале XVI в. средний размер помещичьей запашки достигал 3 ланов, а к концу века вырос до 20 и больше ланов.

Деревня имела в среднем до 20 крестьянских хозяйств. Размер каждого из них в это время уже редко равнялся полному наделу — 1 лану, чаще это была половина лана, а к середине XVII в. — только четвертая его часть. Но многие хозяйства не имели даже и этого. В Малой Польше количество малоземельных и безземельных крестьянских семейств достигало 39%, в Великой Польше — 33%, в Мазовии — 27%.

Еще в начале XVI в. загородники были сравнительно редким явлением. Под конец столетия их число значительно выросло. В это время появляются деревни, в которых совсем не было кметей, а жили только загородники и халупники. Росло число и коморников.

Все эти категории крестьян несли феодальные повинности. Основной повинностью была барщина. Во второй половине XVI и в первой половине XVII столетия норма барщины непрерывно увеличивалась. Во многих местах лановые хозяйства отработывали обычно 4—6 дней в неделю, полулановые — 3—4 дня, четвертьлановые — 2—3 дня, хозяйства, имеющие $\frac{1}{8}$ лана, — 1—2 дня. Таким образом, меньшие хозяйства были относительно тяжелее обременены барщиной, чем хозяйства большие. Но единой нормы барщины в Польше не существовало. Торунский статут 1520 г. нормировал лишь ее минимум.

Крестьяне, имевшие земельные наделы и рабочий скот, должны были нести барщину с упряжкой. Это освобождало помещиков от необходимости иметь свой инвентарь. Крестьяне, не имевшие рабочего скота, а также загородники, халупники и коморники выполняли «пешую» барщину. Отработочная рента включала, помимо пахотных работ, и другие многообразные повинности.

Пахота

Гравюра 1575 г.

Нормы барщины заносились в инвентари (описи имения), в люстрации (записи правительственных ревизий королевских поместий) и указывались в постановлениях референдарских судов. Но фактически барщина была всегда значительно выше этих норм, так как определялась она только произволом пана и его потребностями: «...Как только крестьянин превращался в крепостного, а этот последний римскими юристами приравнивался к римскому рабу, барин... требовал теперь от крестьянина работы в неограниченном количестве, в любое время и где ему вздумается»¹.

Наряду с отработочной рентой крестьяне вносили денежный чинш и натуральные оброки овсом, рожью, дровами, скотом, птицей, оплачивали торговое, мостовое и т. д. Крестьяне эксплуатировались также путем господских монополий. Паны пользовались монопольно правом пропинации (изготовления и продажи спиртных напитков) и запрещали своим крепостным покупать напитки где-либо на стороне. Соль, а часто и сельди, гвозди и другие товары крестьяне также должны были покупать у помещика. Помещики требовали, чтобы крестьяне продавали им овес, кур, яйца, лен, коноплю, меха и т. д. Крестьяне обязаны были молотить зерно на мельнице господина. Если даже мельница помещика не работала и крестьянин молотил зерно в другом месте, все же он должен был выплатить своему пану определенную сумму.

Кроме повинностей в пользу пана, крестьяне платили еще и государственные налоги. Вся тяжесть содержания феодального государства падала на крестьянство и горожан. Основным налогом в пользу государства был поземельный лановый налог. В XVI столетии этот налог обычно равнялся 30 грошам с лана, а в первой половине XVII в. — уже 4—5 злотым. Для малоземельных и безземельных крестьян устанавливались особые нормы. С 1620 г. лановый налог был заменен подымным налогом. Единицей обложения стал дом. С каждого сельского дома нужно было платить 15 грошей, но в действительности этот налог часто взимали в тройном, а иногда и в четверном размере. На королевских и церковных крестьян падала еще особая государственная повинность, так называемые станции. Эта повинность состояла в том, что при прохождении войск крестьяне должны были давать им постои. В 1649 г. станции были заменены денежным налогом — гиберной. Нормы гиберны,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 242.

Крестьяне

Из документальной серии Яна Матейки «Старопольские костюмы»

определявшиеся обычно специальным указом, менялись, но всегда были очень обременительны для крестьян. Часто гиберна поглощала до $\frac{2}{3}$ крестьянского дохода и взималась сверх других повинностей. Как во время сбора гиберы, так особенно во время постоя войск имели место многочисленные злоупотребления по отношению к крестьянам. Их обирали, не считаясь ни с какими «нормами», и часто доводили до нищеты.

Крестьяне платили также налог в пользу церкви — десятину, которую должны были вносить в это время деньгами.

Крестьяне были совершенно бесправны. Подавляющее большинство их находилось в полной крепостной зависимости от панов. Источники дают много примеров, подтверждающих наличие купли-продажи и обмена крепостных наравне с инвентарем. Даже один из наиболее рьяных защитников феодального строя, реакционный публицист Петр Скарга, отмечал, что «землеладельцы начинают считать крестьян своей личной собственностью, и встречаются даже отдельные лица, которые крепостных дарят, продают, меняют, переселяют из деревни в деревню».

Личная зависимость крестьян от пана выражалась также в праве помещика обязывать крестьян служить во дворе, заставлять их работать по найму по ценам, значительно более низким, чем при вольном найме, принуждать работать без каких-либо ограничений. В своей хозяйственной жизни крестьянин был полностью зависим от пана. Как указывалось в помещичьих уставах и приказах, крестьянин не мог «по своей воле и желанию» ни заложить, ни продать свою усадьбу или землю, не мог распорядиться своим наследством или даже кредитовать-

ся без панского согласия. Тот, кто нарушал эти постановления, подвергался наказанию.

Крепостной крестьянин не имел права жениться без панского разрешения. Ни помолвка, ни крестины, ни свадьба не могли совершаться без вмешательства помещика. С целью укрепления феодално-крепостнических отношений пан проявлял «заботу» и о «нравственном» воспитании своих «подданных». Средства такого рода воспитания традиционны: религия и палка.

Выражением полной зависимости крепостных крестьян была ничем не ограниченная судебная власть господина. Паны в своих владениях не допускали в судебные дела ничего вмешательства. Патриониальный суд безраздельно господствовал в рассматриваемое время. Крестьяне нигде не могли найти защиты против притеснений помещиков, нигде не могли они обжаловать несправедливый приговор. Каждый пан судил «хлопские преступления» по-своему. Наиболее распространенными наказаниями были телесные наказания и денежные штрафы. Заключение в тюрьму наказывали реже, не желая сокращать числа рабочих рук, эксплуатируемых в имении. Денежные штрафы были очень различны — от нескольких грошей до 100 гривен. Телесные наказания применялись особенно часто. Паны имели право распоряжаться жизнью и смертью крестьян, поэтому не только пытки, но и смертная казнь применялась помещиками как наказание за крестьянские «своевольства». Крестьян наказывали смертной казнью за присвоение панского хлеба или сена, за ловлю рыбы в панском пруде, за отказ выйти на экстренные работы (гвалты) по приказу пана.

Как уже отмечалось, королевские крестьяне имели право жаловаться на притеснение старост и арендаторов в референдарские суды, однако это не могло серьезно облегчить положение крестьян. Референдарский суд был органом дворянского государства, основанного на эксплуатации и угнетении крестьян. Судьи-референдарии по своему положению и интересам были враждебны крестьянам. Старосты, державцы, администраторы различными способами мстили крестьянам, осмелившимся жаловаться на них. К тому же они находили способы обходить невыгодные для них постановления референдарских судов и пренебрегали «глейтами» — охранными грамотами, выданными королем.

Таким образом, XVI—XVII века были временем полного подчинения «подданных»-крепостных своему господину, временем, когда отягощение и притеснение польских крестьян достигло невероятной степени. В большинстве поместий духовных и светских феодалов имелись вооруженные слуги (надворные казаки, гайдуки). Некоторые паны содержали целые отряды пехоты. Этой вооруженной силой паны пользовались для принуждения крестьян к работе и для подавления всякого сопротивления. Так внутри поместий создавался мощный аппарат классового принуждения. Чтобы этот аппарат был вполне надежным, в состав вооруженной панской челяди привлекалась мелкая шляхта, а во главе панских слуг всегда стоял

Крестьянин и пан
Гравюра XVI в.

Узник в колодежке
Гравюра XVI в.

шляхтич. Почти в каждом крупном поместье имелись своя тюрьма и место для пыток и истязаний крестьян.

На основе беспощадной эксплуатации крестьян развивались панские фольварки, росли доходы помещиков. Магнаты и шляхта тратили их на предметы роскоши, на богатую и распутную жизнь. Роскошь польских магнатов удивляла иностранцев. На улучшение хозяйства средств не выделялось. Польские феодалы до предела эксплуатировали крестьянство своих имений, только в этом усматривая источник увеличения своих доходов. Такое хищничество польских феодалов неизбежно вело к застойности сельскохозяйственной техники и к общему упадку сельского хозяйства.

Наступление феодалов встречало упорное сопротивление крепостного крестьянства.

Попрежнему одной из наиболее распространенных форм протеста против непосильной феодальной эксплуатации было бегство от своих угнетателей. Бежали «подданные» и из поместий светской шляхты, и из духовных и королевских имений. Бежали и кметы и безземельные. Внешним толчком, заставлявшим крестьян уходить из родных мест в поисках лучшей доли, часто являлись зверства помещиков, тяжелые наказания, побои, издевательства над женщинами и т. п. Из королевских и церковных имений крестьяне убегали не только от притеснений старост, арендаторов, духовенства, но и от тягости гиберны и разорения солдатскими постоями.

В XVI и XVII вв. особенно часто бежали в мазовецкие пуци и украинские степи. Судебные записи говорят о бегстве целых деревень за границу — в Русское государство, Венгрию, Моравию, особенно из пограничных областей. Часть беглых крестьян направлялась в города.

Но бегство, за редким исключением, не давало крестьянам свободы. В большинстве случаев крестьянин только переселялся от одного феодала к другому. Правда, потребность в рабочей силе и наличие пустующих участков побуждали помещиков заманивать крестьян льготами, но льготы эти обычно были весьма кратковременными.

Паны разыскивали бежавших крепостных и силой принуждали их к возвращению. Они искали их всюду — в чужих поместьях, городах, даже

Пан с гайдуками
Гравюра XVII в.

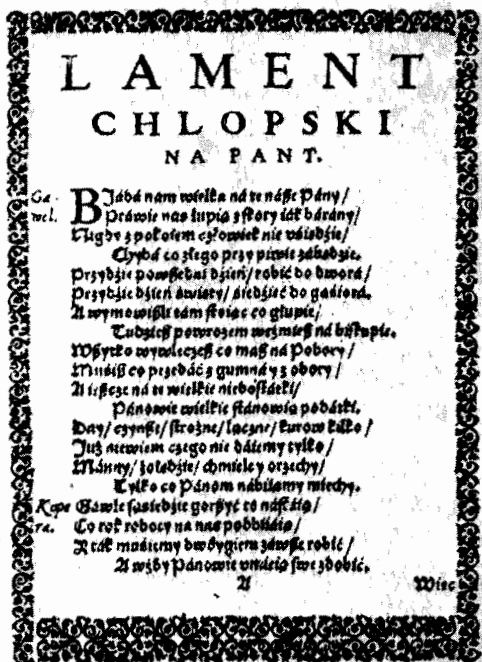
за границей. На помощь шляхте приходило польское феодальное государство, которое многочисленными декретами о беглых пыталось бороться с крестьянскими побегам. В XVI—XVII вв. было опубликовано около 60 законодательных актов, направленных против бегства крестьян. Эти постановления стремились обеспечить шляхте розыск беглых и угрожали крестьянам суровыми наказаниями. Но розыск беглых был очень затруднителен потому, что крестьяне выступали на защиту друг друга, и часто посланную на розыски администрацию и самих шляхтичей силой выгоняли из деревни. Кроме того, представители государства обычно были бессильны по отношению к помещикам, принимавшим беглецов.

Многие беглые крестьяне уходили в горы и леса и там создавали отряды борцов против феодальной эксплуатации. Шляхта именвала этих народных мстителей за крестьянские обиды разбойниками («збуйниками»), на Украине — «опришками».

В XVI и XVII вв. это движение в прикарпатских районах Краковского и Русского воеводств приобрело столь большой размах, что напуганная шляхта на сеймиках разрабатывала против него целую систему карательных мероприятий.

Но подавляющее большинство крестьян оставалось в поместьях и прибегало к другим формам сопротивления. Оно часто выражалось в самовольной запашке панской земли, порубке панского леса или захвате панского скота. В одних случаях эти действия производились отдельными крестьянами, в других — в них участвовало все население деревни. Известны факты (например, в дер. Береза Саноцкой земли), когда крестьяне коллективно выходили в поле и запахивали панскую землю, находившуюся под паром. Выступая против феодального гнета, крестьяне нередко поджигали помещичьи дома, хозяйственные постройки, посевы, собранный урожай и т. д.

На шляхетский террор и жесточайший произвол панов крестьяне отвечали избиениями и убийствами своих угнетателей. Крестьяне нападали на шляхтичей и их слуг и в одиночку и целыми группами, а иногда

Первая страница антикрепостнического памфлета «Lament chłopski na rany» (вторая половина XVI в.)

в таких нападениях участвовало население нескольких деревень. Это были уже восстания.

В 1592 г. крестьяне в Суражском старостве (Подляшье) выступили против держателя поместья Павла Ожеховского, который согнал крестьян с земли для устройства новых фольварков, произвольно повышал повинности. Вооруженные слуги старосты напали на крестьян, убили несколько человек и многих ранили. Крестьяне решили обратиться к защите референдарского суда. Дальнейший ход дела чрезвычайно характерен. Референдарский суд обязал старосту уплатить возмещение потерпевшим и направил для расследования свою комиссию. Итогом действий этой шляхетской комиссии было подтверждение всех распоряжений старосты и арест более 20 «зачинщиков беспорядков». Подписанный коро-

лем Сигизмундом III приговор референдарского суда, объявив, что «всякое своеволие и бунт должны быть наказаны и пресечены, чтобы они не давали побуждения к еще большему непослушанию», осудил всех арестованных на смертную казнь. Так шляхетский суд «воздавал справедливость» обеим тяжущимся сторонам.

В 1610 г. произошел «бунт» в Осецком старостве, где крестьяне перебили панскую челядь и поделили помещичье имущество.

Против феодальной гнета выступали крестьяне из «городских деревень», жестоко эксплуатировавшиеся патрициатом. Так, в конце XVI в. несколько лет оказывали сопротивление повышению барщины крестьяне деревень, принадлежавших г. Калишу. Во главе движения стал крестьянин из деревни Добжец — Павел Джонг.

В 1615 г. вспыхнуло крестьянское движение в дер. Конопнице, принадлежавшей г. Люблину.

Крупное движение крестьян произошло в 1630 г. в Новотаргском старостве. В течение ряда лет крестьяне жаловались в референдарский суд на притеснения со стороны старосты Коморовского. В своих жалобах они указывали на тяжесть непрерывно увеличиваемых старостой повинностей, приводивших к полному упадку крестьянские хозяйства, на жестокое истязание крестьян, избияния, пытки, заключения в тюрьму, убийства. Суд из боязни крестьянских вол-

нений пытался несколько ограничить чудовищный произвол Коморовского. Однако староста не признавал никаких решений референдарского суда, и крестьяне, убедившись, что «пес псу хвоста не откусит», выступили против старосты с оружием в руках. Толпы крестьян нападали на фольварки старосты, на мельницы, пивоварни, корчмы, забирали и уничтожали панский хлеб, хмель, скот, разрушали усадьбы. Панских управляющих крестьяне избивали и убивали. Несмотря на преследования, выступления крестьян продолжались до смерти Коморовского. Движение в Новотаргском старостве выдвинуло талантливых и авторитетных вожаков. Таким был, например, Станислав Лентовский, которого крестьяне с уважением называли своим маршалком. Через 20 лет, в 1651 г., Лентовский стал одним из руководителей большого крестьянского восстания.

Особенно широкий размах приняло в конце XVI — первой половине XVII в. крестьянское движение на находившихся под гнетом польско-литовских феодалов украинских и белорусских землях, где положение крестьян осложнялось национальным и религиозным угнетением. Восстания на Украине и в Белоруссии находили живой отклик среди польского крестьянства.

2

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

До конца XVI — начала XVII в. в Польше продолжался некоторый подъем ремесла и торговли. Появлялись даже, хотя и в зародышевой форме, элементы мануфактуры. Однако господствующие феодально-крепостнические отношения уже серьезно тормозили это развитие.

В рассматриваемое время в Польше ремесло в основном сохраняло свой городской характер. Центрами ремесленного производства являлись такие города, как Краков, Познань, Варшава, а на Украине — Львов.

Существовали также и крестьянские промыслы и ремесла и помещичьи промысловые предприятия.

В городе к концу XVI столетия насчитывалось около 90 различных видов ремесленного производства, из которых особо важное значение имели кожевенное, стекольное, гончарное, суконное, металлургическое и бумажное.

Бумажные мастерские открывались в Варшаве, Люблине, Познани. На организацию производства в такой мастерской затрачивалось до 2500 злотых — сумма очень большая по тому времени. Польские мастера превосходно владели техникой бумажного дела, и бумага, изготавливаемая в Польше, не уступала зарубежной. В бумажном производстве часто использовалась сила воды, причем в некоторых мастерских бывало до четырех водяных колес.

В начале XVII в. особенно развивалось производство оружия. В 1603 г. в Кракове возник самостоятельный цех оружейников. Холодное оружие вырабатывалось главным образом в Познани и Львове.

Попрежнему большую роль играла выработка тканей. Так, в одном только Ленчицком повете в 1570 г. насчитывалось 354 ткацких мастерских.

Во всех ремесленных центрах городские ремесленники были организованы в цехи. Но цеховые регламенты часто нарушались. Некоторые мастера получали специальные королевские привилегии, на основе которых они, как королевские слуги, уже не подчинялись никаким цеховым статутам и, имея большое число челяди, подмастерьев и учеников,

Рудожоп

Гравюра начала XVII в.

приобретали много сырья и, таким образом, получали большой доход. Возник ряд предприятий по существу мануфактурного типа: керамические мастерские, мастерские по изготовлению бумаги. Крупными предприятиями с зародышами новых, капиталистических элементов были и соляные копи Велички и Бохни, в которых работало до тысячи человек. По типу мануфактуры были организованы горнорудные разработки. Но таких предприятий было немного, и они не получили развития: феодально-крепостнические отношения препятствовали их росту. В некоторых цехах мастера раздавали работу халупникам и коморникам, которые получали за это определенную плату. Само слово «коморник» начало означать не только безземельного крестьянина, но и ремесленника-рабочего рассеянной мануфактуры. Ряд промысловых предприятий принадлежал феодалам. Здесь, наряду с наемной силой, применялся барщинный труд. Это была своеобразная крепостная мануфактура.

Во внутренней торговле, наряду с еженедельными торгами во всех городах, попрежнему существовали ярмарки, посещавшиеся иностранными купцами.

Важнейшим предметом торговли являлся хлеб, который в значительной степени сбывался на внутреннем рынке. С конца XVI и в начале XVII в. он во все большем количестве вывозился за границу. Например, в начале XVII в. ежегодный вывоз хлеба равнялся в среднем 100 тыс. лаштов, в 1618 г. он достиг даже 128 789 лаштов. Хлеб экспортировался преимущественно по Висле через Гданьск, купцы которого зарабатывали на этом большие барыши.

Второе место в экспорте занимали лес и «лесные товары». Из Польши вывозились также медь и свинец.

Во ввозе товаров через Гданьск в XVI в. первое место занимала морская рыба, особенно сельди. Через Гданьск также привозились в Польшу фаянсовые и стеклянные изделия и английское сукно. Большое значение имел импорт колониальных товаров и предметов роскоши. Ввозились дорогие ткани, шелк, парча, ковры, оружие, вина, жемчуг.

Большое торговое значение продолжал сохранять Краков. Вместе с пригородами он насчитывал около 70 тыс. жителей. К нему как центру торговли тянулись товары почти со всех областей государства. В XVI и первой половине XVII в. важное место в области ремесла и торговли занимала Познань, в которой было около 30 тыс. жителей. Количество мастеров, зарегистрированных в цехи, достигало 555 человек. Купеческое братство в Познани объединяло около 70 богатых купцов.

С конца XVI в. быстро начала расти Варшава, ставшая столицей Речи Посполитой. В это время Варшава насчитывала 10 тыс. жителей. Город

*Ратуша в Гданьске (построена в 1378 г.)
Гравюра XIX в.*

добился освобождения от пошлин «на вечные времена». Крупнейшими богачами в Варшаве были Гизы. В начале XVII в. они имели в городе 16 домов и столько же лавок. Один из Гизов держал перевоз на Висле, с которого платил 700 злотых налога в год.

Богатые купеческие фамилии были и в других городах Польши. Наряду с крупными купцами торговлей занимались также мелкие торговцы, которые первоначально не принадлежали к корпорации купцов. Некоторые из них одновременно занимались и ростовщичеством.

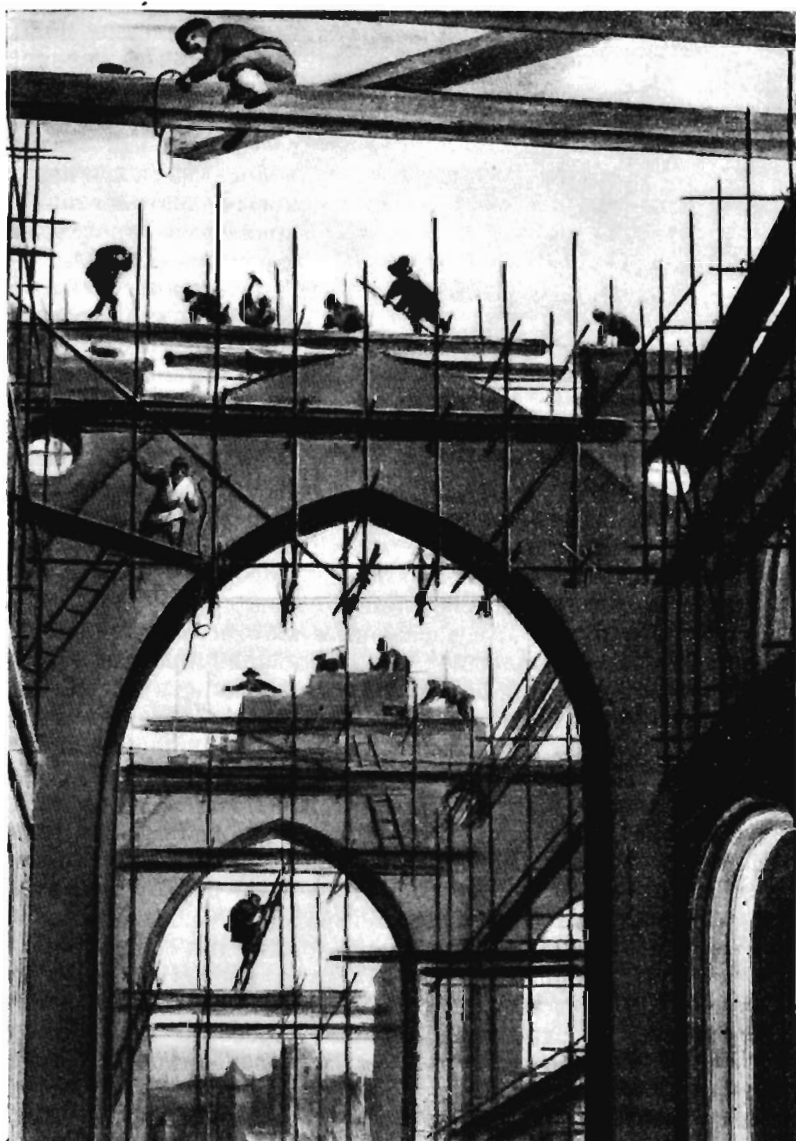
Однако к 20—30-м годам, а еще ярче к середине XVII в. обнаружился упадок городов. Число ремесленников в городах начало сокращаться. Это было особенно заметно в таких крупных центрах, как Краков, Познань и др. При этом особенно быстро сокращалось число цеховых ремесленников при одновременном росте числа ремесленников, не входивших в цеховые организации и получивших в Польше название «партачей».

Развитие ремесла за пределами цеха в странах, в которых развивались капиталистические отношения, играло прогрессивную роль, содействуя разложению уже изживших себя цеховых организаций. В Польше же развитие внецехового ремесла в XVI—XVII вв. не облегчало перехода к новому способу производства. Оно было использовано феодалами и лишь способствовало экономическому подрыву города. Феодалы брали под свое «покровительство» партачей, укрывая их, разумеется, не без выгоды для себя, от преследования цеховых и городских властей. Феодалы, кроме того, поощряли развитие вотчинного ремесла и начали переселять деревенских крепостных ремесленников в свои городские владения — юридики.

К середине XVII в. начал сказываться упадок и во внутренней торговле. Отчасти это было результатом роста вотчинного ремесла, которое обычно не включалось в общий товарооборот и было связано только с несколькими соседними деревнями, но главной, конечно, причиной была хищническая система панского хозяйства. Бесперывно растущая барщинная эксплуатация крестьян уже привела к этому времени к резкому обеднению основной массы крестьянства и ослаблению ее связи с рынком. В то же время шляхта, получая огромные доходы от торговли хлебом, тратила их на предметы роскоши, которые привозились из-за границы, и, таким образом, возвращала эти деньги иностранным купцам. Современники отмечали чрезмерное увлечение шляхты заграничными изделиями и полное пренебрежение к национальному производству. Один из них писал: «Все, что чужое, является для нас желанным, свое же, домашнее, не нравится, ни продовольствие, ни одежда, ни служба, ни оружие, ни сани. За товарами нужно ездить на край света, в Индию, чтобы удовлетворить граждан. Поэтому аптека поглощает больше расходов, чем мясная лавка. За столом подаются кушанья, которых ни гость, ни хозяин назвать не могут. Лошадей вывозят из Аравии, другие товары из Италии, Франции, Германии, Англии, Венгрии, Молдавии, даже из Византии (т. е. Константинополя. — *Ред.*)».

В то время как в других странах государство оказывало поддержку развитию национального производства и торговли, в Польше шляхта стремилась к полной свободе торговли для иностранных купцов. Поэтому в Польше имел место усиленный ввоз товаров из-за границы и вывоз из государства денег. Все это подрывало польскую экономику.

Неблагоприятное влияние на развитие польской экономики оказала и «революция цен», которую переживал в XVI в. ряд стран Западной Европы. Стоимость денег резко упала и в Польше. Денежные ресурсы

Строительство храма
А. Мёллер, масло, 1602 г.

Рыбачки из Гдаиьска
Гравюра начала XVII в.

польских кушцов и ремесленников сократились, что затрудняло развитие ремесла и торговли.

Наступление шляхты на город вызывало сопротивление горожан. Это сопротивление выражалось прежде всего в том, что горожане старались не подчиняться сеймовым постановлениям, направленным против них. Они стремились, кроме того, к уничтожению особых привилегий шляхты, предоставлявших ей право суда и административную власть в пределах ее городских владений. Эти владения — юридики — составляли как бы особую административную и хозяй-

ственную организацию в городе, что вносило расстройство в экономику городской жизни. Многие города, в том числе Краков, Сандомир, Варшава, специально ходатайствовали перед королем о получении права собирать налог с шляхетских владений в городе.

Между шляхтой и городским населением часто происходили открытые столкновения. Иногда горожане поддерживали крестьян в борьбе против феодалов, так как сами находились в зависимости от землевладельцев и старост. Но мещанство не было надежным союзником крестьян. К тому же оно не стало в Польше значительной политической силой.

Жестокая социальная борьба происходила и внутри города.

В то время как патрициат стремился монополизировать торговлю путем получения соответствующих привилегий, основная масса торговцев боролась за право свободной розничной торговли такими товарами, как вино, соль, сельди, свечи и др. Особенно острую борьбу вызвали злоупотребления патрициата в отношении городской казны, которую представители городских властей часто использовали для собственных нужд, и его стремление переложить всю тяжесть налогов на другие слои горожан. Для защиты своих интересов горожане создали в некоторых городах особую организацию «40 мужей», в состав которой входило 20 представителей от купечества и 20 — от ремесленников. Организация эта рассматривала конфликты между городским советом и горожанами по вопросам о незаконной продаже городского имущества, о нарушении «права склада», о незаконных поборах, о незаконном предоставлении городского права чужим купцам и т. д.

Упадок ремесла не мог не вызвать обострения противоречий и борьбы между мастерами, с одной стороны, и подмастерьями и учениками — с другой. Наибольшей эксплуатации подвергались ученики. Обязанности их, как по отношению к мастеру, так и цеху, были очень велики, защита же их интересов почти совершенно не обеспечивалась. От ученика требовалось, чтобы он «пана бога боялся», пана мастера и его жену слушал, без их воли из дому не выходил, на всякий призыв мастера быстро откликался и чтобы по отношению к своему пану мастеру был верным и добро-

желательным. «За проступки и непослушание» учеников наказывали «по обычаю», т. е. прутом или бичом. Требовалось также, «чтобы они не убегали от мастера, а время свое честно выдерживали». Очевидно, выдержать у мастера время «науки», которая часто выражалась в выполнении различных домашних работ и ничего общего с обучением ремеслу не имела, было для учеников нелегко, недаром их побегии до окончания срока выучки приняла в XVI и XVII столетиях широкие размеры, как об этом свидетель-

Челядь из пивоварни
Гравюра начала XVII в.

ствуют многочисленные и очень строгие постановления статутов, направленные против беглецов. Сами ученики характеризовали свое положение как «рабство», а свою жизнь у мастера — как «страдание».

Значительно ухудшилось положение и подмастерьев, сильно зависевших от мастера, которого всегда поддерживала цеховая верхушка. Эксплуатация подмастерьев беспрерывно росла. Даже зимой, с конца сентября и до конца апреля, работа начиналась, как указывают статуты XVII в., в половине четвертого или в четыре часа утра и кончалась в 5, 6, 8 и даже в 10 часов вечера. Если у мастера имелась работа, требующая быстрого исполнения, то ученики и подмастерья обязаны были работать сверх установленного времени.

Заработная плата также устанавливалась мастерами и утверждалась статутами. Это было очень невыгодно для подмастерьев, так как статуты пересматривались редко, а цены на товары росли почти непрерывно. Весьма стеснительными для подмастерьев были условия договоров о найме, которые каждый подмастерье должен был подписывать, поступая на работу. За выполнением договоров очень строго наблюдали цеховые старшины. Расторжение договора той или другой стороной допускалось только после предварительного предупреждения, но при этом для подмастерьев срок для такого предупреждения всегда был вдвое больше, чем для мастеров. Запрещалось оставлять мастера перед большими праздниками, перед ярмарками и т. д. Мастер также мог не отпустить подмастерьев, если была начата и не закончена какая-либо работа. Особенно тягостным для подмастерьев было постановление об изгнании за нарушение договоров о найме, которое не допускало изгнанного на работу не только в том городе, где он работал раньше, но и в каком-либо другом месте. К тому же мастера часто самовольно ухудшали условия этих договоров и, например, увольняли подмастерьев без всякого предупреждения, выгоняя из дому даже ночью. «Это непристойное и неслыханное дело, — писали подмастерья в одной из своих петиций, — чтобы нас, подмастерьев, так могли увольнять... Мы не хотим быть невольниками у мастеров наших».

Все эти притеснения вызывали протест со стороны подмастерьев и обостряли социальную борьбу внутри цехов. Формы этой борьбы были весьма разнообразны, имели место случаи организованного прекращения работы целой группой подмастерьев. Очень часто подмастерья требовали самоуправления, создания самостоятельных организаций подмастерьев.

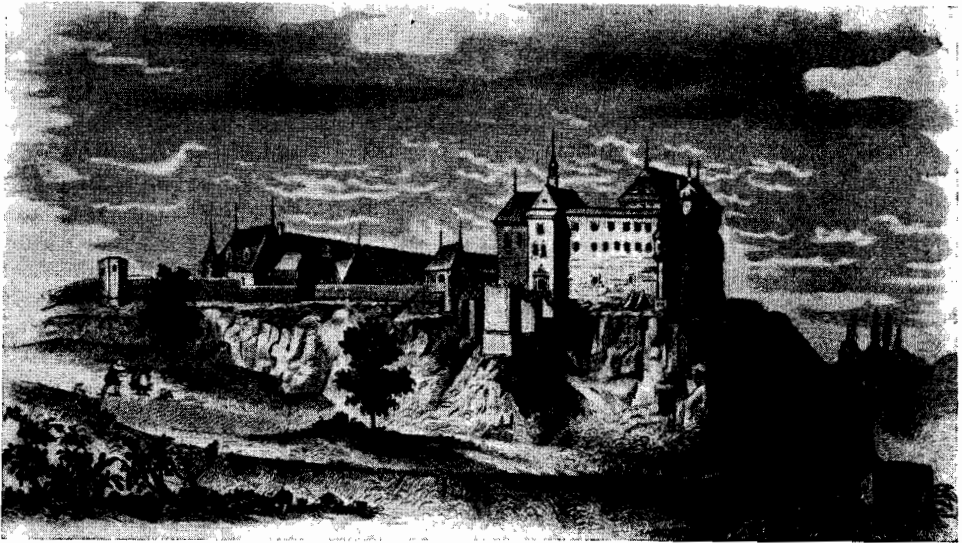
Цеховые мастера вели энергичную борьбу с «бунтами» подмастерьев и их «своеволием». Так, в статутах плотников, каменщиков, золотых дел мастеров предлагается каждого «бунтовщика», с которым цеховая организация сама не может справиться, передавать городскому совету для наказания. Эти наказания были очень суровыми. Подмастерьев заключали в тюрьму и не выпускали до тех пор, пока они не соглашались выйти на работу. Многих навсегда изгоняли из города и даже подвергали смертной казни. Но это, понятно, не могло предотвратить выстушений, порожденных ростом эксплуатации подмастерьев.

В ходе этой борьбы постепенно росла и оформлялась солидарность подмастерьев. Это вынуждено признать даже официальные документы XVII в. Так, в статуте солодовников г. Казимежа с возмущением говорится о «злоупотреблениях» подмастерьев, которые никому не хотят подчиняться, и если кого-нибудь из них за это заключают в тюрьму, они, «чтобы товарища своего освободить... мстят за него, отказываются работать у мастеров, бунтуют и требуют освобождения заключенного». Своей упорной борьбой подмастерья добились того, что в XVII в. городские советы вынуждены были официально санкционировать, несмотря на протесты мастеров, существование самостоятельных организаций подмастерьев.

Основной задачей этих организаций была защита интересов своих членов. Они обычно возглавляли подмастерьев во время конфликтов с мастерами, создавали кассы, оказывавшие помощь нуждающимся, добивались суда над своими членами независимо от мастеров. Без их направления никто из подмастерьев не мог получить работу. Мастера были очень недовольны существованием таких организаций и находили в этом отношении полную поддержку со стороны правительства. Например, гетман Тарновский с возмущением писал, что организации подмастерьев действуют «ко вреду Речи Посполитой, так как многие подмастерья к работе небрежно относятся и от всякой работы прочь пойдут». Гетман предлагал таким «конспираторов» и «лодырей» наказывать смертной казнью. В 1662 г. король Ян Казимир указывал мастерам-ювелирам, чтобы они угрозой самых строгих наказаний держали учеников и подмастерьев в повиновении. Он категорически запрещал подмастерьям носить оружие, которое они, очевидно, безрезультатно применяли, защищая свои интересы.

Острые противоречия и конфликты имели место и среди различных слоев торговцев. Купцы в XVI и XVII столетиях сохранили свои организации, называемые купеческими братствами. Торговая «челядь» (приказчики) не имела права оставлять своего хозяина без ведома купеческого союза. Братство имело право суда над челядью и учениками. Но торговая челядь в свою очередь организовалась, несмотря на сопротивление верхушки купечества. В состав организации купеческой челяди входили «товарищи» (приказчики или торговые посредники) и «хлопцы» (ученики). Но интересы «хлопцев», подобно ремесленным ученикам находившихся в зависимом положении, защищались слабо. Статуты братств грозили «хлопцам» строгими наказаниями за то, что они «склонны выступать против старших, язык точить и клеветать на них...»

Происходили также серьезные столкновения между купцами и ремесленниками, вызванные конкуренцией. Купцы стремились ограничить тор-

Пинчов

Гравюра первой половины XVII в.

говые права цехов. Иногда это им удавалось. Так, например, во Львове во второй половине XVI в. купцы добились королевского декрета, который запрещал ткачам строить лавки и торговые будки и разрешал продавать изделия только в домах.

Обострение всех этих противоречий в польских городах в первой половине XVII в. было связано с упадком польского ремесла и торговли, вызванным экономическим и политическим наступлением шляхты на польский город. Этот упадок, как мы уже видели, четко обнаружился к середине XVII в. Войны второй половины XVII и начала XVIII в. ускорили и усилили его.

3

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 70—90-х ГОДАХ XVI в.

С образованием Речи Посполитой международное положение Польши существенным образом изменилось. Было ясно, что Русское государство, превратившееся в большую силу, будет упорно вести борьбу за возвращение захваченных Польшей и Литвой белорусских и украинских земель и что эта борьба будет деятельно поддержана украинским и белорусским населением. Ввиду этого отношения с Русским государством заняли центральное место во внешней политике Польши и Литвы.

В связи со стремлением польско-литовских феодалов и в дальнейшем эксплуатировать украинские и белорусские земли намечались два возможных плана восточной политики. Первый план предполагал войну с Русским государством. В качестве союзников имелись в виду Швеция и Крым. Польско-литовские феодалы надеялись, что они найдут союзника и внутри России в лице реакционной боярской знати, ведущей борьбу против централизации государства.

Второй план был связан с проектом унии с Русским государством. Предполагалось, что объединение Польши, Литвы и России в рамках единого государства позволит польским и литовским феодалам сохранить свои владения на Украине и в Белоруссии. Защитники этого проекта считали даже, что уния создаст благоприятные условия для усиления польско-литовской экспансии на востоке и позволит папскому Риму распространить свою власть на население Русского государства. Проекты польско-литовско-русской унии были особенно популярны среди польско-литовской шляхты.

Споры между сторонниками этих двух вариантов восточной экспансии Речи Посполитой особенно усилились в 1572 г., когда со смертью Сигизмунда II Августа прекратилась династия Ягеллонов и в Польше встал вопрос о выборе нового короля.

На польский престол претендовали шведский король Иоанн (Юхан) III, австрийский эрцгерцог Эрнест и брат французского короля Карла IX Генрик (Анри) Валуа. Польско-литовская шляхта, поддерживавшая проект унии с Россией, выдвинула кандидатуру Ивана IV Грозного. Противниками кандидатуры Грозного были литовские магнаты, опасавшиеся, что новый государь и в Речи Посполитой окажется столь же непримиримым противником феодальной аристократии, каким он был в Русском государстве. Открыто агитировать против унии с Русским государством литовские магнаты не решались, но они сумели добиться того, что во время завязавшихся по этому поводу польско-литовско-русских переговоров вопрос шел уже об избрании на польский престол не самого царя Ивана, а его младшего сына Федора, что, очевидно, больше устраивало литовских магнатов.

Иван IV, однако, легко разгадал планы польско-литовских феодалов. Он настаивал, чтобы избрали не его сына, а его самого, требовал уступки Русскому государству части Ливонии и Киева взамен за Полоцк, указывал, что польско-литовский трон должен стать наследственным в его доме. Речь Посполитая должна была признать за ним царский титул, а короновать его в Кракове должен был митрополит московский. Планы польско-литовских феодалов открыть себе дорогу для беспрепятственного захвата русских земель и насаждения там католичества встретили, таким образом, решительный отпор. Разумеется, условия Грозного были неприемлемы для польско-литовских феодалов. На польско-литовский престол был избран Генрик Валуа (1573), кандидатуру которого поддерживала Турция, опасавшаяся русско-польской унии. По правлению Генрика Валуа оказалось очень кратким. В июне 1574 г., получив известие о смерти Карла IX, наследником которого он являлся, Генрик Валуа тайно бежал во Францию.

На этот раз столкнулись две кандидатуры: Ивана Грозного (или Федора Ивановича) и австрийская. Первая попрежнему была популярна среди шляхты, вторая — пользовалась могущественной поддержкой магнатства, прежде всего литовского, ни в коем случае не желавшего избрания Грозного. Вмешательство Турции еще более обострило положение. Оупущение татарами в сентябре — октябре 1575 г. Подолии, Волыни и Червонной Руси являлось как бы предупреждением польско-литовской шляхте, что Турция не допустит ни усиления Габсбургов, своих основных противников в Центральной Европе, ни установления русско-литовско-польской унии. В интересах Турции было продолжение борьбы между Русским государством и Речью Посполитой, ослаблявшей оба государства. Поэтому турецкая дипломатия добивалась избрания либо «Пяста», т. е. представителя польско-литовской знати, либо шведского короля (или его сына), либо семиградского князя Стефана Батория, вассала Турции и врага Габсбургов.

Исходя из реальной оценки обстановки, Грозный не предпринимал активных действий для поддержки кандидатуры Федора или своей кандидатуры. Он видел, что этим путем остановить экспансию на восток польско-литовских феодалов не удастся, а возможно, и опасался, кроме того, союза польских и литовских магнатов и шляхты с разгромленным русским боярством. При этих условиях проект польско-русской унии снова отступил на второй план.

Магнаты сделали попытку без участия шляхты провозгласить королем Габсбурга — Максимилиана II. Это вызвало громкое возмущение в широких шляхетских кругах. В противовес магнатам шляхта избрала королем Стефана Батория. Чтобы не допустить прибытия в Польшу императора Максимилиана, ненавистного «немца»,

под Енджеёвом собралось до 20 тыс. вооруженных шляхтичей, готовых силой оружия дать отпор имперским войскам. Но столкновения не произошло. Император Максимилиан II скоропостижно скончался, и Баторий беспрепятственно утвердился на польском престоле.

Избрание Батория, совершившееся не без давления Турции, в условиях срыва шляхетских планов польско-литовско-русской унии, означало возобновление вооруженной борьбы Речи Посполитой с Русским государством. Этого не мог не понимать такой искусный политик и дипломат, каким являлся Иван Грозный. Попытки Стефана Батория вступить в переговоры с русским правительством не могли, разумеется, усыпить бдительность последнего. Прекрасно понимая, что Баторий ищет только отсрочки и что борьба неминуема, Иван Грозный спешил обеспечить своему государству прочный выход к Балтийскому морю и укрепить свои позиции против Речи Посполитой. В 1577 г. русские войска возобновили военные действия в Ливонии и добились весьма значительных успехов. Кроме Риги и Ревеля, в их руках оказалась вся Ливония.

Готовясь к войне с Русским государством, Баторий должен был укрепить свой тыл в Польше. Ему пришлось выступить против Гданьска, патрициат которого, стремясь превратить город в независимую купеческую республику, организовал после избрания Батория восстание против Речи Посполитой.

Ян Замойский
Современная гравюра

Военные действия против Гданьска начались в 1577 г. Они не принесли решительного успеха Баторию, которого отвлекали события в Ливонии. Но торговая блокада, нанося крупные материальные убытки гданьскому патрициату, вынудила его искать компромиссного решения. В результате переговоров, закончившихся в декабре 1577 г., Гданьск принес присягу королю Стефану Баторию и должен был выплатить штраф в 200 тыс. злотых. Город обязался вносить королю половину взимаемых им портовых пошлин, но сохранил фактически нетронутым свое самоуправление и внутреннюю автономию.

Таким образом, серьезно укрепить польские позиции в устье Вислы Баторию не удалось. В то же время, стремясь собрать средства для войны против Русского государства, Баторий разрешил за 200 тыс. злотых установить семейную опеку над слабоумным прусским герцогом Альбрехтом Фридрихом, что представляло собой новый шаг к захвату Восточной Пруссии бранденбургскими Гогенцоллернами. Это создавало условия для нового усиления германской феодальной агрессии. Однако польско-литовские феодалы и их король не думали об этом. Жертвуя польскими национальными интересами на западе, они готовились к решительной схватке с Русским государством.

Сейм 1578 г. утвердил необычайно крупные для Речи Посполитой налоги на войну. Баторий вступил в соглашение с Турцией и Крымом. Одновременно на Украине началось формирование реестрового казачества, которое польские феодалы рассчитывали противопоставить остальному казачеству, состоявшему в основном из беглых крестьян. Реестровое казачество должно было стать, по плану польских феодалов, опорой польской власти на Украине; нести пограничную службу. Баторий рассчитывал использовать его и в войне с Русским государством. В реестр попадали только зажиточные казаки. Они получали жалованье и утверждались в правах на освоенные ими земли. Казачья старшина получила значительные денежные пожалования.

В 1578 г. польско-литовские и шведские войска впервые предприняли совместные действия против русских войск в Ливонии и нанесли им поражение под Венденом (Цесисом). В 1579 г. Баторий формально объявил войну Русскому государству. В том же году ему удалось овладеть Полоцком. В 1580 г., после того как сейм утвердил новые налоги на войну, Баторий взял Велиж и Усвят. Польско-литовская армия осадила и захватила Великие Луки.

Русское государство было сильно истощено войной и нуждалось в передышке. Иван Грозный понимал это и пошел на мирные переговоры с Баторием. Но непомерные требования польско-литовской стороны, настаивавшей на уступке Речи Посполитой всей Ливонии, Великих Лук, Смоленска, Пскова и Новгорода, привели к срыву переговоров. Армия Батория приступила к осаде Пскова. Однако под стенами древнего русского города польско-литовских феодалов ожидало тяжелое поражение. Героическое сопротивление псковского гарнизона и горожан сорвало планы кампании 1581 г. Город выдержал все тяготы осады и не капитулировал.

Это заставило польско-литовских феодалов умерить свои претензии к Русскому государству. Речь Посполитая тоже была крайне истощена войной. На Варшавском сейме 1581 г. многие депутаты высказывались за прекращение войны.

15 января 1582 г. в Яме Запольском было заключено 10-летнее перемирие. Условия его были очень тяжелы для русской стороны, хотя и значительно отличались от первоначальных притязаний польско-литовских феодалов. Под власть Речи Посполитой переходили Ливония, Полоцк

и Велиж, но Великие Луки и все другие города, захваченные Баторием в ходе войны, были возвращены Русскому государству. Позже (в 1583 г.), по условиям перемирия со Швецией, Иван Грозный должен был отказаться также от Нарвы и Копорья — удобного выхода к Балтийскому морю. Но Грозный не оставил планов укрепления в Прибалтике, соответствовавших национальным интересам России, и готовился к возобновлению войны. «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; *их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой*»¹.

К возобновлению войны с Россией готовился и Стефан Баторий. Одновременно он предпринимал меры к тому, чтобы, опираясь на шляхту и католическое духовенство, укрепить королевскую власть. Буйные магнаты, выступавшие против Батория, несколько присмирели. На них подействовали устрашающие примеры расправы с литовским паном Григорием Осдиком, казненным за тайные сношения с Иваном Грозным, и особенно с братьями Зборовскими. Зборовские принадлежали к одному из самых крупных магнатских родов Малой Польши. Вокруг них группировались все недовольные Баторием феодалы. Сами Зборовские находились в тайных сношениях с Габсбургами и готовили переворот в пользу австрийского кандидата на польский престол. Самуэль Зборовский был казнен, его брат Кшиштоф предан сеймовому суду и приговорен к лишению прав и изгнанию.

Особенно интенсивно к подготовке новой войны с Россией Баторий приступил сразу же после получения известия о смерти Ивана Грозного (1584). В его планы входило полное подчинение Русского государства. Вслед за тем должно было последовать выступление против Турции. Баторий искал поддержки в Риме. Агенты польского короля вели переговоры в Венеции, Вене, при дворе испанского короля Филиппа II и даже в далекой Персии. Баторию удалось заручиться поддержкой нового пашы Сикста V и получить у него значительную субсидию. Шляхетские сеймики, заседавшие в конце 1586 г., почти единодушно поддержали приготовления к войне. Окончательно вопрос о ней должен был решить сейм, назначенный на начало 1587 г. Но в декабре 1586 г. Баторий скоропостижно умер, и в Речи Посполитой началось новое бескорольеве. Вопрос о возобновлении войны с Русским государством отошел на второй план.

Главными претендентами на трон Речи Посполитой явились австрийский эрцгерцог Максимилиан, русский царь Федор Иванович и шведский король Сигизмунд Ваза. Сторонниками австрийской кандидатуры были польские магнаты, возглавляемые Зборовскими. Литовские магнаты и шляхта вели переговоры с Федором Ивановичем, попрежнему рассчитывая путем польско-литовско-русской унии расчистить путь для своей экспансии на восток. Большой популярностью русская кандидатура пользовалась и у польской шляхты, разделявшей надежды литовцев. Однако русская дипломатия прекрасно понимала эти планы и выдвинула такие условия, которые заранее обрекали на неудачу агрессивные надежды польско-литовских феодалов. Тогда шляхта решительно склонилась на сторону королевича Сигизмунда, считая, что его избрание приведет к прекращению конфликта Речи Посполитой со Швецией и создаст условия для совместного с последней выступления против Русского государства.

В августе 1587 г. шляхетская партия провозгласила Сигизмунда королем. Через несколько дней сенаторская партия объявила королем эрцгерцога Максимилиана. Энергичные действия возглавлявшего шляхетскую

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946, стр. 165.

партию гетмана Яна Замойского, который поспешил занять Краков и отбить наступавшие отряды Максимилиана, определили окончательный успех шведского кандидата.

Однако новый король Сигизмунд III Ваза (1587—1632) обманул ожидания шляхты. Больше, чем польские дела, его интересовали судьбы шведского престола. Стремясь обеспечить его за собой, Сигизмунд всячески пытался заручиться поддержкой австрийских Габсбургов. Одно время он даже вел с ними тайные переговоры об отречении от польской короны в пользу одного из Габсбургов за помощь с их стороны его притязаниям в Швеции. Не оправдал Сигизмунд надежд шляхты и после того, как занял в 1592 г. шведский престол. Польско-шведская личная уния не принесла Польше тех внешнеполитических преимуществ, на которые рассчитывали польские феодалы. Напротив, после того как в 1599 г. Сигизмунд был низложен с шведского престола, Речь Посполитая оказалась втянутой в многолетние трудные и совершенно не нужные Польше войны со Швецией. Военные действия развивались для Польши крайне неудачно. Новый шведский король Карл IX (дядя Сигизмунда) овладел большей частью Ливонии. Отдельные успехи польско-литовских войск не могли изменить ход событий. Даже когда в 1605 г. Ходкевич сумел нанести шведам под Кирхгольмом (Саласпилсом) серьезное поражение, Речи Посполитой не удалось не только овладеть Эстляндией, но и укрепиться в Лифляндии.

4

УКРАИНСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ НАРОДЫ В БОРЬБЕ С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМ ФЕОДАЛЬНЫМ ГНЕТОМ. БРЕСТСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ

Проникновение польских феодалов на Поднепровье и в Брацлавщину сопровождалось захватом земель, принадлежавших крестьянству, горожанам, казакам, мелкой и даже средней православной шляхте. Рост магнатского землевладения, развивавшегося за счет ограбления украинского народа, нес с собой усиление феодального ига. Поэтому конец XVI в. был временем усиления борьбы украинского и белорусского народов против шляхетской Речи Посполитой. Магнатско-шляхетское наступление приводило, в частности, к массовому бегству украинского крестьянства, не желавшего мириться с крепостным правом, на Низ, т. е. в нижнее течение Днепра, в Запорожскую Сечь.

В описываемое время Сечь представляла собой весьма крупную военную организацию. Она делилась на полки, состоявшие из сотен и десятков. Все должности в Сечи были выборными. Фактически власть в Сечи принадлежала богатой старшине, которая эксплуатировала казацкую бедноту. Но крепостного права там не было. В Запорожскую Сечь тянулись люди из Украины, Белоруссии и из Польши.

Укрепление на Украине польского феодального землевладения неизбежно должно было привести казачество в столкновение с Речью Посполитой. Наступление польских феодалов, не стеснявшихся нарушать права даже реестрового казачества и казацкой старшины, угрожало самому существованию казацкой организации. В свою очередь наличие казацкой Сечи, куда массами бежали крепостные крестьяне, подрывало польское

магнатско-шляхетское землевладение на Украине. Запорожская Сечь оказалась в авангарде борьбы украинского народа против польского феодального гнета.

Уже в 1591 г. началось крупное восстание крестьян и казаков против польских феодалов. Поднимаясь на освободительную борьбу, украинские крестьяне и казаки добивались воссоединения Украины с Россией. Во главе восставших стоял гетман реестровых казаков Косинский. Восстание охватило Киевщину, Брацлавщину, Воынь, Подолию и южные районы Белоруссии. Всюду к восставшим казакам присоединялись крепостное крестьянство и городские низы. Косинский вступил в сношения с русским правительством, которое согласилось принять казаков в свое подданство. Как сообщал королю черкасский староста Александр Вишневецкий, Косинский принес присягу «великому князю Московскому со всем войском и подал ему уже все пограничье больше чем на сто миль...» Но Косинскому не удалось осуществить свой план: в 1593 г. он был убит.

В 1594 г. восстание возобновилось. Руководил им известный казачий вождь Северин Наливайко, происходивший из ремесленной среды и возглавлявший нереестровое казачество. В 1595 г. Наливайко с казаками появился на Воыни, где поднялось крестьянское восстание, затем двинулся в Белоруссию, взял города Слуцк, Бобруйск и Могилев. В Белоруссии казаков также поддержало восставшее крестьянство. Одновременно развивалось движение на Киевщине. Здесь действовали восставшие отряды реестрового казачества. В 1596 г. против вернувшегося на Украину Наливайки были брошены крупные силы коронной армии под командой гетмана Жолкевского. В целях подавления восстания Жолкевский использовал противоречия между реестровым и нереестровым казачеством. Наливайко был предан реестровыми казаками и казнен в Варшаве.

В борьбе против освободительного движения украинского и белорусского народов польско-литовские магнаты и шляхта пытались использовать, наряду с вооруженной силой, и средства идеологического воздействия.

В конце XVI в. была предпринята попытка навязать православному населению Речи Посполитой унию с католической церковью. Церковная уния, вдохновителями и организаторами которой являлись польские иезуиты, преследовала далеко идущие цели.

Во-первых, она должна была явиться орудием полонизации литовских, украинских и белорусских феодалов, а следовательно, консолидации всех сил господствующего класса Речи Посполитой. Правда, в этом отношении роль унии была довольно скромной, так как склонные к полонизации белорусские и украинские феодалы предпочитали прямо переходить в католичество.

Во-вторых (и это главное), уния должна была явиться орудием полонизации украинского и белорусского крестьянства и горожан, что в свою очередь должно было ослабить растущее классовое сопротивление их польскому феодальному гнету, культурно изолировать их от братского русского народа, лишить их его могучей поддержки. Уния предназначалась, кроме того, роль орудия подчинения Риму и польским феодалам русского народа, Русского государства.

Практически к проведению церковной унии было приступлено в 1595 г. В 1596 г. в Бресте был созван церковный собор, на котором была провозглашена уния православной церкви с католической. Униатская церковь признавала своим главой папу и подчинялась его власти. Она сохраняла

обряды православной церкви и церковно-славянский язык в богослужении, но принимала основные догматы католической церкви.

Украинское и белорусское крестьянство и горожане справедливо рассматривали унию как страшное орудие классового и национального гнета и правильно поняли, что речь идет о денационализации украинской и белорусской народностей. Крупную роль в борьбе с унией и католической пропагандой сыграли православные церковные братства, существовавшие в городах Украины и Белоруссии. Братства эти объединяли главным образом мещан, хотя участие в них часто принимала и православная шляхта. Самыми крупными братствами были Львовское и Виленское. В 1615 г. было организовано братство в Киеве. В него вступил вместе со всем казацким войском казацкий гетман П. Конашевич-Сагайдачный. Братства были одновременно и культурными центрами. При них существовали православные школы, в которых обучались дети горожан и шляхты. Они имели свои типографии, в которых в большом количестве печаталась полемическая литература, направленная против пропаганды католицизма и унии.

5

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Подъем освободительной борьбы украинского и белорусского народов, связанных сознанием единства происхождения, близости и общности исторического развития с русским народом, еще более усиливал агрессивные настроения среди польско-литовских феодалов против Русского государства. Магнаты и шляхта великоколепно понимали, что без подчинения Русского государства их хозяйничанье на Украине и в Белоруссии рано или поздно должно кончиться крахом. Возобновление открытой экспансии Речи Посполитой против Русского государства было связано также с торжеством в Польше католической реакции. Вместе с тем новые захваты русских земель должны были ослабить внутриклассовую борьбу в лагере польско-литовских феодалов за феодальную ренту.

Польско-литовской интервенции предшествовало посольство литовского канцлера Льва Сапегы в Москву в 1600 г.

Сапега предложил план унии между Речью Посполитой и Русским государством, которая должна была значительно расширить сферу польско-литовской феодальной эксплуатации, упрочить позиции Речи Посполитой на Украине и в Белоруссии и обеспечить ее господствующее положение в Центральной и Восточной Европе, предопределив решающую победу Польско-литовского государства в борьбе со Швецией, а затем и с Турцией.

Правительство Бориса Годунова отклонило предложения Льва Сапегы. Переговоры закончились подписанием перемирия на 20 лет. Но вскоре Сигизмунд III воспользовался ослаблением Русского государства, потрясенного голодом и начавшейся крестьянской войной, для вмешательства в русские дела.

Первоначально интервенция польско-литовских феодалов в Русское государство осуществлялась в скрытой форме и выразилась в поддержке появившегося в Речи Посполитой самозванца Лжедмитрия I. Самозванец появился впервые при дворе украинского магната Адама Вишневецкого, а затем руководство авантюрой перешло к сандомирскому воеводе Ежию

(Юрию) Мнишку. По его инициативе было решено организовать военную кампанию против Русского государства с участием хорошо вооруженных польских отрядов. Принятие «царевичем» католичества должно было привести в дальнейшем к признанию власти римского папы всем Русским государством. Лжедмитрий должен был вступить в брак с дочерью Мнишка Мариной. В Речи Посполитой и в Риме прекрасно знали о том, что новоявленный «царевич» — самозванец. Тем не менее Лжедмитрием заинтересовались и папский нунций и король, который пригласил его прибыть ко двору.

В Кракове между королем и Лжедмитрием состоялось тайное соглашение. Король обещал не препятствовать военным приготовлениям Лжедмитрия. Самозванец же обязался немедленно по восшествии на престол предоставить в распоряжение короля необходимые средства для разгрома Швеции. Между Речью Посполитой и Русским государством должен был быть заключен «вечный мир», по условиям которого к Речи Посполитой отходила почти вся Северская земля. Вместе с тем, по соглашению с нунцием и иезуитами, Лжедмитрий обещал принять энергичное участие в крестовом походе против турок и гарантировал подчинение Русского государства папской власти.

По брачному контракту с Мариной Мнишек самозванец обязался богато одарить свою будущую супругу из царской казны и выплатить ее отцу 1 млн. золотых на погашение долгов и расходы на предстоящую поездку Марины в Москву. В качестве «вена» Марина должна была получить в удел Псков и Новгород. Богатая Смоленская земля и часть Северской были обещаны ее отцу-воеводе в наследственное владение.

В августе 1604 г. войско самозванца выступило из Львова к русской границе и в октябре переправилось через Днепр. Поход на Москву начался.

Официально Речь Посполитая не принимала участия в интервенции. Большинство сенаторов высказалось против поддержки Лжедмитрия и, не желая оставить его дело в руках короля, настаивало на обсуждении его в сейме. Против Лжедмитрия высказались сеймики. Сейм, собравшийся в январе 1605 г. в Варшаве, вынес постановление, запрещавшее поддержку самозванца.

Но разногласия короля с большинством сенаторов и сеймовых посланцев не имели принципиального характера и были связаны с общим недовольством шляхты правлением Сигизмунда III. Замойский, выступая на сейме, доказывал, что завоевание Русского государства — дело сложное и опасное, к которому Речь Посполитая не готова, что вести войну против России можно, только имея большую армию. Наконец, заявлял он, если уже решено свергнуть Бориса Годунова, то на его место следует ставить не подозрительного «господарчика», а кого-либо из настоящих Рюриковичей, хотя бы Шуйского. Решение сейма при таких условиях не могло изменить позиции короля; он продолжал поддерживать самозванца. Поэтому, несмотря на официальные заявления о нейтралитете Речи Посполитой, поход Лжедмитрия был началом ее вооруженного вмешательства во внутренние дела Русского государства. Главными организаторами похода явились магнаты Речи Посполитой, вступившие в соглашение с королем, папским нунцием и иезуитами. За спиной польских союзников Лжедмитрия стоял римский папа, вдохновитель внешнеполитической программы Сигизмунда III.

Используя сложное переплетение классовых противоречий в Русском государстве и широкое народное движение против Бориса Годунова и его династии, Лжедмитрию удалось достичь Москвы и захватить власть. Торжество самозванца не было, однако, продолжительным. Острые антифео-

дальней борьбы крепостного крестьянства и городских низов, направленное до того против Годуновых, вскоре повернулось против самозванца, внутренняя политика которого носила ярко выраженный крепостнический характер. Одновременно против самозванца назревал боярский заговор. Недовольное Лжедмитрием боярство поспешило вступить в переговоры с его польско-литовскими союзниками. Сигизмунд III, правда, не принял прямо их предложения возвести на царский трон королевича Владислава. Однако он согласился с тем, что Лжедмитрия следует убрать.

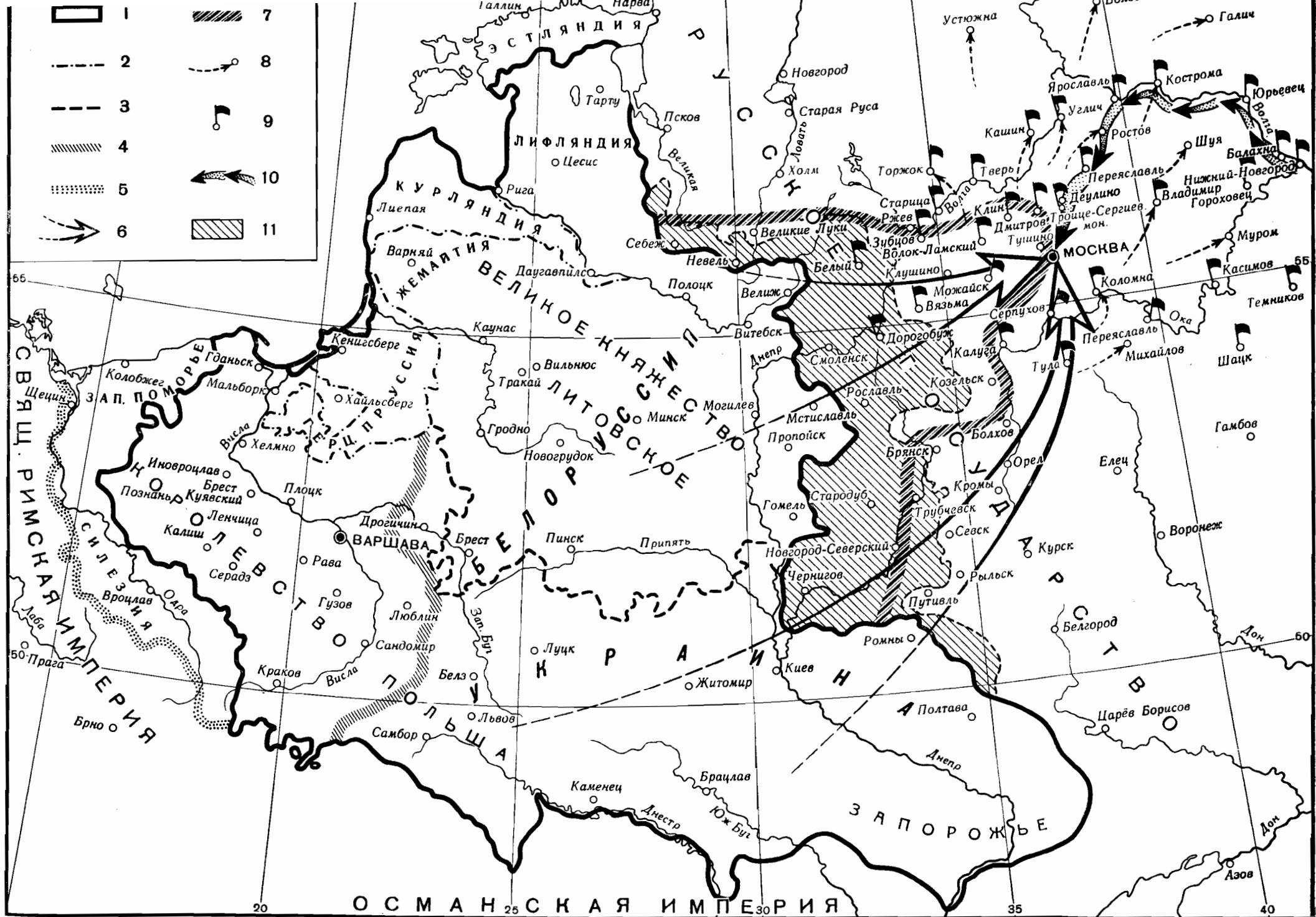
Причиной перемены в планах Сигизмунда III было то, что, овладев московским престолом, самозванец оказался не в состоянии выполнить условия своего тайного соглашения с королем. Самым срочным вопросом для Сигизмунда III было выступление Русского государства против Швеции. Однако прибывший в октябре 1605 г. в Москву для разрешения этого вопроса А. К. Госевский не смог добиться нужных королю результатов. К тому же польско-литовские притязания значительно возросли. В королевских инструкциях Олесницкому и Госевскому, которые должны были сопроводить в Москву Марину Мнишек, речь шла уже об уступке Речи Посполитой не только Новгорода-Северского, но и Новгорода, Пскова, Смоленска, Великих Лук, Торопца, Вязьмы, Дорогобужа и некоторых других городов. Отношения между обоими государствами предполагалось построить на условиях проекта унии, предложенного Львом Сапегой в 1600 г. Само собой очевидно, что если самозванец был не в состоянии выполнить прежние условия соглашения, то новые условия должны были поставить его в тупик.

Для того чтобы укрепить свое положение, Лжедмитрий вступил в тайные сношения с шляхетской оппозицией в Речи Посполитой. Возглавлявший оппозицию М. Зебжидовский открыто вел дело к прямому разрыву с Сигизмундом III. В начале 1606 г. угроза вспышки гражданской войны в Речи Посполитой стала совершенно реальной. Раздавались голоса, требовавшие низложения Сигизмунда, который обвинялся в намерении захватить абсолютную власть в Речи Посполитой. К недовольным присоединились протестантская шляхта и магнаты, возмущенные политикой католической реакции, проводимой королем.

Резкое обострение разногласий между королем и самозванцем окрылило русских бояр. Непримиримым противником самозванца было православное духовенство. Однако главная опасность грозила Лжедмитрию со стороны народных масс России, обманутых в своих надеждах на «хорошего царя».

Вызывающее поведение окружавших Лжедмитрия чужеземцев, ведших себя в Москве, как в завоеванной стране, оскорбляло национальное чувство русских людей, до крайности раздражало население столицы, которое каждую минуту готово было подняться и уничтожить незваных гостей.

На рассвете 27(17) мая 1606 г. боярские заговорщики ворвались в Кремль и расправились с самозванцем. Одновременно началось массовое восстание против интервентов, принявшее всенародный характер. Стремясь использовать восстание в своих интересах, бояре думали, однако, о том, чтобы не испортить отношений с Речью Посполитой. Поэтому ими были приняты все меры к тому, чтобы посольский двор и все лица, связанные с польско-литовским посольством, остались в неприкосновенности. Виднейшие заговорщики, в том числе сам В. И. Шуйский, энергично участвовали в спасении знатнейших из поляков, находившихся в Москве, — князя А. Вишневецкого и воеводы Е. Мнишка. Не пострадала и Марина Мнишек.

Речь Посполитая в период интервенции в Русское государство

1 — Речь Посполитая в начале XVII в.; 2 — вассалы Речи Посполитой; 3 — граница между королевством Польским и Великим княжеством Литовским после Люблинской унии 1569 г.; 4 — восточная граница собственно польских земель в составе Речи Посполитой; 5 — западная граница территории Русского государства, оккупированной польско-литовскими захватчиками в 1612—1613 гг.; 6 — основные направления ударов польско-литовских интервентов в 1609—1612 гг.; 7 — восточная граница территории Русского государства, оккупированной польско-литовскими захватчиками в 1612—1613 гг.; 8 — важнейшие русские города вне этой территории, подвергавшиеся нападению со стороны захватчиков; 9 — важнейшие города — участники II ополчения; 10 — направление движения II ополчения на освобождение Москвы (1612 г.); 11 — территории Русского государства, отошедшая в Речь Посполитую по Деулинскому перемирию 1618 г.

Воспользовавшись восстанием, кучка бояр-заговорщиков поспешила пробраться к власти. Василий Шуйский был «выкрикнут» на Красной площади в цари небольшой группой своих сообщников.

Таким образом, первая попытка интервенции польско-литовских феодалов против Русского государства потерпела в конечном счете неудачу.

Боярский царь Василий Шуйский, опасаясь открытой интервенции Речи Посполитой, стремился не обострять с нею отношений. Однако если вначале ему удалось избежать прямой интервенции, то это отнюдь не было заслугой его дипломатии. Сигизмунд III не имел в этот момент никакой возможности активно вмешаться в происходившие в Русском государстве события. Восстание шляхты (рокош) против короля принимало все большие масштабы. В августе 1606 г. под Сандомиром собралось около 50 тыс. недовольных шляхтичей. Однако и на стороне короля оказалась значительная масса шляхты. Его поддерживали крупные магнаты — Сеявские и Потоцкие. Верным королю остался и гетман Жолкевский. Вскоре между враждовавшими сторонами начались переговоры. Поскольку ряды недовольных быстро редели и перевес оказался на стороне короля, вожди недовольных — Зебжидовский и Радзивилл — вынуждены были принести извинения королю и распустить собравшихся. Король обещал, что сейм займется разбором их требований и жалоб.

Но вскоре великопольская шляхта вновь объявила рокош, к которому присоединились Зебжидовский и Радзивилл. Снова было объявлено об отказе в повиновении королю. Тогда сенат решил вооруженной силой подавить восставшую шляхту. В июле 1607 г. под Гузовом Жолкевский и Ходкевич нанесли поражение восставшим. Решительная расправа с восставшей шляхтой не вхридила, однако, в планы магнатов, заседавших в сенате. Они опасались возможности усиления королевской власти и принудили короля пойти на примирение с вождями рокоша.

В Русском государстве в это время происходили события громадной важности. В 1606 — начале 1607 г. крестьянская война, возглавленная талантливым организатором и полководцем Иваном Болотниковым, достигла своего кульминационного пункта. Боярскому правительству Василия Шуйского пришлось направить все свои силы против народных восстаний. Обстоятельство это сыграло крупную роль в выступлении второго самозванца.

Из Польши в Стародуб с небольшим польским отрядом прибыл в июле 1607 г. Лжедмитрий II. В июне 1608 г. он подступил к Москве. Потерпев неудачу под ее стенами, он укрепился в Тушине. Его поддерживали остатки отрядов польско-литовской шляхты, окружавших Лжедмитрия I и не собиравшихся покидать Русское государство, и большие отряды рокошан Зебжидовского, отступавших с территории Речи Посполитой. Они послужили основной, организованной частью армии второго самозванца. Их пополняли толпы приходившей из Речи Посполитой шляхты. Видной фигурой в лагере самозванца был усвятский староста Ян Петр Сапега, родственник литовского канцлера, приведший с собой на службу к Лжедмитрию II большой отряд шляхты. Он находился в постоянных сношениях с королевским двором. Только с помощью польско-литовских отрядов самозванец, отбитый от Москвы, смог укрепиться в Тушине. Здесь вокруг него объединились недовольные правлением Василия Шуйского. В лагере Лжедмитрия II появилась и Марина Мнишек.

Польско-литовские шляхтичи чувствовали себя в Тушине завоевателями. Наглое поведение интервентов, грабежи и насилия, чинимые ими, вызывали глубокое возмущение всех слоев русского общества. Особенно прославился своей жестокостью один из вожakov интервентов — Лисов-

ский. Осенью 1608 г. он совместно с Сапегой совершил нападение на Троицкий монастырь, надеясь захватить там богатую добычу. Однако взять монастырь не удалось. В течение 16 месяцев он героически оборонялся от 15-тысячного польско-литовского войска.

Освободительная борьба русского народа против польско-литовских феодалов-захватчиков приобретала все большие размеры.

При таких условиях начиналась прямая, «государственная» интервенция Речи Посполитой против Русского государства. Предлогом для нее явилось заключение правительством Шуйского договора со Швецией. В обмен за военную помощь (Карл IX передавал на русскую службу 15-тысячный отряд Якова Делагарди) Шуйский отказался от прав на Ливонию и уступал Швеции г. Корелу с уездом. Вмешиваясь в русские события, Швеция стремилась, с одной стороны, добиться ослабления Речи Посполитой, с которой она вела борьбу в Прибалтике, с другой — овладеть русским Севером.

О том, что Выборгский русско-шведский договор был только предлогом, а не причиной вооруженного выступления Речи Посполитой против Русского государства, говорит тот факт, что пригрозивления к интервенции были начаты Сигизмундом III значительно ранее февраля 1609 г., когда был заключен этот договор. Еще в январе король совещался по этому поводу с сенаторами и получил их согласие на интервенцию. Намерение короля предпринять завоевание Русского государства полностью поддерживал римский престол, оказавший Сигизмунду материальную поддержку. В марте королевским универсалом было официально объявлено о начале войны.

В сентябре 1609 г. польско-литовские войска подступили к Смоленску. Гарнизон и жители города оказали захватчикам героическое сопротивление. Осада города затянулась почти на два года и сорвала все расчеты короля на быструю военную победу над Русским государством.

Начало польско-русской войны привело к распаду Тушинского лагеря. Часть польско-литовских отрядов по приказу короля выступила под Смоленск, другая, отказавшись подчиниться королю, покинула Тушино, из которого бежали также самозванец и Марина Мнишек, и продолжала «войну» в России на свой страх и риск. Находившиеся в Тушине бояре во главе с тушинским «патриархом» Филаретом Романовым вступили в переговоры с Сигизмундом III. В феврале 1610 г. между тушинскими боярами и королем был подписан договор, по которому сын Сигизмунда королевич Владислав признавался русским царем. Договор содержал и другие крупные уступки Речи Посполитой и римскому престолу. Польские гарнизоны могли временно оставаться в пограничных городах, католическому духовенству было разрешено построить костел в Москве.

Между тем к Смоленску продвигалась крупная армия под командой брата царя — Д. И. Шуйского. В ее состав входили и шведские войска. Навстречу им был выслан гетман Жолкевский. В битве под Клушином в июле 1610 г. Жолкевскому удалось разгромить Шуйского. Измена немецких наемников из отряда Делагарди была одной из важнейших причин успехов польско-литовской армии. После этого Жолкевский двинулся к Москве, к которой в это время вновь подступил и Лжедмитрий II. В самой Москве восставшие дворяне во главе с З. Ляпуновым свергли Василия Шуйского. У власти оказалась боярская дума, которая пошла на прямое предательство национальных интересов и заключила с Жолкевским в августе 1610 г. договор, повторявший в основном условия февральского договора тушинцев. Для урегулирования спорных вопросов под Смоленск

было направлено боярское посольство. Москва была приведена к присяге королевичу Владиславу, и в Кремль тайком был пропущен польский гарнизон во главе с Жолкевским. Вскоре Жолкевский вернулся под Смоленск, оставив вместо себя Госевского и увезя с собой Василия Шуйского и его братьев.

В 1611 г. вследствие измены Смоленск был захвачен польско-литовскими войсками. Сигизмунд рассматривал Россию как завоеванный край. Но на защиту родины поднялись широкие массы русского народа — крестьяне, население городов и значительная часть дворянства.

Главной движущей силой борьбы против иностранных интервентов были крестьяне и посадские люди, которые больше всего страдали от интервенции. Повсюду стихийно создавались партизанские отряды, истреблявшие захватчиков.

Зимой 1611 г. начался сбор первого земского ополчения. Когда ополчение в марте 1611 г. подступило к столице, жители ее подняли восстание. Не имея сил подавить восстание, польский гарнизон поджег город и укрылся за стенами Кремля. Только раскол ополчения вследствие противоречий между входившими в него дворянством и казачеством спас на этот раз польских интервентов от катастрофы.

Во главе организации второго ополчения стал выдающийся политический деятель Кузьма Минин. По его инициативе было собрано нижегородское ополчение, объединившее затем служилых людей всего Русского государства. К ополчению присоединились крестьяне, казаки и стрельцы. В нем приняли участие многочисленные народности, входившие в состав Русского государства: татары, марийцы, чувашаи, мордва, удмурты. Воеводой ополчения был избран князь Д. М. Пожарский.

В марте 1612 г. второе ополчение выступило из Нижнего-Новгорода, по дороге все время обрастая новыми силами. Путь его лежал через Ярославль на Москву. Под Москвой оно встретилось с польско-литовской армией гетмана Ходкевича, которую Сигизмунд III направил на выручку польского гарнизона в Кремле. В решительном сражении войска гетмана были разбиты. 1 ноября (22 октября) 1612 г. ополчение взяло приступом Китайгород. Вскоре был взят и Кремль.

Однако война России с Речью Посполитой еще не была закончена. После избрания земским собором на царство Михаила Романова русское правительство в 1613 г. пробовало вступить в переговоры с Сигизмундом о прекращении войны. Но король не думал отказываться от своих завоевательных планов. В 1615—1616 гг. переговоры возобновились. Русские требовали возвращения Смоленска и освобождения пленных. Польско-литовская сторона не хотела и слышать о возврате Смоленска и отказывалась признавать Михаила царем.

В 1617—1618 гг. войска Речи Посполитой во главе с королевичем Владиславом предприняли новый поход на Москву и в октябре 1618 г. стали лагерем в Тушине. Однако попытка взять Москву штурмом была отбита. Речь Посполитая вынуждена была возобновить переговоры с Русским государством, закончившиеся в декабре 1618 г. подписанием в дер. Деулино перемирия сроком на 14 с половиной лет.

Хотя условия Деулинского перемирия были очень тяжелы для России (Смоленск и Северская земля отходили к Речи Посполитой), перемирие означало провал планов польско-литовских феодалов подчинить себе Русское государство. Героическая борьба русского народа положила предел восточной экспансии польских и литовских феодалов. Это было залогом неизбежного крушения их власти и на Украине и в Белоруссии.

6

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ПЕРВЫЙ ЭТАП
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

В тот год, когда Деулинское перемирие завершило многолетнюю интервенцию Речи Посполитой против Русского государства, пагубную для интересов польского народа, на западных рубежах страны началась давно назревавшая война между двумя группировками европейских государств, получившая наименование Тридцатилетней. Ядром одной из этих группировок была Австрия, объединившая вокруг себя ряд германских княжеств, составивших так называемую Католическую лигу. Союзником Австрии являлась Испания, где, как и в Австрии, правили Габсбурги. Против этого лагеря выступал блок германских княжеств — так называемая Евангелическая (протестантская) уния, созданная в 1608 г. Усиление Австрии и Испании означало бы торжество в Европе католической реакции. Однако речь шла не только об этом. Речь шла об установлении с помощью католической реакции безраздельной гегемонии в Европе австро-испанских Габсбургов. Поэтому в коалиции против Австрии и Испании приняли участие не только протестантские государства — Англия, Голландия, Дания и Швеция, но и католическая Франция, которой принадлежала очень важная роль в «протестантском» союзе.

Началом Тридцатилетней войны послужило антигабсбургское восстание в Чехии, вспыхнувшее в 1618 г. Союзником чехов выступил семиградский князь Бетлен Габор, освободивший от австрийского господства Словакию и северную Венгрию. Поздней осенью 1619 г. чехи и Бетлен осадили Вену.

Война в империи открывала перед Польшей возможность воссоединения давно отторгнутой исконной польской земли — Силезии. Эта перспектива полностью соответствовала польским национальным интересам и в связи с восстанием в Чехии и критическим положением Габсбургов была вполне осуществимой. Притесняемые Габсбургами силезские поляки обращались за защитой к Польше еще в 1616 г.

Однако внешняя политика Сигизмунда III и той группировки польских феодалов, на которую он опирался, менее всего руководствовалась национальными интересами Польши. Еще в 1613 г., рассчитывая на помощь Габсбургов против России и Швеции, Сигизмунд III заключил с ними союз. Союз этот оказался выгодным только Габсбургам, которым Сигизмунд III действительно очень помог в 1619 г. Посланные Сигизмундом через Карпаты банды Лисовского опустошили Словакию и принудили Бетлена отказаться от осады Вены. Это был поворотный пункт первого этапа Тридцатилетней войны, подготовивший разгром имперско-католическими войсками восставшей Чехии. «Лисовчики», кроме того, помогли Габсбургам восстановить свою власть в Силезии. Эти действия Сигизмунд III предпринимал в обход сейма без официального объявления войны, опираясь на торжествовавшую в стране католическую реакцию.

Выступление Сигизмунда III против Бетлена спровоцировало ответное выступление сюзерена семиградского князя — турецкого султана. В 1620 г. началась польско-турецкая война. В Молдавии под Цепорой польские войска и запорожские казаки столкнулись с численно превосходившей их турецкой армией. Отступление польских войск проходило в беспрерывных схватках с наседавшими турками и татарами. В ночь

с 6 на 7 октября 1620 г. у Днестра близ Могилева разыгралась решающая битва. Значительная часть польско-казацкого войска и сам командующий войсками выдающийся польский полководец Станислав Жолкевский погибли, многие попали в плен. В турецкую неволю попал и будущий вождь освободительной войны украинского народа Богдан Хмельницкий. Никем не сдерживаемые, татарские орды опустошили край до Львова и Перемышля.

Известие о гибели Жолкевского и его войска и о вторжении татар произвело сильное впечатление в Польше. Хотя польские сеймы обычно очень неохотно шли на новые ассигнования, собравшийся в Варшаве в начале ноября 1620 г. сейм без всяких колебаний постановил собрать новые подати, необходимые для формирования 60-тысячного войска. Сигизмунд III обратился к австрийскому союзнику, но Габсбурги меньше всего думали о помощи Польше. Им была выгодна польско-турецкая война, отвлекавшая от них силы Турции.

Вместо предполагаемых 60 тыс. в Польше удалось набрать только 32 тыс. воинов. Но на борьбу против турецко-татарского нашествия поднялся украинский народ. В польский лагерь под Хотинском прибыло 40 тыс. казаков во главе с гетманом Петром Конашевичем-Сагайдачным. В рядах сражавшихся находились и донские казаки. Война с Турцией приобрела народный характер. Это была защита польского, украинского и русского народов от жестоких поработителей и грабителей. В Хотинской кампании казаки показали чудеса героизма. Современники, оценивая стойкость и отвагу казаков, сравнивали их со спартапцами при Фермопилах.

Несмотря на численное превосходство, туркам и татарам не удалось вторгнуться на украинский берег Днестра, и они вынуждены были заключить мир. Благодаря совместным усилиям польского и украинского народов турецко-татарская опасность была ликвидирована. Начавшиеся вскоре в Стамбуле дворцовые перевороты на ряд лет отодвинули угрозу турецкой агрессии.

Но в это время Речи Посполитой был нанесен серьезный удар на севере. Затруднениями Польши воспользовался шведский король Густав II Адольф. Летом 1621 г., в разгар военных действий под Хотинском, шведы перешли в наступление в Ливонии и Курляндии и в короткий срок добились значительных успехов. Вскоре капитулировала Рига. Для Речи Посполитой это было очень тяжелым ударом, так как через устье Двины шла основная масса товаров из Великого княжества Литовского. Захват Риги делал шведов хозяевами в Восточной Прибалтике.

В 1625 г. шведы взяли Дерпт. В их руки попали к этому времени и курляндские порты. Стремясь овладеть всеми важнейшими пунктами на Балтийском море и превратить его во «внутреннее» шведское море, Густав Адольф перенес военные действия в Пруссию и Польское Поморье.

В 1626 г. шведские войска высадились в порту Пиллау. Не встречая ни малейшего сопротивления со стороны прусского герцога (им был с 1618 г. бранденбургский курфюрст), они форсированным маршем пересекли Пруссию и овладели лежащим в дельте Вислы Мальборком. Вскоре были заняты Пуцк и Эльблонг; к осени 1626 г. весь север Польского Поморья, за исключением Гданьска, был захвачен шведами. Потеря Поморья затрагивала жизненные интересы широких слоев польской шляхты. Поэтому польские войска, действовавшие против шведов, были значительно усилены и весной 1627 г. перешли в наступление. Они овладели Пуцком и разгромили четырехтысячный отряд немецких ландскнехтов, нанятых Густавом Адольфом. Осенью 1627 г.

польский флот одержал победу над шведскими кораблями и заставил шведов снять блокаду Гданьска. Однако, несмотря на эти успехи, значительная часть Поморья оставалась в руках шведов. Военные действия продолжались с переменным успехом.

В войне со Швецией Сигизмунд III не получал никакой поддержки от своих союзников — Габсбургов. Между тем, скользя силы Швеции, Речь Посполитая оказывала значительную помощь Австрии. В 1626—1627 гг. императорские войска под командованием Валленштейна и войска Католической лиги одержали ряд побед, в результате которых в их руках оказалась вся Северная Германия. Возник проект создания императорского флота на Балтике. Это вызвало серьезное беспокойство Голландии, которая выступила с предложением посредничества между Швецией и Речью Посполитой. Целью Голландии было добиться освобождения шведских сил, связанных войной с Речью Посполитой, чтобы направить их против войск императора и Лиги. Габсбурги же, естественно, были крайне заинтересованы в продолжении польско-шведской войны. Различными обещаниями габсбургской дипломатии удалось еще на два года затянуть эту войну. В 1629 г. Габсбурги вынуждены были даже послать в Поморье на помощь Польше семитысячный корпус. Но помощь австрийских войск была малоэффективной, а ландскнехты вызывали своими бесчинствами всеобщее возмущение польского населения.

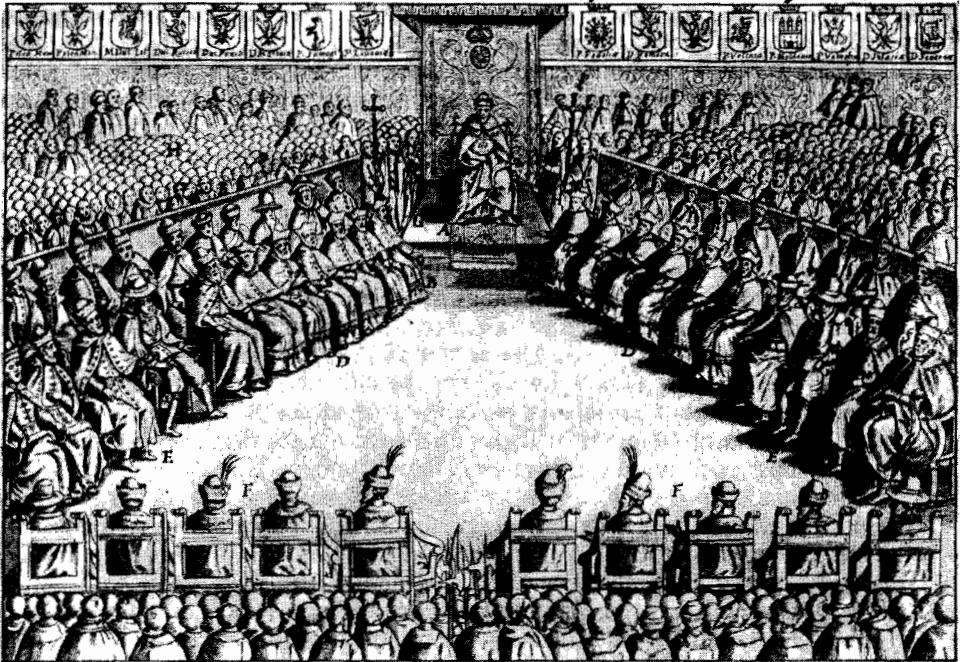
Между тем участники антигабсбургской коалиции все настойчивее добивались окончания шведско-польской войны. На этот раз в качестве посредников вместе с Голландией выступили Англия и Франция. Условия перемирия, заключенного, наконец, в сентябре 1629 г. в Альтмарке на шесть лет, были очень тяжелы для Речи Посполитой. Шведы удерживали в своих руках Ливонию и Эльблонг, а также все порты Восточной Пруссии. С Гданьском шведы заключили особую конвенцию, по которой львиная доля таможенных сборов в Гданьске переходила в руки шведов. Швеции удалось в это время фактически подчинить своей власти все принадлежавшее Речи Посполитой или зависимое от нее балтийское побережье и полностью поставить под свой контроль всю ее морскую торговлю. Таковы были печальные результаты внешней политики клики Сигизмунда Вазы.

7

СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА. НЕУДАЧА ПОПЫТОК ВЛАДИСЛАВА IV УКРЕПИТЬ КОРОЛЕВСКУЮ ВЛАСТЬ

Русское государство не могло примириться с потерей Смоленска и Северщины, которые захватила Речь Посполитая по Деулинскому перемирию. К тому же продолжала существовать постоянная угроза возобновления польско-литовской интервенции. Об этом, в частности, говорит упорное сохранение Владиславом титула «московского царя». Все это делало Речь Посполитую главным противником Русского государства.

Поэтому, не участвуя непосредственно в Тридцатилетней войне, русское правительство оказывало поддержку державам антигабсбургской коалиции — Дании и Швеции, продавая им стратегическое сырье (селитру, лен, корабельный лес и т. д.) и хлеб. Внимательно наблюдая за событиями в Центральной Европе, русское правительство ожидало благоприятного момента для начала войны за возвращение захваченных Речью Посполитой земель.

A. Sacra Regia Maiestas. B. Archiepiscopus Cuiusdam Primas Regni. C. Archiepiscopus Leopoldus. D. Episcopi Senatores. E. Palatini Castellani Senatores. F. Magistratus et Officiales Regni et Magni Ducatus Lithuaniae. Senatores. G. Officiales Curiae Aulicae et Secretarii R. S. M. H. Nobiles Regni et Mag. Duc. Lith.

• Заседание сейма
Гравюра 1622 г.

Такой момент наступил, по мнению русского правительства, в 1632 г. Вторгшиеся в Германию шведские войска нанесли ряд тяжелых поражений войскам Габсбургов и Католической лиге, что исключало возможность получения Речью Посполитой помощи извне. Напряженность отношений между Речью Посполитой и Турцией и Крымом давала основания полагать, что последние оттянут на себя часть польских сил. Наконец, в самой Речи Посполитой с апреля 1632 г. после смерти Сигизмунда III наступило бескорольевье.

Осенью 1632 г. русские войска заняли ряд городов на Севершине и Смоленщине. Но осада Смоленска, начавшаяся весной 1633 г., не имела успеха. Летом 1633 г. на помощь смоленскому гарнизону пришел с большими силами новый польский король Владислав IV. Ошибки московского воеводы М. Б. Шеина привели к тому, что русские войска оказались зажатыми между крепостью Смоленска и силами Владислава IV и в феврале 1634 г. вынуждены были капитулировать.

Неблагоприятно сложилась для Русского государства и внешнеполитическая обстановка. В ноябре 1632 г. в битве под Люцеком погиб Густав Адольф. Положение шведов в Германии значительно осложнилось, и рассчитывать на их помощь в войне с Речью Посполитой русское правительство уже не могло. Турция готовилась к войне крайне неторопливо. Правда, в начале 1634 г. турецкие войска предприняли наступление на территорию

Речи Посполитой, но потерпели поражение. Никакого существенного влияния на ход Смоленской войны турецкое выступление не оказало. Между тем турецкий вассал — крымский хан, действуя по договоренности с Речью Посполитой, совершил опустошительный набег на русские земли, отвлекший часть русских сил с западного направления.

Смоленская война 1632—1634 гг. завершилась миром, подписанным в июне 1634 г. на р. Поляновке под Вязьмой.

По договору России был возвращен г. Серпейск и произведены некоторые другие незначительные изменения пограничной линии. Смоленск и Северщина остались за Речью Посполитой. Причина конфликта между Речью Посполитой и Русским государством, таким образом, не была ликвидирована. И хотя Поляновский договор был договором не о перемирии, как это было в Деулине, а о «вечном мире», было очевидно, что Русское государство не примирилось и не может примириться с отторжением русских земель и что борьба за них неминуемо возобновится.

Поляновский мир и мир с Турцией, заключенный осенью 1634 г., несколько упрочили положение Речи Посполитой. Но по существу это был ее последний успех. Авантюристическая внешняя политика крайне истощила силы страны и усугубила все внутренние и внешнеполитические трудности.

После того как был заключен Поляновский мир, венский двор прилагал все усилия к тому, чтобы побудить Владислава IV развязать новую войну Речи Посполитой со Швецией, срок перемирия с которой истекал в 1635 г. Владислав IV был склонен последовать советам Австрии, но натолкнулся на решительное сопротивление польских феодалов. Поэтому в результате переговоров в Штумдорфе, опять проходивших при посредничестве Франции, Англии и Голландии, перемирие между Речью Посполитой и Швецией было продлено на 25 лет. Ливония оставалась во власти шведов, которые, однако, очистили Эльблонг и прусские города и отказались от своего контроля над Гданьском.

Но положение в Прибалтике оставалось крайне напряженным. Проект введения пошлин в Гданьском порту, с тем чтобы обратить полученные средства на строительство польского военного флота, окончился провалом. Гданьское купечество ответило на эту меру прямым неповиновением и обращением к иностранным дворам. Оно нашло сильную дипломатическую поддержку со стороны Франции, а Дания не остановилась перед нападением на польский флот. Австрия также недоброжелательно относилась к плану укрепления Речи Посполитой на Балтике. В самой Речи Посполитой поведение мятежных гданьчан, ссылавшихся на то, что они выступают в защиту вольностей и старых привилегий, нашло немало сторонников среди магнатов и шляхты, враждебных любому акту, который мог бы привести к укреплению королевской власти. Король был принужден капитулировать.

Стремясь к укреплению королевской власти и не находя для этого опоры внутри Речи Посполитой, Владислав IV хотел создать такую опору в каком-либо владении вне Речи Посполитой. В период штумдорфских переговоров он упорно выдвигал план, по которому мир со Швецией и отказ от титула шведского короля должны были компенсироваться возвращением Швецией Ливонии, но не Речи Посполитой, а лично ему — Владиславу IV. Владислав полагал, что, став независимым от Речи Посполитой владельцем Ливонии, он получит источник средств для борьбы с могущественными магнатами и сможет изменить государственный строй шляхетской республики. Штумдорфский план, однако, не осуществился. Тогда Владислав IV развернул в 1646 г.

широкую подготовку к войне против Турции. Он опять рассчитывал, что успех этой войны, которая готовилась без санкции магнатско-шляхетского сейма, позволит ему создать себе прочную опору в виде крупных наследственных владений из отвоєванных у Турции территорий.

Готовя войну против Турции, Владислав IV надеялся на финансовую помощь Венеции и Франции, заинтересованных в том, чтобы отдалить Речь Посполитую от Австрии и лишитъ последнюю возможности опереться на польскую помощь в заключительной фазе Тридцатилетней войны. В войне с Турцией и Крымом Владислав IV предполагал использовать украинское казачество и заключить союз с Русским государством.

Но и этот план Владислава был сорван магнатской олигархией. Ее решительное выступление против войны с Турцией на сейме 1646 г. заставило короля прекратить военные приготовления и распустить уже набранные войска.

В то время как борьба короля и магнатства обрекала Речь Посполитую на военно-дипломатическую пассивность и бесплодные колебания между австрийской и французской внешнеполитической ориентацией, на западе завершалась Тридцатилетняя война. Одним из итогов войны было страшное опустошение западных польских земель — Силезии и Поморья, бывших в течение ряда лет театром военных действий. Восстановление феодального хозяйства на западных польских землях после Тридцатилетней войны проходило в форме небывалого усиления барщинно-крепостнического гнета. Крайне неблагоприятным для Речи Посполитой фактом было усиление ее северного противника — Швеции. В числе захваченных Шведией территорий была часть Западного Поморья с Щецином. Остальная часть Западного Поморья, включая и кашубские районы, еще сохранившие свой славянский облик, перешла под власть Бранденбурга.

Ослабление Речи Посполитой и падение ее международной роли в первой половине XVII в. было неизбежным результатом начавшегося экономического упадка страны, который сопровождался быстрым ростом политического влияния магнатства. Речь Посполитая стояла накануне серьезного кризиса, вскрывшего всю глубину переживаемого ею упадка.

8

ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ В 1620—1630-х ГОДАХ

Первая четверть XVII в. была временем дальнейшего феодального наступления польско-литовских магнатов и шляхты на крестьянство Украины и Белоруссии, на существовавшие еще казачьи «вольности» на Украине. Увеличивалось число закрепощенных, все более усиливался барщинный гнет. В Приднепровье, на богатых и плодородных украинских землях выросли огромные магнатские латифундии. По богатству Калиновские, Потоцкие, Конецпольские и другие «крулевыта», как звали их в Речи Посполитой, нередко могли оставить позади самого короля. «Украинские» паны, эксплуатировавшие украинское крестьянство, выделялись даже среди славившихся своеволием феодалов Речи Посполитой особенной сурью и беззакониями. Они были наиболее активными участниками феодальной анархии, наступавшей в Речи Посполитой. Они были главными застрельщиками безудержной феодальной экспансии на восток, на русские земли. Гонения на украинскую и белорусскую

культуру, насаждение на восточных землях Речи Посполитой ненавистной церковной унии было их делом.

На украинских и белорусских землях в обстановке полнейшего беззакония и крепостнического произвола бесчинствовали такие паны-преступники, которые поражали даже ко всему привычных шляхетских современников. Таким был, например, коронный стражник Лащ, который во главе банды в несколько сот человек терроризировал не только украинских крестьян, но и всех окружающих мелких и средней руки шляхтичей. Даже шляхетские суды, обычно оправдывавшие преступления феодалов, вынуждены были не раз выносить обвинительные приговоры Лащу. За убийства, насилия и грабежи Лащ был 236 раз осужден на изгнание и 37 — на инфамию (лишение шляхетской чести). Но, находясь под покровительством гетмана Конецпольского, этот преступник нагло насмеялся над бессильной государственной машиной Речи Посполитой. Если Лащ все же представлял собой своего рода «выдающееся явление», то уже вполне заурядным представителем феодальных колонизаторов был, например, шляхтич Чаплинский, разоривший хутор Богдана Хмельницкого и засекший до смерти его маленького сына.

На крепостническую эксплуатацию и террор, усилившийся национальный и религиозный гнет украинский и белорусский народы отвечали напряженной борьбой. В этой борьбе на одной стороне оказывались польские, литовские, а также полонизировавшиеся украинские и белорусские феодалы, на другой — украинское и белорусское крестьянство, горожане и казачество. Казаки, в массе своей недавние крестьяне, бежавшие от феодального гнета, становились руководящей и организующей силой развертывавшейся борьбы. Классовая борьба украинского и белорусского крестьянства находила отклик и сочувствие среди польского крестьянства. Крепостной крестьянин-поляк видел в украинском крестьянине и казаке друга и союзника в борьбе против общего угнетателя. В рядах запорожского казачества было немало крестьян-беглецов из коренной Польши. Антифеодальная и освободительная борьба украинского крестьянства и казачества приобрела в этот период значение важнейшего прогрессивного фактора в истории не только самого украинского народа, но и всех народов Речи Посполитой, в том числе польского.

После волны крестьянско-казацких движений, прокатившейся по Украине и Белоруссии в 90-х годах XVI в., новый подъем освободительной борьбы произошел в 20—30-х годах XVII в.

В 1623 г. восставшие горожане Витебска убили полоцкого униатского архиепископа Кунцевича, фанатического гонителя православия. Ответом на это был жестокий террор. Кунцевича же католическая церковь объявила «блаженным», а впоследствии и святым. В январе 1625 г. киевские горожане и казаки убили войта Ходыку и других насадителей унии.

В 1625 г. правительство Речи Посполитой вероломно навязало казачеству так называемый Куруковский договор, по которому число казаков, внесенных в список (реестр), не должно было превышать 6 тыс. человек, а масса не попавших в реестр казаков (так называемых «выписчиков») должна была превратиться в крепостных. Казачество ответило на это большим восстанием 1630 г., во главе которого стоял Тарас Федорович (Трясило).

Резкое обострение классовой борьбы на Украине и в Белоруссии в условиях начавшейся Смоленской войны заставило правительство Речи Посполитой в 1632 г. пойти на известные уступки. Они состояли в признании высшей православной иерархии, которая до этого объявлялась незаконной, в гарантии православным свободного богослужения и т. п.

Страх перед тем, что притесняемое украинское и белорусское население окажет поддержку русской армии, был обоснованным. Требования воссоединения Украины с Россией неоднократно раздавались в этот период среди запорожского казачества.

Шляхетское правительство принимало меры к тому, чтобы воспрепятствовать крестьянам уходить на Запорожье, а запорожским казакам оказывать помощь восставшим крестьянам. С этой целью у первого днепровского порога находившийся на польской службе французский инженер Боллан построил в 1635 г. крепость Кодак. Но в том же самом году запорожские казаки подняли восстание и, взяв штурмом Кодацкую крепость, разрушили ее.

В 1637 г. запорожские казаки во главе с гетманом Павлом Бутом (Павлюком) двинулись из Запорожья и соединились с восставшими крестьянами. Восстание охватило оба берега Днепра. Подавивший восстание польский гетман Миколай Потоцкий писал, что если бы карать всех повстанцев, то «пришлось бы все без исключения Поднепровье и Заднепровье до основания уничтожить». Свой путь по Заднепровью до Нежина Потоцкий отмечал виселицами и колами, на которых гибли повстанцы. Двух вождей восстания — Кизима и его сына — Потоцкий приказал посадить на кол в самом Киеве, чтобы устрашить эту «столицу своеволия».

Поражение, понесенное восставшими в жестоком бою с войсками Потоцкого под Кумейками, не прекратило восстания. Правда, реестровое казачество признало себя побежденным и выдало Павлюка, который был казнен в Варшаве. Но весной 1638 г., когда стало известно новое, утвержденное польским сеймом положение о казачестве («ординация»), восстание разгорелось с новой силой. Во главе его стоял новый запорожский гетман Яцко Остриянин. Восставшим оказали поддержку донские казаки. Основным районом военных действий было Левобережье. Потоцкий пытался штурмовать Голтву, где укрепился Остриянин, но потерпел поражение. Лишь стянув значительные силы, Потоцкий перешел в наступление и окружил казаков, над которыми после ухода Остриянина за русскую границу принял командование Дмитро Гуня. Укрепившись в урочище у впадения Сулы в Днепр, казаки в течение трех месяцев успешно оборонялись. Только голод принудил восставших принять условия Потоцкого. Гуня с отрядом восставших ушел в Россию. К концу 1638 г. восстание было подавлено, и польские власти смогли ввести в силу «ординацию» 1638 г.

Эта «ординация» лишила казачество выборной старшины. Во главе казацкого войска, реестр которого ограничивался 6 тыс. человек, стоял не гетман, а назначенный польскими властями комиссар. Высшие командные должности в казацком войске также заняли шляхтичи.

Масса нерестрового казачества и восставших крестьян, которым угрожало превращение в крепостных, перешла после поражения восстания русскую границу и поселилась на так называемой Слободской Украине. Беглецы из Приднепровья охраняли южные рубежи Русского государства. В братском русском народе видели украинцы и белорусы силу, которая могла помочь им избавиться от ненавистного панского произвола, от национального гнета. Идея воссоединения Украины с Россией охватывала широчайшие массы украинского и белорусского народов, становилась общенародной. Вера в скорое освобождение при помощи могучего русского народа придавала им силы в период тяжелого десятилетия, последовавшего за подавлением восстания 1638 г.

Десятилетие 1638—1648 гг. было временем усиленного феодального наступления на украинское и белорусское крестьянство и горожан,

временем жесточайшего национального и религиозного гнета, годами самой разнузданной феодальной анархии. Для украинского народа, оказавшегося под угрозой уничтожения, воссоединение Украины с Россией означало спасти себя как нацию.

Отдельные выступления крестьян происходили и в десятилетие 1638—1648 гг. Однако в массе своей украинское и белорусское крестьянство и казачество не выступало, оправляясь после тяжелых боев 1637—1638 гг.

9

КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ КОНЦА XVI—НАЧАЛА XVII в.

В конце XVI в. еще продолжался подъем польской культуры, начавшийся в первой половине столетия.

Видным поэтом во второй половине XVI — начале XVII в. был Шимон Шимонович (1558—1629), выходец из зажиточных львовских мещан, приближенный Яна Замойского, при содействии которого он получил шляхетство. В историю польской литературы Шимонович вошел как создатель цикла «идиллий». В некоторых из них были использованы мотивы устного народного творчества.

Крестьянский труд в понимании Шимоновича уже не такое благословенное и сладостное занятие, каким он казался Яну Кохановскому в его «Свентоянской песне о Собутке». Шимонович говорит о крестьянском труде более реалистическим языком. Его «идиллии» являются свидетельством усиления эксплуатации барщинных крестьян помещиками. В идиллии «Жнецы» Шимонович реалистически рисовал тяжелый труд крестьянок на барщине, осуждал шляхту за жестокое обращение с крепостными. Мотивы устного народного творчества (польского и украинского) ярче всего отображены в идиллиях «Чары» и «Каравай».

Рубеж XVI—XVII вв. отмечен временным подъемом мещанской литературы. Но уже с 20-х годов XVII столетия начинается ее упадок под нажимом шляхетско-католической литературы. Упадок этот был прямым следствием общего упадка городов, происходившего в стране.

Для мещанской литературы характерны два основных направления. Одно из них отражало интересы высших слоев города — патрициата, второе исходило от плебейских слоев мещанства. Распространителями этого последнего были обычно странствующие дьячки, так называемые «рыбалты» (отсюда и название этого жанра — «рыбалтовская комедия»).

Наиболее значительным представителем первого направления в мещанской литературе был Себастьян Фабиан Кленович (1545—1602). Его сатирические поэмы «Мошна Иуды» на польском языке и «Победа богов» на латинском явно направлены против шляхты и ее привилегий, особенно против родовитой шляхты — аристократии, образ действий которой, по мнению поэта, угрожает гибелью стране. Кленович ставит в своих произведениях крестьянский вопрос, выступая против жестокой эксплуатации крепостных крестьян. В «Победе богов» Кленович указывает, что благородным человеком может стать любой, не обязательно шляхтич, и, рисуя современного ему крестьянина, ставит его на одну доску с шляхтой перед лицом закона, права и справедливости. Он высмеивает распространенное в шляхетской среде мнение о том, будто занятие ремеслом и физическим трудом позорит шляхтича, несовместимо с его достоинством, и не случайно, разумеется, возносит похвалы городам. Поэт поднимает голос против торговцев рабами, выступает против тех, кто, путешествуя

ради личного удовольствия во Италии, позорит польский народ неблагоприятными поступками, и осмеивает тех, которые, используя религиозные предрассудки и суеверия, обирают народ. В четвертой части той же поэмы он описывает нищенское состояние польских местечек и жизнь бедного люда в них. В поэме «Матрос речного судна» («Flis») Кленович реалистически изобразил матросские нравы и быт. В ней нашел место и профессиональный язык матросов того времени. На характер и язык этой поэмы оказала большое влияние культура украинского народа, его язык и устное народное творчество. Это же влияние отразилось и в другой поэме Кленовича, «Роксолания», написанной на латинском языке. Перу Кленовича принадлежит ряд лирических стихотворений, из которых лучшее — «Надгробные плачи на смерть Яна Кохановского», написанные в подражание «Трэнам» великого поэта.

Любимыми жанрами народных произведений были любовные песни, фразки, сатиры, загадки, шутки, анекдоты, новеллы, диалоги и драматические сочинения, как, например, «школьная драма» и «рыбалтовская комедия», к числу лучших образцов которой принадлежит комедия Петра Барьки «Король из крестьян» (1637).

Рыбалтовские комедии были в большинстве случаев анонимными. Таковы, например, «Плебанский поход» (1590), «Альбертус с войны» (1596), «Новая рыбалтовская комедия» и многие другие. К числу этих же произведений принадлежат и многочисленные анонимные «Жалобы крестьян на панов», авторами которых, вероятно, были странствующие бакалавры (школяры). Все эти произведения носят ярко выраженный антифеодалный характер. Для них весьма типичны такие настроения:

Бедный крестьянин весь день постится,
У панов же всякие вечеринки, увеселенья,
Полный хлев и мешок денег...

Или:

Я слышал еще с давних времен,
Что человек не является рабом человека!

Или:

Пан — словно волк, а мы стадо овец...

Лучшим произведением этого направления была сатира-диалог «Нужда с Бедою из Польши идут», которая со всей остротой выступила против католической реакции.

Исполнение таких сатирических диалогов нередко сопровождалось музыкой, имевшей особенно большое значение в постановках рыбалтовских комедий. Судя по текстам некоторых из дошедших до нас рыбалтовских комедий, персонажи этих произведений — крестьяне, ремесленники, дьячки — пели народные песни, исполняли народные танцы и играли на народных инструментах (например, на фуюрке). Наряду с названиями польских народных песен в текстах рыбалтовских комедий встречаются упоминания и об украинских песнях. Так, действующие лица комедии «Мясопуст» (1622) поют несколько польских народных песен и украинскую народную песню «Ой, козаченьку».

Упоминания о культовой музыке в рыбалтовских комедиях всегда окрашены в сатирические тона. Иногда, например в «Съезде подгорских дьячков» (1607), встречаются даже пародии на религиозные песнопения и высмеиваются ватиканские издания церковной музыки. Но основой музыки, исполнявшейся во время представлений рыбалтовских комедий, неизменно оставалось народное творчество, вокальные и инструментальные жанры которого плодотворно развивались авторами и исполнителями этих комедий.

Движение польских ариан выдвинуло группу прогрессивных философов, в мировоззрении которых были значительные материалистические тенденции. Врач, биолог и философ Ян Поляк (Ионстон) выпустил в 1632 г. в Амстердаме книгу «Незыблемость природы» (*Constantia naturae*), в которой под оболочкой пантеизма развивались идеи материализма. Некоторые характерные особенности методологии Ионстона позволяют видеть в нем одного из предшественников спинозизма. Деятельность Яна Ионстона протекала в г. Лешно, где в течение нескольких лет находил приют и написал свои главные труды великий чешский педагог-гуманист Ян Амос Коменский.

Из среды приверженцев арианизма вышел также Людвик Вольцоген, известный своей критикой картезианской философии спозиций материализма.

В конце XVI — начале XVII в., в связи с усилением католической реакции, на передний план выступила воинствующая католическая публицистика. Представителем этой реакционной литературы был Петр Скарга (1536—1612), иезуит, организатор иезуитских коллегий и придворный проповедник Сигизмунда III. Скарга не раз выступал с речами с церковной кафедры, нападая на среднюю и мелкую шляхту, и провозглашал себя ярым поклонником абсолютной, неограниченной монархии, опирающейся на магнатов. Наиболее яркое выражение взгляды Скарги нашли в его так называемых «сеймовых проповедях». Эти блестящие по стилю, изобилующие цитатами из Библии, публицистические произведения были обращены от имени придворной партии к оппозиционно настроенным сторонникам канцлера Яна Замойского, поддерживаемого большинством среднепоместной шляхты. Власть магнатов во главе с королем, подчиненным католической церкви, — вот идеал, проповедуемый Скаргой. Он призывал к захватническим войнам, к расширению польских границ. Относясь к шляхте с презрением и считая ее «низшим сословием» (*pospolstwem*), он признавал за ней только право на «военное ремесло». Видя в шляхте основную силу реформации, Скарга в другой проповеди упрекал шляхту за то, что она, чрезмерно пользуясь своими сословными привилегиями, угнетает мещан и крестьян и этим подрывает господство дворян. Используя догматы католической религии в целях более тонкой политической эксплуатации мещанства и крестьянства, Скарга логически завершил круг своих мыслей, раскрыв основные принципы, которыми должна, по его мнению, держаться абсолютная монархия (*absolutum dominium*). «Опорой монарха, кроме бога, — писал он, — являются хороший солдат и большие деньги».

Скарга вел активную и упорную борьбу против православной церкви, борьбу за унию, имевшую целью окатоличить население Украины и Белоруссии и эксплуатировать его в интересах польской и литовской шляхты. Эта борьба отразилась в его сочинениях «О единстве церкви божией под одним пастырем», «Защита Брестского синода» и т. д. Против этих сочинений Скарги, как и против самой унии, было направлено много резких полемических произведений русских и украинских церковных публицистов. Просветительская деятельность православных братств на Украине, их борьба с католической реакцией имела в эту эпоху большое прогрессивное культурное значение.

В описываемый период выдвинулся ряд крупных имен в области историографии. Это прежде всего Мацей Стрыйковский, автор обширного труда «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (1582). Написанная прозой и стихами, «Хроника» Стрыйковского содержит богатейший исторический, географический и бытовой материал. Рядом со Стрыйковским надо поставить Бартоша Папроцкого, известного своими истори-

ческими и геральдическими трудами. Политику агрессии и экспансии на восток, проводимую Стефаном Баторием, отразил в двух своих исторических трудах «О московской войне» и «Польская история после смерти Сигизмунда Августа» историк Рейнгольд Гейденштейн.

Ценнейший вклад в дело развития польской лингвистики внес преподаватель и ректор Львовской школы, позднее профессор Замоиской академии, Ян Урсинус Недзвецкий, который в 1592 г. издал во Львове свой труд «Грамматическая методика» в четырех книгах. Он сделал первую попытку установления польской грамматической терминологии.

В конце XVI — начале XVII в. Краковская академия (университет) потеряла свое прежнее значение научного центра. На первый план выступила академия, организованная в Замостье Яном Замойским, являвшаяся центром высшего светского образования, и Виленская иезуитская академия, организованная Петром Скаргой в целях пропаганды католицизма. Появилось множество иезуитских школ, главной задачей которых было воспитание молодежи в ортодоксально-католическом духе.

Особенности развития искусства в XVII в. определяются во многом наступлением контрреформации, усилением роли магнатов.

В XVII в. широко развернулось строительство дворцов магнатов, светских и духовных. Своей роскошью эти дворцы соперничали с королевскими. Их галереи увешивались десятками пышных портретов предков, которые должны были свидетельствовать древность и знатность рода. Среди этих дворцов выделяются замок в Баранове (1579—1602 гг.) архитектора Гуччи, замок в Крasicине (1598—1633 гг.) архитектора Аппиани, епископский дворец в Кельцах (1638—1642 гг.), известный своими росписями.

Большой интерес представляют частные городские дома, обычно каменные, в несколько этажей, богато украшенные резьбой по камню. В некоторых случаях (например, дом в Казимеже Дольном, построен около 1615 г.) резьба покрывает почти сплошь поверхность стены узорным ковром, не нарушая, однако, основных членений здания. Атттики, украшенные скульптурой, красиво венчающие здание, встречавшиеся и в XVI в., теперь становились все более распространенным явлением, в них часто можно видеть очень своеобразную и оригинальную интерпретацию форм итальянского барокко, причем совершенно лишенную того религиозного налета, который характеризовал скульптуру храмов.

В народном искусстве резьбы по камню, издавна широко развитом в Польше, проявлялось нарастание в искусстве светского начала, развитие которого не могла уничтожить католическая реакция, хотя она и сильно тормозила рост реалистических тенденций в культуре того времени.

Подобные явления встречаем мы и в области живописи, хотя католическая реакция наложила сильный отпечаток на нее, особенно на церковную живопись, которая должна была подчиниться строгим канонам, предписанным Тридентским собором. Из церковной живописи изгонялось все то живое, гуманистическое, что внесло в нее Возрождение. В результате она становилась все более отвлеченной и реакционной.

Но наряду с церковной живописью развивались и другие жанры, в которых отчетливо проявлялось стремление к реализму. Широкое развитие получил исторический жанр. Это часто еще перегруженные аллегорическими фигурами полотна или рисунки, с оттенком барочной пышности, но все больше стремящиеся к документальному, точному воспроизведению событий.

В первой четверти XVII в. следует отметить творчество Долабелли и его круга. Из работ этих мастеров обращают особое внимание росписи епископского дворца в Кельцах, например, «Суд над арианами».

В том же дворце мы встречаем аллегорические живописные изображения времен года, а также прекрасные росписи фризов и карнизов. Особенно привлекает внимание удивительно свободное и живое изображение сокольного с птицей на поднятой руке, на фоне замка и скачущих всадников. Это произведение — пример очень красивого декоративного и в то же время вполне реалистического изображения.

Крупнейшими мастерами польской музыкальной культуры XVII в. были Миколай Зеленьский, Марцин Мельчевский (ум. в 1651 г.), Адам Яжембский (род. около 1590 г., ум. в 70-х годах XVII в.) и Бартоломей Пенкель (ум. в 1670 г.). Все они, так же как и многие другие польские композиторы того времени, работали преимущественно в области культовой музыки. Однако и здесь проявлялись идеологические противоречия между народно-музыкальной культурой и официальной культурой Речи Посполитой.

В произведениях названных мастеров чувствуются тесные связи с народно-песенным творчеством, правдивые и выразительные интонации которого резко контрастируют с латинскими текстами различных религиозных жанров. Такие контрасты особенно характерны, например, для офферториев («причастных стихов») Зеленьского, отличающихся задушевной лиричностью, далекой от обрядовой традиционности, для месс Мельчевского и Пенкеля, широко пользовавшихся темами воинских и народно-эпических песен.

Чертами неоспоримого своеобразия отличаются и созданные польскими композиторами XVII в. инструментальные произведения, в частности камерные ансамбли Мельчевского, канцоны и концерты Яжембского, соната для двух скрипок и органа Станислава Сильвестра Шажиньского, а также первая известная нам польская кантата, написанная Пенкелем на латинский текст о «страшном суде».

Исполнительское искусство польских музыкантов стояло на очень высоком уровне. До нас дошли сведения о многих выдающихся польских органистах того времени, об исполнителях на струнных, духовых и ударных инструментах. Все эти инструменты изготовлялись польскими мастерами, славившимися во всем мире. Таковы, например, Матеуш Добруцкий, Марцин Гроблич, Бальтазар и Ян Данкварты, изготовлявшие первоклассные смычковые инструменты.

В XVII в. развивались связи польской народно-бытовой музыкальной культуры с музыкальными культурами русского, украинского, чешского и словацкого народов. Связи эти проявились и в профессиональном творчестве, в частности в демократических чертах «кантов» — жанра, получившего распространение не только в Польше, но и в России и на Украине. Много и плодотворно работал в области этого жанра Ядек Ружицкий.

Глава седьмая

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ УПАДОК ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ ПРОТИВ ГНЕТА МАГНАТСКО-ШЛЯХЕТСКОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Освободительная война украинского и белорусского народов, вспыхнувшая в середине XVII столетия, была важной вехой в истории Польши. Поражения, понесенные польскими феодалами в борьбе с восставшими украинским и белорусским народами и оказавшим им могучую поддержку русским народом, были тесно связаны со всей предшествующей политикой шляхетской Речи Посполитой — политикой безудержной феодальной эксплуатации украинских и белорусских крестьян и экспансии против Русского государства.

Десятилетие 1638—1648 гг. подготовило почву для нового подъема в невиданных до того масштабах освободительного движения на Украине. В ликвидации господства магнатско-шляхетской Речи Посполитой были жизненно заинтересованы самые широкие слои украинского общества. Оказавшийся перед угрозой уничтожения, украинский народ подымался на освободительную войну. Разрозненные очаги восстаний начали сливаться, освободительное движение стало охватывать значительные районы страны. Восстававшие крестьяне устанавливали связи с запорожскими казаками.

Освободительное движение украинского народа разворачивалось, несмотря на присутствие в стране сильных континентов польско-шляхетских войск.

Освободительную борьбу украинского народа возглавил выдающийся украинский государственный деятель и полководец Богдан Хмельницкий. Он принадлежал к верхушке реестрового казачества — старшине. Богдан Хмельницкий видел и понимал страдания своего народа и его чаяния. Он принимал участие в крестьянско-казацких восстаниях 1630 и 1637 — 1638 гг. Восставшие добивались ликвидации на Украине господства магнатско-шляхетской Речи Посполитой, воссоединения Украины с Россией. После подавления крестьянско-казацких восстаний Хмельницкий на своем горьком опыте убедился, в каком бесправном положении находилась Украина, беспощадно угнетаемая и разоряемая польскими и полонизировавшимися украинскими магнатами и шляхтой.

В конце 1647 г. с небольшой группой единомышленников Богдан Хмельницкий прибыл в Запорожскую Сечь. Возле Сечи стоял польский отряд. Кодацкая крепость контролировала путь в Запорожье. В защищенных

самой природой днепровских плавней к югу от Сечи Хмельницкий собирал силы для борьбы с опасным врагом.

Готовясь к борьбе с Речью Посполитой, Хмельницкий полностью отдавал себе отчет в громадных масштабах предстоявшей войны и с самого начала заявлял, что единственного верного союзника Украина имеет в лице русского народа, что целью войны является воссоединение Украины с Россией. В то же время, зная, что Россия еще не готова к большой и затяжной войне с Речью Посполитой, Богдан Хмельницкий постарался установить контакт с Крымом. Это имело не столько военное, сколько политическое значение. Важно было обеспечить тыл восставшей Украины, предотвратить стговор против украинского народа польских и крымских феодалов. Заключая соглашение с крымским ханом, Богдан Хмельницкий, разумеется, прекрасно понимал, что хан — это ненадежный и временный союзник, заинтересованный лишь в военной добыче. Хмельницкий знал, что Крым делает ставку на то, чтобы обескровить и Украину и Польшу, открыть себе путь для агрессии против обеих этих стран.

Таким образом, соглашение с Крымом было для Украины вынужденным. Она должна была сохранять его до тех пор, пока Российское государство не будет в состоянии оказать восставшему украинскому народу прямую вооруженную помощь. В рассматриваемый момент русское правительство в силу серьезных внутривосточных и внешнеполитических обстоятельств не могло еще начать войну с Речью Посполитой. Такая война требовала большой военной и дипломатической подготовки.

Восстание на Украине началось в январе 1648 г. С самого начала восстания политическую программу движения украинского народа определяло его стремление ликвидировать иноземный гнет — добиться воссоединения Украины с Россией.

Вести о выступлении Хмельницкого быстро распространились по Украине, поднимая народ на борьбу. Уже в феврале — марте восстание охватило весь юг Правобережья. Шляхта бежала под защиту двигавшихся в глубь Украины польских войск.

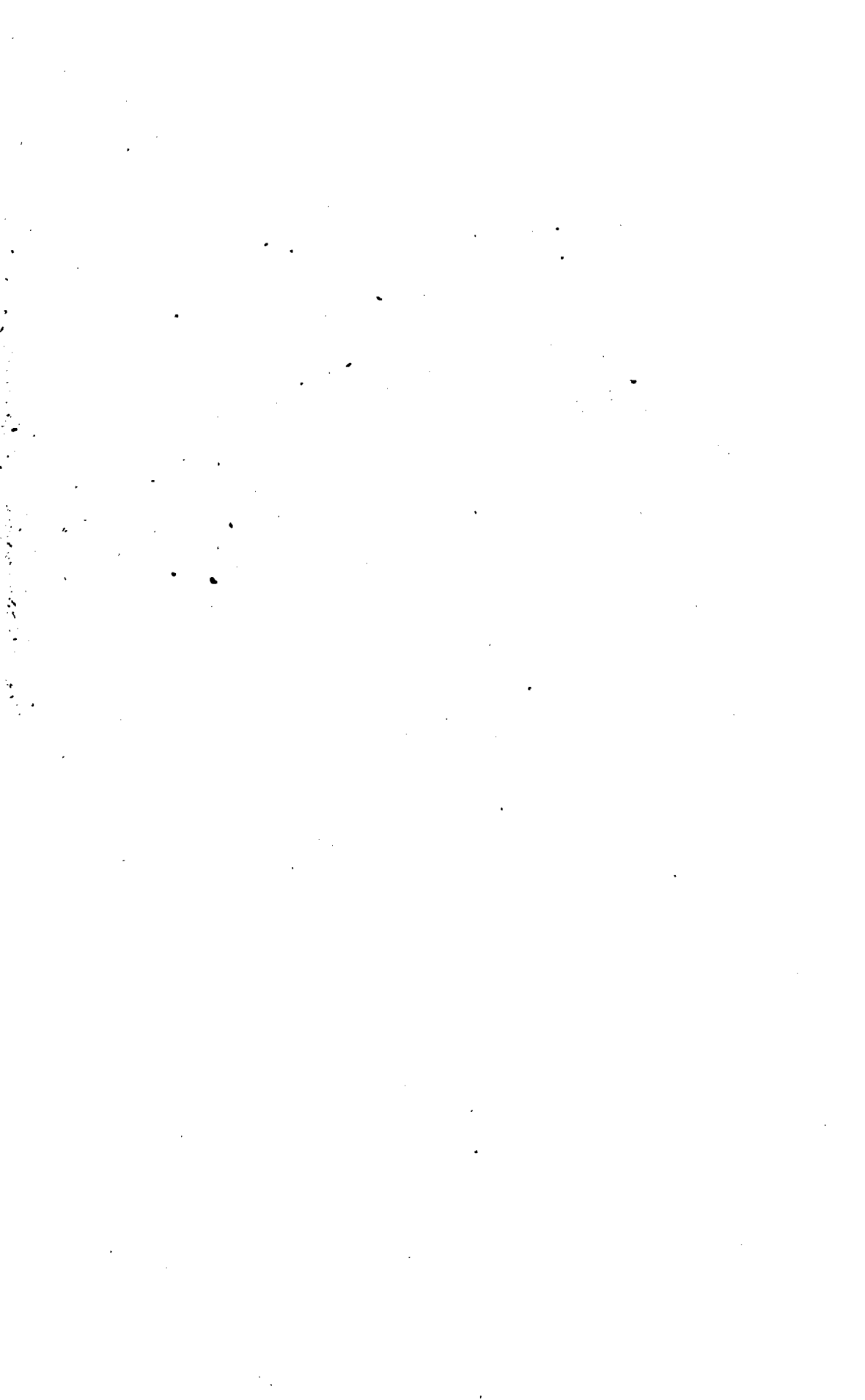
Магнатско-шляхетское правительство было очень обеспокоено событиями на Украине. Великий коронный гетман Миколай Потоцкий решил подавить восстание в самом его зародыше. Навстречу Хмельницкому он послал шеститысячный отряд под командованием своего сына Стефана Потоцкого и Шемберга. Отряд этот был разделен на две части. Одна из них шла сушей вдоль Днепра в направлении на Кодак. Другая часть, состоявшая главным образом из реестровых казаков, двигалась на лодках по Днепру. У Кодака обе части должны были соединиться и выступить далее к Запорожью. Хмельницкий предотвратил выполнение этого плана. Ускоренным маршем он выступил против шляхетского войска, шедшего через степь, и встретил его в урочище Желтые Воды. Одновременно он сумел привлечь на сторону восстания реестровых казаков, плывших по Днепру. Казаки уничтожили верных шляхте старшин и перешли на сторону восставших. Отряд Шемберга и Стефана Потоцкого потерпел поражение и был почти полностью уничтожен.

В мае 1648 г., через 10 дней после Желтоводской битвы, украинские войска разгромили главные силы польских гетманов под Корсуном. Оба гетмана — М. Потоцкий и Калиновский — были взяты в плен. Значительная часть Украины была освобождена. Множество крестьян «показались». Паны бежали из своих имений. Восстание распространилось по всему Левобережью, где шляхта искала защиты у могущественного магната Иеремии Вишневецкого. Но и сам Вишневецкий со своим шеститысячным войском вынужден был отступить на правый берег Днепра.

Богдан Хмельницкий

Гравюра В. Гондруса, 1651 г.

Так восстание 1648 г. выросло во всенародную освободительную войну за свержение жестокого феодального и национального гнета. Это была справедливая война, могучее прогрессивное движение в интересах всех народов Речи Посполитой, всего крепостного крестьянства, против магнатско-шляхетской олигархии, ведшей Польшу к упадку.

Помощь в освободительной войне против Речи Посполитой украинский народ мог получить только от России. Уже через несколько дней после Корсунской победы, в начале июня 1648 г., Богдан Хмельницкий обратился в Москву с просьбой о помощи и предложением о воссоединении Украины с Россией. Предложение Хмельницкого соответствовало чаяниям широких масс украинского народа. Русское правительство вступило с Хмельницким в тесные сношения, направляло в его ставку своих представителей и начало дипломатическую борьбу с Речью Посполитой, являвшуюся подготовкой к военным действиям.

В Речи Посполитой в это время было очередное бескорольевье — умер Владислав IV. В стране развернулась обычная предвыборная борьба соперничавших магнатско-шляхетских группировок. Самым главным вопросом, занимавшим магнатско-шляхетских политиков в предвыборной борьбе, был вопрос о методах «умиротворения» Украины. Одна магнатская группа, возглавляемая коронным канцлером Оссолинским и брацлавским воеводой Адамом Киселем, объявила себя «мирной» партией. Не веря после корсунского поражения в успех вооруженной борьбы, «мирная» партия надеялась добиться подавления Украины путем незначительных и временных уступок казакам. Она стремилась отделить казаков от крестьян, договориться с казацкой верхушкой и использовать ее в борьбе против крестьянства, чтобы затем полностью восстановить на Украине власть польских феодалов. Иной тактики придерживалась «военная» партия. Иеремия Вишневецкий и Александр Конецпольский, возглавлявшие эту партию, были владельцами огромных латифундий на Украине. Они настаивали на политике немедленной кровавой расправы с украинским населением. «Мучайте их так, чтобы они чувствовали, что умирают», — приказывал своей солдатне Вишневецкий.

Летом 1648 г., когда главные силы украинской армии под командованием Богдана Хмельницкого стояли в глубине Украины под Белой Церковью, готовясь к дальнейшему походу, огонь восстания широко распространился по стране. К восстанию примкнули Подолия, Волынь и Червоная Русь. В августе 1648 г. повстанцы взяли Острог, Луцк и Владимир. В Белоруссии восставшие овладели Гомелем, Речицей, Мозырем и, наконец, в сентябре 1648 г. Пинском. Здесь, как и во многих других случаях, восставшим крестьянам помогли выступления городских низов.

21—23 сентября 1648 г. новая польская армия, численность которой по крайней мере в четыре раза превышала польское войско под Корсунем, встретила под Пилявцами (южная Волынь) с главными силами украинской армии и потерпела тяжелое поражение. Шляхтичи, бросив свой огромный обоз, в беспорядке бежали с поля битвы. Они пытались найти спасение в замках на Волыни и в Галичине, но и здесь уже бушевало крестьянское восстание. Весть о пилявецком разгроме посеяла панику среди магнатства и шляхты.

Украинские войска двинулись вперед и в конце сентября осадили Львов. Всюду на западноукраинской земле они находили сторонников. Шляхтичи, сидевшие в осаде, писали в Варшаву, что во Львове «открывается явная измена, заговоры ночью и днем». В начале ноября Хмельницкий осадил сильную крепость Замостье. Здесь он остановился, ожидая

результатов королевских выборов, которые происходили в это время в Варшаве.

Главными претендентами на польский престол являлись братья покойного короля Владислава Ян Казимеж (Казимир) и Кароль Фердинанд. Первого поддерживала так называемая «мирная» партия — Оссолинский и его единомышленники, второго — «военная». Сторонники Яна Казимира одержали верх. Это было результатом побед Хмельницкого. Шляхта не верила в успехи «умиротворения» восставшей Украины палаческими методами Вишневецкого. Хмельницкий был хорошо информирован о положении дел в Варшаве и, стремясь ослабить позиции «военной» партии, заявлял, что Ян Казимир более приемлем для казаков. Мнение Хмельницкого стало известным во время элекции и сыграло немалую роль на выборах.

Новый король вступил в переговоры с Хмельницким; военные действия были прекращены, установилось перемирие. Это не значило, конечно, что Речь Посполитая отказалась от планов подавления украинского народа. Перемирие было лишь передышкой, временным переходом от военных методов борьбы к дипломатическим в соответствии с планами партии короля и Оссолинского. Заключив по тактическим соображениям перемирие, Хмельницкий отнюдь не отказывался от защиты интересов широких слоев украинского народа. В универсале, изданном в декабре 1648 г. в Остроге, Хмельницкий предупреждал шляхтичей, чтобы те «никакой злобы не имели как против своих подданных, так и против русской религии».

В конце декабря 1648 г. Хмельницкий приехал в Киев, где народ организовал ему торжественную встречу. Вскоре на Украину прибыла делегация от польского правительства. Во главе делегации стоял близкий к королю магнат Адам Кисель. Переговоры происходили в феврале 1649 г. в Переяславе.

Правительство Речи Посполитой стремилось расколоть освободительное движение украинского народа, прежде всего оторвать казаков от крестьян. Предложения Киселя сводились к тому, чтобы «хлопы пахали, а казаки воевали», причем количество последних не должно было превышать 15 тыс. Это означало, что крестьяне снова должны были вернуться под власть польских феодалов. Богдан Хмельницкий решительно отверг домогательства магнатов и шляхты. Он ответил Киселю, что видит свою задачу в освобождении всего украинского народа. Его слова дают основание полагать, что в борьбе против польских феодалов он рассчитывал на помощь и польского крестьянства. «Поможет мне в том, — говорил Хмельницкий Киселю, — вся чернь по Люблин, по Краков». Предложения Киселя были отвергнуты. Шляхетским делегатам удалось добиться только продолжения перемирия.

Выдающийся государственный деятель и полководец, Богдан Хмельницкий правильно понимал условия, в которых находился украинский народ в половине XVII столетия. Отражая стремление украинского народа к воссоединению Украины с Россией, Хмельницкий неуклонно проводил линию на сближение братских народов. Готовясь к возобновлению военных действий, он направил в Москву чигиринского полковника Вешняка. В 1650 и 1651 гг. Москву посетили новые посольства Хмельницкого. В свою очередь русское правительство направляло к Хмельницкому своих послов и гонцов. Борьба братского украинского народа находила сочувствие и поддержку широких масс великого русского народа, полностью разделявшего ненависть украинских трудящихся к национальному и феодальному гнету. Трудовой народ России с первых дней

освободительной войны оказывал огромную бескорыстную поддержку и помощь украинскому народу. В ряды украинской армии влилось много русских людей — донских казаков, крестьян, посадских людей, стрельцов и детей боярских. Широкому размаху освободительной войны украинского народа, его замечательным победам над польско-шляхетскими войсками способствовала постоянная помощь народных масс России. Большую помощь восставшей Украине оказало Русское государство. Опираясь на его экономическую, дипломатическую и военную поддержку, вела Украина свою героическую освободительную борьбу. Русское правительство открыло для украинцев границы, помогало Украине хлебом, оказывало ей поддержку финансового порядка, снабжало оружием и боеприпасами. Одновременно русское правительство энергично готовилось к открытому военному выступлению в защиту украинского и белорусского народов.

Военные действия, развернувшиеся летом 1649 г., принесли войскам Речи Посполитой новые поражения. Осажденные Хмельницким в Збараже войска Вишневецкого терпели страшный голод. На выручку Збаражу двинулась польско-шляхетская армия во главе с Яном Казимиром. Хмельницкий вместе с крымцами выступил навстречу королю. Под Зборовом королевские войска потерпели неудачу. Но победа Хмельницкого и мир на Украине не устраивали крымского хана. Этот «союзник» меньше всего был заинтересован в победе украинского народа. Он стремился затянуть войну, истощавшую и Польшу и Украину, войну, которая давала возможность его ордам безнаказанно опустошать украинские земли. Под давлением хана, подкупленного канцлером Оссолинским, Хмельницкий вынужден был принять такие мирные условия, которые далеко не соответствовали успехам украинского оружия и жертвам, понесенным украинским народом. По Зборовскому договору, казацкий реестр устанавливался в 40 тыс. человек. Казацкие войска размещались в трех воеводствах — Киевском, Черниговском и Брацлавском, в которые не имели права вступать польско-шляхетские войска. Все земские должности в этих воеводствах замещались православной шляхтой. Сейм должен был рассмотреть вопрос о ликвидации унии.

Таковы были главные пункты договора. Они означали, что только небольшая часть крестьян и казаков становилась свободной. Масса населения оставалась «подданными» панов.

Украинский народ не мог признать Зборовского договора. Шляхтичи, пытавшиеся возвратиться в свои имения, всюду встречали ожесточенное сопротивление. Украинские крестьяне не хотели вновь надевать на себя ярмо. Восстания против феодалов, несмотря на Зборовский договор, продолжались.

Не были довольны Зборовским договором и магнатство и шляхта, стремившиеся к восстановлению своей власти над Украиной во всей полноте. Правительство Яна Казимира смотрело на договор как на передышку для мобилизации новой армии.

К возобновлению войны готовился и Хмельницкий. Он развернул оживленную дипломатическую деятельность, установил тесный контакт с трансильванским (семиградским) князем Ракоци Дьёрдем II и вооруженной рукой заставил молдавского господаря Василия Лупу отказаться от враждебной Украине политики. В 1650 г. он вступил в переговоры с Портой, стремясь создать широкую коалицию против Речи Посполитой и предотвратить новые враждебные украинскому народу действия крымского хана. Есть данные, что в этот период Хмельницкий завязал сношения и со Швецией.

Но главным во внешней политике гетмана было стремление к прочному союзу и объединению сил с Россией. В то же время русское правительство начало в широких масштабах вести приготовления к войне с Речью Посполитой. Земский собор, созванный в марте 1651 г., одобрил решительные действия правительства по оказанию помощи Украине и в принципе решил вопрос о воссоединении Украины с Россией, а следовательно, и о войне с Речью Посполитой.

До выступления Росий Хмельницкий не мог, разумеется, порывать отношений с ханом, что означало бы превратить его в своего открытого врага. Однако Хмельницкий не только не принял предложения хана о совместном нападении на Россию, но сумел предотвратить антирусские действия крымцев, склонив их к участию в походе на Молдавию. «Союз» с Крымом оставался грозной опасностью для судеб борьбы украинского народа против гнета шляхетской Речи Посполитой; во время кампании 1651 г. это выявилось еще с большей определенностью, чем под Зборовом.

Сейм не утвердил Зборовского договора. Не было и речи о выполнении таких его условий, как предоставление киевскому митрополиту места в сенате и обсуждение вопроса о ликвидации унии. Папская курия толкала правительство Речи Посполитой на разрыв договора. В декабре 1650 г. сейм принял решение о наборе 36-тысячной армии в Короне и 18-тысячной в Литве и о созыве посполитого рушения. Это было прямым объявлением войны. Местом сбора польских войск и посполитого рушения был назначен Соколь. Решающие военные действия должны были развернуться на Волыни.

Уже в феврале 1651 г. начались столкновения. Польско-шляхетские войска напали на брацлавский казачий полк. Под Винницей они потерпели поражение от войск славного соратника Хмельницкого Ивана Богуна и вынуждены были отступить.

2

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ПОЛЬШЕ В 1651 г.

В весенние месяцы 1651 г. крестьянские восстания, не прекращавшиеся в Приднепровье, вновь распространились на Подолию, Галичину, Волынь и южную и восточную части Белоруссии. Крестьянское движение широко охватило и коренные польские земли.

Борьба украинского народа против польской шляхты отвечала интересам польского крепостного крестьянства. Оно видело в украинском народе своего друга и союзника и поднималось на антифеодалную борьбу. Великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский, умевший с исключительной точностью обнаруживать историческую правду под всеми фальсификациями дворянских и буржуазных историков, писал, что «...казаки находили сочувствие и в населении коренных польских провинций»¹. Чернышевский указывал, что сочувствие это объяснялось единством социальных интересов украинского и польского крестьянства: «полное торжество казаков, для самой Польши, было бы облегчением, потому что казаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину вооружились»². Магнаты и шляхта смертельно боялись подъема антифеодалного

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV. М., 1948, стр. 822.

² Там же.

движения в коренной Польше. В одном интересном документе, рисующем настроение варшавских шляхетских кругов весной 1651 г., говорится, что «крестьяне отовсюду готовы бежать к этим изменникам (украинским повстанцам.—*Ред.*). Дело идет уже явно об освобождении от панов и шляхты». Автор письма выражает опасение, что «отчизна может дойти до великого смятения, либо до полной гибели».

Еще осенью 1648 г., когда украинская армия приближалась к границам коренных польских земель, началось движение среди польского крестьянства и городских низов. В сентябре 1648 г. папский нунций Торрес сообщал, что в Подляшье восстало около 7 тыс. крестьян, в октябре он писал о действиях 3 тыс. крестьян-повстанцев близ самой Варшавы. В Варшаве назревало восстание городских низов, которое должно было, в случае движения Хмельницкого на столицу, облегчить ему овладение городом. Брожение охватывало и такие отдаленные от театра военных действий районы Польши, как великопольские воеводства. О настроении великопольского крестьянства говорит следующий весьма характерный эпизод, происшедший близ Гнезно. Крестьяне, оказавшие сопротивление шляхтичу, пытавшемуся задержать бежавшего от него крепостного, кричали: «Эх, дал бы нам бог сюда пана Хмельницкого, уж мы бы показали этим панкам, как обижать крестьянина!»

Но с особенной силой вспыхнули крестьянские движения в Польше в 1651 г. Здесь сказались прежде всего воодушевлявший героический пример украинского народа, вера в его помощь и успех. Но немалую роль сыграла и целеустремленная деятельность поляков—участников освободительной войны украинского народа, которые после Зборовского договора разошлись с целью антифеодальной агитации по всей Польше вплоть до самых дальних воеводств. Восстания в Польше начались в мае—июне 1651 г., в то время, когда значительная часть шляхты ушла на посполитое рушение. В Калишском воеводстве во главе восстания стоял Петр Гжибовский, организовавший двухтысячный крестьянский отряд. Восстания предшествовала широкая агитационная деятельность, распространившаяся почти на всю Великую Польшу. Движение было подавлено войсками познанского епископа, но оно вызвало такой страх среди феодалов, что на помощь карателям было послано 300 кавалеристов из самой Варшавы. Крестьянское движение происходило в районе Петркова и Вольбожа. Стихийно возникло крестьянское движение в различных районах Мазовии—под Шреньском, Цехановом, Вышковом, Визной, Ружаном. Торрес сообщал о деятельности «эмиссаров Хмельницкого» в самой Варшаве.

Наибольшие масштабы приняло крестьянское движение в Краковском воеводстве. Здесь повстанцам удалось добиться на первых порах известного успеха и вызвать серьезное смятение в лагере шляхты. Центром движения были прикарпатские районы—Подгалье, где широкое крестьянское движение происходило еще в 1624—1633 гг. Восстание 1651 г. было тесно связано с традициями предшествовавшей борьбы. Одним из руководителей его был «маршалок» повстанцев в Новотаргском старостве в 1630—1631 гг. Станислав Лентовский.

Во главе восстания стоял Александр Лев Костка Наперский (по данным источников, в том числе и по его собственным показаниям, это не было его настоящим именем). Костка Наперский находился, очевидно, в сношениях с Хмельницким. Восстание на Подгалье могло сыграть весьма важную в стратегическом отношении роль для хода всей кампании 1651 г. Повстанцы могли овладеть Краковом или во всяком случае создать серьезную угрозу этому важнейшему пункту и тем самым принудить шляхетское командование рассредоточить свои силы. Вместе с тем восстание

в Прикарпатье должно было облегчить вторжение в пределы Речи Посполитой трансильванскому князю Ракоци, который вел переговоры с Хмельницким о совместных действиях.

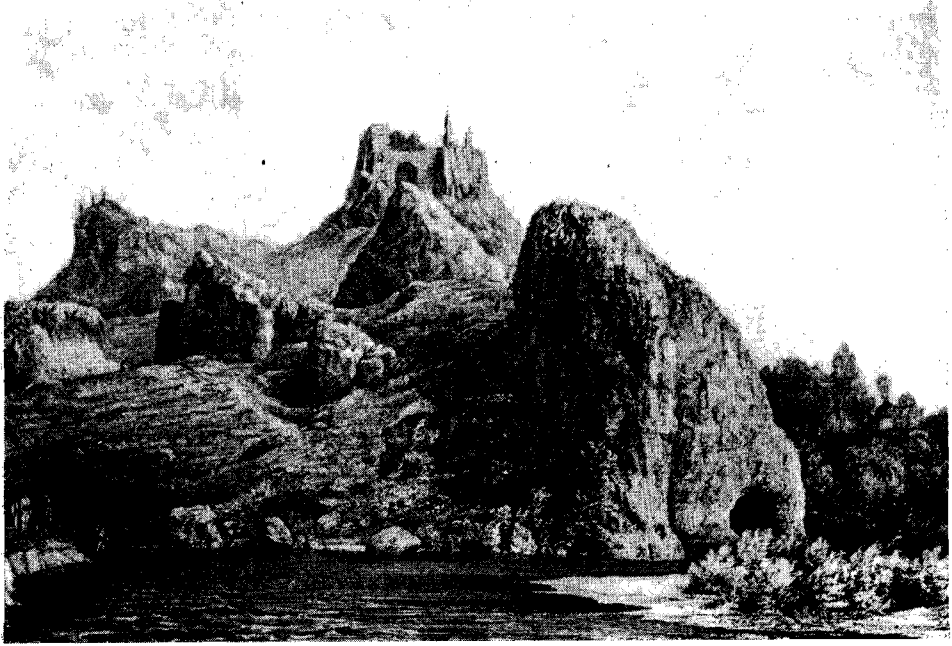
Костка Наперский уже в весенние месяцы 1651 г. развернул широкую агитацию. Он ссылался на пример украинского народа и распространял обращение к польским крестьянам с подписью Хмельницкого. Независимо от того, было ли это воззвание подлинным или его составил сам Наперский, оно было выражением польско-украинского антифеодального союза. Активным помощником Наперского в этой деятельности стал школьный учитель Марцин Радоцкий, которого шляхетские источники характеризуют как «постоянного бунтовщика». Чтобы облегчить себе действия и усыпить бдительность шляхты, Костка Наперский выдавал себя за королевского полковника. С этой целью им, вероятно, и было принято имя Костки, принадлежавшее известному магнатскому роду. Однако подготовка восстания не осталась тайной для шляхты и прежде всего для «духовных жандармов» — ксендзов. Этим объясняется быстрая мобилизация сил для подавления восстания.

В июне 1651 г. Костка Наперский перешел к открытым действиям, овладев важным стратегическим пунктом — замком Чорштын — на границе с Венгрией. В выборе объекта нападения явственно сказались связи планов Наперского с предполагаемым выступлением Ракоци. В конечном итоге это обстоятельство сыграло отрицательную роль, так как помощи от Ракоци повстанцы не получили, между тем как Костка Наперский после взятия Чорштына начал в нем укрепляться, откладывая поход на Краков и теряя время, важное для организации и сплочения восставших крестьян.

Поднятое Косткой Наперским восстание в течение нескольких дней широко распространилось, охватив не только Подгалье, но и близкие к Кракову районы Ляндкороны и Мыслениц. В восстании участвовали как польские, так и украинские крестьяне. Восставшие нападали на шляхетские усадьбы, громили их, чтобы, как писал Радоцкий, «уже более не господствовали на земле шляхетская гордость, высокомерие, тиранская злоба». В своем универсале к крестьянам Костка Наперский призывал крестьян: «Освобождайте сами себя из этой тяжелой неволи, покуда не поздно. Прежде, чем они (т. е. паны. — *Ред.*) вас вконец уничтожат, лучше вы их всех уничтожьте. Уж вдосталь намучили вас эти панки, так что плач ваш вызывает к богу о мести». Наперский не думал ограничивать восстание рамками Прикарпатья. Он писал: «Мы все пойдем под Краков и дальше, через всю Польшу». Это был план общепольской крестьянской войны, осуществляемой в тесном союзе с борющимся украинским народом.

Учитывая распространенные в крестьянстве иллюзии относительно значения королевской власти, руководители восстания в своей агитации ссылались на короля, говорили, что восстают в его защиту, против шляхты, готовящей рокош. Это было обычным при крестьянских войнах агитационным приемом. Характерно, что одновременно с этим Наперский предостерегал от доверия к королевским универсалам и заранее объявлял их подложными.

Через несколько дней после начала восстания краковскому епископу Гембицкому, управлявшему краем во время посполитого рушения, удалось организовать силы для подавления восстания. Гембицкий решил ударить на Чорштын, чтобы обезглавить восстание. В то время как епископ лихорадочно собирал силы, Наперский не принял достаточных мер по сосредоточению отрядов повстанцев даже после того, как епископские войска сделали первую попытку овладеть Чорштыном. В результате,

Руины Чортшынского замка

Гравюра XIX в.

когда Чортшын был осажден доходившим до полутора тысяч человек отрядом, имевшим пушки, повстанческий гарнизон насчитывал едва полсотни человек. Осада Чортшына длилась три дня. Исход ее решило, однако, не превосходство сил осаждавших, а диверсия. В замок проникли лазутчики, что и сломило сопротивление его защитников. 24 июня Чортшын пал. Костка Наперский и Лентовский были захвачены и отправлены в Краков. Туда же был доставлен и арестованный Радоцкий.

Шляхетский суд жестоко расправился с вождями крестьянского восстания. Все они были казнены, при этом Костка Наперский был подвергнут наиболее мучительной казни — посажен на кол.

Падение Чортшына и казнь руководителей восставших крестьян еще далеко не означали ликвидации восстания. Об этом свидетельствует то, что шляхта продолжала бояться нападения крестьян на Краков. Лишь известие о поражении Хмельницкого в битве под Берестечком и возвращение шляхетского посполитого рупения сломили крестьянское восстание. Началась жестокая расправа с повстанцами.

Крестьянское движение в Польше нашло отклик у союзника крепостного крестьянства — городских низов и рабочих копей и рудников. Брожение отмечалось среди рабочих соляных копей Велички и Бохни, на рудниках Краковского и Сандомирского воеводств. Немало сочувствующих крестьянскому восстанию и его руководителям было в самом Кракове. Быстрое подавление крестьянского восстания не дало развернуться этому серьезно обеспокоившему польских феодалов движению.

Восстания крестьян в Польше, особенно восстание Костки Наперского, вызвали чрезвычайную тревогу господствующего класса. Письмо епископа Гембицкого было предметом специального совещания в королевском

лагере. Было решено в самый канун решительной битвы под Берестечком направить в Краков на помощь Гембицкому сильный отряд войск.

Память о борьбе против панов долго сохранялась среди польского крестьянства. Она нашла отражение в позднейших крестьянских движениях в Подгалье. Более чем через сто лет о восстании Наперского напомнило анонимное антифеодалное воззвание (так называемый Торчинский манифест 1767 г.). Это была живая традиция антифеодалной борьбы, традиция союза трудового народа Польши и Украины.

3

ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

В то время как в Великой и Малой Польше войска познанского и краковского епископов подавляли восстания польских крестьян, на Волини, под Берестечком, произошла битва между украинской народной армией и войсками Речи Посполитой. Вследствие измены татар, покинувших поле боя, трехдневная битва (28—30 июня 1651 г.) принесла поражение украинским войскам.

Даже сам Хмельницкий был на некоторое время захвачен татарами. Украинская армия очутилась в очень тяжелом положении. На пути ее отступления лежали непроходимые болота. Командование принял на себя Иван Богун. По его приказанию в очень короткое время была сооружена гать, по которой удалось вывести значительную часть окруженной армии. Между тем в конце июля литовский гетман Януш Радзивилл вторгся на Украину с севера и в начале августа захватил Киев.

Успехи войск Речи Посполитой не являлись, однако, решающей победой. Хмельницкому удалось освободиться и восстановить с татарами пока еще необходимое для продолжения борьбы соглашение. Главное же заключалось в том, что основные силы украинской армии вырвались из окружения под Берестечком и что источники ее пополнения не могли иссякнуть. В сентябре 1651 г. Хмельницкий сосредоточил армию в районе Белой Церкви, готовясь к новым жестоким боям. Польское командование, видя, что посполитое рушение, встревоженное вестью о крестьянских восстаниях в Польше, тает, и испытывая все большие трудности из-за развертывавшейся на Украине партизанской войны, вступило в переговоры с Хмельницким. Украинская армия после берестечкой битвы тоже нуждалась в передышке. Хмельницкий был вынужден пойти на заключение нового, еще менее выгодного, чем Зборовский, договора. 28 сентября 1651 г. был заключен Белоцерковский договор, по которому казачий реестр уменьшался до 20 тыс. Территория, подчиненная казачьему гетману, сокращалась до размеров Киевского воеводства. Паны получили право возвращения в свои имения. Но, как и раньше, они встречали в своих имениях не покорных «подданных», а борющийся за свою жизнь и свои права народ.

Нередко возвращавшиеся паны находили опустевшие деревни. Крестьяне предпочитали покинуть родные места и уходили за пределы досягаемости помещичьей власти. По всему Приднепровью прокатилась массовая волна переселения в Россию. Русские власти оказывали переселенцам помощь и выделяли землю на Слободской Украине. Ранее пустынный край превращался в населенную, цветущую часть украинских земель, не знающую жестокого магнатского ига. К выселению на Слободскую

Украину крестьян побуждали и дикие бесчинства татар, которые, проходя через Приднепровье, грабили и разрушали все на своем пути и уводили в рабство тысячи украинцев.

Готовясь к продолжению борьбы, Хмельницкий развернул энергичную дипломатическую деятельность. Активизировались сношения Украины с Россией. В 1652—1653 гг. послы гетмана несколько раз приезжали в Москву. Укрепилась связь с Молдавией. В мае 1652 г. Богдан Хмельницкий во главе казачьего войска провожал сына Тимофея в Молдавию на свадьбу с дочерью господаря Василия Лупу. Эта экспедиция стала началом новых военных действий. На Южном Буге под Батогом на казаков напала шляхетская армия. Сражение, происшедшее 2 июня 1652 г., закончилось блестящей победой Хмельницкого. В бою пал и инициатор нападения, злейший враг украинского народа, коронный гетман Калиновский. Битва под Батогом ликвидировала тяжелые последствия Белоцерковского договора.

Широкие военные действия развернулись в 1653 г. В конце года под Жванцем войска Хмельницкого совместно с татарами окружили польскую армию во главе с Яном Казимиром. Здесь вновь повторилась зборовская ситуация: хан, взяв с короля контрибуцию, выпустил его армию из окружения, а сам со своими ордами двинулся по Украине, забирая «ясырь» (невольников). В борьбе Украины с Польшей крымский хан занял позицию «третьего радующегося», грабя обе стороны и не допуская решительной победы украинского освободительного движения.

Измученная тяжелой борьбой, Украина истекала кровью и нуждалась в немедленной помощи. Эта помощь пришла из России. В 1653 г. во Львов, где находился тогда польский король, приехали русские послы. Здесь, в старинном украинском городе, русский посол Репнин-Оболенский настаивал, чтобы «король и паны-рада православную христианскую веру греческого закона не гонили и церковей божьих не отнимали и неволи ни в чем не чинили». Требование Репнина было последней мерой дипломатического характера. Отрицательный ответ означал войну России против Речи Посполитой.

Прошло довольно много времени, прежде чем русские послы получили ответ. Ян Казимир потребовал, чтобы «Хмельницкий гетманом не был. Так же и казаки, чтобы оружие свое положили и у панов своих землю пахали, а реестровых казаков учинить, как раньше, шесть тысяч и жить им в Запорожье, где раньше были, а в Киеве и в других городах по обеим сторонам Днепра войску коронному и литовскому стоять было бы вольно». Это была программа возвращения украинских крестьян и казаков под панское ярмо, программа восстановления в полной мере того положения, какое было до 1648 г. Русское посольство выехало из Львова.

11 октября 1653 г. земский собор, созданный для решения вопроса об Украине, вынес историческое постановление — принять «гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами их и землями» в состав России. В конце 1653 г. на Украину отправилось из Москвы чрезвычайное посольство во главе с боярином Бутурлиным. 18 (8) января 1654 г. в Переяславе на площади, вокруг которой собрались тысячи людей, состоялся великий всенародный акт добровольного вступления Украины в состав Русского государства. С горячей речью обратился Хмельницкий к присутствующим. Он говорил о родной земле, которая находится «в беспрестанных бранях и кровопролитии с гонители и враги нашими». Обращаясь к народу, он призвал его соединиться с единокровной Россией. Народ единодушно одобрил вступление Украины в состав Русского государства.

Украинский народ горячо приветствовал знаменательный Переяславский акт. «По всей Украине народ с охотой тое учинил, немалая радость межю народом стала», — свидетельствует украинская летопись. Борьба, которую вел в течение шести лет украинский народ, привела к объединению русского и украинского народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹, в составе единого Русского государства. Воссоединение Украины с Россией несмотра на то, что во главе Русского государства стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для всего последующего исторического развития русского и украинского народов. Украина была спасена от порабощения магнатско-шляхетской Польшей и султанской Турцией. Украинский народ спас себя как нацию. В лице великого русского народа он обрел могучего союзника и друга в борьбе за свое социальное и национальное освобождение. Войдя в состав централизованного многонационального Русского государства, Украина получила необходимые условия для своего дальнейшего экономического и культурного развития. Воссоединение Украины с Россией способствовало росту производительных сил России и Украины, взаимному культурному обогащению двух великих братских народов.

Воссоединение Украины с Россией имело и огромное международное значение. Оно нанесло могучий удар по агрессивным планам султанской Турции и ханского Крыма, положило предел восточной экспансии польских феодалов, вдохновляемых в своей внешней политике центром международной католической реакции — папским Римом.

Русское правительство тщательно готовилось к военным действиям против Речи Посполитой. Летом 1654 г. одна группа русских войск была послана на север в воеводства Витебское и Полоцкое. Большие силы во главе с царем двинулись на Смоленщину. Третьей группе войск было предписано действовать в Мстиславском и Минском воеводствах, где находились такие значительные укрепленные пункты, как Гомель, Чечерск, Пропойск, Мстиславль и Могилев. Вместе с русскими войсками операции в этих областях должны были вести и отряды украинских казаков. На Украину в помощь Хмельницкому были посланы войска под командой Бутурлина.¹

Начало военной кампании 1654 г. ознаменовалось крупными успехами русского оружия. В июне на севере был взят Невель, затем Полоцк, а в сентябре Витебск. На Смоленщине был взят Дорогобуж и после двухмесячной осады — Смоленск. Русские войска овладели Рославлем, Мстиславлем, Оршей и в августе 1654 г. нанесли тяжелое поражение литовскому гетману Янушу Радзивиллу под Шепелевичами. К осени русские войска, заняв Могилев и Гомель, вышли на р. Березину.

В конце 1654 — начале 1655 г. польско-литовское командование предприняло ряд попыток вытеснить русские войска из некоторых занятых ими укрепленных пунктов в Белоруссии. Войска Речи Посполитой атаковали Новый Быхов и Могилев. На Украине Речь Посполитая, заключив союз с Крымом, также перешла в наступление. В январе 1655 г. огромные полчища татар совместно с польскими войсками напали на русские войска, расположенные у Ахматова. Русские войска отошли к Белой Церкви. Вскоре после этого татары, подвергнув страшному опустошению Брацлавщину, ушли в Крым.

В 1655 г. русские войска взяли ряд важных пунктов в Белоруссии и Литве, в том числе Минск, Вильнюс, Каунас и Гродно. Военные действия

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.

на территории Украины тоже развивались успешно для русско-украинской стороны. К лету 1655 г. войска Бутурлина и Хмельницкого продвинулись далеко на запад и приблизились ко Львову. У Городка они нанесли серьезное поражение польским войскам. Как и в 1648 г., Хмельницкий, щадя Львов, отказался от штурма и ограничился гарантией прав православного украинского населения города и контрибуцией. Севернее русские и украинские войска заняли Люблин, в чем им оказывали помощь радостно встречавшие их польские городские низы, и достигли Вислы. Войска князя Волконского на судах двинулись от Киева по Днепру и Припяти и взяли Туров, Давидгородок и Пинск.

4

БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ

Оценивая обстановку, сложившуюся в результате поражения Речи Посполитой в войне против России, шведское правительство пришло к убеждению, что внезапным ударом оно сможет достичь полного подчинения шляхетской республики. Вмешательство Швеции не входило в планы России. Еще до начала войны русское правительство отвергло предложение шведского короля заключить союз против Речи Посполитой. В России не верили Швеции, считая, что она является наиболее опасным противником России. Вторжение шведских войск в глубь польской территории внушало русскому командованию серьезные опасения.

Летом 1655 г. шведы приступили к реализации обширного плана завоевания Речи Посполитой. Войска, находившиеся в Поморье (32 тыс. солдат) под командой Виттенберга и короля Карла X Густава, должны были вторгнуться в Польшу с запада. Одновременно предполагалось двинуть шведские войска (7 тыс. солдат), сосредоточенные под командой Левенгаупта и Делягарди в Ливонии, на Курляндию и Литву с тем, чтобы преградить путь русским армиям, продвигавшимся к побережью Балтийского моря. Кроме того, планировалась высадка десанта в Гданьске. Осуществление этого плана началось в июне 1655 г. под прикрытием дезориентирующих правительство Речи Посполитой «мирных» переговоров.

Война началась нападением Левенгаупта на Даугавпилс (Двинск), в то время занятый русским гарнизоном. После 24-часового штурма город был взят. Шведско-немецкие войска, сосредоточенные в Померании, с разрешения курфюрста прошли через территорию Бранденбурга и вторглись в Великую Польшу. У селения Устье они были встречены великопольским посполитым рушением. Стоявшие во главе его познанский воевода Опалиньский и калишский воевода Грудзинский выступили инициаторами изменнического перехода посполитого рушения на сторону шведского короля. После капитуляции под Устьем (июль 1655 г.) шведы заключили с великопольскими феодалами соглашение, в силу которого Карл Густав был объявлен кандидатом на польский престол, а шляхте гарантировались все ее права и привилегии.

Примерно то же происходило и в Великом княжестве Литовском. В середине июля к Делягарди обратились литовские магнаты Януш и Богуслав Радзивиллы с просьбой принять их под «протекторат» Швеции. Шведы подписали с ними соответствующий договор. Восьмитысячный шведский корпус оккупировал Жемайтию. Таким образом, вследствие измены магнатов шведы почти беспрепятственно оккупировали часть Литвы и Великую Польшу. Город за городом переходил в их руки. Когда Познань

сделала попытку сопротивляться, феодалы-изменники заставили горожан прекратить борьбу, открыли ворота и впустили неприятеля. Предавая свою родину и переходя на сторону шведов, польско-литовские магнаты рассчитывали с помощью шведского оружия восстановить свое господство над утраченными белорусскими и украинскими землями.

В течение лета и осени 1655 г. на территорию Речи Посполитой прибывали все новые и новые шведские войска. Прибыл и сам Карл Густав с 15-тысячной армией. 8 сентября пала Варшава.

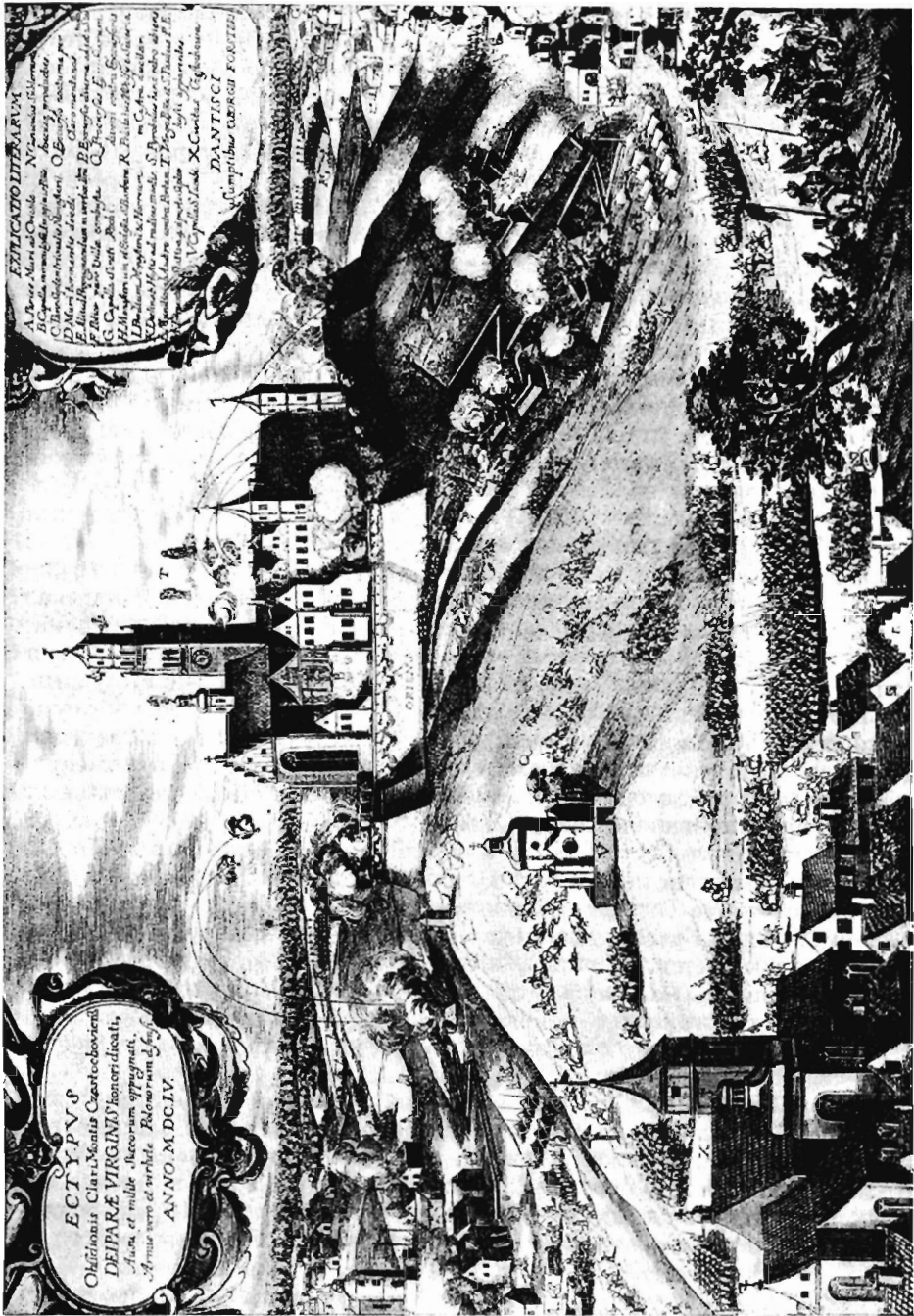
Ян Казимир со своими приближенными бежал в Силезию и обосновался в Ополе. Бегство короля усилило общую растерянность. 1 октября капитулировал Краков. Коронный хорунжий Конецпольский, имевший в своем распоряжении пятитысячное войско, подошел к Кракову и 26 октября присягнул шведскому королю. То же сделали гетманы Потоцкий и Лянцкороньский, которые сдались шведам с 11 тыс. своих солдат под Сандомиром. Так почти вся Польша и часть Литвы без единого серьезного сражения оказались под властью шведского короля. Однако военные и дипломатические успехи Карла Густава не были прочными. Они были основаны на измене части польско-литовского господствующего класса. Торжествуя победу, Карл Густав не принял в расчет настроений польского народа, международных последствий своего вторжения и той выдающейся роли, какую в рассматриваемое время в международной политике играла Россия.

Шведские оккупанты очень быстро показали, что сулит их господство стране. Города должны были выплачивать шведам огромные контрибуции, культурные ценности уничтожались или вывозились в Швецию. Неприятельские войска грабили и притесняли население страны. В первую очередь страдало от военной оккупации польское крестьянство. Оно-то и поднялось на защиту своей страны от иноземных захватчиков.

Первыми выступили крестьяне Подгорья, те, кто в ряде движений, особенно в недавнем восстании под руководством Костки Наперского, дали красноречивые свидетельства своего свободолюбия и готовности бороться с угнетением. Борясь со своими польскими угнетателями, крестьяне не желали подчиняться еще новому иноземному игу. 13 декабря 1655 г. отряд вооруженных крестьян штурмом овладел Новым Сончем, разгромив шведский гарнизон.

Отважное нападение на Новый Сонч послужило сигналом к освобождению всего Подгорья. В декабре крестьяне штурмом овладели Освенцимом. Безуспешной оказалась осада шведами Ясногорского монастыря (Ченстохова). Повсюду стихийно возникали повстанческие отряды, развернувшие борьбу против шведских войск. Действия партизанских отрядов наносили шведам большой урон, заставляя их очищать оккупированную территорию и отсиживаться за стенами больших, хорошо защищенных крепостей. К январю 1656 г. вся южная часть Малой Польши до Вислы была освобождена от шведских оккупантов. Борьба крестьян за освобождение страны от иноземных захватчиков сочеталась с борьбой против шляхтичей-угнетателей. После взятия Нового Сонча крестьяне громили усадьбы шляхтичей, верно служивших шведам.

Освободительное движение распространилось из Подгорья на другие области страны. В борьбу против шведов включились мещане, оказывая поддержку крестьянским отрядам. Под влиянием освободительной борьбы польского народа против шведских оккупантов выступила и часть господствующего класса. Создавался общенародный фронт борьбы против шведской агрессии. Опасаясь, что освободительная борьба польского народа перерастет в массовое антифеодалное движение, польские

Осада Ясной Горы шведами в 1655 г.
Современная гравюра

феодалы прибегли к демагогии. Ян Казимир издавал универсалы к крестьянам. Он заявлял, что его печалит тяжелая доля польского крестьянина, и торжественно обещал, что всеми средствами постарается избавить крестьян от несправедливого угнетения. Разумеется, обещания эти остались невыполненными. Не получило удовлетворения и всенародное требование покарать изменников-феодалов. За грехи магнатов—пособников шведов—расплатились «польские братья» — ариане, против которых ополчилась воинствующая католическая реакция. Постановлением сейма 1658 г. ариане были изгнаны из Польши.

Движение против оккупантов началось и в Великом княжестве Литовском. Часть войска, возглавленная витебским воеводой Павлом Сапегой, выступила против изменника Радзивилла и повела с ним борьбу.

Шведский король, который находился в это время в Пруссии, собрав сравнительно небольшую армию в 10 тыс. человек, двинулся в глубь Польши, чтобы расправиться с восставшими. После трехкратных стычек между шведами и вновь сформированными польскими войсками у Голумбя польские войска отошли к Замостью. Шведы пошли за ними по пятам. Однако крепости Замостья им взять не удалось. Тогда шведы направились к Ярославу, где были атакованы поляками, захватившими шведский обоз. При переправе через Сан шведский генерал Дуглас потерял 300 солдат. С этого момента (март 1656 г.) в ходе военных действий произошел переход. Карлу Густаву пришлось отказаться от наступления на Львов, в лагере шведов началось разложение, войска Яна Сапег и Конецпольского оставили шведов и перешли на сторону польских войск. Польская армия, которой командовал выдающийся полководец Стефан Чарнецкий, прославившийся в боях против шведских захватчиков, перешла в наступление и в начале апреля 1656 г. осадила шведов, укрывшихся в районе слияния Вислы и Сана. Шведы, стиснутые между двумя переполненными весенним паводком реками и наступающими с трех сторон польско-литовскими войсками, оказались в трудном положении. Ценой значительных потерь Карлу Густаву удалось все же вырваться из ловушки, переправившись через Сан.

После этого Карл Густав начал быстрый отход вдоль правого берега Вислы по направлению к Пруссии. Рассредоточенные во время отступления шведские войска систематически уничтожались крестьянскими отрядами. Когда Карл Густав дошел до Пруссии, у него оставалось всего 4 тыс. измученных солдат. Правда, шведские гарнизоны стояли еще в ряде городов — Варшаве, Кракове и др. Карл Густав мог рассчитывать на часть польско-литовских войск, находившихся под командой Богуслава Радзивилла. Однако с такими силами нечего было и думать о подчинении Речи Посполитой.

В июне 1656 г. Карл Густав заключил договор с бранденбургским курфюрстом. За участие в войне на стороне Швеции к Бранденбургу должна была отойти Великая Польша. Получив подкрепления от Фридриха Вильгельма, Карл Густав в середине июля 1656 г. начал новое наступление. Он предполагал дать сражение польским войскам, оборонявшим Варшаву, недавно занятую ими при активной поддержке горожан и окрестного крестьянства.

В трехдневной битве под Варшавой (28—30 июля 1656 г.) шведским и бранденбургским войскам удалось потеснить польско-литовскую армию и снова занять столицу Речи Посполитой. Но польско-литовские войска не были разбиты. Поэтому вскоре шведам вновь пришлось отступить, хотя в глубине Польши в ряде пунктов оставались шведские гарнизоны. Особенно сильный гарнизон был в Кракове.

Война приобретала затяжной характер. Беспрестанные военные действия шведских и польско-литовских войск превращали целые области в пустыню. Выйти из создавшегося крайне тяжелого положения помогла Речи Посполитой Россия.

Русское правительство хорошо сознавало, какую опасность для него представляло усиление Швеции. Оно не могло допустить объединения сил шведских и польско-литовских феодалов и превращения Речи Посполитой в базу их общей агрессии на востоке, о чем мечтали польские и литовские магнаты, перешедшие на сторону шведов. Русское правительство было намерено также использовать польско-шведскую войну для того, чтобы решить важнейший вопрос русской внешней политики — добиться выхода к Балтийскому морю. Поэтому русское правительство прекратило военные действия против Речи Посполитой и выступило инициатором мирных переговоров. Оно решительно отвергло двукратные предложения Швеции о русско-шведском союзе против Речи Посполитой и завязало переговоры с Данией и Австрией, стремясь создать широкую антишведскую коалицию. Весной 1656 г. было заключено русско-польское соглашение о прекращении военных действий и пограничном съезде послов. Летом 1656 г. русское правительство начало войну против Швеции. Русские войска овладели Даугавпилсом (Двинском), Кокенгаузеном, Тарту и осадили Ригу.

Действия русских войск в Прибалтике оказали громадное влияние на развитие событий в Речи Посполитой; настроение польско-литовских войск и партизан поднялось, их сопротивление усилилось. В октябре 1656 г. шведско-бранденбургские войска потерпели поражение под Простками. Швеция была вынуждена заговорить о мире с Речью Посполитой.

В августе—октябре 1656 г. в Вильнюсе происходили переговоры о заключении прочного русско-польского союза. Вопрос о границе во время этих переговоров разрешен не был, так как польско-литовская сторона не приняла русских требований отказаться от Белоруссии и Украины, но обе стороны дали взаимное обязательство не вступать порознь в переговоры о мире со Швецией.

Шведская дипломатия в свою очередь также развила энергичную деятельность. Швеция заключила особые договоры с Бранденбургом и семиградским князем Ракоци Дьёрдем о совместных военных действиях против Речи Посполитой и ее разделе.

Военная ситуация в Речи Посполитой оставалась крайне запутанной. В ряде крупных польских городов, в частности в Кракове и Торуне, все еще продолжали оставаться шведские гарнизоны. Шведские и бранденбургские войска контролировали значительную территорию в северной части Польши. Литовские войска Госевского вели борьбу со шведами в Пруссии и Жемайтии, Любомирский осаждал Краков. Положение существенно изменилось в пользу Швеции, когда в январе 1657 г. 40-тысячная армия Ракоци перешла Карпаты и вторглась в пределы Польши.

Продвинувшись до самого Кракова, Ракоци соединился здесь со шведским гарнизоном. Шведы в это время предприняли попытку овладеть Гданьском, где находился Ян Казимир. Шведские войска прошли через всю территорию Польши с севера на юг, двигаясь через Торунь, Брест-Куявский и Петрков. Польские войска, разбросанные по всей стране, не были в состоянии приостановить их продвижение. Ракоци выступил из Кракова и соединился со шведской армией под Опатовом. Вскоре это большое, но плохо организованное войско перешло Вислу и направилось к Замостью.

Сговор Швеции, Бранденбурга и Ракоци о разделе Речи Посполитой поставил польско-литовские правящие круги перед необходимостью ускорить переговоры с Австрией. В конце мая 1657 г. в Вене был заключен австро-польский союзный договор. Австрийское правительство обязалось послать на помощь Речи Посполитой около 12 тыс. солдат. Речь Посполитая вынуждена была предоставить Австрии право на длительное использование доходов с соляных копей в Величке и других местах. Одновременно с заключением договора с Австрией велись переговоры с Данией, завершившиеся в июле 1657 г. заключением союза. Датско-польский союз нашел поддержку в Голландии, обеспокоенной усилением Швеции на Балтике.

Такое изменение международного положения Речи Посполитой побудило бранденбургского курфюрста переметнуться на сторону антишведской коалиции. Особенную активность в переговорах с Бранденбургом проявляла Австрия. Когда договоренность между Веной и Берлином была достигнута, начались переговоры между Бранденбургом и Речью Посполитой. Вскоре между ними был заключен договор. Княжеская Пруссия, находившаяся раньше в вассальной зависимости от польского короля, становилась полной собственностью бранденбургского курфюрста. Курфюрсту были отданы также староства Лемборк, Бытов и Драгим и г. Эльблонг с правом выкупа его Речью Посполитой за 400 тыс. талеров. Бранденбургский курфюрст со своей стороны обязался находиться в вечном мире и союзе с Речью Посполитой и оказывать ей в случае нужды военную помощь. Велявско-быдгощский договор 1657 г. усилил хищническое Бранденбургско-прусское государство. Дальнейший ход событий показал, какое огромное значение имел захват Бранденбургом Пруссии, ставшей опорным пунктом германской феодальной экспансии в Восточной Европе.

Еще до того как Бранденбург перешел на сторону Речи Посполитой, Карл Густав был вынужден отступить. Он направился к границам Дании, начавшей военные действия против Швеции. В Варшаве оставался Ракоци, положение которого все время ухудшалось. Вскоре он выступил из Варшавы и начал отход на юг. Тем временем польный гетман Любомирский перешел через Карпаты во владения семиградского князя, занял несколько городов (Мукачево и др.), а с других взял контрибуцию. Набег Любомирского заставил Ракоци ускорить свой отход с польской территории. В июле 1657 г. Ракоци потерпел поражение под Магеровом и лишился своих обозов. После этого отступление войск Ракоци на юго-восток стало стремительным. Под Меджибожем Ракоци был вынужден подписать договор, по которому обязался порвать все свои прежние союзные договоры с противниками Речи Посполитой, убрать с ее территории все свои войска, вернуть награбленное и выплатить контрибуцию в размере 1 200 000 злотых.

После того как наметился перелом в ходе военных действий, Австрия решила ввести свои войска на территорию Речи Посполитой. По сути это был не поход, а лишь военная демонстрация, имевшая целью укрепить позиции венского двора в Речи Посполитой. Австрийские войска начали осаду Кракова, где еще находились шведские и семиградские войска. Узнав о договоре Ракоци с Чарнецким, семиградские части в августе 1657 г. покинули Краков, а шведский генерал Вирц капитулировал перед австрийцами на очень выгодных для шведов условиях.

Во второй половине лета и осенью 1657 г. главный театр войны переместился к границам Дании. Шведам удалось достигнуть там значительных успехов благодаря поддержке Франции и Англии на море и частично на суше, в то время как союзники Дании фактически не оказывали ей помощи. Исключение составила лишь Речь Посполитая, отправившая на

помощь датчанам пятитысячное войско под командованием Стефана Чарнецкого. Быстро продвинувшись к шведской части Померании и границам Дании, Чарнецкий все же не смог оказать существенной помощи датским войскам. Вступив в соприкосновение с противником, Чарнецкий ждал помощи от Австрии и Бранденбурга, обещавших выставить значительные пехотные подкрепления. Однако эта помощь оказана ему не была. В результате, форсировав с небольшими силами Одру и продвинувшись с боями к самой датской границе, Чарнецкий оказался не в состоянии повлиять на развитие военных событий, складывавшихся в очень неблагоприятном для Дании направлении. В январе и феврале 1658 г. шведы перешли замерзшие проливы и подступили к стенам Копенгагена. Дания была выведена из войны. Она подписала мирный договор и вышла из антишведской коалиции. Господство Швеции на Балтике еще более упрочилось.

5

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ НА УКРАИНЕ. АНДРУСОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ 1667 г.

В течение зимы 1657/58 г. русское правительство, верное своим обязательствам, не прекращало военных действий против Швеции в Прибалтике.

Между тем Речь Посполитая готовилась к возобновлению войны на Украине. 6 августа 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Гетманом Украины стал тайный сторонник Речи Посполитой — шляхтич Выговский. Правительство Речи Посполитой стремилось противопоставить его России, рассчитывая таким путем вновь подчинить своей власти украинские земли. В правящих кругах Речи Посполитой существовала сильная группа, которая толкала ее к активной борьбе против России. Под влиянием этой группировки в январе 1658 г. польско-литовское правительство вступило в секретные переговоры со Швецией.

В Москве возлагали большие надежды на предполагавшийся летом 1658 г. сейм в Варшаве. На сейме, по расчетам русского правительства, должен был обсуждаться вопрос о кандидатуре русского царя на польский престол. Но когда сейм открылся, выяснилось, что большинство его состояло из сторонников возобновления восточной экспансии. На Украину были направлены польские комиссары для переговоров с Выговским. Вопреки воле украинского народа Выговский пошел на предательский сговор (Гадячский договор 1658 г.) с польскими магнатами, возвращавший Украину под власть Речи Посполитой. В силу этого сговора прежние владельцы получали обратно отнятые у них имения. Речь Посполитая делала некоторые уступки в пользу украинской шляхты и казацкой старшины. Это был план ликвидации основных завоеваний украинского народа, план, направленный против украинского и русского народов.

В связи с возобновлением польской феодальной агрессии на востоке русское правительство в ноябре 1658 г. заключило перемирие со Швецией на выгодных для себя условиях. Согласно Валиесарскому перемирию, за Русским государством оставались почти все отвоеванные им ливонские земли. Вскоре начались военные действия между Россией и Речью Посполитой. Русские войска возобновили наступление в Литве и Белоруссии и разбили под Верками литовского гетмана Госевского. На Украине же Выговскому при помощи крымских татар удалось в июне 1659 г. нанести русским войскам серьезное поражение. Однако в это время на Украине уже поднялось мощное народное движение, сорвавшее предательские

замыслы Выговского и поддерживавшей его части казацкой шляхетской старшины. Украинское казачество провозгласило своим гетманом сына Богдана Хмельницкого Юрия. Выговский бежал в Польшу.

Между тем под давлением Австрии и Бранденбурга Речь Посполитая продолжила вести войну со Швецией. В конце 1658 г., после длительной осады, был взят Торунь. В руках шведов еще оставались некоторые города в Поморье. Но война угасала; ее центр вновь переместился в Данию, на которую в августе 1658 г. вторично напал Карл Густав. В отличие от предшествующей кампании военное счастье изменило шведам. Они потерпели в Дании серьезные поражения. Речь Посполитая принимала деятельное участие в этой войне. В военных действиях 1658—1659 гг. польские войска под командой Чарнецкого отбили у шведов ряд датских островов и крепостей, нанеся большой ущерб противнику. Истощенная войной Швеция согласилась на мирные переговоры, которые начались в январе 1660 г. в Оливе близ Гданьска. Посредником в переговорах выступала Франция. Оливский мирный договор закрепил за Швецией ту часть Ливонии, которой она владела по Штумдорфскому перемирию 1635 г. Только небольшая часть Ливонии — Латгалия с городами Двинск (Даугавпилс), Режица (Резекне), Мариенхауз (Виляка), Люцин (Лудза) — осталась за Речью Посполитой. Ян Казимир отказался от своих претензий на шведскую корону. Были подтверждены условия польско-бранденбургского договора 1657 г.

Покончив с войной на севере, правительство Речи Посполитой развернуло широкую подготовку к наступлению на востоке. В этих условиях правительство царя Алексея Михайловича было вынуждено начать переговоры о мире со Швецией. Заключенный летом 1661 г. в местечке Кардисы договор о «вечном мире» между Россией и Швецией восстановил русско-шведскую границу, существовавшую со времени Столбовского мира. Из-за агрессии Речи Посполитой Россия была принуждена временно отказаться от борьбы за жизненно необходимое ей балтийское побережье.

Весной 1660 г. польско-литовские войска перешли в наступление. Им удалось отеснить русские силы к Полоцку и Могилеву. Осенью 1661 г. польско-литовские войска овладели Гродно и Вильнюсом.

На Украине под Чудновом войска В. Шереметева потерпели тяжелое поражение от польско-татарских сил. Слабовольный, находившийся под влиянием шляхетско-старшинской группировки, которая изменила Украине, Юрий Хмельницкий пошел на переговоры с Речью Посполитой. По заключенному им с польским правительством договору Украина потеряла бы даже ту тень автономии, которая была провозглашена Гадяцким договором. Однако украинский народ не хотел и думать о возвращении под иго магнатско-шляхетской Речи Посполитой. Борьба против польских феодалов не утихла, а разгоралась.

Стремление магнатов и шляхты продолжать войну на востоке находилось в резком противоречии с тяжелым внутриполитическим положением страны. Денег не хватало. Жалованье войску не выплачивалось.

Это привело к волнениям в войсках. Часть коронного войска решила создать конфедерацию во главе со Свидерским. Ее примеру последовали литовские войска. Войска конфедератов занимали королевские и церковные имения, где собирали лановую подать, использовали доходы с таможенных сборов и т. д. Центром конфедерации стал г. Вольбож. Конфедерация выдвигала и политические лозунги. Ее поддерживали крупные магнаты (Лещинский, Любомирский и др.), противники польского короля, вынашивавшего планы установления в Польше наследственной монархии и усиления королевской власти. Король вынужден был уступить.

Он объявил о введении чрезвычайного налога — всеобщей поголовной подати — и назначил комиссию для выплаты войску жалованья. В декабре 1662 г. в Вольбоже удалось заключить соглашение с конфедератами на компромиссных условиях.

После того как прошел срок выполнения Вольбожского «перемирия» и обнаружилось, что польский двор не намерен выполнять свои обещания, войска, входившие в конфедерацию, снова начали готовиться к борьбе. Они настаивали на удовлетворении своих требований (выплаты жалованья, отказа двора от планов установления в Польше наследственной монархии — от покушений на «республиканский» строй и т. д.). Польский двор решил было силой разогнать конфедерацию. Для этой цели были приглашены даже татарские войска. До открытого вооруженного столкновения дело все же не дошло. Летом 1663 г. требования конфедерации частично были удовлетворены. В распоряжении Яна Казимира снова оказалось большое войско (около 40 тыс. человек). Однако полного доверия к нему у Яна Казимира не было. Он решил распустить часть войска, сократив его больше чем наполовину.

Несмотря на столь напряженное внутривосточное положение в стране, правительство продолжало деятельно готовиться к походу на русские и украинские земли. Об этом шли переговоры осенью 1662 г. с Крымом. В переговорах с русскими послами Ян Казимир требовал передачи Речи Посполитой Смоленска и всей Украины. После прекращения восстания конфедератов король двинулся на Украину. Командование войском было поручено Чернецкому. Крымские татары обещали ему полную поддержку.

Между тем на Левобережье и в Запорожской Сечи украинский народ сумел подавить все попытки старшин-изменников передать Украину под власть шляхетской Польши. Здесь не признавали ни Гадячского, ни последнего так называемого Слободищенского договора, подписанного в 1660 г. Юрием Хмельницким. Все это заставило Юрия Хмельницкого отказаться от гетманства. На Правобережье, после ухода Хмельницкого, при прямой поддержке польских властей, гетманом стал Павло Тетеря. Против нового ставленника польских магнатов начались народные восстания. Их программой было изгнание польского магнатства и шляхты с Правобережья и воссоединение всех украинских земель с Русским государством. На Левобережье был выбран новый гетман — Иван Брюховецкий.

Польский король, начавший поход на Украину в августе 1663 г., дошел со своими войсками до Днепра только в ноябре. Перейдя Днепр, польско-татарские силы двигались вперед, грабя и разрушая все на своем пути. Но трехнедельная осада Глухова окончилась неудачей. В феврале 1664 г. польские войска, объединившиеся под Севском с литовской армией, наступавшей из Белоруссии, были принуждены начать отход. При этом они несли серьезные потери от следовавших за ними русских войск и активно боревшегося с оккупантами украинского населения. Запорожцы под руководством атамана Серко начали освобождать Правобережье, где все шире развертывалось освободительное движение. Мстя украинскому народу, польские магнаты творили зверства, воскрешавшие страшные картины «умиротворительной» деятельности Потоцкого при подавлении восстания 1637—1638 гг. Ставленнику польских феодалов Тетере пришлось бежать. На Правобережной Украине гетманством овладел Петро Дорошенко, бывший ставленником турецко-татарских феодалов. Поход Яна Казимира окончился полной неудачей.

Когда летом 1664 г. польский король вернулся в Варшаву, внутривосточное положение в Речи Посполитой стало особенно напряженным.

К этому времени гетману Любомирскому удалось собрать вокруг себя значительную группировку магнатов и шляхты, недовольных внутренней политикой правительства. Король решил подавить оппозицию и предал Любомирского сеймовому суду, который приговорил его к лишению имущества, должностей, чести и, наконец, самой жизни. Любомирский бежал в Австрию. Но его сторонники начали готовиться к вооруженной борьбе. Попытки Яна Казимира использовать для подавления движения отозванные с Украины войска не увенчались успехом. Войска вышли из повиновения и объявили о создании конфедерации. Затем они стали двигаться на запад вдоль Карпат. В июле 1665 г. Любомирский стал во главе этих войск, насчитывавших около 5 тыс. человек. Навстречу Любомирскому были направлены оставшиеся верными королю войска. Под Ченстоховой произошло столкновение, в котором победу одержали конфедераты. Король вынужден был стать на путь примирения с Любомирским. Летом 1666 г. борьба между ними возобновилась. 13 июля под Монтвами (в Куявии) произошло кровопролитное сражение. Королевские войска были разбиты. На поле боя осталось около 4 тыс. убитых. Король был принужден капитулировать перед рокошанами.

31 июля 1666 г. в Ленгоницах было подписано соглашение, зафиксировавшее поражение политического курса Яна Казимира. Ян Казимир «прощал» Любомирского и его сторонников, отказывался от попыток изменить порядок престолонаследия, обещал выплатить войску жалованье и т. д. Любомирский тоже был вынужден пойти на уступки: конфедерация распускалась, войско должно было присягнуть королю и затем начать новую войну на Украине.

Но на этот раз правительству Речи Посполитой пришлось отказаться от продолжения войны. Речь Посполитая была обескровлена бесконечными войнами, внутриполитическими раздорами и хозяйственной разрухой. Между тем вырисовывалась все более реальная опасность турецкой агрессии. В этих условиях польско-литовское правительство вынуждено было пойти на соглашение с Россией. Переговоры, которые с весны 1666 г. велись в с. Андрусове на Смоленщине, завершились 30 января 1667 г. подписанием перемирия на 13 с половиной лет. К России отходили Смоленская земля, Северщина, вся Левобережная Украина. По Андрусовскому перемирию Киев был передан России как временное владение (на два года), фактически же он навсегда вошел в состав Русского государства. Соглашение в Андрусове предусматривало совместное выступление России и Речи Посполитой против усилившейся татаро-турецкой агрессии.

6

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ УПАДОК РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Вторая половина XVII и первая половина XVIII в. были периодом длительного экономического упадка и политического кризиса феодально-крепостнической Речи Посполитой. Многолетние тяжелые войны усиливали и углубляли экономический и политический упадок страны, обусловленный гипертрофией фольварочно-барщинной системы.

Войны, заполнившие с небольшими перерывами 70 лет, несли громадные бедствия, а местами полное разорение крестьянам, тяжело отра-

жались на помещичьем хозяйстве, уменьшали количество населения, способствовали разорению городов. Одни области Польши страдали непосредственно от военных операций, другие разорялись проходящими неприятельскими войсками, а также реквизициями со стороны польской армии. Войны создали благоприятную почву для эпидемий и эпизоотий. Страна изнывала под бременем военных налогов, постоев и контрибуций. Ряд сеймовых постановлений указывал на недисциплинированность польского войска, на безнаказанность солдат, грабивших сельское и городское население, как на причину разорения целых областей. Особенно пострадали украинские и белорусские земли. В летописи Самуила Велички (начало XVIII в.) дана яркая картина запустения Правобережной Украины, которая, по его словам, обезлюдела, а ранее цветущие поля заросли «тростием и непотребной лядиной». Западная Подолия и Киевское Полесье пострадали меньше, но и там постоянно встречались пустые халупы и заброшенные наделы. Велики были последствия военных действий в Червонной Руси. В среднем из 100 хозяйств, существовавших до войн XVII в., в Холмской земле осталось 42 хозяйства, в Львовской — 45, в Саноцкой — 46. Сократилось не только число хозяйств, но и размеры обрабатываемой каждым из них земли. В среднем на 100 ланов опустело в Холмской и Саноцкой землях 87 ланов. О таком же разорении белорусских земель говорят данные по Гродненской и Кобринской экономиям.

Во второй половине XVII и первой половине XVIII в. для Польши характерны в основном те же отношения в области сельского хозяйства, промышленности и торговли, которые сложились в XVI — первой половине XVII в.

Сельское хозяйство в Польше попрежнему являлось основой экономики и оставалось главным занятием большинства населения. Крупная земельная собственность продолжала сохранять свое первенствующее значение в народном хозяйстве и находилась в руках магнатства, шляхты, короля и духовенства.

Часть земли принадлежала мелкой шляхте, которая хозяйничала на небольших участках, владела незначительным числом крепостных крестьян или не имела их совсем и своими силами обрабатывала пашню. Такие мелкие владения существовали во всех областях Польши, но главным образом они, как и прежде, были сосредоточены в Мазовии и на Подляшье. Типичным размером имений средней шляхты были одна или две деревни. Крупными землевладельцами были магнаты, собственники латифундий в несколько десятков или даже сотен деревень. Радзивиллы, Сапеги, Потоцкие, Браницкие, Сенявские, Чарторьские и другие сосредоточили в своих руках громадные земельные владения. В середине XVIII в. Кароль Радзивилл по прозвищу «пане Коханку», помимо наследственных поместий, владел огромным количеством королевщин, в которых было расположено 16 городов и 583 деревни. Этот магнат содержал собственную армию численностью в 6 тыс. человек.

Магнатские владения росли за счет земель мелкой и средней шляхты. Так, в Люблинском повете помещикам, имевшим меньше 100 крестьянских ланов, принадлежало в половине XV в. 44,9%, а в половине XVII в. — 16,9% и в конце XVIII в. — 9,8% всех земель. Количество земель, находившихся во владении помещиков — собственников от 100 до 500 ланов, осталось без существенных изменений и составляло в середине XV в. 24,3%, в середине XVII в. — 26,3% и к концу XVIII в. — 33,2%. В то же время масштаб крупных владений (более 500 ланов) все время рос. В XV в. им принадлежало 13,3%, в XVII в. — 30,7%, в XVIII в. — 49,9% земли.

Перед господствующим классом стояла сложная задача — восстановить разоренное поместное хозяйство, источник благополучия польских феодалов. В зависимости от конкретной обстановки для этого практиковалось два метода: очиншевание крестьян или расширение фольварка. Очиншевание применялось чаще там, где убыль населения и разорение были особенно велики, где помещики не справлялись с трудностями восстановления хозяйства и поэтому вынуждены были отказываться от самостоятельного ведения хозяйства и основывать его на чиншах крестьян. Особенно распространено было очиншевание в землях Литвы и Белоруссии. Очиншевание как кратковременная мера для заселения и укрепления поместий практиковалось весьма широко и на Украине, где тоже было много пустых земель и помещики, нуждаясь в рабочей силе, старались привлечь и удержать крестьян различными льготами. Паны уменьшали число барщинных дней, переводили крестьян на чинш.

Большое количество чиншевиков было в Великой Польше и на Поморье. Здесь чиншевиками являлись прежде всего колонисты, называемые «голендрами», потому что предки их были выходцами из Голландии. Впоследствии к ним присоединилась часть немецких колонистов, а также польских переселенцев из других частей страны. Их считали вольными поселенцами, лично свободными, но их «вольность» была сильно ограничена. Особенно много деревень таких чиншевиков-колонистов было на Гданьских Жулавах, в долине Вислы, Варты и Нотеци — на сырых и заболоченных землях. Было переведено на чинш также большинство деревень, принадлежавших городским магистратам Познани, Калиша. В Великой Польше, области с относительно развитой промышленностью, чинш был средством увеличения доходов. Чиншевики были более заинтересованы в ведении хозяйства, а потому работали более продуктивно. Их чиншвые взносы давали надежный доход феодалу.

Увеличение фольварков практиковалось обычно там, где население хотя и было разорено, но в массе своей оставалось на месте и где землевладелец располагал средствами для того, чтобы обеспечить фольварк живым и мертвым инвентарем. В таких случаях фольварк быстро рос, впитывая в себя опустевшие крестьянские земли. Разоренное крепостное население использовалось для пешей барщины и принудительного низкооплачиваемого найма. Рост фольварков сопровождался ухудшением положения населения, в частности обезземеливанием крестьянства, что видно на примере Червонной Руси. В 132 селах королевщин Холмской, Саноцкой и Львовской земель число коморников выросло с 0,1 до 2,1%, халупников и загородников — с 18,9 до 29,2%, крестьян, имеющих менее $\frac{1}{4}$ лана, — с 16 до 32,1%. Число же крестьян, имевших $\frac{1}{2}$ лана, уменьшилось с 27 до 20,3%, имевших $\frac{2}{3}$ лана — с 28,9 до 13,9%, имевших $\frac{3}{4}$ лана — с 9,1 до 2,4%. Этот метод восстановления поместного хозяйства был наиболее распространенным. Особенно типичным он был для Малой Польши.

В начале XVIII в. раздробление крестьянских хозяйств вследствие роста фольварков достигло такой степени, что наряду с загородниками и халупниками появились владельцы половины загорды, половины халупы. Обезземеленные и малоземельные крестьяне вынуждены были искать работы у помещиков, которые, пользуясь тяжелым положением крестьян и своей неограниченной властью, заставляли их работать на себя за низкую плату. Этот вид найма носил чисто феодальный характер. В. И. Ленин отмечал, что при феодальном кабальном найме оплата труда бывает всегда более низкая, чем при капиталистическом «вольном» найме¹.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 166.

Хата постройки 1739 г. (Туробин близ Замостья, современный вид)

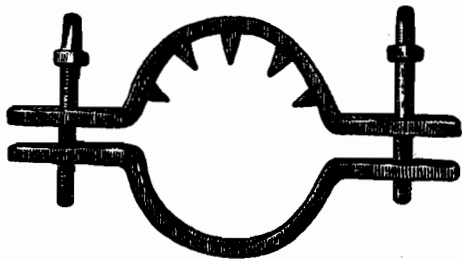
Фото

Связь крестьянского хозяйства с рынком и все крестьянские промыслы находились под контролем поместья. Обязанность крепостных молоть хлеб только на панских мельницах и монопольное право пропинации очень затрудняли хозяйственную жизнь крестьянского двора. Тяжесть этих повинностей тем более ощущалась крепостными, что пан не только запрещал покупать алкогольные напитки в другом месте, но и принуждал крестьян покупать у него определенное количество их. Помещичье право пропинации превращалось в право принудительного спаивания крестьян.

Крестьянские повинности к первой половине XVIII в. необычайно возросли. Первое место среди них занимала барщина. В это время барщина в среднем равнялась 6—8 дням в неделю с лана, хотя нередко она достигала и 16 дней в неделю с лана, т. е. с одного крупного или нескольких мелких крестьянских хозяйств. Невыгодность барщины, ее слабая продуктивность уже явно ощущались. Чтобы поднять производительность крепостного труда, помещики прибегали к точной фиксации всех видов барщины. В панских уставах XVIII в. точно определялось количество всей порученной крепостному работнику. Ежедневно указывалось, сколько загонов крестьянин должен вспахать, сколько снопов сжать, сколько хлеба обмолотить и т. д. Часто указывалось количество часов, которое нужно отработать за день. Обычной нормой был 12-часовой рабочий день зимой и 19-часовой — летом. Тяжесть барщины увеличивалась тем, что помещики

часть барщинных дней переносили с зимы на лето, когда они особенно нуждались в рабочей силе.

Крестьянские повинности не ограничивались барщиной. Крестьяне должны были выполнять без всякого вознаграждения и не за счет барщины много других разнообразных работ для пана: подводную повинность, охрану поместья, шарварки (ремонт дорог, мостов и т. п.), гвалты, тлоки (обязательные сверхбарщинные работы во время летней страды), прясть, работать на панских огородах. Сверх всего этого и при барщине сохранялись натуральные дани и денежный чинш.

Орудие пытки

Кроме повинностей в пользу помещика, на плечах крестьянина лежали еще и государственные налоги. Они особенно возросли в этот период, когда почти непрерывные войны требовали огромных денежных сумм и государство постоянно

переживало бюджетный кризис. В 1650—1658 гг. поборовое взималось в 20-, 25- и 30-кратном размере, а в 1661 г. было утверждено 50-кратное поборовое и два подъемных сбора. «Гиберна» — военный налог, ушачиваемый королевскими и церковными крестьянами, непрерывно рос.

Несмотря на стремление панов путем усиления эксплуатации получать как можно больше доходов, продукция фольварков падала. Это вызывалось рядом причин: сокращением количества скота, что уменьшало возможности удобрения почвы, недостатком сельскохозяйственных орудий у все более и более разорявшихся крестьян, но главным образом низкой производительностью труда крепостных, не заинтересованных в работе на пана. Если в середине XVI в. обычным урожаем был сампять, то в середине XVIII в. таким уже считался урожай сам-три.

Однако большинство помещиков продолжало цепко держаться за барщинно-фольварочную систему, непрерывно увеличивая барщинную эксплуатацию крестьян и разрушая производительные силы страны. Особенно тяжелым было положение крестьян в имениях, находившихся под управлением арендаторов. Арендаторы (ими были обычно среднепоместные или мелкие шляхтичи и богачи-мещане), стремясь в короткий срок выжать из поместья побольше дохода, своим хищническим хозяйствованием вконец разоряли крепостных. В описываемое время аренда была в Речи Посполитой обычным и распространенным явлением.

Против феодального гнета крестьяне защищались всеми средствами. Они скрывали доходы своего хозяйства, чтобы платить меньше оброка. В своих жалобах в судебные инстанции государственные крестьяне оспаривали увеличение повинностей или захват земли.

Крестьяне постоянно угрожали помещику уходом или действительно бежали от него. Несмотря на то, что шляхта располагала сильным аппаратом принуждения, часто вспыхивали крестьянские волнения. Панские уставы очень ярко отражают столкновения крестьянских и помещичьих интересов в рассматриваемое время. Эти уставы составлялись «для лучшего порядка», для охраны панского хозяйства. Малейшее нарушение барщинных порядков каралось большим денежным штрафом, крестьян наказывали плетью и сажали в колодки. Эти же уставы говорят о том, что крестьяне рубили панские леса, не желали давать пану свои подводы, покупать у пана спиртные напитки и т. д.

Помещичьи архивы и городские и земские акты сохранили много сведений о крестьянском сопротивлении, об антифеодальной борьбе объединявшихся крестьянских общин (громад). Так, «подданные» Лонцкого имения по постановлению громады в 1710 г. не подчинились панскому приказу, который устанавливал неделимость крестьянских и загородничьих хозяйств. Часто крестьяне покидали свое хозяйство и уходили к другим помещикам, в города, в горы, на Украину, в Россию, в Молдавию, Словакию и Силезию.

Особый характер носили побеги крестьян, уходивших в горы, к «разбойникам». Убегавшие становились активными борцами против крепостничества. Недаром шляхта ненавидела «разбойников» и вела с ними самую решительную и жестокую борьбу. Их главные опорные пункты были в Карпатах — на Подгалье, в Саночкой земле, на Покутье. Сюда шли крестьяне из различных мест Польши. В горах они становились свободными людьми и это ощущение свободы выражали в своих песнях:

Паны, паны, были вы панамя,
А теперь не будете командовать нами.

Здесь вырабатывался тип «разбойничьего» атамана — защитника крестьян и беспощадного врага шляхты, каким был знаменитый карпатский атаман Яношик, воспетый народом в многочисленных словацких и польских песнях. Для восточного, украинского Прикарпатья таким легендарным руководителем восставших крестьян был Олекса Довбуш, любимый герой гуцульских песен и преданий. И Яношик и Довбуш — реальные исторические фигуры, их деятельность относится к первой половине XVIII в.

Шляхта не жалела средств для борьбы с «разбойниками», устанавливала на сеймиках специальные налоги для набора солдат. Но все меры оказывались безрезультатными, — остановить народный протест было невозможно.

Широко развивалось крестьянское движение на Правобережной Украине, где по мере восстановления хозяйства паны спешили отменить льготы, реставрировать прежние отношения и где панский произвол усиливался религиозным и национальным угнетением.

На рубеже XVII и XVIII вв. на Правобережье развернулось широкое народное движение под руководством Семена Палея. В этом движении ярко проявилось стремление украинских народных масс к освобождению от гнета шляхетской Польши, к воссоединению с Левобережьем в составе Русского государства.

Начиная с 1710-х годов крестьянское движение на Правобережной Украине приняло характер почти непрерывной многолетней повстанческой борьбы — так называемого «гайдамачества». Украинское и польское крестьянство видело в гайдамаках борцов за народное дело. Наряду с крестьянами в гайдамацких отрядах встречались мещане, разоренные, обнищавшие и вынужденные покинуть город вследствие упадка торговли и промышленности. Руководящую роль в движении гайдамаков играли запорожцы, обычно выдвигавшие руководителей отрядов, которые назывались «ватажками».

Особенно усилилось гайдамацкое движение в 1734 г., когда в Речь Посполитую были направлены русские войска для борьбы с конфедерацией шляхты. Среди крестьян распространились слухи, что русские военные начальники выдают грамоты, разрешающие истреблять панов. Началось восстание, охватившее Киевское и Брацлавское воеводства.

В Брацлавском воеводстве глава восставших Верлан организовал настоящую казацкую армию. Верлан захватил г. Броды и двинул свои отряды по направлению ко Львову.

Но царизм помог польским феодалам ликвидировать движение. Крестьянские отряды были рассеяны, многие участники движения казнены, многие бежали в запорожские степи, спасаясь от панской мести. Однако среди русской армии было немало солдат и казаков, сочувствовавших и помогавших гайдамакам. Об этом говорит манифест усмирителя «бунтовщиков» ландграфа Гессен-Гомбургского, который разрешал панам убивать русских солдат и казаков, не имевших отпуска от своего начальства, в случае их сопротивления — «за это они не только не должны опасаться ответственности перед русскими властями, но, напротив, могут ожидать полной их признательности».

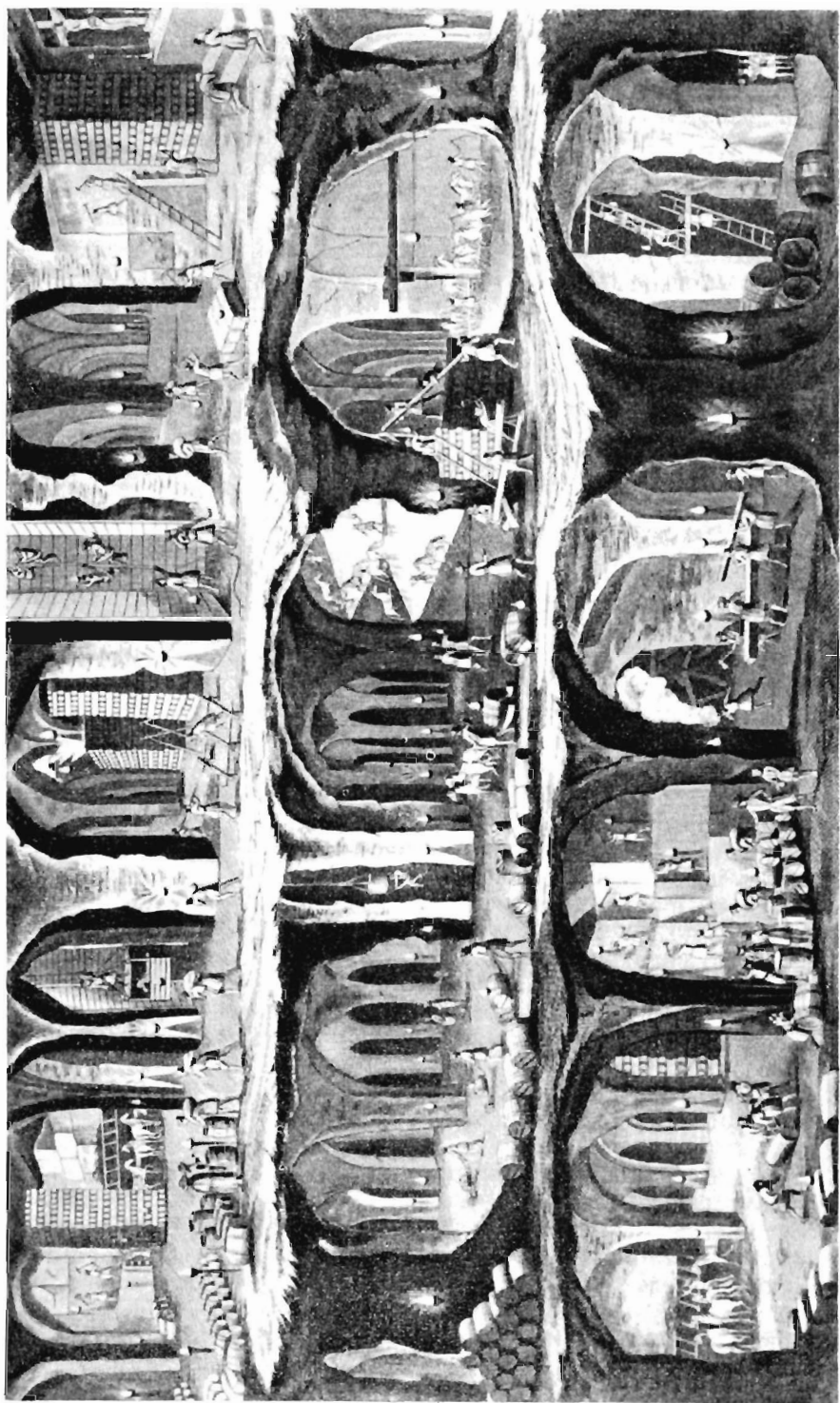
Скоро организовались новые гайдамацкие отряды, действовавшие под предводительством Гривы, Жилы, Медведа и других атаманов. Уже в 1734 г. Грива взял Винницу, разорил иезуитский и доминиканский монастыри и, на вербовав крестьян, совершал нападения на помещичьи усадьбы. В 1736 г. гайдамаки захватили местечко Паволочь и замок, принадлежавшие князьям Любомирским, и перебили захваченную в замке шляхту.

Широкие масштабы приняло движение в 1750 г. Гайдамацкие отряды, руководимые Подолякой, Письменным, Теслей, овладели Винницей, Фастовом, Радомышлем, Брагином и другими городами и местечками, нередко сильно укрепленными. То разгораясь, то угасая, движение гайдамаков продолжалось, и в 1768 г. вылилось в новую крестьянскую войну, известную под названием «Колиивщины».

Крестьянское движение приняло большие масштабы в Литве и Белоруссии, где оно также носило ярко выраженный антикрепостнический, антифеодальный характер. Так, известны восстания в 1671 г. в с. Плотница, в 1692 г. — близ Могилева, в 1700—1701 гг. — восстание крестьян Слонимского староства против Сапег. В 1740—1744 гг. развернулось большое восстание в Кричевском старостве под руководством Воцилы. При подавлении этого восстания каратели пустили в ход пушки. Было убито около 100 человек.

Крестьянские движения происходили и в самой Польше. К сожалению, до сих пор они очень мало изучены. Между тем об остроте классово-крестьянской борьбы крепостного крестьянства можно судить на примере сел Краковской каштелянии. Это был район, охваченный крестьянским движением в 1651 г., когда здесь действовал сподвижник Костки Наперского, учитель из деревни Пцим Марцин Радоцкий. Спустя несколько лет, в 1657—1661 гг., крестьяне в Пциме и других каштелянских селах оказали решительное сопротивление попытке повысить повинности. Во главе крестьян стояли пцимский писарь Ян Карпальский и крестьянин из деревни Кшечов Валентин Маршалок.

Столкновения между каштеляном и его урядниками, с одной стороны, и крестьянами — с другой, продолжались и в последующие годы. Особенно острый характер они приняли в 1669—1672 гг., когда антифеодальное крестьянское движение вновь, как в 1651 г., охватило весь юг Краковского воеводства. В феврале 1670 г. более 500 вооруженных крестьян из деревень Лянцкоронского староства собралось под предводительством Станислава Вежбенты в Лянцкороне и обязалось стойко сопротивляться против гнета и произвола владелицы староства Марианны Зебжидовской. Восстание крестьянства произошло в Новотаргском старостве. Сюда зимой 1669/70 г. прибыл воинский отряд для сбора гибены. Крестьяне, отягощенные

Копи Велички

Гравюра первой половины XIX в.

панскими повинностями и данями и раздраженные злоупотреблениями при сборе военного налога, напали на сборщиков налогов, связали их, избili и поранили, а также забрали их одежду и коней. Затем горцы с оружием в руках окружили Новый Тарг, стремясь уничтожить весь отряд. Опасаясь поражения, отряд отступил перед восставшими, к которым присоединились «разбойники» с венгерской границы. Число восставших достигло нескольких тысяч. Гетман Ян Собеский направил к Новому Таргу семь хоругвей (отрядов). «Бунтовщики, — рассказывает шляхетский источник, — дошли до такой дерзости, что выступили против королевского войска с оружием в руках, имея деревянные пушки и другое оружие: ружья, косы, топоры и заостренные палки». Потерпев поражение в битве, происшедшей под Новым Таргом 1 или 2 мая 1670 г., повстанцы ушли в леса и горы.

В 1672 г. крестьянское движение охватило Чорштынское староство и одновременно польские деревни на южном склоне Карпат — на Ораве, не входившей в состав Речи Посполитой.

Руководителя крестьянского движения в Краковской каштелянии — Валентина Маршалка — мы встречаем и позднее, в 1678 и 1698 — 1699 гг., как организатора солидарных крестьянских выступлений антифеодалного характера. Ни тюремное заключение, ни пытки, ни неоднократное разорение его хозяйства не сломили боевой дух отважного крестьянского вожака. Не случайно в 1698 г. панские слуги пытались уговорить укрывавших старого Маршалка крестьян: «Выдайте нам Маршалка, и все вы будете прощены».

Непрерывной чередой следуют вспышки классового сопротивления крестьян юга Малой Польши и через весь XVIII в. Особенно бурными выступлениями были ознаменованы 1750-е годы, когда, наряду с постоянными «бунтовщиками» из Краковской каштелянии и Подгалья, выступают крестьяне из Дембовицкого, Бечского, Либущского, Липницкого староств. Юг Малой Польши, где было сравнительно много государственных крестьян, выступления которых находили отражение в документах референдарского суда, дает при все еще недостаточной изученности этой проблемы, наиболее яркую картину крестьянского антифеодалного движения. Но, разумеется, оно не было и не могло быть местным явлением. Крестьянство боролось с феодальным гнетом во всех уголках польской земли.

Большое движение развернулось среди крестьян Курпёвской пуци (Мазовия). Долгое время их основным занятием были лесные промыслы. Появившийся и здесь фольварк настойчиво требовал рабочих рук, барщины. Население ответило в 1699 г. восстанием. То же повторилось в 1735—1736 гг.

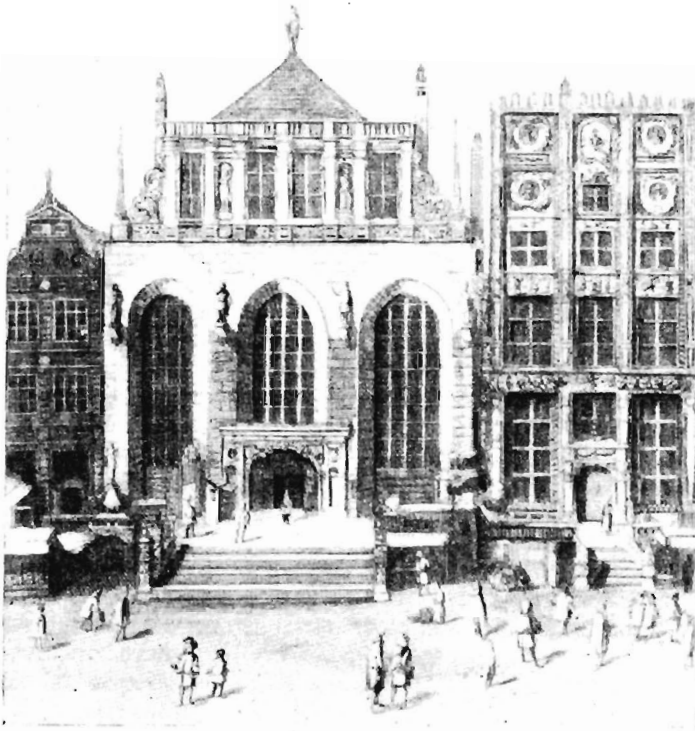
В 1754 г. попытка помещика забрать крестьянский скот в наказание за «потраву» вызвала стихийное возмущение крестьян в деревне Вацина близ Радома.

В 1755 г. развернулось массовое движение крестьян в деревнях Суражского староства (Подлясье).

В 1758 г. было жестоко подавлено сопротивление крестьян в Ближанове, Гродзиске и Зборове Калишского повета.

Даже эти фрагментарные сведения дают представление о чрезвычайно острой классовой борьбе польского крепостного крестьянства против феодальной эксплуатации.

Вторая половина XVII и первая половина XVIII в. — это время глубокого упадка торговли и промышленности в Польше. Показателем упадка городов, их торговли и промышленности является сокращение городского населения. Так, например, Варшава в 1654 г. имела 10 тыс., а в 1660 г. —

Двор Артуса в Гданьске

Гравюра XVII в.

всего 4 тыс. жителей. Бельск в 1671 г. насчитывал только 100 жителей, в Шильне в 1629 г. было 202 дома, во второй половине XVII в. их осталось только 36. Сокращалось население прежних важных промышленных центров — Люблина, Кракова, Казимежа и других городов. Население Познани с 30 тыс. человек в XVI веке сократилось до 3—4 тыс. в 1732 г. В 11 мазовецких городах в XVIII столетии количество построек сократилось до 28% по сравнению с XVI веком.

Пришло в упадок горное дело. В рудниках Олькуша добыча свинца сократилась с 50 тыс. до 14 тыс. центнеров в год, а добыча серебра — с 6 тыс. до 300 гривен. В Хенцинах в середине XVII в. рудники были заброшены.

Отрицательное влияние на развитие польской торговли оказывал тот факт, что Польша, как и восточная Германия, после географических открытий, оказалась, по выражению Маркса, на «задворках Европы».

Со второй половины XVII в. роль важнейшего экспортера хлеба в Восточной Европе перешла от Польши к России. В 1700—1719 гг. из Польши ежегодно вывозилось едва 20 тыс. лантов хлеба. Вывоз промышленных изделий, не достигавший больших размеров и раньше, в конце XVII и начале XVIII столетия почти прекратился.

В то время как за вывозимые товары Польша получала ежегодно в среднем 35 млн. злотых, за ввозимые из-за границы товары она уплачивала до 45 млн. злотых. Из них 15 млн. шло на вино, около 18 млн. — на

приности и предметы роскоши. Так результаты каторжного труда польского крепостного крестьянства расточались феодалами, обогащали иноземных купцов.

Отлив из страны благородных металлов привел к распространению неполноценной монеты, что еще более подрывало внутреннюю торговлю. Большой ущерб денежному обращению принесли медные шеленги, выпущенные в 1659 г., и злотувки, чеканившиеся с 1663 г., в которых вместо 8,15 г серебра, как это было раньше, заключалось только 3,36 г.

Ярмарки, имевшие прежде большое значение как для местной торговли, так и для торговли в масштабах всей страны, привлекавшие иностранных купцов, какими, например, были ярмарки в Познани и Кракове, теперь почти совсем прекратились.

Упадок торговли и промышленности беспокоил не только разорявшихся мещан, но и шляхту, что часто проявлялось на сеймах. На тяжелое положение городов указывали и сеймовые конституции XVIII в. В одной из них говорилось, что «города по разным причинам дошли до последней степени упадка, угнетения и бесправия, совсем опустошены и вконец обнищали». Но, беспокоясь о том, кто будет платить налоги, шляхта менее всего была склонна отказаться от своих привилегий и своей хозяйственной политики, разорвавшей город.

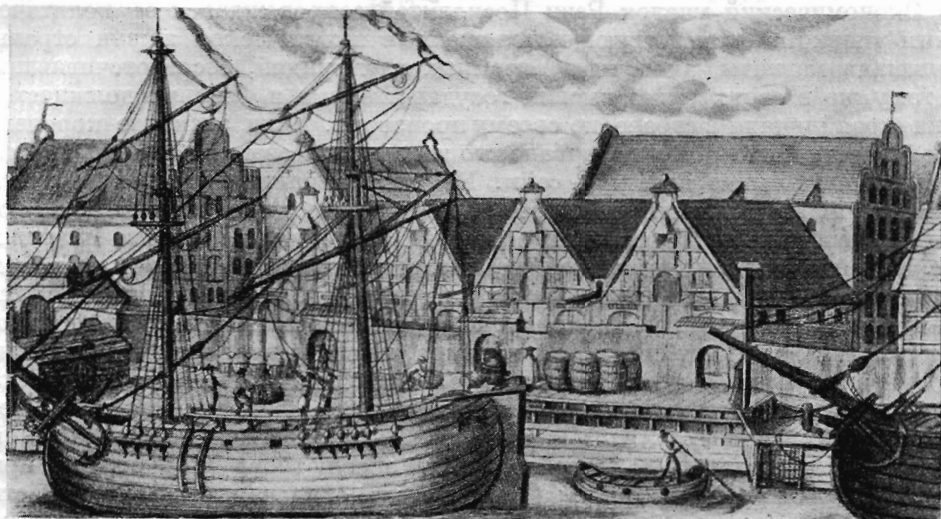
Значительная часть населения, оставшегося в городах и местечках, теперь перешла к земледелию. Шляхта эксплуатировала горожан феодальными методами, захватывая городскую землю, принуждая горожан к барщине. Старосты и землевладельцы спешили использовать обедневшее население городов для барщины в закладываемых на городских землях фольварках. Они налагали на мещан разнообразные повинности, требовали уплаты чинша с домов, пашен и лугов. На ремесленников и купцов был наложен особый побор.

Городской рынок находился под контролем шляхты. Воеводы и старосты назначали цены на продукцию фольварков, винокурен и крестьянских хозяйств, что создавало невыносимые условия для городского населения. Паны и старосты подрывали самоуправление города, не допускали выборов членов совета и лавников, а сами назначали их. Представители шляхты — сеньоры частновладельческих городов и старосты в королевских городах — обычно рассматривали города только как источник своих доходов. Произвол шляхты, лишившей город его прежних прав, и рост налогов увеличивали задолженность городского населения и его разорение.

Неблагоприятно отражалось на городской жизни и то обстоятельство, что во владении шляхты продолжали оставаться, как внутри города, так и под городскими стенами, усадьбы и дома, с которых она не платила никаких налогов. Это так называемые «юридики», на территории которых пан пользовался судебной властью.

Горожане тяжело переживали кризис городского хозяйства и самоуправления. Они пытались бороться за свои права. Острые их борьбы было направлено прежде всего против шляхты. Они жаловались королю на злоупотребления панов и старост. Ассессорские суды были завалены жалобами горожан. Иногда городская община открыто выступала против притеснений старосты и начинала с ним борьбу.

Столкновения между шляхтой и горожанами происходили также и на почве хозяйственной конкуренции, хотя шляхте и было запрещено заниматься такими «подлыми» делами, как ремесло и торговля. Шляхта продолжала держаться мнения, что «ремесла позорны и смрадны, они не подобают ни одному честному человеку, купцы забывают о правде и вере, и потому польское право запрещает мещанские занятия шляхтичу,

Гданьский пакхауз

Гравюра XVII в.

его призвание общественная деятельность и рыцарская служба» Но, несмотря на это, шляхта открывала шинки, пивоварни, устраивала в своих независимых от города владениях торги и т. д.

Глубокие противоречия существовали среди городского населения. Тесно связанная с феодалами богатая верхушка городов противостояла средним и бедным слоям городского населения. Напряженная борьба разворачивалась внутри цехов. Цеховые статуты ставили учеников и подмастерьев в зависимость от мастера, что вызывало их недовольство. Отношения между низшими и высшими слоями цеха обостряло стремление мастеров затруднить доступ к званию мастера, ограничить число мастеров. Начиная с XVI в. ученики и подмастерья, а также купеческая челядь создавали особые товарищества для защиты своих интересов. Эти организации возглавляли борьбу учеников и подмастерьев за сокращение рабочего времени, за повышение заработной платы. Особенно беспокоило цеховую верхушку «отлынивание» от работы учеников и подмастерьев. Одной из форм борьбы подмастерьев против эксплуататоров-мастеров были стачки, которые, начавшись в XVI в., не прекращались в дальнейшем. Цеховые статуты угрожали за это суровыми карами. Так, статут цеха сапожников в г Саноке в 1754 г постановил, что «если кто-нибудь не будет работать в понедельник, должен уплатить штраф в братскую казну 3 зл., а если и во вторник, то вдвойне, а если целую неделю, то должен дать 12 зл. и сидеть в заключении...»

Развертывалась также борьба цеховых ремесленников с «партачами» — не зарегистрированными в цехе ремесленниками. Из многих городов поступали жалобы в ассессорские суды на то, что в городах находится много людей, не пользующихся местным правом, «не несущих никаких повинностей и налогов, которые, однако, занимаются торговлей и ремеслом и у цеховых ремесленников хлеб отнимают».

Экономический упадок Речи Посполитой сопровождался ее политическим упадком. Господствующее положение в политической жизни страны занимали магнаты, владельцы огромных латифундий, сосредоточивавшие к тому же в своих руках высшие государственные и военные должности. Они хозяйничали в стране по своему произволу. Если значение королевской власти было давно подорвано, то теперь был сведен на нет и другой орган центральной власти — сейм. Магнаты парализовали деятельность сеймов, пользуясь своим влиянием на шляхту. Среди шляхты было много людей, имевших незначительные земельные владения или вовсе не имевших их. Но они не хотели заниматься «неблагородными» занятиями — ремеслом и торговлей. Они предпочитали искать покровительства у магнатов, служить при магнатских дворах. На сеймах и сеймиках эта шляхта должна была выступать по приказу своих принципалов, поддерживать их предложения. По указке магнатов послы-шляхтичи срывали сеймы. Крайняя неполнота политической централизации, превращавшая Речь Посполитую в своеобразную федерацию шляхетских республик, проявилась в утверждении принципа *liberum veto*, требовавшего абсолютного единогласия при принятии решений в сейме, а следовательно, дававшего возможность каждому послу останавливать всю деятельность сейма своим «не позволяю!» Впервые такой срыв сейма одним послом произошел в 1652 г. Во второй половине XVII в. срыв сейма стал обычным явлением, а в XVIII в. уже редкий сейм оканчивался принятием каких-либо решений.

Право вето рассматривалось как неотъемлемая часть шляхетской «золотой вольности». Срывая сейм, шляхтич не был обязан аргументировать свое поведение, никому не должен был давать в нем отчета. *liberum veto* делало невозможным нормальное ведение государственных дел, приводило страну к анархии.

Применение *liberum veto* не только не давало возможности принять на сейме то решение, против которого протестовал какой-либо член сейма, но и аннулировало все ранее принятые сеймом постановления. Но даже в тех случаях, когда сейм выносил определенное решение, сеймики этому решению не всегда подчинялись. Сеймики самостоятельно решали финансовые и военные дела, утверждали налоги, назначали сборщиков, распоряжались воеводской казной. Таким образом, децентрализация государства в XVIII в. до крайности усилилась. Речь Посполитая распадалась на самостоятельные области, действовавшие разрозненно. Шляхетские сеймики подчиняли общегосударственные интересы интересам феодалов отдельных воеводств.

В особенно тяжелом положении оказывалась страна во время бескоролья, когда обострялась борьба различных магнатских партий. Магнаты предавали интересы страны, служили иностранным государствам, желая видеть на польском престоле удобного им кандидата, привлекали магнатские партии на свою сторону, уплачивая им большие денежные субсидии.

Шляхта широко пользовалась своим правом отказывать королю в повиновении. Она поднимала рокоши, объединялась в конфедерации, заполняя внутривнутриполитическую жизнь Речи Посполитой беспрестанной феодальной грызней, междоусобиями, превращавшимися нередко в кровопролитные войны.

Экономическому и политическому упадку Польши соответствовала ее военная слабость. В XVIII в. основу военной мощи государств составляли пехота и артиллерия. В польском же феодальном войске по-старому преобладала конница. Военной дисциплины совсем не существовало. Военная администрация не пользовалась никаким авторитетом, ее деятель-

ность характеризовалась чудовищными злоупотреблениями. На посполитое рушение являлась только часть шляхты. Значительная часть войска состояла из иностранцев. Войскам часто не выплачивалось жалованье. В таких случаях возникали мятежи, войско расходилось по домам или грабило королевские и церковные поместья, что тяжелее всего отражалось на положении крестьян.

«Кто всегда делал бездействующей законодательную власть, срывал сеймы? Магнаты. Кто превратил судебные магистратуры в места торговли справедливостью или пьянства, подкупа, насилия? Магнаты. Кто короны продавал? Магнаты. Кто короны покупал? Магнаты. Кто продавал полейков? Магнаты. Кто при разделе страны брал вятки от иностранных дворов? Магнаты», — восклицал в конце XVIII в. прогрессивный польский публицист Станислав Стапиц.

Маркс и Энгельс указывали на глубоко реакционную и губительную для страны политику магнатства. Энгельс отмечал, что «аристократы несомненно *погубили Польшу...*»¹

7

ВОЙНЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ С ТУРЦИЕЙ. ПЕРЕЛОМ В ПОЛЬСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Турецкая агрессия против стран Восточной и Центральной Европы, усилившаяся во второй половине XVII в., тяжело отразилась на положении Речи Посполитой.

В конце 1666 и в начале 1667 г. крымские татары, действуя по приказу Порты, вторглись на Украину. Это было началом новой тяжелой войны, затянувшейся более чем на 30 лет. В первые годы войны Турции удалось достигнуть значительных успехов. Это объясняется отсутствием согласованности действий держав, находившихся под угрозой татаро-турецкой экспансии, и внутренней слабостью некоторых из них, прежде всего Речи Посполитой. В 1667 г. военные действия против татар велись лишь одним небольшим войском гетмана Яна Собеского, которому удалось остановить татар при Подгайцах и склонить их к перемирию.

Политическое положение внутри Речи Посполитой в это время было крайне неустойчивым. В 1668 г., под сильным нажимом со стороны магнатско-шляхетской оппозиции, Ян Казимир отрекся от престола. Королем был избран бездарный магнат Михал Корибут Вишневецкий, сын палача украинского народа Иеремии Вишневецкого. Его избранием была недовольна сильная профранцузская магнатско-шляхетская группировка. В среде магнатства и шляхты завязалась острая борьба. Об обороне против турецко-татарского нашествия никто не думал. Позиция шляхты, по словам гетмана Собеского, сводилась к тому, чтобы «сидеть дома, налогов не платить, солдат не кормить, а господь бог чтобы за нас воевал». Неподготовленная к войне, Речь Посполитая была лишена союзников. На помощь Австрии рассчитывать не приходилось. Польско-литовская дипломатия оттолкнула единственного возможного союзника — Россию, которой были близки интересы украинского народа и которой, как и Польше, угрожала татаро-турецкая агрессия. На предложение России превратить Андрусовское перемирие в прочный, «вечный» мир правительство Речи Посполитой ответило отказом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

Летом 1671 г. татары вновь появились на Украине. Польским войскам удалось одержать над ними несколько побед, но эти военные действия, опустошавшие украинские земли, не имели решающего значения. Главные бои были впереди. В январе 1672 г. турецкий гонец принес в Варшаву объявление войны. Несмотря на серьезность создавшегося положения, два сейма, собранные в 1672 г., не приняли никаких решений. Они были сорваны в результате грызни между магнатско-шляхетскими группировками. Дело дошло до того, что в июне 1672 г. противники Вишневецкого потребовали от него отречения от престола и обратились к Людовика XIV с просьбой прислать в Польшу короля французской крови. В стране назревала гражданская война. Между тем турецко-татарская армия уже переходила границы Речи Посполитой и вскоре осадила крупнейшую крепость в Подолии — Каменец. Численность турецко-татарских сил превосходила 100 тыс. человек. В августе 1672 г. Каменец пал. После этого турецкие силы разделились: часть их направилась к Бучачу, другая часть совместно с татарами и казаками Дорошенко двинулась ко Львову.

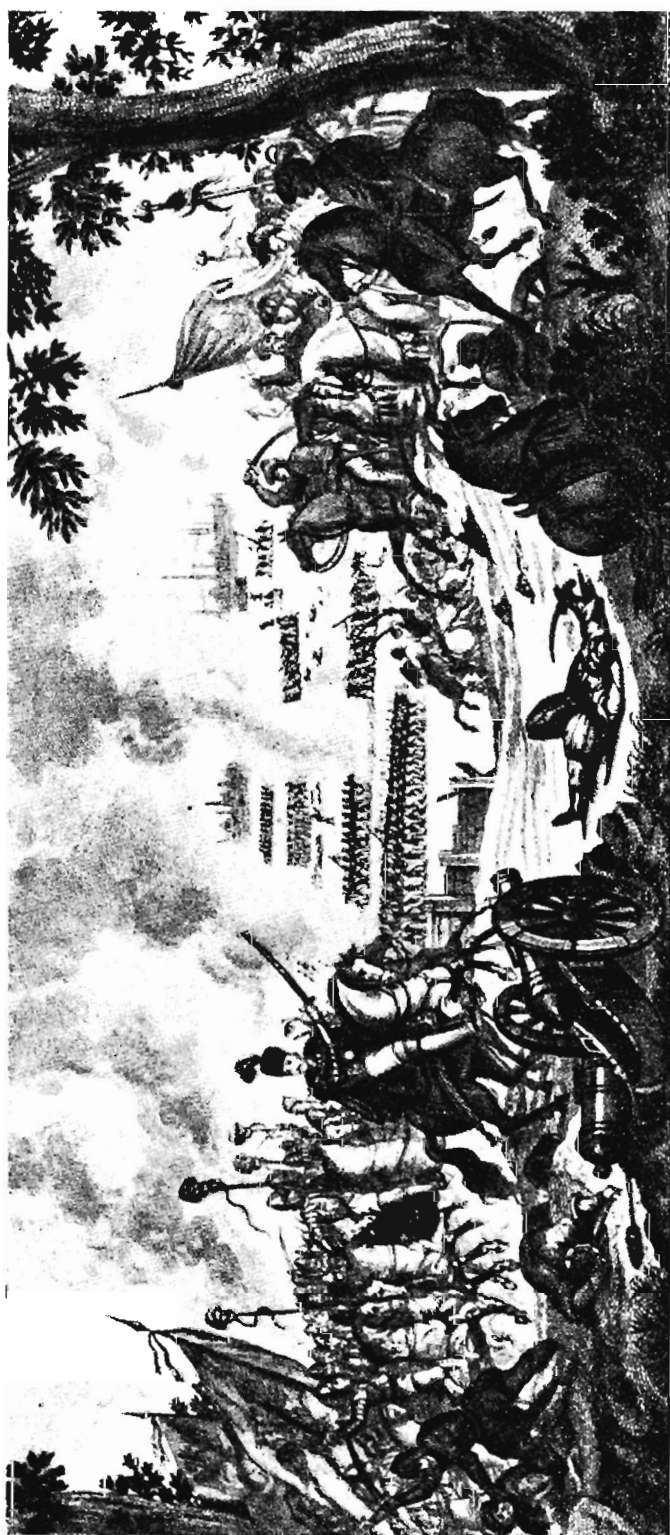
Положение Речи Посполитой было критическим. Она не могла противопоставить вражескому нашествию никакой серьезной военной силы. У правительства Речи Посполитой не оставалось иного выхода, как вступить с турецким султаном в переговоры о мире. Переговоры эти закончились заключением 17 октября 1672 г. Бучачского договора, по которому под власть Турции переходила Подолия и почти все Правобережье Украины. Речь Посполитая должна была выплатить Турции одновременно 80 тыс. талеров и впредь платить ежегодную дань в размере 22 тыс. червонцев.

Возмущение, вызванное позорным Бучачским договором, превращавшим Речь Посполитую в данницу султана, было так велико, что на некоторое время противоречия в среде польского господствующего класса отошли на второй план. Борьба с Турцией, о которой так мало думали еще годом ранее, заняла умы шляхты. Причиной этого являлось не только стремление отстоять национальное достоинство страны, но прежде всего захват Турцией Украины. В апреле 1673 г. сейм отказался от ратификации Бучачского договора, вынес решение о вербовке войск и установил новые подати для покрытия военных расходов.

Военные действия развернулись осенью 1673 г. На этот раз соотношение сил было значительно более благоприятным для Речи Посполитой, хотя турки продолжали сохранять численный перевес. В ноябре польские войска под командованием гетмана Яна Собеского подошли к лагерю турок под Хотином и штурмом овладели им, разгромив турецкую армию. Польские войска готовились к использованию этого успеха для развития наступления на турок. Но в это время пришла весть о смерти короля. Военные действия были прекращены, снова начиналась предвыборная борьба. Королем был избран победитель под Хотином — Ян Собеский.

Вновь избранному королю пришлось начать свое правление с трудной зимней кампании 1674/75 г. на Украине, где польские войска вели борьбу с татарами. Собеский стремился к скорейшему окончанию войны. Однако он не желал сотрудничать с русской армией и входившими в ее состав украинскими казацкими войсками, перешедшими с начала 1674 г. в наступление против турок на Правобережье.

В это время в Западной Европе шла война между Францией, Англией и Швецией, с одной стороны, и Австрией, Голландией, Бранденбургом и Данией — с другой. Французская дипломатия стремилась втянуть в эту войну Речь Посполитую и нанести, таким образом, удар по тылам Австрии и Бранденбурга. Ян Собеский и его сторонники были готовы пойти на это. Переговоры Собеского с Францией завершились заключением

*Битва под Веной 1683 г.
Гравюра XVII в.*

в 1675 г. секретного Яворовского соглашения, по которому Франция обязалась выплатить Собескому значительную сумму для ведения войны с Бранденбургом.

Собеский рассчитывал овладеть Восточной Пруссией и превратить ее в свое личное наследственное владение, что должно было, по его планам, привести к укреплению его династии на польском престоле.

Для осуществления этих планов надо было закончить войну с Турцией. Между тем активность Порты все возрастала. Вскоре Собескому пришлось отбивать наступление больших турецко-татарских сил под Львовом. Лишь осенью 1676 г. под Журавном, после еще одной военной кампании, был заключен мир, который никак нельзя было считать выгодным для Речи Посполитой. Ей удалось вернуть себе лишь часть Правобережья. Другая часть его и Подолия с Каменцем оставались под властью Турции.

Журавинский мир был ратифицирован сеймом, но, ввиду того что обстановка на западе изменилась (Франция заключила мир с Австрией и Бранденбургом), правительство Собеского в 1679 г. выступило с проектом создания широкой антитурецкой коалиции. Угроза турецкого нашествия на австрийские владения способствовала осуществлению этого проекта. Подписанный в апреле 1683 г. австрийско-польский договор предусматривал совместные действия против Турции. Австрия должна была выставить 60-тысячную армию, Речь Посполитая — 40-тысячную при условии выплаты ей Австрией субсидии в 1200 тыс. злотых.

Война с Турцией началась. Турецкая армия невиданной по тому времени численности (около 300 тыс. человек) под командованием везира Кара-Мустафы вторглась в австрийские земли. 14 июля турки осадили Вену. Положение Австрии было критическим. Собеский с необыкновенной энергией и быстротой мобилизовал все наличные силы. К осажденной Вене польские войска, пехотные с границ Украины и из глубины Польши, прибыли быстрее, чем австрийцы успели подготовить для них мост через Дунай. Военные силы австрийцев и немецких князей были отданы под общее командование Яна Собеского. Утром 12 сентября началась битва под Веной.

Сражение было начато турками, перешедшими в наступление против войск Собеского и одновременно бросившимися на штурм Вены. Польским войскам пришлось выдержать три страшные атаки противника, после чего Собеский бросил все свои силы в контрнаступление, решившее исход сражения. Турки не выдержали натиска, их огромная армия устремилась в бегство, оставив на поле боя до 20 тыс. убитых. Победа войск Собеского была полной. Победителям достались огромные трофеи: почти вся турецкая артиллерия и награбленная турками военная добыча. Венская битва имела большое значение в истории стран Средней Европы. Агрессивные планы Оттоманской империи оказались сорванными, турецкое наступление приостановлено, непосредственная угроза турецкого вторжения в австрийские и польские земли миновала.

Однако Турецкая империя все еще оставалась большой военной силой. Это побуждало Речь Посполитую и Австрию стремиться к расширению антитурецкой коалиции. В марте 1684 г. был подписан договор о создании так называемой «Священной лиги» в составе Австрии, Польши, Венеции и Рима. Все участники Лиги считали необходимым привлечь в союз и Россию, которая сумела в 1677—1678 гг. нанести серьезное поражение турецко-татарским захватчикам на Украине. Однако переговоры не привели к положительным результатам из-за нежелания Речи Посполитой заключить с Россией вечный мир.

Военные действия союзников в 1684 г. были мало эффективны. Австрийцы и поляки вели войну несогласованно и изолированно друг от друга.

В сентябре польские войска подошли к Днестру, где овладели небольшой крепостью Язловец. План Собеского заключался в том, чтобы перенести военные действия на территорию Молдавии. Это дало бы возможность нарушить коммуникации между Каменцем и турецким тылом. Однако время прошло в спорах о планах кампании, а переправа через Днестр так и не состоялась. Не лучшими были результаты и следующего, 1685 г. Австрия отклонила предложения Собеского о совместных военных действиях. Предпринятый гетманом Яблоновским поход в Молдавию едва не окончился гибелью его войска. Для того чтобы оказывать давление на Речь Посполитую и противодействовать Собескому, стремившемуся к захвату Дунайских княжеств, Австрия в 1686 г. заключила договор с Бранденбургом и Швецией, направленный против Польши.

Договор этот включал особый пункт, в силу которого Австрия, Бранденбург и Швеция взяли на себя обязательство противодействовать осуществлению абсолютистских замыслов польского короля. Им было выгоднее иметь дело со слабой, нецентрализованной страной, чем с централизованным государством. Собеский вновь попытался пойти на сближение с Францией, однако переговоры с версальским двором оказались безрезультатными.

Так, силой обстоятельств Собеский был вынужден обратиться к единственному оставшемуся выходу — искать поддержки и союза с Россией. Переговоры, которые вели в России польские послы Гжимултовский и Огиньский, закончились в мае 1686 г. подписанием договора о вечном мире и военном союзе между Речью Посполитой и Россией против Турции. Речь Посполитая должна была признать границу, установленную Андрусовским перемирием, окончательно отказаться от своих притязаний на Киев и от вмешательства в дела Запорожья. Договор 1686 г. во многом определил международную обстановку последующих лет.

После подписания договора в обеих странах начались приготовления к военным действиям. Вступив в середине июля в Молдавию, польские войска овладели Яссами и двинулись по направлению к Дунаю, где им преградили дорогу значительные неприятельские силы, вынудившие польские войска отступить. На следующий год, после ратификации Яном Собеским Московского договора, развернулись совместные военные действия России и Речи Посполитой против Турции. Они вылились в форму крымского похода Голицына 1687 г. и похода польских войск к Каменцу. Оба эти похода не дали положительных результатов, но они содействовали успехам австрийских войск, которые в 1687 г. овладели почти всей Венгрией. Из сферы турецкого влияния вышло также Семиградье. В 1688 г. австрийцы продвинулись по территории Хорватии и Сербии и заняли Белград.

Отношения Речи Посполитой и Австрийской империи в продолжение всего этого времени оставались неустойчивыми. Каждая сторона старалась принудить другую к более активным действиям против Турции. Австрия осуществляла нажим на Собеского посредством Рима. Польский король пытался опереться на Францию, используя франко-австрийскую вражду. Австрия вынудила Речь Посполитую к военным действиям, безрезультатным для Польши, но оказывавшим большую помощь австрийской армии, попавшей в трудное положение в результате неудач, понесенных в кампании 1690 г. Вместе с тем австрийская политика успешно разрушала династические планы Собеского в отношении Молдавии и Валахии.

В 1691 г. польские войска вступили в Молдавию. На помощь им Австрия обещала выслать несколько тысяч пехоты. Австрийская армия действовала на Дунае. В решительном сражении с австрийцами турецкие

войска потерпели поражение. Австрийцы стали быстро восстанавливать свои позиции в Венгрии и Сербии. Обещанной помощи в Молдавию они так и не прислали. Польские войска в Молдавии и на этот раз оказались в положении лишь невольных помощников австрийцев, оттянув на себя часть турецко-татарских сил. Неудачно закончилась также и попытка Собеского блокировать Каменец. Крепость осталась в турецких руках. Неудачи преследовали Собеского и в 1692 г. Ему пришлось отказаться от намеченных планов в Молдавии и отступить на исходные рубежи.

В 1693 г. был создан сейм, который должен был принять решение о налогах для войска. Сейм был сорван. Тем не менее в 1694 г. польско-литовские войска под командой гетмана Яблоновского предприняли еще одно наступление на Каменец и Молдавию. Этим вновь была оказана важная услуга Австрии. Последняя, пользуясь дружественной позицией Речи Посполитой, активностью России на побережье Азовского и Черного морей и военными условиями Венеции, возвратила потерянные в 1690 г. земли и заняла новые территории в Сербии и Венгрии. Австрийские войска вплотную подошли к Валахии и Молдавии.

Борьба за польский престол, развернувшаяся после смерти Яна Собеского, в июне 1696 г. приобрела чрезвычайно острый характер. Она имела не только внутривосточное, но прежде всего международное значение. Решался вопрос о дальнейшей внешней политике Речи Посполитой. Борьба развернулась первоначально между французским кандидатом — принцем Конти и австрийским кандидатом — королевичем Якубом Собеским. Большое влияние на выборы оказала позиция России. Решительно враждебное французскому кандидату, русское правительство предпочитало иметь дело с более или менее нейтральной кандидатурой на польский престол, кандидатурой, которая не смогла бы радикально изменить внешнеполитическую программу Речи Посполитой. Такой кандидатурой оказалась кандидатура саксонского курфюрста Фридриха Августа. В значительной мере благодаря поддержке России и преодолев яростное сопротивление профранцузской партии, он добился престола.

На первых порах Август II выступал продолжателем Собеского в турецкой войне. Однако война уже оканчивалась. Австрия решительно взяла курс на мирные переговоры, готовясь к возобновлению борьбы на западе против Франции и предавая интересы своих союзников.

После того как от продолжения войны с Портой отказалась и Россия, которая стремилась возобновить борьбу со шведскими феодалами за выход к Балтийскому морю, мир с Турцией стал неизбежным. Одновременно стали вырисовываться контуры антишведской коалиции. В 1698 г. по этому поводу происходили переговоры между Петром I и Августом II. При переговорах речь шла о мире с Турцией и о создании антишведского союза.

В октябре 1698 г. в Карловцах (в Славонии) начались мирные переговоры между представителями Турции, с одной стороны, и представителями Австрии, России, Речи Посполитой и Венеции — с другой, при посредничестве Англии и Голландии. Между союзниками существовали серьезные противоречия. В то время как Австрия выдвигала в качестве основы переговоров принцип «*uti possidetis*», по которому каждая держава получала только то, чем уже фактически владела, русские и польские представители отвергали этот принцип.

По мирному договору, подписанному в январе 1699 г., Габсбурги получили почти всю Венгрию, Семиградье, Славонию. Польско-турецкий договор передан в руки Речи Посполитой Подолию с Каменцем, а польские войска должны были очистить занимаемые ими пункты в Молдавии. Мирный договор с Россией заключен не был. «Союзники» оставили русские

требования к Турции без поддержки. Россия подписала с Турцией лишь соглашение о двухлетнем перемирии.

Несмотря на возвращение Подолии, Речь Посполитая пришла к концу войны с печальными результатами. Война продемонстрировала ее прогрессирующую слабость как в политическом, так и в военном отношении. Магнатско-шляхетское государство не справлялось с одной из важнейших своих функций: обороной страны от внешней опасности. Правобережная Украина в течение всей войны оставалась незащищенной от татаро-турецких вторжений. Некоторые районы Правобережья совсем обезлюдели. Слабость Речи Посполитой крылась в социально-экономическом и политическом строе страны. Это была «...дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию...»¹

8

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Агрессивные планы шведских феодалов, захвативших восточную Прибалтику, в том числе и исконные русские земли, и мечтавших об установлении своего безраздельного господства в бассейне Балтийского моря, во всей Восточной Европе, были прямо направлены против России, Речи Посполитой и других государств, угрожали их национальной независимости. Захват шведскими феодалами латышских, эстонских и исконных русских земель в Прибалтике был частью обширной захватнической программы, предусматривавшей установление безраздельной шведской гегемонии во всем бассейне Балтийского моря, а тем самым — во всей Северо-Восточной Европе. Программа эта осуществлялась шведскими феодалами еще с эпохи Ливонской войны. Особенно настойчиво они ее проводили во второй половине XVII в. Шведская агрессия угрожала не только России, но и другим прибалтийским государствам — Речи Посполитой, Дании и Бранденбургу. Все они объективно были заинтересованы в том, чтобы положить предел агрессии феодальной Швеции.

Инициативу организации сильной коалиции держав для борьбы против агрессивной Швеции взяла на себя Россия. Для России главной целью Северной войны было обеспечить стране естественный и абсолютно необходимый выход к Балтийскому морю. Продолжавшаяся изоляция страны от мировых торговых путей сильно тормозила ее экономическое развитие.

Если в начальный период войны русское правительство ставило целью только возвращение исконных русских земель по берегам Невы, то после Полтавской победы, коренным образом изменившей военную обстановку и вообще соотношение сил в Европе, стала реальной и достижимой цель присоединить к России всю захваченную шведами восточную Прибалтику — Эстляндию и Лифляндию.

Присоединение к России Эстляндии и Лифляндии, которые шведские феодалы эксплуатировали как свою сельскохозяйственную колонию, отвечало и интересам местного латышского и эстонского населения, связанного вековыми узами культурного и политического развития с русским народом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 10.

В 1699 г. между Россией и Данией был подписан союзный договор. Переговоры России с Речью Посполитой осложнялись тем, что среди влиятельных кругов польско-литовских феодалов — магнатов и шляхты — были сильны агрессивные антирусские настроения. Большая группировка восточных «крулевят» стремилась возобновить борьбу с Россией с целью захвата отошедших к ней украинских земель. Поэтому первоначально русское правительство могло заключить союз только с самим Августом II, при этом не как с польским королем, а как с саксонским курфюрстом.

На решение Августа II принять участие в Северной войне повлияло то обстоятельство, что в захвате Лифляндии и Эстляндии он видел лучшее средство укрепления своей власти в Речи Посполитой, превращения этой власти в наследственную.

Решению Августа II вступить в войну против шведов предшествовало соглашение его с руководителем ливонского дворянского движения Р. Паткулем. Ущемленное в своих правах шведским абсолютизмом, ливонское дворянство стремилось к отделению Ливонии от Швеции. В секретном договоре Августа с Паткулем предполагался переход Лифляндии и Эстляндии в наследственное владение саксонского дома.

Используя тот факт, что руки России, не заключившей мира с Турцией, все еще были связаны, Август II попытался не только перехватить у русской дипломатии инициативу в организации антишведской коалиции, но и навязать ей свои условия. В ноябре 1699 г. в с. Преображенском под Москвой в глубокой тайне был подписан союзный договор между Августом II и Россией. Согласно его условиям, к России должны были отойти Ижорская и Карельская земли, Августу II должна была достаться вся Ливония.

Правительство Бранденбурга предпочло выждать время и посмотреть, как развернутся события. Воспользовавшись начавшейся Северной войной, бранденбургский курфюрст в 1701 г. провозгласил себя прусским королем.

Военные действия союзников начались в том же, 1699 г. Первой выступила Дания. Затем в Прибалтику были двинуты саксонские войска, осадившие Ригу. Россия начала военные действия несколько позднее, после заключения перемирия с Турцией.

Положение в Речи Посполитой в момент начала военных действий было чрезвычайно сложным. Против короля действовала сильная магнатско-шляхетская оппозиция; возглавляемая примасом и гетманом Яблоновским. В Литве дело клонилось к открытой гражданской войне между могущественным магнатским домом Сапег, рассматривавшим Великое княжество чуть ли не как свою вотчину, и литовской шляхтой, поддержанной отдельными представителями других литовских магнатских родов. Играя на противоречиях между литовской шляхтой и Сапегами, королю удалось заручиться согласием последних на войну против Швеции. Согласие примаса было обеспечено путем подкупа. Однако это был только временный успех королевской политики. В целом польско-литовские феодалы, не понимавшие нависшей над их государством угрозы шведской агрессии, были против войны со Швецией. Речь Посполитая как государство в ней не участвовала. Более того, примас, выступавший на сенатской раде в пользу короля, тайно связался со шведами, предупредил их о предстоящей войне и энергично поддерживал оппозицию, возглавляемую гетманами Яблоновским и Потоцким и подскарбием Рафалом Лещинским. Эта группировка магнатов и шляхты вступила в тайные сношения с Крымом и Турцией. В ее планы входила организация антирусской коалиции в составе Речи Посполитой, Турции и Крыма. С турецко-татарской помощью она рассчитывала восста-

новить власть польских феодалов на Левобережной Украине и оторвать от России Смоленск.

Сложной была к началу Северной войны и международная обстановка. Северная война вспыхнула в тот момент, когда на западе Европы назревал конфликт между Францией и морскими державами — Англией и Голландией, вступившими в тесный союз с Габсбургами. И Франция и морские державы старались привлечь на свою сторону Швецию. Поэтому они добивались прекращения Северной войны. Они не сочувствовали и перспективам выхода России к Балтийскому морю. Особенно отчетливо враждебность к планам русского правительства сказалась в политическом курсе Англии, которой принадлежал решающий голос в антифранцузском блоке.

Немедленно после начала военных действий в Прибалтике обе группировки предприняли энергичные шаги, чтобы прекратить Северную войну. Наиболее активно действовал англо-голландский блок. Морские державы попытались оказать давление на Россию и, стремясь не допустить ее выступления против Швеции, препятствовали заключению ею мирного договора с Турцией. Соответствующие представления делались и при дворе короля Августа II. Свой главный удар морские державы направили против Дании. Англо-голландский флот бомбардировал датскую столицу. Под его прикрытием шведский король Карл XII высадил десант на датский берег и летом 1700 г. сумел быстро принудить датчан к капитуляции. Это серьезно изменило соотношение сил на севере Европы. Союзники лишились поддержки внушительного датского флота.

Почти одновременно с капитуляцией Дании в войну вступила Россия, сумевшая, наконец, договориться с Турцией о перемирии. Русская армия двинулась под Нарву и осадила ее. Изменения в военных планах русского командования (по договору 1699 г. русские должны были ограничиться действиями в Ижоре и Карелии) произошли с согласия и даже по просьбе Августа II, потерпевшего неудачу под Ригой. Предполагалось, что русское наступление на Нарву будет поддержано активными действиями саксонской армии. Этого, однако, не случилось. Саксонская армия не пришла на помощь русской армии, против которой Карл XII бросил все свои силы. Наоборот, напуганный перспективой шведского вторжения в Саксонию и, может быть, опасавшийся быстрого роста военного могущества России, Август II накануне Нарвского сражения пошел на предательство. Саксонская армия прекратила осаду Риги, а Август II за спиной России, при посредничестве французской дипломатии, вступил в тайные сношения с Карлом XII. Он рассчитывал при этом заключить выгодный мирный договор и направить шведов только против России.

При таких условиях сражение под Нарвой окончилось тяжелым поражением для русской армии. Однако это поражение ускорило реорганизацию русской армии и проведение внутренних реформ, направленных на политическое и экономическое укрепление Русского государства.

В сравнении с быстро оправлявшейся от тяжелой неудачи Россией особенно печальным представлялся ход событий в Речи Посполитой. Попытка Августа II войти в прямые переговоры с Карлом XII была неудачной, он был вынужден вновь идти на сближение с Россией. В начале 1701 г. в Биржах был заключен новый русско-саксонский союзный трактат. Стремясь удержать польского короля в составе антишведской коалиции, Россия согласилась на оказание ему большой материальной и военной помощи. Летом 1701 г. начались переговоры о союзе между Россией и Речью Посполитой. Однако они не дали положительных результатов.

Шведская армия концентрировалась на границах Речи Посполитой, но это мало тревожило польско-литовских дипломатов, которые не хотели

понять той угрозы, которую таила для страны шведская феодальная агрессия. Они не понимали, что на карту поставлена независимость Речи Посполитой. Вместо того чтобы думать о средствах обороны страны, они использовали польско-русские переговоры только для того, чтобы попытаться склонить Россию к некоторым территориальным уступкам.

Между тем внутреннее положение в Речи Посполитой еще более осложнилось. Конфликт в Литве перерос в открытую гражданскую войну между литовской шляхтой и Сапегами. Последние, не найдя в короле прочного союзника, бежали из страны и вошли в прямое соглашение со шведами. В Короне против короля продолжала действовать сильная магнатско-шляхетская оппозиция. Она, правда, вынуждена была отказаться от плана войны с Россией в союзе с Турцией. Зато среди ее руководителей возник план низложения Августа II и союза со Швецией против России. Реставрацию власти польских феодалов на Украине должна была подготовить измена гетмана Мазепы, с которым руководители оппозиции установили тесный контакт.

Августу II пришлось принять предложение оппозиции о посредничестве Речи Посполитой между ним и Карлом XII. Король вывел саксонские войска из страны. Это означало, что Саксония фактически выходила из войны со Швецией. Одновременно польский король с помощью французского, а затем австрийского посредничества попытался вновь войти в прямые переговоры с Карлом XII. Он предлагал ему сепаратный мир и частичный раздел Речи Посполитой при условии согласия на абсолютистский переворот в Польше. Таково было положение дел в стране накануне перехода шведов к открытой агрессии против Речи Посполитой.

Первой шведскому нашествию подверглась Литва. Здесь шведская армия грубо вмешалась в борьбу литовской шляхты с Сапегами, оказывая последним прямую военную помощь. Литовская шляхта, не получая помощи из Короны, начала искать защиты у России. В 1701—1703 гг. между Россией и Великим княжеством Литовским было заключено три союзных договора. Благодаря русской помощи литовской шляхте удалось избежать полного разгрома.

Вторгшиеся в глубь польских земель шведские войска (уже в 1702 г. они достигли Кракова) проводили политику военного террора, конфискаций, контрибуций. Больше всего страдали от шведской оккупации польское крестьянство и города. Но и среди польской шляхты и даже магнатов росло возмущение против шведских интервентов. Вслед за крестьянством, начавшим партизанскую войну против захватчиков, вслед за городами, оказывавшими шведской армии ожесточенное сопротивление, в борьбу со шведами включились и польские феодалы. Основная масса их группировалась вокруг Августа II. На стороне Августа II была и коронная армия. В 1703 г. вокруг короля образовалась Сандомирская конфедерация, объединившая основную массу польско-литовских феодалов. Шведы оказались изолированными. Сотрудничавшая с ними магнатско-шляхетская оппозиция стала прямым платным агентом шведского правительства.

В этих условиях возобновились переговоры о заключении польско-русского союза и восстановлении союзного трактата с Саксонией. В 1703 г. русско-саксонский союзный трактат был возобновлен. Русско-польские переговоры были ускорены новым актом шведской агрессии. Карл XII принудил оппозицию, объединившуюся в так называемую Варшавскую конфедерацию, провозгласить низложение Августа II. Затем он потребовал от оппозиции избрания на престол полностью зависимого от шведов человека, лишенного и тени какого-нибудь самостоятельного политического

авторитета, — молодого Станислава Лещиньского, сына давнего сторонника шведов — коронного подскарбия. Выдвижение Карлом XII кандидатуры Лещиньского привело к резким разногласиям между ним и варшавскими конфедератами. Лещиньский был провозглашен королем под прямым вооруженным давлением шведов. Вслед за этим Сандомирская конфедерация, на сторону которой перешли многие бывшие участники оппозиции, объявила войну Швеции. Осенью 1704 г. под Нарвой был подписан союзный трактат Речи Посполитой и России. Речь Посполитая официально вступила в Северную войну.

Нарвский договор с Речью Посполитой содержал пункт, обязывавший Россию принять меры к прекращению на Правобережной Украине крестьянско-казацкого восстания под руководством Семена Палая. Восстание это вспыхнуло в 1702 г. и в период 1702 — 1704 гг. охватило огромную территорию — Подолию, Волынь, Брацлавщину. Восставшие овладели городами Белой Церковью, Бердичевом, Баром, Меджибожем, Немировом.

Россия была вынуждена выполнить требование Речи Посполитой. Мазепе было разрешено арестовать Палая. В города, занятые повстанцами, были введены русские войска.

Вскоре после вступления Речи Посполитой в войну на ее территории появились русские войска. Двинувшийся против них в Червонную Русь Карл XII вынужден был срочно возвратиться к Варшаве, которой неожиданно овладел Август II, рассчитывавший арестовать там Лещиньского и варшавских конфедератов. В 1705 г. с большой армией в пределы Речи Посполитой вступил Петр I. Русской армии удалось очистить Литву и Белоруссию от шведских отрядов и отрядов Лещиньского. Успехи русских побудили Карла XII вновь двинуться в Литву, где ему удалось отеснить русскую армию. Однако добиться ее разгрома он не сумел.

Пока Карл XII гонялся за Августом II по Речи Посполитой и пытался разгромить вступившую в ее пределы русскую армию, русские войска в Прибалтике сумели нанести шведам ряд серьезных поражений. Польское крестьянство, города и значительная часть шляхты оказывали ожесточенное сопротивление шведской интервенции. В условиях поднимавшейся в стране партизанской борьбы, при наличии на польско-литовской территории сильной русской и саксонской армий Швеция оказалась не в состоянии подчинить Речь Посполитую власти своего ставленника.

Не имея сил подавить сопротивление Речи Посполитой, Карл XII попытался воздействовать на нее иным путем. В 1706 г. шведская армия вторглась в Саксонию. Карл XII рассчитывал на то, что, угрожая наследственным владениям Августа II в Германской империи, его можно будет заставить отказаться от польской короны. Этот план имел успех. Август II действительно втайне от своего русского союзника вступил в переговоры со шведами, заключил с ними униженный Альтранштадтский мир и отрекся от польской короны в пользу Лещиньского.

Отречение Августа II не привело, однако, к сколько-нибудь серьезным изменениям в Речи Посполитой в пользу шведских оккупантов. Сандомирская конфедерация отказалась признать Альтранштадтский договор. Пользуясь пребыванием Карла XII в Саксонии, «сандомиряне», получавшие помощь со стороны русского правительства и войск, сумели очистить значительную часть страны от интервентов и их польско-литовских сторонников.

Русское правительство думало воспользоваться отречением Августа II для того, чтобы возвести на польский престол своего кандидата. Под прямым влиянием Петра I собравшийся в 1707 г. в Люблине сейм объявил бескорольеве. В качестве кандидатов на польский престол фигурировали

великий коронный гетман Сенявский, вождь венгерского восстания против Габсбургов Ракоци Ференц, прославленный австрийский полководец Евгений Савойский и сын царя Алексей.

Между тем Карл XII вернулся в Речь Посполитую и, нанеся ряд поражений польско-литовским войскам, вновь оккупировал значительную территорию шляхетской республики. Вслед за этим начался авантюристический восточный поход шведской армии в направлении Смоленска и Москвы.

Героическое сопротивление русского и белорусского народов и русской армии сорвало планы шведского командования. Карл вынужден был двинуться на Украину, где его поджидал изменник Мазепа. В подготовке измены последнего участвовали польско-литовские сторонники Карла XII и французская дипломатия. В планы Карла XII входило овладеть Украиной, чтобы затем совместно с Мазепой и армией Лещинского двинуться на Москву. Однако и на этот раз планы шведских интервентов были сорваны. На борьбу против шведских захватчиков и изменника Мазепы поднялся весь украинский народ. Партизанская война наносила шведам громадный урон. Судьба вторгшейся в пределы России шведской армии была решена 8 июля 1709 г. на полях Полтавы. Потерпев полное поражение, она вынуждена была капитулировать. Карл XII бежал в Турцию.

Начиная восточный поход, Карл XII не сумел полностью обеспечить свой польско-литовский тыл. Перед походом в Россию он смог лишь ослабить, но не разгромить «сандомирян». В значительной мере именно благодаря сопротивлению армии сандомирян, поддерживаемой русскими войсками, в решающий период войны, накануне Полтавы, Станиславу Лещинскому и оккупационному шведскому корпусу не удалось оказать никакой помощи гибнувшей шведской армии.

После Полтавы польская территория была очищена от шведов войсками Петра I, сандомирян и Августа II. В Торуне произошло свидание Петра и Августа, и был подписан новый русско-саксонский союзный договор. В 1710 г. на Варшавском сейме был подтвержден «вечный мир» 1686 г. с Россией. Но Речь Посполитая фактически уже не принимала никакого участия в Северной войне. Ее продолжал сам Август II силами Саксонии. Не участвовала Речь Посполитая и в войне с Турцией, выступившей против России в 1710 г. под влиянием интриг Карла XII.

Полтавская победа резко изменила всю международную обстановку в Европе. Значение первой великой державы на севере и востоке Европы было решительно закреплено за Россией. На фоне быстрого роста экономического и политического значения России особенно бросался в глаза полный политический и экономический упадок Речи Посполитой. Упадок этот начался еще давно. Северная война только ускорила развивавшиеся в организме Речи Посполитой процессы разложения. Больше всего от военных действий, вызванных шведской агрессией и гражданской войной, пострадало крестьянство. Сильный удар был нанесен городам, многие из которых в течение всего XVIII в. не смогли оправиться от разорения, причиненного шведской оккупацией. Процесс аграризации польского города резко усилился.

При условиях, когда страна была лишена сильной центральной власти, естественно должен был наступить период усиления феодальной анархии. Главными носителями этой анархии продолжали быть крупные магнатские роды. Правда, их экономические позиции тоже были сильно подорваны в ходе войны. Однако в их руках все же оставался большой фонд государственных земель (староства), что позволяло им в обстановке общего экономического упадка не только сохранить, но и укрепить свое ведущее

политическое и экономическое положение. Речь Посполитая не могла больше играть крупной политической роли в Европе. Она все более скатывалась на позиции бессильного зрителя развивавшихся вокруг нее событий.

Решающее влияние на польские дела оказывала в это время Россия. Ее влияние особенно укрепилось после того, как русской дипломатии удалось выступить в качестве посредницы между Августом II и польскими феодалами, среди которых дело едва не дошло до вооруженной борьбы. Россия выступила против абсолютистских претензий Августа и поддержала оппозиционную польскую шляхту. В результате вмешательства России состоялось соглашение между королем и его противниками. Коронная армия должна была покинуть территорию Речи Посполитой. Корона сокращалась до 18 тыс. человек, литовская — до 6 тыс. Seriously ограничивалась власть гетманов. Соглашение это без всяких изменений и без прений было утверждено сеймом 1717 г., получившим название «немого».

В 1719 г. Август подписал так называемый Венский трактат, инициаторами которого были Австрия и особенно Англия, недовольная ходом Северной войны и стремившаяся к военному поражению России. Тогда Россия пошла на сближение с Пруссией. В 1719 г. был заключен русско-пруссский трактат, который содержал пункт о сохранении польской шляхетской конституции и был прямо направлен против попыток Августа II установить абсолютизм в Речи Посполитой.

Энергично действовала русская дипломатия и в самой Речи Посполитой, где она опиралась на сильную магнатско-шляхетскую партию, срывавшую все планы короля. Так, в 1719 г. был сорван сейм, на котором Август II рассчитывал провести утверждение Венского трактата.

Вскоре провалилась и вся затеянная Англией интрига против России. Август II ничего не выиграл от того, что участвовал в ней. Несмотря на то, что все русские союзники, в том числе и Август II, пошли на заключение отдельных мирных договоров со Швецией, Россия оказалась в состоянии одна победоносно завершить Северную войну. По Ништадтскому миру 1721 г., за Россией были закреплены Лифляндия и Эстляндия.

Шведско-пруссский мирный договор 1720 г. передал под власть Пруссии принадлежавшую шведам со времени Тридцатилетней войны часть Западного Поморья со Щецином. Теперь уже все Западное Поморье и все нижнее течение Одры оказалось под прусским господством.

РАЗВАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В 20—60-х ГОДАХ XVIII в.

Северная война значительно усилила экономическую разруху в Речи Посполитой. Очень тяжелым было и политическое состояние страны. Политика Августа II, как в ходе Северной войны, так и после ее окончания, способствовала росту беспорядка в стране и падению международного престижа государства.

В течение 20—60-х годов XVIII в. политическая жизнь Польши являла собой картину полнейшей анархии. Бесконечные интриги магнатства и шляхты, бескорольеве и борьба за престол, правительство, не способное провести на сейме никакого решения, — все это приводило Речь Посполитую в состояние полного развала.

Стремясь к упрочению своей династии на польском троне, Август II после окончания Северной войны продолжал вести бесконечные внешнеполитические интриги. Свою политику он пытался увязать со стремлением Пруссии расширить территорию за счет Речи Посполитой. Август не оставался при этом перед предложением о разделе Речи Посполитой.

В ходе переговоров, которые Август II вел с Пруссией в 1728—1732 гг., он предложил ей в обмен за военную помощь при абсолютистском перевороте часть территории Польши: Торунь и все Поморье, кроме Гданьска. Чтобы нейтрализовать Австрию, Август II предлагал отдать ей Спизж. Позиция России, выступавшей тогда против разделов Речи Посполитой, воспрепятствовала осуществлению этих планов.

После смерти Августа II в 1733 г. в Речи Посполитой вновь разгорелась острая предвыборная борьба. Одна группа магнатства, поддерживаемая французским правительством, выдвигала кандидатуру Станислава Лещиньского. Избрание Лещиньского, который за годы изгнания успел стать тестем Людовика XV, явилось бы значительной политической победой Франции и могло не только подорвать русское влияние в Речи Посполитой, но и привести к созданию на границах России блока враждебных ей государств — Турции, Речи Посполитой и Швеции, направляемого Францией. В связи с этим русское правительство, действуя в контакте с Австрией, выдвинуло кандидатуру сына Августа II саксонского курфюрста Фридриха Августа. В сентябре 1733 г. в обстановке интриг, распространения всякого рода провокационных слухов и прямых угроз Станислав Лещиньский был избран королем. Однако утвердиться на престоле ему не удалось. Его противники получили поддержку в частях литовской армии и обратились за помощью к России. Лещиньский очутился в тяжелом положении. Под угрозой наступления русских войск он поспешно переехал из Варшавы в хорошо укрепленный Гданьск, рассчитывая дожидаться французской помощи.

В сентябре 1733 г. русские войска подошли к правобережному предместью Варшавы — Праге. Магнаты и шляхтичи, придерживавшиеся русско-австрийской ориентации, провозгласили королем саксонского курфюрста под именем Августа III. Это послужило началом борьбы России и Франции за преобладающее влияние в Речи Посполитой. Исход этой борьбы должен был определиться силой оружия. Вспыхнула так называемая война за польское наследство.

В начале 1734 г. русские войска осадили Гданьск. Франция попыталась оказать Лещиньскому помощь и в апреле высадила небольшой десант, который, однако, не смог соединиться с гарнизоном Гданьска и отошел на корабли. В мае 1734 г. новый французский десант в количестве 2 тыс. человек атаковал русские позиции. Одновременно совершил вылазку гданьский гарнизон. Но русская армия отбила эти атаки. Французы отступили и заняли укрепление Вислоуйске. Здесь они продержались около месяца, а затем были вынуждены сдаться русским войскам. К этому времени русский флот господствовал в районе Гданьска. Вскоре город сдался. Лещиньский, переодетый крестьянином, бежал на территорию Пруссии.

За помощь России Август III провел на сейме решение о Курляндском лене Речи Посполитой — территории, давно уже контролируемой Россией. Решение сейма 1736 г. предоставило право Августу III дать инвеституру на герцогство по своему усмотрению. Это значило, что после смерти последнего в роде курляндских герцогов Курляндия перейдет к ставленнику императрицы Анны Ивановны — Бирону. В 1737 г. Бирон сделался курляндским герцогом.

Необходимость реформы государственного строя осознавалась в это время уже некоторыми группами господствующего класса Речи Посполи-

той. В 1730—1740-х годах вопрос о реформе поднимался польскими публицистами, среди которых особенно выделялся Станислав Конарский. Наиболее популярной была программа реформ в области военного дела. В условиях быстрого усиления милитаристской Пруссии такая реформа была для Речи Посполитой необходимым актом самообороны.

Однако вопрос о военной реформе, рассматривавшийся на нескольких сеймах, разрешен не был. Это неудивительно, если учесть, что в течение тридцатилетнего царствования Августа III все сеймы были сорваны, за исключением лишь сейма 1736 г. Но дело было не только в том, что центральный законодательный орган Речи Посполитой был полностью парализован. Проект создания большой постоянной армии не встречал сочувствия среди большинства польских феодалов. Причины этого были правильно указаны Юлианом Мархлевским. Вот что он писал по этому поводу:

«В то время как в других государствах армии преобразовывались в том направлении, что главной силой является пехота, ...Польша остается при своей старой военной организации. Это было результатом классового эгоизма шляхты: по классовым соображениям она не допускала образования постоянной армии. Мотивы были ясны и высказывались в литературе и дебатах сеймов с полной отчетливостью: 1) содержать пехотные полки — это значит обучать военному делу крестьян, что опасно, ибо создает возможность бунтов против шляхты, 2) создавать постоянную армию — значит усиливать центральную королевскую власть, а это опасно, ибо, опираясь на такую армию, король может посягать на шляхетские привилегии и вольности, 3) армия такого типа потребует крупных средств; а шляхта податей платить не желает»¹.

Между тем международная обстановка в Европе серьезно осложнилась. В 1740 г. прусский король Фридрих II напал на Австрию и захватил старинную польскую землю Силезию. Таким образом, под властью Пруссии находились теперь все польские земли, не входившие в состав Речи Посполитой, — значительная часть польской национальной территории. Захват Силезии означал не только усиление национального гнета для ее польского населения. Теперь по всей своей западной границе земли Речи Посполитой были окружены владениями прусского короля — наиболее хищного агрессора. Выросшая за счет награбленных польских земель милитаристская Пруссия с захватом богатой Силезии значительно укрепилась и сделалась еще более опасной для Речи Посполитой. Австро-прусская война непосредственно задевала и Саксонию — наследственные земли Августа III. Серьезная опасность, которую создавала агрессия Фридриха II, заставила саксонского курфюрста примкнуть к антипрусской коалиции.

Правящая верхушка Речи Посполитой в это время раскололась на два лагеря. Короля поддерживал влиятельный магнатский род Чарторыхских и многочисленные их сторонники. Против короля действовали Потоцкие.

Чарторыхские и их сторонники Жевуские, Радзивиллы и другие владели огромными латифундиями и занимали высокие, приносящие немалый доход должности. Они составляли сильную группу в сенате. Пользуясь большим влиянием при дворе, Чарторыхские раздавали своим сторонникам доходные места и привлекали на свою сторону многочисленную клиентелу. Выступавшая против Чарторыхских магнатская группировка после смерти Юзефа Потоцкого была возглавлена новым коронным гетманом Яном Клеменсом Браницким. Борьба между этими магнатскими группировками носила совершенно беспринципный характер и сводилась к откровенному стремлению к наживе, к увеличению своей доли из расхищаемых

¹ Ю. Мархлевский. Соч., т. VI, М.—Л., 1931, стр. 276—277.

государственных имуществ. Если в 1740-х годах Чарторьские выступали противниками Пруссии, а Потоцкие были ее агентами, то в 1750-х годах произошла перемена ролей. Облик магнатских группировок от этого не менялся. Они были в равной мере готовы служить иностранным державам в прямой ущерб национальным интересам Польши. То одна, то другая группировка из тактических соображений выдвигала проекты реформ — военной или финансовой, заранее будучи уверенной, что «партнеры-противники» не допустят их осуществления.

Высокую степень деморализации господствующего класса Речи Посполитой и упадка ее государственности выявило так называемое «острожское дело». Оно заключалось в следующем. Магнат Януш Сангушко, управлявший огромным наследством Острожских («Острожской ординацией»), решил избавиться от постоянно одолевавшего его недостатка средств путем продажи этих не принадлежавших ему лично земель. В сделке приняли участие Август Чарторьский, зять его Любомирский и другие магнаты, вызвав этим чрезвычайное возмущение всех прочих охотников до легкой наживы, оставшихся в стороне от раздела ординации. Гетман Браницкий не задумался использовать коронные войска, которые в 1754 г. по его приказу заняли крепость и город на территории ординации — Дубно. Дело едва не дошло до междоусобной войны между магнатами. Лишь после этого сенат учредил для управления ординацией административную комиссию. Ни о каком наказании магнатов за бесчинства не было и речи.

Свое отношение к предельному упадку государственности Речи Посполитой шляхта выражала в поговорке: «Polska niezładem stoi», т. е. «Польша держится беспорядком». Страна стояла перед катастрофой, но эта очевидная для всех современников перспектива не смущала польских магнатов, уже давно выродившихся в паразитическую клику, враждебную интересам народа. Польские магнаты и шляхта не только не пытались предотвратить грозящую Польше национальную катастрофу — они сами толкали к ней страну.

Когда в 1756 г. началась Семилетняя война, во время которой сильная коалиция в составе Франции, Австрии и России нанесла Пруссии сокрушительные удары, Речь Посполитая вследствие своей внутренней слабости и политической разрухи уже не была в состоянии выступить против своего старого врага — Пруссии. Россия добивалась того, чтобы в Речи Посполитой, через которую проходили русские войска, были организованы базы снабжения — провиантские и иные склады. Правительственный совет при императрице Елизавете Петровне вынес решение: «Польшу исподволь готовить, чтоб она проходу здешних войска для атакования Пруссии не только не препятствовала, но паче на то охотно смотрела». Русское правительство исходило при этом из того положения, что война против Пруссии ведется и в интересах Речи Посполитой.

Чарторьские и их сторонники, ранее поддерживавшие внешнюю политику короля, теперь изменили свою ориентацию и стали орудием Англии и Пруссии. Чарторьские установили контакт с так называемым «молодым двором» в России, т. е. с племянником Елизаветы Петром Голштинским (будущим Петром III) и его женой. Тесно связанные с английским послом в Варшаве Вильямсом, Чарторьские интриговали в пользу врага Польши — прусского короля и его английского союзника. В качестве секретаря Вильямса, переведенного из Варшавы в Петербург, в русскую столицу поехал Станислав Август Понятовский, племянник главы Чарторьских Михала. Понятовский был вскоре назначен польско-саксонским послом в России. В Петербурге он действовал как агент Фридриха II, пока русское правительство не выслало его за пределы страны.

Русская армия в 1756 г. вступила на территорию Курляндии и Литвы и атаковала пруссаков в Восточной Пруссии. Население Речи Посполитой встречало ее как армию дружественной державы. В русской армии служило немало поляков, причем некоторые из них занимали высокие должности (генерал-майор Дрезский и генерал-лейтенант Каспер Любомирский). Поляки (Август Сулковский) формировали для борьбы против пруссаков военные отряды, помогали русскому командованию в организации снабжения. Командование русских войск аккуратно расплачивалось за провиант и фураж, доставляемый на русские склады. Для ликвидации возможных недоразумений и упорядочения снабжения были созданы смешанные русско-польские комиссии в Гродно и Торуне. Однако Речь Посполитая как государство в войне участия так и не приняла.

Фридрих II с первого года войны неоднократно нарушал польские границы, захватывал и насильно зачислял в свою армию польских крестьян, опустошал польско-прусское пограничье. По приказанию Фридриха II, считавшего, что в борьбе все средства хороши, в захваченном пруссаками Дрездене чеканилась фальшивая польская монета и в большом количестве отправлялась в Речь Посполитую. Прусский король широко использовал услуги группы Чарторьских. Осенью 1759 г., после тяжелого поражения Фридриха под Кунерсдорфом, Чарторьские предложили английскому послу организовать антирусскую конфедерацию с центром в Подолии, поближе к турецкой границе, очевидно, рассчитывая на помощь давнего врага Речи Посполитой — Турции.

Победы русского оружия в Семилетней войне поставили Фридриха II на край катастрофы, укрепили международное положение России и сковали антирусские происки магнатов в Речи Посполитой.

Положение резко изменилось после смерти в 1761 г. императрицы Елизаветы Петровны. Ее преемник Петр III, являвшийся приверженцем Фридриха, прекратил военные действия против Пруссии и заключил с ней не только мирный, но и союзный договор. В этом договоре был секретный пункт, относившийся к Речи Посполитой: обе стороны обязывались охранять «вольную элекцию» и *liberum veto*, предотвращать всякую возможность укрепления государственного строя страны, что вполне отвечало антипольской политике Пруссии.

Дворцовый переворот, в результате которого на русский престол вступила Екатерина II, не повел за собой возврата к политике Елизаветы Петровны. В Речи Посполитой Чарторьские подняли голову и возобновили свои атаки на Августа III. Король пытался опереться на сейм и сенат, но сейм 1762 г. был сорван, а сенат не в силах был помочь Августу III преодолеть оппозицию Чарторьских, строивших планы его низложения и пытавшихся создать для этого конфедерацию. В разгар подготовки вооруженного конфликта в Речи Посполитой 5 октября 1763 г. Август III умер. Началось очередное бескорольевье.

10

КУЛЬТУРА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Вторая половина XVII и особенно первая половина XVIII в. были временем упадка польской шляхетской культуры. Это был результат загнивания феодально-крепостнического строя. На состоянии польской культуры самым отрицательным образом сказалось влияние католического

обскурантизма, проводниками которого были в это время иезуиты. Резко усилился религиозный фанатизм шляхты, проявлявшийся, в частности, в многочисленных «ведовских процессах», пытках и сожжении «ведьм». Латинский язык опять занял командные позиции, и целый поток латинизмов внедрялся в польскую литературу. В среде господствующего класса получил распространение особый ораторский стиль — злоупотребление макаронизмами, который был весьма далек от общенародного языка, был чужд мелкой шляхте и мещанству, не говоря уже о крестьянах.

Если в среде мещанства еще продолжала бытовать анонимная литература сатирического характера, которую краковский епископ причислял к запрещенным книгам, то в высших слоях польской шляхты излюбленными стали такие жанры, как торжественная ода, панегирики и особенно героические эпопеи, или, вернее, исторические хроники в стихах. Писатели переводили церковные гимны, сочиняли религиозные песни, коляды и т. п., по средневековым образцам создавались эпопеи на евангельские сюжеты. Прославление католицизма и шляхетской воинственности — таково основное содержание шляхетской литературы этого времени, все более отрывавшейся от народной культуры.

В произведениях польских шляхетских писателей того времени нашла отражение и освободительная борьба украинского народа. Рисую в самых злобещих и мрачных тонах картину восстания украинских крестьян, эти писатели стремились разжечь национальную ненависть.

Тема борьбы с турецкой агрессией явилась содержанием героико-эпической поэмы Вацлава Потоцкого (1625—1696) «Хотимская война». В поэме, наряду с эпическим описанием военных событий, содержится едкая сатира на шляхту и духовенство, которые потеряли чувство любви к своей родине.

К выдающимся произведениям XVII в. относятся сатиры Вацлава Потоцкого, направленные против нравственной распущенности шляхты и духовенства. Произведения Потоцкого ценны своими конкретными, выхваченными из жизни бытовыми картинками.

Представителем любовной лирики во вкусе итальянского и французского «барокко» был магнат Анджей Морштын. Его произведения отличаются необычайной искусственностью, вычурностью построения и в большинстве случаев содержат эротические мотивы. Автором рыцарско-любовных фантастических повестей был Иероним Морштын. Одна из этих повестей — «Забавная история о знаменитой королевне Банялюке из восточной страны» — была полна таких невероятных приключений, что имя ее героини вошло в поговорку: «pleść banialuki» — значит молоть всякий вздор, чепуху.

В историографии второй половины XVII в. видное место занимает четырехтомная история Польши Веспасиана Коховского, составленная на основе правительственных актов и частной переписки. Коховский разделил свой труд на семилетние циклы — «климактеры» (он был убежден, что каждое семилетие фатально завершается крупными изменениями в судьбе государства). Хроника Коховского отражала шовинистический и воинственно-католический дух польской шляхты, ее религиозные предрассудки и суеверия.

На фоне упадка художественной литературы и исторических хроник ярко выделяется обильная в XVII в. мемуарная литература, лучшим образцом которой могут служить «Воспоминания» Яна Хризостома Паска (около 1635—1701 гг.) — неопределимый источник для изучения нравов и быта того времени. Мицкевич в своих лекциях говорил о Паске: «Этот шляхтич писал, как говорил, без выдумки, поверял бумаге записи,

не задумываясь, что с ними станет, не подозревая, что когда-нибудь он будет причислен к образцовым польским писателям».

Большинство публицистов XVII и особенно первой четверти XVIII в. выражало реакционные настроения основной массы магнатства и шляхты и защищало теорию «золотой шляхетской вольности». Эта публицистика была средством политической борьбы между различными магнатско-шляхетскими группировками, борющимися за влияние в стране и являвшимися орудием иностранных держав.

В середине XVII в. выдвинулись два шляхетских писателя-публициста: Шимон Старовольский (около 1588—1656 гг.) и Кшинтоф Опалиньский (1610—1656), в произведениях которых содержится немало обличительного материала о моральном разложении шляхты и духовенства, о крайних проявлениях произвола в отношении крестьян и мещан и т. п.

В шляхетской публицистике первой половины XVIII в. прозвучали и голоса немногочисленных прогрессивно настроенных представителей господствующего класса. Они выдвигали требования «политических реформ», увеличения состава постоянной армии, ставили вопрос об укреплении торговли и создании мелких промышленных предприятий, об улучшении правового положения некаатоликов и о смягчении гнета, тяготевшего над мещанством и крестьянством. Среди авторов этих произведений были Станислав Карвицкий, написавший в 1709 г. латинский трактат «Об исправлении Речи Посполитой», Ян Яблоновский и др.

Самым выдающимся публицистом этого периода был Станислав Конарский (1700—1773). В 1733 г. он впервые выступил против *liberum veto* в своей брошюре «Беседа некоего помещика со своим соседом о современных обстоятельствах». В 1761—1763 гг. он написал по этому же вопросу четырехтомное произведение «Об успешном способе проведения совещаний». Свои практические выводы, направленные на улучшение государственного устройства страны, автор, впервые, пожалуй, в истории польской публицистики, подкреплял анализом обширного исторического материала. В 1732 г. Конарским был издан первый том свода польских законодательных актов «*Volumina legum*».

Наконец, ему же принадлежит разработка и проведение в жизнь «школьной реформы». Ее программа сводилась в основном к трем пунктам: 1) введение в обучение метода, основанного на умозаключениях, на понимании предмета, вместо господствовавшего в иезуитских школах метода бессмысленного заучивания на память; 2) увеличение числа изучаемых предметов (до реформы изучался главным образом латинский язык); 3) умелое сочетание учения с отдыхом, физическими упражнениями и развлечениями. «Школьная реформа» Конарского вызвала ожесточенное сопротивление иезуитов.

Пропаганда укрепления государственной власти и «школьная реформа», которую проводил Конарский, были, несомненно, прогрессивным явлением. Они были направлены против царившей в стране феодальной анархии, хотя и не предполагали ломки крепостнического строя.

Станислав Конарский вошел в историю польской философии как один из первых борцов против схоластики в XVIII в. и предшественник польского материализма конца столетия. Однако сам он не ропсал еще порвать с религией, не перешел на позиции материализма и выступал против атеизма. В труде «О честной жизни и хорошем гражданине» и других произведениях он создал своеобразную систему морали, синкретически объединяющую античные и христианские тенденции в этике.

Общий упадок культуры затронул и изобразительное искусство, особенно церковную живопись. Церковь выступала против всего жизненного

и реального в искусстве, доходя в своем фанатизме до уничтожения тех произведений, где было изображено нагое тело.

В это время появляется множество пышных барочных алтарей, которые являлись неотъемлемой частью церковного интерьера, призванного активно воздействовать на человека, вызывая у него мистические настроения. Этой цели служила и пышная, напряженная скульптура, в изобилии наполнявшая церковные интерьеры, и алтарная живопись, которая становилась отвлеченной, все более далекой от жизни и аллегорической.

Ярким примером таких храмов являются костел визиток в Кракове середины XVII в. и целый ряд костелов второй половины XVII в.—костел св. Анны в Кракове (архитектор Тыльман), костел иезуитов в Познани (архитектор Катенази).

Светская струя в искусстве все же продолжала развиваться; это касается в первую очередь исторической картины, портрета, декоративных росписей дворцов светских и духовных магнатов. Подъем этих видов живописи наблюдался в правление Яна Собеского. Много художников работало над украшением королевских дворцов в Варшаве, Жолкве, Вилянове. С именем Ежия Шимоновича связана так называемая «виляновская школа» польской живописи. Для творчества Шимоновича особенно типичны росписи плафонов в Виляновском дворце.

Для портрета, очень популярного в этот период, характерны пышность и внешний блеск, за которыми часто исчезает глубина изображения человеческого характера.

В первой половине XVIII в. черты упадка все резче проступают в польской живописи. Реалистические традиции сохранялись в творчестве некоторых польских художников. Большое распространение получил в XVII—XVIII вв. так называемый фогребальный портрет, который стал все чаще заменять каменные надгробия.

Во второй половине XVII—начале XVIII в. строится множество магнатских резиденций — дворцов. Большую роль в украшении этих пышных ансамблей в стиле барокко приобретают парки и сады с фонтанами и многочисленными статуями.

С ожесточением преследовала католическая церковь и музыкальное светское искусство. В результате этого в польской музыке второй половины XVII в. и первой половины XVIII в. преобладали церковные произведения, причем духовная цензура ревностно следила за тем, чтобы они отвечали каноническим нормам грегорианского пения. Впрочем идеологическая борьба не прекращалась и в этой области, причем наиболее прогрессивные явления в польской музыкальной культуре были неизменно связаны с обращением польских музыкантов к народно-бытовым истокам отечественного искусства.

Глава восьмая

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА. ПАДЕНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1

ПОЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В КОНЦЕ XVIII В.

Во второй половине XVIII в. в Польше сохранялись феодально-крепостнические отношения, но барщинная система уже дала глубокую трещину. Проникновение капиталистических элементов в сельское хозяйство оказывало серьезное влияние на феодальное поместье. Капиталистические отношения развивались и в области промышленности.

Барщинное хозяйство, основанное на эксплуатации крепостного труда, все более и более втягивалось в товарно-денежные отношения. Количество фольварков продолжало расти, чему благоприятствовало улучшение торговой конъюнктуры. В Гданьске в 30-х годах XVIII в. платили за лашт ржи 70—100 злотых, примерно в два-три раза больше, чем в начале XVIII в., в то время как металлическая стоимость злота за это же время снизилась лишь наполовину.

Вместе с ростом фольварков происходило дальнейшее обнищание деревни. Крестьянские земли присоединялись к фольварку; помещик захватывал их у крестьян силой. Росло число безземельных и малоземельных крестьян. Восстанавливая после военной разрухи свое поместье, пан не только не помогал крестьянам восстановить их хозяйство, но лишал их этой возможности, подрывая крестьянское хозяйство непомерной барщиной.

Обеспечение крестьянства землей в это время в Речи Посполитой, исключая Великое княжество Литовское, в процентном отношении выражалось следующим образом: безземельные составляли около 16%, имевшие менее $\frac{1}{4}$ лана — около 33%, имевшие от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ лана — 30%, имевшие более $\frac{1}{2}$ лана — около 21%.

Особенно велико было количество безземельных и малоземельных в Малой Польше, где их насчитывалось до 87%, и в Великой Польше, где они составляли 61%. Число безземельных в Великом княжестве Литовском было значительно меньше. В староствах они составляли лишь 3,8% населения. На примере пулавских имений, принадлежавших Чарторыским (Малая Польша), можно видеть, как быстро шел процесс обезземеливания крестьян. В 1776 г. здесь имелся 61 загородник, а через два года, в 1778 г. — 132. В Червонной Руси полулановые хозяйства составляли в 1566 г. — 58%, а в 1765 г. — лишь 11%. Их число уменьшилось за счет увеличения четвертьлановых и безземельных хозяйств.

В конце XVIII в. в Польше проводилось размежевание земель, которое значительно уменьшило количество земли, находившейся в пользовании

крестьян. «Поля казенные и панские увеличены, а крестьянские уменьшены, у бедного крестьянина отнимали землю, которая его кормила...», — так характеризовалось это мероприятие современниками. Процесс обезземеливания крестьян отмечают периодические издания и многие документы этого времени.

Наряду с ростом обезземеливания крестьян увеличивалось число их повинностей. Сравнение инвентарей поместий 20—30-х и 80—90-х годов XVIII в. свидетельствует о росте повинностей, особенно барщины. Где ее не было, она появилась, где она составляла 1—2 дня с половины лана в неделю, там выросла до 4—5 дней, а часто и значительно больше. Размеры барщины были очень разнообразны и зависели целиком от воли землевладельца.

Барщина тщательно регламентировалась помещиком. Точно указывались нормы выработки, а также орудия труда, с которыми должен был выходить крестьянин на работу. Таким образом помещики пытались сделать барщинный труд более производительным. Нормы выработки на барщине были нередко таковы, что, как говорил К. Маркс, анализируя аналогичное явление в Дунайских княжествах, ни один цыклоп не справился бы с ними в сутки.

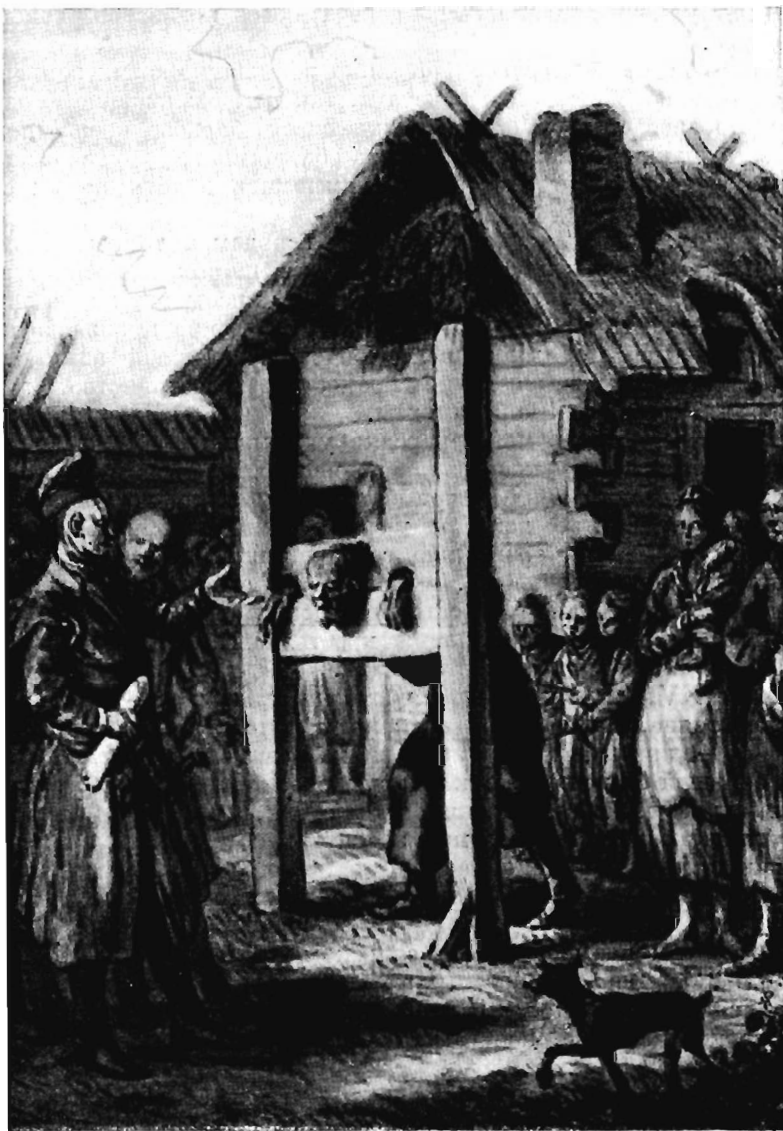
В жалобах крестьян этого времени часто указывалось, что паны «два дня за один работать заставляют». Кроме нормированной барщины, крестьяне должны были, как и раньше, по приказу пана дополнительно выполнять дорожные работы, выходить на «гвалты» и «шарварки», нести обязанности почтальонов, сторожей и т. д.

Одним из видов скрытой барщины был принудительный наем. К наемному труду привлекались главным образом безземельные и малоземельные крестьяне, которые не могли существовать на доход от своего хозяйства. Плату обычно назначал сам помещик. Она была очень невелика, да и заработанное крестьяне не всегда получали деньгами. Сверх барщины крестьяне по-старому вносили помещику натуральные дани — хлеб, полотна, кур, яйца, хмель, грибы, ягоды и др.

Кроме барщины и других повинностей и даней, существовали еще косвенные формы феодальной эксплуатации. Крестьяне обязаны были покупать у пана товары, нередко недоброкачественные, продавать ему сало, пеньку, меха, а иногда зерно и скот. Паны обирали крестьян, попрежнему пользуясь правом пропинации, собирали с них корчемную и мельничную «аренду» и т. п. Особенно тягостна для крестьян была панская монополия на изготовление спиртных напитков. Принудительное спайвание крестьян приняло в Польше грандиозные размеры.

Фольварочная деревня была господствующим типом польской деревни, но не единственным. В ряде деревень крестьяне вместо отработочной ренты платили чинш.

Чиншевые деревни были в тех областях, где условия не благоприятствовали развитию фольварков, как, например, в Подгалье, на песках и болотах северной Мазовии, вдали от судоходных рек. На западных окраинах Польши (главным образом в Великой Польше и Восточном Поморье) ряд чиншевых сел был создан в результате немецкой колонизации. Иногда помещики переводили на чинш крестьян и в том случае, когда не могли справиться с трудностями восстановления своего хозяйства. В других поместьях перевод на чинш являлся средством увеличения доходов помещика. С этой целью, например, во владениях «Госпиталю св. духа» около Варшавы крестьяне были переведены на чинш, и доход госпиталя за семь лет увеличился в полтора раза. Крестьяне познанского магистрата уже с начала XVIII в. уплачивали чинш. Вслед за

Крестьянин в «гонсёре»

Рисунок П. Шорбли на

Познанью г. Калиш также заменил в своих деревнях барщину чиншевыми взносами. В 1760 г. установил чинш в своих владениях в Мазовецком воеводстве Енджей Замоиский. Так же поступили княгиня Любомирская, Михал Понятовский и др.

Перевод крестьян на чинш иногда сопровождался предоставлением крестьянину свободного выхода. Но этот выход был обставлен такими тяжелыми условиями, что ни в какой степени не разрешал вопроса об уничтожении личной зависимости и освобождении крестьян. Так, в имении Бжостовского крестьянин получал личную свободу в том случае

если он мог уплатить 200 злотых и передать свое хозяйство равноценному заместителю.

Вопрос о переводе крестьян на чинш волновал многих землевладельцев и оживленно обсуждался в печати, так как разложение феодального способа производства, обострение классовой борьбы крепостного крестьянства, низкая производительность барщинного труда становились все более очевидными и заставляли помещиков искать новых способов ведения хозяйства.

В деревнях, расположенных ближе к городам и торгово-промышленным центрам, очиншевание получило более широкое распространение. Отказывались от барщины и переводили крестьян на чинш также некоторые магнаты, рассчитывавшие на увеличение производительности труда и избавление от многочисленной дорогостоящей администрации. Меньше затронуло очиншевание крепостное крестьянство, зависимое от средних слоев польской шляхты.

Перевод крестьян на чинш нередко ухудшал экономическое положение крестьян, так как все крестьянские повинности переводились на деньги, уплата которых часто была не под силу маломощным хозяйствам. Иногда очиншевание приводило даже к крестьянским волнениям. В целом же чиншевая система, по сравнению с барщинной, носила, несомненно, более прогрессивный характер. Она способствовала проникновению товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, развитию внутреннего рынка, вела к дифференциации крестьянства, подготавливая тем самым условия для развития капитализма.

В конце XVIII в. зажиточная часть крестьянства — корчмари, мельники, крестьяне, имевшие по нескольку ланов, пользовались наемным трудом загородников, коморников и халупников и беглых крестьян. Еще в большей степени наемный труд разорившихся и обезземеленных крестьян применялся в панских поместьях, владельцы которых рассчитывали на более высокую производительность наемного труда. Оплата батраков была не одинакова в отдельных областях, и батраки шли туда, где плата была выше. Оплата свободных людей была выше оплаты крепостных.

Удельный вес наемной силы в сельском хозяйстве во второй половине XVIII в. непрерывно возрастал. На массовый уход на заработки крестьян жаловались комиссии, которые занимались «унификацией» оплат сельскохозяйственным наемным рабочим, а также установлением расценок на различного рода работы.

Помещичье хозяйство все более получало предпринимательский характер. Многие землевладельцы заводили в своих поместьях мануфактуры, работавшие на местном сырье, и сбывали их продукцию на рынке. Помещики продавали и покупали хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, развивали овцеводство, имея в виду не только продажу овец, но и сбыт шерсти для нарождавшейся суконной промышленности, откармливали при винокуренных заводах и продавали крупный рогатый скот. Около больших городов помещики организовывали молочное хозяйство.

В некоторых магнатских поместьях заметно стремление усовершенствовать сельское хозяйство и технику. Иногда в крупных поместьях в конце XVIII в. вводилась четырехпольная система. В имениях Щенского Потоцкого разводились неизвестные до этого времени в Польше сорта пшеницы, ржи и овса.

Организация мануфактур и улучшение агротехники также способствовали появлению в деревне рабочей наемной силы.

Наблюдавшееся во второй половине XVIII в. оживление сельского хозяйства тормозилось феодально-крепостническими отношениями. В поместьях основной массы средней и мелкой шляхты сохранялось примитивное барщинное хозяйство.

Все эти явления в условиях сохранения крепостничества значительно усиливали эксплуатацию крестьян. За исключением небольшой части крестьянской верхушки огромная масса крестьян впадала в нищету. Картину нужды и потрясающей бедности крестьянства в Польше в конце XVIII в. рисует выдающийся публицист и ученый Станислав Сташиц в своей книге «Предостережения Польше»: «Я вижу миллионы существ, из которых одни ходят полунагими, другие покрываются шкурой или грубой сермягой; все они высохшие, обнищавшие, обросшие волосами, закоптевшие... Наружность их с первого взгляда кажется более сходной со зверем, чем с человеком. Они носят позорное имя хлопа. Пища их — хлеб из непросеянной муки, а в течение четверти года — одна мякина. Их напиток — вода и жгущая внутренности водка. Жилищами служат ямы или немного возвышающиеся над землей шалаши. Солнце не имеет туда доступа. Они наполнены только смрадом... В этой смрадной и дымной темнице хозяин, утомленный дневной работой, отдыхает на гнилой подстилке. Рядом с ним спят нагишом малые дети на том же ложе, на котором стоит корова с телятами и лежит свинья с поросятами».

2

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

50—80-е годы XVIII в. были временем обострения классовой борьбы польского крестьянства против феодального гнета. Крестьяне не ограничились жалобами на произвол панов, — они поджигали усадьбы, рубили помещичьи леса. Порой дело доходило до убийства помещиков, арендаторов или управл яющих. Массовый характер приобрело бегство за русскую и прусскую границы или к другим панам, где беглым, как новоселам, давались льготы.

На усиление феодальной эксплуатации крестьяне-барщинники отвечали низкой производительностью труда. Последнее приводило к тому, что каждое новое увеличение барщины давало все меньший эффект. Барщинное хозяйство становилось все менее и менее выгодным.

Политическая анархия в Речи Посполитой губительно отражалась на положении крестьянства. Вместе с тем борьба магнатско-шляхетских группировок являлась условием, благоприятствовавшим развязыванию широкого антифеодального движения, размах которого был, конечно, значительно больше, чем об этом можно судить на основании известных нам документов.

Наибольшую остроту приобрела антифеодальная борьба на украинских землях, входивших в состав Речи Посполитой. Она приняла форму массового движения, известного под именем «Колывищины».

В течение XVIII в. на украинских землях не прекращались выступления гайдамаков. Они находили поддержку у украинцев Левобережья и прежде всего в Запорожье. На Запорожье находили пристанище и спасавшиеся от шляхетского гнета польские крестьяне, из Запорожья они шли на борьбу со своими угнетателями.

В 1767—1768 гг. среди украинских крестьян и казаков распространились слухи, что русский посол заступает за православное население.

Распространителями этих слухов были часто православные монахи и священники. Некоторые из них сыграли заметную роль в подготовке восстания, но не они определили его характер и содержание. Крестьянами и казаками руководили не религиозные мотивы, а стремление к социальному освобождению, борьба за воссоединение с входившей в состав России Левобережной Украиной. Лозунги религиозной борьбы были внешней оболочкой классового, антикрепостнического и национально-освободительного движения.

Непосредственным толчком к восстанию послужило возникновение враждебной России Барской конфедерации. Составившие ее магнаты, шляхта и католическое духовенство были в своей массе яркими крепостниками, врагами каких бы то ни было реформ государственного строя и религиозной свободы. Украинское крестьянство видело в обосновавшихся на Правобережной Украине конфедератах своих вековых угнетателей. В борьбе против русских частей конфедераты пытались использовать вооруженные отряды так называемых надворных казаков, составлявших охрану их имений. Казаков этих они насильно включали в состав вооруженных сил конфедерации. Сплошь и рядом надворные казаки бежали из районов, контролируемых конфедерацией, и находили убежище на левом берегу Днепра. Надворные казаки дали немало воинов для восстания. Из их среды вышел один из его руководителей — Иван Гонта.

В движении приняли активное участие и казаки Левобережной Украины, главным образом из числа запорожской бедноты. Многие из них были недавними крепостными польских панов. Они очень хорошо знали положение на правом берегу Днепра и оказали действительную помощь своим братьям. Эта группа повстанцев выдвинула другого руководителя движения — Максима Зализняка.

Восстание вспыхнуло в мае 1768 г. в районе Мотронинского монастыря близ Черкасс. Повстанческие отряды, руководимые Зализняком, Швачкой, Журбой, Бондаренко, Неживым и другими атаманами, рассыпались по Правобережью, поднимая на борьбу крестьянские массы. Под ударами восставших пали шляхетские крепостцы — Звенигородка и др. Главные силы восставших, руководимые Зализняком, осадили один из важных центров Правобережья — город и крепость Умань, принадлежавшую киевскому воеводе Потоцкому. Комендант Умани Младанович отправил против Зализняка отряд надворных казаков под командованием сотника Гонты, но Гонта со своими казаками перешел на сторону восставших. 18 июня 1768 г. совместными усилиями Зализняка и Гонты Умань была взята. Вслед за Уманью повстанцы овладели рядом местечек и имений, расправляясь со шляхтичами, ростовщиками и ксендзами. Повстанцы успешно действовали против барских конфедератов, уничтожая их разрозненные отряды. Восставшие рассчитывали на помощь русских войск. Они считали, что теперь Правобережье воссоединится с Левобережьем в составе России.

Но царское правительство с большим опасением смотрело на разраставшееся крестьянское восстание, боясь распространения его на Левобережную Украину.

В июне 1768 г. был издан царский манифест, в котором строго осуждались крестьяне-повстанцы, «забывшие послушание начальству и господам своим». На подавление восстания были двинуты царские войска. Генерал-майор Кречетников получил приказ арестовать Гонту и Зализняка и оказать помощь польскому карательному отряду Браницкого. Не ожидавшие такого оборота дела повстанцы были разгромлены. Повстанцы — русские подданные, в том числе Зализняк, — были сосланы на каторгу в Сибирь, Гонта и другие повстанцы — польские подданные —

были выданы Браницкому. Для Гонты шляхта придумала особо мучительную казнь: в течение нескольких дней с него по кускам сдирали кожу.

После того как Кречетников разбил главные силы восставших, на Украину явились шляхетские карательные отряды, возглавляемые Юзефом Стемшковским. В местечке Кудня, где была основная резиденция Стемковского, лилась потоками кровь украинских крестьян. Жесточайшие репрессии не могли, однако, подавить протест народа. Не только в 1768 г., но и в следующем 1769 г. гайдамацкие отряды действовали на Украине. Движение охватило и западноукраинские земли, где в народе ходило по рукам прозвание — «Универсал к крестьянам, чтобы к восставшим гайдамакам присоединялись». «Универсал» говорил о том, что пришло время выступить против ненавистных панов: «Собратья ваши счастливо начали на Украине и в Подолии освобождаться из того ярма. Призовите бога во спасение и приходите на помощь».

Крупное восстание произошло в Шауляйской (Шавельской) экономике (Великое княжество Литовское). Эта экономика была переведена на «голый чинш» в 1640 г. и жила на нем до 1765 г., когда она в результате аграрной реформы, осуществленной литовским подскарбием Тизенгаузом, была снова переведена на барщину и к тому же более тяжелую, чем в 1640 г. Крестьяне считали это беззаконием, нарушением их вековых прав. При таких обстоятельствах в июле 1769 г. вспыхнуло восстание под лозунгом восстановления прежних отношений. Восставшие, к которым присоединилась крестьянская милиция, арестовали администрацию и захватили власть в свои руки. Созданное восставшими управление распорядилось, чтобы все крестьяне, чьи земли были забраны под фольварки, вернулись на них, обрабатывали их по-старому и на барщину не ходили.

Руководители восстания из богатых крестьян не заботились о расширении движения, не устанавливали связи с крестьянами других поместий, не готовились к вооруженной борьбе с подтягивавшимися войсками. Вместо этого они искали посредников, чтобы связаться с барскими конфедератами, а позже — чтобы получить прощение у короля. Созданная для ликвидации восстания комиссия широко использовала в своих целях духовенство и богатое крестьянство. Подтянув войска, комиссия приступила к расправе. Инициаторы восстания были казнены. На население обрушились террор и грабеж.

Тем не менее настроение крестьян в Шавельской экономике продолжало оставаться боевым. Для предотвращения нового восстания здесь были расквартированы войска. В 1788 г. в Шавельской экономике вспыхнуло новое движение, в котором приняли участие 10 тыс. крестьян. Оно было подавлено военной силой.

В 1778 г. крестьянское движение развернулось в Брестской экономике. Туда были немедленно брошены войска. Упорное и длительное сопротивление крестьян имело место в Слонимском старостве.

Острая классовая борьба развертывалась и на собственно польских землях.

Значительных размеров крестьянское движение достигло в западных польских землях, отторгнутых от Польского государства и входивших в состав милитаристской Пруссии. Обострение классовой борьбы крепостного крестьянства в Силезии во второй половине XVIII в. было связано как с осуществляемой помещиками практикой увеличения барщины, так и с проводимой прусским правительством политикой германизации страны. Тяжелый социальный гнет переплетался здесь с национальным, создавая для крестьян невыносимые условия существования.

Спасаясь от социального и национального гнета, силезские крестьяне бежали в Речь Посполитую и Чехию. Широко распространено было пассивное сопротивление крестьян — отказ от выполнения барщины. В ряде случаев дело доходило до прямых восстаний крестьян против помещиков и столкновений восставших с прусскими войсками.

Немалое влияние на крестьянство Силезии оказывал подъем антифеодального движения в Речи Посполитой, в свою очередь крестьянские восстания в Силезии находили отклик в других польских землях.

Показателем роста крестьянского сопротивления феодальному гнету являлась оживленность, с которой обсуждался крестьянский вопрос в шляхетской и мещанской публицистике 70—80-х годов. По крестьянскому вопросу в Речи Посполитой высказывались также иностранцы — Мабли, Руссо и др.

Ярким проявлением антифеодальных стремлений польского крестьянства было воззвание, вошедшее в историю под названием Торчинского манифеста (оно было впервые обнаружено в местечке Торчин на Волыни).

Этот манифест, распространявшийся в 1767 г. на польском и украинском языках, требовал ликвидации личной зависимости крестьян как насилия над природным равенством людей. Он требовал наследственного права для крестьян на их земли, права пользования лесом, права перехода при наличии заместителя, ликвидации службы в усадьбе, ограничения подводной повинности и строжи, уменьшения барщины до трех дней. Манифест настаивал на необходимости допустить крестьян в органы местного самоуправления и в войско, угрожая в противном случае смертельной борьбой и напоминая о временах Хмельницкого и Костки Наперского. Так, восстание украинских крестьян под руководством Хмельницкого становилось символом единства в борьбе польского и украинского крестьянства.

Торчинский манифест был обращен одновременно к господствующему классу как последнее предостережение и к крестьянству как призыв к решительной борьбе. Торчинский манифест напугал шляхту.

Влияние Торчинского манифеста можно видеть в принятом сеймом в 1768 г. законоположении, запрещавшем помещикам казнить крестьян и предусматривавшем привлечение нарушителей этого закона к уголовной ответственности. Несмотря на незначительность этой «реформы», она являлась первым в течение ряда веков юридическим ограничением помещичьего произвола в Речи Посполитой.

Автор Торчинского манифеста чутко уловил назревание широкого крестьянского движения. Заключительная часть манифеста гласила: «Настало уже время подняться нам из рабского состояния, которого не терпят наши собратья в наследственных монархиях и даже оттоманских владениях. А если бы какая-либо деревня или поселение уклонились от этих действий, то они первые познают нашу суровость, как и милость ощущают сперва ближние. Будьте же милосердны к нам, ибо если мы не получим от вас облегчения, то вам придется узнать, на что способны мы, угнетенные —

в чем подписывается крестьянство Короны, объединившееся за веру и свободу».

Последние строки дают основание предположить, что Торчинский манифест был издан какой-то крестьянской повстанческой организацией. Существование подобной организации или зародыша такой организации подтверждает другой документ — «Универсал к крестьянам» (1768), где прямо говорится об организации, о рассылке вожakov для восстающих крестьян.

Появившийся почти за год до начала широкого крестьянского восстания на Правобережной Украине, Торчинский манифест призывал, несмотря на имеющиеся в нем элементы католической нетерпимости, к союзу польского и украинского крестьянства, приводил как выдающийся пример Хмельницкого. Манифест получил распространение и на украинском языке. Торчинский манифест является ярким и бесспорным свидетельством общности интересов польского и украинского крестьянства в борьбе против общего угнетателя — польской шляхты, выдающимся документом польской прогрессивной общественной мысли. Но как и другие документы самостоятельного крестьянского антифеодального движения, Торчинский манифест был непоследователен: он не выдвигал программы полной ликвидации феодальных отношений, он исходил из сохранения даже наиболее ненавистной для крестьянства их формы — барщины. Автор манифеста требовал превратить крестьянские наделы в наследственную собственность. Это было по сути дела стремление к замене феодальной собственности собственностью буржуазной. Существенно отличало Торчинский манифест от большинства крестьянских программ средневековья и требование предоставления крестьянству в рамках феодальной государственности политических прав, права посылать своих представителей в сейм.

Призывы авторов Торчинского манифеста 1767 г. и универсала крестьянам 1768 г., пример антифеодального движения на Украине находили отклик среди польского крестьянства. В 1769 г. имели место восстания в районе Люблина, в деревне Мостниках, в Мазовии, в окрестностях Пшедбожа.

Крупные крестьянские движения в польских землях, на Украине, в Белоруссии, Литве вызвали живую реакцию шляхетского общества.

Сторонники реформ из рядов шляхты указывали, что земледелие будет процветать тогда только, когда крестьянин будет любить свой труд. Последнее же возможно лишь при том условии, если крестьянин будет лично свободен, получит свободу распоряжаться своим имуществом, если несправедливые законы и суды, барщина и феодальные баналитеты будут ликвидированы. Это мнение было выражено А. Поплавским.

Наиболее яркими были сочинения Станислава Сташица, написанные под сильным впечатлением первого раздела Польши и отражавшие настроения мещанских кругов. Нарисовав страшную картину жизни крепостных крестьян, Сташиц требовал от шляхты улучшения их положения во имя естественных прав человека и в виду обостренного политического положения Польши. «Уже нет теперь времени долго думать над этим; уже нет для поляков середины...», — взывал к шляхте автор. В самом общем виде предложения прогрессивных публицистов ограничивались полным или частичным освобождением крестьян от личной зависимости, полной или частичной заменой барщины чиншем, предоставлением крестьянам права обращаться к государственному суду.

Выступления представителей консервативного лагеря в полемике по крестьянскому вопросу были менее активны. Зато на сейме и сеймиках его представители были хозяевами положения. Так, внесенный в 1774 г. на сейм проект, предлагавший некоторое улучшение положения крестьян, не был даже поставлен на голосование, ибо подавляющее большинство депутатов считало, что всякое «ослабление узды» приведет к беспрерывным крестьянским бунтам. Подобная же картина повторилась в 1775 г., когда крестьянский вопрос был поднят А. Сулковским. Его не захотели даже выслушать до конца по причине «большой вольности для крепостных», будто бы предлагаемой им. Наиболее ярко

отношение основной массы шляхты к проектам крестьянской реформы выразилось в поведении сейма во время рассмотрения кодекса, который составил по поручению сейма 1776 г. Енджей Замойский

Основные положения этого кодекса, относившиеся к крестьянам, сводились к следующему: предоставление личной свободы всем сыновьям крестьянина, кроме первого и третьего, которые остаются прикрепленными к земле своего господина; беглый крестьянин может разыскиваться в течение года, а если он взял с собой инвентарь, то до четырех лет; крестьянин может выдавать дочерей замуж в чужую деревню, но лишь с согласия пана, в противном случае девушка считается беглянкой. Крестьяне, сидящие на земле по договору и не пользующиеся помощью помещика, могут уйти по истечении срока. Крестьяне, сидящие или севшие на землю без договора, а тем более пользующиеся помощью помещика, не могут оставить землю без письменного разрешения пана. В случае конфликта такого крестьянина с его паном он рассматривается в особом суде, где интересы крестьянина должен защищать специальный чиновник. Эта категория крестьян не может без согласия помещика ни заключать договоров, ни завещать кому-нибудь свое имущество. Наследником выморочного имущества обеих категорий крестьян является их господин.

Как видно, реформы предполагались довольно умеренные, но слухи о них распространились по всей стране и вызвали на сеймиках большое возбуждение. Все сеймики высказались против реформ. В решениях сеймиков утверждалось, будто освобождение крестьян повлечет за собой обнищание шляхетского сословия, угрожает общественной безопасности, является нарушением векового порядка. Выбицкого, поехавшего агитировать на сеймиках за кодекс, везде встречали более чем враждебно, а в Серадзе даже угрожали его жизни. Когда на сейме 1780 г. было, наконец, приступлено к рассмотрению кодекса, земские послы устроили обструкцию, и проект, несмотря на поддержку короля, даже не был прочитан, а его немногочисленные защитники не имели возможности говорить.

Сейм принял решение, в котором говорилось: «...Так как в этом собрании законов мы не находим исполнения наших намерений, выраженных на сейме 1776 г., то устраним навсегда это вышеупомянутое собрание законов и постановляем, чтобы ни на одном сейме оно не было воскрешаемо».

Активным противником кодекса являлась католическая церковь. Нунциатура не жалела денег на агитацию против него на сеймиках. Особое возмущение католического духовенства вызвали статьи, посвященные церкви. Кодекс Замойского имел в виду решительным образом пресечь вмешательство римского престола в польские дела путем создания национального синода.

Кодекс Замойского осуждался и реакционной шляхетской публицистикой. В том же 1780 г. появилось два анонимных сочинения. В них доказывалось, что крестьяне не являются невольниками, а их тяжелое положение — только результат анархии. Крепостное состояние крестьян не может служить препятствием ни к увеличению населения, ни к улучшению земледелия. Очиншевание же может привести лишь к крестьянской лени и бродяжничеству. Стремясь сохранить неизблемым существующий порядок, авторы предлагали предоставление крестьянам личной свободы допускать лишь с согласия сейма.

Таким образом, шляхтичи, считавшие, что хозяйство лучше вести с помощью наемной рабочей силы, и публицисты-мещане, видевшие в крепостничестве и барщине основные препятствия для успешного экономи-

ческого развития страны, поднимали вопрос только об очиншевании и ограниченных реформах, касавшихся отмены личной зависимости крестьян. Вопрос о предоставлении крестьянам собственности на землю даже и не ставился в шляхетской публицистике.

3

ПОДЪЕМ В ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. КРЕПОСТНАЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МАНУФАКТУРА

Развитие торговли и промышленности, во второй половине XVIII в., особенно заметное в последней трети столетия, способствовало росту городов и увеличению их населения. Так, Варшава в 1764 г. имела 30 тыс. жителей, а в 1791 г. — 120 тыс., Познань в 1770 г. — 10 тыс., а в 1788 г. — 15 тыс., Люблин в 1782 г. — 11 тыс., а в 1792 г. — 12,2 тыс.

Развитие национальной промышленности хотя и происходило в обстановке сохранявшихся в Польше феодальных отношений, но протекало не только в старых формах подорванного шляхетской политикой и разрушенного военными невзгодами городского и сельского ремесла. Развивались новые, прогрессивные формы организации промышленности — кооперация и мануфактура, появился и новый тип непосредственного производителя материальных благ — наемный рабочий. Особенно заметно развивалась мануфактура в Польше в два последних десятилетия XVIII в., несмотря на те невыгодные условия, которые были созданы первым разделом Речи Посполитой: неравноправные торговые договоры, разбойничья таможенная политика Пруссии, снижение экспорта, пассивное торговое сальдо.

В это время возникли десятки и сотни мануфактур, организованных магнатами, зажиточной шляхтой, богатыми мещанами. Помещичьи мануфактуры в больших размерах использовали крепостной труд крестьян. Но так как крепостной труд не мог оправдать себя, стала заметно проявляться тенденция к замене его трудом вольнонаемным. В мануфактурах, которые были основаны горожанами (мещанами), применялся преимущественно вольнонаемный труд, но и такие предприятия пользовались принудительным трудом нищих, сирот и т. п.

Шляхетские мануфактуры обычно не давали достаточной прибыли и скоро погибали. Принудительный, низкопродуктивный труд наскоро обученного крепостного не мог покрывать расходы по закупке и доставке сырья, полуфабрикатов, оборудования, по оплате иностранных мастеров. Это часто приводило к тому, что изделия шляхетских мануфактур не могли конкурировать с иностранной продукцией. Примером разорившейся мануфактуры подобного типа являлись крупные предприятия Тизенгауза, имевшие до 1500 рабочих. Продукция их была на 75—100% дороже иностранных товаров, что затрудняло ее реализацию на рынке. Для мелкой шляхты изделия гродненских мануфактур Тизенгауза были недоступны, и она предпочитала покупать товары за границей. Мануфактуры давали из года в год нарастающий дефицит, пока не произошел окончательный крах.

Судьбу предприятий, руководимых Тизенгаузом, разделили многие мануфактуры шляхты. Некоторые из них, например полотняная и суконная мануфактуры Сапег, крупная полотняная мануфактура В. Потоцкого, перешли в купеческие руки.

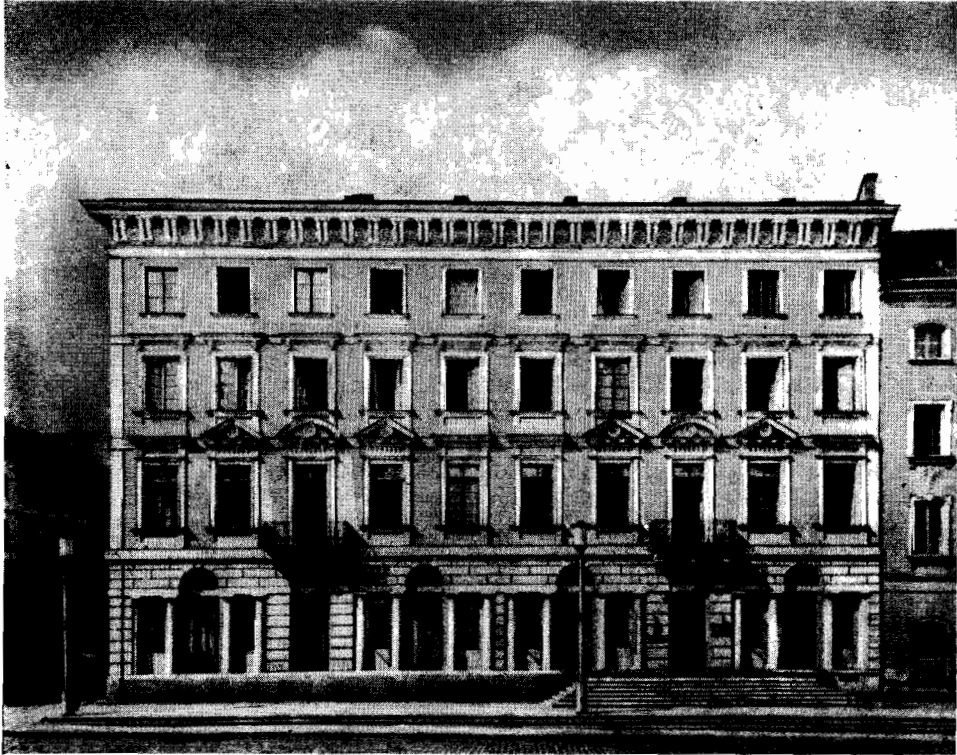
Если магнатские предприятия, в том числе и мануфактуры, можно рассматривать как развитие вотчинных промыслов, продукция которых в новой обстановке шла уже главным образом на рынок, то для второй половины XVIII в. характерны и примеры предприятий, созданных на средства не только магнатов, но и буржуазии и работавших исключительно на рынок.

Примером совместной деятельности шляхты и буржуазии на поприще промышленности может быть «Компания шерстяных мануфактур», учрежденная по инициативе короля в 1766 г. Ее основной капитал был равен 777 600 злотых, он был разделен на 120 акций. В руках одного лица не могло быть более пяти акций. Членом компании могло быть всякое лицо независимо от сословия, звания, местожительства и подданства. Подобным же образом было составлено и возникшее в 1787 г. «Отечественное общество полотняной фабрики» с капиталом в 900 тыс. злотых (225 акций). «Компания шерстяных мануфактур» получила от правительства ряд льгот: право на устройство предприятий в королевщинах, бесплатный отпуск строительных материалов, освобождение выписываемых из-за границы мастеров от побора и других повинностей, освобождение на 12 лет от таможенных сборов с вывозимого из-за границы сырья, оборудования и т. п. Выписав мастеров из-за границы, компания приступила к работе. В 1767 г. она пустила в ход чулочную и шляпную мануфактуру в Голендинове (под Варшавой). Суконная мануфактура была организована в заарендованном за 35 тыс. злотых в год поместье Венгрове еще в 1766 г. Работали на ней четыре мастера, стоявшие во главе цехов, и 10—15 подмастерьев. Рабочий день продолжался с 5 часов утра до 10 часов вечера с трехчасовым перерывом, т. е. 14 часов. Основную массу пряжи мануфактура получала не из своего цеха, а от крепостных крестьян поместья Венгрова в зачет барщины и от мешанок. В 1768 г. компания открыла суконную мануфактуру в Варшаве, использовавшую бесплатный труд сиротского и исправительного домов, и еще несколько более мелких. Для поддержания дел компания получала заказы от армии. Деятельность компании ежегодно заканчивалась с убытком. Предприятия не выполняли своих заданий ни по количеству, ни по качеству. В 1771 г. компания обанкротилась. Такой исход деятельности компании частично объясняется неумелой организацией, неудачным подбором иностранных мастеров и администраторов, но главная его причина — стремление основать производство на низкопродуктивном труде крепостных или деклассированных элементов.

Еще более широко пользовалось трудом нищих Краковское благотворительное общество, открывшее суконную мануфактуру. Мануфактура вскоре закрылась, так как продукция ее была хуже и дороже заграничной.

Особенно быстро гибли мануфактуры, производившие предметы роскоши, обслуживавшие потребности небольшой группы богатого населения. Но наряду с ними возникали мануфактуры, тесно связанные с военными и хозяйственными потребностями государства. Такие товары, как грубошерстные сукна, дешевые полотна, находили сбыт на внутреннем рынке Польши.

В Речи Посполитой развивалась рассеянная мануфактура, основанная на крестьянских промыслах и возглавлявшаяся скушниками, подчинявшими себе деревенскую промышленность. Купеческая (мещанская) мануфактура возникла на базе разлагавшегося цехового ремесла. В Познани в 1789 г. мещанин Фердинанд Бокин основал мануфактуру шелковых изделий. В Варшаве и Зелёнке купец Пасхалис имел мануфактуру

Купеческий дом в Варшаве постройки конца XVIII в.

Фото

на 50 станков, на которых работало 300 сирот. В Варшаве же и ее окрестностях было еще несколько суконных мануфактур, как, например, мануфактура Регона, использовавшая труд нищих (200 человек), в Проховнях — с 50 нищими. В Потоке (под Варшавой) мещанин Леонгарди имел мануфактуру, изготовлявшую картон, платки и дамские сукна. Варшава славилась производством экипажей. В этой отрасли работало несколько предприятий. Наиболее крупное принадлежало Данглю. На нем работали 300 человек. Современники так описывают мануфактуры Дангля: «В огромном доме и мастерских на Сенаторской улице находились всякого рода ремесленники, нужные для производства карет колесники, кузнецы, седельники, лакировщики, шорники, маляры, слесари и т. д. Они, работая вместе, были в состоянии сделать карету в необычайно короткое время».

Значение промышленности Варшавы для страны было очень велико.

В Езерно (Мазовия) Фиш имел бумажную мануфактуру. Немало мануфактур было и в других воеводствах и землях Великой и Малой Польши. Так, в Кракове купец Фрыстацкий ежегодно вырабатывал 100 — 150 штук сукна 24 сортов. Здесь были также предприятия кожевенные, предприятия, изготовлявшие пояса, шпильки, порох, дробь и др.

Как правило, мещанские мануфактуры работали лучше дворянских и в ряде случаев пережили падение Речи Посполитой. Ими руководили люди, обычно хорошо знавшие рынок сбыта и сырья, а также технологию

производства. Выбатывали они товары широкого потребления. Но важнее всего было то, что работали на них люди свободные, технически лучше подготовленные, обычно местные, реже иностранцы или обученные у иностранцев.

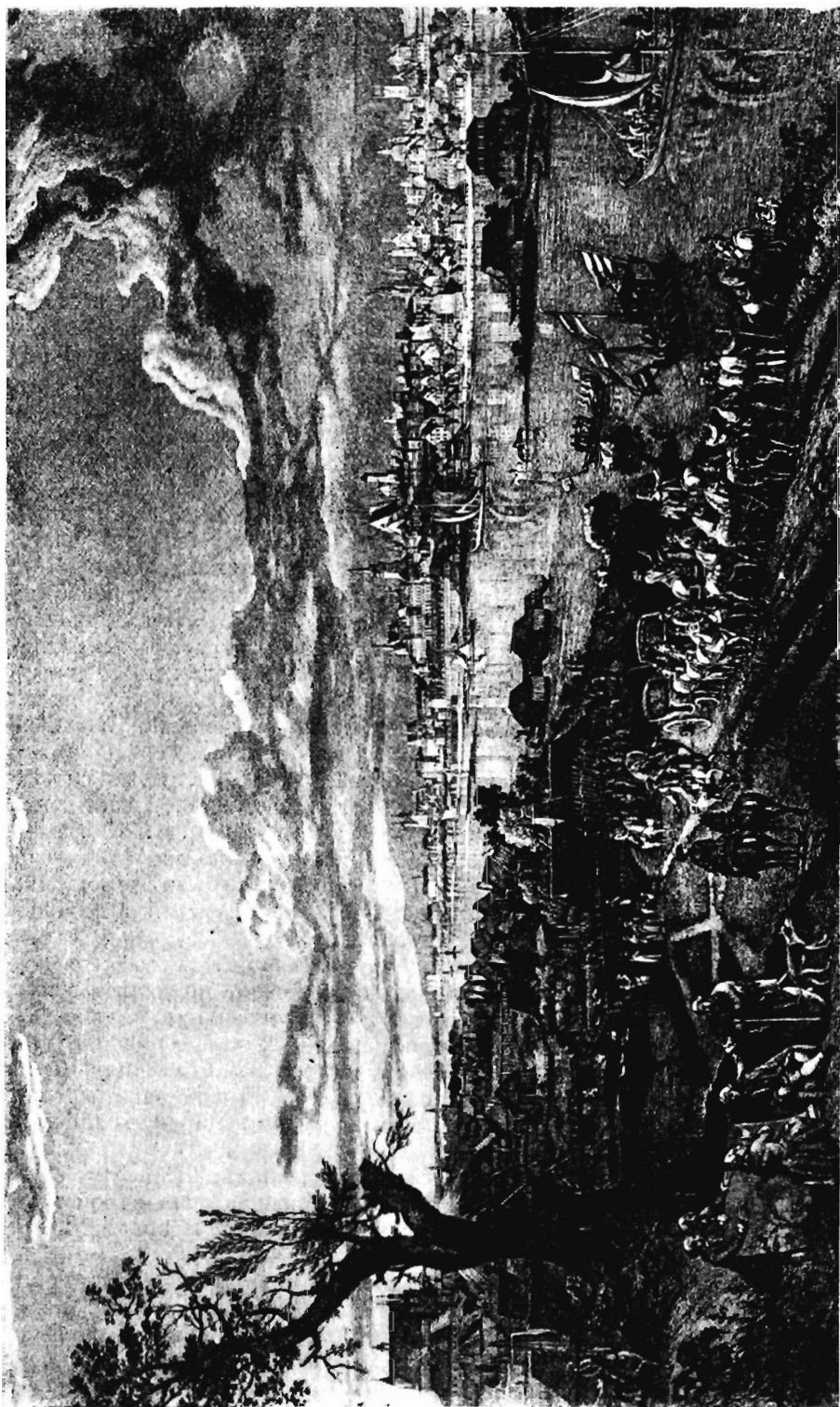
Крепнущая экономически польская городская буржуазия стремилась активно участвовать в политической жизни страны, добивалась политических прав. Вопрос о политическом и экономическом положении городов и горожан широко обсуждался в прессе, в выдвигаемых проектах реформ и выступлениях мещанских и шляхетских публицистов. Кодекс Замойского требовал самоуправления для всех городов. Он требовал также разрешить городам ежегодные съезды, которые могли бы обсуждать не только местные, но и общегосударственные дела. Для больших городов предусматривалось право посылать своих представителей на сеймы. Кодексом разрешалась организация всевозможных объединений для поднятия торговли и промышленности. В таких организациях могла участвовать и шляхта. Выразители интересов мещанства — Коллонтай и Сташиц — требовали предоставления политических прав горожанам. Были сделаны попытки законодательным путем улучшить положение горожан, но они носили весьма ограниченный характер, и до 1791 г. положение мещан и городов не было изменено.

В 90-х годах XVIII в. в горнорудной промышленности Речи Посполитой было 165 предприятий, по производству тканей — 72, в химической — 9, типографий — 32. К концу XVIII в. наметилась уже специализация районов. Выделялись районы производства сукна, полотна, металлургические.

Развитие капиталистического уклада невозможно без создания рынка наемной рабочей силы. Необходимы были люди, лишенные средств производства и лично свободные. Но рабочей силы было недостаточно, так как полунисшее, безземельное и малоземельное крестьянство было зажатое в тиски крепостничества и фольварочно-барщинной системы, не допускавшей его отхода в города. Лично свободное население — разорившаяся шляхта, мещане, рассыпавшиеся по маленьким местечкам, наконец, полудеклассированные, так называемые гулящие люди, — нанималось большей частью на службу к панам. Рабочей же силы, поставляемой разложением цехового ремесла, было недостаточно для развивавшейся промышленности.

С вольнонаемными рабочими владельцы мануфактур заключали контракты, но нередко не выполняли их. Часто владельцы не выплачивали заработанных денег, задерживали рабочих после истечения срока найма и т. д. Контракты заключались на длительный срок, что фактически лишало рабочего личной свободы. Не выдерживая тяжелых условий контракта и злоупотреблений, многие бежали, но беглого возвращали обратно, приковывали к станку и в наказание увеличивали срок работы на год.

В конце XVIII в. в Варшаве, Познани и других городах еще было много цехов, но по сравнению с началом XVIII в. их число сократилось. Почти совсем исчезли цехи суконщиков, которые не выдерживали конкуренции с суконными мануфактурами. Мануфактуры, несмотря на испытываемые затруднения, не только производили более дешевые сукна, но имели больше возможностей для получения необходимой пряжи и привлечения к себе рабочих. Часто дирекция мануфактур старалась отвлечь рабочую силу от ремесленников, повышая заработную плату. Мануфактура разоряла цехи. Так, в Варшаве мануфактура Дангля совсем разорила каретный цех. Распад цеховой организации был результатом изменений, которые произошли в производственных отношениях. Старые

Bahia

Городъ 1770 г. В. Беккеръ (Канадск.)

Матрос

Рисунок Д. Ходовецкого

заметное развитие получила торговля в Варшаве. Столичное положение города способствовало созданию здесь крупных торговых домов. На основе развития местных рынков шел процесс складывания общепольского рынка, центром которого была Варшава.

Основной статьей экспорта попрежнему оставались хлеб, сельскохозяйственное сырье и лес. Но теперь Польша вывозила не только хлеб, но и некоторые изделия своей промышленности: значительную статью вывоза составляло полотно, из полуфабрикатов — пряжа. Внешняя торговля значительно выросла. В 1790—1800 гг. через Гданьский порт вывозилось в среднем 170 тыс. лаштов хлеба. В 1785 г. ценность польского экспорта достигла 150 млн. злотых и превышала уже ценность импорта.

Крупнейшим портом, через который шла внешняя торговля, попрежнему был Гданьск. Важное место в качестве центра транзитной торговли занимала Познань. Некоторые купеческие дома в Познани имели торговые связи почти со всей Европой.

В конце XVIII в. в Польше уже существовали банки. Известны имена банкиров Шульцев, Кабрита, Прота Потоцкого, Ляскевича и др. Банкирские дома или их отделения были не только в Варшаве, Кракове, Познани, но и в других городах. Они вели кредитные операции, занимались торговлей и покупкой имений. Банкир Теппер имел склады, оцененные в 7,5 млн. злотых, кроме того, ему принадлежали три имения, оцененные в 4 млн. злотых. Занимались банкиры и промышленной дея-

цеховые формы производства не соответствовали возросшему уровню производительных сил. Сеймы безуспешно пытались искусственными мерами задержать в фискальных целях процесс упадка цеховой организации. Разложение цехов давало мануфактурам квалифицированных рабочих. Разорвавшиеся городские ремесленники были свободными и как вольнонаемные рабочие работали на мануфактурах.

Так зарождался в Польше рабочий класс, которому предстояло в будущем сыграть решающую роль в социальной и политической жизни страны.

Развитие национальной промышленности и перевод части крестьян на чинш оказали благоприятное влияние на развитие торговли. Еще в 1764 г. конвокационный сейм отменил таможенные привилегии шляхты и разрешил ей заниматься торговлей. Современники отмечали большой спрос на продукты сельского хозяйства в городах. Цены на эти продукты возросли в два раза. Росло число ярмарок. Особенно

тельностью, а также поставками на армию. В связи с тем, что государственного банка в Польше не было, для банкирских домов открывалось широкое поле для кредитования государственных мероприятий. Еще более широко кредитовали они под заклад имений магнатов и шляхту. Например, из зафиксированных во львовских городских книгах 11 ссуд на сумму 1 222 826 злотых шесть ссуд было выдано магнатам на сумму 1 182 680 злотых.

Не только ростовщики, но и банки кредитовали под очень высокий процент. Собранные в банках таким путем большие капиталы часто шли не на развитие отечественного народного хозяйства, а на потребительские нужды феодалов. Экономическое оживление в стране создавало благоприятную обстановку для развития кредита и властно требовало его правильной организации. Но господство феодальных отношений приводило к тому, что банки в малой степени поддерживали национальную промышленность, кредитую главным образом богатую шляхту, тратившую огромные деньги за границей или на покупку зарубежных товаров, перекачивали за рубеж концентрировавшиеся в банках капиталы, вызывая валютный кризис и дезорганизуя денежный рынок Речи Посполитой.

Таким образом, экономический подъем в стране во второй половине XVIII в. в области промышленности, торговли и кредита, так же как и в области развития сельского хозяйства, тормозился феодальными порядками. Крепостническая система стояла на пути развития промышленности и национального рынка, роста внутреннего товарооборота и усиления внешней торговли.

4

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАЦИИ

В непосредственной связи с развитием капиталистических отношений происходил сложный процесс образования польской буржуазной нации. Культурный и политический подъем конца XVIII в., подъем национально-освободительного движения, приведший к восстанию 1794 г. под руководством Т. Костюшки, отражал этот процесс. В Польше, как и в других странах Восточной Европы, процесс складывания людей в нацию протекал в рамках смешанного многонационального государства, в то время как на западе Европы образование наций означало вместе с тем и превращение их в самостоятельные национальные государства. Процесс образования польской буржуазной нации начался в условиях существования Речи Посполитой, где поляки были господствующей народностью. Положение резко изменилось после 1794 г., когда польское государство было уничтожено и поляки стали угнетенной, оттесненной народностью. Другой важной особенностью процесса образования польской буржуазной нации было то, что он с самого начала и до конца происходил на землях, не входивших в состав одного государства. Большая часть польских земель еще до разделов была захвачена Пруссией. В конце XVIII в. польские земли, входившие в состав Речи Посполитой, были поделены между Пруссией и Австрией. В XIX в. польские земли еще раз были переделаны и оказались под властью трех держав — России, Пруссии и Австрии. Разумеется, все это не могло не оказать существенного влияния на ход процесса образования польской нации.

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹.

И. В. Сталин указывал, что «...элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистической»².

Польский язык прошел общий для всех национальных языков путь развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным. История польского языка является неотъемлемой частью истории польского народа, творца польского языка.

Общность территории польского народа также принадлежит к числу тех признаков польской нации, которые, как потенция развития нации, имелись уже в докапиталистическую эпоху.

Под общностью территории марксистско-ленинское учение по национальному вопросу понимает не государственную общность, а наличие сплошной территории, компактно заселенной одной народностью или одной нацией. Отсутствие государственной общности, т. е. раздел общей национальной территории данной нации между различными государствами, не исключает возможности формирования нации. Это имеет чрезвычайно существенное значение в истории формирования польской нации. Общность польской территории определялась тем, что польский народ единой массой, не разделенной какими-либо естественными преградами или инациональными областями, заселял территорию между Балтийским морем и Карпатами, между Одрой и Бугом. Территория, занимаемая морем польским народом, в ходе истории не оставалась неизменной. Так, в ее состав вошли некоторые области, ранее населенные литовцами или восточными славянами (Мазурское Поозерье, Подляшье, Холмщина, районы Санока и Перемышля), из состава польской территории на несколько веков были вырваны некоторые насильственно германизированные области (Нижняя Силезия, Западное Поморье), однако эти изменения на пограничье польской территории никогда не разрушали ее единства.

В то же время в состав польской национальной территории никогда не входили обширные области, захваченные польскими феодалами на востоке, области, населенные украинцами, белорусами и литовцами. Национальный облик территории определяет не господствующий класс, а трудящиеся классы. И так же как под властью немецких помещиков и немецких капиталистов Верхняя Силезия, населенная польскими крестьянами и польскими рабочими, не переставала быть частью польской национальной территории, так и Литва, Белоруссия, Украина, находясь под властью польских помещиков, не переставали быть национальными территориями литовского, белорусского и украинского народов.

Таким образом, и общность территории польского народа была налицо задолго до второй половины XVIII — начала XIX в. Однако «общность территории сама по себе ещё не даёт нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое»³.

Среди характерных особенностей нации общность экономической жизни, экономическая связанность формируется, как правило, в последнюю

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 296.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 294.

очередь. Именно она своим появлением завершает шедший исподволь процесс формирования элементов нации, стягивает разобщенные до этого части народа в одно национальное целое.

Отмечая, что элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — создавались исподволь, еще в период докапиталистический, И. В. Сталин подчеркивал, что они «...в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»¹.

В Польше лишь во второй половине XVIII в. стали развиваться буржуазные связи, развернулся процесс концентрации местных рынков.

Общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, также создавалась у польского народа исподволь еще в докапиталистический период. Но она не могла получить полное развитие в условиях отсутствия общности экономической жизни. Развитие капитализма создает не только экономические связи и экономические центры, оно создает также и культурные связи и культурные национальные центры.

В условиях засилья феодальной идеологии, когда господствующий класс проводил антинациональную политику, когда всемогущая католическая церковь своим обскурантизмом подавляла развитие культуры, а своими «вселенскими», космополитическими тенденциями была особенно враждебна развитию самобытной национальной культуры, — в этих условиях формирование польского «национального характера», польской национальной культуры резко тормозилось.

Культурно-национальный подъем второй половины XVIII в. был большим шагом вперед в развитии польской национальной культуры, но до полного преодоления феодально-католического обскурантизма и космополитизма было еще далеко.

Наличие государственной границы, отделявшей западные польские земли от остальной польской территории, само по себе не разрушало общности польской национальной территории. Но в сочетании со слабостью экономических связей государственная разобщенность приводила к тому, что западные польские земли — Силезия и Поморье — были недостаточно связаны с общим процессом формирования польской нации, подвергаясь в то же время длительному национальному гнету. Не получая поддержки со стороны Речи Посполитой, мало связанные с развитием польской национальной культуры на основных польских землях, поляки Поморья и Силезии, Мазурского Поозерья и Любушской земли жили в условиях настойчиво проводимой германизации, гонения на польский язык и польскую культуру. Следствием этого была культурная отсталость западных польских земель, а также консервация и даже оживление местных диалектов.

Таким образом, формирование польской нации, развернувшееся во второй половине XVIII в., не было завершено в период существования Польского государства. Тяжелые для польского народа условия отсутствия национальной независимости, условия национального угнетения, усугубленного расчленением польских земель, не привели, однако, к прекращению процесса образования польской буржуазной нации. Не были разрушены и экономические связи, возникавшие между отдельными польскими землями. Но формирование польской нации было замедлено. Оно завершилось только во второй половине XIX в.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 41, стр. 336.

5

ПОПЫТКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ в 1760-х годах

Во второй половине XVIII в. ярко вскрылось противоречие между растущими производительными силами страны и старыми, феодально-крепостническими производственными отношениями. Господствовавшая фольварочно-барщинная система стояла на пути дальнейшего развития производительных сил, препятствовала росту капиталистических отношений.

В результате развития капиталистического уклада в эти годы произошли серьезные изменения в экономическом базисе польского общества. Развитие капиталистических отношений затронуло и некоторую часть магнатства и шляхты. Начался процесс обуржуазивания господствующего класса феодалов.

Оформившаяся на основе торжества барщинно-крепостнической системы феодальная надстройка в виде «дворянской республики» не соответствовала больше претерпевшему серьезные изменения базису. Старая надстройка оказывалась величайшим препятствием на пути развития страны. Она ставила, кроме того, под угрозу само существование независимого Польского государства.

Попытки реформ государственного строя Речи Посполитой, которые предпринимались во второй половине XVIII в., имели целью приспособить феодальный строй к развивавшимся в стране капиталистическим отношениям. Попытки эти осуществлялись той частью шляхты и магнатства, которой больше всего коснулся процесс обуржуазивания господствующего класса. Такое положение объясняется слабостью польской буржуазии. Последняя сама искала союза с шляхетскими реформаторами. Вместе с тем то, что во главе движения за реформы стояли шляхетские реформаторы, определило и крайнюю умеренность выдвигаемых планов реформ.

Обострение классовой борьбы крепостного крестьянства, страх перед возможностью революционного разрешения назревших противоречий в социально-экономическом строе страны толкали шляхетских реформаторов на путь ускорения реформ государственного строя. Интенсивность движения за реформы среди шляхты находилась в прямой зависимости от силы и размаха выступлений крепостного крестьянства и городских низов.

Первые попытки проведения реформ, соответствующих интересам развивавшихся капиталистических отношений, относятся ко времени бескоролья после смерти Августа III и связаны с магнатской фамилией Чарторьских.

Расстановка политических сил в Речи Посполитой в значительной мере определялась в этот момент итогами Семилетней войны. Ослабленные Франция и Австрия не могли оказать на польские дела никакого серьезного влияния. Влияние России и Пруссии, выступавших в блоке по польскому вопросу, значительно укрепилось. Чарторьские опирались на введенные по их просьбе в страну русские войска.

Подавив своих политических противников и рассчитывая посадить на королевский престол своего представителя, Чарторьские («фамилия», как называли их группу) провели на конвокационном сейме ряд реформ государственного строя Речи Посполитой. Был установлен новый порядок проведения сейма, ограничивавший возможность его срыва, сеймовые послы были освобождены от обязанности следовать инструкциям, данным

им сеймиками, если они расходились с мнением большинства сейма. Несколько ограничивалось применение *liberum veto* — решения по экономическим вопросам отныне должны были приниматься простым большинством голосов. Было реорганизовано управление финансами, для чего учреждалась коронная Скарбовая комиссия в составе коронного и надвального подскарбиев, четырех сенаторов и 12 представителей посольской избы. Скарбовая комиссия была учреждена и для Литвы. Из ведения сеймиков были изъяты вопросы о раскладке налогов. Сейм принял решение провести новую люстрацию королевщин для уточнения размеров военного налога — «кварты». Были ликвидированы всякие «партикулярные» пошлины, взимавшиеся главным образом магнатами, и устанавливалась генеральная таможенная пошлина, которую обязаны были оплачивать и все шляхтичи.

Новую организацию получило военное ведомство. По аналогии со Скарбовой комиссией была учреждена Военная комиссия под председательством гетманов, в составе четырех сенаторов и 12 представителей шляхты. Чрезмерно перегруженный коронный трибунал был разделен на два — для великопольских и малопольских воеводств. Решения на трибуналах принимались большинством голосов. В королевских городах было восстановлено повсеместно нарушавшееся шляхтой городское самоуправление. Был реформирован ассессорский суд — высшая судебная инстанция для горожан.

Реформы 1764 г. не затрагивали основ феодального способа производства, не меняли основ политического строя Речи Посполитой. Однако восстановление городского самоуправления и реорганизация суда для горожан, введение генеральной пошлины и ликвидация пошлин «партикулярных» способствовали развитию отечественной мануфактуры и торговли, открывали некоторые возможности для развития в стране капиталистических отношений. Ограничение права *liberum veto* несколько укрепило органы центральной власти. Организация Военной комиссии могла стать началом военной реформы в Речи Посполитой.

Вопреки желанию руководителей «фамилии», прочивших на трон Августа Чарторыского или его сына Адама Казимежа, королем Речи Посполитой был избран в 1764 г. второстепенный представитель «фамилии», давний друг Екатерины II, Станислав Август Понятовский. При нем реформы продолжались. При короле был создан своего рода кабинет министров — «Конференция», состоявшая из канцлеров, членов королевской свиты и некоторых специально приглашенных лиц. Активно работали скарбовые комиссии, занимавшиеся не только финансами, но и торговлей, ремеслами и путями сообщения, т. е. экономическими вопросами. Важным вопросом восстановления ценности золотого и чеканки монеты ведала организованная в 1766 г. комиссия по чеканке монеты. В ее ведении находился Государственный монетный двор. В Варшаве и других городах начали свою деятельность так называемые «комиссии доброго порядка», имевшие целью восстановление городского ремесла и торговли.

Эти мероприятия находили поддержку у той части шляхты, которая приспособляла свое хозяйство к условиям развивавшегося капиталистического уклада. Михал Казимеж Огиньский предложил строительство канала, который должен был соединить Неман с Днепром. В 1766 г. возникла компания суконных мануфактур, в которой приняли участие магнаты во главе с канцлером Замойским.

Чарторыские достигли власти благодаря поддержке России и Пруссии. Но проводимая ими и Станиславом Понятовским политика реформ

вызвала со стороны Пруссии, а затем и России серьезные возражения. Уже в начале 1765 г. прусский посол Бенуа вручил польскому правительству ноту, в которой протестовал против введения генеральной пошлины как мероприятия, якобы противоречившего прежним прусско-польским договорам. Отказ польского правительства удовлетворить эти явно незаконные претензии пруссаков вызвал репрессии с прусской стороны. На прусском берегу Вислы, в Квидзине, по приказанию Фридриха II была построена крепость-таможня, вооруженная сильными батареями. Здесь были вынуждены останавливаться польские суда, шедшие с товарами по Висле. За зерно взималась 10-процентная пошлина, остальные товары облагались 15-процентной пошлиной. Под грубым нажимом Пруссии польское правительство было вынуждено прекратить сбор генеральной пошлины. Уже тогда в Пруссии возник проект раздела Речи Посполитой.

Царская Россия стремилась к подчинению Речи Посполитой своему влиянию, но высказывалась первоначально против ее раздела, предпочитая иметь на своих западных границах слабую Речь Посполитую, а не агрессивную Пруссию. Однако международная обстановка 60-х годов толкала Россию на союз с Пруссией. Последняя использовала это обстоятельство для навязывания России своей политики в польских делах. Россия и Пруссия вместе выступили против реформ государственного строя Речи Посполитой, поддержали тех, кто защищал *liberum veto* и другие «шляхетские вольности».

Ф. Энгельс так характеризовал значение для Польши политики Пруссии и царской России: «...Екатерина и Фридрих заключили в Петербурге договор, по тайной статье которого оба взяли на себя обязательство охранять силою оружия польскую конституцию, это лучшее средство для разрушения Польши, от всяких попыток реформы. Этим был предрешен будущий раздел Польши»¹.

Предлогом для вмешательства Пруссии и России в польские дела явился так называемый диссидентский вопрос, т. е. вопрос об уравнении в правах христиан-некатоликов с католиками. В руках царского правительства диссидентский вопрос был средством усиления своего влияния в Речи Посполитой.

Фридрих II учитывал, что уравнение в правах диссидентов с католиками должно было усиливать позиции России, так как подавляющее большинство некатоликов в Речи Посполитой были православные — белорусы и украинцы. Поэтому прусский посол в Варшаве Бенуа, хотя и выступал формально вместе с русским послом по диссидентскому вопросу, на самом деле действовал против разрешения этого вопроса в пользу диссидентов. Вот что писал ему по этому поводу Фридрих: «В сущности я не буду огорчен, если диссидентское дело не удастся. Вы этого не обнаруживайте перед русскими, делайте вид, будто я очень сержусь, что все труды, употребленные для успеха этого дела, пропали даром. Было бы хорошо и выгодно, если бы вы заставляли известных людей работать против диссидентского дела, если только можно это делать тайком, чтобы никто никак не мог бы проведать, откуда это идет». Письмо это отчетливо показывает двуличную политику прусского короля, который рассматривал диссидентский вопрос лишь как средство ликвидировать все попытки укрепить государственный строй Речи Посполитой.

Диссидентский вопрос вызвал в Речи Посполитой ожесточенную борьбу. Католическое духовенство и многие магнаты решительно выступили против планов уравнения в правах некатоликов с католиками. Они опол-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.

чались против реформ вообще, требуя возвращения к широкому применению по всем вопросам *liberum veto*. Сейм 1766 г. подтвердил незыблемость *liberum veto* в важнейших вопросах государственной жизни. Никакого уравнивания гражданских прав диссидентов и католиков не произошло. После окончания сейма русское правительство поставило Чарторыхских перед альтернативой: либо союз с Россией и совместные действия по диссидентскому вопросу, либо разрыв. Чарторыхские противились разрешению диссидентского вопроса. Ответом на это явилось возникновение враждебных Чарторыхским конфедераций, пользовавшихся поддержкой русского посла Репнина. В марте 1767 г. в Торуне была образована конфедерация протестантов. Одновременно оформилась конфедерация православных в Слудке. Возникла и конфедерация католической шляхты. Во главе этой конфедерации, образованной в Радоме, был поставлен вызванный для этого из-за границы давний противник Чарторыхских, бывший литовский великий гетман Кароль Радзивилл, известный под прозвищем «пане Коханку». Радзивилл олицетворял собой все шляхетские пороки. Его скандальные похождения, чванство и расточительство были известны всей Речи Посполитой. И тем не менее этот самодур пользовался значительной популярностью у реакционной шляхты, противников реформ и защитников «золотой вольности». Манифест Радомской конфедерации объявлял о том, что конфедерация «завязана» при короле, т. е. не противопоставляет себя ему, что она обращается к русской императрице с просьбой о гарантии решений конфедерации, что конфедераты допускают диссидентов к обсуждению диссидентского вопроса.

Против этих конфедераций, предусматривавших положительное решение диссидентского вопроса, была сильная группа духовенства, магнатов и шляхты. Из этой группы в дальнейшем вышли руководители Барской конфедерации. Лидеры этой группы (епископы Солтык, Красинский и др.) всячески сопротивлялись планам Репнина, используя для этой цели папскую нунциатуру, обращаясь за помощью к Австрии и даже к Турции.

В октябре 1767 г. открылся сейм. Противники равноправия диссидентов, а следовательно, и противники России вновь пытались организовать сопротивление, но потерпели поражение. Опираясь на конфедератское большинство, Репнин арестовал наиболее активных противников России: епископов Солтыка и Залуского, коронного польного гетмана Вацлава Жевуского и его сына Северина. На сейме была создана делегация в составе 68 человек, которая вела переговоры с русским послом. В феврале 1768 г. в Варшаве был заключен договор, согласно которому диссиденты были уравнены в правах с католиками, были разрешены браки между католиками и диссидентами. Однако католическая религия оставалась господствующей религией в Речи Посполитой. Королем мог быть только католик. Отдельный акт перечислял «кардинальные права» Речи Посполитой, которые объявлялись нерушимыми под гарантией России. В состав «кардинальных прав» входили вольная элекция и *liberum veto*, шляхетские привилегии и исключительное право шляхты занимать государственные должности. Вновь был подтвержден принцип неприкосновенности личности шляхтича и неограниченного господства шляхтича над своими «подданными».

«Кардинальные права» почти полностью ликвидировали все реформы сейма 1764 г. Варшавский договор 1768 г. закреплял преобладающее влияние царской России в Речи Посполитой. В то же время он был победой реакционного шляхетства над робкой попыткой реформ государственного строя. Новым в «кардинальных правах» было лишь то, что шляхта лишилась права смертной казни крепостных крестьян. Закон предусматривал

даже смертную казнь шляхтичу за умышленное убийство «подданного», что было совершенно необычно для нравов крепостнической Речи Посполитой.

В то время как в Варшаве подписывался рассмотренный выше договор, в украинских областях, находившихся под властью Речи Посполитой, собирались силы враждебной ему шляхты. В феврале 1768 г. в Баре была образована конфедерация, призывавшая к борьбе за восстановление прерогатив католической религии и отмену равноправия диссидентов. В организации Барской конфедерации активное участие приняла римская курия, финансировавшая конфедератов. В Баре же был организован «Орден кавалеров святого креста», программа которого была проникнута религиозным фанатизмом и нетерпимостью.

Против конфедератов были направлены польские и русские войска. Русские отряды и части коронной армии под командованием Кс. Браницкого и Ю. Стемповского нанесли конфедератам поражение и заставили их отступить к турецкой границе. Вожаки конфедерации — Красиньский, Пулаский и Потоцкий — ушли в Молдавию.

Движение барских конфедератов имело место и в собственно польских областях. В июне 1768 г. в руки конфедератов перешел Краков. Он был осажден русскими войсками под командованием Апраксина. Конфедераты сожгли предместья и сопротивлялись в течение целого месяца.

Барская конфедерация по своей программе в целом была реакционным католическо-шляхетским движением, направленным как против России, так и против каких бы то ни было реформ.

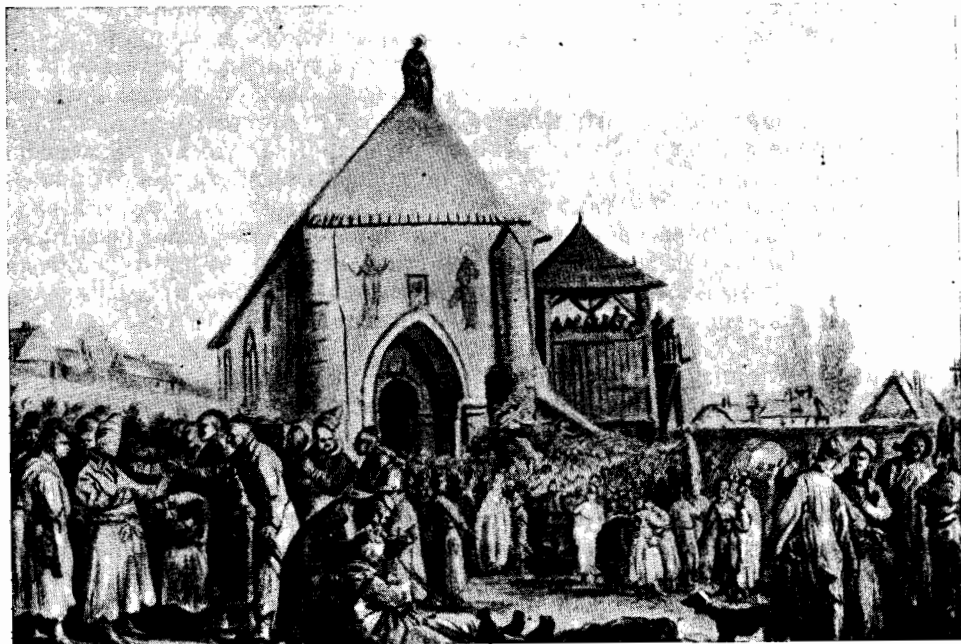
6

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Осенью 1768 г. Турция объявила войну России. Наступил момент, которого давно ждали барские конфедераты. Руки России теперь были связаны, и она не могла послать в Речь Посполитую значительные силы. У конфедератов появилась надежда на получение иностранной помощи — от Турции, Франции, Австрии.

Станислав Август, пославший крупные войска на подавление конфедератов, прекратил против них военные действия и вел двусмысленную политику в отношении России, меняющуюся в зависимости от известий с театра военных действий. Враждебные России державы всячески побуждали конфедератов к активным действиям. Франция оказывала им денежную помощь и посылала офицеров, Австрия предоставила убежище руководителям конфедерации.

Конфедератская война представляла собой цепь мелких столкновений между отрядами русских войск и непрочными, быстро возникавшими и так же быстро распадавшимися отрядами конфедератов. Несмотря на то, что русские войска были немногочисленны, конфедератам не удалось добиться сколько-нибудь значительных успехов. Они не смогли организовать и значительных военных сил. Недисциплинированные шляхетские отряды конфедератов вели себя так, словно они воевали не в Польше, а в чужом, вражеском крае. Они опустошали страну, грабили крестьян, терроризировали население. Это отталкивало его от конфедератов. Кочуя по австрийской территории из Бельска в Пряшов, из Пряшова в Цешин, руководители конфедерации тешили себя надеждами на разгром рус-

Сеймиковая сцена
Рисунок П. Норблина

ских войск в ходе русско-турецкой войны, на вступление Австрии в войну против России и т. п. Все эти надежды были тщетны. В 1770 г. победы русского оружия под Ларгой, Кагулом и Чесмой ясно показали, что рассчитывать на успех турок не приходится.

В это время, используя связанность России и всячески афишируя наметившееся сближение Пруссии с Австрией, «союзник» Екатерины Фридрих II поднял вопрос о разделе Речи Посполитой. Русское правительство решительно отклонило этот проект. Но Пруссия продолжала настаивать на своем предложении, оказывая вместе с Австрией сильный нажим на Россию путем выдвижения всякого рода помех мирному урегулированию русско-турецких отношений. Опасность вступления Австрии в войну на стороне Турции, крайняя ненадежность прусского «союзника» и двуличное поведение «русской» партии в польском правительстве — все это заставило царское правительство уступить Пруссии. Вопрос о разделе Речи Посполитой был перенесен в плоскость практических переговоров. Впрочем, Пруссия и Австрия уже приступили к разделу. В 1770 г. прусские войска вступили в Великую Польшу и Поморье для того, чтобы, как было официально заявлено, предотвратить проникновение из Польши эпидемии. Годом ранее «опекавшая» конфедератов Австрия заняла закарпатское владение Польши — Спизж, а затем установила «санитарный кордон» на северном склоне Карпат, заняв почти весь Сандецкий повет Польши. В 1770 г. этот район австрийцы уже именовали «возвращенным краем». Так начинался раздел Польши.

Если Австрия первая приступила к разделу, то Пруссия была его главным вдохновителем и организатором. У обеих немецких держав оказался, по выражению Фридриха II, хороший аппетит.

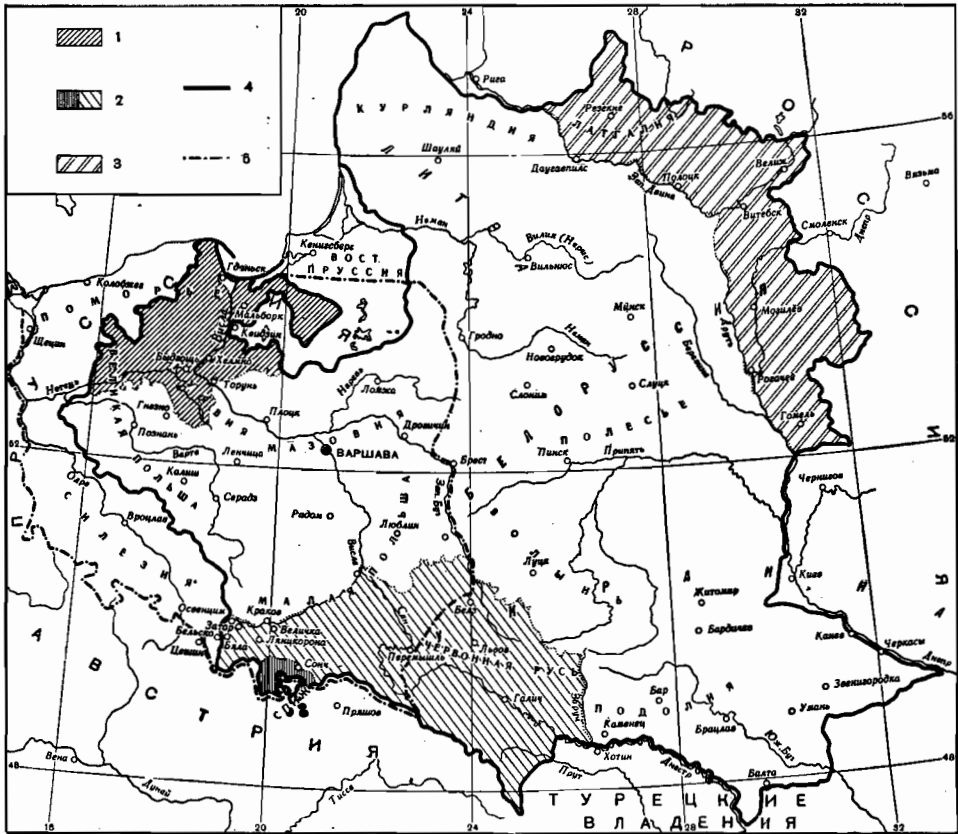
Пруссия претендовала на все польское Поморье и часть Великой Польши. Австрия потребовала себе южную часть Краковского и Сандомирского воеводств (до Вислы), Люблинское воеводство, Русское и Белзское воеводства и часть Волыни. Стремясь подкрепить свои претензии военной силой, австрийцы ввели в Польшу войска, оккупировали соляные копи Велички, продвигались ко Львову. В Величке и других пунктах произошли стычки между австрийскими и русскими войсками. Австрийское правительство настойчиво домогалось Львова, но встречало сопротивление со стороны России. Переговоры между державами — участницами раздела — привели к тому, что Россия настояла на отказе Пруссии от притязаний на Гданьск и Торунь, Австрии пришлось отказаться от Люблинского воеводства и Волыни. Однако Львов достался австрийцам.

5 августа 1772 г. в Петербурге была подписана конвенция о разделе. Конвенция состояла из трех частей, или актов: между Австрией и Россией, Россией и Пруссией, Пруссией и Австрией. Раздел объяснялся необходимостью восстановления «спокойствия и порядка во внутренних делах республики» для того, чтобы соседи Речи Посполитой могли удовлетворить свои требования «столь же древние, как и законные».

Конечно, Австрия и Пруссия, инициаторы и главные действующие лица раздела, никаких прав на польские и западноукраинские земли не имели. Фридрих II откровенно говорил: «...У России много прав поступить так с Польшей, но нельзя того же сказать о нас с Австрией». Прусским и австрийским дипломатам пришлось в срочном порядке измышлять «права» для того, чтобы включить эту «аргументацию» в соответствующие манифесты. Фридрих требовал, чтобы манифест отличался лаконичностью, которая «тем нужнее, чем труднее показать справедливые причины захвата». Прусский манифест аргументировал захват претензиями поморских князей на польские земли в XIII в., Австрия — тем, что Галицкое княжество было оккупировано в XIII столетии в течение нескольких лет венгерскими феодалами.

По первому разделу Австрия получила княжества Освенцимское и Заторское, южную часть Краковского и Сандомирского воеводств (по правому берегу Вислы), Русское воеводство (без Холмской земли) и Белзское воеводство. Большую часть захваченной территории составляли западноукраинские земли. Оккупированная территория составляла 83 тыс. км² с населением в 2650 тыс. человек. Пруссия захватила Вармию, Поморское воеводство (без Гданьска), Мальборкское и Хелминское воеводства (без Торуня), а также часть Куявии и Великой Польши по правому берегу р. Нотець — польские земли, составлявшие 36 тыс. км² с населением в 580 тыс. человек. К России отошли Латгалия и часть Восточной Белоруссии по линии рек Западная Двина — Дзурь — Днепр, всего 93 тыс. км² с населением в 1300 тыс. человек.

Пруссия получила, казалось бы, наименьшую долю добычи. Но с захватом Поморья разделенные до этого прусские земли превращались в единую территорию, охватывавшую все южное побережье Балтийского моря. Если ранее Восточная Пруссия была оторванной частью территории прусской монархии, если десятью годами ранее, во время Семилетней войны, сам Фридрих II считал ее потерянной провинцией, то теперь она превращалась в мощный, выдвинутый вперед бастион прусской агрессии на восток. С захватом польского Поморья и нижнего течения Вислы Пруссия подчиняла себе (несмотря на то, что Гданьск оставался частью Речи Посполитой) всю внешнюю торговлю Польши. Об этом писал Фридрих II своему брату: «Более всего мы выигрываем в торговом отношении; мы становимся господами над всей сельскохозяйственной продукцией

Первый раздел Речи Посполитой (1770—1772 гг.)

1 — польские земли, захваченные Пруссией; 2 — польские и украинские земли, захваченные Австрией в 1770 и 1772 гг.; 3 — русские, белорусские и латышские земли, отошедшие к России; 4 — границы Речи Посполитой перед разделом (1770 г.); 5 — современные границы Польской Народной республики

и над всем импортом Польши». Это самое господствующее положение Пруссии не замедлила использовать самым тягостным для Польши образом.

Земли, захваченные Пруссией, были коренными польскими землями. Земли, захваченные Австрией, были польскими и украинскими землями. Ни Австрия, ни Пруссия не имели на них ни малейших прав. Установление их власти было для населения этих земель установлением тяжелого национального гнета.

Соотносительно наименьшей по значению была часть территории, отошедшая к России. Раздел Речи Посполитой, как уже было сказано выше, не был в интересах царского правительства. Он был вынужденной уступкой Пруссии и Австрии, был обусловлен трудной международной обстановкой. Екатерина II не кривила душой, когда заявляла Дидро: «Если бы я могла еще отказаться от раздела, я охотно бы это сделала». Раздел Речи Посполитой был вынужденным отказом от последовательно проводившейся царским правительством политики, направленной на то, чтобы прикрывать свою западную границу слабой и находившейся под русским влиянием Речью Посполитой.

Россия не получила по первому разделу ни пяди коренной польской земли. Для присоединенных ею латвийских и белорусских земель переход под власть России имел прогрессивное значение и должен оцениваться сам по себе совершенно иначе, чем переход под власть Пруссии и Австрии польских и украинских земель.

Нужно, однако, помнить что лишь участие царизма в разделе Речи Посполитой сделало возможным для Пруссии и Австрии захват польских и украинских земель. Бессильная Речь Посполитая и ранее не могла бы оказать отпора захватчикам. Но ни инициатор раздела — Пруссия, ни Австрия не осмеливались захватывать территории, бывшие в составе Речи Посполитой, до тех пор, пока не получили на это санкции царского правительства. Царизм несет, таким образом, полную ответственность за начатый в 1772 г. раздел Польского государства, за установление для польского и части украинского народа режима тяжелого национального угнетения.

Захваты, произведенные согласно конвенции 1772 г., не удовлетворили аппетитов Пруссии и Австрии. Если новая русская граница, проведенная по рекам, не вызвала сомнений и кривотолков, то Пруссия и Австрия позаботились обозначить в трактате свои новые границы самым нечетким образом, что дало им возможность в ходе осуществления оккупации захватывать новые земли. Пруссаки «прихватили», сверх установленного трактатом, еще семь городов, 12 староств и 304 деревни на Куявии. Австрийцы, обозначив в трактате в качестве восточной границы несуществующую реку Подгорце, захватили часть Подолии до реки Збруч. Дальнейшее продвижение пруссаков и австрийцев было остановлено в результате протеста со стороны России.

Речь Посполитая оказалась полностью беззащитной перед участниками раздела. Станислав Август протестовал и обращался к европейским державам без всякой надежды на успех. Пруссии, Австрии, России оставалось только добиться «признания» раздела самой Речью Посполитой. Для этого послы держав — участниц раздела — обратились к испытанному средству: организации конфедерации. К моменту начала сейма в Варшаву были введены войска всех трех государств — участников раздела. Только немногие из депутатов-шляхтичей (Рейтан, Корсак и некоторые другие) нашли в себе мужество протестовать против раздела. 18 сентября 1773 г. полномочная сеймовая делегация приняла условия раздела, 30 сентября 1773 г. они были ратифицированы покорным сеймом.

7

СЕЙМЫ 70—80-х ГОДОВ И ИХ РЕФОРМЫ

После первого раздела Речи Посполитой, продемонстрировавшего ее полную политическую и военную слабость, стало совершенно очевидным, что Речь Посполитая не в состоянии вести независимую политику. Она неизбежно должна была превратиться в вассала одного из государств, участвовавших в разделе. Русское правительство поспешило использовать все свои возможности, чтобы сохранить Речь Посполитую под своим влиянием. Для этого нужно было укрепить союз с шляхтой. Одной из мер, имевших целью укрепить отношения с шляхтой, была гарантия русским правительством «кардинальных прав».

Исходя из этих же соображений, русское правительство не протестовало, когда сейм 1773 г. занялся пересмотром вопроса о диссидентах.

Права, предоставленные им в 1768 г., были урезаны. Диссиденты потеряли право занимать сенаторские и министерские должности. В посольской избе им было предоставлено не более трех мест.

Социально-экономическое развитие страны заставляло и новое польское правительство проводить некоторые реформы прогрессивного характера.

Одним из наиболее значительных постановлений сейма 1773—1775 гг. было решение создать «Постоянный совет» («Rada nieustająca») — первое постоянное правительство Речи Посполитой. Создание этого органа в известной степени соответствовало политическим соображениям русского правительства, стремившегося ослабить непостоянный в своих решениях сейм. Совет состоял из короля, 18 сенаторов и 18 представителей шляхетского сословия. Состав Совета на две трети обновлялся на очередной сессии сейма, где он отчитывался в своей деятельности. Совет работал в перерывах между сеймами и являлся органом исполнительной власти. Он наблюдал за исполнением постановлений сеймов, составлял законопроекты и по поручению сейма мог рассматривать их, представлял королю кандидатов на освободившиеся сенаторские и министерские посты и т. д. Совет разделялся на департаменты: военный, финансов, юстиции и иностранных дел. Согласно конституции сейма 1775 г., все правительственные учреждения обязаны были подчиняться Совету.

Сейм 1773—1775 гг. занимался вопросами торговли и промышленности, финансов и валюты. Он вынес ряд решений, касавшихся правового положения горожан. Так, в Великом княжестве Литовском мещанам было разрешено покупать земли. Еще раньше они были допущены к занятию некоторых должностей. Значительно участились также случаи нобилизации горожан (т. е. возведения их в шляхетское звание). Однако политика сеймов этого времени в отношении городов не была последовательной. Если ликвидация «юридиқ» улучшила положение горожан, то усиление власти старост в городах и частичная ликвидация самоуправления ухудшили их положение, что вызывало со стороны мещан резкий протест, литературную полемику и даже эмиграцию.

Сейм 1773—1775 гг. сформировал «Эдукационную комиссию», ведавшую вопросами просвещения. Комиссия состояла в большинстве из лиц, воспитанных в духе французского рационализма и стремившихся реформировать школу, приспособить ее к требованиям жизни. Школьные программы были освобождены от средневековой схоластики. На должность учителей назначались преимущественно светские люди. Краковская и Виленская академии были преобразованы на манер европейских университетов. Было усилено преподавание естественных и физико-математических наук. При школах организовывались ботанические сады, обсерватории, библиотеки. Комиссия развернула издательскую деятельность.

Правительство и сеймы 70—80-х годов уделяли большое внимание торговле. Наиболее значительным было постановление о введении «генеральной таможенной пошлины» с ликвидацией всяких привилегий в этой области, в том числе и шляхетских. Следует лишь указать, что, вынося решение о «генеральной пошлине», сейм руководствовался не столько интересами горожан, сколько большими затруднениями государства в области финансов. Но, независимо от побуждений шляхетского сейма, это постановление, как и постановление об уничтожении внутренних пошлин, объективно означало ликвидацию той политики, которая так пагубно влияла на город, внутренний рынок и польскую промышленность. Это постановление, несмотря на то, что многие магнаты и шляхтичи и далее оставались связанными в основном с внешним рынком, должно было ускорить поворот помещного хозяйства лицом к внутреннему рынку

и способствовать развитию национального рынка, формированию буржуазии и укреплению внутреннего единства государства.

Сеймы 70—80-х годов утвердили ряд торговых договоров и конвенций с соседними странами. По торговым договорам с Австрией, Россией и Пруссией с ввозимых товаров, при условии, что они являются отечественной продукцией, взималась небольшая пошлина. Купцам гарантировалась неприкосновенность их личности и товаров. Договор с Россией устанавливал свободную навигацию по Западной Двине. Транзитная торговля через Ригу была свободна от ввозных и вывозных пошлин. Эти статьи имели особенно большое значение для Великого княжества Литовского. Кроме того, было разрешено пользоваться Херсонским портом и завоеванным Россией по Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 г. правом свободного прохода через Дарданеллы, что было особенно важно для украинских воеводств Речи Посполитой.

Принцип «равных возможностей», который лежал в основе этих договоров, не был выгоден для польской промышленности и торговли. Ни Россия, ни Австрия не были значительными потребителями польского хлеба, сельскохозяйственного сырья или промышленных изделий. При слабости и низком организационно-техническом уровне польской промышленности эти договоры ставили ее в тяжелые условия конкуренции с более высокоразвитой промышленностью соседей. Особенно невыгодным для Польши был договор с Пруссией. По договору 1775 г. ввоз и вывоз в каждую договорную страну отечественной продукции облагались пошлиной в 2% от цены товара. Польские товары, шедшие через Пруссию в другие страны, как и товары, поступающие в Польшу через Пруссию, облагались 12-процентной пошлиной. Польские купцы, покупавшие иностранные товары в Пруссии, платили пошлины лишь 4%, но при условии, если одновременно покупалось на такую же сумму и прусских товаров.

Заботы о развитии торговли (преимущественно зерном и сельскохозяйственным сырьем), которая оставалась в руках шляхты, выразились в улучшении путей сообщения. С этой целью по решениям сеймов проводились работы в целях очистки рек и ликвидации препятствий по сплаву. В 1784 г. средствами гетмана Огиньского (т. е. руками его крепостных) было закончено строительство канала, соединившего бассейны Днепра и Немана, т. е. Балтийское и Черное моря. Стоимость работ составила 12 млн. злотых. В это же время было открыто движение и по «королевскому» Днепровско-Бугскому каналу. Шло строительство и грунтовых дорог. Так, была проложена хорошая дорога от Слонима через Пинск на Волынь. Постройкой дорог и каналов предполагалось облегчить выход продукции юго-восточных воеводств на европейские рынки.

Весьма важным и знаменательным было постановление сейма 1773—1775 гг. о том, что занятие торговлей не влечет для шляхтича потери шляхетского достоинства. Шляхта и ранее вела торговые операции через подставных лиц или через агентов, но это постановление открывало возможность бедной и средней шляхте торговать непосредственно самой, оно способствовало обуржуазиванию дворянства.

Некоторое внимание уделяли сеймы 70—80-х годов и вопросам промышленности. Было издано постановление, требовавшее, чтобы одежда слуг изготовлялась только из материалов отечественного производства. Это же распространялось и на экипировку пехоты и кавалерии. Было запрещено всем без исключения пользоваться изделиями из импортной кожи, каретами, повозками, столовым стеклом и фарфором иностранного происхождения. Шляхтичи должны были на ближайших хозяйственных

сеймиках выбрать цвет мундира своего воеводства. Эти мундиры должны были изготавливаться только из польского сукна. Составители этого сеймового постановления руководствовались желанием защитить мануфактуры страны и несколько задержать утечку за границу денег. Торговый баланс был пассивным. Речь Посполитая должна была по импорту доплачивать огромные суммы. Это постановление содействовало развитию польской промышленности, хотя эффективность его ослаблялась тем, что реализовано оно было, как это нередко случалось, лишь частично.

По решению сейма 1773—1775 гг., гродненским королевским мануфактурам разрешалось беспощинно ввозить из-за границы необходимые материалы и оборудование. Иностранцам, приглашенным на работу в промышленности, разрешалось приобретать землю, возводить постройки, открывать промышленные заведения и мануфактуры.

Практическое осуществление экономической политики сеймов проводилось скарбовыми и полицейскими комиссиями, которые в ряде случаев шли даже несколько дальше, чем предполагал сейм. Они, в частности, устанавливали повышенные пошлины на ввоз некоторых товаров, изготовлявшихся в стране, что было уже прямо протекционистским мероприятием. Экономическая политика сеймов 70—80-х годов проводилась в основном в духе меркантилизма. Но в политике правительства не было видно настойчивого осуществления широкой и четкой экономической программы. Некоторые постановления остались лишь на бумаге, а многие вследствие слабости государственного аппарата выполнялись неполно.

8

ЧЕТЫРЕХЛЕТНИЙ СЕЙМ

Развертывавшаяся в Польше борьба за ликвидацию или ограничение господствовавших феодально-крепостнических отношений и расчистку пути для развития капитализма сочеталась с борьбой за национальную независимость. Приспешдший первый раздел Речи Посполитой и реальная угроза полной ликвидации Польского государства чрезвычайно ускорили процесс созревания национального самосознания, вовлекали в политическую жизнь широкие социальные слои.

В 80—90-х годах XVIII в. в качестве активной политической силы впервые выступил польский город, «третье сословие», до того самым решительным образом отстраняемое от политической жизни. Выступление «третьего сословия» стояло в прямой связи с ростом польского города, увеличением емкости внутреннего рынка, появлением в рамках старых производственных отношений нового, капиталистического уклада. Оно обуславливалось также стремлением укрепить бессильную центральную власть, предотвратить потерю национальной независимости и дальнейшее расчленение Польши.

Правда, и политически и экономически польская буржуазия, стоявшая во главе «третьего сословия», все еще была очень слаба. Она не была в состоянии возглавить революционное движение крестьянства и городских низов против феодального строя. Выступление на политической арене польской буржуазии не повлекло за собой буржуазной революции. Однако уже самый факт активного участия «третьего сословия» в политической жизни страны был новым и знаменательным явлением.

Буржуазия стремилась согласовать свою программу с требованиями той части обуржуазивавшейся среднепоместной шляхты и магнатов, которая была сторонницей некоторых реформ государственного строя, открывавших путь для развития капиталистических отношений в стране. Буржуазия и обуржуазивавшаяся шляхта поддерживали планы усиления центральной власти, видя в централизации страны не только гарантию ее независимости и средство ликвидации феодальной анархии, но и необходимое условие дальнейшего экономического подъема Польши.

Выдвигаемые шляхетскими реформаторами проекты не предполагали ломки феодального строя. Наоборот, они стремились сохранить за шляхтой право на эксплуатацию крепостного крестьянства. В их задачу входило лишь создание некоторых, более благоприятных условий для развития в стране промышленности и торговли и ослабление классово-борьбы крестьянства и городских низов.

Шляхетские реформаторы готовы были пойти на некоторые политические уступки буржуазии, опасаясь, что самостоятельное выступление «третьего сословия», в условиях нараставшего сопротивления крестьянства, может привести к буржуазной революции в стране. Так подготавливалось создание шляхетско-буржуазного блока в Речи Посполитой.

Хозяйственный подъем второй половины XVIII в. вызвал появление большой экономической литературы. Борьба, завязавшаяся вокруг проектов реформ государственного и общественного строя Речи Посполитой, сопровождалась бурным развитием публицистики. Экономическая и политическая литература издавалась как польским дворянством, так и польской буржуазией.

Представителями так называемой «официальной» политической экономики, пользовавшейся покровительством со стороны крупных землевладельцев, связанных с интересами внешней торговли, были Антоний Поплавский и Иероним Стройновский. Рядом с этими экономистами-физиократами из помещичьего лагеря выступили на сцену Ян Себастиан Дембовский и анонимный автор брошюры «Положение о сельском хозяйстве, ремеслах и торговле», боровшиеся против традиционной враждебной городом экономической политики польской шляхты. Ян Дембовский и его единомышленники выдвигали на передний план интересы промышленности.

Важным явлением этого времени было развитие политической публицистики. Идеи прогрессивных реформ проводились в «Патриотических письмах» Выбицкого, выпущенных анонимно в 1777—1778 гг. Наиболее выдающимися публицистами этого периода были Станислав Сташиц (1755—1826), Гуго Коллонтай (1750—1812) и Францишек Езерский (1740—1791).

Перу Сташица принадлежали два крупных произведения, в которых он требовал уничтожения *liberum veto* и установления наследственной монархии, выставлял лозунг личной свободы для крестьян, создания постоянной армии и в связи с этим обложения налогами шляхты, уравнения в правах мещанства с шляхтой и т. п. Это были «Размышления о жизни Яна Замойского» (1785) и «Предостережения Польше» (1790). В последнем произведении с особой остротой было подвергнуто критике реакционное магнатство и показано, насколько губительно для Польши магнатское своеволие. Здесь же Сташиц особенно резко поставил вопрос об участии мещанства в политической жизни страны. «Делайте из шляхетской и мещанской молодежи один народ, — писал он. — Уничтожайте среди них отвращение друг к другу. Внедряйте в них взаимную любовь. Давайте им почувствовать, что если они будут держаться друг друга, то Польша делается свободной, могучей и славной». Сташиц был сторонником умеренных аграрных реформ. Он не поднимался до требования наделения

Станислав Сташиц

Гравюра А. Олещиньского

крестьян земель, но в его сочинениях были особенно ярко вскрыты язвы крепостного строя, показано невыносимое положение крепостного крестьянина.

Более радикальным, чем Сташиц, идеологом городской буржуазии был Г. Коллонтай. Он резко нападал на шляхетскую аристократию, противопоставляя ей мещанство городов, и требовал личной свободы для крестьян. Деятельность Коллонтая, о которой подробнее речь будет ниже, сыграла определяющую роль в проведении тех прогрессивных реформ, на которые оказался способен складывавшийся шляхетско-буржуазный блок.

Францишек Езерский был автором сочинения «Некоторые слова, собранные в алфавитном порядке», которое было не только памфлетом, разиющим магнатов и реакционное духовенство, но попыткой создания первой польской энциклопедии, написанной с прогрессивных позиций.

Противниками шляхетско-буржуазного блока были феодалы-крепостники, не хотевшие и слышать о каких-либо уступках «третьему сословию» и настаивавшие на сохранении барщинной системы эксплуатации крепостного крестьянства.

В соответствии с такой расстановкой социальных сил в стране главными борющимися группами в сейме оказались так называемая «патриотическая» партия и старошляхетская партия. «Патриотическая» партия отстаивала программу реформ государственного строя Речи Посполитой и выступала в блоке с поднимавшейся городской буржуазией. В рамках «патриотической» партии, наряду с умеренным крылом, возглавляемым Игнацием Потоцким, князем Адамом Казимежем Чарторыским и Станиславом Малаховским, представлявшим интересы прогрессивной части магнатов и шляхты, было левое крыло. Во главе последнего стоял Гуго Коллонтай, выражавший интересы «третьего сословия». В то время как под влиянием нараставшего в стране революционного движения народных масс левое крыло «патриотов» выдвигало все более радикальные лозунги, умеренное отходило направо.

Возглавляемая крупнейшими магнатами страны — великим коронным гетманом Ксаверием Браницким, польным гетманом Северином Жевуским и Щенным Потоцким — старошляхетская партия была решительной противницей каких бы то ни было реформ и добивалась ликвидации Постоянного совета, учрежденного конституцией 1775 г. и в какой-то мере ограничивавшего магнатское своеволие. Она рассчитывала на то, что с прекращением деятельности Постоянного совета ей удастся восстановить позиции магнатов, бесконтрольно хозяйничавших в Речи Посполитой до первого раздела. Старошляхетскую партию поддерживали широкие слои мелкопоместной крепостнической шляхты.

Помимо этих основных партий, имелась небольшая группировка, окружавшая короля Станислава Августа. В состав ее входили те представители господствующего класса, которые были тесно связаны с деятельностью Постоянного совета или просто находились на службе у русского посланника Штакельберга. В описываемое время это была правящая группа. Она добивалась усиления королевской власти и придавала большое значение делу развития торговли и промышленности в стране.

Общим в программах всех трех группировок был пункт об увеличении армии, так как каждая партия исходила из того, что только в этом случае Речь Посполитая вернет себе утраченные внешнеполитические позиции.

Каждая из трех партий, отстаивая свою программу, стремилась заручиться помощью соседних государств. Международная обстановка казалась благоприятной для польских партий, стремившихся использовать в своих целях иностранную поддержку. В августе 1787 г. Турция объявила войну России. На стороне России выступила Австрия, сблизившаяся в это время с Францией. Франция в свою очередь искала сближения с Россией. Этой группировке держав противостояла другая группировка в составе Голландии, Пруссии, Англии и Швеции. Между Швецией и Россией также начались военные действия. Пруссия была крайне раздражена перспективой территориального расширения России и Австрии за счет приобретения новых владений на Востоке. Поддерживая Англию и угрожая России и Австрии, берлинский кабинет стремился заставить их «компенсировать» Пруссию за счет Речи Посполитой. В первую очередь прусское правительство рассчитывало захватить Гданьск, Торунь и часть Великой Польши.

Тем обстоятельством, что Россия оказалась серьезно связанной войной с турками, попытались воспользоваться все три борющиеся в стране партии. В мае 1787 г. в Каневе состоялось свидание Екатерины II с королем Станиславом Августом. Король предлагал императрице союз Речи Посполитой против Турции, одновременно настаивая на некоторых изменениях конституции 1775 г. в сторону усиления королевской власти

Гуго Коллонтай

Гравюра В. Курнатовского по портрету 1790 г.

Станислав Малаховский

Гравюра В. Курнатовского по портрету 1790 г.

и на увеличении армии. Екатерина согласилась лишь с последним условием. Из этого факта партии сделали разные выводы. Партия короля и старопляхетская партия стремились еще больше сблизиться с царским правительством. «Патриотическая» же партия решилась на проведение реформ против воли царского правительства, рассчитывая на поддержку Пруссии. Ставка на союз с Пруссией, которая стремилась только к тому, чтобы принудить Россию и Австрию к уступкам за счет территории Речи Посполитой, была величайшей ошибкой дипломатов партии «патриотов». Они не поняли опасности перехода в лагерь держав — противниц России, не смогли разгадать предательского курса прусской внешней политики. Им и в голову не приходило, что антирусская политика Речи Посполитой являлась в руках Пруссии лучшим средством склонить Россию на новый раздел Речи Посполитой. Партия «патриотов» возлагала большие надежды на сейм 1788 г. Программа предлагавшихся ею

реформ была разработана идеологом «третьего сословия» Г. Коллонтаем и опубликована им в сочинении «Несколько писем анонима к Станиславу Малаховскому, референдарию коронному, о будущем сейме».

Сейм 1788 г. должен был быть ординарным сеймом. Однако было очевидно, что для принятия сколько-нибудь важных решений обычный порядок сеймовых заседаний совершенно непригоден. Поэтому «патриотическая» партия постаралась превратить сейм 1788 г. в конфедерационный, на котором все решения принимались большинством голосов. Попытки русского посланника Штакельберга воспрепятствовать созданию конфедерации на сейме не имели успеха. С пространной декларацией обратился к конфедерационному сейму прусский посланник Бухгольц. Он предостерегал сейм от союза с Россией, предлагал Речи Посполитой вступить в союз с Пруссией и не возражал против увеличения армии. Используя впечатление, произведенное выступлением Бухгольца, «патриотическая» партия, полагаясь на Пруссию, начала осуществлять свои планы.

20 октября 1788 г. сейм принял закон об увеличении армии до 100 тыс. человек. Вслед за тем началась атака на Постоянный совет, что вело к нарушению русской гарантии конституции 1775 г. Предводители «патриотической» партии не понимали положительного значения Постоянного совета, который был в Речи Посполитой первым постоянным правительством. Они видели в нем только орудие Штакельберга. Поэтому атака на Постоянный совет была прежде всего попыткой подорвать основы политического влияния правительства Екатерины II в Речи Посполитой.

Такой поворот событий вполне устраивал Пруссию, которая прилагала все усилия к тому, чтобы до крайности обострить польско-русские отношения. Чтобы поддержать воинственный пыл «патриотов», прусское правительство сосредоточило на польской границе крупные военные силы. Прусские дипломаты всячески поощряли депутатов сейма на выступление против Постоянного совета.

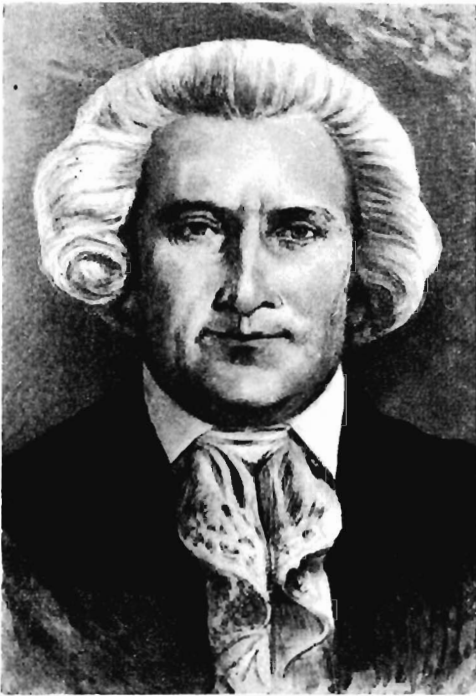
Сначала, по предложению руководителя умеренного крыла «патриотов» И. Потоцкого, сейм принял решение об упразднении военного департамента — органа Постоянного совета. Была восстановлена старая Военная комиссия в составе трех сенаторов, девяти послов сейма и пяти военных под председательством великого гетмана Кс. Браницкого. К этой комиссии, подчиненной сейму, должно было перейти дело организации сотысячной армии. Вслед за тем был ликвидирован департамент иностранных дел, и вопросы внешней политики были переданы в ведение сеймовой делегации иностранных дел в составе сеймовых маршалков, четырех печатников, трех сенаторов, шести послов и писаря литовского. Наконец, в январе 1789 г. сейм принял решение об упразднении Постоянного совета.

Эти мероприятия «патриотической» партии, направленные на подрыв политического влияния царского правительства, сопровождались ожесточенной русско-прусской дипломатической борьбой. Прусская дипломатия стремилась скомпрометировать русского посланника Штакельберга и сделать невозможным его сотрудничество с польским королем, бывшим решительным сторонником русской ориентации. В ответ на ноту Штакельберга, в которой указывалось, что решения сейма являются нарушением договоров с Россией, последовала вторая прусская декларация, в которой прусский король обязывался защищать независимость Речи Посполитой и отказывался от вмешательства в ее внутренние дела.

После второй прусской декларации сейм постановил направить в Берлин посольство для заключения союза с Пруссией. Дело клонилось к прямому переходу Речи Посполитой во враждебную России группировку держав. Чтобы восстановить шляхту против России, был использован слух о том, что вспыхнувшие в 1789 г. антифеодальные движения в украинских землях якобы были вызваны Россией. Шляхетские реформаторы, руководившие деятельностью сейма, поспешили обрушить на украинское крепостное крестьянство жестокие репрессии. На Украину были двинуты дополнительные отряды войск. Сейм принял решение арестовать и предать суду даже перяславского епископа Садковского, который

Игнаций Потоцкий
Графюра конца XVIII в.

Ян Декерт
Гравюра конца XVIII в.

обвинялся в том, что призывал православное украинское население перейти в русское подданство. С помощью жестких репрессий польским крепостникам удалось и на этот раз подавить движение в зародыше. Но страх перед крестьянской войной, в подготовке которой обвинялась Россия, еще более утвердил сеймовых послов во враждебном к ней отношении.

События 1789 г. заставили шляхетских реформаторов задуматься над перспективой возможного взрыва крестьянской войны в стране. Они торопились укрепить блок с городской буржуазией. В сентябре 1789 г. сейм решил создать особую депутацию для реформы государственного строя. Еще до того, в феврале и апреле 1789 г., были утверждены новые налоги, назначенные на содержание увеличенной армии. Была значительно увеличена кварта. На духовенство был наложен налог в размере 20% от дохода, на шляхту — 10%. Однако вскоре потребовалось введение еще новых налогов.

В 1789 г. произошло также организованное выступление мещанства. Опасаясь, что оно может развернуться в большее движение, направленное против шляхты, «патриотическая» партия поспешила взять руководство движением в свои руки. Она рассчитывала на то, что руководимое ею выступление «третьего сословия» еще более укрепит ее позиции в сейме и поведет старшляхетскую партию согласиться с проектируемыми реформами. Организатором выступления «третьего сословия» был Г. Коллонтай. Он вошел в соглашение с президентом (бургомистром) Варшавы Яном Декертом, который спесся с мещанством всех других королевских городов Речи Посполитой. В ноябре 1789 г. в Варшаву съехались представители крупной буржуазии 141 города Короны и Литвы. В Варшаве при участии Коллонтая были сформулированы требования «третьего сословия» к сейму. Среди них были требования о предоставлении мещанам права личной неприкосновенности, права приобретения земельной собственности, права занимать высшие духовные и светские должности, представительства в сейме и т. д.

Одетые во все черное, представители городов направились к королю, чтобы вручить ему требования «третьего сословия». Помимо короля, мещанская делегация посетила сеймовых маршалков. «Черная процессия» произвела сильное впечатление на заседавшую в сейме шляхту. Ее особенно напугало то, что выступление буржуазии нашло широкий отклик в городских низах Варшавы. Движение городских низов и известия о развитии революции во Франции, где вслед за штурмом Бастилии городские низы Парижа в октябре 1789 г. предприняли поход на Версаль, побудили шляхту пойти на уступки мещанству. Сейм постановил образовать депу-

тацию для рассмотрения требований мещан, которая должна была подготовить особый закон о городах с учетом предложенной их представителями программы.

Революционные события во Франции, крестьянское движение на Украине и выступление мещанства заставили сейм поторопиться и с проведением реформы государственного строя Речи Посполитой. Сейм принял подготовленные И. Потоцким «Принципы реформы правления». «Принципы» эти были составлены в крайне неопределенных выражениях и весьма мало изменяли существовавший до того порядок вещей. Наиболее серьезным был пункт об устранении от политической деятельности безземельной шляхты. Для решения всех важнейших вопросов сохранялся принцип единогласия в сейме. Большинство в три четверти требовалось при решении текущих вопросов внешней и внутренней политики. При решении экономических и финансовых вопросов достаточно было большинства в две трети голосов. Простым большинством решались только второстепенные вопросы. Весьма неясно были сформулированы в «Принципах» положения об исполнительной власти. В целом «Принципы» не предполагали создания сильной центральной власти.

Вслед за одобрением «Принципов реформы правления» сеймом было принято решение о создании в воеводствах, землях и поветах гражданско-военных административных комиссий в качестве главных органов центрального управления на местах. В комиссии входили представители шляхетского сословия, избранные на сеймиках.

Вместе с тем «патриотическая» партия развила бурную дипломатическую деятельность. Под влиянием Пруссии она все более решительно занимала открыто враждебную России позицию. Так, по требованию депутации иностранных дел царское правительство вынуждено было вывести провиантские магазины с территории Речи Посполитой и отдать приказ о том, чтобы отряды русских войск не пользовались польской территорией при передвижении на турецкий театр военных действий. Требование это имело целью затруднить русской армии борьбу с Турцией. Ту же цель преследовало запрещение вывоза продовольствия из Речи Посполитой за Днестр (продовольствие это шло на снабжение русской армии).

Тем временем Россия добилась в войне с Турцией крупных успехов. Особенно большое значение имели блестящие победы, одержанные великим русским полководцем А. В. Суворовым при Фокшанах и Рымнике. Становилось очевидным, что предоставленная самой себе Турция будет неминуемо разбита. Боясь усиления России, а также пытаясь оказать на нее давление, Фридрих Вильгельм II вступил в начале 1790 г. в союз с Турцией. Вслед за тем в марте 1790 г. был подписан польско-пруссский оборонительный союз. Стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь. Пруссия обещала выставить 14 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы, Речь Посполитая — 4 тыс. пехоты и 8 тыс. конницы. Была предусмотрена возможность увеличения размеров военной помощи до 30 тыс. человек со стороны Пруссии и 20 тыс. со стороны Речи Посполитой. Прусская помощь гарантировалась Речи Посполитой на тот случай, если Россия попытается, опираясь на свою гарантию конституции 1775 г., вмешаться в ее внутренние дела.

Между тем истекали двухгодичные полномочия сейма. Стремясь предотвратить его роспуск и обеспечить своим действиям легальную внешность, «патриотическая» партия провела через сейм решение о продлении срока полномочий сейма и конфедерации с одновременным назначением новых выборов в сейм. В дальнейшем, однако, поскольку реформы все же осуществить еще не удалось, «патриотическая» партия добилась

постановления о том, что вновь избранные на сеймиках земские послы должны принять участие в работах настоящего сейма, который, таким образом, будет заседать в двойном составе. Тем самым в распоряжении сейма оказывалось дополнительно два года.

Еще до того как произошли новые выборы в сейм, в августе 1790 г. был внесен в сейм проект новых основных законов. В этом проекте был пункт о нераздельности владений Речи Посполитой, который был немедленно принят. Вслед за тем было принято постановление о ликвидации русской гарантии 1768 и 1775 гг.

В конце 1790 г. сейм, в работе которого приняли участие вновь избранные послы, приступил к осуществлению подготовленной «патриотами» реформы государственного строя Речи Посполитой. Тем временем международная обстановка значительно изменилась. Австрия вышла из войны против Турции и заключила соглашение с Пруссией. Следовательно, отпал план возвращения Речи Посполитой Галиции, фигурировавший раньше в польско-прусских переговорах. Настоящую панику в сейме вызвало сообщение о заключении в августе 1790 г. мира между Россией и потерпевшей поражение Швецией. В мире этом видели залог близкого окончания турецкой войны, вслед за которым могло последовать вооруженное вмешательство Екатерины II в польские дела.

Еще больше заставляло торопиться с осуществлением реформ положение, сложившееся внутри страны. Влияние французской революции чувствовалось во всех частях Речи Посполитой, но особенно оно давало себя знать в столице. Здесь в сильное движение пришли городские низы, мелкая буржуазия и нарождавшаяся интеллигенция. По образцу французских политических клубов стали возникать политические организации. Развернулась публицистическая деятельность так называемой «Коллонтаевской кузницы». Ближайшими сотрудниками Коллонтая были Езерский и Дмоховский, представлявшие левое крыло «патриотической» партии. Радикальная публицистика подвергала критике не только магнатский лагерь, но и шляхетских реформаторов. Для шляхетских реформаторов возникала опасность, что руководство движением ускользнет из их рук, а само движение за реформы и национальную независимость перерастет в революционное движение, поддержанное выступлением крестьянских масс.

В марте 1791 г. в сейме был принят закон о сеймиках. Безземельная шляхта, продававшая свои голоса и сабли магнатам, была лишена избирательных прав. Тем самым политическим позициям магнатства был нанесен сильный удар; политические позиции среднепоместной шляхты были укреплены. Затем был поставлен на обсуждение закон о городах. Но еще до этого, в ноябре и декабре 1790 г., сейм начал массовую нобилитацию представителей крупной городской буржуазии и городской интеллигенции. Шляхетское достоинство получили наиболее влиятельные представители «третьего сословия» — банкиры и юристы. Нобилитация должна была скрепить союз крупной городской буржуазии с шляхетскими реформаторами, которые рассчитывали таким образом ослабить революционный подъем в городах.

В апреле 1791 г. закон о городах был принят. Мещане получили шляхетское право личной неприкосновенности, право приобретать земельные владения, занимать духовные и светские должности. Мещанам был открыт доступ к офицерским званиям. Представители «третьего сословия», жившие в королевских городах, получили представительство в сейме — в комиссии финансов, комиссии полиции и в ассессорском суде. Здесь при разбирательстве дел о городах и торговле они имели решающий голос, при раз-

USTAWA RZĄDOWA.

PRAWO UCHWALONE.

Dnia 3. Maja, Roku 1791.

w WARSZAWIE,
w Drukarni Uprzywilejowanej M. GRÖLLA.
Księgarza Nadwornego J. K. Mei.

Титульный лист первого издания конституции 3 мая 1791 г.

бирательстве остальных дел — только совещательный. Богатому мещанству этих городов были созданы благоприятные условия для нобилитации. Частновладельческие города этих прав не получили. Этим сейм рассчитывал расколоть силы мещанства на два лагеря и ослабить их.

Теперь «патриотической» партии оставалось провести через сейм свой план реформы государственного строя и утвердить проект новой конституции. Для того чтобы предотвратить противодействие консервативной оппозиции, располагавшей большим влиянием в сейме, и предупредить вмешательство городских масс в свой конфликт со старопляхетской партией, руководители «патриотов» пошли на государственный переворот. Утверждение конституции было назначено на 5 мая 1791 г., когда большинство участников оппозиции должно было отсутствовать, проводя каникулы в своих поместьях. Затем дата заседания была перенесена на 3 мая, так как план «патриотов» стал известен их противникам. Сейм, заседавший 3 мая в далеко не полном составе, находился под сильным давлением горожан, собравшихся на Замковой площади у здания, где заседал сейм. Огромная толпа народа состояла главным образом из ремесленников и мелких торговцев. В демонстрации приняли участие и представители крупной буржуазии и городской интеллигенции. Очень много горожан проникло в зал заседаний. Столь решительное выступление городских масс Варшавы решило исход дела. Конституция была принята почти единогласно. Отчаянное сопротивление решился оказать «патриотам» только сеймовый посол Сухожевский, а на следующий день лишь один сенатор и 27 послов осмелились выступить с письменным протестом.

Конституция 3 мая 1791 г. оставляла шляхте все ее права и привилегии. Права мещанства устанавливались в соответствии с апрельским законом 1791 г. Положение крестьянства не изменилось. Оно попрежнему оставалось в крепостной зависимости от магнатов и шляхты, обязано было нести в их пользу феодальную ренту. Полностью сохранялась и патриархальная юрисдикция помещиков. Шляхетские реформаторы решились только на то, чтобы поставить под охрану государства договоры, в которые могли вступать крепостники со своими крестьянами. После заключения договора помещик лишался права менять его условия, но лишались права требовать их изменения и крепостные.

Серьезные реформы проводились в государственном строе. Сейм оставался высшим законодательным органом страны. Сеймы могли быть ординарные, созываемые через каждые два года, и экстраординарные, созываемые раз в 25 лет для пересмотра конституции. В случае необходимости срочного созыва сейма собирался «готовый» сейм. В нем участвовали депутаты последнего ординарного сейма. *Libetum veto* и конфедерационные сеймы были ликвидированы. Все решения на сеймах должны были приниматься простым большинством голосов. Верхняя палата сейма — сенат — могла приостановить введение принятого посольской избой закона только на два года. Закон, вторично получивший одобрение посольской избой, входил в силу. Исполнительная власть принадлежала королю и находившемуся при нем совету — «Страже законов», состоявшему из примаса и министров полиции, военного, финансов, иностранных дел и министра — хранителя печати. Избираемость королей отменялась, сохранялась лишь избираемость династий. Наследником короля Станислава Августа был объявлен саксонский курфюрст Фридрих Август. Судебная организация сохраняла сословный характер. Особые суды сохранялись для шляхты, мещанства, крестьян.

Таково содержание конституции 3 мая 1791 г., принятой сеймом на четвертом году его работы. Устранив некоторые пороки государственного

строю Речи Посполитой и ослабив политические позиции магнатства, конституция сохранила нерушимым феодальный способ производства. Конституция создавала значительно более благоприятные, чем до тех пор, условия для развития капиталистических отношений в стране, ликвидировала царившую в ней феодальную анархию, но основная масса польского трудящегося люда — крепостное крестьянство от новой конституции ничего не получило.

Руководители Четырехлетнего сейма — шляхетские реформаторы — отнюдь не были враждебны крепостническому строю. Страх перед нарастающим движением городских и крестьянских масс прежде всего толкнул их на путь ограниченных реформ. Они руководствовались стремлением не допустить слияния в одно мощное движение разрозненных выступлений крепостного крестьянства и движения, начавшегося в городах. Ту же тактику применяли они и по отношению к «третьему сословию». Королевские города были противопоставлены частновладельческому. Верхушка буржуазии привлекалась к союзу с шляхтой и противопоставлялась остальным слоям городского населения.

Тем не менее для Польши конца XVIII в. принятие конституции 3 мая 1791 г. было выдающимся прогрессивным актом. Не случайно врагами ее оказались такие столпы реакции, как магнатство и католическая церковь, а за пределами страны — папская курия.

ТАРГОВИЦКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ. ВТОРОЙ РАЗДЕЛ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В начале 1792 г. международное положение Речи Посполитой резко ухудшилось. Еще во время принятия конституции 3 мая стало известно о намечавшихся изменениях в политическом курсе Пруссии, о попытках берлинского кабинета нащупать соглашение с правительством Екатерины II. Прусская дипломатия делала свое коварное дело. Сначала, как мы видели, ей удалось добиться того, что Речь Посполитая заняла явно враждебную позицию по отношению к России; теперь, обманув своего союзника, Пруссия шла на соглашение с царским правительством против Речи Посполитой. Все это вполне определилось в начале 1792 г., когда Россия заключила мир с побежденной Турцией.

Сближению царской России и юнкерской Пруссии способствовали их общие реакционные интересы. Царизм и берлинский двор были напуганы революционными событиями во Франции. В июле 1792 г. правительство Екатерины II прервало дипломатические отношения с Францией. На почве общего страха и ненависти к революции состоялось соглашение царской России с милитаристской Пруссией. Новый раздел Речи Посполитой должен был оплатить участие Пруссии в подавлении французской революции. Англия, которая своими интригами толкала Речь Посполитую к конфликту с Россией, в этот решительный момент предпочла остаться в стороне.

Было совершенно очевидно, что Речь Посполитая будет не в состоянии оказать серьезное сопротивление войскам Екатерины II и Фридриха Вильгельма II. Экономический и политический подъем последней трети XVIII в., наблюдавшийся в Речи Посполитой, не был настолько значительным, чтобы изменить соотношение сил между Речью Посполитой и ее соседями. Только опираясь на революционный подъем народных масс, только

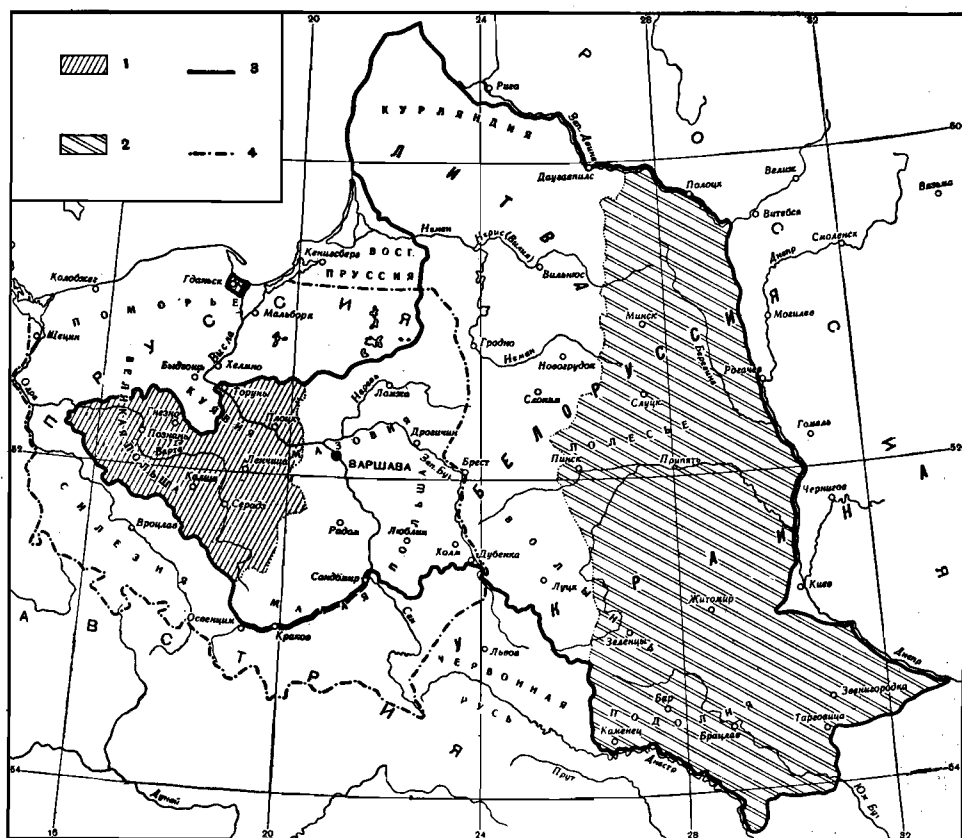
призвав к оружию крепостное крестьянство и городские массы, можно было спасти в этот момент страну от иностранного порабощения. Борьба за национальную независимость при этом неизбежно должна была перерасти в аграрную революцию, в крестьянскую войну. В Речи Посполитой не оказалось такой политической силы, которая смогла бы возглавить революционное выступление народных масс. Господствующий класс Речи Посполитой на это пойти не мог. Он боялся своего народа больше, чем иноземных войск.

Перспектива революции пугала не только русский царизм и прусских помещиков, не только открыто реакционные силы в самой Речи Посполитой, но и руководство «патриотов». Ущемленные реформами Четырехлетнего сейма, реакционные польские магнаты, объединенные в старопляхетскую партию, готовили гибель Речи Посполитой. Измена готовилась ими задолго до того, как с оружием в руках смогли выступить царская Россия и юнкерская Пруссия. Военная комиссия сейма, во главе которой стоял гетман Браницкий, сознательно саботировала дело создания сотни тысяч армии, преднамеренно снимала с границ войска и отводила их в глубь страны, чтобы открыть фронт иноземным силам. Против магнатского саботажа и измены правительство не принимало никаких мер.

Вскоре вожди старопляхетской партии смогли перейти к прямому бунту против Речи Посполитой. Уже в середине 1791 г. в Россию выехали Щенный Потоцкий и Жевуский. Впоследствии к ним присоединился Браницкий. В Петербурге при непосредственном участии Екатерины II был выработан план рокоша. В его подготовке активное участие принимала римская курия, которая действовала через своего нунция в Варшаве и агентов «конгрегации пропаганды веры», вошедших в сношения с руководителями старопляхетской партии. Конгрегация участвовала уже в составлении первоначального плана рокоша в мае 1790 г., затем представитель конгрегации совместно с Потоцким и Жевуским вел переговоры в Петербурге. В самой стране папская нунциатура развернула бурную деятельность, сплачивая лагерь противников реформ.

Вслед за перешедшими границу русскими войсками на территорию Речи Посполитой вступили петербургские заговорщики и 14 мая 1792 г. в местечке Тарговице провозгласили заранее составленный акт конфедерации, в котором говорилось, что конфедерация составляется против конституции 3 мая, во имя защиты католической религии, в защиту равенства всей шляхты и сохранения целостности границ Речи Посполитой и республиканского образа правления. 25 июня 1792 г., после того как русские войска вступили в Вильнюс, Шимоном Коссаковским была организована аналогичная Тарговицкой конфедерация в Литве.

Русским войскам не стоило большого труда сломить сопротивление слабой польской армии, тем более что магнаты и шляхта, сторонники тарговичан, сами переходили на их сторону, всеми мерами срывали оборону страны. В то время как всюду гнездилась измена, правительство не сделало ничего для того, чтобы пресечь предательские действия сторонников Тарговицы. Только со стороны городских низов Варшавы встретили они суровый отпор. Под давлением варшавских масс, демонстрировавших под окнами высокопоставленных изменников, король пошел на учреждение специального суда для разбора дел об измене. Суд этот, однако, фактически бездействовал. Только простой народ проявлял действительное стремление бороться за независимость родины. Понимали это и тарговичане, которые, судя по их манифестам, больше всего боялись выступления крестьянства.

Второй раздел Речи Посполитой (1793 г.)

1 — польские земли, захваченные Пруссией; 2 — украинские и белорусские земли, отошедшие к России; 3 — границы Речи Посполитой перед разделом; 4 — современные границы Польской Народной республики

Картину всеобщего предательства магнатов и шляхты дополнило предательство короля Станислава Августа, который присоединился к Тарговицкой конфедерации и отдал приказ армии прекратить сопротивление. С этого момента война фактически кончилась. Спасаясь от преследования, руководители «патриотической» партии эмигрировали. Варшава была занята русскими войсками. Тарговицкая конфедерация торжествовала победу. Конституция 3 мая была отменена. Вместе с нею мещанство потеряло все права, которые ему удалось получить в период Четырехлетнего сейма.

Но торжество тарговицан было кратковременным. Подготовив военный разгром Речи Посполитой, они подготовили и второй ее раздел. 13 января 1793 г. Россией и Пруссией был подписан акт второго раздела Речи Посполитой. Немедленно вслед за тем прусский посланник вручил канцлеру Малаховскому ноту с сообщением о вступлении прусских войск в пределы Речи Посполитой. Предательское нападение Пруссии вызвало только бессильный протест тарговицан.

17 июня 1793 г. в Гродно открылись заседания последнего сейма Речи Посполитой. Чтобы подавить сопротивление оппозиции и принудить сейм согласиться с разделом, русским посланником Сиверсом были применены военное давление и репрессии против депутатов. 17 августа сейм ратифи-

цировал договор о разделе с Россией. 23 сентября 1793 г., при всеобщем молчании (никто из депутатов не взял слова), было заявлено о ратификации договора с Пруссией. По второму разделу к России отошли Белоруссия и Правобережная Украина. Пруссия захватила исконные польские земли — Гданьск, Торунь и значительную часть Великой Польши.

10

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1794 г.

После второго раздела Речь Посполитая окончательно перестала быть независимым государством. Царское правительство не нуждалось больше в услугах тарговичан и считало их программу для себя негодной. Не в интересах русского правительства было, чтобы находившаяся от него в полной зависимости Речь Посполитая продолжала оставаться в состоянии феодальной анархии, являясь полем постоянных магнатских интриг. Теперь Речь Посполитая была для России не возможным противником, а послушным вассалом. Уже во время Гродненского сейма, сразу же после подписания трактата о разделе с Россией, Тарговицкая конфедерация была распущена по приказу из Петербурга. Вместе с тем была отброшена и политическая программа тарговичан.

Государственно-правовые отношения между Россией и Речью Посполитой определил русско-польский союзный трактат, подписанный в октябре 1793 г. По условиям трактата, в случае нападения на одну из сторон другая должна была прийти ей на помощь всеми своими силами. При этом командование соединенными военными силами оставлялось за той стороной, которая выставит больше войска. Практически это означало, что польские войска будут подчинены русскому военному командованию. Трактат запрещал Речи Посполитой вступать в союзы, заключать договоры помимо России. Русское дворянство и польская шляхта должны были пользоваться равными правами в обоих государствах. Трактат предусматривал, что Россия гарантирует будущую польскую конституцию.

Новая конституция была принята без обсуждения на последнем заседании Гродненского сейма 23 ноября 1793 г. Эта конституция находилась в противоречии с программой Тарговицкой конфедераций. В значительной степени она повторяла конституцию 1775 г. с внесением в нее ряда положений из конституции 3 мая 1791 г. Основные статьи конституции 1793 г. были следующие: 1) восстанавливался Постоянный совет; 2) восстанавливалась избираемость польских королей; 3) высшим законодательным органом страны оставался сейм, который должен был созываться каждые четыре года; 4) решения в сейме принимались большинством голосов (важнейшие вопросы требовали большинства в две трети, остальные решались простым большинством); 5) королю предоставлялось право veto на сеймовые решения, касающиеся кардинальных прав — основных законов; 6) безземельная шляхта лишалась политических прав; 7) мещанству предоставлялось право личной неприкосновенности.

Отвергая программу Тарговицкой конфедерации, царское правительство не просто реставрировало положение, которое было в 1775 г., а избрало другой путь. Компромиссный характер конституции 1793 г., учитывавшей в известной мере программные требования «патриотов» и шедшей на некоторые уступки мещанству, не был случайным явлением. Тарговицкая реакционная программа не устраивала правительство Екатерины II, видевшее в ней путь к феодальной анархии, которая должна была привести к

резкому обострению классовой борьбы в стране и вызвать подъем революционного национально-освободительного движения. Столь же неудовлетворительной представлялась царскому правительству и конституция 1775 г. Поэтому правительство Екатерины II попыталось достичь компромисса с прогрессивно настроенной среднепоместной шляхтой и верхушкой «третьего сословия». Пойдя им на некоторые уступки, оно рассчитывало обезглавить революционное движение народных масс, предотвратить перерастание классового сопротивления крепостного крестьянства и городских низов в открытое вооруженное восстание. Те же цели преследовало и проведенное на Гродненском сейме уменьшение численности польской армии до 15 тыс. человек.

Однако ослабить национально-революционный подъем в Речи Посполитой правительству Екатерины II и ее польским сторонникам не удалось.

Еще в период Четырехлетнего сейма начались широкие выступления народных масс, подталкиваемых на активную борьбу не только возросшей нуждой, но всей обстановкой кризиса и самими «верхами». Царским войскам и тарговицанам удалось только временно подавить движение масс, а не уничтожить его. С самого начала тарговицане больше всего боялись восстания крепостного крестьянства и принимали все меры к тому, чтобы подавить его в самом зародыше. Все же в ряде мест произошли крестьянские выступления. Так, например, восстали крестьяне во владениях епископа Массальского в Паланге. Крестьянское восстание вспыхнуло против старосты Мануцци на Брацлавщине. В обоих случаях они были направлены прямо против лиц, тесно связанных с Тарговицей. Аналогичные выступления крестьян можно отметить в районах Пинска, Любовни и Дисны. Не менее напряженной была атмосфера в городах. Здесь наиболее последовательными противниками тарговицан были городские низы. В Варшаве известие о присоединении короля к Тарговицкой конфедерации привело к столь активным выступлениям масс, что правительство вынуждено было ввести осадное положение, а наступавшие русские войска начали блокаду столицы, стремясь прекратить подвоз в нее продовольствия. После победы тарговицан положение здесь продолжало оставаться крайне напряженным. Особенно резко ухудшение материальных условий существования чувствовалось именно в столице, куда зимой 1793/94 г., под влиянием военной разрухи, стеклось от 30 до 40 тыс. крестьян; горожан и деклассированной шляхты, не имевших хлеба и заработка. В Варшаве продолжали функционировать тайные революционные клубы. Их участниками были не столько шляхетские реформаторы, сколько лица «мало или ничего не имеющие», следовательно, городская беднота, ремесленники, мелкая буржуазия.

В то время как высшее духовенство переходило в лагерь тарговицан и всеми способами оказывало помощь оккупационным войскам, а папа римский благословил Тарговицу и выразил пожелание, чтобы победа ее привела к «спокойствию и счастью Речи Посполитой», известная часть низшего духовенства была настроена резко враждебно по отношению к изменникам и разделяла патристические чувства народа.

Крепостное крестьянство, городская беднота, ремесленники, мелкая буржуазия, городская интеллигенция — таковы были движущие силы начинавшегося в стране национально-освободительного движения. Борьбу за свободу и независимость родины массы не отделяли в своих мыслях от борьбы за социальное освобождение. После Гродненского сейма в стране прибавился еще один революционный элемент — увольняемые военные.

Подготовка восстания осуществлялась как находившимися в стране представителями шляхетско-буржуазного блока, так и эмигрировавшими

в Дрезден руководителями «патриотов». В Варшаве во главе тайной организации стояли генерал Игнаций Дзялыньский, банкир Анджей Капостас, Ян Чиж и Юзеф Павликовский, в Литве ее возглавляли литовский обозный Кароль Прозор, посол Четырехлетнего сейма Константин Ельский и др. Участвовавшие в этой тайной организации руководители шляхетско-буржуазного блока, стремясь придать восстанию исключительно национально-освободительный характер, основную ставку делали на польскую армию. В их планы входило привлечь на свою сторону прежде всего ликвидируемые по решению Гродненского сейма военные части.

Противоречия внутри «патриотической» партии, отчетливо проявившиеся еще в период Четырехлетнего сейма, резко обострились в период подготовки и в ходе восстания 1794 г. Умеренное большинство «патриотов» все более определенно поворачивало направо. Его пугала революционная активность масс, его отталкивали успехи буржуазной революции во Франции. В то же время для радикального крыла становилось все более очевидным, что успех восстания возможен только при условии участия в нем народных масс. Его не удовлетворяли лозунги борьбы только за одну национальную самостоятельность. Готовя восстание, радикалы провозглашали лозунг французской революции: «Свобода, равенство и братство». В то время как отношение руководителя умеренных И. Потоцкого к событиям во Франции становилось все более отрицательным, руководитель радикального крыла Г. Коллонтай приветствовал успехи революционной Франции. «Это — война народа, — писал он, следя за кампанией 1792 и 1793 гг. — Ее огонь уже перекинулся в Италию и Германию. Всюду они (французы. — *Ред.*) найдут народ, подобный себе, язык свободы очень близок сердцу людскому, его поймут в каждой стране». «... Дело идет к всеобщей войне народа против господ и всеобщему союзу господ против народа», — говорил он и призывал поляков учиться на французском примере. Однако радикальное крыло движения было еще слишком слабым и не противопоставляло себя прямо умеренному. Коллонтай продолжал сотрудничать с шляхетскими реформаторами.

Идеологической подготовке восстания должна была служить написанная Г. Коллонтаем и И. Потоцким и изданная в Лейпциге книга «Об установлении и падении польской конституции 3 мая 1791 г.». В ней содержалась резкая критика тарговицких конфедератов, разоблачался их заговор против Речи Посполитой и формулировались обвинения против держав — участниц раздела.

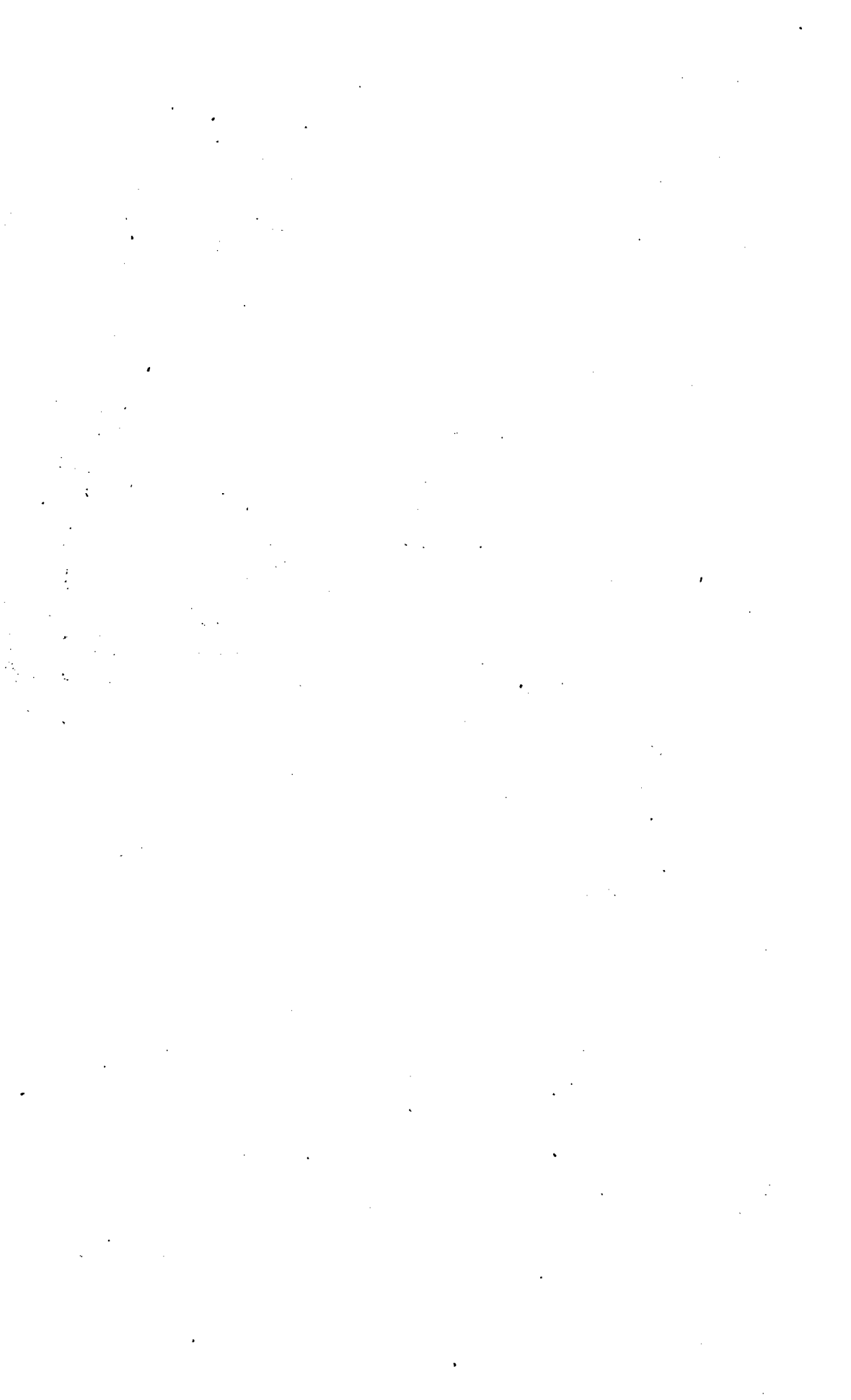
Одновременно эмиграция попыталась связать свои действия с внешней политикой революционной Франции. Для переговоров с революционным правительством Франции был назначен Тадеуш Костюшко.

Выдающийся деятель польского национально-освободительного движения, Тадеуш Костюшко родился 4 февраля 1746 г. в Западной Белоруссии в среднепоместной шляхетской семье. Образование Костюшко получил в кадетском корпусе и как один из лучших его выпускников был направлен в 1770 г. во Францию. Четыре года, проведенные во Франции, сыграли значительную роль в формировании мировоззрения молодого польского офицера: он широко ознакомился с прогрессивными теориями французских материалистов.

Возвратившись на родину, Костюшко не скрывал своих свободолюбивых взглядов, своего возмущения антинациональной политикой продажных магнатов, приведшей к захвату коренных польских земель Пруссией и Австрией при содействии и покровительстве царской России. В результате один из наиболее образованных и способных офицеров в Польше был принужден искать заработка как домашний учитель. В 1776 г. Костюшко отправился

Тадеуш Костюшко
Гравюра А. Оленинского

за океан, чтобы принять участие в освободительной борьбе американских колоний против Англии.

Семь лет сражался Костюшко в рядах американской армии. Его военному таланту были обязаны неопытные американские повстанческие отряды одной из своих первых и важнейших побед — в битве при Саратоге в 1777 г. Войну за независимость США Костюшко закончил как генерал и завоевавший широкую известность полководец. Убежденный республиканец, сторонник демократического строя, Костюшко активно помогал рождению молодой буржуазной республики. В то же время Костюшко осуждал многое в общественном строе США. Демократ и гуманист, стоявший неизмеримо выше «отцов американской демократии», Костюшко отдал все свое имущество в США — награду за многолетние военные труды — на дело освобождения негров-невольников.

В 1784 г. Костюшко вернулся на родину. Реакционные правители Речи Посполитой боялись его демократических убеждений. Поэтому только в конце 1789 г., когда Четырехлетний сейм приступил к реорганизации и увеличению армии, Костюшко смог получить в ней командную должность в чине генерал-майора. В 1792 г. Костюшко в боях под Зеленцами и Дубенкой давал решительный отпор реакционным конфедератам и поддерживавшим их царским войскам. Сразу после капитуляции правительства Костюшко подал в отставку и выехал за границу, где стал одним из главных лидеров польских патриотических сил, готовившихся к борьбе за независимость родины.

Конституция 3 мая, сохранявшая сословное неравенство и крепостную зависимость крестьянства, отнюдь не была политическим идеалом Тадеуша Костюшки, который не скрывал своего возмущения крепостным правом. Костюшко с глубоким интересом и живым сочувствием следил за развертывавшейся во Франции буржуазной революцией, одобрял свержение монархии и решительное уничтожение феодальных институтов. В республиканской, якобинской Франции Костюшко видел возможного союзника польского освободительного движения.

Надежды Костюшки на помощь Франции польскому национально-освободительному движению не оправдались. В Париже лишь подталкивали Костюшку на организацию восстания, говорили о том, что Турция и Швеция поддержат Речь Посполитую, обещали дать помощь, но практически никакой поддержки польскому делу оказано не было.

Переговоры Костюшки в Париже не дали практических результатов, но они представляют выдающийся интерес для оценки социально-политических взглядов героического борца за независимость Польши. В мемориале, составленном Костюшкой для министра иностранных дел Франции, была дана программа революционного переустройства Польши на республиканских антифеодальных демократических основах, программа, превосходящая по своему прогрессивному значению программу «Коллонтаевской кузницы». Костюшко решительно заявлял одному из своих ближайших сподвижников, Юзефу Павликовскому: «Я не буду биться за одну только шляхту, я хочу свободы всей нации и только за нее буду жертвовать своей жизнью».

Когда Костюшко вернулся в Саксонию, руководителя тайной организации предложили ему возглавить восстание. Однако, прибыв осенью 1793 г. в окрестности Кракова, он убедился в том, что восстание еще плохо подготовлено, и настоял на его отсрочке.

В начале 1794 г. командованию русских оккупационных войск удалось раскрыть тайную организацию «патриотов». Начались массовые аресты в Варшаве и Вильнюсе. Был арестован один из главных

руководителей тайной организации в стране, генерал Дзялыньский. Приняты были энергичные меры к тому, чтобы быстрее расформировать подлежащие ликвидации части польской армии. При таких условиях Костюшко согласовав с руководителями «патриотов» свои планы, направился в Краковское воеводство.

Сигналом к восстанию послужило выступление бригады генерала Мадалиньского, участника тайной организации «патриотов». В ответ на выступление бригады Мадалиньского русский посланник Игельстром начал концентрацию русских войск. Отдельные их отряды, разбросанные по разным городам юга Речи Посполитой, должны были соединиться в Радоме. После ухода русского гарнизона в Краков явился Костюшко. 24 марта 1794 г. польский гарнизон города под командой генерала Ю. Водзицкого принес присягу Костюшке как главному начальнику. Вслед за тем в Краковской ратуше был провозглашен «Акт восстания граждан, жителей воеводства Краковского». Манифест призывал поляков к борьбе за независимость.

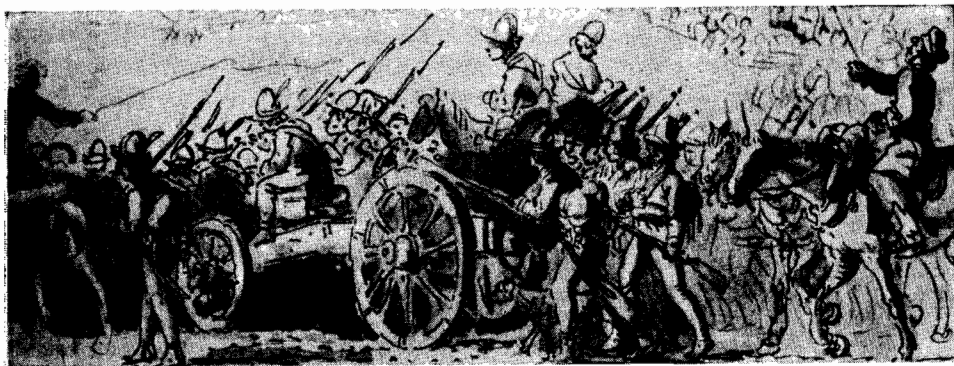
Осудив политику держав-захватчиков и заклеймив именем предателей участников Тарговицкой конфедерации, «Акт восстания» объявлял о том, что жители Краковского воеводства объединили свои силы для того, чтобы изгнать из пределов Речи Посполитой иностранные войска, восстановить ее прежние границы, ликвидировать тиранию иноземцев и предателей. Главным начальником восстания был объявлен Костюшко. При нем создавался Главный национальный совет. Члены Совета назначались начальником восстания. В функции Совета входило заведовать финансами, организовывать набор рекрут, производить закупку оружия, вести иностранные сношения. Для проведения в жизнь указаний начальника восстания и Главного национального совета была создана Исполнительная комиссия Краковского воеводства. Разбором дел об измене должен был заниматься специальный уголовный суд, члены которого назначались Главным национальным советом. В тот же день, 24 марта, Костюшко издал манифесты, обращенные к войску, населению, духовенству и отдельно к женщинам.

Костюшко попытался дипломатическим путем обеспечить нейтралитет Австрии. В этих целях, еще находясь в Кракове, он вступил в сношения с Вебером, «комендантом пограничных областей его императорского величества», и обещал ему, что повстанцы будут «свято уважать» австрийские границы.

Как это следует из «Акта восстания», руководство восстанием стремилось возвратить Речи Посполитой украинские и белорусские земли, воссоединившиеся с Россией. В этом отношении политика шляхетско-буржуазного блока продолжала политику магнатов и шляхты Речи Посполитой до разделов и вредила интересам освободительной борьбы польского народа.

1 апреля 1794 г. Костюшко выступил из Кракова и соединился с отрядом Мадалиньского. Затем к его армии присоединился отряд крестьян Краковского воеводства, вооруженных пиками и косами.

4 апреля произошло первое крупное сражение между повстанческой армией и русскими войсками, которыми командовал генерал Денисов. Столкновение при Рацлавицах кончилось победой повстанцев. Особенно отличились в сражении краковские крестьяне, которых Костюшко бросил в атаку на русские батареи. Крестьянин Войцех Бартош, шапкой погасивший фитиль у пушки, был произведен Костюшкой после боя в хорунжие. Костюшко назвал его Войцехом Гловацким. Рацлавицкая победа сыграла крупную роль в дальнейшем ходе событий. После нее восстание

После победы под Рацлавицами

Рисунок П. Норблина

распространилось на Сандомирское и Люблинское воеводства и Холмскую землю.

В ночь с 17 на 18 апреля в Варшаве восстали городские массы, что придало событиям 1794 г. исключительное значение в истории Польши. Русский посол Игельстром располагал в Варшаве большим русским гарнизоном. Вблизи Варшавы был расположен прусский отряд, насчитывавший свыше полутора тысяч человек. Кроме того, в городе находился трехтысячный польский гарнизон. Польские офицеры участвовали в тайной организации «патриотов», подготавливавшей восстание. Однако соотношение военных сил в столице было таково, что выступление польского гарнизона не имело шансов на успех. Победу решило выступление варшавских городских низов.

Организаторами восстания в Варшаве были мастер сапожного цеха Ян Килинский и радикально настроенный ксендз Юзеф Мейер. Главной движущей силой восстания являлись городская беднота и многочисленные ремесленники. Игельстром, получивший сведения о готовившемся восстании, задумал предупредить его захватом арсенала и нападением на польский гарнизон столицы. Как только об этом стало известно, Варшава восстала. Против русского гарнизона одновременно выступили польский гарнизон и население столицы. Участие в борьбе городской бедноты и ремесленников исключало для русской армии возможность организации правильной обороны. Разрозненные отряды гарнизона легко изолировались друг от друга, подвергались нападению и уничтожались. Одновременно с выступлением против русского гарнизона варшавское мещанство предприняло экстренные меры против находившихся в Варшаве царских сановников и изменников, сотрудничавших с оккупационными войсками. Квартиры их подверглись нападению, сами они были арестованы.

Под давлением восставших разгромленный русский гарнизон должен был прекратить организованное сопротивление и укрылся в здании царского посольства, а также в большом здании на площади Красинских. На следующий день, 18 апреля, он вынужден был капитулировать.

19 апреля был объявлен акт Мазовецкого воеводства о его присоединении к восстанию под руководством Костюшки.

Победой варшавских городских масс, поднявшихся на борьбу не только за национальное освобождение, но и за «свободу, равенство и братство», поспешил воспользоваться шляхетско-буржуазный блок, чтобы

Восстание в Варшаве 17—18 апреля 1794 г.

Рисунок П. Норблина

захватить власть в столице и овладеть движением. Комендантом Варшавы был назначен генерал Ст. Мокроновский. Одновременно был учрежден Временный замещающий совет, состоявший из отделов: военного, финансов и иностранных дел. Во главе Совета стал президент Варшавы, участник Четырехлетнего сейма Закшевский. Тогда же были созданы Исполнительная комиссия Мазовецкого княжества и уголовный суд.

Через несколько дней, в ночь с 22 на 23 апреля, произошло восстание в Вильнюсе. Здесь во главе восстания стал полковник Якуб Ясиньский, человек радикальных взглядов и сторонник якобинской системы террора против изменников; провозглашавший борьбу за всеобщее равенство. Под давлением восставших горожан и местного польского гарнизона небольшой русский гарнизон под командой генерала Арсеньева вынужден был капитулировать. Вслед за тем особым актом было объявлено о присоединении Великого княжества к восстанию под начальством Костюшки. Власть перешла к Главному временному замещающему совету Великого княжества Литовского. Депутация общественной безопасности и уголовный суд должны были принять решительные меры против шпионов и изменников. Первым был отдан под суд великий гетман литовский Ш. Коссаковский, один из руководящих деятелей Тарговицкой конфедерации. По приговору уголовного суда 25 апреля он был казнен.

В то время как в Вильнюсе Якуб Ясиньский принимал столь энергичные меры против магнатов и шляхты, в Варшаве овладевший властью шляхетско-буржуазный блок делал все для того, чтобы отстранить от участия в событиях революционные городские массы и превратить восстание в регулярную польско-русскую войну. Особое возмущение масс вызывал тот факт, что власти не думали пресечь действия изменников,

наказать предателей, арестованных населением в ночь с 17 на 18 апреля.

В ночь с 8 на 9 мая городские массы вышли на улицу. Движением городской бедноты и ремесленников руководили лидеры основанного 19 апреля в Варшаве «Якобинского клуба» Ю. Мейер и бывший секретарь Коллонтая Казимеж Конопка, распространявшие в народе лозунги французской буржуазной революции. В Старом городе на рынке и в Краковском предместье были сооружены виселицы с надписью: «Кара изменникам родины». Днем 9 мая многочисленные толпы окружили ратушу, где заседал Временный замещающий совет, и потребовали казни изменников. Только под угрозой вооруженного восстания городских масс Совет согласился покарать предателей и предписал уголовному суду принять соответствующий декрет. Были казнены четыре руководящих деятеля свергнутого восстанием 1794 г. режима: великий гетман коронный Ожаровский, гетман польный литовский Забелла, епископ Коссаковский и маршалок Постоянного совета Анквич.

В то время как варшавские власти стремились подавить революционную активность городских масс, польские магнаты и шляхта всеми мерами срывали участие в восстании крестьянства. Они не только запрещали своим крепостным присоединяться к отрядам повстанцев, но и являлись в повстанческие лагеря, требуя возвращения крестьян, ушедших под знамена Костюшки. Они больше всего боялись, что восстание перерастет в аграрную революцию, которая сметет феодальный строй в Речи Посполитой.

Между тем от того, насколько активное участие примет в восстании крепостное крестьянство, зависела судьба восстания 1794 г. Этого не мог не понимать Костюшко, провозгласивший особым универсалом сбор посполитого рушения и планировавший создание 300-тысячной армии. Для него было очевидно, что создание такой армии возможно только при том условии, если в армию вольются многочисленные отряды крепостного крестьянства. В этих целях Исполнительная комиссия Краковского воеводства 28 марта призвала шляхту содействовать добровольному присоединению крестьян к восстанию. После победы под Рацлавицами комиссия еще раз обратилась к шляхте, убеждая ее не требовать барщины с крестьян, участвующих в восстании. Костюшко призвал шляхту освободить от барщины и других повинностей крестьян — участников восстания — и на время восстания смягчить повинности их семейств. Крестьяне брались под опеку правительства и получали право обращаться с жалобами

Ян Килиньский

Литография А. Олещинского

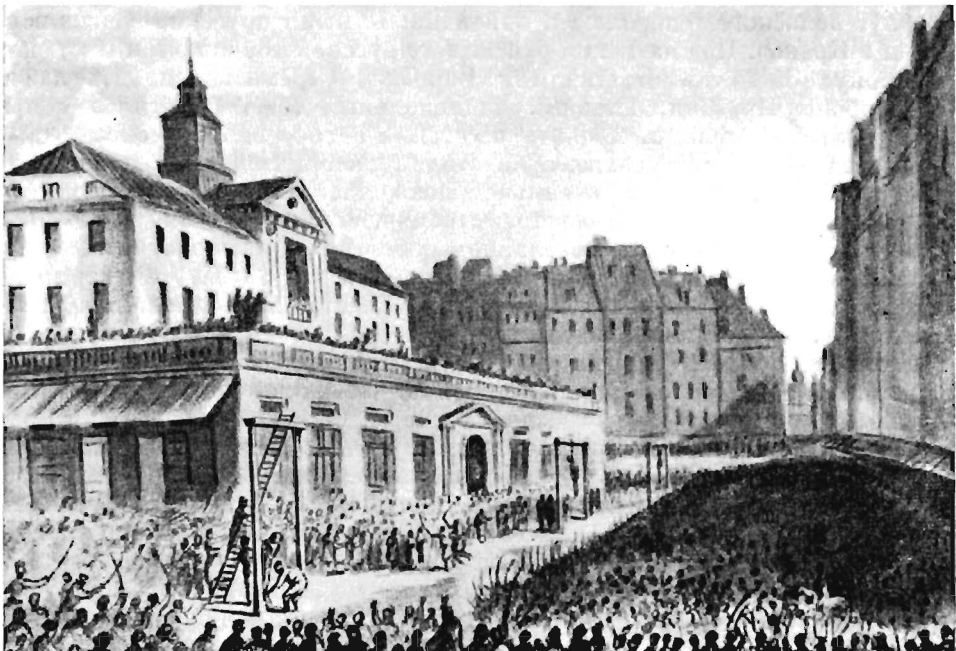
Якуб Ясиньский
Литография В. Слявницкого

на помещиков в исполнительные комиссии. Позже, 8 мая, Костюшко объявил об освобождении от всяких повинностей сельских гмин на то время, пока они принимают участие в военных действиях.

7 мая Костюшко издал Поланецкий универсал. В подготовке его активное участие принимал Г. Коллонтай. В параграфе 1-м универсала объявлялось, что крестьяне берутся правительством под опеку. Параграфом 2-м крепостным крестьянам предоставлялась личная свобода. Однако крепостной мог уйти от своего помещика только после того, как полностью рассчитается с ним и внесет налоги государству. На время восстания размеры барщины сокращались с 5—6 дней в неделю до 3—4, с 2—4—до 1—3, с одного дня в неделю—до одного дня в две недели (§ 3). На все время восстания для крестьян, участвовавших

в нем, отменялась барщина, а хозяйства их поручались заботам и попечению помещиков и гмин (§ 4—5). За крестьянами признавалось наследственное право на обрабатываемую ими землю. Помещик имел право лишить крестьянина земли только в том случае, если последний не будет выполнять своих повинностей (§ 6). Особыми (7 и 8-м) параграфами Костюшко предупреждал о том, что нарушение постановлений универсала будет преследоваться судом и караться. Параграф 9-й призывал крестьян аккуратно исполнять свои повинности. «...Крестьяне не должны отказываться от необходимых (помещичьим.—*Ред.*) дворам наймов за соответствующую плату». Параграфами 10 и 11-м учреждались специальные органы по наблюдению за проведением в жизнь постановлений универсала. Параграф 12-й предусматривал преследование и наказание тех лиц (Костюшко называл их «гультаями» и «бродягами»), которые будут склонять крестьян к «бунту» против своих помещиков, подстрекать их к невыполнению повинностей. Духовенству поручалось постоянное наблюдение за крестьянством. Оно должно было привлекать крестьян к участию в обороне страны и убеждать его в том, что «выполняя свои повинности по отношению к (помещичьим.—*Ред.*) дворам, особенно столь облегченные настоящим постановлением повинности, оно только исполняет свой долг перед владельцами, от которых оно получило землю» (§ 13). Последний, 14-й параграф содержал распоряжения относительно ознакомления с универсалом крестьянства.

Личное освобождение от крепостной зависимости и некоторое уменьшение феодальных повинностей — вот что обещал Поланецкий уни-

Казнь изменников 28 июня 1794 г. в Варшаве

Рисунок П. Норблина

версал крепостному крестьянству. Он не создавал необходимых условий для массового участия крестьян в восстании. Тем не менее Поланецкий универсал был несомненным шагом вперед по сравнению с конституцией 3 мая. В этом сказалось возросшее значение радикального крыла «патриотов».

Для дальнейшего хода событий большое значение имел тот факт, что даже те немногие уступки крестьянству, которые предлагал Поланецкий универсал, остались на бумаге. Шляхта всеми мерами саботировала его постановления. Она добилась того, что крестьянство отошло от движения. Решительно боролся со всеми попытками провести Поланецкий универсал в жизнь католический клир. Отход крестьянства от участия в восстании в Короне и Литве, где крестьяне первоначально также с энтузиазмом включились в борьбу, предопределило неудачу восстания 1794 г.

Враждебно к проектам вовлечения крестьянских и городских масс в восстание относился и центральный правительственный орган — Главный национальный совет.

Согласно универсалу Костюшки от 10 мая, Главный национальный совет состоял из восьми советников и 32 их заместителей. В него входили восемь отделов: порядка, безопасности, правосудия, продовольствия, финансов, иностранных дел, военных дел и инструкций. Для Литвы был учрежден аналогичный орган под названием Центральной депутации Великого княжества Литовского.

Между тем события приобретали крайне опасный для судьбы восстания оборот. Под Щекоцинами наступавшие части польской армии потерпели поражение. Вслед за тем при Холме генерал Дерфельден разбил

корпус польского генерала Ю. Зайончка. 15 июня прусские войска вступили в Краков. Под натиском русских и прусских войск армия Костюшки и корпус Зайончка отступали к Варшаве. Стремясь ослабить нажим со стороны Пруссии, Главный национальный совет обратился с призывом к великополянам поднять восстание и сбросить прусское иго.

Перед лицом наступавшего на столицу неприятеля городские массы Варшавы вновь пришли в сильное движение. Их возмущала политика Главного национального совета, стремившегося подавить революционный подъем в столице, нежелание Совета принимать энергичные меры против измены, гнездившейся в Варшаве. Прямой агентурой царских и прусских властей являлась нунциатура. Ее агенты собирали шпионские сведения и подготавливали диверсионные акты, направленные против восстания. Вождем варшавских низов, выступивших против Главного национального совета, был К. Конопка. 28 июня, когда полицейские органы разрушили вновь воздвигнутые в Варшаве виселицы и Совет отказался от наказания предателей, дело дошло до вооруженного столкновения между властями и варшавским мещанством. Народные массы сами расправились с ненавистными предателями и шпионами. Их выволокли из тюрем и повесили. Среди повешенных были князь А. Четвертинский и виленский епископ Массальский.

В ответ на выступление народных масс последовали правительственные репрессии. В городе были произведены многочисленные аресты. Несколько участников движения были казнены. Репрессии обрушились и на вождей движения. Конопка и Мейер были преданы суду. Мейеру была, правда, возвращена свобода, но Конопка был приговорен к изгнанию из страны. Более суровый приговор ему вынести не решились, опасаясь, что это может привести к новому проявлению народного гнева.

13 июля к Варшаве подошли прусские войска и части русской армии под командой генерала Ферзена. В то время как население столицы героически обороняло родной город, в Варшаве готовилась измена. Стало известно, что брат короля примас Михал Понятовский направил пруссакам письмо с просьбой ускорить штурм и с указанием наиболее уязвимых для нападения мест. Письмо примаса было перехвачено. Весть об измене королевского брата в мгновение ока облетела Варшаву. Руководимые радикальными элементами массы вновь вышли на улицу и, собравшись у дворца примаса, потребовали наказания изменников. Раздавались голоса, обвинявшие в измене и самого короля. Спасаясь от виселицы, примас покончил жизнь самоубийством.

В сентябре русские и прусские войска вынуждены были снять осаду. Умелые действия Костюшки, героическое поведение защитников города, его населения, наконец, успехи поляков в Великой Польше спасли на этот раз столицу. Но победа под Варшавой лишь отсрочила гибель восстания.

11 августа русские войска взяли Вильнюс. 19 сентября А. В. Суворов нанес поражение корпусу Сераковского. При Мацеёвицах 10 октября корпус генерала Ферзена нанес поражение войскам Костюшки. Раненый вождь восстания попал в плен. 4 ноября Суворов овладел Прагой. Вслед за тем капитулировала Варшава.

Поражение восстания 1794 г. было неизбежным следствием отхода от него широких масс крепостного крестьянства. Шляхетско-буржуазный блок, руководивший восстанием, стремился всеми средствами подавить революционный порыв крепостного крестьянства и городских низов. В результате соединенным силам России и Пруссии, к которым примкнула Австрия, оккупировавшая Сандомирское воеводство, Костюшк

мог противопоставить только небольшие силы регулярных польских войск и отряды мелкой шляхты, составлявшей основную массу его армии.

Костюшко не сумел воплотить в жизнь свою республиканскую, демократическую программу. Это было в известной мере следствием его нерешительности, но в гораздо большей степени зависело от соотношения классовых и политических сил в восстании 1794 г.

Господство консервативной шляхты и ее подрывная деятельность, свертывание социальной программы восстания, превосходство сил врагов восстания — царской России, Пруссии и Австрии — определили поражение восстания 1794 г. Это поражение не могло быть предотвращено, несмотря на проявленный Костюшкой в руководстве восстанием военный талант, несмотря на ряд частных успехов восстания.

Говоря о причинах падения Речи Посполитой, Маркс писал: «...Только демократическая Польша могла быть независимой... польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»¹. Величайшей трагедией для польского народа было то, что в 1794 г. в Польше не оказалось политической силы, которая в тот момент могла бы возглавить борьбу трудящихся масс за свое национальное освобождение, против феодального строя.

Восстание под руководством Т. Костюшки было подавлено. Оно не переросло в аграрную революцию, способную смести феодальный строй. Тем не менее значение восстания 1794 г. огромно. Это восстание было началом национально-освободительного движения первой половины XIX в., которое является одной из самых ярких страниц в истории польского народа. Именно от восстания 1794 г., от вождя восстания Т. Костюшки и руководителей радикального крыла восстания Г. Коллонтая, Ю. Мейера, К. Конопки, Я. Ясиньского идет та традиция национально-освободительной борьбы, которая вдохновляла польских революционных деятелей следующих поколений.

Не меньшее значение восстание 1794 г. имело и в развитии современных ему событий в Европе. В 1794 г. восставшая Польша отвлекла на себя все силы Пруссии. С весны 1794 г. Пруссия фактически не принимала участия в борьбе против революционной Франции. Вместе с тем восставшая Польша приковала к себе известную часть военных сил Австрии и затормозила подготовку русского царизма к интервенции против французской революции. «Грабеж в Польше, — указывал Энгельс, — отвлек силы коалиции 1792—1794 гг. и ослабил силу ее напора против Франции, дав последней время окрепнуть настолько, что она совершенно самостоятельно одержала победу. Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию...»²

11

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Подавление восстания 1794 г. привело к полной ликвидации Речи Посполитой.

Серьезные противоречия разделяли лагерь оккупировавших территорию Речи Посполитой держав. Россия и Австрия не хотели допустить

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 263.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 16.

усиления Пруссии, стремившейся захватить почти все польские земли. Непосредственно предметом спора стал Краков. Австрийские претензии на Краков были поддержаны Россией. Договор о разделе Речи Посполитой между Австрией и Россией был подписан 3 января 1795 г. Перед лицом объединившихся России и Австрии хищная Пруссия вынуждена была отступить. После длительного торга она, наконец, 24 октября 1795 г. подписала договор о разделе.

И по третьему разделу Россия не захватила ничего из этнографически польских земель. К ней отошли Литва, Курляндия, западные районы Белоруссии и западная часть Волыни. Австрия захватила малопольские земли с Люблином и Краковом. Основная часть польских земель была захвачена Пруссией. Варшава тоже осталась за ней. 25 ноября 1795 г. Станислав Август подписал акт об отречении от польского престола.

Стремясь окончательно закрепить ликвидацию Польского государства и испытывая недоверие друг к другу, монархи России, Австрии и Пруссии заключили в 1797 г. дополнительную конвенцию, обязавшись не включать в свои титулы названия или обозначения Польского королевства. Конвенция 1797 г. окончательно ликвидировала польское гражданство и запрещала владение недвижимым имуществом в различных частях разделенной Речи Посполитой.

Разделы Речи Посполитой привели к воссоединению большинства украинских земель и к воссоединению всех белорусских земель в рамках Российской империи, что объективно соответствовало интересам украинского и белорусского народов. Объективно прогрессивным явлением и для литовского и для латышского народов было присоединение их к экономически более развитой, чем Речь Посполитая, России.

Однако не интересами народов руководствовалось правительство Екатерины II. Политика русского царизма была захватнической и преследовала контрреволюционные цели. Разделы Речи Посполитой и интервенция против французской революции реакционных режимов Пруссии, Австрии и России — это были звенья одной цепи. Разделы были реакционным актом.

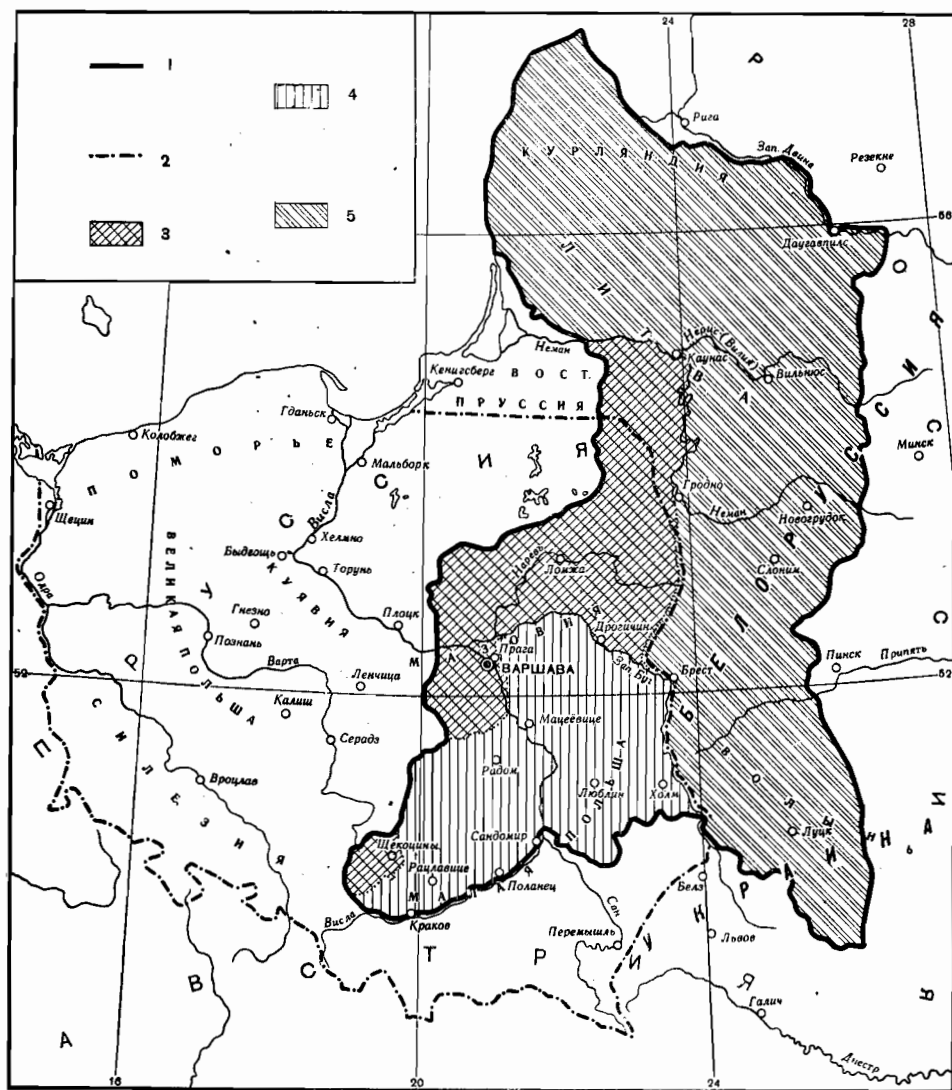
Неисчислимы страдания принесли они польскому народу. Тяжелые политические последствия имели они и для общеевропейского развития первой половины XIX в. «На чем зиждется прежде всего сила реакции в Европе с 1815 г., отчасти даже со времени первой французской революции?» — спрашивал Энгельс и отвечал: «На русско-пруско-австрийском Священном союзе. А что объединяет его? Раздел Польши, из которого все три союзника извлекают пользу.

Трещина, которую все три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности»¹.

Ликвидация Польского государства совершилась в период, когда процесс консолидации польской нации уже развернулся, и в силу этого встретила сильное сопротивление, вызвала к жизни польское национальное движение.

Ликвидация Польского государства была для польского народа не только тяжелым национальным унижением, не только ранила национальное достоинство, она ставила польский народ в условия тяжелого национального гнета, при котором стеснялось и подавлялось развитие польской национальной культуры, осуществлялась насильственная германизация, денационализация польского народа. На

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 382.

Третий раздел Речи Посполитой (1795)

1—границы Речи Посполитой перед разделом; 2—современные границы Польской Народной Республики; 3—польские и литовские земли, захваченные Пруссией; 4—польские земли, захваченные Австрией; 5—украинские, белорусские, литовские и латышские земли, отошедшие к России

примере отторгнутых в средние века польских западных земель польский народ хорошо знал, что сулит ему пребывание под властью германских государств, прежде всего Пруссии. Это была серьезнейшая угроза самому национальному существованию польского народа, угроза, на которую формировавшаяся польская нация ответила борьбой, национальным движением. Сила этого движения была так велика, что, несмотря на всю жестокость, с какой иноземные ассимиляторы более ста лет терзали польскую нацию, им не только не удалось денационализировать захваченные ими в конце XVIII в. польские земли, но и

не удалось помешать распространению польского национального движения на оторванные много веков ранее польские западные и северные земли.

Напряженность польского национального движения определялась также тем, что польский народ в результате разделов Речи Посполитой не только оказался угнетенным, но и был расчленен. Национальное освобождение и воссоединение в независимом государстве всех частей польской национальной территории стало одним из жизненно важных условий для развития польской нации.

Падение Польского государства не было внезапным, единовременным актом — оно составило целый период в истории Польши, в течение которого ясно вырисовывавшаяся перспектива потери национальной независимости, низведения на положение угнетенного и расчлененного народа вызывала чувство горячего протеста, будила волю к сопротивлению, ускоряла процесс укрепления национального самосознания польского народа.

В силу тех же самых исторических условий, которые вызвали к жизни польское национальное движение еще до завершения процесса формирования польской нации, оно возникло как движение шляхетское.

В период возникновения национального движения польское общество еще не стало капиталистическим. Во главе этого движения в последние десятилетия XVIII в. оказалась обуржуазивавшаяся часть господствующего класса феодалов. Нарождавшаяся польская буржуазия хотя и приняла участие в национально-освободительном восстании 1794 г., но была еще слишком слабой для того, чтобы возглавить это движение. По существу она и не пыталась добиться этого. Как это было с молодой буржуазией и других стран на ее первых шагах, польская буржуазия в основной массе еще не выступала против дворян, «в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители»¹. Она признавала дворянство руководящей силой общества и следовала за ним в возникающем национальном движении. Несмотря на то, что во главе польского национального движения оказались шляхетские реформаторы, шедшие на установление блока с городской буржуазией, движение это объективно решало прогрессивные задачи буржуазной национально-освободительной борьбы. Независимость Польши была важным условием быстрого развития в стране капиталистических отношений, быстрого завершения процесса образования буржуазной нации.

Но руководящий шляхетский лагерь восстания сковывал развитие и расширение национального движения, подавлял зародившееся его левое, демократическое, плебейско-крестьянское крыло и тем самым подрывал внутренние силы национального движения.

Проводимая шляхтой программа борьбы за восстановление феодальной Речи Посполитой не могла привлечь на сторону шляхетского движения широкие массы польского крестьянства. Для украинского же, белорусского и литовского крестьянства осуществление этой программы означало бы полную реставрацию национального гнета. Широкого крестьянского движения боялись и сами шляхетские повстанцы. Они не хотели союза с крестьянством и городскими низами. Внутри страны они не шли дальше союза с крупной городской буржуазией, а свои планы восстановления Речи Посполитой строили главным образом на использовании международных противоречий, в том числе на противоречиях между державами — участниками разделов. Оторванность шляхетских революционеров от трудового народа определила неудачу польского национально-освободительного движения в конце XVIII — первой трети XIX в.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 124.

12

РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Общий экономический и политический подъем второй половины XVIII в. нашел свое яркое отражение и в области культуры. Развитие капиталистических отношений властно требовало соответствующего развития научных знаний, изменения старой системы воспитания и образования. Сторонники новой, буржуазной науки не жалели сил для того, чтобы преодолеть упорное сопротивление реакции, цеплявшейся за старые, отжившие представления и отстаивавшей религиозно-схоластические методы воспитания. Бурный рост в Польше в 70—90-х годах XVIII в. передовой культуры, пронизанной антифеодальными и антиклерикальными идеями, позволяет говорить о существовании в истории культуры Польши эпохи польского Просвещения.

Польская наука в середине XVIII в. получила два новых очага своего развития: основанный Конарским в 1747 г. в Варшаве Collegium Nobilium, где А. Вишневецкий организовал первый в Польше физический кабинет, и открытую в 1747 г. библиотеку Залуских, насчитывавшую в своих фондах около 30 тыс. книг, 10 тыс. рукописей и большое количество географических карт.

В середине XVIII в. появился ряд в значительной мере компилятивных работ, которые, однако, знакомили читателя с достижениями науки и порицали схоластическое суесловие. Такова четырехтомная энциклопедия Бенедикта Хмелёвского «Новые Афины, или Академия, полная всяких знаний» (1745—1756) и книга Войцеха Быштоновского «Математическая информация любознательного поляка, объясняющая в теории и на практике весь мир, небо, землю и то, что на ней есть».

Значительный прогресс в область образования в Польше внесла Эдукационная комиссия. Среди деятелей Эдукационной комиссии особенно ярко проявил себя Гуго Коллонтай, проводивший реформу Краковского университета. Видные представители метафизического материализма, Коллонтай и Сташиц, решительно боролись против засилья теологии, за приближение образования к реальным жизненным потребностям общества. Коллонтаю и молодому профессору математики Краковского университета, в недалеком будущем крупнейшему прогрессивному польскому ученому Яну Снядецкому (1756—1830), принадлежала заслуга введения в 1780-х годах в университете преподавания на родном языке взамен чуждой, тормозившей развитие польской культуры, латыни. Одним из активных борцов за родной польский язык против шляхетского увлечения латынью и французским языком был Францишек Богомолец, публицист и ученый.

Свою просветительскую деятельность Коллонтай не рассматривал как самоцель. Если «реформаторы» из шляхетского лагеря, как, например, писатель Игнаций Красицкий, боясь крестьянских волнений, говорили, что следует прежде просветить народ, а потом уже освободить его, то Коллонтай требовал немедленного освобождения крестьян и считал, что просвещение придет само к народу после его освобождения.

Реформы в области школьного дела были тесно связаны с новыми явлениями в области философии. Характерно, что бывшие ранее под запретом для «верных сыновей» католической церкви имена Бэкона и Декарта теперь печатно восхвалялись даже представителями духовенства — Анджеем

Бромирским, епископом Адамом Нарушевичем. Бэкон и Декарт оказывались менее опасными, чем делавшиеся все более популярными среди прогрессивных кругов буржуазии и шляхты взгляды французских метафизических материалистов, враждебных католической церкви, а в лице своих наиболее передовых представителей поднимавшихся даже до атеизма. Самым важным было то, что передовая польская общественность не ограничивалась интересом к прогрессивным философским идеям, проникавшим в Польшу из-за рубежа. Она выдвигала своих самостоятельных мыслителей. В конце XVIII в. складывается школа польского метафизического материализма, представленная Коллонтаем, Стапицем и естествоиспытателями братьями Яном и Енджеем Снядецкими.

Школа польского материализма конца XVIII — начала XIX в. продолжила материалистические традиции гуманистов эпохи Возрождения и создала теоретическую базу для политической деятельности идеологов шляхетско-буржуазного блока. Недаром клуб «Кузницы» Коллонтая был своего рода колыбелью его философии.

Особенностями польского материализма этого времени были его тесная связь с проблемами борьбы за национальное освобождение Польши и наличие в нем элементов стихийной диалектики (в том числе в понимании общественных процессов), что вступало в противоречие с метафизическим в своей основе характером этой философии и отражало начавшийся на основе новых достижений естествознания кризис метафизического и механистического мировоззрения. Объективной предпосылкой наличия диалектических идей в их учениях был и факт значительной остроты социальных и национальных противоречий в стране. У Коллонтая и Стапица имелись попытки исторического подхода к объяснению процессов, происходящих в природе и обществе. Задолго до Ч. Лайбеля они повторили мысль М. В. Ломоносова о постепенном изменении земной коры под воздействием различных факторов. Отрицая наличие непреходимой грани между неживой и живой природой, Стапиц писал: «Мне часто приходила мысль, трудная для понимания, что природа обладает способами превращения одних существ в другие, преобразования мертвой, неорганизованной природы в организованную материю, в оформленные, животные тела».

В ряде отношений философские и социологические теории Коллонтая и Стапица были родственны воззрениям русских просветителей XVIII в. — Козельского и Десницкого. Стапиц в своей философско-дидактической поэме «Человеческий род» опирался при доказательстве переходящего характера религиозных верований на этнографические наблюдения М. В. Ломоносова над обычаями народов России, получившие отражение в трудах великого ученого по русской истории.

Коллонтай в труде «Физическо-моральный порядок, или наука о правах и обязанностях человека, полученных из анализа вечных, необходимых и неизменных законов природы» и Стапиц в «Размышлениях над жизнью Яна Замойского», «Человеческом роде» и работах по геологии настойчиво проводили идею материального единства мира и всеобщего естественного детерминизма. В теории познания Коллонтай и Стапиц были сенсуалистами, но стремились преодолеть ограниченность и односторонность узкого эмпиризма, выступали против сведения мышления к ощущениям. Они враждебно относились к религиозному мистицизму и обскурантской деятельности иезуитов. Коллонтай писал: «Человеческий разум выполнил уже две великих задачи: он познал, что такое фанатизм, и выкорчевал его; познал, что такое деспотизм, и начал под него основательно подкапываться».

В своих социологических учениях Коллонтай и Сташиц отстаивали теорию «естественного права», используя ее для идеализации буржуазной частной собственности. В защиту «естественного права» выступал также публицист Иероним Стройновский, книга которого «Наука о естественном и политическом праве, политической экономии и праве народов» (1785) была переведена на русский язык. Коллонтай и Сташиц рассматривали историю как восходящий процесс непрерывной борьбы разума, науки против феодального мракобесия и религии, которую они называли «учением о суевериях». Опасаясь открыто нападать на католическую церковь, Коллонтай и Сташиц делали вид, что главного противника видят в «язычестве» и его «жрецах»; в этой связи они также допускали в своих трудах действительские оговорки. В своих экономических взглядах они были близки к школе физиократов.

Главным фактом в области польской науки последней трети XVIII в. была борьба против средневековых теологических учений за опытно-рационалистическую, эмпирическую науку, стоящую на службе практической деятельности людей. Эта наука к познанию природы подходила со стихийно-материалистических позиций.

В конце 70-х годов с рядом книг по геологии, животноводству и растениеводству выступил Кшиштоф Клюк.

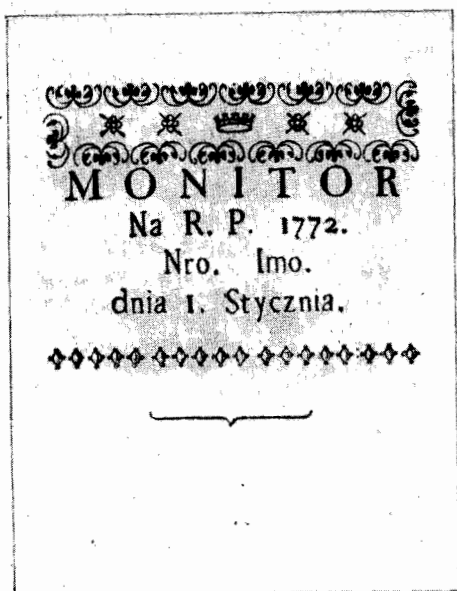
Крупные успехи польской науки второй половины XVIII в. связаны с именами братьев Снядецких, выдающихся представителей естественно-научного материализма.

Ян Снядецкий, астроном, математик, географ и филолог, выступал с позиций материалистической теории познания против кантианства и вольфианства. Его главные философские работы — «О метафизике», «О философии» и «Философия здравого рассудка». Он был, вероятно, и соавтором памфлета Францишка Езерского «Катехизис о тайнах польского правительства».

В сочинении «О Копернике» (1802) Ян Снядецкий отстаивает идею объективности закона небесной механики. Далеко за пределами Польши приобрели известность «Сферическая тригонометрия» и курс алгебры Яна Снядецкого. За свои работы в области астрономии польский ученый был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Енджей Снядецкий (1768—1838) занимался химией, биологией и медициной. В историю польской науки и естественно-научного материализма он вошел прежде всего трудом «Теория органических существ». Первый том его был опубликован в 1804 г. Ранее других европейских ученых Енджей Снядецкий предпринял попытку перейти от описательной стадии в биологической науке к созданию ее общей теории («философии», как называли в то время). Он выдвинул ряд замечательных диалектических идей о взаимосвязи организма и среды и о роли обмена веществ в жизненном процессе, хотя и не смог до конца преодолеть ошибочные виталистические представления. «...Жизнь в самом общем значении понятия, — писал он, — есть результат определенных физических отношений, которые имеют место между мертвой и органической материей». Жизнь «в данной ее форме есть постоянное изменение материи».

В польских научных кругах конца XVIII в. проявлялся большой интерес к математическому направлению в логике. В 1784 г. на польский язык были переведены логические разделы из философских трудов Локка, а в 1802 г. — «Логика» французского философа-сенсуалиста Кондильяка, которая еще ранее была рекомендована Эдукационной комиссией к преподаванию в школах.

Титульный лист журнала «Монитор»

рушевича (1733—1796), приближенного Станислава Августа, выразителя программы «королевской» партии. Семитомная «История польского народа» Нарушевича, представляющая собой апологию сильной королевской власти, имела большое значение в развитии исторической науки как одна из первых попыток научно осветить прошлое, найти причинную связь между историческими событиями. Нарушевич собрал гигантский свод архивных материалов (230 томов), представляющий большую ценность и для современной историографии.

Во второй половине XVIII в. появились первые польские периодические издания: «Новые экономические и ученые ведомости, или собрание вещей, для счастья человеческой жизни необходимых» (1758—1761), Мицлера, «Монитор» (1765—1784) Францишка Богомольца, пропагандировавший программу умеренных реформ и морализаторски-просветительские идеи. В 1770 г. возникает периодическое научное издание Яна Августа Позера «Собрание разного рода сведений из области свободных наук, философии, естественного права, истории и моральной политики...»

Мицлер был также организатором научных обществ. Он занимался популяризацией экономических и медицинских наук. Францишек Богомолец известен своей горячей полемикой в 1752 г. с итальянцем Убальди Миньони, отрицавшим способность поляков к науке.

Немалую роль в журналистике стали играть выходцы из мещанской среды и идеологи радикальных слоев. Одним из популярнейших журналов 1790-х годов был «якобинец» Юзеф Мейер.

Популярную «Национальную и иностранную газету» редактировал Станислав Шиманский, сын варшавского мещанина.

Характерной чертой развития польской литературы второй половины XVIII в. была борьба за реализм. Лучшие представители польской

В культурном развитии страны велико было значение исторической науки. Обращение к истории служило публицистам прогрессивного лагеря сильным оружием в борьбе против феодальной анархии и шляхетского произвола. Не будучи профессионалами-историками, Коллонтай и Езерский в своих трудах высказали ряд важных мыслей, опровергая представление об исконности социального неравенства, трактуя господство шляхты как узурпацию и тем самым лишая ее морально-юридического авторитета. Принципиально важным было стремление очистить историю от средневекового теологического мышления, рассматривать ее рационалистически.

Рационалистическая тенденция нашла отражение и в трудах гораздо более ограниченного в своих политических

взглядах историка Адама На-

HISTORYA
NARODU POLSKIEGO
OD POZĄTKU CHRZESCIANSTWA.

Antiquam exquirite matrem. VIRG.

PANOWANIE PIASTOW

TOM II.

W WARSZAWIE 1780.

Druksni J. K. Mei i Rzeczypospolitey uprzywileiowancy

GRÖLLOWSKIEY.

*Титульный лист II тома «Истории польского народа»
Адама Нарушевича*

литературы этого времени пользовались в своем творчестве опытом народной культуры, стремились приблизить язык литературы к польскому разговорному языку. Чем ближе они стояли к народу, тем больше обличительных элементов было в их творчестве, тем резче подвергали они критике крепостническую действительность.

Большое значение в борьбе за реализм имела литературная деятельность Францишка Ксаверия Дмоховского (1762—1808). Дмоховский, будучи активным членом «Коллонтаевской кузницы», вел литературно-критическую работу, а с июня по ноябрь 1794 г. редактировал совместно с Сярчиньским повстанческую «Правительственную газету». Работая в области литературной теории, Дмоховский создал национальную поэтику. Творчество Дмоховского, подчиняясь в основном нормам господствовавшего «классицизма», не было слепым подражанием античным образцам. Поэт, заявлял Дмоховский, вовсе не обязан держаться старого искусства, как пьяный забор. Дмоховский призывал писателей отражать в литературе тяжелую судьбу простого народа.

Господствующим в литературе второй половины XVIII в. было направление, которое можно условно назвать «просветительским классицизмом».

В отличие от западноевропейского официально-помпезного классицизма с его отрывом от реальной действительности польский «просветительский классицизм» был тесно связан с повседневной жизнью шляхты и буржуазии. Эта черта роднила его с русским классицизмом XVIII в. «Просветительский классицизм» отличался богатством обличительной, сатирической мысли. Одним из крупнейших сатириков был историк Адам Нарушевич.

Еще более ярким было творчество Игнация Красицкого (1735—1801). Красицкий создал образцы самых разнообразных жанров — басни, оды, посланья, сатиры, комедии, прои-комические поэмы, романы и т. д. В своих лучших произведениях Красицкий зло высмеивает темноту и отсталость шляхты, защищает крестьян.

Выдающимся мастером слова был поэт Станислав Трембецкий (1735—1812), оказавший большое влияние на формирование поэтического стиля раннего Мицкевича. Трембецкий, как и Красицкий, по своей идейной направленности примыкал к умеренным шляхетским «реформаторам».

Реалистические тенденции более всего сказались в творчестве Томаша Каегана Венгерского (1755—1787), автора направленной против духовенства и католической религии сатирической поэмы «Органы».

Наряду с господствующей литературой классицизма развивался и сентиментализм, представленный поэтами-лириками, выходцами из мелкошляхетской среды, Францишком Карпиньским (1741—1825) и Францишком Дионизием Князьниным (1750—1807).

В связи с тем, что в конце XVIII в. оппозиция феодализму захватила широкие массы народа, городского населения, в литературе этого периода появляются революционные произведения, отражающие интересы и настроения городской бедноты, решительно враждебной королю и магнатам — участникам Тарговицкой конфедерации. Оружием в борьбе были сатира, памфлет, анонимные печатные листки. Они распространялись среди различных слоев населения, их разбрасывали перед зданием сейма, перед костелами, наклеивали на дворцах магнатов, на стенах королевского замка.

Талантливым сатириком, памфлетистом и драматургом был Францишек Заблоцкий (1750—1821), одним из первых в польской литературе отразивший в своих сатирах контрасты роскоши и нищеты Варшавы, становящейся капиталистическим городом.

Революционная, якобинская, как ее называли, поэзия, была свидетельством роста национального и классового самосознания широких народных масс.

Выдающимся представителем революционной поэзии был Якуб Ясиньский (1758—1794), организатор восстания в Литве в 1794 г. Он со всей резкостью выступал против шляхты и магнатов, в поместьях которых, по его выражению, «мало денег, много спеси», а игра в карты, праздность, расточительство живут в братстве с ханжеской набожностью. В творчестве Ясиньского отчетливо ощутимы атеистические мотивы. В своем произведении «Стих, написанный в дни траура польского двора по Людовику XVI» он приветствовал революционные методы борьбы. Стихотворение Ясиньского «К нации», написанное накануне начала восстания 1794 г., стало поэтическим манифестом национально-освободительной борьбы. С поэзией Ясиньского была тесно связана анонимная повстанческая поэзия 1794 г., в которой мужество крестьян на разлавицком поле битвы противопоставлялось трусости шляхты.

По мере роста национального самосознания возрастал интерес к изучению национального языка. Делу защиты родной польской речи — освобождению ее от латинского влияния — посвящали много внимания наиболее видные деятели польской культуры. Красицкий в своем романе «Приключения Миколая Досвядчиньского» высмеивал нелепое и вредное подражание иностранщине.

Борьба за самобытность польского языка и литературы, развернувшаяся в последних десятилетиях XVIII в., неотделима от прогрессивных течений, развивавшихся в области польского драматического и музыкального театра. Первым известным нам оперным либретто, написанным на польском языке, является текст поставленной в 1771 г. в резиденции гетмана Огиньского в Слониме оперы «Изменившийся философ», автором текста и музыки которой, как полагают польские исследователи, был сам Огиньский. Музыка этой оперы до нас не дошла.

Наряду с переводными пьесами, особенную популярность среди которых завоевали мольеровские комедии, в Варшаве, начиная с 1765 г., ставились и произведения польских драматургов, в том числе Францишка Богомольца (1757—1784), основателя «Монитора».

Большую политическую роль сыграла комедия Юльяна Урсына Немцевича (1757—1841) «Возвращение посла», отразившая настроения «патриотической» партии. В первый раз она была поставлена 15 января 1791 г. в самый разгар работ Четырехлетнего сейма и имела огромный успех. Комедия Немцевича вызвала ожесточенные нападки со стороны консерваторов, требовавших на сейме суда над автором.

Одна из комедий Богомольца — «Осчастливленная нищета» — была переработана Войцехом Богуславским (1757—1829) в либретто двухактной оперы.

Уже современники называли Богуславского «отцом польского театра». Его профессиональная сценическая деятельность началась в Варшаве в 1778 г., а вскоре после этого Богуславский выдвинулся в объединении «Национальных актеров», в котором он был актером, режиссером, а впоследствии и руководителем труппы, выступавшей на польском языке. Богуславский переводил и перерабатывал для этого объединения пьесы иностранных авторов, а также сочинял драмы, комедии и трагедии.

Музыку «Осчастливленной нищеты», впервые поставленной в Варшаве в 1778 г., написал варшавский композитор и дирижер, словак по происхождению, Мацей Каменьский (1734—1821). Несмотря на крайнюю наивность

содержания оперы, которое сводится к тому, что великодушный пан осчастлививает щедрой подачкой влюбленную парочку бедных крестьян, «Осчастливленная нищета» вошла в историю польского музыкального театра не только как первая дошедшая до нас польская опера, но и как произведение, в котором ясно обозначились демократические устремления в польской опере. Именно эти устремления обусловили разрыв с традиционными формами западноевропейской оперы и обращение к народно-бытовым истокам польской песенности и танцевальных жанров.

В последующих комических операх Каменьского («Добродетельная простота», «Деревенский флирт, или Зоська», «Соловей» и др.) также ощущается близость к характерным чертам польской народно-музыкальной культуры, которые, впрочем, Каменьскому не удалось ни глубоко постичь, ни обобщить с достаточной художественной убедительностью.

Следующим этапом развития польской оперы была комическая опера «Мнимое чудо, или краковяне и горцы». Либретто ее написал также Богуславский, музыку создал Ян Стефани (1746—1829), уроженец Праги, с 1771 г. работавший в Варшаве в качестве композитора, скрипача и дирижера. Впервые поставленная в Варшаве в 1794 г., опера эта завоевала прочную популярность, так как музыка Стефани отличалась демократическими чертами национальной самобытности, выраженными гораздо более отчетливо, чем у Каменьского. Кроме того, в текст оперы, повествующей о преодолении преград, стоящих на пути к браку влюбленной четы, Богуславский ввел призывы к свободе, с особенной силой прозвучавшие в памятные дни восстания Костюшки.

Именно поэтому опера Стефани была сразу же запрещена царской цензурой. Во Львове, куда Богуславский переехал вместе со своей труппой, началось творческое содружество объединения «Национальных актеров» с композитором Юзефом Эльснером (1769—1854). В 1799 г. труппа Богуславского вернулась в Варшаву. В следующем году труппа поставила здесь первые польские музыкально-сценические произведения Эльснера, написанные на тексты Богуславского: мелодраму «Искахар, король Гуакарсы» и оперу «Амазонки».

В «Национальном театре», как начала называться труппа Богуславского, росли кадры польских певцов, исполнительское искусство которых также питалось народными истоками. Национальное своеобразие проявлялось и в характерных чертах польского инструментализма, в области которого выдвинулись многие композиторы и исполнители.

В 90-х годах XVIII в. создает свои первые полонезы Михал Клеофас Огиньский (1765—1833), ученик Юзефа Козловского (1757—1831), впоследствии переехавшего в Петербург и примкнувшего к русской музыкальной школе. Козловский, так же как и Эльснер и многие другие польские композиторы того времени, писал полонезы, но наиболее выдающиеся и самобытные образцы допопеновских фортепианных пьес, основанных на развитии характерных черт этого танцевального жанра, создал именно Огиньский, писавший, кроме того, мазурки, марши, вальсы и вокальные сочинения. Огиньский явился также основоположником польской боевой повстанческой песни, первые образцы которой были им созданы в 1794 г.

Козловский и Огиньский много сделали для укрепления русско-польских культурных связей, успешно развивавшихся в области музыкального искусства на рубеже XVIII и XIX столетий.

Во второй половине XVIII в. изобразительное искусство переживало серьезный подъем, тесно связанный с распространением в обществе идей просвещения. Наряду с официальной линией искусства, задачей которого было обслуживание крупных магнатов и королевского двора, появляется

Дворец в Лазенках под Варшавой

Фото

передовое направление в живописи, связанное с отражением жизни простого народа. Это направление представлено в первую очередь Яном Петром Норблином (1745—1830). Норблин приехал из Франции, в которой назревала буржуазная революция. Уроженец деревни в Шампани, он был хорошо знаком с бытом народа и его бедствиями. В Польше творчество Норблина особенно развернулось в период 1787—1795 гг., когда он оказался захваченным общим патриотическим подъемом. В ряде рисунков Норблин запечатлел восстание 1794 г.

В его рисунках встречаются те же темы, что волновали литературу и публицистику этих бурных лет: интерес к народу, сочувствие его бедствиям, переплетавшиеся с критикой реакционной шляхты.

Рисункам Норблина, в корне отличавшимся от его официальных, салонных вещей, написанных по заказам аристократии, свойственны подвижность, умение одним штрихом передать характерную особенность человека, чрезвычайная выразительность и свобода. Эти рисунки охватывают очень широко жизнь польской деревни, включая в себя и листы, изображающие отдельные крестьянские типы, и сценки на рынке, и нищую избу, и ужасающее по своей жестокости наказание крепостных («гонсёр»), и пляску в корчме, и нищих на дороге. Интересно, что среди рисунков Норблина встречаются и такие, которые показывают крестьянина как сильного и красивого человека (например, «Женщина у жернова»). Эта важная черта получила развитие в творчестве Норблина в 1794—1795 гг., когда он рисовал косинеров — крестьян в повстанческой армии Костюшки. Особенно замечателен лист, изображающий немолодого крестьянина, опирающегося на косу, с сильным и мужественным лицом человека, который решил сам бороться за свою судьбу. Такое изображение

крестьянина порождено не только передовыми взглядами Норблина, но и силой его реалистического таланта.

Кроме изображений крестьян встречаются у Норблина и рисунки, отразившие его отношение к их угнетателям. Таков «Эконом», где Норблин лаконично и точно изображает «власть имущего», замечательно найдя его позу и жест, подчеркивающие выражение надменного, жестокого и тупого лица.

Наряду с Норблином в конце XVIII в. работали и другие, менее крупные художники, отразившие по-своему идеи Просвещения.

Особенно интересен портрет конца XVIII в. Вместо сословности в портрете акцентируется естественность и простота облика, ясность и разумность отношения человека к жизни. Вместе с тем в конце XVIII — начале XIX в. появляется желание отразить сложность и богатство человеческой души.

Из портретистов конца XVIII в. наиболее интересны Марцелло Баччирелли (1731—1818), приехавший в Польшу около 1765 г., и его ученики, из которых следует назвать Александра Кухарского и Казимежа Войняковского.

Среди художников этого времени выделяется блестящий рисовальщик и гравер Даниель Ходовецкий (1726—1801), автор многочисленных сенок из повседневной жизни польской шляхты, иногда — мещанства. Всегда живые и очень естественные, они правдиво передают характерные польские типы, быт и нравы второй половины XVIII в.

Архитектура конца XVIII в. характеризуется поворотом к классицизму, поисками ясности и логичности соотношения архитектурных объемов. В это время создавались многочисленные проекты общественных и частных зданий, в которых можно проследить борьбу с барочной пышностью и перегруженностью. Из построенных в эти годы зданий выделяется дворец в Лазенках (архитектор Д. Мерлини) — одна из жемчужин польской архитектуры.

Традиции польского Просвещения в философии, педагогике, искусстве и литературе, несмотря на печать лежавшей на них шляхетской ограниченности, сыграли важную роль в развитии передовой польской культуры в XIX в., когда оно происходило в трудных условиях поработанной и расчлененной Польши. Следует при этом отметить, что ряд крупнейших культурных памятников Просвещения был создан либо опубликован только в первые десятилетия XIX в. Это относится, например, к «Человеческому роду» Стапица (закончен и напечатан в 1818—1820 гг.) и «Краткому очерку истории начал человеческого рода» Коллонтая (опубликован только в 1842 г.), которые заключали славную прогрессивную деятельность их авторов на поприще демократической национальной культуры и подвели своего рода итог всему этому периоду культурного развития Польши. Основанное в 1800 г. варшавское «Общество друзей науки» сыграло, в частности, подобную же роль.

ЧАСТЬ

IV

ПОЛЬСКИЙ НАРОД
В БОРЬБЕ
ЗА ЛИКВИДАЦИЮ
ФЕОДАЛИЗМА
И ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ
НЕЗАВИСИМОСТЬ

Глава девятая

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ГНЕТОМ ПРУССИИ, АВСТРИИ И НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИИ.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX в.

1

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ГНЕТОМ ПРУССИИ

Агрессивная, хищническая политика Пруссии, ее стремление к захвату соседних территорий и особенно богатых славянских областей, не встречала эффективного сопротивления со стороны ее более слабых соседей и прежде всего бессильной Речи Посполитой. В результате к концу XVIII в. Пруссия овладела большей частью исконных польских земель.

На этих территориях Пруссия установила жестокий ассимиляторский режим. Первым «опытным полем» прусских германизаторов стала Силезия. В отличие от захваченного Пруссией ранее (в 1648—1720 гг.) Западного Поморья — исконной польской территории, но уже подвергшейся значительной германизации, Силезия сохраняла свой польский характер. В момент захвата ее в 1740 г. Фридрихом II 90% населения Силезии составляли поляки.

Овладев этой богатой польской землей и реализовав, таким образом, свой давнишний план захвата всего течения р. Одры, Пруссия стремилась превратить Силезию в обыкновенную прусскую провинцию, заставить польский народ «думать и чувствовать по-немецки».

Для оправдания задним числом политики агрессии и ассимиляции были созданы фантастические псевдонаучные «теории», объявлявшие силезских поляков не настоящими поляками, а их речь — особым «силезским языком».

Самым сильным из всех средств германизаторской политики Пруссии была колонизация. При помощи немецких колонистов прусское правительство стремилось навязать польскому народу немецкий язык и немецкие обычаи, создать из Силезии прочную опору в своем дальнейшем продвижении на восток.

Прусское правительство щедро раздавало немецким колонистам польские земли, находившиеся в распоряжении государства. Колонисты получали в наследственное владение наделы, готовый дом, инвентарь, скот. Колонисты освобождались на три года от налогов, а главное от рекрутских наборов (до третьего поколения). Привлекаемые такого рода привилегиями немецкие крестьяне, преимущественно из Вюртемберга, охотно селились на польских землях.

Стремясь как можно быстрее германизировать Силезию, правительство отпускало значительные средства для ее колонизации. Так, в течение 20 лет (до 1786 г.) казной было отпущено более 6 млн. талеров, на которые в Силезии было основано 240 новых поселений. Главным районом колонизации был правый берег Одры, вдоль границы с Речью Посполитой; колонисты селились компактно, образуя немецкие острова в море польских деревень. Параллельно с сельской происходила и городская колонизация. В конце XVIII в. интенсивность колонизации несколько уменьшилась. До 1806 г. в Силезии осело около 200 тыс. немцев-колонистов.

Прусское правительство повело наступление против польской культуры, языка, школ. С 1751 г. в польские деревни стали направляться немецкие учителя. Так как внедрение немецкого языка в польских школах происходило чрезвычайно медленно, в 1756 г. последовал указ, по которому место учителей в Силезии могли получать лишь лица, владевшие немецким языком.

Особенно настойчиво германизацию школы прусское правительство стало проводить после окончания Семилетней войны. Указы, обязывавшие польских учителей изучить немецкий язык, следовали один за другим. В своем стремлении навязать польскому народу чуждый ему немецкий язык прусские власти не останавливались перед подчас совершенно фантастическими затеями. Так, в 1764 г. был издан указ, запрещавший землевладельцам под страхом денежного штрафа в размере 10 талеров принимать на работу служащих или фольварочных поденных рабочих обоего пола, не знающих немецкого языка. Этот же указ запрещал венчать силезскую молодежь, не знающую немецкого языка.

Несмотря на все старания прусских властей, насаждение немецкого языка в школах Силезии шло далеко не так быстро, как им хотелось. Даже в 1824 г. лишь в 199 школах Силезии, т. е. менее чем в трети всех школ, преподавание велось на немецком языке, в 282 школах — на немецком и польском и в 131 школе — только на польском.

Население Силезии издавна занималось полотняным промыслом. Лен являлся в Силезии одним из основных продуктов сельского хозяйства. К середине XVIII в. силезская полотняная промышленность достигла значительного развития. Стоимость экспорта полотна составляла 6 млн. талеров в год. О степени развития полотняной промышленности говорит тот факт, что там вырабатывалось 38 сортов полотняных изделий — от тяжелого полотна до воздушного батиста и вуали. В то время, когда Силезия была захвачена Пруссией, полотняная промышленность уже представляла собой типичную рассеянную капиталистическую мануфактуру. Во второй половине XVIII в. силезские ткачи были оторваны как от поставщиков сырья, так и от рынка готовых изделий. Между ними встал жестоко эксплуатировавший труд ткачей скупщик-капиталист.

Особенность силезской полотняной промышленности состояла в том, что она была сосредоточена главным образом в деревнях Нижней Силезии, у подножья и по склонам Исполиновых и Совиных гор. Основными районами полотняной промышленности были Свидницкий и Яворский округа. В то же время в большинстве городов полотняная промышленность была мало развита.

В конце XVIII в. в горных округах Нижней Силезии начала быстро развиваться и хлопчатобумажная промышленность.

Международная обстановка в период наполеоновских войн, английская блокада побережья тяжело отзывались на силезской полотняной промышленности. Вывоз полотна из Силезии быстро сокращался и уже в 1805—1806 гг. упал до 2,5 млн. талеров.

В Силезии быстро росло городское население. В 1787 г. оно составляло уже 17,5% всего населения провинции; в 1817—24%. В 1792 г. во Вроцлаве число ремесленников превышало 7 тыс., мануфактурных рабочих было 2500 человек.

Силезские города продолжали находиться под сильным феодальным гнетом. Из 130 городов Силезии 75 еще в конце XVIII в. принадлежали светским и духовным феодалам. В этих городах помещики продолжали взимать с населения чисто феодальные поборы. Только в конце XVIII в. от феодальной зависимости освободились такие крупные центры полотняного промысла, как Елена Гура и Каменна Гура.

Огромные минеральные богатства Силезии привлекли особенное внимание прусского правительства и немецких магнатов. Заброшенное в период пребывания Силезии под властью Габсбургов, подорванное войнами горное дело пришло в упадок. В 1770 г. во всей горной промышленности было занято всего 247 человек: Прусское правительство, видя в эксплуатации естественных богатств страны источник для пополнения своей казны, содействовало развитию горного дела. Два явления выдающегося значения оказали большое влияние на все будущее развитие верхнесилезской каменноугольной промышленности. Во-первых, в 1788 г. здесь, впервые на европейском континенте, была применена паровая машина для откачки воды из шахт. Это дало возможность вести добычу угля не только карьерным способом или неглубокими шахтами, но сделало доступными для разработки богатейшие пласты глубокого залегания. Во-вторых, с 1798 г. в Силезии началось применение каменного угля в металлургии. Это был громадный технический прогресс, оказавший влияние и на горное дело и на металлургию, способствовавший созданию основ всей будущей мощной тяжелой промышленности в Верхней Силезии. Но еще и до этого, в условиях использования древесного топлива, черная металлургия Силезии достигла внушительных размеров: в 1786 г. продукция чугуна составила 165 тыс. т.

Развитие силезской металлургии содействовало техническому прогрессу на металлургических предприятиях и других польских областей. Ее опыт использовался на металлургическом заводе в Панках (под Калишем), а позднее на ряде предприятий Центрального Польского района (Королевства Польского). Металлурги Силезии ценились и за пределами Польши. Начало применению каменного угля в металлургии на Луганском чугунолитейном заводе было положено в 1830-х годах при участии польского мастера из Силезии.

Наряду с черной металлургией с конца XVIII в. развивалась и цветная — производство цинка. Базой для него служили залежи цинковой руды в самой Силезии, а также в районе Кракова.

Отличительной чертой промышленности Силезии было сосредоточение естественных богатств, шахт, доменных печей в руках прусского правительства и немецких магнатов.

В это время на территории Силезии возникли немецкие частные горно-металлургические предприятия Доннерсмарка и Гогенлоэ. Коренное население — поляки — могло быть только рабочими и преимущественно чернорабочими, мастерами были главным образом немцы. Это вело к переплетению социальных и национальных противоречий в Силезии.

Таким образом, со второй половины XVIII в. в Силезии, особенно в Верхней Силезии, начала быстро развиваться тяжелая промышленность, в этот период еще в форме капиталистической мануфактуры. Одновременно шел процесс формирования кадров мануфактурных рабочих, все более отрывавшихся от сельского хозяйства, становившихся потомственными

пролетариями. Это были прямые предшественники промышленного пролетариата, силезского отряда польского рабочего класса, трудом которого аграрная Силезия была превращена в один из наиболее развитых в промышленном отношении районов Европы.

Стремление Пруссии выкачать как можно больше прибылей из Силезии ухудшало и без того тяжелое положение народных масс. Замена австрийской налоговой системы прусской привела к значительному увеличению налогового бремени, лежавшего на основном эксплуатируемом классе — крепостном, барщинном крестьянстве.

Увеличение налогов, обезземеливание в связи с развитием товарно-денежных отношений были характерным явлением для силезской деревни и до захвата Силезии Пруссией. Опустошительные войны Фридриха II, страшная прусская рекрутчина усугубляли тяжелое положение крестьянских масс. Усиление экспорта сельскохозяйственных продуктов помещиками влекло за собой усиление эксплуатации крестьян и рост барщинно-фольварочного хозяйства, достигшего в этот период в Силезии наибольшего развития.

Силезия выделялась не только помещичьими латифундиями, но, в частности, и грандиозными фольварками, в отдельных случаях охватывавшими 1—1,5 тыс. га пахотной земли. Такие фольварки создавались за счет массового обезземеливания крестьян. Число заградников, халупников, коморников вдвое превышало численность крестьян, имевших наделы. В некоторых округах (например, Зеленогурском) соотношение было еще более разительным.

Громадный рост фольварков (в Тшебницком округе они занимали 85% всей земли, т. е. по существу почти полностью поглотили крестьянские земли) происходил не только на основе старых, чисто барщинных методов эксплуатации. Эти методы все более и более сочетались с применением наемного труда. Наемными сельскохозяйственными рабочими были обезземеленные крестьяне — коморники, халупники, заградники. По отношению к ним помещик выступал и как эксплуататор-феодал и как эксплуататор-капиталист.

Таким образом, в силезской деревне развивались капиталистические отношения при сохранении феодальных методов эксплуатации. В этих условиях наниматель-помещик применял к наемному рабочему — зависимому крестьянину — всю полноту своей феодальной власти, наемный труд сохранял характер принудительного труда, а условия найма диктовались помещиком, и «нормальная» заработная плата сводилась к тому минимуму, за гранью которого следовало уже массовое вымирание крестьянства. Обезземеливание крестьянства создало обширный резерв рабочей силы и для капитализировавшихся помещичьих хозяйств и для развивавшейся промышленности.

Развитие капитализма в Силезии началось ценой величайших бедствий и лишений для народных масс, мучительным, поистине кровавым «пруссским путем».

Массовое обезземеливание крестьянства вызвало известное беспокойство прусского правительства, диктовавшееся чисто финансовыми соображениями. Указ 1749 г. запрещал сгон крестьян с земли и предписывал помещикам возвратить крестьянам всю отобранную у них после 1723 г. землю. Из-за сопротивления помещиков в 1764 г. указ этот пришлось повторить, при этом датой, ранее которой права крестьян на свою землю аннулировались, был уже не 1723, а 1756 год. Никакого практического эффекта эти распоряжения не дали. Крестьянам нечего было надеяться на опеку со стороны феодально-крепостнического прусского правительства.

Захваты Бранденбурга — Пруссии в XV—XVIII вв.:

1 — общая граница польских и литовских земель, захваченных Бранденбургом — Пруссией; 2 — границы Бранденбурга около середины XV в.; 3 — земли, захваченные во второй половине XV в.; 4 — земли, захваченные к концу XVII в.; 5 — земли, захваченные в первой половине XVIII в.; 6 — земли, захваченные во второй половине XVIII в.; 7 — прусские названия захваченных польских и литовских земель; 8 — даты захватов

Ответом на усиление эксплуатации явилось широкое антифеодальное движение силезских крестьян.

Первые волнения вспыхнули вскоре после захвата Силезии Пруссией. В 1741 г. прусские военные власти издали распоряжение, угрожавшее карами за непослушание, неуплату налогов и невыполнение феодальных повинностей.

Движение крестьян носило упорный, подчас затяжной характер, и нередко доходило до столкновений с прусскими войсками.

В 1765 г. начались волнения в Глубчицком округе. Они охватили значительную часть Верхней Силезии и перебросились в Нижнюю Силезию. Крестьяне отказались выполнять барщину и обратились с петицией к прусским властям. На петицию крестьян прусское феодально-крепостническое государство ответило посылкой войск. Движение было подавлено. Крестьянские вожаки были приговорены к смерти, многие участники движения — к пожизненному или долговременному заключению.

Несмотря на это, крестьянские волнения охватывали все новые районы Верхней Силезии. В 1767 г. волнения крестьян начались в Рыбницком, Ратиборском, Пщинском, Бытомском округах. В районе Гливиц крестьянское восстание охватило 40 деревень. Крестьяне уходили в леса, вооружившись вилами, топорами, косами. Для подавления восстания снова были посланы прусские войска.

В 1766—1768 гг. крестьянские волнения вспыхнули в ряде округов Нижней Силезии: Олавском, Клодзском, Свидницком и др.

В 1779—1782 гг. в некоторых районах крестьяне массами отказывались выполнять барщину и платить налоги. Движение охватило Львовецкий, Злоторыйский, Болеславецкий, Зеленогорский, Кожуховский, Глоговский, Воловский, Пщинский, Прудницкий округа и графство Клодзское. Прусское правительство издало ряд циркуляров относительно «непослушания и строптивости подданных» и самыми жестокими мерами подавляло крестьянские волнения. В 1785 г. новая вспышка волнений произошла в Зеленогорском и Валбжихском округах. На подавление движения властями было послано около 400 солдат. В 1786 г. волнения охватили всю Присудетскую область.

Восстания крестьян против феодальной эксплуатации стали настолько частыми и повсеместными, что вызывали серьезное беспокойство в высших правительственных кругах. Один из немецких чиновников так характеризовал положение в стране: «Всякая субординация пропала, народ не уважает больше ни королевских эдиктов, ни высочайших министерских приказов... Если с помощью кавалерийской части не будут вскоре восстановлены спокойствие и порядок, в горах вспыхнет всеобщее восстание».

В 1786 г. был издан королевский указ, грозивший суровыми карами всем, кто будет повинен в «смутьянстве» и особенно в «подстрекательстве к мятежу». Но и этот указ не достиг цели. Уже в 1787 и 1789 гг. отмечались новые выступления крестьян.

С новой силой крестьянские волнения развернулись в последнее десятилетие XVIII в. под влиянием французской буржуазной революции. Несмотря на все предосторожности прусских властей, известия о событиях во Франции проникали в силезские деревни. В городах и селах распространялись прокламации и листовки, распевались революционные песни. Лозунги уничтожения барщины и феодальной зависимости находили широкий отклик среди силезских крестьян.

Особенно тяжелым было положение крестьян-ткачей, испытывавших гнет как со стороны феодала, так и со стороны капиталиста-скупщика. Цены

на лен и пряжу повысились, в то время как цены на полотно остались почти неизменными. Сильно увеличились цены на предметы первой необходимости. В марте — апреле 1793 г. в горных округах Силезии вспыхнуло восстание крестьян-ткачей. В нем участвовало около 20 тыс. человек.

Мартовское восстание ткачей 1793 г. открыло период кровавых классовых боев, которые распространились почти по всей Силезии. Начиная с марта восстания крестьян возникают в Олесницком, Олавском, Вроцлавском, Тшебницком, Сродском, Гродковском, Опольском, Ключборкском, Гурском округах. Крестьяне отказывались от выполнения феодальных повинностей и уплаты феодальных чиншей, силой освобождали арестованных вожаков, нападали на ненавистных дворовых служащих, солтысов, а часто и самих панов, силой добивались права пользования лесами, пастбищами и т. д.

Самым ярким эпизодом классовой борьбы в Силезии в этот период было восстание во Вроцлаве в 1793 г. Движение началось с острого конфликта между ремесленными мастерами и подмастерьями, добивавшимися улучшения своего правового положения. Магистрат арестовал нескольких участников движения, но на их защиту выступили почти все подмастерья Вроцлава — как поляки, так и немцы. Нагуганный широким размахом движения, магистрат освободил арестованных и объявил, что требование подмастерьев изменить порядок увольнения с работы будет удовлетворено. Однако это не прекратило волнений среди вроцлавского рабочего люда. Движение принимало все более массовый характер и обратилось уже против самого феодального государства. Восставший народ разрушил дом ненавистного вице-президента Вернера. В город были вызваны войска. В ходе уличных столкновений с войсками восставшие сооружали баррикады на главных улицах города. При подавлении восстания прусскими войсками более 80 человек было убито и тяжело ранено.

В 1796 г. во Вроцлаве вновь произошло движение городской бедноты, завершившееся кровавыми столкновениями с войсками.

На революционизирование народных масс Силезии большое влияние оказывали не только события, происходившие во Франции, но и события в самой Польше, в частности национально-освободительное восстание 1794 г.

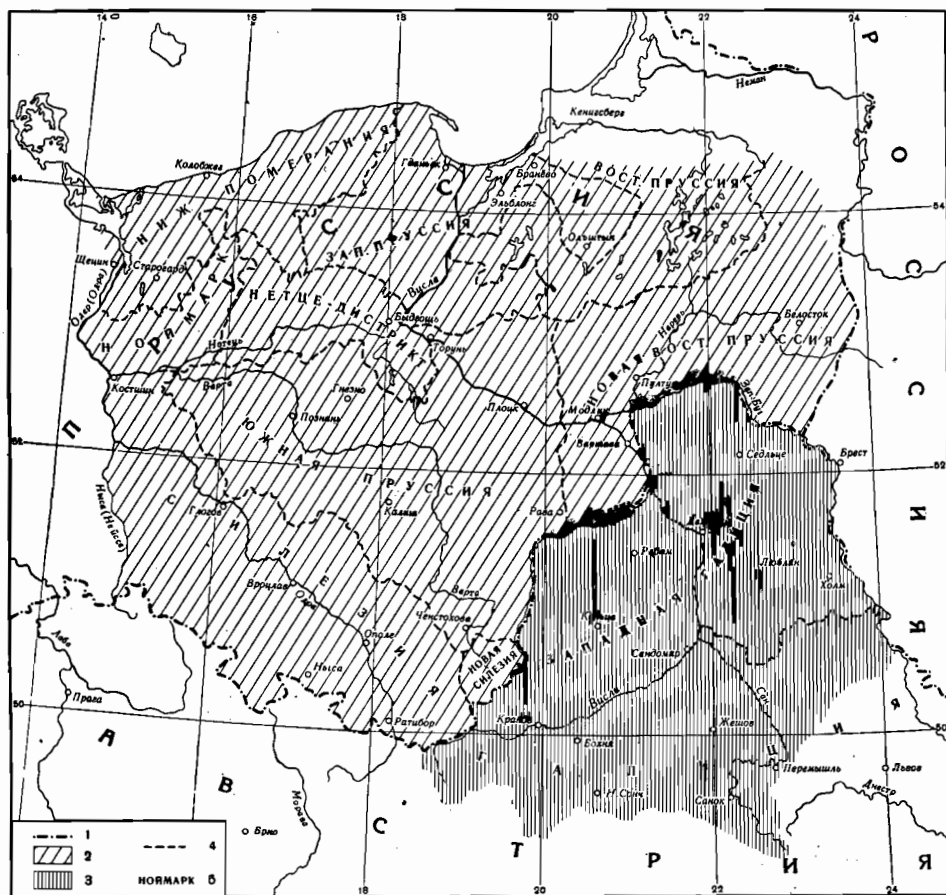
Уже ранней весной 1794 г. развернулось крестьянское движение в Стшелцком округе. Во главе движения стал местный крестьянин Марек. Оно вскоре было подавлено, но тем не менее прочно вошло в память силезских крестьян. В бытующей до сих пор в Верхней Силезии песне оплакивается судьба любимого крестьянами Марка, забитого на смерть шпирутенами. Но вместе с тем в этой песне народ выразил свою веру в победу народного дела, борьбы крестьян «за землю и волю», к которой призывал Марек.

Летом 1794 г., когда вспыхнуло восстание в Великой Польше, в Силезии распространялись воззвания, призывавшие к борьбе против прусского господства. Эти воззвания не оставались бесплодными, о чем свидетельствует народная песня, изображающая поляков из Силезии в рядах повстанцев под командованием Костюшки.

В 1796 и 1799 гг. целые округа Верхней Силезии были вновь охвачены крестьянскими восстаниями.

Пруссия, участвуя в разделах Речи Посполитой, в этом, по определению Маркса и Энгельса, грабеже польской земли вооруженной рукой¹, захватила большинство польских земель. Под власть Пруссии подпали Великая Польша, Поморье, большая часть Мазовии, часть Малой Польши — в целом территория в 135 тыс. км² с населением в 2,3 млн. человек. Поль-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 380.

Польские земли под игом Пруссии и Австрии на грани XVIII и XIX вв.

1 — границы государств; 2 — польские земли, захваченные Пруссией; 3 — польские земли, захваченные Австрией; 4 — границы провинций, сформированных из польских земель в составе Пруссии и Австрии; 5 — названия провинций

ские земли, захваченные при первом разделе, получили название Западной Пруссии и Принотецкого округа (дистрикта), земли второго и третьего разделов — Южной Пруссии, Нововосточной Пруссии и Новой Силезии.

Как и в Силезии, Пруссия сразу же повела на вновь захваченных польских землях антипольскую, германизаторскую политику. Особое внимание прусского правительства привлекали земли, захваченные при первом разделе, — Восточное Поморье и Принотецкий округ. Эти районы больше всего интересовали прусское правительство как «мост» между Восточной Пруссией и Бранденбургом. Именно эти районы (после Силезии) были больше всего колонизованы и германизованы.

В целях установления судоходного сообщения между Одрой и Вислой уже в 1773 г. был проведен Бромбергский (Быдгоцкий) канал. Стремясь к скорейшему освоению и закреплению земель в пограничной с Речью Посполитой полосе, прусское правительство приступило к осушению болот по реке Нотець. Попутно велась колонизация Принотецкого округа. Многие

прибывшие из Пруссии на работы крестьяне селились здесь на постоянное жительство. До 1787 г. в Принотецком округе поселилось около 11 тыс. колонистов и было основано 50 новых деревень.

Сильной колонизации было подвергнуто и Восточное Поморье. Для колонизации этих областей прусское правительство ассигновало 3 млн. талеров. Как и в Силезии, основная масса колонистов прибывала из Вюртемберга.

Сравнительно меньшей колонизации подвергались польские земли, захваченные по второму и третьему разделам. Тем не менее за 12 лет прусского хозяйничанья в так называемой Южной Пруссии здесь появилось около 14 тыс. немецких колонистов.

Но если сельская колонизация на этих землях была менее интенсивной, чем в Силезии, Поморье и Принотецком округе, то широкие масштабы приняла немецкая иммиграция в польские города. Ремесленники-мастера и купцы в поисках больших прибылей устремились в Польшу.

Наполеоновские войны прервали на время немецкую колонизацию польских земель, но с новой силой она возобновилась на землях Великой Польши, вновь захваченных Пруссией по трактатам Венского конгресса.

Как и в Силезии, прусское правительство стремилось при помощи немецких колонистов закрепить захваченные территории. Эта политика имела целью «вытеснить природных поляков с их языком из их собственной страны и создать истинно-прусскую провинцию»¹.

Феодальное прусское государство жестоко подавляло малейшие выступления крестьян против шляхты и таким образом защищало классовые интересы польской шляхты. Однако одновременно с этим оно стремилось изменить состав господствующего класса, вытеснить польских помещиков и насадить в польских землях немецких графов, баронов и т. д.

Уже сразу после захвата земель по первому разделу шляхетские имения были обложены высокими налогами — 25% от чистого дохода с имения. Имения шляхты, находившейся без позволения прусского правительства за границей, конфисковались. Если в момент захвата польских земель Пруссией 93% помещиков в Принотецком округе были поляки, то уже через 18 лет 25% крупной частной собственности перешло в руки немцев.

Прусское правительство конфисковало земли католического духовенства, самого крупного феодального собственника, тем самым усилив зависимость церкви от прусской монархии, отобрало в казну староства и реквизирировало под различными предлогами шляхетские имения. Эти земли «были раздарены, уступлены, распроданы, и вырученные деньги потекли в прусскую государственную кассу»². В одной только «Южной Пруссии» правительство роздало немцам 240 имений стоимостью в 20 млн. талеров.

В 1776 г. прусское правительство издало указ, по которому (в отличие от положения, существовавшего в собственно-пруссских землях) разрешалось приобретать польские шляхетские поместья не только дворянам, но и немецким мещанам и даже выделило фонд для их кредитования.

Польская аристократия и шляхта сами способствовали своему разорению. Деморализованные высшие круги польского общества и под властью Пруссии продолжали вести разгульный образ жизни. В Берлинском банке польская шляхта имела возможность получать кредит под более низкий процент, чем тот, который брали частные кредиторы. Организуя креди-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 375.

² Там же, стр. 381.

тование помещиков, прусское правительство действовало в интересах правящего класса и немецких, и польских феодалов. Потребность в значительных наличных суммах была связана у многих помещиков с расширившимся применением наемного труда, с интенсификацией помещичьего хозяйства. Иное дело, что очень многие польские помещики с охотой прибегали к «дешевому» кредиту в чисто потребительских целях, при этом они нередко запутывались в долгах и разорялись окончательно. В течение нескольких лет правительственный кредит намного увеличил задолженность шляхетских имений. Имения разорившейся шляхты продавались с публичного торга и попадали в руки немецких дворянчиков, разбогатевших от аренды имений и получавших щедрую поддержку со стороны властей.

На захваченных польских землях была введена прусская бюрократическая административная организация. Новые прусские «провинции» были поделены на департаменты, каждый из которых подразделялся на округа (поветы). Так, «Южная Пруссия» состояла из Познанского, Калишского и Варшавского департаментов, «Нововосточная Пруссия» — из Плоцкого и Белостокского. В каждом департаменте были две главные магистратуры — камера и регенция, в округе соответственно — ландрат и судебная комиссия. Камера с ландратами исполняла административные обязанности, в ведении регенции и судебных комиссий было судопроизводство. Шляхетское самоуправление было ликвидировано, сеймики упразднены. Служить в управлении могли только немцы. На польские земли хлынула волна продажных прусских чиновников. Только в «Южную» и «Нововосточную Пруссию» их направилось 9 тыс. С целью еще большего опруссачивания управления польскими землями в 1797 г. на них было распространено действие прусского «земского права». В управлении и судопроизводстве официально был введен немецкий язык.

Таким образом, прусское правительство лишило поляков участия в общественной жизни страны, отдав управление и правосудие на польских землях в руки немецких чиновников.

Чтобы поставить католическое духовенство на службу опруссачивания польских земель, правительство ввело контроль над церковью. Камера руководила выборами епископов, прелатов и начальников духовных организаций; принимала у священников присягу на верноподданство, давала инструкции относительно благодарственных молений за короля и т. д. Как и в Силезии, Пруссия стремилась в своих германизаторских целях использовать школу. Уже в июле 1772 г. Фридрих II дал президенту захваченной Западной Пруссии Домгарту указание назначать в польские города и села немецких учителей. «Высшие школы должны были при помощи прусских учителей опруссачивать дворянское юношество и будущее католическое духовенство, а низшие — крестьян»¹. Ряд гимназий был закрыт. Вместо них появились немецкие кадетские школы в Хелмно, Калише и других городах. Правительство поощряло польскую шляхетскую молодежь к посещению немецких университетов. В народных школах был введен немецкий учебник.

Однако польский народ всеми силами сопротивлялся германизации и продолжал сохранять свой родной язык, свою культуру.

Пруссия стремилась использовать польскую территорию в качестве рынка для сбыта своих товаров, задерживая, таким образом, развитие в польских землях легкой промышленности. В то же время в интересах государственной казны прусские власти восстанавливали металлургические

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 390.

предприятия и строили новые. Так, в 1798 г. в Панках близ Калиша были пущены в ход существовавшие ранее домна и четыре плавильные печи, а также построены новая домна и несколько плавильных печей. Усиленно разрабатывались залежи каменной соли под Иновроцлавом, дававшие прусской казне огромные барыши.

Пруссия грабила польские земли, вывозя из них хлеб, уголь, скот и т. д. Увеличены были в несколько раз старые налоги, введены новые. Большая часть получаемых с польских земель доходов — около 2 млн. талеров — шла на содержание прусской армии.

Тяжелым бременем на польские народные массы легли рекрутские сборы. В Пруссии военную службу несли крестьяне и та часть горожан, которая занималась сельским хозяйством. Это положение распространилось и на польские земли, ранее не знавшие рекрутчины. Польский народ враждебно встретил эту новую повинность. Польские крестьяне не хотели идти служить в прусскую армию с ее палочной дисциплиной и оказывали прусским властям пассивное, а иногда и активное сопротивление. В период между первым и вторым разделами Речи Посполитой поляки, жившие близ границы, спасались от рекрутских наборов бегством в Речь Посполитую. Были случаи и вооруженного сопротивления польских призывников прусским властям. Так, в районе Каргуз (Поморье) в лесу укрылась молодежь окрестных деревень и в течение нескольких дней оказывала вооруженное сопротивление пруссакам. Весть о рекрутских наборах распространялась с быстротой молнии, и прусские вербовщики, как правило, не находили в селах молодежи. Взятые часто бежали в пути.

Возведенная в систему жестокая угнетательская и антипольская политика прусского правительства вызывала все возраставшее недовольство народных масс. Из Силезии, Великой Польши, Поморья крестьяне сотнями и тысячами бежали через границу. Их рассказы о жизни под прусским игом усиливали антипрусские настроения во всех польских землях.

Сильный отпор был оказан пруссакам в 1793 г. населением Гданьска. Весть о занятии Пруссией Великой Польши и Торуня и о грозящем захвате Гданьска вызвала негодование народных масс города. В Гданьске происходили массовые манифестации. Когда в марте 1793 г. прусский корпус подошел к стенам Гданьска, местный сенат решил сдать город. Но в момент когда прусская армия должна была вступить в город, толпы народа окружили ратушу, обвиняя сенат в измене и призывая к вооруженной борьбе с захватчиками. Население захватило арсенал и пушки на крепостном валу. В борьбе с прусскими захватчиками приняли участие городские низы Гданьска, портовые и ремесленные рабочие, гданьский гарнизон, к ним примкнули цехи. Народ стойко защищал свою независимость. В течение нескольких дней в упорной борьбе плохо вооруженное население Гданьска, отрезанного от внешнего мира, противостояло вооруженной до зубов прусской разбойничьей армии.

Сразу же после захвата Гданьска Пруссией в городе возникла тайная организация, ставившая своей целью свержение прусского ига. Ее участники поддерживали связь с польской эмиграцией во Франции и с организатором польского легиона Домбровским. Они намечали поднять восстание в апреле 1797 г. Однако из-за предательства восстание не удалось.

Живой отклик на польских землях, захваченных Пруссией, нашло национально-освободительное восстание 1794 г. Одновременно в нескольких районах Великой Польши вспыхнуло восстание. В Среме повстанцы захватили прусский склад боеприпасов. Повстанцами были взяты Лешно, Равич и другие города. Для подавления восстания Пруссия направила

большие силы, отказавшись от осады Варшавы. Великопольские повстанцы оказали, таким образом, действительную помощь основным польским силам. В свою очередь Костюшко для поддержания восстания в Великой Польше и для руководства им послал отряд во главе с Домбровским и Выбицким численностью в 1 тыс. человек пехоты и 900 конных. Вслед за этим отрядом был послан отряд Мадалиньского, состоявший из 400 человек.

Отряд Домбровского соединился с повстанческими отрядами. Объединенные силы составили около 4 тыс. человек. Повстанцы подошли к стенам Познани. Они взяли Иновроцлав, разбив прусский отряд, а затем овладели Быдгощью и подошли под Торунь. Прусские войска долгое время не могли справиться с восставшими. Лишь поражение на главном театре военных действий заставило повстанцев прекратить борьбу.

Антипрусская настроенность ярко проявилась в польских землях и во время франко-прусской войны 1806—1807 гг. Созданные в Великой Польше легионы приняли участие в осаде Гданьска, в очищении польских земель от пруссаков.

Но надежды на освобождение от прусского ига не оправдались. И Западная Пруссия и мазурские районы Восточной Пруссии — все Польское Поморье осталось под властью Пруссии. Венский конгресс 1814—1815 гг. вновь отдал под власть Пруссии значительную часть Великой Польши и Куявии.

2

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ГНЕТОМ АВСТРИИ

В результате первого раздела Речи Посполитой Австрия захватила обширную территорию по северному склону Карпатского хребта от верховий Вислы на западе до реки Збруч на востоке. Это была территория в 75 тыс. км² с населением более 2,6 млн. человек, с большими естественными богатствами, среди которых особенное значение имели тогда соляные копи Велички и Бохни.

Весь обширный край, западная часть которого до Вислока и Сана была населена поляками, а восточная — украинцами; был насильственно оторван от основной польской и основной украинской территории и включен в состав гсусударства, чуждого и польскому и украинскому народу по всей своей истории, гсусударства, уже в ту пору заслужившего позорную славу «тюрьмы народов». Почти весь этот край оставался под властью Австрии вплоть до ее распада в 1918 г. и получил уродливо латинизированное название — «Королевства Галиция и Лодомерия». На полтора века он был превращен в искусственно объединенную многонациональную провинцию в рамках лоскутной, многонациональной монархии, которую лучше всего могут охарактеризовать слова Энгельса: «Пестрая, по кусочкам унаследованная и наворованная австрийская монархия, эта организованная путаница из десяти языков и наций, эта бессистемная смесь самых противоречивых обычаев и законов...»¹

По третьему разделу Речи Посполитой Австрия получила территорию между реками Пилицей, Вислой и Бугом — 42,5 тыс. км² с населением около 1,2 млн. человек, в подавляющем большинстве поляков (юго-восточный угол захваченной территории — Холмщина — был населен украинцами). Этот край получил официальное название «Западной Галиции

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 250.

(часто употребляется также наименование — Новая Галиция). До 1803 г. он представлял собой отдельную провинцию. В 1803 г. он был слит с собственно Галицией.

Галиция унаследовала от старой Речи Посполитой ее многонациональную структуру. Объединение в рамках единой провинции польских и украинских земель помогало австрийскому правительству осуществлять угнетение обоих славянских народов. При этом австрийские власти умело использовали результаты длительного господства польских феодалов на украинских землях.

Национальный вопрос тесно переплетался в Галиции с вопросом социальным. Многовековое господство польского феодального государства над Червонной Русью привело к тому, что к концу XVIII в. в восточной, украинской части Галиции господствующий класс в подавляющем большинстве состоял из польских или совершенно ополячившихся помещиков. В Восточной Галиции украинское крестьянство испытывало двойной гнет помещиков — и социальный и национальный. Это приводило, с одной стороны, к еще большему обострению классовой борьбы, с другой — к тому, что классовая борьба приобретала внешнюю оболочку национального движения.

Национальные противоречия в Галиции со времени ее захвата Австрией еще более осложнились в связи с проводимой австрийским правительством национальной политикой. В первый период своего господства в Галиции австрийский абсолютизм решительно и последовательно проводил политику, направленную к полной германизации страны. Галиция была разделена на 18 округов, управляемых окружными начальниками — старостами. Во главе всего управления провинцией стоял губернатор-наместник. Круг компетенции губернской и окружных властей охватывал все области жизни провинции за исключением чисто судебных и финансовых дел. Последними занималось специальное, подчинявшееся непосредственно Вене, ведомство. Уже организация новой австрийской администрации ярко показывала, насколько отличны были условия австрийского абсолютистского государства от шляхетской демократии в Речи Посполитой. Выборные должности, замещаемые дворянством, были ликвидированы. На их место явилась чиновничья иерархия, полностью подчиненная центральному венскому правительству, связанная всеми своими интересами не с господствующим классом Галиции, а с самой бюрократической системой. «Военные и гражданские служащие в Австрии образуют особую касту. Отцы их служили императору, и дети будут служить ему. Они не принадлежат ни к одной из множества народностей, собранных под крыльями двуглавого орла; они постоянно перемещались и перемещаются с одного конца империи на другой, из Польши в Италию, из Германии в Трансильванию. Венгерцы, поляки, немцы, румыны, итальянцы, кроаты, — все, не отмеченные печатью «императорско-королевской службы», одинаково презираются ими. Они не имеют национальности или, лучше сказать, они составляют настоящую австрийскую нацию»¹. Эта характеристика, данная Энгельсом австрийскому чиновничеству кануна революции 1848 г., полностью применима и в отношении рассматриваемой эпохи. Немецко-австрийская бюрократия повсюду, в различных уголках многонационального государства была представительницей феодально-абсолютистской государственной машины, выражавшей и защищавшей интересы господствующего класса феодалов, но одновременно с тем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 39.

отстранившей дворянство подвластных Австрии народов от непосредственного участия в управлении.

Особенностью политики австрийского абсолютистского правительства было то, что оно сохраняло некоторые внешние формы сословной организации. В 1775 г. в Галиции был учрежден провинциальный сословный сейм наподобие сеймов, существовавших в других землях империи. Но функции этого сейма и его деятельность ярко показывают, что это учреждение было лишь показным сохранением форм сословной монархии, внешней уступкой, ни в малейшей мере не ограничивавшей и не стеснявшей абсолютизм. В галицийском сейме заседали «избранные представители» трех сословий: магнатов, к которым относились титулованное дворянство и князья церкви, шляхты и королевских городов (два депутата от г. Львова). Но они имели право рассматривать лишь те представления (постулаты, отсюда и обычное название сословного сейма — постулатовый), которые делало сейму правительство. При этом сейм мог обсуждать только вопрос, каким способом выполнять постулаты монарха, обсуждение же самых постулатов по существу решительно запрещалось. Сейм мог обращаться к императору с покорнейшими прошениями-адресами; право определения, надлежит ли представлять императору тот или иной адрес, сохранялось за председательствовавшим на сейме губернатором.

Таким образом, галицийский сословный сейм был призван служить лишь декорацией абсолютистских порядков. Но и к этому бессильному учреждению австрийское правительство относилось с недоверием и опаской. Впервые сейм был созван с чрезвычайной пышностью в сентябре 1782 г. и затем созывался императором Иосифом II еще два раза: в 1786 и 1788 гг. После этого наступил долгий перерыв до 1817 г., в течение которого сословное представительство без какого-либо официального распоряжения было по сути дела упразднено.

В 1790 г. под влиянием национального подъема в Речи Посполитой и деятельности Четырехлетнего сейма в среде галицийской шляхты началось широкое движение протеста против политики Австрии, лишившей шляхту ее прежних широких политических прав и стремившейся к германизации Галиции. Его возглавил тайный комитет во Львове, состоявший из представителей шляхты и магнатства. Движение это не привело к восстанию, так как шляхта боялась выступлений крестьянства и старалась договориться с Веной. Длительные переговоры, в ходе которых фигурировал проект конституции Галиции, составленный магнатом Оссолинским, не дали положительных результатов. Комиссия, созданная в Вене из высших сановников для рассмотрения проекта конституции, с особым цинизмом сформулировала важнейшую задачу, стоявшую перед австрийскими властями: постепенное превращение галицийцев в немцев, так как до тех пор, пока они сохраняют свой национальный характер, обладание этим краем не будет прочным. В связи с этим комиссия рекомендовала не только не ослаблять, но еще более активизировать политику германизации.

Неуспех попытки договориться с Австрией несколько обескуражил ее инициаторов, но не прекратил оппозиционное движение, в котором, наряду с шляхетскими элементами, все большее участие принимали представители буржуазии. Во Львове продолжал существовать тайный комитет. Он поддерживал связь с Костюшкой во время восстания 1794 г. и оказывал поддержку повстанцам. После поражения восстания львовский комитет оказался основным связующим звеном между польской эмиграцией во Франции и Турции и тайными патриотическими группами в самой Польше.

В конце XVIII — начале XIX в. южная часть Малой Польши — Западная Галиция — была аграрным краем с отсталым, средневековым сельским хозяйством, с полным господством феодально-крепостнических отношений.

Для всей Галиции, за исключением горных карпатских деревень, было типично фольварочное помещичье хозяйство, основанное на барщинном крестьянском труде. Помещикам принадлежала почти половина всей земли, в том числе более четверти всей пахотной земли. Обезземеливание крестьян помещиками, экспроприация общинных пастбищ и лесов зашли здесь дальше, чем в других областях Речи Посполитой.

Основным видом феодальной ренты была отработочная рента. Она складывалась из ряда повинностей. Важнейшая из них — барщина — доходила до шести дней в неделю с лана земли, а если учесть при этом, что помещики широко применяли практику установления завышенных дневных норм выработки, то действительный размер барщины оказывался еще большим. Барщина отработывалась крестьянами, как правило, со своим инвентарем и тяглом. Сохранялось и много иных отработочных повинностей: шарварки, подводы, строжа и т. п.

Наряду с отработками существовала также рента продуктами и денежная рента (чинш). Однако они играли заметную роль лишь в горных деревнях, где было мало развито фольварочное хозяйство.

Уровень сельского хозяйства был низок, господствовавшей системой оставалось трехполье, орудием обработки земли — деревянная соха или деревянный плуг, в лучшем случае имевший в режущей части узкую полоску железа. Крестьянин, задавленный барщиной, не имевший возможности нормально вести свое хозяйство, владевший, как правило, слишком малым земельным наделом, жил в постоянной ужасающей нужде. Годы недоедания сменялись годами голода. Голодовки несколько уменьшились лишь после распространения в 60—80-х годах XVIII в. культуры картофеля.

Вплоть до перехода Галиции под власть Австрии важной формой сбыта продукции помещичьего хозяйства оставался сбыт за границу. С 1772 г. положение резко изменилось. Переход низовья Вислы в руки Пруссии, последовательно подрывавшей гданьскую торговлю, пограничный кордон, отделивший Галицию от Речи Посполитой и верховья Вислы от ее среднего течения, создали серьезные осложнения для сбыта фольварочной продукции. Сплав по Висле резко сократился. Возможности для сбыта хлеба на рынках самой Галиции или австрийской монархии были ничтожны. В этих условиях резко возросло развившееся еще ранее винокурение. Право пропинации, сохраненное за помещиками австрийскими законами, широко использовалось помещиками. В первой половине XIX в. винокурни были в 80% галицийских деревень. Крестьяне принуждались к покупке водки у помещика.

80-е годы XVIII в. были ознаменованы в Галиции крестьянской реформой. Еще ранее реформа начала осуществляться в чешских землях, а в 80-х годах охватила почти все земли австрийской монархии. Толчком к проведению реформы послужило крестьянское движение и особенно большое крестьянское восстание в Чехии в 1775 г. Вместе с тем побудительной причиной крестьянской реформы, равно как и других реформ Иосифа II, касавшихся государственного устройства, городского самоуправления, цехов, вероисповедных отношений и т. д., было стремление к общему укреплению абсолютистских порядков, к унификации права различных провинций, а тем самым и к большей централизации государства, подавлению центробежных сил формировавшихся наций многонацио-

нальной империи, особенно забота об увеличении военно-финансовых ресурсов.

Была отменена личная зависимость крестьян. Безземельный крестьянин получал право свободного выхода; крестьянин, имевший надел, мог покинуть его при условии представления на свое место заместителя.

Было ограничено право помещика распоряжаться крестьянскими землями. Соотношение помещичьих и крестьянских земель на 1 ноября 1786 г. было объявлено нормой, все последующие изменения считались незаконными. Однако крестьяне попрежнему оставались лишь фактическими владельцами своих наделов, права собственности на которые официально сохранял помещик.

Наконец, была сделана попытка несколько ограничить крестьянские повинности. Для крестьян, имевших земельный надел, максимум барщины определялся в три дня в неделю, а для безземельных крестьян-коморников была установлена норма барщины в 13 дней в год. Продолжительность рабочего дня на барщине была ограничена 12 часами летом и 8 часами зимой, запрещалось делить дни барщины, произвольно заменять пешую барщину тягловой и, наоборот, переносить барщинные дни с зимы на весну и лето и т. п. В число барщинных дней должны были включаться прочие отработки (подводы, строжа и т. п.).

В 1789 г. был издан новый патент, предусматривавший наиболее значительную реформу крестьянских повинностей. Согласно этому патенту, для крестьян-хозяев во всей монархии отменялась барщина и единственным видом повинностей должен был быть чинш, размер которого определялся в соответствии с доходом крестьянского хозяйства. Крестьянину оставлялось 70% дохода его хозяйства, 12 ²/₉% составляли прямые налоги в пользу государства и 17 ⁷/₉% — чинш помещику. Положения безземельных крестьян патент не изменял. Они должны были оставаться барщинниками.

Если и предшествующие реформы вызывали ропот среди помещиков, то намеченная патентом 1789 г. реформа (она должна была войти в силу в 1791 г.) встретила резкую оппозицию помещиков всех земель монархии. В то же время события 1789—1790 гг. — буржуазная революция и широкое развитие аграрного движения во Франции, взрыв освободительного движения в Бельгии, бывшей в то время одной из провинций австрийской монархии, сложная внешнеполитическая обстановка — заставили австрийское правительство считаться с недовольством дворян. Уже сам Иосиф II был вынужден пойти на частичную отмену своих реформ. После же его смерти (в феврале 1790 г.) отступление абсолютизма приняло еще более широкий характер. Новый император Леопольд II быстро восстановил «сердечные» отношения с дворянством, отменил (апрель 1790 г.) неугодные ему нововведения, в том числе и патент 1789 г. В значительной мере прекратили свое действие и другие изданные Иосифом II законы по крестьянскому вопросу. Помещики эти законы саботировали, а австрийские власти отнюдь не заботились о проведении их в жизнь. Трехдневная норма барщины никогда не была официально отменена, но и никогда на практике не существовала. Как правило, на крестьянское хозяйство приходилось 200—260 дней барщины в год, т. е. четыре-пять дней в неделю, и это имея в виду лишь фиксируемые формально дни. Современный наблюдатель писал: «Галицийский шляхтич, как владыка над своими подданными, был самым бесчеловечным и достойным презрения мучителем».

Как и в Силезии, правительственные распоряжения не задержали в Галиции процесса обезземеливания крестьян. Малоземельные и безземельные крестьяне составляли громадную часть крестьянства. Но,

в отличие от Силезии, в польских землях Австрии применение наемного труда в помещичьем хозяйстве, а вместе с тем и развитие капиталистических методов эксплуатации шло медленно, развитие экономики продолжало сохранять рутинный, застойный характер. Консервации феодально-крепостнических отношений способствовала слабость развития промышленного производства.

Города Галиции во второй половине XVIII в. не вышли из состояния упадка, которое было типичным для городов Речи Посполитой в XVII в. Экономическое оживление, отразившееся на развитии польского города конца XVIII в., особенно заметно преобразившее Варшаву и превратившее варшавское мещанство в важную политическую силу, почти не коснулось Галиции. Большая часть городов и местечек Галиции в экономическом отношении не отличалась от деревень, так как основным занятием их населения было земледелие. Многие местечки и даже города были частновладельческими, и жители их платили чинш помещику, а подчас и работали на барщине. Лишь 10—15 городов во всей Галиции могли действительно быть названы городами, однако промышленное производство и в этих городах стояло на очень низком уровне.

Введенный в 1778 г. новый цеховой регламент отменял ряд архаических ограничений и открывал пути развития цеховых мастерских в капиталистические мануфактуры (отмена ограничения числа работников, занятых у одного мастера, и т. п.). Мануфактуры были вообще изъяты из-под юрисдикции цехов. Однако устранение помех на пути превращения цехового мастера в промышленника-капиталиста имело сравнительно небольшой эффект, так как цеховое ремесло пришло в упадок, а рынок сбыта продукции был ничтожным. Шляхта предпочитала закупать за границей все то, что не могло быть произведено в поместье, покупательная же способность крепостного крестьянина была очень невелика. Наоборот, и помещик и крестьянин выступали в роли опасных соперников отмиравшего цехового производства.

Свободные от цеховых ограничений, располагавшие даровой рабочей силой барщинного крестьянства, помещики стали заводить крепостные мануфактуры. Эти предприятия могли существовать и подчас успешно конкурировать не только с городским ремеслом, но и с привозной фабричной продукцией именно потому, что они не требовали от помещиков никаких издержек на рабочую силу, а зачастую и на сырье и инвентарь. Наряду с крепостными текстильными мануфактурами, среди которых наибольшей известностью пользовалась мануфактура в Андрыхове, вырабатывавшая грубое полотно, возник ряд мелких помещичьих железообрабатывающих предприятий. Эти основанные на барщинном труде предприятия не пережили самой барщины. В подавляющем большинстве они прекратили существование в середине XIX в., и не от них брало свое начало капиталистическое производство в Галиции.

В литературе конца XVIII — начала XIX в. есть сведения о некоторых промышленных предприятиях, использовавших наемный труд. В большинстве случаев, однако, данных об организации производства на этих предприятиях источники не приводят. При этом большая часть предприятий, которые можно рассматривать как капиталистические мануфактуры (табачные фабрики, кожевенный и пороховой заводы) была сосредоточена в восточной, украинской части Галиции, в районе Львова.

Существенным фактором промышленного производства в Галиции в этот период были деревенские промыслы: производство на продажу полотна, сукна, гончарных, столярных изделий, обработка камня (жернова, бруски для отбивки кос и т. п.), кузнечный промысел и т. д.

Общее число ткачей в Галиции в 1781 г. составляло 18 тыс., а к 1790 г. возросло до 23 тыс. В 1803 г. число ткачей в одном только Перемышльском округе достигало 2 тыс. Деревенские промыслы существовали издавна. Теперь в них начали появляться элементы капиталистических отношений. Продукцию сельских ткачей скупали купцы-оптовики. Грубое полотно, купленное по ничтожной цене у ткачей Западной Галиции, отправлялось в прусскую Силезию для дальнейшей обработки (отбелики и т. д.), а затем возвращалось в Галицию в качестве дорогого «иностранный» товара.

На рубеже XVIII и XIX вв. на границе Цешинской Силезии и Западной Галиции, в разделенных лишь речкой Бялой городах Бельско и Бяла начал складываться важный центр суконной промышленности.

Таким образом, промышленное производство в Галиции существовало, но оно было стиснуто в узких рамках средневекового цехового регламента, либо представляло собой придаток феодального помещичьего хозяйства. Наконец, рост мелких промыслов, который выражает собой начальные шаги развития капитализма¹, был еще незначителен, сами эти мелкие промыслы еще сохраняли характер домашней промышленности, при которой промысел неразрывно связан с земледелием в одно целое².

Дополнительные трудности для развития промышленного производства в Галиции создавала налоговая политика австрийского правительства. Абсолютистское правительство испытывало непрерывную острую нужду в средствах для содержания огромного чиновничьего аппарата, большой армии, для осуществления великодержавной внешней политики. Налоговая эксплуатация Галиции приняла с первых же лет захвата ее Австрией чрезвычайные размеры. Если в 1773 г., когда правительство временно оставило в силе старую систему и размер налогов, с Галиции было собрано 1,6 млн. флоринов, то уже к концу XVIII в. прямые налоги с провинции превышали 4,5 млн. флоринов.

Большое место в доходах, получаемых от Галиции, составлял доход от соляной монополии. Она была введена в 1778—1779 гг. В Речи Посполитой территории, вошедшие в состав Галиции, были поставщиками соли для всего государства. Наложив свою руку на торговлю солью, установив цены, превышавшие себестоимость в 25 раз, правительство получило возможность выкачивать из самой Галиции 1,2—1,5 млн. флоринов в год, не считая доходов от продажи галицийской соли Речи Посполитой и торговли солью в иных землях Австрийской империи. Указанная цифра определяет лишь доходы казначейства, а не стоимость соли для населения Галиции, так как продажа соли отдавалась на откуп, и значительные суммы сверх казенных доходов шли в карманы откупщиков. Была установлена табачная монополия. Обложение предметов широкого потребления, таких, как соль и табак, давало значительный доход казне и разоряло и без того нищее крестьянство. Налоговая политика еще более сужала внутренний рынок, способствовала экономическому застою, превращала Галицию в окраинную колонию габсбургской монархии.

Одним из первых актов австрийского правительства после занятия Галиции было превращение всех прежних коронных имений в собственность австрийского государства. В 1774 г. к ним присоединились имения ликвидированного папой Климентом XIV ордена иезуитов, а в 1780 г. — имения многих закрытых монастырей. Таким образом, в руках государства оказался значительный земельный фонд. Одни только бывшие королевщины составляли в 1773 г. около 10% всей продуктивной площади

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 292.

² См. там же, стр. 285.

провинции. Уже в первые годы австрийского господства в Галиции правительство приступило к широкой продаже королевщин. Устраивались аукционы, но чаще право покупки предоставлялось держателю имения за относительно низкую цену, нередко не превышавшую половины действительной стоимости имения.

Казенные или, по австрийской терминологии, камеральные имения стали основной базой проведения немецкой колонизации, начатой еще в правление Марии-Терезии и принявшей особенно широкие масштабы при Иосифе II (1780—1790). Колонизация являлась одним из основных элементов политики германизации Галиции. Колонисты вербовались в прирейнских немецких княжествах. Они получали значительные льготы и ссуды на переезд и устройство на новых местах, им давался инвентарь, скот и т. д. Для организации колоний парцеллировались фольварки казенных имений. Размер колонистских наделов, как правило, был весьма значителен, в среднем на семью приходилось 10—20 га земли. Колонисты платили государству чинш, размер которого колебался в зависимости от местных условий и составлял от 18 до 41 % дохода, но обычно не превышал 30 %. Натуральную повинность и барщину можно было встретить в инвентарях колоний лишь в порядке исключения, при этом ни в одном случае барщина не превышала шести дней в год. Поставленные в привилегированные условия колонистские хозяйства должны были, по мысли Иосифа II, служить бастионами немецкого элемента в Галиции. Колонии были разбросаны по всей Галиции, наибольшее число их было в районах Нового Сонча, Замостья, Самбора и Львова. Иосиф II стремился побудить к организации немецких колоний и помещиков, которым казна выплачивала за каждую поселенную немецкую семью 250—300 флоринов (1000—1200 польских злотых). Однако частная колонизация не приняла больших масштабов.

Невелики были и результаты колонизационной деятельности австрийского правительства в целом. Большие расходы, связанные с колонизацией, побуждали ослаблять ее темп, а в дальнейшем и полностью приостановить вербовку колонистов. Всего в этот период в Галицию переселилось 14,5 тыс. немцев, в том числе около тысячи ремесленников и торговцев.

Оказать существенное влияние на политическую обстановку в крае эта горстка иммигрантов, разумеется, не могла. Если в первые годы после поселения колонисты еще оправдывали надежды, которые связывало с ними австрийское правительство (известны факты враждебной встречи колонистами вступивших в 1809 г. в Галицию польских войск), то в дальнейшем, вопреки предположениям Иосифа II, немцы-горожане, а в определенной мере и немецкие колонисты в селах Западной Галиции начали быстро терять свой национальный облик и полонизироваться.

Колонизация не была единственным методом попыток германизации Галиции. Вся служебная переписка центральных и окружных административных органов в Галиции велась на немецком языке. Польский язык еще допускался в течение некоторого времени для так называемой внешней переписки, т. е. переписки между административными органами и частными лицами, однако и здесь власти предпочитали пользоваться латынью. Латынью же пользовались в шляхетских судах, и только в городских и сельских судах употреблялся польский язык (об употреблении украинского языка не было и речи). Вскоре, однако, оказалось, что и это положение австрийское правительство рассматривает как временное. В 1785 г. Иосиф II приказал судьям в трехлетний срок подготовиться к переводу судопроизводства на немецкий язык. Затем требование знания

немецкого языка распространилось на служащих магистратов, адвокатов и т. д. Провести полностью эту германизаторскую программу не удалось. Но все же в конце XVIII в. судопроизводство было частично переведено на чуждый населению немецкий язык.

Особенно тяжелым, задевавшим национальные интересы и чувства польского и украинского народов явлением была германизация школы. Был основан ряд школ (число их к 1786 г. достигло 53), в которых преподавание велось на немецком языке. Целям германизации должен был служить и основанный в 1784 г. во Львове университет с преподаванием на латинском и немецком языках. После присоединения к Галиции Кракова (1795) в целях германизации одного из старейших славянских университетов Львовский университет был ликвидирован и слит с Краковским (1806), а во Львове оставлен лишь лицей с гимназией. Польские и украинские школы не получали почти никакой государственной поддержки. Они оставались целиком под опекой и на содержании церкви. Отсутствие надлежащих помещений, недостаток квалифицированных преподавателей, почти полное отсутствие учебников чрезвычайно осложняли работу этих школ. Если учесть при этом, что само преподавание имело преимущественно церковно-прикладной характер, что основным языком преподавания в польских школах была латынь, то становится ясным, как невелика была просветительная роль этих «национальных» школ.

Германизаторская политика правительства в Галиции не достигла цели. Она вызывала глубокое недовольство в различных социальных слоях польского и украинского народов, которое усиливалось по мере роста национального самосознания, по мере завершения формирования польской и украинской наций.

Начиная с 1792 г. Австрия вступила в полосу длительных войн с революционной, а затем наполеоновской Францией. Вместе со всей монархией, а может быть, в еще большей мере, чем другие ее земли, ощущала тяжесть этих войн Галиция.

В годы войны с Францией рекрутчина — этот налог кровью — стала невыносима. Феодалная австрийская армия терпела поражения в боях с войсками буржуазной Франции. Набор следовал за набором. Польские крестьяне шли проливать свою кровь за совершенно чуждом им государством на чужих для них берегах Рейна и По. Вновь усилилось «разбойничество». Карпаты на рубеже XVIII—XIX вв. были полны отрядов опришков, основную массу которых составляли солдаты или крестьяне, бежавшие от рекрутчины.

Наряду с этой примитивной формой крестьянского протеста появились и тайные крестьянские организации. Такая организация была открыта австрийскими властями весной 1797 г. в Седлецком округе (Подляшье). Во главе ее стоял землемер Францишек Гожковский, один из активных польских яacobинцев, участник восстания Костюшки. Движение носило яркий антифеодальный характер. «Волчий род должен быть уничтожен, чтобы больше не вредил», — таково было отношение крестьян к помещикам. Как образец революционного действия Гожковский в своей агитации приводил крестьянское восстание 1768 г. на Украине и революционный террор яacobинской Франции. Написанный Гожковским манифест начинался словами: «Свобода, равенство, республика», и провозглашал полную ликвидацию феодальных повинностей. Австрийским властям удалось подавить это еще только зарождавшееся движение. Но оно не было единичным. Существуют глухие данные источников о крестьянском движении в Западной Галиции в 1805 г.

Австрии недолго удалось удержать захваченные в 1795 г. польские земли. Уже в 1809 г. в результате войны с Францией Австрия потеряла «Западную» (Новую) Галицию и Замоиский округ. Но вся старая Галиция, оставленная Венским миром 1809 г. под австрийским гнетом, еще целое столетие томилась под властью габсбургской монархии.

3

ПОЛЬСКИЕ ЛЕГИОНЫ И БУРЖУАЗНАЯ ФРАНЦИЯ

После третьего раздела Речи Посполитой часть бывших членов Четырехлетнего сейма, офицеров и других деятелей восстания 1794 г., покинула польскую территорию. Одни из них направились в Турцию и турецкие владения на Балканах (Валахию, Молдавию и др.), другие — в Венецию, третьи — в Париж, где существовало польское представительство во главе с Барссом.

Париж вскоре стал центром польской эмиграции. С парижской эмиграцией устанавливали связь и признавали ее руководящую роль как другие эмигрантские группы (в Венеции, Константинополе), так и образовавшиеся на территории бывшей Речи Посполитой тайные организации, например львовский комитет, который принял теперь название «Центральное собрание» (Zgromadzenie Centralne).

Франция привлекала польских эмигрантов по двум причинам. Одна из них — это симпатии к французской революции, которые разделяла, однако, небольшая группа эмигрантов. К таким можно отнести якобинцев Дмоховского, Мейера, Шанявского, сына слесарного мастера Юзефа Павликовского и др. Павликовский резко осуждал социальный строй Речи Посполитой, громил шляхту, которая, по его словам, «не умела быть ничем другим, как только тираном для крестьян». Другая причина — война Франции с одной из держав, разделивших Польшу, — Австрией, а в перспективе неизбежные столкновения Франции с Пруссией и Россией. На эти столкновения и на возможное вследствие их восстановление Польши возлагали свои надежды польские шляхетские эмигранты.

Среди эмигрантов возникли серьезные разногласия по вопросу о путях восстановления Речи Посполитой. Одна группа, в состав которой входили Францишек Барсс, Кароль Прозор, Юзеф Выбицкий, придерживалась прусской ориентации. Они предлагали Пруссии, вступившей в 1795 г. в конфликт с Австрией и Россией, образовать польское королевство под скипетром прусского короля или одного из Гогенцоллернов. Вторая группа, принявшая название «Депутации» (Мневский, Ташицкий, Дмоховский и др.), мечтала о войне Франции, а также Швеции и Турции против России.

Первые шаги группа Барсса — Выбицкого предприняла в 1795 г. Выбицкий с согласия и при полном одобрении французского правительства вступил в переговоры с прусским послом в Париже Сандозом. Этот же план «пруско-польского» решения вопроса развивал перед прусским правительством в Берлине генерал Ян Генрик Домбровский. В 1796 г. Домбровский прибыл в Париж и примкнул к группе Выбицкого — Барсса.

Осенью 1796 г. военное положение Франции ухудшилось. Французские войска вынуждены были очистить Германию. В этот момент (октябрь 1796 г.) Домбровский представил Директории проект создания польских легионов, которые могли бы сражаться против Австрии. Этот проект был поддержан группой Мневского. Директория приняла

Ян Генрик Домбровский

Гравюра Костецкого

предложение Домбровского. По ее указанию он заключил в Италии (в январе 1797 г.) соглашение с Генеральной администрацией Ломбардской республики об образовании двух польских легионов, действующих в составе армии генерала Бонапарта. В ряды легионов вливались поляки — пленные или перебежчики из австрийской армии.

Среди офицеров и солдат легионов царило убеждение, что легионы вступят в Галицию и станут ядром восстания, которое охватит и остальные земли старой Речи Посполитой. Эти же проекты разделяла осенью 1796 г. и парижская эмиграция, равно как и эмигрантские группы в Венеции и Турции.

В марте 1797 г. генерал Домбровский представил Бонапарту план действий польских легионов. Они должны были двинуться на Балканы и, пройдя территории, принадлежавшие Турции (Сербия, Валахия, Молдавия), вдоль австро-турецкой границы выйти в Буковину и через нее в Галицию. «Депутация» ориентировалась на восстание польской шляхты в украинских и белорусских землях бывшей Речи Посполитой. Однако положение там складывалось не в пользу планов «Депутации». Павел I провел некоторые благоприятные для польской шляхты мероприятия: восстановил сеймики и шляхетские выборные суды, покровительствовал католической церкви и иезуитам и т. д. Но не это было главным. Польских помещиков на Украине и в Белоруссии вполне устраивала власть царизма, надежно охранявшего их классовые интересы. Об этом с циничной откровенностью писал Каетан Козьмян: «С известной точки зрения нам живется лучше, чем во времена Речи Посполитой; мы в значительной мере сохранили то, что дала нам родина. Теперь нам не приходится бояться уманьской резни; хотя Польши нет, мы живем в Польше». Надежды на выступление польской шляхты на украинских и белорусских землях в России, которое должна была поддержать галицийская шляхта, отпали. Галицийскую шляхту также начали одолевать сомнения. Она готова была поддержать восстание «по соседству», помогать ему оружием, средствами, людьми, но боялась восстания «у себя дома», так как оно могло всколыхнуть крестьянство.

Наполеон Бонапарт не высказался прямо по существу проекта Домбровского, но дал ему понять, что проект этот отвечает французским планам. В действительности дело обстояло совсем не так. Бонапарт готовился вступить в мирные переговоры с Австрией. Леобенское предварительное соглашение Франции и Австрии (апрель 1797 г.) было полной неожиданностью для польских солдат и офицеров, равно как и для всей польской эмиграции.

Вслед за этим польская эмиграция предприняла попытку добиться постановки польского вопроса на международном форуме — возникла мысль созвать в Милане находившихся в эмиграции бывших депутатов Четырехлетнего сейма и на созданном таким образом сейме выбрать представителей для участия в мирных переговорах между Францией и Австрией. Но это представление было отклонено Директорией и генералом Бонапартом.

В октябре 1797 г. между Францией и Австрией был заключен Кампо-Формийский мирный договор, который ни одним словом не обмолвился о польских делах. Он вызвал глубокое разочарование Францией среди польской эмиграции. Некоторые эмигранты, разуверившись во Франции, отправились в Петербург и вступили в русскую армию. Будущее легионов, которые французское правительство использовало для борьбы с восстаниями в Италии, для подавления народных движений, представлялось в самом мрачном свете.

Примирившись с провалом предыдущих планов, некоторые круги эмиграции выдвинули новый проект — создание Польши под скипетром Австрии (с согласия Франции). Если в 1796 г. Домбровский убеждал прусского короля Фридриха Вильгельма II в том, что восстановление Польши усилит Пруссию и позволит ей одолеть Австрию и Россию, то теперь польский мемориал рисовал перед Австрией картину роста ее могущества и унижения ее врагов — Пруссии и России. Разумеется, никакого практического значения этот проект не имел. Он лишней раз характеризует метание из стороны в сторону, свойственное шляхетской польской эмиграции.

После возобновления войны в Европе между Францией и державами сложившейся в конце 1798 г. второй антифранцузской коалиции (Англия, Россия, Австрия и др.) снова всплыл на поверхность план вторжения польских легионов в Галицию. К двум существовавшим легионам прибавился третий, который получил даже название «Дунайский», что не мешало держать его на Рейне. Но в 1801 г. побежденная Австрия вышла из войны, подписав с Францией Люневильский мир, и снова польский вопрос не получил никакого разрешения.

Разочарование и возмущение Францией охватили подавляющую часть легионеров. Многие офицеры, в том числе командир одного из легионов генерал Кароль Князевич, ушли в отставку. Солдаты и унтер-офицеры дезертировали из легионов. Наполеон Бонапарт, ставший в 1799 г. первым консулом — главой французского государства, утратил всякий интерес к легионам. Легионы были переформированы, два из них Наполеон передал Италии, а личный состав третьего (бывшего Дунайского) был включен во французскую армию. Польские военные соединения прекратили свое существование, превратившись во французские войска, укомплектованные из поляков.

В 1802 г. бывшие польские легионы, ставшие 113-м и 114-м французскими пехотными полубригадами, были отправлены во Французскую Вест-Индию (на остров Гаити) для подавления освободительного восстания негров. Солдаты-поляки противились отправке. Среди них вспыхнули волнения, подавленные французскими частями, и полубригады насильственно были погружены на суда. В необычайно тяжелых условиях польские части потеряли от болезней и в сражениях с восставшими почти весь свой состав. Из 6 тыс. человек, отправленных на Гаити, уцелело немногим больше 500 человек, возвращенных в Европу уже в качестве английских пленных в 1814 г. Так злополучно завершилась история польских легионов.

Организация легионов была практическим воплощением шляхетских планов восстановления Польши путем дипломатических комбинаций. Это вполне отвечало классовой природе руководства легионов. Легионы были для него важны не как основа вооруженных сил, способных отвоевать независимость Польши, а как «аванс» Франции, который должен был убедить ее в ценности восстановленной Польши в качестве союзника.

Рядовые легионеры, солдаты и офицеры, многие из которых зачастую с опасностью для жизни покидали ряды австрийской армии или пробрались из порабощенной Польши через границы, чтобы вступить в легионы, показали немало прекрасных примеров патриотизма. На путь борьбы толкали их национально-освободительные настроения, пробужденные восстанием 1794 г. Они были отражены в гимне легионов «Еще Польша не погибла» («*Jeszcze Polska nie zginęła*»), ставшего впоследствии польским национальным гимном. Легионеры были полны наивной веры в помощь Франции. Только крушение надежд, связанных с легионами, раскрыло глаза рядовым легионерам на истинное положение вещей.

Порочность политических планов организаторов легионов понимали лучшие представители польского народа, в частности, образовавшееся в 1798 г. в Варшаве тайное «Общество польских республиканцев», установившее контакт с Костюшкой и заключенным в казематах австрийской крепости Оломоуц Коллонтаем. «Общество польских республиканцев» поддерживало планы вооруженной борьбы за независимость, организовывало добровольцев, желавших направиться в легионы, но оно решительно осуждало политику руководителей легионов. Тадеуш Костюшко, который после освобождения из плена поселился в 1798 г. во Франции, решительно отверг предложение принять командный пост в легионах. Под влиянием Костюшки в 1800 г. появилась брошюра «Могут ли поляки добиться независимости?» (автором ее был Юзеф Павликовский). Брошюра была проникнута верой в освободительные силы самого польского народа и призывала к социальной перестройке Польши.

С другой стороны, Костюшко считал необходимым не отворачиваться от уже созданных польских легионов, а своим влиянием способствовать воспитанию в легионерах прогрессивного республиканского мировоззрения. И если руководство легионами оказалось в руках умеренных шляхетских политиков типа Домбровского и Выбицкого, то в массах легионеров действовали представители радикального направления (такие, как прославленный якобинец 1794 г. Конопка), установившие в Италии связи с итальянским национально-освободительным (карбонарским) движением.

4

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В 1804—1807 гг. ВАРШАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Европейские государства и в особенности державы, разделившие Речь Посполитую, в условиях крупных военно-политических столкновений периода 1804—1815 гг. не могли, конечно, не учитывать польский вопрос. Географическое положение польских земель, их стратегическое значение и крупная политическая роль, которую могла играть Польша в обстановке тех лет, — все это принимали во внимание европейские державы.

Как наполеоновская Франция, так и ее противники — царская Россия, Пруссия и Австрия — иногда воскрешали из дипломатических соображений планы восстановления польской государственности. Такие планы или слухи о них всегда встречали сочувствие известных кругов польской шляхты и аристократии.

В России инициатором подобных планов являлся Адам Ежый Чарторьский. Сын одного из руководителей «фамилии» — Адама Казимежа Чарторьского, оставшегося после разделов в Австрии, молодой Чарторьский был близок к великому князю Александру Павловичу. После вступления последнего на престол Адам Чарторьский вошел в «Негласный комитет», а вскоре был назначен товарищем (помощником) министра иностранных дел.

Чарторьским был выработан план восстановления Речи Посполитой в прежних ее границах (т. е. с литовскими, белорусскими и украинскими землями) под скипетром Александра I как польского короля. Будучи с 1804 г. министром иностранных дел России, Чарторьский стремился путем соглашения с Австрией и ценой различных компенсаций склонить последнюю к уступке Галиции. В отношении Пруссии план Чарторьского

был более решительным: предполагалось силой отобрать у нее Великую Польшу.

Александр I не отвергал плана Чарторьского, но относился к нему не как к реальной политической программе, а как к средству дипломатического давления на колебавшуюся Пруссию.

Александр I действительно удалось добиться от Фридриха Вильгельма III заключения союза с Россией. Это означало крах всей программы Чарторьского. Однако и после этого, уйдя вскоре в отставку, Чарторьский продолжал сохранять положение советника Александра I по польским делам. Он оставался куратором учрежденного Александром I в 1803 г. в Вильнюсе польского университета. Все это свидетельствовало о стремлении Александра I укрепить свои позиции в среде польской шляхты.

В Пруссии также подумывали о том, чтобы укрепить свой тыл в польских провинциях и более эффективно использовать силы поляков в начинавшейся войне с Наполеоном. Учитывая эти настроения, польский аристократ Антоний Радзивилл — родственник прусского короля — поднял вопрос о создании в составе Пруссии полусамостоятельного польского государства, а также о формировании польского легиона. Этот проект не был реализован.

Военные действия против Франции протекали неудачно для Пруссии. В октябре 1806 г. французские войска заняли Берлин и стали продвигаться дальше на восток, к границам польских земель.

Наполеону предстояло вести военные действия на польской территории, вдали от Франции, от ее резервов, в условиях возросших трудностей пополнения и снабжения армии. Он поручил Домбровскому и Выбицкому поднять поляков против Пруссии, сформировать польское войско и организовать снабжение французской армии. В разговоре с Выбицким Наполеон заявил, что он «хочет воскресить Польшу», но «ему нужно знать, найдется ли там армия, продовольствие и необходимые условия».

В ноябре 1806 г. от имени Наполеона была опубликована прокламация к полякам, содержащая двусмысленное заявление, что Наполеон хочет убедиться, «заслуживают ли поляки быть независимым народом». На приеме познанской депутации Наполеон в ответ на речь депутата Дзялыньского заявил, что если поляки организуют 30—40-тысячную армию, то он провозгласит независимость Польши.

Зная, какой популярностью пользуется Костюшко в Польше, Наполеон повел с ним переговоры, стараясь заручиться его сотрудничеством. Однако Костюшко отнесся весьма скептически к наполеоновским посулам. Он справедливо сомневался в возможности восстановления Польши руками завоевателя и поработителя других европейских народов. В январе 1807 г. Костюшко представил Наполеону свои условия, потребовав, чтобы Наполеон сделал официальное заявление о восстановлении Польши в старых границах и осуществил освобождение крестьян с землей. Наполеон ответил решительным и грубым отказом. Он отнюдь не желал связывать себе руки какими-либо обязательствами перед поляками. Инструктируя маршала Даву, командовавшего французским корпусом в Польше, Наполеон приказал ему поощрять военные начинания поляков, «не давая никаких письменных обязательств». Не останавливаясь ни перед какими средствами, чтобы завоевать доверие польского населения, Наполеон и польские исполнители его планов опубликовали подложное воззвание Костюшки.

15 января 1807 г. Наполеон образовал в Польше «Правительственную комиссию» в составе семи человек под председательством Станислава

Малаховского, бывшего маршалка Четырехлетнего сейма. Создание комиссии должно было символизировать возрождение польской государственности и поднять настроение в польском шляхетском обществе. На деле же комиссия превратилась в «централизованного посредника» между французским командованием и населением, в исполнителя требований французских военных властей.

При «Правительственной комиссии» Наполеон назначил французского представителя, сначала Талейрана, после него Венсана, которые должны были поддерживать у поляков надежды на перемены в судьбе Польши. Однако это должно было делаться в самой неопределенной форме. Секретная инструкция, данная Венсану, воспрещала официально говорить о независимости Польши.

После побед, одержанных над Пруссией, осенью 1806 г. французские войска вошли в соприкосновение с русской армией. Упорство и храбрость, проявленные русскими войсками в сражении при Пултуске 26 декабря 1806 г., затруднили положение французов. Наполеон вынужден был приостановить продвижение войск и обратить основное внимание на осаду крепостей, в особенности Гданьска. 8 февраля 1807 г. при Прейсш-Эйлау произошло одно из самых кровопролитных и тяжелых для наполеоновской армии сражений, в которой французы понесли большие потери. Неудача при Эйлау поколебала престиж Наполеона. Наполеон решил расколоть коалицию России и Пруссии и обратился к Пруссии с мирными предложениями. Он отправил в Клайпеду, где в это время находился двор Фридриха Вильгельма III, генерала Бертрана, которого уполномочил, в частности, заявить, что французский император «не придает никакого значения Польше» и готов предложить прусскому королю польскую корону. В письме к Фридриху Вильгельму III Наполеон цинично заявил, что «поляки недостойны и неспособны быть свободным народом».

Наконец, когда за победой французской армии под Фридландом (14 июня 1807 г.) последовали русско-французские переговоры в Тильзите, Наполеон пытался использовать польские земли и польскую корону в качестве приманки для русского царя.

Польша интересовала Наполеона лишь как военный плацдарм, поставщик пушечного мяса и выгодная карта в дипломатической игре. Это определяло роль, которую он отводил созданному в результате тильзитских переговоров с Александром I вассальному Варшавскому княжеству.

Горожане и шляхетские круги приветствовали конец ненавистного прусского владычества. Они расценивали приход французов как начало восстановления польского государства. Но уже первые месяцы французского хозяйничанья в стране принесли многим из них разочарование. Оптимистически настроенные поляки были осажены строгим окриком Наполеона, писавшего Даву: «Ставьте патриотов на место», т. е. не давайте им воли. Польское население страдало от реквизиций, постоя солдат, от подводной подати и других повинностей и поставок, а также от мародерства и грабежей, учиняемых французскими солдатами.

Магнаты и крупная шляхта заняли выжидательную позицию, не желая слишком компрометировать себя в глазах Пруссии и России связями с Францией. Влиятельные представители шляхты уклонялись от принятия должностей в административных, судебных и других органах или соглашались принять их с большой неохотой. В Познани в шляхетской среде Выбицкий встретил «сомнение и боязнь». Когда Выбицкий объявил о замене прусских чиновников польскими, он «с удивлением обнаружил крайне малое число охотников и очень многих отказывающихся под предлогом неспособности».

Костюшко в старости
Грашора Я. Регулинского

Ломая скрытое сопротивление шляхты, Наполеон добивался своего. Он потребовал формирования 40-тысячной армии, возложив эту задачу на племянника последнего польского короля — Юзефа Понятовского.

Во время мирных переговоров в Тильзите, на которые польские представители не были даже допущены, Наполеон и Александр I заключили соглашение об образовании Варшавского княжества. Оно создавалось из части польских земель, захваченных при разделе Речи Посполитой Пруссией. Его территория равнялась 100 тыс. км², население — 2,4 млн. человек. Князем был назначен саксонский король Фридрих Август. Гданьск с округом объявлялся вольным городом. Белостокский округ отходил к России. Пруссия сохраняла значительную часть польских земель, захваченных при первом и втором разделах Речи Посполитой.

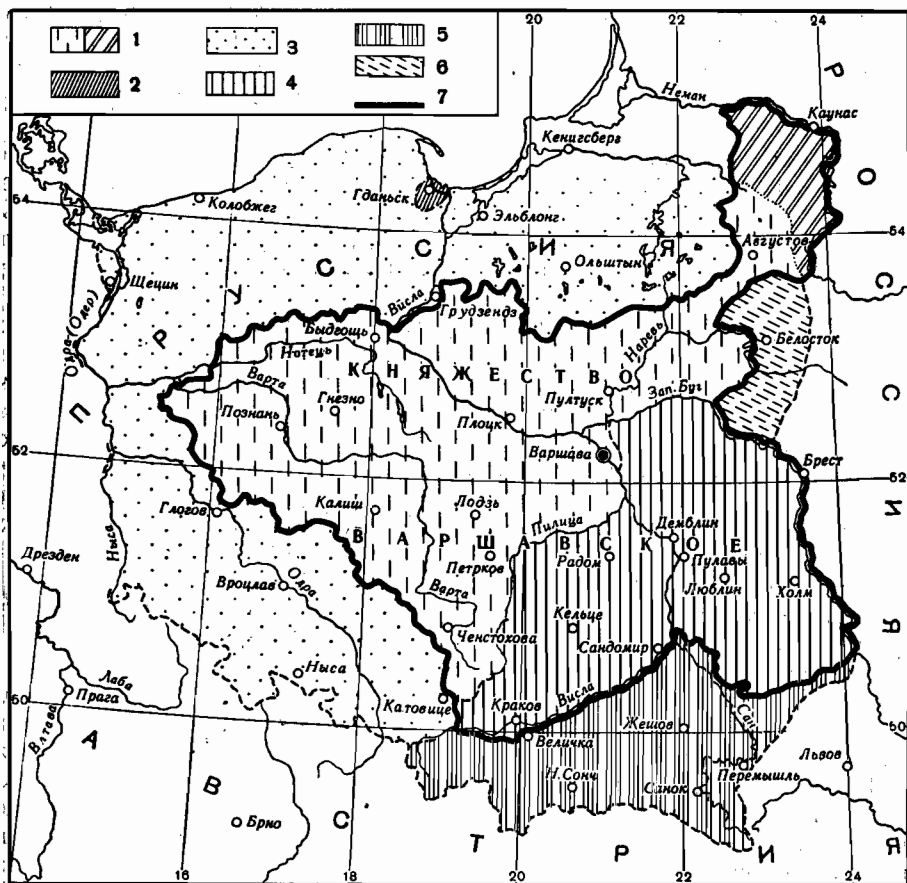
Тильзитский трактат вызвал разочарование шляхетского общества. Странники французской ориентации растерялись, противники Франции и «нейтралы» стали с азартом воскрешать свои планы и оглядываться на соседние государства.

В шляхетском обществе усилился разброд. Консервативные аристократические элементы, которым была передана власть в княжестве, дорожили своим положением и воздерживались от выражения протеста. Либерально-дворянские круги, выражавшие также настроения верхушки буржуазии, недовольные отстранением их от власти и засильем аристократических элементов, составили оппозицию. Они подвергали критике установившийся бюрократический режим, жалкое положение самоуправления и требовали реформ. Но они принимали факт существования княжества за исходный пункт своих планов восстановления Польши и рассчитывали на помощь Франции.

Очень значительной среди шляхты была «русская партия», требовавшая борьбы с Францией. Французский резидент в Варшаве Венсан докладывал о том, что «российская партия многочисленна и растет с каждым днем; носятся слухи о готовящемся восстании против французов».

После образования Варшавского княжества возник вопрос о выработке его конституции. По поводу будущей конституции в «Правительственной комиссии», как и в шляхетском обществе, обнаружилось разногласие. Председатель комиссии Малаховский выступил за восстановление конституции 3 мая 1791 г. Выбицкий указывал на необходимость принятия более либеральной конституции с общепредставительным сеймом, отменой крепостного права и т. п. Вне комиссии за конституцию 3 мая стоял князь Понятовский. Окончательного проекта конституции «Правительственная комиссия» из-за разногласий не предложила, и представители комиссии Выбицкий и Станислав Костка Потоцкий, отправленные в Дрезден к Наполеону, получили от него готовый текст конституции (22 июля 1807 г.).

По этой конституции Варшавское княжество объявлялось наследственной монархией во главе с князьями (королями) саксонского дома. Князь являлся главой исполнительной власти, ему принадлежали законодательная инициатива и право назначения министров и других высших должностных лиц. Князь имел право изменять и дополнять конституцию. При князе состояло правительство из шести министров и Государственный совет в составе тех же министров и четырех референдариев. Действительным же правителем княжества являлся Наполеон, действовавший через послушных ему князя и министров. Сейм княжества, осуществлявший законодательную власть, состоял из двух палат: сената и посольской избы. Все сенаторы, числом 18 (католические епископы, воеводы, каштеляны), назначались князем пожизненно. Посольская изба в количестве 100 депутатов состояла из 60 представителей шляхты,

Польские земли в 1807—1815 гг. Образование княжества Варшавского.

1 — польские и литовские земли, находившиеся под властью Пруссии, выделенные в 1807 г. в княж. Варшавское; 2 — польские земли, находившиеся под властью Пруссии, выделенные в 1807 г. в территорию «вольного города Данцига»; 3 — польские земли, продолжавшие оставаться под властью Пруссии; 4 — польские земли, находившиеся под властью Австрии, присоединенные в 1809 г. к княж. Варшавскому; 5 — польские земли, продолжавшие оставаться под властью Австрии; 6 — Белостокская область, присоединенная в 1807 г. к России; 7 — границы княж. Варшавского с 1809 г.

избираемых поветовыми сеймиками, и 40 депутатов от гмин. Сейм должен был собираться раз в два года и рассматривал законопроекты, вносимые Государственным советом. Сейм не обладал правом законодательной инициативы, и депутаты даже не могли выступать по обсуждаемым проектам. Они должны были молчаливо голосовать по внесенным предложениям.

Проводя тенденцию, выраженную в самом названии вновь созданного государства (Варшавское, а не Польское княжество), конституция старательно избегала слов «поляки», «польский». Эта унижительная для польского национального достоинства тенденция была лишь подчеркнута принятым в конце 1807 г. Государственным советом постановлением, которое разрешило употребление слова «поляк» на том «основании», что Наполеон употребил в одном документе выражение «Великая Польша»!

Конституция отменяла крепостное право и сословные привилегии перед законом. Суд был общим для всех жителей. Купцы и ремесленники

допускались в сейм. Но вместе с тем конституция вовсе не упоминала о буржуазно-демократических принципах: свободе слова, неприкосновенности личности и т. п. Крестьянство и низшие слои города не имели избирательных прав. Конституция обходила молчанием вопрос о крестьянском землепользовании и сохраняла феодальные повинности.

Воззвание Фридриха Августа к жителям Варшавского княжества от 23 сентября 1807 г. содержало в числе других следующее обращение к крестьянам: «Не заблуждайтесь, помните непрестанно, что, перестав быть под неограниченной властью своих господ, вы остаетесь под суровой рукой закона и всегда обязаны исполнять по отношению к ним надлежащие повинности».

21 декабря 1807 г. был издан декрет, вводивший в действие 4-й пункт конституции (об отмене крепостного права) и дававший ему следующее толкование: крестьяне лично свободны, но их земли, постройки, инвентарь — собственность помещика. Помещик имеет право сгонять крестьян с земли, а крестьянин может покинуть помещика лишь с разрешения последнего и по исполнении всех повинностей.

Таким образом, помещики использовали буржуазный принцип абсолютной частной собственности для того, чтобы превратить в нее свое феодальное верховное право на крестьянские земли и лишить крестьян их прав на наделы, которыми они владели.

В итоге злополучная «свобода», дарованная польским крестьянам, обрушилась на них страшным бедствием. У крестьян, как гласила современная поговорка, «сняли кандалы вместе с сапогами».

Конституция 1807 г. и введение в княжестве в 1808 г. французского буржуазного права, так называемого «Кодекса Наполеона» в известной мере способствовали развитию капиталистических отношений.

В административном отношении территория княжества разделялась на шесть департаментов; каждый департамент — на поветы и городские гмины — всего 60 поветов и 40 гмин. Во главе департаментов, поветов и гмин стояли соответственно префект, подпрефект и бургомистр, назначаемые правительством. Они возглавляли департаментский, поветовый и муниципальный советы. Первые два избирались поветовыми шляхетскими сеймиками, третий — гминными собраниями.

9 марта 1809 г. открылся первый сейм Варшавского княжества. Итоги двухлетнего управления страной были плачевны. Содержание большой армии (свыше 30 тыс. человек) и огромного государственного аппарата (почти 9 тыс. человек) поглощало подавляющую часть бюджета. Поступление налогов и податей шло крайне туго. К 1810 г. накопился 91 млн. золотых недоимок. Отдача казенных имений в аренду не принесла ожидаемого эффекта. Выпуск внутреннего займа (май 1808 г.) оказался мало удачным. Финансы княжества не выходили из состояния глубокого хронического дефицита.

Война 1806—1807 гг. принесла населению страны большие бедствия. Прусские войска и власти, покидая Польшу, увозили с собой денежные средства, ценности и наводнили страну обесцененной монетой. За этим последовали разорительные поборы и реквизиции французских войск, а также усиленное взимание налогов и податей властями, изыскивавшими средства для формирования польского войска. Тяготы военного времени усугубляли хозяйственный застой. Сократилась торговля с Россией и Пруссией. Княжество не получило устья Вислы, этой главной артерии внешней торговли Польши. Наконец, самое важное, на княжество был распространен наполеоновский декрет о континентальной блокаде. Вывоз хлеба за границу сократился в несколько раз. Внутренний рынок

был очень ограничен. В княжестве отмечалось падение цен на сельскохозяйственные продукты и на землю.

Падение экспорта хлеба заставляло шляхту обратить все свое внимание на внутренний рынок. Шляхетские экономисты (Суровецкий и др.), равно как и правительственные круги, говорили о желательности развития в княжестве промышленности и внутренней торговли. В инструкции, разосланной министерством внутренних дел департаментским советам (1808), было сказано: «Нет процветающего земледелия там, где нет ремесленной промышленности. Чем многочисленнее и богаче ремесленники, тем больше сельскохозяйственных продуктов может продать земледелец... Покровительствуя ремеслам и фабрикам, на первое место нужно ставить те, которые перерабатывают отечественные продукты...» Правительство княжества принимало меры к поощрению в стране промышленности путем предоставления льгот переселявшимся из-за границы ремесленникам и мастерам. Одновременно правительство установило умеренно-запретительные таможенные пошлины для защиты местного производства от иностранной конкуренции. Ввоз некоторых товаров, например хлопчатобумажных изделий и пряжи, был вовсе запрещен.

Некоторые, весьма скромные успехи обнаружались в суконном и полотняном производстве, в горном и железоплавильном деле. Текстильное производство развивалось главным образом в Познанском и Быдгощском департаментах.

В таких условиях декрет 1807 г. о крестьянах, вызвавший возмущение части шляхты, виденшей в нем «потрясение основ», в сущности облегчил землевладельческой шляхте возможность приспособляться к новой обстановке. Помещики, старавшиеся преодолеть падение доходов перестройкой хозяйства, расширением своей запашки, выгоняли крестьян либо урезывали их наделы с тем, чтобы присоединить их земли к фольварку, увеличивая барщинную повинность для оставшихся крестьян и частично применяя наемный труд на своих полях.

Угрожая крестьянам лишить их земли, помещики увеличивали старые и устанавливали новые повинности. Во многих казенных имениях, сданных в аренду, где ранее барщина была сравнительно невелика или вовсе отсутствовала, шляхтич-держатель произвольно увеличивал или вводил барщину.

Помещичий гнет сочетался с фискальным. Крестьяне выплачивали большую часть косвенных налогов. Государственная монополия торговли солью и пропинация, разнообразные государственные подати, сборы, повинности разоряли крестьян.

В результате военных действий, хозяйничанья иностранных армий, реквизиций крестьяне лишились части рабочего скота, орудий, запасов. Содержание несоразмерно большого войска и военные приготовления всей своей тяжестью ложились опять-таки на плечи крестьянства. Рекрутские наборы, строительство укреплений, наконец, война 1809 г. отрывали трудоспособных от полевых работ. Нередко крестьяне, доведенные до крайности невыносимыми условиями, не будучи в состоянии прокормиться со своего участка, покидали родные места.

Огромное большинство снявшихся с мест крестьян было согнано или вынуждено к уходу самими помещиками. В то же время по отношению к «самовольно» ушедшим крестьянам правительство княжества принимало быстрые и крутые меры.

Первоначально слухи о конституции и декабрьском декрете 1807 г. породили среди крестьян радостное возбуждение. Крестьяне поняли их соответственно своим чаяниям, как освобождение от барщины и закрепление

за ними земли в собственность. Во многих случаях крестьяне отказывались исполнять барщину (например, в дер. Шубины Кутновского повета, в деревнях Пшаснышского повета и других местах). Крестьяне подавали жалобы в суд и властям на нарушение помещиками их прав, на превышение «обычных» норм повинностей и т. д. Разумеется, шляхетский аппарат княжества целиком поддерживал помещиков. По требованию последних власти направляли в деревни воинские части, чтобы силой принудить крестьян к повиновению. К повиновению призывала, угрожая карами загробного мира, и католическая церковная иерархия — верный страж шляхетских интересов.

В 1809 г. во время гминных собраний, созванных для выборов депутатов на предстоявший сейм, дело дошло в отдельных случаях до открытых антишляхетских выступлений крестьян. Так, по сообщению шляхетских источников, закрочимское гминное собрание было сорвано «многочисством недисциплинированного народа». Бурное вышегородское собрание с трудом было приведено к окончанию, а в Ченстохове под влиянием речи одного крестьянина собрание провалило кандидатуру помещика. «Нам, — говорил крестьянин, — предоставлено право выбора депутата из нашего сословия. Почему же мы не можем использовать его? До сих пор краем управляла шляхта. Мы видели, что из этого вышло. Одни беспорядки и несчастья для Польши. Теперь, когда допустили народ, почему нам не выбрать кого-либо из народа?» Депутатом был избран купец. Если таково было настроение в гминных собраниях, в которых принимало участие лишь весьма незначительное число крестьян-собственников, то нетрудно представить себе настроение широких масс задавленного, лишенного права голоса крестьянства.

Между тем Наполеон непрерывно требовал от княжества войск и средств. В мае 1808 г. был проведен новый рекрутский набор. Восьмитысячный польский корпус был переведен во французскую действующую армию. Осенью 1808 г. три польских полка прибыли в Испанию, чтобы по приказу Наполеона сражаться с восставшим испанским народом. В Испании (как ранее на Гаити) злополучный для польского народа «союз» части шляхты и аристократии с Наполеоном превращал польских солдат в орудие захватнической, несправедливой войны. Правительство княжества, разумеется, нимало не тревожилось этим. Но оно не имело достаточно денег, чтобы готовить для Наполеона солдат, а население Польши все громче рождало на дань деньгами и кровью.

Красноречивым примерам того, как Наполеон «заботился» о нуждах княжества, было продиктованное им в мае 1808 г. так называемое Байонское соглашение с Варшавским княжеством. По этому «соглашению», Наполеон «великодушно дарил» правительству княжества проценты по долгам польских помещиков прусским банкам, депозиты которых в качестве контрибуции перешли к Наполеону. Таким образом, правительство становилось теоретически обладателем 43 млн. франков, которое оно должно было собрать у помещиков. Безнадежность этих долгов и крайне слабое поступление процентов по ним превращало этот «подарок» в насмешку. Но взамен Наполеон потребовал от правительства княжества выплатить ему сразу 20 млн. франков.

Наполеон готовился в это время к новой войне с Австрией, сосредоточивая крупные силы на ее южной и западной границах. Бесперемонно используя польские войска, Наполеон совершенно не заботился об обороне самого княжества, которое, безусловно, должно было стать объектом нападения Австрии. В княжестве оставалось всего 13—15 тыс. солдат, большая же часть польской армии находилась вне пределов страны.

Правительство княжества было в неведении относительно хода событий, предшествовавших началу военных действий между Австрией и Францией. Вторжение 40-тысячной австрийской армии эрцгерцога Фердинанда 14 апреля 1809 г. застало правительство княжества врасплох. 19 апреля 1809 г. под Рашином (близ Варшавы) польское войско под командованием Понятовского столкнулось с австрийцами. Польские солдаты сражались храбро и стойко, но перевес сил был на стороне Фердинанда. 23 апреля австрийцы вступили в Варшаву. Их попытки переправиться через Вислу успеха не имели. Понятовский, оставив против Варшавы заслон под начальством Зайончка, предпринял наступление в Галицию. Польские войска заняли Седльце, Люблин, Сандомир. 20 мая они овладели штурмом сильной крепостью — Замостьем, при этом им помогали поляки, солдаты австрийской армии. Польское население с энтузиазмом встречало войска Понятовского. Польские войска взяли Львов и Краков.

Война 1809 г. не стала освободительной войной, как Варшавское княжество не являлось суверенным польским государством. Оно занимало польские земли от имени французского императора, устанавливало в них временное управление «под покровительством его величества императора и короля Наполеона».

По заключенному 14 октября 1809 г. в Вене мирному договору Австрия передала Варшавскому княжеству «Западную» (Новую) Галицию, а из территорий, захваченных ею при первом разделе Речи Посполитой, — Замойский округ и небольшую полосу земли на правом берегу Вислы против Кракова. Варшавское княжество становилось, кроме того, совладельцем Величских соляных копей.

Политическая обстановка в Европе после 1809 г. свидетельствовала о возраставшем напряжении в отношениях между Францией и Россией. В приготовлениях Наполеона к войне против России Варшавскому княжеству отводилась видная роль. Оно становилось «передовым форпостом против России», как говорил французский резидент в княжестве Виньон.

Это обстоятельство наложило отпечаток на всю политическую и экономическую жизнь княжества. Наполеон требовал от княжества увеличения численности армии вдвое — до 60 тыс. человек. Бюджет военного министерства возрос до 40 млн. злотых в 1810 г. и 50 млн. злотых в 1811 г. против 11 млн. злотых в 1807 г. Деньги уходили на содержание армии и строительство фортификационных сооружений, которые, помимо всего, отрывали крестьян от полевых работ. Летом 1810 г. на работы в Модлине и в Праге было мобилизовано 20 тыс. крестьян с подводами. Казна была не в состоянии выдержать военные расходы. Фактически налоговые поступления были много ниже намеченных по бюджету. В 1810 г. по всем статьям постоянных доходов казна собрала 40% запланированной суммы. Недостаточный приток постоянных налогов правительство старалось возместить чрезвычайными сборами, натуральными поборами, реквизициями, обременявшими прежде всего крестьянство и городское население.

В июле 1811 г. были выпущены бумажные деньги под обеспечение таможенных доходов. Попытки заключить заем за границей не увенчались успехом ввиду недоверия к политической прочности княжества. Присоединенные четыре новых департамента испытывали серьезные хозяйственные трудности. В «Западной» Галиции оставались в обращении обесцененные австрийские банкноты.

Низкий урожай в 1810 и 1811 гг. довел крестьянские массы до полной нищеты и голода. Крестьяне для уплаты податей были вынуждены продавать хлеб по низкой цене, а сами питались мякиной и желудями. В то же время, как свидетельствовали наблюдатели, у помещиков гумна были

завалены хлебом. Однако запасы хлеба, предназначенные помещиками для вывоза, не находили сбыта. Прусское правительство в сентябре 1811 г. повысило пошлины на польский хлеб. Находившийся в руках французов Гданьск чинил препятствия морскому вывозу. Наполеон не хотел вывезти хлеб из Польши — он был нужен ему для войны с Россией.

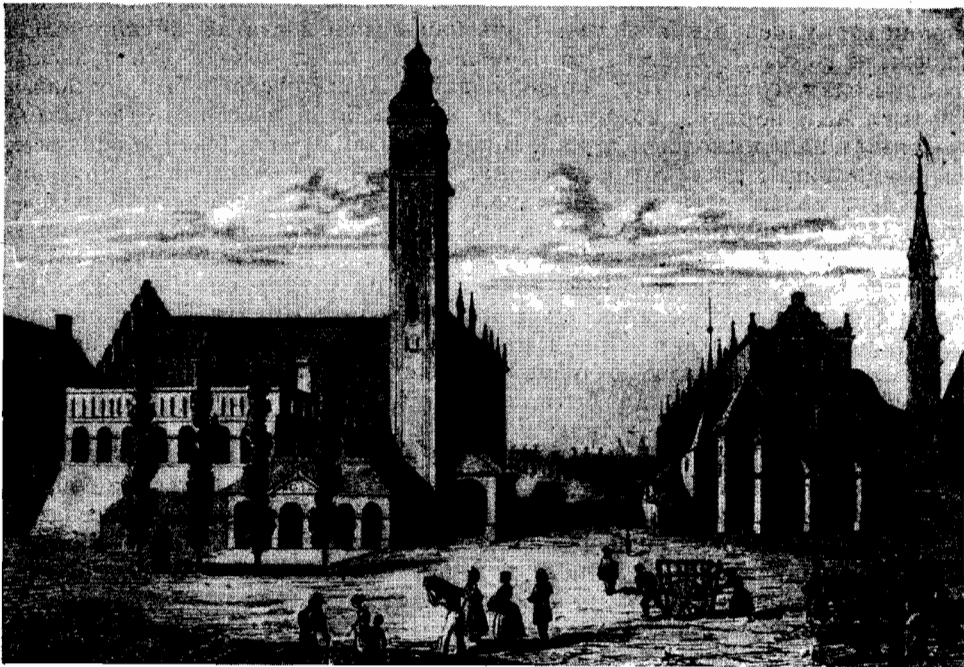
В декабре 1811 г. открылся второй сейм. Большинство депутатов, удовлетворившись снижением взимаемых с шляхты поземельных налогов на 10 млн. золотых, спокойно голосовало за налоги и подати, ложившиеся на широкие слои населения, в частности на горожан. Сейм одобрил повышение подушной подати, установление в городах «чопового» (косвенный налог на водку) и сбора за убой скота. Тяжесть налогов шляхта перекладывала на плечи горожан и крестьян.

Мысль о грядущей войне Наполеона с Россией возбуждала в шляхте самые различные чувства. У одних росло недоверие к Наполеону, других пугали новые тяготы и жертвы, третьи надеялись на победу Наполеона, рассчитывая в этом случае осуществить захват литовских, белорусских и украинских земель. Сеймовое большинство согласилось на сохранение большого войска и расходов на него.

Но в то же время среди населения княжества росла агитация в пользу России. Распространялись слухи о согласии Александра I на восстановление Польши, на открытие русских портов для торговли польскими товарами, на восстановление конституции 1791 г. Еще в 1810 г. возникла тайная организация, в которой приняли участие некоторые высшие офицеры во главе с Домбровским, разуверившимся в Наполеоне. Они готовились поднять восстание против правительства и Наполеона. У них было намерение вызвать в Польшу Костюшку и передать ему верховное командование восстанием. Политическое и дипломатическое руководство восстанием хотели поручить Адаму Чарторыскому, что свидетельствовало о тяготении участников тайной организации к русской ориентации.

Первоначально восстание было намечено на весну 1811 г., но затем его перенесли на весну 1812 г. Трудно говорить о наличии единой программы у этой организации. Она объединяла слишком разных людей, часть которых примкнула к ней, руководствуясь, несомненно, личными и групповыми мотивами. Но самый факт возникновения тайной организации говорит о том, насколько значительно было чувство недовольства сложившейся обстановкой, насколько глубоко оно проникло в широкие массы населения если участники заговора подумывали о вызове Костюшки и оживлении традиций 1794 г. О настроении широких слоев населения говорит такой факт, как массовое дезертирство из войска.

Варшавское княжество приковывало внимание России в двух отношениях: во-первых, как вражеский военный плацдарм, во-вторых, как источник шляхетского брожения в литовских, белорусских и украинских землях, ранее находившихся под властью Речи Посполитой. Александра I беспокоило присутствие французских оккупационных войск в княжестве и ослабление Пруссии, а затем и Австрии, которых он не переставал считать своими будущими союзниками в борьбе с Наполеоном. Претензии Наполеона по поводу несоблюдения Россией континентальной блокады становились все более бесцеремонными. Огромная французская армия была сосредоточена в Пруссии на границах России и Варшавского княжества. В княжество направлялись транспорты с вооружением. Франко-русскую конвенцию 1810 г., в которой Франция обязалась не расширять территорию Варшавского княжества, Наполеон отказался ратифицировать. Он продолжал шантажировать Александра I «восстановлением Польши».

Краковская городская ратуша

Гравюра первой половины XIX в.

Тогда Александр I инспирировал слухи о русском проекте создания из западных губерний самоуправляющегося Литовского княжества в качестве ядра будущего польского государства. В феврале 1811 г. Чарторыйский, по предложению царя, отправился в Варшаву, чтобы выяснить настроения шляхетского общества, а главное — перетянуть на сторону России Понятовского, т. е. командование армией. Миссия Чарторыйского не имела успеха, так как Понятовский отверг предложения Александра. После этого еще с большей настойчивостью стали поддерживаться слухи о создании автономного Великого княжества Литовского. В мае 1811 г. группа польских магнатов в Литве — К. Любецкий, М. Огиньский, Л. Плиер, братья Любомирские и некоторые другие — стала распространять слухи о скором создании такого княжества.

Почва для положительного восприятия агитации в пользу России среди шляхты Варшавского княжества, несомненно, имелась. Западные губернии России находились в лучших экономических условиях, чем вассальное Наполеону княжество, а ряд русских правительственных распоряжений благоприятствовал польской шляхте. В западных губерниях цены на хлеб были выше, а цены на импортные товары ниже, чем в княжестве. Для западных губерний издан был указ, разрешавший уплату недоимок зерном, а текущих налогов — ассигнациями. Все это производило определенное впечатление на польскую шляхту в княжестве.

Однако сложная дипломатическая игра, которую вел Александр I, была прервана начавшейся войной 1812 г.

Весной 1812 г. военные и дипломатические приготовления Наполеона против России вступили в завершающую фазу. В княжестве провели новый

набор, увеличивший войско на 12 тыс. человек. Польские полки из Испании вернулись в княжество. Польская армия достигла внушительной цифры в 90 тыс. человек. Но Наполеон не хотел объединять польские силы в одну группу. Под командованием Понятовского был оставлен 30-тысячный корпус, остальные же войска были рассеяны отдельными частями в наполеоновской армии. В составе этой армии были войска всех многочисленных вассалов Наполеона, в том числе Австрии и Пруссии.

Характерным штрихом двуличия наполеоновской политики и пренебрежения его к Польше было то, что, готовясь начать «вторую польскую войну», как демагогически назвал он войну 1812 г., Наполеон в марте 1812 г. заключил договор с Австрией, гарантируя ей сохранение Галиции. Новому французскому резиденту в Варшаве аббату Прадту Наполеон приказал инспирировать, в сейме выступление депутатов с декларацией о «несчастиях и надеждах отчизны». В инструкции Прадту указывалось, что декларация «должна быть заострена только против России, без ненужных нападок на Австрию и Пруссию».

24 июня 1812 г. началось вторжение французской армии в Россию. В составе этой армии находились в различных корпусах польские войска. Неделий ранее открылся сейм Варшавского княжества. На заседании сейма была разыграна инсценировка: в атмосфере бурного ажиотажа была принята подписанная 32 лицами петиция «жителей» Литвы об «объединении» Литвы с Варшавским княжеством. 28 июня сейм объявил себя «генеральной конфедерацией Королевства Польского». Маршалком сейма, а затем и конфедерации был избран заблаговременно вызванный из Пулав престарелый Адам Казимеж Чарторыйский.

Это был ловкий ход. Старик Чарторыйский был известен как противник Наполеона, и участие его в этой церемонии придавало ей некоторый вес. Сейм и конфедерация приняли манифест о восстановлении Польши, обращение к полякам — жителям Литвы — с призывом поднять восстание против России, вступить в польское войско и т. п.

Смысл всей этой шумихи заключался в том, чтобы «разбудить» шляхту в Литве, Белоруссии и на Украине, а следовательно, затруднить положение русских войск и облегчить наступление наполеоновской армии. Ничего конкретного о будущей Польше Наполеон попрежнему не говорил. Какова будет Польша, оставалось неясным. А пока что Польша была оккупированной страной, в которой распоряжались французские генералы и интенданты, но только не варшавское правительство и не конфедерация.

Настроения в литовско-белорусских губерниях не оправдали ожиданий Наполеона и конфедерации. В Вильнюсе французами была образована «Временная правительственная комиссия», но особенного энтузиазма по этому поводу польская шляхта не проявляла, а реквизиции, поборы и мародерство проходивших войск рождали в ее среде недовольство. Белорусское и литовское крестьянство враждебно встречало французских захватчиков. Вскоре развернулись крестьянские волнения против помещиков, подавляемые войсками, в том числе и польскими.

Поздней осенью в Варшаву стали просачиваться вести о разгроме войск Наполеона в России. 6 ноября конфедерация призвала население собирать средства на войско, а правительство объявило чрезвычайный налог и выпустило военный заем. В декабре 1812 г. конфедерация провозгласила созыв посполитого рушения. Шляхта осталась равнодушной к этому призыву. Всем было ясно, что дело Наполеона проиграно. Вместо ожидаемых 30 тыс. было собрано лишь 400 человек.

В январе 1813 г. русские войска, освободившие свою родину от войск Наполеона, вступили на территорию княжества и приближались к

Варшаве. К этому времени в княжество вернулись сильно поредевшие польские войска во главе с Понятовским. Вместе с австрийским корпусом генерала Шварценберга Понятовский намеревался удерживать Варшаву. Но в рядах «союзников» уже началось разложение. Шварценберг отказался сражаться под Варшавой и увел корпус за Вислу.

В правительстве и конфедерации обнаружился разброд. Министры Матушевич и Мостовский вступили в тайные переговоры с Александром I через генерала Чаплица и Чарторьского. Убедившись в крушении планов, связанных с Наполеоном, они торопились переменить ориентацию. Они предлагали объединение княжества с западными губерниями и образование Королевства Польского под наследственной властью русского императора. Прокламация Александра I к жителям княжества, составленная в благожелательных тонах, объявлявшая амнистию участникам войны с Россией и т. д., попала на подготовленную почву. Аристократия и шляхетская масса высказались за соглашение с Александром I и перенесли на него свои надежды. Понятовский с 18-тысячным корпусом ушел на соединение с наполеоновской армией. Конфедерация объявила о самороспуске.

5

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ 1813—1815 гг.

К марту 1813 г. русские войска заняли территорию княжества, и Александр I назначил Временное правительство княжества. Вопрос о будущей судьбе Польши оставался открытым. Он перешел в сферы дипломатии, превратился в «польский вопрос» в его туманном, допускающем всякие толкования и маневры значенди, в один из основных объектов дипломатической борьбы европейских держав.

Русские войска, разгромив французскую армию, наступали по территории еще недавно подчиненной Наполеону Западной Европы. Государства Европы при приближении русской армии стремились присоединиться к антинаполеоновской коалиции. Это сделали в первую очередь Пруссия и Австрия — соперницы царской России в польском вопросе. В этих условиях Александр I на первых порах скрывал свои намерения по польскому вопросу, не желая осложнять отношения с Пруссией и Австрией. Калишская русско-прусская конвенция предусматривала восстановление Пруссии в границах до 1806 г. При переговорах с Австрией в Рейхенбахе Александр I также был очень осторожен, когда речь шла о Польше.

В Варшаве в это время ждали от Александра I заявлений и действий. Адам Чарторьский, признанный польской шляхтой своим представителем, отправился в главную квартиру русской армии для беседы с Александром I. Сдержанные и уклончивые ответы Александра не удовлетворили Чарторьского, и он обратился за поддержкой к Англии, чтобы та убедила Александра создать Польское королевство.

Пока шла война с Францией и Россия была единственной силой на континенте, громившей Наполеона, британское правительство проявляло всяческую предупредительность к Александру I и его планам. Так было и с польским вопросом. Английский «наблюдатель» в русском штабе генерал Вильсон в 1812 г. заявлял, что Англия одобряет план создания Королевства Польского под скипетром Александра I. Летом 1813 г. положение вещей изменилось. Англия, встревоженная быстрым продвижением русских войск, начала активно противодействовать польским планам Александра I. Вильсон с этой целью отправился в Варшаву. «Ни с кем

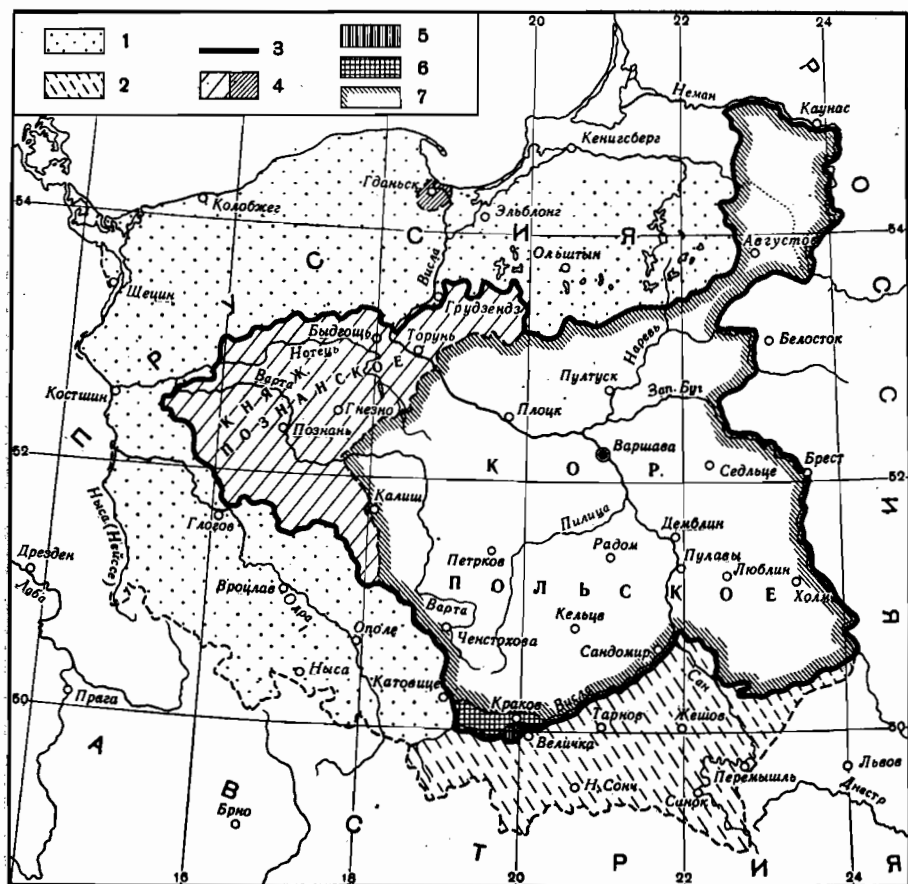
не вступайте в переговоры, — говорил Вильсон в варшавских салонах. — Вы считаетесь подданными саксонского короля... Пока будьте пассивными». Эта провокационная агитация, по признанию самого Вильсона, не находила особенного одобрения у слушателей. Английская дипломатия вместе с тем старалась поссорить Пруссию и Австрию с Россией. Вильсон, например, советовал Пруссии добиваться сохранения за ней Гданьска, Австрии — не соглашаться на передачу Замостья русским, Чарторыскому — ориентироваться на Пруссию и т. д. Свою законченную форму политика Англии по польскому вопросу нашла в словах Кэстльри: «Не следует допускать [образования] ни отдельного польского королевства, ни княжества, ни реального, ни формального, в любой форме — явной или скрытой». Англия стремилась сохранить польский вопрос неразрешенным, чтобы использовать его для своих дипломатических интриг против России и других континентальных держав.

На Венском конгрессе, открывшемся осенью 1814 г. после полного поражения наполеоновской Франции, основные противоречия между державами вскрылись в сущности именно при обсуждении польского вопроса. Австрия, Пруссия (на первом этапе), Франция и главным образом Англия ожесточенно боролись против России и против выданного Александром I плана создания Королевства Польского. Особенно острые разногласия вызывал вопрос о размерах территории, которая будет присоединена к России, и о статусе этой территории — будет ли она русской провинцией или автономным конституционным королевством. Разногласия по обоим пунктам существовали одновременно, с той разницей, что для Пруссии центр тяжести лежал в территориальном вопросе, а для Австрии — в конституционном. Пруссия и Австрия требовали раздела княжества. Англия энергично инспирировала их в этом смысле.

В течение осени, однако, в антирусском блоке была пробита первая брешь: России удалось договориться с Пруссией. Острые противоречия по саксонскому вопросу между Австрией и Францией, с одной стороны, и Пруссией — с другой, и в то же время обещания Александра I поддержать Пруссию побудили последнюю пойти навстречу Александру в польском вопросе. В ответ на это в январе 1815 г. Англия, Франция и Австрия заключили тайную конвенцию, направленную против России и Пруссии.

Переговоры продолжались с большим напряжением. Александр I согласился на территориальные уступки Австрии (отказ от Кракова, Велички, передача Австрии Тернопольского округа). Но Меттерниха больше всего пугало именно образование в составе России конституционного Польского королевства. Расхождения по этому вопросу настойчиво поддерживала Англия. Когда стало ясно, что территориальные разногласия между Россией, Пруссией и Австрией преодолимы, представитель Англии Кэстльри с крайним упорством возражал против конституционного устройства польских земель. При этом Кэстльри выдвигал в качестве аргументов как общие соображения, заявляя, что это «искра, от которой может заняться горячий материал, накопленный в Европе распространением либеральных лозунгов», так и «интересы» Австрии и Пруссии, т. е. страх перед неизбежным тяготением поляков в Австрии и Пруссии к объединению с русской Польшей. «Невозможно допустить, — говорил он, — чтобы коренные переломы в Польше под русским скипетром оставили безучастными австрийских и прусских поляков». Это не помешало британской дипломатии впоследствии обыгрывать в своих антирусских происках принципы международной гарантии польской конституции.

Несмотря на усилия Англии помешать соглашению по польскому вопросу, переговоры продвинулись вперед, а после возвращения Наполеона

Передел польских земель на Венском конгрессе 1815 г.:

1 — польские земли, оставшиеся под властью Пруссии; 2 — польские земли, оставшиеся под властью Австрии; 3 — граница княжества Варшавского перед разделом.

Раздел княжества Варшавского: 4 — территории, вновь захваченные Пруссией; 5 — территории, вновь захваченные Австрией; 6 — территория Краковской республики; 7 — территория вновь образованного Королевства Польского

во Францию державы поспешили завершить работу конгресса. 3 мая 1815 г. были подписаны договоры между Россией, Пруссией и Австрией о Варшавском княжестве, а 9 июня — генеральный акт Венского конгресса. Вскоре после этого был учрежден реакционный Священный союз, объединивший все три угнетавшие Польшу феодально-абсолютистские правительства.

Главнейшими причинами, обусловившими успех царского правительства в польском вопросе, были прочная позиция России на конгрессе, определявшаяся ее военной мощью и решающей ролью, которую она сыграла в разгроме наполеоновской Франции, и умелое использование противоречий между державами. Наряду с этим имело известное значение и сочувствие польского шляхетского общества планам Александра I.

По трактатам Венского конгресса, где «не принимались во внимание ни желания, ни интересы, ни национальные различия населения»¹,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 154.

Пруссия получила Познанский и Быдгоцкий департаменты Варшавского княжества, Австрия — район Велички. Краков с окрестностями был превращен в «вольную республику» под протекторатом Австрии, Пруссии и России. Оставшаяся территория княжества была присоединена к России и составила Королевство (Царство) Польское.

Кроме того, конгресс принял два решения, которыми предполагалось в известной мере прикрыть новый раздел Польши. Это было, во-первых, обещание ввести во всех польских землях национальное представительство (однако в пределах, определяемых каждой из держав по своему усмотрению) и, во-вторых, провозглашение права свободного экономического общения между польскими территориями, захваченными Австрией, Пруссией и Россией. Эти декларации (так, впрочем, и оставшиеся лишь декларациями) были вынужденным признанием силы сопротивления польской нации, показателем степени развития экономических связей между польскими землями, с которыми были вынуждены считаться даже крупные и мелкие деспоты, собравшиеся в Вене.

В действительности конституция была введена только в Королевстве Польском. Ни Австрия, ни Пруссия не выполнили этого решения.

Решения Венского конгресса определили новые границы членения польской территории, которые в основном без изменений просуществовали целых сто лет — до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Если разделы Речи Посполитой отдали польский народ под власть Пруссии и Австрии, то передел польской национальной территории, произведенный в 1815 г., привел к переходу центральной части Польши с ее столицей Варшавой под власть России. Это событие сыграло большую роль в истории польского народа. Оно отразилось на социально-экономическом развитии Центрального Польского района, получившего в это время название Королевства (Царства) Польского. Тесная связь с Россией создала объективно более благоприятные для польского народа условия, чем это было под властью Австрии и Пруссии, способствовала быстрому развитию промышленности в этой части Польши, вскоре превратившейся в наиболее передовую в этом отношении область польских земель.

С переходом Центрального Польского района под власть России польский народ оказался перед необходимостью вести труднейшую борьбу против еще одного страшного врага и угнетателя — русского царизма, но в то же время он приобрел могучего и надежного союзника — русский народ. Совместная борьба русского и польского народов против самодержавия, против феодального и капиталистического рабства составляет важнейшее явление в истории Польши в XIX—XX вв., славную и дорогую для польского и для советского народов революционную традицию.

Глава десятая

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В 1815—1830 гг. ВОССТАНИЕ 1830—1831 гг.

I

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

Двадцать второго мая 1815 г. были подписаны «Основы конституции Царства Польского». Опубликованный почти одновременно указ преобразовывал Временный верховный совет во Временное польское правительство. Вице-президентом его был назначен А. Чарторыйский. Были созданы министерства, предприняты первые шаги к упорядочению финансов и т. д. Однако организация войска была изъята из ведения правительства и передана Военному комитету под председательством великого князя Константина. Существование независимого от правительства, формально равноправного с ним Военного комитета стало источником конфликтов между польскими властями и Константином.

27 ноября 1815 г. в Варшаве Александр I подписал конституцию Королевства (Царства) Польского. В ее основу был положен проект, предложенный А. Чарторыйским, Шанявским и Соболевским. Александр I внес в него существенные поправки: он лишил сейм законодательной инициативы, сохранил за собой право изменять по собственному усмотрению бюджет и право отсрочивать на неопределенное время созыв сейма.

Конституция устанавливала нераздельную связь Королевства Польского с Российской империей и общность царствующей династии. Вся полнота исполнительной власти принадлежала королю (русскому царю). Законодательную власть король должен был осуществлять вместе с сеймом, состоявшим из двух палат — сената и посольской избы. В состав сената входили члены королевской фамилии и назначаемые королем епископы и высшие должностные лица. Посольская изба состояла из 77 депутатов от шляхты и 51 депутата от гмин. Пассивное избирательное право распространялось на лиц, достигших 30 лет и платящих не менее 100 злотых налогов в год. Активным избирательным правом пользовались шляхтичи-землевладельцы в возрасте от 21 года, а из остального населения — священники, учителя, ремесленники-хозяева, земельные собственники, арендаторы и купцы, владевшие товарами на 10 тыс. злотых. Крестьяне, рабочие, подмастерья не имели избирательных прав. Польский сейм, как указывает И. В. Сталин, был аристократическим сеймом¹. Депутаты избирались на шесть лет с переизбранием каждые два года одной трети их состава. Сейм созывался раз в два года на 30 дней.

¹ См. И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 337.

Сейм имел право обсуждать и принимать или отвергать (но не исправлять) законопроекты, внесенные в него правительством. Разработка законопроектов производилась Государственным советом, высшим правительственным учреждением королевства. Государственный совет разделялся на Административный совет — орган высшей исполнительной власти, состоявший из царского наместника, пяти министров, чинов высшей администрации, а также лиц, назначенных королем, и Общее собрание. Во главе управления Королевством Польским стоял наместник, назначаемый королем.

Конституция декларировала неприкосновенность личности, свободу печати, независимость суда, признание польского языка официальным в суде, администрации и т. д. Создавалось польское войско с польским языком командования и национальными мундирами. В административном отношении королевство было разделено на восемь воеводств, которые в свою очередь делились на 77 поветов и 51 гмину. Во главе каждого воеводства стояли правительственные воеводские комиссии и выборные воеводские советы — органы местного самоуправления. Конституция 1815 г. была проникнута духом шляхетской сословности. Тем не менее она предоставляла избирательное право большей массе населения, чем немногие существовавшие тогда в Западной Европе конституции.

Большинство шляхетского общества с удовлетворением приняло конституцию 1815 г. Ее считали вполне отвечающей национальным и сословным интересам польского дворянства, базой дальнейшего развития польской шляхетской государственности. Правда, было одно обстоятельство, внушавшее тревогу шляхетским политикам. Это было назначение великого князя Константина главнокомандующим польской армии и назначение наместником генерала Зайончка, полностью зависимого от Константина. Самодурство Константина, низкопоклонство Зайончка и скрытая антипольская деятельность императорского комиссара при Административном совете Н. Н. Новосильцева заставляли опасаться в будущем нарушения конституции. Высшие должности в королевстве были замещены первоначально лицами, участвовавшими в управлении Варшавского княжества. Таковы были Матушевич (министр финансов), генерал Вельгорский (военный министр), Станислав Костка Потоцкий (министр просвещения и исповеданий) и др.

Потоцкий развил энергичную деятельность. В 1818 г. был открыт Варшавский университет. Кроме того, были учреждены Лесной и Политехнический институты, Горная школа в Кельцах и др. Количество низших школ возросло с 720 в 1816 г. до 1202 в 1819 г., а число учащихся — с 23 тыс. до 37 тыс. Матушевич сумел привести в известный порядок финансы королевства. 1816 год был закончен с превышением доходов над расходами на 6,6 млн. злотых. В 1817 г., несмотря на рост военных расходов, бюджет был сведен с превышением доходов в 4,5 млн. злотых.

Вскоре, однако, Матушевич и Вельгорский ушли в отставку. Их заменили лица, более послушные Константину.

В марте 1818 г. собрался первый сейм, открытый многообещающей речью Александра I, содержавшей намеки на введение конституции в России и на расширение Королевства Польского за счет присоединения к нему земель, находившихся прежде в составе Великого княжества Литовского. Эта речь произвела большое впечатление в Польше, в России и за границей. Лишь те, кто стоял ближе к Александру I, знали, что его речь, по выражению Аракчеева, «это такая вещь, которую мудрость императора предназначает для заграничных газет».

Последующие события целиком подтвердили справедливость мнения Аракчеева. Александр I с неудовольствием принимал известия о полити-

Станислав Костка Потоцкий

Гравюра И. Крестова

ческом оживлении в Королевстве Польском, о появлении новых органов печати и распространении либеральных воззрений в обществе. Весной 1819 г. в «Ежедневной газете» было помещено несколько статей оппозиционного характера. Этого оказалось достаточно для введения, вопреки конституции, цензуры на газеты и журналы, а затем и на все печатные издания. Вскоре были закрыты «Ежедневная газета» и газета «Белый орел», редактор которой, Моравский, вынужден был эмигрировать.

Под впечатлением инсинуаций Константина о готовящемся в Королевстве Польском восстании Александр I грозил вовсе уничтожить польскую конституцию. Революционные события на Западе, восстания в Испании, Нидерландах и Пешаваре, убийство герцога Беррийского во Франции и др., с одной стороны, крестьянские движения на Дону, восстание Семеновского полка, многочисленные симптомы деятельности русских дворянских революционеров — с другой, пугали царское правительство. Александр I отбросил игру в «либерала на троне» и стал открыто осуществлять старую, испытанную царизмом, реакционную политику.

В такой обстановке в сентябре 1820 г. происходил второй сейм. Тронная речь Александра I звучала сухо и сдержанно. Он предостерегал от «много духа», который поселился над Европой.

Бельведер

Фото

На заседаниях второго сейма впервые выступила так называемая «калишская партия», получившая это название в связи с тем, что ее главные идеологи, братья Винцент и Бонаventura Немоёвские, были депутатами от Калишского воеводства. Это была либеральная шляхетская оппозиция, представлявшая взгляды состоятельных землевладельцев.

Центральным пунктом программы «калишской партии» была выдвинута защита незыблемости политических прав и конституционных гарантий. Конституция 1815 г. вполне удовлетворяла интересы сеймовой оппозиции, которая не шла дальше конституционной монархии и которой мысль о разрыве с царской Россией была так же чужда, как и громадному большинству шляхты. Признавая полезность и необходимость некоторых реформ в области аграрных отношений, оппозиционеры исходили целиком из экономических интересов шляхты. В брошюре «О замене барщины хлебными или денежными платежами» «калишанин» Алоизий Бернадский убеждал шляхту в выгоде этого мероприятия. Оппозиция враждебно относилась к демократии и предоставлению гражданских прав народным массам.

Вокруг «калишской партии» сосредоточились недовольные элементы в сейме. Упорное сопротивление сейма вызвали два законопроекта: уголовно-процессуальный кодекс и «Органический статут» сената.

Уголовно-процессуальный кодекс ограничивал гласность судебных заседаний, предоставлял чрезмерно большие права прокуратуре и отказывался от введения суда присяжных. «Органический статут» фактически лишал посольскую избу права привлечения министров к судебной ответственности. Оба проекта были отвергнуты.

В ходе сессии в президиум сейма стали поступать петиции с жалобами на неконституционные действия правительства. Количество петиций

Адам Мицкевич в юности
Рисунок В. Ваньковича

достигло 80. Несмотря на то, что сейм отверг все эти жалобы, Александр I остался крайне недоволен сеймом и в своей заключительной речи обратился к депутатам с суровыми упреками. Уезжая из Варшавы, он предоставил Константину свободу действий.

После 1820 г. реакционная политика царизма в Польше значительно усилилась. Новосильцев развил энергичную деятельность, направленную против либеральных идей и конституции. В стране усилилось влияние духовенства. В борьбе с либеральными идеями и оппозицией аристократическое правительство выступало рука об руку с католическим клиром. Давний противник клира, министр просвещения и исповеданий Потоцкий, добившийся закрытия ряда монастырей и сыгравший положительную роль при подготовке указа об изгнании иезуитов, издал памфлет «Путешествие в темное царство», направленный против усиливавшегося католического обскурантизма. В 1821 г. Потоцкий вынужден был под давлением духовенства уйти в отставку. Его преемник реакционер Грабовский открыто взял курс на свертывание просвещения в Польше. Количество школ и учащихся катастрофически падало. Уже в 1823 г. число учащихся низших школ составляло 18 тыс. против 37 тыс. в 1819 г. Деятельность Грабовского заслужила одобрение Константина и Новосильцева. В 1822 г. к министерству просвещения и исповеданий перешло управление цензурой. Под покровительством Константина расцвела тайная полиция.

В такой обстановке в Польше вновь усилилось национально-освободительное движение, во главе которого стояли либерально-шляхетские и буржуазные круги.

Среди варшавских студентов в 1816 г. возникло тайное общество «Панта Коина», распространившее свое влияние на польских студентов, обучавшихся в Берлинском университете. «Панта Коину» в 1819 г. сменил «Союз свободных поляков». В Виленском университете с 1817 г. существовало тайное «Общество филоматов» и его дочерние организации — общества «Лучистых» и «Филаретов», основанные Адамом Мицкевичем и Томашом Заном.

Для всех этих студенческих организаций типичен буржуазно-интеллигентский облик; даже «Общество филоматов», большинство членов которого по происхождению принадлежало к шляхте, подчеркивало, что основную силу общественного развития оно видит в «среднем классе». Студенческие организации ставили перед собой просветительские задачи, но далеко не ограничивались ими. Для них характерен большой интерес к социальным проблемам, в той или иной мере они выступали против феодального строя, осуждали социальное неравенство. Идеология всех этих организаций имела отчетливую национально-освободительную окраску.

Не ставя перед собой непосредственно революционных задач, студенческие общества видели главную свою цель в воздействии на общественное мнение, в формировании общественного мнения. Эта черта сближала их с современными им организациями русских дворянских революционеров. Об этом ясно свидетельствует сопоставление, например, уставов филоматов с уставом Союза благоденствия.

Несомненно, что общие черты в развитии польского и русского общественного движения определялись прежде всего близостью социально-экономической и политической обстановки, сходством задач, стоявших перед русским и польским обществом. Вместе с тем есть основания предполагать наличие уже в эти годы некоторого контакта между русскими и польскими тайными организациями.

В среде тайных студенческих организаций выросли активные участники польского освободительного движения: Виктор Хельтман, Маврыций

Валерьян Лукашинский
Литография с рисунка Куровского

Мохнацкий, Северин Гоциньский и другие и великий поэт-революционер Адам Мицкевич. Из этих обществ вышли и участники декабристского движения Юльян Люблиньский, один из организаторов «Общества соединенных славян», и Михал Ружевиц, один из основателей «Общества военных друзей».

Параллельно студенческим организациям возникали тайные организации и среди офицеров польской армии в королевстве. Душой офицерских организаций был майор Валерьян Лукасиньский.

Первоначальной ареной деятельности Лукасиньского и его единомышленников были легально существовавшие масонские ложи. В целом польское масонство было лишено каких-либо оппозиционных черт. Однако в рамках легальных масонских лож Лукасиньский создал в мае 1819 г. тайную организацию «Национальное масонство». Отделения (ложи) этой организации существовали не только в Королевстве Польском, но и в принадлежавшем Пруссии Познанском княжестве, в Краковской республике.

Основной идеей организации было воссоединение польских земель и (по мере того как реакционная политика правительства делала автономии Королевства Польского все более иллюзорной) восстановление независимости Польши. «Национальное масонство» уделяло сравнительно меньше внимания социальным проблемам, однако в нем существовало течение, представляемое Якубом Шредером и отчасти Августином Шнайдером, призывавшее к изучению положения крестьянства и ремесленников и подготовке планов социальных реформ. Вопрос о положении крестьянства привлекал внимание и самого Лукасиньского, что сказалось, в частности, в его критической оценке конституции 3 мая 1791 г.

Члены «Национального масонства» рассматривали воссоединение польских земель как восстановление Польши в границах, существовавших до разделов Речи Посполитой. Следует заметить при этом, что, считая губернии, отошедшие к России (т. е. литовские, белорусские и украинские земли), польскими, Лукасиньский не придавал объединению их с Королевством Польским первостепенного значения, как это делала либерально-шляхетская сеймовая оппозиция и ряд членов «Национального масонства» из среды крупной шляхты. Лукасиньский подчеркивал необходимость воссоединения польских земель, находившихся под властью Пруссии и Австрии, и считал, что осуществления своих национальных задач Польша должна добиваться в союзе с Россией. Среди членов «Национального масонства» существовала, однако, группа, придерживавшаяся прусской ориентации.

Пестрота состава «Национального масонства», рыхлость организации, создававшая опасность ее обнаружения властями, побудила Лукасиньского в условиях усилившейся в 1819—1820 гг. реакции и полицейских преследований предпринять в августе 1820 г. роспуск «Национального масонства». Это была мера, аналогичная роспуску «Союза благоденствия» и имевшая целью очищение организации от сомнительных, колеблющихся элементов и возрождение ее как более законспирированного общества. Им стало основанное в мае 1821 г. Патриотическое общество (или Национально-патриотическое общество).

Правительство преследовало тайные общества. Патриотическое общество просуществовало только год и представляло собой еще сравнительно малочисленную организацию, как на него обрушился тяжелый удар: были арестованы и преданы военному суду организаторы и руководители общества Валерьян Лукасиньский, Якуб Шредер, Казимеж Махницкий и др.

Дальнейшая судьба Лукасиньского была чрезвычайно трагична: осужденный в 1824 г. на семь лет заключения, он был после начала вос-

стания 1830 г. переведен в Шлиссельбург и содержался там до смерти в 1868 г., пробыв, таким образом, в тюрьме более 45 лет.

Приблизительно в то же время стараниями Новосильцева было раскрыто «Общество филематов» в Вильносе. Были арестованы и высланы в глубь России Адам Мицкевич, Томаш Зан и другие члены Общества. Несколькими профессорами, в том числе известный историк Иаохим Лелевель, были отстранены от преподавания.

В мае 1825 г., после пятилетнего перерыва, был созван третий сейм Королевства Польского. Правительство заблаговременно подготовилось к сессии. Была издана так называемая «дополнительная статья», отменявшая гласность сеймовых заседаний. На сейм не был допущен, а затем был арестован калишский депутат В. Немоевский, выступавший на прошлом сейме во главе оппозиции. Несмотря на значительное возбуждение в стране, польская шляхта на сейме и на этот раз продемонстрировала свою «верность монарху». Этому способствовало и то, что в марте 1825 г. был заключен русско-пруссский торговый договор, понижавший пошлины на вывозимый в Пруссию польский хлеб и суливший крупные выгоды польским помещикам.

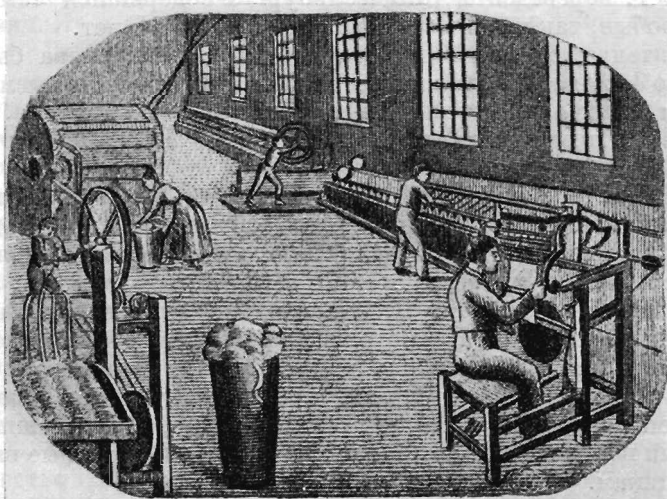
На сейме рассматривался вопрос о Земском кредитном обществе. Рост задолженности шляхетского землевладения вызывал необходимость в дешевом кредите. Эту потребность и призвано было удовлетворить Земское кредитное общество, которое должно было выдавать ссуды в размере до 75% оценочной стоимости закладываемых имений. Законопроект встретил горячее сочувствие со стороны шляхты и прошел огромным большинством голосов. Менее значительным, но также выгодным для шляхты законопроектом было изменение 530-й статьи «Кодекса Наполеона», отменявшее право крестьян выкупать свои постоянные повинности.

Сейм показал, что царизм, перешедший в Польше к открытому реакционному курсу, рассчитывал на союз с польским дворянством, в котором видел своего главного союзника.

Новое королевство начало свою жизнь в трудных экономических условиях. Разделы, континентальная блокада, войны, разрушение поместий и деревень привели к упадку сельского хозяйства. Низкие хлебные цены делали земледелие маловыгодным. Между тем сельское хозяйство попрежнему составляло экономическую основу страны (в нем было занято более 80% всего населения).

Польша продолжала оставаться страной крупного феодального землевладения. Около 50% всей обрабатываемой земли принадлежало непосредственно 17 тыс. помещиков, владельцам фольварков и арендаторам казенных имений. Остальная земля находилась в пользовании 327 тыс. крестьянских дворов. Безземельных было 35—40%. В 1810 г. их насчитывалось 850 тыс. человек. Значительную часть фольварков составляли казенные имения, находившиеся, как правило, в аренде у шляхты. В этих имениях проживало до 33% крестьянского населения страны. Хотя крестьяне владели половиной всей обрабатываемой земли, на их долю после уплаты повинностей помещикам оставалось не более 25% доходов от сельского хозяйства.

Тяжелое материальное положение крестьянства усиливалось внеэкономическим гнетом помещиков и бесправием. Как и раньше, в основе шляхетского хозяйства лежал барщинный труд. Барщина составляла не меньше трех-четырёх дней, возрастая иногда до пяти-шести дней в неделю с полуланового надела. Кроме непосредственной работы на земле помещика, польский крестьянин был обременен многочисленными натуральными и денежными повинностями.

Прядильный цех на мануфактуре

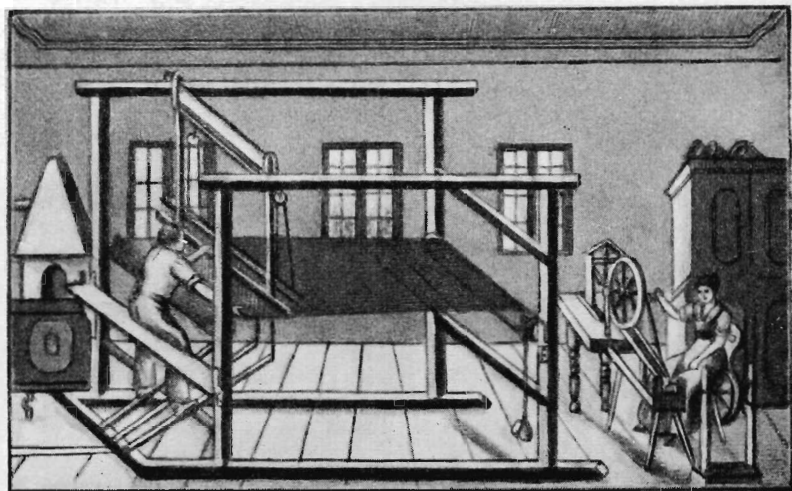
Литография 1832 г.

Средний размер крестьянского хозяйства по воеводствам колебался от 9 до 14 моргов, между тем как надел, обеспечивавший прожиточный минимум, по свидетельству многих современников, составлял, при существовавшем тогда агротехническом уровне, не менее 15—20 моргов земли. Для выполнения всех денежных и натуральных повинностей и уплаты государственных налогов крестьянину не хватало его доходов. Крестьяне нередко покидали свои участки и шли бродяжничать или переходили в коморники, лишь бы избавиться от помещичьего гнета.

Помещики в 1815—1830 гг усиленно стогнали крестьян с земли. Во многих имениях крестьянские земли превращались в пастбища. Спрос на шерсть со стороны развивавшейся суконной промышленности стимулировал овцеводство. В Польше в первой половине XIX в., как тремя веками ранее в Англии, «овцы стали пожирать людей». Если в начале XIX в. овцеводство в Центральной Польше было еще крайне незначительно, то в 1822 г в королевстве было 1,5 млн. овец, в 1828 г. — 2,4 млн. и в 1844 г. — 3,9 млн. Таким образом, помещики преодолевали трудности путем приспособления своего хозяйства к изменившимся в связи с развитием капиталистической промышленности условиям посредством новой массовой экспроприации крестьянства.

Сгон с земли и общее ухудшение экономического положения крестьян вызывали среди них широкое недовольство.

Крестьяне, особенно в казенных имениях, целыми деревнями заявляли о желании перейти на чинш, против чего высказывалось большинство помещиков. В 1815—1818 гг были массовые случаи отказа крестьян от выполнения барщины в деревнях Августовского, Плоцкого и других воеводств. Царский наместник Зайончек сообщил 28 июня 1817 г дарю. «Целые села приходят ко мне в Варшаву, чтобы потребовать освобождения от барщины». Правительство репрессивно отвергало требования крестьян, применяло к ним репрессии. Однако крестьянское движение не угасало. 1821—1822 годы были отмечены рядом новых крестьянских выступлений.

Ткацкий станок
Гравюра 1830 г.

В 1818—1820 гг были изданы инструкции, ограничивавшие производ помещиков. Но, как это бывало и раньше, они не были претворены в жизнь. В 1818 г, в разгар движения крестьян казенных имений, была образована комиссия по управлению этими имениями, которая приняла ряд постановлений, облегчавших положение крестьян. Но и эти постановления остались на бумаге. В то же время указ 1821 г о принуждении крестьян выполнять барщинные работы был вполне реальным и приводился в исполнение. После назначения министром финансов князя Любецкого и в результате общего усиления реакционного курса помещичий и фискальный гнет еще более усилился.

В 1823 г крестьянство уплачивало «ливерунек» (квартирную подать) в размере 3373 тыс злотых, в то время как на шляхту падало всего 2229 тыс. Налоги поглощали в среднем 60—65% всех доходов крестьянина. Особенно разорительным был налог на соль. С 5278 тыс. злотых в 1817 г соляной налог возрос к 1829 г до 16700 тыс. злотых. Центнер соли стоил 27 злотых, тогда как центнер хлеба (зерна) всего 6—7 злотых. Правительство урезало права крестьян казенных имений на землю. Инструкция 1827 г дала право арендаторам казенных имений выдворять «нерадивых» крестьян и на их место поселять новых. Декрет 1828 г о продаже казенных имений в частные руки ни словом не гарантировал прав крестьян, переходящих в разряд помещичьих. Шляхетский сейм в некоторых случаях шел дальше правительственных проектов по пути урезывания крестьянских прав. Так, в 1830 г правительство внесло в сейм проект закона об урегулировании сервитутов, который давал право требовать отмены сервитутов обеим сторонам (помещикам и крестьянам). Сейм предоставил это право только помещикам.

К моменту образования Королевства Польского в нем имелись лишь зачатки крупной мануфактурной промышленности. Более развитым в промышленном отношении в Варшавском княжестве было Познанское воеводство, но оно отошло к Пруссии. Между тем внутренний рынок королевства, несмотря на преобладание системы натурального хозяйства,

Суконная фабрика в Калише

Литография М. Фаянса

предъявлял возрастающий спрос на промышленные изделия. Польское правительство, главным образом из фискальных интересов, предприняло шаги к развитию в стране собственной промышленности. Учитывая недостаток квалифицированной рабочей силы, правительство привлекало мастеров и ремесленников из-за границы, предоставляя им различные льготы. Иммигранты получали участки для застройки и бесплатно строевой лес. На определенное время они освобождались от всяких налогов и военной службы. Из государственного бюджета переселенцам отпускались пособия. Все эти меры, проведенные указами 1818, 1820 и 1826 гг., привлекли в Польшу около 10 тыс. мастеров и ремесленников, преимущественно ткачей и сукноделов.

Не следует, однако, преувеличивать роль иммигрантов в развитии промышленности королевства. Многие из них вскоре возвратились на родину

Более важным мероприятием, способствовавшим развитию промышленности, была система покровительственных таможенных тарифов. Иностранцам (прежде всего прусским) мануфактуристам становилось выгоднее переносить свои предприятия в Королевство Польское, чем оплачивать высокую пошлину за ввозимые товары. Если в 20-х годах XIX в. в захваченной Пруссией Великой Польше текстильное производство начало хиреть, то в Королевстве Польском в эти годы возник Лодзинский текстильный промышленный район, впоследствии ставший одним из важнейших промышленных районов Польши.

Польский банк в Варшаве

Гравюра 1830-х гг.

Связь с Россией обеспечивала широкий сбыт польских товаров на русском рынке. Таможенный тариф 1822 г установил для товарооборота между Королевством и Россией ничтожные пошлины. Только русские хлопчатобумажные изделия и сахар облагались при ввозе в Королевство более высокой пошлиной, а вывоз польских хлопчатобумажных изделий в Россию был запрещен (на три года). В то же время польская суконная промышленность, пользуясь преимущественно местной и частично привозной шерстью (из Южной Германии и Силезии) и располагая квалифицированной рабочей силой, успешно сбывала свою продукцию в России. Польские сукна транзитом попадали даже в китайскую Кяхту. По официальным русским данным, за пятилетие 1825—1829 гг. ежегодный привоз из Королевства Польского в империю достигал 7827 тыс. руб., в том числе промышленных изделий — на 6937 тыс. руб. Это были главным образом сукна (на 6768 тыс. руб.). Неудивительно поэтому, что суконная промышленность росла быстрыми темпами. По свидетельству фабричного комиссара, обследовавшего в 1829 г. Калишское и Мазовецкое воеводства, суконная промышленность в течение одного года выросла там вдвое. В одном лишь Калишском воеводстве насчитывалось 530 предприятий по выработке сукна.

Менее интенсивно шло развитие хлопчатобумажной промышленности. В 1820 г. в Марымонте (близ Варшавы) открылась первая хлопчатобумажная мануфактура на 40 ручных ткацких станков. В 1826 г. в Лодзи была основана бумагопрядильня, просуществовавшая, однако, очень недолго.

Главную основу хлопчатобумажного производства составляли мелкие мастерские. Тем не менее в 1830 г. хлопчатобумажная продукция составляла 2,2 млн. м тканей, а рабочих, занятых в хлопчатобумажном производстве, насчитывалось 11 500 человек.

Кроме текстильной промышленности, в Польше успешно развивались горное дело и металлургия. Владельцем большей части металлургических предприятий и рудников была государственная казна. В 1816 г. ей принадлежали девять железных рудников с тремя печами для плавки, два медных рудника и две угольные копи. Первая цинковая плавильня была построена по инициативе казны. Базой для развития цинковой промышленности в королевстве стали залежи гальмея в Олькуше. К 1824 г. число железных рудников увеличилось до 37. За четырехлетие 1824—1828 гг. по сравнению с 1820—1824 гг. добыча железной руды увеличилась на 62%, каменного угля — на 23%, выплавка железа — на 30%, цинка — на 300%.

В экономической жизни страны большую роль сыграл Польский банк, основанный в 1828 г. По уставу, банк мог выступать в качестве владельца предприятий, и некоторые заводы были построены и управлялись банком.

Таким образом, период 1815—1830 гг. был важным этапом в социально-экономическом развитии Польши. Под покровом все еще господствовавшего феодализма в это время получили широкое развитие капиталистические отношения. Расширялся процесс первоначального накопления капитала, рос рынок рабочей силы, создавались условия для развернувшегося в последующие десятилетия промышленного переворота. Центральные польские земли — Королевство Польское — приобрели в это время значение наиболее развитой части польских земель. С ними могла соперничать в экономическом отношении лишь Силезия. Однако несравненно более высокая степень развития национально-культурной жизни делала Королевство Польское основным центром, вокруг которого формировалась польская буржуазная нация. В этих условиях столица королевства — Варшава, крупнейший экономический и культурный центр польских земель, приобрела такое крупное значение, какого она не имела даже в период существования независимого Польского государства.

2

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ ПРУССИИ. АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Положение Силезии и Поморья под властью Пруссии после 1815 г. оставалось крайне тяжелым. Прусское правительство в отношении этих областей продолжало прежний курс германизации, руководствуясь одной целью: превратить их в обычные прусские провинции. Польское население Поморья и Силезии всячески сопротивлялось навязыванию немецкого языка, уклонялось от военной службы и т. д.

В первой половине XIX в. в Силезии, давно захваченной пруссаками, наблюдались некоторые признаки польского национального возрождения. Научная и общественная деятельность историка права проф. Бандтке, поселившегося с начала XIX в. во Вроцлаве, способствовала пробуждению среди немногочисленной местной польской интеллигенции интереса к родной стране. Бандтке опубликовал несколько работ по истории Силезии, а также учебник и словарь польского языка. Видное место в истории польского возрождения в Силезии принадлежит просветителю Юзефу Лёмпе, по профессии учителю. С 20-х годов Лемпа начал пропаганду изучения польского языка, литературы и истории, издавал литературу на польском языке. Особенно значительны были его работы по этнографии. Лемпе пришлось действовать в то время, когда прусские власти с особой настойчивостью и откровенностью стремились подавить польскую националь-

ность. По распоряжениям 1826 г. все школы в Верхней Силезии превращались в «двуязычные». Вскоре на 800 немецких школ в Силезии осталось лишь 70 польских. Переплетение классового и национального антагонизма, то обстоительство, что крестьяне и рабочие в Силезии были поляками, а помещичий класс — преимущественно немецким, сыграло большую роль в годы проведения аграрной реформы.

Силезия в промышленном отношении выделялась из всех польских областей Пруссии. Здесь получили развитие металлургическая, каменноугольная, суконная промышленность. Количество доменных печей увеличилось с 46 в 1806 г. до 69 в 1846 г., причем в еще большей степени возросла их производительность. Число железоплавильных за те же годы выросло со 158 до 240. Количество угольных копей с 1800 до 1850 г. возросло с 18 до 71, а добыча угля соответственно — с 37 тыс. т до 975 тыс. т.

В ином положении находилась текстильная, особенно суконная промышленность в Великой Польше. Отделение Великой Польши таможенной границей от Королевства Польского и серьезная конкуренция со стороны промышленности коренных прусских земель обусловили падение производства в сукноделии и частичный перенос предприятий в Королевство Польское. Число ткацких станков в Познанском княжестве с 1113 в 1819 г. сократилось к 1831 г. до 613.

Великопольские области, отданные Пруссии по решению Венского конгресса, были преобразованы в отдельную провинцию, получившую название «Великое герцогство (княжество) Познанское». Здесь пруссакам пришлось действовать несколько по-иному, чем в Силезии. Они были вынуждены считаться с настроениями познанских поляков и фактом существования по соседству конституционного Королевства Польского, должны были опасаться роста тяготения к нему Познани. Поэтому прусские власти на первых порах избегали здесь крутых форм подавления польской национальности. Жителям княжества было обещано сохранение национальных форм их политического быта, политическое представительство, участие в органах администрации, в суде, а также сохранение прежнего судебного устройства, официальное употребление польского языка и, наконец, создание национальной воинской части (кавалерийского полка). Наместником Познанского княжества был назначен польский магнат, родственник короля Фридриха Вильгельма III, верный агент прусского правительства в польских делах князь Антоний Радзивилл. Через два-три года прусское правительство начало проводить в Познанском княжестве политику германизации. Законом 1817 г. внутреннюю официальную переписку в судебных учреждениях было предписано вести на немецком языке. Затем было ограничено устное судопроизводство и, наконец, началось замещение судебных мест прусскими чиновниками и вытеснение поляков из судебного ведомства.

К 1829 г. из семи председателей земских судов не осталось ни одного поляка, из 41 судебного советника — только пять поляков, из 12 ассесоров — пять поляков. В высшей администрации двух регенций — Познанской и Быдгощской, на которые была разделена провинция, из общего количества 37 человек осталось четыре поляка. То же наблюдалось в школьном вопросе. Либо закрывалась польская гимназия (в Рыдзыне) и вместо нее открывалась двуязычная (в Лешно), либо назначались прусские учителя, не знавшие польского языка, и преподавание явочным порядком велось уже на немецком языке, либо в старших классах языком преподавания объявлялся немецкий (в Познани). Изданный в 1827 г. министерский указ требовал от школьных инспекторов и законоучителей начальных школ знания немецкого языка.

План образования национальной воинской части не был осуществлен, так как берлинское правительство не решилось создать из своих ненадежных подданных вооруженную силу, а познанская шляхта, среди которой сильны были симпатии к Королевству Польскому, очень холодно относилась к этой затее.

Берлинское правительство предпринимало некоторые шаги, чтобы привлечь к себе польскую шляхту.

Для оказания финансовой помощи шляхетскому землевладению прусское правительство удовлетворило ходатайство шляхты об открытии в княжестве Земского кредитного общества и предоставило ему займы 200 тыс. талеров. В учрежденном законами 1823—1824 гг. в Познанском княжестве, как и в остальных прусских провинциях, сословно-представительном сейме (ландтаге) дворянству была обеспечена господствующая роль. В сейме заседали три курии: рыцарская, т. е. шляхетская (25 человек, в том числе три магната в качестве постоянных депутатов), городская (16 человек) и курия сельских гмин (8 человек). Избирательное право принадлежало только лицам, владевшим земельной или недвижимой собственностью. Сейм был органом, представлявшим интересы польской шляхты и немецких поселенцев на территории княжества. Функции сейма были в высшей степени ограничены; заседания его были закрыты. Он имел право только совещательного органа по делам княжества, выслушивал королевские распоряжения и мог со своей стороны подавать лишь свои мнения и петиции.

Тем не менее великопольская шляхта была удовлетворена «своим» сеймом. Ход заседаний первого сейма (1827) показал, что шляхта целиком занята своими помещичьими делами и интересами. Сейм выразил желание, чтобы патримониальная юрисдикция сохранена была и впредь, просил восстановить поветовые собрания шляхты и передать им право выбора ландратов, раскладки податей и пр. Дворянская курия отвергла предложение городской и сельской курий об отмене права пропинации. В связи с начавшейся аграрной реформой шляхта в сейме домогалась ограничения круга крестьян, имевших право требовать «регуляции», и т. п. В сейме царил дух лояльности в отношении прусского правительства. Последнее шло навстречу шляхетским пожеланиям. Мало чем отличался от первого и второй сейм, созданный в январе 1830 г.

Самым важным мероприятием в прошляхетской политике прусского правительства, которая в свою очередь облегчала ему проведение его антипольской политики, была осуществленная в интересах помещиков аграрная реформа.

По своей экономической структуре польские области прусской монархии были преимущественно аграрными с высоким удельным весом помещичьего землевладения. Огромное большинство крестьянского населения сидело на земле, считавшейся собственностью помещиков, находилось в различной степени зависимости от них и обязано было исполнять разнообразные повинности в пользу господской усадьбы. Прусское законодательство различало несколько категорий крестьянства. Незначительную часть его составляли крестьяне-собственники и крестьяне «с лучшими правами владения», т. е. наследственные арендаторы и наследственные чиншевики. Крестьяне «с лучшими правами» считались более гарантированными в смысле владения землей, но не были свободны от повинностей в пользу помещика, в частности, от барщины. Эта категория крестьян была относительно большей в Нижней Силезии.

Более многочисленную категорию помещичьих крестьян составляли «ласситы», крестьяне-барщинники, земельные наделы которых считались

принадлежавшими помещику. Ласситским считался двор, располагавший парой коней или волов, т. е. полной упряжкой. Ласситы подразделялись на наследственных и пожизненных. Различие между ними заключалось в том, что формально закон ограничивал право помещика распоряжаться землей наследственных ласситов. Что же касается степени зависимости и объема повинностей, то практически они были одинаково тяжелы для тех и других. Современники называли лассита «злосчастливым существом», «оседлым батраком». В прусских законодательных актах встречались такого рода определения положения наследственных ласситов: «обычное положение вещей, т. е. крестьянские повинности доведены до высшего напряжения, допускаемого физической возможностью».

Наконец, самую многочисленную категорию среди крестьянского населения польских областей составляли крестьяне, в хозяйственном и правовом отношении стоявшие ниже ласситов. Это были крестьяне, не имевшие полной упряжки, либо пользовавшиеся меньшим наделом, либо вовсе малоземельные и безземельные. Их называли, как и в других польских землях, загородниками, халупниками, коморниками, дворовой челядью и т. д. В экономическом смысле хозяйства крестьян, зачисляемых в эту категорию, были неоднородны, но их владельцы одинаково считались крестьянами с «худшими правами», т. е. по сути дела — лишенными всяких прав.

В наиболее тяжелые условия были поставлены крестьяне в Верхней Силезии. Они буквально нищенствовали. Недород одного года или потеря головы скота разоряли многих вконец. Они оказывались не в состоянии уплатить все налоги и выполнить лежавшие на них повинности и безжалостно изгонялись помещиком, который передавал освободившийся таким путем участок новому поселенцу, часто дворовому. Бывали случаи, что за два-три года сменялось три-четыре владельца участка. Помещики ограничивали или упраздняли крестьянские сервитуты. Многочисленная дворовая челядь силезских магнатов влачила голодное существование. Скудные нормы картофеля и крупы составляли пропитание дворового крестьянина.

Таково было положение крестьян в Пруссии, в частности, в ее польских областях, и в период проведения аграрной реформы, затянувшейся на 50 лет.

Началом прусского законодательства относительно крестьян был указ 1807 г. о личном освобождении крестьян и правительственные распоряжения 1808—1810 гг., подтверждавшие права помещиков на крестьянскую землю. Затем последовали законодательные акты, определявшие порядок и условия реформы — так называемой «регуляции»: указ 1811 г., декларация 1816 г. и положение о выкупе 1821 г.

Указ 1811 г. предоставлял право на «регуляцию», т. е. право стать собственником своего участка, только наследственным ласситам. При «регуляции» крестьянин должен был отдать помещику треть своего надела, после чего становился собственником оставшегося участка. Ненаследственные ласситы и крестьяне-арендаторы вообще не могли требовать «регуляции». Они становились собственниками лишь с согласия помещика и в этом случае уступали ему половину надела. Фактически, ввиду военных и политических событий 1812—1815 гг., указ не получил применения. Декларация 1816 г. еще более суживала круг крестьян, имевших право на «регуляцию». Она предусматривала право помещика на «вознаграждение» за землю, за отмену крестьянских повинностей и сборов и за упразднение «верховных (феодалных.— *Ред.*) прав господина». Крестьянин должен был отдать помещику треть своего участка, уплатить 25-кратную

стоимость всех повинностей (единовременно либо годичными взносами деньгами или хлебом) и, сверх того, выплачивать ежегодно 5—7,5% своего дохода. Положение о выкупе 1821 г. устанавливало порядок и систему расчетов при выкупе. Кроме того, при «регуляции» упразднились лесные и пастбищные крестьянские сервитуты. Наконец, помещик приобретал право поступать с «нерегулируемыми» крестьянами, которые составляли большинство, по собственному усмотрению.

В польских областях, особенно в Силезии, помещики добились при проведении аграрной реформы особых выгод. «Регуляция» применялась здесь лишь к крупным, состоятельным крестьянам. «...Силезия, — писал в 1848 г. соратник Маркса и Энгельса Вильгельм Вольф, — была обетованной страной помещиков. Благодаря изданным в 1821 г. законам о выкупе барщины феодальное юнкерство устроилось так тепло, что лучше и не придумать».

Познанские помещики по примеру своих верхнесилезских собратьев также добились ограничения круга крестьян, подлежащих «регуляции». Декларация 1836 г. сохранила право на «регуляцию» за крестьянскими хозяйствами, имевшими не менее 25 моргов «ячменной» земли. Что означало это условие, видно из того, что в переводе на худшую «ржаную» крестьянскую землю 25-морговый минимум приравнивался к 40—65 моргам.

Одновременно с «регуляцией» происходило разорительное для крестьянства сокращение либо ликвидация лесных и пастбищных сервитутов, а также размежевание и уничтожение чересполосицы.

Аграрная реформа протекала крайне медленно. В Силезии к 1848 г. было всего лишь 5,5 тыс. «регулируемых» крестьянских хозяйств с площадью в 205 тыс. моргов, в том числе в Верхней Силезии — 4,3 тыс. хозяйств с площадью в 155 тыс. моргов. Между тем в 1816 г. в Силезии имелось 69,3 тыс. крестьянских хозяйств с полной упряжкой и примерно около 200 тыс. хозяйств без полной упряжки, не считая владельцев карликовых усадеб и безземельных. Из числа «нерегулируемых» крестьян к 1848 г. откупились от барщины и других повинностей 95 тыс. хозяйств.

В Великой Польше «урегулировано» было 25 тыс. крестьянских хозяйств с площадью в 1388 тыс. моргов и откупились от барщины и повинностей, сверх того, еще 15 тыс. крестьян, тогда как общая численность крестьянских хозяйств превышала 200 тыс.

В Поморье (Западная Пруссия) к 1848 г. было зарегистрировано 7,3 тыс. «регулируемых» крестьянских хозяйств с площадью в 602 тыс. моргов и, сверх того, 5,3 тыс. хозяйств, выкупивших повинности. Об общем числе крестьянских хозяйств могут дать примерное представление цифры, относящиеся к 1858 г., когда в Поморье считалось 64 тыс. хозяйств с полной и неполной упряжкой, кроме безземельных и владельцев карликовых усадеб, не имевших рабочего скота.

За право считаться собственниками своей земли и за освобождение от принудительного труда и феодальных повинностей крестьяне уплатили сотни миллионов талеров, которые в качестве «вознаграждения» положили в свои карманы помещики. Но это было еще далеко не все. В Силезии крестьяне потеряли около 150 тыс. моргов земли, в Великой Польше — 215 тыс. моргов, в Гданьском Поморье — 210 тыс. моргов.

Денежная (и хлебная) рента выплачивалась «регулируемыми» крестьянами в течение 20—40-х годов и к 1848 г. не была еще выплачена у подавляющего числа крестьян. Эти платежи буквально разоряли крестьян, которые зачастую вынуждены были после «регуляции» продавать часть своей земли или вовсе покидать ее, пополняя ряды безземельного сельского населения. Лишь небольшая группа зажиточных крестьян выиграла

от реформы, превратившись в земельных собственников. Пользуясь повсеместным разорением среднего и мелкого крестьянства, она укрепила свое хозяйство покупкой земли и эксплуатацией беднейших слоев деревни.

Аграрная реформа обогатила шляхту. Помещики получили землю и деньги, необходимые для перестройки своих хозяйств. «...Прославленное просвещенное аграрное законодательство «просвещенного государства», — писал Энгельс, — преследовало только одну цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти»¹. Оно открывало, правда, путь развитию капитализма, но это был тот «прусский путь», о котором В. И. Ленин писал: «...Крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбуаэров» («крупных крестьян»). ...Основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров»².

3

ВОЛЬНЫЙ ГОРОД КРАКОВ И ЗАПАДНАЯ ГАЛИЦИЯ

Разногласия между великими державами на Венском конгрессе по польскому вопросу привели к образованию Краковской республики. 3 мая 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали так называемый дополнительный трактат, учреждавший на небольшом клочке польской территории новое государство — «вольный, независимый и строго нейтральный город Краков с округом».

Краковская республика представляла собой узкую полосу земли, вытянутую вдоль левого берега Вислы. Вся территория республики составляла около 1 тыс. км²; на ней, кроме Кракова, было расположено три местечка и 244 деревни. Население республики в момент ее организации составляло 96 тыс. человек, из них 25 тыс. приходилось на г. Краков.

Россия, Австрия и Пруссия назначили своих уполномоченных, которые создали Организационную комиссию Краковской республики. При участии представителей от трех сословий вольного города — шляхты, духовенства и горожан — они должны были разработать конституцию и ввести ее в действие. «Расширенная» конституция (называемая так в отличие от «краткой» 1815 г.) была опубликована в 1818 г.

Высшей исполнительной властью в республике был сенат из 12 сенаторов. Во главе его стоял президент, избираемый на три года сеймом. Сенат имел три постоянных отдела: внутренних дел и юстиции, полиции и финансов. В ведении последнего находилось управление всеми государственными имениями и горным делом. Вместе с тем сенат обладал и значительным влиянием на законодательство. Без его санкции сейм не мог приступать к голосованию законопроекта.

Сейм республики созывался ежегодно. В его состав входил 41 человек: по три депутата посылали сенат, капитул и университет, в сейме заседали шесть мировых судей, остальные 26 депутатов избирались гминами. Сейм имел право с согласия сената принимать законы, одобрять налоги и бюджет и утверждать отчеты об исполнении бюджета, избирать высших чиновников и судей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 246.

² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216.

Право голоса на гминных собраниях, избравших депутатов, предоставлялось белому духовенству, лицам, владевшим недвижимостью, налог с которой превышал 50 злотых, купцам, фабрикантам, ремесленникам, профессорам и учителям и лицам свободных профессий.

Конституция вольного города содержала весьма либеральный пункт. «Права крестьян будут сохранены. Все граждане равны перед законом и все находятся под равной его защитой». По конституции, крестьяне могли принимать участие в выборах депутатов в сейм республики. Однако право это выражалось лишь в том, что от деревни, имевшей более 10 дворов, мог быть послан в гминное собрание один представитель в том случае, если в этой деревне уже не было лица, имевшего право голоса.

В сейм могли быть избраны лица, имевшие университетское образование и владевшие недвижимостью, облагаемой налогом не ниже 90 злотых. Имущественный ценз для избрания в сенат был еще бóльшим (150 злотых налога), сверх того, от кандидата требовалось, чтобы он предварительно исполнял должности вояты гмины, судьи и сеймового депутата (не менее чем по два года каждую).

Все эти предписания в достаточной мере говорят сами за себя. Краковская республика была государством, охранявшим интересы помещиков и торговой буржуазии г. Кракова, и лишь эти классы и получили действительные политические права в этом карликовом государстве.

Своеобразные условия вольного города наложили отпечаток на экономику Кракова. В тридцатилетие своего полунезависимого существования Краков более чем когда-либо был городом купцов.

Границы Краковской республики были открыты для ввоза товаров, с которых взималась ничтожная пошлина. Вывоз из Кракова в соседние государства был связан с оплатой пошлин на русской, прусской и австрийской таможах. Однако торговля с Краковом представляла известную выгоду для этих держав. Поэтому в ряде случаев товары оказывалось выгоднее направлять, например, из Пруссии в Королевство Польское через Краков, чем непосредственно. Политическая ситуация иногда создавала условия, при которых вольный город оказывался единственной отдушиной для торговли. Так было в годы русско-прусской таможенной войны (1823—1825), когда краковские купцы обогатились на посреднической торговле между Пруссией и Королевством Польским.

Наиболее тесные экономические связи соединяли Краков с прилегающими юго-западными районами Королевства Польского, для которых он был естественным центром сбыта сельскохозяйственной продукции. В краковском предместье Клепаже дважды в неделю происходили базары, на которые прибывали обозы из ближайших районов королевства. Летом на так называемых святоянских ярмарках (день св. Яна — 24 июня) здесь заключались крупные торговые сделки. Помещиков притягивала в Краков не только забота о сбыте сельскохозяйственной продукции, но и дешевизна промышленных и колониальных товаров. О том, как велико бывало число приезжей шляхты и купцов, можно судить по тому, что в городе с 40-тысячным населением было 13 гостиниц и 167 постоянных дворов.

Численность населения в Кракове быстро росла (в 1815 г. она составляла 25 тыс., а к 1842 г. — 42 тыс. человек). Город значительно вырос, в нем были проведены большие строительные работы. Все свидетельствовало о том, что город выходил из длительной полосы упадка, в котором он находился еще в начале XIX в.

Значительное место в торговле Кракова занимали промышленные товары, получаемые главным образом из прусской Силезии. Через Вроцлав шли в Краков также английские и французские товары.

Развитие посреднической торговли обогащало верхушку краковской буржуазии — купечество, но оно подрывало всякую возможность развития в Кракове промышленности, которая не могла выдержать конкуренции с иноземными товарами. В первые годы существования республики была сделана попытка основать суконные мануфактуры. Однако они, несмотря на казенные заказы, быстро захирели. Лишь ремесленные мастерские, обслуживавшие местный рынок и приезжавших в Краков помещиков, продолжали держаться. Но крупных мастерских было мало, ремесло продолжало сохранять полусредневековый цеховой характер. В 1842 г. в Кракове насчитывалось около 6 тыс. ремесленников и ремесленных рабочих. Вместе со своими семьями они и составляли по существу основную массу населения города.

Единственной отраслью промышленности, развивавшейся в этот период, была добывающая промышленность. Наибольшее значение имела добыча каменного угля в шахтах и карьерах в районе Явожно. Только на казенных шахтах в Явожно в 1837—1843 гг. было добыто около 185 тыс. т угля.* В этом же районе добывалась цинковая руда (гальмей), до 5,5 тыс. т ежегодно. Переработка ее, однако, была развита слабо, и руда шла главным образом на экспорт в прусскую Силезию. В 40-х годах началась разработка железных руд.

Организационная комиссия держав-«опекунов» республики учредила в 1816 г. специальную комиссию по крестьянскому вопросу, которая приступила к проведению крестьянской реформы в казенных и церковных имениях. К числу этих имений из 244 деревень республики относились 82 деревни, в которых жило около половины всех крестьян. Комиссия действовала весьма неторопливо. Через 10 лет после ее основания реформа была еще далеко не завершена. Существо реформы сводилось к замене барщины натуральным или денежным оброком, разделу между помещиком и крестьянами бывших общинных пастбищ и лесов, ликвидации сервитутов. Деятельность комиссии вызывала недовольство крестьян, разоряемых установленными комиссией тяжелыми оброками. В 1833 г. комиссия была принуждена пересмотреть и снизить нормы чинша. Крестьяне добивались раздела фольварков. В поданной ими в комиссию петиции недвусмысленно заявлялось: «Мы просим передать нам за чинш фольварочные земли, иначе мы готовы обратиться к средствам, которые могли бы нарушить общественное спокойствие». Особенно острые формы недовольства приняло среди частновладельческих крестьян, которые требовали освобождения от барщины.

Обычной формой крестьянского протеста были поджоги помещичьих усадеб, складов зерна и т. д. Президент краковского сената Станислав Водзицкий, сообщая в 1822 г. об одном таком поджоге, писал: «Это повторение того, что происходит каждую неделю. Крестьяне твердо решили поджигать панам амбары до тех пор, пока те не раздадут своих земель».

Но шляхетский сенат республики был враждебен даже той ограниченной крестьянской реформе, которую проводила комиссия. В 1828 г. дело дошло до открытого конфликта между сенатом и комиссией. Показательно, что в этом вопросе сенат нашел поддержку в сейме, где преобладала краковская буржуазия. Помещики и торговая буржуазия, оспаривавшие друг у друга власть в республике, находили общий язык, когда речь шла о подавлении крестьянского движения. Краковское купечество было связано экономическими интересами с помещиками, оно видело в них политических конкурентов, но отнюдь не врагов, оно менее всего было заинтересовано в демократизации социального и политического строя.

Несмотря на свой ограниченный характер, крестьянская реформа в Краковской республике имела большое значение. Опередив реформу в большинстве других польских земель, она привлекала внимание различных социальных слоев польского народа, способствовала кристаллизации политических программ. Крестьяне Краковской республики выделялись впоследствии, в революционном движении 1846—1849 гг., значительно большей политической зрелостью, более ясным пониманием своих классовых целей и задач, чем их непосредственные соседи — крестьяне Западной Галиции.

С самого начала Краковская республика была лишь по внешности независимым государством. Она была лишена свободы действий в вопросах внешней политики, не имела представителей за границей, даже при правительствах держав-«опекунов», которые поддерживали сношения с сенатом республики через своих резидентов. На международной арене республику официально представляли державы-«опекуны». Воля великих держав определяла и внутриполитическую жизнь вольного города, начиная от его конституции. Чем дальше, тем вмешательство Австрии, Пруссии и России во внутренние дела республики становилось все большим.

Значительную роль в жизни Краковской республики и в том влиянии, которое сохранял Краков в отношении всего польского народа, играл Ягеллонский университет. Именно против него в первую очередь обратилось наступление краковских консервативных помещиков и держав-«опекунов», видевших в Краковской республике опасный источник национальной пропаганды, угрозу прочности их власти над польскими землями. Краковский университет в глазах резидентов был очагом свободомыслия и злокозненного либерализма. Ряд последовательных реформ, осуществленных по указанию резидентов держав-«опекунов» в 1821—1826 гг., разрушил автономию университета, поставил его под надзор представителей великих держав, установил систему постоянного полицейского наблюдения за студентами и профессорами. По распоряжению Новосильцева из Кракова были отозваны студенты — жители Королевства Польского, что нанесло тяжелый удар университету.

С каждым годом все более росли строгости цензуры. Пункт конституции о свободе печати оставался пустой декларацией.

В 1827 г. буржуазная оппозиция в сейме при выборах президента сената забаллотировала до того времени бессменного президента Водзицкого. Державы-«опекуны» усмотрели в этом бунтовщический заговор и, вопреки решению сейма, нарушая конституцию республики, вновь назначили Водзицкого на пост президента и распустили сейм. Была проведена «чистка» сената, введен ряд поправок к конституции, имевших целью подавить либеральную оппозицию.

Политика австрийского правительства в отношении Галиции после Венского конгресса не изменилась. Оставались в силе все введенные ранее германизаторские порядки и хотя значительной активности в дальнейшем германизаторском нажиме власти и не проявляли, тем не менее такие факты, как восстановление в 1817 г. немецкого университета во Львове, свидетельствовали о неизменности курса национальной политики Габсбургов.

Австрийское правительство было, впрочем, вынуждено сделать некоторые незначительные и носившие больше показной характер уступки в отношении польского населения. К этому его вынуждал факт существования конституционного Королевства Польского с развитой политической жизнью, с рядом польских культурных учреждений. Для того чтобы в какой-либо мере нейтрализовать притягательную силу Королевства Поль-

ского, австрийское правительство в 1817 г. восстановило галицийский сословный сейм, внося лишь незначительные изменения в его организацию (выделение духовенства в отдельное сословие и т. п.), но нисколько не расширив его компетенцию и полномочия. В 1826 г. губернатором Галиции был назначен князь Август Лобкович, пользовавшийся репутацией полонифила.

По этим же соображениям правительство не препятствовало и некоторым польским культурным начинаниям, например, организации польского театра во Львове. Важнейшим среди этих начинаний было основание галицийским магнатом Юзефом Максимилианом Оссолиньским в 1817 г. польского национального культурного центра во Львове — библиотеки, собрания произведений искусства, типографии и т. д. В честь основателя этот институт получил наименование «Оссолинеум». Он сыграл значительную роль в развитии польской науки и культуры.

Однако если политика Австрии в отношении польского народа в Галиции и не подверглась существенным изменениям, то определенная часть польского господствующего класса перешла от прежней пассивной лояльности к активной службе австрийским захватчикам. В 20—30-х годах XIX в. среди австрийских чиновников Галиции появилось уже немало поляков. Многие из них, верой и правдой служа Габсбургам, заняли видные посты в бюрократической иерархии империи. Эти польские чиновники и военные на австрийской императорско-королевской службе подготавливали почву для той сделки с Габсбургами, которая в 60-х годах предоставила польским помещикам неограниченное политическое господство в Галиции и полную свободу действий в удушении украинского национально-освободительного движения.

4

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ДЕКАБРИСТЫ

Арест руководителей Патриотического общества на некоторое время приостановил его деятельность. Но вскоре она возобновилась.

Во главе Общества встал Северин Кшижановский. В этот второй период развития Патриотического общества в нем все большую роль начали играть крупные помещики, представители польской аристократии каштелян Солтык, князь Яблоновский, граф Мошинский и др. Если Лукасинский и его сподвижники, при всей ограниченности их взглядов, представляли течение дворянско-революционное, то окружавшие Кшижановского аристократы, в значительной мере связанные своими имущественными интересами с украинскими землями — Волынь, Киевщиной, Подолией, всю свою программу сводили к «воссоединению» с Королевством Польским ранее принадлежавших Речи Посполитой непольских земель.

В этот именно период и завязались сношения между Патриотическим обществом и Южным обществом русских дворянских революционеров.

В январе 1824 г. в Киеве состоялась встреча членов Южного общества с Кшижановским. Когда декабристы заявили о своей республиканской программе, Кшижановский ответил, что поляки предпочитают конституционно-монархическую форму правления. Отношения между Патриотическим обществом и декабристами вскрыли разное понимание ими характера взаимного сотрудничества, равно как и конечных задач будущего

Северин Кшиженковский

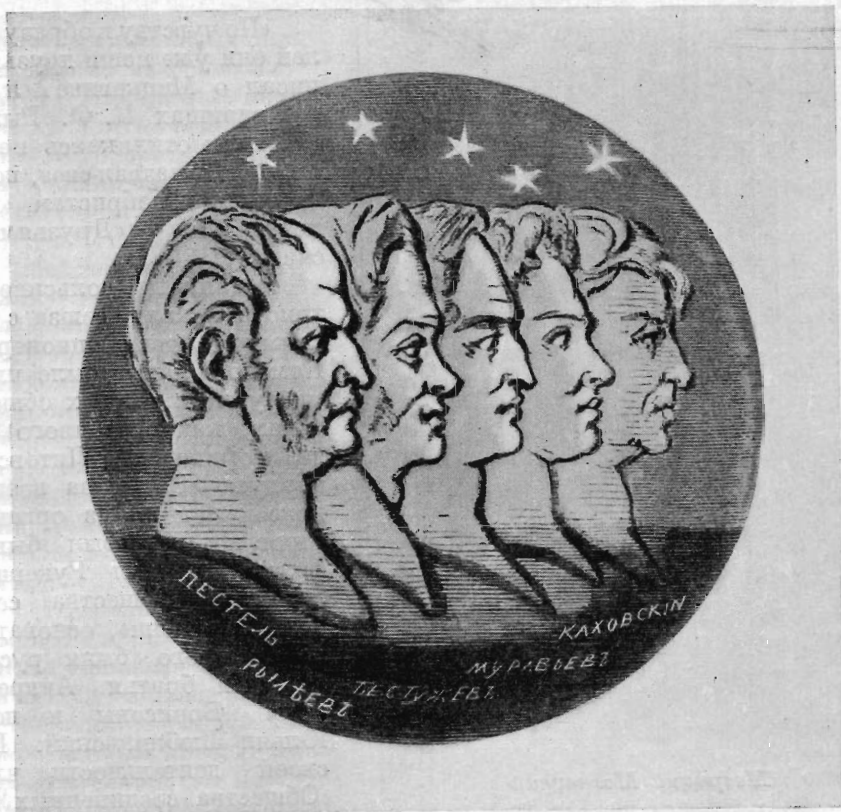
кабристов, определяться ее этнографическими границами. Пестель в своей «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой, упразднившей аристократию и сословные привилегии, т е такой же, какой должна была стать Россия. Во имя этих целей декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага — самодержавия.

В ходе переговоров 1824 г М. П. Бестужев-Рюмин предложил полякам проект соглашения о совместных действиях, предусматривавший восстановление независимости Польши. От поляков требовалось согласованное выступление, участие в общерусском восстании и принятие республиканского строя. Но польские шляхетские конспираторы уклонились от сотрудничества с русскими революционерами. «Пусть себе русские делают, что хотят, говорил Солтык, — мы сохраним в нашей стране спокойствие, и его нужно беречь, пока в русском государстве не произойдет каких-либо перемен».

В январе 1825 г состоялось вторичное свидание представителей Патриотического общества с декабристами. От поляков присутствовал Яблоновский, от декабристов Пестель и Волконский. На вопрос Пестеля, окажут ли поляки помощь восстанию в России, Яблоновский ответил, что Патриотическое общество не ставит своей целью немедленных выступлений, так как, учитывая сложившуюся ситуацию в Европе, оно считает невозможным рассчитывать на успех в этих условиях революционных намерений. «Мы хотели только сохранить в стране национальный дух, чтобы при могущих произойти переменах в Европе использовать этот

восстания. Патриотическое общество интересовало лишь одно. облегчит ли восстание в России осуществление их политического плана — создания Польского королевства в границах 1772 г Идеология и программа декабристов мало интересовали Патриотическое общество. Напротив того, декабристы рассчитывали найти в Обществе единомышленников и проявляли живой интерес к тому, какой станет будущая независимая Польша.

Еще до установления контакта с Патриотическим обществом декабристы зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Об этом было сказано в проекте конституции, составленном Н. Муравьевым. Борясь за свержение самодержавия, декабристы боролись и за освобождение Польши. Территория будущей Польши должна была, по убеждению де-

Декабристы

С титульного листа журнала «Полярная звезда»

момент для возвращения Польше независимости. В этом смысле ни одно обстоятельство не может быть более выгодным для нас, нежели ожидаемые революции в России; наши интересы являются порукой готовности нашего сотрудничества»

Тактика Патриотического общества в конечном счете сводилась к следующему: не связывать себя никакими обещаниями и выжидать исхода восстания в России, возглавляемого декабристами. Видный деятель восстания 1830—1831 гг и его историк М. Мохнацкий не мог не признать порочности тактики Патриотического общества. «Мы игнорировали, почти отвергли счастливую возможность, которая не так часто случается. Русские, вступили в переговоры с откровенностью, с доброй верой, но, увы, не нашли в польском «Обществе» того, что искали: взаимной откровенности, и желания совместных действий». Но то, что было достойно осуждения, по мнению демократически настроенного Мохнацкого, было совершенно естественно для шляхетского Патриотического общества.

По-иному относились к деятельности русских дворянских революционеров передовые представители польского общества. Высланный после раскрытия виленских студенческих обществ в Центральную Россию великий польский поэт Адам Мицкевич сблизился с декабристами, имена которых он впоследствии вспоминал с глубочайшим уважением. Идеи декабристов были близки и понятны Мицкевичу

Маурыйц Мохнацкий
Гравюра Ст. Лукомского

«По чувству и образу мыслей они уже наши друзья», — писал о Мицкевиче и его сотоварищах К. Ф. Рылеев. И словно откликаясь на это, Мицкевич назвал свое, посвященное декабристам, стихотворение — «Друзьям-русским».

Подлинные польские патриоты искали союза с русскими революционерами. Немало поляков было членами русских тайных обществ, таких, как созданного среди офицеров Литовского корпуса «Общества военных друзей», одним из организаторов которого был бывший филолат Михал Рукевич, и особенно «Общества соединенных славян», основателями которого были русские офицеры братья Андрей и Петр Борисовы и поляк Юльян Люблинский. Цель своей деятельности члены «Общества соединенных славян» видели в освобождении славянских народов и созда-

нии федерации братских славянских республик, введении в России, по словам П. И. Борисова, «чистой демократии, уничтожающей не только сан монарха, но и дворянское достоинство и все сословия и сливающей их в одно сословие гражданское» Показательно, что, когда после объединения «Общества соединенных славян» с Южным обществом Люблинскому предложили вступить в Патриотическое общество, он наотрез отказался.

Движение декабристов оказало значительное влияние на польское общество. Даже у многих тех, кому были чужды взгляды декабристов, их восстание вызывало сочувствие как направленное против Николая I, известного своими антипольскими настроениями.

Вступив на престол, Николай I специальными манифестами от 24 и 26 декабря 1825 г. обязался сохранять конституционные учреждения Королевства Польского. Однако в переписке со своим братом Константином он не скрывал отвращения к конституционному строю. Конституция 1815 г. юридически ограничивала власть польского короля, с чем Николай I не желал примириться. Его враждебность конституции особенно проявилась во время суда над членами Патриотического общества.

На след Патриотического общества царские власти вновь напали в связи со следствием по делу декабристов. Окончательно раскрыли состав и программу Общества показания, данные князем Яблоновским. Следствие по делу Общества Николай I поручил смешанной русско-польской комиссии во главе с председателем сената Станиславом Замоиским. В декабре 1826 г. комиссия представила свое заключение, предъявившее восьми членам Патриотического общества обвинение в государственной измене.

Константин высказывался за предание их военному суду, но Николай I, опасаясь усилить недовольство в Королевстве Польском, склонился в пользу конституционного сеймового суда. Сеймовый суд под председательством генерала П. Белиньского отказался руководствоваться заключением следственной комиссии, образованной вопреки конституции, и выделил комиссию из пяти человек для производства нового следствия. Комиссия сеймового суда закончила свою работу в конце 1827 г. В январе 1828 г. вновь собрался сеймовый суд. Главный пункт обвинения был отвергнут. Суд демонстративно отказался признать государственным преступлением деятельность в пользу присоединения Литвы, Белоруссии и Украины к Королевству Польскому.

Петр Высоцкий

Литография Я. Н. Жилинского

Обвиняемым инкриминировалось лишь участие в запрещенных тайных обществах, а одному из них Кшижановскому—еще сношения с русскими «мятежниками», т. е. декабристами. Большинство обвиняемых было приговорено к краткосрочному тюремному заключению (на три и шесть месяцев) и только Кшижановский — к трем годам тюрьмы. Озлоблению Николая I не было границ. Но ввиду войны с Турцией нельзя было обострять положение в королевстве, и он был вынужден утвердить приговор суда, объявив, однако, при этом строгий выговор его членам.

Николай I не сразу короновался в качестве польского короля. Обязательность этого акта, подчеркивавшего государственную самостоятельность Королевства Польского, предусматривала конституция 1815 г. Коронация состоялась лишь в 1829 г. и не в соборе, а в королевском замке, в зале сената. Перед отъездом Николай I, в полном противоречии с конституцией 1815 г., подписал указ о назначении новых сенаторов. Все эти подчеркнутые нарушения конституционных положений вызывали раздражение в шляхетских кругах.

Основной причиной недовольства шляхты было то, что вопрос о присоединении к королевству литовских, белорусских и украинских земель был снят с повестки дня. Никаких прав на эти земли польская шляхта не имела. Польский элемент в этих землях был представлен главным образом помещиками, основную же массу населения составляли белорусы, украинцы и литовцы. При этом и среди польских землевладельцев Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины не было единодушного тяготения к королевству. Местные помещики опасались распространения на их владения

декрета 1807 г. о юридической отмене крепостного права, так же как и введения новых налогов. За присоединение к Королевству Польскому стояли лишь мелкие землевладельцы, безземельные шляхтичи, выброшенные из среды дворянства, богатая крестьянская прослойка в Жемайтии, лишенная права в силу гильдейских законов Александра I принимать активное участие в балтийской торговле, и католическое духовенство Литвы, Белоруссии и Украины, раздраженное ограничением его прав.

После вступления на престол Николая I шляхетские планы добиться согласия царя на присоединение к Польше литовско-белорусских и украинских губерний становились неосуществимыми. Решительная враждебность Николая I к этим планам была хорошо известна.

Разгром Патриотического общества не привел к ликвидации национально-освободительного движения в Польше. Антипольская политика Николая I вела к росту движения, охватившего преимущественно широкие круги военных и учащейся молодежи.

В 1828 г. в Варшаве возникло тайное военное общество в офицерской школе подхорунжих, расположенной около Бельведера — резиденции Константина. Организатором общества был инструктор этой школы, подпоручик гвардейского гренадерского полка Петр Высоцкий. К этой тайной организации примкнули представители свободных профессий и польская студенческая молодежь. Ей обещал поддержку и бывший профессор Виленского университета И. Лелевель. Подготавливая переворот, общество мыслило его как военную революцию, за которой последует организация правительства, способного взять на себя руководство вооруженной борьбой с царизмом за восстановление независимости Польши. Левое крыло организации, представленное демократической интеллигенцией, стояло за республику и настаивало на необходимости военно-революционной диктатуры. Эта группа ненавидела аристократов и католическое духовенство, видя в них реакционные силы, тормозившие социально-политическое развитие Польши. Лидеры левого крыла — Маврыций Мохнацкий и Ксаверий Брониковский — начали с 1 декабря 1829 г. издавать прогрессивно-демократический орган «Курьер польский». Петр Высоцкий был представителем правого крыла общества подхорунжих и сдерживал революционные порывы более решительных его членов. Он пытался завязать связи с крупными политическими деятелями из шляхетского лагеря, но аристократия и сеймовая оппозиция отнеслись к идее восстания отрицательно. Тайное общество не имело опоры в широких кругах шляхты. Основная масса его членов была далека от каких-либо планов социальных преобразований и поэтому не хотела обращаться к революционно настроенной мелкой буржуазии и плебейским массам города, а тем более к крестьянству. Участники общества решили поставить шляхту перед совершившимся фактом: они предполагали убить Николая I со всей его семьей во время коронации, после чего должно было последовать вооруженное выступление.

В это время неудачи царизма в войне с Турцией придали смелость сеймовым оппозиционерам, которые хотели использовать коронацию Николая I для подачи ему своей петиции о восстановлении публичности заседаний сейма, свободы печати и уничтожения следственных комитетов. Депутат Малаховский сообщил Высоцкому о планах оппозиции и уведомил его, что в случае отклонения петиции или ареста депутатов «народ» уполномочивает общество выступить с оружием в руках. Однако петиция не была подана, так как большинство послов сейма не согласилось ее подписать, и оппозиция вынуждена была отказаться от выступления.

Иоанн Лелевель
Гравюра А. Оленинского

Такой исход событий вызвал раздражение левого крыла членов тайного общества против сеймовой оппозиции и Высоцкого.

Самой крупной фигурой среди лиц, связанных с тайным обществом, был Иоахим Лелевель — любимец виленской молодежи и идейный вдохновитель студенческих революционных кружков. Неутомимый исследователь истории польского народа, Лелевель ненавидел царя, аристократов и шляхту, виновников народных бедствий. Лелевель верил, что Польша должна стать республикой в результате победоносного всоруженного восстания. Он был вдохновенным агитатором за дело национальной свободы. Его боялись сторонники существующего социального строя.

Сейм 1830 г., от которого радикальные круги и, в частности, тайные общества ожидали выдвижения оппозиционной политической программы, не оправдал этих ожиданий. Несмотря на оппозиционные жесты депутатов по ряду конституционных вопросов, общее настроение сеймовой шляхты было, безусловно, не революционным. Кружок Высоцкого после этого возобновил свою активность. В тайное общество вступало все больше гражданских лиц, представителей радикальной интеллигенции. Серьезным толчком к активизации деятельности тайного общества послужил новый подъем революционного движения в Западной Европе — июльская революция 1830 г. во Франции, революционное и национально-освободительное движение в Бельгии, увенчавшееся ее освобождением от власти Нидерландов, оживление национально-освободительного движения в Италии и т. д.

Однако чем больше расширялась деятельность общества и увеличивался в нем круг лиц из демократически настроенной молодежи, тем больше сомнений и колебаний возникало в среде его руководства. Высоцкий, отнюдь не демократ по убеждениям и противник «классовой розни», по-прежнему стремился привлечь в общество магнатов и генералитет, без участия которых он не мыслил себе будущее правительство. В качестве главы восстания Высоцкий наметил Юзефа Хлопицкого, офицера легионов и генерала наполеоновской армии. Но Хлопицкий был убежденным противником восстания и радикального движения вообще и от участия в восстании отказался.

Слухи о приготовлениях царской России к войне с Францией возбудили новое беспокойство в кругах тайного общества. «Умеренные», стремясь предотвратить восстание, советовали ждать развязки будущей войны. Эта точка зрения встретила оппозицию в лице подпоручика Ю. Заливского и депутата Вл. Островского, требовавших взять курс на восстание. Их поддерживало большинство офицерской и студенческой молодежи.

Между тем слухи о существовании тайных организаций и готовящемся восстании дошли до Константина. Возникла опасность провала тайного общества. Это побудило его членов ускорить свое выступление.

5

ВОССТАНИЕ 1830—1831 гг.

Вечером 29 ноября 1830 г. группа членов тайного общества во главе с Людвиком Набеляком и Северином Гоциньским напала на Бельведерский дворец, намереваясь убить Константина. Сделать это им, однако, не удалось. Несколько времени спустя отряд подхорунжих бросился в казармы

и выдержал несколько стычек с русскими и польскими войсками. Подхорунжие обращались к генералам Потоцкому и Трембицкому, предлагая им принять на себя командование восстанием. Оба генерала ответили отказом. Генералитет был настроен враждебно к восстанию. Высшие офицеры не только удерживали свои части от присоединения к восстанию, но пытались направить их против повстанцев.

Лишь нескольким младшим офицерам удалось вывести свои роты к арсеналу. На поддержку восстания поднялись варшавские городские низы — ремесленники, рабочие. Был захвачен арсенал, и тысячи вооружившихся горожан соединились с польскими частями, примкнувшими к восстанию. Тогда к восстанию стали присоединяться остальные полки польских войск.

Начавшееся как военный переворот движение превратилось в народное восстание.

Сначала Константин намеревался ликвидировать восстание с помощью правительственных войск. После вооружения народа и перехода на сторону восстания польских войск Константин возложил свои надежды на помощь консервативных сил польского общества, которые попытались захватить власть в свои руки, чтобы предотвратить развитие восстания или по крайней мере не дать ему превратиться в широкое социальное движение. Польские аристократы, составлявшие Административный совет, кооптировали в него нескольких популярных в шляхетских кругах лиц, таких, как Немцевич, каштелян Кохановский, генерал Хлопицкий и Адам Чарторыский. Фактическим главой Административного совета на ближайшие дни стал давний его член Любецкий, требовавший установить «спокойствие» и действовать от имени короля». Позиция Любецкого и всего Совета сводилась к ликвидации восстания и соглашению с Николаем I. Для этой цели генерал Хлопицкий согласился принять от Административного совета назначение командующим восставшими войсками, от которого он раньше уклонялся, не желая принимать его от повстанцев. Административный совет поддерживал связь с Константином, находившимся в дер. Вежбно под Варшавой. Совет рекомендовал Константину вывести русские войска из Польши, чтобы военные столкновения не помешали соглашению аристократии с Николаем I.

Людвик Набеляк

Литография Я. П. Жилинского

Штурм тюрьмы

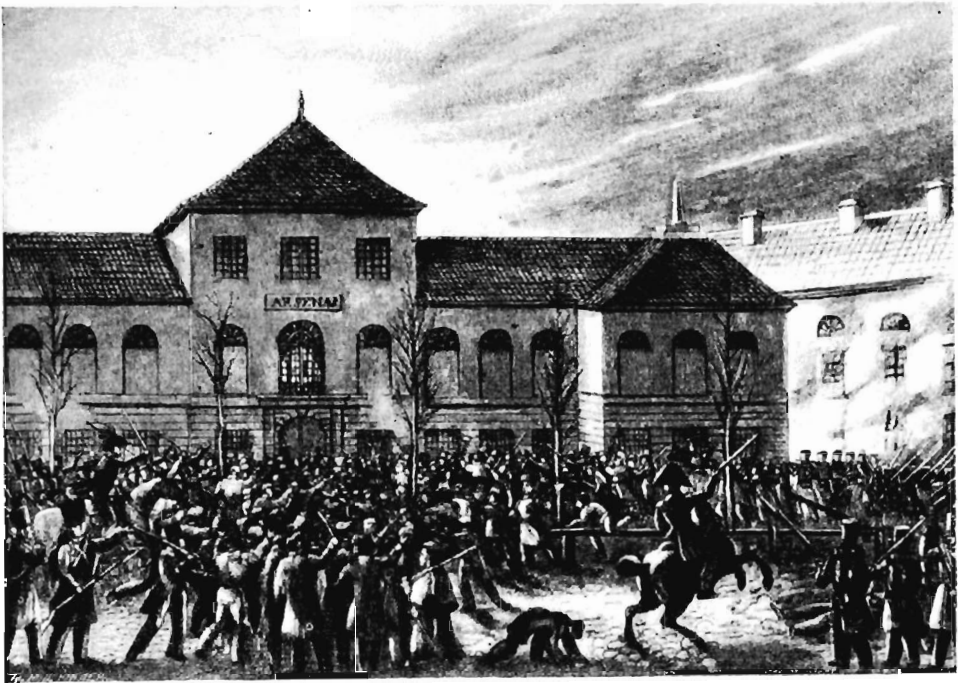
Акватинта Ф. Х. Дитриха

Тем временем движение в Варшаве нарастало. К восстанию присоединился тысячный отряд университетской молодежи. В городе стали формироваться отряды национальной гвардии; в радикальных кругах столицы появилось недовольство капитулянтской политикой Административного совета. 1 декабря революционная молодежь и активные участники восстания собрались в ратуше и объявили об открытии Патриотического общества, главой которого был избран И. Лелевель.

Чтобы ослабить недовольство народа, Административный совет пошел на некоторые уступки восставшим. Были уволены в отставку наиболее одиозные члены совета и на их место кооптированы Вл. Островский, И. Лелевель и М. Мохнацкий.

Вскоре Административный совет объявил о самороспуске и образовании «Временного правительства» в составе А. Чарторыского, генерала Паца, сенатора Леона Дембовского, каштеляна Кохановского, И. Лелевеля, Ю. Немцевича и Вл. Островского. Этим аристократические круги намеревались ослабить недовольство революционно настроенных элементов и сохранить за собой руководство движением.

«Временное правительство» было очень слабым, реакционерам же была нужна твердая рука, способная подавить или по крайней мере сдерживать революционные элементы в столице, чтобы довести до конца капитулянтские переговоры с Петербургом. Такую роль взял на себя генерал Хлопицкий, объявивший, что до созыва сейма он берет власть в свои руки. Варшавские массы, обманываясь в истинных намерениях Хлопицкого и ожидая от него немедленного открытия военных действий, приветствовали его диктатуру.

Взятие арсенала
Акватинта Ф. Х. Дитриха

Однако ни военных действий, ни подготовки к военным действиям Хлопицкий не начинал. Он саботировал военные приготовления, выигрывая время для ведения переговоров с Николаем I.

10 декабря 1830 г. Хлопицкий направил в Петербург Любецкого и графа Езерского. Они были снабжены рапортом Административного совета о его деятельности и письмами Хлопицкого к Николаю I и Константину. Административный совет оправдывался в том, что принял на себя высшую власть в стране, ссылкой на самоустранение Константина и объявлял восстание «делом молодежи». Еще более верноподданническими были письма Хлопицкого, сообщавшего «всемилостивейшему королю», что он взял власть лишь для того, чтобы она не досталась в руки «агитаторов» и «возмутителей». В это же время Хлопицкий перешел к прямому наступлению против восстания, запретив деятельность Патриотического общества и арестовав его лидеров.

Обращаясь к Николаю I, «Временное правительство» требовало лишь соблюдения конституции 1815 г. и амнистии. Вопросы о расширении конституции «Временное правительство» даже не поднимало. Зато в вопросе о границах королевства программа «Временного правительства» была категорична. Это было требование присоединения к королевству литовских, белорусских и украинских земель. Разумеется, миссия Любецкого и Езерского потерпела неудачу. Николай I заявил, что с «бунтовщиками» он вести переговоры не будет и требует безусловной покорности.

Тем временем в Варшаве должен был собраться сейм. Хлопицкий требовал отсрочки его созыва, ожидая ответа от Николая I. Но

Вооруженные варшавляне

Рисунок Я. Ф. Пиварского

откладывать сейм, который должен был решить вопрос о целях и дальнейших планах восстания, было уже невозможно. Городские низы Варшавы, а также революционно настроенные круги шляхетской интеллигенции требовали действия. Хлопицкого обвиняли в преступной проволочке.

18 декабря 1830 г. сейм начал свои заседания. Хлопицкий в это время реорганизовал высшие органы власти. Вместо «Временного правительства» он образовал «Национальный совет» в составе Чарторьского, князя М. Радзивилла, Островского, Дембовского и Бажиковского. Сейм принял манифест, объявлявший восстание национальным и содержащий требование установления «древних границ» Польши. Хлопицкий отверг манифест, и последний был опубликован без подписей. Шляхта, не верившая в успех восстания, колебалась.

Разброд в шляхетском лагере увеличился еще больше после того, как стал известен ответ Николая I. Хлопицкий предлагал канитулировать. «Национальный совет» заявил, что принять требования Николая невозможно. Окончательное решение вопроса перенесено было в сейм. Тогда Хлопицкий сложил с себя диктатуру и отказался от командования войсками.

Сейм, собравшийся вновь 19 января, также проявил полную растерянность, надеясь на возможность предотвращения открытой борьбы. Вскоре в Польшу пришли вести о приближении царских войск под начальством Дибича, и варшавские газеты опубликовали его прокламации, призывавшие к безусловной покорности. Волнения среди народа и недовольство сеймом достигли в этот момент такого напряжения, что сейм оказался вынужденным принять акт о низложении Николая I, равноценный объявлению войны, и образовал «Национальное правительство» в составе Чарторьского (председателя), В. Немоевского, Моравского, Бажиковского и Лелевеля. Несмотря на это, сеймовое большинство готово было пойти на соглашение с Николаем I. Следует, однако, учитывать, что повстанческие настроения в это время овладели шляхетской массой, которая требовала борьбы за независимость и за восстановление границ 1772 г.

Канитуляция сейма перед Николаем I могла бы вызвать «внутреннее» восстание. Сейм и шляхетская верхушка боялись, что они будут смещены и борьбу с Николаем I возглавят радикальные элементы, которые, быть

может, поднимут крестьянский вопрос. Выход был один — объявить войну Николаю I. То, к чему раньше стремились революционно настроенные круги шляхетской интеллигенции и мещанства, стало теперь делом всей шляхты и даже самых умеренных ее представителей в сейме и аристократии. Захватив руководство восстанием, шляхетская верхушка на первый план выдвинула задачу присоединения к Королевству Польскому литовских, белорусских и украинских земель бывшей Речи Посполитой. Она выдвигала этот лозунг и потому, что он отвечал ее интересам и желаниям, и потому, что он ограничивал задачи восстания.

Если для шляхетской верхушки война с Николаем I была единственным средством предотвращения «внутренней» войны, то для демократических масс Варшавы решение сейма было актом, который должен был покончить с колебаниями и открыть период решительных революционных действий. Этого добивались народные массы. Это было целью могучей демонстрации, которая повлияла на решение сейма и в ходе которой особенно отчетливо выявилось коренное различие программ захватившей власть аристократии и революционных народных масс. Если шляхетские политики, стремившиеся примириться с Николаем I, после разрыва переговоров провозгласили войну против России с целью порабощения непольских земель, то народные массы стремились к борьбе против царизма и видели своего союзника в русском народе. Это было ознаменовано торжественной панихидой в память лучших сынов русского народа — пяти казненных Николаем I декабристов, превратившейся в грандиозную народную демонстрацию. Развертывая борьбу против царизма, польские народные массы обращались к революционным традициям декабристов, видели в них своих прямых предшественников. В эти дни родился замечательный клич, который польские народные массы начертали на своих боевых знаменах: «За нашу и вашу свободу!»

Два месяца проволочек и колебаний неблагоприятно отразились на состоянии польских вооруженных сил. Генерал Хлопицкий тормозил формирование новых частей, о созыве же посполитого рушения он не хотел и слышать. Польская армия начала военные действия, не имея никакого плана войны. Численность армии составляла около 55 тыс. человек при 140 пушках, при этом ее части были рассредоточены по всей территории королевства.

Против польской армии действовала царская армия примерно в 115 тыс. человек при 336 орудиях под начальством фельдмаршала Дибича. Слабым местом царских войск было также рассредоточение их на фронте шириной более 500 км. План Дибича заключался в том, чтобы главными силами ударить на Варшаву.

Первое столкновение с армией Дибича под Сточком (14 февраля) закончилось успешно для польских войск. Второе, более значительное столкновение, начавшееся 19 февраля, затянулось и на следующие дни. Дибич подбросил крупные силы, и 25 февраля произошло сражение под Гроховом, где поляки имели 55 тыс. войск против 75-тысячной армии Дибича. Гроховская битва обнаружила несогласованность действий отдельных командиров, грызню между ними и бездарность главнокомандующего — М. Радзивилла. Генерал Хлопицкий, присутствовавший в качестве военного советника, был ранен во время боя, и командование совершенно потеряло голову. Польские войска понесли большие потери, но Дибич, потерявший не многим меньше людей, не рискнул начать штурм сильно укрепленной Праги.

После битвы под Гроховом М. Радзивилл был смещен с поста главнокомандующего. На его место был назначен генерал Ян Скиншницкий,

который в начале событий предлагал свои услуги Константину для подавления восстания. Сквинецкий отрицательно относился к восстанию и не верил в его силы. Он последовательно держался «тактики» бездействия и завязал тайные переговоры с Дибичем.

В марте, когда Висла очистилась ото льда, Дибич решил перебросить главные силы на левый ее берег и подойти к Варшаве с запада, оставив с востока перед городом корпус Розена. По плану начальника польского штаба Прондзиньского, было решено использовать этот момент для удара по корпусу Розена. Несколько удачных для польских войск стычек (под Вавром, Вельким Дембом и Иганями) заставили Дибича отказаться от плана переправы и отойти на Седльце. Несмотря на настояния Прондзиньского, Сквинецкий не использовал успех. План Прондзиньского — напасть на двигавшуюся из-под Петербурга русскую гвардию и разбить ее, пока она не соединилась с Дибичем, был также провален Сквинецким, и польские войска под Остроленкой 26 мая 1831 г. потерпели сильное поражение, потеряв более 8 тыс. человек.

Упадок и разброд в армии отражали внутренний разлад в правительственных кругах и политическую борьбу в обществе. Шляхта боялась народного восстания. Она и правительство не помышляли изменить положение крестьянства. Крестьянство реагировало на войну вовсе не так, как этого хотели помещики.

Уже в первые дни восстания в Варшаве были получены известия о начавшихся в разных частях страны крестьянских волнениях. В Калишском воеводстве в нескольких казенных поместьях крестьяне отказались идти на барщину. Такие же сообщения поступали из Сандомирского и Мазовецкого воеводств. В некоторых случаях крестьяне объясняли свой отказ от отбывания барщины тем, что они теперь свободны. Крестьяне рубили казенные леса. Во многих местах в декабре 1830 г. были организованы вооруженные «дружины порядка», нечто вроде гражданской милиции. В сельских районах в эти дружины были записаны и крестьяне. Крестьяне, получившие оружие, по донесениям властей, часто оказывали «непослушание» помещикам.

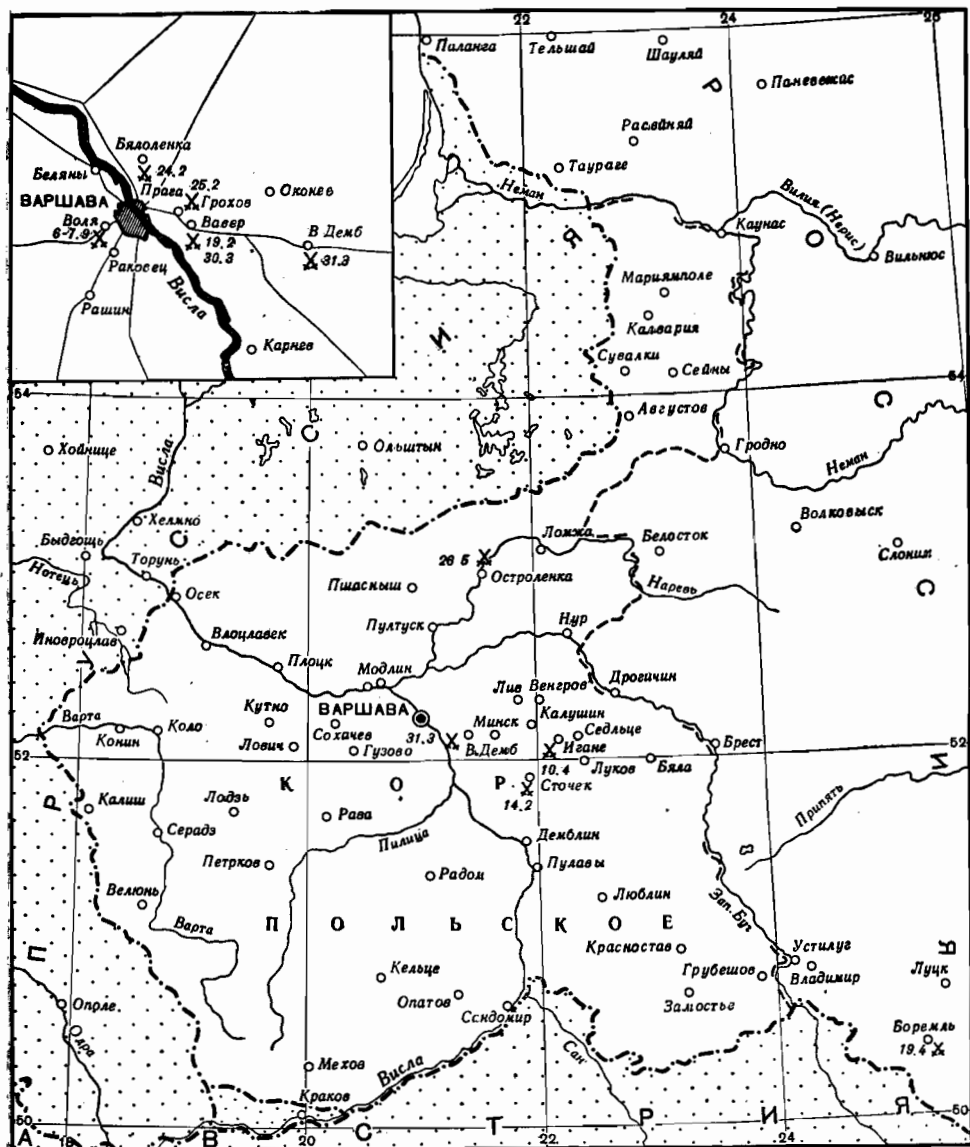
Об отношении повстанческого правительства к чаяниям крестьянства достаточно красноречиво говорит тот факт, что священникам было рекомендовано убеждать крестьян добросовестно исполнять свои повинности, «не вдаваясь ни в какие политические суждения или чрезмерные увлечения».

Призыв в армию крестьян побуждал правительство обратить внимание на «развитие в них патриотических чувств». В первую очередь это относилось к крестьянам-солдатам. Правительство рекомендовало освободить семьи призванных от барщины и объявить, что помещики «по собственной инициативе выступили с этим проектом». Предлагалось понизить цены на соль и т. п.

Даже эти предложения оставались пустым звуком; на практике ничего не изменилось. Более того, все чаще слышались жалобы на то, что семьи солдат-крестьян еще более, чем прежде, отягощены барщиной.

Из Августовского, Плоцкого, Мазовецкого воеводств приходили сообщения о случаях отказа крестьян вступать в гражданскую милицию и дезертирства из рядов армии. Бурный характер приняли волнения литовских крестьян в районах Калварии и Мариямполе.

Радикалы из возобновившего в январе 1831 г. свою деятельность Патриотического общества подымали крестьянский вопрос и напоминали о судьбе восстания 1794 г. Они заявляли даже, что для успеха восстания необходимо сочетать «социальную революцию с политической». Но их

Театр военных действий и важнейшие сражения в 1831 г.

практические предложения были весьма ограничены. Они касались только крестьян-солдат. По предложению радикалов, сейм принял решение о пожизненных пенсиях раненым солдатам и унтер-офицерам и вознаграждении солдат земельными участками из фонда казенных имений после войны.

Даже самые «крайние» предложения радикалов не шли дальше замены барщины чиншем и при этом касались только крестьян казенных имений. Выступления радикалов непременно сопровождались заявлениями, что они не помышляют «усомниться в правах землевладельцев».

Неудача под Гроховом, приближение войск Дибича и задача мобилизации новых сил заставили радикалов и отчасти либералов поставить в сейме вопрос о некоторых реформах. Их выступлению благоприятствовало и то, что многие консервативные депутаты после гроховского сражения покинули Варшаву и соотношение сил в сейме изменилось в пользу либерального лагеря. Депутат Я. Шанецкий первым выступил сначала с проектом закрепления за казенными крестьянами участков в собственность при условии выкупа, а когда этот проект был отвергнут без обсуждения, предложил перевести крестьян на чинш с правом распоряжения ими своей землей. Это предложение передано было в комиссию и в сейм никогда не возвращалось. Шляхетский сейм не хотел поступиться своими классовыми интересами.

Позиция сейма вызывала серьезное недовольство крестьянских масс. Крестьянин-учитель Дечинский выразил помыслы польского крестьянства в следующих словах: «Что же сделал послереволюционный сейм (сейм 1831 г. — *Ред.*) в течение девяти месяцев заседаний? Проводил лишь время в дискуссиях о даровании крестьянам земли в собственность, да и то в казенных имениях только. Впрочем, и этого он не сделал... Послереволюционный сейм ничего не изменил; чем же докажет революция 1830 г., что она стремилась к осуществлению одинаковой свободы для всех классов польского народа?»

Брожение среди крестьян усилилось летом 1831 г., когда начались новые наборы в армию. Власти получали донесения из Мазовецкого воеводства о случаях отказа от барщины, из Калишского воеводства о волнениях в отрядах гражданской милиции, из Краковского и Сандомирского воеводств о дезертирстве из милиции и армии. В Олькушском повете Краковского воеводства вспыхнуло восстание более тысячи крестьян против помещиков и властей. Крестьяне неохотно шли в армию. В июле было объявлено послитое рушение по разверстке один человек с 10 крестьянских домов. Крестьяне сопротивлялись мобилизации. Один из современников, Богданский, рассказывает о типичном случае мобилизации крестьян и их настроениях. В Сандомир прибыл тысячный отряд новобранцев-крестьян для приведения к присяге. В костеле, куда, кроме крестьян, введены были две роты солдат «для наблюдения за крестьянами», после проповеди каноник трижды обращался к собравшимся с призывом принять присягу. Согласием ответило немного крестьян, а один из них громко закричал: «А барщина? — Вот мы пойдем, а наши жены и дети будут вконец убивать себя на барщине... Не пойду в посполитое рушение!» Присутствовавшие поддержали его. Богданский отмечает, что крестьяне были хорошо осведомлены о сеймовых дебатах по крестьянскому вопросу.

Польское крестьянство, конечно, стремилось к освобождению Польши из-под власти царизма. Крестьяне выступали не против восстания, а против помещиков, против крепостнических порядков. Об этом красноречиво говорит эпизод в с. Хехло, где крестьяне, отказываясь вступить в посполитое рушение, заявляли: «Наварили себе паны пива, так сами его и пейте; вот если бы прочитали нам, что мы не будем работать на барщине, то все пошли бы, и молодые и старые!»

До лета 1831 г. крестьяне, по крайней мере значительная их часть, носились к восстанию положительно. Они надеялись, что оно освободит их от помещиков. Известен случай, когда в Варшаву для участия в борьбе прибыл отряд крестьян в несколько сот человек из Станиславского повета Мазовецкого воеводства. Повстанческие настроения среди крестьян отмечались и в Люблинском воеводстве. Но сеймовые дебаты о частичной крестьянской реформе и их бесславный конец усилили враждебность кре-

стьян к помещикам и оттолкнули крестьянство от руководимого шляхтой восстания.

Анализируя дворянское движение в Германии в 1522—1523 гг., Энгельс проводил аналогию с движениями польского дворянства в первой половине XIX в.

«Отношение немецкого дворянства к крестьянам было тогда совершенно таким же, как и отношение польского дворянства к его крестьянству во время восстаний 1830 и 1846 годов. Как в современных польских восстаниях, в Германии в то время движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз в обоих случаях был невозможен. Ни дворянство не было поставлено перед необходимостью отказаться от своих политических привилегий и феодальных прав по отношению к крестьянам, ни революционно настроенное крестьянство не могло, довольствуясь общими неопределенными перспективами, пойти на союз с дворянством, с тем сословием, которое как раз больше всего его угнетало. Как в Польше в 1830 г., так и в Германии в 1522 г. дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Лишь полная отмена крепостного права и зависимых отношений и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним; но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не испытывало ни малейшего желания добровольно отказываться от своих привилегий, от своего особого положения, от большинства источников своего дохода»¹.

Украинское и белорусское крепостное крестьянство отрицательно относилось к восстанию, поставившему своей целью восстановление польского государства в границах 1772 г. Крестьяне не ждали от восстановленного таким образом польского государства никакого облегчения своей участи. Оно могло лишь укрепить власть польских помещиков, восстановить режим жестокого национального угнетения. Враждебность крестьянства к восстанию усиливала колебания и нерешительность среди польской шляхты в украинских и белорусских землях.

В то же время варшавские правительственные круги возлагали на восстание в Литве, Белоруссии и на Украине большие надежды. Оно должно было придать особый вес их основному требованию — требованию включения этих областей в границы королевства.

В Вильнюсе еще в конце 1830 г. был образован тайный повстанческий комитет из девяти человек, который держал связь с Варшавой. План комитета состоял в том, чтобы поднять восстание во всех уездах литовских и белорусских губерний. Подготовка восстания, однако, осуществлялась крайне вяло и бессистемно. Не хватало оружия, денег. Шляхта уклонялась от участия в организации восстания, боясь скомпрометировать себя, и в то же время не отказывалась от участия в предстоявшей борьбе, выжидая дальнейшего хода событий.

Кадры повстанческого движения составляли шляхта, официалисты (помещичьи служащие), шляхетская интеллигенция и учащаяся молодежь. Крестьян мобилизовывали по разверстке: один пеший от двух (или больше) дымов, один конный — от десяти дымов. Насильно мобилизованное, враждебное панам крестьянство являлось непрочным и крайне непостоянным контингентом повстанческих отрядов; сами помещики зачастую не решались прибегать к мобилизации, опасаясь сосредоточения относительно больших масс крестьян. Обращения же к крестьянам, не

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952, стр. 68—69.

подкрепленные никакими реальными мероприятиями в их пользу, не могли дать результатов.

Более активным было крестьянство Жемайтии, где еще в феврале 1831 г. произошла стихийная вспышка под руководством шляхтича Борисевича и крестьянина Гедримаса. 26 марта крупный отряд повстанцев занял г. Расейный. Вслед за этим начались выступления и в других уездах. Все это происходило помимо руководства Виленского комитета. Повстанцы намеревались занять Вильнюс, чтобы разорвать коммуникации между Петербургом и Королевством Польским. Но попытка занять Вильнюс не удалась. К началу мая повстанческое движение на Литве шло на убыль. Еще слабее проходило движение в Гродненской губернии. В мае местный организатор движения Игнаций Домейко пытался набрать добровольцев из шляхты, но обычно слышал один ответ: «Подождем, не время еще, посмотрим». В остальных губерниях Белоруссии все оставалось спокойным за исключением кратковременного движения в Лепельском уезде.

Одновременно с движением в Литве Варшавское правительство решило поднять вооруженное восстание на Волыни и в Подолии, чтобы сковать левый фланг войск Дибича. С этой целью в начале апреля 1831 г. на Волынь отправился корпус генерала Дверницкого. Предполагалось, что приход польского корпуса послужит сигналом для начала всеобщего польского повстанческого движения. План этот, однако, оказался ошибочным. Антагонизм между польскими помещиками и украинским крепостным крестьянством был в высшей степени напряженным. Волынская и подольская шляхта была против каких-либо выступлений, опасаясь взрыва крестьянского движения. Корпус Дверницкого, теснимый со всех сторон русскими войсками, был вынужден перейти австрийскую границу. В Галиции он был разоружен и интернирован вместе с самим Дверницким. Таким образом, ничего не достигнув, польское командование потеряло шеститысячный корпус.

Однако польское командование не оставляло мысли возобновить операции на востоке. 29 мая 1831 г. отряд в 700 человек, руководимый генералом Хлаповским, вступил в Литву. Через три дня в Литву вошел 11-тысячный корпус генералов Гелгуда и Дембиньского, отрезанный от королевства после битвы под Остроленкой. Прибытие войск ободрило шляхту, повстанческое движение возобновилось. Командование всеми силами взял на себя генерал Гелгуд. Но план овладеть Вильнюсом, т. е. осуществить операцию важного военно-стратегического значения, провалился.

Русское командование успело стянуть к городу значительные силы, а в повстанческих частях начал обнаруживаться «фатальный недобор людей». Гелгуд отступил от Вильнюса в западном направлении — к Пруссии. Это послужило началом полного разброда. Хлаповский демонстративно не подчинился Гелгуду. Между регулярными войсками и повстанцами начались разногласия. Вновь набранные повстанцы не хотели вступать в части регулярной армии. После неудачной попытки атаковать Шауляй Дембиньский со своим отрядом решил пробиваться к Варшаве. Генералы Хлаповский, Гелгуд и Роланд, разделившись, двигались к прусской границе, уклоняясь от стычек с русскими войсками. В июле они перешли границу Пруссии. Среди солдат и офицеров царило возмущение. Один из офицеров, капитан Скульский, застрелил Гелгуда. Значительная часть шляхты по мере отхода войск торопилась уйти в свои имения. Крестьяне распускались по домам или, предоставленные самим себе, расходились. Восстание на Литве догорало.

Попытка предпринять новую экспедицию на Волынь также окончилась плачевно. Чтобы освободить путь на Волынь от стоявшего в Люблинщине

корпуса Рюдигера, против последнего был отправлен генерал Янковский. Его действия были настолько неудачны, что варшавское правительство было вынуждено арестовать его как изменника. Экспедиция была сорвана в самом начале.

Таким образом, восстание в Литве, Белоруссии и на Украине явно не имело успеха. В то же время руководившие восстанием шляхетско-аристократические круги все свои помыслы сосредоточили на овладении литовскими, украинскими и белорусскими землями. При этом великодержавные устремления варшавских правительственных кругов сочетались с полным безразличием к судьбе польских земель, находившихся под властью Пруссии и Австрии. Между тем именно здесь, а не в Литве, Белоруссии и на Украине восстание вызвало горячий отклик, стремление к объединению, к развертыванию общепольской национально-освободительной борьбы.

Шляхетская молодежь, учащиеся, выходцы из городских торговых и ремесленных слоев устремились из-за прусской границы в Королевство Польское, чтобы вступить в ряды польского войска. Это движение встретило на первых порах неожиданный отпор со стороны правительства. Генерал Хлопицкий не разрешил полякам из Пруссии формировать добровольческие отряды и публично заявил, что если Пруссия потребует, он выдаст ей всех добровольцев. Все это мотивировалось тем, что Королевство Польское соблюдает «нейтралитет» по отношению к Пруссии, где внимательно следили за ходом восстания и опасались его успеха.

Всеобщее сочувствие к восстанию в Галиции, находившейся под властью Австрии, выразилось в сборе средств и посылке в королевство оружия. Значительное число шляхетской и разночинной (прежде всего студенческой) польской молодежи тайно перешло границу для участия в восстании. Австрийские власти были встревожены восстанием. Официальный курс австрийской политики определялся инструкцией, направленной Меттернихом галицийскому губернатору, в которой ему предписывалось «заботиться о том, чтобы международный соседский долг в отношении русского правительства выполнялся надлежащим образом. Все государственные власти в Галиции должны своими действиями убедить население, что революция в Польше не может рассчитывать ни на какую поддержку со стороны Австрии». В то же время австрийское правительство втайне радовалось затруднениям Николая I и было не прочь приложить руку к тому, чтобы увеличить эти затруднения, заботясь лишь о внешнем соблюдении «добрососедских» отношений.

Поэтому, официально запрещая переход границы и какую-либо помощь повстанцам, Австрия смотрела сквозь пальцы на нарушения этих распоряжений. Когда, после неудачных попыток развернуть восстание на Волыни, корпус Дверницкого был вынужден перейти границу Галиции, австрийские власти разоружили и интернировали польских солдат, выдали русским властям повстанцев, происходивших с Волыни, а остальных отправили в глубь Австрии. Однако эта отправка была организована таким образом, что немалая часть интернированных польских солдат и офицеров без труда смогла бежать и вернуться в польскую армию.

Население Краковской республики с энтузиазмом встретило восстание 1830 г. Сенат стремился сохранить нейтралитет, но, боясь вспышки возмущения, обратился с запросом в Варшаву. Чарторыйский от имени «Национального правительства» поддержал сенат, заявив, что для дела восстания сохранение нейтралитета Краковской республики выгоднее, чем присоединение ее к восстанию. Большие группы студенческой молодежи направились тогда из Кракова в Королевство Польское. Сенат этому не препятствовал, он был доволен, что город избавляется от «беспокойных

элементов». Однако уберечься от народного гнева краковским консерваторам не удалось. В январе 1831 г. группа студентов под руководством Яцка Гудрайчика (позже активного деятеля тайных демократических обществ) потребовала предания суду президента сената Водзицкого. Ни сейм, ни резиденты не имели сил для подавления движения. Водзицкий сложил обязанности президента сената и выехал из Кракова.

Таким образом, во всех польских землях за пределами Королевства Польского восстание вызвало горячие отклики, свидетельствовавшие о стремлении польских патриотов принять участие в национально-освободительной борьбе. Но верные основному принципу своей политики, — не национально-освободительное восстание, а война с Россией, — консервативные руководители восстания стремились успокоить Пруссию и Австрию, заверить их в незыблемости их власти над польскими землями, продемонстрировать свой нейтралитет. Это было прямое предательство национальных интересов польского народа. «...Восстание 1830 г. не было ...национальной революцией (оно исключало три четверти Польши)», — отмечал Энгельс¹.

Бездействие войск до крайности возмущало варшавское население. В городе открыто говорили об измене, требовали смещения Скшинецкого. Консервативный сейм, враждебно относившийся к радикальным элементам, взял Скшинецкого под защиту. Ремесленники, мелкая буржуазия, интеллигенция и учащаяся молодежь требовали активных действий и прежде всего перемены правительственного курса. Лелевель выступил с речью в Патриотическом обществе, потребовав разрешения крестьянского вопроса путем наделения крестьян землей. Он более определенно, чем в первые дни восстания, говорил о необходимости сочетания национальной революции с социальной.

Антагонизм между радикальными элементами и поддерживавшими их широкими массами городского населения, с одной стороны, и консервативно-шляхетскими — с другой, нарастал с каждым днем. После поражения у Остроленки Патриотическое общество и его орган «Новая Польша» открыто критиковали правительство, требуя от него решительных военных и политических мер. В рамках Патриотического общества начало кристаллизоваться левое крыло, установившее контакт с плебейскими массами. Представителями его были Тадеуш Кремповецкий, Александр Казимеж Пулаский, Ян Чиньский и Юзеф Козловский. Они составляли, однако, меньшинство Общества. Определявшие же облик Патриотического общества шляхетские радикалы не хотели опереться на массы, не готовились к решительной борьбе с правящей верхушкой. Патриотическое общество тратило время и силы в бесплодных обсуждениях, в речах о «великих принципах свободы» и пр. Правительственные круги, раздраженные резкой газетной и клубной критикой радикалов, обвиняли последних в «политических крайностях», в стремлении захватить власть. Известия о военных неудачах еще более усиливали возмущение варшавского населения. 29 июня в Варшаве произошли уличные волнения. Огромные толпы с криками «Измена!» загрохотали улицы. Народ хотел расправиться с генералом Гуртигом, обвиняемым в измене, и только вмешательство войск спасло его на этот раз.

Тем временем царские войска, командование которыми вместо умершего от холеры Дибича принял Паскевич, переправились через Вислу под Торунем и начали подвигаться к Варшаве. Учитывая настроения жителей Варшавы, сейм решил, наконец, отстранить Скшинецкого от поста главно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.

N^{ro} 1

Warszawa 3. Sie-
cznia 1831. Wzrost
duży.
Dziennik Nowo-Pol-
ska wychodzi codzi-
nie po godzinie 10 rano.
Wszystkie piśmie do
Redakcyi winny być
frankowane.

NOWA POLSKA

DZIENNIK

POLITYCZNY I NAUKOWY.

Przedm. w Warsz.
mies. 25. 4 kw. 21. 12.
przejmował druk w
domu Stefanowicza
przy Ul. Aleksandra
Brama. Infor. i wysyłaj
Kasa pism. pol. Caha
po Wojew. północnej
Klasyfikacja będzie.
Num. poj. gr. 10.

Redaktorami Dziennika NOWA POLSKA są: Joachim LELEWEL, Piotr WYSOCKI, Kazimierz BRODZIŃSKI, Bazylej MOCHNACKI, J. B. OSTROWSKI, Walenty ZWIĘRKOWSKI, Adam GUROWSKI, Maurycy MOCHNACKI, J. Boh. ZALESKI, Ludwik NABIELAK Jan Ludwik ZUKOWSKI, Alexander Kazimierz PEŁASKI, Kazimierz MOCHNACKI, Wojciech KAZIMIRSKI.

Dziennik, *Nowa Polska*, jest polityczny i nauko-
wy. Już namieniono że szkoła romantyczna wzywa-
jąc naukowej rewolucyj, wzywała i politycznej. Wol-
ność, prawda wiara, coraz dzielniej przeznajwyracho-
waniszy despotyzm wygładzane przesławowane, zbro-
dnictwami ogłaszane, znalazły schronienie, znalazły
swój wielki zakres działalności i a może i prawdziwe
znaczenie, w wyobrazeniach o sztuce, o piękności, o li-
teraturze. Nie mogąc mówić, o zewnętrznej, obywa-
тельской, politycznej wolności mówiliśmy o wolności
ducha, o wolności sztuki, o komicznym pożegnaniu
przeszłości i podoba: ogłaszaliśmy, że jest przed
nami przyszłość niezmierną przerażająca, wzniosta
i zachwycająca.

Jeden wielki krytyk, znawca, przyjaciel wyobrażeń
zachodu przezzywający przerodzenie się, odnowie-
nie naszej umysłowej natury, naszego duchowego
życia Kazimierz Brodziński pierwszy zeszczetem
wywrócił powagę naszej Augustowskiej, pod jarz-
mem pruskiej, austryackiej, i mniszkowskiej niewoli,
wlokącej się prawdziwej, narodowym zewołaniem
nie natchniętej presto mechanicznej literatury. Zdu-

miewające, obrzyganie; i już duchem nowąj odra-
dzającej się tajemnie Polski napiętnowane utwory,
Malczeskiego, B. Zaleskiego, Goszczyńskiego, Bro-
dzińskiego, były najwspanialszym objawieniem, nie-
omylną przepowiednią, już dokonanej, już ukończo-
nej wewnątrz narodu rewolucyj. Jeszcze cięższy nad
nami kajłany jeszcze chostaliśmy odziani ponizają-
cemi szatami niewoli, nie oczy nasze widziały wstcho-
dzącą jutrznie zbawienia, ale w głębi rozradowanych
dusz naszych, już grzmiła chwala powstającego
Syonu naszej przyszłej, pięknej Polski.

Ale dążenie tych mężów, jakże odmienne natchnę-
ty widoki. Kazimierz Brodziński, a nawet Malcze-
ski tęsknią tylko, marzą lubą, nieszczęśliwą Pol-
skę, na siebie nawet rzucali żalobę; oplakując gro-
bowym, wiencem ozdabiają skronie naszych wojowni-
ków poległych za wolność, za ojczyznę której nie
mieli. Mając rozzerwane myśli, ponieszany umysł
rozpaczą uniesione serce, marzyli, o pięknej prze-
szłości, o domowym życiu; chcieli sanipuzer stuba
zaprzec się niewoli, chcieli łagodnie i angie końć krwią
rickac rany wielkiego ludu.

Газета «Новая Польша»

командующего и назначил на его место генерала Дембиньского, бывшего в это время губернатором Варшавы. Человек консервативного образа мыслей, Дембиньский проявил себя ожесточенным противником радикалов и Патриотического общества. Эти его убеждения и репутация человека «сильной руки» снискали ему поддержку правительства и консервативного большинства сейма.

Приняв командование, генерал Дембиньский также отказался от активных операций и отвел войска к Варшаве. Можно думать, что этот шаг был вызван не только капитулянтскими настроениями нового командующего, но и намерением держать войска ближе к городу, чтобы обратиться их против возможного выступления народа. Варшавское население ответило на это стихийным выступлением.

15 августа 1831 г. состоялось заседание Патриотического общества в присутствии огромных масс народа. Выступавшие с речами Чиньский,

Пулаский и другие раскрывали перед взволнованными слушателями трагическую обстановку восстания и возлагали вину за нее на правительство и генералитет, которые стремятся к соглашению с Паскевичем. Собравшиеся выслали депутацию к правительству и сами направились к его резиденции с требованием наказать подозреваемых в измене. Раздраженные уклончивыми ответами правительства народные массы двинулись к тюрьме и ворвались в нее. Генералы Янковский, Буковский, Гуртиг и несколько агентов тайной полиции Константина были казнены. Дембинский прислал в город войсковые части для подавления народного движения. Чарторыйский бежал из Варшавы в лагерь Дембинского.

Народ ждал от Патриотического общества призывов к действию, руководства и программы. Но действительность обманула его ожидания. Хотя движение началось по почину Общества, последнее не стало его руководителем. Выступление народа осталось стихийным движением протеста без плана действий и без программы.

Напуганный событиями 15 августа шляхетский сейм поспешил создать сильное правительство, предоставив самые широкие полномочия генералу Круковецкому как главе правительства. Круковецкий назначил губернатором Варшавы генерала Хжановского, ярого противника народа и демократии. Свою деятельность Круковецкий и Хжановский начали строгим расследованием событий 15 августа, арестом «зачинщиков» и казнью нескольких из них. Патриотическое общество было распущено. Когда жители Варшавы, обеспокоенные приближением русских войск, потребовали сформировать ополчение, генерал Хжановский отказался выдать народу оружие.

События 15 августа поставили шляхетские верхи перед выбором: или с народом — за Польшу, или без народа — против Польши. Шляхта без колебаний предпочла второе решение вопроса. Мысль эта была ясно выражена словами генерала Круковецкого, которые можно считать своего рода эпитафией к последней фазе восстания: «На что нам Польша, — писал он жене, — если она будет существовать под влиянием таких людей, как Пулаский, Шингарский, Чиньский и т. п.» Повстанческое руководство встало на путь капитуляции перед Паскевичем, хотя оно и продолжало говорить о подготовке к активным действиям и даже предприняло кое-какие действия на флангах Паскевича, используя для этого корпус генерала Раморино.

Между тем положение Паскевича было далеко не благополучно. Войска терпели недостаток в продовольствии и страдали от эпидемии холеры. В России народ волновался, вспыхивали «холерные бунты». Летом 1831 г. произошло бурное народное выступление на Сенной площади в Петербурге, а затем восстание в новгородских военных поселениях, где поднялись 12 полков.

Ввиду всего этого царизм спешил покончить с польским восстанием путем переговоров или решительного разгрома. 1 сентября Паскевич прислал в Варшаву парламентаря с предложением начать переговоры. Польское правительство направило к Паскевичу в качестве своего представителя генерала Прондзиньского. Во время беседы с царским генералом Даненбергом Прондзиньский случайно или намеренно сообщил Даненбергу, что корпус генерала Раморино, составивший треть польских сил, находится вне Варшавы и его ожидают в ближайшие три дня. Паскевич воспользовался этим известием и начал штурм Варшавы.

80-тысячной русской армии при 390 орудиях противостояло 33—35-тысячное польское войско при 276 орудиях. Штурм начался утром 6 сентября 1831 г. Польские войска сражались упорно, но они были растянуты

по всей оборонительной линии и большая часть польского войска оставалась в вынужденном бездействии. В первый день Паскевич занял предместье Варшавы — Волю, сломив упорное сопротивление ее защитников, руководимых генералом Совиньским.

7 сентября возобновились переговоры с Паскевичем. Круковецкий настаивал на капитуляции. Его поддерживали Прондзиньский и другие генералы. Правительство согласилось с ними, и Прондзиньский направился к Паскевичу. В эти последние часы споры между польским правительством и Паскевичем, равно как и внутри варшавского руководства, велись только по вопросам формулировки условий капитуляции. Круковецкий подписал полную капитуляцию, т. е. формулу: «польский народ отдает себя на милость Николая». Сейм не согласился с этим и потребовал отставки Круковецкого. Главой правительства сейм назначил Б. Немоевского. Поскольку соглашение о прекращении восстания не было достигнуто, а оборонять Варшаву правительство не хотело, был подписан акт о капитуляции Варшавы с условием, что польские войска будут беспрепятственно выпущены из города. 8 сентября Варшава была сдана. Ее сдали потому, что хотели освободиться от «беспокойного» и опасного плебса, от его нежелательного для шляхетской верхушки вмешательства в ход восстания.

После сдачи Варшавы правительство, сейм и войска ушли сначала в Модлин, а затем в Закрочим и Плодк. Командующим был назначен генерал Рыбиньский. Уйдя из Варшавы и доказав тем самым свою непричастность к народному движению, шляхетское правительство рассчитывало на вмешательство и помощь правительств Франции, Англии, Австрии.

С самого начала восстания варшавские правительственные круги стремились добиться от иностранных держав признания за собой прав воюющей стороны. В беседах с их представителями польские дипломаты всячески осуждали народные выступления, называя их делом рук «бездельников и сброд». Они подчеркивали свои реакционные взгляды, указывая, что война ведется против Николая I, но отнюдь не против монархического принципа. Все это, однако, не привело к каким-либо результатам.

Австрия и Пруссия были против восстания. Они опасались расширения его на захваченные ими польские земли и не желали вступать в конфликт с Россией. Буржуазная Франция, спасенная польским восстанием от интервенции России и Пруссии, не оказала повстанцам никакой помощи. «Мы не можем служить какой бы то ни было революции», — заявил французский премьер-министр Казимир Перье. Известие о падении Варшавы французская буржуазия восприняла с удовлетворением. «В Варшаве царствует порядок», — цинично заявил с парламентской трибуны министр иностранных дел Франции Себастьяни. Папа Григорий XVI обрушил проклятия на головы тех, кто «поднял бунт против законно установленной власти», и призвал польских епископов воспитывать свою паству в духе «полнейшей покорности к власти, установленной богом». Что касается английского правительства, то оно поспешило использовать восстание для давления на Россию, прежде всего в бельгийском вопросе.

После падения Варшавы восстание продолжалось менее месяца. Корпус генерала Раморино ушел в Австрию, где был интернирован. Затем покинули территорию королевства сейм и правительство. Наконец, 5 октября и генерал Рыбиньский с оставшимися войсками перешел на территорию Пруссии. Вскоре русским войскам сдались крепости Модлин и Замостье. Восстание было подавлено.

6

**ОТНОШЕНИЕ ПЕРЕДОВЫХ СЛОЕВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА
К ПОЛЬСКОМУ ВОССТАНИЮ.
ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНИЯ 1830—1831 гг.**

Массовое народное движение, развернувшееся в 1831 г. в различных областях России, оказало немалое влияние на военные действия в Польше, оно явилось объективно помощью польским повстанцам. Оно серьезно напугало царизм, отвлекло часть его сил. «Бунт в Новгороде,— писал Николай I,— важнее, чем бунт в Литве (подразумевается польское восстание.— *Ред.*),— ибо последствия могут быть страшные».

Передовые представители русского общества, ведшие борьбу против царизма, горячо приветствовали польское восстание 1830—1831 гг. Они рассматривали его как революционное выступление польского народа против Николая I — врага России и Польши, потопившего в крови восстание декабристов, и радовались каждому успеху восставших. «В основе Варшавского восстания мы видели также самоотверженность и патриотический порыв, который увлекает сердца»,— писал декабрист М. С. Лунин.

Известие о том, что восставшая Варшава многотысячной демонстрацией почтила подвиг декабристов, глубоко взволновало русских дворянских революционеров, томившихся на каторге в Забайкалье. Эти чувства поэт-декабрист А. И. Одоевский выразил в стихотворении «При известии о польской революции»:

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны,—
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны.
И в ком оно от чувств не задрожит!
Вы слышите: на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу...

С волнением вспоминал дни польского восстания 1830—1831 гг. великий русский революционный демократ А. И. Герцен: «...Вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании. Это уже недалеко, это дома, и мы смотрели друг на друга со слезами на глазах... Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков, а я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки»¹. Борьба польского народа усиливала в молодом Герцене, как и во многих других русских патриотах, презрение и ненависть к царизму, стремление бороться против него во имя свободы и чести русского народа. В открытом письме одному польскому публицисту Герцен писал: «Представьте себе то чувство, с которым иногда в аудитории Московского университета мы слушали рассказы ваших соотечественников и видели застенный упрек, а иногда хуже — снисходительное сожаление, и мы мол-

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. Л., 1947, стр. 72.

чали, как дети какого-нибудь злодея, стыдясь имени своего отца»¹. Общение с польскими сотоварищами в университете, встречи с польскими ссыльными в Перми и Вятке были революционной школой для Герцена, школой ненависти к той официальной России, которая пятнала имя подлинной России, имя русского народа. Эти чувства, как указывает Герцен, разделяли многие: «Скрытое сочувствие — оно было, были стихи, вырвавшиеся со слезами, были горячие приемы сосланных, университетская молодежь (по крайней мере, в Москве) была за Польшу»².

В восстании 1830—1831 гг. следует ясно различать действительно революционные силы и те реакционные силы, тянувшие польский народ назад, которые в ходе восстания получили явный перевес. Восстание 1830—1831 гг. по своему составу и характеру было преимущественно шляхетским, несмотря на участие в нем городских плебейских масс и разночинной интеллигенции. Шляхта не допустила, чтобы горожане и крестьянство стали основной движущей силой восстания. Она определяла программу и основные цели восстания.

Шляхта добивалась литовских, белорусских и украинских земель, восстановления границ Речи Посполитой 1772 г. При этом шляхетские верхи не намеревались распространить на «Литву и Русь» даже конституционную отмену крепостного права. Реставрация Речи Посполитой означала бы формальное сохранение на большей части ее территории крепостного права и торжество шляхетской реакции. Идеалом основной массы шляхты было восстановление старых и защита существующих сословных привилегий. Восстание 1830—1831 гг. «ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция», — указывал Энгельс³.

Восстание 1830—1831 гг. завершило первый период польского национального движения. С конца XVIII в. и до 1830—1831 гг. руководство этим движением принадлежало землевладельческой шляхте. Радикально-демократические элементы были еще слишком слабы, чтобы завоевать руководство национальным движением.

Несмотря на свой шляхетский характер, восстание 1830—1831 гг. имело большое прогрессивное значение. Восстание было ударом по царизму. Это прежде всего и увидели в нем русские дворянские революционеры. Восстание явилось важным этапом в борьбе польского народа за национальную независимость, этапом, который подготовил почву для подъема польского национально-освободительного движения на новую, высшую ступень. При всей присущей ему социальной ограниченности восстание 1830—1831 гг. дало ряд примеров героической борьбы за национальную независимость. Резко осуждая эгоизм господствующего класса, Энгельс считал необходимым отметить, что на поле битвы этот класс был «самоотверженным, полным энтузиазма и мужественным»⁴.

Велико было и международное значение восстания 1830—1831 гг. «...В 1830 г., когда император Николай и прусский король готовы были осуществить свой план с тем, чтобы новым нападением на Францию восстановить легитимную монархию, — писали Маркс и Энгельс в связи с 50-летней годовщиной восстания 1830 г., — в это время польская революция, которую вы сегодня чествуете, заградила им путь...

Клич: «Да здравствует Польша!», который раздавался тогда по всей Западной Европе, был не только признаком симпатии и восхищения перед

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. X, стр. 249.

² Там же, т. XVI, стр. 178.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.

⁴ Там же, стр. 264.

патриотическими бойцами, подавленными грубой силой,— этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали контрреволюционный поход, нацию, лучшие сыны которой никогда не переставали вести оборонительную войну, всегда борясь под знаменем народных революций»¹.

7

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XIX в.

Первое тридцатилетие XIX в. было временем значительного развития польской культуры. Важнейшими культурными очагами были Варшава, а также расположенные за пределами польских земель Виленский университет, Кременецкий лицей и основанный в 1817 г. во Львове Оссолинеум.

Большие успехи польской науки периода Просвещения в Польше именно в это время получили достойное завершение в синтетических трудах Сташица и Коллонтая, братьев Снядецких. Сташиц, возглавлявший в 1809—1826 гг. основанное в 1800 г. варшавское «Общество друзей науки», обобщил свои многолетние наблюдения в труде «О строении земли Карпат и других гор и равнин Польши», положившем основу геологической науки в Польше. Для подъема польской науки и передовой философии большое значение имела деятельность профессоров Виленского университета естественно-научных материалистов братьев Снядецких. Ян Снядецкий в своих статьях и выступлениях в стенах Виленского университета отстаивал принцип тесной связи теории и практики. Енджей Снядецкий именно в эти годы выступил как основоположник химической и биологической наук в Польше. Против ложной религиозной интерпретации действительности за научное мировоззрение выступил Ян Потопкий в повести «Рукопись, найденная в Сарагоссе». Целиком эта повесть увидела свет только в 1847 г. в Лейпциге.

В области гуманитарных наук особенно выделялась фигура историка и общественного деятеля Иоахима Лелевели (1786—1861). Интерес Лелевели к истории народных масс и его демократические тенденции оказывали значительное влияние на передовую молодежь, способствовали росту революционных настроений. Выдающимся вкладом в науку было создание Самуэлем Богумилом Линде (1771—1847) шеститомного словаря польского языка. «На польском языке,— с гордостью отмечал в предисловии к словарю С. Линде,— писали знаменитые ученые, специалисты почти всех наук и искусств».

«Классицизм» в художественной литературе уже отживал свое время. Поздние эпигоны «классицизма», так называемые «варшавские классики» идеализировали шляхетское прошлое Польши и превозносили ее былое могущество. На смену им в литературу приходили новые силы, отражавшие взгляды передовых слоев польского общества.

На фоне литературы эпигонов классицизма выделялась поэзия польских поэтов-легионеров, которые призывали к продолжению борьбы за национальное освобождение, внушали веру в победу. Лучшим образцом этой поэзии является стихотворение Юзефа Выбицкого (1747—1822) «Еще Польша не погибла...» (1797). Положенное на музыку неизвестным композитором (возможно, Михалом Огиньским), стихотворение стало национальным гимном польского народа. Известным поэтом-легионером был Ципрьян Годеб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 548.

ский (1765—1809). В стихотворении «К польским легионам» (1805) Годабский прославлял героизм легионеров, но с горечью писал о трагическом положении поляков-патриотов, борцов за свободу своей родины, предательски посланных Наполеоном на остров Гаити. Годабскому принадлежала также повесть «Гренадер-философ» (1805), в которой он правдиво обрисовал буржуазную послереволюционную Францию.

В 1817—1822 гг в Вильнюсе существовало литературное общество «шубравцев» (т е «бездельников»). Заседания общества носили шуточно-пародийный характер. Цель общества сводилась к борьбе с закоренелыми пороками шляхетского общества — пьянством, ленью, невежеством, суевериями, с классовыми и сословными предрассудками и т п. Постоянным периодическим органом «шубравцев» были «Уличные ведомости». На страницах

Ян Снядецкий

Литография В. Вальевича

«Ведомостей» выступал Енджей Снядецкий. Их главным оружием была сатира. В статьях «Уличных ведомостей» встречались также мысли, направленные на защиту крепостных крестьян. Так, в одном из номеров этой газеты была помещена ядовитая сатира на помещиков под названием «Машина для битья мужиков». Но либерализм «шубравцев» не шел дальше культурного просветительства.

Видное место в истории польской литературы первых трех десятилетий XIX в. занимает Юльян Урсын Немцевич, о творчестве которого уже была речь выше при рассмотрении культуры конца XVIII в. Немцевич первый из польских поэтов создал жанр национальной баллады. Большой популярностью пользовался его сборник исторических песен (1816). К. Ф Рылевс высоко ценил заслуги Немцевича, называя его «одним из лучших поэтов Польши».

В противовес шляхетским тенденциям к 20-м годам XIX в. в литературе созрело романтическое направление, отражавшее народные, демократические тенденции, идеологию мелкой деклассированной шляхты и разночинной интеллигенции. Молодое литературное течение вступило в ожесточенную борьбу с представителями консервативного направления — «варшавскими классиками», выражавшими интересы польской аристократии. Виднейшие польские революционные романтики, являясь представителями прогрессивной шляхетской интеллигенции, отражали в своих произведениях настроения широких народных масс, их борьбу против социального и национального гнета.

Юльян Урсын Немцевич

По портрету работы А. Бродовского

В борьбе за утверждение революционного романтизма существенную роль сыграли литературный критик, публицист, историк и политический деятель Маврыций Мохнацкий (1804—1834). Самым крупным критическим произведением Мохнацкого было сочинение «О польской литературе в XIX веке». Но в качестве теоретической основы романтизма Мохнацкий вытекал использовать реакционную философию Шеллинга.

Важнейшим новым литературным направлением в это время стал великий польский поэт Адам Мицкевич (1798—1855).

Поэтический язык Мицкевича сформировался под благотворным влиянием польского, белорусского и литовского народного творчества. Оно было для него той силой, которая помогла ему вложить в польскую поэзию новое содержание, заставить ее звучать по-новому.

В 1822 г. в Вильносе вышел в свет первый томик стихов Мицкевича. Успех их был необычайный. В этот же период Мицкевичем были написаны в форме лирико-драматической поэмы вторая и четвертая части «Дзядов», а также эпическая поэма «Гражина».

В основу второй части «Дзядов» поэт положил народные мотивы и предания. В ней ярко проявились социальные взгляды Мицкевича. Нарисовав образ помещика в виде отвратительного призрака, терзаемого ночными птицами, в которых обитали души его крестьян, Мицкевич заклеивал крепостное право.

Поэма «Гражина» рисует светлый образ женщины, которая ради спасения своей родины — Литвы — погибла в борьбе с немецким крестоносным орденом. Эта историческая поэма славит верность общественному долгу и героическую любовь к родине.

Важнейший этап в развитии творчества Мицкевича составляет время его пребывания в России (1824—1829).

Русско-польские литературные связи начали укрепляться еще в конце XVIII в. Из года в год росло количество переводов с польского на русский и с русского на польский. В польских журналах появились статьи о русской литературе, в русских — о польской. Многие деятели польской литературы сотрудничали в русских журналах. В 20-х годах XIX в. имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова, Батюшкова и других русских писателей были хорошо известны польскому читателю. Переводы произведений А. С. Пушкина появились на страницах польских журналов уже в начале 1820-х годов. Но, несмотря на все это,

пребывание Мицкевича в России составило новую эпоху в истории русско-польских литературных связей. Оно способствовало упрочению и расширению в русском обществе интереса и уважения к польскому народу, польской культуре, будило сочувствие к освободительной борьбе поляков против давившего и русский и польский народы самодержавия.

В свою очередь общение с передовыми русскими людьми — декабристами и Пушкиным — оказало благотворное влияние на Мицкевича. «Вы дали его нам сильным, мы отдаем его вам могучим», — образно оценил русский поэт И. И. Козлов значение для Мицкевича лет, проведенных в России. Мицкевич вынес из России чувство глубокого уважения к русскому народу, которое он неоднократно высказывал, подчеркивая, что русский народ в условиях самодержавия является таким же страдальцем, как и польский народ.

В Петербурге, куда Мицкевич приехал в ноябре 1824 г., он был дружески принят лучшими представителями русской передовой общест-венности, и прежде всего декабристами, которых впоследствии называл «благороднейшими среди русских людей». В этой среде Мицкевич про-никся идеей борьбы за социальную правду, за свободу угнетенных на-родов. В России укрепились в нем священная ненависть к варварскому средневековому деспотизму.

В России Мицкевич создал поэму «Конрад Валленрод». Мотив победы гражданского долга над личным счастьем получил в этой поэме еще более решительное выражение, чем в «Гражине». Передовые слои русской об-щественности встретили эту поэму с энтузиазмом. Пушкин первый заинтересовался поэмой и работал над ее переводом, еще до выхода ее в свет.

В то время как в России передовая общественность высоко оценила «Валленрода» и «Сонеты» Мицкевича, польские реакционеры всячески пыта-лись принизить достоинства этих произведений. Мицкевич вынужден был публично выступить в защиту своих взглядов и дать резкую полемическую отповедь тем, кто желал повернуть историю вспять. Статья «О варшавских критиках и рецензентах», являвшаяся предисловием к петербургскому изданию (1829) стихотворений поэта, сыграла большую роль в истории развития польской национальной культуры. Со всей страстностью и по-лемической остротой Мицкевич выступил на защиту прогрессивной лите-ратуры и польского литературного языка против реакционного «класси-цизма».

Общественное значение деятельности молодого А. Мицкевича было гро-мально. Как А. С. Пушкин, который, не будучи непосредственным уча-стником восстания декабристов, был их идейным соратником, так и А. Мицкевич, не являясь участником восстания 1830—1831 гг., был идей-ным союзником и даже вдохновителем тех слоев польского общества, кото-рые сыграли в этом восстании революционную роль. Не случайно Боле-слав Берут указывал, что «огромную роль в нашей истории формиро-вания национального характера, в мобилизации всего польского общества сыграли Мицкевич, Словацкий»¹.

Видным представителем польского революционного романтизма был Северин Гоциньский (1801—1876), активный участник национально-освободительного движения. В своих стихотворениях «Пир мести», «Ко-рабль свободы» и других Гоциньский призывал польский народ к борьбе за свободу и независимость своей родины. Под влиянием крестьян-ских волнений в Польше Гоциньский обратился к теме антифеодального

¹ В. В i e r u t . О kulturę socjalistyczną. «Odrodzenie», 1950, № 6.

восстания. Его самое крупное произведение — поэма «Каневский замок» (1828) — изображает восстание украинских крестьян против гнета польских помещиков в 1768 г. Гоциньский широко использовал в этой поэме украинские народные песни о вождях этого восстания.

Ведущим и наиболее передовым художественным направлением в польском изобразительном искусстве был романтизм, объективно отражавший развитие дворянской революционности.

Наиболее крупные успехи польского искусства были достигнуты в области портрета и (несколько позже) в исторической картине. Именно через раскрытие внутреннего мира человека и познание исторических судеб народа решались важнейшие вопросы, поставленные жизнью: проблема положительного героя, тема борьбы за независимость, тема народа.

Среди художников этого времени выделяется Антоний Бродовский (1784—1832). Его лучшие и наиболее типичные для него произведения (среди них отметим «Портрет брата», 1815) очень просты по своим художественным средствам, реалистичны по характеристике, отличаются большой одухотворенностью, романтическим порывом, богатым внутренним содержанием. Художник уловил черты, характерные для поколения дворянских революционеров, мечтавшего о борьбе за свободу, верившего в свои силы и полного романтических надежд, того поколения, чьи чувства молодой Мицкевич выразил в своей «Оде о молодости».

За А. Бродовским следовали многие художники, что способствовало укреплению реалистической школы польского портрета. Характерно, что даже художники, писавшие академические, холодные и далекие от жизни композиции (например, Войцех Корнелий Статтлер, Лессер, Кюкуляр), в портрете выступали как реалисты, хорошо знавшие и живо изображавшие натуру.

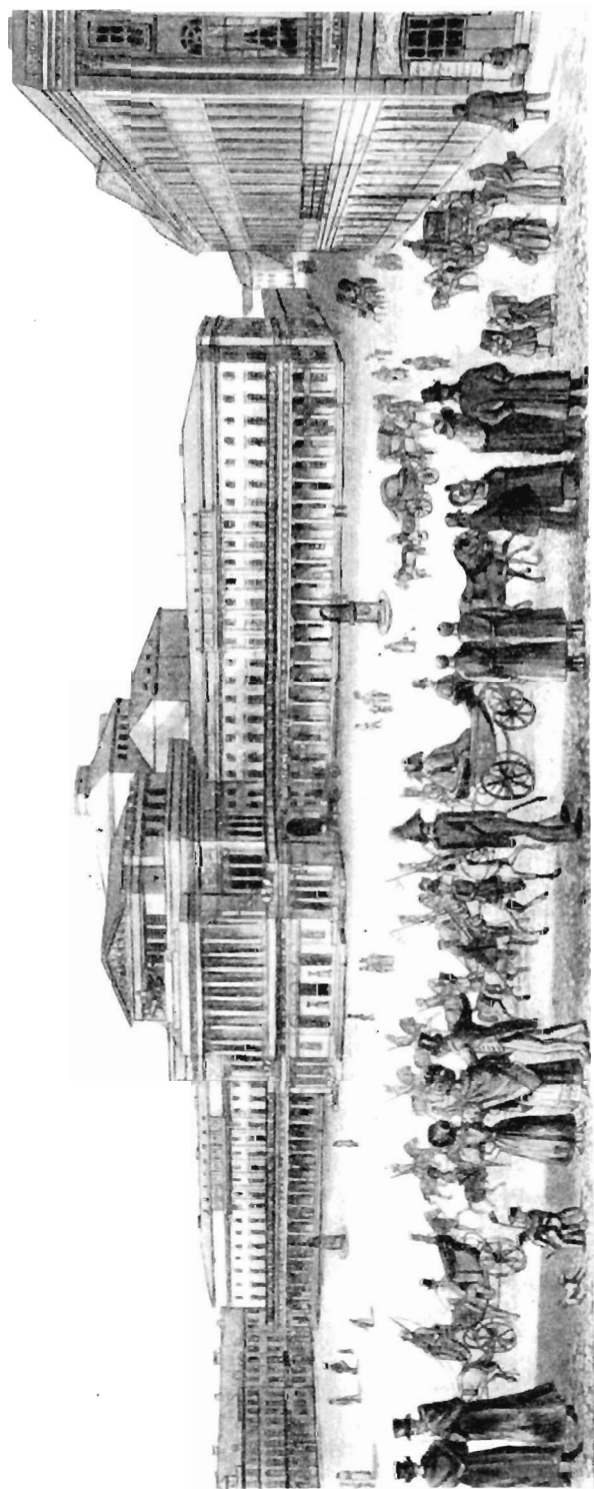
Яркой фигурой в польском искусстве этих лет был Александр Орловский (1777—1832). Большинство его произведений конца XVIII — первого десятилетия XIX в. изображали походы и бивуаки («У костра» и др.). Здесь, наряду с реалистической традицией изображения, воспринятой у Норблина, сказываются характерные для Орловского свобода, страстность, романтичность в передаче жизни. Эти черты особенно выступают в его «Всадниках» более позднего периода.

В творчестве Орловского обращают внимание многочисленные живые, остро схваченные сценки обычной деревенской и городской жизни и типы простых людей, переданные с большой наблюдательностью и сочувствием. Таковы его «В корчме», «Сценка у кузницы», «Возвращение из леса» и многие другие.

В 1802 г. Орловский уехал в Россию, где под влиянием русской живописи окончательно сформировался его талант. В 20—30-х годах он создал ряд рисунков, как, например, «Мусорщик», «Каторжники», «Крестьяне у кареты», в которых развивал дальше свои реалистические устремления. Эти произведения говорят и о верности прежним традициям и о прекрасном знании художником творчества Кипренского и Венецианова. В творчестве Орловского, которое высоко ценил А. С. Пушкин, проявилась близость передовой русской и польской культуры тех лет.

Творчество Михала Стаховича (1768—1835) было почти целиком посвящено Костюшке. Картины Стаховича правдивы и имеют большую документальную ценность, хотя им не хватает широты обобщения и живописной свободы. Наиболее популярна его картина «Присяга Костюшки на Краковском рынке» (1821).

В архитектуре первых десятилетий XIX в. получили дальнейшее развитие архитектурные формы, выработанные в конце XVIII в., причем

Варшавский меймп о Варшаве
Андрей Ф. Х. Дирух

они приобрели большую монументальность и строгую простоту. Продолжалось строительство дворцов, среди которых следует отметить Бельведерский дворец в Варшаве. Но особое значение приобрело гражданское городское строительство, блестящим образцом которого является величественный Большой театр в Варшаве.

Черты зрелого ампира чувствуются в монументальном комплексе Польского банка и даже в зданиях промышленного назначения, где четкость и некоторая сухость архитектурных деталей отвечали функциональному назначению здания.

На протяжении первых десятилетий XIX в. продолжалась деятельность Михала Клеофаса Огиньского, Юзефа Эльснера и других выдающихся польских композиторов. В этот период все более и более возрастал интерес к народно-бытовым истокам польской музыки. Появляются многочисленные полонезы, мазурки, краковяки и другие инструментальные пьесы, а также песни и романсы на польские тексты.

Кароль Курпиньский (1785—1857), бывший в 1810—1842 гг. дирижером варшавского оперного театра, создал множество опер, в том числе «Ядвига» на слова Немцевича; «Новые краковяне», представлявшие собой как бы продолжение «Краковян и горцев», «Замок на Чорштыне, или Бойомир и Ванда» и др. В этих операх, так же как и в других вокально-инструментальных произведениях, сказались демократические стремления Курпиньского, сформулированные им в путевых заметках, относящихся к 1823 г.:

«Композиторы смогут поднять и утвердить значение национальной оперы только тогда, когда вдумаются в природу родного языка и будут сочетать с ним свойственные ему мелодии. Иначе их усилия окажутся затраченными на то, чтобы доставить удовольствие только одному классу. Боже избави нас от этого! Будем следовать, насколько возможно, красивой гибкости итальянского пения, но мелодическими очертаниями его пусть будут средства выразительности нашего языка. Будем петь красиво, но для всего польского народа».

Такого рода передовые устремления характеризуют и более чем полувековой варшавский период творчества Эльснера, ознаменовавшийся созданием многочисленных опер и других произведений. Большое значение имела также музыкально-общественная и педагогическая деятельность Эльснера. В 1803—1805 гг. он издавал, например, ежемесячные «Собрания красивых польских произведений и песен». Эти сборники, в которые вошли многочисленные вокальные и инструментальные произведения, печатались в нотопечатне, впервые организованной в Варшаве Эльснером. В 1816—1821 гг. Эльснер был преподавателем и директором варшавской «Школы пения и декламации», а в 1821—1831 гг. возглавлял Главную музыкальную школу (консерваторию). В классе композиции Эльснера получили образование многие польские музыканты и в их числе великий Шопен.

Из младших современников Эльснера выделялись Францишек Лессель (1780—1838), писавший преимущественно инструментальные произведения (в том числе фортепианные концерты, сонаты и вариации), и Мария Шимановская (1790—1831), одна из лучших пианисток своего времени, автор многочисленных фортепианных пьес — прелюдий, этюдов, мазурок, а также песен на тексты Мицкевича. Шимановская с громадным успехом концертировала во многих странах, исполняя произведения свои, Огиньского и других польских композиторов. В ее честь Гете писал стихи, а Шуман посвятил этюдам Шимановской одну из своих музыкально-критических статей.

Шимановская жила в Петербурге, где в доме у нее бывали Мицкевич и Глинка, включивший в 1829 г. одно из сочинений Шимановской в «Лири-

ческий альбом», издававшийся им совместно с Н. Павлицевым. Глинка был дружен также с замечательным польским скрипачом и композитором Каролем Юзефом Липиньским (1790—1861) и многими другими польскими музыкантами, борьба которых за национальную самобытность польской музыкальной культуры неизменно находила поддержку в передовых кругах русской общественности.

В период восстания 1830—1831 гг. польские композиторы создали ряд патриотических песен. Среди повстанцев получили также распространение песни Шимановской, Курпиньского и других авторов, первоначально написанные на тексты «Исторических песен» Немдевича, но певшиеся в этот период с другими словами, сочиненными поэтами, близкими к восстанию.

Глава одиннадцатая

**НАРАСТАНИЕ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ
И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
ПОЛЬСКОГО НАРОДА
в 1831—1845 гг.**

1

**РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПОЛЬСКОГО НАРОДА
ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ
1830—1831 гг.**

Вслед за подавлением восстания 1830—1831 гг., несмотря на объявленную для успокоения общественного мнения амнистию, начались жестокие репрессии. Значение амнистии свелось к тому, что царские власти не применили смертной казни. Но сотни осужденных на каторгу, сосланных в Сибирь, записанных в солдаты, тысячи семейств, переселенных в глубинные губернии России, — таковы были меры царизма по искоренению источника «смуты» в польских землях. В Королевстве Польском, как и во всей России, воцарились «грубоазиатские общественно-политические порядки»¹.

Паскевич, получивший за подавление восстания титул князя Варшавского, остался в Королевстве Польском в качестве наместника и командующего войсками. В его руках была сосредоточена вся власть. Николай I упразднил конституцию 1815 г., а вместе с тем и автономию Королевства Польского. Был ликвидирован сейм, уничтожена отдельная польская армия.

В феврале 1832 г. вместо ликвидированной конституции был опубликован «Органический статут», обещавший введение выборного шляхетского представительства по воеводствам — так называемых «провинциальных чинов», сохранение польских учреждений и т. д. Однако он не был проведен в жизнь.

Царизм встал на путь ликвидации национальных особенностей в административном строе польских земель. В 1837 г. воеводства были преобразованы в губернии, затем были введены общерусские монетная система, система мер и весов и т. д. В 1839 г. было упразднено отдельное ведомство по просвещению и образован Варшавский учебный округ, непосредственно подчиненный министерству народного просвещения в Петербурге. Были ликвидированы высшие учебные заведения.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 337.

Ликвидация польских культурных учреждений задевала интересы в первую очередь широких слоев польского народа. Царское правительство закрыло Варшавский университет, университет в Вильнюсе и Кременецкий лицей. Было сокращено число гимназий, закрыто варшавское «Общество друзей науки». Вводилась строгая цензура, запрещавшая не только печатание сочинений Мицкевича, Словацкого, Лелевеля и других прогрессивных польских авторов, но и упоминание имен этих «бунтовщиков» в печати.

Политика Николая I не была направлена против польских помещиков. Гонения против мелкой шляхты, которая не признавалась принадлежащей к дворянскому сословию и была причислена к однодворцам, не затрагивали основной массы помещиков. Конфискованы были лишь имения активных участников восстания. В целом же положение польских помещиков как в Королевстве Польском, так и в Литве, Белоруссии и на Украине, осталось неизменным: царизм продолжал стоять на страже их классовых интересов, охраняя их так же, как и интересы русских помещиков.

В Белоруссии и на Украине была ликвидирована униатская церковь, являвшаяся орудием колонизации. Ликвидация церковной унии была, несомненно, ударом для папского Рима. Но, разумеется, Николай I был далек от собственно антикатолической политики. Католическая иерархия — рассадник мракобесия и проповедник смирения и покорности существующему строю — была полезным союзником для царизма, и, ликвидируя Варшавский и Виленский университеты, Николай I не преминул сохранить в качестве отдельных учебных заведений католические теологические факультеты.

Несмотря на разгром восстания, глухое брожение в стране продолжалось. Паскевичу пришлось сразу же встретиться с волнениями среди крестьян, отказывавшихся от выполнения барщины.

В декабре 1831 г. волнения происходили в казенных имениях под Варшавой, в феврале 1832 г. — в имениях Калишского воеводства.

Боясь развертывания крестьянского движения, царские власти разработали проект указов по крестьянскому вопросу, предусматривавший запрещение сгона крестьян с земли, присоединения к фольварку крестьянских земель, и, наконец, ликвидацию судебной и административной власти помещиков. Не затрагивая основ феодальных отношений, этот проект все же ограничивал произвол помещиков и создавал формальную видимость защиты крестьян законом.

Однако проект натолкнулся на сильную оппозицию со стороны польской аристократии и был отклонен Николаем I. Это лишний раз показывает, что политика царизма в Польше была направлена на защиту классовых интересов помещиков. Она провозглашала принцип «невмешательства» в отношения между помещиками и крестьянами. На практике эта туманная формула означала освящение царизмом безудержной помещичьей эксплуатации крестьян, шляхетского произвола. Основное правило политики Паскевича состояло в том, чтобы, беспощадно подавляя малейшие проявления национально-освободительной борьбы в Польше, предоставлять шляхте полную свободу действий в отношении беспощадно эксплуатируемого крестьянства. В 1836 г. Николай I уравнивал польское дворянство с русским в сословных правах и привилегиях.

Политические позиции большинства шляхты в Королевстве Польском были весьма своеобразны. С одной стороны, шляхта сожалела о потере национальной независимости и мечтала о ее восстановлении, испытывала

национальный гнет со стороны царизма и сочувствовала национальному движению против него. С другой стороны, она была полна постоянного страха перед крестьянскими волнениями, искала поддержки против них у того же царизма. В конечном итоге «патриотизм» шляхты ограничивался лишь декларациями, на деле же она проявляла по отношению к царизму полную лояльность.

Репрессии в Королевстве Польском, проводимые Николаем I, были всячески поддержаны Берлином и Веной. Прусские власти выдали Паскевичу большую часть польских солдат, оказавшихся после подавления восстания на территории Пруссии.

Пруссия восприняла подавление восстания и ликвидацию автономии Королевства Польского как сигнал к началу нового германизаторского наступления на западные польские земли.

Прусское правительство предприняло репрессии в отношении лиц, проживавших в Познанском княжестве, но так или иначе замешанных в восстании 1830—1831 гг. Имена некоторых помещиков были конфискованы или секвестрованы. Поляки, прусские подданные, сражавшиеся в рядах повстанцев, были заочно осуждены.

Затем последовали распоряжения и указы, смысл которых сводился в целом к ликвидации остатков польской самобытности Познанского княжества и к последовательному насаждению «начал прусской государственности». В королевском ответе 1832 г. на петиции второго сейма (относительно употребления польского языка, прав польского населения и т. п.) было подчеркнуто «непоколебимое желание [короля] рассматривать и впредь Познанскую провинцию только как часть прусской монархии». В администрации и суде прусские власти решительно устранили польский язык.

В школьном вопросе пруссаки действовали обходным путем. Онемечивание существовавшей сети начальных школ грозило слишком большим возбуждением. Зато средняя школа явственно германизировалась. В новооткрытой учительской семинарии преподавание велось на немецком языке; 10 новых или реорганизованных городских и реальных училищ стали немецкими или двуязычными.

Прусское правительство осуществляло меры, направленные к большей централизации системы управления в княжестве. В 1833 г. поветовые шляхетские собрания были лишены права выбирать ландратов. Ландраты стали назначаться высшей администрацией. Одновременно был упразднен институт войтов, вместо которых назначались окружные комиссары. Эти изменения, помимо того, что ограничивали политическую роль шляхты, вызвали новый прилив немецких чиновников в государственный аппарат княжества.

Весьма существенной в принципиальном отношении, хотя и незначительной по результатам, была новая попытка развития немецкой колонизации в княжестве. Обер-президент княжества Флоттвель получил в свое распоряжение 1 млн. талеров для покупки польских имений. Приобретенная властями земля продавалась на льготных условиях немецким переселенцам. Кроме появившихся в это время нескольких немецких поместий, на территории Познанского княжества образовалось около 2,5 тыс. немецких хуторов.

Наконец, прусское правительство назначало священников, послушно проводивших его германизаторские планы.

Двуличную политику проводила Австрия. Мнимая благосклонность австрийских властей к повстанцам способствовала тому, что после поражения восстания значительное число его участников, перешедших гра-

ницу в составе корпуса Раморино, осело в Галиции. Однако по мере укрепления австро-русского союза и особенно после свидания Николая I и Меттерниха в Мюнхенгреце (сентябрь 1833 г.) австрийские власти стали все более открыто преследовать эмигрантов — участников восстания 1830—1831 гг. Им угрожала расправа царского правительства, которому они могли быть выданы после заключения в Мюнхенгреце соглашения между Россией и Австрией о совместной борьбе с польским освободительным движением. К 1836 г. большинство эмигрантов покинуло Галицию.

Подавление восстания привело к кратковременной оккупации Кракова русскими войсками (сентябрь — ноябрь 1831 г.). Вопрос о ликвидации республики как опасного очага польского освободительного движения стал в порядок дня при переговорах держав Священного Союза. Однако разногласия между державами на время спасли вольный город от поглощения одним из могущественных соседей. Дело ограничилось на этот раз лишь пересмотром конституции республики.

Конституция 1833 г. поставила всю внутривластную жизнь под непосредственный контроль конференции резидентов трех держав. Официальной функцией конференции было разрешение споров между сенатом и сеймом, в действительности же она стала постоянно действующим органом, управлявшим республикой через сенат, а иногда и путем непосредственного вмешательства. В дальнейшем был произведен ряд дополнительных изменений конституции. Было уменьшено число сенаторов (до 8) и депутатов сейма (до 30), резиденты официально пользовались правом вычеркивать неугодных лиц из списка кандидатов в сенаторы и депутаты. Сеймы должны были созываться уже не ежегодно, а раз в три года. Была ограничена гласность заседаний сейма и усилена цензура.

При свидании в Мюнхенгреце Николая I с Меттернихом была достигнута договоренность о совместных действиях в отношении Кракова. Ликвидация республики была предпринята. Краков был признан сферой влияния Австрии. К соглашению о дальнейшем ограничении самостоятельности Кракова присоединилась и Пруссия.

Предлогом для оккупации Кракова явился вопрос об эмигрантах. После восстания 1830—1831 гг. в Кракове осело много бывших повстанцев. Державы «опекуны» предъявили требование об удалении эмигрантов из Кракова и в феврале 1836 г. оккупировали республику. Через несколько месяцев русский и прусский гарнизоны покинули город, но австрийская оккупация затянулась еще на целые пять лет. Международная обстановка не позволила тогда Австрии открыто осуществить аннексию, но Австрия использовала период оккупации для того, чтобы подчинить своему контролю сенат Краковской республики, поставить во главе полиции своего чиновника — комиссара Гута и распустить корпус милиции вольного города.

Одновременно на Краков производился сильный экономический нажим. По согласованию с Австрией, русское правительство расторгло торговый договор с Краковом, а Австрия навязала Кракову крайне невыгодный для него торговый договор. Разрыв торговых связей с Королевством Польским был тяжелым ударом по экономическим позициям Краковской республики.

Политическая жизнь республики сводилась в эти годы к столкновениям бессильной либеральной оппозиции в сейме с консервативным сенатом. Значение этих столкновений было ничтожно, так как никакого влияния на судьбы города, управляемого всемогущей конференцией резидентов, они оказать не могли.

2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ
в 30—40-х ГОДАХ XIX в.

30—40-е годы были временем значительной перестройки польской промышленности. В 1832 г. в порядке репрессивной меры в ответ на восстание 1830—1831 гг. был введен новый, значительно повышенный таможенный тариф на вывоз товаров из Королевства Польского в Россию и на восточные рынки, что нанесло особенно тяжелый удар главной отрасли польского промышленного производства — суконной промышленности. Стоимость вывоза шерстяных товаров и сукон в Россию сократилась с 2135 тыс. руб. в 1829 г. до 300—366 тыс. руб. в 1838—1840 гг. Значительное число небольших мастерских и мануфактур в Згеже, Ленчице, Томашове, Озоркове и других местах в эти годы закрылось; удержалось лишь несколько сравнительно крупных фирм. Если в 1830 г. было выработано 3300 тыс. м тканей и в суконной промышленности было занято 35 тыс. человек (рабочих мануфактур и ткачей-ремесленников), то к 1842 г. выработка упала до 1440 тыс. м, а число рабочих сократилось до 10 тыс. человек.

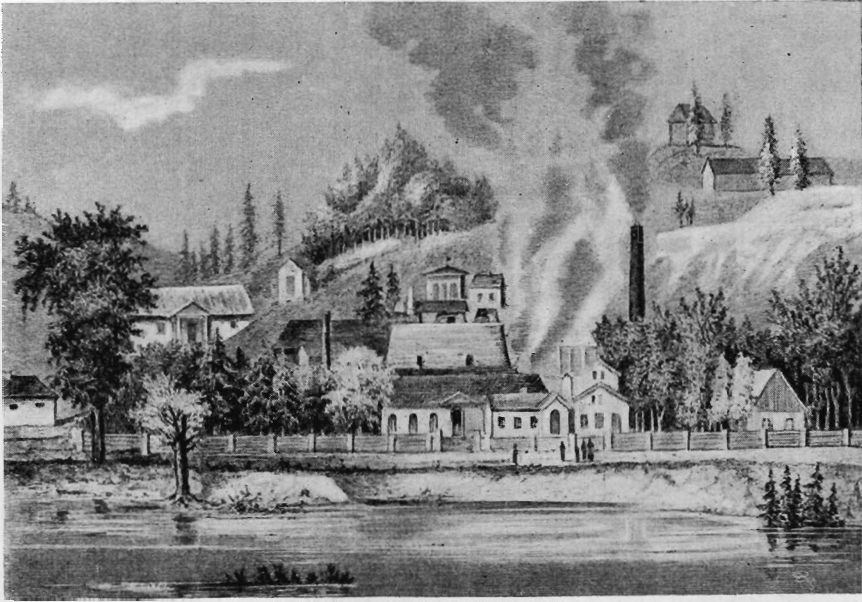
Стремление избежать высоких таможенных платежей побуждало буржуазию основывать предприятия по другую сторону таможенной границы. В 30—40-х годах было положено начало развитию промышленности в Белостокском округе, не входившем в состав Королевства Польского.

Но в то же время в самом Королевстве Польском развивались новые виды промышленности, рассчитанные главным образом на внутренний польский рынок: кожевенная, бумажная, мыловаренная, металлических изделий, сельскохозяйственных орудий, машиностроительная, сахарная и, наконец, льняная и хлопчатобумажная.

В металлической промышленности (изделия из железа, стали) в 30—40-х годах насчитывалось шесть-семь предприятий. Вновь открытая фабрика стальных изделий в Сероцке производила в год до 200 тыс. серпов. В машиностроительной промышленности было четыре относительно больших фабрики, вырабатывавших инструменты, простейшие приборы и части машин для нужд местных фабрик и заводов. Фабрика Эванса и Перкса в Варшаве и фабрики Штейнеллера в Жарках и в Варшаве производили паровые машины мощностью от 2 до 100 л. с. В начале 40-х годов в Королевстве Польском действовало уже более 20 паровых машин, а в Варшаве — более 10 паровых котлов местного производства.

Наиболее значительным и определявшим в дальнейшем характер польской промышленности явлением было развитие хлопчатобумажной и льняной промышленности. В 1830 г. хлопчатобумажная промышленность вырабатывала 4,2 млн. м тканей и насчитывала 11,5 тыс. рабочих. В течение следующих пяти лет открылись ткацкие мануфактуры в Озоркове, Заверце и в 1834 г. прядильно-ткацкая фабрика Луи Гейера в Лодзи, которая в этот период была самым крупным предприятием в Королевстве Польском. Фабрика имела паровую машину в 60 л. с., 10 тыс. веретен, 180 ткацких станков и насчитывала 400 рабочих.

В 30—40-х годах в Лодзи и окрестных местечках и селениях (Згеж, Константинов, Александров, Ксаверов, Пабыянице, Здунская Воля и Озорков) возникли, кроме того, мелкие мастерские, преимущественно ткацкие, появилось много «домашних» ткачей, работавших на посредника или на фабрики и мануфактуры. Особенно быстро росла Лодзь: население города с 800 человек в 1821 г. увеличилось до 20 тыс. человек

Металлургический завод в Стараховицах

в 1840 г. В 1840 г хлопчатобумажная промышленность в Королевстве Польском насчитывала уже 17,6 тыс. рабочих и вырабатывала 9,8 млн. м тканей.

Из крупных фабрик в Королевстве Польском следует назвать еще основанную в дер. Гузове (впоследствии Жирардов) льняную мануфактуру, имевшую паровой двигатель в 40 л. с. и 28 механических прядильных машин. Число рабочих на Жирардовской мануфактуре уже в 40-х годах превышало 300 человек.

С конца 30-х и в 40-х годах начала постепенно оправляться и суконная промышленность, хотя стоимость ее продукции все еще не достигала уровня 1828—1830 гг.

Говоря о быстром развитии польской промышленности в период 30—40-х годов, следует, однако, отметить ее мануфактурный характер и огромное преобладание мелких предприятий. Крупных по тому времени (т. е. имевших свыше 100 рабочих) предприятий было еще очень мало. Например, в Варшаве в 1850 г насчитывалось 77 предприятий, из которых только шесть имели свыше 100 рабочих, а в 39 «предприятиях» было по 2—10 рабочих. В лодзинской текстильной промышленности к 1850 г было лишь четыре фабрики с паровыми машинами. Даже на тех предприятиях, где имелись паровые машины, последние не во всех случаях применялись как механические двигатели для станков. Если в прядении (особенно в бумагопрядении) механизация уже получила немалое развитие, то ткачество оставалось еще в полной мере ручным.

Слабому внедрению машинного производства в промышленность со-ответствовали относительно медленные темпы развития металлургии и добычи каменного угля. Металлургия (рудники и железоплавильные заводы) и каменноугольная промышленность в значительной части принадлежали казне и управлялись или непосредственно правительственными органами (каменноугольная), или Польским банком (металлургия —

Первый поезд

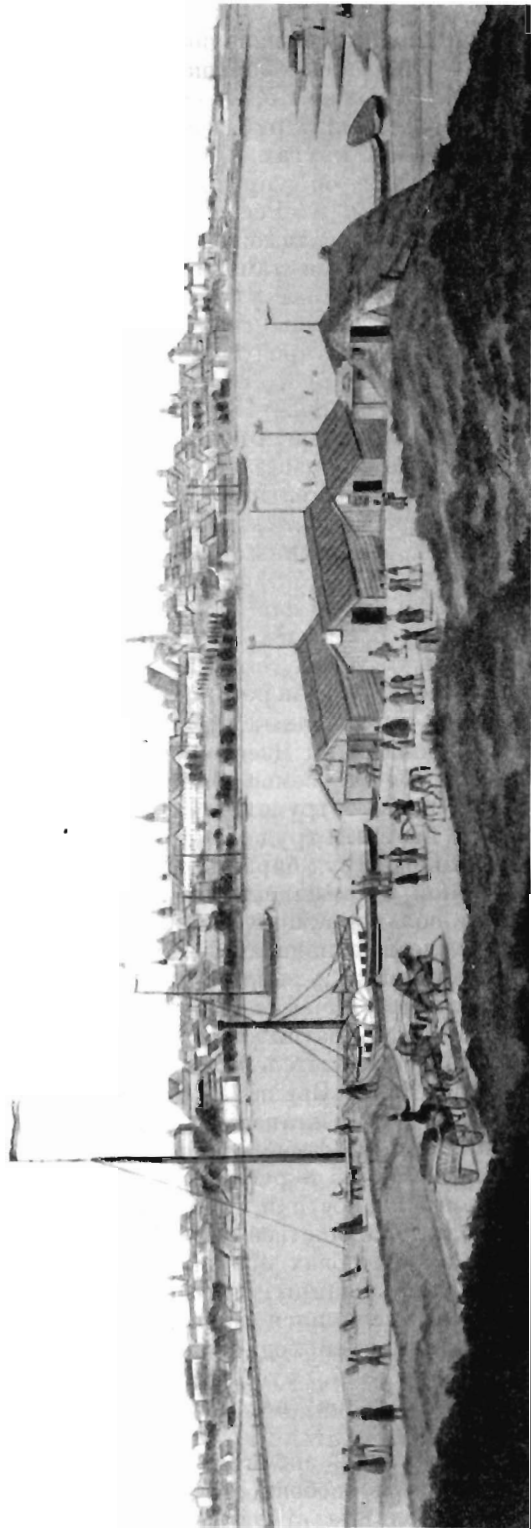
Т. Стахович, масло, 1847 г.

с 1833 г.) В 1840 г. был пущен в ход построенный банком крупный завод «Гута Банкова». Казенная металлургия располагала в 30-х годах девятью доменами и примерно 50 железоплавильными печами. В 40-х годах число доменных печей возросло до 21. Восемь из них работали на коксе. Частные металлургические предприятия были небольшими, полукустарного типа. Число их оставалось в эти годы почти неизменным (40 печей), но продукция удвоилась, достигнув 16,2 тыс. т чугуна в год. Продукция казенных предприятий была меньше — 8,7 тыс. т. Важным усовершенствованием было применение нового метода переработки чугуна в железо и сталь — пудлингования. Почти одновременно с Королевством Польским пудлингование начало применяться и в верхнесилезской металлургии.

Добыча железной руды возросла в королевстве за период 1818—1840 гг. с 10,7 до 28,3 тыс. т, добыча каменного угля — с 40 тыс. т в 1830 г. до 120 тыс. т в 1840 г.

Каменный уголь потреблялся не только фабрично-заводской, в том числе и сахарной промышленности, но также вступившими в эксплуатацию участками Варшавско-Венской ж. д., строительство которой было начато в 1839 году. К 1848 г. была сдана в эксплуатацию вся линия от Варшавы до границы. Эта дорога связала Домбровский каменноугольный бассейн со столицей, что сказалось в последующие годы в быстром росте добычи каменного угля.

Развитию польской промышленности, помимо роста внутреннего польского рынка, способствовала связь с русским рынком. Несмотря на новые таможенные правила, торговля между Королевством Польским и Россией была оживленной. Сильно сократился, как сказано было выше, вывоз

Варшава в середине XIX в.

Рисунок Шютера

изделий суконной промышленности, но продукция других отраслей вывозилась в Россию в еще большем количестве, чем до 1831 г. Стоимость товаров, вывезенных из Королевства Польского в Россию в 1834—1839 гг., составляла 2,5—3 млн. руб. ежегодно. В 40-х годах и в петербургских правительственных кругах и в Королевстве Польском все настойчивее обсуждался вопрос об упразднении таможенной границы между Королевством Польским и Россией. Польские промышленники безоговорочно высказались за таможенную унию с Россией. В 1847—1849 гг. был выработан единый таможенный тариф для России и Королевства Польского, который был утвержден в апреле 1850 г. с одновременной ликвидацией внутренней таможенной границы.

В целом стоимость продукции польской промышленности исчислялась в 1845 г. в 9,8 млн. руб. В королевстве было 46 тыс. рабочих. Число ремесленников в 1842—1843 гг. составляло 65,5 тыс. человек, а стоимость производимой ими продукции — 6,2 млн. руб.

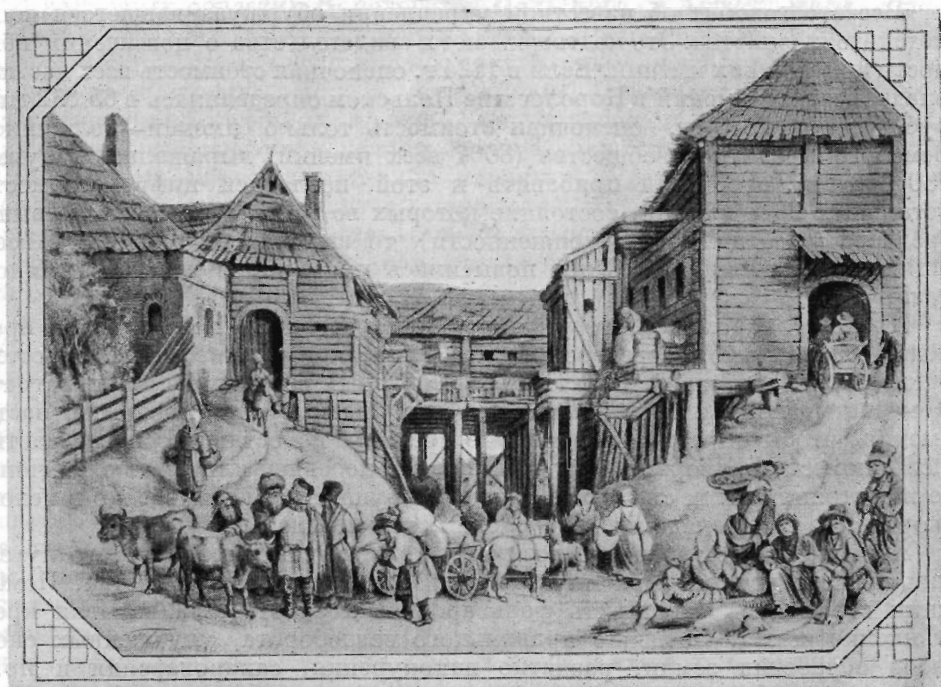
Условия труда и жизни польских рабочих и ремесленников были крайне тяжелыми. Продолжительность рабочего дня на фабриках и мануфактурах не была регламентирована и превышала 12 часов. Особенно велика она была в ремесленных мастерских. Заработная плата составляла 1—1,5 злотых (15—22 коп.) в день. В казенной горной и металлургической промышленности она была еще ниже, причем в конце 40-х годов в условиях растущей дороговизны расценки были сокращены на 10—15%. По признанию официальных лиц, заработок в 4 р. 50 к. в месяц был «едва достаточен, чтобы не умереть голодной смертью». Обследовавший положение рабочих на казенных предприятиях Домбровского бассейна жандармский подполковник Дзенгелевский доносил, что почти во всех домах он находил рабочие семьи, обнищавшие и изголодавшиеся до такой степени, что люди с трудом передвигались.

Наряду с наемным трудом в промышленности продолжал применяться и принудительный труд барщинных крестьян и так называемых «присяжных» (в горной промышленности). В методах эксплуатации рабочих, в том числе и вольнонаемных, широко проявлялись традиции барщинного произвола: телесные наказания, принудительная продажа рабочим водки и т. п. Жилищные условия рабочих в горняцких и промышленных поселках были чрезвычайно плохие, многие помещения не имели печей.

Известны неоднократные жалобы рабочих на тяжелые условия жизни и произвол предпринимателей. Первая стачка рабочих имела место в 1823 г. на фабрике Г. Мая в Варшаве. В 1823 г. происходили волнения ткачей-ремесленников в Пабьяницах, в 1827 г. — в Згеже. В 1830 г. в Варшаве вспыхнула стачка на фабрике Френкеля. В 1848 г. брожение захватило многих ремесленников и рабочих.

Рост промышленности и городского населения привел к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию. Существенную роль в 30-х, а еще более в 40-х годах играл возрастающий вывоз хлеба за границу, преимущественно пшеницы. За десятилетие 1833—1842 гг. вывоз пшеницы через Гданьск увеличился вдвое. В результате всего этого в Королевстве Польском происходило повышение хлебных цен. Цены на пшеницу возросли от 3—4,5 руб. за корец в 30-х годах до 4,5—7 руб. в 40-х и в начале 50-х годов; на рожь — соответственно от 1,2—2,7 руб. до 2—3,5 руб.

В 30—40-х годах значительно возросла производительность сельского хозяйства и в особенности товарности помещичьего хозяйства. Расширялась площадь пахотной земли. В 1824 г. она составляла 249 тыс. волок (ланов), в 1839 г. — 260 тыс., в 1848 г. — 347 тыс. волок. В относи-

Утро в Островце

Рисунок Я. Ф. Пиварского

тельно большей пропорции возрастал сбор хлебов, особенно пшеницы, культуры, производившейся преимущественно помещичьими фольварками в 1827 г — 751 тыс. корцев пшеницы и 4439 тыс. корцев ржи, в 1839 г — 827 тыс. корцев пшеницы и 4404 тыс. корцев ржи, в 1848 г — соответственно 1,7 млн. корцев и 7,2 млн. корцев.

В условиях возраставшего спроса на хлеб вопрос о поднятии производительности фольварочного хозяйства и об экономической перестройке его встал перед шляхтой со всей остротой. Помещики начали вводить в фольварках многопольный севооборот, переходить на более усовершенствованные способы обработки почвы, расширяли посевы картофеля и сахарной свеклы. Возрастал спрос на сельскохозяйственные машины. В 1833 г были основаны первые небольшие предприятия сельскохозяйственного машиностроения, развившие к 1838—1840 гг производство в больших по тому времени размерах. После 1840 г в городах Королевства Польского было открыто еще несколько таких заводов.

Помещики увеличивали доходность своих имений, открывая в них винокуренные и сахарные заводы. Попрежнему пользуясь правом пропинации, шляхтичи-помещики насильственно спаивали крестьян. Становилось заурядным явлением, что наемным поденщикам или своим крестьянам за принудительные повинности помещик платил расписками («ассигнациями») в корчму. В 1851—1852 гг в Королевстве Польском было 2947 винокуренных заводов.

В 30-х годах появились первые сахарные заводы. В 1849—1850 гг было уже 33 завода, вырабатывавших 120 тыс пудов сахара

Все это говорит об известном укреплении обуржуазивавшегося шляхетского хозяйства. Это подтверждают и свидетельства о повышении ценности помещичьих имений. Если в 1824 г. оценочная стоимость всех частно-владельческих имений в Королевстве Польском определялась в 65 832 тыс. руб., то в 1853 г. оценочная стоимость только имений—должников Земского кредитного общества (80% всех имений) выражалась в сумме 130 250 тыс. руб. Если прибавить к этой последней цифре стоимость остальных 20% имений, состояние которых во всяком случае было выше среднего (свободные от задолженности), то выходит, что ценность всех шляхетских имений за 30 лет повысилась примерно в два с половиной раза.

Процесс экономического укрепления помещичьего хозяйства не проходил равномерно. Перестройка хозяйства, применение новой агротехники и т. п. требовали известных, в отдельных случаях немалых затрат. Помещики входили в долги, иногда вынуждены были продавать часть имения, чтобы обратить полученные средства на оставшуюся его часть. Мелкопоместные дворяне, владевшие одной деревней или частью деревни, не в состоянии были следовать примеру крупных помещиков. Но в целом дворянское землевладение, безусловно, укреплялось.

Укрепление помещичьего хозяйства происходило прежде всего путем дальнейшего усиления эксплуатации и ограбления крестьянства. Помещики стремились расширить фольварочное хозяйство, захватывая крестьянские земли. Введение правильного севооборота, улучшенных способов обработки земли, развитие винокурения, сахароварения и пр., как правило, были связаны с применением труда наемных рабочих. Помещик обзаводился собственным рабочим скотом, инвентарем, сельскохозяйственными орудиями и находил выгодным иметь постоянную или сезонную наемную рабочую силу. При огромном количестве безземельных крестьян, в подавляющей своей массе остававшихся в деревне, оплата работников и фольварочной службы обходилась помещику очень дешево. В 30—40-х годах экспроприация крестьянских земель получила необыкновенно широкий размах. Она производилась тройным образом: во-первых, крестьян сгоняли с занимаемых ими участков, во-вторых, осуществлялись отрезки крестьянской земли в пользу фольварка, т. е. уменьшение площади крестьянской земли, и, в-третьих, применялась так называемая «регуляция», т. е. размежевание фольварочных и крестьянских полей, сопровождавшаяся переселением крестьян на меньшие и худшие участки.

Особенно интенсивно проводился сгон крестьян с земли в западных частях Королевства Польского, которые в большей мере были связаны с вывозом хлеба на внешние рынки. В некоторых уездах Плоцкой, Варшавской и Радомской губерний площадь крестьянской наделной земли сократилась в два-три раза по сравнению с периодом 1810—1820 гг. Чинovníк комиссии внутренних дел, посетивший в 1846 г. 27 гмин Липновского уезда Плоцкой губернии, писал, что в большей части деревень «почти не осталось крестьян-хозяев с участками в 3 и больше моргов, но лишь так называемые коморники, имеющие избу и огород в полморга или не больше морга... Помещики или арендаторы деревень, начиная с 1829 г., постепенно и постоянно сгоняли крестьян, невзирая на степень их задолженности и письменные соглашения, без всякой причины, а единственно лишь с намерением повысить свой доход. Превращение крестьянских земель в фольварочную землю зашло так далеко, что в настоящее время только в некоторых деревнях осталось по несколько или менее 10—15 хозяев, имеющих более чем по 3 морга пахотной земли».

В восточных областях Королевства Польского, в Августовской, Люблинской губерниях и в восточных уездах Радомской губернии имел место и полный гон крестьян, но сравнительно чаще практиковались отрезки крестьянской земли и «регуляция». Примером может служить «регуляция», проведенная в дер. Константинове (Люблинская губ.), принадлежавшей графу Александровичу. В неурожайный год помещик отказал крестьянам в какой-либо помощи. 40 семей вынуждены были покинуть деревню и отправиться нищенствовать, а земля их была присоединена к фольварку. Остальные 84 семьи Александрович поселил на границах фольварка, оставив их на барщине. Такая «регуляция» была обычным явлением.

В результате экспроприации площадь крестьянских земель уменьшилась по всей стране. В 1810—1820 гг. крестьянская земля составляла 58,5%, а в 1846 — 32,5% всей обрабатываемой площади.

Процессу экспроприации крестьянских земель сопутствовали перевод крестьян на чинш и дальнейшее отягощение их барщиной.

Экономический эффект от перевода крестьян на чинш обнаруживался не сразу. Помещик должен был располагать известным запасом свободных средств, чтобы привести свое хозяйство в соответствие с новыми формами эксплуатации. Это было под силу лишь более состоятельным землевладельцам, способным выждать некоторое время, чтобы получить осязаемые результаты. Но и такие землевладельцы, за исключением немногих, не отказывались сразу от барщинного труда. Они переводили крестьян на чинш постепенно или оставляли в своих поместьях часть крестьян на барщине. Помещики средней руки, не говоря уже о мелкопоместной шляхте, старались «рационализировать» хозяйство, используя преимущественно барщинный труд крестьян. Если нельзя было увеличить количество барщинных дней, помещики обременяли крестьян различными принудительными даровыми или низкооплачиваемыми работами на поле и другими повинностями, как подводная, дорожная и т. п.

Крестьяне подавали многочисленные жалобы на переобременение их барщинными работами. Помимо 3—4-дневной барщины, крестьяне должны были платить помещику деньгами, хлебом, собирать для усадьбы хмель, орехи, грибы. Крестьян вынуждали дополнительно работать за крайне низкую плату, отбывать «даремщину», «гвалты», обрабатывать панские огороды, теревить лен, пасти панский скот, мыть и стричь овец и т. д. Повинности, вводимые помещиками как временные и формально оплачиваемые, постепенно превращались в постоянные, обязательные и ничем не вознаграждаемые.

В результате интенсивной эксплуатации крестьян в самых разнообразных ее формах положение крестьянства в 30—40-х годах резко ухудшилось. «Пан в любой момент может согнать крестьянина с его хозяйства, — пишет граф Лубеньский, автор брошюры «Об урегулировании крестьянских отношений», — может произвольно повысить барщинные и натуральные повинности. Он может оторвать барщинный труд от поля, заставить отбывать барщину в торговле, на фабриках, продавать рабочую силу спекулянтам; перевести в свою пользу дорожную повинность, раскладывая на гмину денежные сборы, собирать их и использовать лично, не отчитываясь ни в каких суммах, заставлять крестьян отрабатывать повинность сверх денег, вносимых ими за ту же повинность, и т. д.»

В казенных имениях при очиншевании нормы расчета за барщинные дни приняты были меньшие, чем практиковалось в частных имениях, а следовательно, и общая сумма чинша, выплачиваемая крестьянином, была ниже. Очиншевание проходило, однако, крайне медленно и ко

Пахота

Ю. Хелмоньский, масло

времени крестьянской реформы 1864 г. было завершено далеко не во всех казенных имениях.

Сопротивление крестьян все возраставшему нажиму помещиков и арендаторов выражалось в различных формах — в многочисленных жалобах властям, в отказе от исполнения барщины, а в некоторых случаях и в активных выступлениях. Крестьяне казенных имений отказывались от барщины и требовали перевода их на чинш. В 1834 и 1836 гг. волнения крестьян имели место в казенных и частных поместьях Калишского, Мазовецкого, Сандомирского, Подлясского воеводств. Помещики и арендаторы обращались к властям с просьбами о присылке воинских отрядов.

Сдвиги в социально-экономическом развитии польских земель, находившихся под властью Пруссии, нашли отражение в аграрной реформе, проводившейся руками крепостников. Шляхетское хозяйство в 30—40-х годах переживало полосу благоприятной экономической конъюнктуры, перестраивалось на капиталистический лад и крепло в экономическом отношении. Шляхта держалась тактики «лояльной оппозиции», принимая на сеймах 1834 и 1837 гг. петиции королю по поводу гонений на польский язык и вытеснения служащих-поляков из административной и общественной службы. При этом шляхта старательно отделяла прусскую администрацию от особы короля и, упрекая первую, не скупилась на проявления верноподданности.

Иным было отношение к прусской политике и прусскому государству со стороны буржуазной интеллигенции, польского мещанства и крестьянства. В результате нахлыва немецких чиновников, учителей и т. д. польская интеллигенция находила все меньше работы в административных и общественных учреждениях княжества. Цензура и административные стеснения ограничивали возможности журналистики и научно-публицистической деятельности. В торгово-промышленных предприятиях, ввиду пре-

обладания в них немцев, польская интеллигенция также не находила для себя применения.

Великая Польша находилась в крайне невыгодном экономическом положении. Ее промышленность была не в состоянии выдерживать конкуренцию с более развитыми прусскими провинциями и приходила в упадок. В 1820-х годах познанские сукна вывозились в Королевство Польское, но в 30-х годах этот экспорт почти совершенно прекратился. Прусское правительство покровительствовало развитию промышленности в своих старых провинциях за счет промышленности в Познанском княжестве. Предприниматели и ремесленники в суконной промышленности княжества не раз жаловались на сокращение казенных заказов.

В самом княжестве при сравнительно невысоком общем уровне промышленного развития промышленность, торговля и ремесло были сосредоточены преимущественно в руках немцев. Польская торгово-промышленная буржуазия с конца 30-х годов начала создавать свои организации для взаимной поддержки и борьбы с немецкой конкуренцией. Такой организацией стал открытый в Познани «Базар», своего рода экономический и вместе с тем общественный центр молодой польской буржуазии.

Аграрная реформа, а вернее сказать, хозяйственная перестройка шляхетского хозяйства затронула не только крестьянство, но и жителей местечек, занимавшихся земледелием. Они лишились своих небольших земельных участков, которые в большинстве случаев считались собственностью помещика, и были вынуждены обратиться к занятиям торговлей и ремеслом. Но здесь они сталкивались с конкуренцией профессиональных ремесленников и торговцев, большая часть которых была немцами. Разорявшиеся, покидавшие землю или выдворенные из усадеб крестьяне уходили в местечки и города, пополняя ряды городской бедноты. Все это вело к обострению классового антагонизма, а вместе с тем и национальных противоречий между экономически слабыми слоями польской городской мелкой буржуазии и беднотой, с одной стороны, и богатой и влиятельной немецкой буржуазией — с другой. Все это усиливало антипруссские настроения польской буржуазии, интеллигенции и трудящегося городского люда.

Аграрная реформа, проводившаяся прусским правительством, тяжело отражалась на положении крестьянства. Большинство польских крестьян — различные категории малоземельных и безземельных — испытывали разорительные для них последствия экономической «рационализации» шляхетского хозяйства. Недовольство крестьян реформой обращалось и против помещиков и против прусского правительства. Крестьянство недовольно было тяжелым фискальным гнетом. Оно продолжало оставаться бесправным сословием, зажатым в тиски прусским полицейским режимом. Замена войтов-помещиков окружными комиссарами не улучшила положения крестьян, отданных во власть немецкого чиновника, большей частью не знавшего польского языка. В армии польский крестьянин подвергался жестокому и унижительному обращению со стороны прусских офицеров. В суде крестьянин, не знавший немецкого языка, полностью зависел от произвола немецких судей. Прусские власти попирали его национальные чувства и религиозные убеждения.

Пруская политика не разрешила поставленной ею задачи — подавить польскую национальную культуру и польскую национальность. Правительство восстановило против себя как польскую интеллигенцию и польскую буржуазия, так и самые широкие слои польского мещанства и крестьянства.

Кризис феодально-крепостнических отношений в польских землях, отошедших к Австрии, во второй четверти XIX в. развивался с все более нарастающей силой. Положение крепостных ухудшалось, росло число безземельных крестьян, уменьшались в результате экспроприации крестьянских земель помещиками размеры среднего крестьянского надела. К середине XIX в. 44% крестьянских хозяйств имели наделы размером менее 5 моргов.

Крестьянское хозяйство деградировало. По свидетельству современника, галицийские крестьяне лишь три-четыре месяца в году имели хлеб, пять-шесть месяцев они питались одной картошкой, а весной в течение трех-четырех месяцев должны были довольствоваться травой. Во время уборки урожая много галицийских крестьян отправлялось в поисках заработка в Королевство Польское.

Тяжелое положение крестьян усугублялось частыми стихийными бедствиями. Засуху 1827 г. сменили проливные дожди и саранча в 1828 г., затем распространился мор крупного рогатого скота, 1831 год был ознаменован эпидемией холеры. Наиболее страшным был неурожай, продолжавшийся в течение трех лет (1844—1846), вызванный дождями, наводнением и памятным в истории всей Европы картофельным мором. В 1847 г. в Западной Галиции голод дошел до такой степени, что имели место случаи людоедства.

Крестьянский протест выражался как в усилении так называемого «разбойничества», против которого правительство в одном только 1820 г. издало четыре закона, так и в восстаниях, «бунтах». Иван Франко выявил данные о ряде таких «бунтов» в Восточной Галиции. Движения эти были нередки и в западной — польской — части Галиции. В 1832—1833 гг. значительное крестьянское движение развернулось в Бохенском и Ясельском округах.

Ограниченность рынка сбыта для помещичьего хлеба побудила некоторых помещиков предпринять попытки перестроить свое хозяйство. Появилась культура сахарной свеклы, развивалось овцеводство. Но перестройка хозяйства была под силу лишь магнатам, располагавшим капиталами, которых не имело большинство помещиков. Галицийские помещики пытались выйти из тупика за счет проникновения на внешние рынки. В связи с этим в 1840-х годах появился ряд проектов улучшения путей сообщения, организации пароходства на Днестре, очистки русла Вислы и ее притоков, наконец, создания акционерного общества для строительства железной дороги в Галиции. Однако эти проекты наталкивались на противодействие правительства, не заинтересованного в развитии производительных сил Галиции, рассматривавшего ее как аграрный придаток империи и оберегавшего выгодные возможности железнодорожного строительства для своих, австрийских капиталистов.

Феодально-крепостнические отношения в сельском хозяйстве Галиции сковывали развитие промышленности. Прогресс в промышленности по сравнению с предшествовавшим периодом был ничтожный. Появилось несколько маленьких сахарных заводов. В 40-х годах в Галиции были впервые применены паровые машины. Отставание промышленного развития Галиции от других областей империи — Чехии, Нижней Австрии — усиливало полукOLONиальное положение края в системе габсбургских земель. По данным 1841 г., на Галицию с Буковиной¹ приходилось 3,4%

¹ Данных отдельно о польских землях, т. е. Западной Галиции и Пешинской Силезии, нет, поэтому для сравнения мы пользуемся данными для всей Галиции.

всех промышленных предприятий Австрийской империи (без Венгрии), в то время как население Галиции и Буковины составляло 28,7% всего населения империи. 22% стоимости продукции галицийской промышленности составляла водка. Помещичьи винокурни продолжали оставаться важнейшими «промышленными предприятиями» Галиции.

Невозможность найти выход из затяжного кризиса без ломки старых, барщинных форм хозяйства, с одной стороны, нараставшее сопротивление крестьянства и страх перед крестьянским восстанием, усиливаемый антикрестьянской агитацией тайных демократических обществ, — с другой, толкали определенную часть галицийских помещиков на путь крестьянской реформы.

Проекты этой реформы в 1843—1845 гг. рассматривались помещичьим сословным сеймом. Они сводились в основном к замене барщины чиншем, либо к выкупу барщины при одновременной отмене сервитутов, т. е. лишении крестьян права пользоваться экспропрированными помещиком общинными землями и пастбищами. Это были проекты перехода к новым методам ведения хозяйства при максимальном сохранении всех выгод старых методов, «проекты освобождения» крестьянства с еще большим закабалением его. Нарастание народного движения склоняло все большее число помещиков к мысли о необходимости проведения некоторых реформ в целях предотвращения революции. Сословный сейм обратился к императору с просьбой создать комиссию для рассмотрения проектов крестьянской реформы.

Австрийское правительство не торопилось с разрешением этого вопроса. Крестьянская реформа в Галиции могла повести к крушению феодально-крепостнических отношений во всей империи. В то же время, в связи с усилением польского национально-освободительного движения, австрийское правительство относилось с недоверием к польской шляхте. Страх шляхты перед крестьянством помогал держать ее в узде. Абсолютистское правительство становилось по внешности в позицию «арбитра» между классами-антагонистами, оставаясь в конечном итоге верным защитником интересов класса феодалов всех земель Австрийской империи.

Таким образом, во всех польских землях 30—40-е годы XIX столетия были временем обострения социальных противоречий в результате кризиса феодально-крепостнических отношений, с одной стороны, и роста капиталистических элементов в промышленности и сельском хозяйстве — с другой. Обострение социальных противоречий, ставившее на очередь вопрос о ликвидации феодального строя, сплеталось в эти годы с нараставшим в широких слоях польского народа стремлением к восстановлению национальной независимости и воссоединению насильственно расчлененных польских земель.

Такова была та социально-политическая обстановка, которая обусловила расстановку классовых и политических сил в стране и серьезные сдвиги в развивавшемся польском национальном движении.

3

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ И КОНСЕРВАТИВНО-МОНАРХИЧЕСКИЙ ЛАГЕРИ СРЕДИ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В первые годы после восстания 1830—1831 гг. в силу политических условий, существовавших в разделенной и поращенной Польше, идеологическая борьба, отражавшая происшедшие изменения в развитии

польского общества, с наибольшей остротой и отчетливостью развернулась среди польской эмиграции.

Большое число участников восстания 1830—1831 гг., исключенных из объявленной Николаем I амнистии или отказавшихся воспользоваться ею, осталось в эмиграции. Лишь часть повстанцев осела на польской земле — в Кракове и Западной Галиции, большинство же — около 7 тыс. человек — направилось в Западную Европу. Основным центром польской эмиграции стала Франция. Довольно большие эмигрантские колонии были также в Бельгии и Англии.

Французское правительство, выразившее устами министра Себастьяни свое враждебное отношение к польскому восстанию, не решилось, однако, учитывая сочувствие широких слоев французского народа к борющейся Польше, отказать повстанцам в праве убежища. Оно даже выделило средства для «помощи» польским политическим эмигрантам. Благодаря этому французские власти получили возможность якобы в порядке заботы о наилучшем устройстве эмигрантов удалить из столицы всех тех поляков, которые не имели средств и были вынуждены пользоваться субсидиями французского правительства. Таким образом, в Париже остались лишь наиболее состоятельные и вместе с тем наиболее консервативные элементы эмиграции. Основная же масса эмигрантов была размещена сначала двумя большими, а затем несколькими десятками небольших групп в провинциальных французских городах — Пуатье, Авиньоне, Ниме, Безансоне и др. Размер выдаваемых им субсидий был таков, что солдаты и унтер-офицеры были обречены на голодное существование (они получали по 25—40 сантимов в день). Нелегким было положение и младших офицеров (даже капитан получал всего 800 франков в год). Не знаящие языка, часто не владевшие гражданской профессией, поляки-эмигранты долгое время целиком зависели от добровольных пожертвований, унижавших их достоинство.

Уже в первые недели после прибытия первых эмигрантов во Францию было положено начало организации эмигрантов. В Париже в начале ноября 1831 г. был создан Временный комитет эмиграции под председательством Б. Немоевского. Большинство в этом комитете, в состав которого входил и Лелевель, принадлежало либеральной шляхте. О позиции комитета ясно говорил такой факт, как отказ принять участие в ознаменовании годовщины восстания. В обоснование этого удивительного решения Немоевский заявил, что поляки, прибыв во Францию, отказались от каких бы то ни было политических планов. Поведение комитета вызвало возмущение большинства эмигрантов, и в декабре 1831 г. взамен него был создан Польский национальный комитет, состоявший из представителей демократического направления. Во главе этого комитета стал Лелевель. Лелевелевский комитет заявил о том, что, помимо организации эмигрантов и обеспечения материальных условий их существования, он считает своей задачей восстановление независимости Польши. Есть две Европы, говорил Лелевель: Европа народных масс, борющихся против феодализма и деспотизма, и Европа реакционных правительств, и призвал всех поляков-эмигрантов к союзу с первой. Комитет завязал связи с революционными и республиканскими организациями во Франции и других странах Западной Европы. Французские власти с большой недоброжелательностью и подозрительностью относились к деятельности Польского национального комитета. В конце 1832 г. французское правительство, сославшись на жалобу русского посла по поводу изданного комитетом воззвания «К братьям-русским», в котором провозглашался лозунг совместной борьбы русского и польского народов против царизма, распустило комитет, а затем выслало Лелевеля, который переселился в Бельгию.

Враждебно относились к комитету и реакционные круги польской эмиграции. Они стремились ликвидировать делевелевский комитет и образовали для борьбы с ним другой — под председательством генерала Дверницкого.

Попытки создать единый, пользующийся признанием всей эмиграции руководящий орган не дали результатов.

Если консервативная эмиграция боролась против делевелевского комитета как революционного и демократического органа, то левые группы демократов справедливо упрекали комитет в недостаточной решительности и последовательности. Недовольство деятельностью комитета побудило эти группы организовать 17 марта 1832 г. Польское демократическое общество, решительно отказавшееся от сотрудничества с консервативно-аристократической эмиграцией. В числе основателей Демократического общества был Т. Кремповецкий, до того времени член делевелевского комитета. В своем первом манифесте — акте основания — Общество провозгласило лозунг социально-политической революции, движущей силой которой должны были быть польские народные массы, а решающей поддержкой — помощь революционных народов, борющихся против деспотизма монархов. Восприняв идеи французского утопического социализма, основатели Демократического общества выдвинули лозунг общего владения землей и ее плодами.

В условиях эмиграции многие шляхтичи-эмигранты теряли веру в успех освободительной борьбы и морально опускались. Это создавало ту атмосферу, о которой с такой горечью говорил Мицкевич в эпилоге «Пана Тадеуша», атмосферу

...лжи, обманов низких,
Утраченных надежд, проклятий, споров
И сожалений поздних, и укоров.

Но моральный упадок, апатия не только не были источником идеологической борьбы среди эмиграции, а, наоборот, эта борьба развивалась вопреки тeneвым сторонам жизни эмиграции. Размежевание польской эмиграции на два лагеря отражало процессы, происходившие в самой Польше. В этой борьбе отражалось рождение новой, прогрессивной для своего времени буржуазно-демократической идеологии в Польше, где нарастал кризис крепостнических отношений и значительных успехов достигло развитие капитализма.

Почти одновременно с Польским демократическим обществом в апреле 1832 г. под скромным названием «Литературного (позднее — «Историко-литературного») общества» оформился консервативно-монархический лагерь польской эмиграции. В 1833 г. наряду с этой первой организацией возникла новая, уже открыто политического характера — Союз национального единства, преобразованный в 1837 г. в «Общество Третьего мая». Главой консервативного лагеря стал Адам Чарторьский.

Провозглашая своей целью борьбу за независимость Польши, консерваторы выступали решительными противниками социальных реформ. Своим общественным идеалом они объявили конституцию 3 мая, годовщину которой ежегодно торжественно отмечали, и сильную монархическую власть. Путь к независимости Польши лежал, по утверждению монархистов, в военной интервенции западноевропейских держав против России. Парижский центр этого лагеря — принадлежавший Чарторьскому особняк «Отель Лямбер» («Hôtel Lambert») — превратился в дипломатическую канцелярию, в которой изготовлялись мемориалы, производилась подборка материалов по польскому вопросу для различных

европейских правительств и парламентов, прежде всего для Англии и Франции. Польский вопрос неоднократно, особенно в моменты острых международных кризисов (1832, 1836, 1839—1841 гг.), становился предметом дискуссий во французском и английском парламентах. Приверженцы Чарторьского торжествовали по поводу выступлений Фергюссона или Монталамбера так, словно речь шла о выигрыше сражения. В действительности же ни о какой серьезной заинтересованности буржуазной Англии и Франции польским вопросом не могло быть и речи. Польша была для них разменной монетой в дипломатической игре, польский вопрос лишь средством давления на царскую Россию.

«Отець Лямбер» развил и широкую разведывательную деятельность, направленную против России. Агенты Чарторьского сновали по всей Европе от Шотландии до Стамбула и даже пробирались на Кавказ, устанавливая связь с Шамилем. Если Лелевель в своем воззвании к русским говорил о братстве польского и русского народов и призывал к совместной борьбе против общего угнетателя — царизма, то бывший русский министр Чарторьский и практический руководитель монархического лагеря, племянник Чарторьского В. Замойский готовы были брататься с кем угодно для борьбы против России.

Своей «дипломатической» программой реакционеры стремились отвлечь массу польских борцов за независимость от революционной деятельности. Этой же цели служили и такие отвратительные средства, как агитация среди живших в трудных условиях эмигрантов за вступление во французский иностранный легион, ведший колониальную войну в Алжире, за превращение польских солдат и офицеров в наемников для службы в Португалии, Египте, Испании. Монархисты хотели, чтобы польские солдаты проливали свою кровь за совершенно чуждые им интересы, позорили польское имя участием в бесчестных колониальных войнах, только бы не стали на службу революции.

К чести польских эмигрантов надо сказать, что эта агитация успеха не имела. Возмущенные деятельностью Чарторьского, польские эмигранты в 1834 г. публичным актом объявили его врагом польской эмиграции. Под этим актом подписалось около 3 тыс. эмигрантов. Акт презрения не пресек, однако, деятельности монархистов. Словно издеваясь над общественным мнением своего народа и над самым здравым смыслом, монархисты объявили Чарторьского «королем де факто».

Немногочисленная монархическая эмиграция опиралась на реакционные помещичьи круги в самой Польше, на тех помещиков, которые мечтали о независимой Польше, где они владели бы руководящими политическими позициями, но больше всего боялись создания независимой Польши революционным путем.

Ведя ожесточенную борьбу с демократами, консервативно-монархический лагерь эмиграции, несмотря на помощь, которую оказывали ему французские власти, терпел поражение за поражением. В 40-х годах монархисты, чтобы не растерять полностью остатки своего политического капитала, были вынуждены даже признать, хотя и с оговорками, необходимость проведения в Польше социальных реформ, в том числе крестьянской реформы.

Демократические организации польских эмигрантов были весьма многочисленны. Польские эмигранты установили связи со многими революционными и республиканскими организациями во Франции, Швейцарии и других странах, с карбонариями и Маццини, социалистами-утопистами и Буонарроти. Близкое соприкосновение с революционной и демократической мыслью Западной Европы, непосредственное участие в ре-

волюционных событиях во Франции, Германии и других странах Запада способствовали развитию передовой польской общественной мысли, что в значительной мере определяет историческое значение польской эмиграции после восстания 1830—1831 гг., нередко называемой «великой эмиграцией».

Польские демократы в лице Чиньского и Кремповецкого участвовали в организованной немецкими демократами манифестации национально-освободительного характера в Гампахе (Пфальц) в мае 1832 г. Несколько польских демократов приняли участие в организованной французскими карбонариями 5—6 июня 1832 г. попытке восстания в Париже, в борьбе, которая впервые в истории Франции развернулась под красным знаменем.

Свидетельством все большей радикализации взглядов демократической части польской эмиграции была речь, произнесенная Кремповецким на торжественном заседании в день второй годовщины ноябрьского восстания 1830 г. Резко осудив руководившую восстанием 1830 г. шляхту, виновницу поражения, Кремповецкий поставил в центр внимания крестьянский вопрос. Он яркими красками обрисовал тяжкую долю крепостного крестьянства, издевательства над ним со стороны панов и католической церкви. Кремповецкий славил подвиги «новых Спартаков» — Наливайки и Павлюка, Хмельницкого и Гонты — и заключил: «Таковы источники польской революции». В освобождении крестьянства, в социальной революции он видел путь к освобождению Польши.

Польская карбонарская организация, руководимая комитетом, принявшим название «Месть народа», организовала в начале 1833 г. новую попытку поднять восстание в Польше, которое, по их мысли, должно было принять характер народной, партизанской войны. Это была так называемая экспедиция Заливского.

Экспедиция не имела успеха. Демократические элементы эмиграции, не отдавая себе отчета в реальном положении вещей в Королевстве Польском, полагали, что восстание в Польше легко будет возобновить. Они надеялись, что восстание поддержит не только шляхта, но и крестьянство, которое они рассчитывали привлечь демократическими призывами. План действий, выработанный польскими карбонариями, был в высшей степени туманным. Они намеревались сформировать на территории

Юзеф Заливский
Литография Ш. Баэна

Галиции и польских земель Пруссии множество небольших отрядов (рассчитывая при этом на значительное число бывших повстанцев 1830—1831 гг.) и перебрасывать их в Королевство Польское и Литву. На первом этапе эти отряды должны были действовать методами партизанской войны. Что и как следует предпринять дальше — об этом всерьез не задумывались. Считалось само собой разумеющимся, что Польша восстанет, а в Европе произойдет революция, которая придет на помощь полякам. Главой предстоящей экспедиции был назначен бывший участник восстания 1830—1831 гг. офицер Юзеф Заливский, который отправился для организации экспедиции в Галицию.

Мысль о восстании в Польше нашла упорных противников в лице консервативно-монархического лагеря польской эмиграции. Такая позиция консервативной группы объяснялась, разумеется, не тем, что экспедиция была в сущности нереальным предприятием, а принципиальной враждебностью самой идее вооруженного восстания с его демократическими лозунгами. Несколько представителей аристократического лагеря отправились в Галицию, чтобы воспрепятствовать агитации Заливского. Эмиссары аристократической партии запугивали галицийскую шляхту, внушали ей страх перед возможным крестьянским восстанием. Помещики не только очень холодно отнеслись к планам организации восстания и уклонились от поддержки экспедиции, но и помогали в Королевстве Польском царским властям захватить перешедшие границу малочисленные группы Заливского. Наибольшую известность заслужил отряд Артура Завиши, участника восстания 1830—1831 гг., журналиста радикального лагеря восстания. Обосновавшись в районе Плоцка, Завиша сформировал отряд из 25 местных крестьян и в течение полутора месяцев оставался неуловимым. Окруженный во много раз превосходящими силами, Завиша после шестичасового боя раненным попал в плен. В Белоруссии (Гродненская губ.) действовал отряд из восьми человек, сформированный Михалом Волловичем из крестьян своей деревни.

Царские власти без большого труда справились с малочисленными разрозненными отрядами. Свыше 15 человек было казнено, несколько десятков осуждено на различные тяжелые наказания. В числе казненных был рядовой Симбирского егерского полка Игнат Морозов, среди прогнанных сквозь строй и затем сосланных на каторгу — рядовые Максим Гавриленко и Григорий Загребельный. Участие русских и украинских солдат в польском повстанческом движении было свидетельством их стихийного стремления к революционному союзу против угнетавшего все народы России царизма.

Основной причиной неудачи этой экспедиции была сама идея ее — вызвать восстание без всякой предварительной подготовки, без действительной революционной программы, отвечающей чаяниям крестьянства. Участники экспедиции хотели привлечь крестьянство к восстанию, но — через шляхту, а не помимо шляхты. Они хотели не восстания крестьянства, а участия крестьян в восстании под руководством шляхты. Они пытались сглаживать классовый антагонизм между помещиками и крестьянами, убеждая крестьян «быть патриотичными», а помещиков — согласиться с разрешением крестьянского вопроса и быть «добрыми» во имя «патриотизма».

После неудачной экспедиции Ю. Заливского деятельность демократических сил в польской эмиграции протекала в двух направлениях: в стремлении установить еще более тесное сотрудничество с революционными организациями других народов Европы и в разработке программы социального переустройства Польши.

В 1833 г. группа польских демократов приняла участие в попытке революционного переворота во Франкфурте-на-Майне, а в январе 1834 г. — в организованном Мадцини революционном походе в Савойю. Еще в 1831 г. польские эмигранты, направлявшиеся во Францию, с воодушевлением приняли известие о первом лионском восстании и выражали свою солидарность с «рабочей революцией». В новом восстании рабочих Лиона (1834) участвовал ряд польских революционеров. С 9 по 14 апреля 1834 г. лионские рабочие героически обороняли правобережный квартал города — Сен-Жюст. Руководителем этой обороны был поляк Рочиньский.

Союз польских революционеров с международными революционными организациями получил свое завершение в апреле 1834 г., когда была создана «Молодая Польша» — составная часть руководимого Мадцини союза «Молодая Европа». «Молодая Польша», в состав Центрального комитета которой вошли Лелевель, Штольдман и Зверковский, стала массовой демократической организацией. В ее идеологии были сильны мистическо-романтические мотивы. Благодаря энергии и отваге своего комиссара Шимона Конарского она оказала значительное влияние на развитие тайных демократических организаций в самой Польше.

По мере роста авторитета Демократического общества влияние «Молодой Польши» падало. Ее лидеры основали в 1837 г. лигу «Зъедночене» («Объединение»), стремясь на основе программных компромиссов достичь объединения всей немонархической эмиграции. Однако организационная рыхлость «Зъедночя» и идейные разногласия делали неприемлемым для Демократического общества слияние с ним. Демократическое общество победило, поглотив в 1846 г. «Зъедночене» и объединив в своем составе почти всю польскую демократическую эмиграцию.

Уступая Демократическому обществу в организационном отношении и в значительной мере в интенсивности практической революционной деятельности, «Молодая Польша» и «Зъедночене» выгодно отличались от Демократического общества тем, что им гораздо меньше, чем значительной части членов Демократического общества, был свойствен дух великодержавного национализма. Недаром идейным руководителем «Зъедночя» был И. Лелевель, с именем которого связаны наиболее яркие акты польского революционного интернационализма той эпохи. Демократическое общество холодно и недружелюбно относилось к руководящей идее «Молодой Польши» и Лелевеля — революционному союзу польского народа с угнетенными и борющимися за свою свободу народами Европы, союзу польского и русского народов.

Деятели лиги «Зъедночене» с большим сочувствием относились к социалистическим идеям, что сделало возможным сближение с лигой формировавшегося среди демократической эмиграции революционно-демократического направления, идейный руководитель которого Станислав Ворпель стал одним из лидеров «Зъедночя».

К этому крылу польской демократической эмиграции принадлежали и такие деятели, как Ян Чиньский, в 1831 г. один из руководителей народных масс в движении 15 августа. В 1835 г. Чиньский совместно с Шимоном Конарским издавал журнал «Рóінос» («Север»), провозглашавший идеи единства революционной борьбы польского и русского народов, наделения земель всего крестьянства после освобождения Польши, пропагандировавший утопически-социалистические идеи. В дальнейшем Чиньский популяризировал фурьеризм. Идеи «Молодой Польши» и «Зъедночя» были близки и Адаму Мицкевичу.

Большое значение для развития идеологии всего демократического лагеря имели исторические исследования И. Лелевеля. Эволюция взглядов

Лелевеля в период 1831—1848 гг. шла в направлении все более решительного признания необходимости революционной борьбы против феодализма и национального гнета, необходимости коренных демократических преобразований польского общества.

В период эмиграции окончательно оформились историко-социологические взгляды Лелевеля. В своих трудах он стремился воссоздать историю народа. Оставаясь идеалистом в понимании определяющих закономерностей истории, Лелевель сумел независимо от выдающихся французских буржуазных историков — Тьерри, Гизо и др. — прийти к пониманию исторического процесса как борьбы классов. Лелевель выдвинул чрезвычайно ценное и прогрессивное положение о первобытно-общинном строе, предшествовавшем классовому обществу, строе, не знавшем частной собственности. Чуждый национализму помещиков и убежденный сторонник русско-польского революционного союза, Лелевель решительно осуждал и разоблачал в своих трудах национальное угнетение в феодальной Речи Посполитой украинского и белорусского народов. Отмечая сходство в историческом развитии славянских народов, Лелевель призывал искать польское в общеславянском. Много ценного дал Лелевель в исследовании процесса закрепощения польского крестьянства.

Маркс и Энгельс высоко ценили заслуги Лелевеля как историка, отмечая сделанный им крупный вклад в историографию: «Своими тщательными исследованиями экономических условий, превративших польских крестьян из свободных в крепостных, старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения порабощения своей родины, нежели целая толпа писателей, у которых весь багаж сводится просто к ругательствам по адресу России»¹.

Лелевель был, однако, далек от материалистического понимания истории. История Польши в его представлении есть история саморазвития — возвышения и упадка изначально присущих польскому народу национальных идей — свободы и равенства. Демократическая по своим тенденциям, но глубоко идеалистическая концепция Лелевеля открывала лазейку для возвеличивания польской шляхты, которая, по мнению Лелевеля, после упадка первоначального демократического строя (гминовладства) стала носителем национальной идеи. XV—XVI века в истории Польши Лелевель рассматривал как период расцвета, связанный с утверждением строя «шляхетского гминовладства». Идеализм и непоследовательность в оценке феодального класса в концепции Лелевеля сделали возможным выступление в качестве «сторонников» школы Лелевеля, наряду с его действительными продолжателями — демократами, также и ряда шляхетских реакционных и либеральных историков, которые, выхолощивая все революционное и демократическое в исторических взглядах Лелевеля, прославляли шляхту и превращали историю Польши в опору реакционной и националистической политики.

В 1836 г. завершился период организации Демократического общества. Во главе его стал избираемый, облеченный широкими полномочиями, постоянно действующий коллегиальный орган — «Централизация». 4 декабря 1836 г. после широкого обсуждения был принят программный документ Общества — его Манифест. Манифест и ряд развивающих и дополняющих его статей главного редактора Манифеста Виктора Хельтмана, неизменного члена «Централизации», дают богатый материал для выяснения системы взглядов этой крупнейшей демократической эмигрантской организации.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 508.

Основным пороком восстания 1830—1831 гг. Демократическое общество считало его недемократичность. В то же время, заявляя, что «нет силы, которая могла бы победить и закабалить двадцатимиллионную нацию, сплоченную общей свободой», Демократическое общество свидетельствовало, что оно полно веры в силы своего народа. Народ не поддержал восстания 1830—1831 гг. потому, что оно утратило революционный характер, более того—ему намеренно было придано реакционное направление. В этом причина поражения, ибо широкое всенародное движение непобедимо. Задача заключается в том, чтобы народ признал дело восстания своим делом. Такова основа воззрений Демократического общества, определившая в значительной мере сильные и слабые стороны выдвинутой Обществом программы социальных преобразований.

Важнейшим вкладом Демократического общества в историю передовой польской общественной мысли было положение, что независимости Польша может достичь, лишь установив демократический строй. Этот лозунг Демократическое общество написало на своем знамени: «Польша независимая и Польша демократическая — вот цель нашего Общества».

Будучи в подавляющем своем большинстве по происхождению шляхтичами (чаще всего, впрочем, из мелкой, подчас деклассированной шляхты), члены Демократического общества считали одной из своих основных задач полный отказ от «сословных предрассудков», слияние с народом и т. д. Субъективно они были полны духа «народолюбия». Но объективно их стремления не выходили за рамки буржуазной демократии, а в своей тактике они оказывались робки и непоследовательны, шаг за шагом поступаясь первоначально провозглашенными демократическими принципами.

Особенностью польского национального движения было то, что глашатаям буржуазной национальной программы стала не буржуазия, а обуржуазившаяся шляхта, прежде всего шляхетская по происхождению, буржуазная по общественному положению интеллигенция.

Буржуазия в Польше после ликвидации польской независимости относилась в основном сдержанно к национальному движению. Это было отчасти следствием заинтересованности польской буржуазии в связях с государствами, разделившими Польшу, с их рынками, с казенными подрядами, с системой покровительства и поощрения промышленников. В определенной мере играло роль и то обстоятельство, что среди буржуазии в Польше было немало неассимилированных, чувствовавших себя чужими в Польше немецких купцов и мануфактуристов, менее всего расположенных к участию в польском национальном движении или к поддержке его. Буржуазия в своей массе осталась в стороне от восстания 1830—1831 гг. Она не принимала активного участия в национальном движении и в 30—40-х годах, т. е. даже тогда, когда оно выступило под буржуазными лозунгами.

Таким образом, польское национальное движение и в этот период оставалось все же шляхетским движением в том смысле, что его руководящей силой продолжала быть шляхта. Однако с точки зрения своей программы, объективной направленности оно было буржуазным национальным движением.

Многие идеологи Демократического общества восприняли историческую концепцию Лелевеля. Они особенно подчеркивали выработанную Лелевелем теорию первоначального польского общинного строя (гминовладства), проникнутого национальной идеей — демократическими принципами. Подчеркивание исконности демократических идей и институтов у польского народа должно было не только доказать закономерность их

воскрешения, но и обосновать исключительную, провиденциальную роль польского народа в развитии самой идеи демократии. Идеологи Общества провозглашали: «Демократия — наша врожденная, много веков назад возникшая на родной земле, веками подкрепляемая и хранимая идея».

Воскрешение исконных демократических институтов представители Общества видели в возрождении старой земельной общины. Ложность подобного построения была отмечена Марксом, писавшим Энгельсу 16 октября 1856 г., что у одного из представителей Общества, Мерославского, «решительно выдвигается социальная революция в Польше как основное условие политической; но посредством исторической дедукции, доказывающей как раз *обратное*, он пытается показать, что истина — в восстановлении старой земельной общины»¹.

Дискуссия, проводившаяся по Манифесту Демократического общества, показала, что большинству его членов были чужды провозглашавшиеся первооснователями Общества социалистические идеи. Манифест подвергся резкой критике со стороны вышедших из его состава польских социалистов-утопистов — членов нового общества «Люд польский», руководимого Ст. Ворцелем и Т. Кремповецким. В ходе обсуждения Манифеста руководители Демократического общества вели ожесточенную борьбу с левыми элементами в самом Обществе, не останавливаясь перед исключением «инакомыслящих». Уже к этому времени (1836) процесс эволюции Демократического общества вправо продвинулся весьма далеко, что делало его программу приемлемой для основной массы шляхетских демократов.

Общество отказалось выдвинуть лозунг ликвидации помещичьего землевладения, ограничившись лозунгом передачи крестьянам в собственность их земельных наделов. При этом передача крестьянам, владевшим землей, прав частной собственности на эту землю рассматривалась Обществом как одно из наиболее легких, осуществимых в первый же момент восстания и в то же время действенных средств привлечения народных масс к восстанию, т. е. исключительно с тактической стороны. Таким образом, Демократическое общество оказалось неспособным выдвинуть последовательно демократическую программу разрешения крестьянского вопроса. Лидеры Демократического общества заботились при этом прежде всего о том, как бы не оттолкнуть помещиков крайними революционными лозунгами, своим радикализмом в лагерь противников, врагов польской независимости.

Вся программа социальных преобразований, выдвинутая Демократическим обществом, была подчинена основной цели: привлечь крестьянство к борьбе за независимость, сохраняя руководящую роль за шляхтой. Соответственно и проектируемые Обществом реформы должны были держаться «равнодействующей», чтобы не быть особенно страшными для помещиков и быть достаточно заманчивыми для крестьян. Поэтому эта социальная программа все более и более урезывалась и приспособлялась к интересам помещиков. Жизнь показала, что идея союза помещиков и крестьян — краеугольный камень политики Демократического общества — совершенно беспочвенна.

Ограничивая в интересах шляхты свою программу, Демократическое общество способствовало тому, что во главе национально-освободительного движения и самого Общества часто оказывались попутчики из рядов помещиков, которым были чужды цели буржуазно-демократической революции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 159.

Деятели Демократического общества выдвигали буржуазную по содержанию программу. Однако, будучи по происхождению шляхтичами, они сохраняли многочисленные пережитки старой шляхетской идеологии.

Говоря о восстановлении независимости Польши, польские шляхетские демократы неизменно имели в виду восстановление польского государства в границах старой Речи Посполитой и трактовали (во всяком случае в 30—40-х годах XIX в.) все население территорий до Днепра, Сожа и Западной Двины как польское. Таким образом, Демократическое общество не только стремилось опереться одновременно и на крестьянина и на помещика, но хотело также поднять на борьбу за восстановление польского государства мнимых польских, в действительности же украинских, белорусских и литовских крестьян в союзе с угнетавшими их польскими помещиками.

Особенно разительно слабые стороны программы Демократического общества выступают при рассмотрении методов, которыми она должна была осуществляться. «Заявляем, наконец,—гласили заключительные строки Манифеста,— что мы далеки от стремления к насилиям и поджигательствам в собственной стране. Не с мечом архангела, но с книгой отечественной истории в руках мы возвестим, с одной стороны, угнетенным, что ни божественные законы, ни вековое человеческое насилие не обязывают их оставаться долее в нужде и унижающей человеческое достоинство неволе; с другой стороны, пробуждая то же самое чувство извечной справедливости, приводя те же самые исторические воспоминания, мы не перестанем призывать наследников шляхетских узурпаций и предрассудков во имя их собственных интересов, во имя современного просвещения, а особенно во имя (волшебное для всех нас) любви к родине, возвратить народу отобранные права. Не знаем, чувство ли справедливости одних, нетерпеливость ли и обманутые надежды других будут знаменем освобождения Польши».

Руководители Демократического общества убеждали сами себя, что консервативная шляхта, не выступавшая якобы ранее с оружием в руках против революции или реформ и ограничивавшаяся лишь пассивным протестом (это заявление явно игнорировало исторические факты такого масштаба, как контрреволюционная Тарговицкая конфедерация 1792 г.), не окажет сопротивления и будущей революции.

Постоянные упоминания о «законности», о «справедливости», отказ от дальнейшего развития программы на том основании, что Общество не желает захватывать прерогативы, принадлежащие всей нации в освобожденной стране, притупляли революционную остроту программы Общества.

При всех своих слабых сторонах программа Демократического общества имела большое политическое значение прежде всего благодаря радикальной постановке вопроса о крестьянских повинностях. Выдвижение лозунга полной, немедленной и безвозмездной ликвидации феодального бремени, давившего польское крестьянство, было в той исторической обстановке, спустя лишь несколько лет после «консервативной революции» 1830—1831 гг., важным прогрессивным явлением.

Однако уже в эти годы нарождалось новое, последовательно демократическое течение, значительно более прогрессивное, чем Демократическое общество. Это революционно-демократическое течение впервые провозгласило свою программу также в условиях эмиграции, где в 1835 г. организовалось отделившееся от Демократического общества крестьянско-плебейское общество «Люд польский».

4

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ В 1830-х ГОДАХ

После поражения восстания 1830—1831 гг. на польских землях образовалась целая сеть тайных национально-освободительных обществ и кружков. Наибольшего распространения эти организации достигли в Галиции.

Начало тайным организациям в Краковской республике и Галиции положили карбонарские ложи, связанные с карбонарским движением в Западной Европе. Сами по себе они не сыграли значительной роли, но ответвлением их явился «Союз друзей народа», из которого в дальнейшем вышел ряд тайных обществ и кружков. Во главе краковской группы Союза стояли два писателя — Леслав Лукашевич и Северин Гоциньский, один из участников нападения на Бельведер в ночь на 29 ноября 1830 г. Львовскую группу возглавляли братья Гуго и Теофиль Виснёвские.

Следствие по делу экспедиции Ю. Заливского привело к серии арестов. В 1834 г. полицией было обнаружено, что в типографии Оссолинеума перепечатывались запрещенные эмигрантские издания. Самым опасным из них были признаны «Книги польского народа и польского пилигримства» Мицкевича. Директор Оссолинеума Слотвинский был предан суду вместе с Заливским и его сотоварищами. Вместе с тем полиция нашла на след тайной организации, во главе которой стоял контролер соляных копей в Калуше Адольф Давид. Полных данных об организации властям добыть не удалось, так что дело ограничилось переводом Давида в Семиградье, где он продолжал революционную деятельность, установив связь с венгерскими тайными обществами. Полиция не прекращала наблюдения за ним и устроила у него обыск, во время которого Давид покончил самоубийством. Основные кадры тайного общества остались, однако, не затронутыми арестами.

В 1835 г. под влиянием «Молодой Польши» краковская карбонарская группа и «Союз друзей народа» реорганизовались в «Содружество польского народа». Уже самое это название должно было подчеркнуть, что новая организация, в отличие от старой, носит подлинно народный характер. Программа нового общества имела значительно более отчетливый характер. В ней говорилось, что вся власть исходит от народа. Гарантией равноправия должно стать раскрепощение крестьянства. Одним провозглашения этого лозунга было, по мнению конспираторов, достаточно, чтобы крестьянство поднялось на борьбу. Деятельность членов «Содружества» должна была заключаться в просвещении крестьянства и постепенном ознакомлении его с программой «Содружества». Одновременно «Содружество» должно было вести агитацию среди шляхты за отмену феодальных отношений. Таким образом, программа «Содружества польского народа», несмотря на отсутствие организационной связи между ним и Демократическим обществом, совпадала в основных чертах с программой Демократического общества, воспроизводя типичные для нее пороки.

«Содружество польского народа» стремилось распространить свою деятельность на все земли, входившие в состав Речи Посполитой. Во главе «Содружества» стояло Главное собрание. В Краковской республике, Галиции, Королевстве Польском, Познанском княжестве, в Литве и на Украине польские конспираторы предполагали создать областные собрания, которым должны были подчиняться организации по поветам. В целом эта

система никогда не была осуществлена. Однако деятельность «Содружества», благодаря энергии и мужеству Шимона Конарского и Густава Эренберга, распространилась в Королевстве Польском и среди поляков на Украине и в Белоруссии. Главное собрание «Содружества» было основано в Кракове.

Общество вскоре распространило свое влияние на всю Галицию и поглотило карбонарскую организацию во Львове. Ячейки «Содружества» организовались в большинстве округов Галиции.

В 1835—1836 гг. в «Содружестве» возникли острые споры между двумя направлениями, которые в зародыше представляли собой демократическое и либеральное крыло движения. Во главе демократического направления стояли Станислав Малиновский, Ян Щепановский, братья Леон и Адольф Залеские. Они требовали активизировать деятельность общества и пропаганду среди трудового народа. Это не осталось пустой фразой. Леон Залеский успешно вел агитацию среди горняков в Явожне, Яцек Гудрайчик — среди краковских ремесленников, ряд деятелей — среди крестьян под Краковом и в Карпатах. В Восточной Галиции агитацию среди крестьян вели демократы Петр Коткевич, Игнаций Кульчицкий, Каспер Ценглевич. Последний, украинец по происхождению, был искренним сторонником совместной с поляками борьбы против национального гнета. Он принимал участие в восстании 1830—1831 гг. После поражения восстания Ценглевич вернулся в Галицию и вскоре начал агитационную деятельность среди крестьян и учащихся в Самборском округе. Ценглевич был поэтом. Его перу принадлежит ряд антиавстрийских агитационных стихотворений, носящих совершенно «бунтовщический» характер. Он написал, кроме того, специальную инструкцию об агитации среди украинского крестьянства. Антифеодальный характер агитации Ценглевича завоевывал ему сочувствие и любовь крестьян, несмотря на то, что проповедовавшаяся им идея включения Восточной Галиции в состав восстановленной Польши была чужда украинскому крестьянству. Ценглевич организовал в Самборе кружок гимназистов, которые в свою очередь вели агитацию среди крестьян и ремесленников. В начале 1837 г. кружок был раскрыт. Были произведены аресты, но Ценглевичу удалось бежать из тюрьмы. Он переселился в

KSIĘGI

Narodu Polskiego

Pielgrzymstwa Polskiego.

WYDANIE DRUGIE.

W AWENJONIE.

W Drukarni Wdowy Guichard Aîné

1833.

«Книги польского народа и польского пилигримства» А. Мицкевича

Нелегальное львовское издание с ложными выходными данными

Золочевский округ и работал там сельским кузнецом, продолжая вести агитацию среди крестьян. Когда в конце 1838 г. австрийским властям удалось вновь схватить Ценглевича, они приняли специальные меры по его охране. В тюрьме его держали в кандалах в одиночном заключении и фамилия его (в отличие от остальных заключенных) была засекречена. Он назывался по камере — «№ 16». Ценглевич был приговорен к 15 годам заключения, но венский суд повысил наказание до 20 лет заключения в Куфштейне. Из тюрьмы Ценглевича освободила лишь революция 1848 г.

Ценглевич и самборские гимназисты были не единственными украинцами, принимавшими активное участие в польском национально-освободительном движении. Уже в 1834 г. полиция обнаружила связи с карбонариями семинаристов львовской униатской семинарии. Связи их с польскими тайными обществами существовали и в дальнейшем, несмотря на то, что австрийские власти не останавливались перед арестом и сдачей в солдаты семинаристов. Есть, однако, сведения о том, что уже в 1836 г. группа украинцев вышла из состава «Содружества польского народа» и создала самостоятельную организацию. Причиной раскола явился отказ польского руководства от предложения переименовать организацию в «Содружество польского и украинского народов».

Оккупация Кракова войсками держав-«опекунов» и изгнание эмигрантов из Краковской республики в 1836 г. заставили «Содружество польского народа» перенести свое Главное собрание во Львов. В Кракове продолжили существовать тайные кружки студентов и ремесленников, но в условиях развернувшегося полицейского террора Краков уже не мог играть роль основного центра организации. В новый состав Главного собрания во Львове наряду с Гоциньским, Малиновским и Щепановским вошли представители львовской группы «Содружества» — Францишек Смолька, Роберт Хеферн, Томаш Райский и Лео Корецкий, представители преобладавшего в львовской группе либерального направления. Смолька, наиболее видная фигура среди этих либералов-конspirаторов, уже в это время, по утверждению его сына и биографа, «считал вооруженное восстание сумасшествием, которое низвергло бы дело в пропасть, а пропаганду социальной революции — национальным преступлением». Неудивительно, что борьба между либералами и демократами внутри самого руководства тайной организации приобрела в конце 1836 — начале 1837 г. чрезвычайно острые формы. Дело закончилось, на первый взгляд, победой либералов. Главное собрание было реорганизовано. В его состав вошли Смолька, Хеферн и Гоциньский, который, будучи сторонником вооруженной борьбы, в отношении социальной программы приближался к либералам. Малиновский и Щепановский были удалены не только из руководства «Содружеством», но и из Львова. Под предлогом укрепления организации в Западной Галиции Малиновский был послан в Краков, а Щепановский — в Тарнов.

Захват либералами руководства «Содружеством польского народа» побудил демократов создать самостоятельную организацию. В июне 1837 г. Малиновский основал «Всеобщую конфедерацию польской нации», известную также под названием «Мазурский союз». Радикальная краковская группа «Содружества» вступила в состав Конфедерации. Деятельность новой организации охватила западные, польские округа Галиции. Конфедерация ставила целью скорейшую подготовку вооруженного восстания, основной движущей силой его признавала крестьянство и выдвигала программу социальных преобразований в духе Польского демократического общества, с которым она установила контакт. Члены Конфедерации развернули широкую и почти открытую агитацию среди крестьян. Осенью 1837 г. и в 1838 г. австрийская полиция произвела ряд арестов, которые вы-

вели из строя основные кадры организации. Из ведущих деятелей Конфедерации избежать ареста удалось лишь Малиновскому

В деятельности Малиновского, Ценглевича и других видны элементы революционно-демократической идеологии, стремление установить непосредственный контакт с народом, с крестьянством. Это имело особенное значение как свидетельство того, что наиболее революционные, левые группы из среды шляхетских демократов развивались в направлении революционного демократизма и могли стать союзниками нарождавшегося революционно-демократического направления в польском национально-освободительном движении. Показательно, что в качестве псевдонимов эти демократы принимали имена «Гонта», «Железняк», связывая себя тем самым с традициями решительного антифеодального движения, с традициями героического национально-освободительного движения братского украинского народа. Однако эти левые элементы в галицийских тайных обществах не умели еще установить постоянный контакт и полное взаимопонимание с крестьянством. Результаты их деятельности были невелики, тем более что недостаточный опыт в вопросах конспирации и частые доносы со стороны шляхты приводили к быстрому обнаружению и аресту их австрийскими властями.

В то же время в галицийских тайных обществах отчетливо проявились либеральные и капитулянтские тенденции, которые были свойственны многим конспираторам из среды шляхты и городской буржуазии. Носителей этих тенденций, как показали события 1846—1848 гг., было немало и в Демократическом обществе. Но тогда, как в 30-х годах в условиях эмиграции, они прикрывались громкими демократическими и патриотическими заявлениями, в значительно более трудных условиях в Галиции либералы быстро саморазоблачались. Это показывает судьба «Содружества польского народа», а затем «Молодой Сарматии».

После отделения Конфедерации Главное собрание «Содружества польского народа» во Львове по сути дела прекратило существование. Угроза ареста принудила Гоциньского эмигрировать. Руководство организацией оказалось исключительно в руках Смольки, который под предлогом опасности провала организации объявил о роспуске «Содружества».

Значительное число членов организации отказалось подчиниться решению Смольки. Под руководством Евгеньюша Хжонстовского они основали

Северин Гоциньский

Гравюра Кулесиньского

в конце 1837 г. новое тайное общество — «Молодая Сарматия». Это общество унаследовало сеть ячеек как распавшегося «Содружества», так и разбитой арестами Конфедерации.

Но, отказавшись ликвидировать тайную организацию, руководители «Молодой Сарматии» целиком разделяли антиповстанческие и антиреволюционные настроения Смольки и его единомышленников. Целью «Молодой Сарматии» стала нейтрализация деятельности демократических, повстанческих элементов. «Молодой Сарматии» непосредственно или через свою дочернюю организацию «Сыны отчизны» удалось поглотить возникшие самостоятельно организации: «Вольные галичане» в Перемышле, «Косинеры» (кружок студентов Львовского университета) и тайную организацию, созданную польскими студентами в Вене. Установив через эмиссара Централизации Роберта Хмельевского связь с Польским демократическим обществом, руководство «Молодой Сарматии», носившее название Надкарпатской рады, сумело, растянув на целых два года переговоры с Демократическим обществом, помешать ему создать в Галиции самостоятельную организацию.

«Молодая Сарматия» сковала на определенное время и деятельность «Демократического военного союза», возглавлявшегося офицером-хорватом Томашем Дмитрасиновичем. В состав этой организации входило много офицеров и солдат перемышльского и ярославского гарнизонов.

За рамками «Молодой Сарматии» осталось несколько наиболее демократических организаций: кружки краковских ремесленников, тайное общество «Крестьянский кружок», организовавшееся в 1837 г. в Бохенском округе, и «Общество помощи», организованное в Станиславе Иваном Гудзяком и действовавшее в основном среди крестьян и солдат. К сожалению, источники не сообщают почти никаких данных о деятельности этих организаций, в которых, очевидно, участие крестьян и ремесленников было особенно значительно.

Явное саботирование «Молодой Сарматией» подготовки восстания побудило перемышльскую военную группу начать самостоятельные действия. Был назначен срок восстания — май 1840 г. Восстание должно было начаться убийством эрцгерцога Франца Карла при инспектировании им перемышльского гарнизона.

Однако еще в начале 1840 г. начались массовые аресты членов тайных организаций. В декабре 1839 г. на начальника перемышльской полиции Гута, который в 1837—1838 гг. исполнял функции начальника полиции вольного города Кракова и не останавливался ни перед какими средствами в подавлении польского освободительного движения, было произведено покушение. Это заставило австрийскую полицию насторожиться. Вскоре ей удалось напасть на след союза «Сыны отчизны» и перемышльского «Демократического военного союза». Один из членов перемышльского военного союза, фельдфебель Мацей Печонка, предпринял попытку ускорить восстание и освободить уже арестованных членов организации. Но полиция опередила конспираторов. Постепенно властями была обнаружена вся сеть галицийских тайных обществ. В течение 1840—1841 гг. было арестовано несколько сот человек. Среди арестованных были эмиссары Централизации Леслав Лукашевич и Роберт Хмелевский, бывшие лидеры «Содружества польского народа», уже давно отошедшие от движения, — Смолька, Хеферн, Райский, руководители «Молодой Сарматии» Хжонстовский, Леандр Павликовский и др.

Следствие и процесс тянулись до 1845 г. В январе 1845 г. был объявлен приговор. 51 участник тайных обществ (не считая военных) был приговорен к смертной казни, в том числе Смолька, Райский, Хеферн, Земля-

ковский и др. Большинство осужденных было амнистировано и освобождено, но нескольким, среди них эмигрантам Централизации Лукашевичу, Хмелевскому, деятелям демократического направления Мариновскому, Мулковскому, Гудзяку и др., смертная казнь была заменена каторгой на 8—15 лет. Еще более суровым был приговор в отношении военных конспираторов. Страшные казематы Куфштейна, Шпильберга (в Брно) и Мукачева заполнились борцами за освобождение польского народа.

В то же время потерпели разгром и тайные организации, созданные на территории, принадлежавшей России.

Среди участников «Содружества польского народа» было несколько студентов Краковского университета, выходцев из Королевства Польского: Густав Эренберг, Александр Венжик и др. Отправившись в Варшаву, они организовали тайный кружок учащейся молодежи и служилой интеллигенции. Организация эта получила название «Свентокшижцев» (от дома при костеле «Святого креста» в Варшаве, где собирались члены кружка). Аналогичные кружки возникли в Ломже, Кельцах, Люблине, Лукове, Хелме. Кружки распространяли среди своих членов эмигрантскую литературу, пропагандировали демократические идеи. Демократические настроения «Свентокшижцев» выразились в пользовавшемся широкой популярностью стихотворении Эренберга, направленном против аристократов:

О честь вам, паны и магнаты,
За нашу неволю, оковы,
О честь вам, князья и прелаты,
За море загубленной крови!

В своей деятельности «Свентокшижцы» не вышли за пределы сравнительно узкого круга посвященных и не успели стать организующим центром демократической и повстанческой агитации.

Значительно больший размах приобрела деятельность одного из руководящих членов «Молодой Польши» и «Содружества польского народа», энергичного организатора и агитатора Шимона Конарского (1808—1839).

Участник восстания 1830—1831 гг., Конарский в эмиграции стал выдающимся деятелем демократического лагеря. В это время сформировались и убеждения Конарского, которым он остался верен до конца своей недолгой жизни. Конарский разделял ряд ложных принципов шляхетских демократов, в частности и пресловутое стремление к «гармонии интересов» шляхты и крестьянства. Но при этом Конарский был искренним и решительным демократом, республиканцем, желавшим видеть Польшу независимой и демократической, а крестьянство — свободным и равноправным. Свидетельством этого были смелые слова, которые Конарский произнес перед следственной комиссией, объясняя свои взгляды и намерения: «Ради Польши с королем во главе, хотя бы и польским, ради Польши, полной сословных привилегий, я не пожертвую и капли крови».

Программу журнала «Север», издававшегося в 1835 г. Конарским совместно с Чиньским, характеризовало стремление бороться против царизма совместно с русскими революционерами. Высоко ценя подвиг декабристов, Конарский верил в революционные силы русского народа и стремился к установлению русско-польского революционного сотрудничества.

С такими убеждениями Конарский начал свою деятельность сначала на Волыни, затем в Белоруссии и Литве. С первых же шагов он столкнулся с огромными трудностями: во-первых, с консерватизмом польской шляхты, враждебной всякой демократической пропаганде; во-вторых, с острой классовой ненавистью украинского, белорусского и литовского крестьянства к своим эксплуататорам — польским помещикам и враждебностью к чуждой для него национально-польской пропаганде.

По приезде на Волынь в 1835 г. Конарский нашел там тайную шляхетскую группу, названную ее основателями Гаспером Машковским, Бопре и другими «Патриотическим обществом». Оно было типичным для шляхты собранием людей, мечтавших о восстановлении польской государственности, но не имевших никаких практических намерений и чрезвычайно далеких от демократических убеждений. Конарскому пришлось выдержать борьбу с этой группой, прежде чем он добился преобразования ее в ячейку «Содружества польского народа». Это было победой Конарского, доставшейся ему недешево. Чтобы не нарушать пресловутого «единства», Конарский пошел на компромисс. В составленной им программе наряду с бесспорно правильными положениями (не рассчитывать на иностранные правительства, а полагаться лишь на собственные силы народа, не ориентироваться на «знатные» магнатские фамилии, Польша должна быть республиканской) было немало сентиментальных и вредных призывов к шляхте. Программа призывала шляхту «сблизиться сердцем и разумом с крестьянским людом, вложить в него убеждения, которыми мы сами воодушевлены... Докажем крестьянину словами и делами, что мы видим в нем равного с нами человека, брата, сына будущей отчизны... Убедим его в том, что мы забыли предрассудки». Какими же «словами и делами» советовала программа действовать? «Ласковое обращение с крестьянами, помощь им, уменьшение повинностей... обеспечит нам их доверие и благосклонность». В программе подразумевалось, что крестьяне будут свободны, получают землю в собственность, но о том, как и когда это произойдет, ничего не говорилось, чтобы не отпугнуть шляхту, которая, скрепя сердце, соглашалась на «слова», но отнюдь не на «дела».

Неутомимая деятельность Конарского, его организаторский талант, красноречие, неустрашимость принесли плоды: на Волыни, в Киеве, в Подолии, в Белоруссии росло количество групп и число их участников. Значительную часть привлеченных Конарским лиц составляли шляхтичи-чиновники и служащие административных и других учреждений, т. е. шляхетская служилая интеллигенция и учащая молодежь. Привлечь к тайной организации крестьянство Конарский не пытался. Это было следствием уже знакомой нам ограниченности программы и тактики шляхетских демократов. Немалое значение имело и то, что деятельность Конарского развертывалась на непольских землях, где поляками были лишь шляхтичи и узкая прослойка городской интеллигенции. Шляхетские демократы не умели найти пути к польскому крестьянину. Обращение же с призывами к борьбе за восстановление польского государства к украинским и белорусским крестьянам было тем более обречено на полную неудачу. В созданной Конарским сети организаций влиятельную роль играли помещики-консерваторы, враждебные демократической пропаганде и всячески тормозившие деятельность Конарского.

Конарский стремился установить связь с русскими революционными кругами и в этих целях дважды побывал в Петербурге. Он нашел союзников среди русских офицеров в войсках, расквартированных в Литве. Впоследствии царские власти подвергли суровым репрессиям многих офицеров, связанных с Конарским.

По специальному предписанию Николая I, были приняты все меры для ареста Конарского. В течение многих месяцев отважный эмиссар был неуловим, но в мае 1838 г. царской полиции удалось захватить его близ Вильнюса. К этому времени был арестован ряд членов тайных польских организаций в Варшаве, Киеве и на Волыни. Следственные комиссии жестоко обращались с обвиняемыми. Зловещую известность получил князь Трубецкой, избивавший допрашиваемых и приказывавший подвер-

гать их пыткам. По делу о «конарщине» было привлечено к суду 215 человек. в Вильнюсе — 72 (в том числе Конарский), в Варшаве — 28 и в Киеве — 115. Несмотря на зверства царских жандармов, Конарский держался с исключительным мужеством, не давая никаких показаний об организации, но открыто высказывая свои демократические убеждения. Однако царские следователи получили все сведения об организации из допросов арестованных шляхтичей. Предательство одного из них провалило подготовленный группой русских офицеров виленского гарнизона во главе с Н. Кузьминым-Караевым побег Конарского. В январе 1839 г виленский военный суд приговорил Конарского к смертной казни, а остальных обвиняемых к каторжным работам на разные сроки, заключению в крепости, ссылке, отдаче в солдаты и т. п. На киевском процессе четверо обвиняемых были приговорены к бессрочным каторжным работам, в Варшаве были осуждены на каторгу Эренберг и Венжик. 27 февраля 1839 г Конарский был расстрелян.

Шимон Конарский и Кузьмин-Караев

Рисунок Э. Андриолли 1866 г.

В деятельности Конарского нашли выражение сильные и слабые стороны шляхетских демократов. Конарский героически и самоотверженно боролся за свободу польского народа. Убеждения Конарского (как и других шляхетских демократов) были прогрессивными в сравнении с убеждениями значительной части поместной шляхты. Но на практике шляхта заставляла Конарского идти на компромиссы, которые он принимал ради конечной цели — свободы Польши, а уступая шляхте, все более удалялся от этой цели. Такие компромиссы и уступки в пользу шляхты не могли поднять крестьянство на борьбу за освобождение Польши.

На смену поколению революционеров, олицетворяемому Конарским, в 40-х годах пришли новые революционеры, с новой, революционно-демократической программой действий.

5

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ 1830-х ГОДОВ В ЭМИГРАЦИИ. «ЛЮД ПОЛЬСКИЙ»

Уже в 30-х годах в польском демократическом движении выделилось левое течение, начертавшее на своем знамени лозунги революционного демократизма. Это течение объективно отражало интересы польского

крестьянства, которые не могли быть удовлетворены непоследовательной и ограниченной программой Демократического общества. Представителям левого течения была близка критика, которой подвергали буржуазный строй западноевропейские социалисты-утописты. Их задачей было низвержение феодализма, но, как они полагали, не ради построения буржуазного строя, а ради немедленного создания такого справедливого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Так появился польский утопический социализм как своеобразная форма революционно-демократической идеологии. Утопический социализм польских революционных демократов качественно отличался от утопических теорий многих французских мелкобуржуазных деятелей 30—40-х годов XIX в. своим боевым демократическим духом, призывом к насильственному ниспровержению эксплуататорского строя.

Центром революционно-демократического направления в польском национально-освободительном движении в эмиграции была образованная в Портсмуте (Англия) эмигрантская община (громада) «Грудзёндз», названная так ее членами—рядовыми солдатами, в недавнем прошлом прусскими пленниками, работавшими на валах крепости Грудзендз. Эта община вышла в 1835 г. из состава Демократического общества, объявила себя самостоятельной организацией «Люд польский» и развернула широкую критику программы Демократического общества и его тактики. Консервативно-аристократическая эмиграция видела в действиях общины «Грудзендз» свидетельство распада ненавистного ей демократического лагеря, не понимая, что революционные демократы сосредоточили огонь своей критики на Демократическом обществе именно потому, что видели в шляхетских демократах возможного союзника и стремились привить систему своих взглядов хотя бы части Демократического общества. «Входя в Демократическое общество, мы рассчитывали найти в нем помощника нашим спасительным планам,— гласит один из документов общины.— Когда наши надежды не оправдались, нам остался один лишь путь, а именно трудиться над перестройкой самого Общества; когда же и это оказалось невозможным, нам не оставалось ничего иного, как выйти из него и трудиться для его разрушения». И далее: «Мы были бы чересчур суровыми судьями, если бы относили свои возражения ко всему Демократическому обществу. Мы знаем, что в его недрах есть много доброй веры».

Вслед за общиной «Грудзендз» группа польской демократической интеллигенции организовала на острове Джерсей новую группу общества «Люд польский», принявшую название «Умань». Это название, связанное с традициями «Колиивщины» 1768 г., должно было, по словам самих польских революционных демократов, свидетельствовать о стремлении к союзу с украинским народом. Оно было вместе с тем выражением готовности к революционному, народному, «гайдамацким» методам борьбы. Несколькими позднее в Лондоне образовалась третья группа «Люда польского» — «Прага».

Программа польских социалистов-утопистов ограничивалась провозглашением принципа коллективной собственности на средства производства как залога достижения высшего равенства — «уравнения социальных условий». Сила общества «Люд польский» была в его критике программы Демократического общества, в критике всех явных и завуалированных компромиссов с феодальным строем, с ненавистной трудовому крестьянству шляхтой.

Объединенные в обществе «Люд польский» революционные солдаты-крестьяне бросали в лицо шляхте грозное слово осуждения: «Мы — другая, враждебная вам Родина. Наша Родина — Польский

Станислав Ворцель
Портрет начала 1830-х годов:

Народ — всегда была отделена от родины шляхты... Море крови отделяет во всем свете шляхту от Народа». «Люд польский» впервые в истории польской общественной мысли сформулировал новое понятие нации. У шляхетских идеологов понятие «польская нация» было равнозначно польской шляхте, «Люд польский» противопоставил надменной шляхте положение: польская нация — это трудовой народ Польши. Борьба за лучшее будущее трудового народа и есть, провозглашал «Люд польский», борьба за интересы польской нации. Дело национального освобождения Польши неразрывно связано с делом ликвидации гнетущего польский трудовой народ феодализма. В будущей освобожденной Польше не будет места паразитической, запятнавшей себя морем народной крови шляхте, поставившей себя за пределами польской нации.

Революционеры-демократы разоблачали непоследовательность и неприципиальность программных документов Демократического общества.

2 августа 1836 г. на заседании общины «Грудзендз» организатор и идеолог «Люда польского» Станислав Ворцель выступил с рефератом «О собственности», в котором подверг уничтожающей критике газету шляхетских демократов «Новую Польшу», которая пыталась отстаивать принципы «законности» и выдвигала лозунг передачи крестьянам в собственность лишь той земли, которой они владели. Ворцель показал, что «Новая Польша» предлагает реформу, в корне расходящуюся с декларированными ею же принципами равенства, справедливости, законности и т. п. Ворцель мастерски нарисовал картину отношений, которые создадутся после проведения предлагаемой шляхетскими демократами реформы, и указывал, что положение крестьянства будет немногим лучше. Ничего хорошего не будет, особенно если принять предлагаемый газетой принцип, «чтобы новый собственник ни под каким видом не мог переменить своей собственности, уменьшить ее, увеличить, продать». Ворцель с возмущением восклицал: «Крестьяне! Вот какую собственность обещают вам ваши опекуны!»

Община «Грудзендз» была одной из редких среди эмигрантов групп главным образом с крестьянским составом. Идея полной ликвидации помещичьего землевладения была особенно близка слушателям реферата Ворцеля.

Ворцель подчеркивал, что Демократическое общество «приняло к рассмотрению наделение крестьян как вопрос, а саму собственность, собственность индивидуальную, наследственную, понимаемую так, как ее понимают сейчас, объявило заранее принятой догмой».

Резко критикуя проект Манифеста Демократического общества, революционные демократы указывали на то, что половинчатое решение крестьянского вопроса в этом проекте открывает путь для компромиссов с консервативным помещичьим лагерем. «Что им (помещикам.— *Ред.*) мешает согласиться на собственность для крестьян, если их собственностью останется еще больше половины польской земли?» Программа Демократического общества оставляла возможность для подобного маневра, и опасения революционных демократов были справедливы. В критический момент, накануне восстания 1846 г., аристократическая эмиграция устами А. Чарторьского провозгласила программу, на первый взгляд почти аналогичную программе Демократического общества, дезориентируя этим самым своих противников.

В отличие от нерешительной и непоследовательной постановки вопроса о методах борьбы в Манифесте Демократического общества члены «Люда польского» без колебаний заявили, что не мыслят себе революции без насилия и считают его основой революционной тактики, а пропаганду —

лишь дополнением. С презрением говорили они о «друзьях народа», которые боятся пролить в борьбе за его освобождение нечистую кровь его угнетателей, боятся «терроризма» и осуждают французскую революцию. Не действия Робеспьера, который уничтожал врагов революции во имя народных интересов, а расстрел безоружных женщин и детей Парижа Байли и Лафайетом, истребление республиканцев после 9 термидора — вот что такое терроризм!

Революционная решительность, отличавшая польских социалистов-утопистов от сен-симонизма, сближала их с традициями бабувизма. «Люд польский» был тесно связан с Буонарроти, в память которого 2 октября 1837 г. Ворцель произнес от имени «Люда польского» проникновенную речь.

Польские социалисты-утописты ясно видели, к какой цели стремится Демократическое общество, и отвергали эту цель. «Демократическое общество отворачивается от шляхты, а на ее место вводит промышленное, купеческое сословие, меняя, таким образом, лишь имя тиранов, но не свергая самой тирании... Господство шляхты или купцов, панов или лавочников — это не что иное, как видоизмененное рабство».

Уничтожающей критике подвергал «Люд польский» буржуазное общество, с отвращением отзываясь о строе современных им капиталистических государств, особенно о Франции июльской монархии с ее делением граждан на активных и пассивных. Но деятели «Люда польского» понимали, что в условиях капиталистического строя народные массы оттесняются от политической жизни не только избирательными законами. Они заявляли, что в будущем социалистическом обществе «не будет п а с с и в н ы х граждан, лишенных политических прав если не по закону, то в силу своего положения». Критику Манифеста Демократического общества польские социалисты закончили следующим ироническим советом: «Вы, чья доктрина — право человека, идол — эгоизм, цель — индивидуальное счастье, ступайте в страну реализованной вашей программы, в Соединенные Штаты Америки, влейтесь в демократические массы, познакомьтесь с их всемогуществом. А если вас очарует этот блеск, будете вместе с этими массами вотировать законы об умерщвлении голодной смертью индейцев, о превращении негров в скот».

Проявленный в Манифесте общины «Умань» дух революционного интернационализма, стремление к революционному союзу с русским и украинским народами были органической частью идеологии «Люда польского». Ему была глубоко чужда проявившаяся у многих представителей Демократического общества (не говоря уже о консервативной эмиграции) тенденция отождествления царизма и России. Злобной националистической антирусской клевете польские революционные демократы противопоставляли светлый образ декабристов, олицетворявших революционную Россию. «Люд польский» решительно осуждал национализм и великодержавные планы Демократического общества, его политику отстранения от революционного движения в Западной Европе, отказа от сотрудничества с западноевропейскими революционными организациями. С большим сочувствием следили польские революционные демократы за развертывавшимся в эти годы в Англии пролетарским чартистским движением.

Идеологам «Люда польского» было свойственно в основном идеалистическое мировоззрение. После же 1840 г., когда обозначился спад в деятельности Общества, в идеологии его усилились уже явно мистические настроения. Следует отметить, что вообще социалистические идеалы его членов имели окраску «христианского социализма». Но при этом «Люд

польский» всегда был решительно враждебен католической церкви. Он с отвращением и возмущением говорил о папском Риме и вреде, нанесенном им польскому народу, заклеил римского папу именем «волк в овечьей шкуре».

Критика польскими революционными демократами 30-х годов Манифеста Демократического общества не прошла бесследно для его членов. Ее воздействие на отдельных членов Демократического общества и даже на целые секции его отмечала комиссия общины «Грудзендз». Однако в конечном счете влияние Централизации Демократического общества было гораздо более значительным и ей удалось одержать победу над социалистами-утопистами в Демократическом обществе. А в 1846 г. Демократическое общество поглотило все польские демократические организации в эмиграции, в том числе и «Люд польский».

Общество «Люд польский» оказало значительное влияние на формирование идеологии передовых революционных деятелей в самой Польше — Петра Сцегенного и Эдварда Дембовского. Оно послужило дальнейшему формированию польской революционной демократии, поднявшей в 1846 г. революционную борьбу за освобождение Польши и преобразование ее общественного строя на новую, высшую ступень.

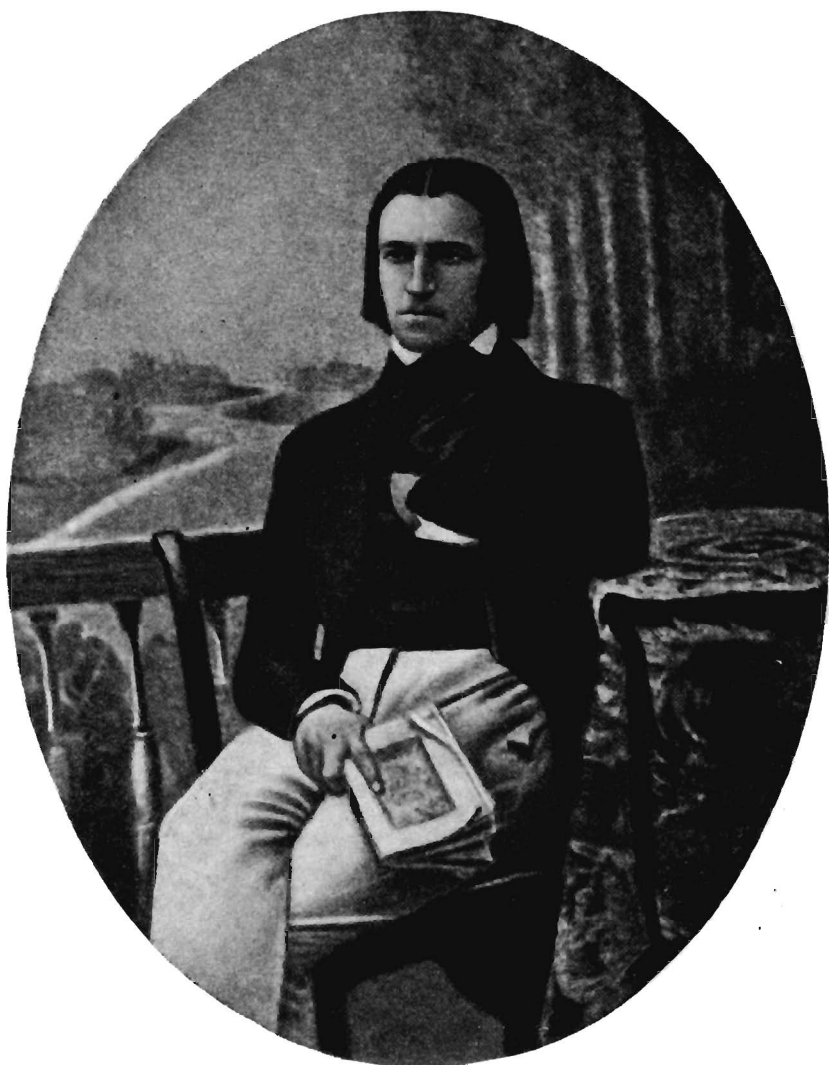
6

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ. ДЕМБОВСКИЙ И СЦЕГЕННЫЙ

Если в первые годы после восстания 1830—1831 гг. эмиграция представляла собой передовое поле идейно-политической борьбы в польском обществе, то к концу 30-х годов положение изменилось. Польские эмигранты значительно свободнее, чем в самой порабощенной Польше, могли обсуждать все вопросы, волновавшие польский народ. Но эмиграция, которую часто называли зеркалом польского народа, была все же кривым зеркалом. Даже лучшие представители польской эмиграции, будучи на долгие годы оторваны от своего народа, переживали периоды тяжелого кризиса.

Многие эмигранты, не исключая и демократически настроенных людей, поддавались мистическим настроениям. Среди различных форм мистицизма (от крайнего католического обскурантизма до «христианского социализма» разных толков) особенно широкое распространение получил мессианиззм — представление об особой роли Польши как нации-мученицы, которая своими страданиями искупает грехи всех народов и которой предназначено открыть человечеству путь к счастливому будущему. Дань этому мистическому поветрию отдали даже такие выдающиеся представители польской эмиграции, как великие поэты-демократы Мицкевич и Словацкий, социалисты-утописты Ворцель и Кремповецкий. Мистицизм, если даже он и принимал «социалистическую» окраску, был чрезвычайно вреден и опасен.

Высоко оценивая заслуги польской эмиграции, указывая, что «польская эмиграция спокойно выдержала испытание, много претерпела и много поработала для восстановления Польши», основоположники научного социализма приходили при этом к выводу, что «неэмигрировавшие поляки гораздо больше восприняли, усвоили общее европейское просвещение, гораздо лучше познали потребности Польши, в которой продолжали жить,

Эдвард Дембовский
Дагерротип

чем почти вся польская эмиграция... Польша сама — наилучшая школа для изучения того, что нужно Польше»¹.

Это доказывает деятельность революционных демократов в самой Польше, к которым с конца 30-х годов перешли идейное первенство в развитии польской прогрессивной общественной мысли и ведущая роль в развертывании борьбы за национальное освобождение польского народа.

Разгром «Свентокшижцев» не ликвидировал тайных патриотических организаций в Польше. К 1839 г. относится возникновение «Союза польского народа», центр которого находился в Варшаве. «Союз» имел свои кружки на Люблинщине. Его основателем и энергичным агитатором был люблинский адвокат Александр Карпиньский. Вполне возможно, что организация эта, сведения о которой исходят из следственных документов царских властей, была ответвлением «Содружества польского народа», а различие названий объясняется вариантами перевода на русский язык слова «Stowarzyszenie» (содружество, союз). «Союз польского народа» по программе и составу не отличался от других шляхетско-демократических организаций. Характерной для него была лишь одна черта, не исчезнувшая и впоследствии в национально-освободительном движении в королевстве, а именно — некоторая оппозиция строго централистическому, доктринерскому руководству со стороны эмигрантского Демократического общества. Организация в самой стране справедливо считала себя более ориентированной в местных условиях, лучше знающей потребности движения и отказывалась беспрекословно следовать предписаниям эмигрантских эмиссаров. Это, разумеется, еще не значит, что деятельность местной организации была свободна от общих недостатков, присущих шляхетской демократии и ее эмигрантскому центру. «Союз» стремился, однако, сообразоваться прежде всего именно со своими силами и настроениями народа, а не с «высшими», абстрагируемыми от конкретного положения вещей соображениями Централизации. На подобной позиции стоял в это же время и познанский «Союз плембеев». В 1843 г. «Союз польского народа» был раскрыт полицией, и несколько человек, в том числе Карпиньский, были арестованы и осуждены. В «Союзе польского народа» некоторое время вплоть до его частичного разгрома состоял Эдвард Дембовский.

Э. Дембовский (1822—1846) происходил из богатой аристократической семьи. Его отец, Леон Дембовский, сенатор-каштелян конституционного Королевства Польского и член «Национального правительства» во время восстания 1830—1831 гг., был человеком консервативных убеждений, близким другом семьи Чарторыхских. Отцу Эдвард был обязан лишь основательным образованием. Формирование взглядов молодого революционера проходило не под влиянием отца, а вопреки ему, несмотря на его прямое противодействие революционной деятельности сына. С ранних лет Э. Дембовский проявил самый горячий интерес к общественным и политическим вопросам. Примерно к 1840 г. относится его вступление в «Союз польского народа». Здесь раскрылись присущие Дембовскому революционная страстность, решительность и горячий животворный демократизм. Дембовский скоро стал одним из главных и наиболее активных деятелей «Союза». Материалы следственной комиссии говорят о связях Дембовского с революционным кружком ремесленников. Дембовский, несомненно, представлял в «Союзе» активное революционное направление. В то время как большинству арестованных по делу «Союза» были предъявлены обвинения в устройстве «вредных сборищ», в хранении и чтении запрещенной литературы,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 410.

в «возмутительных замыслах» и разговорах, Дембовского парские сатрапы квалифицировали — «решившийся уже на возмущение».

В 1841—1843 гг. в Варшаве, а затем в Познанском княжестве, куда Дембовский эмигрировал летом или осенью 1843 г., избежав ареста по делу «Союза польского народа», сформировалось его революционно-демократическое мировоззрение. Еще в 1842 г. в Варшаве Дембовский на свои средства начал издавать журнал «Научное обозрение» (*Przeгляд naukowy*), ставший органом передовых кругов польской интеллигенции. В «Обозрении» печатались статьи на общественно-политические и научные темы Генрика Каменьского и самого Дембовского — редактора журнала.

Лучший в Польше того времени знаток и популяризатор гегелевской философии, Дембовский не остался, однако, подобно ряду других своих современников, безоговорочным поклонником Гегеля. Будучи последователем гегелевской диалектики и основывая на ней свое понимание «философии истории», Дембовский вскоре на основе ее оригинальной, революционной интерпретации в своих выводах далеко ушел от консервативных политических концепций Гегеля и создал систему своей «философии творчества». Принцип «творчества» он непосредственно связывал с правом крестьян на революцию. Став решительным противником немецкой реакционной идеалистической философии, Дембовский приветствовал появление антишеллингианских статей Энгельса, популяризировал идеи молодого Энгельса в «Научном обозрении». Порвав с философией Гегеля, о которой он писал, что она «служит цели примирения с существующим злом», Дембовский пришел к выводу, что жизнь общества есть непрерывная борьба старого и нового, в которой новое должно победить. Одной из самых замечательных сторон диалектики Дембовского была ее направленность против попыток примирения, беспринципного сглаживания противоречий. Его философская статья «Несколько мыслей об эклектизме» (1843) специально направлена против таких попыток (названных им «эклектизмом»), показывая связь их с политической идеологией шляхетско-буржуазного либерализма. Выдающимся явлением для польской общественной мысли того времени, когда мистически-религиозное поветрие отразилось на развитии взглядов даже таких прогрессивных деятелей, как Ст. Ворцель и А. Мицкевич, была антикатолическая, мало того — атеистическая направленность мировоззрения Дембовского. Дембовский высоко ценил французских материалистов XVIII в. за их борьбу против церкви и религии.

Дембовский был убежден, что победа нового над старым, революционного народа над феодальным строем должна наступить в результате вооруженного восстания. Без колебаний он приветствовал назревание народной революции и посвятил ей все свои силы. Дембовский видел, что в этой борьбе интересы крестьянства неминуемо столкнутся с интересами шляхты. В отличие от деятелей эмигрантского Демократического общества, он не искал компромисса, а решительно стал на сторону крестьянства.

Революционное мировоззрение Дембовского сложилось в мрачных условиях национально-политического угнетения польского народа и социального порабощения подавляющей его части — крестьянства. Яркие контрасты окружающей жизни: тяжкие страдания бесправного, задавленного нуждой польского крестьянина и паразитическая жизнь жестокого эксплуататора-помещика, питали революционную мысль Дембовского. «Безотраднa жизнь польского крестьянина, — писал Дембовский. — ...В то время, когда меньшинство общества — паны на крови и жизни крестьян создают себе привольную, в достатке жизнь, самая многочислен-

ная и самая добродетельная часть народа стонет в бесконечной нужде». Так мысль о свободе и независимости польского народа Дембовский неразрывно связывал с мыслью об освобождении польского крестьянства, с борьбой против феодально-крепостнического строя. Дембовский был представителем революционной демократии, той партии, которая, говоря словами «Манифеста Коммунистической партии», «ставит аграрную революцию условием национального освобождения»¹.

Вступая в борьбу за новый, справедливый общественный строй, Дембовский понял, что таким строем не является буржуазный строй, основанный на эксплуатации трудящихся. Но Дембовский ошибался, считая, что социализм в Польше может быть достигнут в результате крестьянской революции. В действительности, в феодальной Польше 40-х годов XIX в. не было необходимых исторических условий для победы социализма. Социализм Дембовского был поэтому утопическим социализмом. Дембовский — убежденный противник частной собственности. Собственность — это главная основа строя, порабощающего широкие слои народа, подлинное освобождение народа немыслимо без уничтожения частной собственности. «Свобода может быть лишь там, где нет собственности (т. е. частной собственности. — *Ред.*)», — писал Дембовский. Рассматривая смену общественных форм (Дембовский разграничивал их по принципу различия форм правления), он считал, что после «народоправства», или республики (буржуазной) наступит строй социализма («*stan jedni społeczeńej*»), «теперь лишь предугадываемый теориями сен-симонистов и фурьеристов, но который станет действительностью». Эту идею он проводил в своих знаменитых статьях «Творчество в социальной жизни», «О прогрессе в философском понимании бытия» и других, написанных в 1843—1845 гг. в Познани.

Как и деятели «Людя польского», Дембовский был сторонником революционного сотрудничества народов, врагом шляхетско-буржуазного национализма. Страстно ненавидя паразитическую шляхту, Дембовский говорил, солидаризируясь с «Людом польским»: «Что шляхетское — то не польское».

Мировоззрение Дембовского развивалось в направлении диалектического материализма. Оно представляет собой вершину польской общественной мысли домарксова периода. Вместе с тем материализм, на позиции которого Дембовский перешел в 1845 г. и который получил отражение, например, в статье «Мысли о будущем философии» (1845), носил в его работах еще непоследовательный характер, в силу чего в диалектике он не смог окончательно освободиться от влияния Гегеля. Особенно отчетливо выступает неполнота материалистического мировоззрения Дембовского при знакомстве с его взглядами на вопросы развития общества, которые он трактовал идеалистически, хотя вопросы экономики, влияние материальных условий жизни общества на его развитие, на идеологию привлекали пристальное внимание Дембовского.

Дембовскому принадлежит выдающаяся роль и в развитии эстетики. Именно Дембовский и Мицкевич создали теоретическую основу польского революционного романтизма. Первые попытки в этом направлении были предприняты в 20-х годах Мохнацким. Учение Дембовского и Мицкевича о народности в искусстве указывало дорогу дальше — к созданию реалистической концепции в эстетике. Дембовским был написан «Очерк истории польской литературы» (1844), в котором впервые в польском

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1948, стр. 100.

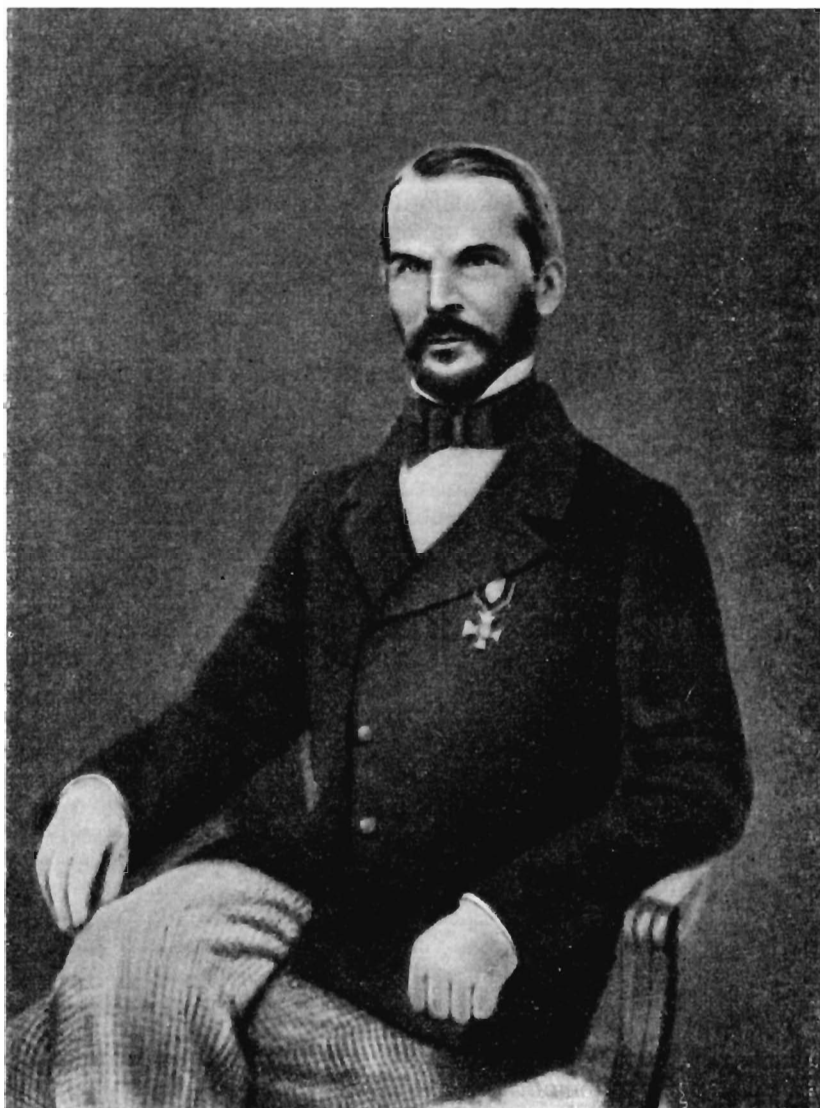
литературоведении автор поставил задачу «осветить идейное развитие литературы в сопоставлении и связи с политической историей народа, дать оценку писателям и их произведениям с точки зрения их политического значения и влияния на общественную жизнь и путем этого вскрыть подлинную сущность литературы». Эта же идея с большой силой и страстью проводилась им в статье «О драме в современной польской литературе» (1843).

Оценивая мировоззрение Дембовского, необходимо учитывать не только то, что развитие его было оборвано (Дембовский погиб в Краковском восстании 1846 г., на 24-м году жизни), но прежде всего конкретно-исторические условия окружавшей его феодальной действительности, незрелость общественных отношений в Польше.

Несомненное влияние Дембовского испытал Генрик Каменьский (1812—1865), его двоюродный брат. Первые публицистические выступления Каменьского в 1841—1843 гг. были далеки от революционного демократизма. В своих статьях, посвященных крестьянскому вопросу, Каменьский выдвигал программу очиншевания крестьян. В «Союзе польского народа» Каменьский примыкал к его умеренному крылу. Осенью 1843 г. он, подобно Дембовскому, эмигрировал в Познанское княжество. Здесь, в обстановке предреволюционного подъема, в постоянном непосредственном общении с Дембовским, Каменьский стал талантливым пропагандистом революционной программы действий Дембовского, хотя в полной мере он не воспринял ее даже в лучших своих произведениях.

В 1844 и 1845 гг. вышли в свет два известных сочинения Каменьского, изданные под псевдонимом Филарета Правдовского: «Жизненные истины польской нации» и «Демократический катехизис, или изложение народной идеи». Каменьский выступает в них сторонником народного восстания для завоевания независимости Польши, немедленного и всеобщего освобождения польского крестьянства от гнета шляхты и безусловного наделения крестьян землей. «Если класс привилегированных и паразитов будет ставить свои собственные интересы выше интересов освобождения отчизны — противиться преобразованию нашего общества и признанию за крестьянским людом земельной собственности, — писал Каменьский, — если народная революция не может произойти в единении всего народа, но будет отмечена внутренней борьбой и кровопролитием, пусть она наступит любой ценой...». В «Катехизисе», представляющем собой краткое переложение «Жизненных истин», эта мысль выражена еще резче: «Социальная революция, если она будет иметь ревностных сторонников в народе, должна в первую же минуту восстания дать народу землю... Тогда сельский люд поймет слова: свобода, равенство... Социальная революция может быть успешной вопреки и помимо шляхты. В этом случае, к сожалению, она вынуждена будет пролить шляхетскую кровь и по ней будет шагать простой народ на борьбу за независимость...»

В «Жизненных истинах» Каменьский развивал военную программу польского национально-освободительного движения — программу народной, партизанской войны. Эта демократическая программа гораздо более отвечала реальным условиям борьбы польского народа, чем доктринерское стремление к формированию регулярной армии, являвшееся основой военной программы официального стратега Демократического общества — Людовика Мерославского. Но расхождение этих программ не ограничивалось военно-стратегической стороной. Оно имело глубокие социальные корни. Если в программе Мерославского отражалось неверие в революционные силы народных масс, боязнь масс и желание опереться на

Генрик Каменьский

Фото

шляхетский офицерский корпус регулярной армии, что означало закрепление за шляхтой руководящих позиций в национально-освободительном восстании, то программа партизанской войны, развивавшаяся Каменьским, а также одним из деятелей «Молодой Польши» и «Зъєдночєня», Каролем Богумиром Штольцманом, была проникнута революционно-демократическим духом и руководящей ее идеей было всемерное развертывание народного, крестьянского массового движения. При этом Каменьский считал, что именно из недр массового партизанского движения должна родиться революционная власть, новый революционный государственный аппарат возрождающейся Польши.

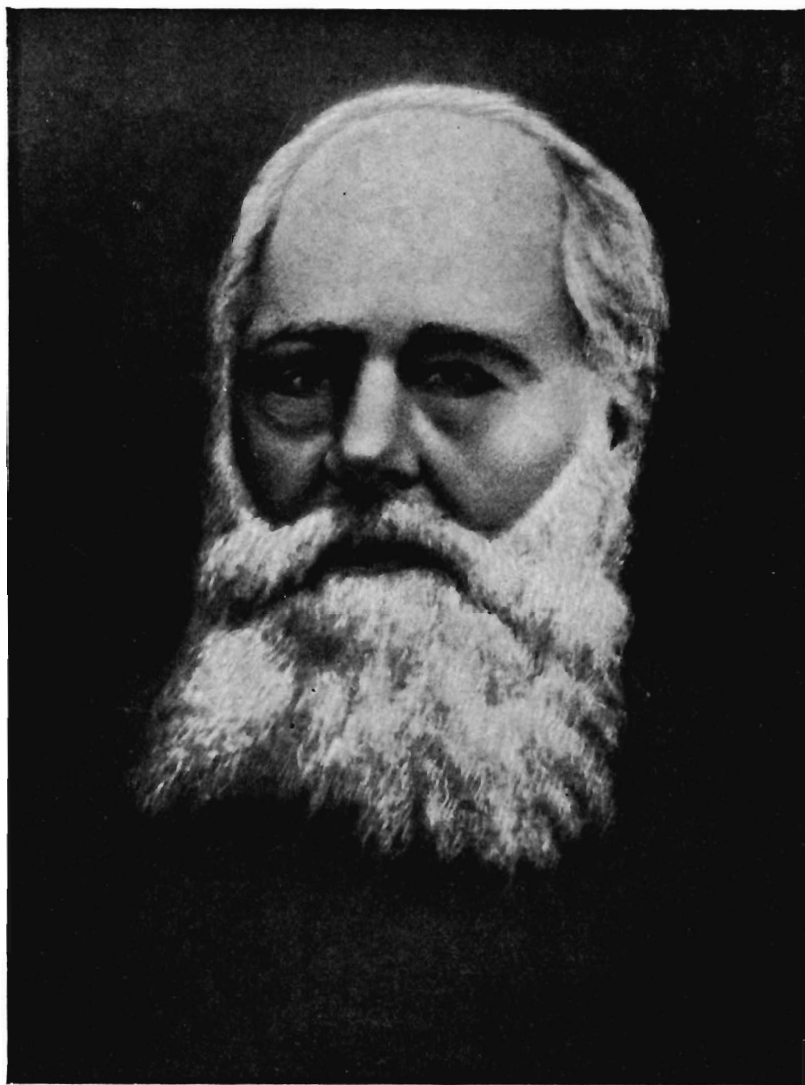
Каменьский с симпатией относился к народным движениям в России, направленным против самодержавно-помещичьего ига, и видел в великом русском народе брата польского народа.

Каменьский много времени уделял экономическим исследованиям. В 1843—1845 гг. он опубликовал двухтомную «Философию материальной экономики человеческого общества». Не выйдя в целом из рамок идеалистического понимания экономических явлений, Каменьский в своем труде высказал все же ряд догадок, приближавших его к пониманию антагонистического характера общественного производства в классовом обществе, и выступил против эксплуатации человека человеком.

Революционно-демократическая программа Дембовского и популяризовавшие ее сочинения Каменьского производили огромное впечатление на революционно настроенные круги польской интеллигенции, рабочих и ремесленников. Они становились известны и крестьянам. С этими настроениями вынуждено было считаться Демократическое общество, старавшееся своими изданиями, по словам Мерославского, «нейтрализовать принципы революционной анархии, которые пропагандировались в разных произведениях и в известной мере приобретали некоторую популярность». К этим произведениям Мерославский причислял «Жизненные истины» Каменьского. Это стремление нейтрализовать революционно-демократическую пропаганду объяснялось не только тем, что она настаивала на скорейшем восстании, не считаясь с планами Централизации, но главным образом именно тем, что она была революционно-демократической, что она предлагала действительно революционные средства и методы борьбы.

Независимо от «Союза польского народа» возникла и действовала революционная организация, возглавляемая Петром Сцегенным (1800—1890).

П. Сцегенный родился в крестьянской семье в дер. Бильча (близ Келец) и провел годы детства в условиях, типичных для быта бедного барщинного крестьянина. Закончив приходскую школу, Сцегенный через некоторое время добился принятия его в Келецкую воеводскую школу. Крестьянское происхождение и бедность навлекли на Сцегенного насмешки и пренебрежение со стороны его соучеников и администрации. Сцегенный успешно окончил школу, но доступ к высшему образованию преграждала ему бедность, а попытки Сцегенного поступить на службу наталкивались на отказ. Сцегенный должен был вернуться в родную деревню, где стал учителем в приходской школе. Способный юноша с неутолимой жаждой деятельности на пользу страдающему народу искал более широкого применения своих сил. В 1826 г. Сцегенный стал практикантом Келецкой воеводской комиссии. Но и на этот раз шляхетская кастовая среда его коллег заставила Сцегенного отступить. В 1827 г. он оставил навсегда чиновничье поприще и принял духовный сан. В 1833 г. Сцегенный стал викарием (младшим священником) в дер. Вильколас (Люблинское воеводство), а летом 1843 г. был переведен пробощем (приходским священником) в дер. Ходель.

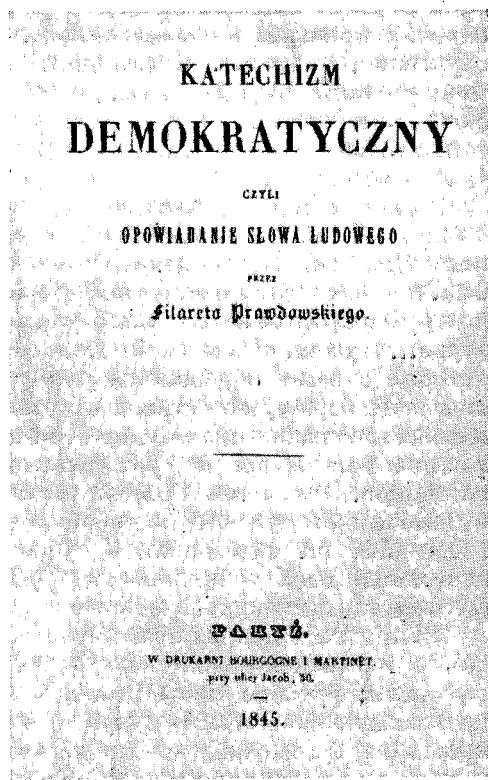
Петр Сцегенный
Фото

Сложившиеся у Сцегенного революционные и демократические убеждения были облечены в своеобразную религиозно-этическую форму. Сцегенный был человеком верующим. Но он был, безусловно, чужд всякого фанатизма и нетерпимости, ригоризма и догматизма, столь свойственных церковно-католической иерархии. Само принятие им духовного сана диктовалось стремлением, ничего общего не имевшим с духом католической церкви. Сан священника и религиозная оболочка его революционно-демократической агитации облегчали Сцегенному сближение с крестьянами и восприятие ими его взглядов и намерений. Тем главным источником, под влиянием которого формировались взгляды Сцегенного, была, как и для Дембовского, безотрадная действительность. Ежедневно, ежечасно наблюдая возмутительные картины шляхетского произвола и тяжкого страдания закабаленного простого люда, Сцегенный, горячий патриот, мечтавший о национальном освобождении польского народа, слил воедино понятия независимой Польши и свободного крестьянства. Для Сцегенного это стало одной идеей — идеей свободной народной Польши.

Сцегенный был знаком с некоторыми изданиями демократического лагеря польской эмиграции. Несомненно, он знал и читал также сочинения французского «религиозного социалиста» Ламеннэ. Но остается бесспорным, что Сцегенный шел самостоятельным путем в создании своей революционно-демократической программы, как это видно из его «Афоризмов о причинах несчастий, терзающих человечество». Демократическое общество не имело связи со Сцегенным и; конечно, не могло внушить ему концепцию, которую шляхетские демократы осуждали как «революционную анархию». Ближе всего к взглядам Сцегенного была программа «Люда польского», с которой он, вероятно, был знаком.

Начало тайной революционной деятельности Сцегенного относится самое позднее к 1840 г. Уже в следующем году Сцегенный совещался с братьями Дорангами о расширении агитационной и организационной работы. В 1842 г. Сцегенный сформулировал свою программу, изложенную в своеобразной форме якобы папской буллы к польскому крестьянству.

Документ этот — «Золотая книжечка», как он стал называться в обиходе, — имеет выдающееся значение. В нем в яркой и популярной форме представлены революционно-демократическая идеология Сцегенного и намеченный им план действий.

Титульный лист «Демократического катехизиса» Г. Каменьского

Основной, движущей силой борьбы за освобождение является простой народ, угнетенные и обездоленные, «крестьяне, ремесленники, бедные служащие, солдаты». Крестьянство порабощено, лишено земли, отягощено разными повинностями, погрязло в нищете и темноте по воле панов. Крестьяне должны помогать друг другу и сообща защищаться от угнетателей. Землю нужно отобрать у панов, все повинности должны быть упразднены.

Развивая мысль, впервые высказанную в истории социологических учений в Польше Фрычем Моджевским, Сдегенный делит войны на несправедливые и справедливые. «Война есть наихудшее зло», — говорит Сдегенный, но «еще одну войну вы должны провести — войну справедливую, которую вы будете вести в защиту жизни и свободы, в защиту прав и вашего труда... Нужно, чтобы вы все вместе объединились и разом ударили на тех, которые с вами обращаются как со скотом». Сдегенный призывал к классовой борьбе, к восстанию крестьян и ремесленников против помещиков и существовавших правительств, которые вкупе с духовенством, опираясь на полицию и войско, развращали и душили народ в интересах крепостников. Полностью стоя на позиции классовой борьбы, Сдегенный, как и Дембовский, который в своей революционной агитации в Галиции в 1845—1846 гг. напоминал о традициях декабристов, возвышается до понимания идей солидарности трудящихся разных народов, и прежде всего русских, украинцев и поляков.

«В прошлых войнах польские паны приказывали солдатам — крестьянам и горожанам сражаться с русскими солдатами — крестьянами и горожанами; русские паны приказывали также своему войску сражаться с польскими войсками... В будущей же войне станут польские и русские крестьяне и горожане на одной стороне, а польские и русские паны и короли — на другой стороне. Крестьяне будут стрелять не в крестьян, а в панов».

Эта программа антифеодальной борьбы производила огромное впечатление на крестьян. Идеи ее широко распространялись в народе.

Очень скудны сведения о том, каким представлял себе Сдегенный будущий строй, который должен быть создан победоносной народной революцией. Будущий строй, утверждал Сдегенный, будет основан на принципах всеобщего равенства и братства. Помещичье землевладение будет ликвидировано. Каждый крестьянин получит 30-морговой участок. Государственный аппарат будет сведен к минимуму. Зарботки чиновников не должны превышать цифры среднего дохода крестьянской семьи. Можно полагать, что Сдегенный имел в виду введение выборности властей.

Условия феодально-крепостнической Польши исключали возможность появления ясного научного представления о будущем справедливом социальном строе. Но в идеологии Сдегенного важным является то, что, в отличие от «классических» социалистов-утопистов Запада, он выдвигал революционный путь как единственное средство достижения справедливого социального строя.

Деятельность Сдегенного расширялась, он имел уже сторонников в родной деревне — Бильче, в Вильколазе, в Радлине и во многих других деревнях. В 1842—1843 гг. установилась связь между Сдегенным и «Союзом польского народа». Большинство деятелей «Союза» не могло разделять целиком взглядов Сдегенного. Но популярность последнего, рост числа его сторонников, одним словом, реальный характер начинаний ксендза из Вильколаза побуждал шляхетских демократов-интеллигентов искать у него поддержки их повстанческих планов. В Варшаве, Радоме и Люблине Сдегенный встречался с членами «Союза польского народа». Они

посещали его в Вильколазе и Ходле. В круг деятельности крестьянской организации Сцегенного вошли руководители «Союза» Дзвонковский и Венгерский, братья Левицкие — в Люблине, адвокат Леон Мазуркевич — в Радоме и еще несколько интеллигентов. Одновременно возникли тайные группы среди учащейся молодежи и городской интеллигенции. Шляхетские демократы, которые по своим взглядам были далеки от народа и не в состоянии были по-настоящему работать с ним, спешили, однако, включиться в существующую уже, не ими созданную крестьянскую организацию. Но в «Союзе польского народа» Сцегенный находил не только попутчиков, но и соратников. Таким был Дембовский. Есть основания предполагать, что в 1843 г., незадолго до того, как Дембовский покинул Королевство Польское, состоялась личная встреча этих выдающихся революционных демократов.

По соглашению «Союза» со Сцегенным весной 1844 г. на территории Радомской губернии должно было начаться восстание. Восставшие должны были ударить прежде всего на Кельце, а затем двинуться на Варшаву. В дальнейшем дата восстания была передвинута на осень. Лето и осень 1844 г. Сцегенный, переведенный уже к тому времени по собственной просьбе (в целях расширения круга агитации) в Ходель, работал с наивысшей активностью. Через своих посланцев-агитаторов Сцегенный распространял «Золотую книжечку» и призывы к восстанию по деревням Радомской и Люблинской губерний. Вместе с тем в конспирацию посвящалось все больше шляхетских интеллигентов, чиновников и землевладельцев, что сыграло пагубную роль в истории движения. В средних числах октября 1844 г. состоялось совещание Сцегенного с руководителями «Союза» в Радоме. На совещании намечены были план действий и будущая программа повстанцев. На характере этой программы сказались результаты влияния шляхетско-интеллигентской прослойки: условлено было провозгласить отмену всех повинностей в пользу помещиков и государственных податей, а также... замену барщины чиншом. Этот последний пункт был, несомненно, следствием давления шляхетских представителей и уступкой со стороны Сцегенного.

Наступили решающие дни. 24 октября в дер. Крайно назначен был сбор всех крестьян, посвященных в планы Сцегенного. Собралось множество людей, перед которыми Сцегенный выступил с обращением-проповедью о начале восстания.

Между тем власти уже были оповещены о подготовлявшемся восстании двумя шляхтичами-предателями. 25 октября Сцегенный был арестован в Кельцах. Одновременно начались аресты в Люблине, Варшаве и массовые аресты крестьян. Восстание было сорвано.

Следствие и суд по делу Сцегенного продолжались свыше года; приговор был вынесен в феврале 1846 г. 7 мая 1846 г. в Кельцах состоялась церемония оглашения приговора. Сцегенный был подведен к виселице. Здесь, на эшафоте, после того как палач уже надел петлю на шею Сцегенному, было объявлено о «помилвании» — замене казни бессрочной каторгой. Остальные обвиняемые были осуждены на разные сроки каторжных работ или отданы в солдаты. Многие перед ссылкой были прогнаны сквозь строй, получив до тысячи шпидрутенгов. Сцегенный пробыл 15 лет в нерчинских рудниках, а затем 10 лет в ссылке. Четверть века каторги не сломали дух народного трибуна. Он остался верен своим убеждениям, и когда его около 1880 г. навестили первые польские пролетарские социалисты, старый крестьянский революционер в горячих словах послал свое приветствие нарождавшемуся в Польше пролетарскому революционному движению.

Революционная организация Сцегенного была одним из замечательных явлений в истории польского освободительного движения первой половины XIX в. Она предприняла первую попытку революционно-демократического разрешения социального и национального вопросов, попытку воплощения в жизнь идей польских социалистов-утопистов.

«Заговор Сцегенного», как именовали царские власти революционную крестьянскую организацию, произвел на них, как и на шляхту, огромное впечатление. Политическая инертность крестьянства оказалась мифом. Николай I в своих пометках на полях донесений чиновников о ходе следствия по делу Сцегенного требовал мер, которые устроили бы крестьян. Шляхта и власти убедились в том, как много классовой ненависти и потенциальных революционных сил скрывается за равнодушием крестьянства к шляхетско-патриотической агитации. Открывшаяся во весь рост в результате событий 1844 г. перспектива крестьянского восстания против шляхты и царизма стала главной причиной, а галицийское крестьянское восстание 1846 г. — непосредственным поводом, побудившим царские власти к изданию указа 1846 г., который несколько ограничивал феодальные повинности и произвол помещиков.

7

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1846 г.

В начале 40-х годов серьезное значение приобрело национальное движение в западных польских землях, в первую очередь в Великой Польше.

Оживление общественной и политической жизни в Пруссии в 40-х годах, вынудившее правительство пойти на некоторые уступки, сказалось на положении и польских областей, в частности Великой Польши. Была несколько смягчена цензура. В суде восстанавливалось употребление (но не официальное равноправие) польского языка. В скромных размерах это распространялось и на школу. Но реальное значение этих «достижений» было ничтожно. «Объявляют, кричат всюду о каких-то прусских уступках в отношении польского языка, а кончилось это тем, что в двух гимназиях в первых четырех классах ввели преподавание на польском языке», — писал видный общественный деятель Познанского княжества Кароль Либельт. Но и эти ничтожные «уступки» вызвали восторг познанского шляхетского сейма, обратившегося к королю с благодарностью. После подавления восстания 1830—1831 гг. изменился удельный вес в польском национально-освободительном движении областей, находившихся под властью Пруссии. На них, и прежде всего на Великую Польшу, обратили внимание и усилия оба лагеря польской эмиграции. В Познанском княжестве, особенно после отмены русско-прусского договора о взаимной выдаче политических эмигрантов (с 1841 г.), скрывались от преследования Паскевича участники национально-освободительного движения в Королевстве Польском. Сюда прибывали и эмигранты из Франции.

На этом фоне разворачивалось национальное движение в Познанском княжестве. А. Чарторьский установил отношения с консервативной и умеренно-либеральной верхушкой Познани. Консервативный лагерь в Познани представляли крупные землевладельцы Мацей Мельжиньский, Густав Потворовский, журналист Ян Козьмян. Консервативная эмиграция ставила перед своими сторонниками в Польше весьма скромные задачи — собирание средств для эмиграции, передачу информации и «организован-

ность». Последняя понималась как пассивное ожидание возможных в будущем перемен, без каких бы то ни было «конспираций» и повстанческой агитации. Такого рода советы охотно принимались консервативными кругами шляхты. С прибытием в 1835 г. в Познань из Парижа Кароля Марцинковского консервативный лагерь приобрел идейного руководителя.

Марцинковский, врач по профессии, мещанского происхождения (он был сыном состоятельного познанского корчмара), человек консервативного и клерикального образа мыслей, стал вскоре одним из наиболее деятельных и влиятельных лиц этого лагеря. Марцинковский пытался перебросить мостик от консервативного шляхетского лагеря к польской буржуазии и мещанству или, другими словами, подчинить эти последние шляхте в идеологическом и политическом отношении. По его инициативе консервативный лагерь начал поддерживать национально-просветительную деятельность (польский театр, библиотеки-читальни и т. п.), поощрять польскую промышленность и торговлю (открытие «Базара» и мещанских клубов, субсидирование польских предприятий и ремесленных обществ и т. д.).

Одновременно с этим консерваторы развернули борьбу с радикально-демократическими идеями. Основой всей их деятельности в экономической, социальной и идеологической областях были политический консерватизм и католицизм. Консервативно-шляхетский лагерь стал очагом церковно-католических и антидемократических взглядов, противником социальных реформ и национально-освободительной борьбы.

Рост национально-освободительных повстанческих настроений, с одной стороны, и обострение классовых противоречий — с другой, способствовали оформлению на рубеже 30-х и 40-х годов шляхетско-демократического лагеря, руководящую роль в котором играл Кароль Либельт.

Либельт, сын познанского сапожника, участник восстания 1830—1831 гг., человек с широким образованием и талантом, испытал типичную в прусских условиях судьбу бедного интеллигента-поляка. Несколько лет он перебивался в ожидании скромного учительского места. Либельт был противником классовой борьбы и революционных средств в политическом движении. Социально-политические преобразования он мыслил только как реформы. Став по существу во главе польского национально-освободительного движения в Познани, Либельт занял в нем оппортунистическую позицию, высказываясь против курса на восстание, за ведение национально-просветительной пропаганды. Философские работы Либельта пропагандировали католицизм, соединенный с гегельянским обоснованием религии и некоторыми мессианистскими идеями. Подобный характер был свойствен и работам Либельта по эстетике.

В конце 30-х годов активную деятельность в польских областях развернула Централизация Демократического общества, избрав Познань центром своей работы в Польше. В 1839 г. эмиссар Централизации Валерьян Бреаньский сформировал первый познанский Национальный комитет, в который вошли Либельт, сам Бреаньский как председатель Централизации и др. С образованием комитета шляхетские демократы в Великой Польше получили организационное руководство и программу действий, суть которой состояла в пропаганде идей Демократического общества и подготовке умов к возможному в будущем восстанию. Познанские шляхетские демократы охотнее всего восприняли из идеологии Демократического общества его антисоциализм, осуждение классовой борьбы и призыв к «слиянию» шляхты с народом.

В практическом отношении программа действий шляхетских демократов не очень далеко ушла от программы действий консервативного лагеря,

чего не оспаривали сами представители обоих лагерей, взаимно восхвалявшие свои заслуги. В таком спокойном равновесии существовали бок о бок эти лагеря в течение двух-трех лет. Познанский комитет посылал своих эмиссаров в Королевство Польское, в Галицию, содействуя усилиям Централизации создать там тайные комитеты, подчиненные Централизации. Мало-помалу Познанский комитет получил значение как бы филиала Централизации, целиком разделяя ее военно-политическую доктрину.

Суть последней сводилась к тому, что национальное общепольское восстание должно развернуться преимущественно на территории Королевства Польского и принадлежавших некогда Речи Посполитой украинских, белорусских и литовских земель. В соответствии с этим планом, польским областям Пруссии, а также Галиции отводилась вспомогательная роль тылового плацдарма для формирования и переброски в центр восстания вооруженных отрядов, сбора средств, оружия и т. п. Начало восстания отодвигалось на неопределенное время и ставилось в зависимость от подготовки планов восстания эмиграцией. Самое восстание должно было протекать только под руководством последней. С такими установками познанская шляхта, поскольку дело ограничивалось организацией тайных обществ и пропагандой, согласиться могла, тем более что непосредственный район восстания, а значит и возможный очаг социальных столкновений, переносился на восток.

Вскоре, однако, оппортунизм Познанского комитета и диктаторские поползновения Централизации натолкнулись на упорную и серьезную оппозицию революционных кругов, с одной стороны, и фронду некоторой части шляхетских демократов — с другой. Что касается последних, то их позиция объяснялась тревогой перед все нараставшей классовой ненавистью крестьян к помещикам и желанием растворить или, лучше сказать, утопить ее в национальном восстании. Гораздо более серьезным и принципиально важным фактором были действия революционных элементов в Познани, организовавших помимо комитета.

Познанский комитет был весьма слабо связан с городской мелкой буржуазией и крестьянством. Комитет не придавал значения настроениям в самой Великой Польше и, в частности, игнорировал безусловный факт подъема национально-освободительного движения, направленного против прусского гнета. Рост этих настроений, искавших выхода не в туманных и путаных планах эмиграции, а в непосредственной подготовке антипрусского освободительного восстания, обусловил возникновение в 1842 г. в Познани революционной организации, не зависимой от комитета и известной под названием «Союз плебеев».

«Союз плебеев» состоял из ремесленников, мелких торговцев, унтер-офицеров и солдат познанского гарнизона. Кругом установил связи с крестьянами из окрестных деревень и распространил свою деятельность на Поморье и Силезию. Во главе «Союза» стояли Валентин Стефаньский — владелец типографии и книжного магазина, мельник Эссман, слесарь Липиньский. Социально-политические воззрения членов организации сложились под влиянием утопического социализма. Программа «Союза плебеев» предусматривала борьбу за независимость Польши и социальные и политические преобразования в демократическом духе. Средством достижения этих целей должно было быть скорейшее восстание, но продуманного плана у «Союза» не было. Стефаньский носился с нереальным проектом захвата Познанской крепости. Последующий ход событий представлялся на волю случая. При всем том самый факт образования «Союза плебеев» имел большое значение как свидетельство стихийного революционирования низов польского населения прусских обла-

стей, в частности, Познани. Он ориентировался не на эмиграцию, а на внутренние польские силы, и в этом состоял залог его жизнеспособности. «Союз плебеев» возбуждал у Познанского комитета чувство беспокойства не только потому, что самостоятельные повстанческие начинания «плебеев» нарушили бы планы Централизации, но и потому еще, что такое восстание могло принять явно социальный характер.

В конце 1843 г. в Великую Польшу прибыл, спасаясь от преследований царской полиции в связи с частичным провалом «Союза польского народа» в Королевстве Польском, Э. Дембовский. Близко стоя к Познанскому комитету, Дембовский не мог мириться с его политикой. Вместе с прибывшим вслед за ним и разделявшим его взгляды Г. Каменьским, Дембовский резко критиковал Познанский комитет и Централизацию и явно сочувствовал «Союзу плебеев», с которым вошел в контакт. Дембовский убеждал ускорить повстанческие приготовления и не признавал за Централизацией права на монопольное руководство. На страницах познанских демократических журналов «Год» («Rok») и «Литературный еженедельник» («Tygodnik literacki») в завуалированной форме он провозглашал идеи бескомпромиссной народной революции и утопического социализма. Каменьский в «Жизненных истинах» на вопрос: «Не должна ли эмиграция участвовать в руководстве будущим восстанием?», отвечал категорически: «Нет, тысячу раз нет».

Взгляды революционеров-демократов отражало написанное Ришардом Бервиньским стихотворение «Марш в будущее» — один из лучших образцов революционно-демократической польской поэзии XIX в. Поэт рисует в нем счастливое царство будущего, царство свободы и изобилия, «землю обетованную». Но достичь этой земли можно не терпением и молитвами, а революционной борьбой, нужно точить ножи и готовиться к переходу через море крови. К топору, к вооруженному восстанию звали крестьянскую Польшу революционные демократы.

Революционные демократы в Польше 40-х годов были сравнительно немногочисленной группой, но их влияние было очень велико. Они ближе всего стояли к народу, и в этом была их сила.

Познанский комитет стремился избавиться от Дембовского и, используя то, что прусское правительство, предъявив Дембовскому обвинение в пропаганде коммунизма, запретило ему проживать в Познани, направил его в качестве своего представителя в Галицию. Покинув Познань, Дембовский прерывает свою кипучую публицистически-философскую деятельность и целиком отдается практической борьбе за освобождение народа.

Самостоятельная деятельность «Союза плебеев», рост повстанческих настроений под действием агитации Дембовского, известия из Королевства Польского об организации под руководством П. Слегенного, страх перед стихийным взрывом заставили комитет искать сотрудничества с «Союзом плебеев» и добиваться его подчинения комитету, соглашаться на назначение срока восстания. В 1845 г. «Союз плебеев» слился с организацией, руководимой Познанским комитетом. Был избран новый состав комитета, в который вошли землевладелец А. Гуттри, представитель шляхетской «фронды» В. Косиньский и представитель «Союза плебеев» Эссман. В то же время комитет настаивал перед Централизацией на том, чтобы вплотную приступить к подготовке восстания.

Познанский комитет не сразу и не легко уступил натиску революционных элементов. Комитету, равно как и Централизации, было ясно, что от них зависит не решение вопроса — быть или не быть восстанию (в неизбежности которого они не могли уже сомневаться), а их собственная политическая

судьба. Вопрос состоял в том, встанут ли они во главе восстания или будут сметены крестьянской революцией. Чтобы предотвратить последний исход, шляхетские демократы взяли курс на восстание.

Деятельность познанских шляхетских демократов, во многом напоминающая деятельность Смольки и лидеров «Молодой Сарматии» в Галиции, была, конечно, лишь пародией на демократическое движение. Это была по существу типично либеральная, нереволуционнная политика. Но эти либералы были главными представителями и опорой Демократического общества в Польше, и этот факт был знаменательным свидетельством сползания самого Демократического общества, по крайней мере значительной части его лидеров, на позиции либерализма. Напуганные подъемом антифеодального крестьянского движения, ростом революционно-демократического течения, лидеры Демократического общества делали все, чтобы удержаться во главе национально-освободительного движения, а тем самым и сохранить руководство им в руках шляхты. Этим определялась их тактика, их отношение к перспективе национально-освободительного восстания.

Наряду с Великой Польшей пристальное внимание Централизации в этот период привлекала Галиция, где острота классового антагонизма между крестьянами и помещиками предвещала неминуемый и близкий революционный взрыв. В 1845 г. Галицию посетил виднейший деятель Централизации Виктор Хельтман.

Деятельность тайных организаций в Галиции в 1843—1845 гг. не достигла того размаха, какой приняло движение в 30-х годах, но она была более целеустремленной и решительной. Э. Дембовский, руководивший деятельностью других агитаторов, много сделал для распространения революционно-демократических идей. Дух агитации, которую вел ученик Дембовского Юльян Госляр, передает воззвание, написанное им для распространения среди крестьян Жешовского округа: «Паны никогда не отменят барщины, не отменит ее и император. Разве может немца, сидящего в Вене, занимать судьба польского крестьянина? Помощь может прийти только от бога. Но бог — не рыцарь, который бы сражался с вашими врагами, не адвокат, который бы защищал ваше дело перед судом... Бог дал вам руки и сталь, чтобы вы сами были своими рыцарями, дал разум, чтобы вы сами защищали свое дело... Да, дорогие братья, только вы сами можете освободить себя от зависимости... Вас так много, что если бы каждый бросил камень в тех, кто вас угнетает, на горах ваших врагов выросли бы горы».

Агитация приобретала все более решительный характер прежде всего потому, что отчетливо вырисовывалось назревание крестьянского восстания. Уже с весны 1845 г. ходили слухи о готовящемся крестьянском восстании в Западной Галиции, о нападениях крестьян на помещиков.

В то же время расширялось демократическое движение среди краковских ремесленников и рабочих. Оно не было пресечено арестами 1837—1838 гг. и принимало все более широкий характер. В кружках ремесленников и рабочих обсуждались произведения социалистов-утопистов. Краковские портные в 1840 г. собирали средства в помощь бастовавшим портным Парижа. Демократические организации рассчитывали на краковские городские низы как на активных участников будущего восстания. В 1845 г. полиция удалось напасть на след «коммунистического заговора» среди ремесленников. Планы этой организации в определенной мере предвосхищали действительные события февраля 1846 г. (захват кассы соляных копеек в Величке и т. д.). Это дает основание предполагать, что открытая полицией ячейка была одной из групп, непосредственно участвовавших в подготовке восстания.

8

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА 30—40-х ГОДОВ XIX в.

В 30—40-х годах XIX в. польская культура переживала полосу нового подъема. Складывание революционной ситуации и формирование революционно-демократического течения в общественной жизни страны сыграли в этом процессе большую, благотворную роль.

В развитии общественного движения в Польше очень велико было значение, которое имела в эти годы прогрессивная патриотическая литература, представленная прежде всего великими польскими поэтами Адамом Мицкевичем и Юльишем Словацким.

Мицкевич очень глубоко переживал поражение восстания 1830—1831 гг. Идея борьбы за родину, за освобождение угнетенных масс от насилия и деспотизма, за солидарность русского и польского народов была воплощена им в художественные образы в написанной в 1832 г. третьей части «Дзядов», которую сам Мицкевич считал своим лучшим произведением. Реальным историческим фоном его является филломатское движение, участником и организатором которого был поэт. В этой поэме Мицкевич создал могучий прометеевский образ борца за миллионы, за народ, за его независимость, права и свободу. Выступая против суровых и печальных сторон русской феодальной действительности, Мицкевич оставался другом русского народа и лучших его представителей в лице декабристов. Не случайно в сцене бала развернут диалог между польским повстанцем Юстином Полем и русским декабристом Бестужевым. В этом разговоре выражена общность борьбы польских и русских революционеров.

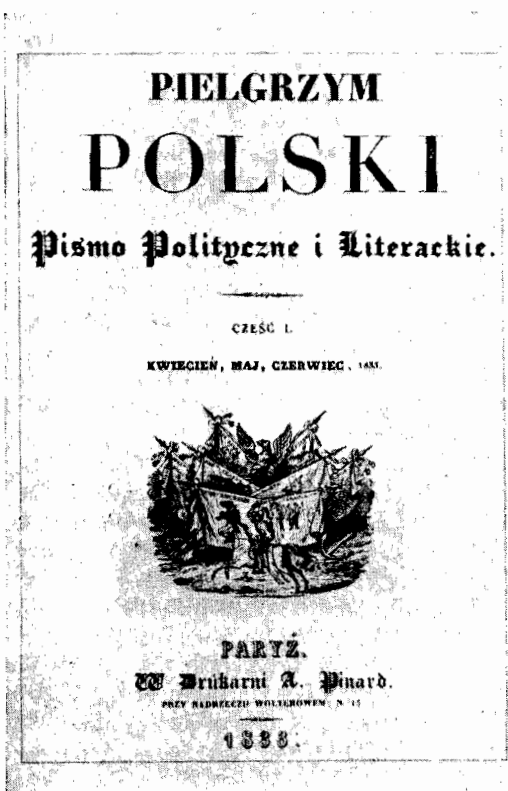
Представители русской революционно-демократической мысли ценили сильные, прогрессивные политические ноты в этом произведении польского поэта, направленном против деспотизма русского самодержавия. В статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) В. Г. Белинский дал высокую оценку «Дзядам». В письме к Боткину Белинский называл Мицкевича «благородным и великим поэтом», который имеет «священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности — его родины, его отечества». А. И. Герцен в своем «Дневнике» в 1843 г. писал о «Дзядях»: «Много прекрасного, высокохудожественного в этом плаче поэта».

Мицкевич, продолжая работать и думать над «Дзядями» и в дальнейшем, говорил о своих творческих замыслах: «В одной из последующих частей я ввожу одного пленника — конфедерата, который, просидевши в петербургской крепости всю жизнь, дождался 1825 г. и рассказал новым товарищам (декабристам. — *Ред.*) о тюремном заключении Костюшки и Немцевича».

В 1832—1834 гг. Мицкевичем была создана поэма в 10 тыс. стихов, самое крупное его произведение — национальная эпопея «Пан Тадеуш».

«Пан Тадеуш» явился, по выражению Ворцеля, надгробным камнем на могиле старой Польши. Он посвящен, однако, не только умирающей шляхетской Польше, но и новому, живым силам Польши, польскому народу. К нему обращался великий поэт, восклицая:

Дожить бы мне до радостного мига,
Когда пойдет по селам эта книга...
Чтоб взяла девушка ту книгу в руки,
Простую, как народных песен звуки.

Титульный лист «Польского пилигрима»

Мечта Мицкевича осуществилась в наши дни, в народно-демократическом Польском государстве. Грандиозная поэма Мицкевича составляет гордость польского народа.

Поэма Мицкевича была высоко оценена прогрессивной русской общественностью. «Удивительнейшей вещью» назвал ее Н. В. Гоголь.

В эмиграции Мицкевич развернул широкую публицистическую деятельность. Изданные им в 1832 г. «Книги польского народа и польского пилигримства» под религиозно-мистической оболочкой содержали резкий протест против существующего порядка вещей в Европе, против продажных и деспотических правительств Франции и Англии, призывали к всеобщей революции угнетаемых народов, к боевому союзу этих народов: «Не складывайте оружия, пока деспотизм удерживает хоть одну пядь свободной земли». Папа Григорий XVI занес это произведение Мицкевича в список книг, запрещенных для чтения благочестивых католиков как

«полное злобы и легкомыслия». В 1833 г. Мицкевич редактировал газету «Польский пилигрим» и опубликовал в ней ряд статей, характеризующих его как передового мыслителя и общественного деятеля.

Мицкевич и в художественном творчестве и в публицистической деятельности был выразителем прогрессивных, демократических чаяний своего народа, полным веры в лучшее будущее угнетенных народов. Мицкевич был глашатаем идеи независимости и национального освобождения славянских и неславянских народов, идеи солидарности и братства народов. А. С. Пушкин, близко знавший и понимавший своего друга, не случайно подчеркивал именно эту сторону в деятельности Мицкевича:

...Нередко

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Вдохновенный голос польского поэта особенно близок нам, создателям новой, социалистической культуры, ибо это голос одного из лучших предшественников новой, демократической Польши. И в наши дни нельзя не вспомнить замечательных слов, начертанных великим поэтом и гражданином Польши сто лет назад: «Мы всегда будем на стороне людей, которые,

Адам Мицкевич

Гравюра Дингена по дагерротипу 1842 г.

будучи верны прогрессивному инстинкту масс, будут работать над созданием общественного строя, соответствующего новым потребностям народа!»

В Советском Союзе имя Адама Мицкевича пользуется огромной популярностью. Переводы его сочинений на русский язык выходят во многих изданиях. Перевод поэмы «Пан Тадеуш» на украинский язык известного поэта Максима Рыльского удостоен Сталинской премии.

Выдающуюся прогрессивную роль в истории развития польской национальной культуры сыграл другой великий поэт польского народа — Юльиш Словацкий (1809—1849).

Начало творчества Словацкого относится еще ко времени, предшествующему восстанию 1830—1831 гг., но во всей широте оно развернулось в 30—40-х годах в эмиграции. Во время восстания 1830—1831 гг. Словацкий написал ряд революционно-патриотических стихотворений: «Кулик», «Песнь литовских легионов», «Ода к свободе» и др. В написанной уже в эмиграции драме «Кордиан» (1833) поэт со всей силой обрушился против малодушия и ничтожества шляхты, погубившей восстание 1830—1831 гг.

В написанной в 1833—1835 гг. драме «Горштынский» Словацкий обратился к восстанию 1794 г. в Литве. Он сочувственно изображал восстание городской бедноты в Вильнюсе под руководством Якуба Ясиньского и клеймил магнатов, предавших родину. Драма-сказка «Балладина» (1834) явилась своеобразным отражением антимоноархических и антифеодальных взглядов поэта. В 1838 г. в Париже вышла прозаическая поэма «Ангелли», а в 1839 г. — «Поэма Дантышка герба Лелива об аде». Подобно герою «Дядюв» Мицкевича Конраду, Ангелли взывает: «О, дайте мне силу миллиона людей, а потом страдания миллиона тех, которые находятся в аду». Основной идеей поэмы было осуждение шляхетского индивидуализма. Вторая поэма была посвящена страданиям родины под гнетом царизма.

Трагедия «Лилля Венета» (1840) была призывом к стойкости в борьбе за свободу народа и еще более резким, чем «Кордиан», осуждением шляхты. Намеченные уже в этом произведении антикатолические мотивы нашли дальнейшее выражение в большой реалистической поэме «Бенёвский», где поэт гневно восклицал: «Польша, твоя гибель в Риме!» В поэме отразился интерес Словацкого к русской литературе, произведениям Пушкина, Лермонтова и декабристов. В духе дружбы и уважения говорил поэт о русском народе, простых русских людях. Идеи братства польского и русского народов в их совместной революционной борьбе получили дальнейшее развитие в высокохудожественной реалистической драме Словацкого «Фантазий» (1842). Борьбе крестьян за независимость Украины в XVIII в. посвятил Словацкий драму «Серебряный сон Саломей» (1843).

Ярким документом польской революционно-демократической общественной мысли является поэтическое выступление Словацкого в 1845 г., бывшее ответом на «Псалмы будущего» реакционного романтика Зыгмунта Красиньского. «Псалмы будущего» были апологией шляхты, которую Красиньский воспевал как естественного, прирожденного руководителя нации. Единство шляхты и народа, иными словами, сохранение полной покорности шляхте со стороны крестьянства — таков идеал, рисуемый Красиньским в его «Псалмах». Словацкий ответил на этот облеченный в поэтическую форму манифест реакции ярким, полным патриотического подъема стихотворением, разоблачавшим пронизывавший «Псалмы» Красиньского страх шляхты перед собственным народом, лживость ее заверений в преданности делу национального освобождения Польши. В канун революционных боев Словацкий решительно выступил на стороне

революционных демократов. Голос поэта был серьезной силой, помогавшей революционной борьбе.

Народное, демократическое по своему характеру творчество Мицкевича и Словацкого было связано тесными узами с народом, с прогрессивным, демократическим движением литературы в польских землях, которая впитывала в себя все лучшие реалистические идейные и художественные традиции этих двух величайших поэтов польского народа. Глубоко закономерно была эволюция творчества Мицкевича и Словацкого от революционного романтизма к реализму, который во многом имел уже критический характер по отношению к существовавшему тогда социальному строю.

Революционные идеи антишляхетского, демократического направления находили яркое выражение в художественной литературе, создававшейся во всех областях расчлененной Польши, отражая новый подъем революционного и демократического движения. В трудных условиях усилившегося национального гнета, в борьбе с реакцией в стране передовые польские писатели стремились правдиво отразить жизнь своего народа, его борьбу за социальное и национальное освобождение.

Значительное влияние на развитие литературы в стране оказала польская революционная демократия, особенно ее виднейший представитель Эдвард Дембовский, который, как уже отмечалось, был виднейшим прогрессивным литературным критиком. Рассматривая литературу как могучее средство пропаганды передовых идей, Дембовский впервые ввел в польское литературоведение понятие прогрессивной и реакционной литературы. Из современников он высоко ценил революционную поэзию Мицкевича, Словацкого и Гоциньского, решительно выступал против реакционных романтиков, боролся с консервативными писателями, идеализировавшими феодальное прошлое Польши.

В 1831—1838 гг. в Галиции протекала деятельность Северина Гоциньского. В стихотворениях «Военная музыка», «Песнь веры» и других он критиковал шляхту, призывал польский народ — крестьян, ремесленников — объединить свои усилия в борьбе за свободу и независимость. Особое место в литературе этого периода занимает драматургия Александра Фредры (1793—1876). Уже в период господства романтического направления в польской литературе Фредро создавал реалистические произведения. В лучших своих драмах «Пан Иовьяльский» (1832), «Месть» (1834), «Пожиженная рента» (1835) он реалистически изобразил жизнь галицийской шляхты того времени, критиковал ее за тунеядство, невежество, моральное разложение, показывал проникновение буржуазных отношений в ее среду.

Реалистическое отражение в пьесах Фредры значительной эпохи польской жизни, его замечательное мастерство драматурга, богатый, образный язык его комедий обусловили большую популярность пьес Фредры в народно-демократической Польше.

Революционно-романтическое направление в литературе продолжали поэты Густав Эренберг, Эдмунд Василевский, Владислав Людвик Анциц.

В 40-х годах в литературе Галиции усилились реалистические тенденции. Лешек Дунин-Борковский пишет ядовитую сатиру на галицийскую аристократию «Захолустье» («Parafiańszczyzna»). Его брат Юзеф Дунин-Борковский в своих реалистических сонетах показал быт галицийской буржуазии и шляхты, власть денег в этих кругах. Юзеф Дзежковский в повести «Салон и улица» (1847) обращается к жизни ремесленников, городского пролетариата, мелкой буржуазии, отражая острые социальные конфликты в городе.

Juliusz Slowacki

Юльош Словацкий
Гравюра по рисунку Куровского

Демократическим центром передовой литературы Великой Польши был журнал «Литературный еженедельник» («Tygodnik literacki»), в котором участвовали Эдвард Дембовский и его друг и единомышленник революционный поэт Ришард Бервиньский (1819—1879). В своих произведениях 40-х годов Бервиньский, провозглашая идеи революционной демократии, предсказывал народную революцию («Марш в будущее»). Большое место в творчестве Бервиньского занимали антиклерикальные мотивы («В Ченстохове», «Последняя исповедь в старом костеле»), звучавшие не менее остро, чем в поэзии Словацкого. Реалистическая направленность поэзии Бервиньского со всей силой проявилась в его сатирической поэме «Дон Жуан Познанский» (1844). Поэт зло высмеивал познанскую шляхту, ее реакционные убеждения, ее демагогическую игру в патриотизм. Он реалистически подметил и приспособление шляхты к буржуазным отношениям, ее стремление к наживе. Во вступлении к поэме, написанном по совету Дембовского, Бервиньский писал о неизбежной гибели этого класса, предсказывал революцию, выражая веру в светлое будущее народа.

Большую роль в общественной жизни Познани играл журнал «Год» («Rok»), проводивший в основном буржуазно-демократическую программу. Журнал быстро откликнулся на развитие общественной мысли в Польше и Европе. Это был первый польский журнал, сигнализировавший о появлении научного социализма: в 1846 г. журнал поместил изложение работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Реакционные писатели, выражавшие настроения консервативной части шляхты, группировались вокруг журнала «Петербургский еженедельник» («Tygodnik Petersburski»). Среди этой группы заметную роль играли писатель Генрик Жевуский и литературный критик Михал Грабовский. Они пропагандировали реакционные идеи сотрудничества с царским самодержавием, в страхе перед социальными переменами идеализировали феодальное прошлое Польши.

Этому реакционному лагерю в литературе противостояла варшавская группа «энтузиастов и энтузиасток», являвшаяся своеобразной литературной пристройкой к тайному обществу «Союз польского народа». Центром этой группы стал журнал «Научное обозрение» («Przegląd naukowy»), основанный в 1842 г. и редактировавшийся Дембовским. «Энтузиасты и энтузиастки» пропагандировали демократические идеи, живо интересовались народным творчеством. Виднейшей писательницей этой группы была Нарциза Жмиховская (1819—1877). В ее лучших произведениях этого периода — повестях «Язычница» (1846) и «Книга воспоминаний» (1848) — отчетливо проявились черты реализма. В «Книге воспоминаний» семья варшавского слесаря, с которой связаны основные события повести, противопоставляется миру аристократических салонов.

Другой прогрессивной литературной группой в Варшаве была так называемая «цыганерия», объединявшая поэтов, недовольных шляхетско-буржуазной действительностью. Писатели и поэты этой группы вели борьбу с консерватизмом и космополитизмом варшавской аристократии, выступали на защиту крестьян. Наиболее значительным писателем варшавской «пыганерии» был Владзимеж Вольский (1822—1882). В поэме «Отец Гилярий» он реалистически изобразил социальные отношения в польской деревне, протестуя против крепостничества. Вольский написал также либретто оперы Станислава Монюшко «Галька», в котором выразил протест против угнетения крестьян помещиками.

Гений величайшего польского композитора Фридерика Шопена (1810—1849) вызревал в условиях общего подъема польского национального само-

Фредерик Шопен
Литография М. Файнеса

сознания, в атмосфере обострения национально-освободительной борьбы польского народа. Его взгляды на значение искусства складывались под влиянием развернувшейся с особой силой в 20-х годах борьбы за создание польской национальной музыкальной классики. В своем творчестве композитор опирался не только на изучение народной музыки, но и на опыт своих предшественников, включая и своего учителя Эльснера.

Расцвет творчества Ф. Шопена падает на 30—40-е годы. Ему, как и его современникам А. Мицкевичу и Ю. Словацкому, приходилось работать в тяжелых условиях эмиграции. Поражение восстания 1830—1831 гг. навсегда отрезало композитору путь на родину. Так же, как для Мицкевича и Словацкого, восстание 1830—1831 гг. было для Шопена не просто важнейшей вехой в личной жизни. Под влиянием восстания развивалось творчество гениального польского композитора. Творчество это было продолжением в эмиграции борьбы за национальное освобождение, являлось частью широкого национально-освободительного движения польского народа.

Отличавшийся громадным даром импровизации, так что современники даже считали, что «его лучшие произведения — лишь отблески и отголоски его импровизаций», Шопен писал почти исключительно для фортепиано. Но ограничив себя так в использовании музыкальных средств, композитор добился предельного владения инструментом. Современники имели полное право называть его «душой фортепиано».

В своих концертах, сонатах, балладах, вальсах, полонезах, мазурках и ноктюрнах композитор рисовал картины бесконечно дорогой ему родной природы, сцены народной жизни, переживания польских патриотов, воспевал былое величие изнывавшей в неволе родины. Порой тревога за ее судьбу сменялась горькими нотами скорби и даже отчаяния. Но вера в конечное торжество борющегося за свою свободу народа всегда в конце концов брала верх в душе композитора. Поэтому творчество его в целом было оптимистическим, призывало к продолжению борьбы.

Именно эта вера в конечное торжество борющегося народа, глубокое знание народного характера и пламенный патриотизм определили то выдающееся место, которое занимает творчество Шопена, как и творчество Мицкевича, в истории польской национальной культуры, в истории польского национально-освободительного движения. Благодаря этим сторонам своим творчество Шопена нашло горячие отклики и признание в славянских странах. В России творчество Шопена высоко ценили Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Балакирев, Глазунов, Скрябин, Рахманинов, Лядов и другие крупнейшие русские музыканты. А. Г. и Н. Г. Рубинштейны и Рахманинов принадлежали к числу лучших исполнителей произведений Шопена, ныне являющегося одним из любимейших композиторов нашего народа. «Польский национальный элемент в сочинениях Шопена, которые я обожаю, всегда возбуждал мой восторг», — писал Римский-Корсаков, посвятивший памяти Шопена оперу «Пан воевода». Рахманинов написал обширный цикл вариаций на тему одной из прелюдий Шопена, а Глазунов создал из его произведений оркестровую сюиту.

В Советском Союзе творчество Шопена пользуется всенародным признанием и любовью. Произведения великого польского композитора исполняются в концертах, по радио, в домашней обстановке, изучаются в музыкальных училищах и консерваториях. Советская школа пианизма, плодотворно продолжающая русские классические традиции, выдвинула десятки талантливых исполнителей Шопена, завоевавших первые места на конкурсах, проводимых в Варшаве на лучшее исполнение его произведений. Советские музыковеды создали ряд исследований о Шопене,

о национальных истоках, пламенном патриотизме, бессмертной красоте его музыки.

В изобразительном искусстве 30—40-е годы отличаются общим подъемом реализма, укреплением его позиций и в портрете, и в картине на историческую тему, и в зарождающемся бытовом жанре. Именно на почве обобщения достижений художников этих лет стали возможны в дальнейшем постановка и художественное решение в искусстве важнейших вопросов жизни польского общества.

В портрете уже заметны новые черты, обусловленные тем, что портрет получил широкое распространение среди купцов, горожан, средней и мелкой буржуазии и должен был отвечать их запросам. Образ человека в портрете все чаще теряет романтическую приподнятость, становясь проще и скромнее, даже обыденнее, но зато конкретнее в характеристике данного человека, а поэтому многостороннее в раскрытии его внутреннего мира.

Мы знаем многих художников этого времени, главной чертой которых является тщательное изучение человека в типичной для него повседневной обстановке и любовная, иногда несколько наивная, но всегда реалистическая передача модели.

К лучшим образцам такой живописи относится портрет купца Пелиццаро (1840) Бонавентуры Домбровского (1800—1861). Изображая этого уверенного в себе, умного и скрытного человека, художник улавливает в нем типичные черты целого класса, давая в портрете не только психологическую, но и социальную характеристику. Этот оттенок социального подхода к модели характерен для портретной живописи 30—40-х годов; он получил дальнейшее развитие в творчестве лучших портретистов второй половины века.

Из современников Домбровского надо отметить Марцина Яблоньского, Алоизия Рейхана, Яна Машковского.

В ранних вещах Генрика Родаковского заметна тесная связь с современным ему движением в живописи. В Польше в 40-х годах были заложены основы его творчества, блестяще развившегося в последующий, парижский период жизни художника.

Рост реалистических тенденций виден и в обращении ряда художников к жанру. Правда, вплоть до начала 60-х годов жанр не являлся ведущей линией развития в живописи. Бытовые картины этих лет не затрагивают острых вопросов жизни, они довольно наивны, сюжеты их нередко незначительны. Но важно, что именно в творчестве этих скромных художников бытовой жанр все сильнее начинает проникать в польскую живопись, тесно связывая ее с повседневной жизнью трудового народа. Таковы, например, картины Ланге, в которых видно знание жизни и сочувствие народу («Рекруты»).

Пейзажи писали Марцин Залеский и Ян Непомуцен Гловацкий, оживляя их бытовыми сценками.

Бытовые вещи писал также Ян Феликс Пиварский (1794—1859). Такие живые и естественные сценки, как «Рынок в Опатове» (1845), показывают его вдумчивую наблюдательность и хорошее знание народной жизни. Пиварскому принадлежат и произведения, посвященные недавнему прошлому — восстанию 1830 г. В трактовке отдельных типов Пиварский следует рисункам Норблина, изображающим восстание 1794 г. Таковы «Вооруженные варшавяне». Пиварский боролся за современную, актуальную тему в живописи, посвященную важнейшим событиям польской общественной жизни.

Подобную тематику развивал и Януарий Суходольский (1795—1875) в таких своих вещах, как «Эпизод из восстания 1830 г.»

Таким образом, в живописи 30—40-х годов сложился ряд особенностей, характерных для польской реалистической школы. Искусство этого периода создало основу для расцвета польской живописи в 50—60-х годах.

В 40-х годах наивысшего подъема достигла прогрессивная философская мысль домарксова периода в Польше. Э. Дембовский, а вслед за ним Г. Каменьский выступили против идеологии «мессианизма» и теории об «особой роли» выдающейся личности в историческом процессе. «Мессианизм» был тесно связан с «культулом героев» и в то время пропагандировался целой плеядой шляхетско-буржуазных философов в самой Польше и в эмиграции: Цешковским, Голуховским, Гоене-Вроньским, Трентовским, Кремером, Товяньским и Либельтом. Дембовский и Каменьский боролись также против шеллингианского обскурантизма. Однако сам Г. Каменьский в своих философских и экономических исследованиях не смог преодолеть пут идеализма. Э. Дембовский пошел дальше всех и смелее всех своих соратников в прогрессивном лагере. Он развернул критику правогегелианского поветрия и смело поднял знамя атеизма. Его страстная борьба против религии, клерикального мракобесия и иезуитизма, его настойчивые попытки создать теорию революционной диалектики вошли в золотой фонд славных традиций прогрессивной национальной культуры польского народа. Лучшие традиции Дембовского в XIX в. были продолжены и развиты революционными демократами 60-х годов, а затем первыми польскими марксистами.

* * *

40-е годы XIX столетия были временем обострения кризиса феодально-крепостнических отношений на польских землях. Развитие капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве, начало промышленного переворота, рост применения наемного труда в помещичьем хозяйстве, юнкерская аграрная реформа на западных польских землях и возникновение проектов таких же реформ на остальных польских землях в целях перестройки сельского хозяйства на капиталистический лад с максимальной выгодой для помещиков, подъем крестьянского движения, направленного на ликвидацию феодального строя и помещичьего землевладения — таковы были условия, объективно соответствовавшие революционной ситуации, свидетельствовавшие о том, что Польша стоит на пороге буржуазной революции.

Вместе с тем задачей ликвидации реакционного, отжившего феодального способа производства польский народ должен был решать в неразрывной связи с другой жизненно важной задачей — задачей восстановления национальной независимости и объединения политически расчлененных польских земель.

Сложность исторических задач, стоявших перед польским народом в буржуазной революции, особенности расстановки классовых сил в условиях тесного переплетения антифеодального и национально-освободительного движения, наконец, исключительная осложненность политической обстановки, обусловленная положением разделенных польских земель, — все эти обстоятельства определили своеобразие буржуазной революции в Польше в середине XIX в.

Это своеобразие заключалось, во-первых, в том, что буржуазная революция в Польше происходила в форме цепи революционных выступлений в 1846—1864 гг., составивших целый период в истории Польши, развертывавшихся одновременно в различных польских землях и отличавшихся

разной степенью вовлечения в революционное движение широких народных масс. Во-вторых, своеобразием буржуазной революции в Польше было то, что в значительной части этих революционных битв на первый план выступали национально-освободительные задачи, что в силу этого сами эти революционные движения приобретали характер национально-освободительных восстаний. В-третьих, теснейшая связь между развитием революционного движения в отдельных польских землях и социально-экономическим развитием и политическим положением в государствах, в состав которых входили эти земли, имела столь существенное значение, что определила неравномерное и не вполне отвечающее соотношению уровня социально-экономического развития отдельных польских земель вступление их в полосу буржуазной революции. В наиболее развитой, передовой в экономическом отношении части Польши — в ее центральных землях, находившихся под властью русского царизма, революционное движение развернулось с особенной силой в начале 60-х годов в прямой связи с возникновением революционной ситуации в России.

Масштаб исторических событий в Польше в 40—60-х годах, их выдающееся значение дает основание выделить этот период как самостоятельную часть «Истории Польши». Ею будет открыт второй том. Исторические рамки этого периода определяют революционное движение 1846 г., как начало буржуазной революции в Польше, восстание 1863—1864 гг. и крестьянская реформа 1864 г., как ее заключительный акт и вместе с тем как основной рубеж между феодальной и капиталистической формациями в истории Польши.

Антифеодальное и национально-освободительное движение в польских землях, несмотря на его значительный размах, не смогло реализовать всех задач, стоявших в этот период перед польским народом. Оно не смогло добиться восстановления национальной независимости, не смогло осуществить революционной ломки феодального строя, ликвидации помещичьего землевладения. Буржуазная революция 1840—1860-х годов в Польше была незавершенной революцией. Тем не менее она подорвала феодальный способ производства, вынудила правительства провести реформы, обеспечивавшие утверждение капиталистического способа производства, и тем самым открыла новую эпоху в истории Польши — эпоху капитализма. Незавершенность буржуазной революции определила тот факт, что развитие капитализма в сельском хозяйстве всех польских земель пошло по «прусскому пути», с сохранением многочисленных феодальных пережитков, что в социальной и политической жизни страны значительную роль продолжали играть обуржуазившиеся помещики, одна из основных реакционных сил. Доведение до конца задач буржуазно-демократической революции, полная ликвидация феодальных пережитков, равно как завоевание национальной независимости и объединение всех польских земель в национальном государстве продолжали быть в числе важнейших исторических задач, которые стояли перед польским народом в последующий период. Полного осуществления этих задач польский народ сумел достичь лишь в период революционного штурма капитализма, открытый Великой Октябрьской социалистической революцией.

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛИ

Библиографию составили:

*О. Е. Иванова, И. С. Миллер, Н. П. Митина,
О. П. Морозова, Д. Л. Похилевич, Л. В. Разумовская,
С. С. Советов, У. А. Шустер.*

Указатель географических и этнографических названий
и именной указатель составила *В. А. Гадзяцкая*

БИБЛИОГРАФИЯ

Настоящая библиография ставит задачей облегчить читателю, желающему более детально познакомиться с историей Польши, разыскание соответствующего материала.

Наличие исчерпывающих библиографических справочников по польской исторической литературе (библиография Л. Финкеля и ежегодные библиографические указатели «Kwartalnika historycznego», доведенные до 1934 г.) дало возможность свести до минимума указания на старую польскую историческую литературу и избежать чрезмерного разрастания библиографии. Относительно более широко привлекается в библиографии (учитывая интересы читателей, не владеющих польским языком) литература по истории Польши, изданная на русском языке. В библиографию включен ряд работ буржуазных историков. Представляя ценность по собранному в них фактическому материалу, эти работы требуют от читателя критического анализа и проверки.

Материалы в библиографии разделены на части в соответствии со структурой тома. Работы, относящиеся к тому в целом или к нескольким его частям, приведены в начале под заголовком «Общий отдел» и в последующих частях не указываются.

Работы на русском языке указываются перед иностранными, но переводы на русский язык польских работ указываются вслед за подлинником.

В описаниях принят ряд сокращений.

Сокращенно указываются следующие места изданий: В.—Варшава, Л.—Ленинград, М.—Москва, П.—Петроград, СПб.—С.-Петербург, G.—Gdańsk, Кр.—Kraków, L.—Lwów, Ł.—Łódź, Р.—Poznań, W.—Warszawa, Wr.—Wrocław.

Сокращенно указываются названия следующих изданий:

ВИ — Вопросы истории,

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения,

ИЖ — Исторический журнал,

КС Ин. слав. — Краткие сообщения Института славяноведения,

Уч. зап. Ин. слав. — Ученые записки Института славяноведения,

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских,

CzPH — Czasopismo prawno-historyczne,

КНKM — Kwartalnik historii kultury materialnej,

Кв. hist. — Kwartalnik historyczny,

MF — Myśl filozoficzna,

MW — Myśl współczesna,

ND — Nowe drogi,

PNHS — Przegląd nauk historycznych i społecznych,

Prz. hist. — Przegląd historyczny,

Prz. zach. — Przegląd zachodni,

RDSG — Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych,

RH — Roczniki historyczne,

RK — Rocznik krakowski,

Roz. h.-f. PAU — Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego Polskiej Akademii Umiejętności.

Сокращенно переданы следующие элементы библиографических описаний:

b. r. — bez roku,

b. m. — bez miejsca,

Cz. — Część,

R. — Rocznik,

Ser. — Seria,

T. — Tom,

Wyd. — Wydanie,

Z. — Zeszyt.

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I—III. [М.] 1949.
- Маркс К. Письма Ф. Энгельсу от 16 октября и 2 декабря 1856 г.— Соч. Т. XXII.
- Энгельс Ф. Пруссия в Польше.— Соч. Т. VI.
- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. [М.] 1952. XII, 184 с.
- Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши?— Соч. Т. XIII. Ч. 1.
- Энгельс Ф. Письмо В. Врублевскому от 4 декабря 1875 г.— Соч. Т. XVI.
- Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Соч. Т. XVI. Ч. 1.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. 1948. 103 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Прения по польскому вопросу во Франкфурте.— Соч. Т. VI.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Подвиги Гогенполлернов.— Соч. Т. VII.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Революционная борьба в Венгрии.— Соч. Т. VII.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 г.— Соч. Т. XV.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Соч. Т. 3.
- Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии.— Соч. Т. 6.
- Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. [М.] 1952. 651 с.
- Сталин И. Как понимает социал-демократия национальный вопрос?— Соч. Т. 1.
- Сталин И. Марксизм и национальный вопрос.— Соч. Т. 2.
- Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е.
- История ВКП(б). Краткий курс.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ПОЛЬСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

- Bierut В. О Конституции Польской Речеспосполитей Ludowej. Премовienie wygłoszone na posiedzeniu Sejmu Ustawodawczego 18 lipca 1952 г. *ND*. R. VI. 1952, s. 3—18.

БИБЛИОГРАФИЯ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Bibliografia historii polskiej. [Издание журнала *Kw. hist.*; публиковалось в журнале ежегодно с 1902 г., кроме 1916, 1917 и 1925 гг. С 1929 г. выходило как приложение к *Kw. hist.* Доведено до 1934 г.]
- Bystroń J. St. Bibliografia etnografii polskiej. T. I. Kr. 1929. VI, 160 s.

- Chybiński A. Słownik muzyków dawnej Polski do r. 1800. Kr. 1949. VIII, 163 s.
- Daszkiewicz K., Gąsiorowski J. Polska Bibliografia wojskowa. W. 1921—1923. Cz. I. T. I. 250 s.
- Estreicher K. i Estreicher St. Bibliografia polska. T. I—XXXIV. Kr. 1870—1951.
- Finkel L. Bibliografia historii polskiej. Cz. I—III. L.—Kr. 1891—1906. [Охватывает издания, вышедшие по 1900 г. и относящиеся к истории Польши по 1815 г. Издания, вышедшие в 1901—1910 гг., учтены в изданном дополнительно выпуске:]
- Dodatek II. Z. I. Kr. 1914.
- T. I. Wyd. 2-e. Przejrzał i uzupełnił K. Malec z y Ń s k i. L. 1937. 14, 564 s. [I том охватывает раздел «Источники».]
- Gawełek F. Bibliografia ludoznawstwa polskiego. Kr. 1914. XLII, 328 s.
- Maliszewski E. Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących. (Druki i rękopisy.) W. 1928. X, 447 s.
- Encyklopedia staropolska. Opracował A. Brückner. Materiałem ilustracyjnym uzupełnił K. Estreicher. T. I—II. W. 1939.
- Polski Słownik Biograficzny. T. I—VI. Kr. 1935—1947. (PAU.)

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

- Archeion*. Czasopismo naukowe, poświęcone sprawom archiwalnym. Rocznik. Organ naczelnej dyrekcji archiwów państwowych. 1925 — Warszawa.
- Czasopismo prawnohistoryczne*. Rocznik. 1947—1952 — organ Wydziału historii i nauk społecznych Poznańskiego Towarzystwa przyjaciół nauk; 1953 — organ Komitetu nauk prawnych PAN. 1947—1952 Poznań; 1953 — Warszawa.
- Kwartalnik historyczny*. 1887—1952 — organ Polskiego Towarzystwa Historycznego; 1953 — organ Instytutu historii PAN. 1887—1939 — Lwów; 1946—1949 — Kraków; 1950 — Warszawa.
- Indeks do *Kw. hist.* za 1887—1922. Zestawił M. Rutkowski. L. 1925. 315 s.
- Kwartalnik historii kultury materialnej*. Organ Instytutu historii kultury materialnej PAN. 1953 — Warszawa.
- Przegląd historyczny*. Organ Towarzystwa miłośników historii w Warszawie. 1905—Warszawa. Indeks do *Prz. Hist.* T. I—XXV za 1905—1925. Zestawiła I. Posseltówna. In.: *Prz. Hist.* T. XXV.
- Przegląd nauk historycznych i społecznych*. Rocznik. Organ Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. 1951 — Łódź.
- Przegląd Zachodni*. Miesięcznik. Organ Instytutu Zachodniego. 1945 — Poznań.
- Rocznik Krakowski*. Organ Towarzystwa miłośników historii i zabytków Krakowa. 1898 — Kraków.

- Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych.* Organ Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. 1931—1939 Lwów; 1946 — Poznań.
- Roczniki historyczne.* 1925—1951 — Organ Poznańskiego Towarzystwa miłośników historii. 1952 — Organ Poznańskiego Towarzystwa przyjaciół nauk. 1925 — Poznań.
- Sobótka.* Rocznik. Organ Wrocławskiego Towarzystwa miłośników historii. 1946 — Wrocław.

ИСТОЧНИКИ

- Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 3. Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия. М. 1897. 319 с.
- Baranowski B., Bortnowski W., Lewandowski W. Dzieje wojskowości polskiej do roku 1831. Wypisy źródłowe. b. m. 1949. 291 s.
- Hartleb K., Bardach B., Bielak F. Kultura Polski. Ilustrowane wypisy źródłowe. Kr. 1948. 301 s.
- Wybór tekstów źródłowych z historii państwa i prawa polskiego. Zebrał i oprac. J. Sawicki. T. I. Cz. 1—2. W. 1951—1952.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальцер О. К истории общественно-государственного строя Польши. СПб. 1908. XII, 252 с.
- Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. Под ред. З. Р. Неядлы. [М.] 1944. 223 с. (АН СССР. Институт истории.)
- Горемыкин И. Л. Очерки истории крестьян в Польше. СПб. 1869. 10, 159 с.
- Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е. Т. I—II. М. 1952—1954.
- История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потемкина. М. 1941. 566 с.
- История Латвийской ССР. Под ред. К. Я. Страздиня, Я. Я. Зутиса, Я. П. Крастыня. Т. I. С древнейших времен до 1860 г. Рига. 1952. 661 с.
- История Молдавии. Т. 1. Под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина. Кишинев. 1951. 654 с.
- История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. 1948. 744 с. Т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1949. 870 с.
- История средних веков. Т. I. Под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. М. 1952. 748 с.
- История Украинской ССР. Т. I. Киев. 1953. 838 с.
- История Эстонской ССР. Под ред. Г. И. Наана. Таллин. 1952. 512 с.
- Королюк В. и Миллер И. О периодизации истории Польши. *ВИ.* 1951. № 11, 87—98.
- Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М. 1917. XV, 458 с.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М. 1910. 376, II с.
- Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М. 1952. 406 с.
- Мархлевский Ю. Сочинения. Т. VI. Очерки истории Польши. М.—Л. 1931. 320 с. 3 карты.
- Основные проблемы истории Польши. (Обсуждение проспекта «Истории Польши» на совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР 3—4 октября 1950 г.) *КС Ин. слав.* № 4—5. 1951. 202 с.
- Пичета В. Вековая борьба польского народа с немскими захватчиками. *ИЖ.* 1941. № 9, с. 64—73.
- Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М. 1940. 256 с.
- Arnold St. Geografia historyczna Polski. W. 1951. 112 s.
- Arnold St., Bobińska C., Kormanowa Ż., Młynarski Z. Historia Polski. Stenogramy wykładów. Rozd. 1—8. W. 1949. (Szkoła partyjna przy KC PZPR. Katedra historii Polski.)
- Bujak F. Studia geograficzno-historyczne. Kr. 1925. XI, 299 s.
- Bujak F. Studia historyczne i społeczne. L.—W.—Kr. 1924. XI, 261 s.
- Bujak F. Z odległej i bliskiej przeszłości. Studia historyczno-gospodarcze. L.—W.—Kr. 1924. VIII, 322 s.
- Feldman J. Problem polsko-niemiecki w dziejach. Katowice. 1946. 175 s.
- Gąsiorowska N. Górnictwo i hutnictwo w Polsce. Wyd. 2-e. uzupełnione. W. 1949. 151 s.
- Gdańsk. Przeszłość i teraźniejszość. Praca zbiorowa pod red. St. Kutrzeby. L.—W.—Kr. 1928. XIII, 490 s.
- Głogier Z. Księga rzeczy polskich. Wyd. wznowione. Kr. 1909. 537 s.
- Głogier Z. Geografia historyczna ziem dawnej Polski. Kr. 1903. 387 s.
- Grabski Wł. Historia wsi w Polsce. W. 1929. 450, IV s.
- Historia polskiej postępowej myśli społecznej i filozoficznej XIX w. (do r. 1864). *MF.* N 1/3. 1952, s. 91—146.

- Hoszowski St.** Dynamika rozwoju zaludnienia Polski w epoce feudalnej (X—XVIII w.). *RDSG.* T. XIII. 1951, s. 137—198.
- Historiografia polska wobec problemu polsko-niemieckiego.** Referaty i dyskusja na konferencji międzyrodowiskowej we Wrocławiu 6 lipca 1950. Wr. 1951. 90 s. (Odb. z. T. V *Sobótki*).
- Kutrzeba St.** Historia ustroju Polski w zarysie.
T. I. Korona. Wyd. 8-e. W. 1949. 479 s.
Перевод с 1-го изд.: **Кутшеба Ст.** Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб. 1907. XXII, 231 с.
T. II. Litwa. Wyd. 2-e. L.—W. 1921. 170 s.
T. III—IV. Po rozbiorach. L. 1917—1920.
- Korzon T.** Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Wyd. 2-e. T. I—III. L.—W.—Kr. 1923.
- Kutrzeba St.** Historia źródeł dawnego prawa polskiego. T. 1—2. L.—W.—Kr. [1926].
- Lehr-Spławiński T., Piwarski K. i Wojciechowski Z.** Polska — Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. Katowice—Wr. 1947. 315 s.
- Lelewel J.** Wybór pism historycznych. Opracowała H. Więckowska. Wr. 1950. LVI, 305 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 133.)
- Lelewel J.** Polska, dzieje i rzeczy jej. T. I—XIII, XVI—XX. P. 1854—1865.
Перевод: **Лелевель И.** Краткие очерки истории польского народа. СПб. 1862. IV, 228, III с. 3 табл.
Перевод: **Лелевель И.** Польша и Испания, историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях. М. 1863. IV, 58 с.
- Lipiński E.** Rozwój myśli ekonomicznej. Od merkantylizmu do socjalizmu utopijnego. Wyd. 2-e popraw. i uzupełn. W. 1953. 267 s.
- Maleczyński K.** Zarys dyplomatyki polskiej wieków średnich. Cz. I. Wr. 1951. 355 s.
- Missalowa G. i Schoenbrenner J.** Historia Polski. W. 1951. 336 s., mapy. [Учебник для средней школы.]
- Mitkowski J.** Pomorze zachodnie w stosunku do Polski. P. 1946. 223, 5 map.
- Osmańczyk E.** Nowy obraz dziejów polskości Śląska. *ND.* R. VII. 1953. N 7/49, s. 97—110.
[О сессии, посвященной истории Силезии 28.VI—1.VII.1953 г.]
- Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich we Wrocławiu 19—22 września 1948.** T. I, II. W. 1948. 504, 126 s.
- Pazyra St.** Studia z dziejów miast na Mazowszu od XIII do początków XX wieku. L. 1939. 367 s. 1 mapa. (Badania z dziejów społecznych i gospodarczych, N 34.)
- Pelczar M.** Polski Gdańsk. G. 1947. 187 s.
- Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich.** Przemówienia. Referaty. Dyskusja. T. I—II. W. 1953. [Конференция происходила в декабре 1951 — январе 1952 г.]
- Piwarski K.** Dzieje Gdańska w zarysie. G. 1946. 301 s.
- Piwarski K.** Historia Śląska w zarysie. Katowice — Wr. 1947. 450 s.
- Prospekt I tomu uniwersyteckiego podręcznika historii Polski do 1764 roku.** *Kw. hist.* R. 60. Z. 3. 1953, s. 300—326.
- Prospekt II tomu uniwersyteckiego podręcznika historii Polski 1764—1864.** *Kw. hist.* R. 60. Z. 4. 1953, s. 286—328.
- Rakowski K.** Wewnętrzne dzieje Polski. Zarys rozwoju społecznego i ekonomicznego. W. 1908. 472 s.
- Roczniki historyczne.** R. III. 1927. 333 s. [Специальный выпуск, посвященный истории Поморья].
- Rutkowski J.** Historia gospodarcza Polski. T. I. Czasy przedrozbiorowe. Wyd. 3-e. P. 1947. XII, 413 s. T. II. Czasy porobiorowe do 1918 r. P. 1950. XVIII, 512 s.
[Издание снабжено обширной библиографией.]
Перевод I тома: **Рутковский Я.** Экономическая история Польши. М. 1953. 427 с.
- Smoleński Wł.** Dzieje narodu polskiego. Wyd. 2-e. W. 1904. VIII, 484, 3 s.
Перевод: **Грабенский Вл.** История польского народа. СПб. 1910. VIII, 599 с. 1 карта.
- Smoleński Wł.** Szkoły historyczne w Polsce. Główne kierunki poglądów na przeszłość. Oprac. M. H. Serejski. Wr. 1952. XC, 155 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 142.)
- Smoleński Wł.** Wybór pism. Wyboru dokonała oraz wstępem zaopatrzyła C. Bobińska. W. 1954. 645 s.
- Srokowski St.** Pomorze zachodnie. Studium geograficzne, gospodarcze i społeczne. G. 1947. X, 258 s.
- Studia poznańskie.** *Prz. zach.* R. IX. 1953. N 6—8.
[Специальный номер журнала.]
- Studia poznańskie.** Cz. II. Pod red. M. Suchockiego i Z. Wojciechowskiego. P. 1954. 372 s. (Instytut Zachodni.)
- Studia śląskie.** *Prz. zach.* R. VIII. 1952. N 1—2, s. 11—260.
- Studia śląskie.** Pod red. S. Wysłoucha. P. 1953. 492 s. (*Prz. zach.* R. VIII. 1952. Z. dodatkowy.)

- Szkice z dziejów Śląska. Pod red. E. Małeczynskiej. W. 1953. XIII, 369 s.
- Śreniowski St. Dzieje chłopów w Polsce. Szkic o ustroju społecznym. W. 1947. 156 s.
- Śreniowski St. Historia ustroju Śląska. Katowice—Wr. 1948. 243 s.
- Świętochowski A. Historia chłopów polskich w zarysie. [3-e wyd.] T. I. W Polsce niepodległej. W. 1949. 441 s.
- Wojciechowski Z. Polska—Niemcy. Dzieśięć wieków zmagania. P. 1945. 267 s. 16 map.
- Wycech Cz. Z dziejów chłopskich walk o społeczne wyzwolenie. W. 1949. 296 s.
- Zarys historii polskiej myśli ekonomicznej. Cz. 1-sza (do r. 1871). *Ekonomista*. 1952. Z. 3, s. 153—161.
[См. также дискуссию:] *Ekonomista*. 1952. Z. 4; 1953. Z. 1.
- История культуры**
- Бэлза И. История польской музыкальной культуры. Т. I. М. 1954. 334 с.
- Architektura polska do połowy XIX w. W. 1952. 449 il.
- Brückner A. Dzieje kultury polskiej. Т. I—IV. Kr. 1930—1946.
- Budzyk K., Dąrr-Durski J., Jakubowski J. Z., Libera Z., Pietrusiewiczowa J. Literatura polska. Cz. I—IV. Materiały pomocnicze dla klasy IX. W. 1951.
- Chmielowski P. Historia literatury polskiej. Т. I—III. W. 1899.
- Dobrowolski T. Polskie malarstwo portretowe. Kr. 1948. 239 s. 187 il.
- Dobrowolski T. Sztuka na Śląsku. Katowice—Wr. 1948. 395 s. 173 il.
- Dzieje literatury pięknej w Polsce. Cz. I—II. Kr. 1918. Wyd. 2-e. Kr. 1935. (PAU. Encyklopedia polska. Т. XXI. Dział XVIII.)
- Jachimiecki Z. Muzyka polska w rozwoju historycznym od czasów najdawniejszych do doby obecnej. Т. I. Cz. 1—2. Kr. 1948—1951.
- Kopera F. Dzieje malarstwa w Polsce. Cz. 1—3. Kr. 1925—1929.
- Lehr-Spławiński T. Język polski. Pochodzenie. Powstanie. Rozwój. W. 1951. 513 s.
- Перевод: Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М. 1954. XXIV, 367 с. [Библиография.]
- Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Cz. I. Kultura materialna. Cz. II. Z. 1—2. Kultura duchowna. Kr. 1929—1939.
- Pięć wieków malarstwa polskiego. Wyd. 3-e. Opracował J. Starzyński. [W.] 1952. 41 s. 192 il.
- Pilat R. Historia literatury polskiej. Т. I—IV. L. 1908—1911.
- Walicki M. i Starzyński J. Dzieje sztuki polskiej. W. 1936.

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИНСКИЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. 1948. 222 с.

ИСТОЧНИКИ

- Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów Słowian. Cz. I. Przełożył i oprac. M. Plezia. Т. I. Cz. I. Do VIII wieku. P.—Kr. 1952. 201 s.

ЛИТЕРАТУРА

- Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.—Л. 1947. 215 с. (АН СССР.)
- Неедлы З. История чешского народа. Т. I. Чехия в древнейшие времена. М. 1952. 250 с.
- Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб. 1901. IV, 167 с.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-e. М. 1953. 312 с.
- Третьяков П. Н. О происхождении славян. В.И. 1953. № 11, с. 69—82.
- Balzer O. O zadrudze słowiańskiej. *Kw. hist.* R. XIII. 1899, s. 183—256.
- Balzer O. Rewizja teorii o pierwotnym osadnictwie w Polsce. *Kw. hist.* R. XII. 1898, s. 21—63.
- Kostrzewski J. Kultura prapolska. Wyd. 2-e. P. 1949. 615 s.
- Kostrzewski J. Pradzieje Polski. P. 1949. 291 s.
- Kostrzewski J. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. P. 1923. 345 s.
- Kowalenko Wł. Grody i osadnictwo grodowe Wielkopolski wczesnohistorycznej (od VII do XII wieku). P. 1938. 345 s. 18 tabl. 5 map. 1 mapa grodzisk.
- Kowalenko Wł. Najdawniejsze związki Prastłowian i Słowian z Bałtykiem. *Prz. zach.* R. VII. 1951. N 1—2, s. 5—38.
- Krukowski S., Kostrzewski J., Jakimowicz R. Prehistoria ziem polskich. Kr. 1939—1948. 448 s., 100 tabl. (PAU. Encyklopedia polska. Т. IV. Cz. 1. Dział V.)
- Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. P. 1946. 237 s. 6 map.

- Lehr-Splawiński T.** Powstanie, rozrost i rozpad wspólnoty prasłowiańskiej. *Prz. zach.* R. VII. 1951. N 3—4, s. 350—378.
- Niderle L.** Rukovět slovanských starožitností. Praha. 1953. 513s.
- Tymieniecki K.** Społeczeństwo Słowian lechickich. (Ród i plemię.) L. 1928. XI, 260 s.
- Tymieniecki K.** Ziemie polskie w starożytności. Ludy i kultury najdawniejsze. P. 1951. XXIV. 834 s. 18 map.
- Urbańczyk St.** Religia pogańskich Słowian. Kr. 1947. 89 s.
- Żaki A.** Pradzieje Małopolski w świetle powojennych wykopalisk i opracowań. *Z ochłani wieków.* R. XIX. 1950, s. 120—130.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ПОЛЬШЕ (ДО СЕРЕДИНЫ XV в.)

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К.** Хронологические выписки. I—II. Архив Маркса и Энгельса. Т. V—VI.
- Энгельс Ф.** Марка. В кн.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, с. 113—129.
- Энгельс Ф.** О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, с. 153—163.

ИСТОЧНИКИ

- Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. С предисловием В. А. Ульяницкого. *ЧОИДР.* 1887. Кн. III, с. I—VIII, 1—244.
- Повесть временных лет. Ч. I—II. М.—Л. 1950. [АН СССР. Литературные памятники.]
- Cronica Petri comitis Poloniae* wraz z tzw. *Carmen Mauri*. Wydał, wstępem i komentarzem opatrzył M. Plezia. Kr. 1951. LXI, 52 s. (PAU.)
- Długosz J.** Bitwa Grunwaldzka. [Z «Historii Polski».] Opracował J. Dąbrowski. Kr. 1925. LIV, 112 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 31.)
- [**Gallus**]. *Anonima t. zw. Galla Kronika polska.* Przełożył i opracował R. Grodecki. Kr. 1923. 176 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 59.)
- [**Gallus**]. *Anonima t. zw. Galla kronika* czyli dzieje książąt i władców polskich. Wydał, wstępem i komentarzem opatrzył K. Malec z y Ń s k i. Kr. 1952. CIV, 198 s. (PAU. Wyd. Komisji historycznej. N 89. Pomniki dziejowe Polski. Ser. II. T. 2.)
- Ibrahim ibn Jakub.** Relacja... z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego. Wydał, wstępem, komentarzem i przekładem opatrzył T. Kowalski. Kr. 1946. 162 s. (PAU. Pomniki dziejowe Polski. Ser. II. T. I.)
- Kazania gnieźnieńskie. Podobizna, transliteracja, transkrypcja. Wydał S. Vrte l- W i e r c z y Ń s k i. P. 1953. XXIV, 165 s.

- Księga henrykowska.* Z tekstu łacińskiego przetłumaczył i wstępem poprzedził R. Grodecki. P.—Wr. 1949. 434 s.
- Lewicki T.** Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografii arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego. Część I. (Uwagi ogólne, tekst arabski, tłumaczenie.) Kr. 1945. V, 144 s. (PAU. Prace komisji orientalistycznej. N 34.)
- Ruch husycki w Polsce.* Wybór tekstów źródłowych (do r. 1454). Opracowali R. Heck i E. Malec z y Ń s k a. Wr. 1953. XXXV, 268 s.
- Statuty Kazimierza Wielkiego. W opracowaniu O. Balzera. P. 1947. XXXVIII, 527 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XIX.)
- Thietmar.** Kronika. Z tekstu łacińskiego przetłumaczył, wstępem poprzedził i komentarzem opatrzył M. Żelicki. P. 1953. XCIV, 652 s.

ЛИТЕРАТУРА

- Винавер М.** Исследование памятника польского обычного права XIII в., написанного на немецком языке. В. 1888. IV, 254 с.
- Грацианский Н.** Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М. 1943. 64 с.
- Грацианский Н. П.** Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. *ВИ.* 1946. № 2—3, с. 91—106.
- Грацианский Н. П.** Немецкий «Дрангах Остен» в фашистской историографии. В кн.: Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М. 1939. с. 135—155.
- Греков Б. Д.** Киевская Русь. М. 1953. 568 с.
- Греков Б. Д.** «Русская Правда» и ее славянское окружение. *Известия АН СССР, серия истории и философии.* Т. IX. 1952, с. 105—114.
- Зигель Ф.** Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше. В кн.: Сборник статей по славяноведению, составленный и изд. учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его профессорской деятельности. СПб. 1883, с. 99—118.

- Зутис Я.** Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена. *ИЖ.* 1941. № 9, с. 74—80.
- Королюк В. Д.** К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке. *КС Ин. слав.* № 9. 1952, с. 43—50.
- Королюк В. Д.** Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг. В сб.: Акад. Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М. 1952, с. 69—75.
- Королюк В. Д.** О последнем периоде правления Болеслава Храброго. *Исторические записки.* Т. 19. 1946, с. 142—148.
- Ланин Н., Турчинский А.** Грюнвальдская битва. Разгром немецких рыцарей 15 июля 1410 г. М. 1939. 47 с.
- Линиченко И. А.** Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I. Русь и Польша до конца XII в. Киев. 1884. 216, 24, VIII с.
- Любавский М.** Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше. Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Виноградова. М. 1902. Вып. III, с. 444—464.
- Любавский М.** Нешавские статуты Казимира Ягеллончика, их место и значение в истории государственного развития Польши. Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Виноградова. М. 1902. Вып. III, с. 488—514.
- Любавский М.** Польский король Казимир Великий. Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Виноградова. М. 1902. Вып. III, с. 465—487.
- Очерки истории СССР.** Период феодализма IX—XV вв. Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. Т. 1—2. М. 1953. (АН СССР.)
- Пашуто В. Т.** Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 1950. 328 с.
- Пичета В. И.** Образование Польского государства. В кн.: Славянский сборник. [М.] 1947, с. 45—73.
- Разумовская Л. В.** Повинности крестьян в феодальной Польше (первая половина XIV в.). *Уч. зап. Ин. слав.* Т. IV. 1951, с. 263—283.
- Рыбаков Б. А.** Ремесло древней Руси. М. 1948. 792 с. 144 пл.
- Успенский Ф.** Первые славянские монархии на северо-западе. СПб. 1872. 266, IX с.
- Antoniewicz W.** Archeologia Polski, zarys czasów przedhistorycznych i wczesnohistorycznych ziem polskich. W. [1928] 341 s. 1712 il. 48 tabl. 9 map.
- Arnold St.** Możliwość państwa polskie w XII i XIII jego podstawy gospodarczo-społeczne. *Prz. hist.* T. XXV. 1925, s. 1—32.
- Arnold St.** Terytoria plemienne w ustroju administracyjnym Polski piastowskiej. (w. XII—XIII). *Prace komisji dla atlasu historii Polski.* Z. 2, s. 1—126. 4 mapy. Kr. 1927.
- Arnold St.** Uwagi o początkach ustroju feudalnego w Polsce. *Prz. hist.* T. XLI. 1950, s. 9—20.
- Balzer O.** Genealogia Piastów. Kr. 1895. XV, 574 s.
- Balzer O.** Narzaz w systemie danin książęcych pierwotnej Polski. L. 1928. 661 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XI.)
- Bardach J., Gieysztor A., Lowmiański H., Maleczyńska E.** Historia Polski do r. 1466. W. 1953. 270 s. 5 map.
- Bobrzyński M.** Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatów XII wieku. *Roz. h.-f. PAU.* T. XIV. 1881, s. 1—84.
- Bortnowski W.** Walki w obronie niepodległości Polski w okresie wczesnofeudalnym. W. 1952. 79 s. 1 mapa.
- Bujak F.** Studia nad osadnictwem Małopolski. Kr. 1905. *Roz. h.-f. PAU.* T. XXII (XLVII), s. 172—428.
- Chłopocka H.** Początki Szczecina. *RH.* R. XVII. 1948, s. 281—335.
- Czapliński Wł.** Polska a Bałtyk w latach 1632—1648. Dzieje floty i polityki morskiej. Wr. 1952. 151 s.
- Długopolski E.** Bunt wójta Alberta. *RK.* R. VII. 1905, s. 135—186.
- Długopolski E.** Władysław Łokietek na tle swoich czasów. Wr. 1951. 366 s.
- Gieysztor A.** Geneza państwa w świetle najnowszych badań. *Kw. hist.* R. LXI. 1954. N 1, s. 103—136.
- Grodecki R., Zachorowski St., Dąbrowski J.** Dzieje Polski średniowiecznej. T. 1—2. Kr. 1926.
- Grodecki R.** Początki imunitetu w Polsce. L. 1930. 96 s. (Badania z dziejów społecznych i gospodarczych. N 8.)
- Historia Śląska od najdawniejszych czasów do roku 1400** pod red. St. Kutrzeby. T. I—III. Kr. 1933—1939.
- Hube R.** Prawo polskie w wieku trzynastym. W. 1874. VII, 271 s.
- Hube R.** Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. W. 1881. 111, 410, 110, V s. Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku. W. 1886. IV, IV, 410, 110, V, 2 s. (Prawo polskie w 14 wieku.)
- Kaczmarczyk K.** Ciężary ludności wiejskiej i miejskiej na prawie niemieckim w Polsce XIII i XIV w. W. 1911. 58 s. (Odbitka z *Prz. hist.*)
- Kaczmarczyk Z.** Immunitet sądowy i jurysdykcja poimunitetowa w dobrach kościoła w Polsce do końca XIV wieku. P. 1936. 402 s.
- Kaczmarczyk Z.** Kazimierz Wielki (1333—1370). W. 1948. 395 s.

- Kaczmarczyk Z.** Kolonizacja niemiecka na wschód od Odry. P. 1945. 267 s.
- Kaczmarczyk Z.** Monarchia Kazimierza Wielkiego. T. I—II. P. 1939—1947.
- Kaczmarczyk Z., Szezaniecki M.** Kolonizacja na prawie niemieckim w Polsce a rozwój renty feudalnej. *CzPH*. T. III. 1951, s. 59—83.
- Kętrzyński W.** O ludności polskiej w Prusiech niegdyś krzyżackich. L. 1882. XXIII, 653 s. 3 mapy.
- Kolańczyk K.** Studia nad relikwami wspólnej własności ziemskiej w najdawniejszej Polsce. Rozporządzenie własnością ziemską do końca XIV w. P. 1950. 519 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XX. Z. 2.)
- Kowalenko Wł.** Starostawiańskie grody portowe na Bałtyku. *Prz. zach.* R. VI. 1950. N 5—6, s. 378—420.
- Kłodziński A.** Z dziejów pierwszego krakowskiego buntu wójta Alberta [Zapiski Tow. Nauk. w Toruniu. T. XIV. 1948. Zesz. 1—4, s. 45—56].
- Krawowski S.** Kościół a państwo polskie do początków XIV w. W. 1950. 268 s.
- Kutrzeba St.** Handel Krakowa w wiekach średnich na tle stosunków handlowych Polski. Kr. 1903. 196 s.
- Kutrzeba St.** Handel Polski ze Wschodem w wiekach średnich. *Przegląd Polski*. R. XXXVII. 1903. T. 148, s. 189—219, 462—496.
- Kutrzeba St. i Ptaśnik J.** Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego. Kr. 1910. 183 s.
- Labuda G.** Ibrahim ibn Jakub. Najstarsza relacja o Polsce. *RH*. T. XVI. 1947, s. 100—183.
- Labuda G.** Studia nad początkami państwa polskiego. P. 1946.
- Lange O.** Lokacja miast Wielkopolski właściwej na prawie niemieckim w wiekach średnich. L. 1925. 56 s.
- Łęga Wł.** Obraz gospodarczy Pomorza gdańskiego w. XII i XIII ww. P. 1949. VIII, 260 s.
- Lowmiański H.** Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. W. 1953. 399 s.
- Macek J.** Husitě na Baltu a ve Velkopolsku. Praha. 1952. 173 s.
- Maleczyńska E.** Społeczeństwo polskie pierwszej połowy XV wieku wobec zagadnień zachodnich. (Studia nad dynastyczną polityką Jagiellonów.) Wr. 1947. 163 s.
- Maleczyńska E.** Udział Śląska w zmaganiach polsko-niemieckich pierwszej połowy XV w. *Sobótka*. R. I. 1946, s. 24—43.
- Maleczyński K.** Bolesław Krzywousty. Zarys panowania. Kr. b. r. 292 s. 1 mapa.
- Maleczyński K.** Polska a Czechy w średniowieczu. *Sobótka*. R. II. 1947, s. 1—46.
- Maleczyński K.** Dzieje Wrocławia. Cz. 1. Do roku 1526. Katowice — Wr. 1948. 344 s.
- Maleczyński K.** Najstarsze targi w Polsce i stosunki ich do miast przed kolonizacją na prawie niemieckim. L. 1926, 204 s. 1 mapa. (Studia nad historią prawa polskiego. T. X. Z. 1.)
- Małowist M.** W sprawie badań nad historią rzemiosła miejskiego w średniowiecznej Polsce. *RDŚG*. T. XIII. 1951, s. 1—22.
- Mastawski J.** Kolonizacja wiejska na prawie niemieckim w województwach sieradzkim, łęczyckim, na Kujawach i w ziemi dobrzyńskiej. *RH*. T. XIII. 1937.
- Matuszewska H.** Początki Gdańska. *RH*. R. XVII. 1948, s. 70—124.
- Münch H.** Geneza rozplanowania miast wielkopolskich XIII i XIV w. Kr. 1946. 244 s., 68 tabl. 78 il. (PAU. Prace komisji atlasu historycznego Polski. Z. IV.)
- Nowakowa J.** Rozmieszczenie komór celnych i przebieg dróg handlowych na Śląsku do końca XIV w. Wr. 1951. 226 s. 1 mapa.
- Piekarczyk St.** Z badań nad gospodarczo-społeczną strukturą miast polskich w okresie od drugiej połowy XIII do pierwszych dziesiątków lat XIV w. *Kw. hist.* R. LIX. 1952, s. 61—91.
- Piekarczyk St., Lepiarczyk J.** Średniowieczny Kraków. Rozwój społeczno-gospodarczy i urbanistyczny miasta. Kr. 1951. 67 s.
- Piekosiński F.** Ludność wieśniacza w Polsce w dobie piastowskiej. Kr. 1896. 151 s.
- Piekosiński F.** O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju. *Roz. h-f. PAU*. T. XIV. 1881, s. 85—292.
- Potkański K.** Kraków przed Piastami. *Roz. h-f. PAU*. T. XXV. 1898, s. 101—255.
- Prochaska A.** W czasach husyckich. Kr. 1897. 123 s.
- Ptaśnik J.** Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce. Wyd. 2-e. W. 1949. VII, 438 s.
- Ptaśnik J.** Studia nad patrycjatem krakowskim wieków średnich. *RK*. T. 15. Kr. 1913, s. 23—95.
- Szezaniecki M.** Nadania ziemi na rzecz rycerzy w Polsce do końca XIII wieku. P. 1938. 165 s.
- Smolka St.** Mieszko Stary i wiek jego. W. 1881. XXXI, 544 s.
- Smolka St.** Uwagi o pierwotnym ustroju społecznym Polski piastowskiej z powodu rozpraw Bobrzyńskiego i Piekosińskiego. *Roz. h-f. PAU*. T. XIV. 1881, s. 293—398.
- Stesłowicz Wł.** Cechy krakowskie w okresie powstania i wzrostu *Kw. hist.* R. VI. 1892, s. 277—333.

- Studia wczesnośredniowieczne. Studia, materiały, sprawozdania. I. W.—Wr. 1952. 208 s. 152 tabl. il.
- Суловский З. Najstarsza granica zachodnia Polski. *Prz. zach.* R. VIII. 1952. N 3—4, s. 343—483.
- Сzelągowski А. Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie bizantyńsko-arabskim. *Kr.* 1909. IX, 145 s. 1 mapa.
- Тыс Т. Początki kolonizacji wiejskiej na prawie niemieckim w Wielkopolsce (1200—1333). P. 1924. 137 s.
- Тымieniecki К. Ludność wiejska w krajach połabskich i pomorskich w wiekach średnich. *Slavia Occidentalis.* R. I. 1921, s. 1—51.
- Тымieniecki К. O państwie polskim w wiekach średnich. *RH.* T. XVI. 1947, s. 36—99.
- [В связи с кн.: Wojciechowski Z. Państwo polskie w wiekach średnich.]
- Тымieniecki К. Podgródzia w zachodniej Słowiańszczyźnie i pierwsze lokacje miast na prawie niemieckim. *Slavia Occidentalis.* R. II. 1922, s. 55—113.
- Тымieniecki К. Prawo niemieckie w rozwoju społecznym wsi polskiej. *Kw. hist.* R. XXXVII. 1923, s. 38—78.
- Тымieniecki К. Procesy twórcze formowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. W. 1921.
- Тымieniecki К. Wolność kmieca na Mazowszu w XV w. P. 1921. 87 s.
- Тымieniecki К. Z dziejów rozwoju wielkiej własności na Śląsku w wieku XIII. P. 1927. 64 s.
- Wegmann S. Cła i drogi handlowe Polski piastowskiej. P. 1938. 2, 144 s. 1 mapa.
- Widajewicz J. Państwo W ślan. *Kr.* 1947. 136 s.
- Widajewicz J. Pierwotne dzieje Polski. *Prz. zach.* R. VIII. 1952. N 11—12, s. 370—400.
- Widajewicz J. Początki Polski. *Wr.—W.* 1948. 162 s.
- Widajewicz J. Powołowe-poradlnie. Dąbina ludności wiejskiej w dobie Piastowskiej. L. 1913. 145 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. V. Z. 4.)
- Widajewicz J. Studia nad relacją o Słowianach Ibrahima ibn Jakuba. *Kr.* 1946. 103 s.
- Włodarski B. Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV w. (1250—1306). L. 1931. 214 s. 1 mapa.
- Wojciechowska M. i Wojciechowski Z. Polska Piastów. Polska Jagiellonów. P. 1946. 480 s.
- Wojciechowski Z. Szkice historyczne XI wieku. *Wyd.* 3-e. W. 1951. 394 s.
- Wojciechowski Z. Państwo polskie w wiekach średnich. Dzieje ustroju. *Wyd.* 2-e. P. 1948. XV, 405 s. Bibliografia.
- Wojciechowski Z. Polska nad Wisłą i Odrą w X wieku. Studium nad genezą państwa Piastów i jego cywilizacji. Katowice. 1939. 206 s.
- Wojciechowski Z. Sądownictwo prawa polskiego w dobie przedimmunitowej. L. 1930. 129 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XIII. Z. 1.)
- Wyszyński M. Ze studiów nad historią dziesięciny w Polsce średniowiecznej. I. Czasy Władysława Łokietka i Kazimierza Wielkiego. L. 1929. 141 s.
- Ziołkowska H. Pomorze a handel bałtycki w okresie wczesnohistorycznym. *Prz. zach.* R. VII. 1951. N 1—2, s. 45—52.

История культуры

- Balzer O. Studium o Kadłubku. T. I—II. L. 1934—1935 (Pisma pośmiertne. T. I—II).
- Friedberg M. Kultura polska a niemiecka. T. 1—2. P. 1946.
- Nowicki A. Grzegorz z Sanoka — pionier polskiego Odrodzenia. *MF.* 1953. N 4/10, s. 36—57.

БАРЩИННО-КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Хронологические выписки. III—IV. «Архив Маркса и Энгельса». T. VII—VIII.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. М.—Л. 1953. XVIII, 328 с.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Соч. T. XVI. Ч. 2.

МАТЕРИАЛЫ ЦК КПСС

- Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза. М. 1954. 29 с.

- Хрущев Н. С. Речь на II съезде Польской объединенной рабочей партии 11 марта 1954 г. «Правда». 12 марта 1954 г.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

- Bierut В. Przemówienie na posiedzeniu Komisji Konstytucyjnej dnia 23 stycznia 1952 г. *ND.* R. V. 1951. N 6/30, s. 3—4.

КЛАССИКИ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Чернышевский Н. Г. Современное обозрение. Из № 9 «Современника». Полное собрание сочинений. T. IV. М. 1948. [О «Богдане Хмельницком» Костомарова.]

ИСТОЧНИКИ

- Атака Гданска фельдмаршалом графом Минихом 1734 г. Сборник реляций графа Миниха, составленный полковником Д. Ф. Масловым. *ЧОИДР*. 1888. Кн. II, с. I—XXVI, 1—268.
- Бантыш-Каменский Н. Переписка между Россией и Польшей с 1487 по 1700 г. Т. I—III. М. 1860—1862.
- Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М. 1953. (АН СССР. АН УССР.)
- Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение вел. княжества Литовского с королевством Польским. СПб. 1869. XVII, 786 с.
- Допросы Костюшке, Немцевичу и прочим, и их показания. *ЧОИДР*. 1866. Кн. 3, с. 38—54. Кн. 4, с. 185—230. 1867. Кн. 1, с. 60—130.
- Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л. 1936. X, 288 с.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. *Сборник Русского исторического общества*. Т. XXXV, LIX, LXXI, CXXXVII, CXLII. СПб. 1882—1913.
- Суворов. Документы. Т. III. 1794—1798. Под ред. Г. П. Мещерякова. М. 1952. XXVII, 676 с. [Охватывает 1505—1570 и 1598—1615 гг.]
- Фортен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб. 1889. VIII, 340 с. Archiwum Jana Zamoyskiego. T. I—IV. Kr. 1904—1948.
- Baranowski B. i Lewandowski W. Nietolerancja i zabobon w Polsce w wieku XVII i XVIII. Wypisy źródłowe. W. 1950. 223 s.
- Czasy saskie. Wybór źródeł. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył J. Feldman. Kr. 1928. XXXV, 256 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 110.)
- Gostomski A. Gospodarstwo. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył S. Inglot. Wr. 1951. XLI, 132 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 139.)
- Humanizm i reformacja w Polsce. Wybór źródeł. Wydali Ign. Chrzanowski i St. Kot. L.—W.—Kr. 1927. XII, 503 s.
- Jeziński F. S. Wybór pism. Opracował Z. Skwarczyński. Wstępem poprz. J. Ziomek. Kr. 1952. 353 s.
- Kitowicz J. Opis obyczajów za panowania Augusta III. Wyd. 2-e. Wr. 1950. LXXVII, 613 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 88.)
- Konfederacja Barska. Wybór tekstów. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Wł. Konopczyński. Kr. 1928. XLVI, 215 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 102.)
- Lempicki St. Renesans i humanizm w Polsce. Materiały do studiów. W. 1952. VI, 474 s.
- Kuźnica kółtajowska. Wybór źródeł. Wybrał, wstępem i objaśnieniami opatrzył B. Leśnodorski. Wr. 1949. LXXXI, 251 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 130.)
- Materiały do powstania Kostki Napierskiego 1651 r. Wyd. i wstępem poprzedził A. Przyboś. Wr. 1951. XCVII, 150 s.
- Materiały do dziejów robocizny w Polsce w XVI wieku. Wyd. St. Kutrzeba. Kr. 1911. 198 s. (PAU.)
- Materiały do dziejów rolnictwa w Polsce w XVI—XVII w. Poprzedzone wiadomością o życiu i pismach Jana Ostroroga, wojewody poznańskiego. Zebrał i oprac. Wł. Chomętowski. W. 1876. 424 s.
- O powstaniu Kościuszkowskim. Zebrał i opatrzył przypisami W. Bortnowski. W. 1951. 136 s. [Документы.]
- Pasek J. Pamiętniki. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył W. Czaplinski. Wr. 1952. LX, 573 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 62.)
- Pawliński A. Polska XVI w. pod względem geograficzno-statystycznym. T. 1—2. Wielkopolska. T. 3—4. Małopolska. T. 5. Mazowsze. W. 1883—1895. (Źródła dziejowe. T. XII—XVI.)
- Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w. Wydał S. Pawlik. T. I—II. Kr. 1915—1929. (PAU.)
- Polskie ustawy wiejskie XV—XVII w. Wyd. St. Kutrzeba i A. Mańkowski. Kr. 1938. XV, 512 s. (PAU. Archiwum Komisji Prawniczej. T. XI.)
- Położenie chłopów u schyłku Rzeczypospolitej szlacheckiej. Wybór tekstów źródłowych. Opracowali B. Baranowski, Z. Libiszowska, R. Rosin. W. 1953. XXXI, 260 s.
- Próby reform włościańskich w Polsce XVIII wieku. Wybór źródeł. Oprac. i wstępem zaopatrzył S. Inglot. Wr. 1952. LXII, 340 s.
- Szczotka St. Materiały do dziejów zbrojnicztwa góralskiego z lat 1589—1782. Lublin — Ł. 1952. 190 s. Litogr. (Archiwum etnograficzne. N 3.)
- Władztwo Polski w Prusiech zakonnych i książęcych (1454—1657). Wybór źródeł. Opracował i wstępem poprzedził A. Vetulański. Wr. 1953. LXVII, 283 s.
- Wycieczki Cz. z przeszłości ruchów chłopskich (1768—1861). W. 1952. 224 s.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов Е. Польша между Пруссией и Россией. *ИЖ*. 1941. № 9, с. 36—46.
- Архангельский А. С. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI — первой половины XVII века. *ЧОИДР*. 1888. Кн. 1, с. 1—137.

- Базилевич К. В.** Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М. 1952. 543 с.
- Вержбовский Ф.** Отношение Польши к Тридентскому собору и его постановлениям. *ЖМНП*. 1893. № 5, с. 1—67.
- Воблый К. Г.** Очерки по истории польской фабричной промышленности. Ч. I (1764—1830). Киев. 1909. 417, 3, VIII с.
- Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954. Сборник статей. М. 1954. 439 с. (АН СССР. АН УССР.)
- Герье В.** Борьба за польский престол в 1733 г. М. 1862. X, 472, VII, 167 с.
- Гибянский И. Г.** Граф Антоний Тизенгауз и гродненские королевские мануфактуры. Очерк по экономической истории Польши в эпоху Станислава Августа (1764—1795). П. 1916. XII, 64 с.
- Голобуцкий В. А.** Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648—1654). М. 1954. 158 с.
- Греков И., Королюк В., Миллер И.** Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. М. 1954. 112 с. (АН СССР. Институт славяноведения.)
- Джервис М. В.** К вопросу о разделах Польши. (Критико-историографические замечания.) *Исторический сборник*. № 1. 1934, с. 229—252.
- Дракохруст Е.** Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков. *ВИ*. 1948. № 1, с. 35—58.
- Иваницкий С. Ф.** Первый период Барской конфедерации. В кн.: Ученые записки Ленинградского Гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Т. XLV. 1934, с. 225—259.
- Иваницкий С.** Польша в половине XVIII в. и возникновение Барской конфедерации. В кн.: Ученые записки Ленинградского Гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Т. XXII. 1939, с. 103—187.
- Иванова О. Е.** К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII — первой половине XVIII в. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. VI. 1952, с. 284—301.
- Иванова О. Е.** Положение крестьян в Новотаргском старостве в XVII в. и восстание 1630 г. В кн.: Ученые записки Ленинградского Гос. университета им. А. А. Жданова. Т. 127. 1950, с. 249—273.
- Иловайский Д.** Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М. 1870. XXVI, 274 с.
- Кареев Н.** Борьба шляхты с духовенством в Польше на сеймах середины XVI века. *Юридический вестник*. 1881. № 9, с. 38—64; № 10, с. 177—215.
- Кареев Н. И.** Вопрос о религиозной реформации XVI века в Речи Посполитой в польской историографии. СПб. 1885. 53 с.
- Кареев Н. И.** Исторический очерк польского сейма. М. 1888. IV, 162 с.
- Кареев П.** Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. СПб. 1886. VIII, 192 с.
- Кареев П.** Польские реформы XVIII в. СПб. 1890. II, 183 с.
- Компан Е. С.** Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше. *КС Ин. слав.* № 13. 1954, с. 17—27.
- Королюк В. Д.** Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. III. 1951, с. 176—219. Речь Посполитая и подготовка Северной войны. *Там же*. Т. IV. 1951, с. 190—236. Речь Посполитая и начало Северной войны. *Там же*. Т. V. 1952, с. 259—295. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе. *ВИ*. 1948. № 4, с. 43—67. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. VI. 1952, с. 208—283. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну. *Там же*. Т. VII. 1953, с. 210—276.
- Королюк В. Д.** Ливонская война. М. 1954. 109 с. (АН СССР.)
- Костомаров Н. И.** Последние годы Речи Посполитой. СПб. 1905 (Собр. соч. Кн. 7. Т. 17—18).
- Любович Н.** История реформации в Польше. Кальвинисты и антиринитарии. В. 1883. III, 347, XXIX с.
- Любович Н.** Люблинские вольнодумцы в XVI в. (Антиринитарии и анабаптисты). В. 1902. 22 с.
- Любович Н.** Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. В. 1890. II, 400, VIII с.
- Любович Н. Н.** Папский нунций Комендоне в Польше (Из эпохи начала католической реакции). *ЖМНП*. 1887. № 1, с. 68—98; № 2, с. 203—239.
- Макушев В. В.** Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI века. В кн.: Славянский сборник. Т. 3. СПб. 1876, с. 27—121.
- Миллер И. С.** К вопросу о формировании польской буржуазной нации. *ВИ*. 1952. № 7, с. 51—73.
- Миллер И. С.** Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. II. 1950, с. 155—215. Крестьянское движение в Великой Польше в 1651 г. *Там же*. Т. III. 1951, с. 220—235. Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ. *ВИ*. 1954. № 1, с. 95—116.

- Мякотин В.** Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб. 1889. 229 с.
- Новая история.** Т. I. 1640—1789. Под ред. Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича. М. 1953. 500 с.
- Новодворский В. В.** Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582). СПб. 1904. 11, 304, 50 с.
- Новодворский В. В.** Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория. *ЖМНП*. 1910. № 11, с. 1—60.
- Новосельский А. А.** Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л. 1948. 447 с.
- Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией. Киев. 1954. 351 с. (АН УССР. Институт истории.)
- Пичета В. И.** К истории восстания Костюшко 1794 г. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. VII. 1953, с. 179—209.
- Пичета В. И.** Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты. В кн.: Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М. 1909, с. 605—631.
- Пичета В. И.** Польша на путях к колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия. *Исторические записки*. Т. 7. 1940, с. 59—90.
- Полосин И.** Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569—1582). *ВИ*. 1945. № 5—6, с. 142—153.
- Поршнев Б. Ф.** К характеристике международной обстановки Освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. *ВИ*. 1954. № 5, с. 44—58.
- Рябинин И.** Польша XVI и первой половины XVII вв. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. I. М. 1910, с. 351—387.
- Рябинин И.** Польша в XVIII в. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. II. М. 1911, с. 468—510.
- Савич О.** Андрусівське перемир'я 1667 р. В кн.: Наукові записки. Кн. II. Київ. 1946, с. 131—151. (АН УРСР. Інститут історії і археології України.)
- Соловьев С. М.** История падения Польши. В кн.: Собр. соч. СПб. [1900], стб. 1—246.
- Трачевский А.** Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов. М. 1869. XXXVI, 511, 112 с.
- Форстен Г. В.** Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб. 1893. XV, 717 с. Т. 2. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб. 1894. IX, 630 с.
- Форстен Г. В.** Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб. 1884. XVI, 619, 43 с.
- Adameczyk Wł.** Rozruchy agrarne włościan w Konopnicy w 1615—1616 r. *RDSG*. T. VI. 1937, s. 73—86.
- Arnold St.** Podłoże gospodarczo-społeczne polskiego Odrodzenia. W. 1953. 73 s.
- Arnold St., Michalski J., Piwarski K.** Historia Polski od połowy XV w. do r. 1795. W. 1953. 184 s.
- Assorodobraj N.** Początki klasy robotniczej. Problem rąk roboczych w przemyśle polskim epoki stanisławowskiej. W. 1946. 270 s.
- Baranowski B.** Ludzie luźni w południowo-wschodniej Wielkopolsce w XVII i XVIII w. *PNHS*. T. III. 1953, s. 252—269.
- Baranowski B.** Narodowo-wyzwoleńcza walka ludu ukraińskiego w XVII wieku. *ND*. R. VIII. 1954. N 1/55, s. 28—44.
- Baranowski B.** Powstania chłopskie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. W. 1952. 160 s. [На стр. 85—158—источники.]
- Baranowski B.** Powstanie Kostki Napieriskiego w 1651 r. W. 1951. 88 s.
- Baranowski B.** Walka chłopów kurpiowskich z feudalnym uciskiem. W. 1951. 155 s.
- Baranowski B. i Libiszowska Z.** Walka narodu polskiego z najazdem szwedzkim. W. 1952. 112 s.
- Baranowski I. T.** Księgi referendarskie. T. I. 1582—1602. W. 1910. XV, 173 s.
- Baranowski I.** Przemysł polski w wieku XVI. W. 1919. 192 s.
- Baranowski I. T.** Wieś i folwark. W. 1914. 301 s.
- Baranowski I. T.** Wieś polska w okresie między Unią Lubelską a Konstytucją 3-go Maja. *Przegląd Narodowy*. R. I. 1908. № 10, s. 390—415.
- Bardach J.** W 300-ną rocznicę powstania chłopskiego pod wodzą Kostki Napieriskiego. *ND*. 1951. N 3/27, s. 91—126.
- Bazyłow L.** Śląsk a Czechy w II poł. XV wieku. *Sobótka*. R. II. 1947, s. 110—140.
- Bergerówna J.** Księżna pani na Kocku i Siemiatyczach. (Działalność gospodarcza i społeczna Anny z Sapiehów Jabłonowskiej.) L. 1936. 440 s.
- Bergerówna J.** Z dziejów książki gospodarczej w Polsce XVI w. Studium o Anzelmie Gostomskim. L. 1933. 140 s.
- Bieniarzówna J.** Walka chłopów w kasztelanii krakowskiej. W. 1953. 112 s.
- Bieniarzówna J.** Wrzenie chłopskie w dobrach mogiłskich w XVIII w. *RDSG*. T. XIV. 1952, s. 137—152.
- Bieniarzówna J.** W walce o chłopskie prawa. Karta z dziejów Olszanicy, wsi powiatu krakowskiego. Kr. 1947.
- Bobińska C.** Marks i Engels o sprawie Polski. O pewnych zagadnieniach rozwoju Polski od schyłku XVIII do 7-go dziesięciolecia XIX w. *MW*. 1949. N 3, s. 229—250.

- Broda J.** Andrzej Zamoyski a sprawa chłop-
ska w drugiej połowie XVIII w. W.
1951. 173 s.
- Burszta J.** Wieś i karczma. Rola karczmy
w życiu wsi pańszczyźnianej. W. 1950.
231 s.
- Czapliński Wł.** Ruchy ludowe w roku 1651.
(Wyniki badań, poprawki a uzupeł-
nienia) *Prz. hist.* T. XLIV. 1953,
s. 64—90.
- Czapliński Wł.** Śląsk a Polska w pierw-
szych latach wojny trzydziestoletniej
(1618—1620). *Sobótka.* R. II. 1947,
s. 141—181.
- Deresiewicz J.** Z badań nad początkami
układu kapitalistycznego w przemyśle
poznańskim w drugiej połowie XVIII w.
Prz. zach. R. VII. 1951. N 9—10,
s. 47—71.
- Deresiewicz J.** Z początków układu kapi-
talistycznego w Wielkopolsce. *Prz. zach.*
R. VII. 1951: N 11—12, s. 321—340.
- Divéky A.** Dzieje przyłączenia miast spis-
kich do Węgier w r. 1770. *Prz. hist.*
T. XXIII. Z. 1. 1924, s. 17—60.
- Dobrowolski K.** W sprawie skupu solectw
w Polsce w XV i XVI w. *Kw. hist.*
R. XXXVIII. 1924, s. 1—28.
- Feldman J.** Polska w dobie wielkiej wojny
północnej 1704—1709. Kr. 1925.
319 s.
- Feldman J.** Stanisław Leszczyński. Wr.—
W. 1948. 253 s.
- Gargas Z.** Poglądy ekonomiczne w Polsce
w XVII w. Wyd. 2-e. L. 1903. XV,
253 s.
- Gąsiorowska N.** Polska na przełomie życia
gospodarczego 1764—1840. W. 1947.
116 s.
- Gerlach J.** Chłopi w obronie Rzeczypospo-
litej. Studium o piechocie wybranieckiej.
L. 1939. 254 s.
- Gierowski J.** Kartki z rodowodu biedoty
wiejskiej. W. 1951. 131 s.
- Gierowski J.** Stłumienie powstania chło-
pów kurpiowskich w 1738 r. *Prz. hist.*
T. XLIV. 1953, s. 91—100.
- Gilewicz A.** Przygotowania do rewolucji
chłopskiej w Polsce w latach 1767—
1769. *RDSG.* T. I. 1931, s. 1—36.
- Grabski St.** Zarys rozwoju idei społeczno-
gospodarczych w Polsce od pierwszego
rozbioru do r. 1831. T. I. Od pierwszego
rozbioru do trzeciego. Kr. 1903.
283 s.
- Grodecki R.** Początki gospodarki folwarcz-
nej w Polsce. In: *Studia do dziejów
kultury polskiej.* Książka zbiorowa. W.
1949, s. 57—72.
- Grodecki R.** Ź dziejów walki klasowej w
rzemiośle i górnictwie polskim. *Kw.
hist.* R. LXI. 1954. N. 1, s. 137—149.
- Hejnosz W.** Stanowisko prawne ludności
wieśniaczej w zbiorze praw sądowych
A. Zamoyskiego. *RDSG.* T. V. 1936.
- Jabłoński H.** Sąd kryminalny wojskowy
w roku 1794. W. 1935. 115 s.
- Kaleta R. i Klimowicz M.** Prekursorzy
Oświecenia. «Monitor» z roku 1763 na
tle swoich czasów. Wr. 1953. 333 s.
(Instytut badań literackich PAN. *Stu-
dia hist.-lit.* T. 20.)
- Kniaź M.** Gospodarcze znaczenie ciężar-
ów ludności włościańskiej w Polsce w
XVIII w. Próba rekonstrukcji budżetu gos-
podarstwa włościańskiego. P. 1929. 63 s.
- Koczy L.** Dzieje handlu polskiego przed
rozbiarami. L. 1939. 103 s.
- Koczy L.** Handel miasta Poznania do
połowy w. XVI. P. 1930. 384 s.
- Koczy L.** Związki handlowe Wrocławia
z Polską do końca XVI w. Katowice.
1936. 34 s.
- Koźłataj i wiek Oświecenia.** W. 1951. 294 s.
[Материалы научной сессии, состо-
явшейся в Варшаве 3—5 марта 1951 г.
Изданы также в журнале *Prz. hist.*
T. XLII.]
- Kormanowa Ż.** Grunwald. M. 1943. 40 s.
- Kormanowa Z.** Arianie polscy. *ND.* R.
III. 1949. N 4/16, s. 107—118.
- Korta A.** Blaski i cienie polskiego Oświe-
cenia (w związku z reedycją książki
Władysława Smoleńskiego «Przewrót
umysłowy w Polsce wieku XVIII»). *ND.*
R. IV. 1950. N 3/21, s. 170—186.
- Korzon T.** Wewnętrzne dzieje Polski za
Stanisława Augusta. Wyd. 2-e. T. I—VI.
W. 1897—1898.
- Kurdybacha Ł.** Dzieje kodeksu Andrzeja
Zamoyskiego. Kr. 1951. 168 s.
- Kutrzeba St. i Ptaśnik J.** Dzieje handlu i
kupiectwa krakowskiego. Kr. 1910. 183 s.
- Leitgeber J.** Z dziejów handlu i kupiectwa
poznańskiego z dawnej Rzeczypospo-
litej Polskiej. P. 1929. 327 s.
- Lepszy K.** Dzieje floty polskiej. G.
1947. XIV, 351 s.
- Lepszy K.** Rzeczpospolita Polska w dobie
sejmu inkwizycyjnego (1589—1592).
Kr. 1939. X, 428 s.
- Leśnodorski B.** Dzieło Sejmu czterolet-
niego (1788—1792). Studium histo-
ryczno-prawne. Wr. 1951. 475 s.
- Libiszowska L.** Echa burżuazyjnej rewolucji
angielskiej w Polsce. *PNHS.* T. III.
1953, s. 238—251.
- Lipiński E.** Rozprawa «O pomnożeniu
miast w Polsce» z roku 1648. *Zeszyty
naukowe Szkoły Głównej Planowania i
Statystyki.* Z. 1. 1953, s. 115—142.
- Łoziński Wł.** Prawem i lewem. Obyczaje
na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie
XVII wieku. Wyd. 4-te. T. 1—2. L. 1931.
- Łoziński Wł.** życie polskie w dawnych
wiekach. Wyd. 5-e. W. 1934. VIII, 251 s.
114 tabl.
- Łubińska C.** Sprawa dysydencka 1764—
1766. W. 1911.
- Macurek J.** Česká povstání r. 1618—1620
a Polsko. Brno. 1937. 166 s.
- Macurek J.** O polsko-czeską wzajemność
w dobie czeskiego powstania w l. 1618—
1620. *Sobótka.* R. II. 1947, s. 182—199.

- Małowist M.** Z problematyki rozwoju sił wytwórczych w okresie Odrodzenia. *KHKM. R.* II. 1954. N 1 — 2, s. 3—23.
- Marchlewski J.** Fizjokratyzm w dawnej Polsce. In: *Pisma wybrane. T. I.* W. 1952, s. 1—123.
- Michalski J.** Propaganda konserwatywna w walce z reformą w początkach panowania Stanisława Augusta. *Prz. hist.* T. XLIII. 1952, s. 536—562.
- Ochmański W.** Zbójnictwo góralskie. Z dziejów walki klasowej na wsi góralskiej. W. 1950. 255 s.
- Ogonowski Z.** Arianie polscy. W. 1952. 153 s.
- Opatek K.** Fizjokratyzm francuski i polski. *Ekonomista.* 1951. Z. 2, s. 132—150.
- Piekarczyk St.** Walka Jana Ostroroga o suwerenność władzy królewskiej. *ND.* R. VII. 1953. N 2/44, s. 93—100.
- Prochaska A.** Samorząd województwa ruskiego w walce z opryszczkami. *Roz. h.-f. PAU.* T. XLIX. 1907, s. 269—335.
- Przyboś A.** Powstanie chłopskie w starostwie Lanckorońskim i Nowotarskim w r. 1670. Kr. 1953. 142 s.
- Ptaśnik J.** Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce. Wyd. 2-e. W. 1949. VII, 438 s.
- Ptaśnik J.** Walki o demokratyzację Krakowa w XVII i XVIII w. *Kw. hist.* R. XLIII. 1929, s. 1—33.
- Rafaż J.** Dzieje i ustrój Podhala Nowotarskiego za czasów dawnej Rzeczypospolitej Polskiej. W. 1935. 274 s.
- Rafaż J.** Sąd referendarski koronny. Z dziejów obrony prawnej chłopów w dawnej Polsce. P. 1948. II, 121 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XX. Z. 1.)
- Rafaż J.** Ustrój wsi samorządnej małopolskiej w XVIII w. Lublin. 1922. 380 s.
- Reychman J.** Prusy a insurekcja kościuszkowska. *Prz. zach. R.* II. 1946, s. 760—767.
- Rostworowski E.** Reforma pawłowska Pawła Ksawerego Brzostowskiego (1767—1795). *Prz. hist.* T. XLIV. 1953, s. 101—152.
- Rusiński Wł.** Osady tak zwany «Olędrow» w dawnym woj. poznańskim. Kr. 1947. X, 160 s. (PAU. Prace komisji atlasu historycznego Polski. Z. 5.)
- Rusiński Wł.** Uwagi o rozwarstwieniu wsi w Polsce w XVIII w. *Kw. hist.* R. LX. 1953. N 2, 161—182 s.
- Rutkowski J.** Badania nad podziałem dochodów w Polsce w czasach nowożytnych. T. I. Kr. 1938. XVI, 328 s.
- Rutkowski J.** Pańszczyzna i praca najemna w organizacji folwarków królewskich w Prusach za Zygmunta Augusta. *RH.* R. IV. 1928. Z. 1, s. 38—59.
- Rutkowski J.** Poddaństwo włościan XVIII wieku w Polsce i w niektórych innych krajach Europy. P. 1921. 156 s.
- Rutkowski J.** Przebudowa wsi w Polsce po wojnach z połowy XVII w. *Kw. hist. R.* XXX. 1916, s. 309—342.
- Rutkowski J.** Skup sołectw w Polsce w XVI wieku. P. 1921.
- Rutkowski J.** Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku. W. 1922. 92 s.
- Rutkowski J.** Studia nad położeniem włościan w Polsce w XVIII w. *Ekonomista.* R. XIV. 1914. T. I, s. 87—131. T. II, s. 71—121. T. III, s. 129—153.
- Rybarski R.** Gospodarstwo księstwa oświęcimskiego w XVI wieku. Kr. 1931. 159 s.
- Rybarski R.** Handel i polityka handlowa Polski w XVI st. T. 1—2. P. 1929.
- Rybarski R.** Skarb i pieniądz za Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. W. 1939. 540 s.
- Rybarski R.** Skarbowość Polski w dobie rozbiorów. Kr. 1937. 473 s.
- Rzadkowska H.** Stosunek polskiej opinii publicznej do rewolucji francuskiej. W. 1948. 180 s.
- Smoleński Wł.** Jan Dekert, prezydent starej Warszawy i sprawa miejska podczas sejmów wielkiego. W. 1912. 112 s.
- Smoleński Wł.** Mazowiecka szlachta w poddaństwie proboszczów pfockich. W. 1951. 87 s.
- Smoleński Wł.** Ostatni rok Sejmu Wielkiego. Wyd. 2-e. Kr. 1897. 481 s.
- Smoleński Wł.** Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej. Kr. 1908. 160 s.
- Socha Z. Z.** Hiberna. Studium z dziejów skarbowości w dawnej Polsce. L. 1937. 118 s. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XVI. Z. 2.)
- Strużek B.** Początki kapitalistycznego rozwarstwienia wsi na ziemiach polskich. *Zagadnienia ekonomiki rolnej.* Prace Instytutu Ekonomiki Rolnej. N 3—4. 1953, s. 108—116.
- Szczotka St.** Powstanie chłopskie pod wodzą Kostki Napierskiego. W. 1951. 175 s.
- Szczotka St.** Udział chłopów w walce z potopem szwedzkim. L. 1939. 162 s.
- Szczotka St.** Z dziejów chłopów polskich. W. 1951. 311 s.
- Szelągowski A.** Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII w. w Polsce. L. 1902. XVI, 317 s.
- Śreniowski St.** Zbiegostwo chłopów w dawnej Polsce jako zagadnienie ustroju społecznego. W. 1948. 210 s. [См. рецензию:] J. Bardach. *ND.* R. III. 1949. № 4/16, s. 263—273.
- Tokarz W.** Insurekcja warszawska 17 i 18 kwietnia 1794 r. W. 1950. 375 s. 1 mapa.
- Tokarz W.** Warszawa przed wybuchem powstania 17 kwietnia 1794 r. Kr. 1911. VII, 328 s.
- Topolski J.** Powstanie wielkopolskie 1794 roku. *ND.* R. VIII. 1954. N 5/59, s. 62—74.

- Ulanowski B.** Wieś polska pod względem prawnym od wieku XVI do XVII. *Rocznik PAU.* 1893/4, s. 120—190.
- Wawrzyńczyk A.** Rozwój wielkiej własności na Podlasiu w XV i XVI wieku. Wr. 1951. 375s. 2 mapy (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Ser. A. N 48.)
- Wąsicki J.** Konfederacja targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793 roku. Studium historyczno-prawne. P. 1952. 194 s. tabl. (Studia nad historią prawa polskiego. T. XXI. Z. 2.)
- Wojciechowski M.** Struktura społeczno-gospodarcza Poznania w pierwszej połowie XVIII w. *Prz. zach.* R. VII. 1951. N 11—12, s. 341—395.
- Wojciechowski Z.** Zygmunt Stary (1506—1548). W. 1946. 394 s.
- Wóycicki A.** Dzieje rozwoju klasy robotniczej fabrycznej w Królestwie Polskim. Petersburg. 1918. 355 s.
- История культуры
- Глоке Н. Э.** Ян Кохановский и его значение в истории польской образованности XVI века. *Университетские известия.* Киев. 1897. № 11, с. 1—112. № 12, с. 113—184. 1898. № 3, с. 185—307.
- Собко Н. П.** Ян Галлер, краковський типографік XVI века. *ЖМНП.* 1883. № II, с. 1—54.
- Стороженко А. В.** Польско-латинский поэт второй половины XVI в. Себастиан Фабиан Клёнович. *Университетские известия.* Киев. 1881. № 8, с. 267—283. № 9, с. 331—372. 1882. № 1, с. 18—30.
- Badecki K.** Literatura mieszczańska w Polsce XVII w. L.—W.—Kr. 1925. XXXVIII, 543 s. 200 il.
- Barycz H.** Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego w epoce humanizmu. Kr. 1935. XVI, 762 s.
- Batowski Z.** Norblin. L. 1911. 219 s. 148 il.
- Bernaeki L.** Teatr, dramati i muzyka za Stanisława Augusta. T. I—II. L. 1925. 68 il.
- Biuletyn historii sztuki.* R. XIV. 1952. N 4. [Спеціальний випуск, посвящений мистецтву польського Возрождення.]
- Brückner A.** Mikołaj Rej. Studium krytyczne. Kr. 1905. 418 s.
- Brückner A.** Mikołaj Rej, człowiek i dzieło. L. 1922. 102 s.
- Bystroń J.** Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI—XVIII. W. b. r. 576 s. 279 il.
- Chałasiński J.** Problem Renesansu i humanizmu w Polsce. *PNHS.* T. III 1953, s. 28—78.
- Kultura staropolska.** Kr. 1932. 752 s. (PAU.)
[Сборник статей о культуре Польши XVI в.]
- Leśnodorski B. i Opalek K.** Nauka polskiego Oświecenia w walce o postęp. W. 1951. 116 s.
- Lipiński E.** Fizjokraci w Polsce. *Ekonomista.* 1951. Z. 1, s. 117—201.
- Modzelewski Z.** Niektóre wnioski z roku Odrodzenia. *ND.* R. VIII. 1954. N 2/56, s. 26—38.
- Morawski K.** Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego. T. 1—2. Kr. 1900.
- Polska komedia rybałtowska.** Pierwsze zbiorowe i krytyczne wydanie. Opracował K. B a d e c k i. L. 1931. XXII, 802 s.
- Skwarczyński Z.** Franciszek Salezy Jezierski jako ideolog antyfeudalny. T. II. 1952, s. 81—106.
- Smoleński Wł.** Kuźnica Kołłątajowska. W. 1949. 175 s.
- Smoleński Wł.** Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII. *Studia historyczne.* Wyd. 3-e. W. 1949. XIX, 383 s.
- Suchodolska M.** Realistyczny obraz wsi polskiej w twórczości J. P. Norblina. *Biuletyn historii sztuki.* R. XIII. 1951. N 4, s. 97—123.
- Suchodolski B.** Filozofia polska w dobie rozkładu feudalizmu. M. F. 1952. N 1/3, s. 147—182.
- Suchodolski B.** Społeczne i filozoficzne problemy polskiego Odrodzenia. *MF.* 1953. N 4/10, s. 3—35.
- Tomkiewicz W.** Aktualizm i aktualizacja w polskim malarstwie XVII w. *Biuletyn historii sztuki.* R. XIII. 1951. N 1, s. 55—94.
- Windakiewicz St.** Jan Kochanowski. Wyd. 2-e. 1947. 203 s.
- Wił Stwosz.** Ołtarz krakowski. Wstęp: T. Dobrowolski i J. Dutkiewicz. W. 1951. 31 s. XX, 141 il.
- Z literatury Renesansu i humanizmu.** (Praca zbiorowa pod redakcją J. Chałasińskiego). *PNHS.* T. III. 1953, s. 134—186.
- Коперник
- Kopernik M.** Wybór pism w przekładzie polskim. Opracował L. A. Birkenmajer. Kr. 1926. XXVIII, 114 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 15.)
- Герасименко М. П.** Николай Коперник—выдающийся экономист эпохи раннего капитализма. Киев. 1953. 123 с.
- Николай Коперник.** Сборник статей к четырехсоглетию со дня смерти. М.—Л. 1947. 217 с. (АН СССР.)
- Barycz H.** Mikołaj Kopernik, wielki uczyony Odrodzenia. W. 1953. 79 s.
- Klaus G.** Mikołaj Kopernik — wielki syn narodu polskiego. *MF.* 1953. N 1/7, s. 191—208.
- Leśnodorski B.** Mikołaj Kopernik. *ND.* R. VII. 1953. N 6/48, s. 60—79.
- Przyrkowski T.** O Mikołaju Koperniku. W. 1953. 133 s.

Studia nad Odrodzeniem i Kopernikiem. *Prz. zach.* R. IX. 1953. N 11—12. [Специальный выпуск журнала.]

Фрич-Модржевский

Frycz Modrzewski A. Dzieła wszystkie. Wstęp Ł. Kurdybachy. Przekład E. Jędrkiewicza. Red. nauk i komentarz St. Bodniak. W. 1953. 675 s.

Дылевский Э. Андрей Фрич Модржевский, польский политический писатель эпохи реформации. Ч. I. 1883. 158, XVI, IV с.

Плотников В. Андрей Фрич Модржевский и Станислав Гозий. *ЖМНП.* 1916. № 5. Отд. 2, с. 71—117.

Kurdybacha L. Andrzej Frycz Modrzewski. *MF.* 1953. N 4/10, s. 226—237.

Lepszy K. Z zagadnień ideologii Andrzeja Frycza Modrzewskiego. *Kw. hist.* R. LX. 1953. N 2, s. 119—160.

Lipiński E. Poglądy społeczno-ekonomiczne Frycza Modrzewskiego. *Ekonomista.* 1952. N 4, s. 43—69.

Мężyński K. Frycza Modrzewskiego «De Republica emendanda» a cenzura kościelna. *Pamiętnik literacki.* R. XLIII. 1952, s. 171—193.

Voisé W. O ideologii społeczno-ustrojowej Andrzeja Frycza Modrzewskiego (w czterechsetną rocznicę «De Republica emendanda»). *CzPH.* T. IV. 1952, s. 1—33.

Сташец

Staszic St. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego. Wyd. 2-e. Wr. 1952. LVIII, 222 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 90.)

Staszic St. Przestrogi dla Polski. Opracował St. Czarnowski. Kr. 1926. LIV, 250 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 98.)

Staszic St. Wybór pism. Oprac. i wstępem zaopatr. C. Bobińska. W. 1952. XLIV. 120 s.

Staszic St. O nauce, jej znaczeniu i organizacji. Wybór pism. Oprac. B. Suchodolski. Kr. 1952. 379 s.

Bobińska C. St. Staszic i A. Radyszczew wobec kwestii społeczno-gospodarczych. Próba porównania historycznego. *Prz. hist.* T. XL. 1949, s. 203—232.

Staszic Stanisław. 1755—1826. Księga zbiorowa pod red. Z. Kukulskiego. Lublin. 1928. XIII, 827 s. 229 il.

Коллонтай

Koźłataj H. Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750—1764). Wr. 1953. CII, 309 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 144.)

Koźłataj H. Wybór pism politycznych. Opr. B. Leśnodorski. Wr. 1951. XCVII, 318 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 140.)

Janik M. Hugo Koźłataj. L. 1913. 642 s.

Korta A. Hugo Koźłataj. *ND.* R. V. 1951. N 1/25, s. 184—201.

Leśnodorski B. Źródła myśli politycznej Hugona Koźłataja. *Pamiętnik literacki.* R. XLI. 1950, s. 642—686.

Lipiński E. Koźłataj a teoria wartości. *Ekonomista.* 1951. Z. 3, s. 52—64.

Myśl współczesna. 1951. N 6—7.

[Специальный выпуск, посвященный Коллонтаю и проблемам польского Просвещения.]

Oplak K. Hugona Koźłataja poglądy na państwo i prawo. W. 1952. 268 s.

Rostworowski E. «Zabawy ekonomiczne» Hugona Koźłataja. *Kw. hist.* R. 60. Z. 4. 1953, s. 109—149.

Tokarz W. Ostatnie lata Hugona Koźłataja (1794—1812). T. 1—2. Kr.—W. 1905.

Ziomek J. Hugo Koźłataj w czasie Sejmu czteroletniego. *Pamiętnik literacki.* R. XLI. 1950, s. 687—717.

Коściuszко

Kościuszko T. Pisma. Wybrał, objaśnił i wstępem poprzedził H. Mościcki. W. 1947. 344 s.

Korzon T. Kościuszko. Biografia z dokumentów wysnuta. Wyd. 2-e. Kr. b. r. IV, 691 s. 18 il. map.

Werfel R. Tadeusz Kościuszko. M. 1943. 60 s.

ПОЛЬСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ФЕОДАЛИЗМА И ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Морализующая критика и критизирующая мораль.— Соч. Т. V.

Маркс К. Письмо Ф. Лассалю от 19 апреля 1859 г.— Соч. Т. XXV.

Маркс К. Речь о Польше.— Соч. Т. XIII. Ч. I.

Энгельс Ф. Эльберфельдские речи.— Соч. Т. III.

Энгельс Ф. Начало конца Австрии.— Соч. Т. V.

Marx K. und Engels F. Reden über Polen am 29. November 1847.— Marx—Engels Gesamtausgabe. I Abt. Bd. 6. M.—Leningrad. 1933.

Маркс К. и Энгельс Ф. Речь по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.).— Соч. Т. V.

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии.— Избр. произв. Т. II. [M.] 1940.

Маркс К. и Энгельс Ф. Познань.— Соч. Т. VII.

- Марке К. и Энгельс Ф. «Кельнская газета» о борьбе мадьяр.— Соч. Т. VII.
- Марке К. и Энгельс Ф. Лорд Пальмерстон.— Соч. Т. IX.
- Марке К. и Энгельс Ф. Польский митинг в Сен-Мартинсхолле.— Соч. Т. X.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Соч. Т. 3.
- Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии.— Соч. Т. 6.
- Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе.— Соч. Т. 6.
- Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Соч. Т. 13.
- Ленин В. И. Памяти Герцена.— Соч. Т. 18.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Соч. Т. 20.
- Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве (XII съезд РКП(б)).— Соч. Т. 5.
- Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм.— Соч. Т. 11.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ПОЛЬСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ**

- Bierut В. О культуру социалистyczną. Z przemówienia Prezydenta В. Bieruta na otwarciu Radiostacji Wrocławskiej. *Odrodzenie*. 1950. N 5.

**КЛАССИКИ РЕВОЛЮЦИОННО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

- Герцен А. И. Былое и думы. Л. 1947. 888 с.
- Герцен А. И. Россия и Польша. Полное собрание сочинений и писем. Т. X. II. 1919.
- Герцен А. И. 1831—1863. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI. II. 1920.
- Чернышевский Н. Г. Национальная бестактность.— Народная бестолковость. Полное собрание сочинений. Т. VII. М. 1950.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Hirschberg А. Bibliografia powstania narodu polskiego z r. 1830—31. L. 1882. XI, 123 s.
[Охватывает период с 1815 по 1831 г.]
- Sydow В. Е. Bibliografia F. F. Chopina. W. 1949. XXVIII, 568 s.

ИСТОЧНИКИ

- Восстание декабристов. Материалы. Т. IV, VIII, IX, X. Л. 1925 — М. 1953.
- Пушкаревич К. А. Из истории польской революции 1830—31 гг. В кн.: Труды Института славяноведения АН СССР. Т. I. 1932, с. 337—344.

- Archiwum Filomatów. Cz. I. T. I—V. Cz. II. T. I—III. Cz. III. T. I—II. Kr. 1913—1934.
- Barzykowski St. Historia powstania listopadowego. T. I—V. P. 1883—1884.
- Borkowski K. Pamiętnik historyczny o wyprawie partyzanckiej do Polski roku 1833. Lipsk. 1862. VI, 238 s.
- Darasz W. Pamiętnik emigranta. Przygotowała do druku, wstępem i przypisami zaopatrzyła A. Rynkowska. Wr. 1953. XXX, 133 s.
- Deczyński K. Pamiętnik chłopca-nauczyciela. Wyd. 3-e. W. 1950. 56 s.
- Dyaryusz sejmu z r. 1830—1831. Wydał M. Rostworowski. T. I—VI. Kr. 1907—1912.
- Heltman W. Demokracja polska na emigracji. Wyjątki z pism. Lipsk. 1865. 303 s.
- Heltman W. Emigracja polska od 1831 do 1863 r. Krótki rys historyczny. Lipsk. 1865. IV, 106 s.
- Instrukcje i depeze rezydentów francuskich w Warszawie 1807—1813. Wydał M. Handelman. T. I—II. Kr. 1914.
- Janowski J. N. Notatki autobiograficzne 1803—1853. Przygotował do druku, wstępem i przypisami zaopatrzył M. Tyrowicz. Wr. 1950. XXXII, 630 s.
- Jelowicki A. Moje wspomnienia. T. I—II. Wyd. 3-e. Kr. 1891. 483 s.
- Kamiński H. Pamiętniki i wizerunki. Przyg. I. Śliwińska. Wstęp opracował W. Kula. Wr. 1951. LVI, XX, 324 s.
- Kamiński H. Wybór pism. Wyboru dokonała I. Bibrowska. Wstępem zaopatrzył Z. Poniałowski. W. 1953. LII, 310 s.
- Kawyn St. Polska publicystyka postępową w kraju (1831—1846). Wybór tekstów. Wr. 1953. 154 s.
- Kieniewicz S. Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim. (1815—1830). Wybór tekstów źródłowych. W. 1951. 503 s.
- Kopff W. Wspomnienia z ostatnich lat Rzeczypospolitej Krakowskiej. Kr. 1906. XXI, 158 s.
- Krępowiecki T. Przemówienie z 1832 r. *MF*. 1952. N 4/6, s. 210—231.
- Lelewel J. Listy emigracyjne. Wyd. i wstępem poprzedziła H. Więckowska. T. I—III. 1831—1848. Kr. 1948—1952.
- Lelewel J. Pamiętnik z roku 1830—31. W. 1924. XII, 163 s.
- Manifest Towarzystwa Demokratycznego Polskiego r. 1836. Wydał, wstępem poprzedził i przypisami opatrzył Cz. Leśniewski. W. 1936. 102 s.
- Materiały do dziejów ruchu ludowego. Lud polski: Ludowy spiszek ks. P. Ściegiennego. Zebrał i wstępami poprzedził Cz. Wycech. W. 1949. 101 s.

- Mierosławski L.** Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. T. I—V. Paryż. 1845—1868.
- Mochnacki M.** Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. T. I—II. Paryż. 1834.
- Nabielak R.** Pamiętnik więźnia stanu (od 1835 do 1849). L. 1876. 214 s.
- Olizar G.** Pamiętniki 1798—1865. L. 1892. XLIV, 300 s.
- Pomniki prawa Rzeczypospolitej Krakowskiej.** T. I. Wyd. W. Tokarz. Kr. 1933. XIV, 565 s.
- Prądzyński I.** Pamiętniki. T. I—IV. Kr. [1909].
- Rzeczpospolita Krakowska 1815—1846.** Wybór źródeł. Oprac. J. Bieniarszówna. Wr. [1951.] LV, 483 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 138.)
- Sala M.** Geschichte des polnischen Aufstandes v. J. 1846. Wien. 1867. VIII, 391 S.
- Sapieha L.** Wspomnienia z lat od 1803 do 1863 r. L. 1914. XXXVII, 375 s.
- Śniadecki J.** Wybór pism naukowych i publicystycznych. Oprac. i koment. opatrzył B. Skarżynski. Kr. 1952. 488 s.
- Towarzystwo Filomatów.** Wybór tekstów, wstęp i objaśnienia A. Łuckiego. Kr. 1924. LXXXIV, 408 s. (Biblioteka narodowa. Ser. I. N 77.)
- Wiek XIX.** Sto lat myśli polskiej. życiorysy, streszczenia, wyjątki. T. I—IX. W. 1906—1919.
- Wielkopolska 1815—1850.** Wybór źródeł. Opracował W. Jakóbczyk. Wr. 1952. XLVII, 238 s.
- Wiesiołowski F.** Pamiętnik z r. 1845—1846. L. 1868. XII, 159 s.
- W stulecie Wiosny ludów.** T. V. Wiosna ludów. Teksty i materiały źródłowe. W. 1953. 565 s.
- Wycieczki Cz. Z przeszłości ruchów chłopskich (1768—1861).** W. 1952. 224 s.
- Wyleżyński T.** Szesnaście dni z mego życia, czyli relacja z podróży do Petersburga, podczas rewolucji polskiej z r. 1830—1831. Biblioteka Warszawska. 1903. T. I, s. 221—243, 478—502. Перевод: **Военский Я.** Император Николай и Польша в 1830 г. Изд. 2-е. СПб. 1905. XVIII, 154 с.
- Zbiór pamiętników do historii powstania polskiego z r. 1830—1831.** L. 1882. II, 698 s.
- Кандель Е. и Прайс И.** Основоположники марксизма и русские революционные демократы о демократической Польше. *ИЖ.* № 9. 1944, с. 43—51.
- Кнапп Г. Ф.** Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб. 1900. III, 272 с.
- Корнилов А. А.** Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. П. 1915. 93 с. 3 карты.
- Костюшко И. И.** Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа. *КС Ин. слав.* № 13. 1954, с. 28—38.
- Костюшко И. И.** Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х — начале 60-х годов XIX в.). *КС Ин. слав.* № 8. 1952, с. 74—84.
- Любович Н. Н.** Варшава в 1812 г. В. 1913. 61 с.
- Любовский М. К.** Царство Польское и его конституция 1815 г. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. III. М. 1912, с. 687—710.
- Люксембург Р.** Промышленное развитие Польши. СПб. 1899. 101 с.
- Миллер И. С.** К вопросу о формировании польской буржуазной нации. *ВИ.* 1952. № 7, с. 51—73.
- Миллер И. С.** Накануне отмены барщины в Галиции (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30—40-х годах XIX в.). *Уч. зап. Ин. слав.* Т. I. 1949, с. 119—240.
- Нечина М. В.** Общество соединенных славян. М.—Л. 1927. 245 с.
- Писаревский Г.** Из истории конгрессового Царства Польского (1815—1830) при Александре I. В кн. Научные известия Смоленского Гос. университета. Т. III. Вып. III. 1926, с. 297—344.
- Пичета В. И.** Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. III. 1951, с. 136—175.
- Погодин А.** История польского народа в XIX в. М. 1915. II, 297 с.
- Рябинин И. С.** Польское восстание 1830 г. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. 2. М. 1914, с. 51—81.
- Смит Ф.** История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. Т. 1—3. СПб. 1863—1864.
- Ajzen M.** Polityka gospodarcza Lubeckiego 1821—1830. W. 1932. 252 s.
- Askenazy Sz. Łukasinski.** T. I—II. Wyd. 2-e. W. 1929.
- Askenazy Sz.** Rosja — Polska 1815—1830. 1907. 206 s. Сокращенный перевод: **Аскенази С.** Царство Польское 1815—1830. М. 1915. 167 с.
- Baumgarten L.** Dekabryści a Polska. W. 1952. 247 s.

ЛИТЕРАТУРА

- Baumgarten L. O współpracy Towarzystwa Patriotycznego z dekabrystami. *ND. R. V. 1951. N 1/25, s. 202—249.*
- Bieniarzówna J. Rzeczypospolita Krakowska 1815—1846. Kr. 1948. 116 s.
- Bieniarzówna J. Z dziejów liberalnego i konspiracyjnego Krakowa 1833—1848. Kr. 1948. 182 s. (Biblioteka Krakowska. N 106.)
- Bobińska C. Marks i Engels o sprawie Polski. O pewnych zagadnieniach rozwoju Polski od schyłku XVIII do 7-go dziesięciolecia XIX w. *MW. 1949. N 3, s. 229—250.*
- Boss E. Sprawa robotnicza w Królestwie Polskim w okresie paskiewiczowskim 1831—1855. W. 1931. 138 s.
- Burszta J. Społeczeństwo i karczma. Propinacja, karczma i sprawa alkoholizmu w społeczeństwie polskim XIX wieku. W. 1951. 264 s.
- Buzek J. Historia polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec Polaków. Od traktatów wiedeńskich do ustaw wyjątkowych z 1908 r. L. 1909. XXIII, 569 s.
- Długoborski W. Początek kształtowania się klasy robotniczej na Górnym Śląsku. *Kw. hist. R. LXI. 1954. N 1, s. 150—177.*
- Długoborski W. Rekrutacja górników w Zagłębiu Górnio-śląskim w okresie przed zniesieniem poddaństwa. *Prz. zach. R. VI. 1950. N 7/8, s. 49—88.*
- Dutkiewicz J. Francja a Polska w 1831 r. Ł. 1950. 185 s.
- Dzieje gospodarze Polski porozbiorowej w zarysie. Dzieło zbiorowe pod kierunkiem S. A. Kempnera. T. I—II. W. 1920—1922.
- Dzwonkowski W. Na marginesie monografii o ruchach rewolucyjnych w Królestwie Kongresowym w latach 1835—1845. *MW. 1948. N 11—12, s. 96—125.*
- Friedmann F. Początki przemysłu w Łodzi 1823—1830. *Rocznik Łódzki. III. 1933.*
- Gąsiorowska N. Górnictwo i hutnictwo w Królestwie Polskim 1815—1830. W — Kr. 1922. 588 s.
- Gąsiorowska N. Polska na przełomie życia gospodarczego 1764—1840. W. 1947. 116 s.
- Gąsiorowska N. Sytuacja gospodarczo-społeczna na zachodzie i wschodzie Europy w połowie XIX stulecia. In: *W stulecie Wiosny ludów. T. I. b. m. 1948, s. 7—42.*
- Grabski Wł. Materiały w sprawie włościańskiej. T. I. W. — Kr. 1907. 145 s.
- Grabski St. Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od pierwszego rozbioru do 1831. T. II. Czasy Księstwa Warszawskiego. Kr. 1904. 160 s.
- Grosfeld L. Z dziejów kapitalizmu w Polsce. Wyd. 2-e. W. 1950. 84 s.
- Grynwaser H. Pisma. Wr. 1951. T. I. Kodeks Napoleona w Polsce. Demokracja szlachecka 1795—1831. 240 s. T. II. Kwestia agrarna i ruch włościan w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX w. Przewódca i «burzyciele» włościan. 280 s.
- Handelsman M. Z dziejów Księstwa Warszawskiego. Geneza Księstwa i jego statutu. In: *Studia historyczne. W. 1911, s. 107—239.*
- Jakóbczyk W. Studia nad dziejami Wielkopolski w XIX w. (Dzieje pracy organicznej). T. I. P. 1951. 206 s.
- Jakóbczyk W. Uwłaszczenie chłopów w Wielkopolsce w XIX w. W. 1951. 122 s.
- Katz H. Marks i Engels a demokracja polska w latach czterdziestych XIX w. *MF. 1953. N 3, s. 19—43.*
- Kempner St. Rozwój gospodarczy Polski od rozbiorów do niepodległości. W. 1924. 346 s.
- Kieniewicz S. Konspiracje galicyjskie (1831—1845). W. 1950. 236 s.
- Kieniewicz S. Sprawa włościańska w galicyjskim sejmie stanowym (1843—1845). *Sobótka. R. III. 1948, s. 168—190.*
- Kieniewicz S. Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX wieku w oświetleniu historiografii polskiej. *Kw. hist. R. LVIII. 1951. Z. 1—2, s. 39—57.*
- Kieniewicz S. Z postępowych tradycji polskich ruchów narodowo-wyzwoleńczych. *Kw. hist. R. LX. 1953. N 2, s. 183—206.*
- Kirkor-Kiedrioniowa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kr. 1912. 412 s.
- Knapowska W. Nawroty polskich ruchów zbrojnych 1830—34. Z dziejów dyplomatycznych i rewolucyjnych wolnego miasta Krakowa. P. 1948. 187 s.
- Kniat M. Dzieje uwłaszczenia włościan w Wielkim Księstwie Poznańskim. T. I—II. P. 1939—1949.
- Konitz H. Rolnictwo i handel za czasów Ks. Warszawskiego. W. 1881.
- Konopka W. O niektórych ruchach chłopskich w pierwszej połowie XIX w. *ND. R. V. 1951. N 4/28, s. 111—136.*
- Kormanowa Ż. Joachim Lelewel. W. 1946. 96 s.
- Krajewski J. Tajne związki polityczne w Galicji (od r. 1833 do r. 1841). Ł. 1903. 133 s.
- Kula W. Henryk Kamiński. In: *W stulecie Wiosny ludów. T. IV. b. m. 1951, s. 313—349.*
- Ladenberger T. Kolonizacja fryderycjańska na Śląsku. *Prz. zach. R. V. 1949. N 5/6, s. 362—380.*
- Lepucki H. Działalność kolonizacyjna Marii Teresy i Józefa II w Galicji 1772—1790. L. 1938. VI, 208 s. 1 mapa. (Badania z dziejów społecznych i gospodarczych, N 29.)
- Leśnodorski B. Elementy feudalne i burżuazyjne w ustroju i prawie Księstwa Warszawskiego. *CzPH. T. III. 1951, s. 304—329.*

- Limanowski B.** Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej. T. I—II. Wyd. 3-e. W. 1946.
- Litwin J.** Muncypalne fabryki włókiennicze dawnej Łodzi. Ł. 1932. 80 s.
- Ładogórski T.** Ludność Śląska i jej struktura społeczna w drugiej połowie XVIII wieku. *Prz. zach.* R. VI. 1950. N 7—8, s. 31—48.
- Lepkowski T.** Robotnicy i plebs Warszawy w powstaniu listopadowym. *Kw. hist.* R. LX. Z. 4. 1953, s. 86—108.
- Łoś M.** Między Jeną a Tylżą 1806—1807. W. 1902. XV, 161 s.
- Łukaszewicz W.** Szymon Konarski (1808—1839). W. 1948. 235 s.
- Łukaszewicz W.** Tadeusz Krępowiecki (1798—1845). In: W stulecie Wiosny ludów. T. IV. b. m. 1951, s. 101—208.
- Łukaszewicz W.** Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę ludów. In: W stulecie Wiosny ludów. T. III. b. m. 1951, s. 167—384.
- Marchlewski J.** Stosunki społeczno-ekonomiczne w ziemiach polskich zaboru pruskiego: In: Pisma wybrane. T. I. W. 1952, s. 479—522.
- Meloch M.** Sprawa włościańska w powstaniu listopadowym. Wyd. 3-e. W. 1953. 243 s.
- Meloch M.** Strajk w Warszawie w 1824 roku. *Prz. hist.* P. XXXII. 1934.
- Meloch M.** Z dziejów ruchu robotniczego w połowie w. XIX w Królestwie Polskim. *RDSG.* T. VIII. Z. 1. 1939, s. 93—110.
- Minkowska A.** Królestwo Polskie w latach 1844—1848. In: W stulecie Wiosny ludów. T. I. b. m. 1948, s. 347—389.
- Mises L.** Die Entwicklung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in Galizien (1772—1848). Wien u. Leipzig. 1902. VI, 144 S.
- Missalowa G.** Francuski socjalizm utopijny i jego wpływ na polską myśl rewolucyjną w latach 1830—1848. In: W stulecie Wiosny ludów. T. III. b. m. 1951, s. 5—165.
- Missalowa G.** Rozwój form wytwórczości przemysłowej w Pabianicach w latach 1820—1865. *PNHS.* T. III. 1953, s. 270—307.
- Młynarski Z.** U źródeł polskiej demokracji. W. 1950. 194 s.
- Młynarski Z.** Z dziejów polskiej demokracji. Wyd. 2-e, poprawione i rozszerzone. W. 1949. 138 s.
- Mogilska H.** Wspólna własność ziemi w polskiej publicystyce lat 1835—1860. W. 1949. 77 s.
- Mościcki H.** Szymon Konarski. W. 1949. 97 s.
- Orłowski M.** Żelazny przemysł hutniczy na ziemiach polskich do r. 1914. W. 1931. 321 s.
- Paprocki F.** Walenty Stefański jako działacz Związku Plebeuszy. In: W stulecie Wiosny ludów. T. IV. b. m. 1951, s. 351—394.
- Pazdur J.** Przemysł metalowy Zagłębia Staropolskiego w I połowie XIX w. *SHKM.* R. II. 1954. N 1—2, s. 24—44.
- Perich L.** Przemysł w Cieszyńskim w pierwszej połowie XIX wieku. *Sobótka.* R. VI. 1951, s. 141—156.
- Pietrzak-Pawłowska I.** Lata przełomu na Mazurach 1840—1848. In: W stulecie Wiosny ludów. T. I. b. m. 1948, s. 169—212.
- Poniątkowski Z.** Społeczno-filozoficzne poglądy Henryka Kamieńskiego. *MF.* 1952. N 2/4, s. 172—212.
- Prechner W.** Wyprawa do Sabaudii w r. 1834. *Prz. hist.* T. XXIV. 1924, s. 97—119.
- Prorok L.** Niesozła rewolucja. *Prz. zach.* R. VIII. N 5/6. 1952, s. 216—239.
- [Освободительное движение в Гданьске в 1794—1797 гг.]
- Przemski L.** Zagadnienie wojny partyzanckiej w przeddzień Wiosny Ludów. In: W stulecie Wiosny ludów. T. I. b. m. 1948, s. 391—417.
- Radziszewski H.** Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskim. T. I. (1815—1830). W. 1907. XLIV, 294 s.
- Rembowski A.** Życia konstytucyjnego w Księstwie Warszawskim. Studium historyczno-polityczne. W. 1905. 258 s.
- Rozdolski R.** Do historii «Stowarzyszenia Ludu Polskiego». *Kw. hist.* R. Ł. 1936, s. 712—726.
- Rusiński Wl.** Tkactwo lniane na Śląsku do r. 1850. *Prz. hist.* R. V. 1949. N 11, s. 369—419.
- Rutkowski J.** Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku. W. 1922. 92 s.
- Rynkowska A.** Działalność gospodarza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821—1831. Ł. 1951. 254 s.
- Rynkowska A.** Wojciech Darasz (1808—1852). In: W stulecie Wiosny ludów. T. IV. b. m. 1951, s. 209—312.
- Saryusz-Zaleski W.** Dzieje przemysłu w b. Galicji 1804—1929. Kr. 1930. IX, 339s.
- Skarbek F.** Dzieje Księstwa Warszawskiego. T. I.—II. P. 1876.
- Skarbek F.** Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. P. 1877. XVIII, 314 s.
- Smoleński Wl.** Rządy pruskie na ziemiach polskich (1793—1807). W. 1903. 74 s.
- Smolka St.** Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. T. I—II. Kr. 1907.
- Strużek B.** Początki kapitalistycznego rozwarstwienia wsi na ziemiach polskich. *Zagadnienia ekonomiki rolnej.* Prace Instytutu Ekonomiki Rolnej. N 3—4. 1953, s. 108—116.

Strzeszewski Cz. Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807—1830. Lublin. 1934. X, 242 s.

Styś W. Rozdrabnianie gruntów chłopskich w byłym zaborze austriackim od r. 1787—1931. L. 1934. III, 362 s. 1 mapa.

Sreniowski St. Rzeczpospolita i Galicja w latach 1772—1795. Uwagi o programie politycznym ziemiaństwa polskiego. *Prz. hist.* T. XLIII. 1952, s. 83—104.

Tokarz W. Galicja w początkach ery józefińskiej w świetle ankiety urzędowej z r. 1783. Kr. 1909. 400 s.

Tokarz W. Ostatnie lata Hugona Kołłątaja (1794—1812). T. 1—2. Kr.—W. 1905.

Tyrowicz M. Jan Tyssowski, dyktator krakowski z r. 1846. W. 1930. 247 s.

Tyrowicz M. Julian Maciej Goslar. W. 1953. 202 s.

Wawrzakowicz E. E. Anglia a sprawa polska 1813—1815. Kr.—W. 1919. IX, 520 s.

Wojtkowski A. Udział Wielkopolski w powstaniu listopadowym. *Kw. hist.* R. XLIV. 1930, s. 421—472.

Wójcicki A. Dzieje rozwoju klasy robotniczej fabrycznej w Królestwie Polskim. Petersburg. 1918. 355 s.

Wycech Cz. Spisek Franciszka Gorzkowskiego na tle ruchów społecznych w końcu XVIII wieku. W. 1951. 95 s.

Zimmermann K. Fryderyk Wielki i jego kolonizacja rolna na ziemiach polskich. T. 1—2. P. 1915.

Żywczyński M. Geneza i następstwa encykliki «Cum primum» z 9. VI. 1832 r. Watykan i sprawa polska w latach 1830—1837. W. 1935. 293 s.

История культуры

Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага. 1906. IX, 491, CLXXII, 10 с.

Baczko B. W sprawie etapów rozwoju polskiej postępowej przedmarksowskiej myśli filozoficznej i społecznej XIX w. *MF.* 1953. N 2/8, s. 247—282.

Brückner A. Dzieje literatury polskiej w zarysie. T. I—II. Wyd. 3-e. W. b. r. Materiały do nauczania historii literatury polskiej. Wybór artykułów krytyczno-literackich. T. I. Romantyzm-pozytywizm. W. 1950, s. 7—178. (Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych.)

Rapacki W. Sto lat sceny polskiej w Warszawie. W. 1925. 209 s. 110 il.

Мицкевич

Живон М. Адам Мицкевич. Вехи жизни и творчества. В кн.: Адам Мицкевич. Собрание сочинений в 5 томах. М. 1948. Т. 1, с. 9—64.

Миллер И. С. Мицкевич-публицист. В кн.: Адам Мицкевич. Собрание сочинений в 5 томах. М. 1954. Т. 5, с. 5—41.

Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество. Т. I—II. М. 1912.

Советов С. С. Творческий путь Адама Мицкевича. *Уч. зап. Ин. слав.* Т. II. 1950, с. 119—137.

Gomolicki L. Mickiewicz wśród Rosjan. W. 1950. 162 s.

Jastrun M. Mickiewicz. Wyd. 2-e. W. 1949. 412.

Kleiner J. Mickiewicz. T. I—II. Lublin. 1948.

Szyper H. Adam Mickiewicz — poeta i człowiek czynu. Zarys popularny. W. 1950. 244 s.

Żółkiewski S. Spór o Mickiewicza. Wr. 1952. 276 s.

Словацкий

Державин К. Н. Юлиуш Словацкий. В кн.: Ю. Словацкий. Избранное. М. 1952, с. 3—42.

Grabowski T. Słowacki Juliusz, jego żywot i dzieła na tle epoki. T. 1—2. Wyd. 2-e. P. 1920.

Kleiner J. Juliusz Słowacki. Dzieje twórczości. T. 1—4. L.—W.—Kr. Wyd. 2-e. 1928.

Małeckie A. Juliusz Słowacki, jego życie i dzieła w stosunku do współczesnej epoki. T. 1—3. Wyd. 3-e. L. 1901.

Wyka K. J. Słowacki. In: J. Słowacki. Dzieła. T. I. Wyd. 2-e. Wr. 1952.

Шопен

Кремлев Ю. А. Фредерик Шопен. Л. 1949. XX, 410 с.

Пасхалов В. В. Шопен и польская народная музыка. Изд. 3-е. Л. 1949. 115 с.

Соловпов А. Шопен. Жизнь и творчество. М. 1949. 140 с.

Hoesick F. Chopin. Życie i twórczość. L. 1932. XXIII, 635, 888 s.

Iwaszkiewicz J. Chopin. [W.] 1949. 108 s. Перевод: **Ивашкевич Я.** Шопен (1810—1849). М.—Л. 1949. 83 с.

Jachimecki Z. Chopin, Rys życia i twórczości. W. 1949.

Karłowicz M. Niewydane dotychczas pamiętki po Chopinie. W. 1904. IX, 403 s.

Liszt F. F. Chopin. Ed. 3-e. Leipzig. 1882. 312 p.

Ворцель

Limanowski B. Stanisław Worcell. Życiorys. Wyd. 2-e. W. 1948. 462 s.

Łukaszewicz W. Stanisław Gabriel Worcell. W. 1951. 50 s.

Pomorska H. Stanisław Worcell. In: W stulecie Wiosny ludów. T. IV. b. m. 1951, s. 7—100.

Сцеґенный

Tyrowicz M. Sprawa ks. Piotra Ściegienego. W. 1948. 193 s.
Wyczech Cz. Ks. Piotr Ściegienny. Zarys programu społecznego i wybór pism. W. 1953. 252 s.

Дембовский

Нарский И. С. Мировоззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в. М. 1954. 290 с.
Przemski L. Edward Dembowski. W. 1953. 259 s.
Śladkowska A. Poglądy polityczne Edwarda Dembowskiego. *MF.* 1952. N 2/4, s. 112—171.
Stecka M. Edward Dembowski. 1911. 53 s. Odbitka z *Prz. hist.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авары* 30.
Августовское воеводство, Августовская губерния 418, 444, 475.
Авиньон 480.
австрийцы 280, 282; 321, 324, 401.
Австрия, Австрийская империя 230, 232, 234, 235, 259—261, 264, 277, 278, 280—282, 289—292, 313, 316, 319, 321—324, 326, 330, 332, 336, 344, 346, 352—356, 379—382, 384, 385, 388, 390, 391, 400—402, 404—406, 408, 416, 427, 430, 431, 449, 450, 453, 466, 467, 478, 479.
Азия 5.
Азовское море 282.
Александров (Aleksandrów) 468.
Алжир 482.
Америка 156, 501.
Амстердам 240.
Англия 112, 147, 212, 230, 232, 260, 278, 282, 285, 289, 292, 330, 339, 345, 391, 405, 406, 418, 453, 480, 482, 498, 501, 518, 522.
Андрусово 264.
Андрихов (Andrychów) 284.
Антверпен 146.
Аравия 212.
Астрахань 176.
Ахматов 254.
Баварская марка 45.
Балканы, Балканский полуостров 122, 129, 168, 388, 390.
Балтийское море, Балтика 16, 19, 30, 34, 132, 146, 164, 166, 170, 177, 182, 219, 221, 231, 232, 234, 255, 259, 269, 282, 283, 285, 314, 322, 326.
Балтийское побережье 68, 176.
балтийцы 19.
Бар 287, 320.
Баранов (Baranów) 241.
Батог 253.
Безапсон 480.
Белая Церковь 245, 252, 254, 287.
Белгород, Белгород-Днестровский 146.
Белград 281.
Белз 30, 105.
Белзское воеводство 322.
Белоруссия 209, 218, 222—224, 229, 235, 236, 240, 248, 254, 259, 261, 262, 266, 270, 287, 305, 314, 342, 354, 390, 404, 435, 436, 447—449, 465, 484, 491, 495, 496.
Белоруссия Восточная 322.
Белоруссия Западная 344.
белорусы, белорусский народ 6, 120, 122, 217, 237, 247, 314, 318.
Белостокский департамент 377.
Белостокский округ 396.
Бельгия 383, 438, 480.
Бельск (Bielsk), город в Подляшье 273.
Бельско (Bielsko), город в Цешинской Силезии 230, 385.
Бердичев 287.
Береза 207.
Березина 254.
Берестечко 251, 252.
Берлин 260, 333, 388, 393, 496.
Бечское старство 272.
Бильча (Bilcza) 508, 510.
Биржай, Биржи 285.
Бискупинское озеро (Biskupińskie jezioro) 20.
Ближанов (Bliżanów) 272.
Бнин (Bnin) 187, 194.
Бобруйск 233.
бодричи 72.
Божиков (Bożuków) 74.
Бохненский округ 494.
Бохня (Bochnia) 88, 112, 114, 138, 144, 145, 210, 251, 379
Брагин 270
Бранденбург, государство, с 1701 г. Пруссия 80, 99—102, 104, 170, 178, 220, 235, 255, 258—262, 278, 280, 281, 283, 375.
Бранибор 72.
Брацлавщина, Брацлавское воеводство 179, 222, 223, 247, 254, 269, 270, 287, 343.
Брест 224.
Брест Кувявский (Brześć Kujawski) 18, 259.
Брно 495.
Броды 270.
Буг Западный (Bug), река 36, 46, 314, 379.

- Буг Южный, река 253.
 Будишин 46.
 Буковина 390, 478.
бургунды 24.
 Бучач 278.
 Быдгошский департамент, Быдгошская
 регенция 399, 408, 423.
 Быдгошский (Бромбергский) канал 375
 Быдгощь (Bydgoszcz) 111, 379.
 Бытов (Bytów) 260.
 Бытом (Bytom) 67, 93.
 Бытомский округ 373.
 Бычина (Byczyna) 135.
 Бяла (Biała), город 385.
 Бяла (Biała), река 385.
 Бялогард (Białogard) 69.
 Вавель (Wawel), краковский замок 92,
 138, 194, 196, 198.
 Вавер (Wawer) 444.
 Валахия 281, 282, 388, 390.
 Валбжихский округ 373.
вандалы 24.
 Вармия (Warmia) 132, 322.
 Варна 129, 136.
 Варта (Warta), река 24, 37, 80, 148, 266.
 Варшава (Warszawa) 111, 149, 178, 183,
 284, 208, 209, 212, 214, 223, 225, 231,
 137, 245, 246, 249, 256, 258, 261, 263
 332, 279, 287, 290, 292, 293, 296, 307
 272, 317—320, 324, 334, 338, 340,
 341, 343—345, 347, 348, 351, 352, 354,
 362, 363, 365, 379, 384, 392, 396, 400,
 401, 404, 405, 409, 414, 421, 422, 436,
 439, 441, 443, 445, 447—454, 456, 461,
 462, 465, 468—472, 495—497, 503, 504,
 510, 511, 522.
 Варшавская губерния 474.
 Варшавский департамент 377.
 Варшавское княжество 394, 396—398,
 400, 402—404, 407, 411, 419.
 Вацина (Wasina) 272.
 Ведроша, река 169.
 Вежно (Wierzchno) 439.
 Велегощ 68.
 Вельж 221, 220.
 Великая Польша, Великопольское кня-
 жество (Wielkopolska) 18, 19, 23, 29,
 36—38, 49—51, 54, 63, 70, 73—75, 80,
 82, 83, 86, 96, 98—100, 102, 103, 106,
 108, 111, 112, 114, 122, 125, 145, 147,
 156, 157, 172, 174, 184, 185, 202, 249,
 252, 255, 258, 266, 297, 298, 309, 321,
 322, 330, 342, 352, 374, 378, 379, 393,
 423, 426, 512, 515, 516.
 Великие Луки 221, 226.
 Величка (Wieliczka) 88, 103, 112, 114,
 144, 145, 210, 251, 260, 271, 322, 379,
 401, 406, 408, 516.
 Велький Демб (Wielki Dęb) 444.
 Вена 221, 230, 260, 279, 280, 381, 401,
 408, 466, 494.
 Венгрия 39, 45, 46, 48, 52, 54, 67, 69,
 76, 104, 105, 112, 113, 117, 119, 121,
 128, 129, 148, 151, 168, 169, 170, 207,
 212, 230, 250, 282, 479.
 Венгров (Węgrów) 308.
венгры 30, 46, 133.
венецы 23.
 Венеция 221, 235, 280, 282, 388, 390
 Верки 261.
 Вест-Индия Французская 391.
 Византия 30, 212.
 Визна (Wizna) 249.
 Вильколаз (Wilkołaz) 508, 510.
 Вильнюс 169, 176, 177, 182, 254, 259,
 262, 340, 345, 348, 352, 393, 404, 417,
 447, 448, 457, 458, 465, 497, 519.
 Вильянди, Феллин 177.
 Вильянов (Wilanów) 296.
 Винница 248, 270.
 Висла (Wisła), река 18, 19, 23, 34, 36,
 113, 147, 161, 164, 210, 212, 220, 231,
 255, 256, 258—266, 318, 322, 375,
 379, 382, 398, 401, 405, 427, 443, 450,
 454, 478.
 Вислица (Wislica), река 78, 102, 140,
 379.
 Вислок (Wisłok), река 379.
 Вислоуйсце (Wisłoujście), предместье
 Гданьска 290.
висящие 36.
 Витебск 236, 254.
 Витебское воеводство 254.
 Владимир на Вольши 113.
 Влоцлавек (Włocławek) 148.
 Войцешин (Wojcieszyn) 136.
 Волга, река 19.
 Волин (Wolin) 29, 30, 36, 38, 45, 64, 68,
 69, 73, 83.
волицяне 37, 38.
 Волковыск 184.
 Воловский округ 373.
 Вольнь 22, 105, 127, 131, 179, 219, 223,
 245, 248, 252, 287, 304, 322, 326, 354,
 431, 448, 449, 495, 496.
 Вольборж (Wolborz) 191, 249, 262.
 Воля (Wola) предместье, позднее город-
 ской район Варшавы 453.
 Вонхопк (Wąchock) 93.
 Ворскла, река 121.
 Вроцлав (Wrocław) 29, 44, 50, 54, 62,
 67, 78, 82—85, 93, 94, 98, 111—114,
 117, 125, 136, 138, 139, 196, 371, 374,
 422, 428.
 Вроцлавский округ 374.
 Вышков (Wyszków) 249.
 Вышгород (Wyszogród) 104.
 Вюртемберг 369.
 Вязьма 226, 234.
 Вятка 455.
заволяне 45.
 Гаити 391, 400, 457.
 Галиция 336, 380—387, 390—392, 401,
 430, 431, 448, 449, 467, 479, 484,
 490, 491, 494, 514, 516, 520.
 Галиция Восточная 380, 478, 491.
 Галиция Западная 282, 284, 285, 387,
 478, 480, 492, 516.
 «Галиция Западная», Новая Галиция 379,
 388, 401.
 Галицкое княжество 322.
 Гампах 483.

- Гданьск (Gdańsk) 29, 30, 36, 38, 91, 102, 112—114, 131, 138, 139, 146—148, 161, 172, 182, 210, 211, 215, 219, 220, 231, 232, 234, 255, 259, 262, 273, 290, 297, 312, 322, 330, 342, 378, 379, 391, 396, 402, 406, 472.
- Гданьские Жулавы (Żuławy Gdańskie) территория в дельте Вислы 266.
- гепиды 24.
- Германия, Германская империя 5, 30, 37, 44, 53, 64, 75, 77, 82, 97, 151, 160, 172, 173, 213, 233, 273, 287, 354, 380, 447, 483.
- Германия Северная 151, 232.
- Германия Южная 421.
- германцы 19, 22, 24.
- Геч (Giecz) 62, 93.
- Гливице (Gliwice) 373.
- Глогов (Głogów) 62, 67.
- Глоговский округ 373.
- Глубицкий округ 373.
- Глухов 263.
- Гнезненская область 66.
- Гнезно (Gniezno) 37, 44, 50, 55, 61, 62, 71, 73, 83, 92, 93, 100, 138, 140, 143, 249.
- Голендинов (Gołędzinów) предместье, позднее городской район Варшавы 308.
- Голландия 147, 230, 232, 234, 260, 266, 278, 282, 285, 331, 438.
- Голомб (Gołąb) 258.
- Голтва 237.
- Гомель 245, 254.
- Гопло (Gopło), озеро 37.
- Городло (Horodło) 123.
- Городок 255.
- Гостьков 68.
- готы 24.
- Греция 191.
- Гродзиск (Grodzisk) 272.
- Гродненская губерния 448, 484.
- Гродно 183, 254, 262, 293, 341.
- Гротковский округ 374.
- Гротники (Grotniki) 129.
- Грохов (Grochów) 443, 444.
- Грудзендз (Grudziądz, Grudziąż) 184, 498.
- Грюнвальд (Grünwald) 91, 122, 123.
- Гузов (Guzów), близ Радома 227.
- Гузов, см. Жирардов.
- гунны 99.
- Гурский округ 374.
- Давидгородок 255.
- Дания 45, 47, 49, 70, 73, 147, 176, 178, 230, 232, 234, 259, 260, 262, 278, 283, 284, 285.
- Дарданеллы 326.
- датчане 36, 73.
- Даугавпилс, Двинск 255, 259, 262.
- Двина Западная, река 231, 322, 326, 489.
- Двинск, см. Даугавпилс.
- Дембно (Dębno) 138.
- Дембовицкое староство 272.
- Дерпт, см. Тарту.
- Деулино 229, 234.
- Джерсей, остров 498.
- Днепр, река 180, 222, 225, 237, 244, 253, 255, 263, 302, 317, 322, 326, 490.
- Днестр, река 231, 281, 335, 478.
- Добжец (Dobrzec) 208.
- Добжин (Dobrzyń) 77.
- Добжинская земля 77, 104, 122, 124, 125, 145.
- Дон, река 411.
- Дорогобуж 226, 254.
- Драгим (Drahim) 260.
- Дрезден 293, 344, 346, 396.
- Друть, река 322.
- Дубно 292.
- Дунаец (Dunajec) 113.
- Дунай, река 17, 22, 23, 281.
- Дунайский бассейн 20, 168, 169, 170.
- Дымин 68.
- евреи
- Европа, Европейский континент 5, 15, 16, 24, 27, 39, 46, 61, 99, 101, 102, 125, 134, 146, 152, 156, 187, 221, 230, 273, 283, 285, 288, 289, 291, 312, 313, 353, 354, 371, 372, 391, 401, 405, 406, 412, 432, 478, 480, 482, 484, 485, 518, 522.
- Европа Восточная 9, 18, 27, 46, 80, 117, 120, 124, 158, 170, 224, 260, 277, 283, 313.
- Европа Западная 16, 39, 62, 97, 112, 123, 146, 147, 151, 212, 278, 405, 410, 438, 455, 480, 482, 490, 501.
- Европа Северо-Восточная 283.
- Европа Юго-Восточная 78, 117, 168.
- Европа Центральная, Средняя 17—19, 78, 97, 168, 218, 224, 232, 277, 280, Египет 482.
- Езерно (Jezerno) 309.
- Елена Гура (Jelenia Góra) 371.
- Енджеёв (Jędrzejów) 74, 93, 219.
- Жарки (Żarki) 468.
- Жванец 253.
- Желтые воды, урочище 244.
- Жемайтия, Жмудь 112, 122, 259, 448.
- Жешовский округ 516.
- Жирардов (Żygarów), ранее деревня Гузов 469.
- Житов 61.
- Жмудь, см. Жемайтия.
- Жолква 296.
- Журавица (Zbawica) 134.
- Журавно 280.
- Забайкалье 454.
- Заверце (Zawiercie) 468.
- Завихост (Zawichost) 18, 93.
- Заднепровье 237.
- Закрочим (Zakroczym) 453.
- Замойский округ 388, 401.
- Замостье (Zamość) 241, 245, 258, 259, 386, 401, 406, 453.
- Западнопоморское княжество 68, 70, 73.
- Запорожье, Запорожская Сечь 223, 237, 243, 244, 253, 281, 301.
- Заторское княжество 322.
- Збараж 247.
- Зборов, город на Украине 247.
- Зборов (Zborów), село в Калишском восводстве 272.

- Збруч, река 324, 379.
 Звенигородка 302.
 Згез (Zgerz) 468, 472.
 Здунская Воля (Zduńska Wola) 468.
 Зеленка (Zielonka) 308.
 Зеленогорский округ 373.
 Зеленогурский округ 372.
 Злотогура (Złota Góra) 83.
 Золотая Орда 120, 121.
 Золочевский округ 492.
- Игане (Iganie) 444.
 Ижорская земля, Ижора 284, 285.
 Илжа (Iłża) 94.
 иллирийцы 19.
 Индия 154, 212.
 Иновроцлав (Inowrocław) 378, 379.
 Испания 112, 146, 230, 400, 404, 411, 482.
 Исполиновы горы (Olbrzymie góry, Kar-koposze) 370.
 Италия 45, 61, 189, 199, 212, 239, 344, 380, 390—392, 438.
 Италия Северная 45.
- Кавказ 482.
 Кагул 321.
 Казань 176.
 Казимеж (Kazimierz) город, позднее го-родской район Кракова 111, 112, 139, 216, 273.
 Казимеж Дольный (Kazimierz Dolny) 241.
 Калвария 444.
 Калиш 71, 75, 83, 93, 103, 104, 143, 208, 266, 299, 371, 377, 378, 420.
 Калишская область 66.
 Калишский департамент 377.
 Калишский повет 272.
 Калишское воеводство 249, 412, 444, 465, 476.
 Калущ 490.
 Каменец, Каменец-Подольск 114, 278, 280—282.
 Каменна Гура (Kamienna Góra) 371.
 Камень (Kamień) 64.
 Канев 330.
 Кардисы 262.
 Карельская земля, Карелия 284, 285.
 Карловцы 282.
 Карпаты, Карпатский хребет (Karpaty) 19, 36, 259; 260, 264, 269, 314, 321, 372, 379, 387, 456, 491.
 Картузы (Kartuzy) 378.
 Каунас 254.
 Кафа, ныне Феодосия 112.
 Кведлинбург 38.
 Квидзинь (Kwidzyn) 318.
 кельты 23.
 Кельце (Kielce) 91, 94, 144, 241, 411, 495, 508, 511.
 Кемпа (Кера) 135.
 Кёнигсберг, Круленец 132.
 Киев 30, 39, 42, 45, 46, 51—53, 217, 224, 237, 246, 252, 253, 255, 264, 281, 496, 497.
 Киевщина, Киевское воеводство 179, 223, 247, 252, 269, 431.
- Килия 146.
 Кирхгольм, см. Саласпилс.
 Китай 5.
 Китай-город, район Москвы 229.
 Клайпеда 394.
 Клепаж (Kleparz), предместье Кракова 428.
 Клодзко, Кладско (Kłodzko) 126.
 Клодзский округ, графство 373.
 Клодно (Kłodno) 68.
 Ключборкский округ 374.
 Кодак, Кодацкая крепость 237, 243, 244.
 Кодня 303.
 Кожуховский округ 373.
 Кокенгаузен 259.
 Коло (Kolo) 184.
 Колобжег (Kołobrzeg) 30, 44, 46, 68, 69, 83, 112.
 Конопница (Konopnica) 208.
 Константинов (Konstantynów), город близ Лодзи 468.
 Константинов (Konstantynów), деревня в Люблинской губ. 475.
 Константинополь, Стамбул 130, 146, 168, 212, 291, 388, 482.
 Копенгаген 261.
 Копорье 221.
 Копшивница (Koprzywnica) 93.
 Корела 228.
 Королевство (Царство) Польское 404—406, 408—411, 416, 417, 419—424, 428, 430, 431, 434, 435, 442, 448—450, 464—470, 472—475, 477, 478, 483, 484, 490, 491, 495, 503, 511, 512, 514, 515.
 Корсунь 244, 245.
 Корчин (Nowe Miasto Korczyn) 184.
 Костомлот (Kostomłot) 83.
 Крайно (Krajno) 511.
 Краков (Kraków) 29, 30, 36, 39, 44, 46, 50, 54, 61, 62, 71, 73, 74, 78, 80, 82—84, 91—94, 98, 100, 103, 111—114, 117—119, 132—134, 136, 138—140, 143—147, 150, 182, 196, 199, 209, 210, 212, 214, 218, 219, 222, 246, 249, 250, 251, 256, 258—260, 273, 274, 286, 296, 309, 312, 320, 345, 346, 352, 354, 371, 387, 401, 403, 406, 408, 427—430, 449, 450, 467, 480, 491, 492, 494.
 Краковская земля, область 39, 65, 66, 70, 73.
 Краковская каштеляния 270, 272.
 Краковская республика 416, 427—430, 467, 490, 492.
 Краковское воеводство 157, 159, 207, 251, 270, 322, 346, 349, 446.
 Красичин (Krasieczyn) 241.
 Кремль московский 226, 229.
 Кричевское староство 270.
 Кроводум (Krowodum) 159.
 Крупвица (Kruszwica) 49, 54, 71.
 Крымское ханство, Крым 168, 169, 180, 217, 220, 233, 235, 244, 248, 254, 263, 284.
 Ксаверов (Ksawerów) 468.
 Кумейки 237.
 Кунерсдорф 293.

- Курляндия** 177, 231, 255, 289, 290, 293, 354.
Курпёвская пуца (puszcza Kurpiowska) 272.
Кутная Гора 128.
Кутно (Kutno) 138.
Кутновский повет 400.
Куфштейн, крепость 492, 495.
Куявия, Куявская земля, Куявское воеводство (Kujawy) 17, 23, 63, 66, 71, 104, 106, 125, 145, 159, 172, 264, 322, 324, 379.
куявяне 37.
Кшечов (Krzeczów) 270.
Кяхта 421.

Лаба, Эльба, река 72, 151.
Ларга 321.
Латгалия 262, 322.
Левобережье, Левобережная **Украина** 237, 244, 263, 264, 269, 285, 301.
Ледницкое озеро (Lednickie jezioro) 92.
Лейпциг 344, 456.
Лекно (Lekno) 156.
Ленгонице (Łęgonice) 264.
Лёборк (Łębork) 260.
Лёнд (Łąd) 156.
Ленчица (Łęszycа) 62, 92, 93, 138, 468.
ленчицане 37.
Ленчицкая земля, воеводство 65, 66, 70—71, 106.
Ленчицкий повет 209.
Лепельский уезд 448.
Лешно (Leszno) 240, 378, 423.
Либушское староство 272.
Ливония 176, 177, 180, 218—222, 228, 231, 234, 255, 262.
Ливонский орден, государство 176—178.
ливы 80
Лигница (Lignica, Legnica) 78, 132.
Лион 485.
Липаны 125, 128.
Липницкое староство 272.
Липновский уезд 474.
Литва, Литовское государство, Великое княжество Литовское 80, 104, 119—124, 126, 127, 129, 131, 148, 166, 168—170, 172, 176—180, 184, 185, 217, 231, 248, 254, 255, 257, 261, 266, 270, 284, 286, 287, 293, 297, 303, 314, 317, 325, 326, 334, 340, 344, 348, 351, 354, 363, 403, 404, 411, 435, 436, 447, 449, 454, 455, 458, 465, 484, 490, 495, 519.
литовцы, *литовский народ* 80, 105, 118, 120, 122, 133, 314.
Лифляндия 222, 283, 284, 289.
Лович (Łowicz) 83.
Лодзь (Łódź) 468.
Ломбардская республика 390.
Ломжа (Łomża) 495.
Лондон 498.
луизи 23.
Лужицы, Лужицкая марка 44—47, 49.
лужицкие племена 19, 20, 22, 23.
лужицане, см. *сербо-лужицане*.
Луцк 127, 245.
Лысая гора (Łysa góra) 140.

Львов 111—114, 145, 146, 150, 166, 209, 217, 225, 231, 245, 253—255, 258, 270, 278, 280, 322, 381, 384, 386, 387, 401, 430, 431, 456, 492, 493.
Львовецкий округ 373.
Львовская земля 265, 266.
Любинь (Lubiń) 140.
Люблин (Lublin) 93, 111, 140, 143, 171, 179, 180, 190, 208, 209, 246, 255, 273, 288, 305, 307, 354, 401, 510, 511.
Люблинская земля, Люблинское воеводство, Люблищина 36, 37, 322, 347, 446.
Люблинская губерния 475, 508, 511.
Люблинский повет 265.
Любовня 343.
Любушская земля (ziemia Lubuska) 18, 64, 70—72, 75, 99, 316.
Людзиск (Ludzisk) 134.
лютичи 37, 38, 45, 65, 72.
Лянцкорона (Lanckorona) 250, 270.
Лянцкоронское староство 270.

Магдебург 50, 83, 111.
Магеров 260.
Мазовецкое воеводство 299, 347, 444, 446, 476.
Мазовецкое княжество 348.
Мазовия (Mazowsze) 19, 23, 36, 37, 49, 51, 63, 70, 72, 82, 83, 94, 104—106, 108, 111, 112, 114, 119, 138, 149, 170, 182, 184, 185, 202, 249, 265, 272, 298, 305, 309, 374.
мазовшане 37.
Мазурское Поозерье (Mazury) 314, 315.
Малая Польша (Małopolska) 17—19, 29, 30, 36, 38, 44, 49—51, 57, 63, 75, 78, 80, 82, 83, 86, 97, 98—103, 105, 106, 108, 110—112, 114, 125, 138, 143, 145, 156, 157, 159, 172, 174, 184, 185, 202, 221, 252, 256, 266, 272, 297, 300, 374, 382.
Мальборк (Malbork) 124, 131, 184, 231.
Мальборкское воеводство 322.
Мариденхауз 262.
Маримонт (Marymont) 421.
Мариямполье 444.
Мацеёвице (Maciejowice) 352.
Меджибож 260, 287.
Мельник (Mielnik) 169.
Мельштын (Melsztyn) 129.
Мендзыжеч (Międzyrzecz) 94.
Мерзебург 46, 49, 69.
Мехов (Miechów) 201.
Мильско 44, 46.
мильчане 49.
Минск 254.
Минское воеводство 254.
Мишна, Мишненская марка 44, 70.
Могач 170.
Могилев (на Днепре) 223, 254, 262, 270.
Могилев (на Днестре) 231.
Могилно (Mogilno) 92, 111, 156.
Модлин (Modlin) 401, 453.
Мозгава (Mozgawa), река 74.
Мозырь 245.

- Молдавия 126, 169, 212, 230, 248, 253, 268, 281, 282, 338, 390.
монголы 99.
 Монтвы (Małwy) 264.
 Моравия, Моравия Великая 18, 36, 45, 47, 48, 206.
 Моравские ворота 17, 19.
 Москва 103, 120, 122, 148, 176, 180, 224, 226—229, 245, 246, 253, 261, 284, 288, 455.
 Московское княжество 120.
 Мостники (Mostniki) 305.
 Мстиславль 254.
 Мстиславское воеводство 254.
 Мукачево 260, 495.
 Мысленицкий край 159.
 Мысленице (Myślenice) 250.
 Мюнхенгрец 467.
 Накло (Nakło) 61, 68.
 Нарва 177, 221, 285, 287.
 Неаполь 411.
 Нева, река 283.
 Невель 254.
 Негрода 61.
негры 391, 501.
 Нежин 237.
 Неман, река 317, 326.
 Немиров 287.
немцы 117, 134, 150, 371, 377, 386.
 Неполомце (Niepołomice) 140.
 Нешава (Nieszawa) 77, 162.
 Нидерланды, см. Голландия.
 Нижний Новгород 229.
 Ним 480.
 Нисса, Ныса (Nysa), река 6.
 Новая Галиция, см. «Галиция Западная».
 Новая марка 122.
 Новгород 113, 121, 122, 220, 225, 226, 454.
 Новгород Северский 226.
 Новотаргское староство 159, 208, 209, 249, 270.
 Новый Быхов 254.
 Новый Сонч, Сандец (Nowy Sącz) 99, 112, 113, 114, 138, 143, 144, 256, 386.
 Новый Тарг (Nowy Targ) 272.
 Норвегия 147.
норманны 36.
 Нотець (Notec), река 37, 68, 266, 322, 375.
 Ныса (Nysa), город 117.
 Одра, Одер (Odra), река 6, 19, 23, 34, 37, 69, 71, 72, 80, 148, 200, 289, 314, 369, 370, 375.
 Озорков (Ozorków) 468.
 Олава (Oława) 125.
 Олавский округ 373, 374.
 Олесницкий округ 374.
 Олива (Oliwa) 262.
 Оломоуц 392.
 Олькуш (Olkusz) 112, 134, 138, 144, 199, 273, 422.
 Опатов (Opatów) 259.
 Ополе (Opole) 256.
 Опольский округ 374.
 Орава (Orawa) 272.
 Ороньск (Oronisk) 17.
 Орша 169, 254.
 Освенцим (Oświęcim) 85, 256.
 Освенцимский край 159.
 Освенцимское княжество 322.
 Освенцимское староство 158.
 Осецкое староство 208.
 Островец (Ostrowiec) 473.
 Острог 245, 246.
 Остроленка (Ostrołęka) 444, 448, 450.
 Пабьянице (Pabianice) 468, 472.
 Паволочь 270.
 Паланга 343.
 Панки (Panki) 371, 378.
 Париж 345, 388, 480, 483, 513, 519.
 Пена, река 73.
 Перемышль (Przemysł) 30, 231, 314, 494.
 Переяслав 246, 253.
 Пермь 455.
 Пернов, Пярну 178.
 Персия 221.
 Петербург 292, 318, 322, 340, 342, 364, 390, 441, 444, 448, 452, 459, 462, 464, 496.
 Пётрков (Piotrków) 191, 249, 259.
печенеги 45, 46.
 Пилица (Pilica), река 36, 379.
 Пиллау 231.
 Пильзно (Pilzno) 272.
 Пилявцы 245.
 Пинск 245, 255, 326, 343.
 Пинчов (Pińczów) 217.
 Пловце (Płowce) 104.
 Плотница 270.
 Плоцк (Plock) 62, 70, 83, 93, 94, 104, 138, 453, 484.
 Плоцкая губерния 474.
 Плоцкий департамент 377.
 Плоцкое воеводство 418, 444.
 По, река 387.
 Подгайцы 277.
 Подгале (Podhale) 249, 250, 252, 269, 272, 298.
 Подгорье (Podgórze) 256.
 Подляское воеводство 476.
 Подлясье (Podlasie) 179, 208, 249, 265, 272, 314, 387.
 Поднепровье 222, 237, 248.
 Подолия 22, 126, 131, 218, 223, 245, 248, 265, 270, 278, 280, 282, 287, 293, 303, 324, 431, 448, 496.
 Познанская земля, область 66, 73.
 Познанский департамент, Познанская регенция 377, 399, 408, 423.
 Познанское воеводство 419.
 Познанское княжество 416, 423, 466, 477, 490, 506, 512.
 Познань (Poznań) 29, 37, 45, 50, 62, 71, 72, 75, 82—84, 92, 94, 100, 103, 104, 111, 113—115, 132, 138, 139, 143, 145, 149, 175, 209, 219, 255, 266, 274, 296, 299, 307, 309, 310, 312, 342, 379, 394, 423, 477, 512—515, 522.
 Покутье 159, 269.
 Полесье Киевское 265.
 Полоцк 178, 218, 220, 254, 262.

- Полоцкое воеводство 254.
 Полтава 288.
 поляне 32, 37.
 Поляновка, река 233.
 Померания, см. Поморье Западное.
 Поморское воеводство 232.
 Поморье (Pomorze) 19, 23, 29, 34, 39, 46, 49, 51, 67, —69, 71—73, 80, 99, 104, 112, 113, 122, 126, 138, 235, 255, 315, 375, 422.
 Поморье Восточное, Гданьское 36, 38, 41, 52, 64, 68, 74, 101, 102, 104, 105, 130, 132, 146, 170, 172, 180, 231, 232, 262, 290, 321, 322, 375, 426, 428, 514; см. также Пруссия Западная.
 Поморье Западное, Померания 17, 34, 37, 38, 41, 44—46, 49, 52, 64, 68, 69, 71—74, 80, 99, 104, 105, 113, 160, 235, 255, 260, 289, 314, 369, 376.
 поморяне 34, 54, 67.
 Порга см. Турция.
 Портсмут 498.
 Португалия 482.
 Поток (Potok) 309.
 Правобережье, Правобережная Украина 244, 263, 265, 269, 278, 280, 283, 287, 302, 305, 342, 435.
 Прага, столица Чехии 30, 39, 42, 45, 46, 364.
 Прага (Praga) предместье, позднее городской район Варшавы 401, 443.
 Прегиня (Preginia czyli Przeginia) 110.
 Прейсш Эйлау, см. Эйлау.
 Преображенское 284.
 Прибалтика 75, 77, 80, 119, 121, 151, 176, 221, 228, 234, 259, 283, 284, 287.
 Прибалтика Восточная 231, 283.
 Приднестровье 235, 252.
 Прикарпатье 250, 269.
 Приноецкий округ 375, 376.
 Припять, река 255.
 Присудегская область 373.
 Причерноморье 23, 113.
 Пропойск 254.
 Простки (Prostki) 259.
 Проховне (Prochownie) предместье, позднее городской район Варшавы 309.
 Прудницкий округ 373.
 Пруссия 114, 132, 172, 182, 184, 231, 232, 258, 260, 289—293, 303, 307, 313, 316, 318, 321—323, 326, 330, 332, 333, 335, 336, 339, 341, 344, 352, 354, 355, 369, 370, 372, 374, 376—378, 382, 388, 391—394, 396, 398, 402, 404—408, 416, 417, 419, 420, 422, 423, 425, 427, 428, 430, 448, 449, 453, 466, 467, 476, 484, 512, 514.
 Пруссия Восточная, Княжеская 132, 170, 172, 176, 178, 220, 280, 293, 322, 375, 379.
 Пруссия Западная, Королевская 180, 185, 298, 375, 277, 426.
 «Пруссия Ново-восточная» 375, 377.
 «Пруссия Южная» 375, 377.
 пруссы 51, 75, 76, 80, 99.
 Прышов 320.
 Псков 121, 122, 220, 225, 226.
 Пуатье 480.
 Пулавы (Puławy) 404.
 Пултуск (Pultusk) 394.
 Пуцк (Puck) 231.
 Пфальц 483.
 Пцим (Pcim) 270.
 Пшаснышский повет 400.
 Пшедбож (Przedboż) 305.
 Пщинский округ 373.
 Пьемонг 411.
 Пярну см. Пернов.
 Равич (Rawicz) 378.
 Радлин (Radlin) 510.
 Радом (Radom) 17, 138, 164, 272, 320, 346, 510, 511.
 Радомка (Radomka), река 36.
 Радомская губерния 474, 508, 511.
 Радомышль 270.
 ратары 37, 38.
 Ратиборский округ 373.
 Радавлице (Raclawice) 346, 347, 349.
 Рашин (Raszyn) 401.
 Ревель 113, 219.
 Резекне, Режица 262.
 Рейн, река 19, 387, 391.
 Рейхенбах 405.
 Речица 245.
 Рига 113, 178, 219, 231, 259, 284, 285.
 Рим, город 44, 102, 190.
 Рим, Папское государство 53, 63, 64, 100, 101, 124, 172, 174, 175, 188, 218, 221, 223, 224, 254, 280, 281.
 Рим, Римская империя 23, 24.
 Рославль 254.
 Рудава (Rudawa), река 139.
 Ружан (Różan) 249.
 русские, русский народ, советский народ 6, 8, 78, 99, 120, 122, 177, 178, 224, 229, 243, 244, 246, 254, 261, 278, 285, 432, 433, 454, 459, 480.
 Русь, Русское государство, Россия, Российская империя 9, 10, 30, 39, 45, 46, 48, 51, 53, 55, 62, 70—72, 80, 88, 95—97, 103, 104, 114, 120, 121, 148, 151, 168—170, 176, 178, 180, 207, 217, 218, 220—230, 232, 233, 235, 237, 238, 240, 242—245, 248, 252—256, 261, 263, 264, 269, 273, 277, 280—290, 292, 302, 313, 316, 318—323, 326, 330, 332, 333, 335, 340, 341, 349, 352—354, 388, 391—394, 396, 398, 402—410, 416, 421, 427, 430, 432, 433, 443, 450, 452, 455, 458—460, 467, 468, 470, 472, 481, 484, 486, 501, 526.
 Русь Галицкая, Галичина, Русь Червоная, Русское воеводство 72, 74, 105, 108, 112—114, 118, 145, 159, 207, 218, 245, 248, 265, 266, 287, 297, 322, 380.
 Руяна, остров 68.
 руяне 72.
 Рыбна (Rybna) 110.
 Рыбницкий округ 373.
 Рыдзына (Rydzyń) 423.
 Рымник 335.

- Савойя 485.
 Саксония 285—288, 291, 345.
 Саласпилс, Кирхгольм 222.
 Салин, остров 121.
 Самбия 172.
 Самбор 386, 491.
 Самборский округ 491.
 Сан (San), река 36, 258.
 Сандеп, см. Новый Сонч.
 Сандецкий повет 321.
 Сандомир, Сандожеж (Sandomierz) 78, 83, 85, 93, 103, 111, 113, 138—140, 143, 147, 214, 227, 401, 446.
 Сандомирская земля, область, воеводство 66, 70, 157, 251, 322, 347, 352, 444, 446, 476.
 Сандомирское староство 158.
сандомиряне 36, 287.
 Санок (Sanok) 134, 138, 159, 275, 314.
 Саноцкая земля 207, 265, 266, 269.
 Сарагосса 456.
 Сарема, Эзель, остров 178.
 Свидница (Świdnica) 125.
 Свидницкий округ 370, 373.
 Свошовице (Swoszowice) 144.
 Северская земля, Северщина 225, 229, 232—234.
 Севск 263.
 Седлецкий округ 387.
 Седльце (Siedlce) 401, 444.
 Семиградье 76, 281, 282, 490.
 Сен-Жюст, предместье Лиона 485.
 Серадз (Sieradz) 61, 113, 306.
 Серадзская земля, воеводство 65, 66, 70, 106.
серадзяне 37.
 Сербия 281, 282, 390.
сербо-лужичане, сербы лужичские 19, 45, 49.
 Сероцк (Serock) 468.
 Серпейск 234.
 Сечехов (Siecichów) 18.
 Сечь Запорожская, см. Запорожье.
 Сибирь 302, 464.
 Силезия (Śląsk) 17—19, 23, 24, 29, 36, 38, 44, 50—52, 54, 63, 70—73, 75, 78, 80, 81, 83, 86, 94, 98, 100, 104, 105, 110—114, 117, 122, 125, 135, 136, 140, 160, 168, 230, 235, 256, 262, 291, 303—305, 315, 369—377, 378, 383, 421—423, 426, 428, 429, 514.
 Силезия Верхняя 315, 371, 373, 423, 426.
 Силезия Нижняя 314, 372, 375, 376, 424.
 Силезия Цешинская 385, 478.
 Сирия 30.
 Скандинавия 30, 112.
 Скандинавский полуостров 15, 24.
скандинавы 30.
 Славков (Ślawków) 94.
 Славония 282.
славяне, славянские племена 19, 23, 24, 27, 28, 30, 32, 34.
 Словакия 17, 46, 48, 112, 113, 148, 230, 269.
 Слоним 184, 326, 363.
 Слонимское староство 270, 303.
 Слуцк 223, 319.
 Смоленск 122, 169, 220, 226, 228, 229, 232, 233, 254, 285, 288.
 Смоленская земля, Смоленщина 225, 233, 254, 264.
смоляне 123.
 Совиные горы (Sowie góry) 370.
 Соединенные Штаты Америки 501.
 Сож, река 489.
 Сокаль 248.
 Спизж, Спиш (Spiż) 290, 321.
 Средиземноморье 17, 23.
 Срем (Srem) 378.
 Сродский округ 374.
 СССР, Советский Союз 5, 6, 8, 11, 16.
 Стамбул, см. Константинополь.
 Станислав 494.
 Стараховицы (Starachowice) 469.
 Стародуб 227.
 Старый Сонч (Stary Sącz) 93, 159.
 Сточек (Stoczek) 443.
 Стшалов (Strzałów) 83, 112.
 Стшелецкий округ 374.
 Сула, река 237.
 Сулеёв (Sulejów) 93, 139.
 Суражское староство 208, 272.
 Тарговица 340, 343.
 Тарнов (Tarnów) 111, 492.
 Тарту, Дерпт 177, 231, 259.
 Тарчек (Tarczek) 94.
татары, татаро-монголы 55, 78, 99, 121, 231, 252—254, 261, 277, 278.
 Тевтонский орден, Орденское государство 75—77, 80, 99, 103, 104, 119—123, 126, 127, 130—132.
 Тернопольский округ 406.
 Тильзит 394, 396.
 Томашов (Tomaszów) 468.
 Торонец 226.
 Торунь (Toruń) 112—114, 131, 138—140, 145, 199, 259, 262, 288, 290, 293, 319, 322, 330, 342, 378, 379, 450.
 Торчин 304.
 Трансильвания 380.
 Тум (Tum) 92.
турки 129, 130, 146, 168, 192, 225, 278, 280, 281, 321.
 Туров 255.
 Турция, Порта, Османская империя, Турецкая империя 129, 168, 180, 218, 220, 221, 224, 231, 233, 235, 247, 254, 277, 280—282, 284—286, 288, 293, 319, 321, 330, 335, 336, 339, 345, 381, 388, 390, 435, 436.
 Тушино 227—229.
 Тшебницкий округ 372, 374.
 Тшемешно (Trzemeszno) 156.
 Узноим 68.
 Украина 207, 209, 218, 220, 222—224, 229, 235—238, 240, 242—248, 252—254, 259, 261—264, 266, 269, 277, 278, 280, 286, 288, 303, 305, 314, 333, 335, 387, 390, 404, 435, 436, 447, 449, 465, 490, 491, 519.
 Украина Левобережная, см. Левобережье.

- Украина Правобережная, см. Правобережье.
 Украина Слободская 237, 252—253.
украинцы; украинский народ 6, 120, 122, 217, 222, 231, 236—238, 243, 245—249, 252—254, 261, 263, 314, 318, 379.
 Улла, река 179.
 Умань 302.
 Усвят 220.
 Устье (Ujście) 255.
- Фастов 270.
 Феллин, см. Вильянди.
 Фельштын (Felsztyn) 199.
 Феодосия, см. Кафа.
 Финляндия 15.
 Фландрия 112, 113, 147.
 Фокшаны 335.
 Франкфурт-на-Майне 485.
 Франция 147, 190, 218, 230, 232, 234, 235, 260, 262, 278, 280—282, 284, 290, 292, 316, 320, 331, 334, 339, 344, 345, 353, 365, 373, 374, 378, 381, 383, 387, 388, 390—396, 401, 402, 405—407, 438, 453, 455, 480, 482, 483, 485, 501, 512, 518.
французы 290, 394.
 Фридлянд 394.
- Хелминская земля 17, 23, 76, 132.
 Хелминское воеводство 322.
 Хелмно (Chełmno) 132, 139, 194, 377.
 Хенцины (Chęciny) 59, 144, 273.
 Херсон 326.
 Хехло (Chechło) 446.
 Ходель (Chodel) 508.
 Хойницы (Chojnice) 131.
 Холм, Хелм (Chełm) 105, 351.
 Холмская земля, Холмщина 265, 266, 314, 347, 379.
 Хорватия 281.
 Хортица, остров 180.
 Хотин 231, 243, 278.
- Череквица (Cerekwica) 130.
 Цеханов (Ciechanów) 249.
 Цепора 230.
 Цешин (Cieszyn) 320.
- Чарнков (Czarnków) 135.
 Ченстохова (Częstochowa) 256, 264, 400.
 Червенские города 30, 46, 48, 49, 51.
 Червень 30, 72.
 Червиньск (Czerwińsk) 93.
- Черкассы 302.
 Черниговское воеводство 247.
 Черное море 282, 326.
 Чесма 321.
чехи 67, 123, 125, 133, 134, 230.
 Чехия, Чешское государство 18, 30, 37—39, 45, 48, 49, 51—53, 68, 70, 92, 95, 101, 103, 124—126, 128, 151, 168—170, 173, 230, 304, 382, 478.
 Чехословакия 16, 29.
 Чечерск 254.
 Чорштын (Czorsztyń) 250, 251.
 Чорштынское староство 272.
 Чуднов 262.
 Чудское озеро 80.
 Чхов (Czchów) 140.
- Шамотулы (Szamotuły) 198, 222.
 Шампань 365.
 Шауляй 448
шведы 231—233, 255, 258, 259—261, 286—288.
 Швейцария 482.
 Швеция 39, 143, 147, 176, 178, 217, 221, 225, 226, 230, 232, 234, 235, 247, 255, 256, 258—260, 262, 278, 281, 283—290, 331, 336, 345, 388.
 Шепелевичи 254.
 Шотландия 147, 482.
 Шпильберг 495.
 Шреньск (Szreńsk) 249.
 Шубины (Szubiny) 400.
- Щекоцины (Szczekociny) 351.
 Щецин (Szczecin) 29, 36, 68, 59, 72, 113, 235, 289.
- Эйлау 394.
 Эльба, см. Лаба.
 Эльблонг (Elbląg) 131, 172, 231, 232, 234, 260.
 Эрмес 177.
 Эстляндия 177, 222, 283, 284, 289.
эсты 80.
- Явовжно (Jaworzno) 429, 491.
 Яворский округ 370.
 Язловец 281.
 Ям Запольский 221.
 Ярослав (Jarosław) 258.
 Ярославль 229.
 Ясная Гора (Jasna Góra) 257.
 Ясельский округ 478.
 Яссы 281.
ятвяги 100.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Маркс К. 7, 61, 62, 99, 129, 151, 152, 203, 221, 273, 277, 283, 298, 318, 353, 354, 376, 377, 379, 380, 407, 426, 427, 450, 456, 486, 488, 503, 505.
- Энгельс Ф. 7, 22, 58, 61, 62, 99, 186, 200, 203, 221, 277, 283, 298, 318, 353, 354, 376, 377, 379, 380, 407, 426, 427, 447, 450, 456, 486, 488, 503—505.
- Ленин В. И. 7, 254, 266, 385, 427.
- Сталин И. В. 7, 8, 9, 314, 315, 409, 464.
- Абрахамович Анджей (Abrahamowicz Andrzej) 194.
- Август II Фридрих Август (August II), польский король и саксонский курфюрст 282, 284—290.
- Август III, Фридрих Август (August III), польский король и саксонский курфюрст 290, 291, 293, 316, 338.
- Авданыцы 67.
- Алдона, дочь Гедиминаса 104.
- Александр (Aleksander), великий князь литовский, позднее польский король 164, 169.
- Александр I, русский император 392—394, 402, 403, 405—407, 409—411, 414, 436.
- Александр Невский, русский князь 80.
- Александр Павлович, см. Александр I.
- Александрович (Aleksandrowicz) 475.
- Алексей, сын Петра I 288.
- Алексей Михайлович, русский царь 262.
- Альберт 102, 103, 113, 135.
- Альбрехт I Габсбург, германский император 102.
- Альбрехт II Габсбург, германский император, чешский и венгерский король 128.
- Альбрехт I Бранденбургский, Альбрехт Готендоллерн, гроссмейстер Тевтонского ордена, затем прусский герцог 170, 172, 178.
- Альбрехт II Фридрих, прусский герцог 220.
- Альбрехт Медведь, бранденбургский маркграф 70—72.
- Альхазен 94.
- Анастасия, княгиня, жена Болеслава Кудрявого 93.
- Анджей (Andrzej), познанский епископ 104.
- Анжу, династия 117.
- Анквич Юзеф (Ankwicz Józef) 349.
- Анна Ивановна, русская императрица 290.
- Анна Ягеллонка (Anna Jagiellonka), королева 198.
- Апшиази 241.
- Апраксин С. Ф. 320.
- Аракчеев А. А. 411.
- Ардуин, маркграф 45.
- Аристотель 200.
- Арсеньев Н. Д. 348.
- Бажиковский Станислав (Barzykowski Stanisław) 441 442.
- Байли Ж.-С. 501.
- Балакирев М. А. 523.
- Бандтке Ежии Самуэль (Bandtke Jerzy Samuel) 422.
- Барсс Францишек (Barss Franciszek) 388.
- Бартош Войцех, Гловацкий Войцех (Bartosz Wojciech, Głowacki Wojciech) 346.
- Барыка Петр (Baryka Piotr) 239.
- Баторий Стефан (Batory Stefan), король 176, 183, 185, 198, 218—221, 241.
- Батюшков К. Н. 458.
- Баччиарелли Марцелло 366.
- Белинский В. Г. 517.
- Белиньский Петр (Bieliński Piotr) 435.
- Бельский Марцин (Bielski Marcin) 201.
- Бельш Марцин (Belsz Marcin) 199.
- Бенуа Гедон 318.
- Бервиньский Ришард (Bierwiński Ryszard) 515, 522.
- Бернард, испанец 69.
- Бернат из Люблина (Bernat z Lublina) 177, 188.
- Бернацкий Алоизий (Biernacki Alojzy) 412.
- Бертран Анри 394.

- Берут Болеслав (Bierut Bolesław) 6, 8, 459.
- Бесприм (Besprym) князь 49.
- Бестужев-Рюмин А. П. 432.
- Бетлеп Габор, трансильванский князь 230.
- Бжостовский Павел (Bzostowski Paweł) 300.
- Бирон Эрнест, курляндский герцог 290.
- Богданский Генрих (Bogdański Henryk) 446.
- Богомолец Францишек (Bohomolec Franciszek) 357, 360, 363.
- Богун Иван 248, 252.
- Богуслав I (Bogusław I), князь 73.
- Богуславский Войцех (Bogusławski Wojciech) 363.
- Бокин Фердинанд (Bokin Ferdynand) 308.
- Болеслав I Храбрый (Bolesław I Chrobry), король 30, 38, 39, 41, 42, 44—48, 90, 92, 139.
- Болеслав Забытый (Bolesław Zapomniany), князь 48, 49.
- Болеслав II Смелый (Bolesław II Śmiały), король 52—54, 92.
- Болеслав III Кривоустый (Bolesław III Krzywousty), князь 54, 66—71, 73, 90.
- Болеслав IV Кудрявый (Bolesław IV Kędzierzawy), князь 70—72, 93.
- Болеслав V Стыдливый (Bolesław V Wstydlawy) 80, 86, 100.
- Болеслав Высокий (Bolesław Wysoki), сilesкий князь 73.
- Болеслав Лысый Рогатка (Bolesław Łysy Rogatka) сilesкий князь 78.
- Болеслав, лигницкий князь 98.
- Болеслав, мазовецкий князь 98.
- Болеслав IV, мазовецкий князь 129, 137.
- Болеслав, опольский князь 103.
- Болеслав I, чешский князь 37.
- Болеслав-Юрий II, галицко-волынский князь 104.
- Болотняков Иван 227.
- Бондаренко 302.
- Бонифаций VIII, римский папа 101, 102.
- Бонапарт, см. Наполеон I.
- Боплан де Вассер Вильгельм 237.
- Бопре Антоний (Beaupré Antoni) 497.
- Борисов А. И. 434.
- Борисов П. И. 434.
- Боткин В. П. 517.
- Браницкие 265.
- Браницкий Ксаверий (Branicki Ksawery) 302, 320, 330, 333, 340.
- Браницкий Ян Клеменс (Branicki Jan Klemens) 291.
- Братиану Г. 79.
- Бреанский Валерьян (Breański Walerian) 513.
- Бржетислав I, чешский князь 50, 51, 55.
- Бржетислав II, чешский князь 54.
- Бродовский Антоний (Brodowski Antoni) 460.
- Бромирский Анджей (Bromirski Andrzej) 358.
- Брониковский Ксаверий (Bronikowski Ksawery) 436.
- Бруно 45.
- Брюховецкий Иван 263.
- Буонарроти Филипп 482, 501.
- Буковский Людвик (Bukowski Ludwik) 452.
- Бурский Адам (Burski Adam) 200.
- Бут Павел, Павлюк 237, 483.
- Бутурлин В. В. 253, 254.
- Бухгольд 332.
- Былица Марцин (Bylica Marcin) 133.
- Быстроновский Войцех (Bystrzonowski Wojciech) 359.
- Бэкон Фрэнсис 133, 358.
- Бехэ Бальтазар (Behem Baltazar) 196.
- Ваза, см. Сигизмунд Ваза.
- Валентин Маршалок (Walenty Marszałek) 270, 272.
- Валленштейн, Вальдштейн Альбрехт 232.
- Валуа, см. Генрик Валуа.
- Вальдемар, маркиграф бранденбургский 102.
- Ванда 90.
- Ванькович Валентин (Wańkowicz Walenty) 413.
- Вартислав (Warcisław czyli Wartysław) 70—73, 75.
- Варыньский Людвик (Waryński Ludwik) 7.
- Вацлав II, чешский король 98, 101, 102.
- Вацлав III, чешский король 102.
- Вацлав из Шамотул (Wacław z Szamotuł) 198.
- Вебер 346.
- Вежбента Станислав (Wierzbięta Stanisław) 270.
- Величко Самуил 265.
- Вельгорский Юзеф (Wielhorski Józef) 410.
- Венгерский Томаш Каетан (Węgierski Tomasz Kajetan) 362.
- Венгерский (Węgierski), деятель революционного движения 1840-х годов 511.
- Венецианов А. Г. 460.
- Венжик Александр (Węzyk Aleksander) 495, 497.
- Венсан 394, 396.
- Верлан 270.
- Вешняк Федор 246.
- Видукинд 37.
- Виклеф Джон 134.
- Вильсон Роберт 406.
- Вильямс 292.
- Винцент из Келец (Wincenty z Kielce) 92.
- Винцент Кадлубек, см. Кадлубек.
- Вирц Павел 260.
- Виснёвский Гуро (Wiśniowski Hugo) 490.
- Виснёвский Теофил (Wiśniowski Teofil) 490.
- Витаутас, см. Витовт.
- Вителло из Силезии (Witello ze Śląska) 94.
- Витовт (Витаутас), литовский великий князь 120, 123, 126, 127, 130.
- Виттенберг Арвид 255.
- Вихман, саксонский граф 37.

- Вишневецкий Адам (Wiśniowiecki Adam) 224, 226.
 Вишневецкий Александр (Wiśniowiecki Aleksander) 223.
 Вишневецкий Дмитрий 180.
 Вишневецкий Иеремия (Wiśniowiecki Jeremi) 244—247.
 Вишневецкий Михал Корибут (Wiśniowiecki Michał Korybut), король 277, 278.
 Вишневский Антоний (Wiśniewski Antoni) 359.
 Владимир, киевский князь 45.
 Владислав I Герман (Władysław I Herman), князь 54, 66, 67.
 Владислав II, князь 70—72.
 Владислав I Локетек (Władysław I Łokietek), король 98, 101—104, 113, 139.
 Владислав II Ягелло, см. Ягайло.
 Владислав III (Władysław III Warneńczyk), король Польши и Венгрии 127, 129, 138.
 Владислав IV, король 226, 228, 229, 232—235, 245, 246.
 Владислав Ягеллон, король Чехии и Венгрии 168, 170.
 Владислав Тонконогий (Władysław Laskonogi), великопольский князь 74.
 Владислав Одонич (Władysław Odonicz), великопольский князь 74, 75.
 Владислав, опольский князь 118.
 Владислав из Гельнёва (Władysław z Gielniowa) 137.
 Власт Петр (Włast Piotr) 93.
 Влодек Игнаций (Włodek Ignacy) 361.
 Влодковиц Павел (Włodkowic Paweł) 134.
 Водзичский Станислав (Wodzicki Stanisław) 429, 450.
 Водзичский Юзеф (Wodzicki Józef) 346.
 Войняковский Казимеж (Wojniakowski Kazimierz) 366.
 Войцех, пражский епископ 44.
 Войцех из Брудзева (Wojciech z Brudzewa) 134.
 Волконский С. Г. 432.
 Волконский Ф. Ф. 255.
 Воллович Михал (Wolłowicz Michał) 484.
 Вольский Влодзимеж (Wolski Włodzimierz) 522.
 Вольф Вильгельм 426.
 Вольцоген Людвик 240.
 Ворцель Станислав (Worcell Stanisław) 485, 488, 500—502, 504, 517.
 Вошило 270.
 Вратислав, чешский король 52—54.
 Вратислав (Wratysław), восточно-поморский князь 75.
 Всеволод Ярославич, киевский князь 53.
 Всеволод Ольгович, киевский князь 71.
 Выбицкий Юзеф (Wybicki Józef) 306, 328, 379, 388, 392, 393, 394, 396, 456.
 Выговский Иван 261.
 Высоцкий Петр (Wysocki Piotr) 336, 438.
 Габсбурги 128, 168, 170, 172, 218, 221, 230—233, 282, 285, 288, 371, 430, 431.
 Гавриленко Максим 484.
 Галка Анджей (Gałka Andrzej) 134.
 Галл Аноним (Gallus) 32, 37, 41, 42, 90.
 Гаральд Синезубый, датский король 37, 38.
 Гаудентий (Радим), гвезненский архиепископ 44.
 Гегель 504, 505.
 Гедеон (Gedeon), краковский епископ 73.
 Гедиминас, литовский великий князь 104.
 Гейденштейн Рейнгольд 241.
 Гедримас 448.
 Гейер Луи 468.
 Гелгуд Антони (Gielgud Antoni) 448.
 Гембицкий Петр (Gembicki Piotr), краковский епископ 250, 251.
 Генрик (Henryk), сандомирский князь 70.
 Генрик I Бородатый (Henryk I Brodaty), силезский князь 74, 75.
 Генрик II Благочестивый (Henryk II Pobożny), силезский князь 75, 78.
 Генрик IV Пробус (Henryk IV Probus), силезский князь 98, 100.
 Генрик V, лигницкий князь 98.
 Генрик, глогувский князь 98, 103.
 Генрик (Анри) Валуа, польский, позднее французский король 183, 218.
 Генрик Чех 134.
 Генрих II, германский император 44, 47.
 Генрих III, германский император 52.
 Генрих IV, германский император 53.
 Генрих V, германский император 67.
 Генрих, баварский герцог 38.
 Генрих Лев, саксонский герцог 71, 73.
 Генрих фон Плауэн, гроссмейстер Тевтонского ордена 123.
 Генрих, князь Швейнфуртский 45.
 Географ Баварский 34.
 Герман фон Бальке 77.
 Герман фон Зальца 75, 76.
 Герцен А. И. 454, 455, 517.
 Гессе Бенедикт (Hesse Benedykt) 133.
 Гессен-Гомбургский Людвиг 270.
 Гете И. В. 462.
 Гжегож из Санока (Grzegorz z Sanoka) 133, 136, 187, 201.
 Гжибовский Петр (Grzybowski Piotr) 249.
 Гжимултовский Кшиштоф (Grzymułtowski Krzysztof) 281.
 Гизо Франсуа 486.
 Гизы 212.
 Глазунов А. К. 523.
 Глинка М. И. 462, 523.
 Гловацкий, см. Бартош Войцех.
 Гловацкий Ян Непомуцен (Głowacki Jan Nepomucen) 524.
 Гогенлоэ 371.
 Гогенцоллерны 388.
 Гоголь Н. В. 517, 518.
 Годобский Ципрьян (Godebski Cyprian) 457.
 Годунов Борис, русский царь 224, 225.
 Годуновы 225.
 Гоене-Вроньский Юзеф (Hoene-Wronski Józef) 525.
 Гожковский Францишек (Gorzkowski Franciszek) 387.

- Голицын В. В. 281.
 Голуховский Юзеф (Gołuchowski Józef) 525.
 Гомулка Миколай (Gomułka Mikołaj) 196, 199.
 Гонта Иван 302, 303, 483, 493.
 Госевский Александр Корвин (Gosiewski Aleksander Korwin) 226, 228.
 Госевский Винцент (Gosiewski Wincenty) 259, 261.
 Госляр Юльян (Goslar Julian) 516.
 Гошинский Северин (Goszczyński Seweryn) 416, 438, 459, 490, 492, 520.
 Грабовский Михал (Grabowski Michał) 522.
 Грабовский Станислав (Grabowski Stanisław) 414.
 Грива 270.
 Григорий VII, римский папа 53, 74, 101.
 Григорий XVI, римский папа 452, 518.
 Григорий, руководитель крестьянского движения 1349 г. 111.
 Гроблич Марцин (Groblicz Marcin) 242.
 Грузиньский Анджей Кароль (Gruziński Andrzej Karol) 255.
 Гудяк Иван 494, 495.
 Гудрайчик Яцек (Gudrajczyk Jacek) 450, 491.
 Гуниади Янош 129.
 Гуня Дмитро 237.
 Гурницкий Лукаш (Górnicki Łukasz) 191, 201.
 Гурский Якуб (Górski Jakub) 201.
 Гуртиг Юзеф (Hurtig Józef) 450, 452.
 Гус Ян 134, 135, 186.
 Густав II Адольф, шведский король 231, 233.
 Гут 467, 494.
 Гуттри Александр (Guttry Aleksander) 515.
 Гуччи 241.
 Давид Адольф (Dawid Adolf) 490.
 Даву Луи-Николя 393, 394.
 Дангель Томаш Михал (Dangel Tomasz Michał) 309, 310.
 Данкварт Бальтазар (Dankwart Baltazar) 242.
 Данкварт Ян (Dankwart Jan) 242.
 Дантышек Ян (Dantyszek Jan) 190.
 Дверницкий Юзеф (Dwernicki Józef) 448, 449, 481.
 Декарт Рене 358.
 Декерт Ян (Dekert Jan) 334.
 Делягарди Магнус Габриель 255.
 Деллагарди Яков 228.
 Дембиньский Генрик (Dembiński Henryk) 448, 451, 452.
 Дембиньский Якуб (Dembiński Jakub) 140.
 Дембовский Ян Себастьян (Dembowski Jan Sebastian) 328.
 Дембовский Леон (Dembowski Leon) 440, 442, 503.
 Дембовский Эдвард (Dembowski Edward) 201, 502—506, 508—511, 515, 516, 520, 522, 525.
 Денисов Ф. П. 346.
 Державин Г. Р. 458.
 Дерфельден В. X. 351.
 Десницкий С. Е. 358.
 Дечиньский Казимеж (Deczyński Kazimierz) 446.
 Джонг Павел (Drżąg Paweł) 208.
 Дзвонковский Владислав (Dzwonkowski Władysław) 511.
 Дзежковский Юзеф (Dzierzkowski Józef) 520.
 Дзенгелевский (Dziegelewski) 472.
 Дзержинский Ф. Э. (Dzierżyński Feliks) 8.
 Дзялыньский Игнаций (Działyński Ignacy) 344, 346, 393.
 Дибич Н. И. 442, 444, 448, 450, 454.
 Дидро Дени 323.
 Дитрих, поморский князь 48, 49.
 Дитрих Фридрих Христофор 461.
 Длугош Ян (Długosz Jan) 136, 158.
 Дмитрасинович Томаш 494.
 Дмоховский Францишек Ксаверий (Dmochowski Franciszek Ksawery) 336, 362, 388.
 Добруцкий Матеуш (Dobrucki Mateusz) 242.
 Довбуш Олекса 269.
 Долябелля Томаш 241.
 Домбровский Бонавентура (Dąbrowski Bonawentura) 524.
 Домбровский Ян Генрик (Dąbrowski Jan Henryk) 378, 388—393, 402.
 Домгардт 377.
 Домейко Игнаций (Domejko Ignacy) 448.
 Доннерсмарк 371.
 Дорошенко Петро 263, 278.
 Дрековский 293.
 Дубравка, княгиня 37.
 Дуглас, генерал 258.
 Дунин-Борковский Лешек (Dunin-Borkowski Leszek) 520.
 Дунин-Борковский Юзеф (Dunin-Borkowski Józef) 520.
 Дьёрдь II Ракоци, см. Ракоци Дьёрдь II.
 Дюмурье Шарль Франсуа 344.
 Евгений Савойский, принц 288.
 Езерский Францишек Салезий (Jezierski Franciszek Salezy) 328, 329, 336, 359, 360.
 Езерский Ян (Jezierski Jan) 441.
 Екатерина II, русская императрица 293, 317, 318, 321, 323, 330, 332, 336, 339, 340, 342, 343, 354.
 Екатерина Ягеллонка (Katarzyna Jagellonka), королева Швеции 178.
 Елизавета (Elżbieta), королева 136.
 Елизавета Петровна, русская императрица 292, 293.
 Ельский Константин (Jelski Konstanty) 344.
 Жевуские 291.
 Жевуский Вацлав (Rzewuski Wacław) 319.
 Жевуский Генрик (Rzewuski Henryk) 522.
 Жевуский Северин (Rzewuski Seweryn) 319, 330, 340.

- Железняк, см. Зализняк.
 Жигимантас, см. Сигизмунд.
 Жишка Ян 122.
 Жила 270.
 Жмиховская Нарциза (Zmiczowska Narcyza) 522.
 Жолковский Станислав (żółkiewski Stanisław) 223, 227—229, 231.
 Жуковский В. А. 458.
 Журба 302.
- Забелло Юзеф (Zabelle Józef) 449.
 Заблоцкий Францишек (Zablocki Franciszek) 362.
 Завиша Артур (Zawisza Artur) 484.
 Завиша Черный (Zawisza Czarny) 136.
 Загребельный Григорий 484.
 Зайончек Юзеф (Zajaczek Józef) 352, 401, 410, 418.
 Закшевский Игнаций (Zakrzewski Ignacy) 348.
 Залеский Адольф (Zaleski Adolf) 491.
 Залеский Леон (Zaleski Leon) 491.
 Залеский Марцин (Zaleski Marcin) 524.
 Заливский Юзеф (Zaliwski Józef) 438, 483, 484, 490.
 Зализняк, Железняк Максим 302, 493.
 Залуские 360.
 Залуский Юзеф Анджей (Załuski Józef Andrzej) 319.
 Замойский Владислав (Zamoyski Władysław) 482.
 Замойский Енджей (Zamoyski Jędrzej) 298, 306, 310, 317.
 Замойский Станислав (Zamoyski Stanisław) 434.
 Замойский Ян (Zamoyski Jan) 221, 225, 238, 240, 241, 328, 358.
 Зан Томаш (Zan Tomasz) 414, 417.
 Збигнев (Zbigniew), князь 54, 67.
 Зборовские 221.
 Зборовский Кшиштоф (Zborowski Krzysztof) 221.
 Зборовский Самуэль (Zborowski Samuel) 221.
 Зверковский Валентин (Zwierkowski Walenty) 485.
 Зебжидовская Марианна (Zebrzydowska Marianna) 270.
 Зебжидовский Миколай (Zebrzydowski Mikołaj) 226, 227.
 Зеленский Миколай (Zieleński Mikołaj) 242.
 Земовит (Ziemowit), легендарный князь 37.
 Земовит IV (Ziemowit IV), мазовецкий князь 119.
 Земомысл (Ziemomysł), легендарный князь 37.
 Земялковский Флорьян (Zemiałkowski Florian) 494.
 Зофья (Zofia), королева 137, 138.
 Зыгмунт, см. Сигизмунд.
- Ибрагим ибн Якуб 27, 29, 36.
 Иван IV Грозный, русский царь, 176, 180, 218—221.
- Игельстром И. А. 346, 347.
 Идзий (Idzi), кардинал 57.
 Идриси 61.
 Иероним Пражский 134.
 Изяслав Ярославич, киевский князь 52, 53.
 Иоанн III Шведский, см. Юхан.
 Ионстон Ян (Johnston Jan) 240.
 Иордан, епископ 37.
 Иосиф II, германский император 381, 383, 386.
- Кабрит Ф. 312.
 Кадлубек Винцент (Kadlubek Wincenty) 90, 91.
 Казимир I (Casimirus), князь 50—52, 92.
 Казимир II (Casimirus), князь 70, 73, 74, 90.
 Казимир III (Casimirus, Kazimierz), король 104, 105, 111, 114—118, 133, 135, 137, 139, 164.
 Казимир IV Ягеллончик (Kazimierz Jagiellończyk) король 127—129, 134, 162, 168, 169, 187, 196.
 Казимир (Casimirus), опольский князь 74.
 Калиновские 235.
 Калиновский Марцин (Kalinowski Marcin) 244, 253.
 Каллимах Боунакорси Филипп 133, 136, 187.
 Каменский Генрик (Kamieński Henryk) 504, 506—508, 515, 525.
 Каменский Мацей (Kamieński Maciej) 363.
 Капостас Анджей (Kapostas Andrzej) 344.
 Кара-Мустафа 280.
 Карамзин Н. М. 458.
 Карвицкий Станислав (Karwicki Stanisław) 295.
 Карл IX, французский король 218.
 Карл IX, шведский король 222, 228.
 Карл X, Густав, шведский король 255, 256, 258, 260, 262.
 Карл XII, шведский король 285—288.
 Карл Роберт, венгерский король 102—104.
 Кароль Фердинанд (Karol Ferdynand) 246.
 Карпальский Ян (Karpalski Jan) 270.
 Карпинский Александр (Karpiński Aleksander) 503.
 Карпинский Францишек (Karpiński Franciszek) 362.
 Кастилионе Бальдасаре 191.
 Катенази 296.
 Кетлер Готард 177.
 Кентшинский Войцех (Kętrzyński Wojciech) 8.
 Кеплер Иоганн 94.
 Кетлич Генрик (Kietlicz Henryk) 74.
 Кизим 237.
 Килиньский Ян (Kiliński Jan) 347, 349.
 Кипренский О. А. 460.
 Кисель Адам 246.
 Клёнович Себастьян Фабьян (Klonowicz Sebastian Fabian) 191, 238, 239.
 Климент XIV, римский папа 385.

- Князевич Кароль (Kniazewicz Karol) 391.
- Кобер Миколай Марцин (Kober Mikołaj Marcin) 198.
- Козельский Я. П. 358.
- Козлов И. И. 459.
- Козловский Юзеф (Kozłowski Józef), композитор 364.
- Козловский Юзеф (Kozłowski Józef), деятель восстания 1830—1831 гг. 450.
- Козьма Пражский 39.
- Козьмян Ян (Kozmian Jan) 512.
- Козьмян Каetan (Kozmian Kajetan) 390.
- Кокуляр Александр (Kokular Aleksander) 460.
- Коллонтай Гуго (Kołłataj Hugo) 311, 329, 331, 332, 334, 336, 344, 349, 350, 353, 357—360, 366, 392, 456.
- Коломан, венгерский король 67.
- Коменский Ян Амос 240.
- Коммендоне Джованни 175.
- Коморовский Миколай (Komorowski Mikołaj) 209.
- Конарский Станислав (Konarski Stanisław) 291, 295, 296, 359.
- Конарский Шимон (Konarski Szymon) 485, 491, 495—497.
- Конарский Ян (Konarski Jan), епископ 196.
- Конашевич-Сагайдачный Петр 224, 231.
- Конецпольские 235.
- Конецпольский Александр (Koniecpolski Aleksander) 245, 256, 258.
- Конецпольский Станислав (Koniecpolski Stanisław) 236.
- Кондильяк Этьен Бонно 359.
- Копонка Казимеж (Koporka Kazimierz) 349, 352, 353, 392.
- Конрад (Konrad), мазовецкий князь 74, 76, 77, 80.
- Конрад (Konrad), черский князь 98, 100.
- Конрад II, германский император 48, 49.
- Конрад III, германский император 71.
- Конрад Веттинский, мейссенский маркграф 70.
- Константин Павлович, великий князь 409, 410, 416, 435, 436, 438—440.
- Конт Франсуа-Луи, принц 282.
- Коперник Миколай (Kopernik Mikołaj) 134, 187, 199, 200, 359.
- Корецкий Лео (Korecki Leo) 492.
- Корзон Тадеуш (Korzon Tadeusz) 8.
- Корсак Самуэль (Korsak Samuel) 324.
- Косинский Криштоф 223.
- Косиный Владислав (Kosiński Władysław) 515.
- Коссаковский Шимон (Kossakowski Szymon) 340, 348, 349, 389.
- Костецкий (Kostecki J.) 389.
- Костка Наперский Александр Лев (Kostka Napierski Aleksander Lew) 249—252, 256, 270, 305.
- Костюшко Тадеуш (Kościuszko Tadeusz) 313, 344, 346—353, 364, 365, 374, 379, 381, 387, 392, 393, 402, 454, 460, 517.
- Коткевич Петр (Kotkiewicz Piotr) 491.
- Коховский Веспасьян (Kochowski Wespasian) 294.
- Кохановский Михал (Kochanowski Michał) 439, 440.
- Кохановский Ян (Kochanowski Jan) 190, 191, 198, 201, 238, 239.
- Красиный Адам (Kraśniński Adam) 319, 320.
- Красиный Зыгмунт (Kraśniński Zygmunt) 519.
- Красиный Михал (Kraśniński Michał) 320.
- Красицкий Игнаций (Krasicki Ignacy) 357, 362, 363.
- Кремер Юзеф (Kremer Józef) 525.
- Кремповецкий Тадеуш (Krempowiecki Tadeusz Szymon) 450, 481, 483, 488, 502.
- Кречетников П. Н. 302, 303.
- Кровицкий Марцин (Krowicki Marcin) 192.
- Крок 90.
- Кромер Марцин (Kromer Marcin) 201.
- Круковецкий Ян (Krukowiecki Jan) 453.
- Круль Марцин (Król Marcin z Zórawicy) 133.
- Крылов И. А. 458.
- Кузьмин-Караваев Н. 497.
- Кульчицкий Игнаций (Kulczycki Ignacy) 491.
- Кунцевич Иосафат 236.
- Куровский Юзеф Шимон (Kurowski Józef Szymon) 514.
- Курпиный Кароль (Kurpiński Karol) 462.
- Кухарский Александр (Kucharski Aleksander) 366.
- Кшижановский Северин (Krzyżanowski Seweryn) 431, 432, 435.
- Кшицкий Анджей (Krzyski Andrzej) 190.
- Кэстльри Г.-Р. 406.
- Лабенджи 67.
- Лайель Чарльз 358.
- Ламаннэ Ф.-Р. 509.
- Ланге Антоний (Lange Antoni) 524.
- Лаский Ян (Łaski Jan) 164.
- Лафайет М. 501.
- Лаш Самуэль (Łaszcz Samuel) 236.
- Левенгаупт Карл 255.
- Левицкий Михал (Lewicki Michał) 511.
- Левицкий Цельс (Lewicki Cels) 511.
- Лелевель Иоахим (Lelewel Joachim) 7, 417, 436, 438, 440, 442, 450, 456, 465, 480, 485—487.
- Лёмпа Юзеф (Lompa Józef) 422.
- Леонардо да Винчи 94.
- Лентовский Станислав (Lętowski Stanisław) 209, 249, 251.
- Леонгарди (Leonhardy) 309.
- Леопольд II, германский император 383.
- Лермонтов М. Ю. 519.
- Лессель Францишек (Lessel Franciszek) 462.
- Лессер Александр (Lesser Aleksander) 460.
- Лешек (Leszek), легендарный князь 37.

- Лешек Белый (Leszek Biały), князь 74, 75, 80.
 Лешек Черный (Leszek Czarny), князь 82, 98, 100, 101.
 Лещинский Рафал (Leszczyński Rafał) (VI в.) 174.
 Лещинский Рафал (Leszczyński Rafał) (XVII в.) 262, 284, 287.
 Лещинский Станислав (Leszczyński Stanisław), король 286—288, 290.
 Лжедмитрий I 225—227.
 Лжедмитрий II 227, 228.
 Либельт Кароль (Libelt Karol) 512, 513, 525.
 Линде Самуэль Богумил (Linde Samuel Bogumił) 456.
 Липинский Кароль Юзеф (Lipiński Karol Józef) 463.
 Липинский Юзеф (Lipiński Józef) 514.
 Лисовский Александр Юзеф (Lisowski Aleksander Józef) 227—228, 230.
 Лобковиц Август 431.
 Локетек, см. Владислав Локетек.
 Локк Джон. 359.
 Ломоносов М. В. 358, 458.
 Лотарь, саксонский герцог, 68, 69.
 Лубеньский Павел (Lubiński Paweł) 475.
 Лукасиньский Валерьян (Lukasieński Walerian) 415, 416, 431.
 Лукашевич Леслав (Łukaszewicz Lesław) 490, 494, 495.
 Лунин М. С. 454.
 Лупу Василий, молдавский господарь 247, 353.
 Львовчик, см. Марцин Леополита.
 Любецкий Ксаверий (Lubecki Ksawery) 403, 419, 439, 441.
 Люблинский Юльян (Lubliński Julian) 416, 434.
 Любомирская Елизавета (Lubomirska Elżbieta) 299.
 Любомирские 194, 270, 403.
 Любомирский Ежый (Lubomirski Jerzy) 259, 260, 262, 264.
 Любомирский Каспер (Lubomirski Kasper) 293.
 Любомирский Станислав (Lubomirski Stanisław) 292.
 Людовик Венгерский, польский король 105, 114, 117, 119, 135, 164.
 Людовик Ягеллон, король Венгрии и Чехии 170.
 Людовик XIV, французский король 278.
 Людовик XV, французский король 290.
 Людовик XVI, французский король 363.
 Люксембург Роза (Luksemburg Róża) 7.
 Люксембурги, династия 104, 125.
 Лютер Мартин 171, 172.
 Лядов А. К. 523.
 Лянцкороньский Станислав (Lanckoroński Stanisław) 256.
 Ляпунов Захар 228.
 Ляскевич (Laskiewicz) 312.
 Лясоцкий Миколай (Lasocki Mikołaj) 187.
 Мабли Габриель Бонно 304.
 Магнус 178.
 Мадалиньский Антоний 346, 379.
 Мазепа Иван 287, 288.
 Мазуркевич Леон (Mazurkiewicz Leon) 511.
 Май Г. 472.
 Максимилиан I Габсбург, германский император 169, 170.
 Максимилиан II Габсбург, германский император 219.
 Максимилиан Габсбург, австрийский эрцгерцог 221.
 Малаховский Густав (Małachowski Gustaw) 436.
 Малаховский Станислав (Małachowski Stanisław) 330, 332, 341, 393—394, 396.
 Малиновский Станислав (Malinowski Stanisław) 491, 492.
 Мануцци 343.
 Марек (Marek) 374.
 Мариновский Станислав (Marynowski Stanisław) 495.
 Мария Терезия, германская императрица 386.
 Мархлевский Ю. (Marchlewski Julian) 7, 291.
 Марцин из Олькуша (Marcin z Olkusza) 199.
 Марцин Леополита, Львовчик (Marcin Leopolda) 198.
 Марцин Черный (Marcin Czarny) 196.
 Маслав (Masław czyli Moisław) 49.
 Массальский Игнаций Юзеф (Massalski Ignacy Józef) 343, 352.
 Магшевич Тадеуш (Matuszewicz Tadeusz) 405, 410.
 Махницкий Казимеж (Machnicki Kazimierz) 416.
 Мапеёвский Самуель (Maciejowski Samuel) 191.
 Мацей из Кракова (Maciej z Krakowa) 133.
 Мацей из Мехова, Меховита, Меховский (Maciej z Miechowa) 200, 201.
 Мацини Джузеппе 482, 485.
 Машковский Гаспер (Maszkowski Gasper) 496.
 Машковский Ян (Maszkowski Jan) 496.
 Мейер Юзеф (Mejer Józef) 347, 349, 352, 353, 360, 388.
 Меллер Антоний (Möller Antoni) 213.
 Мельжиньский Мацей (Mielżyński Maciej) 512.
 Мельчевский Марцин (Mielczewski Marcin) 242.
 Мерлини Доминик (Merlini Dominik) 366.
 Мерославский Людвик (Mierosławski Ludwik) 506, 5 8.
 Меттерних Клеменс 406, 449, 467.
 Меховский, Меховита, см. Мацей из Мехова.
 Мешко I (Mieszko I), князь 30, 37—40, 139.
 Мешко II, король 41, 48, 49.
 Мешко III Старый, князь 57, 58, 70, 73, 74.
 Мефодий 36.
 Миколай Краковский (Mikołaj Krakowski) 198.

- Миколай Радомский (Mikołaj Radomski) 137.
 Минин Кузьма 229.
 Миньони Убальди 360.
 Михаил Федорович, русский царь 229.
 Михалович Ян (Michałowicz Jan) 198.
 Мицкевич Адам (Mickiewicz Adam) 191, 200, 294, 362, 414, 416, 417, 434, 458—460, 462, 465, 481, 485, 502, 504, 505, 517—519, 520, 523.
 Мицлер Вавжинец (Micler czyli Mitzler de Koloff Wawrzyniec) 360.
 Младанович Рафал (Mładanowicz Rafał) 302.
 Мневский Дионисий (Mniewski Dyonizy) 388.
 Мнишек Ежий (Mniszek Jerzy) 224—225, 227.
 Мнишек Марина (Mniszek Maryna) 225, 227, 228.
 Моджевский Фрыц Анджей (Modrzewski Frycz Andrzej) 510.
 Мокроновский Станислав (Mokronowski Stanisław) 348.
 Мончинский Ян (Mańczyński Jan) 201.
 Монюшко Станислав (Moniuszko Stanisław) 522.
 Моравский Теодор (Morawski Teodor) 411, 442.
 Морозов Игнат 484.
 Морштын (Morsztyn), купец 146.
 Морштын Анджей (Morsztyn Andrzej) 294.
 Морштын Иероним (Morsztyn Hieronim) 294.
 Мостовский Тадеуш (Mostowski Tadeusz) 405.
 Мохнацкий Маврыций (Mochnacki Maurycy) 414—416.
 Мошинский Петр (Moszyński Piotr) 431.
 Мстислав Владимирович, князь 49.
 Мужинowski Станислав (Murzynowski Stanisław), псевдоним — Ян Секлюциян 201.
 Мулковский Стефан (Mulkowski Stefan) 495.
 Муравьев Н. М. 432.
 Муската (Muskata) 102, 103.
 Муха 159.
 Мшуй II (Mszczuj II), поморский князь 101.
 Мышковские 194.
 Набеляк Людвик (Nabieliak Ludwik) 438.
 Наливайко Северин 223, 483.
 Наперский, см. Костка Наперский.
 Наполеон I Бонапарт, французский император 390, 391, 393, 394, 396, 398, 400—406, 417, 457.
 Нарушевич Адам (Naruszewicz Adam) 358, 360, 362.
 Недзвецкий Ян Урсинус (Niedźwiedzki Jan Ursynus) 241.
 Неживый Семен 302.
 Немоёвский Бонавентура (Niemojowski Bonawentura) 412, 453, 480.
 Немоёвский Винцент (Niemojowski Wincenty) 412, 417, 442.
 Немцевич Юльян Урсун (Niemcewicz Julian Ursyn) 363, 439, 440, 457, 462, 517.
 Никлот, бодричский князь 72.
 Николай I, русский император 434—436, 439, 441—443, 449, 453—455, 464—467, 480, 496, 512.
 Новосильцев Н. Н. 410, 414, 430.
 Норберт 70.
 Норблин Ян Петр (Norblin Jan Piotr) 347, 351, 365, 366, 460, 524.
 Огинский Марцьян (Ogiński Marcján) 281.
 Огинский Михал Казимеж (Ogiński Michał Kazimierz) 317, 326, 363.
 Огинский Михал Клеофас (Ogiński Michał Kleofas) 364, 403, 456, 462.
 Ода, княгиня 39.
 Одоевский А. И. 454.
 Одон (Odon), князь 73.
 Одон, маркграф 38.
 Ожаровский Петр (Ożarowski Piotr) 349.
 Ожеховский Павел (Orzechowski Paweł) 208.
 Олесницкий Збигнев (Oleśnicki Zbigniew) 125—130, 134, 135, 196.
 Олесницкий Миколай (Oleśnicki Mikołaj) 226.
 Олещинский Антони (Oleszczyński Antoni) 349.
 Ольдржих, чешский князь 49.
 Опалинский Кшиштоф (Opaliński Krzysztof) 255, 295.
 Орловский Александр (Orłowski Aleksander) 460.
 Оссолинский Ежий (Ossoliński Jerzy) 245—247.
 Оссолинский Иероним (Ossoliński Hieronim) 174.
 Оссолинский Юзеф Максимилян (Ossoliński Józef Maksymilian) 382, 431.
 Островский Владислав (Ostrowski Władysław) 438, 440, 442.
 Острожские 292.
 Острожский Константин 169.
 Остророг Якуб (Ostroróg Jakub) 174.
 Остророг Ян (Ostroróg Jan) 134, 150, 171, 186, 187, 191.
 Острианин Яцко 237.
 Осцик Григорий 221.
 Оттон I, германский император 37, 38.
 Оттон II, германский император 38.
 Оттон III, германский император 42, 44.
 Оттон, бамбергский епископ 69.
 Павел (Paweł), краковский епископ 100.
 Павел III, римский папа 173.
 Павел IV, римский папа 174.
 Павликовский Леандр (Pawlikowski Leandr) 494.
 Павликовский Юзеф (Pawlikowski Józef) 345, 388, 392.
 Павлицев Н. 463.
 Павлюк см. Бут Павел.

- Падавано 198.
 Палей Семен 269, 287.
 Папроцкий Бартош (Paprocki Bartosz) 240
 Паркош Якуб (Parkosz Jakub) 132.
 Пасек Ян Хризостом (Pasek Jan Chryzostom) 294.
 Паскевич И. Ф. 450, 452, 453, 464—467, 512.
 Пасхалис (Paschalis) 308.
 Паткуль Рейнгольд 284.
 Пац Михал (Pac Michał) 440.
 Пелипаро 524.
 Пелка (Pełka) 92.
 Пенкель Бартоломей (Penkel Bartłomiej) 242
 Перкс 468.
 Перье Казимир 453.
 Пестель П. И. 432.
 Петр I, русский император 282, 287, 288.
 Петр III, русский император 292, 293.
 Петр из Бнина (Piotr z Bnina) 187, 196.
 Петр из Бычины (Piotr z Buczyny) 135.
 Петриций Себастьян (Petrycy Sebastian) 200.
 Печенка Мадей (Pieczonka Maciej) 494.
 Пиварский Ян Феликс (Piwarski Jan Feliks) 524.
 Письменный 270.
 Плятер Людвик (Plater-Broel Ludwik) 403.
 Подоляка 270.
 Пожарский Д. М. 229.
 Позер Ян Август (Pozer Jan August) 360.
 Поляк Ян, см. Ионстон.
 Понинский Адам (Poniński Adam) 305.
 Понятовский Михал (Poniatowski Michał) 299, 352.
 Понятовский Станислав Август (Poniatowski Stanisław August), король 292, 317, 324, 330, 338, 340, 354, 360.
 Понятовский Юзеф (Poniatowski Józef) 396, 401, 403, 405.
 Попели, Попелиды, легендарная княжеская династия 32, 37, 90.
 Поплавский Антоный (Popławski Antoni) 328.
 Потворовский Густав (Potworowski Gustaw) 512.
 Потоцкие 227, 235, 265, 291.
 Потоцкий Вацлав (Potocki Wacław) 294.
 Потоцкий Винцент (Potocki Wincenty) 307.
 Потоцкий Игнаций (Potocki Ignacy) 330, 333, 335, 344.
 Потоцкий Иоахим (Potocki Joachim) 320.
 Потоцкий Николай (Potocki Mikołaj) 237, 244, 263.
 Потоцкий Прот (Potocki Prot) 312.
 Потоцкий Станислав (Potocki Stanisław), генерал 439.
 Потоцкий Станислав Костка (Potocki Stanisław Kostka) 396, 410, 414.
 Потоцкий Станислав Ревера (Potocki Stanisław Rewera), великий коронный гетман 256.
 Потоцкий Стефан (Potocki Stefan) 244.
 Потоцкий Феликс (Potocki Feliks) 284.
 Потоцкий Францишек Салезий (Potocki Franciszek Salezy) 302.
 Потоцкий Щенсный (Potocki Szczesny) 300, 330, 340.
 Потоцкий Юзеф (Potocki Józef) 291.
 Потоцкий Ян (Potocki Jan) 456.
 Прадт Доминик 404.
 Пробус, см. Генрик Пробус.
 Прокул, краковский епископ 36.
 Прозор Кароль (Prozor Karol) 344, 388.
 Прондзиньский Игнаций (Prądziński Ignacy) 444, 452, 453.
 Прохор, краковский епископ 36.
 Прузня Миколай (Próżnia Mikołaj) 140.
 Птолемея 199.
 Пулацкий Александр Казимеж (Pułaski Aleksander Kazimierz) 450, 452.
 Пулацкий Юзеф (Pułaski Józef) 320.
 Пушкин А. С. 458, 459, 518, 519.
 Пшемислав II (Przemysław II), король 84, 97, 98, 100, 101.
 Пяты, династия 37, 39, 40, 42, 50, 52, 64, 65, 74, 75, 90, 139, 218.
 Радзивилл Антоный (Radziwiłł Antoni) 393, 423.
 Радзивилл Богуслав (Radziwiłł Bogusław) 255, 258.
 Радзивилл Кароль, «пане Коханку» (Radziwiłł Karol) 265, 319.
 Радзивилл Миколай Рыжий (Radziwiłł Mikołaj Rudy) 179.
 Радзивилл Михал (Radziwiłł Michał) 442.
 Радзивилл Януш (Radziwiłł Janusz), один из руководителей рокоша 1606—1607 г. 227.
 Радзивилл Януш (Radziwiłł Janusz), великий литовский гетман (сред. XVII в.) 252, 254, 255, 258.
 Радзивиллы 265, 291.
 Радим, см. Гаудентый.
 Радоцкий Марцин (Radocki Marcin) 250, 251, 270.
 Райский Томаш (Rayski Tomasz) 492, 494.
 Ракоци Дьёрдь II, трансильванский князь 247, 250, 259, 260.
 Ракоци Ференц, руководитель венгерского освободительного восстания в начале XVIII в. 288.
 Раморино Джироламо 452, 453, 467.
 Ратибор (Rasibor), поморский князь 72.
 Рахманинов С. В. 523.
 Рвачка Мавриций (Rwaczka Maurycy) 134, Регон 309.
 Рей Миколай (Rej Mikołaj) 187—189, 198.
 Рейнберн 45.
 Рейтан Тадеуш (Rejtan Tadeusz) 324.
 Рейхан Алоизий (Reichan Alojzy) 524.
 Репнин Н. В. 319.
 Репнин-Оболенский Б. А. 253.
 Римский-Корсаков Н. А. 523.
 Робеспьер Максимилиан 501.
 Розен Г. В. 444.
 Роланд Францишек (Rohland Franciszek) 448.
 Романов Филарет, Федор Никитич.
 Рубинштейн А. Г. 523.
 Рубинштейн Н. Г. 523.
 Рудя 270.

- Ружицкий Яцек (Różycki Jacek) 242.
 Рукевич Михал (Rukiewicz Michał) 416, 434.
 Руссо Жан-Жак 304.
 Рыбинский Мацей (Rybiński Maciej) 453.
 Рылеев К. Ф. 434, 457.
 Рыльский Максим 519.
 Рюдигер Ф. В. 449.
- Садковский Виктор 333.
 Сагайдачный, см. Конашевич Сагайдачный.
 Сангушко Януш (Sanguszko Janusz) 292.
 Сандоз 388.
 Сапега Лев (Sapieha Lew) 224, 226.
 Сапега Павел (Sapieha Paweł) 258.
 Сапега Ян (Sapieha Jan) 258.
 Сапега Ян Петр (Sapieha Jan Piotr) 227.
 Сапеги 265, 270, 284, 286, 307.
 Швецы 102.
 Свидацкий Стефан (Świdarski Stefan) 262.
 Свидригайло (Швинтригайла), великий князь 126, 127.
 Свинка Якуб (Świnka Jakub) 97, 100, 104.
 Святополк I (Świętopełk I), поморский князь 39.
 Святополк II (Świętopełk II), поморский князь 74, 75.
 Святополк Владимирович, киевский князь 45, 46.
 Святослав Ярославич, киевский князь 53.
 Святополк, чешский князь 67.
 Святослав из Войцешина (Świętosław z Wojcieszyna) 137.
 Себастьян из Фельштына (Sebastian z Felsztyna) 199.
 Себастьян Орас 453, 480.
 Сенявские 227, 265.
 Сенявский Адам Миколай (Sioniawski Adam Mikołaj) 288.
 Сераковский Юзеф (Sierakowski Józef) 352.
 Серко Иван 263.
 Сечех (Sieczeh) 54.
 Сиверс И. Я. 341.
 Сигизмунд I Старый (Zygmunt I Stary), король 160, 164, 166, 169, 170, 172, 173, 180, 198.
 Сигизмунд II Август (Zygmunt August), король 174, 176—178, 180, 190, 218, 241.
 Сигизмунд III (Zygmunt III), король Польши и Швеции 176, 198, 208, 221, 222, 224—233.
 Сигизмунд Люксембургский, венгерский король, позднее германский император 116, 122, 123, 125, 126, 128.
 Сигизмунд (Жигимантас) Кейстуович, литовский великий князь 126, 127.
 Сигизмунд (Жигимантас) Корибутович 126.
 Сикст V, римский папа 221.
 Скарга Петр (Skarga Piotr) 204, 240, 241.
 Скрыбин А. Н. 523.
- Скульский (Skulski) 448.
 Скрзынецкий Ян (Skrzyniecki Jan) 443, 444, 450.
 Словацкий Юльош (Słowacki Juliusz) 191, 459, 465, 502, 517—522.
 Слоньский Габриэль (Słoński Gabriel) 194.
 Слотвинский Константин (Słowinski Konstanty) 490.
 Смоленский Владислав (Smoleński Władysław) 8.
 Смолька Францишек (Smolka Franciszek) 492—494, 516.
 Свядецкий Енджей (Śniadecki Jędrzej) 358, 359, 456, 457.
 Свядецкий Ян (Śniadecki Jan) 358, 359, 456.
 Собеский Якуб (Sobieski Jakub) 282.
 Собеский Ян (Sobieski Jan), король 272, 277, 278, 280—282, 296.
 Соболевский Игнаций (Sobolewski Ignacy) 409.
 Совиньский Юзеф (Sowiński Józef) 453.
 Солтык Каетан (Sołtyk Kajetan) 319.
 Солтык Роман (Sołtyk Roman) 431, 432.
 Спытек из Мельштына (Spytek z Melsztyna) 128.
 Станислав (Stanisław ze Szczepanowa), краковский епископ 54, 91.
 Станислав Август, см. Понятовский.
 Станислав из Олькуша (Stanisław z Olkusza) 199.
 Станка Ян (Stanka Jan) 134.
 Старовольский Шимон (Starowolski Szymon) 295.
 Статориус Петр (Statorius Piotr) 201.
 Статтлер Войцех Корнель (Stattler Wojciech Kornel) 460.
 Стахович Михал (Stachowicz Michał) 460.
 Станиц Станислав (Staszic Stanisław) 277, 302, 305, 311, 329, 357—359, 456.
 Ствош Вит (Stwosz Wit) 187, 194—197.
 Стемпковский Юзеф (Stępkowski Józef) 303, 320.
 Стефан, венгерский король 47.
 Стефани Ян (Stefani Jan) 364.
 Стефаньский Валентин (Stefański Walenty) 514.
 Стобнич Ян (Stobnicz Jan) 199.
 Стражи 100.
 Стройновский Иероним (Strojnowski Hieronim) 328, 359.
 Стрыйковский Мацей (Strykowski Maciej) 240.
 Шпеменьчики 67.
 Суворов А. В. 335, 352.
 Сулковский Август (Sulkowski August) 293, 305.
 Суrowецкий Вавжипец (Surowiecki Wawrzyniec) 399.
 Суходольский Януарий (Suchodolski Januarius) 524.
 Сцегенный Петр (Ściegienny Piotr) 502, 508—512, 515.
 Сярчиньский Францишек (Siarczyński Franciszek) 362.

- Талейран Шарль-Морис 394.
 Тарновский Ян (Tarnowski Jan) 174.
 Ташицкий Габриель (Taszycki Gabriel) 388.
 Тварог Михал (Twarog Michał) 133.
 Тенчиньский Анджей (Tęczyński Andrzej) 137.
 Теплер Петр (Terper Piotr) 312.
 Тесля 270.
 Тетера Павло 263.
 Тизенгауз Антоний (Tyzenhaus Antoni) 303, 307.
 Титмар Мерзебургский 47.
 Товяньский Анджей (Towiański Andrzej) 525.
 Торрес Джованни 249.
 Трембецкий Станислав (Trembecki Stanisław) 362.
 Трембицкий Станислав (Trębicki Stanisław) 439.
 Трентовский Бронислав (Trentowski Bronisław) 525.
 Трясило, см. Федорович Тарас.
 Тщещеский Анджей (Trzeciecki Andrzej) 198.
 Тьерри Огюстен 486.
 Тыльман 296.
- Федор Иванович, русский царь 218, 219, 221.
 Федорович Тарас, Трясило 236.
 Фергюссон К. 482.
 Фердинанд, австрийский эрцгерцог 401.
 Ферзен И. Е. 352.
 Филарет, патриарх, см. Романов Филарет.
 Филипп II, испанский король 221.
 Фиш 309.
 Флоттвель Э. 466.
 Франко Иван 478.
 Франц Карл, австрийский эрцгерцог 494.
 Фредро Александр (Fredro Aleksander) 520.
 Френкель 472.
 Фридрих I Барбаросса, германский император 72, 73.
 Фридрих II, германский император 76.
 Фридрих II, прусский король 291—293, 318, 321, 322, 369, 372, 377.
 Фридрих Август, саксонский курфюрст, см. Август II и Август III.
 Фридрих Август, саксонский король и варшавский герцог 396, 398.
 Фридрих Вильгельм II, прусский король 335, 339, 391.
 Фридрих Вильгельм III, прусский король 393, 394, 423.
 Фрыч Моджевский, см. Моджевский.
 Фрыстацкий (Frystacki) 309.
 Фюрстенберг, гроссмейстер Ливонского ордена 176, 177.
- Хельтман Виктор (Heltman Wiktor) 414, 486, 516.
 Хеферн Роберт (Hefern Robert) 492, 494.
 Хжановский Войцех (Chrzanowski Wojciech) 452.
- Хжонстовский Евгенюш (Chrzastowski Eugeniusz) 493.
 Хлаповский Дезидерий (Chłapowski Dezideriusz) 448.
 Хлопицкий Юзеф (Chłopicki Józef) 438—441, 443, 449.
 Хмелевский Бенедикт (Chmielowski Benedykt) 359.
 Хмелевский Роберт (Chmielowski Robert) 494, 495.
 Хмельницкий Богдан 231, 236, 243—254, 261, 305, 483.
 Хмельницкий Тимофей 253.
 Хмельницкий Юрий 262, 263.
 Ходкевич Кароль (Chodkiewicz Karol) 222, 227, 229.
 Ходовецкий Даниель (Chodowiecki Daniel) 366.
 Ходька 236.
 Хрущев Н. С. 6.
- Цезарини Джулиано 129.
 Цёлек Станислав (Ciołek Stanisław) 136.
 Ценглевич Каспер 491, 493.
 Цешковский Август (Cieszkowski August) 525.
- Чайковский П. И. 523.
 Чаплинский Даниель (Czapliński czyli Czaplicki Daniel) 236.
 Чаплица 405.
 Чарнецкий Стефан (Czarnecki Stefan) 258, 260—263.
 Чарторские 265, 291—293, 298, 316, 317, 319, 503.
 Чарторьский Август (Czartoryski August) 292, 317.
 Чарторьский Адам Ежый (Czartoryski Adam Jerzy) 392, 393, 402, 404—406, 409, 439, 442, 449, 452, 481, 482.
 Чарторьский Адам Казимеж (Czartoryski Adam Kazimierz) 318, 332, 392, 404.
 Чарторьский Михал (Czartoryski Michał) 292.
 Чернышевский Н. Г. 7, 99, 248.
 Четвертинский Антоний Станислав (Czetwertynski Antoni Stanisław) 352.
 Чиньский Ян 450—452, 483, 485, 495.
- Шамиль 482.
 Шажиньский Станислав Сильвестр (Szajnyński Stanisław Sylwester) 242.
 Шанецкий Ян Ольрих (Szaniecki Jan Olrych) 446.
 Шанявский Юзеф Каласантый (Szaniawski Józef Kalasanty) 388, 409.
 Шварценберг К. Ф. 405.
 Швачка 302.
 Шейн М. Б. 233.
 Шеллинг Ф. В. 458.
 Шемберг (Szemberg) 244.
 Шереметев В. Б. 262.
 Шидловита (Szydłowita) 138.
 Шимановская Мария (Szymanowska Maria) 462.
 Шиманьский Станислав (Szymański Stanisław) 360.

- Шимонович Ежий (Szymonowicz Jerzy) 296.
 Шимонович Шимон (Szymonowicz Szymon) 191, 238.
 Шингярский (Szyngiarski) 452.
 Шнайдер Августин (Sznajder Augustyn) 416.
 Шопен Фридерик (Chopin, Szopen Fryderyk) 522, 523.
 Шредер Якуб (Szreder Jakub) 416.
 Штакельберг 331, 332.
 Штейнкеллер Петр Антоний (Steinkeller Piotr Antoni) 468.
 Штольцман Кароль Богумир (Stolzman Karol Bogumir) 485, 508.
 Шуйский В. И., русский царь 225—228.
 Шульцы 312.
 Шуман Роберт 462.
 Щепановский Ян (Szczepanowski Jan) 491, 492.
 Эванс 468.
 Эльснер Юзеф (Elsner Ksawery Józef) 364, 462.
 Эпикур 133.
 Эренберг Густав (Ehrenberg Gustaw) 491, 495, 496, 520.
 Эрик Победитель, шведский король 38.
 Эрик XIV, шведский король 178.
 Эрнест, австрийский эрцгерцог 218.
 Эссман Юзеф (Essmann Józef) 514, 515.
 Юнгинген Ульрих, гроссмейстер Тевтонского ордена 123.
 Юхан М., шведский король 178, 218.
 Яблоновский Антоний (Jabłonowski Antoni) 431, 432, 434.
 Яблоновский Станислав (Jabłonowski Stanisław) 281, 282, 284.
 Яблоновский Ян (Jabłonowski Jan) 295.
 Яблоньский Марцин (Jabłoński Marcin) 524.
 Ягайло, Ягелло, Владислав II, литовский великий князь, затем польский король 119—121, 125—128, 136—140.
 Ягеллоны, династия 119, 164, 168.
 Ядвига (Jadwiga), княгиня 91.
 Ядвига (Jadwiga), королева 119.
 Яжембский Адам (Jarzębski Adam) 242.
 Ян Ольбрахт (Jan Olbracht), король 169, 196, 201.
 Ян Казимир (Jan Kazimierz), король 216, 246, 247, 253, 256, 259, 262—264, 277.
 Ян III, см. Собеский Ян.
 Ян Люксембургский, чешский король 103, 104.
 Ян Благослав 197.
 Ян из Кемпы (Jan z Kępy) 135.
 Ян из Кошичек (Jan z Koszyczek) 192.
 Ян из Людзиска (Jan z Ludziska) 134.
 Ян Люблинский (Jan Lubliński) 198.
 Яницкий Клеменс (Janicki Klemens) 189.
 Янко из Чарнкова (Janko z Czarnkowa) 135.
 Янковский Антоний (Jankowski Antoni) 449, 452.
 Яношик 269.
 Януш I (Janusz), мазовецкий князь 158.
 Януш (Janusz), сандомирский воевода 100.
 Яромир, ружанский князь 73.
 Ярослав Владимирович, киевский князь 46, 49, 51.
 Ясиньский Якуб (Jasiński Jakub) 348, 350, 353, 363, 519.
 Ястшембцы 67.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Бытовая утварь и украшения раннего железного века. Лужицкая культура.—«Prehistoria ziem polskich», Кр., 1939—1948, tabl. 75	21
2. Остатки жилищ и мостовых лужицкого поселения у Бискупинского озера.—Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 75	23
3. Древнейшая соха (из раскопок на Поморье).—Kostrzewski. Kultura prapolska. P., 1947, str. 287	28
4. Плавильная печь (из раскопок в Силезии).—Kostrzewski. Kultura prapolska, str. 287	29
5. Орудия и бытовая утварь раннефеодального периода.—«Prehistoria ziem polskich», tabl. 96	31
6. Керамика раннефеодального периода.—«Prehistoria ziem polskich», tabl. 94	33
7. Серебряные украшения из кладов.—«Prehistoria ziem polskich», tabl. 98.	35
8. Монета Мешко I.—Wojciechowsy. Polska Piastów—Polska Jagiellonów. 1946, str. 73	38
9. Монета Болеслава Храброго.—Wojciechowsy, str. 74	39
10. Военское снаряжение раннефеодального периода.—«Prehistoria ziem polskich», tabl. 95	43
11. Воины (фрагмент скульптурных украшений Гнезненского собора, XII в.).—Kogzon. Dzieje wojen. L.—W.—Kr., 1923, T. I, str. 553 . .	44
12. Часовня замка в Цешине (XI в.).—«Architektura polska do połowy XIX w.», W., 1952, № 51	47
13. Польский феодальный замок (Хенцины, XIV в.).—Реконструкция.—Missalowa i Schoenbrenner. Historia Polski. W., 1951, str. 28	59
14. Монета Болеслава Кривоустого.—Wojciechowsy, str. 74	62
15. Битва под Лигницей в 1241 г. Миниатюра 1353 г.—«Polska, jej dzieje i kultura», t. I, str. 135	77
16. Осада Лигницы татарами. Миниатюра 1353 г.—«Polska, jej dzieje t...», t. I, str. 135	78
17. Хроника Галла-Анонима. Первая страница рукописи XIV в.—«Galla Anonima Kronika», W., 1948, tabl. 1	89
18. «Богуродзица» (из рукописи XV в.).—Chmielowski. Historia literatury polskiej, t. I, W., 1899, str. 72	91
19. Двери Гнезненского собора, XII в.—J. Lelewel. Drzwi kościelne płockie i gnieźnieńskie z lat 1133, 1155. P., 1857	92
20. Польский рыцарь XIII—XIV вв. (с печати).—T. Nowak. Walki z agresją Zakonu Krzyżackiego w okresie jednoczenia Państwa Polskiego. W., 1952, str. 37	97
21. Миниатюра из рукописи «Вислицкого статута» (рукопись XV в.).—Brückner. Dzieje języka polskiego. L., str. 23	105
22. Костел св. Якуба в Торуне (1309 г.).—«Architektura polska...», № 112	107

23. Крестьяне платят чинш. Миниатюра из рукописи XIV в. — <i>Missalowa</i> , str. 30	108
24. Рыболовы. Миниатюра из рукописи XIV в. — <i>Nowak</i> , str. 55.	109
25. Купец. Миниатюра из рукописи XV в. — <i>Missalowa</i> , str. 58.	113
26. «Журавль» — подъемное приспособление в Гданьском порту (сооружено в XV в.). Гравюра XVII в. Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	115
27. Силезский город Ныса в XV в. — <i>Grabski</i> . 200 miast wróciło do Polski. P., 1949, str. 252—253.	116
28. Оборона польского города. Миниатюра из рукописи XIV в. — <i>Nowak</i> , str. 45	121
29. Грюнвальдская битва. Из «Хроники» Марциана Бельского. Издание 1597 г. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.» М. 1953, т. II, стр. 542	122
30. Крестьяне в польском войске. Миниатюра из рукописи XIV в. — <i>Nowak</i> , str. 23.	123
31. Замок на скале. Резьба по дереву Вита Ствоша, конец XV в. — <i>Wit Stwos z. Oltarz Krakowski</i> , rys. 125.	124
32. Казимир IV Ягеллончик	130
33. Мальборкский замок. Гравюра XIX в. — <i>Forster</i> . Pologne. Paris, 1840, str. 18.	131
34. Гжегож из Санока. — <i>Wojciechowscy</i> , str. 365.	133
35. Первая и вторая страницы Пулавской псалтыри, рукопись XV в. — <i>Chmielowski</i> , str. 120	137
36. Строительство здания. Миниатюра из рукописи XIV в. — <i>Nowak</i> , str. 41	139
37. Цех кожевников. Миниатюра из кодекса Бехэма, начало XVI в. — Фототека Академии художеств СССР	144
38. Краков. Гравюра XVI в. — « <i>Polska, jej dzieje...</i> », t. I, str. 318	144
39. Цех портных. Миниатюра из кодекса Бехэма, начало XVI в. — Фототека Академии художеств СССР	145
40. Закладка здания. Миниатюра из кодекса Бехэма, начало XVI в. — Фототека Академии художеств СССР	146
41. Цех литейщиков. Миниатюра из кодекса Бехэма, начало XVI в. — Фототека Академии художеств СССР	147
42. Бондари. Миниатюра из кодекса Бехэма, начало XVI в. — <i>Dzikówna</i> . Kleraz. K. 1952, str. 48.	148
43. Пекари. Миниатюра из кодекса Бехэма, начало XVI в. — <i>Dzikówna</i> , str. 112	149
44. Водяное колесо. Гравюра XVI в.	150
45. Мещанский дом (постройка XVI в.). Фото. — <i>Missalowa</i> , str. 61.	151
46. Голова крестьянина («апостол Петр»). Резьба по дереву Вита Ствоша, конец XV в. — <i>Wit Stwos z. Oltarz Krakowski</i> , rys. 43	153
47. Барщина. Гравюра XVI в. — <i>Burszta</i> . <i>Wieś i karczma</i> . W., 1950, str. 76	154
48. Голова крестьянина. Резьба по дереву Вита Ствоша, конец XV в. — <i>Wit Stwos z. Oltarz Krakowski</i> , rys. 61.	155
49. Сенокос. Гравюра середины XVI в. — <i>Missalowa</i> , str. 47	156
50. Жатва. Гравюра XVI в.	157
51. Польский сейм. Гравюра начала XVI в. — « <i>Polska, jej dzieje...</i> », t. I, str. 295	163
52. Остатки крепостных укреплений Кракова (сооружено в 1498 г., современный вид). — « <i>Architektura polska...</i> », rys. 173	165
53. Древнейший польский печатный текст. 1475 г. («Отче наш» и «Богородица, дева, радуйся»). — <i>Brückner</i> , str. 32	187
54. Миколай Рей. Гравюра XVI в.	188

55. Титульный лист первого раздела книги Рея «Жизнь достойного человека». — Chmielowski, str. 184	189
56. Надгробие Яна Кохановского	192
57. Титульный лист книги А. Фрыча-Моджевского «Об исправлении Речи Посполитой». — Chmielowski, str. 168	193
58. Три Марии. Резьба по дереву Вита Ствоша, конец XV в. — Wit Stwosz. Oltarz Krakowski, rys. 19	194
59. Алтарь работы Вита Ствоша. — Wit Stwosz. Oltarz Krakowski, rys. 3	195
60. Ученый. Резьба по дереву Вита Ствоша, конец XV в. — Wit Stwosz. Oltarz Krakowski, rys. 48	197
61. Зал совещаний в Познаньской ратуше. Постройка 1550—1560 гг. — «Architektura polska...», rys. 214	198
62. Миколай Коперник. Гравюра XVI в.	200
63. Пахота. Гравюра 1575 г. — Bystron. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Kr., str. 517	203
64. Крестьяне (из документальной серии Яна Матейки «Старопольские костюмы»). — Witkiewicz. Matejko. W., 1950, str. 33	204
65. Крестьянин и пан. Гравюра XVI в. — Burszta, str. 175	205
66. Узник в колодцах. Гравюра XVI в. — Bystron, str. 337	206
67. Пан с гайдуками. Гравюра XVII в. — Bystron, str. 242	207
68. Первая страница антикрепостнического памфлета «Lament chłopski na rany» (вторая половина XVI в.). — Missalowa, str. 78	208
69. Варшава. Гравюра XVI в. — «Polska, jej dzieje...», t. I, str. 386	208
70. Рудокоп. Гравюра начала XVII в. — Missalowa, str. 62	210
71. Ратуша в Гданьске (построена в 1378 г.). Гравюра XIX в. — Niemcewicz. Podróże historyczne. Petersburg, 1859, str. 218	211
72. Строительство храма. А. Мёллер, масло, 1602 г.	213
73. Рыбачки из Гданьска. Гравюра начала XVII в. — Bystron, str. 534	214
74. Челядь из пивоварни. Гравюра начала XVII в. — Bystron, str. 487	215
75. Пинчов. Гравюра первой половины XVII в. — Niemcewicz, str. 20	217
76. Ян Замойский. Современная гравюра. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	219
77. Заседание сейма. Гравюра 1622 г. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	233
78. Богдан Хмельницкий. Гравюра В. Гондиуса, 1651. «История Украинской ССР». Т. I. Киев, 1953, стр. 267	244
79. Руины Чорштынского замка. Гравюра XIX в. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	25
80. Осада Ясной Горы шведами в 1655 г. Современная гравюра. — Sokolowski. Dzieje Polski ilustrowane. T. V, str. 68	257
81. Хата (постройка 1739 г.) (Туробин близ Замостья, современный вид). Фото. — «Architektura polska», rys. 15	267
82. Орудие пытки. — Bystron, str. 327	268
83. Копи Велички. Гравюра первой половины XIX в. — Niemcewicz, str. 49	271
84. Двор Артуса в Гданьске. Гравюра XVII в. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	273
85. Гданьский пакхауз. Гравюра XVII в. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	275
86. Битва под Веной 1683 г. Гравюра XVII в.	279
87. Крестьянин в «гонсёре». Рис. П. Норблина	299
88. Купеческий дом в Варшаве постройки конца XVIII в. Фото. — «Architektura polska...», № 406	309
89. Варшава. Гравюра 1770 г. Б. Белотто (Каналетто). — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	311

90. Матрос. Рис. Д. Ходовецкого. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	312
91. Сеймиковая сцена. Рис. П. Норблина. <i>Wystroń, str. 280</i>	321
92. Станислав Сташиц. Гравюра А. Олещиньского	329
93. Гуго Коллонтай. Гравюра В. Курнатовского по портрету 1790 г. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	331
94. Станислав Малаховский. Гравюра В. Курнатовского по портрету 1790 г. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	332
95. Игнаций Потоцкий. Гравюра конца XVIII в. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	333
96. Ян Декерт. Гравюра конца XVIII в. — <i>Sawczyński. Jan Dekert. L., 1891</i>	334
97. Титульный лист первого издания конституции 3 мая 1791 г.	337
98. Тадеуш Костюшко. Гравюра А. Олещиньского. Фонды Музея революции	344
99. После победы под Рацлавицами. Рис. П. Норблина	347
100. Восстание в Варшаве 17—18 апреля 1794 г. Рис. П. Норблина	348
101. Ян Килиньский. Литография А. Олещиньского. — « <i>Polska, jej dzieje...</i> », т. II, str. 354	349
102. Якуб Ясиньский. Литография В. Сливицкого. — « <i>Polska, jej dzieje...</i> », т. II, str. 338	350
103. Казнь изменников 28 июня 1794 г. в Варшаве. Рис. П. Норблина	351
104. Титульный лист журнала «Монитор». — <i>Smoleński. Przewrót umysłowy w Polsce XVIII w. W., 1928, str. 267</i>	360
105. Титульный лист II тома «Истории польского народа» Адама Нарушевича. <i>Chmielowski, t. II, str. 177, W. 1899</i>	361
106. Дворец в Лазенках под Варшавой. Фото. — « <i>Warszawa stolica Polski</i> », 1949, str. 32	365
107. Ян Генрик Домбровский. Гравюра Костецкого. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	389
108. Костюшко в старости. Гравюра Я. Регульского. — <i>Sokołowski. Dzieje porozbiorowe narodu polskiego ilustrowane, str. 531</i>	395
109. Краковская городская ратуша. Гравюра первой половины XIX в. — <i>Forster, str. 14</i>	403
110. Станислав Костка Потоцкий. Гравюра И. Кретлова. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	411
111. Бельведер. Фото. — « <i>Warszawa stolica Polski</i> », стр. 35	412
112. Адам Мицкевич в юности. Рис. В. Ваньковича. — « <i>Polska, jej dzieje...</i> », т. III, str. 498	413
113. Валериан Лукасиньский. Литография с рис. Куровского. — <i>Sokołowski. Dzieje porozbiorowe...</i> , т. IV, str. 23	415
114. Прядильный цех на мануфактуре. Литография 1832 г. — <i>Litwin. Muncipalne fabryki włókiennicze dawnej Łodzi. Łódź, 1932, str. 20</i>	418
115. Ткацкий станок. Гравюра 1830 г. — <i>Litwin, str. 18</i>	419
116. Суконная фабрика в Калише. Литография М. Фаянса. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	420
117. Польский банк в Варшаве. Гравюра 1830-х годов. — <i>Forster, str. 308</i>	421
118. Северия Кшижановский. Портрет И. Лукашевича. Масло.	432
119. Декабристы с титульного листа журнала «Полярная звезда». — Фототека Исторического музея	433
120. Маврыций Мохнацкий. Гравюра Ст. Лукомского. — <i>Mochnański. Dzieła M. Mochackiego, t. I. Listy. P. 1863</i>	434

121. Петр Высоцкий. Литография Я. Н. Жилинского. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 435
122. Иоахим Лелевель. Гравюра А. Олещинского. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 437
123. Людвик Набеляк. Литография Я. Н. Жилинского. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 439
124. Штурм тюрьмы. Акватинта Ф. Х. Дитриха. — «Литературное наследство», т. 61. М., 1953, стр. 79 440
125. Взятие арсенала. Акватинта Ф. Х. Дитриха. «Литературное наследство», т. 61. М., 1953, стр. 79 441
126. Вооруженные варшавяне. Рис. Я. Ф. Пиварского 442
127. Газета «Новая Польша» 451
128. Ян Снядецкий. Литография В. Валькевича 457
129. Юльян Урсын Немцевич. По портрету работы А. Бродовского. — «Polska, jej dzieje...», t. III, str. 482 458
130. Большой театр в Варшаве. Акватинта Ф. Х. Дитриха. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 461
131. Металлургический завод в Стараховицах. — *Zorałowski. (Piomień) Pamiętniki. Wilno, 1921, str. 113* 469
132. Первый поезд. Т. Стахович, масло, 1847 г. — *Demel. Stosunki gospodarcze i społeczne Krakowa. Kł., 1951* 470
133. Варшава в середине XIX в. Рис. Шютера. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 471
134. Утро в Островце. Рис. Я. Ф. Пиварского. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 473
135. Пахота. Ю. Хелмонский, масло. — Фототека Академии художеств СССР 476
136. Юзеф Заливский. Литография Ш. Базена. — Фонды гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 483
137. «Книги польского народа и польского пилигримства» А. Мицкевича. Нелегальное львовское издание с ложными выходными данными. — *Wisłocki. Tajne druki zakładu Ossolińskich. L., 1935, str. 41* 491
138. Северин Гоциньский. Гравюра Кулесиньского. — *Kieniewicz. Konspiracje galicyjskie (1881—1845). W., 1950, str. 53.* 493
139. Шимон Конарский и Кузьмин-Караваев. Рис. Э. Андриолли, 1866 г. — *Mościcki. Szymon Konarski. W., 1949* 497
140. Станислав Ворцел. Портрет начала 1830-х годов — *Limanowski. St. Worcell. Kł., str. 64, 256* 499
141. Эдвард Дембовский. Дагерротип. — «Революции 1848—1849 гг.», т. I, стр. 87 502
142. Генрик Каменьский. Фото 507
143. Петр Спегенный. Фото 508
144. Титульный лист «Демократического катехизиса» Г. Каменьского 509
145. Титульный лист «Польского пилигрима». — «Polska, jej dzieje...», t. III, str. 471 518
146. Адам Мицкевич. Гравюра Дангена по дагерротипу 1842 г. 518
147. Юльш Словацкий. Гравюра по рис. Куровского. «Polska, jej dzieje...», t. III, str. 533 521
148. Фридерик Шопен. Литография М. Фаянса. — Ю. А. Кремлев. Фредерик Шопен. М. — Л., 1949 522
- Иллюстрации за № 32, 44, 50, 54, 56, 61, 72, 86, 87, 92, 99, 100, 103, 118, 126, 128, 142, 143 предоставлены Институтом общественных наук при ЦК ПОРП и Отделом истории партии ЦК ПОРП.

СПИСОК КАРТ

1. Польское раннефеодалное государство в начале XI в.	36
2. Польские земли около 1138 г.	69
3. Польские земли около 1250 г.	76
4. Монгольское нашествие 1237—1242 гг.	79
5. Силезия около середины XIV в.	101
6. Польское государство во второй половине XIV в.	104
7. Польша в период немецкой феодальной агрессии XII—XV вв.	120
8. Место Польши в процессе складывания многонациональных государств в Восточной Европе (государства под властью династии Ягеллонов в конце XV в.)	167
9. Ливонская война	177
10. Речь Посполитая во второй половине XVI в.	180
11. Речь Посполитая в период интервенции в Русское государство	226
12. Речь Посполитая в XVII в.... (цветная вкладка в конце книги)	
13. Первый раздел Речи Посполитой (1770—1772)	323
14. Второй раздел Речи Посполитой (1793)	341
15. Третий раздел Речи Посполитой (1795)	355
16. Захваты Бранденбурга — Пруссии в XV—XVIII вв.	372
17. Польские земли под игом Пруссии и Австрии на грани XVIII и XIX вв.	375
18. Польские земли в 1807—1815 гг. Образование княжества Варшавского	397
19. Передел польских земель на Венском конгрессе 1815 г.	407
20. Театр военных действий и важнейшие сражения в 1831 г.	445

Карты составлены *А. П. Левандовским* под редакцией *И. С. Миллера*

При подготовке карт использованы материалы атласов
Вл. Семковича и *Ст. Арнольда*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
-----------------------	---

Часть I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

<i>Глава первая.</i> Первобытно-общинный строй	15
1. Древнейшее население на территории Польши (<i>П. Н. Третьяков</i>)	15
2. Раннеславянские племена на территории Польши (<i>В. Д. Королюк, П. Н. Третьяков</i>)	18

Часть II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ПОЛЬШЕ (до середины XV в.)

<i>Глава вторая.</i> Польские земли в период возникновения феодальных отношений. Образование Древнепольского государства (VI—XI вв.)	27
1. Возникновение феодальных отношений на территории польских земель (<i>В. Д. Королюк</i>)	27
2. Образование Древнепольского государства (<i>В. Д. Королюк</i>)	34
3. Общественный и государственный строй Польши в конце X—начале XI в. (<i>В. Д. Королюк</i>)	39
4. Борьба с Германской империей. Польша и Древнерусское государство (<i>В. Д. Королюк</i>)	42
5. Антифеодалное крестьянское восстание 1037—1038 гг. (<i>В. Д. Королюк</i>)	48
<i>Глава третья.</i> Польские земли в период феодальной раздробленности	51
1. Польша в 40—70-х годах XI в. Начало феодальной раздробленности (<i>В. Д. Королюк</i>)	51
2. Развитие феодальных отношений во второй половине XI—XII вв. (<i>В. Д. Королюк, Л. В. Разумовская</i>)	55

3. Польский город. Ремесло и торговля (<i>Л. В. Разумовская</i>)	61
4. Общественный и государственный строй Польши в XI—XIII вв. (<i>Л. В. Разумовская</i>)	63
5. Борьба Польского государства с германской феодальной агрессией в первой трети XII в. (<i>В. Д. Королюк</i>)	66
6. Политическое положение польских земель в XII—XIII вв. Рост германской феодальной агрессии (<i>В. Д. Королюк</i>)	70
7. Основание Тевтонского ордена. Татаро-монгольское нашествие (<i>В. Д. Королюк</i>)	75
8. Развитие феодальных отношений в конце XII—XIII вв. Немецкая колонизация (<i>Л. В. Разумовская</i>)	81
9. Культура Польши XI—XIII вв. (<i>Л. В. Разумовская</i>)	88
Глава четвертая. Борьба за создание польского национального государства. Разгром немецких захватчиков под Грюнвальдом	96
1. Предпосылки и особенности государственного объединения польских земель (<i>В. Д. Королюк</i>)	96
2. Борьба за объединение польских земель (<i>В. Д. Королюк, Л. В. Разумовская</i>)	99
3. Развитие феодальных отношений в Польше в XIV — первой половине XV в. (<i>Л. В. Разумовская</i>)	106
4. Польша в системе образующихся многонациональных государств в Восточной Европе. Польско-венгерская уния (<i>В. Д. Королюк</i>)	117
5. Польско-литовская уния. Грюнвальдская битва (<i>В. Д. Королюк</i>)	119
6. Польша и гуситская Чехия. Антинациональная политика церковных феодалов (<i>В. Д. Королюк</i>)	124
7. Тринадцатилетняя война. Возвращение Гданьского Поморья (<i>В. Д. Королюк</i>)	129
8. Польская культура XIV — первой половины XV в. (<i>Л. В. Разумовская</i>)	132
Часть III	
БАРЩИННО-КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ	
Глава пятая. Развитие барщинно-крепостнической системы феодального хозяйства. Завершение процесса образования Речи Посполитой	143
1. Польский город во второй половине XV — начале XVI в. Рост товарного производства и внутреннего рынка (<i>Л. В. Разумовская</i>)	143
2. Переход к барщинно-фольварочной системе. Обезземеливание польского крестьянства (<i>И. С. Миллер, Л. В. Разумовская</i>)	150
3. Оформление сословной монархии (<i>В. Д. Королюк</i>)	162
4. Польша и образование Австрийского многонационального государства в Дунайском бассейне. Польско-литовская уния — орудие восточной экспансии польских феодалов (<i>В. Д. Королюк</i>)	166
5. Реформация в Польше (<i>Ю. В. Бромлей, В. Д. Королюк</i>)	171
6. Начало Ливонской войны. Люблинская уния 1569 г. (<i>В. Д. Королюк</i>)	176

7. Общественный и государственный строй Речи Посполитой (<i>В. Д. Королюк</i>)	181
8. Культура в конце XV и в XVI в. (<i>И. Ф. Бэла, И. С. Нарский, С. С. Советов, Л. И. Тананаева</i>)	186
Глава шестая. Феодално-крепостнические отношения в Польше в конце XVI и первой половине XVII столетия. Восточная экспансия Речи Посполитой	202
1. Усиление крепостнического гнета и классовая борьба крестьян (<i>О. Е. Иванова</i>)	202
2. Ремесло и торговля (<i>О. Е. Иванова</i>)	209
3. Восточная экспансия Речи Посполитой в 70—90-х годах XVI в. (<i>В. Д. Королюк</i>)	217
4. Украинский и белорусский народы в борьбе с польско-литовским феодальным гнетом. Брестская церковная уния (<i>В. Д. Королюк</i>)	222
5. Польско-литовская интервенция в Русское государство (<i>В. Д. Королюк</i>)	224
6. Речь Посполитая и первый этап Тридцатилетней войны (<i>И. В. Греков</i>)	230
7. Смоленская война. Неудача попыток Владислава IV укрепить королевскую власть (<i>И. В. Греков</i>)	232
8. Подъем освободительной борьбы украинского и белорусского народов в 1620—1630-х годах (<i>Г. Ю. Гербицкий</i>)	235
9. Культура Польши конца XVI—начала XVII в. (<i>И. Ф. Бэла, И. С. Нарский, С. С. Советов, Л. И. Тананаева</i>)	238
Глава седьмая. Экономический и политический упадок феодально-крепостнической Речи Посполитой	243
1. Освободительная война украинского и белорусского народов против гнета магнатско-шляхетской Речи Посполитой (<i>Г. Ю. Гербицкий, И. В. Греков</i>)	243
2. Крестьянские восстания в Польше в 1651 г. (<i>И. С. Миллер</i>)	248
3. Воссоединение Украины с Россией (<i>Г. Ю. Гербицкий, И. В. Греков</i>)	252
4. Борьба подльского народа против шведской оккупации (<i>И. В. Греков, И. С. Миллер</i>)	255
5. Возобновление польской феодальной экспансии на Украине. Андрусовское перемирие 1667 г. (<i>И. В. Греков</i>)	261
6. Экономический и политический упадок Речи Посполитой во второй половине XVII—первой половине XVIII в. (<i>О. Е. Иванова, Д. Л. Похилевич</i>)	264
7. Войны Речи Посполитой с Турцией. Перелом в польско-русских отношениях (<i>И. В. Греков</i>)	277
8. Речь Посполитая и Северная война (<i>В. Д. Королюк</i>)	283
9. Развал политического строя Речи Посполитой в 20—60-х годах XVIII в. (<i>Г. Ю. Гербицкий</i>)	289
10. Культура Речи Посполитой во второй половине XVII и в первой половине XVIII в. (<i>И. Ф. Бэла, И. С. Нарский, С. С. Советов, Л. И. Тананаева</i>)	293

Глава восьмая. Разложение феодально-крепостнического строя и возникновение капиталистического уклада. Падение Речи Посполитой	297
1. Польская деревня в конце XVIII в. (<i>Д. Л. Похилевич</i>)	297
2. Обострение классовой борьбы крепостного крестьянства (<i>Д. Л. Похилевич</i>)	304
3. Подъем в торговле и промышленности. Крепостная и капиталистическая мануфактура (<i>О. Е. Иванова, Д. Л. Похилевич</i>)	307
4. Формирование польской буржуазной нации (<i>И. С. Миллер</i>)	313
5. Попытки политических реформ в 1760-х годах (<i>Г. Ю. Гербильский</i>)	316
6. Первый раздел Речи Посполитой (<i>Г. Ю. Гербильский, И. С. Миллер</i>)	320
7. Сеймы 70—80-х годов и их реформы (<i>В. Д. Королюк</i>)	324
8. Четырехлетний сейм (<i>В. Д. Королюк</i>)	327
9. Тарговицкая конфедерация. Второй раздел Речи Посполитой (<i>В. Д. Королюк</i>)	339
10. Национально-освободительное восстание 1794 г. (<i>В. Д. Королюк</i>)	342
11. Третий раздел Речи Посполитой (<i>В. Д. Королюк, И. С. Миллер</i>)	353
12. Развитие польской культуры во второй половине XVIII в. (<i>И. Ф. Балза, И. С. Нарский, С. С. Советов, Л. И. Тананаева</i>)	357

Часть IV

ПОЛЬСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ФЕОДАЛИЗМА И ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Глава девятая. Польские земли под гнетом Пруссии, Австрии и наполеоновской Франции. Национально-освободительная борьба польского народа в конце XVIII — начале XIX в.	369
1. Польские земли под гнетом Пруссии (<i>Н. П. Митина</i>)	369
2. Польские земли под гнетом Австрии (<i>И. С. Миллер</i>)	379
3. Польские легионы и буржуазная Франция (<i>У. А. Шустер</i>)	388
4. Польский вопрос в 1804—1807 гг. Варшавское княжество (<i>У. А. Шустер</i>)	392
5. Польский вопрос в международной политике 1813—1815 гг. (<i>У. А. Шустер</i>)	405
Глава десятая. Польские земли в 1815—1830 гг. Восстание 1830—1831 гг.	409
1. Политический строй и социально-экономическое положение Королевства Польского (<i>У. А. Шустер</i>)	409
2. Польские земли под властью Пруссии. Аграрная реформа (<i>У. А. Шустер</i>)	22
3. Вольный город Краков и Западная Галиция (<i>И. С. Миллер</i>)	427
4. Национально-освободительное движение в Королевстве П декабристы (<i>И. С. Миллер, У. А. Шустер</i>)	431
5. Восстание 1830—1831 гг. (<i>У. А. Шустер</i>)	438

6. Отношение передовых слоев русского общества к польскому восстанию. Значение восстания 1830—1831 гг. (<i>И. С. Миллер</i>)	454
7. Польская культура начала XIX в. (<i>И. Ф. Бэла, И. С. Нарский, С. С. Советов, Л. И. Тананасева, Е. З. Цыбенко</i>)	456
Глава одиннадцатая. Нарастание антифеодальной и национально-освободительной борьбы польского народа в 1831—1845 гг.	464
1. Репрессии против польского народа после подавления восстания 1830—1831 гг. (<i>У. А. Шустер</i>)	464
2. Социально-экономическое развитие польских земель в 30—40-х годах XIX в. (<i>И. С. Миллер, У. А. Шустер</i>)	468
3. Демократический и консервативно-монархический лагеря среди польской эмиграции (<i>И. С. Миллер, У. А. Шустер</i>)	479
4. Национально-освободительное движение в польских землях в 1830-х годах (<i>И. С. Миллер, У. А. Шустер</i>)	490
5. Польская революционная демократия 1830-х годов в эмиграции. «Люди польский» (<i>И. С. Миллер</i>)	497
6. Революционная демократия в польских землях. Дембовский и Спегенный (<i>И. С. Миллер, И. С. Нарский, У. А. Шустер</i>)	502
7. Борьба течений в польском национальном движении накануне восстания 1846 г. (<i>И. С. Миллер, У. А. Шустер</i>)	512
8. Польская культура 30—40-х годов XIX в. (<i>В. Д. Королюк, И. С. Нарский, С. С. Советов, Л. И. Тананасева, Е. З. Цыбенко</i>)	517
БИБЛИОГРАФИЯ	529
УКАЗАТЕЛИ:	
Географический	551
Именной	560
Список иллюстраций	572
Список карт	577

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии Наук СССР

*

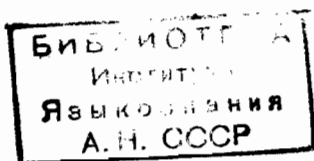
Редакторы издательства Э. В. Удальцова и А. А. Зимин
Технические редакторы Е. В. Зеленкова и Е. Н. Симкина
Корректор В. К. Гарди
Оформление художника Н. А. Седельникова

*

РИСО АН СССР № 20-43В. Т-04068. Издат. № 92.
Тип. заказ № 127. Подп. к печ. 16/VI 1954 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Бум. л. 18,25+19 вкл.
Печ. л. 50+19 вкл. Уч.-издат. 49,4+19 вкл. (2,6 уч.-
издат. л.). Тираж 10000

Цена по прейскуранту 1952 г. 33 р. 50 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В XVII в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

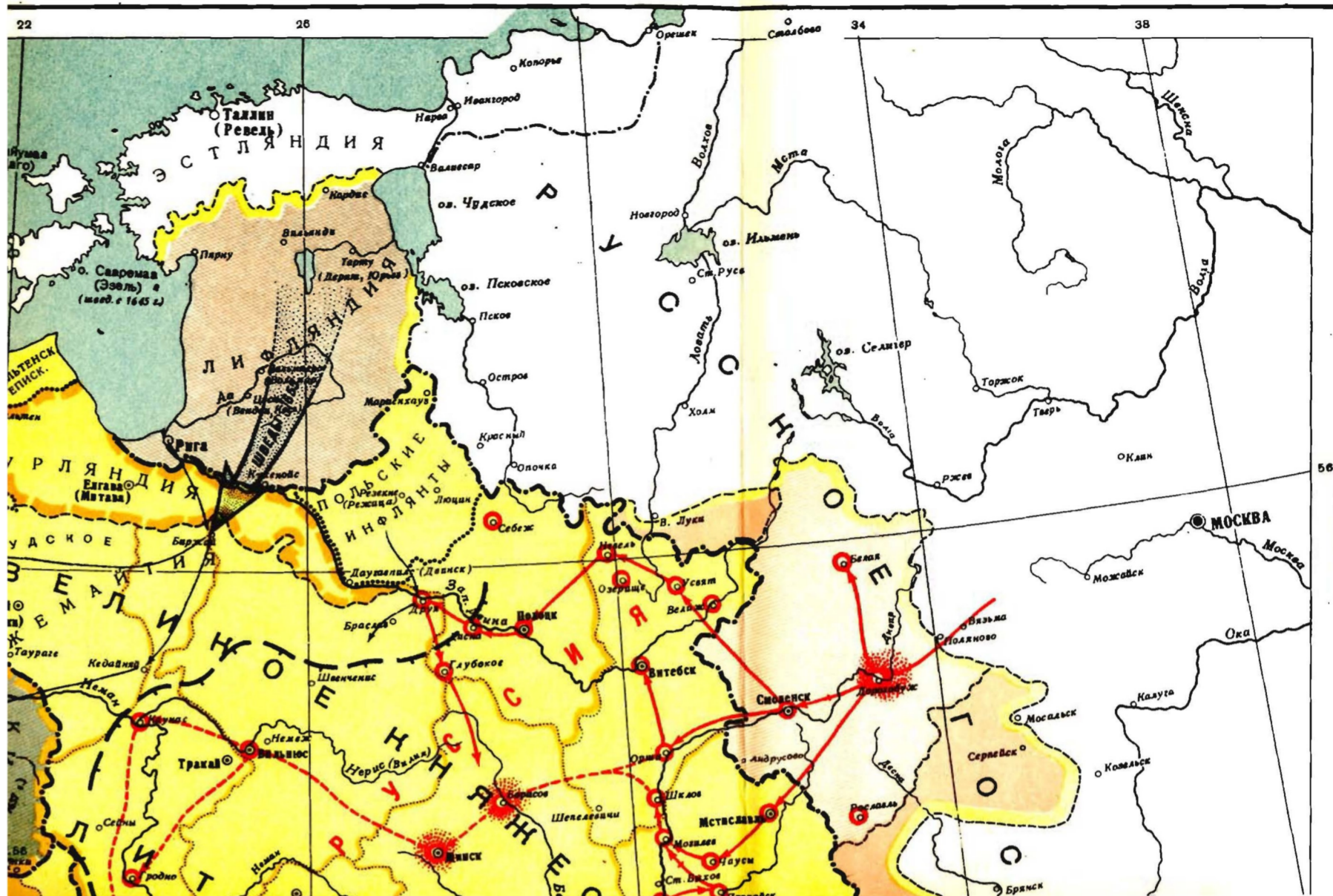
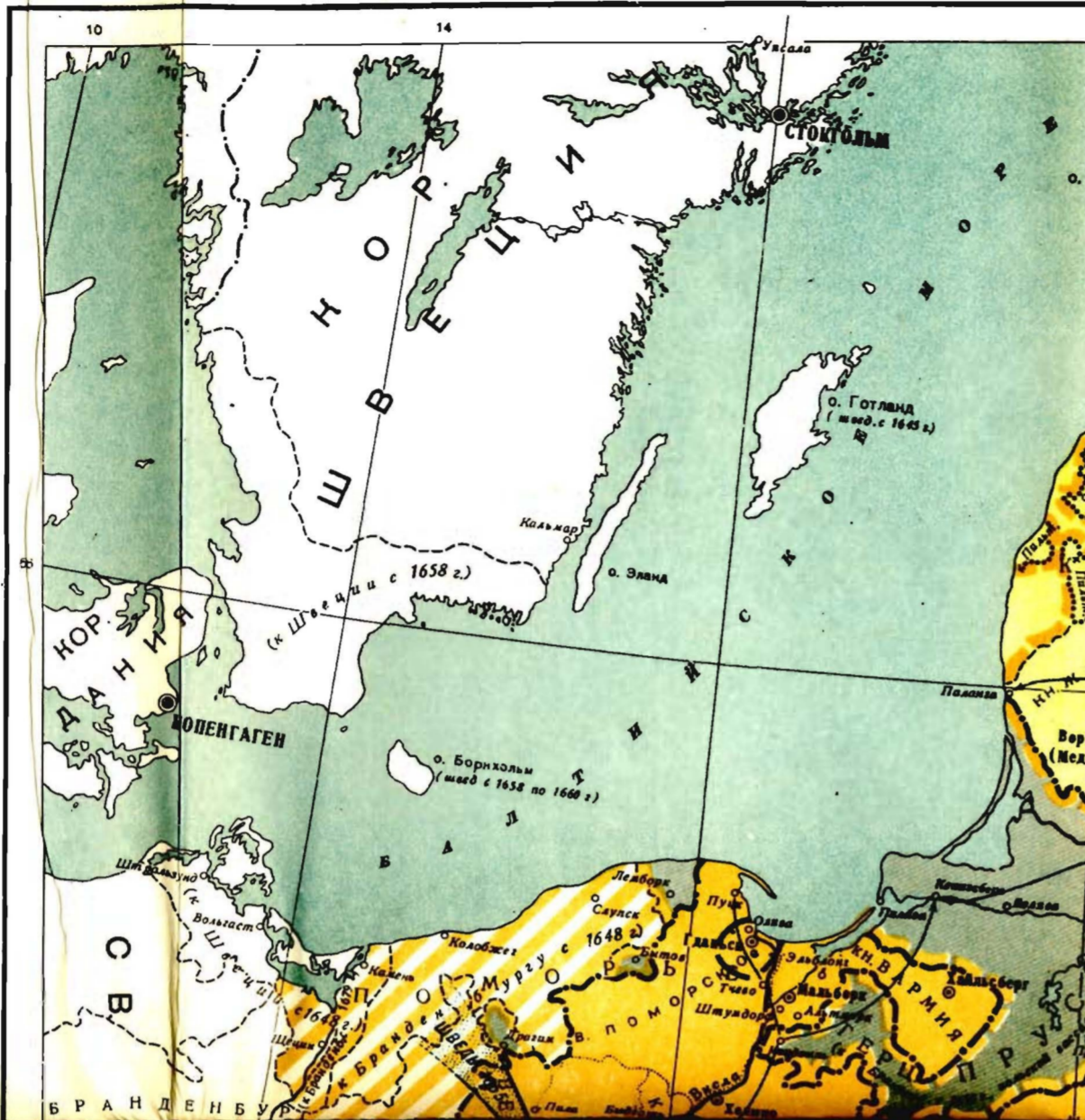
- Речь Посполитая в 1618 г. (после Деулинского перемирия с Русским государством)
- граница между королевством Польским и великим княжеством Литовским
- границы территорий в совместном владении Польши и Литвы
- границы воеводств
- Кадис центры воеводств
- Примечание: на карте помещены лишь названия воеводств, не совпадающие с названием их центров польские земли, оставшиеся в составе Св. Римской империи
- собственно-польские воеводства в составе Речи Посполитой
- границы вассалов Польши
- русские, украинские, белорусские, литовские, латышские и эстонские земли в составе Речи Посполитой

Территориальные потери Речи Посполитой и концу XVII в.

- территории, уступленные Бранденбургу в 1657 г. (по Велявскому и Быдагшскому договорам)
- территории, занятая шведами в 1621—29 гг. и окончательно отошедшая к Швеции в 1660 г. (по Оливскому договору)
- территории, возвращенные России в 30°—40° гг. XVII в. (по Поляновскому договору и последующим размежеваниям)
- территории, возвращенные России по Андрусовскому перемирию 1667 г. и вечному миру 1686 г.
- границы Речи Посполитой в 1699 г.

Освободительная война украинского и белорусского народов 1648—1654 гг.

- очаги наиболее активных восстаний и районы формирования повстанческих отрядов на Украине и в Белоруссии
- первый поход Богдана Хмельницкого (1648 г.)
- поход отрядов Кривоноса (1648 г.)
- походы стародубских отрядов
- второй поход Богдана Хмельницкого (1649 г.)

важнейшие сражения в освободительной войне украинского и белорусского народов. Переяславская Рада 1654 г., провозгласившая воссоединение Украины с Русским государством

Крестьянско-плебейское движение в Польше в 1648—50 гг.

основные очаги движения

Русско-польская война. Военные действия в 1654—55 гг.

основные походы русских войск и украинских казаков в 1654 г.

основные походы русских войск и украинских казаков в 1655 г.

важнейшие города, взятые русскими войсками и украинскими казаками в 1654—55 гг.

Польско-шведская война 1655—60 гг.

вторжение шведов и движение шведских армий в 1655 г.

основные удары шведов в 1656 г.

движение войск союзника шведов трансильванского князя Ракоци в 1657 г.

приблизительные пределы шведской оккупации в 1655—56 гг.

очаг польского народного освободительного движения против шведской оккупации

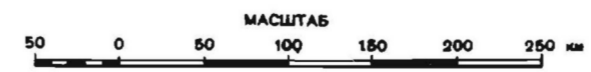
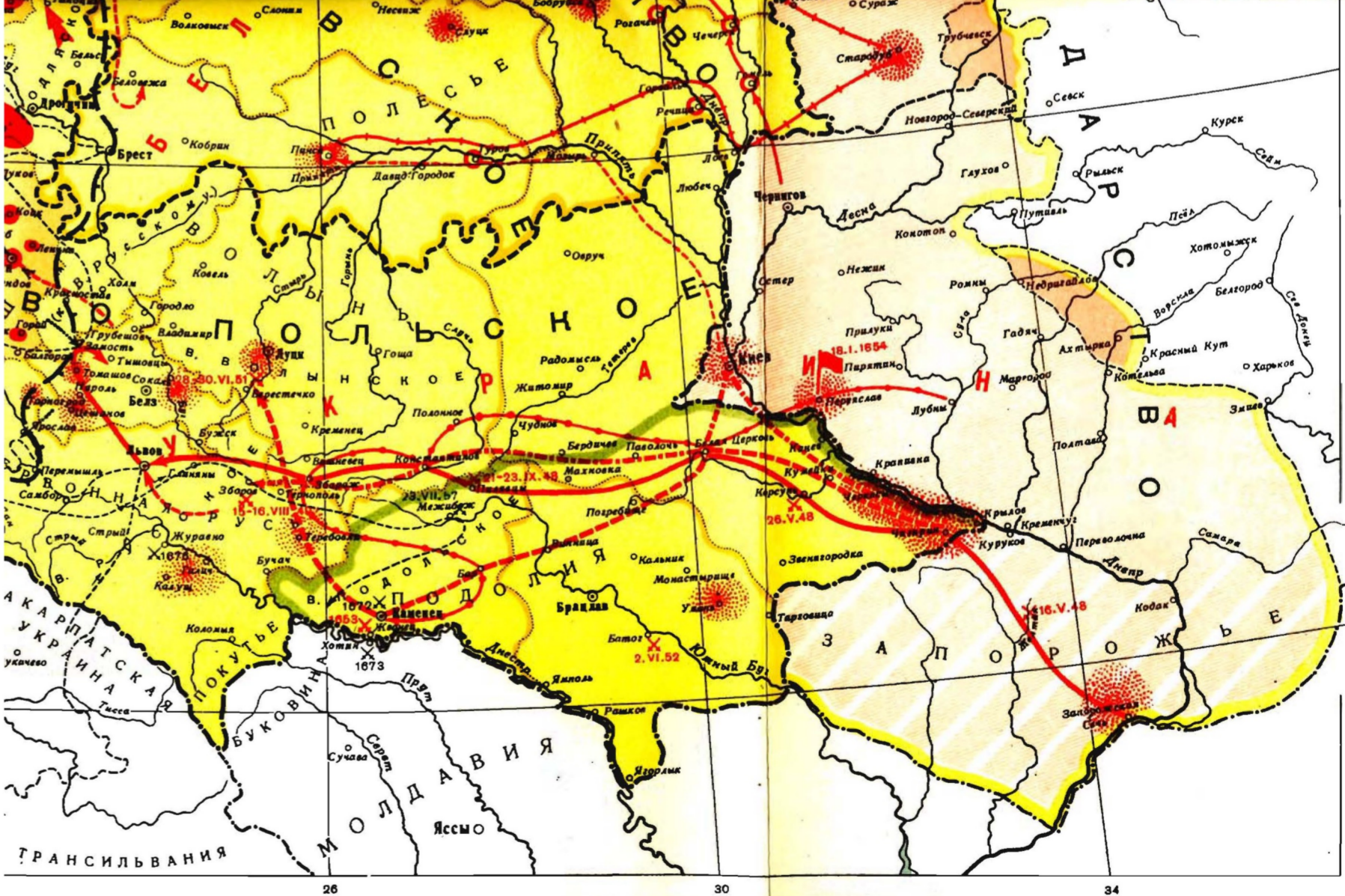
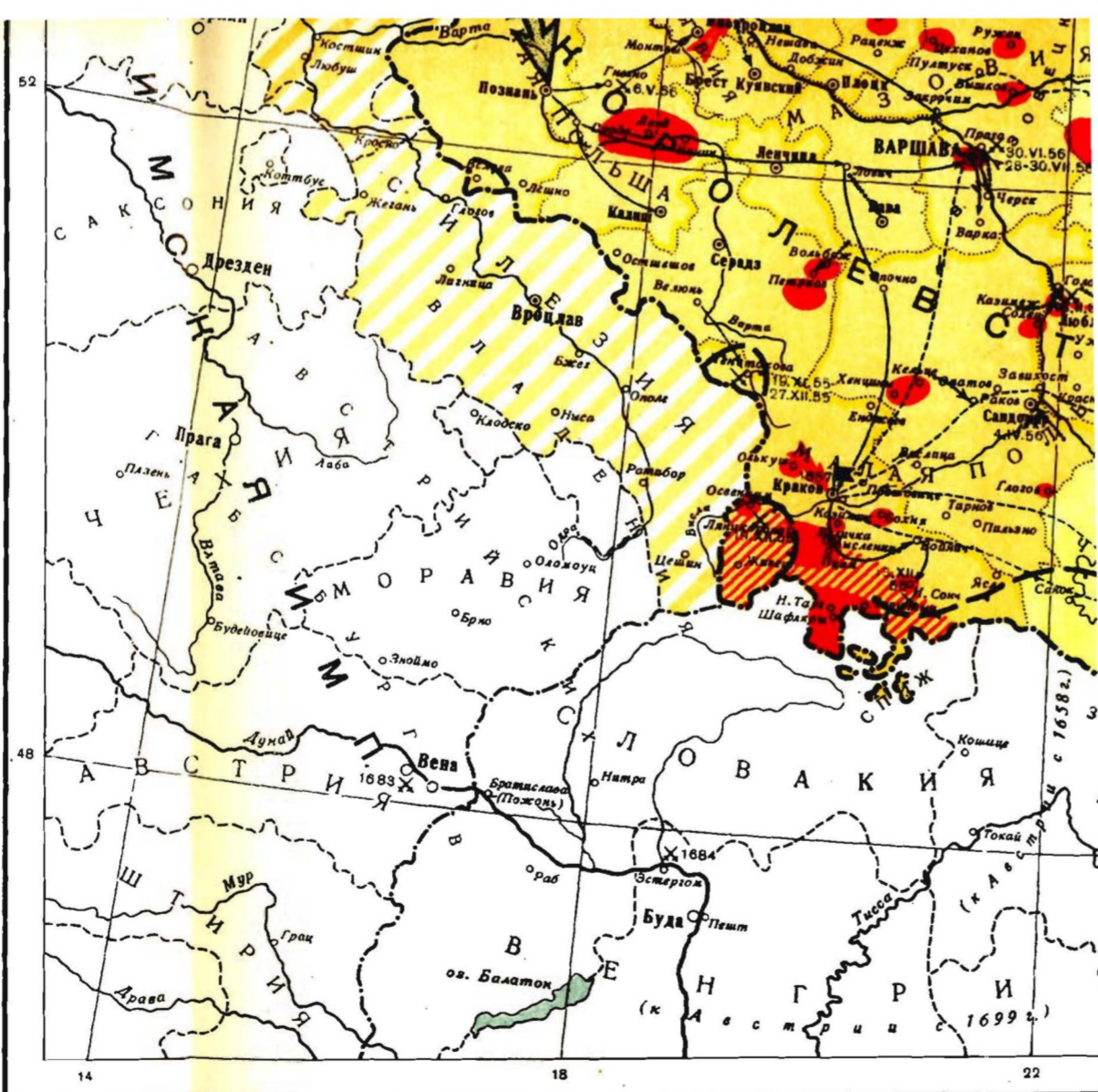
ликвидация важнейших опорных пунктов шведов и их союзников

места важнейших сражений в польско-шведской войне

Польско-турецкая война (1672—76 и 1683—99 гг.)

граница территории, захваченной Турцией в 1672 г. по Бучачскому договору и возвращенной Польше по Журавенскому договору 1676 г. и Карловицкому миру 1699 г.

места важнейших сражений в польско-турецкой войне

ВИА ИОНА
ИОНИ
ВЯКОНИИ
А.И.СОП

89.50.101

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИСТОРИЯ
ПОЛЬШИ

I